

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

ДРЕВНИЙ ИРАН (XI–VII вв. до н. э.)

Очерки истории и культуры

Санкт-Петербург
2025

УДК 904/94(353) Мидия
ББК 63.4(3)/63.3(0)313.6
М42

*Утверждено к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН*

*Рекомендовано к изданию
федеральным государственным бюджетным учреждением
«Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук»*

Рецензенты:

доктор исторических наук *О. Ю. Климов*
кандидат исторических наук *В. П. Никоноров*

Медведская И. Н.

М42 Древний Иран (XI–VII вв. до н. э.). Очерки истории и культуры. —
СПб.: Евразия, 2025. — 704 с.; ил.

ISBN 978-5-8071-0659-9

DOI 10.48612/IVRRAN/z4t9-a22u-7k8n

Настоящая книга посвящена изучению материальной культуры и истории стран Древнего Ирана в начале I тыс. до н. э. Среди спорных проблем этого периода остаются: хронология раннежелезного века, датировка ряда археологических памятников и их культурная принадлежность, в том числе и культуры ираноязычного населения.

Первоочередной задачей исследования является проверка и уточнение датировок наиболее представительных археологических памятников, определяющих хронологию раннежелезного века Древнего Ирана. Решение этих задач определило построение работы. Она состоит из шести очерков, пять из которых представляют материальную культуру и историю пяти районов Ирана: на территории Иранского нагорья (Мидийское царство и могильник Сиалк В), Приурмийского (территория Маннейского царства к югу от озера Урмия, и район к западу от него) и Прикаспийского. Цель данной работы — собрать воедино имеющиеся к настоящему времени археологические данные, расширить их анализ и в сочетании с интерпретацией данных письменных источников обосновать характеристику материальной культуры и исторических событий в Древнем Иране в начале I тыс. до н. э. в доакхеменидский период.

*При оформлении переплета использовано изображение сосуда
в форме фигурки зебу из Могильника Марлика*

© Медведская И. Н., 2025

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2025

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2025

ISBN 978-5-8071-0659-9

*Светлой памяти
Владимира Григорьевича Луконина
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена изучению материальной культуры и истории стран Древнего Ирана в начале I тыс. до н. э. Среди спорных проблем этого периода остаются: хронология раннежелезного века, датировка ряда археологических памятников и их культурная принадлежность, в том числе и культуры ираноязычного населения.

Широкомасштабные археологические работы в Иране 1960–1970 гг. привели к значительному накоплению материала, изучение которого существенно обогатило представление о культуре Древнего Ирана, в частности, в период раннежелезного века, которому в этих исследованиях уделялось особое внимание. Целенаправленные раскопки могильников и поселений, относящихся к этому времени, были в значительной мере обусловлены необходимостью решения поставленной исследователями задачи — выявления материальной культуры иранцев и определения времени ее появления/сложения на Иранском плато. Другими словами, исследование этого периода было заранее инспирировано определенной идеей. Поиски инноваций и выявление разрыва культурных традиций в материальной культуре конца II тыс. до н. э. *a priori* доказывали бы появление здесь нового населения — иранских племен. Однако попытки проследить на археологическом материале приход иранцев на Иранское плато уже в последней четверти II тыс. до н. э., предпринятая исследователями (что значительно расходилось с данными лингвистов, которые фиксировали появление ираноязычного населения не ранее IX в. до н. э.) не получила в дальнейшем подтверждения. И культура иранских племен в период их проникновения в Иран оставалась неопределенной. В работе предлагается обоснование причины

отрицательных результатов поиска следов материальной культуры иранцев в период их появления на территории Древнего Ирана. Автором будут предоставлены данные, которые доказывают, что формирование их культуры началось уже здесь на территории будущего Мидийского царства. Кроме того, в 1970–1990 гг. возобладали тенденция датировать археологический материал и соответственно памятники Ирана на основе радиоуглеродных дат, и все другие способы датирования стали отходить на второй план. В результате этой тенденции были значительно удревнены как археологические памятники, так и периодизация раннежелезного века Ирана в целом. В предлагаемой работе представлены аргументы против такого удревнения и подтверждение традиционной датировки раннежелезного века.

Археологические исследования последних 50-ти лет, проводимые, главным образом, иранскими археологами, существенно дополнили данные материальной культуры Древнего Ирана начала I тыс. до н. э., что позволило не только прояснить истоки материальной культуры отдельных памятников и, соответственно, регионов, но и выявить некоторые аспекты истории народов Древнего Ирана этого периода. В работе используется сочетание данных письменных и археологических источников, что в ряде случаев способствует их взаимному уточнению. Так, это сочетание позволяет уточнить границы Маннейского царства, выявить некоторые эпизоды его истории, и в целом уточнить роль Маннейского царства в истории Древнего Ирана. Оно также может уточнить археологическую датировку памятников Приурмийского района и, соответственно, иначе представить его историю IX–VII вв. до н. э. На основе этого анализа необходимо определить место Древнего Ирана в составе южного культурообразующего пояса, который существовал в III–II тыс. до н. э. от Древнего Египта и стран восточного Средиземноморья до Древней Индии. Для этого необходимо выявить общие элементы культур стран южного пояса.

Итак, первоочередной задачей исследования является проверка и уточнение датировок наиболее представительных археологических памятников, определяющих хронологию раннежелезного века Древнего Ирана. Решение этих задач определило построение работы. Она состоит из шести очерков, пять из которых представляют материальную культуру и историю пяти районов Ирана: на территории Иранского нагорья (Мидийское царство и могильник

Сиалк В), Приурмийского (территория Маннейского царства к югу от озера Урмия, и район к западу от него) и Прикаспийского. Последовательность рассматриваемых памятников по регионам объясняется нарастанием вовлекаемого материала, удобством отсылок к уже рассмотренным аналогиям и предложенному обоснованию датировок. Первый из шести очерков является своего рода продолжением предисловия к остальным пяти очеркам. Прежде всего в нем необходимо исследование хронологии раннежелезного века на основании данных письменных источников, которое независимым образом может проверить предлагаемое удревнение периодизации ЖВ I–II на основании радиоуглеродного датирования и, в свою очередь, может подтвердить предлагаемую в работе хронологию археологических памятников Ирана этого периода. В этом очерке, помимо хронологии ЖВ, рассмотрены и некоторые археологические данные, имеющиеся во всех пяти районах Ирана. Это касается, в частности, конской узды и металлических наконечников стрел; они широко использовались не только на территории Древнего Ирана, но и в большинстве стран Древнего Востока. Таким образом, это отчасти может помочь избежать повторения уже рассмотренного материала в каждом из пяти очерков, но, в свою очередь, может получить дополнение в некоторых из них.

Цель данной работы — собрать воедино имеющиеся к настоящему времени археологические данные, расширить их анализ и в сочетании с интерпретацией данных письменных источников обосновать характеристику материальной культуры и исторических событий в Древнем Иране в начале I тыс. до н. э. в доакхеменидский период.

ГЛАВА I

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА КОНЦА II — НАЧАЛА I ТЫС. ДО Н. Э.

§ 1. ХРОНОЛОГИЯ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ: ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЖЕЛЕЗЕ

Многие исследователи так или иначе соглашались с тем, что металлургия железа, зародившаяся в недрах бронзовой индустрии, долгое время сосуществовала с ней, не обнаруживая признаков конкуренции. Первоначально железо во многом уступало бронзе. Бронза и плавится при более низкой температуре, и поддается литью, возможна ее переплавка и, следовательно, много разовое использование бронзовых изделий, она прочна и практически не поддается коррозии. С железом все обстоит иначе. Внешне железные изделия не так привлекательны, как бронзовые, которые напоминают при соответственном уходе золотые вещи. Железо быстро ржавеет, температура выплавки железа значительно выше и, следовательно, требуется использование специальных горнов. Железо начинает превосходить по своим качествам бронзу лишь после открытия способов закалки, науглероживания). Но эти способы стали доступны металлургам далеко не сразу. Главное преимущество использования железа в том, что источники железной руды встречаются значительно чаще, чем меднорудные месторождения.

В прошлом было принято рассматривать введение железа в каждом регионе отдельно и связывать его появление или с вторжением нового народа (филистимлян в Палестину, дорийцев в Грецию, или иранцев на Иранское плато), или с распростра-

нением технических знаний после уничтожения хеттской монополии на производство железа, произошедшего после крушения Хеттского царства около 1200 гг. до н. э. В основе теории «вторжения» лежало представление о том, что умение изготавливать железные изделия давало этим народам технические, экономические и военные преимущества, которые превращали их в народ победителей. Это представление полностью устарело, достаточно в этой связи привести несколько примеров. Голиаф из стана филистимлянского с его могучим железным копьем был побежден Давидом Израильтянином простым камнем, брошенным им из его пращи (1 Цар. 17:7, 49–50). В XII–XI вв. до н. э. в Палестине железо не имело большого спроса и самими филистимлянами использовалось мало¹. Что касается дорийцев, то Европа, откуда они пришли, узнала железо позднее, чем Греция². В Иране последней четверти II тыс. появление иранских племен не фиксируется; теория о серо-черной керамике как индикаторе появления иранцев в это время в Иране теперь оставлена (Medvedskaya 1982; Cleuziou 1991: 299; Медведская 1995: 206; она же 2019а: 170–183). Вопросы о хеттской монополии на производство железа и его последующее развитие будут рассмотрены ниже.

В результате исследований археологических данных с привлечением сведений письменных источников в 1970–1980 гг. исследователи предложили рассматривать начало освоения металлургии железа на Древнем Востоке как единый процесс, выявив ряд общих для всего региона закономерностей. К началу 1980-х гг. были предложены ответы на вопросы: когда и почему на Древнем Востоке начался железный век (ЖВ) (Pleiner, Bjorkman 1974; Waldbaum 1978; Pigott 1977, 1980; Snodgrass 1971). Главный вывод этих исследователей состоит в том, что хотя в эпоху бронзы и были накоплены определенные навыки производства и обработки железа, железный век не наступал до тех пор, пока в железе не появилась хозяйственная необходимость. Переход

¹ В XII–XI–X вв. до н. э. железное оружие по сравнению с бронзовым составляло соответственно 2 %, 14 %, и 54 %; орудия труда — 9 %, 23 %, 60 %; украшения 4 %, 11 %, 11 % (Waldbaum 1978: 41, fig. IV.2.).

² В Греции XII–XI–X вв. до н. э. железное оружие составляло 4 %, 30 %, 64 %; железные орудия 4 %, 40 %, 100 %; украшения 2 %, 7 %, 50 % (Waldbaum 1978: 49, fig. IV.8.).

к железу был в значительной степени вынужденным, он произошел в условиях мирового по масштабам того времени катаклизма, вызванного условно называемым движением «народов моря» на рубеже XIII–XII вв. до н. э. Его результатом стало ослабление почти всех «великих держав» Передней Азии и гибель Хеттского царства; были разрушены все торгово-экономические связи, и возник дефицит бронзы (источники меди и особенно составляющих бронзу металлов, в отличие от месторождений железной руды, относительно редки). В этих условиях, как считают исследователи, пришлось обратиться к железу, производство которого поначалу было дороже и сложнее, и качественно железо уступало бронзе.

В рамках этой логично выстроенной гипотезы, тем не менее, предлагалось понизить начало ЖВ до XV–XIV вв. до н. э. Делалось это, как правило, на основе радиоуглеродного датирования: удревнялись отдельные памятники, содержащие железные изделия (например, Иран — Хасанлу V, IV, III; Аравия — Румейла II, I), затем удревнялся раннежелезный век в целом (Muscarella 2006a: 75–77; Magee 1997: 93). В этой связи иногда учитывалось раннее начало железоделательного производства в пределах Хеттского царства. Но более чем спорное удревнение археологических памятников Ирана, относимых к ЖВ I–II, не решает спорные вопросы становления железного века как в Иране, так и на всем Древнем Востоке. Исследователи вынуждены были признать, что в период ЖВ I (рубеж XV/XIV в. до XI в.) «железо блистает своим отсутствием» (Haerinck 1988: 72–74), или предлагалось считать условным использование этой терминологии только в качестве хронологической периодизации, допуская, что это было время скрытого знания о железе; в Иране, например, всего 5 железных предметов относится к периоду ЖВ I¹ (Pigott 1980: 418; idem. 1977: 211). Однако уже появились возражения против первостепенного значения результатов анализов C₁₄ в вопросах датирования археологических памятников (Magge, 1997: 104–105) и, соответственно, археологической периодизации железного века; подчеркивается приоритетное значение исторической хронологии, в частности, для древневосточного региона, и признается, что калиброванные даты не могут форми-

¹ В Хасанлу V — одно кольцо, в Сялке А — 1 кинжал и пуансон/штемпель, в Гиян I³ — кинжал.

ровать базу альтернативной хронологии (Thomas 1992: 144, 149). Тем более, что это удревание было не всегда корректно: часто не учитывалось, что анализ древесного угля дает дату гибели/рубки дерева, которая могла случиться задолго до того, как это дерево, ставшее частью постройки, сгорело.

Но действительно ли повсеместный переход к производству и использованию железа в последней четверти II тыс. до н. э. начался тогда, когда «вслед за космополитизмом бронзового века наступил период возрастающей изоляции, провинциальности, бедности» (Waldbaum 1978: 67)? Нужно подчеркнуть, что развитие железоделательного производства на территории Хеттского царства происходило в условиях его процветания. Ускорился ли процесс внедрения железа в кризисный период после 1200 гг., когда, согласно основному выводу Э. Снодграсса (Snodgrass 1971: 231–251), возник дефицит бронзы? Когда начинают использоваться железные изделия, а когда меняются эпохи? Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть независимые сведения письменных источников, и, прежде всего, ассирийских анналов среднеассирийского и позднеассирийского периодов.

Период I (конец XIV — X вв. до н. э.).

Впервые после длительного перерыва сообщения о военных событиях и описание походов появляются в анналах основателя Средне-ассирийского царства **Адад-нерари I** (1307–1275)¹. Тексты с описанием походов в Ханигальбат/Митанни и Вавилонию сравнительно немногочисленны. Завоевав Ханигальбат, ассирийский царь стал регулярно получать дань, содержание которой не раскрывалось (RIMA 1: 136–137 A.O.76.3). Его тексты посвящены, главным образом, строительству храмов, зиккуратов, дворцов и т. п. При строительстве и украшении зданий часто использовалась бронза, обычно это накладки на двери и ворота (RIMA 1: 153 A.O.76.17: 10). Сохранился его бронзовый меч с надписью (RIMA 1: 172 A.O.76: 41).

В его правление впервые ассирийские тексты упоминают железо. Теперь считается, что именно Адад-нерари I было адресовано письмо хеттского царя Хаттусили III. В нем он обещал прислать по мере изготовления «хорошее железо», но пока оно еще не было

¹ После правления Шамши-Адада I (1813–1781) и до времени Адад-нерари I ассирийские тексты практически неизвестны.

готово, ассирийскому царю был послан «клинок железного кинжала» (Гиоргадзе: 1988, КВо14, стк. 20–24, с. 246, прим. 4)¹.

Что касается «хорошего железа», то, как очевидно из письма хеттского царя, секрет его изготовления в ту пору был известен только хеттам, а сам процесс его изготовления был долгим и сложным (там же: 257, прим. 41). У хеттов существовало несколько сортов железа. Считается, что под «хорошим железом» можно подразумевать сталь или металл высшего качества, производство которого за пределами Хеттского царства не было известно (Иванов, 1985: 96–97; Гиоргадзе 1988: 246–247). Процесс изготовления железных предметов непосредственно из руды был известен в Центральной Малой Азии приблизительно с конца III тыс. до н. э. (там же: 244). В целом хеттские тексты бесспорно свидетельствуют о наличии здесь развитой железной металлургии, особенно в период Новохеттского царства (XIV–XIII вв. до н. э.). Г. Г. Гиоргадзе обратил внимание на те хеттские тексты, которые дают основание говорить о широком применении железных изделий в это время в повседневной жизни. Хотя обычно считалось, что железо, будучи дорогим материалом, в это время использовалось только для изготовления престижных и ритуальных предметов. В приведенных им списках железных изделий перечислены: сосуды, ножи для повара, 2000 кинжалов, панцири, палицы, булавы, ларцы для хранения различных предметов, упоминаются «люди по железу», т. е. кузнецы (Гиоргадзе 1988: 240–243, KUB XLII; КВо XVIII 158; КВо XVII 46; КВо XVI 68, с. 252–253). В письме из Богазгёйского архива (там же: КВо XII 42 г: 10–11) купцы хвастаются тем, что они привезут в город N (название не сохранилось) разнообразный товар, среди которого названо и железо (там же: 240, прим. 12).

Таким образом, письменные источники определенно свидетельствуют о существовании производства железа на территории Хеттского царства и его расцвете в период Новохеттского царства. Другое дело, был ли непрерывным процесс развития железнотделательной индустрии в этом регионе в дальнейшем, о чем ниже. Приводимый Г. Е. Арешьяном аргумент об отсутствии железных

¹ Железный клинок был послан не Салманасару I (Гиоргадзе 1988: 245) а именно Адад-Нерари I (Maxwell-Hyslop 1974: 144; Александров 2001: 20, прим. 1).

изделий в слоях XIV–XIII вв. до н. э. хеттских археологических памятников, который, по его мнению, отрицает существование сидерургии в Новохеттском царстве в этот период, не может быть принят (Арешян 1975: 140). Независимость письменных свидетельств от археологических данных очевидна; последние могут подтверждать эти свидетельства, но не опровергать их (см. ниже). Кстати, выделяемая Г. Е. Арешяном первоначальная область металлургии железа на западе Малой Азии полностью основывается на мифах, легендарной традиции, сочинениях древних авторов (там же: 142; он же 1975: автореферат: 21).

В этой связи интересны наблюдения Л. И. Авиловой и Е. Н. Черных, сделанные в основном на археологическом материале хеттских памятников позднебронзового века (1600–1200 гг. до н. э.). Авторы отмечают резкое падение масштабов бронзового горно-металлургического производства и, как следствие этого, уменьшение общего количества позднебронзового материала. Причем это падение наблюдается только в Малой Азии, тогда как в Балкано-Карпатском и Кавказском регионах, напротив, очевиден расцвет бронзолитейного производства. Однако авторы отказались объяснить свои наблюдения результатом широкого развития у хеттов железоделательной индустрии (Авилова, Черных 1989: 77–80). Первопричиной отмеченного авторами процесса мог стать дефицит олова. Хотя своей меди в этом регионе было достаточно, но необходимое для производства бронзы олово доставлялось извне, видимо, из Афганистана. Но в начале XVIII в. до н. э. вследствие политических и этнических изменений в Анатолии начали исчезать иноземные торговые фактории, через которые осуществлялся необходимый обмен, в том числе и поступление олова (Гиоргадзе 1997: 113–116). Катастрофическая для региона ситуация могла усилить интерес к железу, производство которого в Каппадокии уже существовало. Об этом, в частности, могут свидетельствовать документы первой половины XVIII в. из архива Мари. Они указывают на Анатолию как источник производства железных изделий и последующую их циркуляцию за пределами будущего Хеттского царства среди царственной элиты того времени (Архипов 2009: 3–12). Образование Хеттского царства привело к хеттской монополии железоделательного производства.

В XIV в. до н. э. помимо хеттских царей железными изделиями обладали, судя по амарнской переписке, также и цари Митанни.

Так царь Тушратта (ок. 1360 г.) перечисляет в длинном списке подарков (приданого), посланных жениху его дочери — египетскому фараону Аменхотепу III, среди них: железные кинжалы, наконечники и гарды которых украшены лазуритом и золотом, железные позолоченные ручные браслеты, жезлы, копья (ЕА 22 I: 32–35, 38; II: 1–2, 3–4, 16–19; III: 7, 9, 49; ЕА 25 II: 28). Были ли эти единичные дорогие и престижные вещи сделаны митаннийскими кузнецами, не ясно. Вполне вероятно, что эти предметы были хеттского производства. Они могли быть захвачены в ходе «первой митаннийской войны» между царствами Хатти и Митанни, в которой победил Тушратта (Аветисян 1984: 89–91 гл. III). Полученные таким образом или в качестве подарков хеттские железные изделия затем могли использоваться получателями по своему усмотрению и служить уже их подарками для других лиц. Такая практика существовала, судя по документам, уже в XVIII в. (Архипов 2009: 11–12) и позднее (см. гл. VI, § 5).

Преемник Адад-нерари **Салманасар I** (1274–1245) продолжил войну с царством Митанни/Ханигальбатом и его союзниками — хеттами и арамеями. В результате в его правление царство Митанни в очередной раз было завоевано ассирийцами и вся Верхняя Месопотамия была присоединена к Ассирии, и, таким образом, Хеттское и Ассирийское царства получили общую границу в верховье р. Евфрат (см. ниже). Называя себя завоевателем обширных территорий, Салманасар не сообщает подробности своих походов, но детально описывает свое строительство, в связи с которым упомянуты установка «бронзового входа со ступенями» и бронзовых дверей (RIMA 1: 192 A.O.77.4: 23–26).

Салманасар поместил в основание храма золото, серебро, медь, олово, а также железо (RIMA 1: 185 A.O.77.1: 141)¹. По-видимому, Салманасар действительно получал железные кинжалы подобным образом. Во всяком случае, в списке предметов, относимому ко времени его правления, перечислены 4 бронзовых кинжала и один железный, а также копье. Материал, из которого сделано копье, обозначен словом *ḫabalgīnu*, которое могло означать особый сорт железа или, по словам Дж. Постгейта, сплава, содержащего железо (Postgate 1973: 13–14, l. 10–13, note 13).

¹ В анналах Тукульти-Нинурты I (1244–1208) подобного сообщения нет (ср., однако, Maxwell-Hyslop 1974: 140).

При **Тукульти-Нинурте I** (1244–1208) Ассирия, владевшая уже всей Верхней Месопотамией, вновь завоевывает Ханигальбат и вторгается на территорию Хеттского царства и в страны Наири, завоевана Касситская Вавилония. В результате ежегодных походов были разрушены города, уничтожено население и захвачены трофеи, содержание которых не раскрывается. В текстах упомянуты бронзовые застёжки/зажимы на шеях пленных царей Наири (функциональный аналог кандалов более позднего времени) (RIMA 1: 268 A.O.78.20: 7'; 269 A.O.78.21: 7'; 272 A.O.78.2: 50). Однажды сообщено о медных кирках, которыми в скале было «выкопано» дно канала (RIMA 1: 267 A.O.78.19: 7), железо не упоминается.

После убийства низложенного Тукульти-Нинурты I, объявленного могущественной знатью безумцем, в Ассирии наступил период смут. Он совпал по времени с мировым по масштабам того времени катаклизмом, который был вызван так называемым движением «народов моря» на рубеже XIII–XII вв. до н. э. В это время уже пало Хеттское царство, Египет находился в состоянии упадка, Вавилония подверглась нашествию халдеев. Были разрушены важные для региона торгово-экономические связи, в результате чего, в частности, как принято считать, создался дефицит бронзы.

Лишь спустя без малого сто лет после смерти Тукульти-Нинурты I, царь **Тиглатпаласар I** (1114–1076) возобновляет завоевания. Однако это усиление Ассирии было недолгим.

Не лишним будет отметить, что во II тыс. до н. э. ввоз в Ассирию любых металлов в качестве военной добычи в текстах не отмечен, привозились только готовые изделия из них. Лишь Тиглатпаласар I однажды назвал золото и медь. Хотя именно в его правление в ассирийских анналах специально выделяется один из главных результатов успешного военного похода — захват добычи, но ее содержание не раскрывается. Использовался писцовый штамп «...я унес их добычу, имущество, собственность». Выделялась лишь наиболее ценная часть добычи на тот момент — строительный ливанский кедр (RIMA 2: 42 A.O.87.4: 24–25; 53 A.O.87.10: 3) и другие породы деревьев, которые использовались для украшения зданий (RIMA 2: 44–45 A.O.87.4: 59–66, 72–89). Скорее как исключение можно рассматривать описание захваченной Тиглатпаласаром I добычи во время его первого похода на Катмух: медные котлы, бронзовые ушаты и бочки, колесницы и кони; однажды названо 30 талантов (чуть более 900 кг)

меди и огромное количество скота (RIMA 2: 15 A.O.87.1: ii 29–31; ii 49 ff; 19 A.O.87.1: iv 1). Железное оружие названо царем не в составе трофеев, а в описании охоты на диких быков в пустыне страны Митанни. Он убил тогда быков при помощи своего мощного лука и железных наконечников стрел (RIMA 2: 25 A.O.87.1: vi 66–67; CAD (Z), 63a)¹.

Занимаясь реставрацией храма бога Адада, Тиглатпаласар I вывез из страны Наири обсидиан, *haltu-stone* и гематит, которые были помещены внутрь храма (RIMA 2: 29 A.O.87.1: viii 11–13). Термин NA₄. KA.GI.NA (*šadānu*) К. Грейсон перевел как гематит, но, по мнению некоторых исследователей, названный гематит мог служить железной рудой². Предполагаемое значение гематита как железной руды (Maxwell-Hyslop 1974: 140, note 8) не вписывается в контекст источника. После подробного описания реставрации и перестройки храма все три вида камней были помещены в святилище храма (было ли это сделано для его украшения или они служили специальным посвящением, остается неясным). Во всех ассирийских анналах ни разу руда, и железная, в частности, не названа. Вывозились лишь железные заготовки или железные изделия. Только в одном тексте Тиглатпаласара I «глыба свинца» (*kur-ba-ni ša a-ba-ri*) переведена как свинцовая руда (RIMA 2: 23 A.O.87.1: 39).

Но главная причина, позволяющая отказаться от вероятности использования гематита в качестве железной руды уже в столь раннюю эпоху развития сидерургии, заключается в следующем. Для восстановления железа из гематита температура в плавильных печах должна быть значительно выше, чем требуется для его восстановления из руды. Но даже если предположить наличие таких горнов, то они оказались бы непригодными для кричного процесса. По мнению Л. Эйчисона, в древности гематит в качестве минерала использовался для изготовления бус и прочих украшений (Aitchison 1960: 100–101).

¹ В целом железные наконечники стрел начинают использоваться на Древнем Востоке на рубеже II–I тыс. до н. э. (Медведская 1980: 23–37, см. ниже). Сообщение Тиглатпаласара I может подтверждать редкость и престижность царского оружия в это время.

² Гематит — химически безводная окись железа, содержащая его до 70 %, ценная железная руда (Ферсман 1974: 240).

Впервые в тексте Тиглатпаласара I использован литературный образ — «гора вздымалась как острый кинжал» (RIMA 1: 18 A.O.87.1: iii 43–44). В IX в. появится дополнительное уточнение «...как острие железного кинжала». Для работы в горах в период правления Тиглатпаласара I использовались медные кирки (RIMA 2: 14 A.O.87.1: ii 8; 21 A.O.84.1: iv 67).

Ашшур-бел-кала (1074–1057) не раскрывает содержание награвленного и дани, что, впрочем, могло быть следствием незначительности побед и небольшой добычи. В его время продолжают использоваться медные кирки, железо не упоминается.

Далее в источниках следует более чем столетняя пауза: тексты X в. или не сохранились, или в них отсутствуют сообщения о военной добыче. Только **Ашшур-дан II** (934–912) один раз назвал в качестве трофея бронзу, олово и драгоценные камни (RIMA 2: 134 A.O.98.1: 36). То же самое наблюдается в анналах **Адад-нерари II** (911–891), который лишь однажды, помимо часто упоминаемых драгоценных камней, колесниц и коней (RIMA 2: 150 A.O.99.2: 58), сообщает о богатой добыче, захваченной им в Ханигальбате. Им названы: золотой трон и золотая утварь, серебро, инкрустированная мебель, оружие (RIMA 2: 151 A.O.99.2: 69–75; 153 A.O.99.2: 103–104). Металл, из которого было сделано оружие, не указан. Это позволяет предполагать, что для его производства использовалась только бронза, иначе подчеркивалось бы использование железа.

Выводы по первому периоду. Тот факт, что хеттские кузнецы умели изготавливать железо разных сортов и ковать разнообразные железные предметы уже в первой половине II тыс. до н. э., не может служить доказательством наступления ЖВ на всем Ближнем и Среднем Востоке даже в период позднехеттского царства (XIV–XIII вв. до н. э.). Письменные тексты свидетельствуют, что хетты хранили тайны металлургического производства; в современных им царствах (Ассирия, Египет, Угарит) его производство не было известно, и их правители довольствовались получением дорогих и престижных изделий из железа от хеттских царей. Можно ли говорить о наступлении железного века в пределах одной державы? Действительно, в эпоху поздней бронзы (1600–1200 гг.) в Малой Азии наблюдается падение производства бронзы, и это явление можно увязывать, по крайней мере, в XIV–XIII вв. до н. э. с широкомасштабным производством

железа в пределах Хеттского царства. И вполне вероятно, что в условиях иной политико-экономической ситуации внедрение нового металла могло бы повсеместно ускориться. Но события на рубеже XIII–XII вв. и их результаты помешали этому произойти; они привели к паузе в поступательном развитии металлургического производства на Древнем Востоке.

В XIII в. до н. э. еще существуют четыре «Великие царства», правители которых в переписке именуют друг друга «братьями»: Хеттское царство, Египет, Вавилония, Митанни. Хеттские и ассирийские тексты XIII в., как показал Б. Е. Александров, обнаруживают очень интересную политическую мотивацию ассирийских походов на запад в страну Митанни. Не лежащие на поверхности потребительские мотивы изначально толкали ассирийцев на завоевания, а «трогательное» желание ассирийских царей войти в «клуб великих царей» и именоваться «братом». Но великие царства могли лишь замещать друг друга в рамках сложившейся к XIII в. системы государственных отношений, поэтому перемещение ассирийских царей в ранг «великих» строго увязывалось хеттской стороной с ассирийскими завоеваниями Митанни/Ханигальбата. Но когда Адад-нерари I после очередной победы в Ханигальбате попросил называть его «братом», ему в этом отказали (Александров 2000: 3–16; он же 2002).

Ассирийские письменные источники XII–X вв. до н. э. также не предоставляют данных о распространении в Ассирии железоделательного производства, и свидетельствуют о том, что после падения Хеттского царства в период всеобщего кризиса прекратилось поступление железных изделий/подарков в Ассирию. И хотя с конца XII по X вв. ассирийцы проникали на территории бывших хеттских владений, железные изделия не упоминаются, очевидно, потому, что на постхеттском пространстве в производстве железа наступила пауза, что, впрочем, относится и к производству бронзы. Другими словами, разрушение торгово-экономических связей привело не только к паузе в поступательном развитии всего металлургического производства, но и разрушило зачатки железоделательного производства на постхеттском пространстве. Однако уже в X в. до н. э. бронза вновь стала доступным, хотя и редким, трофейным металлом, что может свидетельствовать о более быстром восстановлении ее производства. Что касается железа, то расцвет его производства, судя по данным ассирийских анналов, наступил в IX в. до н. э.

Период II (IX–VII вв. до н. э., табл. 1, 2).

В начале IX в. до н. э. железо вновь, а по существу впервые, упоминается уже в качестве военной добычи в анналах **Тукульти-Нинурты II** (890–884). Начиная с его правления меняется характер фиксации захваченной добычи или дани. Как правило, теперь подробно и в цифрах перечисляется все приобретенное добро, включая скот. Впервые получаемое железо представляет материал для изготовления изделий собственными кузнецами. Из более поздних источников известно, что железо складировалось в царских хранилищах и затем передавалось бесплатно кузнецам для дальнейшей работы.

В правление Тукульти-Нинурты II железо вместе с другими металлами упомянуто трижды: 1) в Бит-Замани (район, очевидно, севернее гор Кашьяри) трофейное железо названо с бронзой и оловом без указания веса; 2) железо, полученное в составе многочисленной дани от владельца страны Лаку (район р. Хабур), вместе с другими металлами указано в весе: золото и серебро по 20 мин (10,1 кг), олово — 32 таланта (970 кг), бронза — 130 талантов (3939 кг), железо — 2 таланта (60,6 кг); 3) в Дур-Катлиму (город в бывшем Ханигальбате, район р. Хабур) в составе дани получено: серебро — 10 мин (5 кг)¹, далее в лакуне сохранилось 14 мин, очевидно, золота (такова последовательность названных металлов в других строках текста), далее названо железо, но вес не сохранился (**табл. 2**). Другие металлы, помимо железа, названы в составе добычи еще несколько раз. Среди полученного серебра, золота, бронзы, олова, сурьмы и железа количественно все еще преобладает бронза (**табл. 2**: 130 талантов бронзы и 2 таланта железа, соответственно 3939 и 60,6 кг)². Впервые названы полученные в Дур-Катлиму 100 железных кинжалов, а также железные топоры, с помощью которых армия прокладывала дороги в горах (RIMA 2: 177 A.O.105.5: 107; 175 A.O.105.5: 83). Поскольку текст в этом месте имеет лакуну, то остается неясным, были ли названы медные кирки, которые в других случаях в сочетании с железными топорами назывались в связи с прокладкой дорог в горах.

¹ У Грейсона ошибочно переведено 10 MA.NA (10 мин) как 10 талантов (иначе было бы 10 GUN), у Лукенбилля — 10 мин, ARAB II: § 412.

² 1 сикль 8,416 г; 1 мина = 60 сиклей = 505 г; 1 талант = 60 мин = 30,3 кг.

Таблица 1.

	Салма- насар I (1274– 1245)	Тиглат- паласар I (1114– 1076)	Тукульти- Нинур- та II (890–884)	Ашшур- нацир- апал II (883–859)	Салма- насар III (858– 824)
Железо — посвящ. в храм	X				
Железо — трофей/дань			X	X	X
Железо — склад.	X				
Сталь					
Кинжалы	X		X	x	X
Топоры			X	X	
Кирки					X
Стрелы		X			(?)
Копья	X				
Панцирь (конский)					X
Кастрюли					X
Жаровни					
Светильники					
Кочерги					
Горны					
Сосуды					
Кандалы					
Серпы					
Лопаты					
Ножи					
Гвозди					
Щипцы					

Примечание: X — факт упоминания железа и железных изделий в текстах;
x — только писцовый штамп.

Железо и железные изделия в ассирийских источниках

Шамши Адад V (823– 811)	Адад- нера- ри III (810–783)	Тигла- пала- сар III (744–727)	Сар- гон II (721– 705)	Синах- хериб (704– 681)	Асар- хаддон (680– 669)	Ашшур- банапал (668– 635/27)
			X			
X	X	X	X	X		
			X	X	X	X
			X			
			X	X	X	X
			X	X		
			X	X		
		X				
			x		x	
			X			
			X			
			X			
			X			X
				X		X
		X	X	X	X	X
			X			
			X			
					X	
					X	
					X	

Таблица 2.

	I. Железо и другие металлы		
	трофеи, дань	оружие	
Тукульти-Нинурта II (890–884)	1) Бит-Замани: бронза, олово, железо (<i>RIMA 2: 172 A.O.100.5: 21</i>) 2) р-он р. Хабур: золото, серебро по 20 м, олово 32 т, бронза 130 т, железо 2 т (<i>RIMA 2: 176 A.O.105.5: 98–100</i>) 3) Дур-катлиму: серебро 10 м, золото (?) 14 м, железо (т?) (<i>RIMA 2: 177 A.O.105.5: 106–107</i>)	Дур-Катлиму: 100 кинжалов (<i>RIMA 2: 177 A.O.105.5: 107</i>)	
Ашшур-нацир-апал II (883–859)	1) Бит-Адини (р. Хабур): серебро, золото, бронза, железо, олово (<i>RIMA 2: 199 A.O.101.1: i 83–84</i>) 2) Бит-Замани: серебро, золото по 2 т, олово, бронза по 100 т, железо 300 т (<i>RIMA 2: 211 A.O.101.1: ii 121–122</i>, повтор: <i>RIMA 2: 252 A.O.101.17: iv 115–116</i>; <i>261 A.O.101.19: 88</i>) 3) Хатти: серебро 20 т, бронза 100 т, железо 250 т (<i>RIMA 2: 217 A.O.101.1: iii 65–66</i>) 4) Патину: серебро 20 т, золото 1 т, олово 100 т, железо 100 т (<i>RIMA 2: 218 A.O.101.1: ii 73–74</i>; повтор: <i>RIMA 2: 227 A.O.101.2: 49–50</i>) 5) Шубрия: серебро, золото, бронза, олово, железо (<i>RIMA 2: 262 A.O.101.19: 101</i>) 6) хранение в Кальху: серебро, золото, олово, бронза, железо (<i>RIMA 2: 252 A.O.101.17: v 20–22</i>; повтор: <i>RIMA 2: 276 A.O.101.23: 21</i>; <i>282 A.O.101.26: 65–66</i>)		
Салманасар III (858–824)	1) 857 г. до н. э. Хатти: серебро, золото, олово, бронза, железо (<i>RIMA 3: 11 A.O.102.1: 94'–95'</i>) 2) 857 г. до н. э. Хатти: золото 3 т, серебро 100 т, бронза, железо по 300 т (<i>RIMA 3: 18 A.O.102.2: ii 22</i>) 3) 857 г. до н. э. Хатти: золото 2 т, серебро 70 т, бронза 30 т, железо 100 т (<i>RIMA 3: 18 A.O.102.2: ii 27–28</i>) 4) 857 г. до н. э. Хатти: серебро (? т), бронза и железо по 90 т (<i>RIMA 3: 18 A.O.102.2: ii 24–25</i>) 5) 850 г. Бит-Дакури (Халдея): серебро, золото, бронза, олово, железо (<i>RIMA 3: 31 A.O.102.5: vi 7</i>) 6) 833 г. Танаку: серебро, золото, железо (<i>RIMA 3: 68: A.O.102.14: 134–135</i>; повтор: <i>RIMA 3: 80 A.O.102.16: 219–220</i>) 7) 831 г. Патину: серебро, золото, олово, бронза, железо (<i>RIMA 3: 69 A.O.102.14: 155</i>; повтор <i>RIMA 3: 82 A.O.102.16: 285</i>)	кинжалы (<i>RIMA 3: 86 A.O.102.17: 20</i>) стрелы (железные?) (<i>RIMA 3: 86 A.O.102.17: 33</i>) панцирь конский (<i>RIMA 3: 86 A.O.102.17: 22</i>)	

Железо в ассирийских источниках — II период

II. Железные изделия				III. Метафоры
саперные инструменты	орудия труда	утварь	кандалы	
топоры (Средний Евфрат) (<i>RIMA 2: 175</i> <i>A.O.105.5: 83</i>)				
1)Топоры Замуа (<i>R1MA 2: 207</i> <i>A.O.101.1: ii 76–77</i> , повтор: <i>RIMA 2: 248</i> <i>A.O. 101.17: iii 100</i>) 2) горы Кашьяри (<i>RIMA 2: 259</i> <i>A.O.101.19: 61</i>)				гора «как остриё железного кинжала» (<i>RIMA 2: 197</i> <i>A.O.101.1: 49</i> ; <i>204</i> <i>A.O.101.1: ii 40–41</i> ; <i>241</i> <i>A.O.101.17: i 71–72</i> ; <i>245</i> <i>A.O.101.17: iii 7</i>)
железные кирки (<i>RIMA 3: 86</i> <i>A.O.102.17: 33</i> ; <i>19</i> <i>A.O.102.2: 40</i>)		Вавилония: кастрюли (<i>RIMA 3: 19</i> <i>A.O.102.2: ii 40</i>)		гора «как остриё (железного?) кинжала» (<i>RIMA 3: 8</i> <i>A.O.102.1: 19–20</i>)

	I. Железо и другие металлы		
	трофеи, дань	оружие	
Шамши-Алад V (823–811)	812 г. Вавилония: олово, железо, свинец (<i>RIMA 3: 191 A.O.103.2: iv 20'–21'</i>)		
Алад-нерари III (810–783)	Дамаск: 1) серебро 2000 т, медь 1000 т, железо 2000 т (<i>RIMA 3: 211 A.O.104.7: 6–7</i>) 2) серебро 2300 т, золото 20 т, бронза 3000 т, железо 5000 т (<i>RIMA 3: 213 A.O.104.8: 18–19</i>)		
Тиглатпаласар III (744–727)	1) 739 или 738 г. Гургум/Каркемиш: железо (<i>Tadmor 1994: Ann. 21: 10'</i>) 2) 737 г. Хубишна, страна Арабов (<i>Tadmor 1994: Ann. 14: 2; St. IIIA: 20</i>) 3) 737 г. Газа: золото, серебро, свинец, олово, железо (<i>Tadmor 1994, Summ. 7: 12</i>)	наконечники стрел (737 г.) (<i>Tadmor 1994: Ann. 14: 8–9</i>)	
Саргон II (721–705)	1) страна Ламмун: железо (<i>Winkler 1889: S.34, l. 200</i>) 2) 714 г., Муцаир: серебро, золото, бронза, железо (<i>Winkler 1889: S.26, l. 133; ARAB II: § 22; TCL: l. 406</i>) 3) дарение в храм: золото 154 т 26 м 10 с, серебро 1604 т 20 м, железо, бронза «без числа» (<i>ARAB II: § 70; Winkler 1889: S.124–126, l. 141–142</i>) 4) дарение в храм табличек из золота, серебра, бронзы, свинца и железа (<i>Winkler 1889: S.129, l. 159–160; ARAB II: § 73</i>) 5) продажа железа (<i>SAA I: № 179: 22 r. 1; SAA XI: № 26 r. 1–6</i>) 6) выдача 3 т стали кузнецам (<i>SAA V: № 294 r. 1</i>)	кинжалы (<i>ARAB II: § 22, 59; Winkler 1889: S.112, l. 77, S.26, l. 139; SAA XV: № 290: r. 3; АВИИУ: № 52</i>)	

Таблица 2 (продолжение)

II. Железные изделия				III. Метафоры
саперные инструменты	орудия труда	утварь	кандалы	
			кандалы (<i>Tadmor 1994: Summ. 7: 20</i>)	
топор (<i>TCL: l. 224</i>) кирки (<i>TCL: l. 47, 365</i>)	серп (<i>SAA XV: № 6: 13</i>) лопаты (<i>TCL: l. 365</i>)	жаровня (<i>SAA I: № 7: 10</i>) горны (<i>TCL: l. 48</i>) светильники, кочерги (<i>TCL: l. 365</i>)	кандалы (<i>SAA I: № 205: 6–7 r. 1; № 246: r. 5'; № 252: 8; SAA V: № 5: 28; № 108: r. 8; SAA XI: № 156: 10</i>) оковы, цепи (<i>Winkler 1889: S.32, l. 186; ARAB II: § 26; Winkler 1889: S.82, l. 14; ARAB II: № 80; Winkler 1889: S.86, l. 42; S.116, l. 112; S.10, note 16; ARAB II: § 63</i>)	«подавил народ Кибатки железным (?) кинжалом» (<i>SAA V: № 202: r. 9'</i>) гора как остриё железного копья (<i>TCL: l. 18</i>) гора как остриё кинжала (<i>TCL: l. 99</i>)

	I. Железо и другие металлы	
	трофеи, дань	оружие
Синаххериб (704–681)	Сирия/Палестина железо (<i>OIP II: 60, l. 57</i>)	поясные кинжалы (<i>OIP II: 60, l. 57</i>) 97 железных кинжалов (инвентар- ный список ND 3480: <i>Wiseman 1953: 135–138</i>)
Асархаддон (680–669)	железо выдается кузнецам (<i>SAA XVI: № 40: 1–8; SAA XVIII: № 115: 2</i>) пересылка железа (<i>SAA XVIII: № 19: 7; SAA X: № 334 r: 5</i>)	200 кин- жалов, 100 purtû (?) (<i>SAA XVI: № 40: 1–2</i>) 200 pakkus (?) (<i>SAA XVI: № 40: 4</i>) кинжалы армейские (<i>SAA XVI: № 95: r. 10', 14'; № 115: r: 7</i>) копья (<i>SAA VII: № 89: 2, 11</i>)
Ашшурбанапал (668–635/27)	железо для изготовления скульптур (Асархаддон?) (<i>SAA XII: № 7: r: 8</i>)	поясные кинжалы (<i>ARAB II: § 774, 790, 794, 815, 866, 1024</i>)

Примечание: с — 1 сикль = 8,416 г; м — 1 мина = 60 сиклей = 505 г;
т — 1 талант = 60 мин = 30,3 кг

Таблица 2 (продолжение)

II. Железные изделия				III. Метафоры
саперные инструменты	орудия труда	утварь	кандалы	
топоры, кирки (OIP II: 98, l. 89, повтор 101, l. 59; 126, l. 5) топор (железный?) (OIP II: 114, III, l. 37) кирки (ARAB II: § 417)		железные сосуды (OIP II: 60, l. 57)	кандалы (OIP II: 31 II l. 75, 69 l. 22; ARAB II: § 311)	
	нож/кинжал GIR.TUR (SAA XVI: № 63: 24) 2 ножа и щипцы/клещи (SAA VII: № 165: r. ii: 6'-7') щипцы/клещи (SAA VII: № 91: r. 6)	25 гвоздей (SAA XVI: № 40: 3)	кандалы (SAA XI: № 156: 10; SAA XVIII: № 69: 6)	те, кто спасся от железного кинжала, умрут от голода (SAA VIII: № 143: r. 6')
		сосуды (ARAB II: § 979)	кандалы (SAA XVIII: № 69: 6; № 172: r. 9'; ARAB II: § 773, 784, 801, 826, 870)	железный кинжал бога Ашшура (RCAE: № 292: 5-6; № 297: 5-6)

Но уже в правление **Ашшур-нацир-апала II** (883–859) количество железа, получаемого в качестве военной добычи или дани, значительно возросло. Металлы по-прежнему вывозятся из западных регионов, из верховьев Евфрата и его притоков, в основном р. Хабур и стран Наири на севере. 1) Количество вывезенных металлов из страны Бит-Адини не указано, 2) тогда как среди богатой добычи в стране Замани царь захватил 300 талантов железа, что количественно в три раза превысило бронзу и олово. 3) Находясь в Каркемише, царь получил богатую дань от царя страны Хатти. Помимо тканей, многочисленных бронзовых изделий, нескольких золотых предметов, мебели, юных девиц — были получены серебро, бронза и железо, вес которого превысил вес бронзы в 2,5 раза. 4) Примечательно, что в составе дани царя страны Патину бронза не числится, но олово количественно равно железу. 5) В одной из стран Наири, в Шубрии, количество полученных металлов не указано (**табл. 2**).

Итак, железо в ряде случаев превысило количество бронзы в 2,5–3 раза — от 2 до 100, 250, 300 талантов (от 60,6 до 3030, 7575, 9090 кг). Железо было объектом хранения во дворце в его новой столице Кальху (совр. Нимруд) вместе с серебром, золотом, оловом, бронзой и драгоценными камнями. Это могло означать, как уже отмечено, дальнейшее его распределение между кузнецами для изготовления необходимого инвентаря. Готовые железные изделия в составе военных трофеев в анналах Ашшур-нацир-апала не зафиксированы. Однако сложившийся писцовый штамп для описания работ по прокладке дорог в горах, по которым могли проходить колесницы (царь «пробивал горы железными топорами и расчищал дорогу медными кирками» — не бронзовыми!)¹, может свидетельствовать, в сочетании с копившимся в хранилищах железом, о начале собственного производства железных изделий.

В это время оформляется также художественный образ горы, которая «возвышалась/вздыхалась как острие железного кинжала» (**табл. 2**). Не исключено, что когда использовались только бронзовые кинжалы, такого уточнения не требовалось (см. тексты Тиглатпаласара I), но когда в обиход вошли так-

¹ В одном случае определение «железный» опущено (RIMA 2: 249 A.O.101.17: iv 33–34).

же и железные кинжалы, писцы ввели это различительное определение¹.

Тот же рост спроса на железо наблюдается в анналах **Салманасара III** (858–824). В описании военной добычи, полученной в походе 857 г. до н. э. в страны запада, в одном случае количество захваченного металла не указано, и 1) железо перечислено вместе с золотом, серебром, оловом, бронзой, предметами роскоши и скотом (RIMA 3: 11 A.O.102.1: 94'–95'), в других, более подробных описаниях полученной в 857 г. добычи, указано 2) 300 талантов железа и столько же бронзы (соответственно по 9090 кг) (RIMA 3: 18 A.O.102.2: ii 22), 3) 100 талантов железа и 30 талантов бронзы (3030 и 909 кг) (RIMA 3: 18 A.O.102.2: ii 28), 4) 90 талантов железа и 90 талантов бронзы (по 2727 кг) (RIMA 3: 18 A.O.102.2: ii 24–25). Однако в состав ежегодной дани, назначенной в 857 г., железо не было включено (RIMA 3: 18 A.O.102.2: ii 23, 27–28). В походах 850 г. в Вавилонию, и в 833 и 831 гг. на запад количество полученного металла, в том числе железа, не указано (табл. 2). Один раз в качестве трофея названы бронзовые и железные кастрюли (RIMA 3: 19 A.O.102.2: ii 40), но обычно железные изделия не упоминаются. Однако это не означает, что в эпоху Салманасара III ассирийцы, во всяком случае, в армии не пользовались железным оружием и саперным инструментом собственного производства. Об этом может свидетельствовать один необычный текст, который скорее напоминает поэтическое произведение, нежели анналы. В нем, очевидно, описана мобилизация ассирийского войска в 856 г. до н. э. на войну с Урарту (RIMA 3: 84–85), и называются разнообразные железные предметы вооружения. Среди них: конский панцирь, кинжалы и кирки, а также стрелы (название металла в последнем случае не сохранилось) (RIMA 3: 86 A.O.102.17: 20–22, 33). Примечательно, что ни в походе 859 г., ни 856 г. содержание трофеев, полученных в Урарту, не раскрыто, хотя на соседних территориях они были многочисленны и подробно описаны (RIMA 3: 8–9 A.O.102.1: 29b–33a; RIMA 3: 20 A.O.102.2: ii 47b–56a). Как правило, это означало незначительность побед и соответственно — трофеев. Что касается кирок, то в царствование

¹ К. А. Грейсон во всех указанных в табл. 2 случаях опустил перевод слова AN.BAR «железный» в сочетании GIR AN.BAR — железный кинжал.

Салманасара III использовались также и медные кирки (RIMA 3: 8 A.O.102.1: 21), но вскоре они становятся только железными.

При Салманасаре III, по-видимому, происходит окончательная замена бронзового инструментария железным. Не исключено, что об этом же свидетельствует и то, что метафора, рисующая гору как острие железного кинжала у его предшественников, в текстах Салманасара теряет определение «железный». Теперь, когда бронзовые кинжалы вышли из употребления (или потеряли первоначальное престижное значение), уже не было необходимости в дополнительном наименовании металла (как это было и в эпоху использования только бронзовых кинжалов) (RIMA 3: 8 A.O.102.1: 20).

Главным источником железа для Ассирии были, как следует из рассмотренных выше текстов, районы к северу и западу от нее. Однако образование и быстрое усиление Урартского царства перекрывает северный источник получения железа и вскоре затрудняет его получение с западных территорий. Это вполне очевидно из сведений анналов Шамши-Адада V и его преемников.

Шамши-Адад V (823–811) вновь использует краткую формулировку — «добыча, имущество, собственность», которая не раскрывает содержание захваченного в качестве трофеев. Его походы были направлены на юг в Вавилонию, и, главным образом, в страны Наири, точнее — в страны на территории Древнего Ирана. Здесь ассирийцы захватывали огромное количество скота, упряжных лошадей, верблюдов, однажды названы золото, серебро и бронзовая утварь (RIMA 3: 185 A.O.103.1: 16–17). Лишь в походе 812 г. до н. э. на юг, в Вавилонию ему удалось захватить сокровища вавилонского царя Баба-ах-идина. Вместе с оловом, свинцом названо железо и какие-то железные изделия (RIMA 3: 191 A.O.103.2: iv 20'–24') (табл. 1, 2). Таким образом, согласно данным письменных источников, в IX в. до н. э. на территории Древнего Ирана очевидно, а в Вавилонии вероятно не существовало железоделательного производства.

Отсутствие в ассирийских источниках упоминаний железа или изделий из него можно было бы объяснить собственным производством железных изделий, что, впрочем, только усиливало бы необходимость получения металлических заготовок извне, но, скорее всего, его отсутствие было следствием направленности походов Шамши-Адада V.

Правление **Адад-нерари III** (810–783) совпало с началом внутривосточного кризиса в Ассирии, что стало одной из причин быстрого возвышения и усиления Урарту. Но ассирийский царь еще успел вмешаться в распри между Дамаском и Хаматом, связанные с борьбой за гегемонию в южно-сирийском союзе. Потерпевший поражение царь Дамаска не смог оказать сопротивление ассирийцам, и, как минимум, дважды принес богатую дань Адад-нерари III. В одном случае ассирийцы получили 2000 талантов, а в другом 5000 талантов железа (60,6 и 151,5 тонн соответственно), количественно железо значительно превышает бронзу и медь (RIMA 3: 211 A.O.104.7: 6–7, 123 A.O.104.8: 18–19) (табл. 2)¹. Попытки Адад-нерари проникнуть на территорию Урарту потерпели неудачу. Во-первых, он не сообщает о трофеях, о получении дани и т. п., лишь однажды в анналах говорится о вынесенных из урартского лагеря сокровищах, что очень показательно (RIMA 3: 233 A.O.104.2010: 17–18). Во-вторых, урартский царь Аргишти I сообщает, что он «отбросил, истребил, изгнал» ассирийцев из своей страны (КУКН: № 173: II-52; № 173: III-21, 31), такого рода сообщения в урартских текстах достаточно редки. События последующих лет подтверждают возросшую силу Урартского царства и неспособность Ассирии противостоять ему в течение почти всего VIII в., вплоть до 714 г. до н. э.

В правления **Салманасара IV** (782–773), **Ашшур-дана III** (772–755) и его брата **Ашшур-нерари V** (754–745) железо в ассирийских текстах не упоминается. Салманасар IV еще сообщает о военных действиях в районе Дамаска (получено золото, серебро, медь и предметы мебели (RIMA 3: 240 A.O.105.1: 4–10)), но о двух последних царях по существу ничего не известно — сохранилось по одному фрагменту текстов анналов (RIMA 3: 245 A.O.106; 246–247 A.O.107.1). К тому же урартский царь Сардури II «покорил Ашшур-нерари, сына Адад-нерари» (КУКН: № 242 D II: 8–10).

После долгого перерыва походы в верховья Евфрата и прилегающие области возобновились только при **Тиглатпаласаре III** (744–727), в правление которого Ассирия смогла вернуть

¹ Железорудные источники в районе Дамаска неизвестны, но Дамаск был важным центром производства и распределения разного рода железных изделий (Maxwell-Hyslop 1974: 151).

утраченные позиции. Ему удалось разгромить страны анти-ассирийской коалиции на западе во главе с Урарту, и перейти горы Тавра. Там, по его словам, была разгромлена Хубишна. Впрочем, присоединить ее к своим владениям он так и не смог (Медведская 2018: 217–218).

Упомянутая Тиглатпаласаром добыча, полученная в завоеванных городах на западе, редко включала железо. Как и прочие металлы, оно упоминается без указания веса. В 739 или 738 г. до н. э. в Гургуме и Каркемише было получено только железо (Tadmor 1994: 55–56, Anp. 21: 10'); в 737 г. от владельца Хубишны и царицы Арабов железо получено наравне с золотом, серебром и оловом (ibid.: 68–69, Anp. 14: 2; повтор ibid.: 108–109, St. IIIA: 20); от вассального царя Газы помимо железа получено золото, серебро, олово, свинец (ibid.: 170–171, Summ. 7: 12'). Однажды царь сообщает, что он «сделал железные острые наконечники стрел», которые были принесены на алтарь богини Иштар (ibid.: 70–71, Anp. 14: 8–9; **табл. 2**)¹. Впервые в его правление говорится о железных кандалах, которые позднее постоянно упоминаются в текстах ассирийских царей (ibid.: 162–163, Summ. 7: 20; **табл. 1, 2**).

Начиная с правления **Саргона** (721–705), репертуар железных изделий значительно расширяется. При этом он последним из ассирийских царей назвал железо в качестве военного трофея, полученного им в небольшом количестве в стране Ламмун (Winkler 1889: S.34, l. 200; локализация неизвестна; **табл. 1, 2**). Кроме того, разграбив сокровищницы в Муцацуре в 714 г., Саргон завладел бронзой, золотом, серебром и железом (ibid.: S.26, l. 133; ARAB II: § 22; TCL: l. 406). Оно названо также среди пожертвованных в храм металлов. Причем, если золото и серебро указано в весе (золото 154 талантов 26 мин 10 сиклей, что равно 4679,4 кг, серебро 1604 таланта 20 мин — равно 4861,3 кг), то бронза и железо — «без числа» (ARAB II: § 70; Winkler 1889: S.124–126, l. 141–142; **табл. 1, 2**). Им названы также железные посвятельные таблички, наряду с золотыми, серебряными, бронзовыми, оловянными, лазуритовыми, из яшмы, алебаstra и магнезита (ibid.: S.129,

¹ Неясно, что представляли из себя эти наконечники, если вспомнить огромных размеров наконечники стрел/копий, которые, судя по рельефу Саргона, были установлены у входа в урартский храм бога Халди в Муцацуре (Botta, Flandin 1849: pl. 141).

I. 159–160; ARAB II: § 73; уточнения названий некоторых из перечисленных металлов см: Landsberger 1965: 285 ff.). Примечательно, что, несмотря на то, что железо уже широко используется для изготовления хозяйственных орудий и бытовых предметов, его статус остается настолько высоким, что железо посвящается богам. Воины Саргона вырубали сады и разрушали каменные стены железными топорами¹. В этот период продолжают часто упоминаться железные ножные и ручные кандалы/оковы, разнообразные железные бытовые и хозяйственные предметы, вооружение упоминаются как в официальных текстах Саргона, так и в частной переписке его правления (**табл. 1**), которая с этого времени существенно дополняет сведения о железе.

Впервые в неофициальной переписке периода правления Саргона фиксируется запрет на частную/розничную торговлю железом за деньги (SAA I: № 179). По мнению Ф. Фалеса и Дж. Постгейта, запрет мог быть вызван необходимостью пресечения индивидуального производства оружия (SAA XI: р. XIX со ссылкой на письмо № 179). Впрочем, как показывают другие письма, речь в них шла не только и не столько о железе, сколько о крашеной коже, льняной одежде, черной крашеной шерсти, некоторых видах камней, т. е. о тех видах изделий, продажа которых формировала часть государственного дохода и, естественно, государство в лице царя было против частной торговли ими (SAA XI: № 26, р. XIX).

Примечательно, что в урартской сокровищнице в Муцацуре, где годами копились дорогие и престижные вещи, сохранялось разнообразное медное оружие, которое, казалось бы, уже не использовалось в это время и в Урарту. Ведь, по словам Саргона, Руса I покончил с собой при помощи железного поясного кинжала (Winkler 1889: S.112, l. 77; ARAB II: § 59). Впрочем, в одном из ассирийских инвентарных списков (ND 3480), который датируется временем правления Синаххериба около 700 г. до н. э., названо 280 кинжалов, из которых только 97 железных; и из них 37 кинжалов богато инкрустированы (Wiseman 1953: 135–138;

¹ И. М. Дьяконов восстановил в стк. 217 в письме Саргона богу Ашшуру, где говорится о разрушении стен, слово «кирка» (АВИИУ: № 49, с. 327, стк. 217), в CAD (Q) р. 299 дан перевод «топор», очевидно, по аналогии со стк. 224, где названы железные топоры его воинов.

Pleiner, Bijorkman 1974: 287). Свидетельствует ли этот текст об использовании в это время бронзовых кинжалов, или это просто опись хранившихся в сокровищнице вещей, подобной муцаирской? Во всяком случае, в одном из писем Саргону управляющий провинцией Мазамуа сообщал, что он подавил народ Кибатки с помощью кинжала без указания металла, что уже могло свидетельствовать о ставшим обычным использованием именно железа (SAA V: № 202: r: 9').

В письмах и анналах продолжают часто упоминаться железные ножные и ручные кандалы/оковы («поместить в оковы»), они используются до конца Ассирийского царства (табл. 1, 2). Старый писцовый штамп, описывающий гору, подобную кинжалу, использован только в письме богу Ашшуру в 714 г.: в одном случае гора вздымалась «как острие кинжала» без указания металла, в другом «как острие железного копья» (табл. 2). По мнению Дж. Ланфранки и С. Парполы, в это время была впервые упомянута «сталь», так был переведен ими термин AN.BAR zagru (SAA V: № 294: r: 1). Речь в тексте идет о железе «высшего качества», которое царь должен был прислать для работы.

В анналах **Синаххериба** (704–681) железо, полученное им в качестве дани в Сирии–Палестине в 700 г., также названо в последний раз (Luckenbill, 1924: 60, l: 57). В дальнейшем в качестве дани упоминаются только драгоценные металлы и предметы роскоши, не считая скота, вина и т. п. Однажды названы железные поясные кинжалы и сосуды (ibid.: 60, l: 57). При рытье каналов использовались железные топоры и кирки (ibid.: 98, l: 89, повтор: 101, l: 59; 126, l: 5), в одном случае металл, из которого сделан топор, не указан (ibid.: 114, l: 37), каменная скульптура также обрабатывалась железными кирками (ARAB II: § 417). Продолжают использоваться железные кандалы (Luckenbill 1924: 31, col. II l: 75). Без указания металла названы стрелы, щиты, что могло означать ставшее обычным использование именно железа для их изготовления (см., однако, инвентарный список (ND 3480), о котором говорилось выше).

Как уже отмечено, после правления Саргона и Синаххериба железо в составе трофеев и дани более не упоминается. В одном из текстов **Асархаддона** (680–669) предполагалось упоминание железной руды (abnu KA šabiti: Cambell Thompson 1931: 22, iv: 55). Впрочем, Лукенбилль перевел название этого камня как «уста

газели» («gazelle-mouth») (ARAB II: § 520). Контекст, по-видимому, исключает первый вариант перевода. Царь описывает местность в районе Соляной пустыни (Центральный Иран), где он проделал долгий путь по песку в окружении чертополоха, змей, скорпионов и этих самых камней (Cambell Thompson 1931: 21–22, iv: 53–58).

Основные сведения о железоделательном производстве в VII в. до н. э. известны из неофициальной переписки времени Асархаддона и **Ашшурбанапала** (668–635/27), датировать некоторые эти письма временем того или иного царя в ряде случаев не удастся. Из писем, определенно датированных временем Асархаддона, очевидно, что кузнецы получали железо/железные заготовки для дальнейшей работы по распоряжению царя, что еще раз подтверждает существование централизованного распределения материала, очевидного уже из переписки времени Саргона. Но работа кузнецов не всегда хорошо обеспечивалась, например, дровами. Кузнецы в одном из писем жалуются, что хотя они уже изготовили 200 кинжалов, 25 гвоздей, 200 rakku (инструмент или оружие, перевод неясен), 100 partu (оружие), но сделать еще 200 rakku они не могут — нет дров (SAA XVI: № 40: 2–7). В другом письме царю сообщают, что кузнецы продают за деньги железо, которое царь дал кузнецам для работы (SAA XVIII: № 115: 2–9). Подобная продажа железа отмечалась и во времена Саргона (см. выше). В некоторых письмах сообщалось о доставке или получении железа. Так, в одном из них сообщается о посылке 40 мин железа (20,2 кг; SAA XVIII: № 19: 7), в другом письме просят достать железо для царевича Ашшурбанапала (письмо датировано 672–669 гг. до н. э.; SAA X: № 334: r: 5). Не имеет точной даты переписной список, где названы 22 кузнеца (SAA XI: XXXIII, № 220: r ii: 3) и письмо, в котором говорится о бронзе и железе (SAA XIII: № 7: r: 8). Временем правления обоих царей датируются письма, в которых говорится о железных кинжалах (SAA XVI: № 95: r: 10', 14', р. XVII, XIX, дата этого письма 681–680 гг.; № 115 r: 7; SAA XVIII: № 143: r: 6), о ножах и клещах (SAA XVI: № 63: 24, письмо датируется 672–669 гг. до н. э.; SAA VII: XIV, № 165: r ii: 6'–7'). Продолжают использоваться вплоть до 627 г. (последнее упоминание в переписке) железные кандалы (SAA XI: № 156: 10, р. XXIX; SAA XVIII: № 69: 6; SAA XVIII: № 172: r: 9, р. XXXIII, письмо датируется 627 г.).

Временем до правления Синаххериба или после него могут датироваться два письма, в которых говорится о железных копьях и щипцах/клещах (SAA VII: № 89: 2, 11; № 91: r. 6, p. XXIII).

Примечательно, что в анналах Ашшурбанапала железные изделия, в отличие от текстов его отца, упоминаются относительно часто. Но если, например, железные кандалы и оковы упоминаются, как и прежде, в связи с пленением врагов и военнопленными¹, то упоминаемые кинжалы имеют скорее символический или аллегорический смысл. Кинжал служит царским подарком египетскому царьку за оказанные услуги во время военных действий ассирийцев в Египте (Borger 1996: S 23, Ed. A II: 12; ARAB II: § 774), или в надписи на рельефе, изображающем царскую охоту, сообщается, что царь убил льва своим поясным кинжалом (ARAB II: § 1024). В вещем сне Ашшурбанапала говорится о том, что те, кто замышляет зло против царя, погибнут не без помощи царского железного кинжала (Borger 1996: S 41, Ed. A III: 125; ARAB II: § 790), а те, кто избежит смертоносного железного кинжала, погибнут от других напастей (Borger 1996: S 44, Ed. A IV: 59; ARAB II: § 794). Впрочем, рассказывается и о том, как внук эламского царя Набу-бел-шумате и его щитоносец закололи друг друга своими железными поясными кинжалами (Borger 1996: S 59, Ed. A VII: 36; ARAB II: § 815). Один из эламских послов Набудамик «пронзил свое тело железным поясным кинжалом» (653 г. до н. э., Borger 1996: S 107, Ed. B VI: 65; ARAB II: § 866).

Что касается престижности железа в VII в., то, как и в VIII в. до н. э., хотя железо уже не было столь дорогим и из него изготавливались бытовые и хозяйственные предметы, тем не менее, Ашшурбанапал однажды поместил в храм Эсагилы в Вавилоне железные сосуды наравне с золотыми, серебряными, медными, каменными и деревянными (ARAB II: § 979).

Выводы по второму периоду. Ассирия не имела собственных источников полезных ископаемых, а в период кризиса, начавшего

¹ Цари Египта (ARAB II: § 773; Borger 1996: S 22, Ed. A I: 131); киммерийцы (ARAB II: § 784; Borger 1996: S 31, Ed. A II: 109); представители эламской знати (ARAB II: § 801; Borger 1996: S 47, Ed. A V: 4); кедариты (ARAB II: § 826; Borger 1996: S 66, Ed. A IX: 22; ARAB II: § 870; Borger 1996: S 115, Ed. B VIII: 49).

на рубеже XIII–XII вв. до н. э., она утратила почти все свои владения к западу от р. Тигр. Отрезанная от важнейших источников сырья Ассирия потеряла возможность грабить владения «сидевших» на этом сырье владельцев. Но на вопрос — насколько ассирийские цари уже тогда были заинтересованы в получении именно железа, или точнее — когда этот интерес возник, ассирийские источники дают достаточно убедительный ответ — не ранее IX в. до н. э. И хотя в XII–X вв. до н. э. ассирийские цари изредка совершали походы как на север, в страны Наири, так и в район р. Хабур и далее на запад, трофейное железо не упоминается. Вывозился только строительный лес, в единичных случаях сообщается о захваченных бронзовых предметах. Не исключено, впрочем, что это умолчание было результатом характерной особенности анналов этого периода: содержание награбленного не раскрывалось, что как раз и можно объяснить незначительностью добычи. Однако бронза продолжает достаточно часто упоминаться в связи со строительством и реставрацией храмов, дворцов, проведением каналов и т. п. Ассирийские тексты середины XI — конца X вв. немногочисленны и фрагментарны: лишь однажды описывается добыча, состоящая из олова и бронзы. Начиная с 911 г. завоевательные походы становятся частыми, подробное описание добычи включает золото, драгоценные камни, оружие, коней, дворцовую утварь, бронза не упоминается. И только в IX в. до н. э. начинают вывозиться металлы, в том числе железо и бронза. Она сначала преобладает, но довольно быстро железо в количественном отношении сравнялось и превзошло бронзу.

Урартские письменные источники (IX–VII вв. до н. э.) отражают совсем иную ситуацию в развитии железоделательного производства на территории Урартского царства. Главная их особенность заключается в том, что урартские цари ни разу не называли железо в качестве военного трофея. Другие металлы упоминаются также редко — всего четыре раза в составе военной добычи. Менуа (ок. 810–786) в качестве дани получил золото и серебро (КУКН: 56: 6), Аргишти I (ок. 786–764) — золото, серебро, медь (КУКН: 174 В: 20–21), Сардури II (ок. 764–735) «унес» золото, серебро (КУКН: 241 Е: 54–55; 244: 25), а также медные щиты и чаши, одежду (КУКН: 241 Е: 55–56). Металл и металлические изделия один раз названы в связи с установкой стелы перед святилищем в совместное правление Ишпуини и Менуа. Тогда было

пожертвовано, помимо скота, «штандарт медный, ...сосуд медный» (КУКН: 30: 10). И еще раз Сардури II назвал металл и военный инвентарь в связи с предпринятым им уменьшением налогов и воинских повинностей для полноправных поданных (УПД: 83, прим. 137). Помимо коней, колесниц, скота, продуктов питания и т. д., царем было уменьшено количество взимаемого оружия и меди (КУКН: 241 G: 3–11).

За весь период существования Урартского царства железо было названо единственный раз Сардури II в надписи на Ванской скале, в которой он сообщил, что «печать железную ([KI]ŠIB AN.BAR) (я) изготовил» (КУКН: 241 D: 13). Примечательно, что в длинном списке содержимого сокровищницы в Муцадире, которую разграбил в 714 г. до н. э. Саргон, железные изделия сравнительно немногочисленны: горны, кирки, кочерги, лопаты/совки, светильники (TCL: I. 365, 406).

Если ассирийцы стремились во время военных походов и в результате получаемой дани компенсировать отсутствующие у них источники металлов и изделия из них, то главной целью военных завоеваний урартских царей была добыча рабочей силы и скота, необходимого для ее прокорма (Zimansky 1985: 96). Военнопленные осуществляли огромное строительство в Урарту, их использовали при проведении каналов и т. п. Очевидно, что ассирийские и урартские источники отражают конкретную ситуацию в каждом из этих царств: захватывалось то, что было необходимо в первую очередь на тот или иной момент. Очевидно и то, что урартская металлургия была полностью обеспечена собственными железорудными источниками, и, как показывают последние исследования, урартская железоделательная металлургия опережала ее развитие в других регионах Древнего Востока; урартским царям незачем было вывозить железо и железные изделия из завоеванных стран, ибо обходились своими.

И хотя между крушением Хеттского царства и создавшимся изобилием железа в IX в. прошло около 300 лет, приходится неизбежно допускать вероятность сохранения старых или возникновения новых очагов производства железа на периферии постхеттского пространства. Им мог быть, например, богатый железорудными месторождениями район озера Ван. Здесь уже в XI–X вв. до н. э., судя по материалам могильника

Эвдитепе (северо-восточное побережье озера), железные изделия преобладали над бронзовыми (Belli 1991: 16–41).

Именно такие и подобные им локальные очаги железоделательного производства, которые существовали уже в конце II тыс. на территории будущего Урартского царства и, возможно, возникли или выжили не без влияния хеттской металлургии, стали основой урартской железоделательной металлургии. Богатые железорудные источники находились на территории Урартского царства в районе Муша, Битлиса, оз. Ван, в горах между оз. Урмия и Ван (Пиотровский 1959: 163). Исследования 1990-х гг. позволяют говорить с большей уверенностью об обеспеченности Урарту железными рудниками и собственными металлургическими центрами (Belly 1991: карта-схема на с. 36). Изучение железного инвентаря из могильника Эвдитепе на северо-восточном берегу оз. Ван доказывает, что уже в XI–X вв. производство железа находилось в странах Наири на достаточно высоком уровне и количественно железные изделия превышали бронзовые. Около 30 железных изделий, обнаруженных в могильнике Эвдитепе, включают: топор, 6 кинжалов, 2 палицы, украшения (булавки, кольца и браслеты) (ibid.: 31, fig. 10). Эти изделия обнаруживают высокоразвитую технологию производства железных изделий в период, предшествующий сложению Урартского царства. Но предположение о том, что уже Тиглатпаласар I (1114–1076) вывозил из стран Наири железную руду (ibid.: 32 со ссылкой на работу Maxwell-Hyslop 1974), остается недоказанным, им вывозился гематит наряду с другими поделочными камнями (см. выше). Железо стало вывозиться отсюда ассирийскими царями только в первой половине IX в. до н. э. (Тукульти-Нинурта II и Ашшур-нацир-апал II, см. выше). До этого времени, следовательно, эти очаги железоделательного производства обслуживали местное население стран Наири. Недалеко от могильника Эвдитепе находилась кузница, где эти изделия и могли быть изготовлены из железа, привезенного, по мнению О. Белли, вероятно, из наиболее близкого района к югу от оз. Ван (Belly 1991: карта-схема 3). Могильник Эвдитепе пока самый яркий памятник доурартской эпохи, но его материал не доказывает «международный статус» приванского очага производства железа (как и, вероятно, и другие очаги, существование которых здесь более чем вероятно) уже в XI–X вв. до н. э.

Владение обильными источниками железной руды, плавильными и кузнечными мастерскими, и в результате — возможность производить железа больше, чем нужно было самим урартам, вот что толкало урартских царей к стремлению господствовать над транзитной торговлей, основные пути которой проходили на западе. Создание и быстрое усиление Урартского царства, с одной стороны, преградило пути к успешному проникновению ассирийцев на его территорию, а с другой стороны, включившись в транзитную торговлю, урартские цари начали борьбу с Ассирией за гегемонию в центре международной торговли на западе. Вот почему после Ашшур-нацир-апала II ассирийские цари вскоре перестали совершать сюда походы. Два похода Салманасара III в 859 и 856 гг. в Урарту, судя по характеру описания добычи (ее содержание не названо, в отличие от обильных трофеев, полученных в соседних царствах), успеха не имели. Начавшаяся борьба Ассирии и Урарту за гегемонию над северной Сирией и юго-восточной Малой Азией далеко не всегда была успешной для Ассирии, но другого источника получения металлов и, прежде всего железа, у нее уже не было¹.

В урартский период железорудные месторождения на территории Урарту разрабатывались в трех районах: на севере — Эрзурум — Эрзинджан — Дивриги; на юге — Бингёль — Тунджели — Элязыг — Малатья; на юго-востоке — Диярбакыр — Сиирт — Битлис — Ван — Хаккари. Всего обнаружено 167 отвалов железных шлаков и мест плавки, из них в третьем, Приванском районе их 92. Судя по находкам урартской керамики, этот центр, наиболее близкий к центру Урартского царства и его столице Тушпе, очень активно эксплуатировался в это время. Здесь обнаружено два металлообрабатывающих центра, шлаковые отвалы которых представляют собой огромные холмы, состоящие из нескольких миллионов тонн шлака. Обнаруженные детали механизмов производства железа не имеют параллелей во всем древневосточном регионе и демонстрируют чрезвычайно высокий уровень металлургической техники в Урартском царстве (Belly 1991: 38). По мнению О. Белли, с крушением Урартского царства металлопроизводство в Анатолии быстро пришло в упадок, и железное

¹ Об этапах той борьбы см.: Бациева 1953: 17–36, особенно с. 32–31; Медведская 2018: 163–164.

оружие, в частности, снова перешло в разряд дорогих вещей (*ibid.*: 37–38)¹.

Итак, рассмотренные данные письменных источников не подтверждают предложенную исследователями гипотезу о повсеместном переходе к производству железа на всем Древнем Востоке в результате политико-экономического кризиса, начавшегося в результате движения «народов моря» на рубеже XIII–XII вв. до н. э. Напротив, ассирийские источники свидетельствуют, что вследствие кризиса в развитии железоделательного производства, которое зародилось на территории Хеттского царства, наступила длительная пауза. Одной из причин этой паузы не мог не стать совпавший по времени период сильного потепления и наступившей засухливости (около 1200–900 гг. до н. э.; Neumann, Parpola 1987: 161, 177), что привело к падению урожайности, голоду, вспышкам эпидемий, к перемещению значительных масс населения, в том числе и к вторжениям кочевников. Наступило время «изоляции, провинциальности, бедности», что неизбежно привело к спаду потребностей и, следовательно, спаду производства. Разрушение торгово-экономических связей привело не только к дефициту бронзы, но и разрушило зачатки железоделательного производства на постхеттском пространстве.

Конечно же, расцвет железоделательного производства в IX в. до н. э., отраженный в ассирийских анналах, не мог произойти на пустом месте. И хотя между крушением Хеттского царства и создавшимся изобилием железа в IX в. до н. э. прошло около 300 лет,

¹ Изучение 3-го района с его плотностью поселений и населения, которое обслуживало металлопроизводство, побудило О. Белли сделать довольно спорный вывод: по сравнению с металлопроизводством сельское хозяйство и скотоводство были вторичными отраслями хозяйства (*ibid.*: 37). С этим выводом трудно согласиться, во-первых, потому, что все три обозначенных района занимали лишь незначительную часть территории царства; во-вторых, географические условия страны, а именно замкнутые горные долины, способствовали образу жизни и ведению хозяйства, построенным на самообеспечении, прежде всего, продуктами питания. Сельское хозяйство и особенно скотоводство не могли не стоять на первом месте и имели стратегическое значение: именно скот в момент опасности угонялся в неприступные горы; развитию сельского хозяйства способствовала развитая гидротехническая система каналов, которая сохранилась и используется и в наши дни (Медведская 2018: 164–167).

приходится неизбежно допускать, как уже отмечено, вероятность возникновения новых или сохранения старых очагов производства железа на периферии постхеттского пространства. Но это очевидно был локальный расцвет в довольно изолированном районе. Ассирийцы не успели им воспользоваться, в XII–X вв. ассирийские цари не совершали сюда походов, и железо в текстах этого времени не упоминается. Но может ли гипотетическое существование локальных очагов предполагать начало железного века как нового культурно-экономического этапа развития всего Древнего Востока? Допускаемое исследователями совмещение наступившей кризисной фазы в развитии общества с подъемом производства железа не подтверждается письменными источниками. Период XII–XI вв. до н. э. был переходным этапом, суть которого — сосуществование позднебронзового и зачатков раннежелезного веков, причем в период упадка металлургического производства в целом. По-видимому, железный век на Древнем Востоке наступает только тогда, когда государство в лице царя заинтересовано в получении значительного количества железа (с IX в. до н. э.), берет под контроль его производство и распределение (фиксируется в источниках VIII–VII вв.), когда железо используется для производства вооружения и орудий труда. Данные письменных источников имеют первостепенное значение в определении времени смены двух эпох — века бронзы и века железа: их полная смена произошла не ранее X–IX вв. до н. э. (ЖВ II), период ЖВ I (XII–XI вв.) был по существу переходным этапом сосуществования позднебронзового и зачатков раннежелезного веков.

Уточненная в главах II–VI хронология ряда древнеиранских памятников ЖВ I–II не противоречит данным письменных источников о начале ЖВ в Иране.

§ 2. КОНСКИЙ УБОР ДРЕВНЕГО ВОСТОКА: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ, ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Во многих работах, посвященных развитию и хронологии конской узды начала I тыс. до н. э., рассматриваются вопросы происхождения и взаимовлияния в этой области материальной культуры. И, тем не менее, время возникновения контактов через

территорию Кавказа, которые могли оказать взаимное влияние на развитие узды в евразийском и древневосточном регионах в доскифский период, остаются не вполне определенными. Так, появление на Переднем Востоке однокольчатых удил с разъемными псалиями обычно объяснялось проникновением этого типа узды из европейского ареала, где она первоначально была единственной конструкцией узды, через промежуточную территорию Кавказа. Хотя не исключался и другой путь из Европы и Средиземноморья через Малую Азию (Медведская 1983: 68; Медведская 2005: 123). С другой стороны, в некоторых работах рассматривается «сиалковский» тип трехдырчатых псалиев, который, по мнению исследователей, сложился на территории к северу от Кавказского хребта под влиянием формы псалиев, характерных для узды Центрального Ирана (Сиалк В; Эрлих 1994: 32, 66–68; Эрлих 2007: 131; Погребова 2011: 185–187). Общностью происхождения объясняется предполагаемая близость некоторых разновидностей псалиев по обе стороны Кавказского хребта (Иванчик 2001: 178, см. ниже).

Для решения вопроса о времени возникновения контактов между двумя регионами с изначально различными конструкциями узды необходимо вновь рассмотреть вопросы хронологии, происхождения и развития конского убора Древнего Ирана и Закавказья и уточнить ряд положений, высказанных автором в работах 1983 и 2005 гг.

В иранских памятниках конский убор наиболее полно представлен в могильнике Сиалк В и на поселении Хасанлу IVB (см. гл. II, III). В них обнаружены обе конструкции узды, принципиально различных по способу соединения удила и псалиев. Они представляют две традиции, возникшие и первоначально существовавшие в различных регионах Древнего мира. К первой из них относятся двусоставные удила с напускными псалиями, ко второй — двусоставные удила с разъемными псалиями.

Двусоставные удила с напускными псалиями. Конструкция удила, которая характеризуется неразъемным соединением удила и псалиев, была распространена на Древнем Востоке уже во II тыс. до н. э. и фиксируется на типологически разных удилах — двучастных и более ранних жестких (одночастных) удилах (Potratz 1966: 103 ff.). Северной границей их ареала является Закавказье (рис. 1).

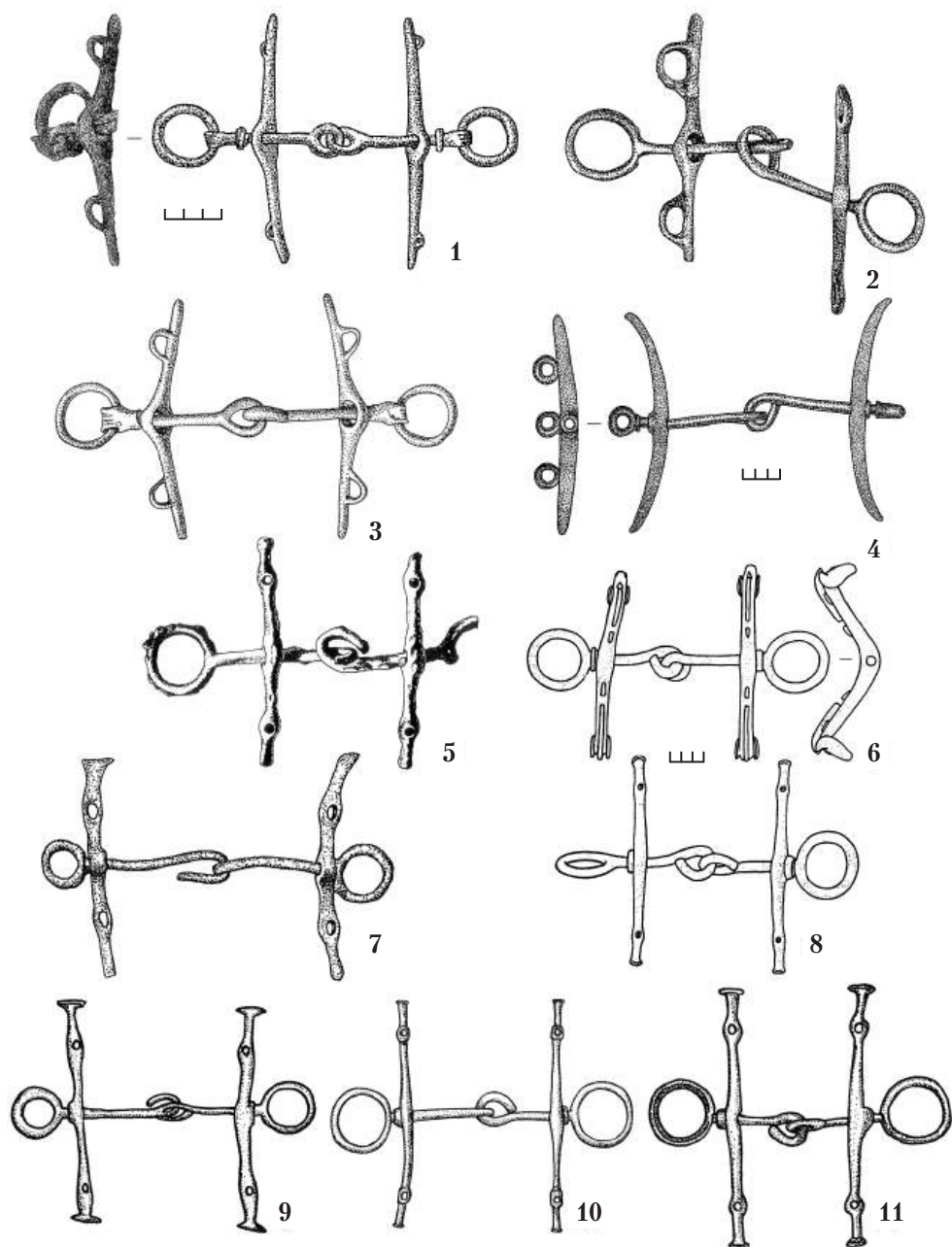

Рис. 1. Бронзовые удила с напускными псалиями.

1 — Сиалк В, погребение 74; 2 — Хасанлу IVB; 3 — Иран, случайная находка; 4 — Турция, музей г. Ван (удила с именем Менуа); 5 — Марлик, погребение 49; 6, 8 — Сарычобан; 7 — Мелаани; 9 — Димац, могильник; 10 — Арчадзор, курган 1; 11 — Мингечаур, курган II

В могильнике Сиалк В узда этой конструкции представлены двумя комплектами бронзовых удил с напускными подвижными псалиями из могилы 74. Отличительным признаком сиалковских удил являются подвижные внешние кольца удил, продетые во втулки, оформленные в виде сжатой руки, которой заканчивается каждое звено удил. Псалии с крупными петлями в одной плоскости с центральным отверстием находятся между «рукой» и внутренними соединительными кольцами грызла (рис. 1: 1)¹.

В Хасанлу IVB найдено три пары удил с напущенными подвижными псалиями и одна пара с неподвижными псалиями (Schauensee, Dyson 1983: 68–69, fig. 14–15) (рис. 1: 2; 3: 2). Эта конструкция узды в различных модификациях представлена в Иране находками в районе Луристана (в том числе с «рукой» и с аналогичными крупными петлями на псалиях — Potratz 1966: 135–137, Taf. LIV–LV; Moorey 1971a: 111–112) (рис. 1: 3), известен один комплект подобных удил из могильника Марлик (погребение 49)². Памятник датируется концом II — началом I тыс. до н. э. или по данным C₁₄ — между XIV–X вв. до н. э. (Negahban 1998: 46, 55; уточнение датировки см. гл. V). Все они, кроме луристанских с «рукой» и сиалковских удил, отличаются неподвижностью внешних колец. Это отличие очевидно связано с тем, что оба стержня сиалковских удил были отлиты одновременно — внутренние кольца грызла неразъемные. В таком случае псалии и шайбы надевались через внешние окончания стержней, оформленные в виде «руки», каждая из которых затем была загнута, зажав внешние кольца. Загнутая «рука» (втулка) не препятствовала движению кольца. Несмотря на различные способы напуска псалиев на стержни удил, наличие двух крупных петель на концах псалия делает удила из Сиалка, Луристана (Waele 1982, fig. 51) и Хасанлу близкими между собой. В Хасанлу IVB, судя по набору найденных *in situ* деталей, такие

¹ На фотографии петли псалиев, в отличие от рисунка, гораздо больших размеров.

² В прежних публикациях правый фрагмент удил на рисунке был помещен неверно: замкнутое кольцо — внешний элемент, петля — внутренний элемент грызла. Исправленный рисунок см. Negahban 1996: fig. 941, pl. 14.A) (рис. 1: 5).

удила служили для запряжки колесничных коней (Schauensee 1989: 43)¹.

Закавказские удила, так же как удила из Хасанлу и Марлика, характеризуются неподвижным закреплением внешних колец удил, отлитых вместе со стержнем, соединением двух частей удил путемковки после того, как псалии надевались на стержни грызла, и некоторыми деталями псалиев. Примером раннего использования этой конструкции узды служат находки в Восточном Закавказье. В Карабахе (Агдамский район) в разграбленном кургане вблизи села Сарычобан обнаружены остатки нескольких взнузданных коней (в том числе отдельные черепа коней). В составе уздечек были удила, пронизи, бляшки для украшения ремней оголовья. Опубликовано четыре пары удил из семи (в том числе одно звено удил) с напускными псалиями. У шести из семи пар удил псалии стержневидной формы с круглыми отверстиями на концах, расположенные перпендикулярно центральному отверстию. В одном случае, чуть изогнутые пластинчатые псалии заканчиваются изображением конских головок, «грива» коней включает в себе прямоугольные отверстия, которые, в отличие от других псалиев, находятся в одной плоскости с центральным отверстием псалия (Джафаров 1993: рис. 6: 1, 9; 7: 1, 1а; **рис. 1: 6, 8**)². Форма этих псалиев близка псалиям на биметаллических удилах из могильника Трели II (погребение 16, Тбилиси), датируемых рубежом IX–VIII — началом VIII в. до н. э. (Иванчик 2001: 190, рис. 92: 51–55).

Удила из Сарыбочана со стержневидными псалиями аналогичны как иранским (Марлик), так и закавказским удилам (Димац, Арчадзор, Мингечаур), которые датируются XI–X вв. до н. э. (**рис. 1:**

¹ В Хасанлу, где только удил найдено свыше 40 экземпляров, это обилие объясняется штурмом и последовавшей гибелью города. Примечательно, что большая часть уздечек находилась в конюшнях, где узда хранилась на полках, висела на столбах или выносилась из помещений. Так они и были найдены: возле тел погибших людей или погребенными под рухнувшими перекрытиями. Но на цитадели найдено девять скелетов выбежавших из конюшни коней, узды на них не было, что свидетельствует о внезапности штурма (Schauensee 1989: 37 ff.).

² В работе М. Н. Погребовой профильный рисунок этих псалиев дан отдельно от самих удил, на которых они изображены в другом ракурсе (Погребова 2011: табл. XLIII: 4; XLIV: 4) (рис. 1: 6).

5, 7, 9–11). Одним из датирующих признаков таких удил являются псалии с круглыми отверстиями на концах, расположенных перпендикулярно центральному отверстию псалия. Удила с изогнутыми псалиями с зооморфными окончаниями (тип III, по Потрацу) известны в Луристане и входят в круг так называемых луристанских бронз. Найденные вне комплексов, они не имеют независимых датировок и датируются или по стилистическим признакам (псалии на аналогичных удилах с головками львов датируются IX–VIII вв. до н. э. — Древности 1992: № 222), или по близким аналогиям. Так, удила с «рукой» и псалиями со львиными головками П. Мури синхронизовал с сиалковскими удилами (погребение 74) на основании только наличия «руки» (Moorey 1971b: 122, fig. 5). Но вряд ли это возможно при столь различной форме самих псалиев (см. ниже). Следует обратить внимание на расположение петель на псалиях: на сарычобанских они помещены на «внутренней» стороне изогнутого стержня, на луристанских — на «внешней». Эта черта сарычобанских псалиев сближает их с псалиями V-образной формы с петушиными головками (тип IV, по Потрацу). Они также происходят из Луристана и часто напущены на одночастные удила (Waele 1982: fig. 56; Moorey 1971b: 123, fig. 6). Датируются они немного позднее, поскольку предполагается, что найденные в Дельфах псалии V-образной формы были изготовлены не без влияния луристанских образцов (Moorey 1971b: 123; Muscarella 1977a: 35).

Г. Ф. Джафаров датировал погребальный комплекс из Сарыбочана в пределах XII–XI вв. до н. э. (Джафаров 1993: 205), М. Н. Погребова — концом XII–IX в. до н. э. (четвертый хронологический период: Погребова 2011: 137, 143–144).

К этому же периоду М. Н. Погребова отнесла могильник Борсунлу (Карабах; Погребова 2011: 144–145, табл. XLIII: 1–3). В нем также обнаружены скелеты взнузданных коней. Большинство найденных там удил того же типа, что и в Сарычобане. Редкой разновидностью в обоих памятниках являются удила с пластинчатыми псалиями. Они также известны на Ближнем Востоке (Погребова 2011: табл. XLIII: 2, 4, см. прим. 4; Potratz 1941: Abb. 2–3; 11).

В Кавказском регионе самой северной единичной находкой этой конструкции удила являются бронзовые плетеные удила из коллекции А. А. Бобринского (Верхний Кобан). Они отличаются сложным рисунком петельчатых псалиев, но внешние кольца

сплетенных из прута удила подвижные, как и у сиалковских экземпляров. А. А. Иессен подчеркивал уникальность этих удил для этой территории (Иессен 1953: 94, рис. 27) (рис. 3: 8).

Удила с напускными псалиями использовались на Древнем Востоке уже в XIV в. до н. э. Даже такая деталь, как «рука» на концах стержней удил, держащая внешние кольца, известна на жестких удилах с круглыми напускными псалиями из Тель Амарны (Египет), Квемо Сасирети (Грузия) (XIV в. до н. э.; Potratz 1966: 110–112, Taf. XLIX: 115; fig. 46, d)¹. П. Мури датировал найденные в Иране удила с напускными псалиями, имеющие петли на их концах (тип III, по Потрацу), основываясь лишь на дате Сиалка В и удила из Кармир-блур с именем царя Менуа. Он считал, что этот «базисный» тип был широко распространен в VIII–VII вв. до н. э. (Moorey 1971a: 112). Он полагал также, что удила с напускными подвижными псалиями в конце VII в. до н. э. заменились удилами, каждая часть которых отливалась вместе с соответствующим псалием и кольцом для поводка. Удила с цельнолитыми звеньями существовали до ахеменидского времени (ibid.). Однако П. Мури не привел дополнительных доказательств, обосновывающих включение VII в. в датировку как самих удил с напускными, подвижными псалиями, так и замены в это время одной конструкции другой. Можно думать, что основанием для такой даты послужили лишь удила из Кармир-блур. Но эти удила датируются по именам царей VIII в. до н. э. (Менуа 810–784, Сардури 760–730 гг. до н. э.). П. Мури, видимо, был введен в заблуждение датой основания Кармир-блур/Тейшебаини при Русе 1 (685–645 гг. до н. э.). Тем не менее, известно, что при закладке Тейшебаини священное оружие, в том числе удила с именами предков, были принесены сюда из Эребуни (Арин Берд), основанного в 782 г. до н. э. Следовательно, удила этой конструкции из Кармир-блур не могут служить доказательством их использования еще в VII в. до н. э.

Предположение П. Мури о замене удил с подвижными псалиями на цельнолитые в VII в. до н. э. не подтверждаются новыми датировками памятников, в которых последние были найдены, например, в Северной Болгарии в кургане 2 у села Енджа (впускное погребение 1), в Правобережном Поднепровье в кургане 376

¹ В целом эта дата — XIV в. до н. э. — сохраняется в новых исследованиях (Погребова 2011: 32–33, 50–51).

у села Константиновка (Иванчик 2001: рис. 96: 8, 16). Прежняя дата этих памятников VII в. заменяется теперь VIII в. до н. э., скорее всего, его второй половиной. Они предшествуют по времени кургану 524 у села Жаботин, который датируется теперь не позднее конца VIII в. до н. э. (Дараган 2011: 560–572) или рубежом VIII/VII вв. до н. э. (Рябкова 2012: 346). Близки по времени и практически аналогичны по форме удила из погребения на возвышенности Чишхо (Адыгея; Иванчик 2001: рис. 97: 1–4). Подобные удила не единичны на территории Украины: они найдены у г. Лубны (Полтавская обл.), в раскопках А. А. Бобринского в Киевской губернии (Титенко 1954: 77–80). Предполагаемое заимствование этой формы удил непосредственно с территории к югу от Закавказья могло бы свидетельствовать о сосуществовании на Древнем Востоке обоих подтипов уже в VIII в. до н. э., что действительно фиксируется, в частности, в Хасанлу IVB, где оба подтипа использовались в момент гибели города в 714 г. до н. э. Но в таком случае существующее мнение о том, что древневосточная конструкция узды попадает в Причерноморский регион из Передней Азии и Закавказья вместе с возвращавшимися оттуда евразийскими кочевниками, что могло произойти не ранее конца VIII в., не вполне убедительно, поскольку она уже раньше, согласно новой хронологии, использовалась в Причерноморье. Удила этой конструкции могли попасть в Причерноморский регион из Европы (см. ниже).

Важным хронологическим признаком, разделяющим удила с напускными псалиями на две хронологические группы, является форма стержневидного псалия, расположение отверстий и наличие петель. Ранние удила имеют прямые напускные псалии с грибовидными или уплощенными шляпками, крайние отверстия перпендикулярны центральному (**рис. 1: 5, 7–11**). В поздней группе отверстия часто заменялись петлями, крайние петли и центральное отверстие псалия располагались в одной плоскости (**рис. 1: 1–4, 6?**). Кроме того, комплексы поздней группы памятников отличаются большим процентом железных изделий, а в памятниках VIII в. до н. э. сами удила часто бывают биметаллические — железные удила и бронзовые псалии (клад 1954 г. из Кармир-блур, бронзовые предметы с именами урартских царей VIII в.; Мартиросян 1964: 217). Именно эти различия ранних и поздних удил с напускными псалиями позволяют сомневаться

в предложенной М. Н. Погребовой датировке курганный группы и грунтового могильника Мингечаура VIII в. до н. э. (Погребова 2011: 190, 193; см. ниже).

Наиболее близкими аналогиями удилам с напускными петлевидными псалиями из могилы 74 Сяллка В являются: удила с «рукой» (Иран, случайная находка), из Хасанлу IVB (рис. 1: 2–3), Луристана (Waele 1982: fig. 51) и Кироваканского погребения VIII в. до н. э. (Армения; Мартиросян 1964: 216, рис. XXI: 19–20).

Характеризуя культуру Армении VII–VI вв. до н. э., А. А. Мартиросян отмечал, что для этого времени характерна полная замена бронзовых орудий и оружия железными. Причем, и это очень важно, они уже не повторяют формы бронзовых прототипов, что было характерно для IX–VIII в. до н. э. и не только в этом районе. М. Н. Погребова иначе определяет границы этого периода (пятый период по ее терминологии) — конец IX — первая половина VII в. до н. э. (Погребова 2011: 155–209). В материальной культуре Закавказья наблюдается четкое разделение культуры VIII и VII веков. Если VIII в. до н. э. тяготеет к предшествующему времени, то VII век служит началом нового периода. Означает ли это, что к концу VIII в. (или в начале VII в. до н. э.) двусоставные удила с подвижными напускными псалиями, характерные для предшествующего, довольно длительного промежутка времени, начинают выходить из употребления?

Верхняя дата удил из Хасанлу IVB определяется 714 г. до н. э., когда город был разрушен Саргоном II (Medvedskaya 1988: 1–15; гл. III § 1). Город существовал и в IX в., что в данном случае не может определить начало использования таких удил в Хасанлу¹. Дата могильника Сяллка В на основании датировки расписной керамики определялась второй половиной VIII в. до н. э. (Medvedskaya 1986; см. гл. II). Таким образом, предварительная дата удил с напускными петлевидными псалиями из Хасанлу IVB и Сяллка В предлагается в пределах VIII в. до н. э. А удила из Марлика датируются предшествующим временем и синхронизируются с удилами ранней группы из Закавказья.

¹ Первооткрыватели Хасанлу датировали гибель города концом IX в. в результате урартского завоевания; дискуссию по датировке гибели Хасанлу IVB см.: Medvedskaya 1988: 1–15; Dyson, Muscrella 1989: 1–27; (Medvedskaya 1991: 72–80).

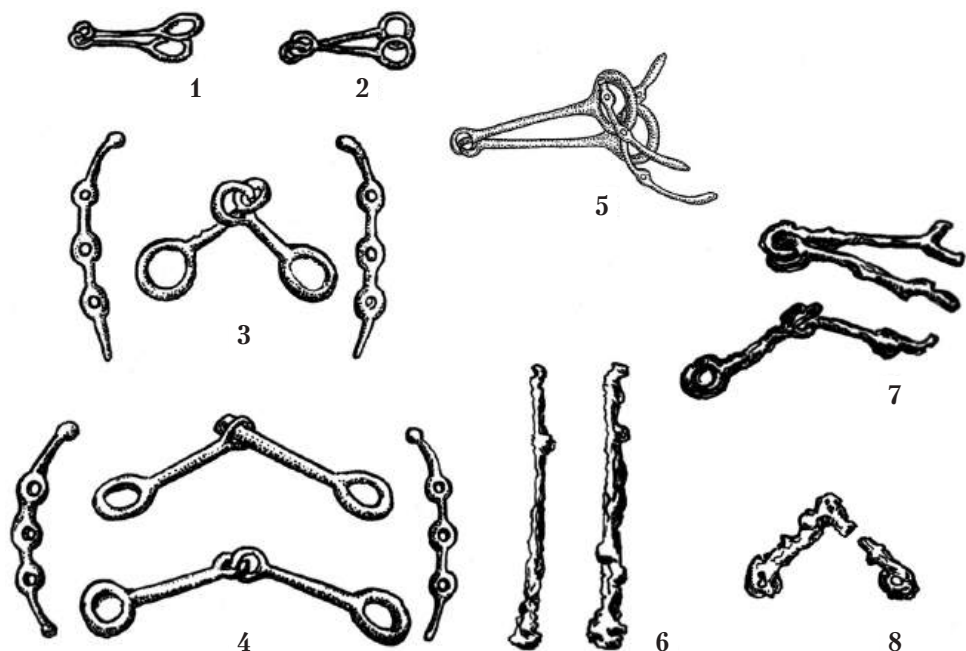

Рис. 2. Однокольчатые удила и разъемные псалии из могильников Сялк В (1–4, 6–8) и Гиян I (5). 1 — погребение 25; 2 — погребение 78; 3, 4, 6, 8 — погребение 15; 5 — погребение 3; 7 — погребение 52 (1–5 — бронза, 6–8 — железо)

Двусоставные удила с разъемными псалиями представлены в могильнике Сялк В бронзовыми и железными однокольчатыми удилами с гладкими стержнями и комплектными псалиями. В могилах 25 и 78 найдено по одной паре бронзовых удил без псалиев (**рис. 2: 1–2**); в могиле 52 — две пары железных удил без псалиев (**рис. 2: 7**); в могиле 15 — три пары бронзовых удил, из них только две пары с бронзовыми псалиями (**рис. 2: 3–4**) и пара железных удил с железными прямыми псалиями (**рис. 2: 6, 8**). В могиле 15 найдены также четыре фрагмента костяных изделий, которые Р. М. Гиршман назвал рукоятками (**рис. 6: 6**). Однако форма этих фрагментов: заостренные чуть изогнутые концы и сближенные отверстия в одной плоскости, центральное из которых овальной формы, — предполагает, что это фрагменты костяных псалиев, бывшие в комплекте с одними из удил (вероятная длина целого псалия от 12 до 14 см)¹. Бронзовые удила

¹ Не вполне ясна ремарка С. Б. Вальчака относительно этих фрагментов, которые выполнены «в позднебронзовой традиции, и на которых

имеют крупные кольца на концах. Бронзовые псалии изготовлены из прута прямоугольного сечения, псалии имеют круглые отверстия, расположенные в одной плоскости, и округлые плоские утолщения вокруг них (не муфты). Отверстия расположены по всей длине псалия, их концы короткие: один конец заострен, другой заканчивается шишечкой. Из-за сильной коррозии неясно, имели ли железные псалии петли или отверстия; очевидно лишь, что один их конец заострен, другой имеет утолщение, возможно шишечку. Удила из Гияна I (погребение 3) отличаются слегка уплощенной формой внешних колец и одним длинным концом каждого псалия (**рис. 2: 5**).

В цитадели Хасанлу IVB найдено 42 пары однокольчатых удил. Из них 24 (по одним данным) или 22 (по другим данным) бронзовых и 18 железных удил (Schauensee, Dyson 1983: 68; Muscarella 1988: 64). Из бронзовых удил — 13 с плетеными, 2 — с витыми, 2 — с гладкими грызлами. Опубликовано также звено бронзовых удил с большим внешним кольцом и гладким стержнем (Muscarella 1988: 64–65, № 93). Остальные удила не описаны. С бронзовыми удилами использовались только бронзовые псалии.

Из 18 железных удил, по крайней мере, 11 имели гладкие звенья, 2 пары с витыми стержнями (Schauensee, Dyson 1983: 63–64, fig. 17). В комплекте с железными удилами применялись все обнаруженные псалии из рога оленя с тремя равномерно расположенными отверстиями (**рис. 6: 5**), в одном случае — бронзовые (ibid.: fig. 9: a–b) и «единично» — железные псалии (ibid.: fig. 8: b). Всего найдено 15 бронзовых псалиев. Наиболее типичными были трехдырчатые псалии с уплощенной зубчатой площадкой и длинными концами, каждый из которых равен длине площадки (ibid.: 68, fig. 13). Среди остальных псалиев имеются S-овидные (Muscarella 1988: 65–66, № 94) (**рис. 5: 1–2**).

Все бронзовые удила второй конструкции имеют внутреннее «глухое» соединение стержней. Такая конструкция узды с разь-

имеется <...> однорядно-прямоугольный орнамент лицевой поверхности» (Вальчак 2009: 76). Видимо, имелась в виду овальная форма центрального отверстия. Что касается вертикальной штриховки, то это не более чем изобразительная манера художника (Татьяны Гиршман) — аналогичная штриховка, например, имеется на рисунках бронзовых псалиев и удил из могилы 15 (Ghirshman 1939: pl. LVI).

емным соединением удила и псалиев была традиционной на обширной территории Южной Европы, евразийских степей и Северного Кавказа¹. Сочетание бронзовой и железной узды в Сялке В и Хасанлу IVB является признаком VIII в. до н. э.

В связи с вопросом о путях проникновения на территорию Древнего Востока удила с разъемными псалиями особого внимания заслуживают удила с плетеными грызлами как с напускными, так и с разъемными псалиями. В начале I тыс. до н. э. они были распространены в Малой Азии, Восточном Средиземноморье, Месопотамии, Закавказье и Иране. На Северном Кавказе и на территории евразийских степей они отсутствуют². А. А. Иессен, рассматривая упомянутые плетеные удила с напущенными псалиями из коллекции А. А. Бобринского как импорт с территории Древнего Востока, описал их изготовление: «удила скручены из бронзового откованного прута, первое звено сгибалось надвое, в месте сгиба оставлялась петля, а дальше стержень удила сплетался из двух прутьев, после этого на него насаживался псалий, а свободные концы закручивались в кольцо» (Иессен 1953: 94). Описанный способ изготовления удила был распространен в VIII в. до н. э. в Италии, откуда этот экземпляр и мог попасть на Северный Кавказ (Hase 1969: Taf. 9: 87, 90, 94; 10–13). У плетеных удила этой конструкции внутренние петли обычно «глухие», тогда как свободные концы (после напуска псалиев) могли быть закручены в многовитковое кольцо или на внешнем дополнительном кольце, как на итальянских и кобанских удилах (рис. 3: 7–8) или быть замкнуты в петлю, а концы стержней закручены на стержне, как на удилах из Ашшура и Луристана (рис. 3: 5, 9). У микенских удила конец прута закручен на внутренней петле (рис. 3: 10).

Формирование плетеных удила с разъемными псалиями мало чем отличалось: первоначально формировались внешнее

¹ Аргументы против изначально раздельного существования двух конструкций узды были предложены А. И. Иванчиком. Он полагает, что однокольчатые удила с разъемными псалиями возникли на Древнем Востоке уже в конце II тыс. до н. э. (Иванчик 2001: 137, 158 сл.). Однако приведенные А. И. Иванчиком данные в пользу этого в действительности не подтверждают его предположение (Медведская 2005: 120–122).

² К. Метцнер-Небельсик подчеркивает, что они оставались чуждыми в южнорусско-украинских комплексах IX–VIII в. до н. э. (Metzner-Nebelsick 2002: S.311, 315); это же отмечает С. Б. Вальчак (Вальчак 2009: 43).

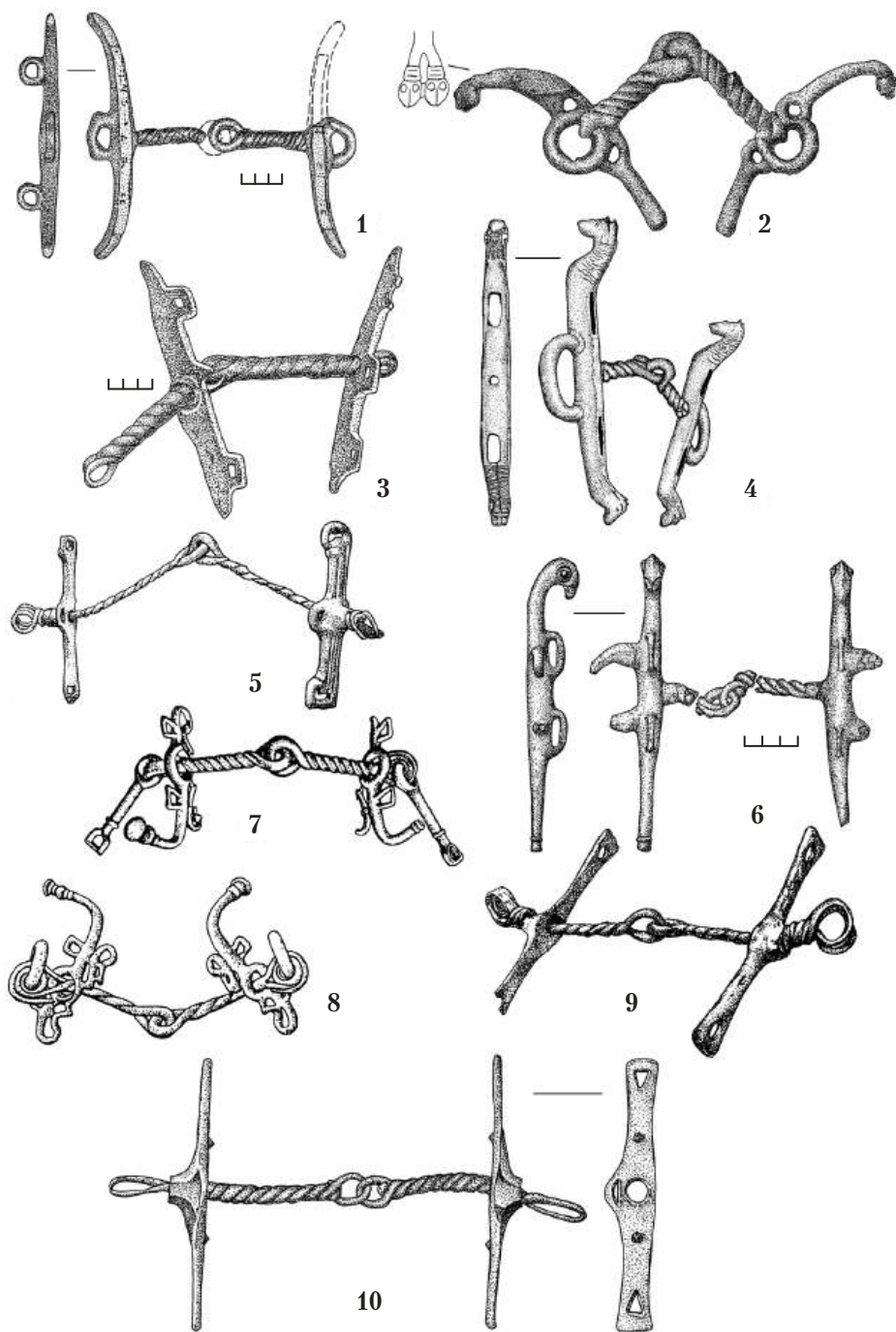

Рис. 3. Плетеные удила с напускными псалями. 1 — Азнавуртепе (Турция, имя Сардури II); 2 — Хасанлу IVB; 3 — Саламин (Кипр); 4, 6 — Алтынтепе, гробница 3 (Турция); 5 — Ашшур (Ирак); 7 — Болонья (Италия); 8 — Кобан (Северный Кавказ); 9 — Луристан, случайная находка; 10 — Микены (Греция)
(1 — бронза, железо; 2–10 — бронза)

и внутреннее кольца, происходило соединение обоих звеньев и свободные концы прута закручивались у основания колец (**рис. 4: 2–8, 12–16**). Итальянские удила сохраняли тот же способ закрутки концов прута на внешнем дополнительном кольце (**рис. 4: 17**).

Другим вариантом строгости удила являются удила с витыми стержнями. Оба звена, отлитые в форме замкнутых овалов, затем перекручивались — на таких удилах не видны концы закрепленных прутьев, а на внешних кольцах иногда имеются литники. Подобные удила известны в Западной Европе в VIII–VII вв. до н. э. — период NaB3–NaC, по периодизации Райнеке/Мюллер-Карпе, или NaC1a–NaC1/2, по обновленной хронологии (см. хронологическую таблицу: Кашуба, Левицкий 2012: рис. 1). Восточной границей распространения витых удила была Богемия (Balkwill 1973: 443–444) (**рис. 4: 9–10**). Хронологический приоритет Западной Европы в изготовлении витых удила позволил Е. Болквиллу считать, что именно в районе Верхнего Рейна и Швейцарии зародилась эта форма строгих удила и отсюда активно внедрялась вместе с иными видами удила в другие культурные зоны Западной Европы (*ibid.*: 439–440). По-видимому, витые удила входили в состав урартской узды (Кармир-блур) (**рис. 4: 11**). В Иране бронзовые витые удила происходят из Приурмийского района, входившего в состав Урартского царства до 714 г. до н. э. (Хасанлу IVB) (**рис. 4: 1**)¹, могильник Солдуз (Ghirshman 1939: pl. C: 17); погребение из Кани Котер (Манна, см. гл. VI § 5, рис. 25: 5).

Плетеные удила обеих конструкций преобладали в Италии (VIII в. до н. э. — Hase 1969: Taf. 20: 225–240) и, судя по некоторым другим находкам (Микены, XIII в. до н. э. — Иванчик 2001: рис. 63: 6; Афины, Агора, погребение XXVII, железные удила, рубеж X/IX вв. до н. э. — Blegen 1952: fig. 3: 8–9; Саламин (Кипр, VIII в.), приоритет в их производстве был за Средиземноморским регионом (**рис. 3: 3, 7, 10; 4: 17**).

В ареале урартской культуры плетеные и витые удила использовались в VIII — первой половине VII в. до н. э. в равной мере, что наиболее показательно по конскому убору, которым пользовались обитатели урартского владения Хасанлу IVB в момент штурма и гибели города в 714 г. (**рис. 4: 1–3**). Здесь обнаружены

¹ Рис. 4: 1 — рисунок О. Мускареллы, фото витых удила см. Schauensee, Dyson 1983: fig. 12.

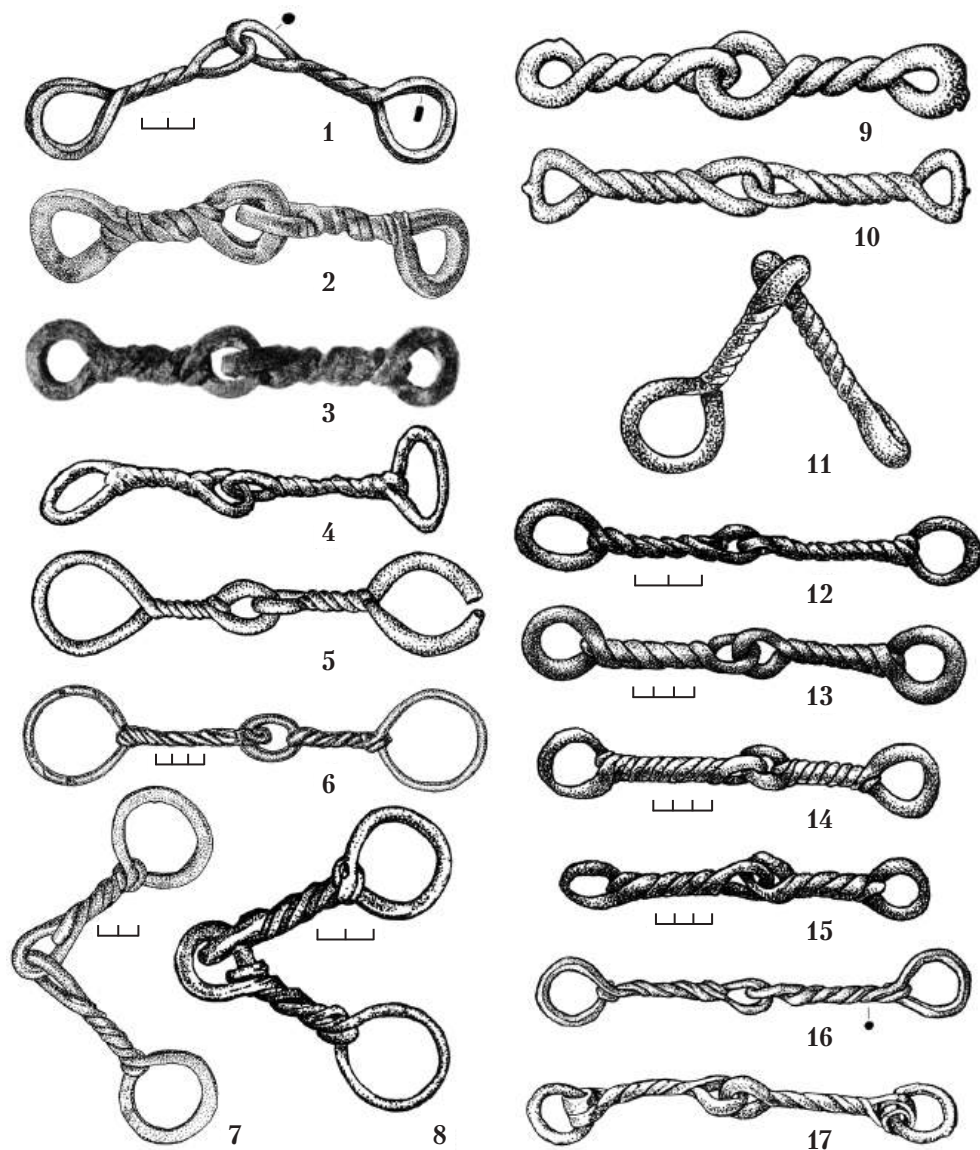

Рис. 4. Бронзовые плетеные (2–8, 12–17) и витые (1, 9–11) удила. 1–3 — Хасанлу IVB (Иран); 4 — Луристан или Северный Иран, случайная находка; 5 — Шамхорский могильник; 6 — Мингечаур, курган II; 7 — Калакент, погребение 47; 8 — Малый Курган (Азербайджан); 9–10 — Богемия; 11 — Кармир-блур (Армения); 12–15 — Турция, случайная находка; 16 — Норшунтепе, погр. (Турция); 17 — Болонья (Италия)

плетеные удила только второй конструкции, если не учитывать уникальные плетеные удила с псалиями, которые были прочно «привязаны» (прикреплены) концами прута к рабочей части удил, что делает их своеобразной моделью удил с напускными псалиями (Schauensee, Dyson 1983: fig. 14)¹. Разъемные удила с плетеными грызлами встречаются в Восточном Закавказье (Шамхор, Мингечаур, Узун-тепе, Малый курган, Дивалона, Калакент 47 — Погребова 2011: 182–189, табл. LI: 2, 6–7, 11, 13; XLIX: 5) (**рис. 4: 5–8**), в Северном Иране или в Луристане (случайная находка: **рис. 4: 4**), на территории Турции (**рис. 4: 12–15**). Если учесть, что плетеные удила с напускными псалиями найдены в Ассирии (Ашшур) и в Луристане (**рис. 3: 5, 9**), с жесткоскрепленными псалиями в урартских памятниках Турции, в том числе биметаллические удила с железными звеньями и именем Сардури II (760–730, Азнавуртепе) и бронзовые плетеные удила времени Аргишти II (714–685, Алтынтепе) (**рис. 3: 1, 4, 6**), но отсутствуют в районах севернее Закавказья и в Средней Азии, то пути их проникновения с запада на территорию Древнего Востока через Малую Азию становятся достаточно очевидными.

В связи с вопросом о путях проникновения на территорию Древнего Востока способа плетения удил следует обратить внимание на плетеные удила из Калакента (Парадисфестунг, погребение 47), точнее, на комплектные к ним псалии. Они имеют три овальных отверстия, расположенные по всей длине псалия. Уникальными для Закавказья являются окончания этих псалиев в виде круглых лопастей. Аналогий им нет ни в Закавказье, ни в более южных районах. Предложенное сопоставление их с псалиями (в комплекте с двукольчатыми удилами) из кургана Уашхиту (Адыгея; Иванчик 2001: 178, **рис. 16: 1, 3, 8, 10, 15, 17; 85: 12**) не вполне корректно. Во-первых, различны формы лопастей: круглая (овальная?) в Калакенте и весловидная с заостренным окончанием в Уашхиту. Во-вторых, типологически различны стержни

¹ Эти удила уникальны и в другом. Оба псалия заканчиваются изображением двойной змеиной головки (рисунок М. Шауэнзи — см. **рис. 3: 2**). Каждый псалий имеет только два отверстия, которые вплотную соприкасаются с внешним кольцом звена удил. Если, как отмечают авторы, каждое звено было отлито вместе с псалием, то почему на фотографии на внешних кольцах видны концы загнутого прута?

псалиев с различно оформленными отверстиями: псалии из Уашхиту имеют круглые сближенные между собой отверстия в муфтах, тогда как у калакентских псалиев равномерно расположенные по стержню овальные отверстия находятся в центре угловатых расширений¹. Именно эта деталь оформления отверстий псалия, обычно с более острыми углами, использовалась в Закавказье: в Малом кургане, на псалии из местности Дивалона также вокруг овальных сближенных отверстий, в Мингечауре — вокруг круглых отверстий (рис. 5: 5–6, 8). В Хасанлу IVB угловатые расширения стержня вокруг круглых, но уже сближенных между собой отверстий, образуют зубчатую площадку (рис. 5: 2). Псалии с муфтами к югу от Центрального Кавказа не известны.

Итак, калакентские псалии не могут свидетельствовать о близости способов производства таких моделей псалиев по обе стороны Кавказского хребта. Кроме того, формы удила, с которыми использовались рассмотренные псалии, не пересекали указанную границу: плетеные удила с разъемными псалиями не известны севернее Главного Кавказского хребта², двуколычатые удила — к югу от него.

Круглая лопасть псалия известна в единичных экземплярах в Центральной Европе на трехмуфтовых псалиях из Яньево и на Северном Кавказе на трехпетельчатых псалиях из Терезе (Махортых 2003: рис. 42: 2; 50: 12) и района Майкопа (случайная находка; Иессен 1953: 70, рис. 13; Вальчак 2009: рис. 75: 2). Именно такие северокавказские трехпетельчатые, как и трехмуфтовые, псалии различных модификаций имеют очевидные параллели на западе вплоть до Центральной Европы (Махортых 2003: рис. 30; 32; 36; 41–43; 50) и на востоке вплоть до Калмыкии (с. Кише близ Элисты; Смирнов 1961: рис. 43: 3)³. Все это может свидетельствовать о заимствовании, взаимовлиянии и т. п. в изготовлении конской узды в этой обширной зоне контактов Евразии, но не к югу от нее. Поскольку трехпетельчатые и трехмуфтовые псалии неизвестны

¹ Они отличаются от сиалковских псалиев, которые имеют плоские круглые утолщения вокруг отверстий (ср. однако: Иванчик 2001: 178).

² Уникальность плетеных удила с напускными псалиями из Верхней Кобани уже была отмечена А. А. Иесенном.

³ То же самое относится и к псалиям камышевахского типа (Махортых 2003: рис. 44).

южнее Кавказского хребта, то в таком случае (как и в случае с двукольчатыми и плетеными удилами) нет оснований утверждать, что круглая форма лопасти калакентских трехдырчатых псалиев могла быть заимствована через территорию Северного Кавказа.

Не противоречит этому заключению факт появления на Древнем Востоке однокольчатых удил с разъемными псалиями. Если исключить вероятность локального и независимого изобретения этой самой простой формы удил, то какие пути проникновения этой модификации на территорию Ирана и сопредельных регионов вероятны? Обычно предполагаются пути через Кавказ. Но если уже в IX в. до н. э. на юге Европы и на Северном Кавказе использовались одновременно одно- и двукольчатые удила, а также стремячковидные (Эрлих 1991: 36–37; Махортых 2005: 92–95), то чем объяснить отсутствие двух последних разновидностей удил к югу от Кавказского хребта в VIII в. до н. э., а в Иране и позднее? Их нет и в составе урартского конского снаряжения. Находка стремячковидных удил в Малой Азии (Норшунтепе) связана уже непосредственно с началом походов евразийских номадов в конце VIII в. до н. э. Очевидно, что все вышеизложенное свидетельствует о том, что территории к югу от Кавказа не только в IX в. до н. э., но еще и в VIII в. до н. э. находились вне зоны контактов с северными регионами, во всяком случае, в области формирования конского снаряжения.

В связи с хронологией удил второй конструкции из Сиалка В и Хасанлу IVB важное значение имеют описанные выше бронзовые псалии. Морфологическое различие псалиев обоих памятников очевидно. В Хасанлу IVB преобладают псалии, у которых один конец имеет круглое, другой — прямоугольное сечение, центральная часть стержня расширена и имеет зубчатую форму, образованную соединением трех расширений вокруг круглых отверстий. Концы псалия по длине равны площадке с отверстиями (**рис. 5: 2**). Именно выделенная таким образом центральная часть псалия отличает псалии из Хасанлу от сиалковских. У последних каждое круглое (не угловатое) утолщение вокруг отверстия равномерно расположено по стержню псалия, площадки нет. Концы сиалковских псалиев короткие (**рис. 5: 3**). Учитывая общую тенденцию развития стержневидных разъемных псалиев, которое заключается в постепенном смещении отверстий к центру стержня, можно считать псалии из Хасанлу, у части

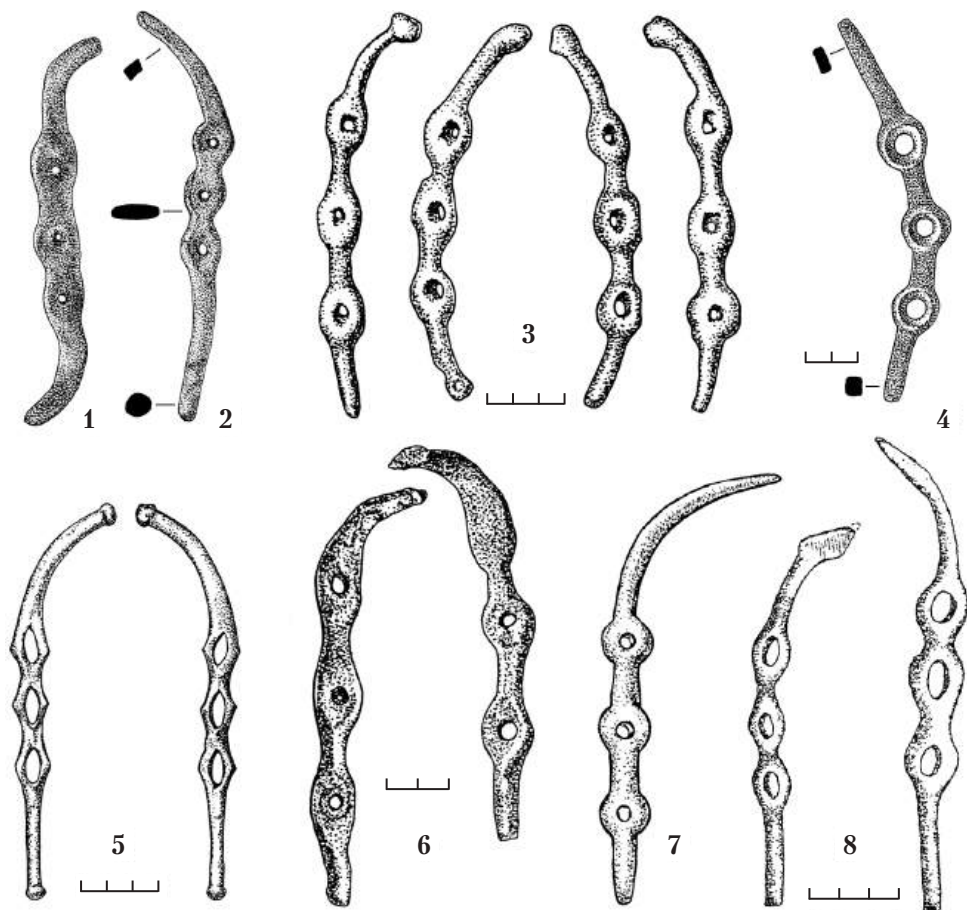

Рис. 5. Бронзовые псалии. 1–2 — Хасанлу IVB; 3 — Сиалк В, погребение 15; 4 — Восточная Анатолия, случайная находка; 5 — Малый Курган; 6 — Мингечаур, курган II; 7 — Шамхорский могильник; 8 — Дивалона (Азербайджан)

которых отверстия уже сближены между собой, типологически более поздним вариантом. Хотя псалии из обоих памятников относятся примерно к одному времени, но это демонстрирует лишь совстречаемость раннего и позднего типов. Отмеченные различия не позволяют согласиться с предлагаемым исследователями выделением «сиалковского» типа псалиев, который был определен как в Хасанлу IVB, так и в северокавказских памятниках, и что, в частности, служит основанием для повышения верхней даты могильника Сиалк В (Эрлих 1994: 66–68; Медведская 2005: 107–109). В инвентаре Сиалка В нет элементов культуры евразийских

номадов. В этот глубинный район Ирана в VIII в. до н. э. носители этой культуры еще не проникли. Следовательно, не было и обратного.

Роговые псалии, найденные в Хасанлу IVB вместе с железными удилами, дают дополнительное основание датировать конскую узду из этого памятника не ранее VIII в. до н. э. Псалии имеют три круглых отверстия в одной плоскости, равномерно расположенные по всей длине псалия (**рис. 6: 5**). Роговые псалии из Хасанлу наиболее близки урартским псалиям с круглыми отверстиями из Кармир-блур (кость, VII в. до н. э.) и Чавуштепе (рог, VII в. до н. э.), слегка овальными отверстиями из Эребуни (кость, VIII в. до н. э.) и Ркинис-Кало (рог, VIII–VII вв. до н. э.) (**рис. 6: 1–4**). У последнего, как и чавуштепинского псалия, отверстия уже сближены между собой. По-видимому, особенностью псалиев VIII в. до н. э. является расположение отверстий практически по всей длине прямой части рога, тогда как в VII в. до н. э. отверстия, как правило, сближены между собой, но во второй половине VIII в. до н. э. оба варианта расположения отверстий, вероятно, уже сосуществовали.

Исключение IX в. из датировки рассматриваемых псалиев может быть основано на двух других признаках роговых и костяных псалиев: форма отверстий и, особенно, их расположение относительно продольной оси псалия. Первоначально крайние отверстия располагались перпендикулярно относительно центрального отверстия псалия (**рис. 7**). В Анатолии древнейшими считаются роговые псалии из Бейчесултана III и Аладжа Гуюка (Foltiny 1967: 16–20; fig. 5: 2–3) (**рис. 7: 1**), которые датируются между 1450–1300 гг. до н. э. Эти псалии имеют центральное большое отверстие овальной формы (в Аладжа Гуюке один псалий имеет центральное отверстие прямоугольной формы) и два крайних круглых отверстия в другой плоскости псалия. В Греции и Египте роговые псалии как будто не использовались (*ibid.*: 30). По мнению С. Фолтини, псалии с отверстиями в одной плоскости до 800 гг. до н. э. неизвестны (*ibid.*).

В этой связи представляют интерес роговые псалии с отверстиями в разных плоскостях из погребения 77 могильника Мингечаур, которое первоначально датировалось XI–IX вв. до н. э. (**рис. 7: 2**). У одной пары псалиев центральное отверстие круглое, у другой, судя по описанию, овальное. Псалии украшены

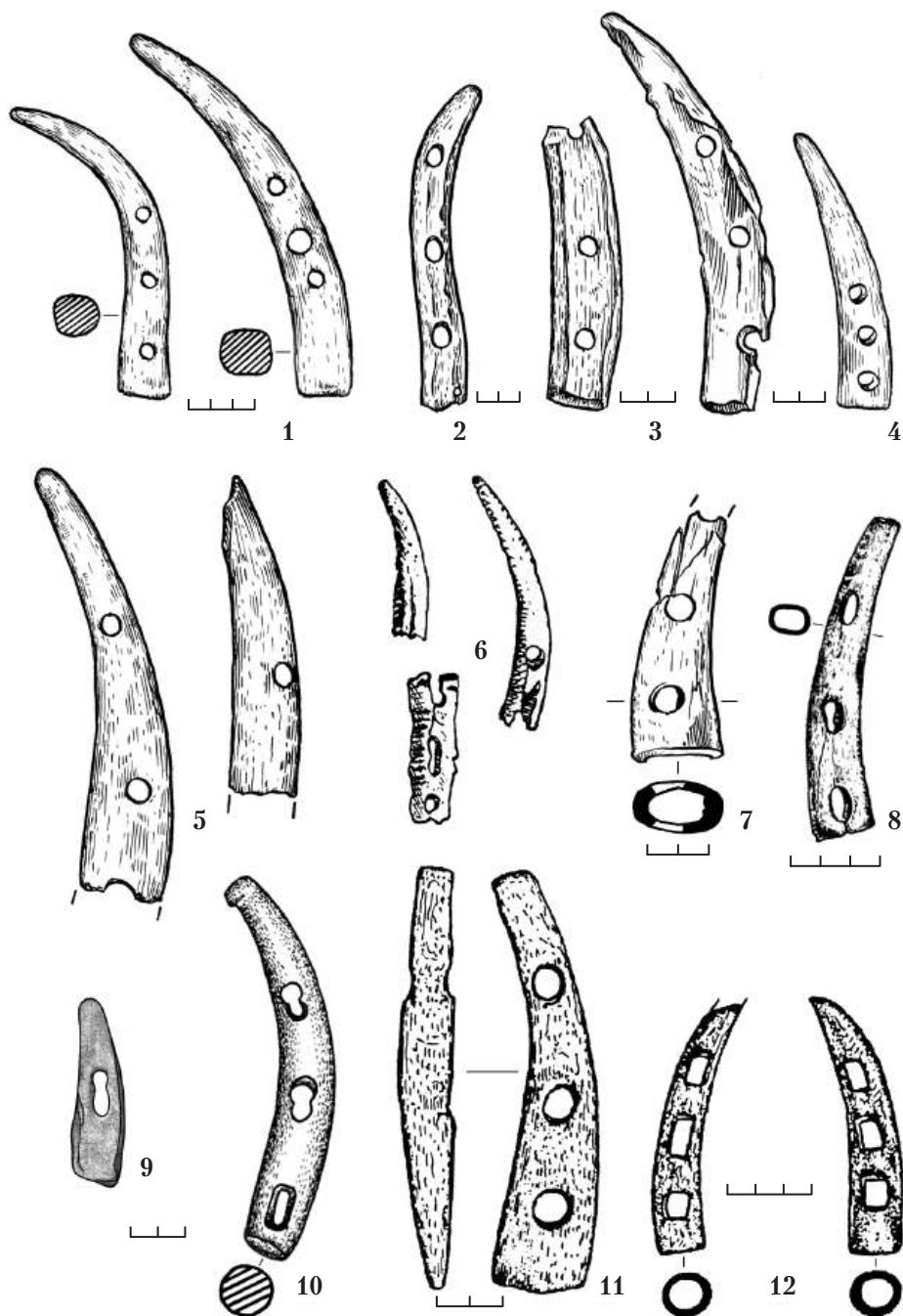

Рис. 6. Роговые и костяные псалии. 1 — Чавуштепе (Турция); 2 — Эребуни; 3 — Кармир-блур (Армения); 4 — Ркинис-Кало, погребение 27 (Грузия); 5 — Хасанлу IVB; 6 — Сиалк В, погребение 15 (Иран); 7 — Днестровка-Лука, поселение; 8 — Сахарна I, курган VI, погребение 1 (Среднее Поднепровье); 9 — Жаботин, поселение (Среднее Поднепровье); 10 — Сахарна Маре (Среднее Поднепровье); 11–12 — Фарс/Клады, погребения 9 и 31 (Северный Кавказ)

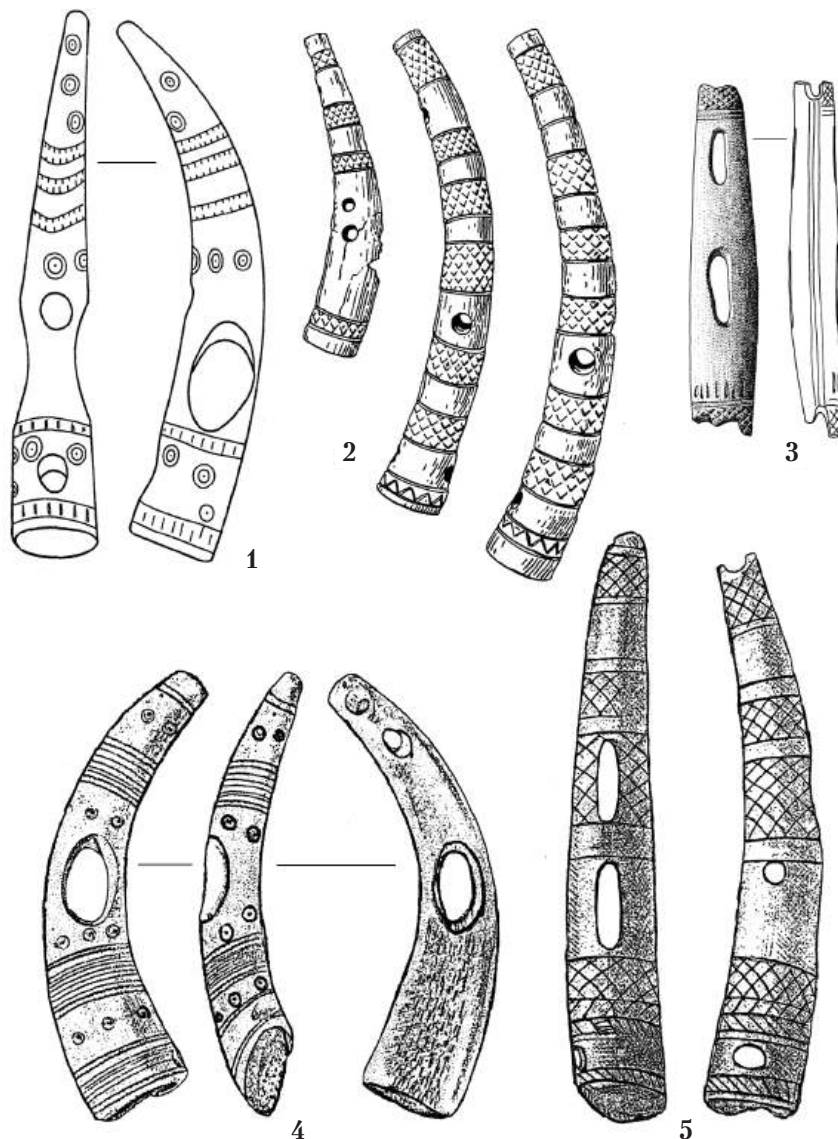

Рис. 7. Роговые пса́ли с резным орнаментом. 1 — Бейчесултан III (Турция); 2 — Мингечаур, погребение 77 (Азербайджан); 3 — Сабатиновка (Украина, Южный Буг); 4 — Паказдвар; 5 — Тосцег (Венгрия)

резным орнаментом в виде поясков, заполненных, в основном, косой сеткой. Авторы раскопок определили эти изделия как элементы флейты. Исправил это недоразумение А. П. Мелентьев, который нашел этим пса́лям близкие аналогии и датировал их концом X–IX в. до н. э. (Мелентьев 1968: 226–228, прим. 2). Эта дата

совпадает с мнением С. Фолтини о времени смены принципа расположения отверстий на псалиях после 800 г. до н. э.

Приведенные А. П. Мелентьевым аналогии мингечаурским псалиям с двуплоскостным расположением отверстий указывают на Среднюю Европу эпохи бронзы (Венгрия: Фюзэшабонь, Тосцер) как исходный очаг распространения подобных компонентов уздечки (там же: 227). Н. Бороффка определил границы исходного очага шире — весь Карпатский бассейн, откуда такие псалии (1 и 2 типы, по А. Можолитч) распространялись на север, запад, восток и на юго-восток до Анатолии (Boroffka 1998: 106 ff., 135, Abb. 12). Конструктивную близость с мингечаурскими псалиями обнаруживает псалий из Тосцега: сдвоенные центральные отверстия (хотя и разной формы) и, особенно, пояски резного орнамента в виде косой сетки (**рис. 7: 5**). С. Фолтини привел аналогии псалиям из Бейчесултана III и Аладжа Гуюка III в тех же венгерских памятниках, где встречаются псалии и с другими элементами орнамента — концентрическими кружками, подобными орнаменту на малоазийских псалиях (Foltiny 1967: 22, fig. 5–7) (**рис. 7: 1, 4**). Следует отметить, что на территории — промежуточной между Средней Европой и Кавказом — псалии, украшенные подобными полосками резного орнамента, не обнаружены. Самой восточной находкой в этом регионе является орнаментированный косой сеткой псалий из Сабатиновки (Южный Буг, **рис. 7: 3**). Тогда как на промежуточной малоазийской территории украшенные подобным образом роговые псалии применялись уже в последней трети II тыс. до н. э. И в данном случае не имеет значения, была ли Анатолия исходным или промежуточным источником, откуда этот тип роговых псалиев и стиль их украшения попал в Закавказье. Но случилось это задолго до времени сложения на этой территории узды урартского периода.

Между тем, мингечаурское погребение 77 позднее было датировано «не ранее VIII до н. э.» (Погребова 2011: 193–194). В таком случае следовало бы полагать, что еще в VIII в. до н. э. использовались псалии с отверстиями в разных плоскостях, но, скорее всего, это не так.

В Карпато-Подунавье и Северо-Западном Причерноморье изменение расположения отверстий на роговых и костяных псалиях отмечается уже в IX в. до н. э., когда разнообразные по форме отверстия (овальные, восьмерковидные и подпрямоугольные)

стали располагать в одной плоскости псалия: Сахарнянский могильник I, Сахарна Маре (культура Козия-Сахарна, фаза Сахарна IIb — Кашуба 2000: рис. XXXIX: 5, 7; Кашуба, Левицкий 2012: рис. 1) (**рис. 6: 8, 10**). В Правобережном Поднепровье (Жаботин) еще в начале VIII в. до н. э. существовали псалии с некруглыми отверстиями (**рис. 6: 9**). На рубеже IX/VIII — в первой половине VIII в. до н. э. появляются псалии с круглыми отверстиями. В Среднем Поднестровье самым ранним таким изделием считается роговой псалий с круглыми отверстиями из позднечернолесского поселения Днестровка-Лука (**рис. 6: 7**). М. Т. Кашуба синхронизировала псалии из Днестровка-Луки и Сахарнянского могильника I, датируя их концом IX — рубежом IX/VIII вв. до н. э. (Кашуба 2000: 349).

На Северном Кавказе в памятниках первой половины VIII в. до н. э. (Эрлих 2002: 45–47) также обнаружены псалии с отверстиями в одной плоскости. В Николаевском могильнике (погребение 31) костяной псалий имеет узкие овальные отверстия (Анфимов 1961: 112, табл. III: 6), в могильнике Фарс/Клады встречены роговые псалии с круглыми (погребение 9) и прямоугольными (погребение 31) отверстиями (**рис. 6: 11–12**).

В Иране в Сиалке В (могила 15) центральное отверстие фрагментированного псалия овальное, крайние отверстия круглые, в Хасанлу IVB и в урартских памятниках VIII–VII вв. до н. э. за редким исключением (Эребуни) — круглые (**рис. 6: 1–6**).

Таким образом, мингечаурские роговые псалии из погребения 77 не могут датироваться VIII в. до н. э. и быть одновременными псалиям урартского времени. В свою очередь, роговые и костяные псалии Хасанлу IVB и Сиалка В не могут датироваться ранее VIII в. до н. э.

Непосредственно с конской уздой связаны **пронизи для перекрестных ремней оголовья**. В Сиалке В они обнаружены в могиле 15 и представляют собой уплощенно-конический щиток, под которым припаяны четыре столбика-скобы, основания которых образуют квадрат, невысокие скобы находятся на некотором расстоянии от края щитка (**рис. 8: 17, 19–20**). В Иране известны аналогичные пронизи (**рис. 8: 18, 22**), одна из них найдена в могильнике Гиян (погребение 3; Ghirshman 1936: fig. G: 3)¹,

¹ В основной публикации материалов Тепе-Гиян (Contenau, Ghirshman 1935: pl. 8: 12) эта пронизь плохо изображена.

Рис. 8. Бронзовые прони́зы группы I. 1–3 — Шаркад (Венгрия); 4–5 — Сантовка (Словакия); 6 — Фюгёд, клад; 7 — Санда, клад (Венгрия); 8–10 — Батина/Кишкосец (Хорватия); 11 — Гура Падиной (Румыния); 12–13 — Фюзэша-бонь-Эрёгдомб (Венгрия); 14 — Сеника, погребение 1/42 (Словакия); 15–16 — Эсте, погребения 14 и 278 (Италия); 17, 19, 20 — Сялэк В, погребение 15 (Иран); 18 — Иран, случайная находка; 21 — Кисловодск, случайная находка (Северный Кавказ); 22 — Гиан, погребение 3 (Иран)

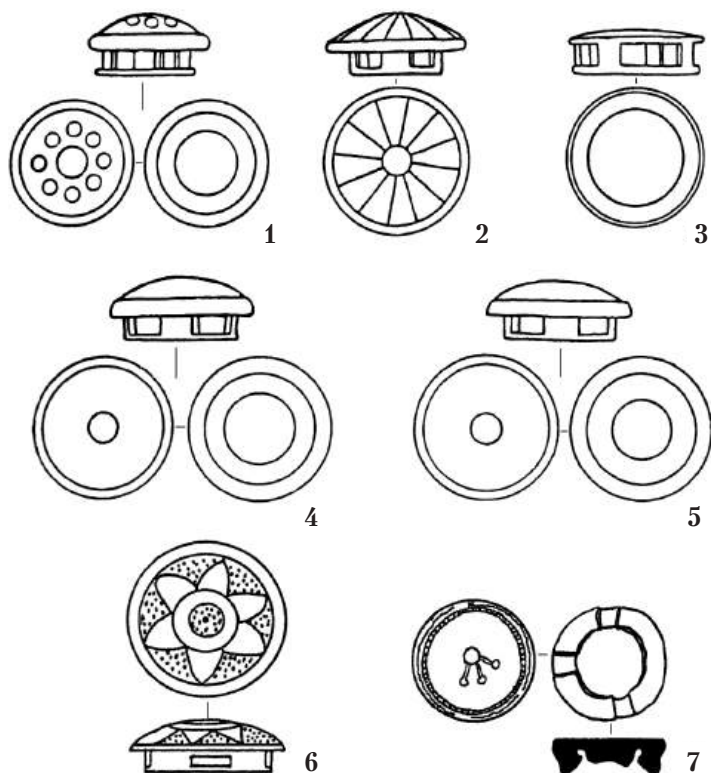

Рис. 9. Бронзовые (1–5) и костяные (6–7) пронизи. 1–5 — Сарычобан, курган; 6–7 — Паша-Тапа, курган 4, Азербайджан; Иловатка низовье Волги

в Хасанлу IVB такая обойма найдена вне связи с уздечкой (не опубликована¹). В Закавказье (Карабах) в кургане у села Сарычобан обнаружено значительное число обоек, из которых опубликовано 10 экземпляров (Джафаров 1993: рис. 5: 1, 3, 7, 11; 6: 4, 6–7, 10, 14; 7: 3) (**рис. 10: 1–5**).

Обоймы для перекрестных ремней оголовья, по мнению К. Ф. Смирнова, появились уже в эпоху бронзы. Ими он считал две круглые костяные бляшки с тремя сквозными прорезями из Иловатки (**рис. 9: 7**), которые могли быть вероятными прототипами бронзовых цилиндрических блях-обоек скифского времени (Смирнов 1959: 227, рис. 9: 4). Последние представляют собой цельнолитой экземпляр со сделанными при отливке

¹ Cuyler Young T. 1967: 25, note 78: 5; письмо М. Шауензи автору от 10 июня 2002 г., в котором она подтвердила ее принадлежность к слою IVB.

отверстиями (условно ее можно назвать поздней группой). Иногда они украшены элементами скифского звериного стиля, сам цилиндр мог служить подставкой для фигурок или только головок животных или птиц.

Очевидно, что между обоями скифского времени и костяными обоями эпохи бронзы существовали промежуточные формы. Одними из них можно считать бронзовые обоймы силковского типа (группа I, **рис. 8**). У них невысокие скобы были расположены сравнительно далеко от края щитка, что, видимо, представляло некоторое неудобство при продевании ремней. С учетом этого могли появиться обоймы, у которых более высокие скобы-столбики сдвигаются к краю щитка (группа II, **рис. 10А–В**), и в профиль они иногда напоминают цилиндрические обоймы скифского времени. Будучи морфологически различными, структурно они связаны. Однако ареалы бытования трех групп пронизей не свидетельствуют об их последовательном использовании в каждом регионе; заимствование происходило первоначально из одного региона, но, вероятно, в разное время.

Во-первых, за пределами Ирана пронизы группы I со сдвинутыми от края щитка скобами известны только в памятниках Средней и Южной Европы (**рис. 8: 1–15**). Именно в Европе прослеживается использование первых двух групп. Вместе в одних комплексах, в том числе в «кладах», они будто бы не встречены. Хотя, вероятно, смена обеих групп произошла сравнительно быстро. Например, в разных погребениях могильника Эсте II найдены оба варианта (**рис. 8: 15–16**), определить время их смены в пределах предскифского времени трудно¹. Круглые щитки европейских пронизей группы I уплощенно-конические или округлой формы. Щитки гладкие или имеют четыре прорези, которые образуют крестообразные фигуры с циркульным орнаментом на концах креста (**рис. 8: 1–5**). Восемь треугольных прорезей на щитке также образуют нечто крестовидное с таким же циркульным орнаментом (**рис. 8: 6**). В основе солярного знака также

¹ К. Метцнер-Небельзик выделяет типы пронизей по форме и орнаментике щитка, не учитывая расположение скоб под ним. Все обоймы с гладким, не орнаментированным щитком отнесены ею к одному типу «А», варианты которого бытовали в пределах IX–VIII вв. до н. э. (Metzner-Nebelsick 2002: 310–311, Abb. 139–140; 142a, b).

лежит крест (**рис. 8: 9**). Невысокие скобы обычно крепились на округлой рамке-основании, реже — на квадратной рамке. Но уже в группе II пронизи, помимо круглых гладких щитков (подгруппа II А), часто имеют щитки фигурных очертаний: крестовидные и шлемовидные (подгруппа II В) (**рис. 10А–В**).

Во-вторых, в Причерноморье и на Северном Кавказе пронизи группы I в составе уздечки отсутствуют¹; пронизи подгруппы II А обнаружены в единичных экземплярах (Бирюково, курган 8, погребение 2; Сержень Юрт, погребение 39; Пшиш I, курган 51; Клинь-Яр III) (**рис. 10А: 10–12, 15–19**)². К северу от Кавказа чаще встречаются пронизи с фигурными щитками (подгруппа II В), среди которых использовались различные варианты крестовидных и шлемовидных пронизей (**рис. 10В: 28–29**). Три варианта северокавказских крестовидных пронизей, определенные В. Р. Эрлихом, имеют аналогии в Среднем Поднестровье (Голиграды), а также в Мощанецком кладе, в котором найдены также и шлемовидные пронизи — **рис. 10В: 30–31**, и в Средней Европе (тип Леград — Эрлих 2007: 136). Можно ли в таком случае предполагать, что здесь контакты с Европой в области формирования узды начались тогда, когда стали широко использоваться пронизи группы II В, и, следовательно, пронизи группы I использовались чуть раньше? Или в Иране эти пронизи были только импортом или имитацией (Metzner-Nebelsick 2002: 311)? Но ведь в Иране они обнаружены в обширном ареале; помимо Сиалка В (Кашан), в Луристане и Приурмийском районе.

В-третьих, в Средней Азии первые две группы обойм отсутствуют. В могильниках Уйгарак и Тагискен известны только цельнолитые цилиндрические обоймы скифского времени. Здесь, очевидно, процесс сложения конского убора шел независимо от западных регионов, когда там использовались две первые группы обойм. В обоих памятниках присутствуют три типа пронизей,

¹ Известна случайная находка крупной бляхи со скобами на квадратной основе в районе Кисловодска (Козенкова 1995: табл. XXVIII: 11) (**рис. 8: 21**).

² Но если клинь-ярская пронизь попала на территорию Предкавказья после возвращения ее владельца из переднеазиатских походов (Berezin, Dudarev 1999: 216), то не исключается использование в Малой Азии пронизей и средней группы.

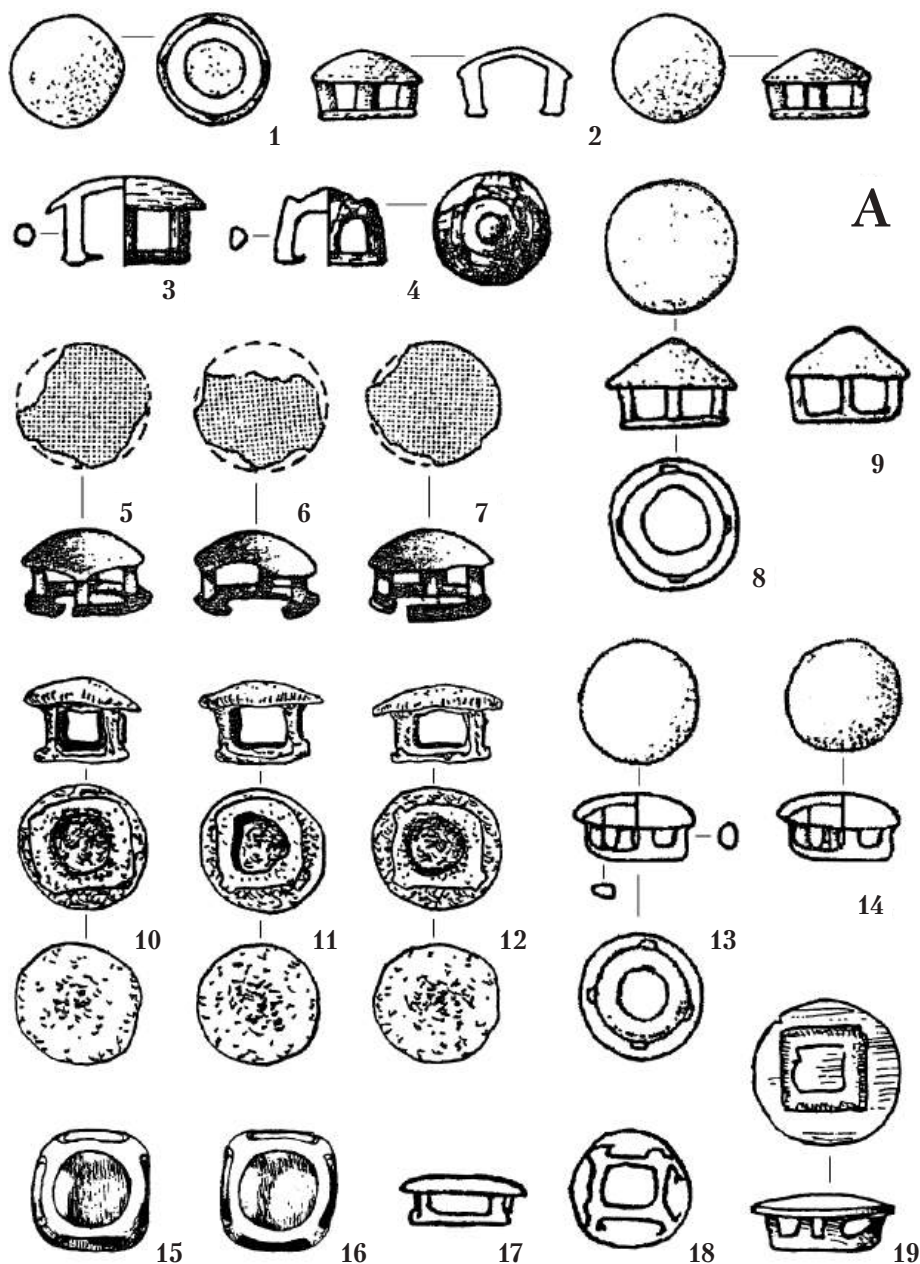

Рис. 10А. Бронзовые пронизы подгруппы II А. 1–2 — Штильфридский «клад»; 3–4 — Штильфрид (погребение, Австрия); 5–7 — Печ/Якабхэдь (курган 1, Венгрия); 8, 9 — Фрэг (курган 1, Австрия); 10–12 — Бирюково (курган 8, погребение 2, р. Дон); 13–14 — Фюзэшабонь/Эрэгдомб (погребение 3, Венгрия)

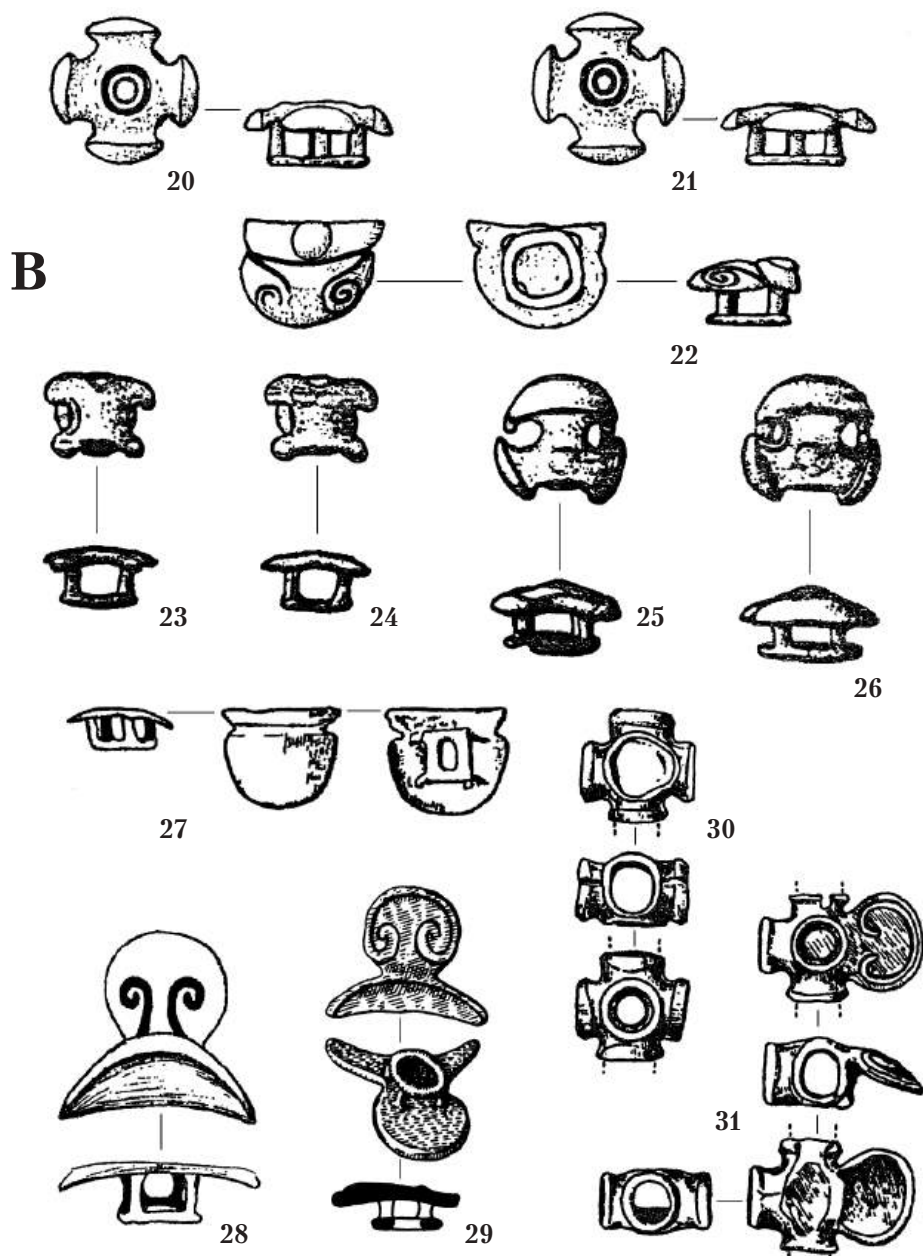

Рис. 10В. Бронзовые пронизы подгруппы II Б. 20–22 — Штильфридский «клад»; 23–26 — Гильденберг (курган 2, Австрия); 27 — Ветиш (клад, Румыния); 28 — Пшиш-1; 29 — Клинь-Яр III (Северный Кавказ); 30–31 — Мошанец (клад, Украина)

выделенные по материалам могильника Уйгарак (Вишневская 1973: 103–104). В Тагискене нет только обойм со спиралевидными и зооморфными щитками, известных в Уйгараке (Итина, Яблонский 1997: 67, 70). Оба могильника датируются не ранее конца VIII в. до н. э., в пределах VII — первой половины VI в. до н. э. (Итина, Яблонский 1997: 71; Вальчак 2004: 44).

Исключительную позицию занимают уникальные инкрустированные бронзовые пронизи из Сарычобана (рис. 9: 1–5). Г. Ф. Джафаров датировал их XII–XI вв. до н. э., М. Н. Погребова — XII–IX вв. до н. э. Этому, в целом, не противоречит дата сарычобанских удил с напускными псалями типа Марлик, хотя хронологическая позиция удил с напускными пластинчатыми псалями с зооморфными окончаниями остается неясной. В этом же районе обнаружена аналогичная сарычобанским костяная пронизь из кургана Паша-Тапа (Степные курганы Э. Реслера), украшенная резным орнаментом и датируемая XIII в. до н. э. (Погребова 2011: 88, 91–94; табл. XXVII: 5)¹ (рис. 9: 6). Пронизь из могильника Мугерган (Дагестан), аналогичная по форме одному из сарычобанских экземпляров (рис. 9: 3), датируется XII–X вв. до н. э. (Котович, Давудов 1980: рис. 1: 14, 3: 59). Эти пронизи могли бы относиться к группе II, но, если Сарычобан одновременный комплекс, они не могут датироваться после X–IX в. до н. э. Позднее подобные пронизи здесь не найдены.

Важно подчеркнуть, что обоймы группы I не использовались на Кавказе, в Евразийских степях и в Средней Азии, тогда как к югу от Кавказа в составе узды отсутствует группа II. Такое распределение трех групп может свидетельствовать о следующем. На территорию Ирана этот элемент узды проник из Европы, но не через Кавказ, а через Малую Азию по древним путям, прослеженным выше для других элементов узды. И дело не в малочисленности обнаруженных к югу от Кавказа этих элементов узды, а в том, что здесь отсутствуют столь многочисленные и многообразные

¹ На таблице XXVII ее работы вместо кости ошибочно указан камень. Сравнение этих пронизей стандартной формы с уникальной техникой резного орнамента и инкрустированием алебастровыми вставками с примитивной костяной пронизью срубного времени из Иловатки в Нижнем Поволжье, к тому же только с тремя отверстиями (Погребова 2011: 93) вряд ли имеет смысл (рис. 9: 7).

формы пронизей группы II, распространенных к северу от Кавказа. Только в скифский период через Кавказ на юг начинают проникать вместе с их носителями пронизи третьей группы (цельнолитые с головками барано-грифона, клювовидные и др.) вместе с некоторыми разновидностями удила и псалиев, прежде неизвестных к югу от Кавказа (Норшунтепе, Кармир-блур, Чавуштепе, Капланту, Хасанлу III — Иванчик 2001: рис. 4: 5, 8а–б; 12: 3–15, 17, 18; 27: 1–5). Поскольку среднеазиатские пронизи типа Уйгарак–Тагискен в Иране неизвестны, это может доказывать проникновение отмеченных элементов узды именно с их носителями, киммерийцами и скифами, через Кавказ, начиная с конца VIII в. до н. э. Тогда же проникают в Переднюю Азию и другие элементы военной экипировки кочевников, в том числе «скифский» чешуйчатый панцирь, принципиально отличный по способу крепления пластин от местных ламеллярных панцирей (Рябкова 2010: 99).

Рассмотренные элементы конской узды позволяют сделать следующие выводы. На Древнем Востоке и в евразийских степях сложились и развивались до определенного времени различные конструкции конской узды. Формирование конского убора на территории Древнего Ирана и Закавказья в доскифский период происходило независимо от аналогичного процесса к северу от Кавказского хребта, в Евразийских степях и в Средней Азии. Необходимо отказаться от предлагавшегося ранее объяснения появления на Древнем Востоке в начале I тыс. до н. э. евразийской конструкции узды в результате контактов через Кавказский регион. Об этом может свидетельствовать следующее.

К северу от Кавказа уже в IX в. до н. э. и позднее использовались одно- и двукольчатые, стремечковидные удила различных модификаций. Вместе с ними использовались разъемные трехмуфты, трехпетельчатые псалии. Из всего этого набора на Древнем Востоке в целом, и в Иране в частности, в допоходный период известны только однокольчатые удила и разъемные трехдырчатые псалии, модификации которых неизвестны севернее Кавказа. Появление здесь однокольчатых удила связано с Центральной и Южной Европой. Доказательством европейского влияния на сложение конского убора в Малой Азии, Восточном Средиземноморье, в Закавказье и Иране служат, в частности, однокольчатые удила обеих конструкций с плетеными и витыми грызлами — эти способы изготовления удила не использовались

к северу от Кавказа. Там существовала лишь их имитация, которую обычно называют удилами с рифлением, ложновитыми удилами и т. п. Доказательством длительности европейского влияния на сложение древневосточной узды могут служить роговые и костяные псалии раннего типа с характерным резным орнаментом, использовавшиеся в Европе, Малой Азии и Закавказье задолго до сложения узды урартского периода.

Другим доказательством того, что регионы к югу от Кавказа не только в IX в. до н. э., но еще и в VIII в. до н. э. находились вне зоны контактов с северными регионами, во всяком случае, в области формирования конского снаряжения, служат обоймы для перекрестных ремней оголовья. В Иране известны пронизи группы I, наименее удобной в использовании формы, которая использовалась в Европе, но отсутствует в составе узды в степной зоне и в Средней Азии. Пронизи группы II в Иране не обнаружены, но они широко распространены в обширной контактной зоне от Центральной Европы до Северного Кавказа. Цельнолитые обоймы скифского периода проникают совместно с некоторыми разновидностями удил, псалиев, элементами военной экипировки в регионы к югу от Кавказа вместе с их носителями — киммерийцами и скифами — не ранее рубежа VIII–VII вв. до н. э.

Рассмотренные элементы древневосточного конского убора, его происхождение, развитие и хронология позволяют датировать конские уборы из Сиалка В и Хасанлу IVB только в пределах VIII в. до н. э., причем комплекс из Хасанлу IVB, по-видимому, чуть позднее и, скорее, относится ко второй половине VIII в. до н. э. Уточнение дат обоих памятников будет рассмотрено в главах II и III.

§ 3. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ В НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н. Э.: ХРОНОЛОГИЯ, ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Металлические наконечники стрел, появившиеся у переднеазиатских и евразийских народов во II тыс. до н. э., являются важным хроноиндикатором. Это объясняется прежде всего тем, что в силу своего предназначения стрелковое оружие быстро совершенствуется и видоизменяется. Но происходит это там и тогда, где это оружие приобретает важную роль в боевых действиях. Почти

повсеместно это происходит в начале I тыс. до н. э. Однако, если в евразийском регионе, где роль конницы была изначально лидирующей, что и вызвало интенсивное развитие стрелкового оружия и формы бронзовых наконечников стрел, то в странах Древнего Востока этот процесс проходил иначе. Различные типы бронзовых черешковых стрел, существовавших здесь еще во II тыс., продолжают использоваться здесь и позднее, но уже изготовленные из железа.

Железные черешковые стрелы появляются на Древнем Востоке на рубеже II–I тыс. (Сирия XI–IX вв.; Медведская 1980: 25) и в начале I тыс. до н. э. железо становится широко используемым материалом для изготовления стрел вплоть до VII в. до н. э., хотя и не повсеместно. В письменных текстах железные стрелы впервые упомянуты Тиглатпаласаром I (1114–1076) в связи с охотой на быков (**табл. 1**). Такое длительное и преобладающее использование железных стрел, очевидно, было результатом незначительной роли конницы и, соответственно, стрелкового оружия в этом регионе в начале I тыс. Большое количество наконечников легче и быстрее отлить из бронзы, нежели ковать их из железа. Причем отливка наконечников была возможна и в походных условиях¹. Черешковая форма насада остается традиционной для Древневосточного региона. В Евразийском регионе господствующей формой насада была втулка.

Начавшееся в начале I тыс. до н. э. на территории Древнего Востока взаимодействие обеих традиций, по-видимому, не привело к вытеснению одной традиции другой. Во всяком случае, местные типы железных наконечников стрел продолжали здесь использоваться и в VII в. до н. э.

Бронзовые втульчатые наконечники стрел появляются на Древнем Востоке значительно позднее черешковых и, как принято теперь считать, в связи с увеличением роли конницы и, соответственно, боевого стрелкового оружия. Произошло это не ранее VIII в., хотя единичные находки втульчатых наконечников

¹ Однако М. Суди считает это принятое исследователями предположение преувеличенным и приводит детали технических особенностей отливки бронзовых наконечников, которые, как он считает, не способствовали быстрому их производству в походных условиях (Szudy 2015: 356).

относятся уже ко II тыс. (Рас Шамра, Газа, о. Крит). Нет оснований связывать эти ранние единичные находки с влиянием евразийского оружия, где втульчатая форма насадки широко существовала уже в середине II тыс. Скорее всего, это были отдельные попытки на основе втульчатых копий создать подобные стрелы, но этот эксперимент тогда не получил развития (Медведская 1980: 28–30).

Появление на Древнем Востоке втульчатой формы насадки наконечников стрел исследователи связывают с началом вторжения сюда евразийских кочевников. Эта форма стрел была принята здесь на вооружение, но, как справедливо подчеркивают авторы, они вскоре утрачивают этническую принадлежность и перестают быть признаком вооружения одной из воюющих сторон (Derin, Muscarella 2001: 200–203; Muscarella 2006: 154, 158) — но, возможно, были исключения (см. ниже).

Сосуществование обеих традиций показательно на материале памятников Древнего Ирана, территория которого являлась ареной боевых действий ассирийской и урартской армий и части которой вошли в состав этих государств. Сюда, начиная с конца VIII в., проникали киммерийцы, и позднее скифы. В 670-е годы накануне антиассирийского восстания Мидии киммерийцы и скифы вместе с мидийцами участвовали в нападении на ассирийские отряды, посылаемые в страны Ирана для сбора дани (Медведская 2018: 152–153). Их взаимодействие и последовавшее после восстания возвышение Мидии не могло не сыграть важную роль в развитии стрелкового оружия мидийцев в результате использования ими достижений скифского вооружения. Согласно Геродоту (I. 73), мидийский царь Киаксар (625–585) отдал своих сыновей скифам для обучения искусству стрельбы из лука.

На материале памятников Ирана начала I тыс. до н. э. необходимо рассмотреть взаимодействие обеих традиций и уточнить его результаты. Геополитическая ситуация в регионе может помочь в решении этой проблемы.

В Приурмийском районе урартское господство длилось с конца IX в. до 714 г. до н. э. Затем этот район фактически вошел в состав Маннейского царства, которое просуществовало до 610-х гг. Луристан и западные районы Иранского плато подвергались нашествиям ассирийских царей с IX в. до 670-х годов. В результате провинции в горах Загроса вошли в состав Ассирии (Медведская 2018: 151). Центральный Иран (Сиалк) был относительно незави-

сим. Прикаспийский район (Гилян, Мазандеран) до образования Мидийского царства также не был завоеван ни ассирийцами, ни урартами. Хотя Аргишти II (714–685), совершив несколько походов к северу от озера Урмия в сторону Каспийского моря, смог укрепиться на подходах к Гилянсу с целью установить контроль над торговыми путями, ведущими с запада к Каспию, и затем продвигаться вглубь Ирана к границам Мидии. Об этом свидетельствуют три наскальных надписи возле хребта Себелан и возведенные на скалах укрепления, находившиеся возле караванных путей, а также находки предметов урартского вооружения и прочих предметов, связанных с урартами, но укрепиться надолго урарты здесь не успели (литературу см.: Медведская 2018: 163; см. гл. V § 4).

Важным хронологическим критерием служат многочисленные находки наконечников стрел из урартских городов. Большая их часть связана с их гибелью в ходе завоевания и разрушения многих городов и начавшегося крушения Урартского царства во второй половине VII в. до н. э. Набор стрел у атакующих и обороняющихся был, как уже отмечено, практически одинаковым, что следует из их находок как внутри, так и за пределами крепостных стен, например, в Аянисе (см. ниже). Поскольку ряд урартских городов имеют определяемые хронологические рамки существования, благодаря письменным источникам и надписям, следует рассмотреть наборы стрел из урартских городов, что уже во многом сделано О. Мускареллой в работах 2001, 2006 гг. Подробное описание формы наконечников и сопоставление их с рядом урартских памятников позволяют расширить подобный анализ за пределами Урартского царства.

Хотя некоторые урартские города уже существовали в VIII в. до н. э. (Чавуштепе, Каялыдере и колумбарий Игдир/Малакю), но датировать этим временем металлические наконечники стрел, найденные в них, можно лишь в единичных случаях, поскольку они продолжали использоваться и в VII в. Это, в частности, относится к бронзовым черешковым двулопастным наконечникам стрел с длинными опущенными жальцами, которые были названы Б. Б. Пиотровским «урартским» типом стрел. Некоторые из них имеют надписи урартского царя Сардури II (764–735), или колчаны, в котором они находились, имели надписи царей VIII в.

В правление урартского царя Русы II (685–653?, см. ниже) фиксируется активное строительство новых городов/крепостей,

в том числе и новой столицы Урарту — Русахинили перед горой Килбани (Топраккале). Определена следующая последовательность их возведения: первым был построен Тейшебаини (Кармир-блур), затем Малый город Русы (Ба(е)стам), город бога Халди (Адилъджеваз) (Топраккале), Русахинили перед горой Эйдури (Аянис) (Çilingiroğlu, Salvini 2001: 23). Все они были разрушены во второй половине VII в. до н. э. в ходе междоусобиц и распада царства и последующего его завоевания мидийцами (Медведская 2018: 167 сл.). Города были разрушены в ходе военных действий, о чем свидетельствуют пожары и многочисленные находки наконечников стрел внутри крепостей и за их пределами.

Аянис (Русахинили перед горой Эйдури, район восточного побережья оз. Ван; **рис. 11¹**), построенный Русой II, дважды горел. Первый пожар случился в конце правления Русы II, когда в результате правительственного переворота к власти пришел Руса III (653?–643). По данным дендрохронологии пожар датируется между 655–651 гг., когда после него произошли ремонт и строительство зданий с деревянными конструкциями (Çilingiroğlu, Salvini 2001: 18). Второй пожар случился в конце правления Русы III, когда начался окончательный распад Урартского царства и постепенное завоевание его отдельных регионов мидийцами (Медведская 2018: 167–184, табл. 4).

В Аянисе к концу 1999 г. обнаружен 471 наконечник стрел (314 железных, из 157 бронзовых 147 наконечников втульчатые; Muscarella 2006: 155). Опубликовано 108 наконечников: 70 железных и 38 бронзовых экземпляров (Szudy 2015, vol. II, Appendix A: 3–5). Все железные черешковые наконечники стрел разделены на три типа с подтипами (**рис. 11: 1–70**): большинство наконечников имеют листовидную или подпрямоугольную форму пера (размеры пера 3–5 см, тип II.1 или 5–7 см, тип II.2;), они или без упора (тип II.1, часть наконечников типа II.2, Derin, Muscarella 2001: 190, fig. 2, 3–5; **рис. 1: 23**), или с упором (тип II.2, *ibid.*, fig. 3–5; **рис. 11: 27, 54, 61**), наконечники с длинными жальцами (тип III.2, *ibid.*, fig. 5: 69–70; **рис. 11: 69, 70**), 4 опубликованных наконечника с четырехгранным пером отнесены к типу I (**рис. 11: 1, 4**). По мнению авторов, четырехгранные наконечники действовали на

¹ На рис. 11 сохранена сквозная нумерация всех семи иллюстраций в публикации: Derin, Muscarella 2001.

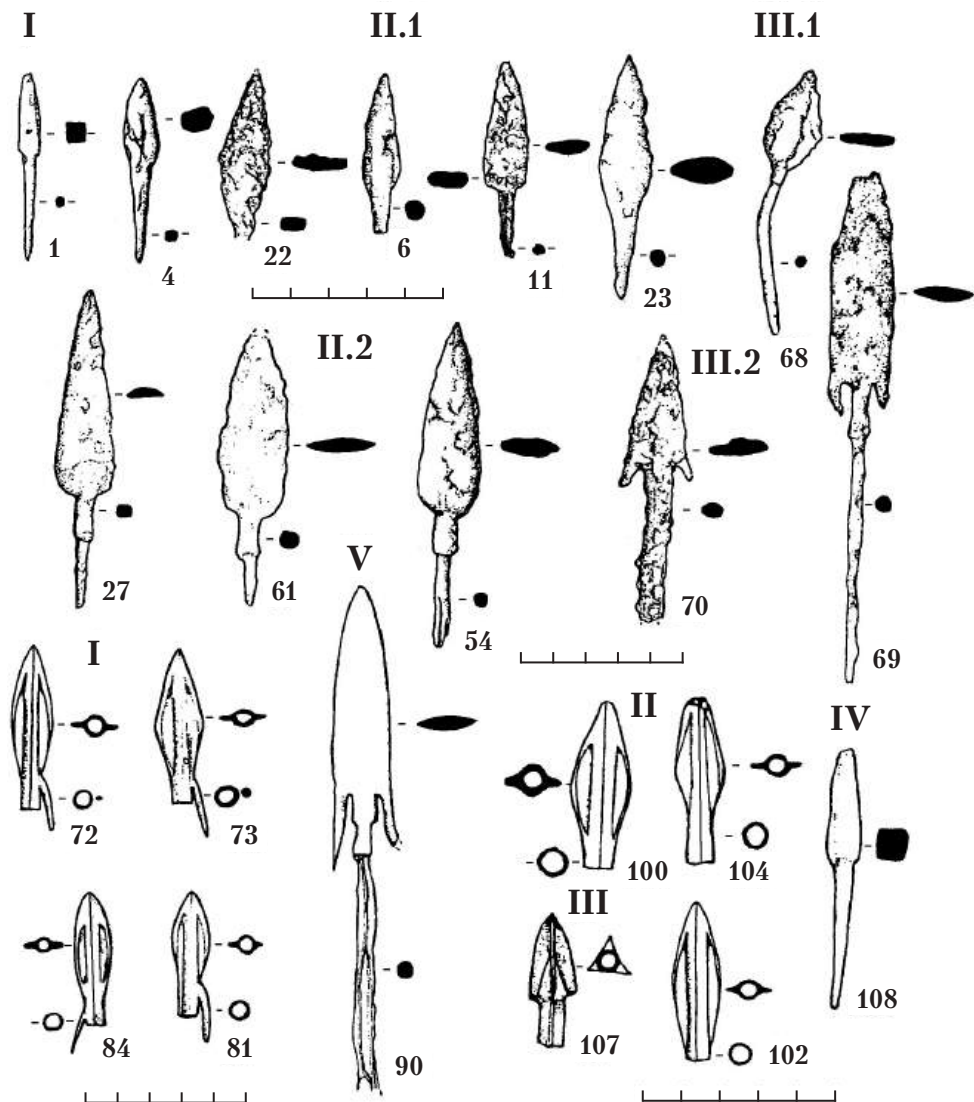

Рис. 11. Металлические наконечники стрел из Аяниса: железные (1, 4 — тип I; 6, 11, 22, 23 — тип II.1; 27, 54, 61 — тип II.2; 68 — тип III.1; 69, 70 — тип III.2) и бронзовые наконечники стрел (72, 73, 81, 84 — тип I; 100, 102, 104 — тип II; 107 — тип III, 108 — тип IV; 90 — тип V)

коротком расстоянии и предназначались для пробивания защитного вооружения (ibid.: 190, fig. 2: 1–4, см. ниже тип III Негахбана). К подтипу III.1 отнесен наконечник с коротким листовидным пером, длинным черешком и, судя по рисунку, с упором (ibid., fig. 5: 6; рис. 11: 68).

Бронзовые наконечники разделены на пять типов (**рис. 11: 72–108**). Из них 10 черешковых повторяют форму железных наконечников с жальцами (тип V, 9 экз.; **рис. 11: 90**) и с четырехгранным пером (тип IV, опубликовано четыре экземпляра, *ibid.*: 190–191, fig. 6: 88–90, fig. 7: 108; **рис. 11: 108**). Остальные 147 бронзовых наконечников — втульчатые; из них по существу использовались только двулопастные наконечники с листовидной или слегка ромбовидной формой пера с шипом на втулке (тип I, 79 экз.; **рис. 11: 72, 73, 81, 84**) или без него (тип II, 66 экз.; **рис. 11: 100, 102, 104**). Нужно подчеркнуть преобладание наконечников с шипом, расположенным у основания пера, и значительно реже — на конце втулки (*ibid.*: 190–191, fig. 6–7). Примечательно, что найдены только один или два бронзовых трехлопастных наконечника с выделенными внизу лопастями и длинной втулкой без шипа (тип III, *ibid.*: 191, fig. 7: 107; Muscarella 2006: 155; **рис. 11: 107**)¹.

Локализация найденных наконечников стрел обнаружила важную закономерность: хотя внутри города и за его пределами найдены как бронзовые втульчатые, так и железные черешковые наконечники стрел одних типов, внутри города преобладают находки железных, а за его стенами — бронзовых наконечников стрел: внутри — 217 железных и 29 бронзовых наконечников, за стенами — 126 бронзовых и 76 железных наконечников (*ibid.*: 190–192; Muscarella 2006: 155).

В Аянисе очевидное преобладание железных наконечников стрел — 314 железных и 157 бронзовых. Их локализация могла бы свидетельствовать о преобладании в колчанах атакующих именно железных наконечников стрел, которые и попали внутрь крепости. Однако количественное преобладание тех или иных видов стрел за пределами городских стен, по-видимому, не может быть четко определено: среди них могли быть как стрелы, выпущенные из крепости осаждаемыми лучниками, так и атакующими, но не долетевшие внутрь крепости. Очевидно, нужно учитывать также вероятность того, что воины победившей стороны после боя могли собирать стрелы на поле сражения и в дальнейшем снова их использовать. Поэтому постепенно и могло произойти нарушение «этнической» принадлежности стрел, как уже предположили З. Дерин и О. Мускарелла, и неточность

¹ В работе 2006 г. указано наличие двух трехлопастных наконечников.

количественного соотношения стрел внутри и снаружи городских стен.

В других урартских городах, разрушенных в ходе последней войны, обнаружены наборы как бронзовых, так и железных наконечников стрел. В ряде случаев определяется преобладание тех или иных типов, но их локализация, и, следовательно, принадлежность атакующим или осажденным, как правило, не устанавливается.

Кармир-блур (Тейшебаини). Здесь найдено «большое число» железных черешковых наконечников стрел (Пиотровский 1950: 39). Например, из шести колчанов, хранившихся в помещении 36, только один содержал бронзовые стрелы (каждый колчан содержал 35–40 стрел, Пиотровский 1955: 38–39). Железные черешковые двулопастные наконечники имеют листовидную или слабо выраженную подтреугольную форму пера, некоторые имеют упор, их можно отнести к типу II.2 стрел из Аяниса (**рис. 12: 1–4**). Б. Б. Пиотровский подчеркивал их сходство с железными наконечниками из Топраккале (Пиотровский 1950: 39, рис. 22). Но в одном из колчанов «среди рассыпавшихся железных стрел» обнаружился поврежденный бронзовый черешковый наконечник с именем Аргишти I (786–764) (Пиотровский 1955: 40, рис. 29)¹. Железные и бронзовые наконечники стрел могли храниться не только в разных колчанах (Пиотровский 1955: 39), но и в одном колчане (Пиотровский 2011: 650 № 1113).

В одном из колчанов с надписью Сардури II (764–735), хранившихся в помещении 36, обнаружено 37 бронзовых черешковых двулопастных наконечников с жальцами «урартского» типа: удлиненная форма пера заканчивается длинными опущенными жальцами, почти параллельными черешку, общая длина наконечников до 12 см (тип V бронзовых стрел Аяниса, **рис. 12: 7**). Три из них имеют клинописную посвятельную надпись царя Сардури II богу Халди (Пиотровский 1955: 17, 40, рис. 30; Пиотровский 2011: 647–648, 650 № 1093–1103, № 1114–1139). Некоторые предметы вооружения и военной экипировки с посвятельными надписями Менуа (?)²,

¹ Судя по рисунку этого наконечника, неясно, в чем заключается повреждение: в отсутствии черешка или обломанных жалец, обычных для двулопастных наконечников «урартского» типа?

² Один из колчанов из пом. 36, возможно, имел посвятельную надпись царя Менуа (Пиотровский 1955: 39).

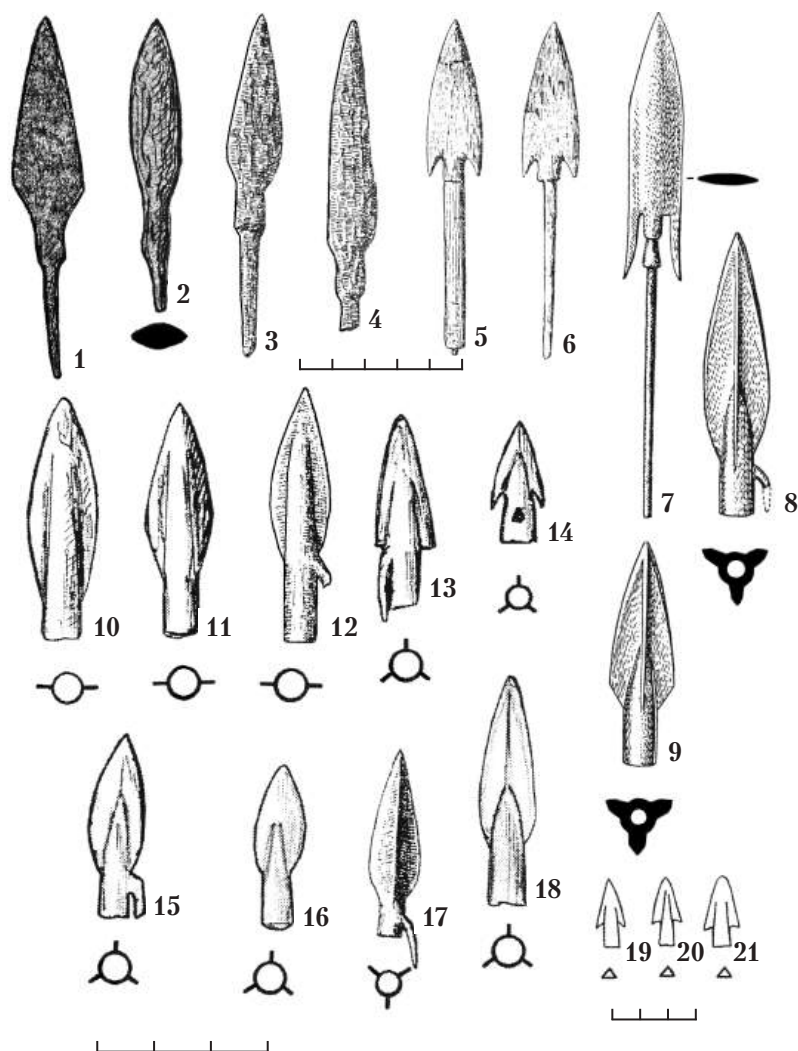

Рис. 12. Металлические наконечники стрел из Кармир-блур: железные (1–4) и бронзовые (5–21)

Аргишти I и Сардури II, найденные в кладовых Кармир-блур, первоначально в VIII в. находились в г. Ир(е)пуну (Эребуну) (Питровский 1952: 35) и только в VII в. были перенесены в новый административный центр Тейшебаини. Царские надписи позволяют считать, что бронзовые стрелы с длинными жальцами были в Урарту на вооружении в VIII и VII вв., но в VII в. до н. э. уже вместе с их железными копиями (Аянис); соответственно, железные наконечники, найденные в этих же колчанах, также

датируются VIII в. Из этого также следует, что уже в VIII в. железо широко использовалось урартами, и стрелы типа II.2 были уже на вооружении урартских лучников.

В отличие от Аяниса, в Кармир-блуре территориальное распределение железных стрел не определено. Отмеченное уже Б. Б. Пиотровским их сходство с топраккалинскими наконечниками стрел (**рис. 12: 3–4**, к ним можно добавить рисунки двух наконечников из архива Пиотровского: **рис. 12: 1–2**) может указывать на их датировку временем разрушения обоих городов во второй половине VII в. Но VIII в. нельзя исключать, так как этим временем очевидно датируются железные наконечники этого типа из могил Игдыра (см. ниже).

Заостренные жальца появляются на бронзовых черешковых наконечниках стрел в Сирии и Анатолии уже в последней трети II тыс. до н. э. Среди них есть наконечники с едва выделенными жальцами, но имеются и так называемые «крылатые» (Аладжа Хююк), у которых треугольное перо заканчивается относительно длинными жальцами (Медведская 1980: 25, рис. 1). В Иране находки двулопастных стрел с едва выделенными жальцами и «крылатые» обнаружены в Прикаспийском районе и в Луристане в памятниках конца II тыс. (там же: 27, тип IV, рис. 1; она же: 1977: 173–174, рис. 2; Negahban 1996: 277–179, pl. 126, Fig. 17, 33, см. ниже). Но от «урартского» типа они отличаются формой пера и раздвинутыми жальцами. Связь двулопастных наконечников «урартского» типа с длинными жальцами с наконечниками стрел II тыс. не очевидна. Так в Аянисе, как было отмечено, «урартский» тип наконечников изготавливался как из бронзы, так и из железа, но один из опубликованных железных наконечников с короткими раздвинутыми жальцами (Derin, Muscarella 2001: fig. 5: 70; **рис. 11: 70**), повторяя форму бронзовых наконечников конца II тыс. (Медведская 1980: рис. 1), продолжает, таким образом, независимое от влияния «урартского» типа существование этого древнего вида наконечников стрел.

В Кармир-блуре обнаружены также многочисленные бронзовые втульчатые двулопастные и, фактически отсутствующие в Аянисе, трехлопастные наконечники стрел, а также единичные трехгранные наконечники с выделенными жальцами (опубликовано 6 экз. см. ниже; Рябкова 2009: рис. 1: 15–16, 2: 16, 3: 42–44; **рис. 12: 8–21**). В эрмитажной коллекции по данным Т. В. Рябковой

общее количество бронзовых стрел «скифского типа» составляет не менее 123 втульчатых наконечников (там же: 329, рис. 1–3; Пиготровский 2011: 620–622 № 899–914; 633 № 992–993). Большая их часть находится в Музее истории Армении в Ереване, общее число точно подсчитать невозможно. В трех группах бронзовых наконечников стрел, выделенных Т. В. Рябковой по их местонахождению в Тейшебаини (Рябкова 2009: 329–331), наконечники распределяются следующим образом:

Группа I (18 экз., найдены у северо-западных ворот цитадели; там же, 329–330, рис. 1, опубликовано 16 экз.). Из них 1 наконечник двулопастной без шипа, 15 — трехлопастных разных типов, 2 с шипами, остальные без шипа.

Группа II (16 экз., найдены в культурном слое помещений; там же, 330–331, рис. 2, опубликовано 16 экз.; **рис. 12: 10–18**). Из них 8 двулопастных (2 с шипами); 8 трехлопастных (3 с шипами).

Группа III (85 экз., найдены в заполнении помещений северо-западной части цитадели; там же, 331–332, рис. 3, опубликовано 57 экз.). Из них: 33 двулопастных наконечника (из них 7 с шипом), опубликовано 30 экз.; 33 трехлопастных с шипом, опубликовано 11 экз.; 6 трехлопастных без шипа с жальцами, опубликовано 3 экз. (**рис. 12: 19–21**); 13 трехлопастных без шипов, опубликовано 13 экземпляров.

Из них первая и третья группы (103 наконечника), судя по месту нахождения, очевидно, принадлежали атакующим, наконечники второй группы найдены в культурном слое помещений (там же: 329–330) и могли принадлежать урартам (как и хранившиеся в помещениях колчаны со стрелами VIII в. до н. э.). В группе II количество дву- и трехлопастных наконечников равное, в группах I и III — трехлопастные наконечники преобладают. Следует еще раз подчеркнуть отсутствие в Аянисе трехлопастных стрел «скифского» типа, но их наличие в Кармир-блуре (см. ниже).

З. Дерин и О. Мускарелла считали, что в отличие от ряда урартских памятников, в которых или преобладали двулопастные наконечники стрел, или они в равной степени использовались вместе с трехлопастными, только в Кармир-блуре наблюдалось преобладание трехлопастных наконечников стрел (Derin, Muscarella 2001: 197; Muscarella 2006: 156). Хотя по мнению Т. В. Рябковой в Кармир-блуре в равной степени использовались обе формы наконечников (Рябкова 2009: 331), но приведенные ею

данные не вполне согласуются с ее утверждением. В группах I и III трехлопастные наконечники явно преобладают — 17 из 18, и 52 из 85 экземпляров.

Именно наличие значительного числа двулопастных ромбовидных наконечников без шипов позволяют, по мнению Т. В. Рябковой, соотнести набор наконечников из слоев заполнения помещений в Кармир-блуре с набором наконечников из Аяниса (Рябкова 2009: 330–331; Muscarella 2006: fig. 4: 141–156; **рис. 12: 11**). Однако следует отметить, что, судя по опубликованным двулопастным наконечникам из Кармир-блуре, они не имеют скрытой втулки (Рябкова 2009: рис. 1: 1, 2: 2–8, 3: 1–30; **рис. 12: 10–13**) в отличие от некоторых стрел из Аяниса и значительно реже имеют шипы. Но главное — в Аянисе нет трехлопастных наконечников всех тех типов, что представлены в Кармир-блуре. Следовательно, отсутствие в Аянисе трехлопастных стрел «скифского» типа, но их наличие в Кармир-блуре может свидетельствовать о неучастии скифских отрядов в составе мидийской армии в годы ее наступления в районе оз. Ван.

В этой связи необходимо также рассмотреть немногочисленные бронзовые наконечники стрел с трехгранным окончанием пера, выделенными концами лопастей и длинной втулкой (Кармир-блур; **рис. 12: 19–21**). Они отличаются от похожих трехлопастных наконечников с опущенными и чуть раздвинутыми жальцами (**рис. 12: 14**) только трехгранной головкой пера. Приводимые Т. В. Рябковой аналогии обоим вариантам этих небольших наконечников (их длина чуть более 2 см) включают только трехлопастные наконечники (Рябкова 2009: 329, Гумарово (кург. 1), Енджа, урочище Клады, Малый курган в Мильско-Карабахской степи, грунтовые погребения Мингечаура, Куланурхва (погр. 5), Нуш-и Джан, Аянис). Но трехлопастной наконечник из Аяниса не имеет выделенных жалец — один из главных признаков этого типа, а наконечник из Нуш-и Джан тепе с едва выделенными лопастями (**рис. 14: 41**) вовсе не относится к нему. Оба варианта длинно-втульчатых наконечников использовались к северу от Кавказа на обширной территории вплоть до Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, хотя среди них наконечники с трехгранной головкой встречаются реже трехлопастных (Смирнов 1961: рис. 12: 3 (2–5), 15: Е (5, 10) и др.). Они обнаружены в Нартановских курганах, расположенных

«в непосредственной близости к перевалочным путям в Закавказье» (Батчаев 1985: 54, табл. 11: 16; 25: 25; 33: 10–11; 46: 8; 48: 34; 51: 10). Датируются эти трехгранные с «небольшой головкой» наконечники второй половиной VII в. до н. э. (курган 16) и свидетельствуют «о контактах с Закавказьем и Древним Востоком» (Махортых 2016: 312). Судя по их находкам к югу от Кавказа, эти «контакты» относятся к периоду мидийских и вавилонских завоеваний во второй половине VII в. и крушения Ассирийской державы. Об этом прежде всего свидетельствуют их находки в Кармир-блуре. Такие наконечники найдены в Каркемише в слое разрушения города в 605 г. до н. э. (Woolley 1921: pl. 22, b; Szudy 2015: pl. 44, type 3a–14, их длина 3 см; **рис. 14: 20**); в Ашшуре, разрушенном мидийцами в 614 г., трехлопастные наконечники с чуть более короткой втулкой (**рис. 14: 6, 7**); дата похожего наконечника из Джераара неясна (Szudy 2015: pl. 36, type 2–14, длина 3,7 см). К типу 2–14 М. Суди отнес 2 бронзовых наконечника из Хасанлу III (ibid.: pl. 36, длина 3,2 и 3,4 см), Х. Торнтон и В. Пиготт не уточнили, к какой фазе периода Хасанлу III относятся эти наконечники (Thornton, Pigott 2011: 169, fig. 6.31). Но их сходство со всеми перечисленными выше трехлопастными наконечниками позволяет датировать их во всяком случае последней третью VII в. до н. э. (Хасанлу IIIС). Это было время завоевания мидийцами западных территорий и прежде всего Приурмийского района, где был также разрушен Аграб тепе (Muscarella 1973: 73–74, fig. 27: 2; **рис. 14: 31**).

Могут ли эти наконечники с длинной втулкой свидетельствовать об участии в боевых действиях мидийской армии скифских отрядов? Хотя многочисленные типы наконечников стрел в VII в. теряют «этническую» принадлежность, будучи принятыми на вооружение действующими армиями, возможно, были исключения. Рассмотренные наконечники с длинной втулкой широко использовались лучниками к северу от Кавказа, но, судя по малочисленности их находок к югу от него, не были приняты здесь на вооружение. Какое-то время они использовались лучниками, пришедшими с севера, и могут оставаться признаком их вооружения в составе мидийской армии. Но действовали эти отряды не повсеместно, как, например, в Аянисе.

Б. Б. Пиотровский считал, что втульчатые наконечники стрел, обнаруженные перед крепостными стенами и в верхнем

в слое кирпичного заполнения помещений Кармир-блур (т. е. группы I, III), принадлежали скифским лучникам, которые обстреливали город, и часть стрел, застряв в стенах, в дальнейшем в результате их разрушения попала внутрь помещений (группа III; Пиотровский 1959: 240–241). Это предположение бесспорно относительно обнаруженных стрел внутри помещений, но перед крепостными стенами они могли очутиться и в результате стрельбы с крепостных стен оборонявшихся урартов. Однако немногочисленные находки трехлопастных наконечников с длинной втулкой, рассмотренные выше, могут свидетельствовать об участии в осаде города скифских лучников. Скифы хотя и не были способны к штурму городов, но могли использоваться в качестве отрядов лучников (наемников?), в данном случае в мидийских войсках, несмотря на то, что в целом в VII в., как уже неоднократно отмечалось, втульчатые двулопастные и трехлопастные наконечники за указанным исключением теряли этническую принадлежность (Muscarella 2006: 154–158). Урартское царство погибло в 640-е годы VII в. до н. э. в результате войны с мидийцами, тогда и были ими разрушены многие из урартских городов, известных в настоящее время, в том числе и Кармир-блур (Медведская 2018: 170–171, 258–259)¹.

Железные листовидные наконечники с упором из Кармир-блур аналогичны найденным в Аянисе и, как отметил Б. Б. Пиотровский, «весьма близки» к наконечникам из Топраккале.

В **Топраккале** (Русахинили перед горой Килбани, район восточного побережья оз. Ван) по данным 1990 и 2001 гг. обнаружено 87 железных наконечников, один из них втульчатый, опубликовано 18 железных экземпляров (**рис. 13: 12, 13, 20, 21, 23, 24, 29, 30**) и 4 бронзовых втульчатых наконечника с шипами — 2 двулопастных и 2 трехлопастных (Wartke 1990: Abb. 9, 32, Taf. XXXIX: b.2, b.4, b.8; Derin, Muscarella 2001: 192; **рис. 13: 1–4**). Р. Вартке

¹ Отмеченное Т. В. Рябковой различие между кармирблурским набором втульчатых стрел и набором из младшей группы курганов Келермеса свидетельствует не о хронологическом различии наборов (ее вывод, что Кармир-блур погиб раньше, чем сформировался келермесский набор: Рябкова 2009: 332), а именно о том, что формирование наборов во второй половине VII в. к югу и северу от Кавказа проходило независимым образом; мидийское вооружение уже не зависело от евразийского влияния.

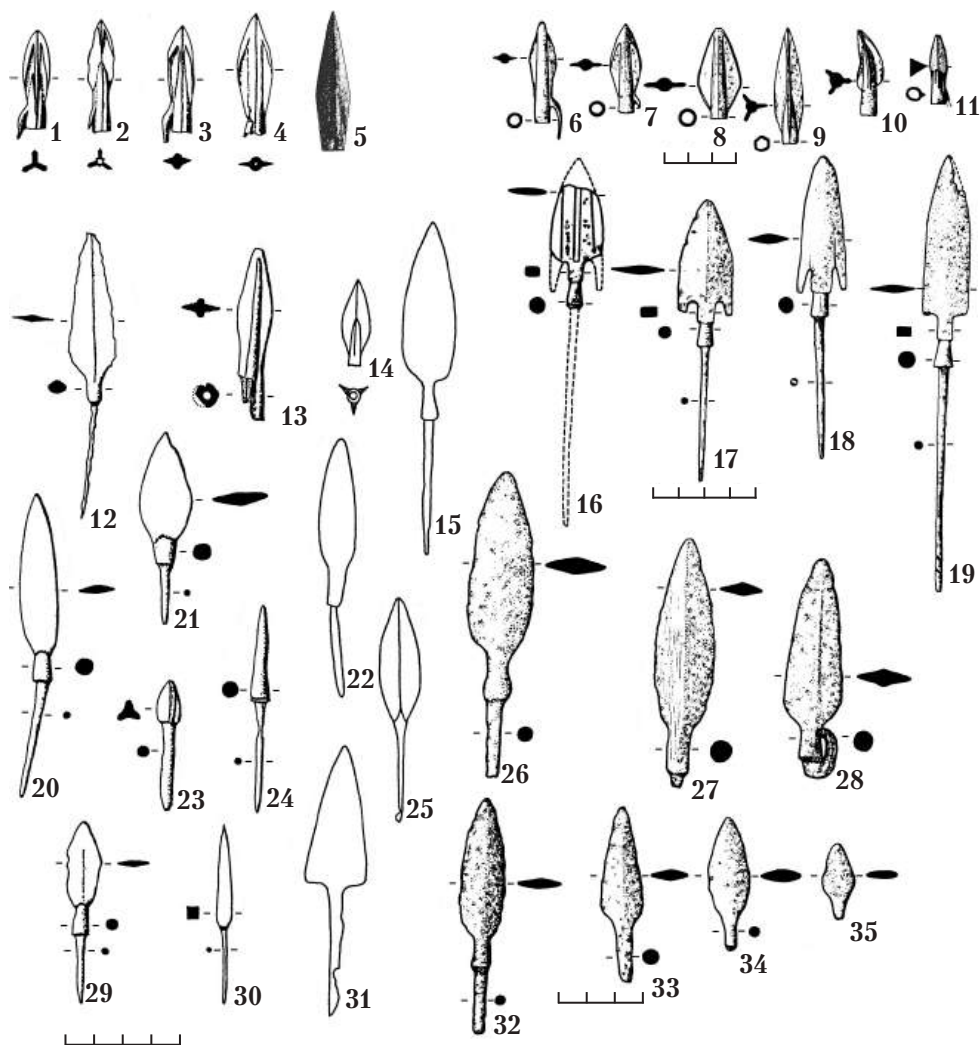

Рис. 13. Металлические наконечники стрел. Топраккале: 1–5 (бронза), 12–13, 20–21, 23–24, 29–30 (железо); Каялыдере: 14 (бронза), 15, 22, 25, 31 (железо); Чавуштепе: 6–11, 16–19 (бронза), 26–28, 32–35 (железо)

со ссылкой на раскопки И. А. Орбели указывал на множество втульчатых наконечников, найденных последним на Топраккале (Wartke 1990: 60, note 1). Однако в эрмитажной коллекции из раскопок И. А. Орбели в 1911–1912 гг. числится только 1 бронзовый трехлопастной наконечник с узким длинным пером и едва выступающей втулкой без шипа (Пиотровский 2011: 559, № 220, инв. 16592, дл. 4 см; **рис. 13: 5**), который отличается

от опубликованных Р. Вартке. Б. Б. Пиотровский также упоминал 1 бронзовый «трехгранный», т. е. трехлопастной наконечник¹, на работу которого Вартке также ссылался в связи с «множеством» втульчатых наконечников из раскопок И. А. Орбели. Б. Б. Пиотровский отмечал, что этот наконечник отличен от других урартских наконечников стрел (Пиотровский 1959: 238). По-видимому, имелся в виду один и тот же наконечник (**рис. 13: 5**).

Из раскопок И. А. Орбели в 1916 г. в каталоге 2011 г. числятся только железные наконечники стрел (в каталоге они названы дротиками, их длина от 3 до 11 см: Пиотровский 2011: 574–575, 578; № 360–365 инв. 16148–16154, № 367–369 инв. 16156–16158, № 371–374 инв. 16160–16163, № 403 инв. 16192). Они имеют перо листовидной, ромбовидной формы, а также узкое перо пулевидного или четырехгранного сечения. Все эти наконечники аналогичны стрелам, опубликованным Р. Вартке, особенно наконечники с упором (Wartke 1990: 127, Abb. 32; Пиотровский 2011: 574: № 360–365) и наконечники с узким пером прямоугольного или круглого сечения (типы п, о: Wartke 1990: 128, Abb. 32 п, о; **рис. 13: 24, 30**).

Редкими типами являются железный втульчатый двулопастной наконечник с шипом (?) и железный черешковый наконечник с маленьким трехлопастным пером (ibid.: 127, Abb. 32 i, p; **рис. 13: 13, 23**). В Кармир-блуре и Аянисе также имеются железные втульчатые наконечники (Пиотровский 2011: 635, № 1005, инв. 17798; Stone, Zimansky 2003: fig. 11.11).

Итак, в Топраккале, как и в Аянисе, преобладают железные наконечники одинаковых типов, и, в отличие от Кармир-блуре, малочисленны бронзовые втульчатые наконечники.

Чавуштепе/Хайкаберд (Сардурихинили, находится к юго-востоку от озера Ван) был построен Сардури II (764–735) и функционировал вплоть до падения Урартского царства в конце VII в. до н. э. Здесь были обнаружены «сотни» бронзовых втульчатых двулопастных и трехлопастных наконечников стрел с шипами и без них как внутри, так и за пределами крепостных стен (**рис. 13: 6–11**). Среди них преобладают двулопастные, некоторые из них, найденные за пределами крепостных стен, имеют повреждения в результате удара о стену и, следовательно,

¹ Б. Б. Пиотровский называл трехлопастные наконечники трехгранными.

принадлежали атакующим. Это, в свою очередь, не подтверждает мнение о том, что находки стрел за пределами крепостных стен принадлежали только защитникам (см. выше, **рис. 13: 10**). Вместе с ними найдены и бронзовые черешковые наконечники с жальцами, некоторые из них урартского типа (опубликовано 4 экз., Derin, Muscarella 2001: 192–193; Erzen 1988: fig. 40, pl. XLVI; **рис. 13: 16–19**). Опубликовано 7 железных черешковых двулопастных наконечников разного размера, из которых 4 с упорами, форма пера листовидная, подпрямоугольная, одно перо имеет ромбовидную форму (Erzen 1988: fig. 39, pl. XLVI; **рис. 13: 26–28, 32–35**).

Бронзовые втульчатые наконечники стрел разделены автором на пять групп: а) двулопастные с шипами (*ibid.*, 46, fig. 38: 1–2; **рис. 13: 6–7**) и б) без шипов (*ibid.*, fig. 38: 3; **рис. 13: 8**), в) трехлопастные без шипов (*ibid.*, 38: 4–5; **рис. 13: 9–10**), г) трехгранные с шипами (*ibid.*: fig. 38: 6; **рис. 13: 11**), д) трехгранные со слабо выраженными плечиками пера при переходе к длинной втулке (*ibid.*, pl. XLVa, в правом верхнем и правом нижнем углах таблицы, фото не очень четкое). Всего опубликовано 38 экземпляров (*ibid.*: pl. XLV, a, b, c).

Наконечники группы «е», вероятно (плохое фото), имеют форму длинно-втульчатого наконечника из Аяниса (**рис. 11: 107**), но в меньшей степени они похожи на кармирблурские с четко выраженными лопастями (**рис. 12: 19–21**). Вместе с тем, трехгранный наконечник из Чавуштепе вообще не имеет выделенных внизу лопастей (**рис. 13: 11**). Неясно, можно ли относить длинно-втульчатые наконечники из Чавуштепе к предполагаемой группе скифских стрел, о которой говорилось выше.

А. Эрзен исходил из того, что черешковые стрелы были урартскими, а бронзовые втульчатые стрелы использовались скифами (Erzen 1988: 48–49).

Каялыдере находится западнее оз. Ван на правом берегу р. Мурат, притоке Евфрата: опубликовано 20 (или 19) железных черешковых двулопастных наконечников стрел и 1 бронзовый втульчатый трехлопастной наконечник без шипа (Burney 1966: 79, fig. 21: 8–12, pl. XId, XIIIa; **рис. 13: 14, 15, 22, 25, 31**). Железные наконечники стрел имеют листовидную или подтреугольную форму пера, не менее четырех из них с упорами (фото нечеткое), перо одного наконечника (**рис. 13: 25**) имеет ромбовидное сечение, похожий железный наконечник происходит из Бастама (**рис. 14: 26**).

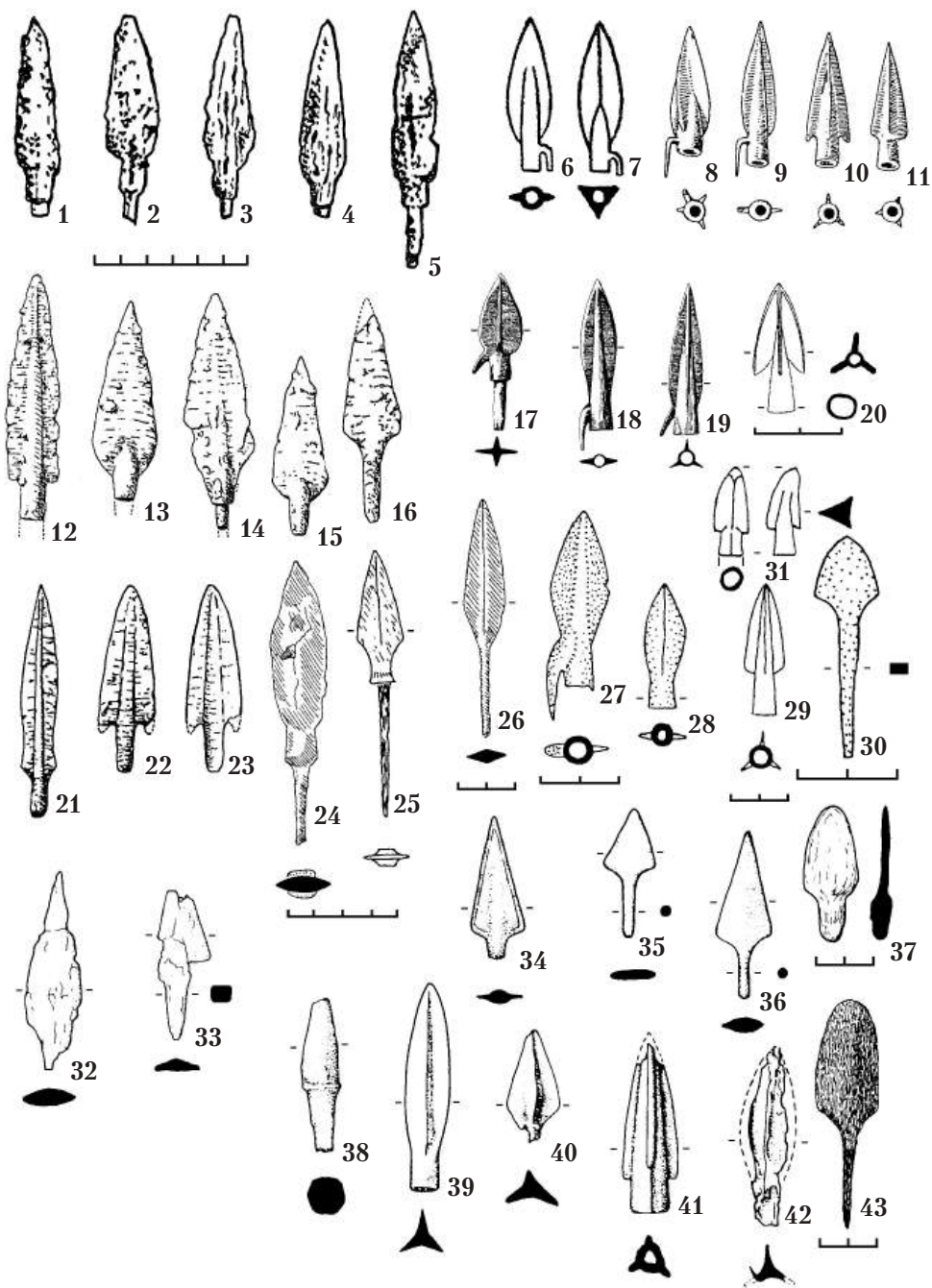

Рис. 14. Металлические наконечники стрел. Игдир: 1–5 (железо); Ашшур: 6–11 (бронза); Каркемиш: 12–16, 21–23 (железо), 17–20 (бронза); Аграб тепе: 31 (бронза); Бастам: 24–26 (железо), 27–30 (бронза); Нуш-и Джан: 32–33, 38 (железо), 34–36, 39–42 (бронза); Годин II: 37 (бронза); Сиалк В: 43 (медь)

Среди них нет наконечников урартского типа. К. Бёрни высказывался в пользу киммерийской, а не скифской принадлежности бронзового втульчатого наконечника, найденного внутри храмовой целлы вместе с одной (или двумя?) железными стрелами (*ibid.*, pl. XId), поскольку исторический и археологический контекст свидетельствует в пользу разрушения Верхней цитадели в конце VIII — начале VII в. до н. э. именно киммерийцами (*ibid.*: 79). В таком случае, этим временем может датироваться и найденный там же железный наконечник с выделенными плечиками (**рис. 13: 31**).

В каталоге М. Суды находки стрел в Чавуштепе и Каялыдере не учтены.

В **Бастаме** (Малый город Русы расположен к северо-западу от оз. Урмия) найдены железные и бронзовые наконечники стрел. Ст. Кролл в работах 1979 и 1988 гг. опубликовал 23 наконечника: 11 железных черешковых двулопастных наконечников, из которых 4 с упором¹, и 12 бронзовых втульчатых наконечников — 11 двулопастных, некоторые из них с шипами, и 1 трехлопастной наконечник с длинной втулкой (длина 3,3 см). Все 23 экземпляра включены в каталог М. Суды (Szudy 2016: 5, 53; **рис. 14: 24–30**).

Среди железных наконечников имеется один экземпляр листовидной формы с пером ромбовидного сечения (как и в Каялыдере), форма которого часто встречается среди бронзовых наконечников стрел из могильника Марлик (Szudy 2016: pl. 187: 33, 37, pl. 188: 35; **рис. 14: 26**).

Единственный трехлопастный наконечник², в отличие от выше рассмотренных длинно-втульчатых наконечников, не имеет выделенных жалец (**рис. 14: 29**), поэтому относить его (как и наконечник из Чавуштепе, **рис. 13: 11**) к группе «скифских» стрел спорно.

Возможно, к охотничьим стрелам относится бронзовый черешковый наконечник с почти округлым окончанием пера, что позволяло не портить шкуру убитого на охоте зверя (**рис. 14: 30**),

¹ Один из них (**рис. 14: 25**) М. Суды относит к эллинистическому периоду, хотя в качестве аналогии относит к этому типу железный наконечник из Ашшура (Szudy 2016: 196, pl. 216: 21, 58).

² К урартскому периоду ошибочно отнесен еще 1 трехлопастный наконечник (Derin, Muscarella 2001: 193, note 10), но он датируется средневековым временем (Kroll 1988: Abb. 1: 16).

к этой группе относятся бронзовые наконечники из Годи́н тепе и могильника Сялк В (**рис. 14: 37, 43**, сялковский наконечник назван медным, см. ниже).

Рассмотренный материал позволяет сделать предварительные **выводы**: внутри разрушенных во второй половине VII в. до н. э. урартских городов преобладали железные наконечники стрел и, по-видимому, они принадлежали атакующей стороне, т. е. мидийской армии. Однако преобладание именно железных наконечников в колчанах из Эребуни, которые хранились в Кармир-блуре, свидетельствует о том, что урартские лучники уже в VIII в. использовали главным образом железные стрелы. Минимальное их количество в Аянисе за пределами цитадели может свидетельствовать о собирании после боя стрел и вторичное их использование, что и привело к стиранию их этнической принадлежности. Но вероятно «скифская идентичность» длинно-втульчатых трехлопастных наконечников с выделенными лопастями, в том числе с трехгранной головкой. Об этом может свидетельствовать и тот факт, что если в колчанах воинов мидийской армии, помимо железных стрел, преобладали бронзовые двулопастные стрелы, то только в Кармир-блуре преобладали трехлопастные. Предположительно это может свидетельствовать о значительном количестве отрядов именно скифских лучников в боевых действиях мидийской армии в Закавказье и их меньшего числа в военных операциях мидийцев в районе озера Ван.

В связи с вопросом о времени появления железных стрел на вооружении урартских лучников особое значение имеют находки в колумбарии **Игдыр/Малакю**, который находится у южной «подошвы» г. Арарат (Турция). Здесь найдены только железные наконечники стрел в двух пунктах: ¹ в пункте 5 — 11 наконечников, в пункте 8 — 4 наконечника. Черешковые двулопастные наконечники отличаются большим размером пера — около 8 см, не считая длины черешка. Из 15 наконечников опубликовано 5 экземпляров, все они с упорами (Куфтин 1943: 53, табл. VII: 4–7, 11; **рис. 14: 1–5**). Урнами служили краснолощённые гидрии без ручек классического урартского типа, описанного Б. А. Куфтиным (там же: 17). В урнах находился только пепел сожженного

¹ Пунктами Б. А. Куфтин назвал места урновых захоронений в этом колумбарии.

трупа, погребальный инвентарь помещался возле сосудов и включал детали одежды, бусы и т. п., а также стрелы (там же: 11, рис. 7). Гидрии датируются VIII–VII вв. до н. э., в частности, им аналогичны гидрии из Аргиштихинили (Армавира), основанного Аргишти I в 776 г. (КУКН: 497). Б. А. Куфтин подчеркивал, что обряд сожжения покойных был именно урартским обрядом (Куфтин 1943: 68), и этот колумбарий мог появиться здесь после начавшегося в начале VIII в. завоевания этого региона урартами. Поскольку в данном случае не было ни атакующих, ни обороняющихся, то можно было бы считать железные наконечники с упорами с листовидным и, вероятно, с ромбовидным пером (там же, табл. VII: 6; **рис. 14: 3**) изначально урартским типом стрел и, следовательно, предположить, что они использовались урартами уже в VIII в. до н. э., и позднее стали использоваться в мидийской армии.

Уже Б. А. Куфтин отметил различие наборов стрел атакующих и обороняющихся воинов: в Каркемише атакующие были вооружены железными черешковыми стрелами с упором (**рис. 14: 13, 14**), в Кармир-блуре лучники обстреливали крепость в основном бронзовыми втульчатыми стрелами (Куфтин 1943: 53), что подтверждается работой Т. В. Рябковой (Рябкова 2009: 329–330). В этой связи следует отметить находки стрел в Ашшуре (**рис. 14: 6–11**), который в 614 г. был разрушен мидийцами. Среди бронзовых втульчатых двухлопастных и трехлопастных наконечников опубликован трехлопастной наконечник с опущенными жальцами (Andrae 1913: 143, Abb. 254; **рис. 14: 10**). Каркемиш, который был оплотом египетских сил в регионе, в 605 г. был разгромлен вавилонянами. Об осаде города мидийской армией нет прямых свидетельств, но исключить ее участие и, соответственно, скифских лучников, полностью нельзя (Медведская 2018: 198–199), о чем, в частности, могут свидетельствовать найденные там стрелы. В разрушенном нападающими доме «D» найдены сотни бронзовых и железных наконечников стрел (**рис. 14: 12–15, 17–20**). Преобладают железные наконечники с упором с листовидной, ромбовидной и подтреугольной формой пера, возле западных ворот найдены двулопастные наконечники с короткими опущенными жальцами (Woolley 1921: 81, 125, fig. 20, pl. 22b), которые повторяют форму бронзовых наконечников из Кармир-блур (**рис. 12: 5–6; рис. 14: 22–23**). Необычны бронзовые черешковые наконечники, перо которых повторяет форму втульчатых трехлопастных

наконечников, один такой черешковый двулопастной наконечник имеет очень высокие ребра с обеих сторон пера, что превращает его в четырехлопастной наконечник стрелы (**рис. 14: 17**). Бронзовые втульчатые трех- и двулопастные наконечники стрел с шипами и без них, и особенно трехлопастные с опущенными жальцами и длинной втулкой близки по форме наконечникам, найденным в Ашшуре, Каркемише, Кармир-блуре и в Аграб тепе (*ibid.*, fig. 22b; Рябкова 2009: рис. 3: 42–44; **рис. 12: 14, 19–21, рис. 14: 10, 20, 31**), что может подтверждать их принадлежность скифским лучникам в составе мидийской армии.

Укрепленный форт **Аграб тепе** (к юго-западу от оз. Урмия, недалеко от Хасанлу тепе) был воздвигнут урартами, как обычно, на необжитом ранее холме. Форт дважды подвергся пожару и разрушению (Muscarella 1973: 48, 54). Можно с уверенностью считать, что эти разрушения связаны с походом Саргона в 714 г. (Медведская 2018: 150, 162) и с завоеванием мидийцами Приурмийского района во второй половине VII в. до н. э. Керамика, обнаруженная в Аграб тепе, считается урартской (Kroll 1976: 174) и, по мнению исследователей, ее наличие свидетельствует о малой результативности похода Саргона, ибо урарты по-прежнему владели Приурмийским районом. Однако керамический материал не доказывает присутствие урартов в VII в. на территории их прежних владений вдоль западного и юго-западного побережья Урмии (см. гл. III; Медведская 2018a). Фактически ими владели, очевидно, маннейцы, бывшие в период возвышения Мидии союзниками Ассирии. Железные наконечники стрел с упорами и без них, обнаруженные в Аграб тепе (Muscarella 1973: fig. 27: 5–13), аналогичны всем типам железных стрел, рассмотренных выше, например, из Игдыра (**рис. 14: 1–5**). Упомянутый выше бронзовый длинновтульчатый трехлопастной наконечник с выделенными жальцами и трехгранным окончанием пера (**рис. 14: 31**) может свидетельствовать об участии скифских лучников во взятии этой крепости.

Дело в том, что накануне войны с Ассирией (Урартское царство уже было разгромлено) мидийский царь Киаксар (625–585) не мог оставить у себя в тылу верного союзника Ассирии Манну, царство было разгромлено не позднее 616 г. до н. э. (Медведская 2018: 195). В антиассирийской войне Киаксару нужны были не только союзники (им стал вавилонский царь), но и дополнительная военная сила, которой и могли стать скифские лучники. Этот

«скифский след» прослеживается в находках длинновтульчатых стрел в Аграб тепе, в Ашшуре, который был завоеван Киаксаром в 614 г. и далее в Малой Азии в Каркемише. Севернее, возле оз. Ван, где урартские города были разрушены мидийской армией, раньше этот «скифский след» отсутствует.

Железные наконечники с упорами преобладали в колчаных наборах лучников в период мидийских завоевательных походов, что подтверждается их преобладанием внутри городских стен в Аянисе, в Каркемише, а также находками в Бастаме, Топраккале, Чавуштепе, Каялыдере. Но в VIII в., судя по находкам в колумбарии Игдыр и в колчанах из Эребуни, такие наконечники стрел были на вооружении урартских лучников, как и наконечники с длинными жалцами, которые датируются по именам урартских царей на них также VIII в. до н. э.

В собственно мидийских памятниках (см. гл. IV) наконечники стрел не обнаружены. Это может свидетельствовать против ведения здесь военных действий в означенный период. Кроме того, как было отмечено выше, обитатели Нуш-и Джан и Годин тепе перед тем, как покинуть дома, вычистили все помещения зданий.

Но в **Нуш-и Джан тепе** в скваттерском слое (не ранее конца VII в. до н. э.) было обнаружено 14 наконечников стрел. Из них 10 черешковых наконечников — 6 железных и 4 бронзовых, и 4 бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников без жалец. Бронзовые черешковые наконечники имеют подтреугольную форму пера без нервюры, только у одного наконечника она слабо выражена (Curtis 1984: fig. 6: 254–257; **рис. 14: 34–36**). Некоторые железные коррозированные черешковые наконечники, по-видимому, также имели треугольную форму пера (ibid.: fig. 6: 249–251; **рис. 14: 33**) или листовидную (ibid.: fig. 6: 248, 252; **рис. 14: 32**). Редким типом являются пулевидные наконечники (округлое сечение). Один такой железный наконечник из Нуш-и Джан тепе имеет упор в основании черешка (**рис. 14: 38**), аналогия ему имеется в Топраккале (ibid.: fig. 6: 253, **рис. 13: 24**), у других железных наконечников из-за коррозии наличие упора не устанавливается. Черешковые наконечники стрел с подтреугольной формой пера были редкой формой в начале I тыс. до н. э. Похожие экземпляры обнаружены только в могильнике Сиалк В.

Все черешковые наконечники, найденные в Нуш-и Джан тепе, отличаются небольшими размерами. Общая длина бронзовых

наконечников от 2,5 до 3,55 см. Хотя часть наконечников фрагментирована — отломаны черешки или кончик пера, два из них сохранились полностью (дл. 3,55 и 2,5 см, Curtis 1984: 26–27, fig. 6: 254, 256; **рис. 14: 35–36**). Размеры железных наконечников от 3 до 4,4 см; даже с учетом утраты части черешков и в одном случае кончика пера их размеры, как и размеры бронзовых наконечников, меньше всех рассмотренных выше наконечников стрел, наполнявших колчаны лучников. Все 14 наконечников найдены в мусорном слое Нуш-и Джан тепе. Не означают ли размеры и место находок этих наконечников, что они были охотничьими и попали в мусор после разделки охотничьей добычи?

Охотничьими стрелами могли быть бронзовый черешковый двуплостной наконечник стрелы из Годин II (дл. 4,7 см, Young, Levine 1974: fig. 50: 5; **рис. 14: 37**), бронзовый наконечник из Бастама (дл. 4,6 см, Szudy 2015: pl. 107; **рис. 14: 30**), медный «двояковыпуклый» наконечник из могильника Сиалк В (дл. 8,5 см, **рис. 14: 43**). Р. М. Гиршман называл его то дротиком, то стрелой (Ghirshman 1939: 45, 248); поскольку другой наконечник длиной 10 см назван им стрелой, то и этот следует считать стрелой (Ghirshman 1939: pl. ХСII: 1, 23; местонахождение не указано). Необычной деталью этих наконечников стрел является закругленное окончание пера вместо обычного заостренного, и они могли предназначаться, например, для охоты на пушного зверя, острый наконечник повредил бы шкуру. М. Суди также выделил несколько типов наконечников стрел, которые специально использовались для охоты, в частности на птиц. К ним он отнес 4 железных наконечника (так у Гиршмана, но Суди назвал их бронзовыми) с короткой подтреугольной головкой круглого сечения из могильника Сиалк В (погр. 3, Ghirshman 1939: 229, pl. L, 547 b), и бронзовый наконечник с раздвоенным концом пера из Ниппура (Szudy 2015: 23, 354, type 1a-7, pl. 19, type 6, pl. 218), а также железные наконечники с острым концом пера и широким округлым его основанием (Телль Кнедиг, *ibid.*: type 5b-37, pl. 183). Однако прямых доказательств этому предположению нет, поскольку, как отмечает сам М. Суди, в сценах охоты на ассирийских рельефах неизменно изображались листовидные наконечники стрел (*ibid.*: 354).

Что касается четырех бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников без жалец из Нуш-и Джан тепе, то следует отметить их определенное отличие от стрел, которые использовались

в период мидийских завоевательных походов, и которые были рассмотрены выше. Форма одного из них и маленький размер (2,3 см) необычны для наконечников этого времени (Curtis 1984: fig. 6: 261; **рис. 14: 40**). Автор называет его втульчатым, хотя, судя по рисунку, это, вероятнее, черешковый трехлопастной наконечник более позднего времени. В рассматриваемый период лопасти еще не были столь широкими в нижней части пера. Другой наконечник с узкими лопастями с чуть выделенными жальцами в рассмотренных памятниках не встречен (Curtis 1984: fig. 6: 260; **рис. 14: 41**). Только два наконечника листовидной формы и с выделенной втулкой (Curtis 1984: fig. 6: 259, 262; **рис. 14: 39, 42**) можно сравнивать с наконечниками из Кармир-блур (Рябкова 2009: рис. 1 и 3), Чавуштепе и Каялыдере (**рис. 12: 10; рис. 13: 8, 14**), в Аянисе их нет; в Ахеменидской деревне в Сузах (слой II датируется Д. Стронахом после V в., Медведская 1980: 32, рис. 2, 2, первый слева).

Выше были рассмотрены наконечники стрел, которые за редким исключением обнаружены в урартских городах, разрушенных в период междоусобиц и распада Урартского царства и последующего их завоевания мидийцами во второй половине VII в. Можно предположить, что скифские отряды участвовали не во всех завоевательных походах мидийской армии. По-видимому, они не участвовали в завоевании урартских городов, расположенных к востоку от озера Ван. Сопоставление колчаных наборов с железными черешковыми стрелами и бронзовых черешковых наконечников стрел с именами урартских царей VIII в. до н. э. с наконечниками стрел из разрушенных урартских городов, свидетельствует о том, что на протяжении VIII–VII вв. форма урартских стрел принципиально не менялась. Железо для их изготовления использовалось в равной степени в VIII и в VII вв., бронза не заменила железо.

Набор наконечников стрел из **Хасанлу IVB** относится к более раннему времени. Дата гибели города остается спорной: или в конце IX в. при завоевании Приурмийского района урартами, или город был разрушен в 714 г. ассирийской армией, в состав которой входили отряды из подчиненных Ассирии стран, находившихся в том числе и на территории Древнего Ирана.

Чтобы ответить на вопрос, с какой традицией — древневосточной доурартской или урартской — в большей степени связан набор стрел у лучников, разрушивших Хасанлу IVB, необходимо

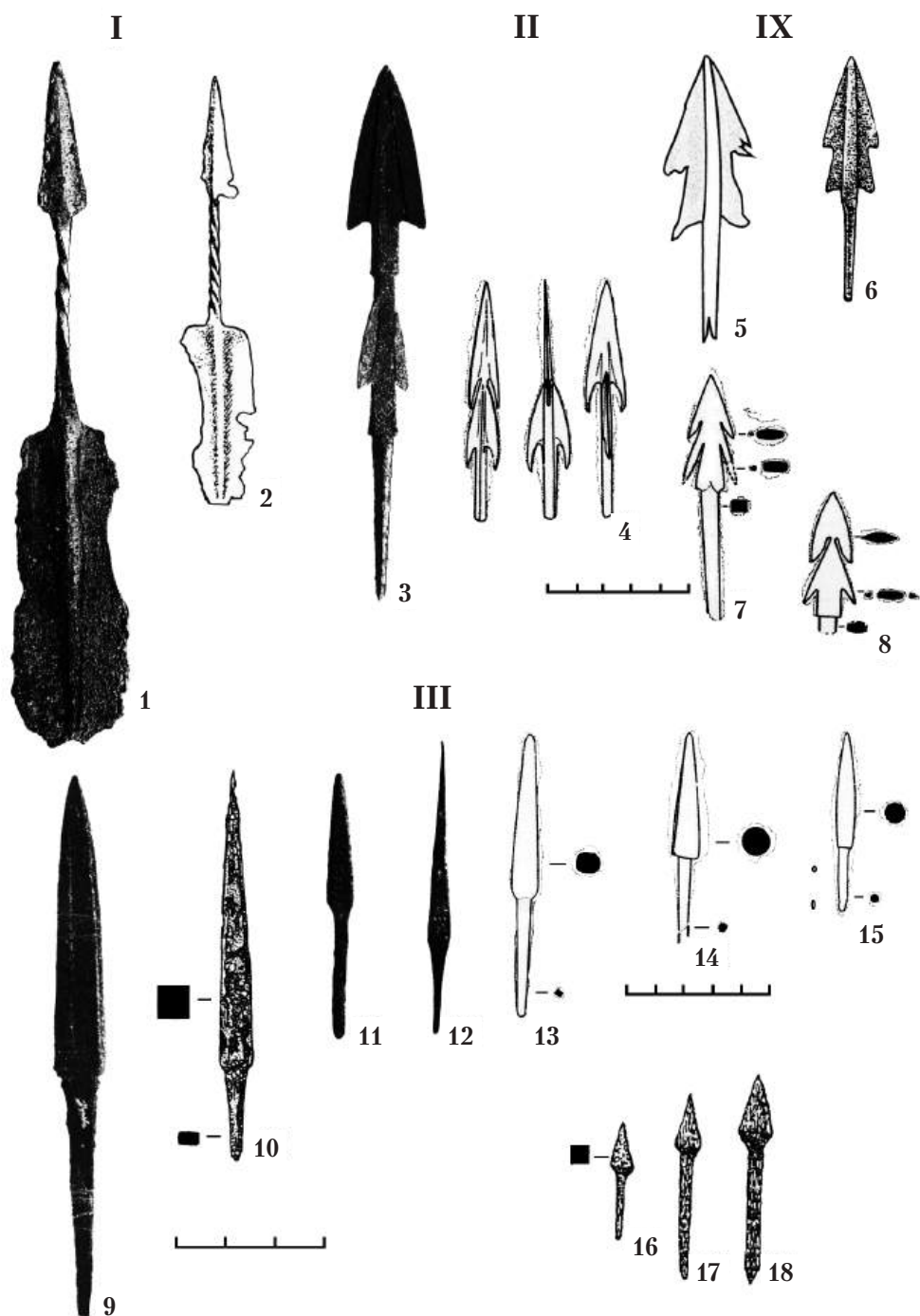

Рис. 15. Бронзовые и железные (Хасанлу IVB) черешковые наконечники стрел. **Тип I:** 1, 2 — Марлик; **тип II:** 3 — Марлик, 4 — Хасанлу IVB; **тип IX:** 5, 6 — Марлик; 7, 8 — Хасанлу IVB; **тип III:** 9 — Марлик; 10 — Парадизфестунг; 11, 12 — Хурвин; 13–15 — Хасанлу IVB; 16–18 — Сиалк В

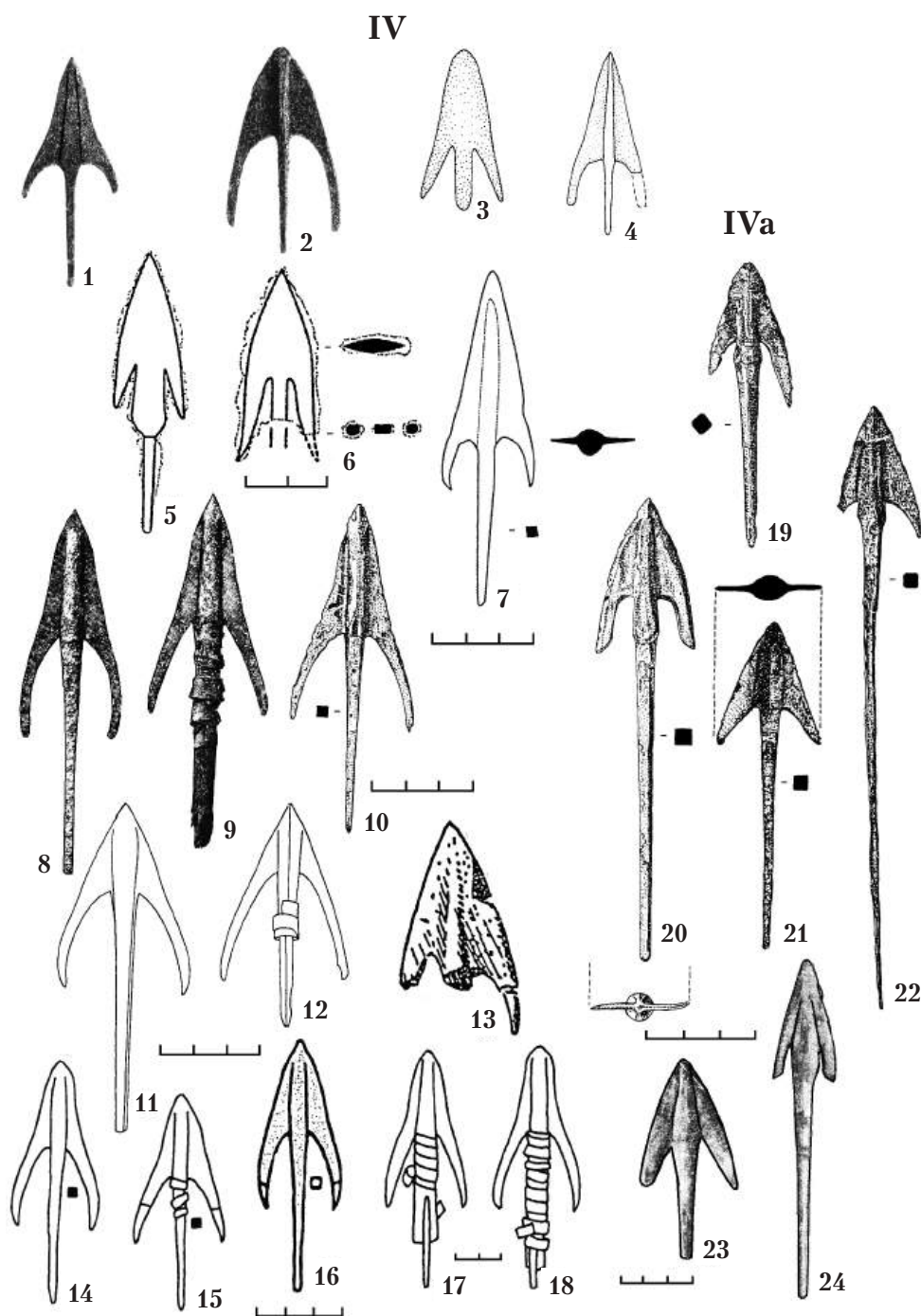

Рис. 16. Бронзовые и железные (5, 6) черешковые наконечники стрел. **Тип IV:** 1–4 – Марлик; 5–7 – Хасанлу IVB; 8, 9 – Кара-Булак, курган 91; 10 – Парадизфестунг; 11, 12 – Ошакан, погр. 65; 13 – Сялк А; 14–18 – Сарычобан; **тип IVa:** 19–22 – Парадизфестунг; 23–24 – Мингечаур

вновь вернуться к рассмотрению первой из них — древневосточной. Но прежде необходимо подчеркнуть следующее.

Упоры на бронзовых черешковых двулопастных листовидных наконечниках стрел известны уже в последней трети II тыс. в Палестине (Телль Аджул, Дувейр, Эль Хадр). Наконечники с упором использовались в Сирии (Хама I–II, 1200–1075, 1075–1000 гг. до н. э.). Еще раньше, около 1450–1400 гг., они появились в Анатолии и Ираке (Тарс, Нузи; Медведская 1980: 24–25, рис. 1). В Иране в Луристане листовидные наконечники с массивным четырехгранным упором имеют надписи вавилонских правителей X в. до н. э. (Ghirshman 1962: 162, № 25, pl. XXVI; 17, XXVII–XXIX: 18–24). Они обнаруживают сходство со стрелами из Эль Хадр, датируемыми около XI в.

На Древнем Востоке в последней трети II тыс. до н. э. или чуть раньше появляются наконечники стрел с выделенными и опущенными жальцами, наконечники с треугольной формой пера, нижние грани которого переходят под прямым углом к черешку, многие из них с упором (Сирия, Хама I–II; Анатолия, Тарс). В Анатолии появляются и «крылатые» наконечники стрел (Аладжа Хююк). Используются все эти типы в это время и в Иране (Марлик, Negahban 1996, № 832, 839; **рис. 17: 1–2**) и позднее (Медведская 1980: 26–27, типы I–IV, см. ниже).

Металлические, костяные и каменные наконечники стрел из **Хасанлу IVB** были опубликованы К. Торнтоном и В. Пиготтом. В Хасанлу IVB всего обнаружен 681 наконечник¹, из них 637 железных, 20 бронзовых, 23 костяных и 1 кремневый наконечник (Tornton, Pigott 2011: 137). Из опубликованных стрел к этому периоду отнесено 84 наконечника, и к периоду Хасанлу III — 8 бронзовых наконечников. Авторы выделили три типа наконечников стрел по форме пера: двулопастное перо с жальцами или без них, с прямыми или округлыми плечиками (типы I, II), шиловидные наконечники (тип III). Обозначены размеры пера типов I, II менее 8–9 см длиной и диаметром втулки менее 1 см. Это условное разделение вызвано сходством наконечников стрел с небольшими наконечниками копий, чьи размеры

¹ Это число не вполне точное, т. к. в некоторых случаях не удалось расчленить содержимое колчанов из-за коррозии железа (Tornton, Pigott 2011: 141).

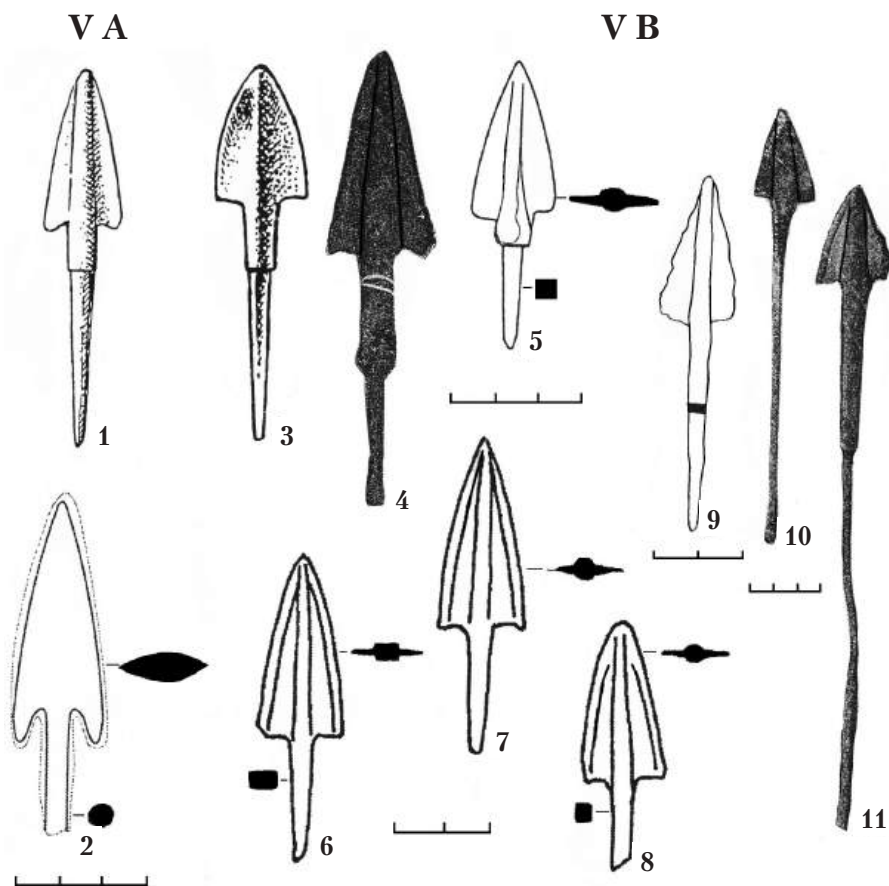

Рис. 17. Бронзовые и железные (2) черешковые наконечники стрел. **Тип V A:** 1 – Марлик; 2 – Хасанлу IVB; **тип VB:** 3, 4 – Марлик; 5 – Хасанлу IVB; 6–8 – Борсонлу; 9 – Хачахбюр; 10, 11 – Мингечаур

в таком случае более 9 см и диаметр втулки более 1 см. Все три типа включают также костяные и каменные стрелы. Авторы подчеркивают, что не использовали в своей типологии металл для изготовления стрел как «разделительный фактор». Объясняют это они тем, что поскольку железо лишь недавно стало использоваться для изготовления предметов вооружения, то отличительные формы стрел из железа еще не были разработаны (Thornton, Pigott 2011: 136–139). Следует, однако, отметить, что К. Торнтон и В. Пиготт вопрос датировки Хасанлу IVB специально не рассматривали, принимая принятую дату гибели города в конце IX в. до н. э. Но только в VIII в. железо уже широко использовалось

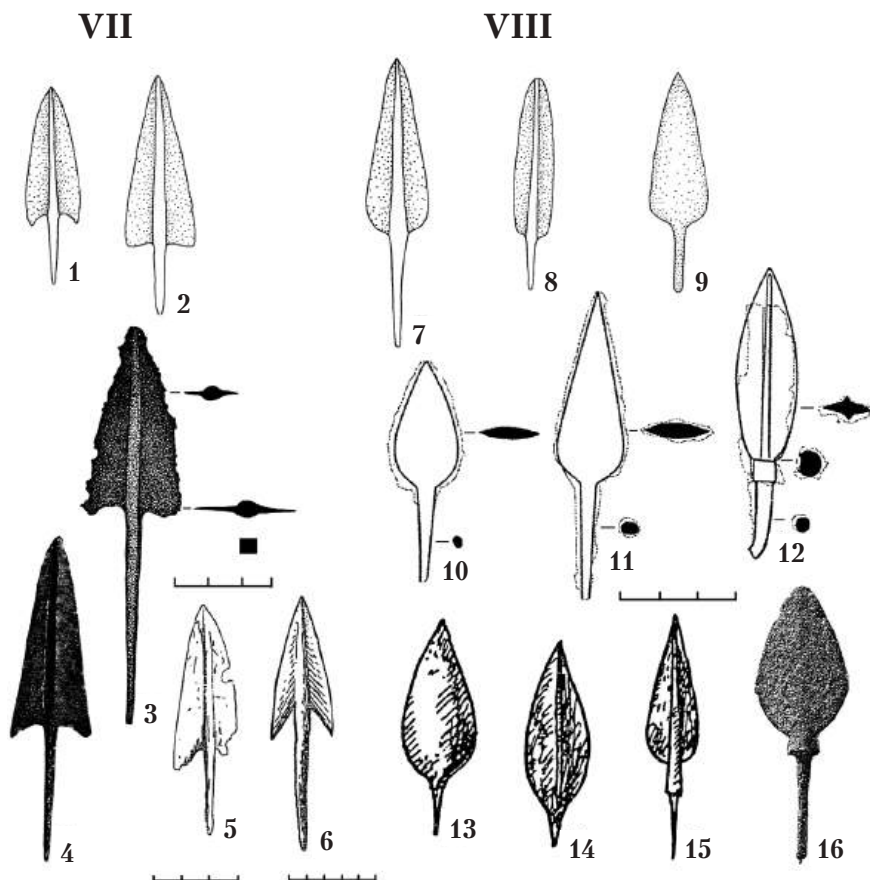

Рис. 18. Бронзовые и железные (10–12, 16) черешковые наконечники стрел. **Тип VII:** 1, 2 — Марлик; 3 — Карамурад; 4 — Хурвин; 5, 6 — Мингечаур; **тип VIII:** 7–9 — Марлик; 10–12 — Хасанлу IVB; 13–15 — Гиян I; 16 — Калакент, мог. 42

для производства предметов вооружения (см. § 1), что и наблюдается в Хасанлу IVB, где преобладают железные наконечники стрел. Доказательства гибели города в 714 г. предложены в главе III). Кроме того, железные наконечники стрел по техническим причинам, как правило, имели более простые формы, в отличие от бронзовых наконечников, и далеко не всегда могли повторять форму бронзовых оригиналов.

Почти все варианты этих трех типов наконечников стрел из Хасанлу IVB находят аналогии стрелам из Марлика, типология которых разработана Э. Негахбаном и которая представляется наиболее оптимальной. Марликие типы наконечников стрел

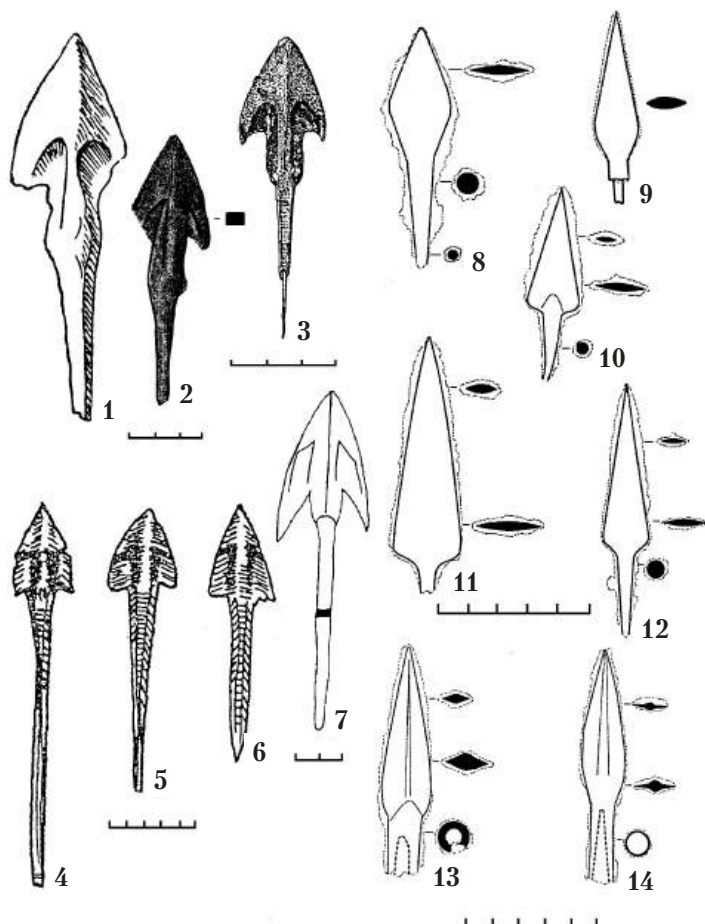

Рис. 19. Бронзовые и железные (8–14) наконечники стрел. 1, 2 — Мингечаур; 3 — Парадизфестунг; 4–6 — Толорс; 7 — Хачахбюр; 8–14 — Хасанлу IVB

ниже указаны в скобках, за исключением типов IA и IC, не обнаруженных в Марлике.

Тип I (Thornton, Pigott 2011: 139–144). Железные наконечники в Хасанлу IVB представляют большинство (594 из 681 экз.; *ibid.*: 139, fig. 6.2; 6.3; 6.4); опубликованы, за исключением нескольких бронзовых наконечников, только железные экземпляры. В отличие от типа II, все они без выделенных жалец.

Тип IA (*ibid.*: 141, fig. 6.2, pl. 6.3). Черешковые наконечники с узким заостренным пером и прямыми плечиками. Судя по публикации, наличие упора не характерно для этого подтипа (**рис. 19: 8–12**).

Тип IB (тип **VIII**); (ibid.: 141, fig. 6.3). Черешковые наконечники с узким листовидным («овальным») пером, плечики округлые, или иногда отсутствуют, большинство наконечников с упором (**рис. 18: 10–12**).

Два уникальных наконечника из медно-бронзового сплава по форме пера отнесены авторами к подтипу IB. Первый из них имеет черешок ромбовидного сечения, сильно заостренный книзу, наибольшая его ширина у основания пера (ibid., fig. 6.6, Has 60–709). Подобные наконечники известны во II тыс. в Палестине и в ряде других памятников региона (Медведская 1980: рис. 1), а также в Малой Азии и в Месопотамии (Thornton, Pigott 2011: 143). Второй наконечник имеет перо с широким уплощенным ребром, которое имеет несколько продольных желобков, верхняя часть черешка снабжена двумя загнутыми закраинами («лацканами»), желобки и закраины делают этот наконечник абсолютно уникальным (ibid., fig. 6.6, Has. 60–710). Авторы сравнивают эту конструкцию с креплением на рукоятках иранских бронзовых кинжалов периода ЖВ I, т. е. время Хасанлу V (ibid.: 143).

Тип IC (ibid.: 143, fig. 6.4). Железные втульчатые наконечники копьевидной формы, у некоторых экземпляров втулка незакрытая. Большинство из них имеет ромбическое сечение пера, но, по крайней мере, один имеет ребро/жилку (ibid., fig. 6.4, Has. 62–1043b; **рис. 19: 13–14**). Примечательно, что подобные железные втульчатые наконечники происходят из Топраккале (Wartke 1990: 127, fig. 32i; **рис. 13: 13**), а также из Аяниса (Stone, Zimansky 2003: fig. 11.11 фото слева), которые были разрушены мидийской армией во второй половине VII в. до н. э. Вполне вероятно, что такие наконечники уже использовались на территории западного Ирана в VIII в., которая подчинялась Ассирии. В походе Саргона в 714 г. военные отряды местных владетелей входили в состав ассирийской армии, что было обычной практикой ассирийских царей, и среди них были местные лучники. Гораздо меньше оснований предполагать, что такие железные втульчатые наконечники использовались урартами в IX в., когда они завоевывали Приурмийский район. До IX в. включительно в странах Закавказья и Ирана лучники использовали бронзовые наконечники стрел, в VIII в. — бронзовые и железные, что может служить дополнительным доказательством гибели Хасанлу в 714 г. до н. э.

Тип II (Thornton, Pigott 2011: 144–146, fig. 6.5). Железные черешковые двулопастные наконечники стрел с выделенными жальцами. К этому типу отнесены также бронзовые наконечники стрел с широко раздвинутыми жальцами, которые называют «крылатыми» (ibid.: fig. 6.6).

Тип ПА1 (тип **IV**). Железные наконечники имеют уплощенное перо ромбовидного сечения, некоторые имеют упор, жальца прижаты к черешку (ibid.: fig. 6.5; **рис. 16: 5–6**). Перо бронзового наконечника имеет четко выраженное ребро (ibid.: fig. 6.6; **рис. 16: 7**).

Примечательно, что форму металлических наконечников этого типа повторяют костяные наконечники, аналогии которым авторы находят в памятниках Анатолии конца II тыс. (Малатья, Аладжа Хююк, ibid.: 144). Металлические наконечники этого типа были распространены также в конце II тыс. и продолжали использоваться в начале I тыс. до н. э. в Анатолии, Закавказье, в Прикаспии (ibid.: 144–145), что и демонстрируют их находки в Хасанлу IVB. Отметим в этой связи находки таких стрел в могильнике Марлик (**рис. 16: 1–4**, см. ниже).

Тип ПА2 (ibid.: 145, fig. 6.5, Has 70–190). Единственный железный наконечник, форма которого достоверно не восстанавливается: вогнутая над жальцами форма пера не исключает вероятность наличия несохранившегося второго ряда жалец типа ПВ1 (см. ниже).

Тип ПВ (ibid.: 145–146, fig. 6.5). К этому типу отнесено пять оригинальных железных наконечников с двойным пером, каждое из которых имеет выделенные жальца.

Тип ПВ1 (тип **IX**). У трех наконечников оба пера расположены в одной плоскости одно над другим (**рис. 15: 7–8**). В Гордионе (не опубликован) и в Марлике (мог. 2)¹ обнаружены похожие бронзовые наконечники, датируемые концом II тыс. (ibid.: 145; **рис. 15: 5–6**).

У подтипа ПВ2 (тип **II**) оба пера расположены перпендикулярно одно над другим (**рис. 15: 4**). Бронзовый аналог также обнаружен в могильнике Марлик (ibid.: fig. 6.8; **рис. 15: 3**). Как справедливо отмечают авторы, наличие в Марлике бронзового аналога типу ПВ2 может предполагать существование местного иранского типа, замененного в период ЖВ II железным вариантом (ibid.:

¹ Согласно Х. Пиллеру, могила 2 относится к последней стадии III (1000 BC), но возможно ее продление до начала I тыс. до н. э.

146), что в таком случае может относиться и к подтипу ПВ1. В объемном каталоге М. Суди (см. ниже) дополнительных данных нет. Датировка железных вариантов типов ПВ1–ПВ2 зависит от верхней даты могильника Марлик.

Тип III (тип III) (ibid.: 146, fig. 6.6). Наконечники с круглым (IIIА) или прямоугольным сечением пера (IIIВ; **рис. 15: 13–15**). Иногда их называют шилом. Из них 37 железных, 3 бронзовых, 14 костяных. Из общего числа всех наконечников преобладают бронзовые и костяные наконечники подтипа IIIВ — 80 % из 100 %. Железных наконечников подтипа IIIВ в Хасанлу IVB немного — 9 из 33 экз. Но, например, в Гордионе (ca. 800–600) преобладают именно железные стрелы типа IIIВ. Авторы предполагают, что это может отражать региональные, хронологические или технические различия (ibid.: 146).

Подводя итоги, авторы подчеркивают очевидную связь «почти всех» типов стрел из Хасанлу IVB с западными регионами (хеттские и митаннийские центры), с Закавказьем и Прикаспием. Но особенно четко, по их мнению, это демонстрируют костяные шилovidные наконечники типа III (Гилян/Да(е)йламан, Алишар). Напротив, костяные наконечники типа IIА1 почти исключительно указывают на Малую Азию (Малатья). Однако металлические наконечники типа IIА1 демонстрируют в большей степени связь с Урарту и Прикаспием (ibid.: 169). Видимо, следует уточнить — не с Урарту, а с Закавказьем (см. ниже). Относительно остальных железных наконечников стрел подобных выводов не было сделано.

Полезная работа была проделана М. Суди. Он собрал и проанализировал огромное число наконечников стрел новоассирийского периода (Szudy 2015). Особенную ценность имеет каталог, насчитывающий 1325 единиц, представленных на 223 таблицах, часть которых публикуется впервые (стрелы из Нимруда, Ашшура, Каркемиша). Из иранских памятников учтены публикации стрел только из Хасанлу, Марлика, Нуш-и Джан тепе и Сиалка В. Отмечу, что пользоваться дробной типологией наконечников стрел М. Суди затруднительно и по существу она служит для удобства пользования самим каталогом и текстом автора.

М. Суди предпринял попытку уточнения возможности связывать напрямую разрушение древних городов (или только слоев определенного периода) с историческими событиями.

Он выделил 4 уровня возможности таких отождествлений: 1) бесспорное («firm»), 2) возможное («probable»), 3) менее вероятное («possible»), 4) не связанные между собой («no association») (Szudy 2015: 182–183). К первому уровню он отнес разрушение Ашшура в 614 г. и Ниневии в 612 г. до н. э.; ко второму — разрушение Каркемиса в 605 г.; к третьему — Султантепе, который, по его мнению, был атакован в то же время, что и Харран в 610 г. (*ibid.*), точнее, Харран был разрушен в ходе боев 610–609 гг. (Медведская 2018: 198).

Однако М. Суди не согласен «с попытками» Р. Дайсона и О. Мускареллы, а также И. Н. Медведской связать разрушение Хасанлу IVB с историческими событиями, известными из письменных источников: завоевание урартами Приурмийского района в конце IX в. до н. э. (Дайсон, Мускарелла) или его разрушение Саргоном в 714 г. (Медведская). Он считает, что город был разрушен в VIII в., но до того времени, когда урарты утратили власть в этом районе (Szudy 2015: 203), т. е. до 714 г. Этот вывод противоречит его несогласию с нашими «попытками», которые опирались на данные письменных источников, а во второй «попытке», кроме того, мною в первую очередь подчеркивалось наличие предметов, найденных в Хасанлу IVB, которые еще не существовали в IX в. (Medvedskaya 1988; см. гл. III). Встает вопрос — кем в таком случае был разрушен город в VIII в. до н. э.? Ассирийцы в течение 100 лет до 714 г. не совершали сюда походов, маннейские цари хотя и не были верными союзниками урартов, но не были и их врагами, а Мидийское царство еще не сложилось.

В результате М. Суди датирует все наконечники стрел из Хасанлу IVB VIII в. до н. э. (*ibid.*). Это не противоречит датировке части находок из этого слоя, что и доказывалось мною в работах, на которые ссылается Суди. В любом случае наконечники стрел из слоя IVB датируются VIII в. до н. э. Это подтверждается сходством формы некоторых железных наконечников из Хасанлу IVB с редкими формами железных наконечников VII в. из урартских городов, разрушенных мидийской армией, например, железные втульчатые наконечники типа IC.

Рассмотренный материал будет дополнен в главе V данными из могильника Марлик. Подобное разделение материала вызвано тем, что анализ оригинальных типов наконечников стрел из этого могильника требует широкого обзора дополнительных данных,

необходимых для уточнения датировки этого памятника и определения его культурных связей.

В итоге следует подчеркнуть важное значение существования древневосточной традиции использования удил с напускными псалями и черешковых наконечников стрел. Это свидетельствует о существовании южного культурообразующего пояса, существовавшего от Древнего Египта и Средиземноморья до Древней Индии (совр. Пакистан), что подтверждается и другими данными, рассмотренными в главах II–VI.

СПИСОК И ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Бронзовые удила с напускными псалями. **1** — Сиалк В, погребение 74 (Ghirshman 1939: pl. XXV: 1; LXXV, S.924); **2** — Хасанлу IVB; **3** — Иран, случайная находка; **4** — Турция, музей г. Ван (удила с именем Менуа, Иванчик 2001: рис. 74: 2, 4; 87: 4); **5** — Марлик, погребение 49 (Negahban 1996: fig. 35: 941); **6, 8** — Сарычобан (Джафаров 1993: рис. 6: 9; 7: 1, 1a); **7** — Мелаани (Грузия, Иванчик 2001: рис. 89: 19); **9** — Димац, могильник; **10** — Арчадзор, курган 1; **11** — Мингечаур, курган II (Медведская 1983: рис. 1: 6–8).

Рис. 2. Одноколычатые удила и разъемные псалии из могильников Сиалк В (**1–4, 6–8**) и Гиян I (**5**). **1** — погребение 25; **2** — погребение 78; **3, 4, 6, 8** — погребение 15; **7** — погребение 52; **5** — погребение 3 (**1–5** — бронза, **6–8** — железо) (Медведская 1983: рис. 2: 2–6, 9–11).

Рис. 3. Плетеные удила с напускными псалями. **1** — Азнавуртепе (Турция, имя Сардури II) (Иванчик 2001: рис. 87: 5); **2** — Хасанлу IVB (там же: рис. 80: 5); **3** — Саламин (Кипр) (там же: рис. 67: 4); **4, 6** — Алтынтепе, гробница 3 (Турция) (там же: рис. 100: 2, 4); **5** — Ашшур (Ирак) (Littauer, Crouwel 1979: fig. 66); **7** — Болонья (Италия) и **8** — Кобан (Северный Кавказ) (Hase 1969: Taf. 9: 87, 90); **9** — Луристан, случайная находка (Waele 1982: fig. 54: 74); **10** — Микены (Греция) (**1** — бронза, железо; **2–10** — бронза) (Иванчик 2001: рис. 63: 6).

Рис. 4. Бронзовые плетеные (**2–8, 12–17**) и витые (**1, 9–11**) удила. **1–3** — Хасанлу IVB (Иран); **4** — Луристан или Северный Иран, случайная находка; **5** — Шамхорский могильник; **6** — Мингечаур, курган II; **7** — Калакент, погребение 47; **8** — Малый Курган (Азербайджан); **9–10** — Богемия; **11** — Кармир-блур (Армения); **12–15** — Турция, случайная находка; **16** — Норшунтепе, погр. (Турция); **17** — Болонья (Италия) (**1–17** — Медведская 2005: рис. 3: 1–17).

Рис. 5. Бронзовые псалии. **1–2** — Хасанлу IVB; **3** — Сиалк В, погребение 15; **4** — Восточная Анатолия, случайная находка; **5** — Малый Курган;

6 — Мингечаур, курган II; 7 — Шамхорский могильник; 8 — Дивалона (Азербайджан) (1–7 — Медведская 2005: рис. 1–7; 8 — Махмудов 2008: рис. 31).

Рис. 6. Роговые и костяные псалии. 1 — Чавуштепе (Турция); 2 — Эребуни; 3 — Кармир-блур (Армения); 4 — Ркинис-Кало, погребение 27 (Грузия); 5 — Хасанлу IVB; 6 — Сиалк В, погребение 15 (Иран); 7 — Днестровка-Лука, поселение; 8 — Сахарна I, курган VI, погребение 1 (Среднее Поднестровье); 9 — Жаботин, поселение (Среднее Поднепровье); 10 — Сахарна Маре (Среднее Поднестровье); 11–12 — Фарс/Клады, погребения 9 и 31 (Северный Кавказ) (1–5, 7, 11–12 — Медведская 2005: рис. 2: 1–5, 7, 10–11; 6 — Ghirshman 1939: pl. LVII, S.791 a–b; 8, 10 — Кашуба 2000: рис. XXX: 6, 12; 9 — Дараган, Кашуба 2011: табл. 73: 5).

Рис. 7. Роговые псалии с резным орнаментом. 1 — Бейчесултан III (Турция); 2 — Мингечаур, погребение 77 (Азербайджан); 3 — Сабатиновка (Украина, Южный Буг); 4 — Паказдвар; 5 — Тосцег (Венгрия) (1, 4–5 — Foltiny 1967: fig. 5: 3; 7: 1; 9: 2; 2 — Мелентьев 1968, рис. 1: 5–7; 3 — Hüttel 1981: Taf. 7: 60).

Рис. 8. Бронзовые пронизы группы I. 1–3 — Шаркад (Венгрия); 4–5 — Сантовка (Словакия); 6 — Фюгёд, клад; 7 — Санда, клад (Венгрия); 8–10 — Батина/Кишкосцег (Хорватия); 11 — Гура Падиней (Румыния); 12–13 — Фюзэшабонь-Эрёгдомб (Венгрия); 14 — Сеника, погребение 1/42 (Словакия); 15–16 — Эсте, погребения 14 и 278 (Италия); 17, 19, 20 — Сиалк В, погребение 15 (Иран); 18 — Иран, случайная находка; 21 — Кисловодск, случайная находка (Северный Кавказ); 22 — Гиан, погребение 3 (Иран) (1–3 — Махортых 2003: рис. 24: 6–8; 4–5 — там же: рис. 54: 3, 6; 6 — там же: рис. 32; 7 — там же: рис. 31: 16; 8–10 — там же: рис. 55: 5, 17–18; 11 — Медведская 1983: рис. 3: 18; 12, 13 — Махортых 2003: рис. 66: 4–5; 14 — там же: рис. 67: 2; 15, 16 — Müller-Karpe 1959: Taf. 102: 12–13; 17, 19–20 — Ghirshman 1939: pl. LVI, S.794 b, S.601, S.595 b; 18 — Waele 1982: fig. 179: № 344; 21 — Козенкова 1995: XXVIII: 11; 22 — Ghirshman 1936: fig. G: 3).

Рис. 9. Бронзовые (1–5) и костяные (6–7) пронизы. 1–5 — Сарычобан, курган (Джафаров 1993: рис. 5: 1; 6: 6–7, 14; 7: 3); 6–7 — Паша-Тапа, курган 4, Азербайджан; Иловатка низовье Волги (Погребова 2011: табл. XXVII: 5, 11).

Рис. 10А. Бронзовые пронизы подгруппы II А. 1–2 — Штильфридский «клад»; 3–4 — Штильфрид (погребение, Австрия); 5–7 — Печ/Якахэдъ (курган 1, Венгрия); 8, 9 — Фрёг (курган 1, Австрия); 10–12 — Бирюково (курган 8, погребение 2, р. Дон); 13–14 — Фюзэшабонь-Эрёгдомб (погребение 3, Венгрия) (1–4 — Махортых 2003: рис. 28: 12–13; там же: рис. 14: 24–25; 5–7 — там же: рис. 34: 6–8; 8–9 — там же: рис. 49: 14; 10–12 — там же: рис. 4: 4–6; 13–14 — там же: рис. 56: 9–12; 15–16 — Козенкова 2002: табл. 27: 3–4; 17–18 — Вальчак 2009: рис. 48: 5–6; 19 — Berezin, Dudarev 1999: Abb. 10: 1).

Рис. 10В. Бронзовые пронизи подгруппы II Б. **20–22** — Штильфридский «клад»; **23–26** — Гильденберг (курган 2, Австрия); **27** — Ветиш (клад, Румыния); **28** — Пшиш-1 (**20–22** — Махортых 2003: рис. 28: 7–8, 10; **23–26** — там же: рис. 48: 9–12; 27; рис. 30: 6; 28 рис. 52: 3); **29** — Клинь-Яр III (Северный Кавказ) (Козенкова 1995, табл. XXVIII: 7); **30–31** — Мошанец (клад, Украина) (Махортых 2003: рис. 40: 8, 12).

Рис. 11. Металлические наконечники стрел из Аяниса: железные (**1**, **4** — тип I; **6**, **11**, **22**, **23** — тип II.1; **27**, **54**, **61** — тип II.2; **68** — тип III.1; **69**, **70** — тип III.2) и бронзовые наконечники стрел (**72**, **73**, **81**, **84** — тип I; **100**, **102**, **104** — тип II; **107** — тип III, **108** — тип IV; **90** — тип V) (**1**, **4**, **6**, **11**, **22**, **23** — Derin, Muscarella 2001: fig. 2; **27** — ibid.: fig. 3; **54** — ibid.: fig. 4; **61**, **68–70** — ibid.: fig. 5; **72**, **73**, **81**, **84**, **90** — ibid.: fig. 6; **100**, **102**, **104**, **107**, **108** — ibid.: fig. 7).

Рис. 12. Металлические наконечники стрел из Кармир-блур: железные (**1–4**) и бронзовые (**5–21**) (**1–2** — Архив ГЭ, фонд 50, архив Б. Б. Пиотровского, альбомы рисунков 1951, с. 60, 1952, с. 8; **3–6** — Пиотровский 1950: рис. 22; **7–9** — он же 1959: рис. 80, 81; **10–18** — Рябкова 2009: рис. 2: 1, 5, 8, 14, 16, 13, 11, 12, 10; **19–21** — там же: рис. 3: 42–44).

Рис. 13. Металлические наконечники стрел. Топраккале: **1–5** (бронза), **12–13**, **20–21**, **23–24**, **29–30** (железо); Каялыдере: **14** (бронза), **15**, **22**, **25**, **31** (железо); Чавуштепе: **6–11**, **16–19** (бронза), **26–28**, **32–35** (железо) (**1–4**, **12–13**, **20–21**, **23–24**, **29–30** — Wartke 1990: Abb. 9, Abb 32: a-e, i, n, o, p; **5** — Пиотровский 2011: 559, № 220; **14**, **15**, **22**, **25**, **31** — Burney 1966: fig. 21: 8–12; **6–11**, **16–19**, **26–28**, **32–35** — Erzen 1988: fig. 38; 39; 40).

Рис. 14. Металлические наконечники стрел. Игдир: **1–5** (железо); Ашшур: **6–11** (бронза); Каркемиш: **12–16**, **21–23** (железо), **17–20** (бронза); Бастам: **24–26** (железо), **27–30** (бронза); Аграб тепе: **31** (бронза); Нуш-и Джан: **32–33**, **38** (железо), **34–36**, **39–42** (бронза); Годин II: **37** (бронза); Сиалк В: **43** (медь) (**1–5** — Куфтин 1943: табл. VII: 4–7, 11; **6–11** — Пиотровский 2011: рис. 131: Д, Е, Andrae 1913: Abb. 254; **12–23** — Woolley 1921: pl. 23: 3–6, fig. 20: c–f, pl. 22b; **24–30** — Szudy 2015: pl. 159, 216, 187, 33, 42, 107; Kroll 1988: Abb. 3: 3; **31** — Muscarella 1973: fig. 27: 2; **32–36**, **38–42** — Curtis 1984: fig. 6: 248, 249, 253–256, 259–262 (261 — 2,3 см, остальные — от 3,2 до 4,4 см); **37** — Young, Levine 1974: fig. 50: 5 (дл. 4,7 см); **43** — Ghirshman 1939: pl. XCII: 23 (дл. 8,5 см)).

Рис. 15. Бронзовые и железные (Хасанлу IVB) черешковые наконечники стрел. **Тип I:** **1**, **2** — Марлик; **тип II:** **3** — Марлик, **4** — Хасанлу IVB; **тип IX:** **5**, **6** — Марлик; **7**, **8** — Хасанлу IVB; **тип III:** **9** — Марлик; **10** — Парадизфестунг; **11**, **12** — Хурвин; **13–15** — Хасанлу IVB; **16–18** — Сиалк В (**1**, **2** — Negahban 1996: pl. 126: 824, М 1: 2; fig. 33: 825, М: 1: 3; **3** — Negahban 1996: pl. 126: 826, М: 1: 2; **4** — Tornton, Pigott 2011: fig. 6.5, Type IIB2, Has 72–170; **5**, **6** — Khorasani 2006: 307, fig. 376, дл. 7 см; Negahban 1996: fig. 33: 857, М 1: 2; **7**, **8** — Tornton, Pigott 2011: fig. 6.5, Type IIB1, Has 62–991, Has 60–33;

9 — Negahban 1996: pl. 126: 827, М 1: 1; **10** — Nagel, Strommenger 1985: Taf. 27: 6, Gr. 57; **11, 12** — Vanden Berghe 1964: pl. XXXV: 242, 243, дл. 7,1 и 8 см; **13–15** — Tornton, Pigott 2011: fig. 6.6, Type IIIA: Has 74–N719, Has 72–N274 a, Has 59–788 d; **16–18** — Ghirshman 1939: pl. XCII: 7–9).

Рис. 16. Бронзовые и железные (**5, 6**) черешковые наконечники стрел. **Тип IV:** **1–4** — Марлик; **5–7** — Хасанлу IVB; **8, 9** — Кара-Булак, курган 91; **10** — Парадизфестунг; **11, 12** — Ошакан, погр. 65; **13** — Сиалк А; **14–18** — Сарычобан; **тип IVa:** **19–22** — Парадизфестунг; **23–24** — Мингечаур (**1–4** — Negahban 1996: pl. 126: 830 (9 см), 828 (са 8 см), fig. 33: 831 (6,5 см), 829 (7 см); **5–7** — Tornton, Pigott 2011: fig. 6.5, Type IIa1, Has 74–437, Has 64–308 (жел.), fig. 6.6, Has 74–269 (бр.); **8, 9** — Ивановский 1911: табл. XV: 27, 28, без М (№ 28 са 12,4 см, № 27 са 12,9 см); **10** — Nagel, Strommenger 1985: Taf. 15: 13; **11, 12** — Есаян, Калантарян 1988: табл. LXXVI: 1–2; **13** — Ghirshman 1939: pl. XXXIX, S.453, дл. 10 см; **14–18** — Джафаров 1993: рис. 2: 2–4, 15–16; **19–22** — Nagel, Strommenger 1985: Taf. 51: 5; 19: 1; 15: 14, 15; **23–24** — Асланов, Ваидов, Ионе 1959: табл. XV: 12, 14).

Рис. 17. Бронзовые и железные (**2**) черешковые наконечники стрел. **Тип VA:** **1** — Марлик; **2** — Хасанлу IVB; **тип VB:** **3, 4** — Марлик; **5** — Хасанлу IVB; **6–8** — Борсонлу; **9** — Хачахбюр; **10, 11** — Мингечаур (**1** — Negahban 1996: fig. 33: 832, М 1: 2; **2** — Tornton, Pigott 2011: fig. 6.5, Has 64–989 b; **3, 4** — Negahban 1996: fig. 33: 839, М 1: 2, pl. 126: 836, М 1: 1; **5** — Tornton, Pigott 2011: fig. 6.6, Has 62–1052; **6–8** — Погребова 2011: табл. XL: 4–6; **9** — Yengibaryan 2002: pl. V: 5; **10, 11** — Асланов, Ваидов, Ионе 1959: табл. XV: 8–9).

Рис. 18. Бронзовые и железные (**10–12, 16**) черешковые наконечники стрел. **Тип VII:** **1, 2** — Марлик; **3** — Карамурад; **4** — Хурвин; **5, 6** — Мингечаур; **тип VIII:** **7–9** — Марлик; **10–12** — Хасанлу IVB; **13–15** — Гиян I; **16** — Калакент, мог. 42 (**1, 2** — Negahban 1996: fig. 33: 849, 851, М 1: 2; **3** — Nagel, Strommenger 1985: Taf. 64: 1; **4** — Vanden Berghe 1964: pl. XXXV: 233; **5, 6** — Асланов, Ваидов, Ионе 1959: рис. 40г, 536; **7–9** — Negahban 1996: fig. 33: 855, 856, 854, М 1: 2; **10–12** — Tornton, Pigott 2011: fig. 6.3, type IB, Has 62–48, Has 64–989 a, Has 70–645; **13–15** — Contenau, Ghirshman 1935: pl. 8: 15; **16** Ивановский 1911: табл. V: 13, без м).

Рис. 19. Бронзовые и железные (**8–14**) наконечники стрел. **1, 2** — Мингечаур; **3** — Парадизфестунг; **4–6** — Толорс; **7** — Хачахбюр; **8–14** — Хасанлу IVB (**1–2** — Асланов, Ваидов, Ионе 1959: табл. XV: 15, XXXVIII, 3, № 1 без М; **3** — Nagel, Strommenger 1985: Taf. 15: 18; **4–6** — Мартиросян 1964: табл. XIV: 12–14; **7** — Yengibaryan 2002: pl. XIV: 1; **8–14** — Tornton, Pigott 2011: fig. 6.2, type IA: Has 74–N683 w, Has 74–326, Has 59–788 b1, Has 64–989 e, Has 74–N683 y; fig. 6.4, type IC: Has 72–N 114 b, Has 62–1043 b).

ГЛАВА II

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИРАН. МОГИЛЬНИК СИАЛК В

§ 1. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКА СИАЛК В

Среди археологических памятников доахеменидского Ирана одним из самых известных является могильник Сиалк В (см. **карту** на с. 701). Именно с ним, как и с другим не менее известным поселением Хасанлу, связано решение вопросов хронологии, происхождения и культурных связей археологических памятников Ирана начала I тыс. до н. э. Могильник Сиалк В был исследован и опубликован в 1930-е годы Р. М. Гиршманом (Ghirshman 1938–1939). Почти в каждой работе, касающейся доахеменидского периода Ирана, так или иначе затрагиваются вопросы, связанные с хронологией, происхождением и этнической принадлежностью этого памятника. Этот интерес вызван не только яркостью его материальной культуры, но, пожалуй, в значительной степени предполагаемой исследователями возможностью решения важнейших вопросов происхождения и становления собственно иранской культуры на плато. Однако, несмотря на столь пристальное к нему внимание, до сих пор многие вопросы, возникшие в процессе его изучения, остаются невыясненными, спорными и т. п. В первую очередь это касается главного вопроса — датировки могильника Сиалк В. Диапазон предлагаемых дат колеблется в пределах X–VII вв. до н. э.¹ Могильник датировался или в пределах X–IX вв. (на этой дате всегда настаивал Р. М. Гиршман), или VIII в. с заходом в IX и в VII вв. до н. э. Предшествующий по времени могильник Сиалк А датируется концом II тыс. до н. э. Он

¹ Предложенная К. Шеффером дата — конец II тыс. до н. э. не получила признания (Schaeffer, 1948, p. 472–473).

синхронизировался с периодом Хасанлу V, но в отличие от расписной керамики могильника Сиалк В, керамическая традиция Хасанлу V характеризуется серо-черной нерасписной керамикой.

Следует отметить, что, начиная со времени публикации комплексов обоих могильников Р. М. Гиршманом в конце 1930-х гг. и в последующие годы, материал могильника Сиалк В никогда полностью в исследованиях не привлекался. Р. М. Гиршман опубликовал комплексы могил и дал лишь общую характеристику материала без классификации и специального исследования каждой категории инвентаря. Каждым последующим исследователем привлекалась обычно часть материала, наиболее убедительно, с точки зрения данного автора, подтверждающая ту или иную датировку, дающую основания для определенных выводов. К сожалению, в полном объеме материалы могильника вообще и не могут быть использованы. Из 216 открытых могил только 71 оказались не разграбленными, из них Р. М. Гиршман опубликовал только 17 комплексов. Кроме них, известно происхождение отдельных предметов еще из 65 могил. Все архивы Р. М. Гиршмана, по его словам, погибли во время Второй Мировой войны¹. Но и доступный материал достаточно значителен. Максимально широкое использование сравнительного материала даст дополнительное основание для принятия одной из предложенных датировок могильника. Только имея твердую дату и проделав сравнительный анализ других памятников Ирана этого времени, можно переходить к определению его культурной и этнической принадлежности и характеристике культуры этого периода в целом.

Если не считать не принятую исследователями дату К. Шеффера (конец II тыс. до н. э.), то наиболее ранняя дата могильника Сиалк В была обоснована Р. М. Гиршманом. В ее основе лежат доказательства исторического характера, цепь логических заключений построена им следующим образом: 1. население, оставившее этот могильник, было знакомо с коневодством; имеются погребения знатных всадников; это население имело конницу; 2. это были мидийцы; 3. ассирийцы распознают мидийцев именно потому, что они всадни-

¹ В письме от 28 ноября 1978 г. Роман Михайлович в ответ на мои вопросы о значимости неопубликованного материала написал, что «все то, что было найдено — керамика — бронза — железо — камень — все вошло в эту публикацию» (1938–1939 г.).

ки; мидийская конница составляет угрозу для ассирийцев; поэтому уже Тукульти-Нинурта II (890–884 гг. до н. э.) проводит военную реформу и создает в армии конные части; следовательно, ассирийцы должны были знать об угрозе мидийской конницы уже какое-то время до Тукульти-Нинурты II (Ghirshman 1938–1939: 94 ff.).

Важным звеном в системе доказательств Р. М. Гиршмана является невозможность синхронности культур Сиалка В и «Бронз Луристана». Обе культуры, по его мнению, иранские. В ряде своих работ он доказывал, что некоторые изображения на луристанских бронзах являются изображениями иранских божеств Зрвана и Шраоша (Ghirshman 1958: 37; idem 1962: 169–171). Он писал: «Мне трудно допустить одновременность двух культур (иранских. — *И. М.*), столь близких географически (два дня пешего перехода. — *И. М.*) и столь глубоко различных не только в техническом плане, но и в интеллектуальном» (Ghirshman 1974/1977: 47). Считая, что изображения иранских божеств появляются на луристанских бронзах в VIII–VII вв. до н. э., он, как казалось, имел основание датировать культуру Сиалка В предшествующим периодом. Учитывая, помимо этого, общее положение памятника в ряду других урартских (закавказских), месопотамских, египетских памятников, отсутствие большого временного разрыва между могильниками Сиалк А и В, наличие ассирийских печатей IX в. н. э., отсутствие скифских вещей, Р. М. Гиршман считал возможным датировать Сиалк В только X–IX вв. до н. э., допуская в крайнем случае лишь первые десятилетия VIII в. до н. э. (Ghirshman 1938–1939: 94; idem. 1974/1977: 44–49).

Близкой даты придерживался Т. Кайлер Янг. Основываясь на значительных культурных различиях могильников Сиалк А (Сиалк V) и Сиалк В (Сиалк VI), прежде всего на различных керамических традициях, он постулировал хронологический разрыв между ними. Он синхронизировал Сиалк В с Хасанлу IV¹. Поскольку период Хасанлу IV не имеет разрыва с предшествующим

¹ С Хасанлу IV Сиалк В, согласно Т. Кайлер Янгу, связывают общие керамические и металлургические традиции. Он привел большой список металлических изделий в Сиалке В: формы рукоятей бронзовых и биметаллических кинжалов, украшения конской упряжи, зеркала, удила, железные вилы, булавки, но не указал им аналогии в Хасанлу IV (Young 1967: 25, note 78).

периодом Хасанлу V, то по его мнению, период Хасанлу IV начался раньше Сиалка В на отрезок времени, равный хронологическому разрыву между существованием могильников Сиалк А и В (примерно 50 лет). Хасанлу IV и Сиалк В относился им к периоду ЖВ II (1000–800 гг. до н. э.), но для Сиалка В он допускал дату до конца VIII и даже до начала VII в. до н. э., т. е. уже с заходом в ЖВ III (750–550 гг.). Таким образом, начальная дата могильника Сиалк В находится между 1000–900 гг., конечная — между 750–700 гг. до н. э. (Young 1965: 78, fig. 14). Верхнюю дату, по его мнению, определяют трехлопастные наконечники стрел скифских типов и керамические фляги. Хотя ему уже было известно уточнение Р. М. Гиршмана о том, что эти наконечники являются подъемным материалом и не могут влиять на датировку могильника, он все равно считал возможным поднимать верхнюю дату на основании двух указанных фляг (Young 1965: 62, 82, note 34). В основу своего исследования Т. Кайлер Янг положил типологическое изменение керамики стратифицированного поселения Хасанлу. Синхронизация других памятников Ирана, в том числе Сиалка В, проводилась им на базе керамических параллелей с каждым из периодов Хасанлу. В настоящее время периодизация раннежелезного века Ирана, в основе которой лежит датировка слоев Хасанлу V–IV, на основании радиоуглеродного датирования значительно удревнена и период ЖВ I установлен в пределах 1500/1450–1250/1000 гг. до н. э. (см. главы I, III).

К. Гофф согласилась с установленными Т. Кайлер Янгом параллелями между керамикой Сиалка В и Хасанлу IV. Сопоставив в свою очередь керамику из луристанского памятника Баба Джан III и могильника Сиалк В, она указала на сходство расписной посуды обоих памятников. Особенно наглядна, по ее мнению, эта связь в орнаментах керамики: свисающие треугольники, иногда заканчивающиеся каплями, шахматная доска, треугольный орнамент по сторонам слива (Goff 1968: 125). Устанавливая сходство комплекса Баба Джан III с культурой ЖВ II Западного Ирана, она, тем не менее, полагала, что этот период в Луристане начался позднее, чем период Хасанлу IV/Динха II в Приурмийском районе. Позднее она считала возможным относить начальную дату периода Баба Джан III примерно к 900 гг. до н. э. Причем к IX в. она относит слои 3–1 на Центральном холме, после запустения которого поселение в VII в. переместилось на Восточный

холм (форт и расписная комната). Поскольку она не уточняет соотношение этих периодов с Сиалком В, то приходится думать, что она допускает и для последнего дату IX в. до н. э. (Goff 1978: 35, 41). Верхняя дата могильника Сиалк В установлена К. Гофф на основании отсутствия в нем характерных форм керамики периода ЖВ III. Лишь в одной могиле 74 вместе с флягой, которую Кайлер Янг выделял в качестве позднего признака, найдена характерная для этого периода миска с выступающим бортиком. Следовательно, период существования могильника Сиалк В кончился до наступления периода ЖВ III. Поскольку К. Гофф относит окончание фазы Баба Джан III примерно к 700 гг. до н. э., то эта же дата служит началом периода ЖВ III и верхней датой могильника Сиалк В (ibid.: 40). Таким образом, дата Сиалка В помещается К. Гофф между 900–700 гг. до н. э. Следует, правда, отметить, что в своих первых публикациях этого памятника К. Гофф допускала лишь незначительное заглубление фазы Баба Джан III в IX в., поскольку серая керамика, характерная для периода Хасанлу IV (ЖВ II), практически отсутствует в ней (Goff 1968: 125).¹

По пути еще большего омоложения Сиалка В пошел Р. Бёмер. Он исследовал часть металлического инвентаря: бронзовые чайники и бронзовые украшения конской сбруи. Сравнение последних с изображениями подобных вещей на ассирийских рельефах дало ему основание для точных датировок этих вещей (колокольчики и банджовидные подвески). Изображение колокольчиков известны на рельефах Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) и Саргона II (727–705 гг.). На более ранних рельефах, начиная со времени Ашшур-нацир-апала I (1347–1029/21 гг. до н. э.), нагрудные конские украшения были иных форм — кожаные пояса с кисточками из органического материала. К концу царствования Тиглатпаласара III появляются изображения нового элемента украшения узды — банджовидные пластинки. Пластинкам из могилы 16 Сиалка В наиболее точные аналогии находятся на рельефах Саргона II. Появившись, судя по рельефам, в 740–700 гг. до н. э. они бытовали и позднее, что подтверждается их находками в Зивие, где не найдено, как пишет Р. Бёмер, ни одной вещи VIII в.; напротив, многие предметы датируются VII и даже VI в. до н. э. (Boehmer 1965: 811).

¹ Пересмотр датировки периодов Хасанлу V–IV см. главу III.

Дату бронзовых вещей подтверждают, по мнению Р. Бёмера, сосуды/«чайники» — как керамические, так и бронзовые. Некоторые керамические чайники подражают металлическим, о чем свидетельствуют либо глиняные налепы, либо определенная раскраска, имитирующая заклепки. Бронзовые чайники, как считал Р. Бёмер, обязательно предшествуют керамическим. Однако нет ни одного чайника, датирующегося IX в., самые ранние бронзовые чайники датируются между 725–550/625 гг. до н. э.

Учитывая керамику и металлические вещи, Р. Бёмер выделил две группы могил в Сиалке В. Сиалк В₁ (могилы 31, 53, 61, 62, 123), Сиалк В₂ (могилы 1, 3, 7b, 15, 21, 38, 52, 66, 74, 78, 94; Voehmer 1965: 813 f.)¹. В более ранней группе В₁ преобладает нерасписная керамика, чайники с «зобатым» сливом отсутствуют. В этой группе чаще, чем в группе В₂, находятся сосуды с каннелюрами, характерные для Хасанлу IV и для древнейшей керамики Зендана. В группе В₂ найдены все украшения сбруи и расписные сосуды — «чайники». Первая группа датируется 820/810–750/740 гг., вторая — 770/760–690/680 гг. до н. э.

Таким образом, Р. Бёмер датировал Сиалк В в пределах VIII в. с незначительным заходом в конец IX и началом VII в. до н. э. Разделение на две хронологические группы, предложенное Р. Бёмером, не вполне убедительно: характер локализации могил обеих групп (вперемежку) не доказывает их хронологическую последовательность; хотя бронзовые и керамические «чайники» преобладают в группе В₂, в которой могил в два раза больше, чем в группе В₁, тем не менее, они есть и в группе В₁ (мог. 53 расписной), это относится и к бронзовым зеркалам (В₁ мог. 53, 61, 123; В₂ мог. 7 b, 21, 38, 52, 66), схожи некоторые керамические формы (сосуды с боковым цилиндрическим сливом мог. 21 и 123; 21 и 62). Обращает также внимание следующее: могила 7 содержала два последовательных захоронения, в верхнем, более позднем погребении 7 а, находилась керамика, характеризующая, согласно Бёмеру, раннюю группу В₁, тогда как нижнее погребение 7 b относится к поздней группе В₂.

Р. Дайсон первоначально датировал Сиалк В VIII — первой половиной VII в. до н. э. Он опровергал все три аргумента Р. М. Гиршмана в пользу ранней даты: первый аргумент Р. М. Гиршмана —

¹ Обе группы могил находятся вперемежку в южной и центральной частях могильника В₁ (Ghirshman 1938–1939, t. 2, план на с. XXXVI).

Сиалк В следует за Сиалком А и, следовательно, позднее 1000 г. до н. э. Этот аргумент, по мнению Р. Дайсона, неточный, поскольку такая последовательность не определяет начальную дату более позднего памятника. Во-вторых, мидийская принадлежность памятника и упоминание мидийцев в 834 г. до н. э. по существу не проверяются археологическими фактами. Даже если допустить мидийскую принадлежность могильника Сиалк В, еще необходимо установить связь между этой группой и мидийцами 834 г. В третьих, ассирийская печать IX в. не может датировать всю коллекцию, которая, как и всякая другая, должна датироваться по поздним вещам (Dyson 1965: 200–201). Сами по себе эти возражения не являются исчерпывающими. Но первое и последнее возражение на аргументы Р. М. Гиршмана дали общее направление исследованию Р. Дайсона. Во-первых, он доказывал, что Сиалк В не синхронен Хасанлу IV и, следовательно, начальная дата Сиалка В значительно позднее 1000 гг. Основанием для такого заключения служит почти полное отсутствие керамических параллелей между Хасанлу IV и Сиалком В. Только два монохромных сосуда с прикрепленным сливом найдено в Сиалке В, тогда как они обычны в могилах Хасанлу IV. Помимо керамики, наблюдаются значительные различия между оружием, знаками печатей и мелкими предметами, не говоря уже о различиях антропологических данных. С другой стороны, яркая расписная керамика Сиалка В свидетельствует о смене керамических традиций. Керамика Сиалка В представляет культуру VIII в. до н. э., которая впервые вводит расписную традицию «triangle ware», процветавшую от Азербайджана до Хузистана в VII в. до н. э. Р. Дайсон также полагал, что Сиалк В продолжает существовать и в VII в. до н. э. Об этом свидетельствуют выявленные им керамические параллели с Хасанлу III В, Зивие и Ахеменидской Деревней I¹. Связь эта прослеживается в мотивах росписи: шахматная доска, перевернутые треугольники вокруг венчика и слива, а также сосуды

¹ Р. Дайсон со ссылкой на Р. М. Гиршмана неточно указал начальную дату Ахеменидской деревни I в конце VII в. У Гиршмана на с. 20 для слоя I указан VII–VI вв., а в целом он относил этот период к концу VIII/VII–VI вв. до н. э. (Ghirshman 1954: 20, 71). Дайсон считал, что конечная дата Сиалка В служит начальной датой для слоя I Ахеменидской деревни (Dyson 1965: 205–206, 208).

с вертикальным сливом, неизвестные в Хасанлу IV. Верхняя дата Сиалка В определяется на основании отсутствия трехлопастных наконечников стрел и фибул. Эти факты для Р. М. Гиршмана служили доказательством верхней даты Сиалка В не позднее 750 г., а для Р. Дайсона — не позднее 675–650 гг. до н. э. Помимо этого, Р. Дайсон нашел параллели в материалах VI в.: железные удила на Кубани и Днепре, стремечковидные удила из Келермеса¹. В итоге основное время существования могильника Сиалк В приходится, по его мнению, на VIII в. с небольшим заходом в конец периода Хасанлу IV и в начало периода Хасанлу III В (Dyson 1965: 208).

М. Н. Погребова предлагала учитывать при датировке Сиалка В три момента: общую характеристику памятника и принадлежность его к определенному периоду развития материальной культуры; связи с материалами предшествующих периодов; положение его в ряду других памятников как в Иране, так и вне его. В связи с первым требованием она рассматривала соотношение бронзового и железного инвентаря. Из 13 могил, содержащих оружие, железное оружие обнаружено в 6, а бронзовое в 13 могилах. Железное оружие, по ее мнению, преобладает с VII в. Однако такое же соотношение характерно и для VIII в. до н. э. Ею были рассмотрены связи между Сиалком А и В и выделены ряд форм и деталей керамики, общих для обоих памятников. «Новая керамика, характеризующая собственно культуру Сиалка В, чрезвычайно своеобразна и имеет очень мало непосредственных аналогов в других иранских памятниках» (Погребова 1977: 161). Тем не менее, М. Н. Погребова сделала ряд наблюдений. Так, вопреки Р. Дайсону и согласно с Т. Кайлер Янгом, она находит сходство между материалами Хасанлу IV и Сиалком В (металлический инвентарь, «чайники»). М. Н. Погребова не уверена в безусловности сходства керамики Сиалка В и Хасанлу III, Зивие, отмеченное Р. Дайсоном (Погребова 1977: 161–162).

Связь с памятниками железного века Прикаспия (Томаджан, Галекути), исчезновение в VII в. в Закавказье ряда предметов, характерных для Сиалка В (бронзовые вилы и кинжалы

¹ Приводимая Р. Дайсоном дата Келермеса 600–575 гг. до н. э., в настоящее время понижена до первой половины VII в. (см. гл. I § 2). Вообще же смысл приведенных им параллелей не вполне ясен, т. к. к самой датировке Сиалка В они не имеют отношения.

с обоймами), сочетание бронзовых и железных удил, железный трехдырчатый псалий (мог. 15) — все это указывает на конец IX — VIII вв. до н. э. как наиболее вероятную дату Сиалка В (Погребова 1977: 163).

Приведенные обоснования различных датировок Сиалка В не исчерпывают всю библиографию по данному вопросу. Здесь рассмотрены наиболее обоснованные из них. В других работах часто используется одна из рассмотренных здесь дат, принимаемая автором как доказанный факт (например: Porada 1973: 98). Не рассматривались здесь крайние и наименее вероятные датировки К. Шеффера и А. И. Тереножкина. Последний датировал Сиалк В довольно поздно на основании сходства трехдырчатых псалиев из Сиалка и псалиев жаботинского типа. Эта дата рассмотрена в связи с удилами и псалиями из могильника Сиалк В (гл. I, § 2).

Итак, диапазон предложенных датировок могильника: 1000–650 гг. до н. э. За исключением Р. М. Гиршмана, все исследователи включают в свою датировку VIII в. до н. э. Только Р. М. Гиршман для обоснования своей ранней даты приводил доказательства исторического характера. Они не рассматривались другими авторами, лишь Р. Дайсон отметил, что они не имеют археологических доказательств. Сопоставление рассмотренных датировок выявляет противоречивость и спорность некоторых положений исследователей. Недоказанным остается положение о синхронности Сиалка В и Хасанлу IV на основе предложенных авторами данных. Отсюда взаимоисключающие датировки Т. Кайлер Янга и Р. Дайсона. Неточным является ограничение верхней даты на основании отсутствия элементов скифской культуры и фибул (Р. М. Гиршман и Р. Дайсон). Период ЖВ III, согласно исследователям, ограничивает верхнюю дату Сиалка В, но, в свою очередь, начальная дата этого периода колеблется в пределах 800–700 гг. до н. э.¹ Спорным остается хронологическое соотношение дат Сиалка В с Зивие, Хасанлу III В и с Ахеменидской деревней I (синхронное для конца Сиалка В и начала Ахеменидской Деревни I — Т. Кайлер Янг, хронологическая последовательность — Р. Дайсон, хронологический разрыв — Д. Стронах).

¹ Р. Дайсон первоначально датировал ЖВ III 800–600 гг., Т. Кайлер Янг 750–550 гг., Л. Ванден Берге 800/750–660 гг., К. Гофф его начало относил к 700 г. до н. э. (см. гл. I § 1).

Для датировки могильника Сиалк В необходимо максимально полно привлечь весь доступный материал могильника, выделив те категории инвентаря, которые смогут не только уточнить датировку, но и определить место и связи сиалковской культуры в системе культур начала I тыс. до н. э. Последнее, в свою очередь, может помочь уточнить дату этого памятника. Исследование каждой категории вещей в отдельности, установление диапазона их дат и принадлежности их к определенному периоду развития материальной культуры — все это должно усилить доказательства одной из предложенных дат и исключить наиболее слабые из них. И только проделав такую работу, можно надеяться, что твердая дата Сиалка В поможет в решении стоящих задач: определение хронологического соотношения опорных для раннежелезного века Ирана памятников, уточнение времени появления расписной традиции «triangle ware» и предполагаемой ее связи с расписной керамикой Сиалка В и началом периода ЖВ II.

Таким образом, пока не определена дата самого могильника, все эти спорные вопросы не помогут в определении его хронологической позиции. Напротив, их решение зависит как от датировки и интерпретации материала могильника Сиалк В, так и от определения места сиалковской культуры в культуре стран Древнего Востока и его этнической атрибуции. В этом состоит важное, ключевое значение этого памятника для понимания культуры доахеменидского Ирана.

§ 2. КЕРАМИКА

Р. М. Гиршман издал около 360 сосудов, из которых в комплексах 301 сосуд (плюс четыре совка) и 50 сосудов опубликовано без указания номеров могил. Р. М. Гиршман разделил всю керамику по внешнему виду — по цвету и способу украшения поверхности — на четыре группы: «расписную», «красную», «черную» и «обыкновенную», т. е. лишенную каких-либо дополнительных украшений поверхности (Ghirshman 1938–1939: 29–40). Керамика издана по могильным комплексам, и дано ее описание по группам без сводных иллюстраций, что затрудняет ее дальнейшее изучение; в **таблицах 1, 1А** собраны все данные Р. М. Гиршмана и добавлены иллюстрации к каждому типу керамики.

Группа I. Расписная керамика сделана на круге из хорошо отмученной глины светло-коричневого или желтоватого цвета и хорошо обожжена. Роспись темно-красного цвета нанесена непосредственно на неангобированную поверхность сосуда.

Группа II. Красная станковая керамика изготовлена из такой же глины, такого же приготовления и обжига. Вместо росписи поверхность покрыта густой краской темно-красного цвета.

Группа III. Черная керамика отличается особым способом приготовления теста, которое содержало небольшое количество угольной пыли. Обжиг восстановительный при постепенном уменьшении огня¹. После обжига некоторые сосуды ложились, что придавало им металлический блеск. Украшена керамика каннелюрами и налепами.

Группа IV. Р. М. Гиршман назвал керамику этой группы «простой», «обыкновенной». Она схожа по всем показателям (тесто, формование, обжиг) с керамикой групп I–II. Единственное отличие — отсутствие дополнительной окраски или росписи поверхности, что не исключает вероятности того, что эти сосуды были заготовкой для первых двух групп.

I. Расписная керамика. В этой группе Р. М. Гиршман выделил 15 типов сосудов («а» — «р»: *ibid.*: 29–36). Ниже предлагается уточнение некоторых типов сосудов, что в дальнейшем может помочь в сравнительном анализе с другими керамическими комплексами. Сохраненное первоначальное наименование типов сосудов выделено в кавычках, а их буквенное обозначение сохранено в скобках (и в графе «типы», **табл. 1**), в **табл. 1А** только рисунки сосудов, фото сосудов (pls. IX–XXII) не вставлены.

¹ При высокотемпературном обжиге все железные соли и их соединения превращаются в окись железа, которая окрашивает глину в различные оттенки красного цвета. Если закрыть вытяжную трубу и через топку пропускать дым, то при постепенном остывании печи дым (копоть), который при высокой температуре сгорает, при остывании проникает во все поры сосуда — происходит процесс задымления. Такие опыты были проведены и описаны З. П. Майсурадзе в работе «Технология черных и лощённых сосудов грунтовых погребений в Самтавро» (Сообщения АН Груз. ССР, 1952, т. XIII, 4). Известен и другой способ: при особом изменении температурного режима без доступа кислорода окислы железа превращаются в закислы, которые и окрашивают керамику в черный цвет.

Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная	
1	1-а. Чайники с прикрепленным сливом	а	м. 2 S.511 pl. LXXXVII; м.13 S.1472 pl. LXXXV; м. 38 S.870, S.871, S.872 pl. LXIV; м. 15 S.814, S.815 pl. LIV; м. 57 S.755 pl. LXXXII; м. 97 S.905 pl. LXXXVII; м. 98 S.902, S.904 pl. X,1–2, XI,3	pl. LXXXVI; S.584 pl. LXXXI; IX, 3–4; S.1511 pl. XI,2; S.1548 pl. LXXXVII
	1-б. Чайники с неприкрепленным сливом	а	м. 8 S.687, pl. XI, 5; м.178 S.1527 pl. XI,4; м.15 S.811, S.813 pl. LIV; м. 21 S.631 pl. LX	S.202 pl. LXXX; X,4, S.1541 pl. XI,6
2	2-а. Чайники с укороченным сливом, с ручкой	–	м. 15 S.816 pl. LIV; м. 38 S.859 pl. LXIV; м. 53 S.947, S.974 pl. LXIX, м. 78 S.975, S.974 pl. LXXVII; м. 112 S.1421, pl. LXXXVII	S.1764, S.1677 pl. LXXXVII
	2-б. Чайники без ручки	–	нет	
3	Кувшины с коротким вертикальным сливом	б	м. 15 S.600, S.799, S.800, S.804 pl. LIV; м. 38 S.866, S.869, S.877 pl. LXIV; м. 52 S.699, S.700, S.706, S.732 pl. LXVII; м. 57 S.757 pl. LXXXVIII; м. 78 S.974 pl. LXXVII; м. 111 S.1583 pl. LXXXVIII	S.1449, S.655, S.376 pl. XIII,1–3; S.326, S.345, S.336, S.1672 pl. LXXXVIII
4	Кувшины с боковым сливом	с	м. 66 S.929 а–b; pl. LXXIII	S.697 pl. XVI,1

Таблица 1

Группы керамики (по Гиршману)					
	II. Красная		III. Черная		IV. Простая
	м. 100 S.1008, pl. XII,1				м. 15 S.798, pl. LIV
			м. 78 (S.978, pl. XII,3, pl. LXXVII		м. 38 S.868, pl. LXIV
	м. 7b S.564 pl. XII,6; м. 15 S.807 pl. LIV		нет		нет
	м. 21 S.618, pl. XII,5	S.1750 pl. XII,2	нет		нет
	нет		нет		м. 38 S.860, pl. LXIV
	м. 7b S.565, S.566 pl. LII; м. 21 S.640, pl. LX; м. 25 S.776, pl. LXII; м. 94 S.960, pl. LXXVIII	S.696 pl. XVI,3	м.7b S.576, pl. LII; м. 123 S.987a, pl. LXXIX		многочислен- ны, не опубли- кованы

Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная	
5	Графины с ручкой	d	м. 1 S.508, pl. XLVIII; м. 7b S.573, pl. LII; м. 15 S.792 pl. LIV,1; м. 21 S.641, pl. LIX; м. 21 S.628, S.629, S.630, S.639 pl. LX; м. 25 S.775, pl. LXII; м. 38 S.862, S.875 pl. LXIV; м. 52 S.702 pl. LXVII; м. 66 S.931 a–d, S.933 a–e, f pl. LXXIII; м. 71 S.1452 pl. XIV,2; м. 74 S.914 pl. LXXIV; м. 78 S.976 a–d, S.979 pl. LXXVII; м. 94 S.961 a–b pl. LXXVIII; м. 210 S.1706 pl. LXXXIX (со сливом)	S.1549, S.162 pl. XIV 3, 9; S.365, S.286, S.342, S.337, S.1469, S.285 pl. LXXXIX
6	Бутыли	e	м. 21 S.625 pl. XIV,8, pl. LX	S.1543 pl. XIV,5
7	Кубки	f	м. 52 S.729 a–c; S.709, S.701, S.707 pl. LXVII; м. 75 S.1537 pl. XV,8	S.218, S.896 pl. XV,7, 9
8	8-а. Чаши с ручкой	g	м. 15 S.795 pl. LIV; м. 25 S.778 pl. XV,2; м. 61 S.899 a pl. XV,1, pl. LXX	S.1510, 321 pl. XV,3, 4
	8-б. Чаши без ручки	g	м. 15 S.801 pl. LIV; м. 98 S.906, S.907 pl. XV,5, 6	
9	Соусники	h	м. 25 S.777 pl. LXII, XVII,9; м. 179 S.1592 pl. XVII,10	

Таблица 1 (продолжение)

Группы керамики (по Гиршману)				
II. Красная		III. Черная		IV. Простая
м. 21 S.634, pl. LX; м. 107 S.1656 pl. XIV,6		м. 7b S.575, S.577 pl. LII; м. 21 S.647, S.627 pl. LIX, XIV,4; м. 25 S.771b, pl. LXII; м. 53 S.950, pl. LXIX; м. 61 S.899 c, pl. LXX; м. 62 S.888 a–b, S.890 a, pl. LXXI		м. 7a S.554, S.558 pl. LI; м. 21 S.648 pl. LIX; S.616 pl. LX; м. 31 S.853 b pl. LXIII; м. 38 S.861 c pl. LXV; S.857 b pl. LXV; м. 62 S.890 f pl. LXXI; м. 66 S.934a pl. LXXIII; м. 78 S.981 a–d pl. LXXVII; м. 94 S.962 a–b; S.959 a–c pl. LXXVIII
нет		малочисленны		м. 66 S.934 b, d pl. LXXIII
нет		малочисленны		м. 21 S.632 pl. LX; м. 52 S.703 a–b pl. LXVII
	S.321 pl. XV,4	м. 7b S.569 pl. LII; м. 15 S.831 pl. LIV; м. 31 S.853 a pl. LXIII		редкие экземпляры м. 31 S.847 pl. LXIII
м. 52 S.710 pl. LXVII		м. 15 S.802, S.812 pl. LIV		
м. 61 S.898 d pl. LXX; м. 129 S.1268 pl. XVII,2	S.1308 pl. XVII,7, S.358 pl. XVII,5	м. 52 S.735 pl. LXVII; м. 53 S.946 pl. LXIX; м. 62 S.889 g pl. LXX; м. 66 S.926 pl. LXXIII; м. 125 S.995 pl. XVII,7; м. 154 S.1341 pl. XVII,6; м. 165 S.1459 pl. XVII,4; м. 201 S.1657 pl. XVII,3		м. 21 S.619 pl. LX; м. 25 S.772 a, c pl. LXII; м. 66 S.928 pl. LXXIII

Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная		
10	10-а. Чашки	i	м. 15 S.805, S.822, S.825 pl. LIV; м. 24 S.735 pl. XX,3; м. 38 S.865 а–с pl. LXIV; м. 52 S.705 pl. LXVII		
	10-б. Кружки		м. 9 S.748, pl. XVI,4		
11	11-а. Бокалы с ручкой	j	м. 53 S.948 pl. LXIX, XVI,6		
	11-б. Бокалы без ручки		редки		
12	Лампы/ триподы	k	м. 38 S.863 pl. XX,10, pl. LXIV		
13	Блюда	l		S.1555 pl. XXII,9	

Таблица 1 (продолжение)

Группы керамики (по Гиршману)					
	II. Красная		III. Черная		IV. Простая
	м. 7b S.563 pl. LII; м. 15 S.823 pl. LIV; м. 31 S.850 pl. LXIII; м. 52 S.704, S.708 pl. LXVII; м. 61 S.899 b pl. LXX	м. 78 S.977 b pl. LXXVII	м. 7b S.571 pl. LII; м. 25 S.770 pl. LXII; м. 61 S.898 c pl. LXX; м. 123 S.985 a, S.986 pl. LXXIX; м. 150 S.1445 pl. XX,2		м. 7b S.578 pl. LII; м. 53 S.952 a, d pl. LXIX
	м. 1 S.509 pl. XLVIII; м. 7b S.561, S.562, S.574 pl. LII; м. 21 S.614, S.615, S.635 pl. LX; м. 25 S.769 pl. LXII; м. 61 S.899 c, f pl. LXX; м. 78 S.977a pl. LXXVII		м. 25 S.771a pl. LXII; м. 38 S.864 a pl. LXV		м. 21 S.636 pl. LX; м. 25 S.773 pl. LXII; м. 53 S.952 b pl. LXIX; м. 62 S.888 d–e pl. LXXI; м. 66 S.927 pl. LXXIII; м. 94 S.959 e pl. LXXVIII
	м. 77 S.1502 pl. XX,6; м. 136 S.1480 pl. XX,7	S.218 pl. XX,5		S.291 pl. XVIII,5	
	нет				м. 21 S.633 pl. LX; м. 38 S.864 b pl. LXV; м. 53 S.951 b pl. LXIX
	нет		м. 31 S.848 pl. XX, 8; м. 94 S.964 a pl. LXXVIII	S.1684, S.1773, S.1256 pl. XX,11, 12, 4	
	м. 61 S.898 e pl. LXX; м. 74 S.915 pl. LXXIV, XXII,7		не опублико- ваны		м. 15 S.806 pl. LIV; м. 31 S.852 pl. LXIII; м. 38 S.857 c, S.874 b, S.875b pl. LXV; м. 62 S.888f pl. LXXI

Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная		
14	14-а. Зооморфные сосуды	m	м. 9 S.747 pl. XXI,3		
	14-б. Сосуды в форме бурдюка	n	м. 94 S.963 pl. XXI,1; LXXVIII		
15	Кратеры	o	нет		
16	Горшки	p	м. 53 S.949 a pl. LXIX		
17	Фляги	г	нет		
18	18-а. Составные сосуды сдвоенные	s	нет		
	18-б. Составные сосуды строенные		нет		
	18-в. Составные четыре сосуда		нет		

Таблица 1 (продолжение)

Группы керамики (по Гиршману)					
II. Красная		III. Черная		IV. Простая	
нет		м. 94 S.958 pl. XXI,2, LXXVIII		нет	
нет		нет		нет	
м. 31 S.849, S.851 pl. LXIII; м. 61 S.898 a–b pl. LXX		м. 21 S.650 pl. LX; м. 94 S.964 c pl. LXXVIII; м. 205 S.1658 pl. XIX,4		м. 53 S.952 c pl. LXIX	
м. 7a S.555, S.557 pl. LI; м. 25 S.774 b pl. LXII; м. 62 S.889 h pl. XXI; м. 78 S.980 a–b pl. LXXVII; м. 123 S.987 b pl. LXXIX		м. 38 S.875 a pl. LXV; м. 53 S.951 a pl. LXIX; м. 61 S.899 d pl. LXX; м. 62 S.888 c, S.889 a–f, pl. LXXI; м. 66 S.930 pl. LXXIII; м. 94 S.964 b pl. LXXVIII; м. 123 S.985 b pl. LXXIX		м. 53 S.949 b–c, S.951 c pl. LXIX; м. 62 S.890 d–e pl. LXXI; м. 66 S.934 f pl. LXXIII	
м. 74 S.913 pl. XVIII,3, LXXIV	S.1525 pl. XVIII,1	нет		нет	
		м. 186 S.1655 pl. XIX,2	S.956 pl. XIX,1	нет	
м. 42 S.1505 pl. XIX,6			S.895 pl. XIX,7	нет	
		м. 78 S.983 pl. XIX,3, pl. LXXVII		нет	

Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная		
19	Вазы	t	нет		
20	Шумовка	u	нет		
21	Кувшины	—			
22	Чайники с трубчатым сливом	—	нет		
23	Сито	—			
32	Миска- трипод				

Таблица 1 (продолжение)

Группы керамики (по Гиршману)					
II. Красная		III. Черная		IV. Простая	
м. 57 S.1490 pl. XVI,5; м. 145 S.1319 pl. XVI,8		м. 7 b S.568 pl. LII редкий тип		нет	
м. 9 S.746 pl. XVIII,2		нет		нет	
		м. 7 a S.556 pl. LI; м. 15 S.808 pl. LIV; м. 21 S.649 a pl. LIX; м. 25 S.774 a pl. LXII	S.1545 pl. XIV, 7	м. 1 S.507 pl. XLVIII; м. 38 S.857 a, 861 a–b pl. LXV; м. 61 S.899 g pl. LXX; м. 62 S.890 b pl. LXXI; м. 66 S.934 c, e pl. LXXIII; м. 94 S.959 d pl. LXXVIII	
нет		22 a: м. 62 S.890 c pl. LXXI; 22 б: м. 8 S.694 pl. XVI,7		22 a: м. 21 S.624, S.637 pl. LX; м. 25 S.772 b pl. LXII; м. 38 S.864 pl. LXIV; 22 б: м. 52 S.731 pl. LXVII; м. 94 S.962 c pl. LXXVIII	
		м. 7b S.570 pl. LII		м. 21 S.651 pl. LX	
		м. 7b S.567 pl. LII			

Тип 1 а, б («а») — чайники. Прежде всего предлагаемое уточнение касается сосудов типа «а» и «б» по Р. М. Гиршману. Он называл оба типа кувшинами и различал их только по форме слива/носика. Сосуды типа «а» имеют длинный почти горизонтальный желобчатый слив, тип «б», согласно Р. М. Гиршману, снабжен коротким вертикально стоящим уплощенным сливом. Однако следует подчеркнуть, что существенным различием сосудов внутри только типа «а» является положение слива, что позволяет выделить два подтипа: **1-а** — горизонтальная часть слива прикреплена непосредственно к венчику при помощи простой или зооморфной перемычки; подтип **1-б** — имеет не прикрепленный слив. В современной типологии сосуды такой формы называются чайниками (**табл. 1**: тип 1а, б = «а»). Размеры сосудов подтипа **1-а**: h от 12,5 до 20 см; d^т от 13 до 21,5 см; **1-б**: h от 11 до 13,5 см; d^т от 14 до 20 см (исключение h 9 см, d^т 9,5 см).¹

Тип 3 («б») — «кувшины с уплощенным сливом». Они отличаются от чайников типа «а» более высокой горловиной, шаровидным или яйцевидным туловом. Наличие такой горловины и форма тулова позволяет из выделенных Р. М. Гиршманом двух типов «а» и «б» называть кувшинами только сосуды типа «б» (**табл. 1**: тип 3). Чайники, как правило, имеют низкую горловину или только венчик, тулово слегка уплощено и намечен его перегиб. Ручка у сосудов типов 1, 3, как правило, прикреплена к плечу сосуда. Размеры: h от 18,5 до 23,5 см; d^т от 19 до 20 см (исключение — h 10,5 см, d^т 9 см; h 26 см, d^т 22 см).

Тип 2. Среди сосудов типов 1 и 3 («а» и «б») можно выделить промежуточный тип 2. К нему относятся сосуды с высокой горловиной и ручкой, прикрепленной одним концом к венчику, а другим — к плечу. По сравнению с типом 1 эти сосуды имеют более короткую горизонтальную часть слива. С типом 3 эти сосуды сближает, помимо высокой горловины, форма тулова, но отличает форма слива и в ряде случаев место крепления ручки, что позволяет называть их чайниками. Размеры: h от 18 до 20,5 см, d^т от 17 до 19 см (исключение: h 11,5 см, d^т 9,5 см).

Керамика из могилы 15 Сиалка В четко демонстрирует различия между типами 1 (1-а — Ghirshman, 1939: S.798, S.814, S.815; 1-б — S.811, 813), 2 (ibid.: S.807, S.816) и 3 (ibid.: S.800, S.804, S.600,

¹ d^т — диаметр тулова, d^в — диаметр венчика, h — высота сосуда.

S.799). Впрочем среди опубликованных чайников (тип 1) имеется четыре исключения: наряду с высокой горловиной они имеют ручку, прикрепленную одним концом к венчику (Ghirshman, 1939: мог. 13, pl. LXXXV, S.1472; мог. 97, pl. LXXXVII, S.905; мог. 98, pl. LXXXIV, S.902; pl. XI, 3, S.908). Однако длинный горизонтальный слив не позволяет включить их в тип 2. Таким же исключением можно считать сосуд (тип 3) с ручкой, прикрепленной к венчику, но короткий уплощенный слив не позволяет исключать его из сосудов типа 3 (*ibid.*: 33, pl. XIII, 5).

Тип 4 («с») — «кувшины для воды» с длинным закрытым сливом, поставленным вертикально или чуть отклоненно от тулова. Слив крепится перемычкой к плечу сосуда, в результате чего слив по существу превращен в ручку. Тулово удлиненной формы с воронкообразной высокой горловиной. Среди расписной керамики тип 4 редкий, чаще встречается среди красной и серо-черной керамики (группы II–III). Опубликовано 3 сосуда (**табл. 1**). Размеры: *h* от 9 до 11 см; *d^г* от 7 до 9,5 см).

Тип 5 («d») — «графины». Форма сосуда в целом близка сосудам типа 4, но слив заменен ручкой, которая крепится одним концом на плечике, другим — чуть ниже венчика. В двух случаях небольшие «графины», очевидно, ошибочно Р. М. Гиршман назвал кувшинами для воды (*ibid.*: 242, мог. 66, pl. LXXIII, S.931 a–d; 244, мог. 78, pl. LXXVII, S.976 a–d). Все «графины» близки по форме, орнаменту, пропорциям, различаясь лишь размерами: большие «графины» высотой до 26–36 см, маленькие 9–10 см.

Один широкодонный кувшин близок по форме к сосудам этого типа, отличаясь лишь наличием слива на венчике; его можно отнести к подтипу 5-а. (*ibid.*, мог. 210, pl. LXXXIX). Размеры: *h* от 9,5 до 12 см; *d^г* от 6,5 до 10 см; *h* от 13 до 17,5 см; *d^г* от 8 до 14,5 см; *h* от 20 до 22 см; *d^г* 15 до 16 см; *h* от 26,5 до 36 см; *d^г* от 20 до 30 см.

Тип 6 («е») — «бутыли» по форме представляют собой кувшины без ручки с высокой узкой горловиной и отогнутым венчиком, опубликовано два сосуда (**табл. 1**). Размеры: *h* от 12,5 до 15,5 см; *d^г* от 14 до 14,5 см.

Тип 7 («f») — «кубки» без ручки представляют собой небольшие сосуды открытой формы с вертикальными стенками, придонная часть, резко сужаясь, переходит в выделенный плоский поддон. Размеры: *h* от 8 до 10 см; *d^в* от 8 до 10 см.

Тип 8 а, б («g») — небольшие «чаши/пиалы». Некоторые из них имеют ручки/налепы, иногда зооморфной формы. На этом основании эти сосуды можно разделить на два подтипа: 8-а — с ручкой или налепом, 8-б — без ручки (**табл. 1**). Некоторые из них имеют выделенный поддон. Размеры: подтип **8-а** — h от 5 до 7,5 см; d^в от 10 до 15,5 см (исключение; h 7 см, d^в 16 см); подтип **8-б** — h от 5,5 см до 6,5 см; d^в от 8,5 до 9,5 см.

Тип 9 («h») — «соусники». Эти сосуды выше чаш, тулово резко профилировано за счет перегиба между придонной частью и плечиками/горловиной. Главной особенностью этих сосудов является открытый прямой слив, вмонтированный в горловину и венчик. Петлевидная ручка одним концом прикреплена к ребру на тулове, другим — чуть ниже венчика. Размеры: h от 9,2 до 9 см; d^в от 8 до 11 см.

Тип 10 а, б («i»). **10-а** «чашки» с ручкой — небольшие сосуды с профилированным туловом, плоскодонные или на низком поддоне, большая петлевидная ручка иногда возвышается над венчиком. Неясную позицию занимает сосуд из мог. 15 (S.825); Р. М. Гиршман отнес его к типу чаш («g»: *ibid.*: 34–35), но у чаш другие пропорции — их высота значительно меньше диаметра тулова, у чашек же высота примерно равна или чуть меньше диаметра венчика, как и у сосуда из мог. 15. Единственное его отличие от чашек — сравнительно небольшая петлевидная ручка (*ibid.*, pl. LIV). Этот сосуд включен в тип 10-а (**табл. 1**). Размеры: h от 7 до 8,5 см; d^в от 7 до 9 см. **10-б** — кружки — плоскодонные сосуды цилиндрической формы с большой петлевидной ручкой, украшенной наверху лепной зооморфной головкой. Форма сосудов обоих подтипов различна, поэтому отнесение «кружек» к одному типу с чашками Р. М. Гиршманом (Ghirshman, 1939: 35) условно (современное назначение чашек и кружек?). Размеры: h 11 см, d^в 9 см.

Тип 11 а, б («j») — «бокалы». В классификации Р. М. Гиршмана этот тип четко не определен. Назвав его «cornet» (рожок, нечто в форме рупора: *ibid.*: 35, 37), в каталоге он назвал эти сосуды «gobelets» (но «кубки» относятся к типу 7: *ibid.*: 214 pl. XVI.6, 240, pl. LXIX, S.948, и нерасписной сосуд S.951 b, группа IV, см. ниже), а сосуды этого типа меньших размеров из группы II он назвал кубками в форме «подставки для яйца» (Ghirshman, 1939: 235, S.633, 238, S.864 b) или бокалами (*ibid.*: 216, S.218, S.1502,

S.1480). В отличие от сосудов типа 7 («кубки») этот тип назван бокалами.

Главным отличием бокалов служит воронковидное тулово, резко суженное книзу, с не профилированными стенками на широком плоском поддоне (без поддона — редко, в частности, отмеченный выше нерасписной сосуд S.951 b из мог. 53). Подтип **11-а** — с ручкой, **11-б** — без ручки. Среди расписной керамики этот тип сосудов редкий. Опубликован один сосуд подтипа 11-а; размеры: h 13 см, d^b 8,5 см.

Тип 12 («к») — «ламп/триподы» представляют собой кувшины с высокой горловиной на трех ножках. Расписной сосуд из мог. 38 без ручки на высоких ножках (сосуды из группы III чаще с ручками, см. ниже). Лампы/триподы являются копиями бронзовых ламп/триподов (мог. 21, 38 и др.). Они относятся к редким типам керамики Сялка В, и имеются еще только в черно-глиняном варианте (группа III). Размеры единственного опубликованного расписного сосуда: h 9,5 см, d^r 5,5 см.

Тип 13 («l») — «блюда» — плоский сосуд с выделенным венчиком. Расписное блюдо (ропись в виде горизонтальных полос по венчику) найдено вне могилы. Размеры: h 6 см, d^b 36 см.

Тип 14 а, б («m, n») — фигурные сосуды. **14-а** («m») — «зооморфный» сосуд в виде птицы на ножках с большой петлевидной ручкой на спинке «птицы», между ручкой и головой птицы имеется круглое отверстие. **14-б**¹ — «сосуд в форме бурдюка» с большой петлевидной ручкой наверху, возле которой имеется отверстие. Именно эти детали (ручка и отверстие) позволили автору объединить оба сосуда в один тип. Размеры фигурных сосудов определить трудно. Помимо высоты, вместо диаметра определялась их ширина и длина. Размеры: **14-а** — h 11,5 см; ширина 11 см. **14-б** — h 8 см, ширина 7 см, длина 11 см.

Тип 15 («o») — «кратеры» отсутствуют в группе I.

Тип 16 («p») — «горшки». Сосуд шаровидной формы с высокой отогнутой горловиной. В описании расписной керамики этот горшок у Р. М. Гиршмана отсутствует, но имеется в списке инвентаря мог. 53 (Ghirshman, 1938–1939: 36, 240, S.949 a). Размеры: h 9 см; d^r 9 см.

¹ Под № S.963 опубликовано 2 сосуда, различающихся формой тулова, ручки и росписью.

II. Красная керамика (табл. 1, 1A). В этой группе Р. М. Гиршман выделил 14 типов сосудов («а» — «и»: Ghirshman, 1939: 36–38). За счет дополнительно выделенного типа 2 в этой группе насчитывается 15 типов, из которых типы 17 и 20 имеются только в этой группе.

Тип 1 — чайники представлены одним сосудом подтипа **1-а**. Тулово уплощенной формы с резким перегибом тулова, большая петлевидная ручка прикреплена на венчике, относительно высокая горловина с отогнутым плоским венчиком, двусоставной слив прикреплен к венчику. Размеры: h 13 см, d^г 20 см.

Тип 2 — кувшины с укороченным сливом. Сосуды с ручкой (подтип **2-а**) имеют те же признаки, что и расписные сосуды первой группы: высокую горловину и ручку, прикрепленную верхним концом к венчику шаровидного тулова (мог. 7 b и 15), а также довольно длинный слив, прикрепленный к венчику. У сосудов подтипа **2-б** место отсутствующих ручек отмечено невысоким налетом. Размеры: **2-а** — h 9,5 и 14,5 см; d^г 9 и 12 см; **2-б** — h 11,5 и 17 см; d^г 12,5 и 17 см.

Сосуды типа 3 («b») в группе II отсутствуют, хотя в группе IV имеется один сосуд из коричневой глины, который мог быть заготовкой для сосудов из групп I или II.

Тип 4 («с») — «кувшины для воды» многочисленны в группе II. По форме тулова они аналогичны расписным сосудам, но иногда отличаются формой слива: вместо обычных для обеих групп вертикальных сливов встречаются «сломанные» сливы — конец слива горизонтальный; перемычка прикрепляет слив к плечу сосуда. Размеры: h от 12 до 13 см; d^г от 10,5 до 11 см (исключение: h 10,5 см, d^г 9,5 см).

Тип 5 («d») — «графины». Эти сосуды аналогичны сосудам группы I. Но вместо росписи тулово часто украшено каннелюрами, имитируя таким образом металлические сосуды (Ghirshman, 1939, p. 36); ручка, украшенная головкой животного, напоминает фигурку животного (ibid.: pl. XIV, 6). Сюда же включен единственный в этой группе маленький кувшинчик с одной ручкой (мог. 21, S.634, pl. LX). Размеры: h 26 см, d^г 16 см; h 8 см, d^г 6,5 см.

Типы 6 и 7 («e», «f») отсутствуют в этой группе.

Тип 8 а, б («g») — небольшие «чаши/пиалы» многочисленны в этой группе. В целом они, как отметил Р. М. Гиршман, аналогичны сосудам I группы. Среди двух опубликованных экземпляров

есть чаша на плоском поддоне (мог. 52, S.710), другая чаша на ножке-поддоне украшена рельефным орнаментом в виде череды треугольников и круглых плоских наклепов внутри них. Судя по опубликованным сосудам, подобный орнамент в Сиялке В уникален. Использовались, хотя и нечасто, только наклепы, желобки/важки и каннелюры. Размеры: **8-а** — h 6,5 см, d^в 13 см; **8-б** — h 7 см, d^в 9,5 см.

Тип 9 («h») — «соусники» по форме аналогичны расписным сосудам. Тулово гладкое или каннелюрованное. Петлевидная ручка крепится на краю венчика/закрайны и в основание вогнутой горловины. В двух случаях ручка прикреплена верхним концом не к краю венчика, а под сливом (ibid.: мог. 129, pl. XVII, 2; мог. 61, pl. LXX, S.898 d), сосуд из мог. 129 покрыт не красной краской, а «каштановой». Третий сосуд отличается широким плоским венчиком и уплощенным туловом на поддоне (ibid.: pl. XVII, 5). Размеры: h от 6 до 8,5 см; d^г от 10 до 17,5 см.

Тип 10 а, б («i») — «чашки» и кружки с ручкой. В этой группе, в отличие от расписных сосудов этого типа, более многочисленны кружки. Но оба подтипа различаются не столь четко, как в группе I. Чашки (**10-а**) с профилированным туловом и чуть загнутым внутрь венчиком иногда имеют поддон, у кружек его нет. Три опубликованных сосуда из могилы 7 б имеют уплощенное тулово без поддона, два из них с прямыми стенками можно считать кружками.

Важным, хотя и не всегда четким признаком, разделяющим похожие иногда сосуды, является пропорция тулова: у чашек высота меньше диаметра венчика, у кружек высота больше диаметра. Размеры чашек: h от 4 до 6 см; d^в от 5,5 до 7 см; h от 8,5 до 12,5 см; d^в от 8 до 10,5 — 11 см; чашка с уплощенным туловом — h 6 см; d^в 5 и 7 см. Размеры кружек: h от 6 до 11,2 см; d^в от 6 до 10 см; кружки с уплощенным туловом — h 6 см; d^в 5 и 7 см, h 8,5; d^в 6,5 и 9 см.

Тип 11 а, б («j») — «бокалы» с ручкой (**11-а**) и без нее (**11-б**). Воронковидные сосуды на поддоне с не профилированными стенками (**11-а**) различаются высотой от 9 до 15 и 19 см (диаметр венчика не указан; примерно от 7,5 до 9,7 — 10 см). **11-б** — маленькие бокалы без ручки высотой от 6 до 6,5 см. Р. М. Гиршман назвал их «подставками для яиц» и включил их в группу II, но они лишены главного признака этой группы — покрытия красной краской,

у них глина красная, красноватая или желтая. И хотя он отметил отсутствие подобных сосудов в группе IV (*ibid.*: 40), видимо, их следует поместить в группу IV. Возможно, это были полуфабрикаты, и в дальнейшем могли бы войти в группы I или II.

Типы 12 («лампы/триподы») и 14 (фигурные сосуды) не представлены в группе II.

Тип 13 («l») — «блюда» — редкая форма. Одно из двух опубликованных блюд имеет высоту 3 см, диаметр 30,5 см (мог. 74), другое блюдо высотой 5,5 см и диаметром 22 см (мог. 61).

Тип 15 («o») — «кратеры». Горшковидные сосуды с двумя фигурными ручками, имеющими сквозные вертикальные отверстия. Сохранившаяся крышка с отверстиями, совпадающими с расположением отверстий на ручках, дает основание предполагать, что сосуд с крышкой использовался в подвешенном состоянии. Размеры: h 4 и 4,8 см, d^r 5,5 и 4,4 см; h 8 и 9,5 см; d^r 8,5 и 11 см.

Тип 16 («p») — «горшки» имеют тулово шаровидной формы с выделенной горловиной и плоским дном. Один сосуд имеет миниатюрные ручки (мог. 7 а, S.555). Размеры: h от 7,5 до 12 см; d^r от 9 до 14 см (исключение: h 5,8 см; d^b 7 см; два сосуда из могилы 78 совпадают по высоте и диаметру венчика, но различаются различным диаметром тулова).

Тип 17 («r») — «фляги». Круглый сосуд с высокой узкой горловиной, тулово с одной стороны уплощено, возле горловины две петлевидные ручки (*ibid.*: pl. XVIII 1, 3). Размеры: h 18 см; d^r 14,5 см; h 13 см (диаметр не указан).

Тип 18 («s») — составные сосуды. Подтип **18-б** состоит из трех соединенных, но не сообщающихся между собой горшков со слабо выделенным венчиком/закраиной. Такие сосуды перекрывались крышкой, в свою очередь состоящей из трех крышек для каждого горшка, в перемычках между крышками имеются отверстия для подвешивания. Размеры: h 5 см.

Тип 19 («t») — «вазы на ножке», иногда высокая ножка вазы украшалась прорезями геометрической формы (*ibid.*: pl. XVI, 8). Размеры: h 12,5 и 21 см; d^b 14 и 26 см.

Тип 20 («u») — «шумовка с ручкой». Сосуд подпрямоугольной формы, разделенный перегородкой, представляющей собой пластинку с многочисленными отверстиями. Вертикальная ручка прикреплена к дну сосуда. Р. М. Гиршман не исключал культовое назначение этого предмета (Ghirshman, 1939: 38, pl. XVIII, 2).

III. Черно-глиняная керамика (табл. 1, 1А). Выделено 19 типов сосудов, из них типы 6, 7, 13 не опубликованы.

Тип 1 («а») — чайники. Среди черно-глиняных сосудов имеется только подтип **1-б**. По форме уплощенного тулова сосуды схожи с чайниками из группы II, но отличаются отсутствием горловины и максимально «отодвинутым» от тулова и возвышающимся над ним сливом. Размеры двух опубликованных сосудов: h 11 см, d^т 20 см (мог. 78); h 11,5 см; d^т 19 см.

Типы 2 и 3 в группе III не представлены.

Тип 4 («с») — «кувшины для воды» многочисленны в этой группе керамики. В отличие от кувшинов из двух первых групп, слив черно-глиняных сосудов крепится перемычкой не к плечу, а к горловине сосуда. Размеры: h 9 и 15 см; d^т 7,5 и 10,5 см.

Тип 5 («d») — «графины» также похожи на графины из двух первых групп, вплоть до наличия такой детали как зооморфная ручка у графинов из группы II. Размеры: h от 9 до 11 см; d^т от 6,5 до 9 см; h от 13,5 до 17 см; d^т от 9,6 до 14 см; h 21,5 см; d^т 15 см.

К этому типу кувшинов можно отнести сосуд из мог. 21 (S.647), который незначительно отличается от графинов чуть более низкой горловиной и петлевидной ручкой, прикрепленной обоими концами к плечу сосуда, а также большими размерами (h 37 см; d^т 30 см).

Сосуды типов 5 («d»), 6 («e») и 7 («f»), по словам Р. М. Гиршмана, малочисленны (ibid.: 38); сосуды типов 6 и 7 не опубликованы.

Тип 8 а, б («g») — «чаши/пиалы» с налепом/ручкой близки тем сосудам из группы I, которые имеют более широкую и прямую горловину (табл. 1, I: **8-а**, мог. 15, S.795). Два черно-глиняных сосуда отнесены к подтипу **8-а** условно: сосуд из мог. 7 б (pl. LII, S.569) Р. М. Гиршман назвал чашей, хотя сосуд более похож на миску, тогда как другой — из мог. 31 (pl. LXIII, S.853 а), более похожий на сосуды подтипа **8-а**, он назвал миской (ibid.: 38). Размеры: **8-а** — h 2,5 см; d^б 11 см; h 5 и 5,6; d^б 11,5 и 15 см. **8-б** — чаши без ручки/налепа этого подтипа близки сосудам группы I. Размеры: h 5 см; d^б от 10,5 до 11 см.

Тип 9 («h») — «соусники», самый многочисленный по сравнению с группами I и II вид керамики, но все единичные экземпляры первых двух групп имеют аналогии среди черно-глиняных соусников, включая каннелюры на тулове, форму зооморфного налепа на ручке. Размеры: h от 6 до 10,5 см; d^б от 8 до 12 см (исключение: h 6 см; d^б 6 см).

Тип 10 («i») — «чашки». Сосуды подтипа **10-а** аналогичны чашкам первых двух групп. Высота чашки меньше ее диаметра, ручка, часто с налетом, возвышается над венчиком. Размеры: h от 4 до 7,5 см; d^b от 6 до 11,5 см. Кружки (**10-б**), как и в группах I и II, отличаются от чашек более вытянутыми пропорциями, ручка не выступает над венчиком, высота сосуда больше или равна его диаметру. В этой группе различия между чашками и кружками более очевидны, чем между сосудами группы II. Размеры: h от 10 до 11 см; d^b 7 и 11 см. (У двух сосудов из могилы 25 указаны одинаковые размеры высоты и диаметра — по 11 см, но, судя по рисунку, их диаметр меньше высоты).

Тип 11 («j») — «бокалы». В этой группе имеется только подтип **11-а**. Один из черно-глиняных бокалов с ручкой, в отличие от бокалов двух первых групп, которые имеют форму в виде раструба, в нижней части имеет цилиндрическую форму, и только верхняя половина имеет форму раструба (ibid.: S.291, pl. XVIII, 5, найден вне могилы). Размер: h 15 см, d^b 13 см.

Тип 12 («k») — «лампы/триподы» кувшинообразной формы, в отличие от расписных сосудов, имеют ручку, иногда фигурную, в одном случае имеется две ручки (ibid.: pl. XX, 12; найден вне могилы, h 7,5 см). Все сосуды различаются в деталях формы тулова и ручек, рельефного орнамента, но все сосуды объединяет наличие трех ножек/выступов (у расписного сосуда ножки длинные). При наличии относительно широкой горловины устье закрытое, имеется лишь небольшое круглое отверстие в центре (ibid.: pl. XX, 8, 12). Подобные лампы/триподы входят в составные сосуды (тип 18, см. ниже). Размеры: h 7 и 8 см; d^t 5 см.

Тип 13 («l») — «блюда», по словам Р. М. Гиршмана, не отличаются от блюд первых двух групп (ibid.: 39; блюда не изданы).

Подтип 14-а («m») — «зооморфные» сосуды представлены в группе III одним сосудом, напоминающим животное: тулово сосуда в форме дыни на четырех ножках/выступах, сбоку отверстие, над ним вертикальный выступ. Размеры: h 7,5 см, ширина 18 см.

Тип 15 («o») — «кратеры». Маленькие горшковидные сосуды с двумя ручками, прикрепленными к плечу и венчику сосуда. С кратерами горшковидной формы из группы II можно сопоставить только один черно-глиняный сосуд из мог. 21 (ibid.: pl. LX, S.650; одна ручка отломана). Характерная черта этого кратера — вертикально проткнутая ручка, что предполагает использование

сосуда в подвешенном состоянии. Сосуд из могилы 205, названный издателем кратером, отличается формой каннелюрованного тулова с выделенным поддоном и петлевидными ручками у основания горловины: но у него имеется другая характерная деталь кратера — крышка, что, видимо, позволяет включить его в этот тип (*ibid.*: pl. XIX, 4). Размеры: h 5,5 и 8 см; d^г 5,7 и 9,5 см (исключение: h 4 см; d^г 4 см).

Тип 16 («р») — маленькие горшки с шаровидным туловом и выделенной горловиной различаются в ряде случаев пропорциями. Имеются горшки удлинённых пропорций, напоминающие широкогорлый кувшин (мог. 123, *ibid.*: pl. LXXIX, S.985 b, левый). Горшок из мог. 94 со слабо выраженной горловиной имел крышку (*ibid.*: pl. LXXVIII, S.964 b). Размеры: h от 4,5 до 6,3 см; d^г от 3–3,5 до 5,5 см; h от 9 до 14,5 см; d^г от 9,5 до 12,5 см (размеры шести миниатюрных горшочков из могилы 62 не указаны).

Тип 17 («г») — флаги отсутствуют в этой группе.

Тип 18 («с») — составные сосуды: **18-а** — сдвоенные сосуды состоят или из двух горшков с крышками, соединёнными между собой широкой перемычкой, над которой имеется петлевидная ручка; или из двух кувшинов с высокой горловиной с аналогичным соединением (*ibid.*: pl. XIX, 1–2). Размеры: h 8,5 и 10 см; d^г 8 и 10 см. **18-б** строенный сосуд составлен из двух горшков и кувшина с ручкой, близкого по форме и по такой детали, как частично закрытая горловина — лампе/триподу; каждый сосуд имеет по одной ножке/выступу (*ibid.*: pl. XIX, 7, вне могилы). Размеры не ясны. **18-в** композиция из четырех сосудов: кувшин/лампа/трипод и три горшка установлены на треугольной рамке, которая, в свою очередь, опирается на три ножки выступа (*ibid.*: pl. XIX, 3). Размеры не уточнены.

Тип 19 («т») — вазы на полной ножке, редкий тип в этой группе. Размеры: h 8,5 см, d^в 12 см.

Тип 20 («и») — «шумовки» в этой группе отсутствуют.

Тип 21 — кувшины с ручками или без них (в группах I и II отсутствуют). Эти кувшины являются самыми большими сосудами в керамике Сяллка В. Размеры: h от 20 до 31 см; d^г от 20 до 27 см.

Тип 22 — «чайники» с цилиндрическим сливом. Р. М. Гиршман только этот тип сосудов назвал в каталоге чайниками. Эти сосуды похожи на «соусники» (тип 9), но у последних открытый слив встроен в венчик сосуда, у чайников — в плечико сосуда.

Различаются эти сосуды и положением ручки: **22-а** петлевидная ручка на плечике сосуда (h 14 см, d^т 21 см); **22-б** ручка как у корзинки (h 7 см; d^т 8,5 см).

Тип 23 — сито в форме чашки типа 10-а (ibid.: pl. LII, S.570), единственный экземпляр. Размеры: h 7 см; d^т 10 см.

Кроме этих сосудов найдено несколько сосудов оригинальной формы.

1. Черпаки с прямой горизонтальной ручкой, имеющей отверстие на конце. Они найдены вместе с сосудами из группы IV в могилах 30, 146, 179. (ibid.: pl. XVIII, 7–9): длина от 13,5 до 25 и 27 см.

2. Миска/трипод из могилы 7b (ibid.: pl. LII, S.567). Размеры: h 7 см; d^в 10 см.

3. «Флаконы» — сосуды четырехгранной формы с длинной узкой горловиной и воронковидным широким венчиком (мог. 66, pl. LXXIII, S.925, pl. XX, 9, S.204). Размеры: h 7 см; ширина грани 2,5 см.

IV. «Обыкновенная» керамика. Выделено 16 типов керамики.

Тип 1 («а») — чайники. Сосуд с длинным горизонтальным сливом, соединенным с венчиком, относится к подтипу **1-а**. Основание слива украшено 9-ю круглыми налепами. Сосуд похож на некоторые расписные чайники, которые имеют невысокую горловину и петлевидную ручку на плечике (группа I, 1-а; ibid.: мог. 15, S.814, S.815). Размеры: h 15 см; d^т 19 см. Ему близок по форме другой сосуд из этой группы (**1-б**), который отличается свободно стоящим сливом, чуть возвышающимся над венчиком (ibid.: мог. 38, pl. LXIV, S.868). Размеры: h 12 см, d^т 17 см.

Тип 3 («b») — кувшины с коротким уплощенным вертикальным сливом имеют очевидное сходство с расписными сосудами этого типа (в группах II и III их нет). Размеры: h 20,5 см; d^т 20 см.

Тип 4 («с») — «кувшины для воды» с боковым сливом многочисленны, но не опубликованы (ibid.: 40).

Тип 5 («d») — «кувшины/графины» близки по форме графинам из групп I–III, прежде всего, наличием высокой, узкой горловины. Но у них отсутствует зооморфное украшение ручки — признак, впрочем, достаточно редкий в группах I–III. Как и в этих группах, графины группы IV различаются местом крепления ручки: или только на плечике, или на плечике и другим концом у венчика; и размерами — высота от 30 до 8 см. Размеры: h от 8 до 12 см;

d^г от 5,4 до 9,5 см; h 15 см; d^г от 9 до 14 см; h от 22,8 до 30 см; d^г от 16,2 до 27 см.

Тип 6 («е») — «бутыли» многочисленны в этой группе (ibid.: 40), опубликованы две бутылки с высоким узким горлом и отогнутым венчиком. Размеры: h 24 и 26 см, d^г 18 и 19 см.

Тип 7 («f») — «кубки» без ручек. Некоторые из них аналогичны расписным кубкам. Два кубка (мог. 52), в отличие от плавного профиля стенок у других сосудов этого типа, имеют резко суженную нижнюю часть тулова, место перехода обозначено горизонтальными желобками. Размеры: h от 8,5 до 9,5 см; d^в от 6 до 9 см.

Тип 8 («g») — «чаши», редкая в этой группе форма. Опубликованная чаша с ручкой/ушком, по форме тулова и размерам близка сосуду без ручки из группы II (мог. 52, S.710). Размеры: h 7 см, d^в 10 см.

Тип 9 («h») — «соусники» также немногочисленны. В целом они похожи больше на сосуды первых двух групп, но нет таких деталей как каннелюрованное тулово, выделенный поддон, налlep на ручке или положение ручки под сливом. Размеры: h 6,5 и 7 см; d^в 6 и 8,5 см; h 12 и 15 см; d^г 15 и 20,4 см.

Тип 10 («i») — «чашки» (10-а) и кружки (10-б) с ручкой. Оба подтипа различаются, прежде всего, пропорциями: у чашек высота меньше диаметра; тулово имеет перегиб и высокую петлевидную ручку с зооморфным налепом, одна чашка имеет небольшой слив (мог. 53, S.952 d). У кружек высота больше диаметра, тулово имеет, как правило, чуть выпуклые стенки, одна кружка в результате чуть сплюснутого тулова имеет слив напротив ручки (мог. 25, S.773). Размеры: 10-а — h от 3 до 4 см; d^в от 5 до 6,5 см; 10-б — h от 8,5 до 14 см; d^в от 8 до 12,5 см. (Во всех случаях высота больше диаметра).

Тип 11 («j») — бокалы. Хотя Р. М. Гиршман отметил отсутствие бокалов в этой группе (ibid.: 40), сюда следует включить «подставки для яйца» в форме «раструба», имеющиеся только в группе IV (ibid.: pl. LXIX, S.951 b). Все три сосуда без ручек (подтип 11-б), в отличие от сосудов из групп I–III. Размеры: h от 6 до 6,5 см; d^в от 5,5 до 6 см (высота больше диаметра).

Типы 12 и 14 в этой группе не представлены.

Тип 13 («l») — «блюда», по словам Р. М. Гиршмана, отсутствуют в этой группе (ibid., p. 40). Однако имеется несколько сосудов (мог. 31, 38, 62), похожих по размерам и пропорциям на блюдо

из мог. 61 (группа II). Соотношение высоты и диаметра у всех приблизительно 1:4. У остальных плоских блюд из групп I и II пропорции иные. В этот тип можно также включить «тарелки». Они имеют меньшие размеры и слабо выделенный поддон. Разделение на тарелки и блюда излишне, поскольку, в первую очередь, одинаковы их пропорции. Размеры: h от 3,5 до 6 см; d^b от 14,5 до 25 см; h не указана (судя по рисунку, около 1,4 – 1,8 см); d^b от 9 до 10 см; h от 2 до 2,5 см; d^b от 10 до 10,5 см.

Тип 15 («о») — «кратеры». Сосуд на высоком поддоне с вертикально проткнутыми ручками/налепами. Плоская крышка имеет отверстия, совпадающие в закрытом состоянии с отверстиями на ручках. Р. М. Гиршман назвал этот сосуд горшком, но по всем признакам он отличается от горшков типа 16. Размеры: h 5 см; d^b 3,5 см).

Тип 16 («р») — «горшки». Все горшки имеют шаровидное тулово с выделенной горловиной, без поддона, в одном случае горшок круглодонный (мог. 66). Размеры: h от 7 до 11 см; d^r от 8 до 13 см; h от 13 до 16 см; d^r от 15 до 19 см.

Типы 17–20 в этой группе не представлены.

Тип 21 — кувшины без ручек. Плоскодонный сосуд с удлинённым округлым туловом, иногда со слабо выраженным перегибом тулова и невысокой горловиной с отогнутым венчиком. Размеры: h от 21,5 до 28 см; d^r от 17 до 25 см; h от 34 до 37 см; d^r от 24 до 28 см; h 40 см; d^r 32 см.

Тип 22 — «чайники» по терминологии Р. М. Гиршмана. Подтип **22-а**: сосуды горшковидной формы, плоскодонные без выделенной горловины, с венчиком-закраиной и петлевидной ручкой. Прямой трубчатый слив вмонтирован в плечико сосуда. Чайники аналогичны сосудам из группы III (мог. 62). Имея функциональное сходство с сосудами типов 1–4, они отличаются от них отсутствием всех характерных для них деталей. Больше всего они схожи с типом 9 — соусниками, отличаясь лишь местоположением слива и его формой. Размеры: h 8,5 и 10, см; d^r 10,5 и 14,4 см; h 7,5 и 11,5 см; d^b 8 и 12 см. К подтипу **22-б** относятся два сосуда с высокой горловиной и трубчатым сливом. Размеры: h 6,5 и 11 см; d^r 4,8 и 9 см.

Тип 23 — сито имеет форму чашки с большой петлевидной ручкой (10-а) и многочисленные отверстия в нижней половине тулова. Сосуд аналогичен черно-глиняному ситу из мог. 7 б. Размеры: h 5,5 см; d^b 8 см.

Особую подгруппу представляют сосуды ручной работы специфических форм, сделанные из пористой глины плохого обжига, керамика рыхлая, крошащаяся (ibid.: 40, 215, pl. XVIII, 4, 6–9). Среди них имеются плоскодонные или с едва намеченным поддоном чуть расширяющиеся кверху четырехгранные сосуды с прямоугольным устьем. По одному краю по углам сосуды украшены двумя или тремя зооморфными выступами: мог. 15 (S.817): h 15,5 см, размеры устья 17 и 14,5 см; другое прямоугольное корытце (S.878) имеет перегородку в середине сосуда, по одному краю украшено тремя зооморфными налестками/выступами: h 10 см, размеры устья 28 и 12 см. (ibid.: pl. XVIII: 4, 5); два котелка, один из них (мог. 30, S.1483) с шаровидным туловом, плоскодонный, вертикальная горловина снабжена пластинчатыми ручками с небольшим отверстием в верхней их части: h 13 см, d^т 17 см.; другой котелок (мог. 146, S.1336) с прямыми стенками, округлым дном и двумя ручками/ушками: h 16 см, d^в 19 см (ibid.: pl. XVIII: 7, 8); трипод (мог. 179, S.1596) имеет форму котелка, но на трех высоких ножках: h 24 см, d^в 13 см (ibid.: pl. XVIII: 9). Оба котелка и трипод найдены вместе с черпаками длиной от 13,5 до 25 и 27 см, диаметром черпака от 7 до 12 см.

В могилах 15, 21, 38 вместе с четырехгранными сосудами найдены 3 совка длиной соответственно 23,5, 19 и 20 см.

Расписной орнамент керамики группы I. Наиболее характерным признаком погребального инвентаря могильника Сялалк В является расписная керамика. Одни сосуды украшены скромно, другие, обычно это сосуды сложной формы, украшены пышным орнаментом. Следует отметить, что элементы орнамента относительно несложны и немногочисленны. Но композиции, составленные из них, чрезвычайно разнообразны. Трудно найти два сосуда из этого комплекса с одинаковыми орнаментальными композициями. Похожую роспись имеют только те сосуды, которые украшены простейшими элементами орнамента: треугольниками, зигзагами или сеткой и т. д. Именно орнаментальные композиции (помимо фигурных изображений) делают керамику Сялалка В столь отличной и практически несопоставимой как внутри керамического комплекса этого могильника, так и с другими памятниками Ирана этого периода.

Зрительно орнаментальные композиции расписной керамики распадаются на семь простейших элементов — геометрических

фигур, которые имеют также семь вариантов заполнения¹. Этими элементами являются: квадраты, ромбы и цепочки ромбов, кресты, полуромбы или сдвоенные «секиры», треугольники, круги и розетки, зигзаги и волнистые линии. Заполнением фигур служат: резерв (отсутствие какого-либо заполнения), сплошная заливка, косая штриховка, сетка, «шахматная доска», точки, штрихи (табл. 1А).

1. Квадрат служит рамкой и фоном для других геометрических фигур; так в резервный или силуэтный квадрат могут быть вписаны кресты, цепочки ромбов, полуромбы/сдвоенные «секиры». Его можно рассматривать как организующую форму для других элементов орнамента, служащих заполнением: косая штриховка, сетка, «шахматная доска», комбинации вписанных в друг друга квадратов.

2. Ромб и цепочки ромбов: заполнение — заливка, сетка, резерв.

3. Крест прямой и косой: разделяет квадрат на четыре части; реже крест вписан в круг. Заполнение — заливка, прямые линии, резерв.

4. Полуромб/сдвоенная «секира»: эта фигура образована из квадрата, разделенного по диагонали на четыре части. Противоположные части залиты краской или оставлены в резерве, заштрихованы или заполнены точками; в одном случае эта фигура образована пучком перехваченных посередине линий.

5. Треугольники, за редким исключением, опущены вершиной вниз. Цепочки узких длинных треугольников образуют вокруг основания горловины или слива сосуда бахрому/«плюмажи». Заполнение — резерв, заливка, косая штриховка, линии, повторяющие форму треугольника.

6. Круг и розетка являются относительно редким элементом орнамента. Круг служит рамкой для других геометрических фигур: в резервные круги вписаны кресты, силуэтные круги, центр которых образует другой резервный круг, иногда круг поделен

¹ Это членение условно и именно зрительно, ибо иногда, например, те же цепочки ромбов по форме являются цепочками квадратов, соединенных углами. Условность заключается и в том, что композиции расчленены на ряд простейших самостоятельных фигур: квадраты, ромбы, треугольники и т. д., но ведь и заполнение в виде штриховки, сетки и т. п. тоже по существу являются элементами орнамента, но в данном случае они не выделяются самостоятельно, являясь часто, но не всегда, рисунком внутри геометрических фигур.

диаметрами на несколько секторов, иногда он служит основанием и центром многолепестковой розетки. Заполнение — резерв, заливка. В ряде случаев небрежно выполненная розетка не имеет выделенного центра в виде круга. Часто используются цепочки силуэтных маленьких кружков.

7. Зигзаги и волнистые линии: обычное заполнение — заливка, для зигзагов изредка использовался резерв.

Преобладающим видом заполнения геометрических фигур является заливка, резерв и косая штриховка. Последняя, за исключением круга, сочетается, как и первые два вида заполнения, со всеми геометрическими фигурами. Иногда некоторые виды заполнения используются в качестве самостоятельных элементов орнамента, т. е. без сочетания с геометрическими фигурами. Обычно это пояски, состоящие из косой или прямой штриховки, «шахматной доски», заливки. Пояски из косой сетки иногда по краю имеют дополнительный орнамент в виде силуэтных кружков. На сосудах со сливами эти пояски входят в состав сложных композиций, расположенных вокруг основания слива. Два вида заполнения — «шахматная доска» и сетка с точками, расположенных тоже в шахматном порядке, — сочетаются только с квадратом.

Наибольшее разнообразие композиций наблюдается на сосудах со сливами (типы 1–3) и кубках (тип 7). Варианты композиций, составленных из описанных элементов орнамента, расположение орнамента на сосуде, распределение композиций среди типов керамики будут рассмотрены ниже.

Орнаментальные композиции (табл. 1А).

Типы 1–2. На сосудах со сливами последний является организующим центром орнаментальной композиции. Широкая полоса, состоящая из нескольких поясков заполненных различными элементами орнаментов, по низу ограничена бахромой из узких силуэтных треугольников, для краткости называемой «плюмаж». Специфическая форма чайников, очевидно, послужила причиной отказа от горизонтального расположения орнамента на тулове сосуда, и привела к смещению его к другому центру — сливу. Мастера/художники чувствовали единство формы сосуда и рисунка росписи. Результатом понимания этого единства и явилось органичное решение — лучеобразное расположение орнамента вокруг основания слива. Украшение горловины, ручки, придонной части сосуда носит второстепенный характер.

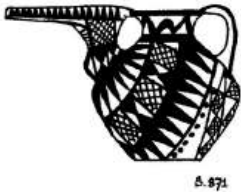
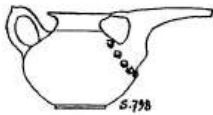
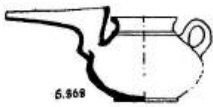
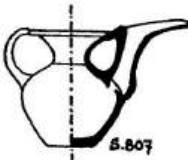
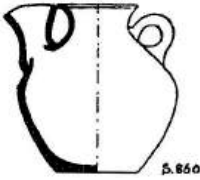
Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная	
1	1-а. Чайники с прикрепленным сливом	а		pl. LXXXVI; S.584 pl. LXXXI; IX, 3–4; S.1511 pl. XI,2; S.1548 pl. LXXXVII
	1-б. Чайники с неприкрепленным сливом	а		S.202 pl. LXXX; X,4, S.1541 pl. XI,6
2	2-а. Чайники с ручкой, укороченным сливом	—		S.1764, S.1677 pl. LXXXVII
	2-б. Чайники без ручки	—	нет	
3	Кувшины с коротким вертикальным сливом	б		S.1449, S.655, S.376 pl. XIII,1–3; S.326, S.345, S.336, S.1672 pl. LXXXVIII
4	Кувшины с боковым сливом	с		S.697 pl. XVI, 1
5	Графины с ручкой	д		S.1549, S.162 pl. XIV 3, 9; S.365, S.286, S.342, S.337, S.1469, S.285 pl. LXXXIX

Таблица 1А

Группы керамики (по Гиршману)				
II. Красная		III. Черная		IV. Простая
м. 100 S.1008, pl. XII,1				
		м. 78 S.978, pl. XII,3, pl. LXXVII		
		нет		нет
м. 21 S.618, pl. XII,5	S.1750 pl. XII,2	нет		нет
нет		нет		
	S.696 pl. XVI, 3			многочислен- ны, не опубли- кованы
		 		

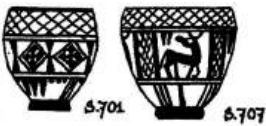
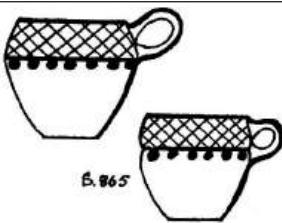
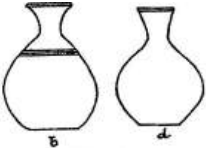
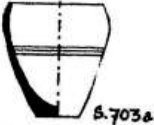
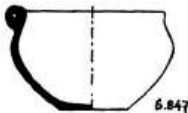
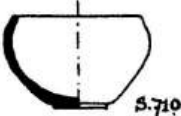
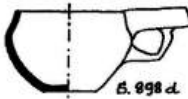
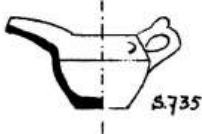
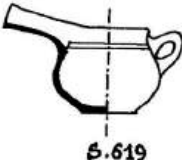
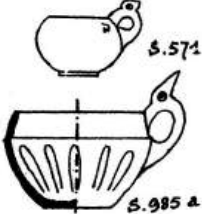
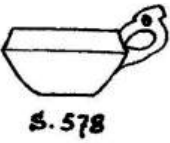
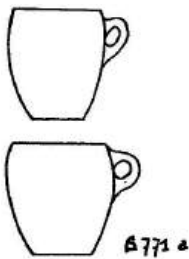
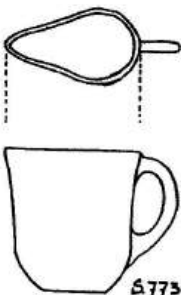
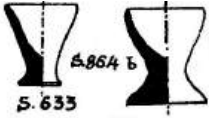
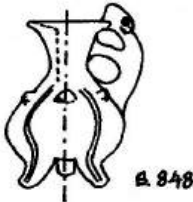
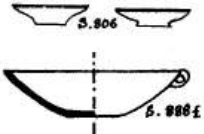
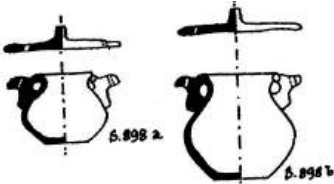
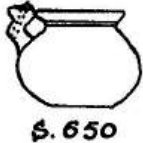
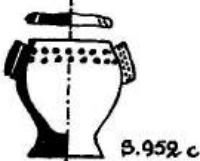
Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная	
6	Бутыли	e		S.1543 pl. XIV,5
7	Кубки	f		S.218, S.896 pl. XV,7, 9
8	8-а. Чаши с ручкой	g		S 1510, 321 pl. XV,3, 4
	8-б. Чаши без ручки	g		
9	Соусники	h		
10	10-а. Чашки	i		
	10-б. Кружки		м. 9 S.748, pl. XVI,4	

Таблица 1А (продолжение)

Группы керамики (по Гиршману)					
II. Красная		III. Черная		IV. Простая	
нет		малочисленны			
нет		малочисленны			
	S.321 pl. XV,4				
					
	S.1308 pl. XVII,7, S.358 pl. XVII,5				
	м. 78 S.977 б pl. LXXVII				
					

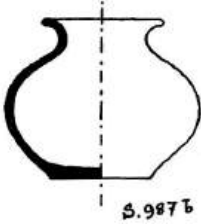
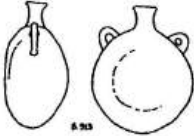
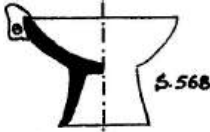
Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная		
11	11-а. Бокалы с ручкой	j			
	11-б. Бокалы без ручки		редкие		
12	Лампы — триподы	k			
13	Блюда	l		S.1555 pl. XXII,9	
14	14-а. Зооморфные сосуды	m	м. 9 S.747 pl. XXI,3		
	14-б. Сосуды в форме бурдюка	n			
15	Кратеры	o	нет		

Таблица 1А (продолжение)

Группы керамики (по Гиршману)				
	II. Красная		III. Черная	
	м. 77 S.1502 pl. XX,6; м. 136 S.1480 pl. XX,7	S.218 pl. XX,5		S.291 pl. XVIII,5
нет				
нет				
		не опублико- ваны		
нет				нет
нет		нет		нет
				

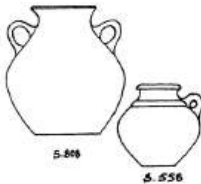
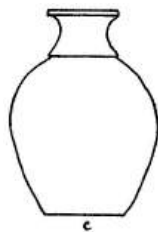
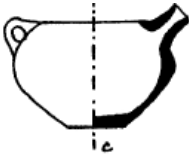
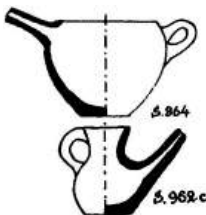
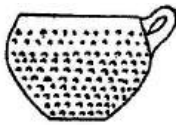
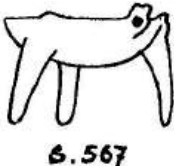
Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная		
16	Горшки	p	м. 53 S.949 a pl. LXIX		
17	Фляги	г	нет		
18	18-а. Составные сосуды двойные	s	нет		
	18-б. Составные сосуды строенные		нет		
	18-в. Составные четыре сосуда		нет		
19	Вазы	t	нет		

Таблица 1А (продолжение)

Группы керамики (по Гиршману)					
	II. Красная		III. Черная		IV. Простая
			м. 38 S.875 a pl. LXV; м. 53 S.951 a pl. LXIX; м. 61 S.899 d pl. LXX; м. 62 S.888 с, S.889 a–f, pl. LXXI; м. 66 S.930 pl. LXXIII; м. 94 S.964 b pl. LXXVIII; м. 123 S.985 b pl. LXXIX		м. 53 S.949 b–c, S.951 c pl. LXIX; м. 62 S.890 d–e pl. LXXI; м. 66 S.934 f pl. LXXIII
		S.1525 pl. XVIII,1	нет		нет
			м. 186 S.1655 pl. XIX,2	S.956 pl. XIX,1	нет
м. 42 S.1505 pl. XIX,6				S.895 pl. XIX,7	нет
					нет
м. 57 S.1490 pl. XVI,5; м. 145 S.1319 pl. XVI,8					нет

Типы	Сосуды	Типы	I. Расписная		
20	Шумовка	и	нет		
21	Кувшины	–			
22	Чайники с трубчатым сливом	–	нет		
23	Сито	–			
32	Миска- трипод				

Таблица 1А (продолжение)

Группы керамики (по Гиршману)				
II. Красная		III. Черная		IV. Простая
м. 9 S.746 pl. XVIII,2		нет		нет
			S.1545 pl. XIV,7	
нет				
				
				

На некоторых сосудах пространство между «плюмажем» вокруг слива и ручкой заполнено фигурами животных. Если в орнаменте главенствуют прямые контуры, то фигуры животных прорисованы мягкими силуэтами. Их плавные контуры гармонируют с плавными контурами сосудов. Изображения животных свидетельствуют о наличии хорошо отработанной, устоявшейся манеры изображений животных. Правда, в некоторых случаях изображения животных, а также единичные антропоморфные изображения удивительно примитивны и выпадают из общего рафинированного стиля (Ghirshman, 1974/1977: Taf. 26, 6; idem. 1939: pl. LXXXV). В целом же следует повторить, что творческая изощренность и изысканность изображений животных, единство формы сосуда и изображений — все это свидетельствует о высоком мастерстве тех, кто изготавливал эту керамику. На фоне этой гармонии странными выглядят изображения отдельных геометрических фигур, не связанных с основным декором и расположенных между «плюмажем» и ручкой сосуда. Чаще всего это квадраты, реже многоугольники, круги и розетки. Их размеры и расположение дисгармонируют с формой сосуда и стройным орнаментом «плюмажа», нарушая, таким образом, единство формы и росписи. Р. М. Гиршман писал, что «художник не старается загружать декор, боязнь пустоты ему неизвестна, расположение орнамента строго уравновешено» (Ghirshman 1939: 31). С этим мнением можно согласиться — за исключением тех случаев, когда свободное пространство заполнялось этими громоздкими «вставными» фигурами. Нарочито неловкое расположение их на сосудах со сливами, где они являются самостоятельными фигурами, наталкивает на мысль о их специальном, вероятно магическом содержании. Их изображения, видимо, не подчинялись общим художественным требованиям, которые предъявлялись к оформлению сосудов. Между тем, умение мастеров могло позволить им скомпоновать эти фигуры с общей композицией декора, что можно наблюдать, например, на кубках (тип 7, см. ниже), и на одном из чайников. Центральную часть этого сосуда занимает широкая полоса, украшенная геометрическим орнаментом по схеме метопа-триглиф; придонная часть заполнена геометрическими элементами; между «плюмажем» и ручкой с двух сторон изображены крылатые кони, пространство между ними и «плюмажем» заполнено силуэтными квадратами с крестами в резерве. Несмотря на некоторую

перегруженность, композиция строго выверена и все элементы сочетаются между собой (Ghirshman 1939: pl. LXXX, S.202).

Следует подчеркнуть, что «вставные» фигуры сочетаются именно с «плюмажем». Задача раскрытия смысла этих, вероятно, магических символов сложна и вряд ли доказуема¹. Р. М. Гиршман подчеркивал ритуальное назначение этих чайников во время погребальной церемонии, на что ему указывали пышность декора, изображения животных и хрупкость самих сосудов, что включало, по его мнению, их бытовое использование (Ghirshman 1974/1977: 44–45). И действительно, исследователи неоднократно отмечали, что на поселениях чайники не найдены. Так К. Гофф на основании исключительно редких находок фрагментов таких сосудов в слое III Баба Джан тепе считает их специальное назначение если не исключительно для погребальных церемоний, то все равно для каких-то ритуальных действий (Goff, 1978: 30).

Тип 3. Кувшины с коротким вертикальным сливом подтверждают связь между наличием «плюмажа» и «вставными» фигурами. Хотя у этих сосудов орнамент также сконцентрирован вокруг слива, но отсутствие «плюмажа» приводит к отсутствию «вставных» фигур. Вокруг слива обычно располагались три треугольника без дополнительных поясков, заполнением служат сетка с частичной заливкой, линии, повторяющие контуры треугольника. Изредка между ними расположены узкие силуэтные треугольники. Исключением служат: двойной круг с крестом (мог. 52, S.706) и квадрат с заполнением «шахматная доска» (Ghirshman 1939: pl. LXVII, S.700, S.706, мог. 52). Но в редких случаях изображение «плюмажа» служит основанием для изображения «вставных» фигур: квадраты с заполнением в виде «шахматной доски» (Ghirshman, 1939: pl. XIII, 1, 2; idem., 1974/1977: Taf. 27, 9). Почти все кувшины имеют одну или две волнистых линии, которые являются продолжением полосы, идущей от горловины по ручке и ниже на тулово.

Типы 4–5. Сосуды обоих типов близки по форме. Как уже отмечено, слив кувшинов типа 4 заменен ручкой у «графинов» (тип 5).

¹ Такого рода символы известны уже на расписной керамике древнего Ирана на памятниках, датируемых 4500–3000 гг. до н. э.: изображения розеток, в том числе аналогичных сиалковским, крестов и прямоугольников возле рогов животного известны в Гияне V, Гиссаре I, Сиалке III и др. (Vanden Berghe 1968a: 20–33).

Видимо, поэтому неслучайно то, что они одинаково украшены. На этих сосудах отсутствует слив, и поэтому композиционным центром является горловина. Сосуды расписаны главным образом длинными треугольниками, расположенными лучеобразно вокруг горловины. Преобладает заполнение в виде вертикальных линий, повторяющих форму треугольника (тип 5: 27 из 31 сосуда, найденных в могилах, и 3 — вне могил; тип 4 на обоих опубликованных сосудах, см. **табл. 1А**). Примечательно, что именно такие треугольники на сосудах иных типов встречаются редко: тип 1 (мог. 21, S.631), тип 2 (мог. 53, S.947), тип 14-а (мог. 9, S.747). Треугольники со смешанным заполнением, характерные для декора сосудов типа 3, на «графинах» использовались редко (Ghirshman 1939: pl. LXXXIX, S.342). Это дает основание предполагать, что определенные типы сосудов имели преобладающие для каждого из них виды орнамента.

Тип 6. На двух опубликованных бутылках орнаментальные композиции оригинальны и не имеют аналогий у других типов керамики. Но составляющие обе композиции элементы обычны для сиаковской керамики: «шахматная доска», силуэтные треугольники (S.1543), квадраты, заполненные сеткой и силуэтными кружками по типу полуромб/сдвоенная «секира» (мог. 21, S.625).

Тип 7. Помимо сосудов со сливами, наибольшее разнообразие орнаментальных композиций наблюдается на кубках, поверхность которых полностью покрыта орнаментом. Различаются три варианта композиций орнамента. 1. Узкие горизонтальные пояски, равнозначные по заполняющему их орнаменту, без акцентов на какие-либо элементы. Они состоят из косой сетки по краю венчика, цепочки ромбов в резерве или заполненные силуэтными кружками внутри и вне ромбов. Пояски разделены резервными полосами, нижний пояс состоит из треугольников без заполнения. Этот вариант композиции представлен одним кубком, найденным вне могилы (Ghirshman 1939: pl. XV, 7). 2. На значительной части сосуда расположены один или два широких пояса, один из которых главный. Последний состоит из чередующихся квадратов/ромбов (заполнение — «шахматная доска», косой крест в резерве), разделенных спаренными вертикальными линиями, узкими силуэтными треугольниками и узкими бантообразными фигурами. Второй пояс представляет косую сетку вдоль венчика или фрагменты «плюмажа» по низу основного пояса.

Квадраты/ромбы главного пояса являются одной из разновидностей отдельных «вставных» фигур/символов, изображаемых на чайниках. Но на кубках они составляют органичную часть композиции, составленной по схеме метопа/триглиф. 3. В главном поясе вместо квадратов/ромбов изображены травоядные животные. Силуэтные фигуры разделены косой сеткой, которая, в свою очередь, оконтурена силуэтной полосой. В целом можно сказать, что композиции орнаментов на кубках отличаются от других сосудов, а главный пояс представляет античную схему метопа/триглиф (о чем см. ниже).

Типы 8–9. На чашах орнамент простой: в верхней части сосуда один или два пояска из косой сетки, треугольников (заполнение: заливка, линии или сетка) или узких силуэтных ромбов. Нижняя часть сосуда оставалась свободной, или украшалась каннелюрами. Изредка изображались розетки и силуэтные кружки по нижнему краю пояска, реже у основания поддона. У соусников (тип 9) украшена только горловина и венчик: косая сетка или треугольники вершиной вверх; венчик и верхняя часть желобчатого слива украшена S-видными значками или маленькими силуэтными кружками. Нижняя часть сосуда из могилы 179 украшена каннелюрами.

Тип 10 а, б. У чашек украшалась только верхняя часть возле венчика сосуда. Обычно это поясок из косой сетки с бордюром из силуэтных кружков по его низу. Одна чашка отличается тем, что украшена вся ее поверхность. Помимо обычной косой сетки имеется центральный пояс, состоящий из цепочки ромбов: заполнение — заливка с резервным крестом в центре. Два пояса разделены резервными и силуэтными полосами (*ibid.*: pl. XX, 3 S.735, мог. 24). На нижней полосе сохранен обычный бордюр из силуэтных кружков, ими же украшена ручка. Кружка (10-б) имеет оригинальную композицию: широкий верхний пояс состоит из вертикальных линий; центральный силуэтный пояс имеет два ряда резервных прямоугольников, некоторые из них заполнены косой сеткой, нижний ряд — обычный бордюр из кружков (*ibid.*: pl. XVI, 4, S.748, мог. 9).

Остальные типы сосудов представлены единичными экземплярами, украшены простыми элементами орнамента: косая сетка (тип 11), цепочки силуэтных кружков и пучки дугообразных линий (тип 12), горизонтальные линии, дважды перечеркнутые

вертикальными линиями (тип 14-а), треугольники и волнистые линии (тип 14-б), пояски из вертикальных линий и зигзаги с точками (тип 16), косая сетка и силуэтные треугольники (тип 17).

Расписная керамика могильника Сиалк В не имеет прямых аналогий в памятниках Ирана начала I тыс. до н. э. Следовательно, эта керамика получает дату или по сопутствующему инвентарю могильника, или нужно искать пути ее самостоятельной датировки. Пока такой датировки не предлагалось. В настоящей работе рассматривается способ ее датировки путем поиска ей места среди расписной керамики древнего мира начала I тыс. до н. э. В первые века I тыс. до н. э. расписная керамика существовала в ряде регионов Древнего мира. Наиболее яркое развитие она получила в Греции, где эта керамика давно является предметом тщательного исследования. Она имеет дробную периодизацию и хронологию, что делает ее опорой для разного рода исследований.

§ 3. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ ВАЗОПИСЬЮ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО СТИЛЯ ГРЕЦИИ И РАСПИСНОЙ КЕРАМИКОЙ МОГИЛЬНИКА СИАЛК В

Классический геометрический стиль вазовой живописи, созданный афинскими керамистами, развивался мастерами Аттики в течение 900–700 гг. до н. э. Именно аттическая школа вазописи позволяет проследить все этапы развития геометрического стиля и выявить все составляющие его элементы. Аттика оказала огромное влияние на остальные керамические центры как материковой Греции, так и островной и малоазийской. Наибольшего влияния аттическая школа достигает в VIII в. (среднегеометрический период II — 800–760 гг. до н. э., далее СГ II), но к концу VIII в. до н. э. ее влияние ослабевает. Около 750–735 гг. становятся независимыми керамические стили ряда других центров. Особенно усиливается влияние Коринфа, керамический стиль которого становится ведущим в VII в. до н. э.

Аттическая вазопись геометрического стиля в своем окончательном виде формируется к 760 г. — началу позднегеометрического периода (далее ПГ) — и имеет свое блистательное воплощение в работах Дипилонского мастера. Формула этого стиля

исчерпывается четырьмя конструктивными элементами: геометрическим орнаментом, силуэтной техникой для изображения людей и животных, системой метоп и триглифов, заполняющим орнаментом.

1. Развитие геометрического орнамента — основы стиля в целом — шло от единичных поясков, составленных из геометрических фигур, которые на ранних этапах стиля (прото- и раннегеометрического) разрывали черную глазурь фона, к постепенному заполнению всей поверхности сосуда широкими зонами орнамента.

2. Изображения людей и животных, выполненных в силуэтной технике, появляются на аттических сосудах около середины VIII в. до н. э. Происхождение их спорно. Одни исследователи считают, что стиль этих изображений не имеет связей с микенским миром, другие, напротив, на них настаивают¹. Как бы то ни было, геометрическая вазопись между 900–760 гг. силуэтных изображений не имеет.

3. Идея деления поля на равные квадраты метоп, куда помещаются различные изображения, восходит к периоду СГ, но тогда метопная зона еще не стала главной. Для этого периода характерно законченное и обрамленное со всех сторон изображение, которое обычно помещалось между ручками высокогорлого сосуда и могло рассматриваться с одной точки. В период ПГ с этой традицией происходит радикальный разрыв. Сцентрированное изображение теперь часто заменяется поясами квадратных метопных панелей, рассмотрение которых возможно с разных сторон. Схема метоп/триглиф имела период расцвета в пределах ПГ I (760–735 гг. до н. э.). Для классической схемы метопно-триглифного фриза характерно членение изобразительной зоны на квадраты-метопы, которые разделялись триглифами — второстепенными по значению геометрическими фигурами. Размеры последних были значительно меньше метопы. Однако уже в последней четверти VIII в. (ПГ IIa) наблюдаются признаки разрушения

¹ Так, Дж. Коулдстрим считал, что этот стиль развился на месте из нескольких осторожных экспериментов с одиночными фигурами на аттических сосудах периода СГ. Он не имеет связей с микенским миром и не был заимствован с Востока: Coldstream 1968: 21, 26–28, 358. Дж. Бенсон видит в этих изображениях местную крито-микенскую подоснову: Benson 1970: 31, 70–71, 109.

этой схемы. Триглифы начали увеличиваться в размерах, иногда превосходившие метопы. Если в метопах были изображены геометрические знаки, то при широком триглифе первоначальный акцент на изображение в метопах пропадал. В конце века наблюдается полный распад этой схемы. Она имела самое широкое распространение в керамических центрах греческого мира, и была единственным важным элементом декорации ПГ периода, который развивался независимо от влияния школы Дипилонского мастера. В его собственной мастерской эта схема использовалась с большой осторожностью и только в период ПГ Ib (750–735 гг.; Coldstream 1968: 49).

4. Заполняющий орнамент появился в росписи вслед за фигурными изображениями. Он стал связующим звеном между резкими пятнами силуэтных фигур и дробным геометрическим орнаментом, понижая контраст между тем и другим. Особый эффект достигался тогда, когда заполняющий орнамент является элементом орнамента зон и панелей. Помимо структурной необходимости ввода заполняющего орнамента, видимо, нельзя исключать определенную символическую нагрузку этих орнаментов, непосредственно связанных с силуэтными изображениями людей и животных.

Три из четырех описанных элементов формулы аттической геометрики образовывали локальные стили других керамических центров этого периода. Различия заключались лишь в степени влияния аттической школы. Так, все центры восприняли метопную схему, но набор элементов орнамента, образующих геометрические зоны и заполняющий орнамент, зависел от силы влияния Аттики: был таким же или отличался оригинальными мотивами. Что же касается фигурных изображений, выполненных в силуэтной технике, то этот элемент геометрического стиля по существу не вышел за пределы места своего рождения. Помимо Аттики, лишь в соседней Беотии наблюдается все разнообразие сюжетов, гораздо меньше их в Аργοлиде. А в Коринфе, например, не было сделано каких-либо устойчивых попыток развить фигурный рисунок. Здесь встречается лишь единственный рисунок птицы (цапли), да и тот выполнен не в силуэтной, а в специально изобретенной «ажурной» технике (*open-work*) (Coldstream 1968: 99; Benson 1970: 71). Птица становится единственным изображением живого существа и в ряде других центров, где не получили развития

основные сюжеты и принципы изображения живых существ, выработанные в Аттике.

Представленная краткая характеристика четырех элементов аттической формулы вазописи геометрического стиля показывает, что ее распространение и влияние было очень ограничено во времени — в пределах 760–700 гг. до н. э.

Внешнее различие сиалковской и греческой вазописи очевидно. Точность и рассчитанность рисунка, статичность и некоторая суровость или даже сухость изображений греческой геометрики, неоднократно противопоставленные исследователями ориентализирующему стилю последующей эпохи, заметно отличается от затейливой росписи на керамике Сиалка В. Но при этом оба стиля росписи обнаруживают структурное единство, что позволяет говорить и о формальном сходстве росписи: сиалковская роспись строится на основе тех же четырех элементов, что и греческая вазопись геометрического периода, что дает возможность сравнения обоих стилей.

1. Фигурные изображения в силуэтной технике. Основное внимание на росписи Сиалка В уделено изображению копытных животных. Изображения человека, хищников, птиц единичны. Многофигурных композиций, характерных для Греции, нет.

Человек. Первоначально Р. М. Гиршман издал 2 черепка, на одном — фрагментированное изображение всадника, на другом — два вооруженных человека (Ghirshman 1939: frontispiece, pl. XC, 1, 2; **рис 1: 1–2**). Позднее им был издан целый сиалковский сосуд, находящийся теперь в частной коллекции, на котором изображен мужчина в полный рост с копьем и щитом (Ghirshman 1974/ 1977: tabl. 26, 6; **рис. 9**). Эта фигура, как и изображения на сиалковских черепках, выполнена в смешанной технике силуэт-резерв. Наибольший интерес представляет фрагмент сосуда с изображением двух мужчин с мечами на поясе и поднятыми (в борьбе?) руками (**рис. 1: 2**). Сходство этого изображения с греческими заключается в следующем. Греческие изображения мужских, всегда обнаженных фигур в позднегеометрический период строились по одному принципу: фронтальное изображение торса в виде равносоставленного треугольника (отсюда прямые плечи и «осиная» талия), голова и нижняя часть туловища в профильном изображении (ягодицы и икры ног преувеличенно мускулисты), маленькая голова с заостренным вытянутым подбородком, руки тонкие,

Рис. 1. Изображения человека: 1-2 — Спалк В; 3,4 — Аттика; 5,6 — Беотия

длинные, локти отмечены острым углом (**рис. 1: 3**). Эти приемы, выработанные Дипилонским мастером и наиболее жестко им используемые (отсюда чрезвычайная однородность фигур, почти превращенных в орнамент), у других мастеров несколько смягчаются. Так, торс иногда имеет округлые очертания и выделенную талию (Kübler 1954: Taf. 40, 5574). Для беотийских изображений отмечается абсурдное преувеличение рук и общая утрата координации в конечностях (Coldstream 1968: 206; **рис. 1: 5–6**). Следует отметить также, что не всегда позднегеометрические фигуры имеют «осиную» талию, хотя в целом считается, что широкая талия — признак субгеометрического периода (после 690 г. до н. э.). В этой связи примечательно изображение мужчины, поражающего льва, на трипode из афинского Керамика. У мужчины сравнительно широкая талия, в области пояса оставлен небольшой резерв, на фоне которого можно видеть копье, которое мужчина держит в левой руке (**рис. 1: 4**; Kübler 1954: Taf. 69, 4923). Таким же образом прояснен рисунок вооруженного мужчины и на сиалковском фрагменте: на фоне резервного пояса — рука, одинаковая поза рук обоих мужских изображений. Все описанные приемы силуэтных изображений, включая принцип построения фигуры, и такая деталь, как заостренный удлиненный подбородок, применены при изображении мужских фигур на сиалковском фрагменте. Кроме описанных признаков, совпадают поза и ритм движений обоих мужчин: один схватил руку другого так, что обе их руки подняты вверх в позиции, напоминающей букву W. В такой позиции руки часто изображались на греческой керамике в разных ситуациях: чаще всего это борьба кулачных бойцов и атлетов на сосудах позднегеометрического периода (Hampe 1936: Taf. 23, v 35; S.52, abb. 24). Полное совпадение позиции рук с рассмотренным сиалковским изображением имеется на кратере из Фив в сцене похищения женщины (Hampe 1936: Taf. 23/v 35, abb. 24; taf. 22/b; **рис. 1: 3**). Рука мужчины значительно короче женской, поскольку она оканчивается на середине ее кисти. Дж. Коулдстрим относит этот кратер к субдипилонской группе (735–720 гг. до н. э.; Coldstream 1968: 55, № 4). И последняя деталь: на сосудах поздней и субгеометрического периодов имеются изображения перевязей для мечей (**рис. 1: 5**); как будто бы это отличие беотийской керамики (Coldstream 1968: 206, pl. 44 b, g; Hampe 1936: Taf. 29/v 9, 23/v 35). Эта перевязь, изображенная темной полосой, закрепляет меч

А

В

С

Рис. 2. Копытные животные.

А — Сиалк В; В — Греция, геометрический стиль; С — Греция, ориентализирующий стиль

в области пояса, ниже которого, по обеим сторонам от бедер свисают, вероятно, концы этой перевязи (**рис. 1: 5**). На сиалковском фрагменте ремни выше пояса не изображены. Но ниже пояса двумя параллельными линиями изображено нечто дугообразное, что Р. М. Гиршман принимал за лук со спущенной тетивой (Ghirshman 1974/1977: 45)¹. Может быть, и здесь мы имеем дело с изображением перевязи, непонятым художником? Незначительные отличия сиалковского изображения заключаются в более приземистых пропорциях фигуры, сравнительно коротких ногах и широкой талии, левая рука, в отличие от правой, не имеет локтевого угла, на голове или пышная прическа, или головной убор, изображенный косой штриховкой.

Копытные животные. Стилизация этих изображений в Греции и в Сиалке В не совсем различна. Так, архетип коня, созданный Дипилонским мастером, представляет собой чрезвычайно грацильное существо. Стилизация изображения коня доведена до крайности: все предельно вытянуто — ноги, шея, длинный узкий корпус с резкой выемкой живота. Считается, что такая стилизация определена контекстом, где высота лошади, впряженной в колесницу, должна быть одного роста с колесничим и колесницей (Coldstream 1968: 39; **рис. 2: В**). Хотя в целом этот архетип просуществовал долго, он видоизменялся — грудь животного становилась мощнее, шея короче. Изображения пасущихся лошадей и рогатых копытных хотя и несут черты этой стилизации, но они ближе к натуре: удлиненность пропорций и прямолинейность форм значительно снижена, изображение крупа отличается округлостью линий (**рис. 2: В**).

В Сиалке В, где колесничных изображений нет, стилизация изображений шла во втором направлении. Максимально стилизованы рогатые копытные, их контуры образованы переходами выпукло-вогнутых линий, хотя иногда эта стилизация уступает место примитивизму — изломанный контур животного, нарушение анатомии и т. п. (Ghirshman 1939: pl. XCI, В: 1, 2, 8). Лошади часто имеют прямолинейные очертания корпуса (**рис. 1: 1; 2: А**; Ghirshman 1939: pl. XC: 1). Поскольку такое различие характерно для Греции, можно думать, что не столько стилизация была

¹ На некоторых фигурах (Арголида) изображены такие полосы, свисающие на одну сторону и без мечей (Courbin 1966: 144–147).

различна, сколько различны были преобладающие сюжеты (отсутствие в Сиялке В изображений колесниц).

Этот вывод подтверждается сходством отдельных деталей и приемов изображения животных в Сиялке В и в Греции, что часто создает впечатление общего сходства. В первую очередь это касается рисунка круп округлых очертаний, объемного по сравнению со всем корпусом животного. Это — резкое деление ног согласно анатомии на две части, место сочленения которых обозначено острым углом, хотя и здесь было возможно нарушение — подобное изображение ног могло быть перенесено на переднюю пару ног (Ghirshman 1939: pl. XCI, A: 4). Задние ноги показаны в одинаковой позиции. Нога, находящаяся на заднем плане, выставлена вперед, но ее очертание идентично другой: линии ног параллельны, одинакова линия изогнутых бедер, художник изобразил не движение, но позу покоя, в которой вторая нога и бедро в природе не видны, но художник изобразил и то, что не видно, но существует (**рис. 2: А**). Этот признак Коулдстрим отмечает как наиболее характерную черту для силуэтной техники Греции, которая позволяет сближать стиль рассмотренных изображений¹.

Описанный признак важен в стилистическом и хронологическом отношении. Сравнение изображений животных на расписных и металлических сосудах позволяет считать, что этот признак был свойственен именно рисунку на керамике. Для вазописи геометрического периода Греции он безусловно служит стилистическим и хронологическим показателем. Протокоринфские и коринфские изображения копытных и восточно-греческие изображения на керамике VII в. до н. э. имеют уже иную постановку ног идущих копытных (**рис. 2: С**). В Иране роспись на керамике Сиялка В уникальна, поэтому сравнения этого однородного материала в хронологическом аспекте невозможны. Единственным материалом для сравнения могла бы служить торевтика с изображениями копытных. Однако поза покоя на ней отсутствует, его заменила позиция шага.

¹ В Сиялке В имеется два изображения фантастических животных — единорога и крылатого быка, неизвестных еще в Греции VIII в. до н. э. Задние ноги этих животных в этом случае показаны в шаге и второе бедро уже не показано (Ghirshman 1939: pl. LXXX, LXXXIII).

Иранская торевтика была рассмотрена О. Мускареллой в связи с поисками прототипов для вазовой живописи восточно-греческого ориентализирующего стиля, так называемого «Wild Goat Style». В этой связи его интересовали «звериные» фризy, имевшие долгую жизнь в иранском искусстве (Muscarella 1972: 38, 44). По его мнению, адаптация этого иранского сюжета в вазописи восточной Греции VII в. до н. э. вполне вероятна (*ibid.*: 48; но, как отмечено, изображения «позы покоя» в иранской торевтике нет). Правда, Мускарелла неоправданно исключает урартские «звериные» фризy на щитах VIII в. до н. э. из возможного источника заимствования прототипа Восточной Грецией, которые не имеют принципиальных расхождений с иранскими фризями. Он идет дальше, полагая, что и греческие «звериные» фризy геометрического периода, которые известны уже на вазах Дипилонского мастера, могли предположительно происходить или быть адаптированными из определенных восточных культур (*ibid.*). Не вдаваясь в подробности дискуссии по поводу различий или сходства между стилями вазописи материковой и восточной Греции и общих или различных источников «звериных» стилей указанных районов, отметим важное в этой связи обстоятельство. Отличия «звериных» фризov геометрического периода от фризov восточной Греции VII в. и произведений коринфского стиля заключается, прежде всего, в разной постановке ног копытных животных: в VIII в. — это поза покоя с параллельными линиями задних ног, в VII в. — это всегда идущие копытные (помимо позы «летающего галопа», вздыбившихся или лежащих животных)¹. Одинаково расставленные передние и задние ноги идущих животных создают

¹ На греческих керамических фризях материковой и восточной Греции животные идут слева направо, на бронзовых сосудах восточных регионов наоборот. Бенсон, отрицая восточное заимствование этого сюжета, полагает, что «звериный» фриз материковой Греции является микенским наследием. Соответственно, и восточные греки, на керамике которых движение животных изображалось слева направо, заимствовали этот сюжет не с востока, а с запада, т. е. из материковой Греции (Muscarella, 1972: 48, note 72). Бенсон также замечает, что популярность «звериных» фризov была столь велика, что трудно определить размеры влияния других культур или результаты экспериментов вазописцев геометрического периода, имея в виду при этом уже фризy с водоплавающей птицей (Benson 1970: 70).

определенный ритм, что отличает произведения ориентализирующего стиля. И если в споре между О. Мускареллой и Дж. Бенсоном фигурирует такой признак как направление движения животных на фризах, то описанный признак, не отмеченный исследователями в этой связи, и который свидетельствует о различной манере изображения одного и того же сюжета на керамике и в торевтике, имеет важное значение¹. Он позволяет исключить влияние восточной торевтики на вазопись геометрического стиля, и без того достаточно спорное для этого времени. И лишь керамика VII в. и только восточной Греции свидетельствует об использовании одного типа изображения копытных как в вазописи, так и в торевтике. Изображения геометрического периода исключаются из сравнения еще и потому, что силуэтная техника не позволяла проработку деталей рисунка, столь разнообразных в торевтике и играющих большую роль в сопоставлении последней с росписью ориентализирующего стиля восточной Греции.

Итак, можно настаивать на том, что поза покоя служит важным датирующим признаком в вазописи второй половины VIII в. до н. э. и позволяет сопоставлять манеру изображения копытных на керамике Сиалка В и вазописи геометрического стиля Греции (**рис. 6**, см. ниже). Видимо, можно предполагать, что стиль изображений копытных находится в какой-то связи (влияние или родство?) с традицией их изображения на керамике именно греческой геометрического стиля, а не в торевтике². Вопрос о связи с фригийской керамикой будет рассмотрен ниже.

Хищные животные: в росписи на керамике Сиалка В имеется несколько различных изображений хищников/львов (Ghirshman

¹ Показательны в этом отношении известные золотые накладки с фигурами копытных и хищников из Афин. Одни исследователи, датируя их раньше работ Дипилонского мастера, считают их прототипами изображений на керамике; другие не видят причин датировать их раньше его работ, полагая их одновременность. Копытные изображены шагающими (Ohly 1953: pl. 15).

² Помимо отмеченных черт, сюда относятся такие общие детали как грива в виде отдельных коротких штрихов «ежиком», большой круглый глаз, изображенный резервом, иногда резерв повторяет форму головы (**рис. 6**). В Сиалке В есть несколько геральдических изображений, в том числе лошадей, сцепившихся передними ногами — сюжет, известный в Апролиде (Ghirshman 1939: pl. XIV, 2; Coldstream 1968: pl. 28, e).

Рис. 3. Хищные животные: **1** — колл. К. Трюнигера; **2** — колл. А. Годара; **3** — Аттика (колл. Лондон); **4** — Аттика (колл. Копенгаген); **5** — Аттика (Керамик); **6** — Беотия

1939: pl. LXXXVI, XCI, A: 3; idem. 1974/1977: taf. 26, 7, один из них из коллекции А. Годара, другой — из коллекции К. Трюнигера; **рис. 3: 1–2**). На сосуде из коллекции А. Годара нарисованы 2 льва, стоящих на задних лапах перед растением. Техника изображения смешанная: морда, круп и лапы обозначены силуэтом, остальное — параллельной штриховкой, штриховка на шее (грива) выделена. Тонкие лапы оканчиваются дугами, что, видимо, передает когтистую лапу зверя; маленькие сдвинутые ушки, S-видный хвост над спиной, оскаленная зубастая пасть с высушенным языком, кончик носа «пяточком» — эти детали отличают это изображение. Такой же нос «пяточком» имеется на керамическом фрагменте с изображением головы хищника с оскаленной пастью, но без языка, выполненным в силуэтной технике (Ghirshman 1939: pl. XCI, A: 3). Можно предположить некоторую устойчивость изображения этой детали львиной морды. Лев на сосуде

из коллекции К. Трюнигера выполнен в силуэтной технике, резервом выделены только беззубая раскрытая пасть без языка и большой глаз, передняя лапа поднята, когти изображены «гребенкой», хвост поднят над спиной и его кончик отогнут назад, изображено только одно ухо. На сосуде из коллекции А. Годара хищник не имеет сходства с реальным львом. На сосуде из коллекции Трюнигера он более узнаваем. Вероятно, моделью этим изображениям послужили различные источники.

В вазописи Греции этот сюжет был заимствован с востока. Если первое место среди изображений VIII в. до н. э. принадлежало коню, то в VII в. — льву (Dunbabin 1957: 46). Его часто изображают коринфские мастера. В первой половине VII в. до н. э. коринфяне использовали так называемый неохеттский тип льва, во второй половине этого века — ассирийский тип (Payne 1931: 67–68, fig. 13, 14)¹. Следует отметить, что в восточном Средиземноморье, в северной Сирии и Каппадокии, ассирийский тип льва использовался уже в первой половине VII в. до н. э., куда он попал в результате ассирийских завоеваний (Payne 1931: 67; Dunbabin 1957: 48). Отличием коринфских изображений VII в. до н. э. является безусловное сходство с хищниками кошачьего вида. Среди беотийских сосудов субгеометрического периода только львы на амфоре с «Артемидой» имеют отдаленное сходство с хищником кошачьей породы (Coldstream 1968: 208, pl. 45 d). Большинство же мастеров продолжают использовать тип зверя VIII в. до н. э., что свидетельствует, наряду с другими признаками, о некотором запаздывании Беотии в смене стилей.

Среди греческих изображений на сосудах второй половины VIII в. до н. э. имеются изображения львов, но они, как и сиалковские, далеки от реального вида зверя. Т. Данбэбин объяснял этот факт неосведомленностью греков об этом звере. Греки в это время плохо были знакомы с восточными изображениями львов, которые послужили им моделями для собственных изображений VII в. до н. э. (неохеттский, затем ассирийский типы). Этим объясняется и разнотипность греческих изображений VIII в. до н. э. В это время

¹ Неохеттский тип льва изображался без гривы, с квадратной головой и массивной грудью, ассирийский — более близок реальному зверю — с пышной гривой (Dunbabin 1957: 46–49). Э. Акургал выделил более мелкие стилистические признаки обоих типов (Akurgal 1971: 6).

львы являлись частью композиции: два льва терзают человека, лев терзает копытное животное, борьба человека и льва (**рис. 3: 3–6**; Dunbabin 1957: pl. I, II; Jacobsthal 1951: pl. XXXI: C (копенгагенский сосуд); Beazley 1951: pl. 1: 1 (лондонский сосуд); Kübler 1954: Taf. 69, 4923; субгеометрический период; Coldstream 1968: 207; в виде исключения встречаются вереницы львов: Tölle 1963: fig. 1–3). Борьба человека со львом, по всей видимости, воспроизведена на сосуде из коллекции Трюнигера (Сиялк В): на одной его стороне виден лев с поднятой лапой, на другой — человек со щитом и копьем (**рис. 3: 1**). Неясен сюжет на втором сиялковском сосуде: львы в геральдической позе перед растением (дерево жизни?), над которым вьется птица (**рис. 3: 2**). Разнотипность сиялковских львов соответствует их разнотипности в самой Греции VIII в. до н. э. Несмотря на это, как среди самих греческих изображений VIII в., так между ними и сиялковскими можно найти сходные приемы и детали изображения. Во-первых, все они непохожи на реально-го хищника кошачьего вида. Следствием этого явилось использование для его изображения конского корпуса (трипод из афинского Керамика и чайник из коллекции А. Годара, **рис. 3: 2, 5**); плохо зная строение когтистой лапы зверя, греки изображали ее или в виде копыта (Керамик), или копыта с дугой над ним (сосуд из Копенгагена, **рис. 3: 4**), реже «гребенкой» (лондонский сосуд, **рис. 3: 3**). На чайнике из коллекции А. Годара лапы оканчиваются дугой без копыта, на другом — «гребенкой» (**рис. 3: 2–1**). В VIII в. хвост за редким исключением поднят над спиной, иногда напоминая латинскую букву S¹. На коринфских сосудах он, как правило, поднят вверх, загибаясь дугой над спиной (Raune 1931: pl. I/6, pl. 3, 9–14, 16, 19, 20, 23–26). Пасть всегда оскалена, подчеркнута большой язык, на сиялковской керамике в одном случае он не показан. При профильном изображении головы показаны оба уха². Грива в некоторых случаях показана параллельной штриховкой (сосуды из коллекции А. Годара и Копенгагена (**рис. 3: 2, 4**).

¹ На трипode из Керамика хвост в одном случае изображен над спиной, а в другом опущен, видимо, из-за недостатка места — спина льва почти касается края ножки сосуда (**рис. 3: 5**).

² У льва на лондонском сосуде в публикации Дж. Бизли второе ухо не видно (**рис. 3: 3**). Только при увеличенном воспроизведении можно видеть полустершееся второе ухо (Robertson 1936–1937: 56–57, pl. XIX).

Сравнительный материал можно увеличить, если привлечь беотийские фибулы с гравированными изображениями. Сюжеты на фибулах чрезвычайно разнообразны, среди них имеются изображения хищников, которых считают львами. Прежде всего, нужно уточнить даты некоторых из них. Дело в том, что Коулдстрим удревнил группу беотийских сосудов, с которыми связываются эти фибулы. Речь идет о группе сосудов, которую Р. Хампе датировал около 700 гг., из семи сосудов этой группы Коулдстрим шесть отнес к позднегеометрическому периоду Беотии (Hampe 1936: S.23; Coldstream 1968: 203, 205). Соответственно, вероятно, удреваются и фибулы, относящиеся к этой группе сосудов (Hampe 1936: Taf. 7, 10, 12, 14, 17; Hampe, Simon 1981: 111). Беотийские фибулы оба автора в работе 1981 г. датировали концом VIII в. до н. э. Общие черты изображений львов в вазописи и на фибулах следующие: использование конского корпуса; «S»-видный хвост; сдвинутые ушки; окончания лап в виде дуг, гравировкой расчерченное туловище (**рис. 4**). Все детали отмечаются на сиалковском сосуде из коллекции А. Годара.

Важно еще раз подчеркнуть хронологические различия изображений львов VIII–VII вв. до н. э. В VII в. — строгое следование одному типу (Коринф). Натурализм изображений теперь исключает такие детали, которые были возможны в VIII в. до н. э. — корпус и ноги коня, окончание лап в виде дуг. Дугообразный хвост коринфских львов в VIII в. еще неизвестен. У протоаттических львов (750–675 гг.) хвост опускается между лапами; у беотийских львов спиралевидный хвост поднят над спиной или опущен и иногда сохраняет «S»-видную форму (Hampe 1936: Taf. 24/v, 49, 19/v, 39; Coldstream 1968: 208; Canciani 1965 (1966): abb. 17). В VII в. всегда строгая профильность — изображается только одно ухо. При первом же взгляде на любое из этих изображений не возникает сомнений относительно принадлежности зверя к хищникам кошачьей породы; некоторое отставание Беотии в этом смысле было уже отмечено выше. Отличает их и уровень мастерства; тщательность исполнения и виртуозность в проработке деталей, свобода позы и экспрессивность движения, тонкий художественный вкус — все это формирует вазопись Греции VII в., которая в дальнейшем станет основой знаменитого чернотелого стиля Греции.

Итак, чем же можно объяснить сходство изображений на греческой и сиалковской керамике? В Греции такие «фантастиче-

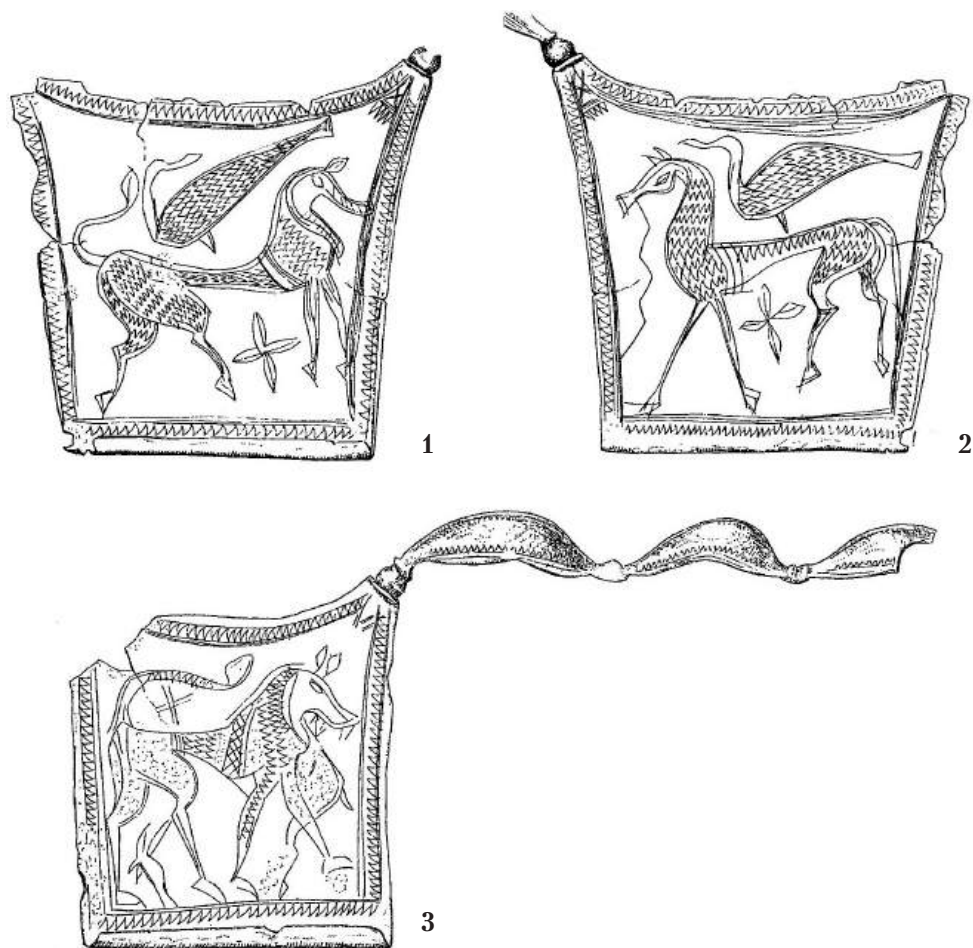

Рис. 4. Беотийские фибулы

ские» львы могли объясняться отсутствием знаний о реальном звере. Но в Иране? Ведь на многочисленных памятниках этой и более ранних эпох — от настенного рельефа до резного цилиндра — широко представлен вполне реальный образ льва. Логическими допущениями, основанными на сходстве типа льва на керамике Греции и Сиялка В, могут быть только два: 1) изобразительный репертуар керамики Сиялка не был связан с изобразительным репертуаром на других изделиях на территории Ирана и не обнаруживает с ними стилистического сходства, т. е. представляет самостоятельную для Древнего Ирана традицию; 2) эта традиция была не местной, а привнесенной извне. Рассмотренные

изображения: человек — конь — лев и их морфологическое сходство с греческими свидетельствами об очевидной связи с греческой традицией вазописи определенного периода.

Помимо силуэтной техники в Сиалке В использовалась и **смешанная техника**: резерв, штриховка, светлые пятна. Таким примером является разобранная выше фигура всадника, воин со щитом на чайнике из коллекции К. Трюнигера (**рис. 9**, см. ниже), а также львы и ряд других изображений. В этих случаях значительная часть в целом силуэтного корпуса заполнена штрихами, геометрическими фигурами (главным образом шея и передняя часть корпуса). У льва на чайнике из коллекции Трюнигера резервом обведена только пасть и глаз (**рис. 3: 1**).

Применение смешанной техники отмечено и для последних двух десятилетий ПГ периода Греции (Courbin 1966: 116–117, 177, 562, 564). Еще раньше была изобретена особая «ажурная» техника (ореп-work), которая использовалась исключительно для изображения птиц. Она занимает особое место в технике греческой вазописи и о ней будет специально сказано в связи с фригийской керамикой, в Иране эта техника неизвестна. В Греции смешанная техника хотя и отмечается как новое явление, но оно по сравнению с Сиалком выражено слабее¹. Однако в хронологическом отношении введение новой техники, расширяющей возможности изобразительности, которая была ограничена силуэтной техникой, накануне смены стилей очень показательно. Сухость, строгость и каноничность геометрического стиля не могли долго существовать. Недаром развитие канонов шло не по возрастающей, а по нисходящей; небрежность геометрики, нарушение

¹ Например, известный сосуд из Аргolidy с изображением обычного сюжета: лошадь, ведомая человеком за повод. Узда, нечто вроде седла на спине, плечо выделено на темном силуэте светлой обводкой контура фигуры и геометрическими фигурами внутри (сосуд датирован последним десятилетием VIII в.) (Courbin 1966: 110, 451–452, 564, pl. 44). Впечатление еще робких попыток выделить новыми средствами второстепенные детали рисунка. Однако в другом случае, на рассмотренном выше копенгагенском сосуде (**рис. 3: 4**) использование новой техники более определено: главный признак льва, его грива, показана косой штриховкой. И если в первом случае использование обводки не нарушает впечатление по-прежнему силуэтной фигуры, то во втором это уже синтез двух техник росписи.

метопной схемы и чисто силуэтного изображения, появление смешанной техники изображения фигур животных. В этой связи интересен живописный эксперимент на двух сосудах, которые П. Курбэн датирует двумя последними десятилетиями VIII в. до н. э. На тулове сосудов помещены в свободном пространстве фигуры коней с использованием смешанной техники. В одном случае лишь на горловине сосуда остались геометрические зоны. Заполняющий орнамент — рыбы — по существу играет самостоятельную роль (710–700: Courbin 1966: 563–564, pl. 8). На другом сосуде (720–710 гг.) тулово разделено горизонтальными линиями на две части. Свободное пространство вокруг коня заполнено большими и малыми геометрическими фигурами (ibid.: 562–563, pl. 74, С. 2463; **рис. 6: 11**). Налицо попытка вывести на простор сжатую геометрическими рамками фигуру животного. Недаром в следующую эпоху ориентализирующего стиля на первом плане будет сюжетное изображение — фигуры людей и животных. На керамике Сяллка В фигуры животных в большинстве случаев помещались в свободном пространстве, за исключением кубков, где они заключены в рамки метоп, и некоторых чайников, где все тулово заполнено зонами геометрических поясков.

Сопоставление силуэтного рисунка обоих стилей показало, что, помимо конкретных свидетельств одинаковой трактовки изображений, общим было и поступательное развитие силуэтной техники рисунка: поиски новых выразительных средств шли в одном направлении.

2. Метопная схема в Сяллке В представлена в орнаментике сосудов со сливами и кубков.

На кубках эта схема представлена без признаков нарушения греческой формулы вазописи; горизонтальные фризы разделены узкими триглифами на квадраты-метопы. В метопы помещены квадраты-ромбы, заполненные «шахматной доской», и силуэтные фигуры животных. В качестве триглифов используются спаренные вертикальные линии, узкие силуэтные треугольники и бантообразные вертикальные фигуры. Метопы с фигурами копытных разделены косой сеткой, оконтуренной силуэтной полосой. На кубках зона с метопами является главной, изображение в метопе акцентировано. Таким образом, структурное сходство орнаментики сялковских кубков с греческой ПГ I периода полное (**рис. 5**).

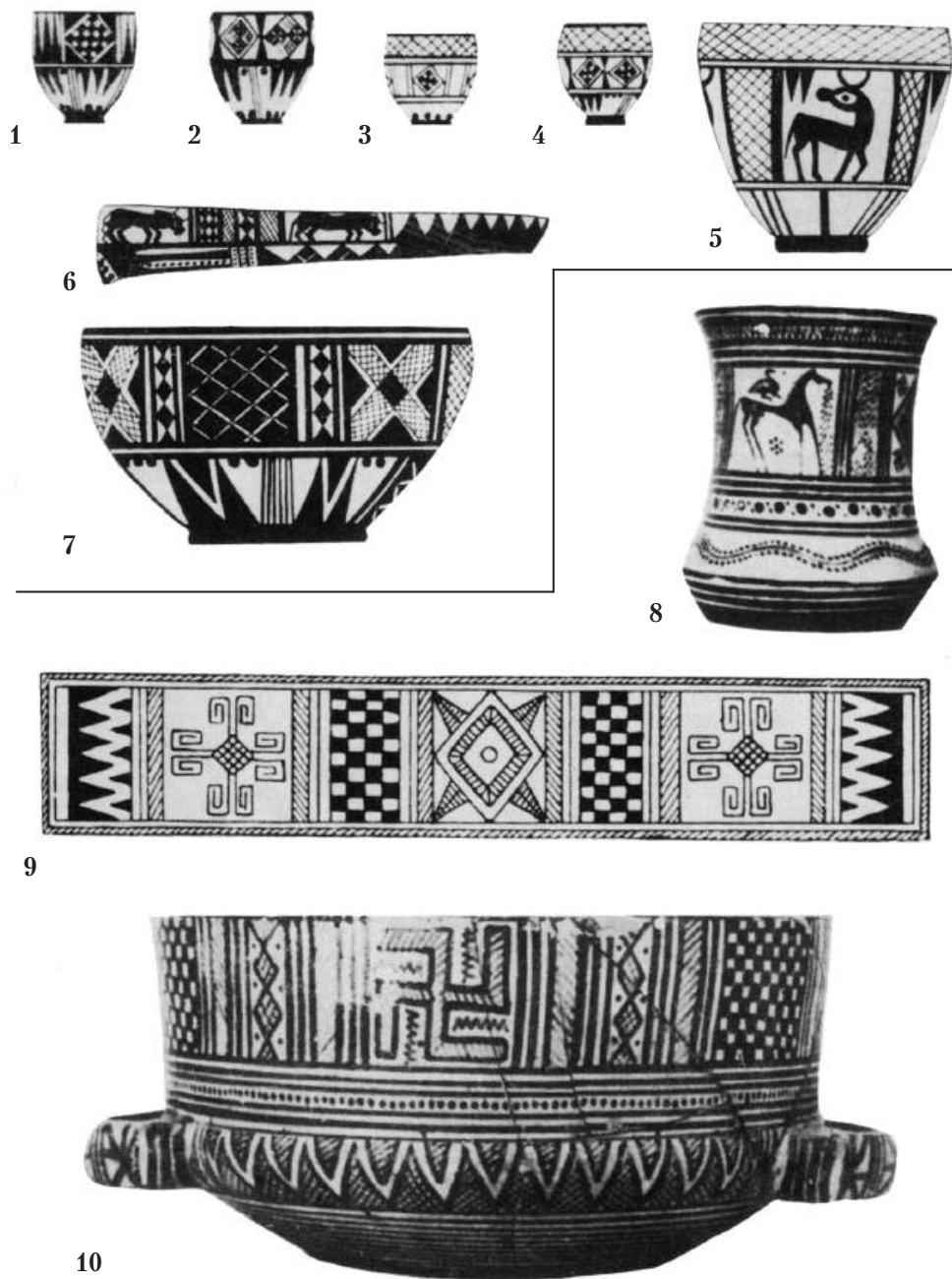

Рис. 5. Керамика, метопная схема.
 1–7 — Сиалк В; 8 — Греция Афины; 9–10 — Керамик

Рис. 6. Керамика, заполняющий орнамент.
1–8 — Сиалк В; 9–12 — Греция

В отличие от кубков, на которых орнамент располагался горизонтальными зонами, на сосудах со сливами эти зоны, сохраняя ту же структуру, помещены под другим углом, вокруг слива. Но и в этой позиции сохраняется важный принцип метопной схемы — зона с метопами главная. На чайниках она находится в основании «плюмажа», т. е. в самом широком месте сосуда (**рис. 6: 4**). Именно на чайниках можно увидеть нарушение схемы — квадрат-метопа и узкий триглиф. Как было отмечено, увеличение триглифа до размеров метопы привело к утрате главного акцента на изображение в метопе и в конечном счете к разрушению самой схемы в вазописи Греции в конце VIII в. до н. э. Примечательно, что в Сиалке В это нарушение наблюдается на тех же элементах орнамента, что и в Греции. Здесь на рубеже периодов ПГ I–II а «шахматная доска», первоначально использовавшаяся лишь в качестве центральной части узкого триглифа, увеличилась до размеров полной метопной панели (Coldstream 1968: 89; **рис. 5: 9–10**). Этот триглиф сочетается с четырехлистником в метопе. В Сиалке В четырехлистник геометриззован и превращен в косой крест, который и сочетается с «шахматной доской» (Ghirshman 1939: pl. LXXXI, LXXXVII, S.511; **рис. 5: 7**). То же самое происходит с триглифом в виде косой сетки: на кубках узкий триглиф (*ibid.*: pl. XV, 8; LXVII, S.707), на чайниках он увеличен и превращен в метопу (*ibid.*: pl. LXIV, S.859, S.870, S.871; LXXXVII, S.1677; **рис. 5: 5, 7**). Используются комбинированные триглифы, известные в Греции: в центре вертикальная цепочка ромбов, по краям косая сетка (Coldstream 1968: 89; Ghirshman 1939: pl. XC, S.734; **рис. 5: 6**). Это сочетание, кстати, используется в качестве заполняющего орнамента (см. ниже). В обширном греческом материале, по всей видимости, можно найти аналогии всем геометрическим элементам, использованным в Сиалке В в метопных зонах. Но сходство отдельных элементов геометрического орнамента само по себе не информативно. Использование геометрики в различных культурах неминуемо может породить сходство отдельных элементов. Более показательное использование одинаковых сочетаний, их применение в определенной системе и последовательности. В последние два десятилетия VIII в. до н. э., в период распада метопной системы, в Греции до размеров метопных панелей увеличиваются два вида триглифов: многократно повторенные вертикальные линии и «стопки»

горизонтальных зигзагов, они получают здесь широкое распространение (Coldstream 1968: 89). В Сиалке В таких элементов нет.

3. Заполняющий орнамент в Сиалке В представлен на расписных сосудах со сливом (типы 1а-б, 2 а, 3) и кубках (тип 7), т. е. на тех сосудах, на которых имеются фигурные изображения (**рис. 6: 3, 7, 8**), вслед за которыми и появился заполняющий орнамент. Но, как и в Греции, он может присутствовать и в тех случаях, когда сюжетные изображения отсутствуют, они изображены как бы по инерции, на тех же типах сосудов (**рис. 6: 1–2, 4–5**). Так, в Греции орнамент в виде свастики, розетки, двойной секиры, зигзага, диагональных крестиков и т. д. заполняет пространство в метопах вокруг центральной геометрической фигуры — четырехлистника, свастики и т. д. В Сиалке В заполняющий орнамент расположен таким же образом на кубках в классических метопах, геометрия которых наиболее близка греческой. Что касается чайников, то поскольку специфическая форма сосуда определила расположение геометрических зон в другом ракурсе, то и композиции фигур, помещенных в свободном пространстве, и заполняющего орнамента иные. Для того чтобы максимально связать фигуры и орнаментальные зоны, расположенные у слива, между ними помещены крупные геометрические элементы, взятые из зоны «плюмажа». Их расположение и назначение определяют структурное сходство греческого и сиалковского заполняющего орнамента. Для греческой стилистики подчеркивалось, что снижение контраста между резкими пятнами силуэтных фигур и дробным орнаментом геометрических панелей достигается в том случае, когда орнамент заимствуется из геометрических зон. В Сиалке этот момент особенно усилен (**рис. 6: 1–5**).

Прежде чем перейти к сравнению заполняющего орнамента на керамике обоих регионов, следует отметить, что большого сходства не приходится ожидать. И в самой Греции различные центры обладали своими излюбленными элементами геометрии, используемыми в этом качестве. Так, в Арголиде ими были диагональный крест, листовидный ромб, рыба, которые в других центрах не использовались. Но при этом были общие для всех центров фигуры: например, многолепестковые и точечные розетки, подвесные треугольники. Кроме того, нельзя, вероятно, исключить предположение, что если этот орнамент, находясь в непосредственной близости от изображений человека и животных,

нес символическую нагрузку, то естественно думать, что в разных культурах и символы были разные. Поскольку в Сиялке В в качестве заполняющего орнамента преобладали элементы, взятые из геометрических зон «плюмажа», и только два-три геометрических элемента использовались исключительно в этом качестве, а в Греции, наоборот, преобладали специфические фигуры, не используемые в геометрическом орнаменте панелей, то возможность совпадений невелика (**рис. 5, 6**)¹.

Заполняющим орнаментом, который не использовался в «плюмаже» на сосудах Сиялка (типы 1–3), служили круги с различным заполнением, точечные и лепестковые розетки, причем они есть и на сосудах, не имеющих фигурных изображений (Ghirshman 1939: pl. XV, 5, 1; тип 8 а–б; **рис. 6: 2, 3, 6**). Именно эти фигуры, как и подвесной треугольник, были самыми распространенными элементами заполняющего орнамента во всех центрах Греции второй половины VIII в. до н. э. Правда, точечные розетки, столь популярные в Аттике, Беотии и на Кикладах, в Сиялке В представлены только на одном фрагменте (*ibid.*: pl. XCI, 2; **рис. 6: 6**). Зато многочисленны силуэтные многолепестковые розетки небрежной формы. Круг с крестом, сектора которого иногда заполнены точками, в Аттике стал самостоятельным элементом геометрики, который помещался в центре на дне сосуда (Coldstream 1968: pl. 10, l), или на горловине сосуда в метопах (*ibid.*: pl. 11, a), а в Арголиде и Евбее этот элемент в качестве заполняющего орнамента обычно расположен возле головы лошади (Courbin 1966: pl. 48/C. 242; 72/C. 236; Coldstream 1968: pl. 28, e; 29, f; 30, c; 41, e). Интересно, что в Арголиде, где колесницы не изображались, этот знак, совпадающий с изображением колеса на аттических колесницах, изображался только возле лошади. В Евбее, правда, одно его изображение помещено между двух птиц. В Сиялке В круг с различным содержанием внутри (крест, центральная точка и т. д.) хотя и является заполняющим орнаментом, однако возле фигурных изображений не помещался (Ghirshman 1939: pl. XIII, 3; LXVII, S.706; LXIX, S.947; LXXXVIII, S.706; LXXXIX, S.1469). Правда, круг с крестом и точечным заполнением или без него помещался

¹ На рис. 6 представлены только полные совпадения греческого и сиялковского заполняющего орнамента. Сопоставление с рис. 5 обнаруживает, что этот орнамент образует и геометрические зоны.

на дне сосудов с фигурными изображениями. Силуэтная линия круга переходила со дна на боковую сторону поддона и была украшена по краю цепочкой силуэтных кружков. Последние, таким образом, находились уже возле лап или ног животных (*ibid.*: pl. LXXXI, C, pl. LXXXIII, E, pl. LXXXIV, D; XC, 9; XCI, A: 9, 11, 18, B: 10, 11; **рис. 3: 2, 6: 3**). Предполагать, что в Сиялке В круг с крестом на дне сосуда мог рассматриваться как символ колеса, нет оснований. В Аттике воспроизведение в центре силуэтного креста резервного квадрата обозначало ось колеса с четырьмя спицами (*Coldstream* 1968: pl. 11, c; **рис. 2: B**), на сиялковской керамике его нет. Следовательно, если в Греции такой круг мог быть символом колесницы, то в Сиялке В такое значение, очевидно, было утрачено.

Принципиально важным является одинаковое использование в греческой вазописи и в Сиялке В заполняющего орнамента в виде подвесного треугольника. Он широко использовался во всех центрах Греции. Совпадает, что самое важное, его расположение в метопах, к рамкам которых он «прикреплен». Обычно один или два треугольника «висят» над крупом животного. Различается только заполнение подвесных треугольников: в Сиялке В — только силуэтное, в Греции такие треугольники всегда заполнены косой сеткой (**рис. 6: 7–9, 12**). В росписи Сиялка В треугольники в орнаментальных композициях занимают большое место, в том числе и заштрихованные.

Можно указать еще ряд соответствий, но они могут быть случайными. Так, в Аттике в составе триглифов изображались цепочки ромбов, заполненных косой сеткой, аналогично использовались такие цепочки в Сиялке В (**рис. 5: 7, 10**). В «плюмаж» включались цепочки чередующихся силуэтных и заполненных косой сеткой ромбов (**рис. 6: 3, 5**). В качестве заполняющего орнамента одинаково использовался двойной квадрат с разным заполнением внутри (**рис. 6: 1–3, 5**).

4. Геометрический расписной орнамент украшает в Сиялке В 12 типов сосудов, не считая фигурных сосудов (тип 14) и одного горшка (тип 16) (**табл. 1А**). Внешнего сходства с греческой керамикой при беглом взгляде эта роспись не обнаруживает. Лишь в нескольких случаях, исключительных для керамики Сиялка В, когда вся поверхность сосуда расписана горизонтальными орнаментальными зонами, создается впечатление общего

сходства (Ghirshman 1939: pl. LXXX; idem. 1974/1977: Taf. 25: 5). Выше отмечалось, что развитие орнаментики греческой керамики шло по пути увеличения количества горизонтальных зон, которые все больше покрывали поверхность сосуда. К 760 г. до н. э. этот процесс закончился, но он затронул роспись не всех типов керамики. И в дальнейшем некоторые простые по форме и, вероятно, бытового назначения сосуды украшались просто, главным образом, в зоне венчика. В какой-то степени такое разделение прослеживается и в Сиялке В: чашки, чаши (не все), кувшины украшались сравнительно просто, тогда как кубки и чайники — наиболее пышно. Последние орнаментированы по тому же принципу, что и греческие сосуды, зонами геометрических панелей. Что касается конкретного сходства, то оно частичное, ибо наиболее характерные греческие элементы — меандры, свастика, бегущая спираль (редкий элемент), колонки зигзагов — в Сиялке В отсутствуют. К одинаковым элементам орнамента относятся треугольники, двойная секира, крест, «шахматная доска», цепочки ромбов, характерные для сосудов типов 4–5, «воротнички» из заштрихованных треугольников вершиной вниз. Выше отмечалось сходство некоторых геометрических фигур в метопно/триглифных фризах. Какая-то часть этих совпадений может быть случайной. Но именно одинаковый системный подход к использованию определенного набора элементов орнамента и сюжетных изображений могут в целом свидетельствовать о близости изобразительных традиций в Греции и Иране в определенный период.

Проведенное сопоставление керамической росписи Сиялка В и греческой вазописи второй половины VIII в. до н. э. подтвердило не только ее структурное единство, но и выявило такие второстепенные на первый взгляд детали, которые свидетельствуют о традиционном подходе к изобразительности как сюжетной, так и орнаментальной. Так, а не иначе, было принято изображать человека, копытное животное, льва; так, а не иначе, было принято группировать геометрические элементы. Рассмотренный подход к изобразительности в вазописи сложился в Греции, и именно в Аттике, о чем свидетельствует все развитие геометрического стиля IX–VIII вв. до н. э. В Иране ничто не предшествует стилю росписи Сиялка В, если не считать изображения на фризах на керамике из Годин тепе, слой Post-III: 2, датируемого серединой

II тыс. до н. э. (Henrickson 1987: 57–58, fig. 27). Но оба стиля разделяет промежуток времени не менее 700 лет, причем в самом Годин тепе в конце II тыс. (Годин III: 1) подобная роспись уже не использовалась (*ibid.*: 59, figs. 31, 32).

Итак, формула аттической вазописи геометрического периода сложилась в своем окончательном виде к 760 г. до н. э. и просуществовала относительно недолго, до конца VIII в. до н. э. В этот промежуток времени влияние Атики было наиболее сильным, и поэтому возможно ожидать распространения этой формулы далеко за пределы Греции. Для этого в самой Греции середины VIII в. создаются благоприятные условия. В первую очередь нарушилась эгейская изоляция, длившаяся весь так называемый период «Dark Age». Греция активно вступает в контакт с внешним миром: уже в конце IX в. до н. э. греческие купцы осваивают левантийское побережье, а в середине VIII в. основывают колонии на западе. В области культуры в качестве важных перемен Дж. Коулдстрим называет отмену табу на фигурные изображения и появление письма (Coldstream 1968: 357). Поэтому еще раз важно подчеркнуть, что силуэтный фигурный стиль не мог появиться за пределами Греции до середины VIII в. и его влияние могло осуществляться лишь в пределах второй половины VIII в. до н. э. Любопытно, что из всех четырех элементов геометрического стиля, силуэтные изображения получили наименьшее распространение в других керамических центрах Греции. Может быть, табу, действовавшее так долго в предшествующий период, трудно было преодолеть, и нужен был гений Дипилонского мастера, чтобы многое преодолеть и создать новое.

Геометрический стиль на рубеже VIII–VII в. до н. э. сменился ориентализирующим стилем, который явился полной ему противоположностью. Точное их различие определено Б. Р. Виппером «...за мерным, последовательным ритмом геометрического стиля следует беспокойное, драматическое напряжение „ориентализирующего“ стиля» (Виппер 1972: 71; **рис. 2: С**). И если в некоторых районах материковой Греции, оставшихся незатронутыми новым стилем, продолжается использование геометрического (субгеометрического) стиля, то говорить о его влиянии в этот период уже не приходится. Тем более, что с начала VII в. до н. э. эволюция искусства восточной Греции отделяется от основных центров материковой Греции (Amandry 1968: 90).

Все сказанное позволяет с достаточной убедительностью определить период возникновения и существования расписного стиля Сялка В — второй половиной VIII в. до н. э.

Имеются ли другие свидетельства заимствования аттической формулы вазописи в зоне доказанных контактов Греции VIII в. до н. э.? Известно, что наиболее продуктивными были контакты Греции с восточным миром, в частности с Анатолией. Существует много свидетельств связей между ними. Самым дискуссионным в этой области остается вопрос о степени близости фригийской и греческой культур и о причинах этой близости. Решающее значение здесь имеет выяснение причин сходства расписной керамики Греции и Фригии VIII в. до н. э. Вопрос поставлен давно, на основе существующего сходства керамики синхронизируются обе культуры. Но тем не менее, такой знаток греческой керамики, как Коулдстрим, полагал, что нет возможности связать раннефригийскую керамику с керамикой какой-либо из греческих школ (Coldstream 1968: 378–379). Действительно, абсолютно идентичной росписи нет. Но, видимо, здесь следует определить подход к возможности таких сопоставлений. Если рассматривать греческую керамику как феномен, существовавший в определенную эпоху, которая характеризовалась одинаковым подходом к изобразительности на керамике, что выразилось в формуле, состоящей из нескольких обязательных элементов, то можно будет пытаться найти общее в структуре росписи, в деталях каждого элемента, даже при общем стилистическом различии. Таким образом, возможности для сравнения значительно увеличиваются. Такое сопоставление с сялковской вазописью было сделано, обратимся теперь к фригийской керамике.

§ 4. РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ФРИГИИ

Э. Акургал выделил несколько фаз в развитии фригийской культуры, каждая из которых характеризуется особым стилем росписи керамики (Akurgal 1955: табл. на с. 133). К рассматриваемой теме относятся две ранние фазы, и, соответственно, два стиля росписи: раннефригийский и первая фаза развитого фригийского стиля. Оба они включают переходный стиль в росписи сосудов (*ibid.*: табл. на с. 129). Несмотря на то, что оба стиля

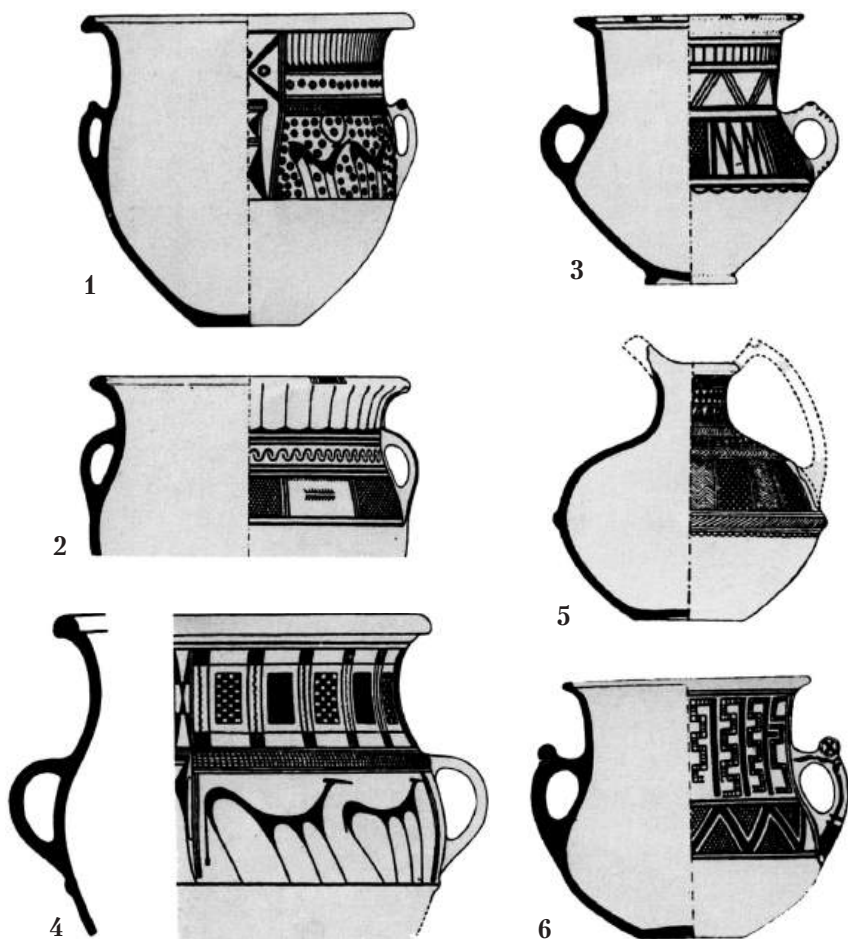

Рис. 7. Керамика, Фригия.

1–3 — раннефригийский стиль; 4, 6 — переходный стиль; 5 — развитой стиль

существовали сравнительно недолго, около 50 лет, они четко различаются между собой.

I. Раннефригийский стиль. Согласно Э. Акургалу, этот период (Алишар IV) вместе с переходным датируется 775–725 гг. до н. э. (ibid.: 39, abb. 1–14; рис. 7: 1–3).

1. *Силуэтный стиль*: так изображались только копытные рогатые животные, рисунок предельно схематизирован. Общими чертами изображения копытного является поза покоя, все четыре ноги изображены параллельными линиями, бедро задней «невидимой» ноги также показано (рис. 7: 1). Вереницы животных помещены в широкой орнаментальной зоне, расположенной между

основанием горловины и линией наибольшего расширения тулова. Эта зона — главная, ниже нее росписи нет. Вереницы копытных животных часто изображались на греческой керамике второй половины VIII в. до н. э.

2. *Геометрический орнамент* расположен горизонтальными поясами только в верхней половине сосуда, что может свидетельствовать о некотором запаздывании (или своеобразии) процесса заполнения орнаментальными зонами всей поверхности сосуда. В Греции этот процесс закончился к 760 г. На горловине сосуда расположены широкие орнаментальные пояса, состоящие из горизонтальных и вертикальных цепочек силуэтных ромбов, которые иногда чередуются с ромбами, заштрихованными кривой сеткой, цепочек зигзагов, треугольников. Треугольники, как и греческие, заполнены кривой сеткой или заливкой, и оконтурены широкой полосой. Можно привести пример принципиального сходства в использовании таких треугольников на сосуде из Афин (главная зона с женскими фигурами сверху оконтурена рядом таких треугольников: Coldstream 1968: pl. 11, f). Характерными для раннефригийской керамики являются «пламевидные» треугольники. Вершины их настолько были вытянуты, что превратились в линию. Такие треугольники, хотя и не со столь удлиненными вершинами, оконтуривают геометрические пояски на аттической керамике СГ периода и начального этапа ПГ периода (ibid.: pl. 4, a; 5, f, g, 9, b; Dunbabin 1957: pl. 1, 2). Среди фригийской орнаментики встречается разорванная спираль, состоящая из отдельных звеньев, не соединенных ядром (**рис. 7: 2**). Такая спираль изредка встречается в Греции, хотя для росписи последней более характерна соединенная спираль (Coldstream 1968: pl. 41, f; дата этого сосуда 750–690 гг.).

3. *Метопно-триглифная схема* представлена слабо, однако нельзя говорить и о полном ее отсутствии. На заключительном этапе раннефригийского стиля эта схема определенно засвидетельствована на ряде сосудов из Алишара (Akurgal 1955: abb. 11, 12, 14; **рис. 7: 2–3**). В качестве триглифов использована такая же косая сетка, что и в Греции, сами же метопы заполнены невыразительным орнаментом: зигзаги и елочка.

4. *Заполняющий орнамент* представлен лишь одним элементом: концентрическим кругом. Но свою функцию он выполняет полностью — все пространство вокруг животных буквально

забито этими кругами. Такой орнамент изредка встречается на греческой керамике (Coldstream 1968: 379; **рис. 7: 1**).

II. Переходный стиль расписной фригийской керамики (750–725 гг. до н. э. по Акургалу; **рис. 7: 4, 6**) стилистически и структурно тесно связан с предшествующим этапом в развитии расписной керамики Фригии. Изображения животных, выполненных в силуэтной технике, развиваются в сторону еще большей стилизации. Заполняющий орнамент по-прежнему только в виде концентрических кругов. Правда, теперь он применяется не всегда, изображения животных в таком случае находятся в пустом пространстве (**рис. 7: 4**). Структура метопной системы становится более отчетливой, но иногда пояс с метопами перенесен на горловину сосуда (Akurgal 1955: abb. 15, 17; **рис. 7: 4**). В переходный период влияние греческой геометрики прослеживается на конкретных примерах. В частности, очевидно сходство вертикальных прямоугольных зигзагов, которые Э. Акургал назвал меандрами. На первый взгляд форма, вертикальное расположение и место на горловине сосудов свидетельствует об очевидном знакомстве фригийских мастеров с греческими образцами (**рис. 7: 6**). Э. Акургал назвал меандр великим греческим изобретением, который ниоткуда не мог попасть во Фригию, кроме как из Греции (*ibid.*: 37–38). Но следует отметить, что схема греческого меандра гораздо сложнее и разнообразнее фригийского. Что, впрочем, подтверждает заключение Э. Акургала о том, что фригийские керамисты не импортировали греческие образцы, они были только «вдохновлены» ими и их произведения отличаются оригинальностью (Akurgal 1965: 470).

III. Развитой фригийский стиль (фаза I — 730–676 гг. до н. э.). Эта фаза отличается от раннего фригийского стиля по принципу декорации (Akurgal 1955: 10; **рис. 7: 5**). Однако в полной мере это утверждение применимо только к одной разновидности росписи керамики развитого стиля из Гордиона, с так называемым «текстильным орнаментом». Этот орнамент, мелкий и дробный, без выделенных главных зон, что было определяющим в греческой вазописи, заполняет всю поверхность сосуда (**рис. 8**). Однако часть керамики, например, из Гордиона продолжает украшаться горизонтальными геометрическими зонами, которые по-прежнему заполняют только верхнюю часть сосуда. Но и в этой росписи прослеживается дальнейшее изменение стиля, отличающее его от предшествующего (**рис. 7: 5**).

1. *Силуэтные изображения животных* на этом этапе исчезают. На ряде сосудов с «текстильным» орнаментом из Гордиона появляются изображения птиц и козлов, выполненные в новой «ажурной» технике (open work). Они выполнены контурным рисунком с точечным и штрихованным заполнением внутри. Эти изображения, заполненные тем же орнаментом, что и окружает их, почти сливаются с ним и сами по существу являются тем же орнаментом (**рис. 8**). Появление контурного рисунка в вазописи Фригии с особой очевидностью подтверждает ее связи с греческой вазописью. Именно для изображения птиц в греческой вазописи была специально изобретена «ажурная» манера рисунка, которая получила наибольшее распространение в вазописи Коринфа. И хотя силуэтные фигуры птиц встречаются на всех этапах геометрического стиля, в целом они редки. Дж. Бенсон, следуя своей концепции о сложении сюжетной изобразительности геометрического стиля на основе минойско-микенского искусства, полагал, что элементы «ажурной» техники использовались при изображении птиц, которые всегда выделялись среди других изображений, уже в эпоху бронзы. Поскольку рисунок птицы не соответствовал ее оперению (а нужно сказать, что при всей степени стилизации изображений, греки, тем не менее, правдиво передавали натуру животного) и был подчеркнут декоративен, Бенсон объясняет применение этой техники тем, что рисунки птиц несли декоративную нагрузку, являясь «оживляющим штрихом» в несколько мрачном и сером мире силуэтных коней, козлов, львов, воинов и покойников (Benson 1970: 70–72). Более обстоятельных и конкретных объяснений — почему из всех изображений только птицы были выделены таким специальным образом (и уже в микенскую эпоху) Бенсон не дает. Но при общем сходстве схемы и манеры изображения птицы, различия между греческими и фригийскими изображениями есть. Если греки изображали водоплавающую птицу (ibid.: pl. XXIV–XXV), то фригийцы предпочитали хищных птиц — ястребов, и, соответственно, была иная посадка корпуса птицы (Akurgal 1955: Taf. 19, 20, 22).

Фригийцы, как можно видеть, пошли дальше и, чтобы не нарушать художественного единства росписи на одном сосуде, изображения животных тоже перевели в ажурную технику наравне с птицами. Но такое единство сюжета и орнамента относится только к «текстильной росписи». В росписи горизонтальными

Рис. 8. Керамика, «текстильный» стиль, Гордион

геометрическими зонами, которые сохраняют связь с вазописью предшествующего времени, сюжетных изображений больше нет.

2. *Заполняющий орнамент* закономерно исчезает с исчезновением силуэтных изображений. В нем нет прежней необходимости. Однако возле птиц, выполненных в «ажурной» технике, изредка использовался заполняющий орнамент в виде тех же концентрических кругов. Использование здесь этого орнамента даже оппоненты Акургала признают в качестве связующего звена (единственного с их точки зрения) между керамикой Алишара IV и развитого стиля Гордиона, подтверждая тем самым фригийскую атрибуцию керамики Алишара IV (Akurgal 1955: Taf. 19, 22; Mellink 1957: 394). В одном случае над спиной птицы изображен подвесной треугольник, что, по всей видимости, является реминисценцией таких треугольников на рамке метопы, используемых в греческой вазописи этого времени (Akurgal 1955: Taf. 14 a, 20 a; **рис. 8**).

3. *Геометрический орнамент*: концентрические круги, использовавшиеся в предшествующее время в качестве заполняющего

орнамента, не исчезают, и начинают использоваться в качестве самостоятельного орнамента в центральном поясе метоп (Akurgal 1955: Taf. 15). Цепочки таких кругов ограничивают снизу центральный метопный пояс (ibid.: Taf. 15,16; такое использование этого орнамента известно и в Греции: Taf. D, 1, 2). Пламевидные треугольники, которые украшали горловины сосудов раннефригийского стиля, изредка и теперь украшают горловины, но в большинстве случаев перемещаются на центральную зону сосудов (ibid.: Taf. 10, 13). В этот период нижняя половина тулова начинает украшаться вертикальными «языками», заполненными кривой сеткой (ibid.: abb. 27–28, 30). Этот орнамент имитирует «гофрировку», использовавшуюся на металлических сосудах¹. Впервые попытка перевести «гофрировку» с металлических сосудов на керамические была сделана в Греции в период СГ-I. В позднегеометрический период реальные желобки заменились на керамике их имитацией в виде «языков», хотя в Греции этого времени изредка встречаются на керамике и настоящие «гофры» (Coldstream 1968: 18, 50–51); реальные каннелюры есть на керамике Сиалка В (Ghirshman 1939: pl. XV, 1, 2; XVII, 10). Бенсон, однако считал, что они возникли независимо. По его мнению, фригийские «языки», заполненные пестрым орнаментом и дополненные некоторыми живописными эффектами, по сути своей противоречат аттической уравновешенности (Benson 1970: 133, note 60). Однако на это можно возразить все тем же доводом, что фригийцы не копировали аттические образцы, а, заимствовав форму, принцип изображения и т. п., уже по-своему развивали эти заимствования.

Не останавливаясь на детальном анализе всех элементов фригийской геометрии этого периода, перечислю лишь те, что совпадают с греческим: меандр вертикальный и горизонтальный, «шахматная доска» (в качестве триглифов и самостоятельных больших панелей), косая сетка с точками или квадратами внутри каждой ячейки, цепочки ромбов, косая сетка (в том числе и в качестве триглифов), колонки зигзагов. Но при этом нет некоторых распространенных в Греции мотивов; свастики, четырехлистника,

¹ Этот прием на металлических сосудах («gadgroon») является обратным каннелированию сосудов и представляет собой широкие желобки, разделенные узкими «ребрами».

розеток, больших кругов, сплошной бегущей спирали (сопоставление некоторых орнаментов см.: Venson 1970: 133, note 60).

4. *Метопно-триглифная схема* на раннем этапе развитого фригийского стиля вазописи продолжает использоваться, но в ней уже со всей очевидностью проступают черты распада, характерные и для греческой вазописи последней четверти VIII в. до н. э. Триглифы увеличились до размеров метопной панели, что уничтожило первоначально задуманный акцент на изображениях в метопах. На греческой керамике первыми увеличились триглифы в виде шахматной доски (при переходе от ПГ–I к ПГ, IIА), потом в виде диагональных штрихов, и в 720–710 гг. — в виде М-образных колонок, разросшихся до стопок зигзагов. В этой связи показателен сосуд из Алишара (датируется 730–700 гг. до н. э.), на котором одинаковые по размерам метопы, разделенные вертикальными линиями, заполнены «шахматной доской» и стопками зигзагов (Akurgal 1955: abb. 29; **рис. 7: 5**).

Своеобразным вариантом развития метопно/триглифной схемы можно считать некоторые изображения на сосудах с «текстильным» орнаментом. Поверхность тулова крестообразно разделена широкими орнаментальными полосами. Каждая панель, разделенная таким крестом, состоит из четырех метоп, куда помещены изображения козлов и птиц, выполненных в «ажурной» технике (Akurgal 1955: Taf. 14, 16, 20 b; **рис. 8**). Вероятно, нельзя исключить возможность влияния греческих прототипов такой схемы — деление панелей на четыре части. Так, на горловине аттических сосудов периода ПГ наблюдается деление панели между двумя ручками на четыре части. Этот прием известен и для предшествующего времени (Coldstream 1968: pl. 11a, 5 c). Возможно, это результат переосмысления арголидской схемы — свастика с изображениями внутри нее (ibid.: pl. 26, 27, e; Courbin 1966: pl. 104). Как бы то ни было, фригийские мастера практически неузнаваемо переделали греческий прототип четырехчастной схемы деления панели, сделав ее своеобразным признаком фригийской вазописи.

Сопоставление фригийской росписи с греческой показало, что на всех этапах своего развития она обладала структурным сходством с вазописью позднегеометрического периода. Непременным условием этой росписи было использование всех четырех элементов аттической формулы вазописи. При этом отмечено достаточно свободное использование некоторых элементов формулы

вазописи (замена силуэтных изображений ажурными). В целом каждый элемент росписи показывает, что, при сходстве отдельных деталей, фригийская расписная керамика является оригинальным созданием иной, отличной от греческой, культуры.

Имеется много конкретных свидетельств связей между Анатolieй и Грецией во второй половине VIII в. до н. э. Но вопрос о степени близости фригийской и греческой культур и причинах этой близости остается дискуссионным. Считается признанным, что фригийцы опередили греков в нескольких аспектах материальной культуры: главным образом в архитектуре и в производстве бронзовых изделий. Последние имели широкую циркуляцию в восточном мире и достигали материковой Греции, ее главных святилищ. Свидетельством существования сухопутных торговых путей через всю Анатолию до греческих городов на западном побережье Малой Азии служат урартские вещи и, вероятно, их имитации, сделанные во Фригии, в Гордионе. Условия для действия этой дороги были особенно благоприятны во второй половине VIII в. до н. э., когда Фригия и Урарту были мощными государствами, объединившимися против временно ослабленной Ассирии. Спорным остается характер и направление взаимосвязей между греческим миром и Фригией в целом. Т. Данбэбин считал, что когда греки вступили в контакты, в частности, с фригийцами, влияние греческой культуры здесь было уже сильнее. В этом русле проведено и все исследование Э. Акургала, показавшего, что фригийская культура, находившаяся под сильным воздействием искусства материковой Греции, не могла оказывать серьезного обратного влияния. Напротив, Р. Янг, О. Мускарелла, Р. Барнетт, П. Амандри и др. на обширном материале показали обратную картину.

Р. Янг, учитывая распространение фригийских бронз в греческом мире, считал, что поток предметов и идей в VIII в. до н. э. шел из Фригии на запад скорее, чем наоборот. Параллельные данные, по его мнению, дают резная кость и керамическое производство. Очевидные греческие вещи известны во Фригии только в VII в., соответственно, Р. Янг определял и направление «потока» идей в VII в. с запада на восток (Young 1965: 484). На этой базе строится его главный вывод: фригийцы не могли заимствовать алфавит от греков западного побережья Малой Азии, поскольку в это время направление влияния было в обратном направлении (*ibid.*: 485). Следует отметить, что О. Мускарелла все-таки

считал возможным и западное влияние в VIII в. до н. э. Тогда Фригия определенно извлекала пользу из культурных контактов с Грецией: так, по его мнению, прототипами фригийских фибул типа XII, 7a были беотийские фибулы (Muscarella 1967: 60). Амандри как-то заметил, что, если греки и ценили бронзовые изделия, сделанные фригийскими мастерами, из этого факта не нужно извлекать больше сведений, чем в нем заключено. Иными словами, распространение готовых изделий — это свидетельство культурно-экономических связей, но не культурного влияния (спорное положение. — *И. М.*).

Под этим углом зрения рассмотрим некоторые дискуссионные вопросы о сходстве фригийской и греческой расписной керамики. Как утверждает Дж. Коулдстрим, фригийская керамика в эгейском мире не найдена. Нет свидетельств и импорта греческой керамики до начала VII в. до н. э. В Гордионе найдены фрагменты только шести греческих сосудов, датируемых около 700 г. до н. э. (DeVries 1980: 33). Оба эти факта свидетельствуют, по мнению Коулдстрима, о независимом развитии расписной керамики обоих регионов (Coldstream 1968: 378)¹. Он признавал неубедительными параллели между керамикой Алишара IV (раннефригийский стиль) и Аттики ПГ периода. Важным аргументом, который он привел против керамических параллелей Акургала,

¹ Самые ранние греческие сосуды, найденные во Фригии — это родоские «bird-bowl» (690–675 гг.). Здесь уместно напомнить о черепках с росписью в стиле Алишар IV, найденных на о. Самос. Э. Акургал использовал их сходство как свидетельство о влиянии греческого искусства на фригийское (Akurgal 1955: 33, Taf. II–I). М. Меллинк не согласилась с ним, считая их имитацией фригийской керамики на том основании, что их нет в Греции, а на самом Самосе они малочисленны (Mellink 1957: 392–395). Но в таком случае их надо рассматривать как свидетельство влияния фригийской керамики или непосредственно ее импорта? В остальном Меллинк сторонник прямых аналогий, отсутствие внешнего сходства между росписью Фригии и Греции делает для нее выводы Акургала неубедительными. Дж. Коулдстрим возражает им обоим, поскольку, по его мнению, эти черепки вообще не имеют отношения к Фригии. Несколько противоречив в своих суждениях по этому вопросу О. Мускарелла. С одной стороны, он считает не очень убедительными аргументы Акургала в пользу влияния греческой керамики на стиль Алишара IV, с другой — признает это влияние (Muscarella 1967: 60–62, здесь же литература по дискуссии).

служит хронологическое несоответствие: в свете стратиграфических данных из Богазгёя, хронология последнего может быть понижена до IX в. до н. э. В таком случае, если помещать начало стиля Алишар IV до 800 г., изображения животных не могут базироваться на греческой силуэтной технике.

Для Коулдстрима бóльшее значение имеет отсутствие прямых аналогий между керамикой Алишара IV и Аттики. Убедительными для него становятся лишь очевидные связи развитого фригийского стиля с греческой вазописью, когда налицо совпадения отдельных геометрических композиций и сюжетов (Coldstream 1968: 379, note). Таким образом, сторонники прямых аналогий все-таки признают определенные греческие заимствования во фригийском контексте, хотя бы в период развитого фригийского стиля. Но ведь никто полностью не отрицает преемственность раннефригийского стиля со стилем предшествующего периода (см. выше).

Другие исследователи, в частности Дж. Бенсон, полагали, что влияние аттической геометрики было столь сильным и оказало влияние на столь обширную зону эгейского мира, что не могло не оставить след в соседних культурах. Именно ему принадлежит удачная формулировка, используемая в данной работе: принципы построения росписи геометрического стиля он назвал «аттической художественной формулой». Ярким культурным феноменом VIII в. до н. э. явилось распространение этой формулы за пределы эгейского мира, и именно в Малую Азию, во Фригию (Benson 1970: 16–17). Несформулированное понимание этого феномена можно найти и у других исследователей: Э. Акургал искал не только прямые аналогии, но и сходство принципов построения росписи (использование метопной системы, силуэтной техники). Отвечая на возражение П. Амандри, отметившего, что концентрические круги, помимо фригийской керамики, широко распространены не только на греческих сосудах, но еще на пластинках и фигурках из бронзы в Иране, на Кавказе и в Македонии, Акургал подчеркнул, что он говорил не о кругах как таковых, но о манере, в которой они располагались на поверхности сосуда (Amandry 1965: 486; Akurgal 1965: 489). Очевидно, что он имел в виду использование кругов в качестве заполняющего орнамента. Следовательно, можно говорить не об импорте керамики или о непосредственном ее влиянии (т. е. копировании, подражании ей в местных условиях), а о распространении принципа,

сформулированного подхода к изобразительности, что в данном случае было обусловлено и одними хронологическими рамками.

Приведенные доказательства участников дискуссии 1963 г. о характере взаимосвязей фригийской и греческой культур позволяют заметить, что сторонники противоположных точек зрения пользовались неравнозначным материалом. Для сторонников фригийского влияния в VIII в. до н. э. доказательством служило распространение в греческом мире фригийских бронз (через фригийское посредничество на запад проникали и урартские вещи). Сторонники греческого влияния требуют доказательств именно влияния, а не просто наличия греческого импорта¹. Действительно, о чем свидетельствуют находки фригийских бронз? В первую очередь о культурных связях, но еще не о влиянии. А тот факт, что многие из них найдены в греческих святилищах? Видимо, свидетельствует о том, что фригийцы верили в силу греческих святилищ и посылали туда свои дары. Вряд ли в этом случае можно говорить о фригийском влиянии. А серьезных доказательств в пользу греческого производства в VIII в. до н. э. вещей по фригийским образцам исследователями не приводится. Заимствования же в интеллектуальной сфере (мифы, художественные образы, даже культы малоазийских греков VIII в. как будто бы носят следы восточных заимствований и через них проникают в материковую Грецию) происходили на другом уровне, несопоставимом с уровнем материальной культуры. Другое дело, когда на коринфской и родосско-ионийской керамике VII в. до н. э. появляются детали, имитирующие детали фригийских бронзовых сосудов (Копейкина 1975: 110). Сейчас уже накопилось много фактов, говорящих в пользу того, что на раннем этапе формирования ориентализирующего стиля фригийская вазопись была одним из компонентов, оказавшим влияние на греческую вазопись (там же).

Сопоставление фригийской и греческой вазописи геометрического стиля VIII в. до н. э. доказывает, напротив, глубокое влияние аттической школы вазописи геометрического периода. В целом этот факт следует рассматривать как аргумент в пользу

¹ Р. Янг, сторонник фригийского влияния на Грецию, считал, что находки фригийских бронз и кости, которые являются свидетельствами раннего влияния в Греции, не уравниваются греческими вещами во Фригии до VII в. до н. э. (Young 1965: 484).

более сильного греческого влияния в сфере материальной культуры. Правда, этот аргумент может иметь силу лишь при условии того, что не будет доказана общность происхождения фригийской и греческой вазописи.

Вопрос об этом поставил Т. Данбэбин, а позднее П. Амандри. Данбэбин находил параллели в истории обоих народов, заключенной в одни хронологические рамки. Отмечая определенную степень близости между геометрическими стилями вазописи раннежелезного века, распространенными от Италии до Сирии, и порожденную определенным «складом ума» (восприятием мира) в эпоху раннего железа, он, тем не менее, считал связи непосредственно между геометрическим стилем Греции и восточными геометрическими стилями слабыми и объяснял их только общим происхождением (Dunbabin 1957: 64–66). Амандри определял границы геометрического *koine*, имевшие локальные варианты в конце II — начале I тыс. до н. э., от Дуная и Ирана и Кавказа вплоть до Сирии¹. Вопрос о происхождении геометрического стиля в самой Греции остается дискуссионным. Был ли он действительно принесен в Грецию дорийскими племенами, или является исконным местным стилем? Как отмечено выше, если Дж. Коулдстрим настаивал на том, что фигурные сцены на аттической керамике не имеют связей с микенским искусством и не были заимствованы с Востока, то Бенсон настаивает на их местном происхождении и на тесных связях с минойско-микенским искусством. Мнения двух последних исследователей, а также мнения Данбэбина и Амандри — это крайние точки зрения на проблему генезиса геометрического стиля Греции. Объективным моментом, как представляется, является то обстоятельство, что наивысший расцвет и по существу создание четырех элементов формулы геометрической вазописи связано с Атикой — областью, не затронутой дорийским нашествием.

Однако, как бы ни решалась проблема генезиса геометрического стиля Греции, можно с уверенностью считать, что в VIII в. до н. э. наблюдается новое явление — распространение аттической

¹ П. Амандри в дискуссии 1963 г. привел данные М. Паллотино, отметившего, что первая фаза этрусского искусства в начале железного века также характеризовалась геометрическим стилем, общим для районов Кампаньи и Дуная (Amandry 1965: 486).

формулы вазописи за пределы собственно греческого мира. Это факт — даже в том случае, если мы не знаем пока механизма этого распространения.

Сопоставление фригийской и греческой вазописи помогает выяснить степень близости первой с росписью на керамике Сиалка В. Дело в том, что хотя место расписной керамики Сиалка В среди других керамических центров никак не определялось, некоторые сопоставления иранского материала и отчасти керамики делались. Р. М. Гиршман первым указал на сходство некоторых керамических форм и элементов росписи Сиалка В и Гордиона: «шахматная доска», ромбы, круги, фигуры животных. По поводу стиля изображений животных на керамике Гордиона Гиршман заметил, что они, в отличие от Сиалка В, лишены жизни и движения. Одинаковыми он считал и формы металлических котлов (Ghirshman 1939: 93–94). О. Мускарелла расширил круг сопоставлений между Фригией и Ираном, но отметил отсутствие в Иране знаменитых фригийских фибул, которые сопровождают фригийскую расписную керамику (Muscarella 1967: 70–72). Оба исследователя опирались на заранее определенную дату Сиалка В, которая, по их мнению, предшествовала времени сложения фригийской культуры. Тем не менее, Мускарелла признал: «хотя в целом стиль декорации керамики Гордиона и Сиалка различны, тем не менее, мы чувствуем некоторую связь между ними, и не только потому, что обе культуры достигли одной ступени культурного развития» (ibid.: 70–71).

Принципиально важным в вопросе о близости росписи фригийской и сиалковской керамики является то обстоятельство, что оба стиля не имеют связей с культурой предшествующего времени. Для того чтобы выяснить глубину взаимосвязей обоих стилей и степень зависимости их от греческой вазописи, необходимо замкнуть круг сопоставлений четырех элементов аттической формулы вазописи, используемой на фригийской и сиалковской керамике.

1. Силуэтный стиль: во Фригии в этой технике изображались только копытные животные. В Сиалке В набор сюжетов разнообразнее и целиком соответствует греческой тематике, хотя

последняя несколько шире. Общей чертой является манера изображения животных в позе покоя, обе задние ноги нарисованы параллельными линиями, но именно эта черта характеризует греческую изобразительность геометрического периода. Во Фригии наблюдается хронологическое различие, как в технике изображений, так и в сюжетах. На раннем этапе используются только силуэтные изображения и только копытных животных, на позднем — появление, помимо копытных животных, также птиц и хищников. Но они уже исполнялись в «ажурной» технике (рис. 7; 8). Эта техника была греческим изобретением именно для изображения птиц. Во Фригии для достижения стилистического единства мастера перевели в ажурную технику и изображения животных. В Сиалке В эта техника не применялась; имеется только одно изображение двух птиц на одном сосуде (Ghirshman 1939: pl. LXXXV). Но при одинаковой технике рисунка различны схемы изображения птицы: во Фригии строго профильное, крылья сложены; в Сиалке В — фронтальное изображение птицы с распростертыми крыльями в «ажурной» технике, хотя второе профильное изображение птицы с поднятыми крыльями выполнено в силуэтной технике. Фронтальная схема была известна в минойско-микенском искусстве, но аттические художники полностью от нее отказались (Benson 1970: 72–73, 156 note 62, pl. XXI, fig. 5). Они развивали одну общую для всех школ схему: изображения водоплавающей птицы в профиль на обеих лапах со сложенными крыльями (ibid.: pl. XXIV–XXV). Эта схема и была воспринята во Фригии, но для изображения хищной птицы¹. В Греции, помимо чисто силуэтной техники, использовалось сочетание ее с резервом, т. е. смешанная техника. Она применялась и в Сиалке В, но во Фригии она неизвестна.

2. Заполняющий орнамент различен. Во Фригии использовались только маленькие круги, отсутствующие в этом качестве в Сиалке В. Одинаково применялись подвесные треугольники — общий признак с греческим заполняющим орнаментом.

¹ Вопрос о генезисе и территории распространения схемы фронтального изображения птицы требует специального исследования. Профильные изображения птиц, но с поднятыми над спиной крыльями, известные на Кипре и Крите, восходят к минойским традициям (Payne 1927–1928: 289–291).

3. Метопно-триглифная схема как элемент аттической формулы вазописи использовалась в обоих стилях на всем протяжении развития вплоть до ее распада. Но развитие полученной из Греции формулы вазописи и каждого из ее четырех элементов на местах шло независимо друг от друга. Так сиалковские керамисты изменили на большинстве сосудов со сливами обычное горизонтальное расположение фризов, в том числе и с метопами, поместив их вокруг слива. Во Фригии, несмотря на бытование там чайников, этого не произошло. Но там метопная схема получила оригинальное оформление в виде крестообразно разделенных панелей¹. Рассматривая метопы с помещенными внутри изображениями копытных на сосудах кубках (тип 7) из Сиалка В, в известном смысле можно говорить о греческих «цитатах», настолько велико впечатление внешнего сходства: одинаковые размеры метопной зоны, ее расположение в верхней, акцентированной для обозрения части сосуда, даже сама форма сосудов, несмотря на различие их профилей (выпуклый в Сиалке, вогнутый в Греции) — все усиливает это впечатление (рис. 5: 5, 8; 6: 8–9, 12). Во Фригии таких «цитат» нет.

4. Геометрический орнамент. Фригийские керамисты заимствовали из Греции такие характерные элементы орнамента, как: меандр вертикальный и горизонтальный, стопки зигзагов, косая сетка с точками или квадратиками внутри каждой ячейки. Этих орнаментов в Сиалке В нет. В свою очередь, во Фригии нет таких элементов греческого орнамента, как: розетки, большие круги, четырехлистники (превратившиеся в Сиалке В в косой крест), но используемых в Сиалке В. Общим для Фригии и Греции является орнамент «языки», имитирующий рельефные гофры на сосудах. Но во Фригии нет реальных гофр, которые имеются в Сиалке В, однако в нем отсутствуют имитирующие их «языки».

Таким образом, то общее, что есть в вазописи Фригии и Сиалка В, есть и в Греции. Каких-либо элементов, общих для первых

¹ В 1977 г. Гиршман издал чайник из частной коллекции, отсутствующий в основной публикации могильника Сиалк В. Он отличается необычной для остальных сосудов формой и росписью. Центральная панель разделена тремя соединенными крестами, образующими восемь метоп, заполненных косой сеткой и резервными крестами, перекликаясь, таким образом, с панелями на фригийских сосудах с «текстильным» орнаментом (Ghirshman 1974/1977: Taf. 25: 5).

двух, но отсутствующих в Греции, нет. Оба стиля обнаруживают между собой гораздо меньше внутренней связи, чем каждый в отдельности с Грецией. Все вместе это свидетельствует в пользу радиального распространения влияния аттической формулы вазописи. Именно в этом случае новые дочерние формы связаны между собой слабее, т. к. в каждом из регионов заимствованная схема геометрического стиля вазописи синтезировалась под влиянием местных условий. Все три стиля вазописи различны, в первую очередь потому, что принадлежат различным культурам. Но при стилистическом различии, их структура едина, что явилось следствием использования одной художественной формулы. Поскольку существование аттической формулы вазописи было ограничено во времени, а синхронизация фригийской культуры с греческой позднегеометрического периода доказывается рядом факторов, то с большой долей вероятности можно синхронизировать с ними и расписную керамику Сиалка В и датировать ее не ранее второй половины VIII в. до н. э. Окончательная датировка зависит от анализа остального инвентаря могильника Сиалк В.

Выявление общей для трех регионов структуры керамической росписи помогло датировать керамику Сиалка В, и таким образом выявило новые следы культурных связей между Грецией и Древним Ираном, хотя пока неясен механизм этих контактов.

§ 5. ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ ЩИТЫ И ГРЕБЕНЧАТЫЕ ШЛЕМЫ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

В связи с датировкой расписной керамики из Сиалка В важное значение приобретает изображение воина на одном из сосудов из этого могильника. Он изображен с кинжалом за поясом, с копьем в левой руке и прямоугольным щитом в правой руке (в боевой позиции щит находился бы в левой руке, а копье в правой руке) и, очевидно, со шлемом на голове (см. ниже) (Ghirshman, 1974/1977: Taf. 26: 6, коллекция Kofler Truniger) (рис. 9).

На Древнем Востоке щиты, как правило, изготавливались из плохо сохраняющихся органических материалов, и поэтому главным источником информации о них служат изображения на каменных рельефах, на изделиях из слоновой кости или в росписи на различных изделиях, включая керамику. Металлические щиты

Рис. 9. Расписной сосуд, Сиалк В (1) и его прорисовка (2).

той эпохи находятся редко; чаще обнаруживаются металлические умбоны, которые крепились, как правило, в центре круглого щита, сделанного из органического материала.

Щиты делались, очевидно, из прутьев ивняка, тростника или из деревянных пластинок, которые скреплялись металлическими пластинками. Такие щиты изображались на рельефах узкими вертикальными полосками (Madhloom 1970: 57, pl. XVII: 1, XX-VIII: 10–12, 16; De Backer 2016: fig. 5.62.) (рис. 10). Так изображались ручные щиты и высокие станковые щиты, которые ставились на землю и защищали воина полностью, последние известны уже в III тыс. до н. э. (Горелик 1993: табл. LXIII: 3; LXIV: 32, 32 а, 36, 37, 41, 59, 71, 72; Madhloom 1970: pl. L: 3), они широко использовались ассирийцами уже в IX в. до н. э. и позднее (De Backer 2016: 5.66.; 5.74.). Иногда щиты обтягивались кожей. В таком случае поверхность изображенного щита на рельефе обычно оставалась гладкой, без дополнительного заполнения узором в росписи. Но в Египте во II тыс. до н. э. такие щиты расписывались. Помимо таких щитов, во II–I тыс. до н. э. использовались щиты, сплетенные из прутьев. На каменных рельефах техника плетения передавалась

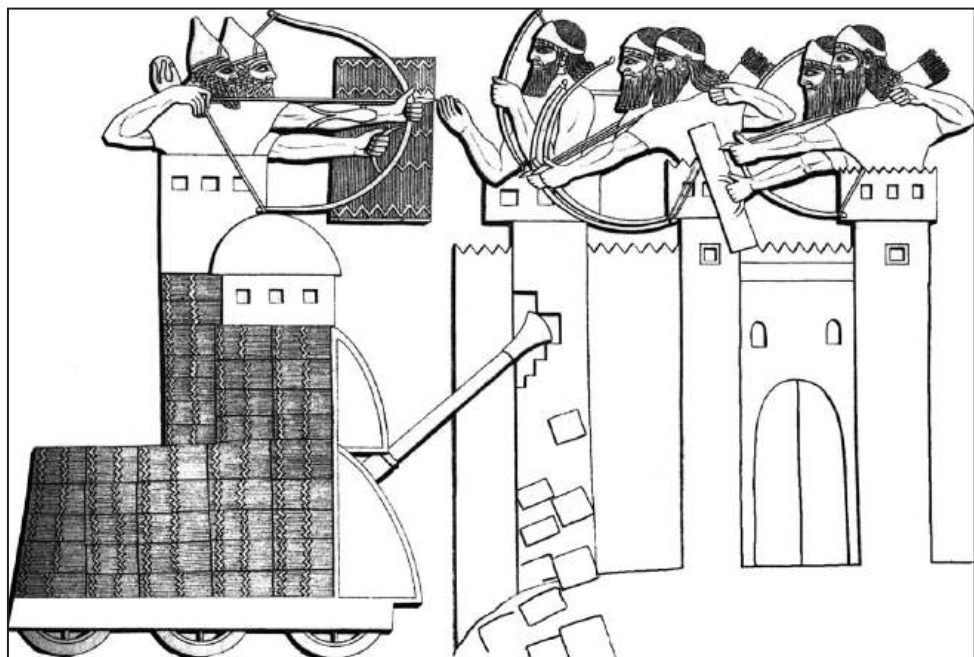

Рис. 10. Рельеф из дворца Ашшурнацирапала II, Нимруд, IX в. до н. э.

так называемой «кирпичной кладкой», тогда как «шахматная доска» передавала плетение только в росписи (рис. 9). Оба способа изображения плетеных щитов зафиксированы уже во II тыс. до н. э. на египетских рельефах и на предметах, изготовленных египетскими мастерами (XIV–XIII вв. до н. э.) (рис. 11: 6–7, 11–13, 17, 19). В начале I тыс. до н. э. изображения плетеных щитов в виде «кирпичной кладки» известны только на ассирийских рельефах, а в виде «шахматной доски» — на керамической росписи (см. ниже). Как египетская изобразительная традиция, спустя несколько веков, могла передаться ассирийским мастерам резьбы по камню и керамистам Центрального Ирана? (см. ниже).

Во II тыс. до н. э. изображения щитов разнообразных форм фиксируются в трех регионах Древнего Востока:

1) В Египте использовались ручные прямоугольные щиты с закругленным или заостренным верхним краем, которые известны уже в III тыс. до н. э. (Горелик 1993: табл. LXIII: 8). Началом II тыс. датируются деревянные модели таких щитов и деревянные статуэтки воинов с такими же щитами (ibid.: табл. LXIII: 9–10, 11–14) (рис. 11: 8). Деревянные щиты обтягивались кожей

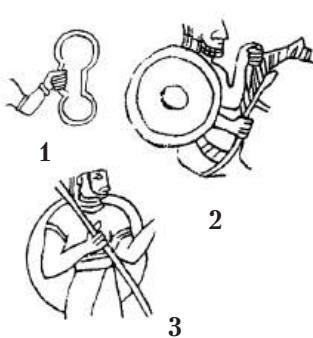
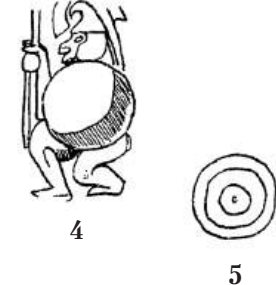
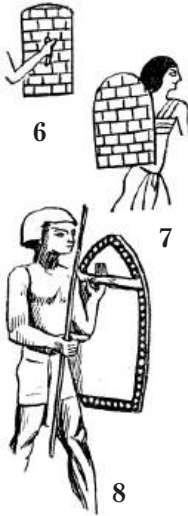
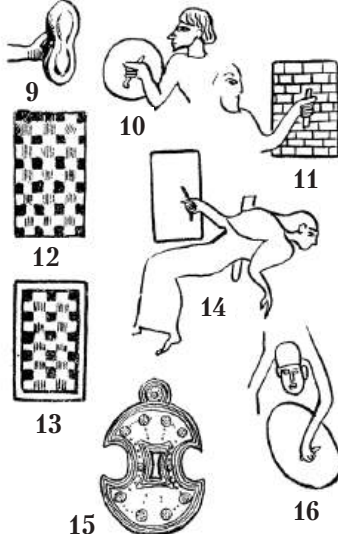
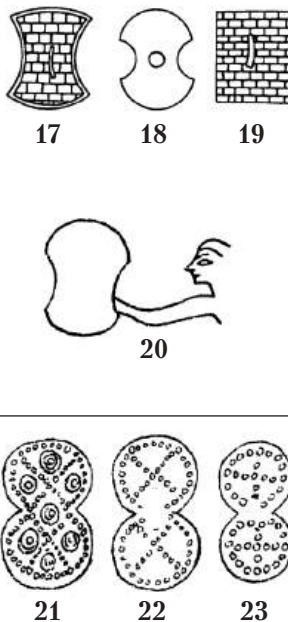
	Египет	Сирия — Палестина	Малая Азия
IX–VIII вв. до н. э.			
XX–XI вв. до н. э.			

Рис. 11. Щиты на Древнем Востоке во II–I тыс. до н. э.

1–4 — рельефы на ортостатах: 1 — Сам’аль (Зинджирли), IX в. до н. э.; 2 — Гузана (Тель-Халаф), IX в. до н. э.; 3 — Каркемиш, IX–VIII вв. до н. э.; 4 — Каратеппе, ок. 730 г. до н. э. 5 — костяная пластина, Гордион, мегарон 3, VIII в. до н. э.; 6, 7 — рельеф времени Рамсеса II, XIII в. до н. э.; 8 — деревянная статуэтка, Сиут, XX–XIX вв. до н. э.; 9 — бронзовая статуэтка, Мегиддо, вторая половина XI в. до н. э.; 10 — костяная пластина, Мегиддо, XIII–XII вв. до н. э.; 11, 14, 16 — сиро-палестинские воины, рельефы, Карнак, XIII в. до н. э.; 12, 13 — сиро-палестинские воины, роспись на шкатулке, гробница Тутанхамона, XIV в. до н. э.; 15 — слононая кость, Мегиддо, XIV–XII вв. до н. э.; 17–19 — Анатолия, XIII в. до н. э.; 20 — хеттский воин, египетский рельеф, XIII в. до н. э.; 21–23 — золотые фибулы, имитирующие форму щитов, Аладжа-Хююк, XXIII вв. до н. э.

и расписывались, иногда рисунок имитировал шкуру животного. Многочисленные изображения таких щитов сохранились в настенной росписи египетских сооружений начала II тыс. до н. э. (*ibid.*: 178, табл. LXIII: 15–22). На рельефах XIII в. прямоугольные щиты с закругленным верхом изображены «кирпичной кладкой», передающей плетеную фактуру щитов (*ibid.*: табл. LXIII: 47–48) (**рис. 11: 6–7**).

2) В Сиро-Палестинском регионе прямоугольные щиты использовались уже в XVIII–XVII вв. (*ibid.*: табл. LXIII: 50, граффити в погребении РЗ, Иерихон). В XIV–XIII вв. до н. э. прямоугольные щиты сиро-палестинских воинов изображались египетскими мастерами в виде «шахматной доски» на расписных изделиях (*ibid.*: табл. LXIII: 59–60) (**рис. 11: 12–13**), а на рельефах — «кирпичной кладкой» (*ibid.*: табл. LXIII: 61) (**рис. 11: 11**). В VIII–VII вв. «шахматная доска», по-видимому, заменяется косой сеткой (роспись во дворце Тиль-Барсиб; финикийские серебряные чаши, Кипр: *ibid.*: табл. LXIV: 29–30, 42). С XIII в. до н. э. в этом регионе начинают использоваться круглые щиты. Предполагается, что такие щиты были изобретены в Эгеиде и на юге Центральной Европы — родине «народов моря» — и были принесены в Палестину одним из «народов моря» — филистимлянами, осевшими на этой территории (*ibid.*: 179–180) (**рис. 11: 10, 16**).

3) В Малой Азии издревле использовались восьмерковидные щиты (**рис. 11: 17–18, 20**), некоторые золотые фибулы имитировали форму восьмерковидных щитов (XXIII в. до н. э.; **рис. 11: 21–23**).

В XIII–XII вв., очевидно, в ходе усиления военных контактов начинается заимствование формы щитов. В Сиро-Палестинский регион проникают восьмерковидные щиты хеттского происхождения (Мегиддо: Горелик 1993: табл. LXIII: 63а, 64) (**рис. 11: 9, 15**). У хеттов, судя по египетским изображениям, появились прямоугольные плетеные щиты (**рис. 11: 19**), но круглые щиты здесь отсутствуют. Круглые щиты, попавшие в Египет в XIII в. вместе с «народами моря», продолжали пополняться круглыми щитами военнопленных из стран Сиро-Палестинского региона, и впоследствии, видимо, были взяты египтянами на вооружение. Но круглые щиты здесь не прижились и после правления Рамсеса III в XII в. перестают использоваться (Borchhardt, 1977: S. E 28; Горелик, 1993: 179). Впрочем, исчезает и сама египетская

изобразительность этого вида вооружения. В начале I тыс. восьмерковидная форма щита в Передней Азии, очевидно, уже не использовалась. Сохранилось одно рельефное изображение такого щита на городских воротах в Зинджирли (IX в. до н. э.; Горелик 1993: табл. LXIV: 6) (**рис. 11: 1**).

В начале I тыс. на Древнем Востоке повсеместно используются круглые щиты (**рис. 11: 1–5**). Теперь это могло быть связано с тем, что такие щиты стали основным видом ручного щита в Ассирии и Урарту. Изображения прямоугольных щитов известны только на ассирийских рельефах, но и здесь они достаточно редки, они использовались врагами ассирийцев.

В правление **Ашшурнацирапала II** (883–859), судя по рельефам из Нимруда, ассирийские воины снабжены прямоугольными ручными щитами, фактура которых передана вертикальными линиями. В осажденных ассирийцами крепостях обороняющиеся держат гладкие прямоугольные щиты, вероятно, обтянутые кожей (Yadin 1963: 388: 4, 5, 7; Madhloom 1970: 57, pl. XVI: 1, XVII: 1, XXVIII: 12 a, b,) (**рис. 10**). Круглые щиты продолжают использоваться (De Backer 2016: 5.4., 5.35.).

Воины **Салманасара III** (858–824) пользовались круглыми ручными щитами и высокими узкими щитами, фактура которых передана вертикальными линиями (Yadin 1963: 338–339, 406, 409, 411; Madhloom 1970: 55, pl. XXVII: 14, 15 a–b; XXVIII: 5, 7; De Backer 2016: fig. 5.6., 5.25., 5.32.).

На рельефах **Тиглатпаласара III** (744–727) прямоугольные щиты отсутствуют, имеются лишь изображения круглых щитов различных модификаций (Madhloom 1970: 54–57, pl. XXVII: 3–4; De Backer 2016: figs. 5.8., 5.10.). Круглыми щитами пользовались и солдаты в осажденных ассирийцами крепостях (De Backer 2016: fig. 5.36.). Видимо, как исключение можно рассматривать изображение круглого щита у одного из двух ассирийских солдат на рельефе из Аслан Таша, фактура щита которого изображена вертикальными линиями, хотя второй щит, как обычно, изображен «кирпичной» кладкой (ibid.: 15, fig. 1.12).

В правление **Саргона II** (721–705) круглые щиты продолжают использоваться ассирийцами (De Backer 2016: fig. 5.38.). Изображения плетеных прямоугольных щитов известны только на рельефах его правления. Но такими щитами были вооружены не ассирийцы, а осажденные в крепостях Кишессу и Пазашу, и в одном

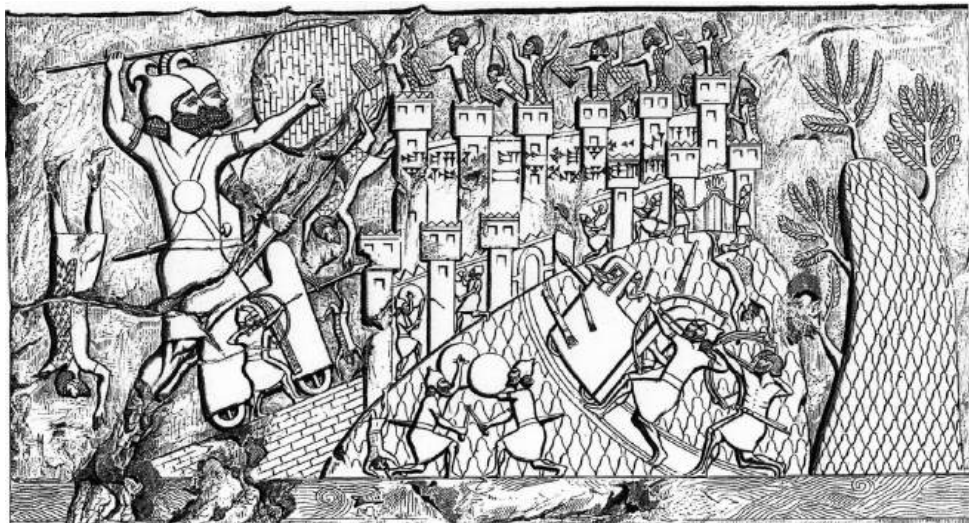

Рис. 12. Осада крепости Кишессу, рельеф из Хорсабада, VIII в. до н. э.

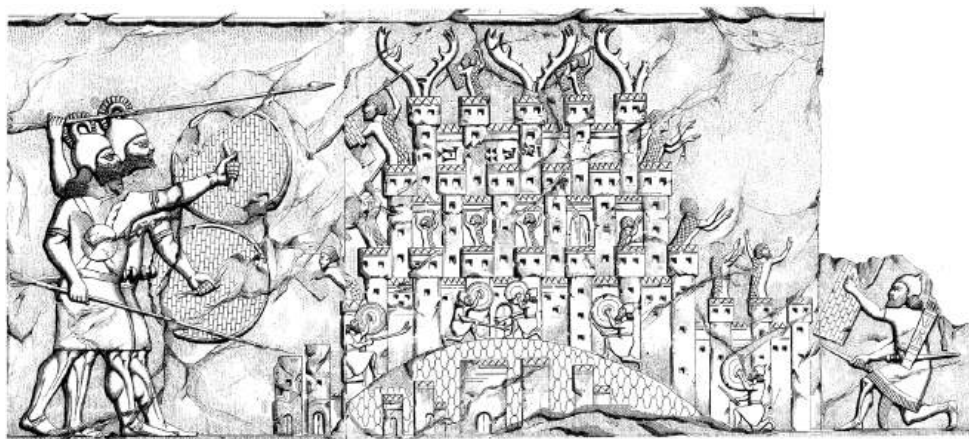

Рис. 13. Осада крепости Пазаша, рельеф из Хорсабада, VIII в. до н. э.

случае — ассирийский воин, хотя все остальные осаждающие эти крепости ассирийцы экипированы круглыми, в том числе плетеными щитами (Хорсабад: Yadin 1963: 420–421, 425; Madhloom 1970: 57) (**рис. 12; 13**). Оба названных города находились в северо-западном Иране: Кишессу на границе с Мидией недалеко от города Сагбат/Экбатаны (совр. Хамадан), будущей столицы Мидийского царства (Медведская 2018: 134, карта 2). Название топонима Пазаша («маннейской крепости в проходе, ведущем в страну

Зикирту») восстановлено и идентифицируется с названием маннейской крепости Панзиш, заложенной для охраны против стран Зикирту и Андии (Reade 1976a: 98–99). Все три страны локализируются к юго-востоку от озера Урмия (Медведская 2018: 75–76, карта-схема 1).

На рельефах времени **Синаххериба** (704–681) изображения плетеных прямоугольных щитов отсутствуют, имеются изображения только круглых плетеных щитов, как и на рельефах Саргона (Madhloom 1970: pl. XXVII: 11). На рельефах из его дворца в Ниневии воины в осаждаемых ассирийцами крепостях защищаются прямоугольными гладкими щитами. Эти щиты удлиненной формы имеют вдоль узких краев узкие планки, которые могли скреплять продольные планки деревянного щита, обтянутого кожей (Paterson, 1915: pl. 15, 59).

Т. А. Мадлум отмечал, что прямоугольные щиты, сделанные из прутьев и изображаемые вертикальными линиями, известные со времени Ашшурнацирапала II (**рис. 10**), после правления Саргона выходят из употребления (Madhloom 1970: 57). Однако хронологическая позиция прямоугольных плетеных щитов в ассирийской изобразительности не была им определена.

Между тем, только враги Саргона оборонялись прямоугольными плетеными щитами; до него и после него поверхность прямоугольных щитов изображалась вертикальными линиями или оставалась гладкой. Владения этих «врагов» находились на территории Северо-Западного Ирана.

В связи с вопросом о времени существования прямоугольных плетеных щитов и основным ареалом их бытования важное значение приобретает изображение воина с таким щитом на сосуде из могильника Сялк В. Фактура щита передана в виде «шахматной доски» (**рис. 9**). Подобные изображения щитов имеются в вазовой живописи позднегеометрического стиля Греции, их дата в пределах 760–700 гг. (Snodgrass 1964: fig. 2; 3: c; 27). Предполагается, что изображения прямоугольных плетеных щитов в греческой вазописи геометрического стиля появились под влиянием реально существовавших на Переднем Востоке (но без уточнения региона) аналогичных щитов (Borchhardt 1977: S. E 27). Рельефы Саргона и сялковское изображение щита позволяют уточнить это предположение: прямоугольные плетеные щиты применялись на территории Древнего Ирана во второй половине VIII в. до н. э.

Каким образом греки могли узнать о существовании таких щитов в странах Северо-Западного и Центрального Ирана во второй половине VIII в. до н. э.? В Малой Азии и Средиземноморье в начале I тыс. до н. э. их изображений нет. В этой связи следует отметить, что во II тыс. и в Греции, и в Хеттском царстве использовались, судя по изображениям, восьмерковидные щиты, т. е. подобное заимствование могло быть (в данном случае не важно, кто у кого заимствовал). Судя по ассирийским рельефам, на территориях к северо-западу от Ассирии, на которых велись боевые действия ассирийской армии, прямоугольные плетеные щиты не использовались. Урарты хотя и использовали технику плетения щитов, о чем свидетельствуют фрагменты сплетенных из ивовых прутьев щитов, найденные в Кармир-блуре (Пиотровский 1950: 24), но следует считать, что урарты, как и ассирийцы, использовали круглые плетеные щиты. Во-первых, вместе с этими фрагментами были найдены бронзовые конические умбоны, которые, судя по изображениям, крепились в центре круглых щитов, во-вторых, все найденные урартские бронзовые щиты, как и их изображения на бронзовых предметах, были круглыми. Следовательно, Иран и Греция — это две крайние точки, где использовались прямоугольные плетеные щиты, и где знали об их существовании.

Копьеносец из Сиалка, по-видимому, может предоставить дополнительные параллели с эгейским миром. Если на двух расписных черепках и на цилиндрической печати из Сиалка действительно изображены **шлемы** с гребнем (Ghirshman 1974: 37) (**рис. 14: 1–3**), то к ним можно добавить изображение воина из Сиалка. Его «головной убор» аналогичен изображениям шлемов на сиалковской печати, на которых отсутствует передняя часть гребня, но имеющийся на шлеме всадника на крылатом коне (Ghirshman 1939: pl. XC: 1, 2, XCVI, S.810). Вертикальными штрихами в эту эпоху обычно изображались волосяные гребни на шлемах. На сиалковском «головном уборе» воина вертикальные штрихи на загнутом конце гребня частично сохранились (**рис. 9: 2**). Но необычным для изображения таких гребней являются их загнутые кверху концы. Однако исключения имеются. Шлемы, гребни которых имеют загнутые вверх концы, изображены на металлическом поясе из Киклаванда (Луристан), на золотом поясе из Хан-е Али-Текке (Крит), а на бронзовом щите из пещеры г. Ида (Крит) шлем имеет только задний загнутый конец

Рис. 14. 1–2 — фрагменты керамики, 3 — цилиндрическая печать, Сиялк В; 4 — золотой пояс, Хан-е Али-Текке (Крит); 5 — металлический пояс, Киклаванд (Луристан); 6 — бронзовый щит, пещера г. Ида (Крит)

гребня (Borchhardt 1972: 70, 108, Taf. 25: 2–4) (рис. 14: 4–6). Аналогично последнему изображению гребня на шлеме коневода на сосуде из Аргolidy (Courbin 1966: pl. 44: С. 201/А, g)¹. Все изо-

¹ Возможно, не случайными являются сходные детали изображения головы коневода на этом сосуде и головы сиялковского воина, а также одинаково изображенная вертикальными линиями одежда (?) этого воина и всадника на амфоре из Аргolidy (Courbin 1966: pl. 8).

бражения датируются в пределах середины — второй половины VIII в. до н. э.

На ассирийских рельефах различаются три категории воинов, носивших шлемы разных типов. Из них только копьеносцы всегда в шлемах, что может служить дополнительным аргументом в пользу изображения именно шлема у полностью вооруженного копьеносца на сиалковском сосуде. В таком случае, его шлем принадлежит к так называемому хеттскому типу с гребнем без специальной подставки (Borchhardt 1972: 101–102). Он известен по изображениям в Греции уже с начала II тыс. и в Малой Азии в XV–XIII вв. до н. э., судя по изображению бога-воина из Богазкёя/Хаттусы. В начале I тыс. до н. э. такие гребни без подставки известны на тех же территориях (Borchhardt 1972: Beil. E, F).

На ассирийских рельефах гребенчатые шлемы появились только в правление Тиглатпаласара III, но с другими типами гребней, которые вставлялись в специальную подставку двух видов (Borchhardt 1972: 98–99). По времени их появление совпадает с окончательным завоеванием Ассирией стран позднихеттского круга. И это также связано с тем, что ассирийская армия состояла не только из ассирийских солдат, но и из военных отрядов, привлекаемых из завоеванных стран. Эти солдаты носили собственные шлемы, и таким образом различались военные части, составлявшие ассирийскую армию (Reade 1972: 101–02, 104–106). Именно эти иноземные солдаты носили шлемы с гребнями на подставках, происхождение которых связано с территориями позднихеттских царств (Maner 2009: 254–259). Ассирийские солдаты носили остроконечные шлемы без гребней уже в IX в. и позднее (рис. 10; 12; 13).

Объяснить появление в Иране, в Сиалке изображения шлемов с гребнем хеттского типа, тогда как в Ассирии и Урарту уже появились шлемы с гребнями на подставках, было бы затруднительно. Но, вероятно, их независимому появлению здесь способствовала существенно изменившаяся геополитическая ситуация в период ослабления Ассирии в конце IX — первой половине VIII в., которая привела к усилению Урарту и стран на постхеттском пространстве, и что в целом повлияло на общий культурообразующий процесс этого времени. Главным фактором, способствующим этому процессу, помимо всего прочего, была общая транзитная торговля в обход Ассирии, пути которой

контролировало Урартское царство. Яркий пример тому становление северосирийских косторезных школ от Ирана до Греции не ранее VIII в. до н. э., а также структурное сходство греческой и сиалковской вазописи. Это сказалось и на появлении новых типов удил и псалиев в Малой Азии и в Иране, происхождение которых связано с Южной Европой (Медведская 2013а; гл. I § 2)¹. Эта благоприятная геополитическая ситуация просуществовала до правления Саргона, который после долгого перерыва начал борьбу за политическое господство на территории Древнего Ирана. В 714 г. урартские владения в Приурмийском районе Ирана, которые принадлежали урартам более 100 лет, были ими потеряны. Но это не означает, что налаженные торговые и культурные связи прервались; контроль Урарту над торговыми путями, проходившими к северу от озера Урмия до Каспийского моря, продолжался и в VII в. (Медведская 2018: 161–168). На этом фоне появление изображений прямоугольных плетеных щитов на рельефах Саргона и на сиалковском сосуде вместе со шлемом без подставки для гребня не случайно совпадают по времени. Близость греческой и сиалковской вазописи в данном случае становится еще более очевидной, особенно в сходстве изображения фактуры щитов в виде «шахматной доски».

Таким образом, изображение копьеносца на сосуде из Сиалка фиксирует элементы экипировки, которые, с одной стороны, достаточно ограничены во времени, примерно вторая половина VIII в., а с другой — фиксирует протяженные контакты или связи от Греции и Малой Азии до Ирана. Изображения плетеных щитов на ассирийских рельефах только времени Саргона и на греческой керамике служат дополнительным доказательством предложенной выше датировки расписной керамики из могильника Сиалк В второй половиной VIII в. до н. э. А расписная керамика Сиалка в целом и изображение копьеносца в частности, является свидетельством культурных связей Древнего Востока с Южной Европой, усилившихся в VIII в. до н. э., что прослеживается и на другом материале в рамках южного культурообразующего пояса (см. ниже).

¹ Большое внимание вопросу связей между Грецией и странами Древневосточного региона уделено в работах О. Мускареллы (Muscarella 2013, здесь же литература).

§ 6. БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА

На Древнем Востоке находки бронзовых зеркал единичны. Могильник Сиалк В является, пожалуй, исключением, здесь в восьми могилах найдено 10 зеркал. Хотя форма зеркал не изменялась на протяжении не одной тысячи лет и не может служить датирующим признаком, они являются культурообразующим признаком данного комплекса.

Бронзовые дисковидные зеркала делятся на два типа — с боковой или центральной ручкой/петелькой. Первый тип делится на два подтипа: или боковой стержень отливался вместе с диском, или изготовленная отдельно рукоятка крепилась к диску при помощи заклепок или спайки. На Древнем Востоке были изобретены зеркала с боковой ручкой, стержень которой отливался вместе с диском и затем на него надевалась рукоятка из органического или иного материала, но они сохранились лишь в нескольких случаях, чаще фиксируются только следы деревянной рукоятки. Только в Египте сохранились разнообразные ручки зеркал из кости, дерева, слоновой кости, фаянса. Форма египетских дисков незначительно различается или горизонтальным уплощением с боковых сторон, или вертикальным — со стороны основания стержня и противоположного края диска.

Изначально зеркало не было предметом только туалета, а в первую очередь, имело сакральное значение. Символ зеркала нашел отражение в народном фольклоре, письменных документах и литературе народов разных времен. Многие древние народы считали зеркало порталом между миром живущих и миром умерших, хранителем души его владельца, солярным символом, оно использовалось колдунами и шаманами в ритуальных действиях, наличие в могиле зеркала означало социальный статус умершего при жизни, могло использоваться в загробной жизни в качестве предмета туалета (Moyer 2011–2012: 328–336, tabl. 7). У древних китайцев зеркало считалось миниатюрной моделью вселенной, талисманом против зла и наваждений, «будучи подвешенными в изголовье, они, якобы, способны отгонять от спящего владельца нечистую силу» (Боковенко и др. 1999: 47). У аборигенов Сибири зеркало было связано с культом Солнца, как символом плодородия и возрождения, а также служило оберегом (там же). В карасукскую эпоху, судя по находке зеркала с петелькой на обороте

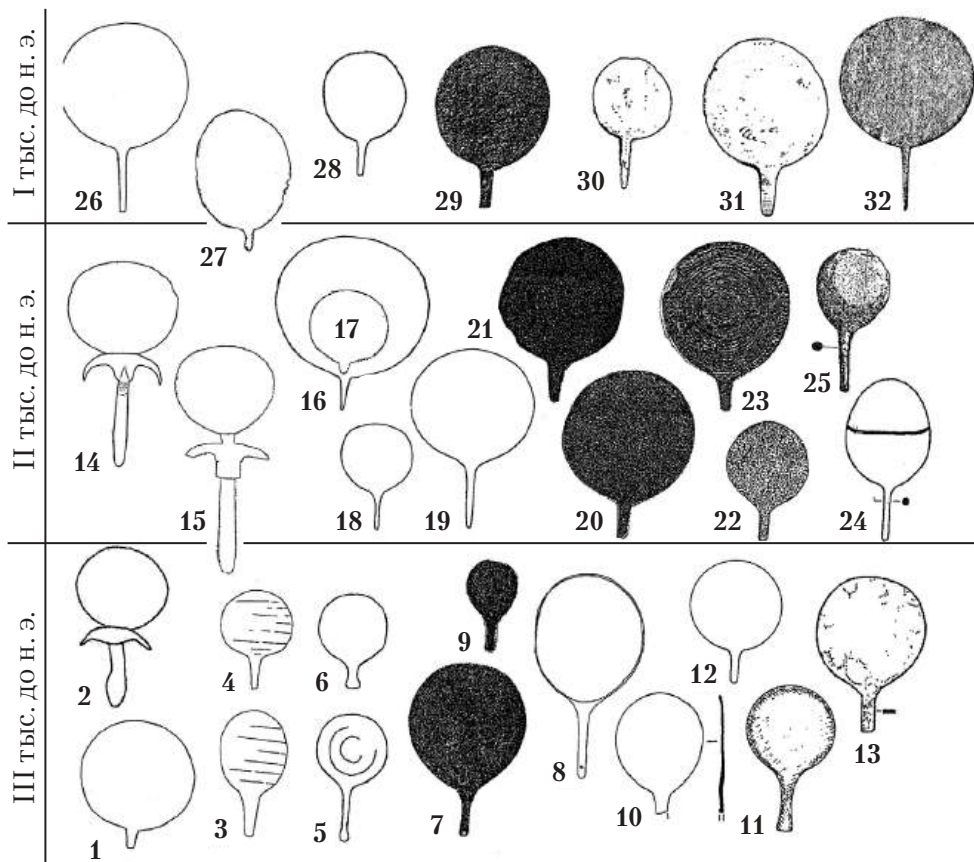

Рис. 15. Бронзовые цельнолитые зеркала с боковым стержнем.

III тыс. до н. э.: **1, 2** — Египет, Старое царство; **3, 4** — Ур; **5, 6** — Сузы; **7–9** — Мохенджо-даро; **10** — Фархор; **11–12** — Шахдад (Некрополь А, погр. 240); **13** — Алтынтепе.

II тыс. до н. э.: **14–17** — Египет (**15** — Среднее Царство, **14, 16–17** — Новое Царство); **18, 19** — Газа; **20** — Мари; **21** — Нузи; **22, 23** — Гиссар III (С); **24** — Сапаллитепе; **25** — Тигровая балка.

I тыс. до н. э.: **26** — Египет; **27** — Марлик; **28** — Кайтарие; **29** — Озбаки (Джейран тепе); **30–31** — Сиалк В; **32** — Деве Хююк

в Фёдоровском могильнике (Хакасско-Минусинская котловина), оно было атрибутом шамана/женщины (Липский 1963: 86–88). Культовое значение зеркала было настолько влиятельным, что даже при ограблении могил грабители не прикасались к зеркалам, оставляя их *in situ* (Шульга, Оборин 2021: 11; подробнее о религиозно-магическом понимании зеркал см. Хазанов 1964; Литвинский 1964). Но почему находки зеркал единичны?

Изобретены зеркала первого типа в Египте, где медные зеркала появились в период Старого Царства во времена правления IV, а может быть еще и III династий (2778–2723, 2723–2563 гг. до н. э., **рис. 15: 1–2**). В Древнем Египте зеркало являлось символом солнца, которое рождается из воды в окружении лотоса, поэтому рукоять зеркала в некоторых случаях повторяла форму цветка лотоса. Их изображения сохранились на стенах погребальных камер этого периода, среди них зеркала с ручкой в виде стебля папируса (Lilyquist 1979: 57–58, figs. 104–109; **рис. 15: 2**). Примечательно, что на стене одной из камер изображены два зеркала только со стержнем, без надетой ручки, подобно их оригиналам (ibid.: fig. 117; **рис. 15: 1, 16, 17**). Периодом VI династии (2423–2263) датируется деревянная ручка в виде лотоса (ibid.: 11, 57–58, fig. 38), и похожая ручка датируется периодом XII династии (2000–1785; ibid.: 21, fig. 36). Наиболее многочисленны находки зеркал с боковой ручкой в Египте во II тыс., где они продолжают использоваться и в I тыс. до н. э. (Vandier d'Abbadie 1972: VI; **рис. 15: 14–17, 26**). В период Среднего Царства (конец III тыс. и примерно до 1600 г. до н. э.) бронзовые зеркала постепенно начинают заменять медные, хотя последние еще встречаются вместе с бронзовыми зеркалами. Постоянным признаком зеркал на всем протяжении их использования в Египте было незначительное вертикальное уплощение диска, хотя изредка находятся зеркала и с горизонтальным уплощением, в результате которого они имеют скорее каплевидную или овальную форму (Bénédict 1907: IV–V, figs. B. C. D.). Размеры дисков в Старом Царстве 17,6×16,3 см, в Среднем царстве от 11×7,8 см до 15,8×17 см, в Новом Царстве от 4,4×5 до 13×11,2 см.

Вскоре после изобретения в Египте дисковидных зеркал с боковым стержнем/ручкой они появляются в странах к северу от него. Они были найдены в царских могилах Ура в Месопотамии (Woolley 1934: pl. 250: U. 11453, U. 11484; середина III тыс. до н. э., **рис. 15: 3–4**). Одно из них с вертикальным уплощением египетского типа, но второе уже с овальным диском (горизонтальное уплощение). Восточнее в Эламе (Сузы) медное цельнолитое зеркало с незначительным вертикальным уплощением египетского типа найдено в нижнем слое Суз (III тыс. до н. э.); на одной стороне широкого стержня обнаружены куски рогожи, зеркало отличается широким стержнем и уплощением и похоже на

зеркало из Ура (**рис. 15: 3**) (de Mesquenem 1931: 336, 338, fig. 15: 6), т. е. ближе к середине III тыс. Два других медных зеркала найдены в большом расписном сосуде вместе с многочисленными медными предметами вооружения, цилиндрическими печатями, керамическими и алебастровыми сосудами. Этот так называемый клад датируется III династией Ура (2112–2004 гг. до н. э.) или немного позднее (Eliot 1950: лист 24; **рис. 15: 5–6**).

На востоке Ирана недалеко от границ с Афганистаном и Белуджистаном (Пакистан) в Шахдаде в некрополе А найдено три «медно/бронзовых» цельнолитых зеркала египетского типа (погр. 011, 045, 240, d 11, 12, 13,5 см, Nakemi 1997: 168, 206, 407; **рис. 15: 11–12**). Некрополь А датируется 2500–1900 гг. до н. э. (ibid: 41, tabl. 1). У двух зеркал стержень на конце имеет небольшое расширение, подобное на зеркалах из клада Суз (**рис. 15: 5–6, 11**). На северо-востоке Ирана в Гиссаре III было найдено два зеркала с боковой ручкой/стержнем, медный диск одного из них с циркульным орнаментом в виде рельефных кругов с рифлением и круглых горошинок по краю. Первоначально автор назвал его опахалом (fan), позднее отнес его к группе зеркал. Автор не уточнил, в каком из слоев этого периода (А, В, С) они были найдены (Schmidt 1933: pl. LIV, CXXIII: С; idem. 1937: 207, pl. LIV: Н 4872). Часто в этой связи называется слой IIIC, датируемый началом II тыс. до н. э. (2000–1800 гг., Dyson 1965a: 241–242; Авилова 2008: 81, рис. 20: 20; **рис. 15: 22–23**).

До недавнего времени считалось, что на юге Средней Азии цельнолитые зеркала с боковым стержнем появились в конце III тыс. до н. э. — сначала в Южной Туркмении, затем в Южном Узбекистане и Юго-Западном Таджикистане, где они получили широкое распространение во второй половине II тыс. (Рузанов 2013: 178–179, рис. 154). Так, в Южной Туркмении, названной В. М. Массоном «северным рубежом ойкумены древневосточных культур» на Алтынтепе в захоронении 252 найдено цельнолитое зеркало, форма которого, как уже отмечено, идентична гиссарскому экземпляру. Оно датируется временем позднего НМЗ V (период Гиссар IIIB, вторая половина III тыс. до н. э., d 7,2 см, длина стержня 3 см, ширина 0,8 см; Алёкшин, Кирчо 2005: 7, 34, часть I, табл. 56: 1; Кирчо там же: 406, часть II, гл. 3, рис. 21: 15; Рузанов 2013: рис. 154: 3; **рис. 15: 13**). Однако появление цельнолитых зеркал с боковым стержнем/ручкой на юге Таджикистана произошло

значительно раньше. Могильник Фархор (район верхнего течения р. Амударья и нижнего течения р. Пяндж) датируется ранним и средним периодами бронзового века (2800/2700–2300). Цельнолитое зеркало (d 13×11,5 см) с чуть овальным диском (горизонтальное уплощение) и плоским обломанным широким стержнем относится к раннему периоду и датируется в пределах 2800–2500 гг. до н. э. (погр. 7, Виноградова, Бобомуллов 2020: 20–21, 97, рис. 10 А: 5; **рис. 15: 10**)¹. Могильник Ранний Тулхар (Южный Таджикистан), в котором найдено зеркало такой же формы, датировался в широком хронологическом диапазоне от второй четверти II тыс. до XII/XI вв. до н. э. (литературу см. Кутимов 2008: 168–178). Синхронизацию археологических памятников Средней Азии эпохи поздней бронзы Ю. Г. Кутимов представил «в самом общем виде» в пределах второй половины II тыс.: могильник Ранний Тулхар в рамках XIV в., могильник Тигровая Балка — XIII в. до н. э. (там же: 178, табл. 1). Оба зеркала из этих могильников имеют овальную форму диска, но различаются, пожалуй, формой стержня — узкий длинный у зеркала из Тигровой Балки (и Сапаллитепе), широкий стержень у тулхарского зеркала. Такой же стержень у фархорского зеркала с овальным диском. В связи с понижением даты Сапаллинского этапа до XX–XVII вв. до н. э. и датой фархорского зеркала не понижается ли дата тулхарского зеркала и, соответственно, зеркала из Тигровой балки?

Очевидно, из Египта тип цельнолитых зеркал с боковым стержнем через Месопотамию и Иран попал на территорию Древней Индии, где они найдены в памятниках хараппской культуры в долине р. Инд (Мохенджо-даро, совр. Пакистан; **рис. 15: 7–9**). Временные рамки этой культуры широкие (2500/2400 — 1700/1500 гг. до н. э.), но поскольку связи этой культуры с западным регионом Древнего Востока не отвергаются и часто подтверждаются, например, в связи с происхождением некоторых оригинальных керамических форм (кernosы и др.; см. гл. VI, § 2: 3), то можно предположить эстафетное распространение зеркал египетского типа через Месопотамию и Иран на восток в течение III тыс. Примечательно, что бронзовые зеркала III тыс. из Мохенджо-даро и Южной Средней Азии (Фархор) и II тыс. до н. э. (Сапаллитепе,

¹ Благодарю Н. М. Виноградову за консультацию и уточнение датировки погребения 7.

Ранний Тулхар, Тигровая Балка) с сильным горизонтальным уплощением и с длинным узким или более широким боковым стержнем (Тулхар) практически идентичны диску зеркала из Ура середины III тыс. (Mackay 1937: pl. CXIV: 1; Woolley: 1934: U. 11484; Виноградова, Бобомуллов 2020: 66, рис. 10А: 5; Аскарлов 1977: табл. XXXVII: 5; Мандельштам 1966: рис. 54: 3; Рузанов 2013: 178, рис. 154: 4, 7; **рис. 15: 3, 8, 10, 24, 25**). Но поскольку в начале II тыс. (ок. 1800 г.) хараппская цивилизация угасает и активные связи Древней Индии с Ближним Востоком прерываются, то именно вторая половина III тыс. остается временем активного распространения египетского типа зеркал на восток вплоть до Древней Индии. И в целом распространение цельнолитых зеркал с боковым стержнем подтверждают существование южного культурообразующего пояса, начиная с III тыс. до н. э.

Во второй половине II тыс. продолжается распространение зеркал египетского типа и в ряде случаев, очевидно, самими египтянами. На юге Палестины в Газе в двух могилах такие зеркала с едва заметным вертикальным уплощением найдены вместе со скарабейми Рамзеса II (начало XIII в.) и картушем Тутанхамона (конец XIV в.; Schaeffer 1948: 162–163, figs. 130: 5, 131: 2, **рис. 15: 18–19**). Именно Рамзес II заново начал завоевание Палестины, Финикии и Сирии, он разгромил в битве при Кадеше хеттов и их союзников, продвигавшихся вдоль моря на юг в сторону Египта. Но в результате сложной политической обстановки в регионе (усиление Ассирии и расширение ее границ в западном направлении) хеттский царь вынужден был договориться с Рамзесом II о мире (в 1296 или 1270 г. до н. э.; Дьяконов 1997а: 137–139). Граница между хеттскими и египетскими владениями была установлена от Библа на севере до земель к востоку от Мертвого моря. Но район Газы в XIV–XIII вв. постоянно оставался под властью Египта. Найденные в Газе зеркала вместе с картушем и скарабейми скорее всего попали сюда вместе с египтянами.

К северо-востоку от Газы на среднем Евфрате в Мари в XIII в. до н. э. размещался небольшой ассирийский гарнизон и там же находился могильник. В одной из трех самых богатых могил найдено бронзовое цельнолитое зеркало с боковым стержнем и круглым диском. Эта могила (№ 236) названа авторами женской, поскольку в ней найдены богатые ювелирные украшения (Parrot 1937: 81–84, pl. XV, 3; **рис. 15: 20**). Среди них кольцо с сердоликовыми

подвесками в форме гранатов, это был популярный элемент ассирийского декора. Найденные в могиле скараabei с именем Рамзеса II определяют дату могил именно XIII в., хотя предлагалась дата XIV–XIII вв. до н. э. (ibid.). Именно в XIII в. ассирийцы включили территории по обоим берегам среднего Евфрата в свои владения, но сложная политическая обстановка требовала военной охраны этого пограничного района Ассирии. Могут ли скараabei вместе с зеркалом свидетельствовать о непосредственных контактах ассирийцев с египтянами, находившимися неподалеку? (см. ниже).

В предгорье Загроса найденные в Нузи (Ирак) зеркала этого типа датируются серединой II тыс. (слой II, XV — начало XIV вв. до н. э., Starr 1937–1939: 35, 481, pl. 127, F; **рис. 15: 21**). Цельнолитые бронзовые зеркала с боковой ручкой/стержнем, не меняя размеры и форму, продолжают использоваться и позднее. В памятниках раннежелезного века Ирана их находки, как и прежде, немногочисленны. В Прикаспийском районе в могильнике Марлик на конце короткого стержня зеркала обнаружена заклепка, которая, по словам автора, прикрепляла к нему «декоративную рукоятку», возможно, деревянную (d около 17 см; Negahban 1996: 311, pl. 139: 971; **рис. 15: 27**). В хурвинской коллекции госпожи Малеки стержень аналогичного зеркала также имеет на конце отверстие, которое, по мнению Л. Ванден Берге, служило для подвешивания — очевидно, на поясе его владельца (Vanden Berghe 1964: 36, pl. XLVII: 350; d диска с горизонтальным уплощением 12,5×13,5 см, длина ручки 5,5 см). Однако марликское зеркало ставит под сомнение этот вариант. Второе зеркало из коллекции госпожи Малеки с боковой фигурной ручкой в виде кариатиды (**рис. 16: 10**) также подобно таким зеркалам в Египте Нового царства (XVIII–XIX дин., 1580–1200 гг.; ibid.; pl. XLVII: 351) и в Луристане, что подтверждает существование южного пояса распространения зеркал египетского типа (см. ниже). В этом же районе рубежом II–I тыс. датируется могильник Кайтарие, в котором также найдено зеркало египетского подтипа с боковым стержнем, но с незначительным горизонтальным уплощением (Медведская 1977: рис. 2, d 12 см; **рис. 15: 28**). Датируются прикаспийские находки концом II — началом I тыс. до н. э. (там же: 174; Negahban ibid.: 311, 323). Мидийским временем датируется зеркало этого подтипа из Озбаки тепе, найденное в этом же районе (погребение Джейран тепе BV29: 331,

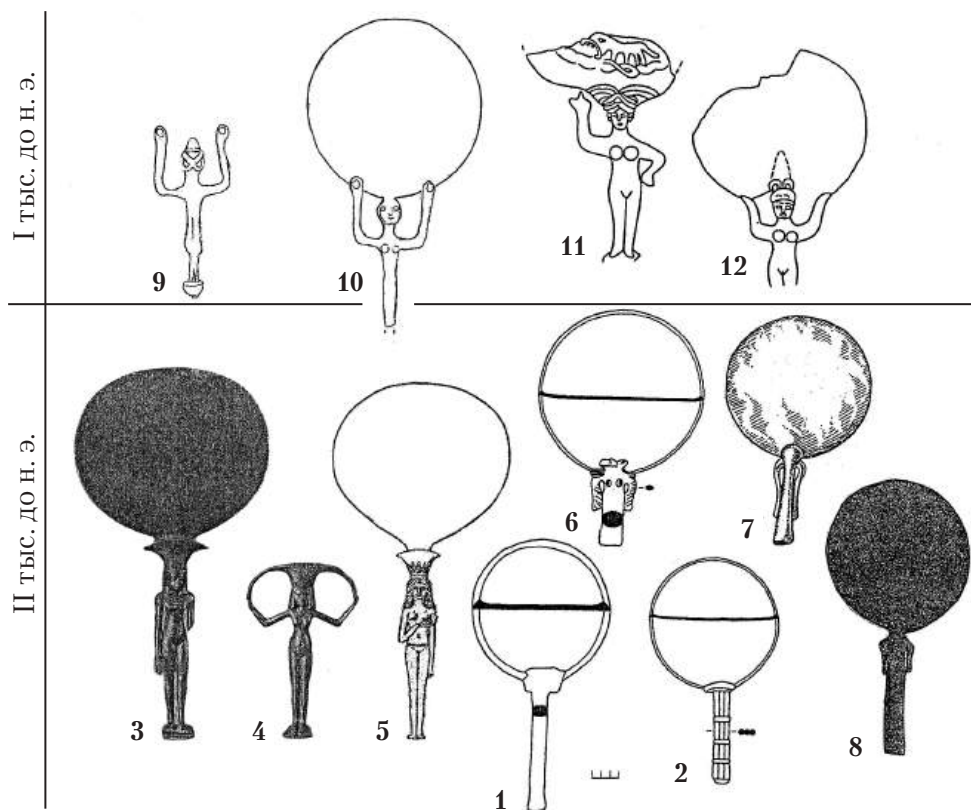

Рис. 16. Бронзовые двусоставные зеркала с боковой ручкой II–I тыс. до н. э. южный пояс. **1, 2** — Сапаллитепе; **3–5** — Египет, XVIII дин.; **6, 7** — Сапаллитепе; **8** — Дашлы-3; **9** — Хурвин, колл. А. Годара; **10** — Хурвин, колл. госпожи Малеки; **11, 12** — Масджид-и Сулейман

Маджизаде 2010–2011, ил. 97; **рис. 15: 29**). Силковские зеркала датируются второй половиной VIII в. В Северной Сирии в могильнике Деве Хююк ахеменидского периода найдено бронзовое цельнолитое зеркало с длинным узким стержнем, повторяющее форму египетских зеркал, датируется между 600–300 гг. до н. э. (d 13 см, Woolley 1915: 118, 1123, 128, pl. XXII: 25; **рис. 15: 26, 32**).

Во второй половине II тыс. до н. э. цельнолитые зеркала с широким боковым стержнем появились в Северной Киргизии (Семиречье: село Садовое, Сукулукский клад, Кузьмина 1966: 68–69, табл. XIII: 1–2, 6, 9, d 1,3–16 см). В Фергане, на поселениях Чуст и Дальверзин, найдены каменные матрицы для отливки зеркал с овальным диском, подобные зеркалам из Сапаллитепе, Тулхара, Тигровой Балки (Рузанов 2013: рис. 154: 4, 7, 8; **рис. 15: 24, 25**).

Однако на юге Средней Азии на поселении Сапаллитепе в погребении под полом найдены два двусоставных зеркала с припаянной боковой ручкой (не стержнем) (Kaniuth 2006: 178, abb. 12–13); Рузанов 2013; **рис. 16: 1–2**). Одно из них датировано в пределах XVII–XI вв., второе — XVII–XVI вв. до н. э. Но возможно ли их появление в Средней Азии уже во II тыс. до н. э.? Этот тип зеркал был признаком культур северного пояса, которые до I тыс. до н. э., помимо него, нигде не зафиксированы. Но ближе к концу I тыс. они стали появляться на территории Ирана. На одном из них Дейламан) приклепанная ручка с горизонтальными валиками напоминает детали ручки сапаллинского зеркала (**рис. 16: 2; 18: 5**). Вопрос датировки сапаллинских зеркал остается открытым.

В связи с вопросом о времени появления зеркал с прикрепленной ручкой уже во II тыс. до н. э. примечательны находки в Средней Азии, Северном Афганистане и Белуджистане зеркал с припаянной ручкой в виде, по словам авторов, стилизованной женской фигурки (Сапаллитепе, Гонур, Дашлы-3, Kaniuth 2006: 66, 178, Abb. 10–11; Рузанов 2013: 180–181, рис. 155: 4–6; Сарианиди 1978: рис. 40: 2; он же: 1981: рис. 1; **рис. 16: 6–8**). Центр их изобретения не был установлен. Предположение В. И. Сарианиди об их иранском происхождении (Сарианиди 1978: 78) не подтверждается. Прежде всего они различаются стилем изображения женских фигур и позой рук. В Средней Азии (Сапаллитепе) и в соседних названных выше регионах руки/стебельки опущены вдоль «тела», которое по существу не изображалось — это или гладкая рукоять, или гладкая рукоять с примитивным обозначением пола. Тем не менее В. И. Сарианиди сравнил эти зеркала с иранскими зеркалами из коллекций госпожи Малеки и А. Годара, которые датируются не ранее конца II — начала I тыс. до н. э. (Vanden Berghe 1964: pl. XLVII: 351, d 15 см; Waele 1982: 213, figs. 185, 186, d 20×21,3 см; **рис. 16: 9–10**)¹. Но эти зеркала отличаются реалистичным изображением женского тела и поднятыми вверх руками, которые поддерживают диск зеркала. Эта поза рук у реалистично изображенных женских фигурок/кариатид сохранилась в Иране и позднее (Масджид-и Сулейман в Хузистане, не ранее V в. до н. э.; Ghirshman 1971: 173–174, pl. IIIId; **рис. 16: 11, 12**). Такая же форма

¹ Фигурки обеих ручек зеркала похожи, на **рис. 16: 9** представлен рисунок только спины кариатиды зеркала из коллекции А. Годара.

ручки у зеркала из могильника скифского времени близ села Астанино в Восточном Крыму (Кузнецова 2002: рис. 26). Известны зеркала с кариатидами в восточной Греции и Ионии, но вопрос об их египетском происхождении здесь не рассматривается.

В связи с вопросом о времени появления зеркал с прикрепленной ручкой нужно вернуться к находкам зеркал в Египте. Здесь между 1580–1200 гг. (период XVIII–XIX династий) существовало три подтипа зеркал с ручкой в виде женских фигурок: кариатид с поднятыми руками, фигуры с опущенными вдоль тела руками или с согнутой рукой возле груди (1580–1200 гг. до н. э., Scharff 1920–21: 127, 132, Fig. 109; Bénédite 1907: pl. X, XI; Landa, Lapis 1974: инв. № 2377 № 62; инв. № 2375 № 63; **рис. 16: 3–5**). За пределами Египта пока обнаружен только первый подтип. Как уже отмечено, у всех этих скульптурных женских фигурок обычно поднятые руки «поддерживают» диск зеркала. Эта поза сохраняется и позднее (не ранее V в. до н. э.) в Масджид-и Сулейман (Иран, **рис. 16: 12**); кроме этой позы, у трех ручек фрагментированных зеркал из этого памятника левая рука кариатиды упирается в бедро, но не возле груди, как у египетского подтипа (**рис. 16: 11**). Возможно, это было местное подражание египетским зеркалам? Парфянским временем (около середины III в. до н. э. — первая четверть III в. н. э.) датируется зеркало с ручкой такой же формы из Ирана (частная колл. *Bronzes et terres cuites* 1980: № 233).

Пока нет оснований связывать происхождение бактрийских зеркал со стилизованными «женскими фигурами» с египетскими, прежде всего по данным хронологии. Если раньше сапаллинский этап датировался второй четвертью II тыс. до н. э., то сейчас датировка понизилась до XX–XVII вв. до н. э. (Kaniuth 2006: 66–70, 177–179). В любом случае эти бактрийские зеркала раньше египетских. Примечательно, что на территории южного пояса от Средиземноморья до Ирана зеркала второго и третьего подтипов египетских зеркал с ручками в виде женских фигурок с опущенными вдоль тела руками или согнутой рукой возле груди не обнаружены. Помимо цельнолитых зеркал с боковым стержнем здесь обнаружены только зеркала с ручками в виде кариатид.

Вопрос о происхождении бактрийских зеркал с припаянной ручкой со «стебельками» вдоль нее мог бы оставаться открытым, но существует мнение С. Пигготта о местном белуджистанском происхождении этого вида зеркал (Пакистан, Piggott 1962:

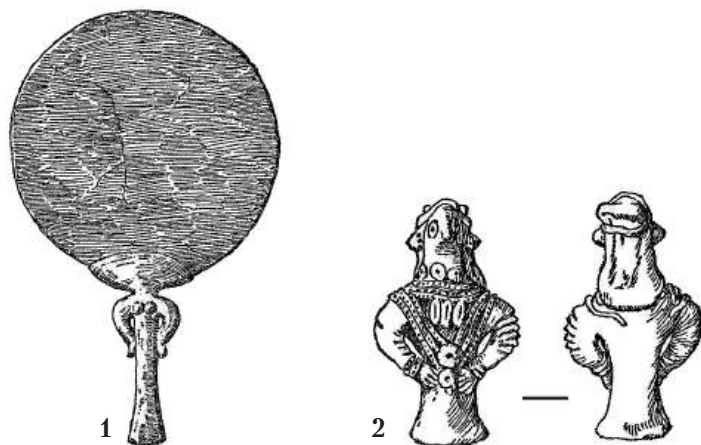

Рис. 16а. Бронзовое зеркало и терракотовая фигурка из могильника Мехи

111–112, fig. 11; **рис. 16а: 1**). И следует подчеркнуть, что белуджистанский экземпляр датируется значительно раньше всех видов зеркал с ручками в виде женских фигурок. Могильник Мехи, откуда происходит это зеркало, был отнесен С. Пигготтом к культуре Кулли¹, синхронной хараппской культуре (этап II), Мохенджо-даро и Чанху-даро I, и которая датируется III тыс. не позднее рубежа III–II тыс. до н. э. (idid.: tabl. II). В пользу местного происхождения зеркала из Мехи может свидетельствовать и находка в этом же могильнике нескольких терракотовых женских фигурок с аналогичной позой рук (**рис. 16а: 2**). Пока нет оснований отказываться от мнения С. Пигготта о белуджистанском происхождении этого вида зеркал уже в III тыс. В начале II тыс. до н. э. они появились на соседних территориях к северу от Белуджистана в Афганистане и на юге Узбекистана. Совпадает даже такая деталь, как складки на рукаве женской одежды на терракотовых статуэтках из Мехи и на сапаллинском зеркале (**рис. 16: 6, рис. 16а: 2**). Белуджистанское зеркало может служить одним из доказательств существования культурного импульса из южного очага в северном направлении уже на рубеже III–II тыс. до н. э., но пока только до Средней Азии. Это направление подтверждается и дальнейшим продвижением других видов зеркал с юга от Индии до Евразии (см. ниже).

¹ О спорности этого предположения (Possehl 1986: 1–7, ff.)

Итак, египетский тип цельнолитых зеркал с боковым стержнем, который вставлялся в ручки разнообразной формы, распространился в III–I тыс. до н. э. по всему южному культуруобразующему поясу. Но из всех египетских видов зеркал с прикрепленными ручками за пределами Египта на территории южного пояса известны только ручки в форме кариатид. Можно ли считать появление в Иране зеркал с ручками в виде женских фигурок с левой рукой у бедра (**рис. 16: 11**) местным вариантом египетских оригиналов?

К северу от южного культуруобразующего пояса (Египет, Восточное Средиземноморье, Месопотамия, Иран, юг Средней Азии, Афганистан, Пакистан) на территории северного пояса — Евразийский регион, некоторые районы Средней Азии и Китай — в середине II тыс. до н. э. появился иной тип зеркал с петелькой/ручкой в центре диска и чуть позднее зеркала с боковой ручкой, изготовленной отдельно и затем припаянной или приклепанной к диску. Происхождение зеркал с петелькой на территории северного пояса не определено однозначно. Одни исследователи связывали его происхождение с Южной Сибирью (Минусинская котловина), где они появились в середине II тыс. до н. э. (Лубо-Лесниченко 1975: 8), в андроновский период (XVI–XII вв. до н. э.) они известны и в Западной Сибири (Томский могильник, Комарова 1952: 19, 30, **рис. 17: 7**) и в верховье р. Обь (Ближние Елбаны XIV, Грязнов 1956: 16, табл. 1П: 3, **рис. 17: 8**). Другие исследователи считают центром их (независимого?) появления Китай, где самые ранние единичные экземпляры известны начиная с XIII в. до н. э. (d от 6,5 до 15 см, Варёнов 1985: 166–172, рис. 1 и 2; **рис. 17: 1–4**). В Китае самые ранние по времени зеркала моложе сибирских и их находки единичны. Но уже с VIII в. в Китае начинается их массовое производство, причем зеркала «по форме первоначально повторяли сибирские, с V–IV вв. начинается импорт китайских бронзовых зеркал на сопредельные территории» (Бокковенко и др. 1999: 47; **рис. 17: 9–11**). Выводы Е. И. Лубо-Лесниченко не подтверждают находки зеркал с петелькой на обороте в Северной Бактрии, в памятниках сапаллинской культуры XX–XVII–XV вв. до н. э. Н. Л. Членова считала центром появления этих зеркал именно Среднюю Азию, откуда они во второй половине II тыс. до н. э. проникли в Южную Сибирь (Членова 1967: 89–90). Она исключила китайские зеркала из числа возможных

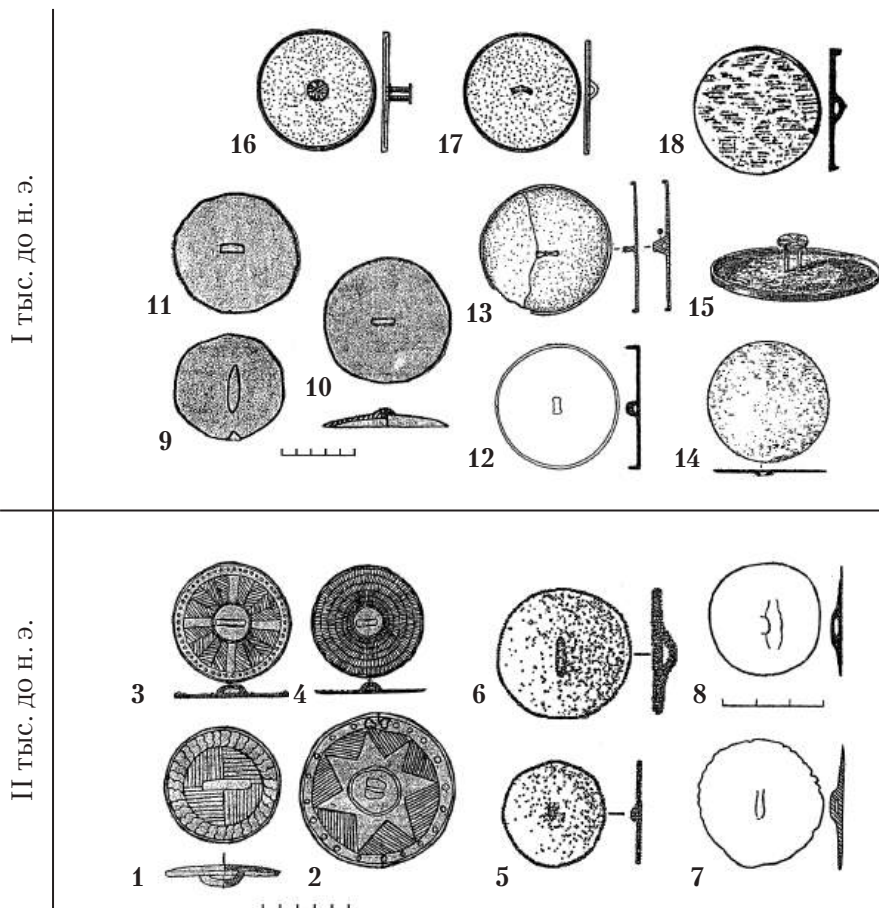

Рис. 17. Бронзовые зеркала с петелькой на оборотной стороне II–I тыс. до н. э. 1–4 — Китай эпоха Инь (XIII–XI вв. до н. э.); 5–6 — Средняя Азия (Джаркутан начало II тыс.; Бустан VI середина II тыс.); 7 — Западная Сибирь (Томский могильник/Малый мыс, XVI–XII вв.); 8 — Западная Сибирь (XVI–XII вв. Ближние Елбаны XIV); 9–11 — Китай эпоха Западное Чжоу (XI–VIII вв. до н. э.); 12 — Средняя Азия (могильник Уйгарак); 13 — Украина (курган Переп'ятиха); 14, 15, 18 — Северный Кавказ, Мебельная фабрика, Минеральные воды (14 — VIII — начало VII в., 15, 18 — VI в. до н. э.); 16, 17 — Украина, Роменская группа

прототипов, т. к. «все они с очень сложным и богатым орнаментом», тогда как «степные» зеркала чрезвычайно редко орнаментировались (там же: 89). Ее заключение подтверждается новыми исследованиями, которые, в частности, позволили удревнить до начала II тыс. до н. э. джаркутанский этап и до середины II тыс. бустанский этап сапаллинской культуры (рис. 17: 5–6).

В начале I тыс. до н. э. зеркала с центральной петелькой разнообразной формы найдены в памятниках, датируемых раньше начала их «массового производства» в Китае. На Кавказе в ареале кобанской культуры они датируются уже VIII — началом VII вв., т. е. до начала их импорта из Китая (Козенкова 2013: 81–82, рис. 38: 1; **рис. 17: 14**) и второй половиной VI в. (там же: рис. 38: 2–4; **рис. 17: 15, 18**); они известны даже на территории Украины (там же: рис. 38: 6–7; Скорий 1990: рис. 9: 1; **рис. 17: 16–17**). В Минусинской котловине их находки отнесены Н. Л. Членовой к раннетагарскому времени (VII–VI вв. до н. э., Членова 1997: 22–26, табл. 1, рис. 17: 12; 18: 4–5; 19: 6; 21: 12 и др.). В Средней Азии они найдены в сакских могильниках Приаралья в низовьях Сырдарьи (Уйгарак и Тагискен), причем здесь не обнаружены зеркала с боковой ручкой (Вишневская 1973: 84–85; табл. II: 9, IV: 6, XVI: 13; **рис. 17: 12**). На территории Ирана зеркала с центральной петелькой не обнаружены.

В I тыс. до н. э. начинается региональное взаимодействие обоих поясов на востоке южного пояса на север через Среднюю Азию и, соответственно, обратно на юг.

В скифское время на территории северного пояса появились зеркала с боковой ручкой, отлитой вместе с диском (курган Переп'ятиха, Днепровское правобережье, Скорий 1990: 60, рис. 9: 2, 3), серединой I тыс. до н. э. датируется подобное зеркало из Филипповского кургана (№ 29, погр. 4) на Южном Урале (Сокровища сарматских вождей 2023: 196, кат. 10.3). В Южном Зауралье они датируются второй половиной IV–III вв. до н. э. (могильник Сибай I, Васильев, Фёдоров 2021: 24, рис. 5: 1–3; 34, рис. 18: 1; 72, рис. 45: 7). Но у этих зеркал ручки не являются стержнем для насадки рукоятки из другого материала, а копируют саму широкую рукоятку. Здесь же в раннескифское время (середина VII в. до н. э.) известны единичные находки двусоставных зеркал с боковой ручкой, которая отливалась отдельно от диска и прикреплялась к нему при помощи заклепок или припаивалась. Предполагать связь этих зеркал с сапаллинскими двусоставными зеркалами начала II тыс. до н. э. (**рис. 16: 1–2**) нет оснований. В предскифское время зеркала в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе «в погребальных древностях» неизвестны (Алексеев 2005: 161, рис. 1 и 3). На некоторых дисках имеются выступы с отверстиями, к которым прикреплялась ручка.

Изначально на территории северного пояса не было цельнолитых зеркал с боковым стержнем для насадки ручки. Одним из очевидных источников заимствования для этого региона стала Древняя Индия. Об этом, например, свидетельствуют находки в могильниках Алтая, Южного и Среднего Урала, так называемых зеркал-погремушек, которые в Индии были ритуальным музыкальным инструментом. Они изготавливались «из двух склепанных бронзовых дисков», по краям тыльного диска в полости валиков насыпались мелкие кусочки из металла особого состава, которые при потряхивании издавали музыкальные звуки. Считается, что первоначально они производились в V–IV вв. до н. э. на территории Северо-Западной Индии и Бактрии (Шульга, Оборин 2021: 9, рис. 3). На Южный Урал (и отсюда на север на Средний Урал) зеркала-погремушки поступали через Дахистан (Юго-Западная Туркмения); на Алтай — через Афганистан и степи Казахстана (там же: 17, 18). Гравированные изображения на зеркалах персонажей индийского эпоса бесспорно подтверждают их индийское происхождение (Vassilkov 2010: 3–9).

Не исключается, что ранние кочевники евразийских степей сохранили воспоминания об общих древних индоарийских верованиях и не прерывали прямых связей с Индией (Фёдоров 1998: 88–90). Не менее показательно в связи с индийским происхождением зеркал/погремушек на севере следующее: в Индии зеркало как сакральный атрибут участвовало в ритуале «возвеличивания мощи» героев перед битвой; воин пьет из ритона священный напиток и затем прикасается к зеркалу, которое держит в руках жрица, что вдвое увеличивает мощь героя (эпос Махабхарата); изображение этой сцены проникло и в скифский мир (Чертомлык, Vassilkov 2010: fig. 8). Также считается, что в этой сцене девушка в зеркале видела лицо суженого и вручала ему кубок в знак своего согласия стать его женой (комм. Я. В. Василькова). В письменных источниках Ирана отсутствуют упоминания зеркал в каком-либо контексте.

В III–II вв. до н. э. на территории северного пояса вместо зеркал-погремушек появились их копии без «закрытых полостей с гремющими кусочками металла» (Шульга, Оборин 2021: 11). Именно тогда эти копии и могли проникнуть в Иран, где они обнаружены в Прикаспии (рис. 18: 1–3, 6). Здесь в Дейламане возле деревни Хассанимахале в двух могилах найдены копии

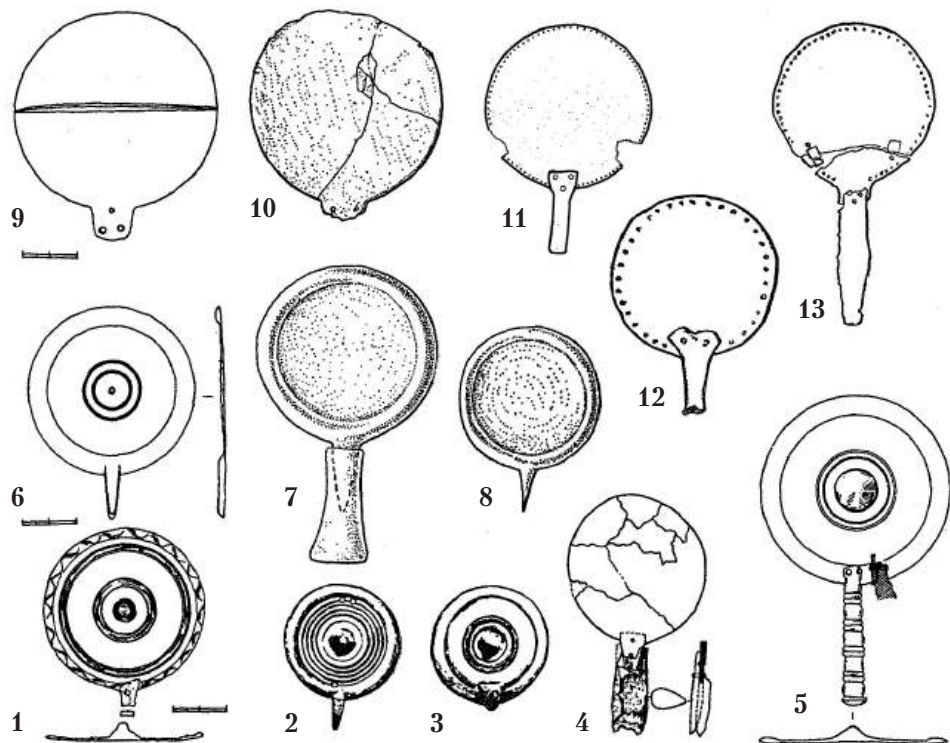

Рис. 18. Бронзовые зеркала в конце I тыс. до н. э.

1–6, 9, 11 — Иран (1, 6 — Хассанимахале, мог. 4, 7; 2, 3 — Гилян (музейная колл.); 4 — Норузмахале, мог. D-IV; 5 — Дейламан, случайная находка; 9 — Галекути II, мог. 5; 11 — Кани Котер); 7, 8, 10 — Прохоровская культура (7 — Альт-Ваймар, курган Д 17: 5; 8 — Старые Кишки, курган 13: 10; 10 — Кара-Оба, курган 9); 12 — Бобрица, курган 60; 13 — Лисовичи, курган 1 (ручка зеркала железная)

зеркал/погремушек; одно из них имело заостренный стержень/штырь (мог. 7), другое имело отверстие в основании стержня и следы деревянной ручки, прикреплявшейся к стержню при помощи железной заклепки (мог. 4). Зеркала украшены слабо рельефными концентрическими кругами по краю диска и в его центре, зеркало из могилы 4 имеет небольшую выпуклость в центре диска и по его краю дополнительно украшено волнистой линией. Авторы датировали эти зеркала I–III вв. н. э. (Sono, Fukai 1968: 31, 64, pl. LXIII: 6, мог. 4, LXX: 3, мог. 7; **рис. 18: 1, 6**). Еще два зеркала такого же типа происходят из соседнего с Дейламаном Гиляна. Одно из них со штырем, на другом сохранились следы

приклепанного стержня, они датированы парфяно-сасанидским временем (хранятся в Музее Токио, d 10,4 и 10,6 см; Заднепровский 1971: 135, табл. XX: 6, 7; **рис. 18: 2, 3**).

В Иране кроме копий/погремушек, появившихся в конце I тыс. до н. э., интерес представляет двусоставное зеркало из подбойного захоронения (D-IV) прикаспийского могильника Норузмахале. Оно датировано авторами в широком диапазоне между концом IV в. до н. э. и началом III в. н. э. (Egami, Fukai, Masuda 1966). На приклепанный к диску выступ надета костяная ручка, которая состояла из двух пластин, соединенных с выступом заклепками (**рис. 18: 4**). О происхождении этих зеркал из регионов северного пояса свидетельствует: во-первых, отлитый вместе с диском заостренный короткий штырь (мог. 7), который является характерным признаком зеркал прохоровской культуры с IV по II вв. до н. э. (Мошкова 1968; **рис. 18: 7, 8**); во-вторых, это зеркало имеет очевидные следы повреждения. Это была первая находка такого рода на территории Ирана; обычай порчи зеркала при захоронении существовал на территории северного пояса. Считалось, что зеркало, отражавшее душу его владельца при жизни, должно было «погибнуть» вместе с умершим. Интересную деталь обнаруживает погребальный обряд хунну. Фрагмент разбитого зеркала оставался у родственника умершего и после смерти этого родственника помещался уже в его могилу, и встреча обоих родственников на том свете была предрешена (Николаев 2024: 51). В-третьих, катакомбные, как и подбойные могилы также являются признаком культур северного пояса. На территории Ирана подбойно/катакомбные могилы, кроме прикаспийских, нигде не обнаружены. Но на севере, например, в Оренбуржье (в V Бердянском могильнике) подбойно/катакомбные могилы (III–II вв. до н. э.) такой же конструкции, как и в Прикаспии (Моргунова, Мещеряков 1999). В I тыс. до н. э. катакомбные и подбойные захоронения появились и в Средней Азии, что исследователи обычно связывают с продвижением кочевых племен на юг (см., например, посвященные этой теме статьи в коллективной монографии — Кочевники на границах Хорезма 1979). В среднеазиатских катакомбных захоронениях также найдены зеркала сарматских типов, в том числе и поврежденные.

Принципиально отличается от описанных прикаспийских зеркал со стержнем зеркало из прикаспийского могильника

Галекути II (мог. 5). Вместо стержня на краю диска небольшой подпрямоугольный выступ с тремя отверстиями, отлитый вместе с диском (Sono, Fukai 1968: 45, pl. LXXX, 4; **рис. 18: 9**). Авторы сомневались в назначении этих отверстий для прикрепления рукоятки. Но именно так крепились к диску отдельно изготовленные ручки на территории «северного пояса». Авторы датировали это зеркало ахеменидским временем до IV в. до н. э. (*ibid.*: 64). Ю. А. Заднепровский в своем обзоре прикаспийских находок отнес это зеркало к сарматскому типу; согласно М. Г. Мошковой, такие зеркала были распространены в III–II вв. до н. э. на Волге и в междуречье Волги и Урала (Мошкова 1968: табл. 27: 10; Заднепровский 1971: 134–136, табл. XX: 4). А. М. Хазанов считал, что они были в употреблении на протяжении всего прохоровского и сусловского этапов сарматской культуры (IV в. до н. э. — I в. н. э.; Хазанов 1963: 63; Заднепровский 1971: 135–136). В Прикубанье зеркала с выступом были распространены во II — первой половине I в. до н. э. (Берлизов и др. 2019: 162). Итак, зеркало с выступом из могильника Галекути II датируется после IV в. до н. э. ближе к концу I тыс. до н. э., как и остальные прикаспийские зеркала, рассмотренные выше.

Имеющиеся данные (подбойная конструкция могил и зеркала) позволяют предположить, что эти могилы скорее всего могли принадлежать «иноземцам» — отдельным представителям кочевых племен, по каким-то причинам проникшим в Прикаспийский район из Средней Азии и захороненным здесь. Однако, по-видимому, не все так однозначно. Существует вполне обоснованное мнение (главным образом по керамическим данным) о вхождении в начале I тыс. до н. э. Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана в «единую историко-культурную область» (Мурадова 2024: 159–161, там же литература). Это единство существовало и в период Ахеменидского царства.

И все-таки следы северного импульса остаются. Помимо упомянутых зеркал из Прикаспия (**рис. 18: 4, 9**), о существовании северного культурного импульса свидетельствует находка зеркала в могильнике Кани Котер на территории Маннейского царства на западе Ирана; оно имеет широкую боковую ручку (не стержень), прикрепленную к круглому диску (d 15 см) при помощи трех заклепок и циркульной перфорацией по краю диска (Amelirad, Azizi 2021: 65, fig. 15; **рис. 18: 11**). Циркулярная перфорация или

точечный орнамент по краю диска встречается на составных зеркалах из погребений IV–III вв. до н. э. северного пояса (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 127, рис. 40: 2, 3, 5, 7; **рис. 18: 12, 13**). К тому же диск зеркала из Кани Котер, судя по фото, был обломан с двух сторон (*ibid.*); это второе зеркало на территории Ирана с признаком традиции народов северного пояса при погребении умершего портить зеркало. Погребальный инвентарь разграбленной могилы в Кани Котер датируется не позднее первой половины VII в. до н. э. Причины появления в этом могильном комплексе предметов, происхождение которых связано с регионом к северу от Ирана в Закавказье, будут рассмотрены ниже (гл. VI § 2. 5). Авторы отмечают, что могила в Кани Котер была ограблена и затем засыпана (Amelirad, Azizi 2021: 57), что затрудняет возможность утверждать о наличии позднего подхоронения. Однако некоторые предметы, найденные в могиле, не исключают такой возможности. Прежде всего, это двусоставное бронзовое зеркало с приклепанной ручкой; авторы не рассматривают эту находку, т. к. считают, что зеркала были широко распространены на Ближнем Востоке и поэтому не могут служить «характеристикой конкретного региона» (*ibid.*: 65, fig. 15). Но следует отметить, что отсутствие зеркал в Закавказье оставляет единственный путь их проникновения в Иран через Среднюю Азию. Рассмотренные выше зеркала позволяют считать, что зеркало из Кани Котер не могло появиться в центре Ирана (Манна) раньше, чем они появились в прикаспийских могильниках в конце I тыс. до н. э. В этой могиле также найдены две косметические или ушные металлические ложечки (металл не указан) с кольцом из проволоочной спирали на конце ручки; это редкие находки, но авторы нашли им ближайшую аналогию в Турции на поселении «Ранней Византийской эры» (*ibid.*: 58, 69, fig. 21).

В заключение следует подчеркнуть, что во-первых, распределение зеркал разных типов свидетельствует о существовании двух культурообразующих поясов. Изначально пояса были разделены (в данном случае для зеркал). Только в I тыс. до н. э. начинается их взаимодействие через относительно небольшой регион на востоке южного пояса — через Среднюю Азию. Считать это взаимодействие существенным для южного пояса нет оснований. В Иране находки северных типов зеркал, за одним исключением, сосредоточены только в Прикаспии (соседнем со Средней Азией).

Западнее Ирана они не обнаружены. Если для южного культурообразующего пояса существенными были импульсы, направленные с запада на восток (что прослеживается и на другом материале), то для северного пояса во все времена — с востока на запад от Китая до Европы. Хотя форма зеркал не изменялась на протяжении не одной тысячи лет и часто не может служить основанием для датировки, они являются культурообразующим признаком древневосточных археологических комплексов.

Возвращаясь к рассмотрению зеркал из могильника Сиалк В, следует подчеркнуть, что все они относятся к первоначальному «египетскому» типу цельнолитых зеркал с боковым стержнем; единственное различие, пожалуй, в преобладании в Сиалке В круглых дисков без уплощения, но их размеры в одном диапазоне с египетскими. Все 10 экземпляров были найдены в могилах 7 b, 21, 38, 52 (2 экз.), 53, 61, 66 (2 экз.), 123 (Ghirshman 1939: pl. LII, S.580; LIX, S.621; LXV, S.856; LXVIII, S.712, S.727; LXIX, S.953c; LXX, S.900a; LXXIII, S.935a, b; LXXIX, S.988b). Размеры дисков от 10,5 см до 15 см, в одном случае (мог. 52) — 18×16 см (незначительное горизонтальное уплощение диска); длина стержней от 3,5 см до 7,5 см, в могиле 52 его длина 12 см. Было опубликовано фото еще одного зеркала без указания могилы (*ibid.*: 59, 220, S.678; d 13 см, pl. XXIX, 8). Отверстия на стержнях, судя по рисункам, отсутствуют и автором не отмечены (*ibid.*: 59). Аналогии сиалковским зеркалам имеются в Хасанлу IV; о его спорной датировке (см. гл. III). Предложенная автором дата гибели Хасанлу IV в 714 г. до н. э. подтверждается в том числе и датировкой могильника Сиалк В второй половиной VIII в. до н. э.

Египетский тип сиалковских зеркал служит еще одним доказательством принадлежности культуры Сиалка В южному культурообразующему поясу. Первоначально, как уже было отмечено выше, исследователи пытались найти в ней признаки культур ираноязычного населения северного пояса. Но их в Сиалке В нет. В этой связи примечателен еще один факт. Предполагается, что именно у североиранских народов существовал обычай класть в могилу умершего разломанное зеркало или его фрагменты. «Зарождение этого обычая можно относить уже ко времени савроматской культуры» около VII в. до н. э. (Хазанов 1964: 94). Порча зеркала могла «скрывать намерение умертвить зеркало или, вернее, то, что в нем скрыто» (его магические силы) в соответствии

с новым положением его владельца и с верой в то, что душа владельца отражалась в зеркале и после его смерти должна была сопровождать его в загробный мир, «что и достигалось порчей его зеркала» (там же: 94). Этот обычай широко распространился за пределы Сарматии и в последние века I тыс. до н. э., в частности, в Среднюю Азию, где существовал и в первые века н. э. (Литвинский 1964: 97–104; он же 1971: 38–47, табл. 1–3). В соседний Иран этот обычай не проник, а две находки поврежденных зеркал, найденные в Прикаспии и Манне, могут свидетельствовать о захоронении здесь носителей культуры, проникших сюда с территории северного пояса и похороненных здесь, согласно их обычаю, в подбойно/катакомбных могилах по крайней мере в Прикаспии.

Следует отметить, что если для южного культуруобразующего пояса существенными были импульсы, направленные с запада на восток (что прослеживается и на другом материале), то для северного пояса во все времена — с востока на запад от Китая до Европы.

Бронзовые зеркала служат дополнительным доказательством вхождения стран Древнего Ирана в единый южный культуруобразующий пояс, существовавший в III–I тыс. до н. э. от Древнего Египта и стран Восточного Средиземноморья до Древней Индии. О его существовании определенно свидетельствует конструкция конской узды. Формирование конской узды происходило независимо от ее развития на территории северного культуруобразующего пояса, то же самое относится и к традиционному типу черешковых стрел (см. гл. I, § 2). Расписная керамика из Сиалка В также свидетельствует о западном источнике происхождения сиалковской вазописи.

В заключение необходимо подчеркнуть основной вывод, сделанный в результате анализа погребального инвентаря могильника Сиалк В. Из всех предложенных исследователями датировок этого памятника в диапазоне от 1000/900 до 750/700 гг. до н. э., в работе были приведены доказательства его датировки 750–700 гг. Этому выводу, в первую очередь, способствовал анализ керамики, а именно выявленные параллели между росписью на сиалковской керамике и вазописью позднего геометрического стиля Греции (760–700 гг.). Но поскольку существуют такие параллели и между греческой и фригийской вазописью, то необходимо было сопоставить последнюю с сиалковской. Все четыре элемента греческой формулы вазописи использовались в обоих регионах, но

между ними имеется не только сходство, но и различия, которых нет между греческой и сиалковской росписью. В пользу непосредственной близости греческой и сиалковской изобразительности в VIII в. до н. э. свидетельствует также одинаковая манера изображения щитов, плетеная фактура которых передана в виде «шахматной доски». Не противоречат этой связи и изображения шлемов с гребнем. Открытым остается вопрос о причине и сути этого культурного импульса из столь отдаленного очага. На промежуточной территории сиалковская вазопись нигде не обнаружена. Но существование южного культурообразующего пояса существенно дополняют находки бронзовых цельнолитых зеркал египетского типа в Сиалке В. В результате этот пояс расширяется от Средиземноморья и Египта до Древней Индии. Независимое формирование конской узды и использование только черешковых наконечников стрел в пределах южного культурообразующего пояса свидетельствует об отсутствии следов культурных традиций народов северного пояса в Сиалке В. Могильник Сиалк В, находясь в центре современного Ирана, занимает промежуточное положение в этом поясе, и культура населения, оставившего этот могильник, получала культурные импульсы, идущие с запада на восток.

СПИСОК И ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Изображения человека: **1–2** — Сиалк В (Ghirshman 1939: pl. XC, 1, 2); **3** Аттика (Hampe 1936: Taf. 22b); **4** Аттика (Kübler 1954: Taf. 69, 4923); **5–6** Беотия (Hampe 1936: Taf. 29/v. 9; 23/v. 35).

Рис. 2. Копытные животные: **А** — Сиалк В (Ghirshman 1939: pl. LXXXIV, В; LXXXI, А, D; XCI, А 12; В 5, 10); **В** — Греция, геометрический стиль (Coldstream 1968: 39, pl. 7 с); **С** — Греция, ориентализирующий стиль (Medvedskaya 1986: Pl. II/c).

Рис. 3. Хищные животные: **1** — колл. К. Трюнигера (Ghirshman 1974/7: fig. 7); **2** — колл. А. Годара (Ghirshman 1939: pl. LXXXVI, В); **3** — Аттика (колл. Лондон) (Beazley 1951: pl. 1: 1); **4** — Аттика (колл. Копенгаген) (Jacobsthal 1951: pl. XXXI, С); **5** — Аттика (Керамик) (Kübler 1954: Taf. 69, 4923); **6** — Беотия (Hampe 1936: Taf. 25/v. 46).

Рис. 4. Беотийские фибулы (Hampe 1936: 1, 2 — Taf. 12, 14; 3 — Taf. 10, 32).

Рис. 5. Керамика, метопная схема: **1–7** — Сиалк В (Ghirshman 1939: pl. LXVII, S.729b, S.729c, S.709, S.701, S.707, S.734, pl. LXXX A); **8** — Греция Афины (Coldstream 1968: pl. 8, f. 16193); **9–10** — Керамик (Kübler 1954: Taf. 119, 381).

Рис. 6. Керамика, заполняющий орнамент: **1–8** — Сиалк В (Ghirshman 1939: pl. LXXXVII, S.1764, S.1548, S.1677, S.905, LXXXIII, F; XCI, 2; XC, S.707, 6); **9–12** — Греция (9, 10, 12 — Coldstream 1968: pl. 14/e; 11 — Courbin 1966: pl. 74 с. 2463).

Рис. 7. Керамика, Фригия: **1–3** — раннефригийский стиль; **4, 6** — переходный стиль; **5** — развитой стиль (Akurgal 1955: 1–3 abb. 1, 11, 14; 4, 6 abb. 15, 18; 5 abb. 29).

Рис. 8. Керамика, «текстильный» стиль, Гордион (Akurgal 1955: Taf. 14a).

Рис. 9. Расписной сосуд, Сиалк В (**1**) (Ghirshman 1974/1977: fig. 6) и его прорисовка (**2**).

Рис. 10. Рельеф из дворца Ашшурнацирапала II, Нимруд, IX в. до н. э. (Layard 1853 (1): pl. 17).

Рис. 11. Щиты на Древнем Востоке во II–I тыс. до н. э. **1–4** — рельефы на ортостатах: **1** — Сам’аль (Зинджирли), IX в. до н. э.; **2** — Гузана (Тель-Халаф), IX в. до н. э.; **3** — Каркемиш, IX–VIII вв. до н. э.; **4** — Кара-тепе, ок. 730 г. до н. э.; **5** — костяная пластина, Гордион, мегарон 3, VIII в. до н. э.; **6, 7** — рельеф времени Рамсеса II, XIII в. до н. э.; **8** — деревянная статуэтка, Сиут, XX–XIX вв. до н. э.; **9** — бронзовая статуэтка, Мегиддо, вторая половина XI в. до н. э.; **10** — костяная пластина, Мегиддо, XIII–XII вв. до н. э.; **11, 14, 16** — сиро-палестинские воины, рельефы, Карнак, XIII в. до н. э.; сиро-палестинские воины, **12–13** — роспись на шкатулке, гробница Тутанхамона, XIV в. до н. э.; **15** — слоновая кость, Мегиддо, XIV–XII вв. до н. э.; **20** — хеттский воин, египетский рельеф, XIII в. до н. э.; **21–23** — золотые фибулы, имитирующие форму щитов, Аладжа-Хююк, XXIII вв. до н. э. (Горелик 1993: табл. LXIII–LXIV); **17–19** — Анатолия, XIII в. до н. э. (Borchhardt 1977: abb. 8).

Рис. 12. Осада крепости Кишессу, рельеф из Хорсабада, VIII в. до н. э. (Yadin 1963: 420–421).

Рис. 13. Осада крепости Пазаша, рельеф из Хорсабада, VIII в. до н. э. (Yadin 1953: 425).

Рис. 14. **1–2** — фрагменты керамики, **3** — цилиндрическая печать, Сиалк В (Ghirshman 1939: pl. XC, 1, 2, XCVI, S.810); **4** — золотой пояс, Хан-е Али-Текке (Крит); **5** — металлический пояс, Киклаванд (Луристан); **6** — бронзовый щит, пещера г. Ида (Крит) (Borchhardt 1972: Taf. 25: 2–4).

Рис. 15. Бронзовые цельнолитые зеркала с боковым стержнем. III тыс. до н. э.: **1, 2** — Египет, Старое царство (d’Abbadie 1972: 25573, 4891; Lilyquist 1979: fig. 109); **3, 4** — Ур (Wooley 1934: pl. 250: U 11453, U 11484); **5, 6** —

Сузы (Eliot 1950: лист 24); **7–9** — Мохенджо-даро (Mackay 1937: pl. CXIV: 1, CXXXII: 24, 26); **10** — Фархор (Виноградова, Бобомуллоев 2020: рис. 10: 5); **11, 12** — Шахдад (Некрополь А, погр. 240) (Hakemi 1997: 206 No. 0388, No. 2978). **13** — Алтынтепе (Рузанов 2013: рис. 154: 3). II тыс. до н. э.: **14–17** — Египет (**15** — Среднее Царство, **14, 16–17** — Новое Царство) (d'Abbadie 1972: 773, 774, 14465, 2112); **18, 19** — Газа (Schaeffer 1948: figs. 130: 5, 131: 2); **20** — Мари (Parrot 1937: pl. XV: 3); **21** — Нузи (Starr 1937–1939: pl. 127 F); **22, 23** — Гиссар III (С) (Schmidt 1933: pl. H 451, H 4872); **24** — Сапаллитепе (Рузанов 2013: рис. 154: 4); **25** — Тигровая Балка (Пьянкова 1989: рис. 61: 12). I тыс. до н. э.: **26** — Египет (d'Abbadie 1972: 777); **27** — Марлик (Negahban: pl. 139: 971); **28** — Кайтарие (Медведская 1977: рис. 2); **29** — Озбаки (Джейран тепе) (Маджидзаде 2010–11, илл. 97); **30, 31** — Сиалк В (Ghirshman 1939: pl. LX-VIII, S.712, LXXIX, S.988). **32** — Деве Хююк (Woolley 1915: pl. XXII: 25).

Рис. 16 Бронзовые двусоставные зеркала с боковой ручкой II–I тыс. до н. э. южный пояс. **1, 2** — Сапаллитепе (Рузанов 2013: рис. 155: 1, 3); **3–5** — Египет, XVIII дин. (Landa, Lapis 1974: № 62, 63; Petrie 1890: pl. XVIII: 4); **6, 7** — Сапаллитепе (Рузанов 2013: рис. 155: 4; Сарианиди 1978: рис. 64); **8** — Дашлы-3 (Сарианиди 1978: рис. 40: 2); **9** — Хурвин, колл. А. Годара (Waele 1982: fig. 186); **10** — Хурвин, колл. госпожи Малеки (Vanden Berghe 1964: № 351); **11, 12** — Масджид-и Сулейман (Kurochkin 1994: fig. 34.2: e, f).

Рис. 16а. Бронзовое зеркало и терракотовая фигурка из могильника Мехи (Piggott 1952: figs. 9, 11).

Рис. 17. Бронзовые зеркала с петелькой на оборотной стороне II–I тыс. до н. э. **1–4** — Китай эпоха Инь (XIII–XI вв. до н. э.) (Варёнов 1985: рис. 1: 1–4); **5–6** — Средняя Азия (Джаркутан начало II тыс.; Бустан VI середина II тыс.) (Рузанов 2013: 154: 1–2); **7** — Западная Сибирь (Томский могильник/Малый мыс, XVI–XII вв.) (Комарова 1952: рис. 8: 4); **8** — Западная Сибирь (XVI–XII вв. Ближние Елбаны XIV) (Грязнов 1956: табл. III: 3); **9–11** — Китай эпоха Западное Чжоу (XI–VIII вв. до н. э.) (Варёнов 1985: рис. 2: 2, 3, 7); **12** — Средняя Азия (могильник Уйгарак) (Вишневская 1973: табл. XVI: 13); **13** — Украина (курган Переп'ятиха) (Скорий 1990: рис. 9: 1); **14, 15, 18** — Северный Кавказ, Мебельная фабрика, Минеральные воды (**14** — VIII — начало VII в., **15, 18** — VI в. до н. э.) (Козенкова 2013: рис. 38: 1–3); **16, 17** — Украина, Роменская группа (там же: рис. 38: 6–7).

Рис. 18. Бронзовые зеркала в конце I тыс. до н. э. **1–6, 9, 11** — Иран (**1, 6** — Хассанимахале мог. 4, **7** (Заднепровский 1971: табл. XX: 3, 5); **2, 3** — Гилян (музейная колл., там же: табл. XX: 6, 7); **4** — Норузмахале мог. D-IV (там же: табл. XX: 1); **5** — Дейламан, случайная находка (там же: табл. XX: 2); **9** — Галекути II мог. 5 (там же: табл. XX: 4); **11** — Кани Котер (Amelirad, Azizi 2021: fig. 15)); **7, 8, 10** — Прохоровская культура (**7** — Альт-Ваймар, курган Д 17: 5; **8** — Старые Кишки, курган 13: 10 (Мошкова 1968: табл. 28: 12, 17); **10** — Кара-Оба, курган 9 (там же: табл. 27: 10)); **12** — Бобрица курган 60; **13** — Лисовичи курган 1 (Ковпаненко и др. 1989: рис. 40: 7, 2, ручка зеркала железная).

ГЛАВА III

ПРИУРМИЙСКИЙ РАЙОН. ХАСАНЛУ ТЕПЕ

§ 1. ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ ХАСАНЛУ IV

Многослойное поселение Хасанлу, расположенное на северо-западе Ирана, к юго-западу от оз. Урмия, имеет особое значение в иранской археологии. Последовательность слоев Хасанлу, исследованная американскими археологами в 1950–1970-х годах, охватывающая период от VI тыс. до исламского времени, в значительной степени составляет основу археологической периодизации памятников Древнего Ирана. Три периода Хасанлу — V, IV и III — первоначально служили базой для выделения и характеристики раннежелезного века Ирана, соответственно ЖВ I 1300/1250–1000, ЖВ II 1000–800/750 и ЖВ III 750/700–550 гг. до н. э. (см. главу I, историю вопроса см.: Medvedskaya 1982: 12–15; Медведская 2019: 23–27). Периоды Хасанлу V–IV, культурная преемственность которых считается доказанной, стыкуются во времени. Период V постепенно перерастает в начальную фазу C периода IV без каких-либо нарушений культурной традиции. Фаза же IVB заканчивается большим пожаром, разрушением зданий и последующим запустением (фаза IVA). Новое поселение (период III) возникает здесь спустя некоторый промежуток времени.

Первоначальная дата Хасанлу IVB ограничивалась 1000–800 гг. до н. э. В основе этой датировки лежали типологические параллели между художественными изделиями из Хасанлу и другими памятниками Ближнего Востока, прямой ассирийский импорт и т. п., учитывались также данные радиоуглеродного анализа (Dyson 1965: 198–203). Однако в последующих исследованиях, посвященных вопросам хронологии, стало очевидным предпосещение, отдаваемое датам C₁₄. Так, новая серия анализов C₁₄

позволила Р. Дайсону удревнить начало периода Хасанлу IV примерно до 1150 г., а фазу IVB до 1050 г. до н. э. (Dyson 1977: 547–552).

Столь значительное понижение начальной даты периода Хасанлу IV уже тогда поставило ряд принципиальных вопросов. Во-первых, новая дата Хасанлу IV должна удревнить и Хасанлу V как минимум на те же 150 лет, но его первоначальная дата 1250–1000 гг. до н. э. на археологическом материале не пересматривалась. Удревнение Хасанлу V означало бы и более раннее появление в Иране традиции серо-черной керамики, с которой американские археологи первоначально связывали появление в Иране иранских племен (которое в таком случае должно было бы относиться уже к середине II тыс. до н. э.!) и начало железного века. Для того чтобы не нарушить периодизацию железного века, Р. Дайсон предлагал тогда для ЖВ I дату в пределах 450–350 лет 1450/1350–1000 гг. до н. э. (Dyson 1973: 714; idem 1976: 11), и соответственно Хасанлу IV также должно быть отнесено к периоду ЖВ I.

Перенос начала ЖВ I к середине II тыс. до н. э. не соответствует общей историко-археологической ситуации на Древнем Востоке (Pleiner, Bjorkman 1974: 283–284). Признается, что лишь ЖВ II (1000–800/750), давший реальные находки железных изделий, может считаться железным веком по существу. Но по характеру технологии этот период следует считать переходным, ибо в нем сохраняются технические навыки и приемы обработки металла, выработанные еще в эпоху бронзы (техника наливки бронзы на железный черенок кинжала, некоторые приемы декорации железа и т. п.; Pigott 1977: 231). К этому следует добавить, что при изготовлении железных изделий «преобладала техника выплавки в разъемных и глухих формах, продолжавших традиционные навыки металлообработки позднебронзового производства» (Есаян 1976: 186–187). Эта техника продолжает применяться и позднее, в частности, при изготовлении железного клинкового оружия (см. ниже). Предшествующий период, название которого ЖВ I по существу условное обозначение, и по существу эмбриональный период железного века Ирана. Подразумеваются некие скрытые знания местного населения о железоделательном производстве, реальные же изделия отсутствуют. Наличие этих знаний по существу нельзя ни доказать, ни опровергнуть. При этом только для начала I тыс. до н. э. признается распространение технологических знаний о железе через торговые пути вместе с железными

заготовками или изделиями из них, и в первую очередь со стороны Ассирии (*ibid.*: 227–228). В самой Ассирии железо упоминается в источниках только с XIII–XII вв. до н. э., и вплоть до IX в. до н. э. оно остается драгоценным металлом (Pleiner, Bjorkman 1974: 285–286). О каких скрытых знаниях о железе в Иране XV–XIV вв. в таком случае можно говорить? Некоторые исследователи считают, что носители традиции серо-черной керамики были одновременно и носителями железоделательной индустрии, поэтому они и открывают ЖВ I в Иране. Однако в этом случае, как полагает В. Пиготт, были бы обнаружены признаки этих знаний уже в ЖВ I и можно было бы проследить последовательное распространение железных изделий по территории Ирана. Поскольку же они появляются только в ЖВ II и сразу на обширной территории, то Пиготт не склонен связывать оба этих явления. Напротив, он считает, что, скорее всего, новые племена лишь способствовали реализации знаний местного населения в этой области, что иранцы стали использовать местных кузнецов, которые уже начали развивать металлургию в богатых рудой горах Загроса. Этот период экспериментов нарождающейся железной индустрии подготовил ее расцвет в ЖВ II (Pigott 1977: 231; см. главу I. § 1).

Таким образом, к уже высказанной гипотезе о независимом появлении традиции серо-черной керамики в Иране и движении иранских племен (Medvedskaya 1982; Медведская 2019) можно добавить и независимое становление ЖВ I. Все эти явления не были взаимообусловлены и нет оснований их синхронизировать. В главе I были предложены доказательства того, что, согласно письменным источникам, железный век на Древнем Востоке начался не ранее X–IX в. до н. э., а период XII–XI вв. был переходным этапом, суть которого — сосуществование позднебронзового и раннежелезного веков в период упадка металлургического производства в целом. Следует отметить, что археологического обоснования удревнения памятников с серо-черной керамикой — Хасанлу V и Динха III — авторами не было предложено.

Возвращаясь к вопросу о датировке Хасанлу IV, следует отметить, что удревнение начала этого периода на 350 лет вызывает затруднение в решении конкретных археологических задач. Так, встает вопрос о продолжительности существования отдельных зданий Хасанлу IV. Например, здание VBIII на севере цитадели, которое не пострадало от первого пожара, в таком случае

функционировало не менее 350 лет, что трудно допустить для сырцовой постройки¹.

Первый пожар не вызвал кардинальных перестроек и в других зданиях, которые подверглись лишь незначительным переделкам: пристраивались портики, пилястры, коридоры, возводились колонны, врезались новые дверные проемы и т. п. (Dyson 1977: 550–551). Второй пожар датировался исследователями концом IX в. до н. э. на основании анализов C_{14} сгоревших балок перекрытия и зерна, самая поздняя дата 810 г. до н. э. (ibid.: 550). Затем следует период запустения, в котором, как пишет Р. Дайсон, происходит полное сглаживание руин в результате эрозии. Возникший здесь поселок овцеводов в свою очередь погибает в начале VIII в. до н. э. (фаза IVA). Причем для этой фазы анализы зерна дают две взаимоисключающие группы дат: 790–780 или 1100–900 гг. до н. э. (ibid.: 550). Таким образом, в предложенной Дайсоном реконструкции жизни города, за короткий промежуток времени не более чем 30–40 лет, в Хасанлу IVB и IVA произошло, пожалуй, слишком много событий: гибель города от большого пожара, период запустения, продолжительность которого должна была быть достаточной для того, чтобы мощные стены зданий были уничтожены эрозией, постройка и жизнь поселка овцеводов и наконец гибель последнего. Противоречивой выглядит постулируемая возможность функционирования сырцовой постройки 350–250 лет, мощные стены которой, тем не менее, могут нивелироваться в результате эрозии за одно-два десятилетия. Настораживают две взаимоисключающие группы дат C_{14} анализа зерна, полученные из построек поселка овцеводов, который, очевидно, функционировал сравнительно недолго. Далее, нужно иметь в виду, что дерево в этом регионе очень ценилось и к тому же оно хорошо сохранялось в сухом и жарком климате, поэтому его могли брать из разрушенных построек предшествующего времени. Поэтому вероятно, что балки из построек периода Хасанлу IV

¹ В Хасанлу IV зафиксировано два пожара; они разделяют период IV на три фазы: фаза IVC закончилась первым пожаром, который не вызвал гибели города, по новой датировке Дайсона он случился в середине XI в.; второй пожар уничтожил город IVB в конце IX в.; после непродолжительного периода запустения здесь возник поселок овцеводов (фаза IVA) где-то в половине VIII в. до н. э. (Обозначение зданий BB, используемое авторами, соответствует английскому Burning Building).

согласно радиоуглеродному анализу могут дать дату периода Хасанлу V. Все это заставляет с большой осторожностью относиться к выводам, построенным преимущественно на датах, определенных физическими методами (см. ниже).

Как же определяют хронологию Хасанлу IV предметы материальной культуры? Как уже отмечалось, в основе первоначальной даты лежали ассирийский импорт, местные подражания изделиям Ассирии и других стран Ближнего Востока. Эти предметы следующие.

1. Ассирийские цилиндрические печати IX в. до н. э. и глазурованные плитки с ручкой/кнопкой в центре, время Салманасара III (858–814 гг. до н. э.).

2. Резная слоновая кость северосирийского стиля (группа Lof-tus). Она известна в Нимруде и, как отметил Дайсон, определяет наиболее позднюю по времени группу вещей, найденных в Хасанлу IV. Р. Дайсон приводит мнение М. Мэллована, который датировал ее не позднее начала VIII в. до н. э. (Dyson 1965: 199, note 12).

3. Медные детали мебели, ручки от литых котлов типа найденных в Нимруде и Гордионе. Влияние ассирийского стиля можно видеть на серебряном кубке, орнаментированном электром (Dyson 1965: 199).

К группе вещей IX в. Дайсон отнес крышку от каменного сосуда с клинописной надписью «дворец Баури страна Иди бог солнца Ушиши»¹. Гётце датировал эту надпись не позднее 800 гг. до н. э. По мнению И. М. Дьяконова, по характеру написания клинописных знаков (скоропись) надпись на крышке относится к средне-ассирийскому периоду и IX век можно включить в ее датировку с некоторой натяжкой, разве что его первую половину. Ида упоминается в IX в. в анналах Салманасара III (Медведская 2018: 79, 89, 93, 96–99, 138, 140). Вторая клинописная надпись на другом каменном сосуде из Хасанлу IV выполнена, по мнению И. М. Дьяконова, имитацией письма времени Хаммурапи. Такой стиль письма использовался вплоть до времени Набонида, в надписи упомянуто имя царя касситской династии Кадашман-Энлиль,

¹ Предложенный перевод без разночтений принадлежит И. М. Дьяконову и М. А. Дандамаеву (Medvedskaya 1988: 12, note 3). Перевод О. Мускареллы содержит значительные дополнения «дворец Баури царь страны Ида посвятил богу солнца Ушиши» (Muscarella 1971: 264).

цари с этим именем правили в начале XIV и в XIII вв. до н. э.¹ Оба этих предмета, впрочем, не могут датировать слой IV, т. к. наряду с другими драгоценными и священными предметами (золотой сосуд, архаичное по форме оружие) долгое время хранились в местном храме². Этим обстоятельством объясняются находки в Хасанлу IVB предметов, дата которых связана со второй половиной II тыс. до н. э. Что касается остальных предметов, то их перечень убеждает в том, что нижние границы их дат включают только IX век, материалов X в. до н. э. нет. Напротив, верхний хронологический предел не ограничивается только IX веком. Приведенный Р. Дайсоном материал, строго говоря, не исключает и VIII век. В первую очередь это относится к металлическим предметам. Они имели широкое распространение как раз в VIII в. до н. э., Гордион — это памятник именно конца VIII в. до н. э. (Karageorgios 1969: 89–90, pl. I). Резную слоновую кость группы Loftus специально изучал Р. Д. Барнетт, который датировал ее концом IX — концом VIII вв. до н. э. (Barnett 1957: 49–52; см. ниже).

Таким образом, археологический материал позволял бы датировать период Хасанлу IVB IX–VIII веками (X век допускался исследователями на время, необходимое на постройку зданий и их функционирование до первого пожара). Однако VIII век был сразу исключен из датировки Хасанлу IVB. Время гибели города, как полагали его исследователи, удачно объяснялась историческими событиями в Приурмийском районе в конце IX в. В это время происходит завоевание этой территории урартами, которые создали на западном побережье Урмии плацдарм для дальнейшего завоевания стран Древнего Ирана. Но спустя 100 лет, в 714 г. до н. э., этот плацдарм был уничтожен ассирийским царем Саргоном II. В 1960–1970 гг. исследователи не могли учитывать это сообщение письменных источников, поскольку тогда считалось, что маршрут Саргона в этом районе пролегал вдоль восточного побережья Урмии. Маршрут был пересмотрен позднее (Levine 1977; Медведская 1989). Но эти уточнения, принятые в науке, так ничего

¹ Dyson 1968: fig. 8–9. Анализ почерка был сделан И. М. Дьяконовым.

² Во время последнего штурма города эти предметы пытались вынести из горящего здания три человека, но все они погибли под рухнувшей кровлей. Аналогичное хранение священных предметов зафиксировано, например, в урартском городе VII в. Тейшебаини.

и не изменили в исторической концепции исследователей Хасанлу¹. Исследователи Хасанлу продолжают считать, что город погиб в результате штурма урартскими войсками в период совместного правления Ишпуини и Менуа в конце IX в. до н. э. (Cifarelli 2019: 31). Действительно, конкретные боевые действия и завоевания конкретных территорий начинают упоминаться в урартских текстах только в период их совместного правления, хотя в них продолжают преобладать описания строительных и богоугодных дел. В правление Ишпуини сообщения о военных походах отсутствуют. Правда, в единственной надписи его предшественника Сардури I (ок. 840–830/823), повторенной шесть раз, говорится о храбрости царя, «подчиняющего непокорных» и получающего дань «от всех царей» (КУКН: № 1–6), но без сообщения о конкретных действиях царя.

Ишпуини и Менуа сообщают о завоевании некоторых владений будущего Маннейского царства (КУКН: № 35) и о походах в Южное Закавказье против местных племен, в результате которых урарты «отбросили» их и дошли до верховьев р. Аракс (КУКН: № 31–34, 47, 48). Что касается завоеваний в районе оз. Урмия, то письменные данные скудны. Известны лишь две надписи из Калатгах тепе (в 15 км к востоку от Ушну и к северо-западу от Хасанлу тепе; КУКН: № 39, 46). В первой сообщается о завоевании страны Цапагили-Цапайили; в ассирийских анналах Салманасара III так назван укрепленный город в стране Мусасир/Муцацир (район совр. г. Ревандуз). Завоевав страну и победив царя, Ишпуини и Менуа построили храм и Халдиевы ворота. Во второй надписи говорится, что только царь Менуа «созорудил» дом и крепость построил, что произошло уже после смерти его отца. Надписи из Кале Исмаил Ага (Cifarelli 2019: 31) не существует (Zimansky 2009: 575).

О завоевании царем Менуа владений на юге Урмии свидетельствует надпись недалеко от Миандуаба (Таш-тепе), в которой сообщается о строительстве крепости, в которой был оставлен гарнизон из пеших воинов (УКН: № 29). Следует подчеркнуть, что завоевание Приурмийского края урартами не носило разруши-

¹ Лишь в 2008 г. П. Маги, учитывая предложенную мною дату гибели Хасанлу IVB в 714 г., предложил рассматривать Хасанлу IVB как одну из крепостей входивших в состав урартских владений в Приурмийском районе (см. ниже).

тельного характера и не привела к его гибели и запустению. Этот район был стратегически важным для урартов. Сохранив его население и ресурсы, урарты начали здесь строительство, проведение каналов (которые используются до сих пор), разведение садов и т. п. Все это выполняло местное население, в том числе и обслуживание урартских святилищ бога Халди (Дьяконов, Медведская 1987: 207; Дьяконов 1988: 55–68). Этот район стал прочной базой и плацдармом, с которого урарты продолжили проникновение в страны Древнего Ирана.

О том, что жизнь в Хасанлу продолжалась в период урартского владычества (фаза IVB), свидетельствуют незначительные разрушения в некоторых зданиях в результате захвата города урартскими войсками в конце IX в. (фаза IVC). После ремонта эти здания продолжали функционировать до 714 г. У подножия тепе обнаружены многочисленные захоронения, в том числе бесспорно воинские. О том, что в некоторых из них были похоронены воины урартской армии, свидетельствует погребальный инвентарь. Он подтверждает данные урартских текстов о существовании в урартской армии двух категорий воинства. Это элитное воинство (*шуреле*), состоявшее из коренных урартов, и воины (*хурадинели*), рекрутированные в покоренных урартами землях (Дьяконов, Медведская 1987: 207–208; Дьяконов 1988: 59–62)¹. Именно Ишпуини и Менуа завоевали земли Южного Закавказья, и местное мужское население частично было призвано в армию, находясь на государственном/царском содержании (там же). «Обмундирование» воинов/*хурадинели*, найденное в могилах Хасанлу IVB, подтверждает закавказское происхождение похороненных в них воинов. Прежде всего, это бронзовые пластинчатые пояса с «точечным узором закавказского типа» урартского периода (Пиотровский 1950: 42, рис. 24; Он же 1952: 36–37, рис. 19) и бронзовые разомкнутые браслеты/обереги с окончаниями в виде змеевидных головок. Культ змеи был особенно популярен в Закавказье, и такие браслеты существовали там еще во II тыс. до н. э.², как и другие браслеты с поперечным

¹ Подробнее о них см. главу VI § 2.5.

² Именно такие браслеты, найденные в Прикаспийском регионе, являются одним из доказательств продвижения воинов урартской армии вдоль Каспия в VII в. (см. гл. V, § 4).

рифлением, найденные в этих же могилах и на погибших воинах во время ассирийского штурма города в 714 г. Вместе с браслетами и фрагментами поясов с точечным узором в разрушенных зданиях найдены бронзовые булавки с коническим навершием и петлей под ним, которые также известны в Закавказье в конце II тыс. (**рис. 26**, см. ниже). Все эти предметы из разрушенных зданий и могил Хасанлу IVB были рассмотрены в качестве доказательства культурных связей Приурмийского района Ирана с центральным Закавказьем еще в IX в., до вторжения сюда урартов, поскольку авторы придерживаются датировки гибели Хасанлу IVB в конце IX в. в результате урартского завоевания (Rubinson, Marcus 2005: 131–137, figs. 2–4). В одной из могил вместе с браслетами и поясом найден железный кинжал с подковообразной гардой, на черенок железного клинка надеты бронзовые шайбы (Danti, Cifarelli 2015: 99–102, fig. 18). Такие же кинжалы, вместе с браслетами и булавками, найдены на погибших солдатах во время штурма города в 714 г. до н. э. В Закавказье бронзовое клинковое оружие с подковообразной гардой и с шайбами на черенке применялось еще в доурартский период (Армения, Лчашен, Мнацаканян 1956: 149, рис. 7; **рис. 27**, см. ниже). Датировать железное клинковое оружие раньше VIII века нет оснований. Вряд ли после разгрома Саргоном в 714 г. приурмийского плацдарма и изгнания урартов у последних была возможность похоронить здесь погибших воинов. Сам факт их захоронения свидетельствует о существовании Хасанлу IVB в VIII в. до н. э., а хоронить служивших здесь *хурадинели* могли и на протяжении всего VIII в. в результате естественной смерти.

Тем не менее, принятая исследователями Хасанлу дата гибели города (фаза IVB) в конце IX в. позволила им превратить датировку Хасанлу IVB в незыблемый критерий, а археологический материал — в хронологический эталон, который *a priori* определяет дату любой вещи, вновь найденной как в самом Хасанлу, так и за его пределами. Даже если все аналогии тому или иному изделию датируются позже IX века, утверждается, что раньше всего оно должно было появиться именно в Хасанлу IV, в IX веке. Такой подход, например, очевиден при анализе конской узды, многочисленные детали которой найдены в слое пожара при штурме города. По словам Р. Дайсона, «твердый стратиграфический контекст» позволяет надежно датировать все типы удил, псалиев и прочих

деталей конского снаряжения и делает их хронологическим этапом этого типа предметов (De Schauensee, Dyson 1983: 59–60). И если первоначально Р. Дайсон оспаривал раннюю датировку могильника Сиалк В X–IX вв., предложенную Р. М. Гиршманом, и датировал могильник VIII и даже VII вв. до н. э. (Dyson 1965: 297–208), то в работе 1983 года, основываясь на сходстве узды обоих памятников, Дайсон считал возможным удревнить Сиалк В, или по крайней мере дату могилы 15, до IX века (*ibid.*: 76).

Выше были рассмотрены предметы конского снаряжения из Хасанлу IVB (гл. I, § 2), дата которых в ряде случаев исключает IX в. и, следовательно, они могли появиться в Хасанлу только в VIII в. до н. э. (см. ниже § 2; 3).

Не менее показательна также датировка сосудов со львами («lion bowls») — костяных, каменных и пастовых сосудов специфической формы (миски со сливом, протомой льва и «рукой», как бы поддерживающей миску, с изображением сфинксов и т. п.), найденных в Хасанлу IVB. Такие сосуды — с вполне определенными чертами ассирийского стиля — начали изготавливаться в Северной Сирии не ранее середины IX в., после походов в этот район ассирийских царей (Van Loon 1962: 19; Muscarella 1974: 26). Мода на эти сосуды широко распространяется в VIII в., подражания им в греческой расписной керамике встречаются и в VII в. до н. э. (Hampe 1980: 171, pl. 255). Сосуды из Хасанлу имеют наибольшее стилистическое родство со стеатитовыми изделиями из Ашшура и костяным фрагментом сосуда со львами с о-ва Самос (Muscarella 1974: 27). Для сосуда из Ашшура, который найден вне археологического контекста, О. Мускарелла допускает, что «дата IX или начало VIII в. до н. э. вероятна». Фрагмент из Самоса обнаружен в святилище первой четверти VII в. до н. э., но «действительно возможно, судя по данным Хасанлу, что этот сосуд мог использоваться длительное время, возможно 100 лет и более, прежде чем был помещен в святилище...» (*idem.*). И хотя О. Мускарелла не настаивает на том, что сосуды из Ашшура и Самоса должны датироваться по аналогии с сосудом из Хасанлу, но и не исключает близкую по времени дату их изготовления. Дата же самих сосудов со львами из Хасанлу не позднее конца IX в. до н. э. признается им бесспорной. В другой бы ситуации на распространение самих сосудов и моды на них был бы дан некоторый промежуток времени. В нашем же случае, если считать,

что Хасанлу IVB было разрушено уже в конце IX в., приходится прибегать к максимальному сокращению дат: раз эти сосуды начали изготавливаться в Северной Сирии не ранее середины IX в., то на возникновение моды на них, на их широкое распространение и появление местных подражаний остается едва 30–40 лет, а ведь тепе Хасанлу — самая отдаленная точка их распространения на Востоке. При этом многие известные на промежуточной территории экземпляры относятся бесспорно к концу VIII в. до н. э., например, в Хорсабаде, столице Саргона II (Loud, Altman 1938: pl. 64/257; список этих сосудов см. Muscarella 1974: 25).

Таким же образом строится утверждение О. Мускареллы о том, что сходство художественных изделий Урарту VIII в. до н. э. и Хасанлу IX в. до н. э. можно объяснить только как результат влияния последнего на искусство Урарту, а не наоборот (Muscarella 1971: 266). Остается неясным, каким образом культура периферийной приурмийской области, сама испытывавшая культурное воздействие Ассирии в IX в., могла оказать влияние на искусство урартского царства, культурные связи которого были обширны и плодотворны? К тому же культура Урарту IX в. — времени становления государства — плохо известна, хотя и принято считать, что в IX в. наиболее результативным было влияние постхеттской культуры, а в VIII в. — ассирийской культуры. Но совершенно очевидно, что в VIII в. до н. э. культура и искусство Урарту превратились в яркое и самостоятельное явление, влияние которого прослеживается затем длительный период и на обширной территории.

В этой связи нелишне напомнить, что как раз очевидное сходство планировки крепостной стены на цитадели Хасанлу, первоначально отнесенной к периоду IV, с урартской фортификацией заставило исследователей этого города перепроверить стратиграфию и признать более позднюю дату возведения стены и отнести ее к периоду IIIB (Dyson 1977: 549). Описывая здание BB IV, возведенное после первого пожара в период IVB и украшенное по фасаду каменными стелами, Р. Дайсон делает любопытное замечание: назначение стел неясное, пишет он, они могли появиться под влиянием одновременного обычая урартов помещать стелы во дворах! Напомню, что период IVB начался, по его новой удревненной хронологии, в середине XI в. после первого пожара и закончился в конце IX в. до н. э., когда урарты только начали

завоевывать Приурмийский район. О каком же влиянии урартов в это время можно говорить?

В 2006 г. О. Мускарелла предпринял попытку свести воедино все сведения о результатах раскопок (не материалов) на поселении Хасанлу VII–II и сделанных на их основе выводах. Ему удалось обозначить некоторые ошибки и противоречия, которые возникли в результате не сведенных вместе, разрозненных и неполных публикаций археологического материала из всех слоев поселения (Muscarella 2006). В этой работе подчеркивается, главным образом, противоречивость хронологических рамок каждого периода и вопросов культурной преемственности или отсутствия таковой между периодами. Признается, что большая часть материала остается неопубликованной и, следовательно, выводы исследователей не могут считаться окончательными.

Для периода Хасанлу V прежде всего следует отметить следующее: 1. Не определены окончательно хронологические рамки этого периода. Его начало колеблется в пределах от 1500 до 1200 гг.; его конец — от 1250 до 1000 гг. Поэтому О. Мускарелла теперь предпочитает археологическую терминологию для определения периода V. Но если некоторые исследователи использовали для этого периода термины ЖВ I или слой ранней серой керамики, то Мускарелла теперь полагает, что по существу Хасанлу V относится к поздней фазе эпохи бронзы. Основанием для этого, помимо общего удревнения периода, послужил факт обнаружения лишь одного железного изделия — кольца; в синхронном поселении Динха III также нет железных изделий (Muscarella 2006a: 74). Отмечу, что малочисленность железных изделий и преобладание среди них украшений из железа характеризует именно ЖВ I (см. гл. I). Мускарелла вновь подчеркивает отсутствие преемственности между периодами VI–V, которую отмечал Р. Дайсон и И. Н. Медведская. Он пишет, что Дайсон ошибочно отнес к периоду V расписной сосуд, тип росписи которого характерен для предшествующего периода VI, и сосуд, так называемый «*istikhan*», из погребения, отнесенного Дайсоном к периоду V. Как пишет Мускарелла, оба сосуда должны относиться к периоду VI. Хотя один подобный расписной сосуд, найденный в погребении (Stein 1940: 401: fig. 110, pl. 24.3, 31.8), все-таки, как он сам отметил, относится к периоду V и обнаружен также в Динха тепе III; но что означает этот факт — случайность или преемственность, осталось

для него неясным (Muscarella 2006a: 74)¹. Что касается преемственности Хасанлу V–IV, то остается неопубликованным очень показательный керамический комплекс, который находился непосредственно под зданием BB V фазы IVB, который, по словам Дайсона, близок к керамике периода V и, следовательно, является промежуточным/переходным комплексом между периодами V–IV (Muscarella 2006a: 74).

Преемственность периодов V–IVC–B–A, помимо всего, определяется отсутствием периода запустения, поскольку постройки фазы IVC были возведены непосредственно на руинах зданий Хасанлу V. Концом фазы IVC стал первый пожар, но он не привел к катастрофическим последствиям. Практически сразу начался ремонт поврежденных зданий и новое строительство на фундаментах некоторых сгоревших зданий фазы IVC (фаза IVB: BB II, BB IV East, BB V). Наиболее полно раскопаны и исследованы здания именно фазы IVB, откуда и происходит основной объем находок. Именно эти здания и сгорели во время второго пожара, который привел к гибели города, и жизнь здесь прекратилась на несколько десятилетий. Затем на руинах города поселяются «пастухи», следы их временных построек относятся к фазе IVA. И снова возникает вопрос — если город фазы IVB был полностью разрушен уартами, то почему здесь имеются признаки уартской культуры, которая в IX в. еще не сформировалась? Следы их завоевания в конце IX в. можно отметить в незначительных разрушениях фазы IVC.

Прежде всего следует подчеркнуть следующее: 1. Продолжительность фазы IVB в пределах 450, 400 или даже 250 лет без перестройки и ремонтов, не отмечаемых исследователями в это время, маловероятна. Разве что некоторые здания предшествующей фазы после ремонта и достроек использовались в течение

¹ В связи с этим выводом О. Мускареллы нужно отметить, что действительно хабурская керамика исчезает в период Хасанлу V. Но мои выводы о преемственности периодов Хасанлу VI–V строились не на этом основании; серая керамика, которая в небольшом количестве представлена уже в период VI, становится определяющей для Хасанлу V. Правда, теперь Мускарелла отмечает, что серая керамика периодов VI–V различается по составу теста, способу обработки поверхности сосудов и рядом новых форм, появившихся в период V (Muscarella 1994: 141).

фазы IVB. И в этом случае предположение о функционировании построек почти половину тысячелетия становится абсурдным.

2. Что касается определения времени разрушения всех этих построек около 800 г. на основании дат C_{14} , основной кластер которых около 800 г. до н. э. (Dyson, Muscarella 1989: 5–15), то они могут свидетельствовать, напротив, о начале строительства и ремонта сохранившихся после первого пожара зданий именно около 800 г., после завоевания урартами приурмийской территории. Вторичное использование деревянных балок в регионе, где дерево было дорогим строительным материалом, было обычной практикой. Неудивительны в таком случае и более ранние даты C_{14} , взятые из сгоревших балок строений фазы IVC; тем более, что C_{14} определяет не время пожара, а время рубки, т. е. гибели дерева.

3. В последнее время исследователи Хасанлу настаивают на том, что мощная крепостная стена, которая, как считалось прежде, окружала строения фазы IVB, относится к фазе IIIB. В ее архитектуре они находят характерные особенности урартского строительства, что служит доказательством урартского присутствия в Хасанлу IIIB. В таком случае, мощная крепостная стена окружала невзрачные сооружения барачного типа. Построенные вдоль крепостных стен, они теперь рассматриваются в качестве казарм урартского гарнизона, располагавшегося здесь в конце VIII в. до н. э. Следуя выводам исследователей Хасанлу, надо полагать, что после завоевания урартами Приурмийского района в конце IX в. и до организации гарнизона на заброшенном поселении Хасанлу прошло около 100 лет. Однако Приурмийский район с конца IX в. по 714 г. входил в состав Урартского царства. Судя по раскопкам урартских городов (Бастам/Бестам, Кармир-блур, Аянис), гарнизоны располагались у подножия цитадели. Но главным возражением подобной интерпретации построек фазы IIIB служит то, что после 714 г., когда Саргон уничтожил урартский плацдарм в Приурмийском районе, ни о каких урартских гарнизонах не может быть и речи. Если бы урарты сохранили здесь свою власть, то политические события здесь и в самом Урартском царстве разворачивались бы иным образом (Медведская 2018: гл. III.1, IV.3). Если допустить, что урартский гарнизон существовал, как принято считать, в конце VIII в. (фаза IIIB), то он должен был быть уничтоженным в 714 г., но очевидных доказательств разрушения построек фазы IIIB, подобному разрушению зданий фазы IVB, нет.

Что касается отсутствия крепостной стены на цитадели Хасанлу IVB, то оно может объясняться следующим образом. После завоевания урартами территорий вдоль западного побережья озера Урмия в конце IX в. и, в частности, незначительного разрушения зданий Хасанлу фазы IVC, они превратили эти земли в процветающий край, каким и описал его Саргон в 714 г. и который был уничтожен им «в ярости сердца». Очевидно, именно продолжившееся обживание Хасанлу IVB местным населением и его знатью на протяжении VIII в. свидетельствует о лояльном отношении урартской власти к местному населению. Урарты были заинтересованы в местном населении и ресурсах края, необходимых урартам для быстрого превращения приурмийской зоны в плацдарм для дальнейшего завоевания северо-западного Ирана. Урарты не уничтожали, а использовали завоеванное. Так, в Аянисе (восточное побережье озера Ван) военнопленные были поселены во «Внешнем городе» у подножия цитадели, им были пожалованы сады, виноградники, ирригационные инструменты (литературу см. Медведская 2018: 166–167). Но при всей лояльности урартской власти возводить крепостную стену вокруг города, где жило местное население, не стоило. Что касается урартских крепостей, то они всегда возводились на новом, не обжитом ранее месте. Они не имеют слоев, предшествующих урартскому строительству конца IX — VIII вв. до н. э. В районе Урмии в VIII в. уже были возведены урартами такие крепости как Кале Исмаил Ага, Калатгах, Аграб тепе и др. (Kroll 1976: 166–167, abb. 45). Другими словами, Хасанлу не могло стать урартской крепостью. Но местное население, признавая власть урартов и платя им дань в течение VIII в., вошло в орбиту урартской культуры и урартских культурных связей. Например, отмеченное выше обслуживание местным населением урартских святилищ бога Халди, которые повсеместно возводились на завоеванных урартами территориях (Дьяконов, Медведская 1987: 207; Дьяконов 1988: 55–68). Судя по появлению на зданиях Хасанлу IVB некоторых элементов урартской архитектуры, как раз свидетельствует о том, что это могло произойти не ранее VIII в., когда город входил в состав Урартского царства. Но в IX в., когда эта территория не была еще завоевана урартами, а сама урартская культура еще не сформировалась и практически нам не известна, подобное влияние не было возможным. Да, город существовал и в IX в., а в кладовых могли храниться предметы и более

раннего времени, но верхняя дата существования города определяется по предметам, которые еще не существовали в IX в. до н. э.

Кроме всего сказанного, Хасанлу IVB нельзя относить к ЖВ I, что произошло в связи с его удревнением на основе радиоуглеродных дат. В Хасанлу IVB найдено значительное количество железного оружия, конского снаряжения и других железных изделий, которые отсутствуют в период ЖВ I и характерны именно для ЖВ II (см. гл. I).

Только исследование П. Маги (Magee 2008) дает основание отказать от приоритета данных C_{14} в качестве базисного критерия для определения хронологии Хасанлу IV. Большинство радиоуглеродных дат, полученных из слоя пожара, не имеют по сути отношения к датировке инвентаря из сгоревших зданий. Большинство образцов получено из здания BB III, которое находится на севере цитадели и в котором найдено очень мало предметов¹. Большинство находок происходит из зданий, расположенных на юге цитадели. Остается не вполне ясной стратиграфическая позиция здания BB III по отношению к южным постройкам на цитадели. Кроме того, назначение жилого здания BB III заставляет сомневаться в прямой связи между образцами сгоревшего зерна на кухне, что могло случиться в период его жизнедеятельности (Magee 2008: 99 ff.)², и пожаром здания во время штурма. Половина образцов из здания BB III дает основание считать, что оно существовало в VIII в. (Magee 2008: 100–102), и, соответственно, тогда и случился пожар, уничтоживший город фазы IVB. Маги учитывает мои работы, в которых доказывалась дата гибели Хасанлу IVB в 714 г., но он этой даты не называет. Хотя датировки VIII в. ряда изделий, предложенных мною, он объясняет существованием фазы IVB в период урартского владычества в Приурмийском районе, что и подчеркивалось в моих работах, начиная с 1988 г.

Недавно были приведены по существу дополнительные данные в пользу существования Хасанлу IVB еще в VIII в. Имеются

¹ Резная слоновая кость здесь отсутствует, найдено всего 5 предметов из 140 бронзовых и железных изделий (Muscarella 1988: № 1, 2, 4, 39, 64); и 11 из 96 печатей (Magee 2008: 91–92).

² Предполагалось также назначение этого здания в качестве бронзолитейного центра, хотя Р. Дайсон отмечал наличие в нем кухни и кладовой (Magee 2008: 99).

в виду оригинальные фигурные ручки бронзовых сосудов с протомами птиц в их основании, наверху подпрямоугольная рамка ручки имеет три или четыре выемки для пальцев руки. Одна ручка из Хасанлу имеет три выемки наверху и одну протому птицы в ее основании, похожая ручка происходит из Аринберда (Урарту); найденные в Нимруде и на западе (Сирия или Финикия) ручки в основании имеют по две протома птиц, в Сузах (Элам) вместо птицы бык; на другой ручке из Хасанлу в основании коленопреклоненная бородастая фигура (Curtis 2019: 9–18, figs. 1–7). Все экземпляры датируются не ранее VIII в., скорее его концом. Дж. Кёртис, придерживаясь общепринятой датировки гибели Хасанлу IVB в IX в., связывает их происхождение с культурой Хасанлу (ibid.: 18). Но если в таком случае город погиб в IX в., то как изделия хасанлуских мастеров могли распространяться на запад в VIII в. до н. э.? Только в VIII в., в период господства урартов в Приурмийском районе и над торговыми путями З–В эти изделия могли попасть в Хасанлу. Таким же образом объясняется появление в Хасанлу IVB бронзовой фиалы с глубоким омфалом фригийского типа, найденной в одной из могил (Danti, Cifarelli 2015: 102–104, fig. 19A). Именно в VIII в. мода на них широко распространилась вплоть до Греции на западе (см. ниже § 4, тип 6, 6а; Медведская 2018а: 205–207).

Итак, рассмотрев предлагаемые исследователями основания для датировки Хасанлу IVC–B в пределах XII–IX вв. до н. э., можно сделать следующие выводы. 1. Приходится признать еще недостаточно совершенной методику определения дат по C₁₄, это демонстрируют результаты анализа зерна из одного помещения здания в Хасанлу IVB, которые дали две взаимоисключающие группы дат в пределах VIII и XI–X вв. до н. э. (в отличие от дерева, зерно хранится недолго). 2. Новая датировка Хасанлу IV, значительно понизившая начало периода IV, затрудняет рассматривать этот период как единый в хронологическом и культурном отношении. С одной стороны, до крайности растягивается время существования построек из сырцового кирпича, с другой — чрезвычайно сокращается время между фазами IVB–IVA. И таким образом, одна предлагаемая возможность — прочность сырцовых зданий, способных выстоять свыше трех столетий, противоречит другой — быстрое нивелирование и сглаживание рельефа разрушенного города. 3. Археологический материал не дает даты

X век, определяет IX век, но и не исключает VIII век до н. э. Все это ставит под сомнение предложенную исследователями дату XII–IX вв. до н. э. для периода Хасанлу IVC–B. В качестве альтернативной даты фазы IVB предлагается IX–VIII вв. до н. э. Для ее доказательства нужно выявить такую серию вещей, датировка которых исключает IX в. и которые, следовательно, тогда еще не существовали. Датировка вещей IX–VIII в. — лишь косвенное свидетельство в пользу такой же даты для периода IV, они допускают возможность включения VIII в. в его датировку, но не доказывают ее. Кроме того, надо иметь в виду, что VIII век — это время максимального продвижения урартов в Приурмийском районе и его освоения. Необходимо попытаться под этим углом зрения проверить некоторые общие и частные черты жизни и культуры города.

Для выявления предметов, датировка которых исключает IX в., прежде всего следовало обратиться к комплексу Сиалк B, дата которого была определена в пределах 750–700 гг. до н. э. (гл. II). И если часть инвентаря могильника Сиалк B имеет более широкую дату, чем дата самого памятника (например, бронзовые зеркала, мечи с закраинной рукояткой, листовидные наконечники копий и стрел), то предметы конской узда — разъемные однокольчатые удила и трехдырчатые псалии четко ограничивают нижнюю дату могильника, ибо, возникнув в другой культурной среде, на территории северного культурообразующего пояса, они не могли появиться в Иране раньше середины VIII в. до н. э. (см. гл. I § 2). Нижнюю дату подтверждает, а верхнюю ограничивает рубежом VIII/VII вв. расписная керамика Сиалка B. Верхняя дата однокольчатых удил и трехдырчатых псалиев выходит за рубеж VIII/VII вв. до н. э. Они были обнаружены в урартском городе Тейшебаини/Кармир-блур, основанном в середине VII в., и в ряде других памятников. Находка их в Тейшебаини свидетельствует об использовании их урартской конницей. Хотя к северу от Кавказского хребта однокольчатые удила на рубеже VIII/VII вв. сменились другими типами удил, в Закавказье и южнее него они использовались и позднее: в Нимруде они обнаружены в комплексе конца VII в, в форте Салманасара III. В Хасанлу IVB обнаружено большое число удил и псалиев. Показателен их набор: однокольчатых удил с разъемными псалиями найдено 42 пары (24 медно/бронзовых, 18 железных) и всего 3 пары медно/бронзовых удил с напускными псалиями (см. гл. I, § 2).

Преобладание евразийской узды очевидно. Тем же временем — VIII–VII вв. — датируются круглые бронзовые бляхи, гладкие или с выпуклостью в центре, которые прикреплялись на перекрестиях налобного и нащечного ремней. Для IX в., судя по ассирийским рельефам, были характерны прямоугольные, овальные, но не круглые бляхи, только в VIII в. они заменились круглыми. В урартской узде, по крайней мере со времени Сардури II (760–730), также использовались круглые бляхи с выпуклостью в центре.

Не менее показательным хронологическим признаком, наравне с удилами, псалиями и бляхами, является форма конских наносников.

§ 2. КОНСКАЯ УПРЯЖЬ И НАНОСНИКИ ИЗ ХАСАНЛУ IVB

Бронзовые пластинчатые наносники из Хасанлу относятся к типу трапециевидных. Из всех находок в Хасанлу, воспроизведен лишь один схематический рисунок и даны описания аналогичных экземпляров¹ (рис. 4: 2). Наносник из Хасанлу представляет собой трапециевидную пластину с обломанным верхним узким краем, на широком, слегка выгнутом крае пять отверстий, на боковых сторонах по одному отверстию (Schauensee, Dyson 1983: 63–64, fig. 6). Р. Дайсон назвал этот наносник шарнирным, имея в виду, что ряд отверстий соединял его с другой, утраченной частью наносника. Шарнирные наносники были обнаружены на Самосе в комплексе конца VIII в. и характеризуются наличием шарниров, которые отсутствуют на нашем экземпляре, что не позволяет считать наш экземпляр шарнирным, подробнее об этом

¹ Необходимо оговорить термины, используемые для обозначения этих пластин. В отечественной литературе длинные металлические пластины, закрывающие нос и часть лба лошади, называют налобниками. Наносниками же называют скульптурные фигурки, которые прикреплялись на наносном ремне в скифской узде VI в. до н. э. Однако в зарубежной литературе различают налобные и наносные пластины. Налобники — небольшие пластины, которые располагались на лбу лошади, спускаясь чуть ниже ее глаз. Они крепились к налобному ремню. Напротив, длинные пластины, закрывающие всю морду коня — это наносники. Для их закрепления необходим, как будет показано ниже, еще и наносный ремень. Эта терминология и используется в данной работе.

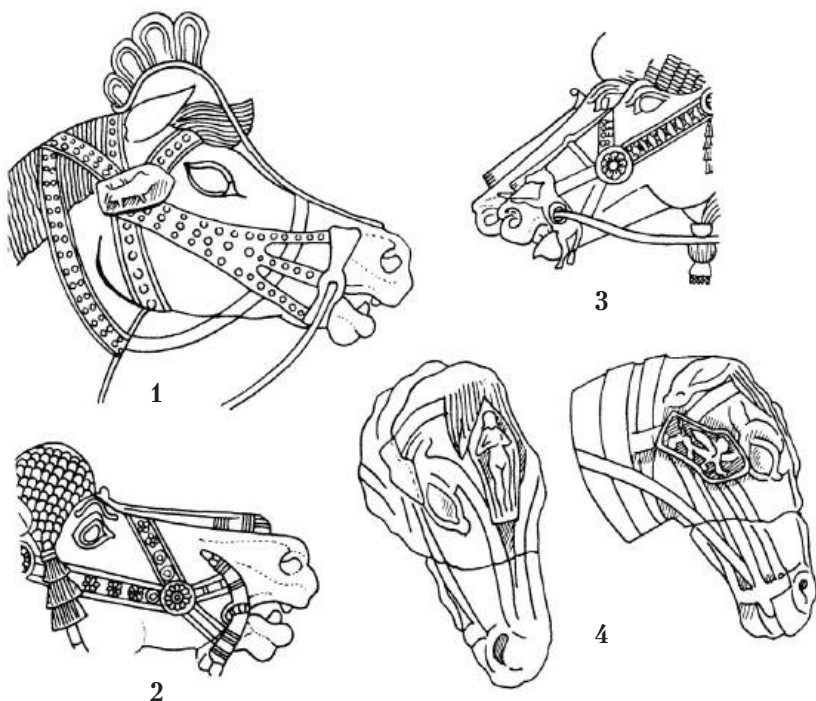

Рис. 1. Конские наносники (2, 3), налобник (4) и дуговидный налобник (1).
1 — Ашшурнацирапал II; 2, 3 — Ашшурбанапал; 4 — Зинджирли

будет сказано ниже. Параллели, приводимые издателями, охватывают разнотипный материал VIII–VII вв. до н. э., сама же узда вместе с налобниками из Хасанлу датируется авторами, как уже говорилось, IX в. до н. э.

Для того, чтобы определить хронологическое место наносников из Хасанлу в общей системе узды IX–VII вв. до н. э., необходимо представить, какими материалами мы располагаем для изучения раннего этапа развития конских защитных приспособлений.

Ассирийские рельефы дают представление о существовании каких-то приспособлений на голове коня для защиты или иных целей только для первой половины IX в. и для начала уже VII в. до н. э. На рельефах Ашшурнацирапала II (883–859) изображены сложные по форме приспособления на головах лошадей. Именно их обычно рассматривают как наиболее раннее свидетельство применения налобников в ассирийской армии (Layard 1849, рп. 13, 14, 21, 23, 27.1) (**рис. 1: 1**). Судя по профильному изображению, это приспособление спускалось до середины храпа коня

или в некоторых случаях ниже, почти до ноздрей (становясь наносником), и, не касаясь лба лошади, заканчивалось дугой над ее ушами, эта часть дуги была украшена оперением. Далее в ассирийских рельефах от времени Салманасара III (858–824) до Тиглатпаласара III (744–824) лакуна. На рельефах второй половины VIII в. до н. э. (Тиглатпаласар III и Саргон II: 721–705) изображения наносников отсутствуют. Их изображения появляются лишь на рельефах Ашшурбанапала (668–635/27) (**рис. 5: 4**).

Ко времени не ранее первой четверти — первой половины VIII в. до н. э. относятся костяные налобные пластины из Нимруда¹. Эти пластины размером около 16 см, судя по скульптурной головке лошади из Зинджирли, прикреплялись на лбу и между глаз лошади, будучи в прямом смысле налобниками (**рис. 1: 4**). Чаще всего на них изображена фигура нагой богини (Иштар), выполненная в высоком рельефе. Небольшие размеры пластин, использование такого хрупкого материала как кость и характер изображений дают основание предполагать не столько защитную, сколько декоративную, и, видимо, сакральную функцию пластин, которые могли являться частью церемониальной узды. Этот тип небольших трапециевидных пластин с одним очень широким краем (в литературе их обычно называют треугольными пластинами) существовал до конца VIII в. и, по-видимому, до начала VII в. до н. э. В конце VIII в. известны бронзовые пластины аналогичной формы. Так же как и костяные они украшены изображениями, выполненными в высоком рельефе (Северная Сирия, Тель Тайнат). Их размеры немного увеличиваются, достигая 20,6 см (Kantor 1962: pl. XI–XV). Вероятно, из Северной Сирии они распространяются в греческий мир (бронзовые пластины с изображениями нагих богинь обнаружены на Самосе и около Милета (*idem.*: 108–109, figs. 13A, 13B. *Idem.*: 108–109, figs. 13A, 13B.)). Появляются пластины такой формы и в Урарту уже в правление Ишпуини в последней трети IX в. до н. э. (Merhav 1991:

¹ Размеры нимрудских пластин 15,8 и 16,1 см, аналогичная пластина из Британского Музея 16 см. Пластины выполнены в финикийском стиле (крылатый солнечный диск, фланкированный урейями), возникновение этого стиля относится ко времени не ранее VIII в., а по мнению некоторых исследователей (О. Мускарелла), не ранее середины VIII в. (подробнее см. ниже; Mallowan 1966: 538 (№ 458), 582 (№ 549), 595, 663 note 211).

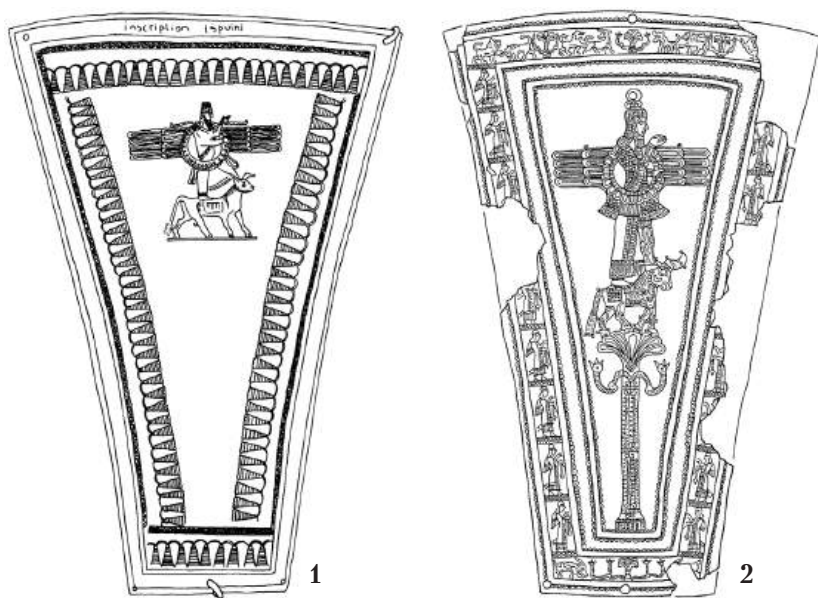

Рис. 2. Урартские налобники.

1 — с надписью Ишпуини; 2 — восточная Турция, случайная находка

98–99, fig. 13.2, длина бронзовой пластины с надписью Ишпуини 24 см; Vanden Berghe, De Meyer 1982: cat. 41, длина пластины 24,4 см). Причем, обычный сюжет на костяных пластинах — обнаженная богиня со зверями, часто стоящая на них, — в Урарту заменился изображениями урартского мужского божества, стоящего на быке. Необходимо подчеркнуть, что все пластины этого типа прикреплялись широким краем вверх к налобному ремню, нижний край спускался чуть ниже глаз коня (рис. 2: 1–2).

Другими типами налобников VIII в. до н. э., видимо, урартского происхождения, следует считать два типа пластин с именами царей Менуа, Аргишти I и Сардури II (810–786, 786–764, 764–735 гг. до н. э.). Первый из них представляет собой пластину продолговатой формы с расширениями в средней и нижней части за счет боковых выступов. Другой тип Т-образной формы с узкой наносной частью и громоздкой с боковыми вырезами налобной частью. Позиция верхней части пластины определяется по изображениям на некоторых из них (Пиотровский 1955: рис. 33; Он же 2011: 641, кат. 1046–1048; Vanden Berghe, De Meyer 1982: cat. 37–40; Seidl 2004: Abb. 40, 44, 45, 47, Taf. 12, 29; рис. 3: 1–2). Длина пластин первого типа от 15 до 18,4 см; длина Т-образных пластин

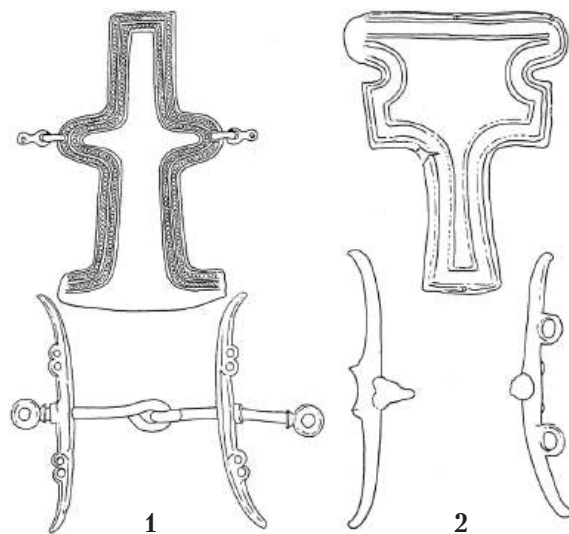

Рис. 3. Урартские налобники и удила из Кармир-блур.
1 — с надписями Менуа; 2 — налобник с надписью Сардури II

от 23,6 до 30 см. Оба варианта пластин имеют довольно длинную выделенную наносную часть.

Дальнейшее развитие защитных приспособлений для головы коня идет как раз по пути увеличения наносной части пластины и поисков ее оптимальных форм. Сложная форма урартских налобников/наносников VIII в., видимо, была неудобной и уже в конце VIII в. до н. э. вырабатываются более простые формы. По крайней мере, уже в Кармир-блуре использовались простые узкие трапецевидные пластины с одним чуть расширенным краем¹ (рис. 4: 5). Такие наносники обнаружены в Баба Джан тепе (VIII в. до н. э.; Goff 1969: fig. 7), в Малом кургане в Мильской степи² (рис. 4: 1, 3). Ко второй половине VII в. относятся пластины

¹ Архив Б. Б. Пиотровского; Кармир-блур, пом. 54-1. Вместе с наносниками найдены однокольчатые удила с витыми стержнями.

² Малый курган датировался временем, предшествующим Ульским и Келермеским курганами, дата которых прежде определялась второй четвертью и серединой VI в. до н. э. Малый курган предшествует им во времени (Иессен 1965: 30). Поскольку дата Келермесского кургана сейчас определенно переносится в VII в., соответственно, удревняется и Малый курган. Однокольчатые удила с витыми стержнями из этого комплекса также свидетельствуют о более ранней дате.

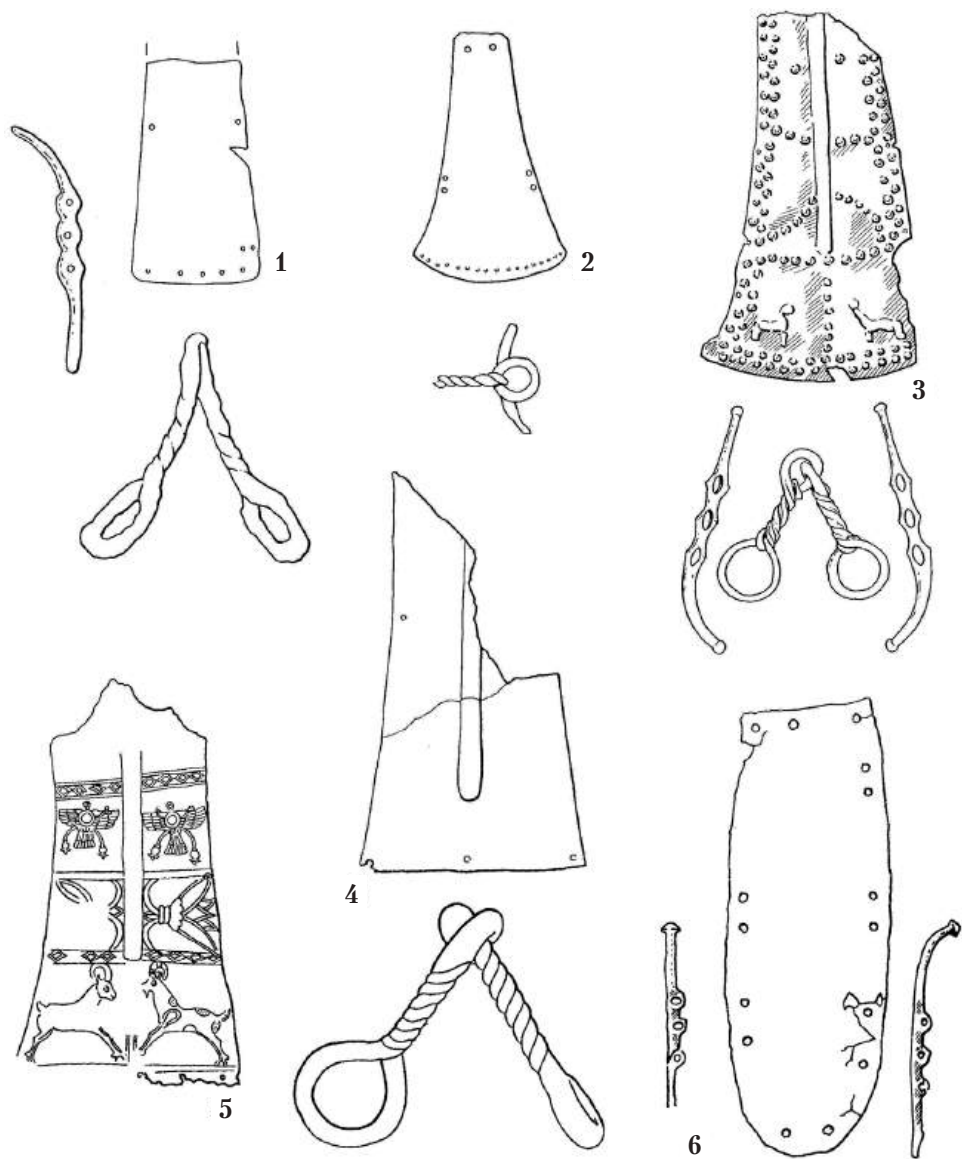

Рис. 4. Наносники. 1 — Малый курган; 2 — Хасанлу IVB; 3 — Баба Жан тепе; 4 — Зивие; 5 — Кармир-блур; 6 — Келермес

из Зивие и Келермеса (рис. 4: 4, 6). Длина всех этих пластин превышает 20 см (размеры серебряных пластин из Зивие: 24, 21,1 и 21,5 см: Godard 1950, figs. 96–100), что исключает их использование для прикрытия только налобной части головы коня. Следует обратить внимание на встречаемость наносников этой формы

с однокольчатыми удилами — как бронзовыми (Кармир-блур, Малый курган), так и железными (Баба Джан тепе) с витыми и плетеными стержнями. Судя по изображениям на некоторых из этих пластин (Малый курган, Зивие **рис. 4: 1, 4**; случайные находки из Ирана), а также по наличию в ряде случаев на узком конце пластины широкой петли-тубы, следует считать, что они прикреплялись узким концом к налобному ремню так, что нижний широкий конец находился над ноздрями лошади, отсюда вогнутость пластин в широкой части. Многочисленные отверстия на нижнем конце и ее боковых сторонах предназначались для прикрепления мягкой подкладки, а не для соединения с ремнями оголовья. Отверстия для этого слишком малы. В тех случаях, когда на пластине отсутствуют петля-туба или петли на оборотной стороне, можно предположить, что петли делались на мягкой подкладке. Правда, неясно, прикреплялись ли эти пластины к ремням оголовья «намертво», или они были съёмными. В первом случае, видимо, могли использоваться металлические заклепки, которые прикрепляли пластину на ремнях оголовья — расположение более крупных отверстий на верхней и боковых сторонах на пластине из Баба Джан тепе (**рис. 4: 3**) как будто бы допускает такую возможность.

Появление наносников трапециевидной формы, в отличие от громоздких урартских наносников VIII в., было вызвано стремлением придать металлическим пластинам оптимальную форму, которая при минимальных производственных затратах могла обеспечить максимальное покрытие наиболее уязвимой части головы коня защитной броней. На основе этого базисного типа в VII в. до н. э. было создано несколько модификаций. Так, в Зивие — это длинные пластины с круглым расширением в центральной части (Godar 1950: fig. 109). На этой же основе могли появиться наносники в Скифии VI в. (Никополь, Прикубанье и Вольно-аульские курганы (Мурзин, Черненко 1980: рис. 1–3), а затем и наносники V в. до н. э., особенно пластины с ромбическим расширением в верхней части (там же: рис. 10–12). Серебряная пластина из Панегюриште (Болгария) свидетельствует о длительном бытовании этого базисного типа наносника, выработанного к началу VII в. до н. э. (там же: рис. 4).

Тот факт, что костяные налобники, рассмотренные выше, и их бронзовые аналоги, которые появились ближе к началу VIII в. как в Средиземноморье, так и в Урарту, крепились широким краем

кверху, а трапециевидные наносники — широким краем книзу, говорит, скорее всего, в пользу того, что они генетически не связаны. Первые, в силу своих малых размеров, дороговизны и хрупкости материала, не могли служить защитным целям. Назначение же наносников — в первую очередь защитное. Их возникновение нужно связывать с более продвинутой в военном отношении средой. И тот недолгий период упадка Ассирии в первой половине VIII в. до н. э. мог дать приоритет урартам в этой области. Тем более, что Ассирия всегда признавала авторитет урартов как в военной подготовке коней, так, видимо, и в их снаряжении. Видимо, можно признать, что появление наносников как элемента военного снаряжения коня связывается с военной мыслью в Урарту. Именно здесь в течение VIII в. до н. э. происходили поиски оптимальных форм наносников. И, конечно, с ними в первую очередь познакомилась Ассирия, которая со второй половины VIII в. до н. э. вступила в полосу нового военного и политического подъема. Надо сказать, что к концу VIII в. необходимость в конском защитном доспехе сказывалась уже повсеместно. В средиземноморской среде возникает оригинальная форма двухчастных шарнирных наносников (Karageorghis 1969: fig. 12, 24, 48). П. Мури считал, что замена налобников наносниками произошла в начале VII в. до н. э. (Moorey 1971: 138–139). Нет объективных данных, которые позволили бы настаивать на этом предположении. Скорее всего, вызванные к жизни разными причинами и служа разным целям, они могли какое-то время сосуществовать. Так скорее всего и было в Урарту, где громоздкие налобники/наносники времени Менуа и Сардури II существовали вместе с налобниками с изображениями божества на быке, которые появились уже при Ишпуини. А в Восточном Средиземноморье металлические налобники с изображением нагой богини (Тель Тайнат) одновременно шарнирным налобникам из могил Саламиса. Позднее, конечно, охранительная функция налобников-оберегов могла перейти к наносникам, на некоторых из них (рис. 4: 5) иногда имеются изображения богов, цель которых была увеличить защитную функцию последних. Когда именно налобники вышли из употребления, трудно проследить. Во всяком случае, в VIII в. налобники и наносники существовали.

Появление к концу VIII в. до н. э. этой новой детали конского доспеха — наносника — повлекло за собой и конструктивное

изменение в системе ремней оголовья. Дело в том, что длинная и довольно тяжелая пластина (ее вес иногда достигал 200 гр.), помимо подвешивания на налобном ремне, во избежание горизонтального скольжения должна была крепиться где-то в средней части носа или ниже. Во второй половине VIII в. появился наносный ремень, что зафиксировано ассирийскими рельефами, более ранних рельефов первой половины VIII в., как уже было отмечено, мы не знаем. Правда, вначале наносный ремень изображен без наносников — последние известны на рельефах начала VII в. до н. э. Однако та взаимосвязь наносника и наносного ремня, которая фиксируется позднее как в изобразительном материале, так и в устройстве самих наносников (петли или отверстия в средней части для прикрепления к ремню), заставляет считать появление наносного ремня важным хронологическим и обусловленным, неслучайным признаком¹. Пластина с именем Менуа была снабжена дополнительными петлями на боковых выступах, которые могли скреплять его с наносным ремнем (рис. 3: 1), поэтому не исключено, что наносный ремень, как и сами наносники, стал использоваться раньше всего в урартской коннице.

Выделение такого важного хронологического и конструктивного признака, как наносный ремень, позволяет иначе взглянуть на «конские налобники» на ассирийских рельефах Ашшурнацирапала II. Одна из попыток доказать защитное назначение этих дуговидных пластин была сделана в связи с изучением конструкции двухчастных шарнирных наносников, найденных на Кипре, в могилах Саламиса *in situ*, где они датировались концом VIII — началом VII вв. до н. э. (Littauer, Karageorghis 1969: 152–160). Авторы восстанавливали способ крепления шарнирных налобников в системе ремней оголовья следующим образом: его верхняя часть, обычно слегка изогнутая по форме лежащей под ним подушки, крепилась ремнем за ушами (видимо, затылочным ремнем). Конец этой части имел специальную петлю. Шарнирное крепление обеих частей располагалось на уровне глаз. Это-то и позволяло, по мнению обоих исследователей, изгибать верхнюю часть наносника так, чтобы закрепить его за ушами, где

¹ Отсутствие наносного ремня в узде IX в. до н. э. отмечалось и прежде, но причины его появления не объяснялись (Ковалевская 1977: 81, 85; Littauer, Crouwel 1979: 118).

одновременно крепился изогнутый гребень султана (*ibid.*: 152). В этой реконструкции не все понятно. С одной стороны, подчеркивается, что шарниры позволяли наноснику быть более пластичным, плотно следовать изгибам головы лошади. Но тогда зачем шарниры располагаются на уровне глаз, где изгиб наименее нужен, т. к. лоб лошади практически продолжает прямую линию носа. Резкий изгиб имеется при переходе ото лба к затылку, следовательно, здесь необходим еще один изгиб наносника? Если же шарниры располагались на этом изгибе, тогда за уши, на гриву коня спускалась слишком длинная часть пластины, ненужная здесь. Не все ясно с предполагаемой стеганой подушкой, которая якобы прикреплялась на лбу коня. Ее назначение — предотвратить непосредственное соприкосновение металла с кожей животного и предохранить лоб, где кости очень хрупкие. Она должна была служить изоляцией, поскольку металлическая пластина сильно нагревалась под солнечными лучами (*ibid.*: 154). Такую стеганую подушку Литтауэр и Карагеоргис видят на ассирийских рельефах второй половины VIII в. до н. э., где изображена пышная курчавая челка коней Тиглатпаласара III, и вплоть до времени Ашшурбанапала (*ibid.*: 158; **рис. 5: 3, 4**). Что касается изображений времени Ашшурнацирапала II, то оба автора допускают возможность использования шарнирной конструкции налобника-наносника для уже описанной выше дуговидной конструкции с султаном. Возражения на все эти предположения могут быть следующими. Стиль изображения курчавой челки на рельефах второй половины VIII в. и позднее полностью совпадает с манерой изображения бороды и прически всех персонажей этого времени, так что это может быть только стиль, а не изображение подушки. Тем более что, как уже было отмечено, для второй половины VIII в. неизвестны изображения наносников. Но главное не в этом: огромные размеры кипрских шарнирных наносников — 49,5 и 51 см (Karageorghis 1969: fig. 12, 24) — требовали дополнительного прикрепления к ремням. Подтверждение этому можно видеть на конских скульптурках VI в. до н. э., также происходящих с Кипра, где наносный ремень из-за большой длины пластины сдвинут почти к самым ноздрям коня (Littauer, Karageorghis 1969: fig. 5, 6). Следовательно, первым и необходимым условием для возможности использовать огромных размеров шарнирные наносники должно быть присутствие наносного ремня. Поэтому,

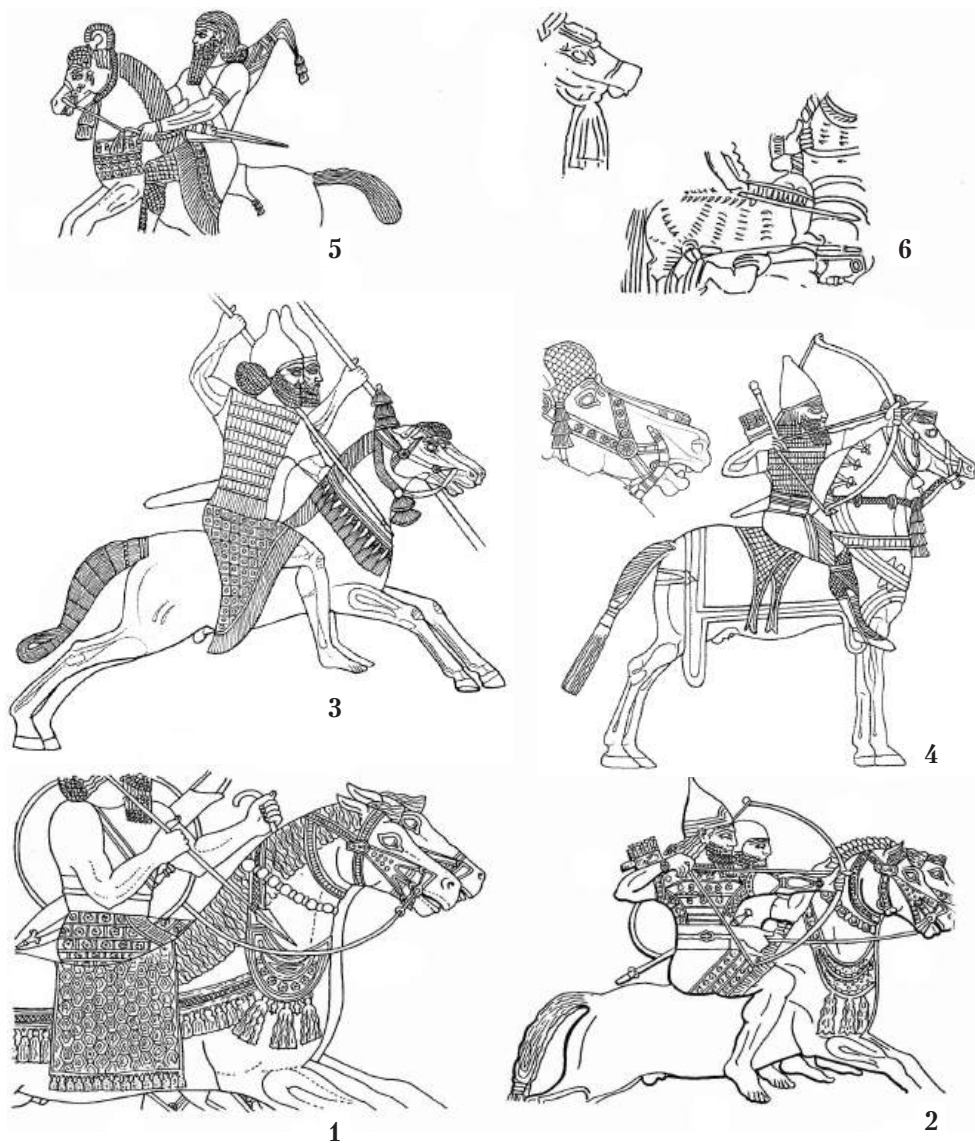

Рис. 5. Изображения всадников на ассирийских рельефах (1–5) и на слоновой кости (6). 1, 2 — правление Ашшурнацирапала II; 3 — правление Тиглатпаласара III; 4 — правление Ашшурбанапала; 5 — правление Саргона II; 6 — Хасанлу IVB

оставив некоторые спорные моменты в изображениях VIII в. до н. э., обратимся к изображениям IX в. до н. э. Первое, что важно подчеркнуть — отсутствие наносного ремня, второе — значительная часть дуговидной конструкции не касается головы коня, пластина образует дугу примерно начиная от глаз и, не касаясь

лба коня — и, следовательно, не крепясь на налобном ремне — крепится только на затылочном ремне¹. Вот те две причины, которые не позволяют предполагать не только шарнирную налобно-наносную пластину, но и вообще говорить об использовании в IX в. какого-либо защитного приспособления на голове коня. Челка коня свободно свисает под дугой, нет никакой «подушки» (рис. 1: 1). Эта дуговидная конструкция, очевидно, была сделана из легкого материала, и ее достаточно было фиксировать только затылочным ремнем, хотя на немногих изображениях можно видеть, что нижний конец дуги, который иногда спускался почти до ноздрей коня, подвязывался. Эта подвязка не была связана с ремнями оголовья, она проходит под растроеным нащечным ремнем и закреплена под нижней челюстью. Она изображена легкой линией, в отличие от четкого рельефного рисунка ремней оголовья, которые в большинстве случаев украшены мелкими бляшками (Budge 1914, pls. XIV, XV; рис. 1: 1). В тех случаях, когда дуга не имела продолжения на носу коня, ее нижний конец, видимо, прикреплялся к налобному ремню, и в этом случае подвязка отсутствует (ibid.: pl. XVI). Впрочем, изображение подвязки иногда отсутствует и при наличии длинного основания дуги (ibid.: pl. XVII–XVIII) и, наоборот, присутствует при ее отсутствии (ibid.: pl. XXII, XXV). Защитное назначение этих дуг исключает и следующие наблюдения. Дуги изображались только на колесничных конях, верховые их не имеют. Но и среди первых они имеются не всегда. Дуги различаются характером оперения. Лошади колесницы Ашшурнацирапала II снабжены постоянно одним типом султана — ровно подстриженным гребнем («ежиком») из-под султана спускаются две ленточки с кисточками на концах. Другие колесничные кони — не царские — никогда не имеют ленточек, а султаны имеют иные формы. Колесничные кони царя, изображенного на охоте, не имеют ни султана, ни ленточек. Отсюда можно сделать вывод, что дуга с султаном была отличительным признаком различных военных подразделений. Царская колесница выделялась (помимо других признаков, в том числе присутствием третьего человека-щитоносца) особой формой султана и ленточками на головах

¹ В некоторых случаях видно соединение этого ремня с крючком, которым оканчивается дуга, но в других случаях этот крючок тонет где-то в гриве.

коней, что позволяло легко выделять царскую колесницу в бою среди многих других. Ведь в IX в. ударной силой армии были именно колесницы, а не конница.

Приведенные наблюдения в связи с развитием конского защитного доспеха позволяют сделать следующие выводы: большинство известных находок бронзовых наносников относится ближе к концу VIII в. и к более позднему времени, т. е. тогда, когда главной ударной силой армии становится конница и необходимость в защитном доспехе коня стала особенно острой¹. В Ассирии реорганизация армии относится к царствованию Тиглатпаласара III, в Урарту значение конницы возросло раньше, по всей видимости, при Сардури II.

Появление в Иране узды евразийского типа тоже, в конечном счете, связано с увеличением роли конницы в VIII в. до н. э. До появления наносников существовали налобники, которые защитной функции практически не имели. Дуговидные конструкции на головах коней на рельефах Ашшурнацирапала II следует считать отличительными знаками царской колесницы и колесниц военачальников.

Все сказанное не позволяет датировать бронзовые наносники из Хасанлу IVB — IX в. до н. э. Они относятся к широко распространенному в этом регионе типу узких трапециевидных пластин с маленькими отверстиями по краю. Их нельзя называть шарнирными, поскольку шарниров как таковых на них нет. По всей видимости, шарнирные наносники были характерной формой, распространенной в другом, Восточно-Средиземноморском регионе. Топография находок предметов конской сбруи в Хасанлу IVB позволяет связывать их с моментом гибели города во время штурма его врагами. Они найдены в парадных колонных залах, на скамейках вдоль стен в зданиях BB IVE, BB V, в центре зала здания BB IV–V, возле городских ворот, на вымостке верхней площади, возле восточного портика здания BB IV. Р. Дайсон предположил, что три

¹ Когда Саргон II в походе 714 г. узнает о том, что Руса I собирает войска для сражения с ним, Саргон, желая выиграть время, не дожидаясь подхода основной части армии, с одной только конницей бросается в бой. В том же походе с одной конницей он совершает марш-бросок на Мусасир и разрушает его. В предшествующее время в такой ситуации упоминались колесницы.

здания (BB IVE, BB V, BB IV–V), судя по большому числу находок в них элементов конской сбруи и костей лошади, могли иметь связь с конюшнями (Schauensee, Dyson 1983: 60). Если такое предположение и можно допустить, то только на военный период времени, т. к. два из трех этих зданий имеют «дворцовую» планировку.

Рассмотренные изображения конской сбруи и предметы конской экипировки позволяют считать, что конские пластинчатые трапециевидные наносники могли использоваться в Хасанлу IVB не ранее середины VIII в.

Не противоречит этому заключению и анализ изделий из резной слоновой кости.

§ 3. РЕЗНАЯ СЛОНОВАЯ КОСТЬ ИЗ ХАСАНЛУ IVB

Изучение изделий из резной слоновой кости, обнаруженной в Хасанлу IVB, выявило четыре группы изделий: ассирийского, северосирийского, иранского (вероятно, северо-западный регион) и местного, хасанлуского происхождения. Их различают стиль изображений, сюжеты и уровень мастерства (Muscarella 1980). Распределение сюжетов и форм изделий по группам в каталоге О. Мускареллы представлены и в **таблице 1**.

Резная кость местной работы преобладает, импортная кость остальных трех групп занимает только около 28 %. Группы различаются сюжетами. Местная кость в целом не копировала импортную. Лишь несколько северосирийских сюжетов повлияли, по мнению О. Мускареллы, на местные изделия (Muscarella 1980: 222).

Батальные сцены выполнены только на изделиях местного стиля. Сам факт изображения подобных сцен на кости не столь частое явление в эту эпоху. Как в Ассирии, так и в странах Восточного Средиземноморья этот сюжет представлен главным образом на каменных рельефах (реже на стенной росписи) или на изделиях из бронзы. Таким образом, сам выбор сюжета указывает на определенную самостоятельность резчиков по кости из Хасанлу. Рисунок выполнен в очень низком рельефе с незначительной выемкой фона, с последующей проработкой рисунка гравировкой. Все изображения характеризуются угловатостью линий, укороченностью и диспропорцией человеческих фигур: большая голова

Таблица 1

Местные изделия (кат. 1–213)	Иранские изделия (кат. 214–221)	Северосирийские изделия (кат. 222–279)	Ассирийские изделия (кат. 280–293)
пластины, круглая скульптура	пластины	сосуды, шка-тулки, круглая скульптура, фрагменты мебели	пластины
1. батальные сцены, колесницы, всадники, воины (лучники, копейщики, воины со щитом и мечом), осада города; 2. процессии, фр-ты стоящих, сидящих человеческих фигур; 3. круглая скульптура: люди, животные; 4. животные, птицы, сцены охоты, растения; 5. пластинки для инкрустации геометрической формы.	1. крылатые быки	1. «львиные сосуды»; 2. пиксиды: изображения растений, сфинксов; 3. фигурки бычков на крышках, статуэтки, орнамент: розетки, «плетенка»; 4. фрагменты коробок, блюд, рукоятки.	1. фигуры царя, крылатые фигуры богов; 2. дрофы; 3. сфинксы в геральдической позе; 4. рогатые копытные у древа жизни.
итого: 213, из них 13 номеров дерево, 4 — кость, 72 %	итого: 7, около 2 %	итого: 61, из них 3 — кость, 21 %	итого: 15, из них 1 — кость, 5 %

с огромным носом, короткие ноги и т. п. Можно отметить преувеличенную детализацию рисунка при отсутствии обобщенности, что делает изображения неясными, плохо «читаемыми» (например, Muscarella 1980: cat. 185). В круглой скульптуре, напротив, обобщенность форм без излишней детализации делает их более выразительными (ibid.: cat. 186, 123, 124).

Иранская группа изделий самая малочисленная. Она выделяется как сюжетом — крылатые быки только в этой группе, так и лучшим качеством исполнения. Самый лучший образец (ibid.: cat. 219) отличается плавностью и изяществом силуэта и тщательной проработкой разных частей тела различными видами гравировки.

Высокое качество ассирийской кости свидетельствует о том, что эти изделия скорее всего были выполнены или в царской мастерской, или в высокопрофессиональной мастерской, где мастера придерживались официального канона. Изображения выполнены в высоком рельефе или в технике гравировки (линейный стиль, Muscarella 1980: 200).

Северосирийская группа изделий наиболее многочисленная среди импортной кости в Хасанлу. Она хорошо известна по находкам в Нимруде (особенно близки фигурки бычков, Mallowan 1966: 174; Muscarella 1980: cat. 242). Высокий профессионализм северосирийской школы оказал заметное влияние на искусство Урарту, Ассирии и на местные изделия мастеров в Хасанлу. Это влияние заметно на скульптурных и рельефных изображениях львов и в скульптурках людей, определенные черты сходства прослеживаются и в батальных сценах на кости местного стиля.

В каталоге О. Мускареллы вопросы датировки резной слоновой кости, выполненной в местном стиле, не рассматриваются, ибо она бесспорно, по мнению ее издателей, датируется IX в. до н. э. И опять, как и в других рассмотренных выше случаях, исследователи, опираясь на дату Хасанлу IV, на этот раз на материалах резной кости, уточняют датировку этих изделий в других комплексах, уточняя, таким образом, датировку других памятников. Так, параллели между резной костью ассирийской и северосирийской работы, найденной в Хасанлу и Нимруде, должны, согласно дате Хасанлу IV, усилить основания для датировки нимрудского комплекса IX в. до н. э. вместо IX–VIII вв. (Muscarella 1980: 219). Отсутствие в Хасанлу финикийской резной кости объясняется им тем, что она просто еще не существовала в IX в. до н. э. Присутствие ее в Нимруде естественно, поскольку город существовал до VII в. до н. э. Находки финикийской резной кости в этрусской могиле Бернардینی (около 700 г. до н. э.) и на Самосе (примерно в это же время) дает Мускарелле возможность утверждать, что финикийская школа косторезного искусства возникла не ранее второй половины VIII в. до н. э. (ibid.: 220)¹.

¹ Сообщения же Библии и ассирийских источников о существовании в Финикии изделий из кости уже в X–IX вв. относится, по мнению Мускареллы, скорее всего лишь к кости, которую резали для мебели, круглую же скульптуру и декоративные пластины финикийцы начали

Вопрос датировки финикийского и северосирийского стилей резной кости будет рассмотрен ниже в связи с общим историческим контекстом, на фоне которого мог возникнуть местный стиль косторезного искусства в Хасанлу. Но до этого целесообразно попытаться найти возможность датировать резную кость Хасанлу независимым образом.

Для определения датировки резной кости местного стиля, найденной в Хасанлу, первостепенное значение имеет анализ изображений батальных сцен, точнее, изображение колесниц и всадников. Благодаря обычному для этой эпохи стремлению фиксировать детали реально существующих вещей максимально точно, можно сделать соответствующие сопоставления с аналогичными сюжетами хорошо датированных ассирийских дворцовых рельефов и ряда других памятников, датировка которых также базируется на ассирийском материале.

Значительная часть фрагментов кости с этими сюжетами найдены в Хасанлу в заполнении трех помещений, примыкающих к центральному залу, в остатках рухнувшего во время пожара второго этажа здания ВВ II на юге цитадели. Такое скопление костяных изделий предполагает, что первоначально эти фрагменты составляли единое целое или несколько однотипных вещей (Muscarella 1980: 161) и, следовательно, они должны датироваться одним временем.

Описание датирующих деталей в изображениях колесниц на резной каменных рельефах сведено в **таблицы 2 и 2а**.

К характерным признакам изображений IX в. до н. э. относится **колесо с шестью спицами**. Проведенная Тиглатпаласаром III военная реформа привела в том числе к модернизации колесницы. Со второй половины VIII в. колесо, увеличенное в диаметре, имеет уже 8 спиц (**рис. 6: 1**). Увеличение размеров колеса, видимо, было связано с необходимостью повысить устойчивость колесницы, при сохранении ее высокой маневренности, что

резать в VIII в., используя технику резьбы, которая применялась мастерами северосирийской школы в более раннее время. Такая раскладка не очень убедительна, поскольку изготовление мебельных пластинок было специализацией именно финикийского центра на всем протяжении его существования, хотя имеются данные о таком же производстве и в северосирийском центре (Winter 1976: 4, pl. IC).

Таблица 2

Ассирия IX в. до н. э.	Хасанлу IV	Сирия X–IX до н. э.
кузов сплошной тяжёлый; колесо — 6 спиц (на колесе вражеской колесницы 8 спиц); колесная ось у задка кузова; 2 перекрещенных колчана на боку кузова (колчан, горит); щит прикрывает кузов сзади, там же копье; 2 человека: возница, лучник; 3 человека: царская колесница (царь, возница, щитоносец); эллиптический щит; 3 коня (Ашшурнацирапал II); 2 коня (Салманасар III); ноги коня подняты; нет наносного ремня; нет колокольчиков; одетый враг IX в., редко обнаженный VIII в.	кузов сплошной; колесо — 6 спиц (1 колесо с 4-мя спицами); колесная ось под центром кузова; нет; нет; нет; 2 человека: возница, лучник; нет; нет; 2 коня; все ноги на земле; есть; есть; обнаженный враг под копытами коня	кузов сплошной; колесо — 6 спиц; оба варианта; иногда; иногда; иногда; иногда 2 человека: возница, лучник; есть; нет; 1 конь — двойной силуэт (?); все ноги на земле; нет; нет; обнаженный враг под копытами коня

Таблица 2а

Ассирия VIII–VII в.: новые признаки как закономерность	Ассирия VIII–VII в.: старые признаки как исключение
кузов прямоугольный увеличился в размерах; колесо — 8 спиц; колчан на передней стенке кузова; нет щита, закрывавшего кузов сзади; нет эллиптического щита; 4 человека в кузове (Саргон); наносный ремень; кисть-науз; колокольчики; хвост коня с перевязками.	колесо — 6 спиц редко (Саргон); редко, при Саргоне исчезает; есть (Тиглатпаласар III); 2 человека редко (Саргон); хвост без перевязок.

Рис. 6. Ассирийские колесницы. **1** — Тиглатпаласар III (Нимруд);
2, 3 — время Ашшурнацирапала II и Саргона II

обеспечивалось положением колесной оси у задка кузова. Увеличение же числа воинов в экипаже до трех и четырех человек могло нарушить ее устойчивость. Увеличение числа воинов в колеснице, скорее всего, было вызвано желанием сохранить высокую боевую эффективность колесницы, которая во второй половине VIII в. в результате возросшего значения конницы начала сдавать свои позиции. Однако возможность быстрой переброски в бою двух-трех воинов с каждой колесницы «усиливала мощь атаки» и в нужный момент могла создать численное превосходство. Тем не менее, еще и в период правления Саргона, судя по рельефам в Хорсабаде, колесо с шестью спицами продолжало использоваться (Loud 1936: 65, fig. 79). Но эта архаическая черта сочетается с новыми признаками, которые появляются на ассирийских изображениях в VIII в. до н. э.: перемещение колчана с боковой

стенки кузова на переднюю, исчезновение щита, закрывавшего кузов сзади, отсутствие эллиптического щита, замененного тягой (**рис. 6: 2, 3**), хотя он еще использовался в правление Тиглатпаласара III (**рис. 6: 1**). Изображение колеса с шестью спицами также было возможным и в VIII в. до н. э. Так оно изображено на костяной панели из Нимруда, которую Мэллован датировал серединой VIII в. или ранее; при этом он подчеркивал отсутствие признаков IX в. — эллиптического щита, что сближало изображение колесницы со временем Тиглатпаласара III, но вряд ли могло быть позднее этого времени, так как позднее окончательно исчезает изображение щита, закрывавшего кузов сзади. Не позднее этого времени датируется и изображение коня на этой пластине с характерным длинным хвостом без перевязок, обычных уже для времени Саргона II и позднее (Mallowan 1966: 538–540, fig. 462). Другая, еще более странная по сочетанию архаических черт, пластина из Нимруда, которую Мэллован датировал 730–720 г. до н. э. (Mallowan 1966: 488–494, fig. 386; изображение вражеской колесницы IX в. см: Yadin 1963: 386–387). На ней изображена сцена нападения быка на колесницу. Такие детали как колесо с шестью спицами, щит, закрывающий кузов сзади, эллиптический щит, перекрещенные колчаны на боковой стенке кузова — все это признаки IX в., но один поздний признак — четыре человека в кузове, по мнению издателя, исключает дату IX век. Таким образом, можно видеть принцип датировки резной кости по реалиям: решающее значение имеет самый поздний признак (**табл. 2а**).

Два человека в колеснице: возница и лучник. В царствование Ашшурнацирапала II экипаж колесницы состоял из двух человек, но в царской военной колеснице иногда изображался третий человек — щитоносец. В VIII в. это число становится обычным, достигая при Саргоне четырех человек. Однако и в это время, и позднее имеются изображения двух человек (Yadin 1963: 421, 442–443). Руса I в надписи на статуе в Муцацуре сообщает: «с моими двумя конями и одним колесничим...», т. е. и в Урарту VIII в. могло быть два человека в колеснице.

Начельники: на рельефах IX в. колесничные кони, как было рассмотрено выше (§ 2), имели дуговидное основание начельника, форма оперения которого различалась — кони царской колесницы имели ровно подстриженную форму оперения, другие часто имели трехдольчатую форму. Верховые кони в IX в. начельников

не имели, он появился у них только в VIII в. (**рис. 5: 3**). На костяных пластинах из Хасанлу все верховые кони не сохранили изображений верхней части головы и их датировка не может быть уточнена. Что касается колесничных коней, то О. Мускарелла полагает, что на трех фрагментах изображения начальников имеются (Muscarella 1980: cat. 5, 26, 27). Следует отметить общую грубость изображений, «зажатость» головы коня верхней рамкой панели, что могло исказить рисунок начальника.

В одном случае (Muscarella 1980: cat. 27) четкая веерообразная форма (если это начальник, поскольку ниже ничего не сохранилось) предполагает стержневидное основание. Такая форма начальников характерна для изображений VII в., но верховых коней. В двух других случаях основание начальника изображено неясно, вертикальными штрихами показана полушаровидная или равноподстриженная форма оперения, неясность изображений не позволяет настаивать на аналогии с начальниками на ассирийских рельефах IX в., как это допускает О. Мускарелла. Очевидно, что данная реалия на кости из Хасанлу не «работает».

На изображениях **колесниц** на кости из Хасанлу отсутствует эллиптический щит и видимо присутствует на шее коня нечто, напоминающее, как отмечает Мускарелла, колокольчик (Muscarella 1980: 162; cat. 6, 29, 30, 34). Обе реалии имеют важное хронологическое значение. В VIII в. при Тиглатпаласаре III эллиптический щит начал заменяться железной или ременной тягой, и при Саргоне II перестает изображаться (**рис. 6: 1, 3**). Единственное изображение такого щита в батальной сцене при Лакише, в царствование Синаххериба, рассматривается как недоразумение (Mallowan 1966: 492, 652, note 47). На малоазийских и восточно-средиземноморских изображениях колесниц IX в. он может отсутствовать (Yadin 1963: 367), его присутствие рассматривается как ассирийское влияние (изображение в Каркемише; *ibid.*: 366). На рельефах VIII в. щит уже не эллиптический, как в IX в. (**рис. 6: 2**), нижний его край имеет не плавный изгиб, а угол (Barnett, Falkner 1962: pls. IX, LXXI, LXIX; **рис. 6: 1**). Кони имеют новую форму начальника в виде двух или трех пирамидок «столбиком», наносный ремень (**рис. 5: 3; 6: 1**), т. е. новые признаки VIII в. вместе с колесом с 8-ю спицами, колчаном на передней стенке кузова и т. п. Что касается колокольчиков, то эта деталь появляется только в VIII в., причем самые ранние, как свидетельствуют надписи на них,

у урартов времени Сардури II (760–730; Пиотровский 1970: илл. 56, 58; Moorey 1971: 137–138). В Хасанлу IV их найдено большое количество (Schauensee, Dyson 1983: 71–72, fig. 19). На костяных пластинах из Хасанлу предметы, висящие под нижней челюстью коня, Мускарелла считает скорее колокольчиками, чем декоративными кисточками (Muscarella 1980: 162, cat. 6, 29–30, 34; **рис. 5: 6**). Однако их удлиненная форма и сравнительно большие размеры, а также то, что они как бы висят на поводке, заставляет предполагать изображение кисти-науза. В руинах здания BB IV–V были найдены остатки кисти-науза, судя по фото, состоящей из веревок (материал не указан, Winter 1980: X, 4, fig. 12). Поскольку это деталь связана со средствами управления верховым конем, то она будет рассмотрена ниже.

Таким образом, на ассирийских рельефах VIII в. могли изображаться колесницы с такими архаическими деталями как колеса с шестью спицами, два человека в колеснице (это же наблюдается на кости Хасанлу), эллиптический щит. Но все они сопровождаются новыми признаками VIII в.: тягой, колокольчиками на шее, наносным ремнем (имеется на кости Хасанлу: **рис. 5: 6**), большим колесом с 8-ю спицами, колчаном на передней стенке кузова, новыми формами начельников. Датировка резной кости определялась исследователями по наиболее поздним реалиям, что дает основание считать датой изготовления пластин с батальными сценами и колесницами из Хасанлу VIII в. до н. э.

Некоторые признаки рассмотренных колесниц отличают изображения из Хасанлу от ассирийских колесничных сцен и сближают их с памятниками малоазийского и восточно-средиземноморского происхождения. Прежде всего у последних колесная ось изначально была расположена под центром кузова (**рис. 7: 1–2, 4**), а не смещена к его задку, как у ассирийских, а также египетских колесниц предшествующего времени (**рис. 7: 3**); кузов не прямоугольный, а расширяется кверху или имеет скошенные боковые стенки. Маллован считал эту форму кузова характерной именно для сирийской колесницы (Mallowan 1966: 538). Другим важным признаком является поза коней, запряженных в колесницу: в отличие от ассирийских вздыбленных коней, ноги северосирийских и хасанлуских коней на изображениях начала I тыс. всегда на земле; одинаковая поза обнаженного врага под копытами коней (**рис. 5: 6**), на ассирийских изображениях поверженный враг

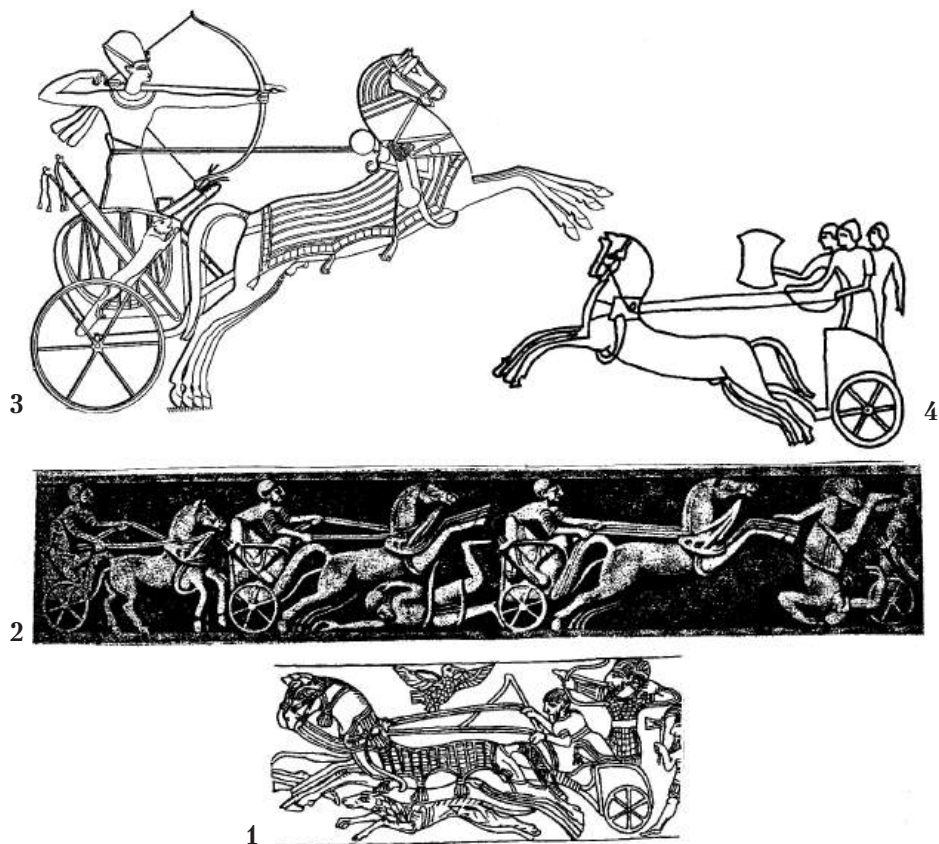

Рис. 7. Хеттские (1, 2, 4) и египетская (3) колесницы. 1 — Кипр, Энкоми; 2 — Мегиддо; 3, 4 — Рамзес II и хетты в битве при Кадеше

обычно изображался одетым. Одинаковым является такой элемент орнамента как «гильёш/плетенка» по краям панелей, в центре каждого звена выделенное углубление (Muscarella 1980: 168). Часть персонажей носит обувь с загнутым носком (рис 5: 6), что является характерным признаком изображений на памятниках хеттского и позднехеттского (лувийского) искусства.

Положение оси колеса под центром кузова, а не у его задка, делало колесницу менее маневренной (Yadin 1963: 242). Изображение такой колесницы известно на костяной пластине из Мегиддо (около 1200 г. до н. э.), ее колесо имеет шесть спиц (Yadin 1963: 243; рис. 7: 2). Такие же колесницы были и у хеттов. Дж. Г. Маккуин объяснял различия хеттской и египетской колесниц следующим образом. Конструкция египетской колесницы с осью

колеса у задка кузова обеспечивало ей большую маневренность при движении на большой скорости (**рис. 7: 3**). Это позволяло использовать ее как боевую платформу, «с которой можно было на большой скорости поражать врага метательными снарядами, внося в ряды противника максимум замешательства» (Маккуин 1983: 98–99).

Конструкция хеттской колесницы делала ее менее маневренной, она переворачивалась на большой скорости. Но этот недостаток искупался более мощной поражающей силой, потому что благодаря расположению оси под центром кузова хеттская колесница вмещала большее число человек. Таким образом, дополнительный вес усиливал мощь атаки, а в последующей рукопашной схватке у хеттов сразу оказывалось численное превосходство (Маккуин 1983: 98–99; **рис. 7: 4**). Увеличением диаметра колеса в VIII в. до н. э. при сохранении оси у задка кузова ассирийцы, видимо, пытались соединить достоинства обоих типов колесниц. В X–IX вв. традиция именно хеттской конструкции колесницы сохранялась в малоазийском регионе. И только с IX в. здесь получила распространение ассирийская колесница (Yadin 1963: 366). Хотя, может быть, мы имеем в данном случае не замену хеттской конструкции колесницы ассирийской в армиях ближневосточных царств — ведь если бы речь шла о замене колесницы более целесообразной конструкцией, то это могло бы случиться и раньше, ибо еще хетты были знакомы с достоинствами египетской колесницы еще в битве при Кадеше (1275 г. до н. э.) и могли убедиться в ее преимуществах, но они знали достоинства и своей колесницы. В данном случае многочисленные каменные рельефы Ближневосточного региона изображали ассирийскую армию и ее колесницы. Именно с IX в. началась борьба Ассирии за влияние на Ближнем Востоке и буквально все познали разрушительную силу ее армии. Многие изобразительные памятники могли быть сделаны здесь по заказу победителей. Не случайно все хронологические изменения ассирийской колесницы, известные по памятникам в самой Ассирии, отражены на изображениях в этом регионе. Так, на изображении колесницы конца VIII в. из Лакиша колесо имеет 8 спиц, колчан находится на передней стенке кузова (Yadin 1963: 432). Урарты пользовались, судя по изображениям уже начала VIII в., тоже колесницей египетского/ассирийского типа. Но на Ближнем Востоке, в частности в Сирии, сохранялась

колесница хеттского типа, это вообще была страна, где хеттские традиции сохранялись в различных сферах культуры (Yadin 1963: 367). Возникает вопрос, как могло случиться, что в районе Хасанлу, окруженном странами, где использовалась колесница с осью у задка кузова, появились изображения колесницы хеттского типа и обуви хеттского типа с загнутым носком (**рис. 5: 6**)? Известно, что в искусстве резьбы по слоновой кости влияние сирийской школы было самым сильным. Это справедливо и для ассирийского, и для урартского искусства в этой области (Loon 1966: 113). Следовательно, можно предполагать влияние последнего в Приурмийском районе, в Хасанлу, находившемся в VIII в. в составе Урартского царства.

Вопрос о том, когда, каким образом и в каких формах влияние северосирийской культуры достигло Хасанлу, будет рассмотрен ниже после анализа другого сюжета батальных сцен, а именно всадников.

Изображения всадников, выполненные на кости из Хасанлу, характеризуются следующими признаками: верховые кони изображены без сопровождающего верхового или оруженосца¹. Внешний вид коня и его снаряжение аналогичны убору колесничных коней. Посадка всадника отличается рядом характерных признаков: всадник сидит прямо, скорее даже чуть нагнувшись вперед к шее коня (между гривой коня и туловищем всадника помещается лишь кисть левой руки, держащей повод, Muscarella 1980: cat. 33), его колени на плече коня, нога свободно спускается вниз, угол между бедром и голенью тупой. Все эти признаки имеют важное хронологическое значение: в IX в. до н. э., когда всадник еще плохо умел обращаться с лошадью, ему необходим был правчий, который управлял обоими конями, сидя на одном из них, освобождая руки воина для стрельбы из лука, метания копья или дротика (**рис. 5: 1–2**). В середине VIII в. появляются изображения всадников, которые сами управляют конем и одновременно сражаются. Во второй половине VIII в. всадник окончательно отказался от чужой помощи (Ковалевская 1977: 81–84). В Урарту неизвестны изображения правчих, что может свидетельствовать

¹ Отсутствие последних Мускарелла объяснял тем, что кавалеристы держат копье, а не лук и поэтому не нуждаются в удержании своего коня (Muscarella 1980: 162; рис. 5: 6).

о том, что урарты освоили верховую езду раньше ассирийцев (там же: 94). С этим согласуются и сделанные выше предположения о появлении именно в урартской военной среде ряда новшеств в снаряжении боевого коня. Описанная посадка всадника также характерна для изображений VIII в. (**рис. 5: 3, 5**). В IX в. до н. э. всадники сидят, откинувшись назад, иногда почти на крупе коня, коленями всадник упирается в холку коня, а сильно согнутые ноги образуют острый угол между бедром и голенью (там же: 82, 85; **рис. 5: 2**). Иногда всадники сидят боком, их ноги свисают по одну сторону (Budge 1914: pls. XII/1, XVII/1, XXV/2; **рис. 5: 1**)¹.

Переломный момент в освоении верхового коня произошел, судя по изобразительным памятникам, в середине VIII в. до н. э. Всадник отказался от посторонней помощи в управлении конем. В этом ему, прежде всего, помогло появление приспособления, которое могло фиксировать повод. Так появилась кисть-науз. Она крепилась на ошейнике и через нее проходил повод. Этим приспособлением достигалась фиксация повода под головой коня. Таким образом, всадник уже не мог потерять при движении повод, который конь мог бы перекинуть через голову (Ковалевская 1977: 84; **рис. 5: 4**). Поскольку на рельефах IX в. никогда не изображались ни кисточки, ни колокольчики, которые появились только на изображениях VIII в. (Boehmer 1965: Abb. 2, 3; Barnett 1960: pls. 43, 59, 64, 89, все датируются VIII–VII вв. до н. э.), то предмет, который висит на поводке верховой лошади из Хасанлу, будь то просто кисть или кисть-науз, определяет дату этого изображения VIII в. до н. э. (Muscarella 1980: cat. 34). Действительно, вряд ли это был колокольчик, поскольку удлиненная форма и особенно его большие размеры и плавность силуэта говорят скорее в пользу изображения кисти, а то обстоятельство, что повод продет в эту кисть, которая висит на некотором расстоянии от шеи

¹ Описанная посадка всадника, откинувшегося назад с согнутыми ногами, а также наличие правчего позволяет датировать костяную пластину из Зивие IX — началом VIII в. до н. э. (Ковалевская 1977: 88–89). Причем на ней правчий не только держит повод коня лучника, но левой рукой с плетью подстегивает его коня, чтобы тот не заносил круп влево. Лучник не может стрелять на скаку, поэтому на этом изображении его коня, стоя перед ним, придерживает пехотинец, такая сцена часто изображалась на рельефах IX в. Отмечу, что на этой пластине еще нет изображения наносного ремня.

лошади, позволяет считать это изображение именно кистью-наузом (**рис. 5: 6**). Выше уже была отмечена находка кисти-науза в сгоревшем во время штурма в 714 г. здании ВВ IV–V.

Сочетание ранних и поздних признаков на изображениях колесниц и всадников в батальных сценах на костяных пластинах из Хасанлу позволяет предполагать, что эта кость резалась не ранее VIII в. до н. э. Основанием для такого заключения служат следующие признаки изображений: в колесничных сценах отсутствие эллиптического щита и, следовательно, присутствие ременной или железной тяги; наличие наносного ремня в конской узде; в изображениях верховых коней такие поздние признаки как отсутствие правчих и характерная уже для VIII в. посадка всадника; кисть-науз. Причем отмеченные признаки верховых коней вообще исключают IX век из их датировки.

Для проверки предложенной даты необходимо рассмотреть те исторические условия, в которых существовали финикийский и северосирийский стили косторезного искусства на Ближнем Востоке.

Как уже было отмечено, отсутствие в Хасанлу финикийской резной кости Мускарелла объяснял тем, что финикийская школа косторезного искусства, по его мнению, возникла только в VIII в. до н. э. и, естественно, не могла попасть в Хасанлу, город, прекративший существование, по его мнению, уже в IX в. Мнение относительно позднего сложения финикийской косторезной школы было прежде высказано И. Винтер в ее очень содержательной работе, посвященной финикийскому и северосирийскому стилям косторезного искусства и распространению этих изделий на Ближнем Востоке. Однако Р. Барнетт сомневался в столь поздней дате сложения финикийского стиля, ибо считал маловероятным, что с момента своего возникновения только в VIII в. он имел уже столь развитую и законченную форму, и приводит данные о возможных связях этого стиля с искусством X–IX вв., уходящего своими корнями в эпоху бронзы (Barnett 1982: 46). Оба исследователя оговаривают то обстоятельство, что главные города Финикии: Тир, Сидон, Библ, Арка до сих пор не раскопаны и, следовательно, со временем могут появиться данные о сложении этого стиля в более раннее время. Таким образом, вопрос этот спорный, но его решение не может влиять на датировку Хасанлу IVB. Финикийская кость и не могла попасть в Хасанлу ни в IX в., ни в VIII в. по следующим причинам.

Картографирование находок резной кости обоих стилей показывает, что их ареалы были различны (Winter 1976: 11–14, figs. 1, 2). Северосирийская резная кость найдена в Малой Азии от Гордиона до Топраккале у оз. Ван и вплоть до Хасанлу возле оз. Урмия на востоке, а на западе в Греции вплоть до Этрурии. Южнее Сирии она не обнаружена. Финикийская кость распространена гораздо южнее и западнее: Кипр, Карфаген, Испания, Самос, Этрурия. Их совместные находки зафиксированы только в Нимруде, однако это искусственное соединение изделий разных косторезных школ в одном комплексе объясняется накоплением путем грабежа их ассирийцами непосредственно в Финикии и Сирии в течение многих десятилетий в IX–VIII вв. до н. э. В VIII в., когда существовали оба стиля резной кости, эти изделия вместе не встречены. В VII в. существовала уже только финикийская кость, и она проникает в Грецию и Этрурию, куда прежде попадала только северосирийская кость. Отсутствие последней в Дур-Шаррукине (совр. Хорсабад), городе, построенном Саргоном, и наличие там финикийской кости служит важным аргументом в пользу того, что северосирийская кость к этому времени перестала существовать. Очень важны выводы исторического и экономического характера, которые, по мнению И. Винтер, объясняют различные ареалы и хронологию обоих стилей.

Сирия лежала на пересечении главных торговых сухопутных путей Древнего Востока. Отделенная от моря горами, она так и не вышла на морские торговые пути. Посредниками в распространении сирийских товаров на запад были греки, основавшие колонии на узкой прибрежной полосе, отделенной от Сирии горами. Финикия же располагалась на берегу и непосредственно участвовала в распространении своих товаров по морю. В конце VIII в., а может быть, и раньше образовались ее колонии в Сардинии, Сицилии, на Мальте, в Северной Африке и в Испании. На морских путях ей приходилось делить сферу торгового влияния с Грецией (Winter 1976: 18, 21).

Это естественно сложившееся распределение финикийской и северосирийской экономической сферы влияния, обусловленное их разным географическим положением, было усилено и историческими обстоятельствами, ибо военная политика ассирийских царей была различной по отношению к обоим царствам, отчасти

именно в силу их различной торгово-территориальной ориентации (Winter 1976: 17–22).

Уже с IX в. ассирийские цари стремились включить сирийские независимые царства в границы ассирийской империи. Мелкие сирийские царства перед лицом общего врага образовали в первой половине IX в. две сильных коалиции — Северный союз и Южный. Торговля стала постепенно направляться по новым путям, в обход ассирийских владений и районов возможных боевых действий. Образование мощного Урартского царства, оппозиционного к Ассирии, во многом определило направление торговых путей, ибо Урарту было посредником на торговых сухопутных путях В–З. Уже в конце IX в., в 805 г. ассирийский царь Адад-нерари III (810–783) смог только собрать дань с сирийских государств, но закрепиться здесь не смог. В первую половину VIII в. — в период ослабления Ассирии — государства Верхнего Евфрата и Северной Сирии находились под урартским политическим влиянием. Главным формирующим фактором культурного взаимодействия Урарту со странами позднехеттского круга была общая транзитная торговля. Таким образом, период с конца IX до середины VIII в. (в 743 г. до н. э. ассирийцы взяли Арпад — центр северосирийского союза) был наиболее благоприятным для развития сирийской торговли и для распространения ее товаров вглубь континента (Loon 1977: 229–231). Поэтому появление в Хасанлу сосудов со львами, резной кости сирийской работы облегчалось общеполитической и экономической ситуацией, и попали они туда, минуя Ассирию, и возникновение там местной школы резьбы по кости также не зависело от Ассирии. Даже в царствование Тиглатпаласара III, хотя ассирийская гегемония в Сирии была вновь подтверждена и закреплена, экономическое благоденствие Сирии, хотя и в урезанном виде, все еще продолжалось. Лишь с приходом к власти Саргона II (722–705) политика по отношению к Сирии резко изменилась. Были уничтожены города Хамат (720 г.), Каркемиш (717 г.), Малатия (712 г. и 708 г.), Мараш (711 г.). Беспрецедентных масштабов достигла депортация населения. Были нарушены все торговые и прочие системы, северосирийские царства по существу были уничтожены военной ассирийской машиной, прекратилось производство резной слоновой кости (Winter 1976: 18–19).

Совершенно иную ситуацию можно наблюдать в Финикии. Хотя она и подвергалась нападению Ассирии и Тиглатпаласар III

посадил шестерых наместников в финикийских городах, которые должны были собирать налоги и регулировать торговлю, регион не был полностью разрушен. И причину такого «мягкого» подчинения И. Винтер видит в заинтересованности ассирийцев сохранить морскую финикийскую торговлю. Они сами не обладали морским флотом и были не способны к рискованной деятельности на море. Над сухопутными же торговыми путями ассирийцы сами могли осуществлять контроль, и поэтому они не церемонились с сирийскими царствами. Их давление в области торговли сказывалось в основном в лимитировании финикийской свободы торговли и в присвоении значительной доли заморских товаров. Именно в результате такой политики производство финикийских товаров не пришло в упадок и послужило истоком того, что в нововавилонский период сухопутная и морская торговля, в том числе по Евфрату, была в руках финикийцев (Winter 1976: 20). Искусство резьбы по слоновой кости продолжало развиваться. Но все это было уже позднее. В VIII в., до правления Саргона, когда еще существовало две сферы торгового влияния между Сирией и Финикией, резная слоновая кость финикийской работы не могла попасть в Хасанлу.

Все сказанное позволяет сделать вывод, который не сделал или не захотел сделать О. Мускарелла: расцвет финикийской резной кости в VIII в. и жизнедеятельность Хасанлу IVB в VIII в. — это два независимых явления, из них первое не исключает второе. Западная ориентация финикийской торговли и господство Северной Сирии на континентальных торговых путях исключало проникновение финикийских товаров на восток до конца VIII в. Урартское царство способствовало продвижению сирийских товаров на восток в VIII в. до н. э. Косвенным подтверждением жизнедеятельности Хасанлу IVB в VIII в. служит возникновение именно в это время под влиянием северосирийской школы местных центров косторезного искусства в Малой Азии, в Гордионе, Алтынтепе, Топраккале. Правда, Р. Барнетт, соглашаясь с тем, что северосирийская школа стимулировала возникновение местных школ косторезного искусства в Греции и Этрурии, как будто бы сомневается в этом относительно Топраккале и Алтынтепе (Barnett 1982: 45, 87, note 17). Сам же он рассматривал резную кость этих памятников как урартскую (т. е. местную), но выполненную под ассирийским влиянием (*ibid.*: 41). Вопрос этот имеет

непосредственное отношение к теме данного исследования и должен быть рассмотрен.

Вопрос о том, каковы были реальные основы и формы культурного взаимодействия Урарту со странами поздnehеттского круга и Ассирии был уже давно поставлен С. М. Бациевой (Бациева 1953: 17–36). К сожалению, ее работа не была известна И. Винтер, иначе бы она смогла подтвердить свои выводы относительно экономических сфер влияния Сирии и Финикии, общей экономической и политической ситуацией в этом регионе, более ясной была бы причина борьбы Ассирии за эти районы. И самое главное, что она смогла бы, видимо, развить уже на новом материале свой вывод о возникновении местных стилей под влиянием поздnehеттских культурных традиций и решить неизбежно встающий вопрос о формах культурного взаимодействия Урарту с окружающими его странами, давно поставленный С. М. Бациевой.

В своем блестящем исследовании Бациева выявила глубокую связь между многими явлениями, определявшими жизнь западной части Древнего Востока начала I тыс. до н. э. во всех ее главных проявлениях. Резкое увеличение политического веса Ассирии, бурный экономический расцвет сиро-финикийских городов, выход на историческую арену Урарту и сразу начало губительной борьбы последнего с Ассирией за Сирию. Эта борьба кончилась гибелью северо-сирийских царств, временным ослаблением Урартского царства, лишь номинальной победой Ассирии, ибо она в борьбе уничтожила то, за что боролась. Разве что хитрые финикийцы вывернулись из этой исторической мясорубки. А завязан был этот клубок страстей одним — борьбой за торговые пути, за транзитную торговлю железом, в первую очередь, — и, в конечном счете, жаждой обладать железными рудниками. Вот причина экономического расцвета одних, в чьих руках были рудники или транзитная торговля, и военно-политической активности других, кто хотел приобрести эти источники экономической мощи. Только на этом фоне можно решать общие и частные вопросы истории, прослеживать судьбы различных культур, понять причины жизнедеятельности одних художественных стилей и затухания других, выявить реальные основы и формы культурного взаимодействия старых и вновь складывающихся культурных традиций.

Положение северосирийских царств в центре ассиро-урартских противоречий вынуждало их проводить политику противо-

действия наиболее опасному для их независимости и существования противнику. Таким противником почти всегда была Ассирия, политикой которой в значительной мере объясняется проурартская ориентация сирийских государств в VIII в. до н. э. (Бациева 1953: 33–34). Вот реальная основа политического взаимодействия Урарту и стран поздnehеттского круга. Предпосылки культурной близости, согласно С. М. Бациевой, лежали в генетическом родстве хурритского населения малоазийско-сирийских государств с урартскими племенами, и в наличии удобных путей связей Армянского нагорья с Передней Азией по долине Евфрата, прорывающей гряды Армянского Тавра. Но главным, формирующим фактором была общая транзитная торговля. Богатейшие и рано начавшие разрабатываться железные рудники Армянского нагорья не могли не привлечь внимания малоазийско-сирийских городов. «Достойным соперником Ассирии и могущественной державой Передней Азии Урарту могло стать, лишь активно включившись в транзитную торговлю через северосирийские города» (Бациева 1953: 28–29). Вот действительно реальная основа культурного взаимодействия Урарту со странами поздnehеттского круга. Однако эта тесная культурно-экономическая связь двух регионов продолжалась, согласно Бациевой и ряду других исследователей, до середины VIII в. до н. э., а затем в Урарту резко возрастает влияние ассирийской культуры (Бациева 1953: 26–27). На каком конкретном материале базировалась эта периодизация? Разве в середине VIII в. создались новые предпосылки или основы для культурного взаимодействия Урарту и Ассирии, и исчезли старые основы взаимодействия Урарту со странами поздnehеттского круга?

В работе С. М. Бациевой рассмотрен один из трех критериев, определяющих культурную ориентацию Урарту, а именно вооружение. Для первого этапа наблюдалось сходство военной экипировки урартских воинов с вооружением поздnehеттских государств: характерные шлемы с гребнем¹ (см. гл. II, § 4), маленький круглый щит, короткая одежда, обувь с загнутым носком (резная

¹ Было отмечено сходство хетто-урартского гребенчатого шлема с микенскими: Бациева 1953: 27. Отметим, что одним из истоков стиля изобразительности на северосирийской кости было косторезное искусство микенской эпохи.

кость из Хасанлу также демонстрирует этот вид обуви); это сходство отображено на Балаватских воротах (третья четверть IX в. до н. э.). С VIII в. урартские воины стали экипироваться по ассирийскому образцу (длинная одежда, конические шлемы¹, большие круглые щиты с умбоном, колесницы, система упряжи и форма удил; Бациева 1953: 26–27). Однако в настоящее время картина не представляется столь однозначной. Во-первых, урарты продолжали использовать старую форму шлемов еще и при Тиглатпаласаре III (Barnett, Falkner 1962: XXIII–XXIV, pl. LXV). Во-вторых, появление на ассирийских рельефах VIII в. шлемов с гребнем и ряда других деталей вооружения может рассматриваться или как заимствование у урартов, или как использование ассирийцами наемников из стран позднешеттского круга (*ibid.*: XIX–XXII, pls. XXXIV–LXXIII; Madhlloom 1974: 385–387). Кроме того, при проведении военной реформы Тиглатпаласар III не мог не учитывать успехи в сфере военного искусства, достигнутые к этому времени в других странах. Так, при усовершенствовании ассирийской колесницы им были наверняка учтены преимущества хеттской конструкции колесницы. Реорганизуя кавалерию, Тиглатпаласар, конечно же, учитывал усовершенствования в снаряжении верхового коня, которое, как было показано, было более совершенным у урартов. Характер военной реформы Тиглатпаласара свидетельствует о его знании достижений в области военной мысли и государственной практики, в первую очередь у урартов. Его реформа в своей значительной части имела прототип в проведенной незадолго до этого военной реформе Сардури II. Принципиальной новостью реформ урартского царя было, по мнению И. М. Дьяконова, создание постоянного войска, которое находилось на содержании царя (Дьяконов, Медведская 1987: 208). Для VIII в. не приходится говорить об абсолютном преобладании ассирийского влияния в области военного искусства. Очевидно, что в области военного искусства не было одностороннего заимствования, близкое общение на полях сражений неминуемо требовало принятия

¹ Хотя их ассирийская исконность подвергнута сомнению: на одном из найденных в Зинджирли бронзовом остроконечном шлеме имеется изображение крылатого соднечного диска — символа хеттской царственности/божественности, что исключает его ассирийское происхождение, дата начало IX в. — ок. 720 г. (Maner 2009: 255, fig. 2).

более прогрессивного вооружения. В период военной активности новое оружие быстро заимствуется, сменяя устаревшие формы. В этой области не существует традиции в том смысле, в каком мы понимаем культурную традицию. Распространение нового вооружения — это надкультурное явление. Оно должно исключаться из характеристики культурного взаимодействия. Общность вооружения — это только хронологический признак.

Вторым критерием, определяющим влияние Ассирии на культуру Урарту, считалось заимствование ассирийского диалекта аккадского языка для урартских царских надписей и формы их изложения (Пиотровский 1962: 30). Не следует, однако, преувеличивать влияние ассирийской писцовой культуры на урартскую. Установлено, что в Урарту существовала письменная традиция, восходящая непосредственно к канцеляриям Митанни и Хеттского царства XVI–XIII вв. до н. э. (Дьяконов 1963: 20). Однако, подыскивая удобную форму письма для высекания монументальных царских надписей, урарты отказались от неудобной иероглифической формы надписей на «хеттско-иероглифическом» (лувийском?) языке, хеттско-хурритские анналы известны только на табличках. Урарты выбрали наиболее удобную форму письма для высекания надписей — клинопись, которую использовали для монументальных царских надписей на камне только ассирийцы. Сам ассирийский язык был использован только Сардури I (современник ассирийского царя Салманасара III: 858–824), причем взят был тот диалект ассирийского языка, который использовался только в письмах и образцы которого могли легко попасть в урартскую канцелярию. В монументальных же надписях ассирийских царей использовался литературный язык, неизвестный в урартских монументальных надписях. Все надписи последующих царей писались только на урартском языке. Что же касается формул урартских царских надписей, формуляров писем, они все восходят к письменной традиции Хеттской и Митаннийской держав. В тех случаях, когда урартские анналы и надписи проявляют черты сходства с ассирийскими, это касается тех черт, которые в самих ассирийских анналах восходят через хурритов к хеттам (Дьяконов 1963: 23).

Таким образом, заимствование клинописи для монументальных царских надписей свидетельствуют о сознательной работе канцелярии Сардури I, получившей, видимо, соответственные

указания, в этом случае был «акт одноразового» ассирийского влияния. В то время как формулы изложения повествовательных царских надписей, формуляры писем и т. п., и сам урартский язык является наследием письменной традиции хеттско-митанийской культуры, творчески переработанным и дополненным урартами. Следовательно, именно в этой области очевидно культурное влияние хеттско-митанийской культуры.

Самая общая оценка третьего критерия, касающегося уже непосредственно проассирийской ориентации Урарту в области искусства, позволяет поставить вопрос о преувеличении влияния ассирийского искусства на урартское. Дело в том, что специфика искусства Древнего Востока заключается в существовании на протяжении нескольких тысячелетий определенных иконографических схем, которые заимствовались из одной культуры в другую, но каждый раз наполнялись новым смыслом и содержанием, и новыми стилистическими признаками. Поэтому на уровне таких общих традиционных моделей на Древнем Востоке всегда можно найти черты искусства, общие для ряда стран, но это мало что дает для характеристики конкретной культуры. Эти иконографические формулы космополитичны по своей сути: они не носят сами по себе признаков конкретной культуры и не могут свидетельствовать о влиянии одной культуры на другую. Поэтому можно считать, что влияние искусства Ассирии на урартское, как впрочем, и на искусство поздних хеттских царств, оказалось преувеличенным именно на том уровне, на котором проявилась специфика искусства всего Древнего Востока — в существовании неизменных иконографических формул. Но в том, что, казалось бы, в первую очередь должно было подвергнуться влиянию искусства такой могучей империи как Ассирия — в царских прокламативных памятниках, которые должны были прославлять деяния царей Урарту — влияние Ассирии не сказалось в той степени, в какой можно было бы ожидать. Если официальное искусство Ассирии, не религиозное если не по сути, то по форме, прославляющее мощь царей и величие их мирских деяний, создало законченные сюжетные полотна, как в камне, так и в монументальной живописи, то в урартском официальном искусстве такой характер прокламативных памятников не привился. Дворцовых каменных рельефов, в таком виде, в каком они были в Ассирии, не было вовсе, а в живописи (она, правда, плохо сохранилась) — это

внекомпозиционные изображения богов и их ипостасей в образах животных. Причем статичность последних доказывает полное незнание урартскими художниками экспрессивной манеры ассирийской изобразительности и восходит к малоазийским традициям. Сам факт законсервированности художественных образов урартского искусства, в отличие от ассирийского, в котором наблюдается определенное развитие от формального великолепия с подчеркиванием иерархии и героических достоинств в сторону большей натуралистичности и некоторого интереса к человеку и животному миру (Loon 1966: 9), говорит в пользу независимого развития этих двух ветвей древневосточного искусства. Исходные же образы — это традиционные схемы для всего Древневосточного региона.

Таким образом, все три критерия, по которым оценивался характер влияния ассирийской культуры на урартскую, являются или устаревшими, или преувеличенными. Сейчас уже нельзя принимать те обобщенные оценки, появившиеся несколько десятилетий назад, когда общие ассиро-урартские черты в такой специфической области, как вооружение, или в форме официальных надписей переносились на оценку урартской культуры в целом. В области искусства необходимо каждый раз доказывать, что обнаруженные черты сходства с ассирийским искусством не происходят из одного общего древневосточного источника. В поисках реального источника, питающего культуру Урарту, необходимо учитывать ту политико-экономическую ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке в начале I тыс. до н. э. и которая сделала неизбежным сближение Урарту с поздnehеттскими царствами и определила его культурную ориентацию. Только на этом фоне становится очевидным, что урартская культура не только своими корнями уходит в культуру Малоазийско-сирийского региона, но и позднее, вплоть до VIII в. близость этих культурных комплексов базируется на экономической взаимосвязи обоих регионов. В VIII в. политическая сторона этой взаимосвязи усиливается, создается военный союз сиро-малоазийских городов и Урарту, направленный против Ассирии, переживающей в это время политический, экономический и культурный спад. На протяжении IX–VIII вв. не было причин для «резкого возрастания» влияния ассирийской культуры на урартскую и разрыва ее связей с культурой поздnehеттских царств. У них по-прежнему

общие экономические интересы. Именно в VIII в. Урарту было посредником в международной торговле через континент от Закавказья до западного побережья Малой Азии, когда международные торговые пути уже обходят Ассирию. Об этом, в частности, свидетельствуют находки урартской и иранской бронзы на Западе, вплоть до Самоса, и наоборот — проникновение северо-сирийской резной кости, сосудов со львами («lion bowls») вплоть до Приурмийского района. Именно в VIII в., по данным Д. Кёртиса, в этом обширном ареале существовали конструктивно схожие ручки с протомами птиц в Аринберде и Хасанлу, а также в Ассирии, Эламе и на западе (Curtis 2019). Возникновение подражаний тоже стимулировалось общей торговлей: рассмотренные выше урартские бронзовые конские налобники с изображениями божества на быке, инспирированные костяными северосирийскими налобниками с изображениями нагой богини, подражания урартским бронзам в Малой Азии, Греции и т. п. Все сказанное подтверждает точку зрения И. Винтер, считавшей, что урартская резная слоновая кость была выполнена под влиянием северо-сирийской, а не ассирийской школы.

Возвращаясь к резной кости из Хасанлу IVB, следует подчеркнуть главное: анализ изображений батальных сцен позволяет предложить независимую датировку для группы местной кости в пределах VIII в. до н. э. При этом не исключается, что другие группы, и в первую очередь ассирийская, могут датироваться IX в. до н. э. Город существовал и в IX в. (фаза IVC), а импортные дорогие изделия могли долго храниться. Высокий профессионализм мастеров северосирийской школы и общие политико-экономические условия послужили причиной не только широкого распространения изделий непосредственно северосирийского производства, но и повлияли на создание местных центров косторезного мастерства именно в VIII в. до н. э. как на Западе (Греция, Этрурия), так и на Востоке (Анатолия, Приурмийский район — Хасанлу). Этот факт также является объективным доказательством предложенной датировки возникновения и существования местной косторезной школы в Хасанлу в VIII до н. э.

Рассмотренный археологический материал подтверждает датировку Хасанлу IVB в пределах IX–VIII вв. до н. э., и подтверждает гибель города именно в 714 г. до н. э.

§ 4. УРАРТСКАЯ КЕРАМИКА VIII–VII ВВ. ДО Н. Э. И ВОПРОС УРАРТСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ПРИУРМИЙСКОМ РАЙОНЕ В VII В. ДО Н. Э.

В 714 г. до н. э. Саргон II, разрушив крепости и поселения на западном берегу Урмии и депортировав значительную часть населения, по существу уничтожил урартский плацдарм в этом районе. Ассирийские цари больше не совершали сюда походов, следовательно, этот район в качестве урартского плацдарма уже не представлял для Ассирии опасности (Медведская 2018: 71 сл., 149–152). В таком случае, здесь больше не было урартского контингента, который с конца IX в. до н. э. обеспечивал функционирование этого плацдарма, а именно: урартской администрации, воинов гарнизонов, урартского обслуживающего персонала. Иными словами, можно полагать, что в VII в. здесь уже не было носителей урартской культуры, которые были физически изъяты отсюда ассирийцами, а большинство поселений было разрушено и жизнь в них не возобновлялась десятилетиями.

Однако, по мнению известного урартолога Ст. Кролла, разделяемому и другими археологами, «поход Саргона, по-видимому, мало что изменил в отношении урартских владений в Азербайджане, т. к. всюду в большом количестве находится урартский керамический материал VII в. до н. э.» (Kroll 1976: 174). Это заключение может быть справедливым только в отношении сохранившихся урартских владений, расположенных севернее Урмии, в правобережье р. Араркс. Для западного побережья Урмии такая интерпретация археологического материала противоречит данным письменных источников и исторической ситуации в регионе в целом. Но означает ли наличие урартской керамики присутствие самих урартов там, где все было уничтожено Саргоном? Но этому вопросу должен предшествовать другой вопрос — что представляет собой урартский керамический комплекс?

Типология урартской керамики как для коренной территории Урарту, так и для Закавказского региона, и ее хронологическая эволюция окончательно не разработана, и урартский керамический комплекс полностью не определен. Исследователи уже давно выделяют эту керамику по составу глины и характерному красному ангобу с блестящим лощением (Erdem, Konyar 2011: 268–269 ff.). В качестве диагностирующих признаков урартского керамического комплекса, помимо красного ангоба и лощения,

выделено всего несколько керамических форм: одноручные кувшины с ойнохоевидным сливом, карасы/пифосы с конической придонной частью и неустойчивым дном, сегментовидные миски, светильники, бокалы и курильницы на высокой ножке. Исследователи обычно используют понятие «керамика урартского времени» (Kroll 1976: 14), что по существу исключает этническое содержание понятия «урартская керамика» и позволяет обойти вопрос о составляющих этого комплекса и, в частности, выделить то, что было заимствовано урартами на завоеванных территориях, а что было изначально урартским. Вместе с тем, Ст. Кролл отмечал, что после урартского завоевания Приурмийского района появилась новая «мода» на изготовление керамики (имелись в виду, в первую очередь, красный ангоб и лощение. — *И. М.*), исходившая, по-видимому, от «господ», живших во вновь построенных урартами крепостях, в которых и обнаруживаются чаще всего новые керамические изделия (Kroll 1976: 174). Но этот аргумент не может служить доказательством урартского присутствия в VII в. в этом районе: распространявшаяся в течение всего VIII в., эта «мода» могла сохраняться у местного населения, уцелевшего после разгрома 714 г. до н. э. Тем более, что, по мнению Кролла, в Иране на протяжении VIII в. хотя и прекращается производство серо-черной керамики, однако многие формы керамики, полученные от традиции предшествующего времени (хотя и не все), меняют только внешний вид за счет красного лощения (*ibid.*: 172). Считается, что краснолощённая керамика является продуктом централизованного производства в мастерских, где соблюдалась стандартность формы сосудов, качество ангоба и лощения (Erdem, Konyar 2011: 270, 272). Краснолощённой керамики нет в слоях IX в. до н. э., что свидетельствует о ее широком использовании только начиная с VIII в. до н. э. и позднее (Erdem, Konyar 2011: 274).

Остается без ответа важный вопрос: что можно считать собственно урартской керамикой и в какой степени она является составляющей частью керамики урартского времени (VIII–VII вв. до н. э.)? Что представляют собой диагностирующие признаки урартского керамического комплекса, а именно признаки ряда керамических форм, выделенных Ст. Кроллом?

Основой анализа керамики памятников урартского периода в районе западного и юго-западного побережья Урмии может служить керамический комплекс Аграб тепе, исследованный

О. Мускареллой (см. **прилож. 1, с. 365**; Muscarella 1973: 54–65) и бастамский каталог Ст. Кролла (см. **прилож. 2, с. 366**), в который им были включены следующие памятники в районе западного побережья Урмии: **VIII в.** до н. э. — урартские крепости возле Тазешахра, Пир Чавуш, Кале Вазири, Зингир Кале, крепость к северо-востоку от г. Ушнабие, Кале Исмаил Ага, Калатгах I–II, Хафтаван III, Геой тепе А, Кордлар тепе, Аграб тепе, Хасанлу III¹; **VII в.** до н. э. — Аху-Дерре, Кух-и Замбиль, тепе Лумбад, Аслан Кале и крепость без названия к северо-востоку от Хасанлу; не датированные памятники — Зендан, Шейтан Абад. Всего в этом районе им учтено около 27 памятников (Kroll 1976: 166–172, Abb. 45, 46). Большинство из перечисленных памятников не раскапывалось; фрагментированный подъемный материал мало что добавляет к керамическим данным, уже использованным О. Мускареллой в его исследовании керамики Аграб тепе. Не обосновывая специально урартскую атрибуцию керамики Бастама, Ст. Кролл ограничивается выявлением ее сходства с материалами урартских памятников Турции, Закавказья и Приурмийского района. Но в последнем случае урартская атрибуция керамики приурмийских памятников сама требует доказательства.

В Аграб тепе О. Мускарелла выделил 33 типа керамических форм, определив по керамическим параллелям хронологические рамки этого памятника периодом ЖВ III в пределах VII в. до н. э. (Muscarella 1973: 65, 71)². Помимо параллелей с памятниками на территории Ирана (как западного Приурмийского района — Хасанлу IV, III, Хафтаван, Зендан, Зи Гирдан, Калатгах, Геой тепе А), так и за его пределами (Нуш-и Джан, Баба Джан II, III, Гиян I, Вар Кабуд, Годин II, Хурвин, Сиалк В, Яник тепе, Зивие, Ахеменидская деревня II, Пасаргады, Персеполь), существенными, по мнению О. Мускареллы, оказались параллели с диагностической урартской керамикой. В нее он включил единичные

¹ Начало периода Хасанлу III Кролл отнес приблизительно к первой половине VIII в. (Kroll 1976: 170), VIII в. он датировал и Аграб тепе, О. Мускарелла датировал этот памятник VII в. (Muscarella 1973: 73–74), автор датирует Хасанлу IVB IX–VIII в. и его разрушение 714 г. до н. э.

² О. Мускарелла не обозначил порядковыми номерами типы сосудов из Аграб тепе; в **таблице 3** (см. ниже, с. 352–356) они представлены согласно порядку его описания керамики; далее в тексте эти номера стоят первыми перед названием типов керамики по Ст. Кроллу.

находки таких сосудов как: краснолощённый пифос/карас, украшенный матовыми треугольниками, частично покрашенными белой пастой (Muscarella 1973: 63, fig. 23, 2); краснолощённый сосуд с сосцевидным выступом на заостренном дне (ibid.: fig. 23, 3; 25); красноангобированный аск без лощения (ibid.: fig. 20, 5; 26); краснолощённую подставку для сосуда (ibid.: 63, fig. 23, 1). К ним можно добавить одноручный лощёный (но без красного ангоба) кувшин с ойнохоевидным сливом (ibid.: 59, fig. 15, 15; см. табл. 3: типы 29, 30, 32, 31, 14). Примечательно использование красноангобированной и часто лощёной керамики: помимо перечисленных четырех форм сосудов, это миски разнообразных форм и фрагмент бокала. Судя по составу глины, красноангобированная керамика производилась на месте (ibid.: 65). Кроме того, миски — бытовой предмет простой формы — вряд ли импортировались, они, судя по приведенным автором аналогиям, широко использовались в Иране за пределами Приурмийского района.

О. Мускарелла, констатируя по результатам раскопок Аграб тепе определенные контакты с Урарту вплоть до времени гибели Урартского царства, отмечает, что для утверждения о присутствии самих урартов на юго-западном побережье Урмии в VII в. нужны иные «элементы» (Muscarella 1973: 74). Этим «элементом» является геополитическая ситуация в регионе, сложившаяся после 714 г., исключая военное-политическое присутствие здесь урартов, о чем, как сказано выше, свидетельствует анализ письменных источников. В данном случае археологический материал не является решающим аргументом в решении вопроса об урартском присутствии в районе западного и юго-западного побережья Урмии в VII в. до н. э. (см. ниже).

В бастамский каталог Ст. Кролл включил 88 типов керамики, многие из которых отсутствуют в Приурмийском районе: из 118 керамических форм (88 типов с подтипами) в памятниках, датированных VIII в., отсутствуют не менее 33 форм, а в VII в. — не менее 51. Но не все диагностирующие признаки урартской керамики, определенные О. Мускареллой и Ст. Кроллом, обнаружены в керамике VIII–VII вв. на западном побережье Урмии (см. ниже, табл. 3 на с. 352–356; табл. 4 на с. 357).

14. Кувшины с ойнохоевидным сливом (Kroll 1976: тип 46; рис. 8). Сочетание таких признаков как шаровидное тулово с узким дном, сравнительно высокая горловина со сливом в форме

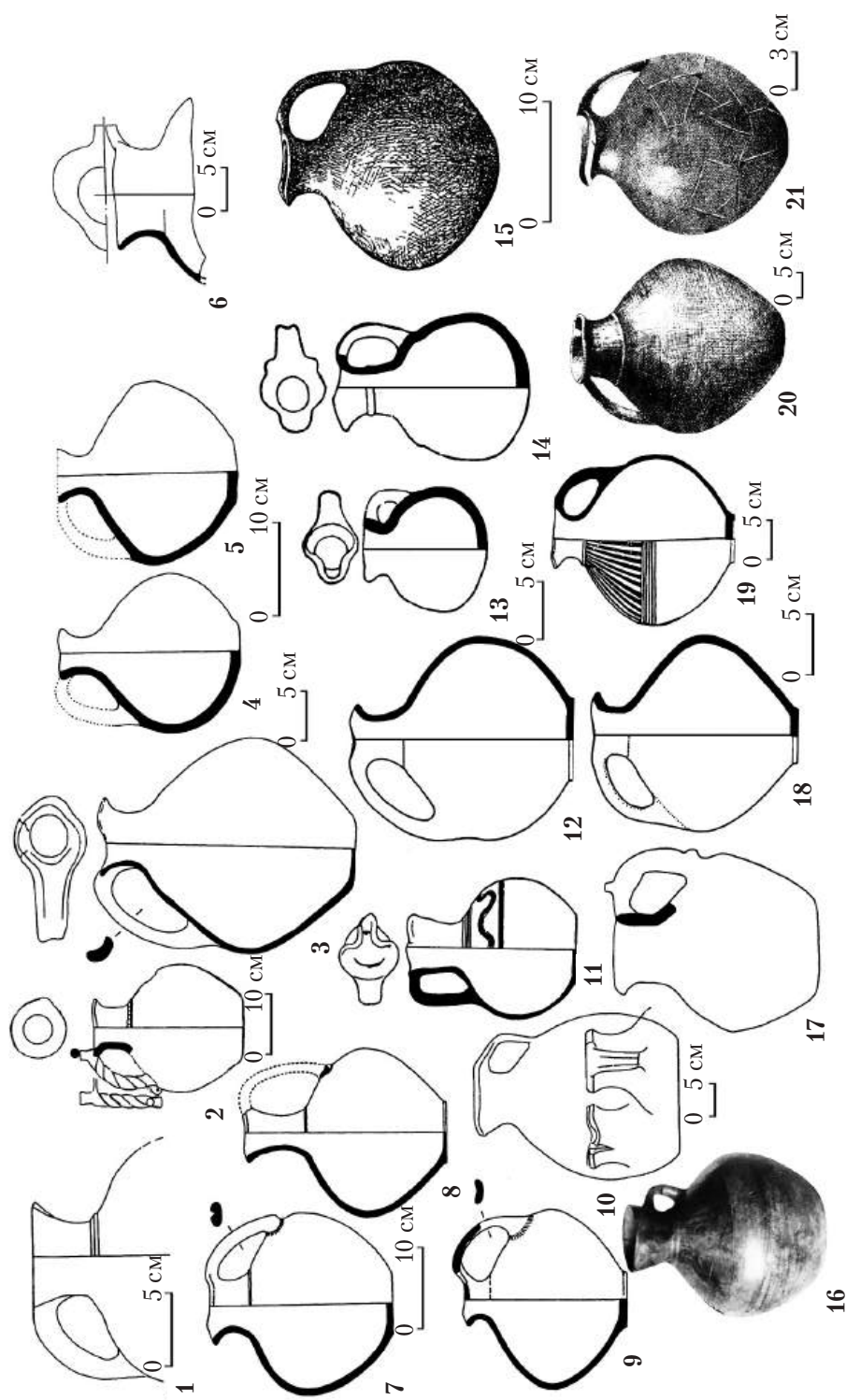

Рис. 8. Кувшины с ойнохоевидным сливом. **1** — Аграб тепе; **2, 3** — Хасанлу IVB-IIIВ; **4, 5** — Бастам; **6** — Алтын-тепе, **7-9** — Резайе; **10** — Баба Джан I; **11** — Динха тепе; **12, 18** — Чавуштепе; **13, 14** — Хама; **15** — Кармир-блур; **16** — Хурвин; **17** — Геой тепе А; **19** — Ошакан (погр. 25); **20, 21** — Аргиштихинили

трилистника, широкая бобовидного сечения ручка, прикрепленная верхним концом к краю венчика, а нижним — к плечу тулова, а также красное лощение делает эти кувшины диагностической формой урартской керамики VIII–VII вв. до н. э. Ранние кувшины этого типа отличаются кольцевым поддоном (на некоторых кувшинах) и высоким качеством ангоба (Мартиросян 1974: 144, рис. 61–62). На протяжении двух веков эти кувшины сохраняют в урартском ареале стандартную форму, различаясь лишь размерами. Считается, что они предназначались для раздачи вина, которое хранилось в карасах/пифосах. Важно в этой связи отметить, что на востоке Урарту, на завоеванных урартами землях, находки таких кувшинов связаны с крепостями, которые были ими здесь построены. Вино из этих кувшинов раздавалось воинскому контингенту гарнизона. На ручках многих кувшинов имеются иероглифические знаки, обозначающие емкость сосудов, которая колеблется от половины до пяти литров (Ходжаш, Труханова, Оганесян: 1979: 100; Аянис, Çilingiroğlu 2012: 101–103, fig. 9, 10).

Ст. Кроллом в 1976 г. было учтено 66 пунктов находок кувшинов этого типа, из которых 20 находятся на турецкой территории, 27 — в Закавказье и на территории между Урмией и долиной Аракса¹, и 12 пунктов учтено на западном побережье Урмии. Позднее он добавил к последним Хафтаван тепе IV² и Кордлар тепе I (Kroll 2010: 25). Однако в Хафтаван тепе IV, как указано издателем, отогнутый венчик не имеет характерного для этого типа сосудов слива, который, по всей видимости, был местного производства (Tala'i 2007: 111, pl. 2: a, c, d). Что касается кувшина из Кордлар I, то в указанном Ст. Кроллом издании одноручных кувшинов нет вообще (имеются только широкогорлые одноручные кубки с «ложчатыми» выступами на тулове). Кроме того, в Иране они обнаружены в погребении из Динха тепе (Stein 1940: tabl. XXIX, 15), и еще в указанных Ст. Кроллом 5 пунктах (раньше им было названо 6, но в работе 2010 г. Ст. Кролл исключил Зивие³), но, кроме кувшинов из Хурвина, все они от-

¹ Можно добавить кувшин из могильника Ошакан в Армении (погр. 25, Есаян, Калантарян 1988: табл. XLIX: 6).

² Точнее сказать, привел ссылку на источник, который не был указан в 1976 г.

³ Но в Зивие найдены маленькие кувшинчики с ойнохоевидным сливом (Ghirshman 1979: 42, pl. XV: 3).

носятся к постурартскому времени (Персеполь, Ахеменидская деревня II, Нуш-и Джан I, Баба Джан I, Галекути II; Kroll 1976: 128). Из 11 (вместо 12) приурмийских памятников в тех случаях, когда урартские крепости датируются, находки кувшинов относятся как к VIII в. (Калатгах, Кале Вазири, Пир Чавуш, Кале Исмаил-ага, Резайе)¹, так и к VII в. (Кух-и Замбиль, Лумбад, Хасанлу IIIB (вместо IIIA: Dyson 1999: fig. 12), Баба Джан I (в пределах VI в. Goff 1970: 155, fig. 8, 1), Аграб тепе². Кувшины из двух последних памятников уже утратили красный ангоб и стандартную форму кувшина этого типа. Те же самые утраты характеризуют и кувшины из перечисленных выше памятников постурартского времени (в данном случае — после 714 г. до н. э.). Ст. Кролл отмечал, что использование краснолощёных кувшинов ограничивалось урартским временем и урартским ареалом, тогда как кувшины без красного ангоба не ограничивались ни тем, ни другим (Kroll 1976: 162). Следовательно, производство таких кувшинов на западном побережье Урмии в VII в. именно урартами можно считать спорным.

Кроме того, К. Эмре уже высказал предположение, что урартские кувшины с ойнохоевидным сливом продолжали имитировать бронзовые кувшины аналогичной формы, которые известны в Западной Анатолии уже в III тыс., а в Центральной Анатолии во II тыс. до н. э. (Emre 1969: 296). Форма слива в виде трилистника на одноручных кувшинах была характерной чертой ближневосточных кувшинов во II тыс. и в раннежелезном веке (Amiran 1970: pl. 33: 2, 4; 55: 4, 11–12; и др.: 84–89). Бронзовые кувшины VIII–VII вв., найденные на территории Урарту (в восточной Анатолии и в Армении), по всем параметрам аналогичны красноангобированным лощёным кувшинам с ойнохоевидным сливом (Vanden Berghe, Meyer 1982: fig. 170–171, 173). Раскопки в Йонкатепе (в 9 км к юго-востоку от г. Ван) свидетельствуют об использовании на территории будущего Урартского царства подобных кувшинов уже в РЖВ (Belli, Konur 2001: 179, fig. 38: 4, 39: 1).

¹ Поселение Резайе (Урмия) на западном побережье Урмии, в котором найдены такие кувшины (Kleiss 1971: Abb. 21), не датировано (Kroll 1976: 168). Но наличие кольцевого поддона, отмеченное Мартиросяном, может быть признаком именно VIII в.

² Ст. Кролл предложил датировать Аграб тепе VIII в. до н. э., что по сути зависит от даты гибели Хасанлу IVB (Kroll 1976: 170).

Таким образом, с одной стороны, эта характерная форма урартской керамики имеет местные корни, именно урарты распространили эти кувшины на вновь завоеванных территориях на востоке царства. И в силу предъявляемых к этой форме требований они сохраняли ее стандартность на протяжении двух веков своего существования за пределами собственно урартской территории. Но, с другой стороны, кувшины с ойнохоевидным сливом, появившиеся задолго до сложения Урартского царства, могли продолжать использоваться в странах Древнего Востока независимо от Урарту, например, в Сирии (Хама IV, 800–720; Riis 1948: 64, fig. 74–75), во Фригии в Гордионе найден обгоревший кувшин (цвет поверхности поэтому не установлен) в здании, сгоревшем на рубеже VIII/VII вв. до н. э. (Young 1956: 263, pl. 94: 46).

Что касается находок кувшинов с ойнохоевидным сливом в памятниках VII в. до н. э. на западном побережье Урмии, то по всей видимости, после разгрома урартских крепостей в 714 г. и ухода урартского военного контингента прекратилось поступление стандартной посуды в этот регион (или изготовление здесь). Сохранилась лишь удобная форма слива на кувшинах, которые производились местным населением, но были утрачены лощение и красный ангоб, изменились пропорции сосуда (Баба Джан тепе I: Goff 1985; fig. 7, 6). На таких сосудах появилась характерная роспись треугольниками, давшая название стилю «Triangle Ware» (Yigitpaşa 2012: 95, fig. 3, 9; tabl. XVII, 4). Такие кувшины использовались вплоть до ахеменидского времени.

В связи со спорной датировкой гибели Хасанлу IVB важное значение приобретает недавно опубликованный краснолощённый кувшин с ойнохоевидным сливом из слоя IVB. Витая ручка (редко встречаемая на таких сосудах), как и форма кувшина из Хасанлу аналогичны сосуду из Саракапа в Армении, который относится к местной керамике, точнее к группе Этиуни доурартского периода, т. е. до начала VIII в., когда этот регион был завоеван урартами (Kroll 2010: 25, fig. 9; Avetisyan, Bobokhyan 2012: 377–378, fig. 25. 05. 3; **рис. 8: 2**). Этот сосуд, в частности, позволил Ст. Кроллу предположить, что урарты завоевали Приурмийский район уже в середине IX в. в правление царя Араму (Kroll 2011: 155). Согласиться с этим предположением нельзя прежде всего потому, что раз урартов еще не было на территории Армении в IX в., то какая связь могла существовать в это время между обоими

регионами? Подразумевается, что именно урарты распространяли на завоеванных территориях полученные заимствования. Тем более, что урарт Араму, как назвал его Салманасар (RIMA 3: A.O.102.1: l. 30), был одним из владельцев еще не объединенного Урартского царства (в районе оз. Ван: Медведская 2018: 81 сл.), различные составляющие которого завоевывал ассирийский царь Салманасар III (858–824). Нет никаких данных предполагать завоевательные походы Араму в Приурмийский район, куда совершал походы сам Салманасар, не упоминая там ни Араму, ни урартов (RIMA 3: A.O.102.2: ii 24, 47b–56a, 60–61). Керамика группы Этиуни продолжала существовать и в VIII в., не смешиваясь с ванской керамикой, что произошло только в VII в. (Avetisyan, Bobokhyan 2012: 378). Не ранее VIII в. датируется фрагмент аналогичного кувшина с витой ручкой из Хачахбюра (погр. 28, район юго-восточного побережья озера Севан), которое также датируется не ранее VIII в. (Yengibaryan 2002: 425, pl. XIX: 2) и в котором, как и других погребениях, прослеживается если еще не взаимовлияние местной и пришлой (ванской) культур, то очевидное наличие предметов, принадлежавших носителям обеих культур. Витые ручки известны здесь с конца эпохи бронзы (ibid., note 6) и, очевидно, были заимствованы для производства кувшинов для вина. Поэтому керамическая аналогия сосуду из Хасанлу свидетельствует о том, что этот город существовал в VIII в. в период урартской оккупации, которая началась в период совместного правления урартских царей Ишпуини и Менуа. Иначе как мог оказаться здесь этот кувшин, предназначенный для раздачи вина в урартских гарнизонах, если Хасанлу IVB был разрушен, по мнению исследователей, урартами в конце IX в. до н. э. и затем город пришел в запустение? В противном случае придется считать этот кувшин не урартским по происхождению, а традиционной древневосточной формой сосуда, что было отмечено выше.

32. Аски (Kroll: тип 79; **рис. 9**). Конструктивной особенностью асков, в основе которых лежит бурдюк, является закрытость его формы. Жидкость вливается и выливается только через длинный трубчатый слив с венчиком¹. Единственная находка

¹ В Сиалке В (мог. 94) найден конструктивно схожий расписной сосуд, но он отличается подпрямоугольной формой тулова, неясна также форма слива, вероятно, горловина утрачена (Ghirshman 1939: pl. XXI: 1; **рис. 9: 12**).

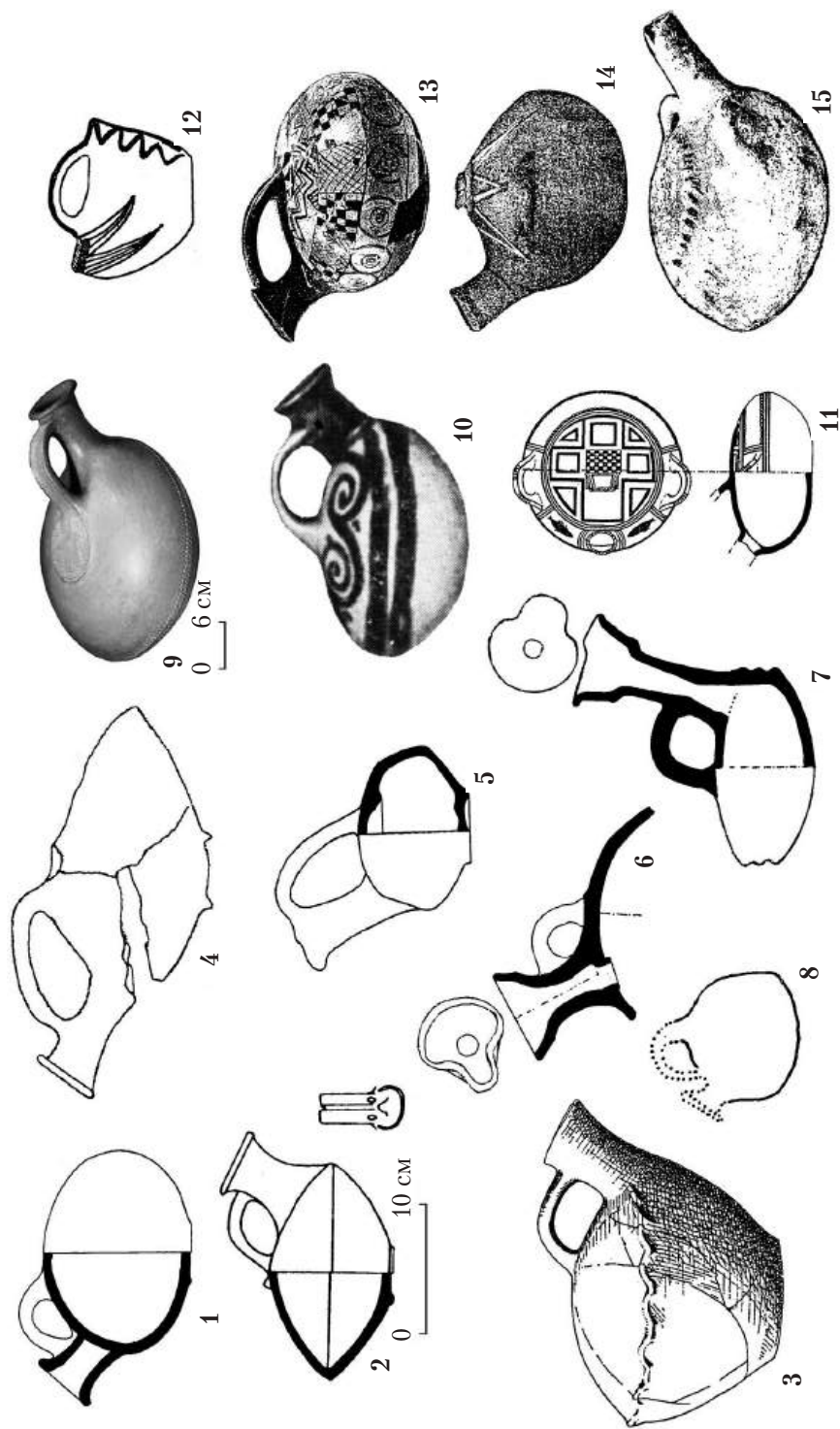

Рис. 9. Аски. 1 — Бастам; 2 — Аграб тепе; 3 — Кносс; 4 — Ереван, Московская ул.; 5 — Мегиддо V; 6, 7 — Хама; 8 — Каркемиш; 9 — Акунк; 10 — Микены; 11 — Алишар; 12 — Сиалк В (мог. 94); 13 — Кармир-блур; 14, 15 — Луристан

красноангобированного аска в Приурмийском районе происходит из Аграб тепе. Его характерными признаками служат: яйцевидное горизонтальное тулово с наклонно поставленной высокой горловиной, что облегчало слив жидкости, петлевидная ручка, соединяющая горловину с наиболее высокой точкой спинки тулова, дно сосуда утрачено (Muscarella 1973: fig. 26, восстановленный аск *ibid.*, fig. 20: 5; **рис. 9: 2**). Все эти признаки характерны для асков, обнаруженных в урартских памятниках. Такие аски обнаружены в Бастаме, в Закавказье: в Кармир-блуре (расписной; Пиотровский 1970: илл. 67), в Ереване на Московской улице (Мартirosян 1964: 240, табл. XXIII, 4), в Акунке (Avetisyan, Bobokhyan 2012: pl. VI: 5), в Хачахбюре (Yengibaryan 2002: pl. XII: 6, погр. 23). К этому же времени и типу относятся аски, которые отличаются некоторыми деталями: так, аски найденные в Сирии (Хама IV, 800–720 гг.: Riis 1948: 67, fig. 84–85) и Палестине (Мегиддо V–IV, 1050–800 гг. до н. э.; May 1935: 2, 34, pl. XXXVIII, 3015; Lamon, Shipton 1939: pl. 5: 117¹) имеют высокую горловину с ойнохоевидным сливом (**рис. 9: 5**); в Каркемише (в могильнике конца VIII–VII вв.: Wooley 1939: pl. XXIV, j 5) черно-коричневый лощёный сосуд с коротким сливом более других напоминает бурдюк (**рис. 9: 8**); на Кипре, Саламис (уплощенный расписной сосуд в форме «детского рожка»: VII в.: Karageorghis 1969: 72–73, pl. 31); в Гордионе (расписные аски на ножках с высокой вертикальной горловиной: Young 1981: 33–34, pl. 16: C, 96: G). В Луристане обнаружено несколько расписных асков, отличительной особенностью которых служат две горизонтальные петлевидные ручки по обеим сторонам округлого тулова. Центр спинки тулова выделен формовкой и росписью (Godard 1931: pl. LXVI, 239; Buhl: 1950: fig. 46–47) или только формовкой без росписи (Contenau, Ghirshman 1935: pl. XVIII, верх; **рис. 9: 15**). Такое расположение ручек на асках является исключением, которое имеется и на расписном сосуде из Алишара (фригийский период; **рис. 9: 11**), но при наличии традиционной ручки, соединяющей горловину с центром спинки (von der Osten 1937: pl. IX, a132). Один из луристанских асков расписан в стиле Баба Джан III, что позволяет определять его время в рамках урартского периода.

¹ В работе 1935 г. отмечено, что фрагменты, аналогичные аску из слоя V, найдены и в слое IV.

Перечисленные признаки (яйцевидное тулово, длинный трубчатый слив и ручка, которая соединяет горловину с самой высокой точкой спинки тулова) характеризуют тип аска, который существовал в Восточном Средиземноморье уже во II тыс. до н. э. (Кносс, Evans 1935: 79, fig. 49 A; Мегиддо, период MB II B–C: Amiran 1970: 12, 118–119, pl. 36, 18: 1730–1550 гг.; **рис. 9: 3**), и который был выделен А. Фурумарком как «микенский» тип в корпусе микенской керамики (Furumark 1941: 68, 617, fig. 20, 195). В пределах этого региона он считал возможным искать их происхождение на Кикладах, где прослеживается их непрерывная традиция. «Микенский» тип асков мог стать результатом непосредственного кикладского влияния или через Крит: влияние керамики Киклад и Крита особенно четко прослеживается в XVI в. до н. э. (ibid.). К этому времени относится великолепный расписной аск из Микен (могильный круг А, могила III), форма которого практически идентична расписному аску из Кармир-блур (Блаватская 1966: 72, рис. 76; **рис. 9: 10, 13**).

А. Эванс считал, что во II тыс. аски распространились вплоть до фракийских земель и Западной Анатолии (Evans 1935: 79–81). На какой территории использовались аски во второй половине II тыс. до н. э., пока неясно. Но в любом случае сохранение всех основных признаков микенских асков до начала I тыс. — очевидный факт. Вместе с тем, их единичность, с одной стороны, и древность формы — с другой, затрудняет определение конкретного центра их производства в начале I тыс. Очевидно, что коренная территория Урарту таковым центром не была. Здесь аски не обнаружены. Ст. Кролл включил в каталог пять пунктов, где найдены аски; помимо Бастама, Аграб тепе и Кармир-блур, названы Алтынтепе и Патнос, которые расположены на коренной территории Урарту. Однако в Патносе упоминаются только аскоидные чернолощёные сосуды (без публикации: Mellink 1965: 142), а в Алтынтепе (слой II) обнаружен не аск, а чайник (котелок) с широкой горловиной без венчика и боковым трубчатым сливом, который соединен ручкой с плечиком сосуда, вторая ручка прикреплена на противоположной стороне тулова (Emre 1969: pl. V, 1). Этот сосуд напоминает культовый сосуд из Нор-Армавира, который отличается лишь высокой воронковидной горловиной и изогнутым сливом (Мартиросян 1974: 51, рис. 18, б). Горшкообразное тулово и наличие горловины не позволяют считать

эти сосуды собственно асками, у которых имеется только трубчатый слив.

В этой связи следует отметить, что в Армении в могильнике Хртаноц/Головино был найден красноангобированный зооморфный сосуд в виде утки на маленьких выступах/ножках, который имеет два отверстия — для заливания жидкости через горловину и для ее выливания через боковой слив в виде «клюва» (Мартirosян 1964: 240, табл. XXVIII, 8). Структурно схожий сосуд обнаружен в Восточном Закавказье в кургане III Мингечаура, который датируется VIII в. до н. э. (Асланов, Ваидов, Ионе 1959: 107, табл. XLII, 1; Погребова 2011: 187, 190, 193). Подобные сосуды также были широко распространены на Древнем Востоке и в Восточном Средиземноморье. Обычно они имитируют птиц (гусей, уток) и копытных животных (быков, баранов, коней). Первые преобладают в Средиземноморье и их также называют асками (Vermeule 1960: 11–12, pl. 4, fig. 30–32, здесь же литература), что все-таки неверно, поскольку бурдюк/аск имеет только одно отверстие. Их структура близка сосуду из Хртаноца и Мингечаура. Вторые преобладают в Иране: Луристан (Вар Кабуд, Vanden Berghe 1968: pl. 26 a, b; Джуб-и Гохар, Vanden Berghe 1982: pl. 48), в погребениях Марлика (Negahban, 1996: 116–120, 323, pl. 36–38 № 83–99) и Хурвина (Vanden Berghe 1964: 64, pl. XXXI, 219, 220, pl. XXXII, 221–222), в Малой Азии: Гордион (гусь, баран, Young 1981: pl. 16: A, B, 17: G, 18: A, B, C, D), в Восточной Турции (Vanden Berghe, Meyer 1982: 229, 231 № 216–218); в Палестине: Мегиддо IV (May 1935: 2, 34, pl. XXXVIII: 3016), в Аммане (Amiran 1970: 294–297, photo 312). Подобные сосуды в районе западного побережья Урмии как будто бы не обнаружены. Л. Ванден Берге рассмотрел третий вариант аска в форме «башмака», аналогии которым он находил в Хасанлу IIIA и в Алишаре (Vanden Berghe 1964: 63, pl. XXII: 207–208).

Таким образом, единичные находки асков в начале I тыс. до н. э. на обширной территории Древнего Востока от восточного Средиземноморья (Кипр, Мегиддо, Хама, Каркемиш и Алишар) до Закавказья (Кармир-блур, Ереван) и Ирана (Луристан; Приурмийский район — Аграб тепе; Бастам) свидетельствуют только о сохранении в древневосточных культурах на обширной территории формы «микенского» типа асков с одним отверстием и об их распространении посредством торговли и подражания.

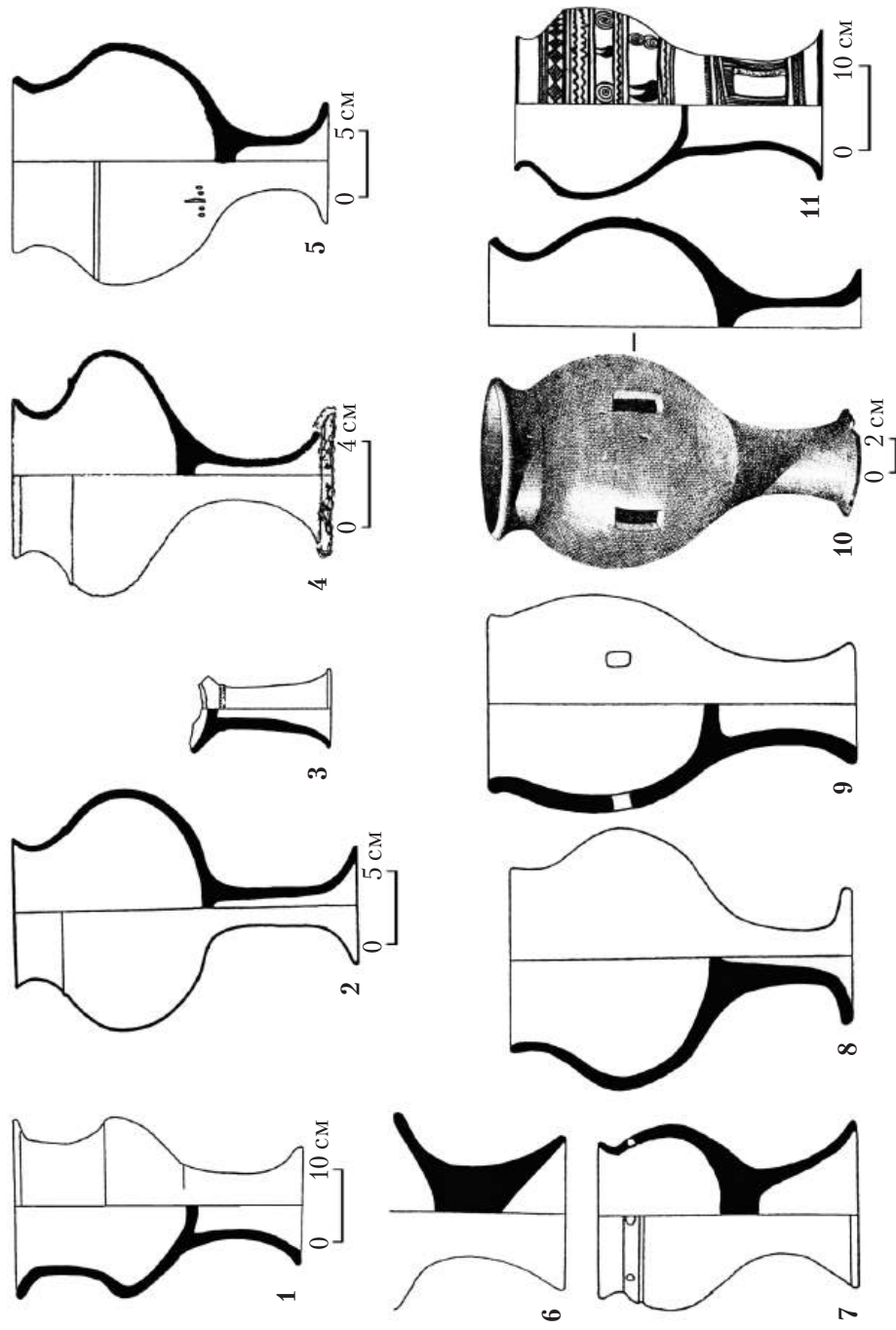

Рис. 10. Бокалы и курильницы. 1 — Алтын-тепе; 2 — Каялыдере; 3 — Динха тепе; 4 — Ошакан (погр. 59); 5 — Аянис; 6 — Зендан; 7 — Мегиддо; 8, 9 — Бастам; 10 — Аргиштихинили; 11 — Годин III

Нет оснований связывать их распространение в начале I тыс. именно с культурой урартов.

33. Бокалы и курильницы (Kroll 1976: тип 47a, с; **рис. 10**). Сосуды на высокой полой ножке с резервуаром закрытой формы. Курильницы отличаются прямоугольными прорезями в стенках сосуда. Эти сосуды считаются характерной формой урартской краснощёной керамики. На западном побережье Урмии найдены фрагменты таких сосудов (фр-ты ножек и основания тулова) в Аграб тепе и Хафтаван тепе (без публикации), аналогии которым авторы отмечают в Каялыдере, Алтынтепе, Бастаме, Топраккале и Кармир-блуре (Burney 1972: 139; Muscarella 1973: 65). В Зендане фрагмент ножки бокала или курильницы отличается небольшой высотой и грубой лепкой (Boehmer 1961: Taf. 58, 7; **рис. 10: 6**). В Динха тепе обнаружена близкая по форме и высоте (около 15 см) ножка, возможно, бокала или курильницы (Stein 1940: pl. XXIX: 11; **рис. 10: 3**). В основном немногочисленные находки бокалов и курильниц сосредоточены в памятниках вокруг оз. Ван (Kroll 1976: 129; Аянис, Erdem 2013: pl. 2g) и на территории Армении в Еребуни, Аргиштихинили и Тейшебаини (Ходжаш 1968: 136, I, 8–9; Fichet de Clairfontaine, Deschamps 2012: 116, fig. 14: 10–12; Пиотровский 1952: 34, 23, **рис. 8** курильница; Мартиросян 1974: 147–148, **рис. 70**; колл. ОВ Гос. Эрмитажа, инв. № К-432, кладовая 25). По мнению З. М. Касабяна, сосуды с отверстиями могли служить для окуривания серой карасов с вином (Ходжаш 1968: 136). Сосуды подобной формы были популярны в раннежелезном веке в библейских землях, где их называют потирами (*chalice*) по аналогии с дожившими до наших дней культовыми сосудами христианской церкви; они различаются формой чаши — мискообразной или закрытой. После VII в. до н. э. их использование сокращается и потиры превращаются в небольшие бокалы на высокой ножке (Amiran 1970: 213, pl. 68). Сходство урартских сосудов с потирами закрытой формы очевидно (Emre 1969: fig. 15, pl. III: 3–2; Amiran 1970: pl. 68, 20). Впрочем, и вазообразные сосуды, также называемые Р. Амиран потирами (*ibid.*), включены Ст. Кроллом в каталог (47 b), но на западном побережье Урмии их как будто бы нет. Проникновение из Сиро-Палестинского региона на восток этой формы сосудов и независимое включение ее как в урартский, так и в приурмийский керамический репертуар вполне вероятно. В Годин III (вторая половина III тыс.) найден расписной сосуд

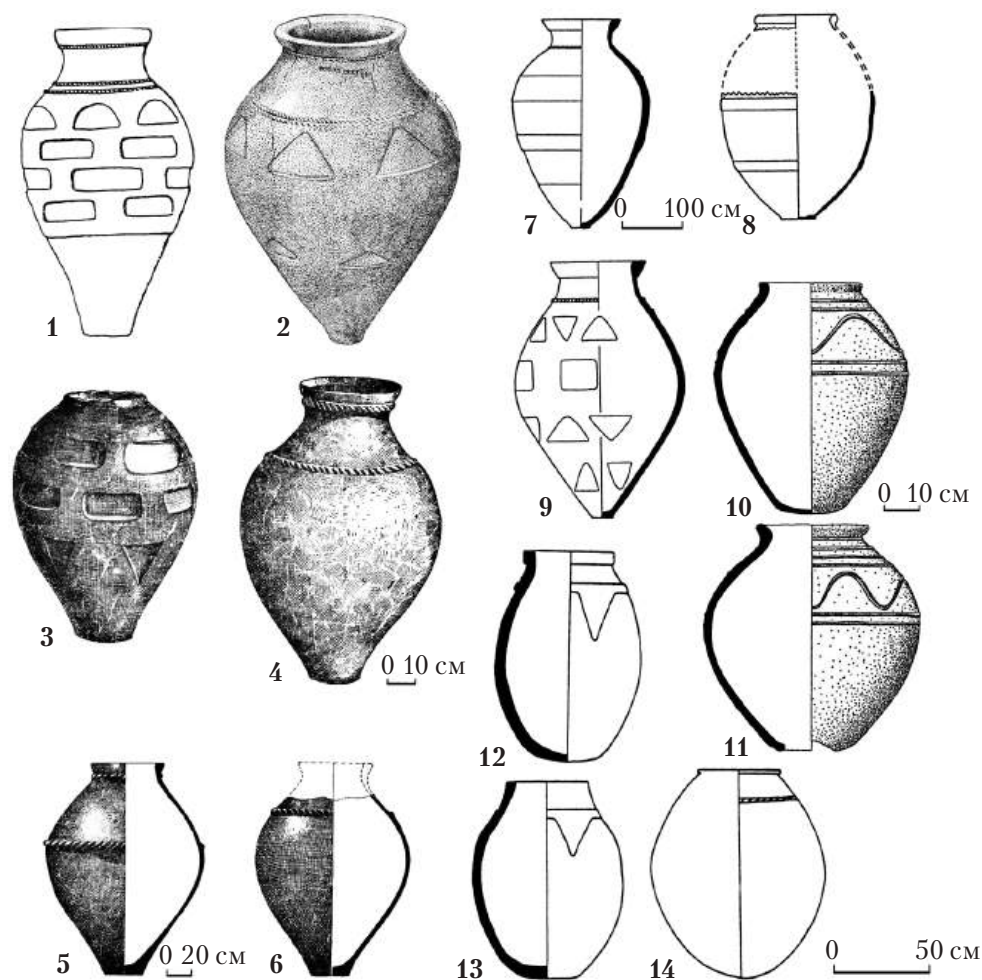

Рис. 11. Пифосы. 1, 2 — Кармир-блур; 3–6 — Аргиштихинили; 7–9 — Каялы-дере; 10, 11 — Кордлар; 12–14 — Аграб

аналогичной формы, но выше их обычной высоты более чем в два раза (Young, Levine 1974: fig. 31: 9; **рис. 10: 11**).

28. Пифосы (карасы) (Kroll 1976: тип 71; **рис. 11**). Большие сосуды (высотой от 0.7 до 2 м) для хранения жидких и сыпучих продуктов. Характерными признаками урартских карасов является, прежде всего, коническая придонная часть сосуда с узким неустойчивым дном, что было вызвано необходимостью закапывать его в пол кладовых помещений. Раздутая верхняя часть тулова украшалась наклепным валиком в виде веревки (иногда двумя валиками у основания венчика и плечиков). Корпус караса

часто украшался рядами вдавленных треугольников, иногда сочетавшимися с вдавлениями прямоугольной формы, которые, в свою очередь, сочетались с полукруглыми вдавлениями (Burney 1966: fig. 15–16, pl. XIV; Мартиросян 1974: рис. 50а; Пиотровский 1952: рис. 3; Пиотровский 1955: 15, рис. 8; **рис. 11: 2, 3–6**). Средней величины карасы/пифосы иногда покрывались красным ангобом (Kroll 1976: 162–163). На них имеются клинописные и пиктографические указания меры, что является признаком стандартизации тары, их объем достигал 334, 590 л (Çilingiroğlu 2012: 102–103). На Древнем Востоке в это время широко использовались сосуды стандартной емкости: в Египте, Сиро-Палестинском районе, в Ассирии, у хеттов и урартов (подробнее см. Брашинский 1978; Касабян 1959: 220). В Египте пифосы биконической формы с приостренным дном и с указанием емкости использовались уже во времена Нового Царства (XVI–XI вв. до н. э.; Holthoer 1977: pl. 16).

Ст. Кролл разделил пифосы на большие (71 а, b) и маленькие (72 а, b, c). По его сведениям (без ссылок на публикации), пифосы типа 71а имеются в урартских крепостях VIII в. к западу от Урмии (Кале Вазири, Калатгах I, Хафтаван) и VII в. (Кух-и Замбиль, Лумбад, Аху-Дерре).

Между тем, в Аграб тепе найдена другая маркированная тара. О. Мускарелла назвал эти сосуды тоже пифосами и сопоставил их с урартскими сосудами (Muscarella 1973: 60, 63, fig. 20, 1–4; **рис. 11: 12–14**). Однако они принципиально отличаются от урартских карасов наличием устойчивого дна и, соответственно, не раздутым туловом с низкой горловиной или вовсе без нее. Кроме того, О. Мускарелла сравнивал орнамент этих сосудов. Но если урартские карасы украшены рядами вдавленных треугольников вершиной вверх, то аграбские — одним рядом рельефных треугольников на плечиках сосуда вершиной вниз (*ibid.*). Поэтому Ст. Кролл справедливо не включил их в свой каталог. Ссылка Р. Дайсона на карасы из Кармир-блур в качестве аналогий пифосам из Хасанлу IIIA также не точна, поскольку на таблице, опубликованной Р. Барнеттом, и на которую ссылается Р. Дайсон, видна только верхняя часть закопанных кармирблурских карасов (Dyson 1965: 212), а в данном случае для возможности сопоставления важна форма придонной части этих сосудов. Однако Ст. Кролл включил эту ссылку в каталог (Kroll 1976: Typ 71b). В Хасанлу IVB

использовались широкодонные пифосы, тулово и дно (!) которых украшены рядами витых рельефных кругов (Dyson 1960: BB II, фото на с. 123). Аналогичные сосуды найдены в Баба Джан IV эпохи бронзы (Goff 1976: 27, 29, fig. 10: 2–3, pl. Vc), а также в Баба Джан III–II (фр-ты, Goff 1978: pl. IIc), Нуш-и Джан тепе (Stronach 1978: fig. 5). К местной таре относятся сосуды из Кордлар IV высотой 70–71 см. Они украшены рельефными прямыми и волнистыми поясками (Lippert 1979: Abb. 3; **рис. 11: 10–11**). Очевидно, что и аграбские пифосы с рельефными треугольниками также можно считать местным типом тары.

Что касается находок урартских пифосов в западной части приурмийской зоны, то для VIII в. это было бы вполне естественно, но они могли не сохраниться: Саргон в 714 г. подробно описывает разграбление запасов в урартских кладовых. Что же касается памятников VII в., то необходимы находки целой тары с характерными признаками урартских карасов, перечисленными выше, но они не обнаружены. Небольшие пифосы (Kroll 1976: 72: a–c) представлены в каталоге Кролла фрагментами венчиков и по существу их наличие ничего не определяет. Во всяком случае, включенный в каталог малых пифосов венчик из Аграб тепе (Kroll 1976: 141, тип 72a) аналогичен венчику пифоса с рельефными треугольниками (Muscarella 1973: 62, 63, fig. 20, 2; 22, 4). Таким образом, мы не располагаем данными об использовании урартской стандартной тары в VII в. в приурмийской зоне после ухода оттуда урартов.

29. Колоколовидные сосуды (Kroll 1976: тип 48; **рис. 12**). Сосуды с биконическим туловом, высокой вогнутой горловиной и отогнутым венчиком, высотой свыше 50 см. О. Мускарелла называл их пифосами, имея в виду, прежде всего, их крупные размеры, что позволяло использовать их для хранения продуктовых запасов. Два из известных сосудов этого типа — из Аграб тепе (d. венчика 56 см; Muscarella 1973: 63, fig. 24) и Патноса (d. венчика 80 см; Van Loon 1966: 37, fig. 3 слева) — украшены поясками из заполненных белой пастой треугольников¹. Оба сосуда, близкие по размеру и орнаментике, различаются формой дна: сосуд из Аграб тепе плоскодонный, из Патноса — остродонный (**рис. 12: 1–2**).

¹ Ангоб на сосуде соскабливался и полученные углубления закрашивались белой краской, следы которой кое-где сохранились: Muscarella 1973: 63.

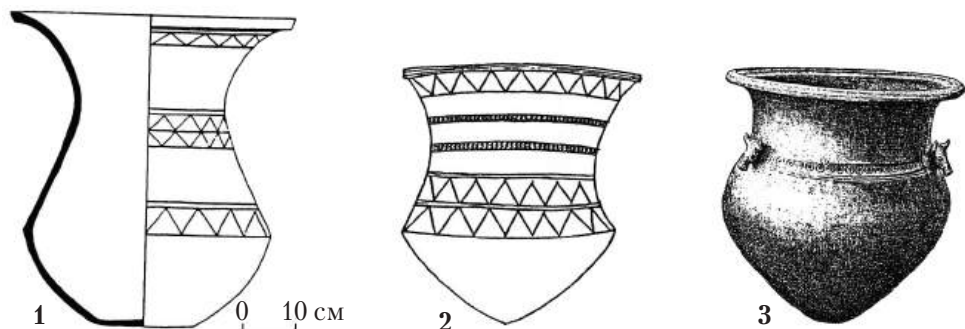

Рис. 12. Колоколовидные сосуды. 1 — Аграб; 2 — Патнос; 3 — Кармир-блур

Похожий сосуд (высотой около 50 см) со следами росписи на горловине (узор не реконструируется) и скульптурными головками бычков на плечиках происходит из Кармир-блур (**рис. 12: 3**). Фрагменты сосудов из Армавира также включены Ст. Кроллом в этот тип на основании орнамента в виде треугольников, но выполненных насечками. Нельзя признать удачным сопоставление Ст. Кроллом сосудов из Аграб тепе и Патноса с сосудами из Свата (Индия). Хотя форма последних похожа на оба названных сосуда, в том числе и по орнаменту, но их высота менее 10 см. В каталог также включены и миниатюрные сосуды из Кармир-блур. Таким образом, на основании имеющихся данных нет оснований выделять эти орнаментированные сосуды в отдельный тип керамики: у них совпадают отдельные признаки при различии других.

Ст. Кролл указал, что техника этого орнамента восходит ко II тыс. до н. э., а сами колоколовидные сосуды — к старой анатолийской традиции (Kroll 1976: 162). Имеющийся в настоящее время материал не проясняет роль урартов в сохранении и распространении этой анатолийской традиции (как и в случае с распространением формы бокалов/курильниц) и не доказывает связь сосуда из Аграб тепе непосредственно с урартской керамической традицией, хотя и не исключает возможность его появления здесь вместе с урартами.

Светильники (Kroll 1976: типы 73–74; **рис. 13**) представляют собой неглубокие миски с перегородкой, делящей емкость на две обычно неравные части, в перегородке имеется несколько отверстий для фитиля, часто миски имеют выделенный слив (тип 73), некоторые светильники не имеют перегородок (тип 74). Первый

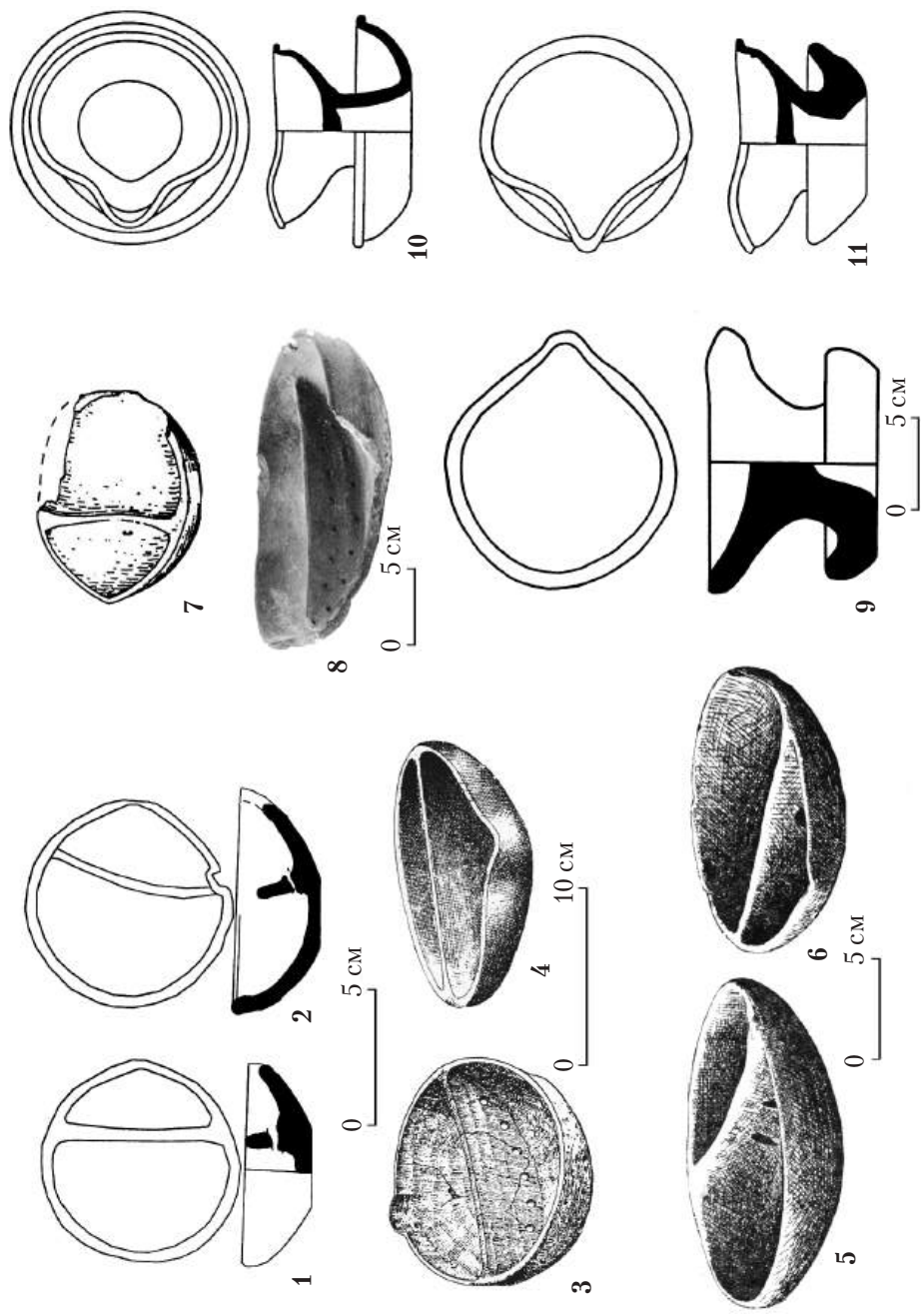

Рис. 13. Светильники. **1, 2** — Ван/Калесик; **3** — Алтын-тепе; **4** — Аргитихинили; **5, 6** — Кармир-блур; **7** — Ошакан (погр. 25); **8** — Хафтаван; **9** — Зивие; **10, 11** — Нимруд

тип светильников повторяет форму урартских бронзовых светильников с ручкой, известных в Восточной Турции (Vanden Berghe, De Meyer 1982: 194, № 154). В урартских памятниках (Тейшебаини, Аргиштихинили и др.) они обычно находились в помещениях, лишенных света, где хранились кувшины с вином (Пиотровский 1959: 146, рис. 14; он же 1970: илл. 71; колл. ОВ Гос. Эрмитажа, инв. № К-431). В могильнике Ошакан светильник обнаружен в погребении (**рис. 13: 7**). Хотя там найдено много урартских изделий, погребение датировано постурартским временем (Есаян, Калантарян 1988: 69–76, табл. XLVIII, 13). Очевидно, что описанная форма светильников является урартской (Алтынтепе, Emre 1969: fig. 15; Ван/Калесик; Çavuşoğlu, Biber 2012: 336, 8–9; **рис. 13: 1–8**), тогда как в Ассирии в этом качестве использовались небольшие плошки со сливом на подставке/миске, найденные и в Зивие¹ (Oates 1959: pl. XXXIX, 104–106; Young 1965: fig. 4, 4; **рис. 13: 9–11**). В Палестинском регионе использовались небольшие мисочки с округлым или выделенным дном и «сливом», занимающим до трети диаметра сосуда, форма этих светильников восходит к эпохе средней и поздней бронзы (Amiran 1970: 190, 291, pls. 59, 100). Ст. Кролл сопоставил с ними урартские светильники без перегородки (тип 74) с едва намеченным сливом, полагая, что в таком случае эти светильники могут не относиться к урартскому времени (Kroll 1976: 163). И все-таки это сходство скорее случайное, поскольку главным признаком палестинских светильников служит слив, который только в редких случаях имеет слабо выраженную форму. Вместе с тем, похожие светильники без перегородки найдены в погребении 23 Хачахбюра вместе с краснолощёным аском (Yengibaryan 2002: 425, pl. XII: 1–2).

В памятниках на западном берегу Урмии в крепостях VIII в. в урартской цитадели Хафтаван III (Burney 1972: 139, pl. VII b; **рис. 13: 8**) и Калатгах II обнаружены два светильника с перегородкой, а в Хасанлу IV без нее (Kroll 1976: 142, без ссылки). В Аграб тепе они не найдены. Единичность таких находок может свидетельствовать, в частности, о разграблении воинами Саргона в 714 г. до н. э. «потаенных винных погребов» (АВИИУ № 49: 213–232).

¹ Ст. Кролл ошибочно внес в каталог светильник без перегородки из Зивие; в действительности это верхний рисунок чаши светильника на подставке ассирийского типа (Young 1965: fig. 4: 4).

Показательно, что в памятниках VII в., лежавших по маршруту Саргона в 714 г. в Приурмийском районе, таких светильников уже нет.

Вместе с такими светильниками в урартских винных кладовых использовались **воронки для вина** (Kroll 1976: тип 87). Керамические воронки для вина обнаружены в Хасанлу IVB вместе с пифосами местного типа в кладовой BB II (Dyson 1960: 122), а сам кувшин с ойнохоевидным сливом, в который наливалось вино посредством воронки, также был найден в слое IVB (см. выше), что в целом может свидетельствовать о наличии кладовых, подобных урартским, в этом районе именно в VIII в. до н. э.

30. Сосуды с сосцевидным выступом на дне (Kroll 1976: тип 81; **рис. 14–15**). Общим признаком всех сосудов (керамических, металлических и из других материалов), объединенных Ст. Кроллом в этот тип, служит только своеобразная форма неустойчивого дна. Форма резервуара таких сосудов различна: керамические сосуды из Аграб тепе, некоторые сосуды из Кармир-блур имеют колоколовидную форму (Muscarella 1973: 63, Fig. 23, 3; 25; Мартиросян 1974: **рис. 14**, II, и; **рис. 15: 1–2, 6, 8**), сосуды из Аргиштихинили, Эрбуни и Кармир-блур имеют горшковидную форму тулова (Мартиросян 1974: **рис. 14**, II, л, м, з; **рис. 15: 9, 10, 12**). Примерно VI в. до н. э. датируется сосуд с узким колоколовидным туловом из Баба Джан I (Goff 1970: 155, fig. 8, 2; **рис. 15: 3**). Ст. Кролл отмечает редкость этой формы и трудность в определении ее хронологических рамок (Kroll 1976: 163).

О. Мускарелла не нашел опубликованных аналогий сосуду из Аграб тепе, сославшись лишь на сведения о находке подобных сосудов в Чавуштепе (Muscarella 1973: 63, без ссылки), Ст. Кролл повторил эту отсылку в каталоге. В публикации керамики из Чавуштепе таких сосудов нет (Erzen 1978).

В Хасанлу IV найдены 2 сосуда цилиндрической и колоколовидной формы с грибовидными выступами (в отличие от заостренных выступов), один из которых изготовлен из египетской пасты, другой — из глазурованной терракоты (Muscarella 1966: 133, fig. 28, 30; **рис. 14: 1–2**), в Марлике — из стекловидной массы (Negahban 1996: fig. 62, 64; **рис. 14: 3–4**). Очевидными параллелями всем названным сосудам можно считать бронзовые сосуды (называемые ситулами), найденные в Иране (случайные находки), в Хасанлу, в Луристане, в могильнике Вар Кабуд,

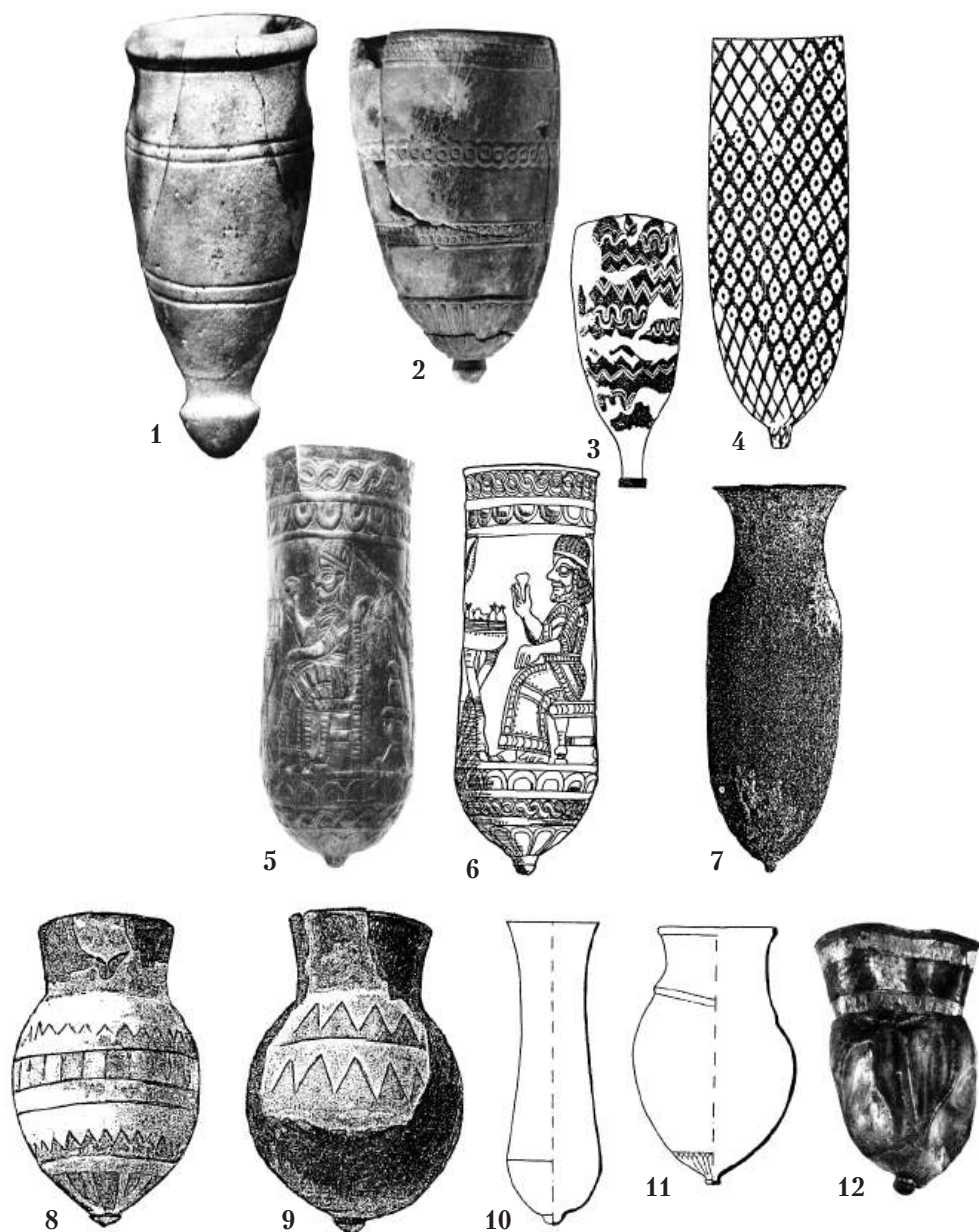

Рис. 14. Сосуды с сосцевидным выступом на дне.

1, 2 — Хасанлу; 3, 4, 7 — Марлик; 5, 6 — Иран, случайная находка; 8, 9 — Ашшур; 10, 11 — Вар Кабуд; 12 — Нимруд
(1, 8-9 — глазурованная терракота, 2 — египетская паста, 3, 4 — стекловидная масса, 5-7, 10, 11 — бронза, 12 — серебро)

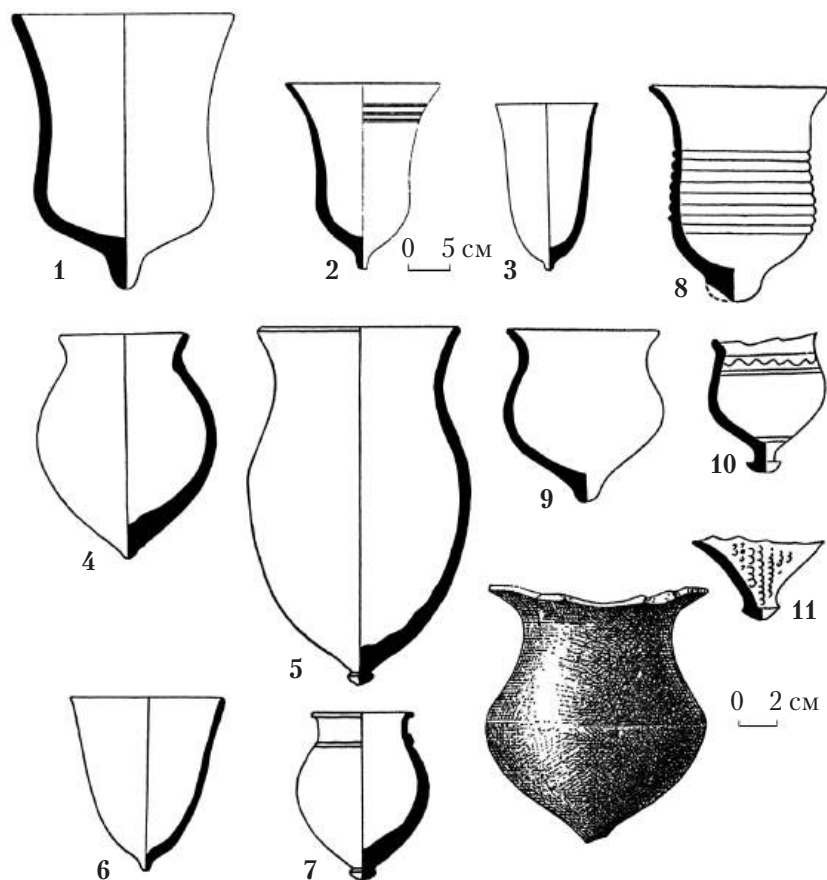

Рис. 15. Керамические сосуды с сосцевидным выступом на дне. 1, 2 — Аграб; 3 — Баба Джан I; 4, 5 — Телль Билла 1; 6, 7 — Телль Билла 2; 8, 9 — Кармир-блур; 10, 11 — Эребуни; 12 — Аргиштихинили

в Марлике (Muscarella 1974a: 243, 245 сл., pl. 46–50; Vanden Berghe 1968: fig. 17: 7, pl. 31a, 34b, c; Vanden Berghe 1987: fig. 14: 29–30; Negahban 1996: pl. 27: 46), а также на территории Ассирии в Нимруде (Oates 1959: 133–134, pl. XXXIVb, серебряный сосуд). Причем металлические сосуды горшковидной формы из Нимруда и Вар Кабуда (рис. 14: 11–12) практически идентичны керамическим сосудам из Телль Билла 1, Аргиштихинили и Тейшебаини (рис. 15: 4–5, 9, 12) с обоими типами выступов на дне.

В Месопотамском регионе имеются керамические прототипы обоим вариантам рассматриваемых сосудов уже в конце II тыс. до н. э. В Телль Билла в слое 2 (1300–800) появляются сосуды с сосцевидным выступом на дне тюльпановидного сосуда

и с грибовидным выступом у горшковидного сосуда (Speiser 1933: 261–262, pl. LXV, 5–6; **рис. 15: 6–7**). В Телль Билла 1 (800–700) форма сосуда горшковидная с обоими вариантами выступов (ibid.: 262–263, pl. LXVI, 7–8; **рис. 15: 4–5**). Они найдены и в других памятниках Месопотамии второй половины II тыс. в Ашшуре, Нузи, Телль аль-Римах и начала I тыс. до н. э. в Нимруде, Ашшуре (Muscarella 1966: 133; Andrae 1925: 33–57, pl. 17 b–c; **рис. 14: 8–9**). Очевидно, что сосуды с сосцевидным и грибовидным выступом на дне были популярны на всем Ближнем Востоке, но в основном в Месопотамском регионе, где металлические сосуды были престижными предметами и поэтому не могли не возникнуть керамические подражания им. В Палестине сосудов описанных форм нет, хотя встречаются сосуды с приостренным дном, в основном у кувшинов с ручками, как и выступы, напоминающие грибовидную форму на дне таких кувшинов с конца II тыс. до н. э. (Amiran 1970: 249–251, 257, 263 и др.). Таким образом, появление в Иране и в Закавказском регионе сосудов колоколовидной, цилиндроконической и горшковидной формы с выступом сосцевидной или грибовидной формы на дне не связано с влиянием и распространением урартской керамической традиции; они, очевидно, являются керамическими разновидностями ситул месопотамского происхождения.

Сосуды с неустойчивым дном, если не закапывались в землю, как карасы/пифосы, то требовали специальных приспособлений/подставок.

31. Подставки для сосудов (Kroll 1976: тип 78; **рис. 16; 17**) — полые предметы усеченно-конической формы с вогнутыми стенками без дна. Точных данных для их датировки нет (Kroll 1976: 163). Действительно, подставки, аналогичные подставкам из Аргиштихинили, Бастама, Нимруда, Леванта (Телль Тайнак) известны в Египте времени Нового царства (II тыс. до н. э.: Holthoer 1977: pl. 15). В Палестинском регионе они известны с начала I тыс. (Мегиддо IV) до IV в. до н. э. (Мегиддо I). Причем именно в Мегиддо IV (1000–800 гг. до н. э.) обнаруживаются ближайшие аналогии всем вариантам подставок из Приурмийского района и Месопотамии, кроме, пожалуй, подставок из Хасанлу (Lamon, Shipton 1939: pl. 34; **рис. 17**). В Урарту и Ассирии их находки единичны. В Приурмийском районе они найдены в Аграб тепе, Кордлар тепе IV, Хасанлу IV и Геой тепе А (**рис. 16: 1–5**). Эти

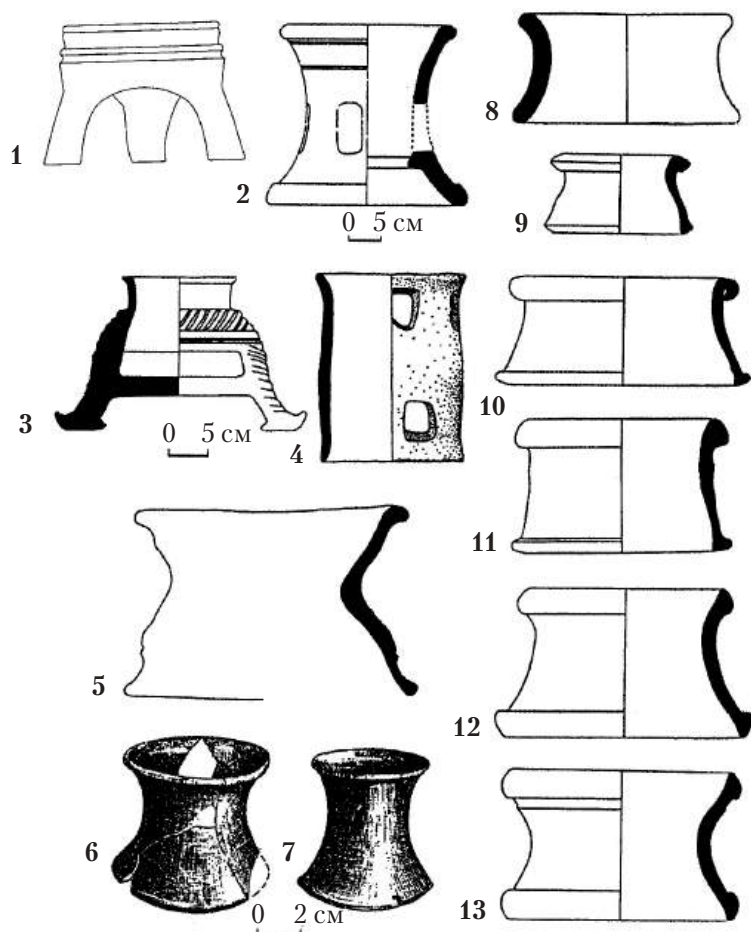

Рис. 16. Подставки. 1, 3 — Хасанлу IV; 2 — Аграб; 4 — Кордлар IV; 5 — Геой А; 6 — Бастам; 7–9, 12, 13 — Нимруд; 10, 11 — Аргиштихинили

подставки, будучи конструктивно схожими с урартскими подставками, отмеченными Ст. Кроллом, отличаются от них основными признаками: или вертикальными стенками, бо́льшей высотой и наличием прорезей (Кордлар тепе IV, два ряда прямоугольных прорезей; Lippert 1979: 119, Abb. 6, 4), или значительным перегибом стенок (Геой тепе А; **рис. 16: 5**), а также наличием в стенках четырех прорезей и дна/перегородки (?) под ними (Аграб тепе, **рис. 16: 2**) (Burton Brown 1948: 158, fig. 37, no. 28; Muscarella 1973: 63, fig. 23, 1). Подставки из Хасанлу IV, помимо широких горизонтальных прорезей и рельефного орнамента, отличаются фигурными ножками (Danti 2013: fig. 17. 14 M; Porada 1965: 108,

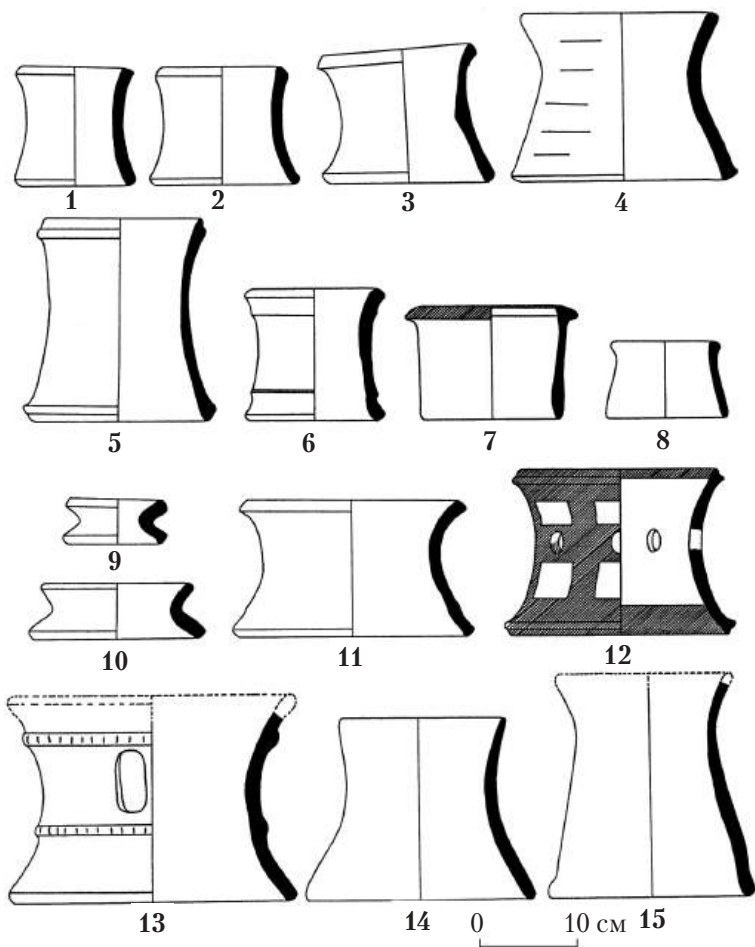

Рис. 17. Подставки Мегиддо IV-I (1000–350 В. С.)

рл. 27, **рис. 16: 3**)¹; найденная в одной из могил периода Хасанлу IVB подставка отличается лишь высокими гладкими ножками и вертикальными стенками (Danti, Cifarelli 2015: 123–125, fig. 29 F; рис. 16: 1). Из них наиболее ранняя подставка происходит из Кордлар IV, поскольку верхняя дата периода IV не может быть позднее IX в. до н. э. (**рис. 16: 4**). Об этом свидетельствуют роговые псалии с отверстиями в разных плоскостях, найденные вместе с подставкой в одном помещении В. В VIII в. до н. э. они

¹ В Динха II и в Хасанлу IV подобные подставки послужили основанием триподов (Danti 2013: fig. 17. 11, A, 17. 13 J).

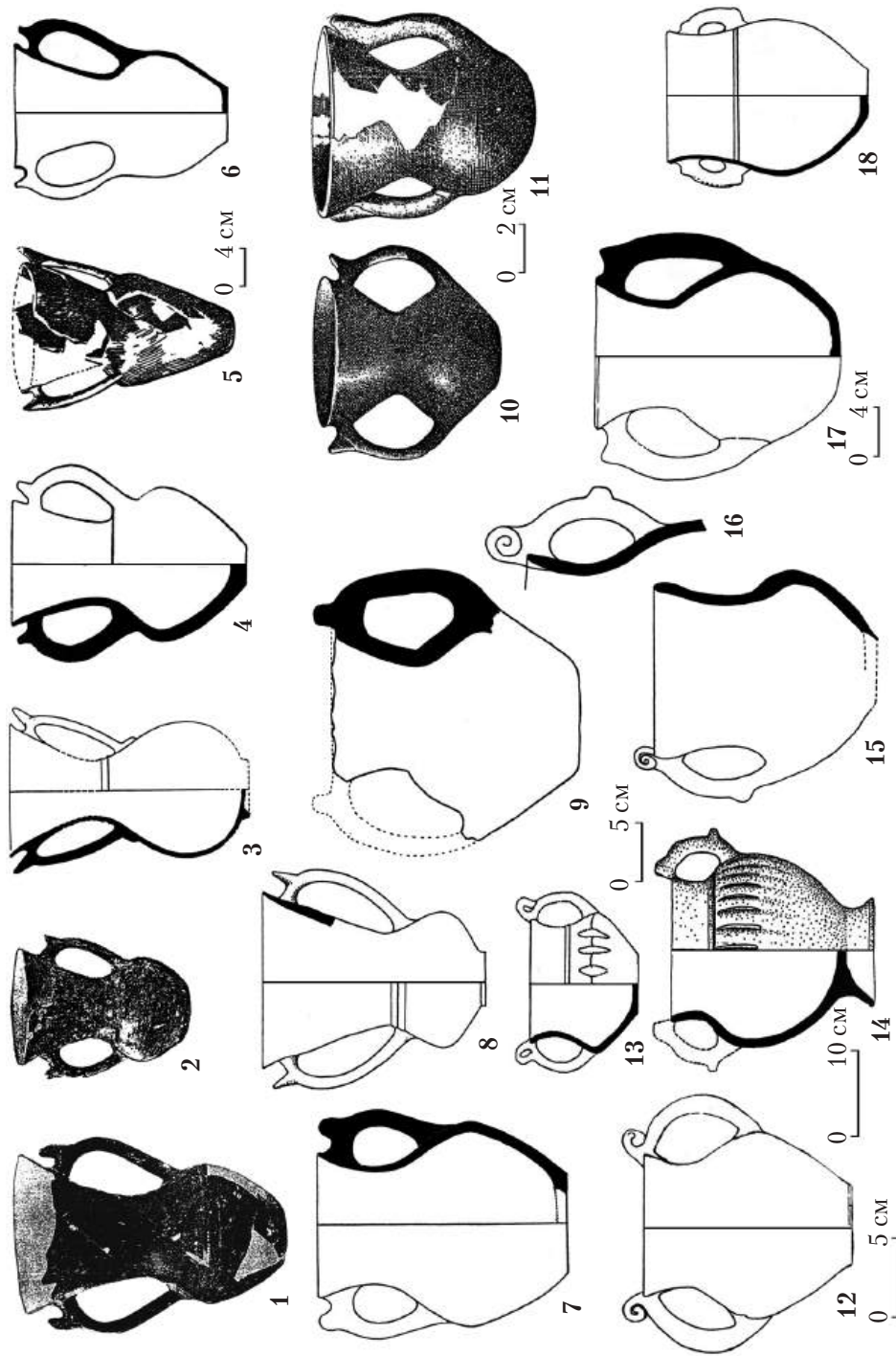

Рис. 18. Кубки с «рогатыми» ручками. **1, 2** — Сялал А; **3** — Годин II; **4** — Бастам; **5** — Кармир-блур; **6** — Ошакан (погр. 25); **7** — Нуш-и Джан I; **8** — Баба Джан IV; **9, 15, 16** — Геой А; **10, 11** — Аргиттихили; **12** — Аграб; **13** — Хасанлу IV; **14** — Кордлар; **17** — Нор Армавир; **18** — Сялал А (погр. XII)

повсеместно заменились псалиями с отверстиями в одной плоскости (Медведская 2013: 427–430; гл. I, § 2).

Таким образом, существование в Приурмийском районе подставок (**рис. 16: 1–5**), столь отличных от урартских (**рис. 16: 6, 10, 11**) и ассирийских подставок (**рис. 16: 7–9, 12, 13**), свидетельствует об отсутствии влияния урартской керамической традиции, что, по сути, и было отмечено Ст. Кроллом, который не включил находки из Аграб тепе, Кордлар тепе IV, Хасанлу IV и Геою тепе А в урартский каталог. Напротив, сходство их с палестинскими подставками (например, **рис. 16: 2; 17: 13**) служит дополнительным свидетельством существования культурных связей Северо-западного Ирана с западными регионами, которые усилились именно в VIII в. в период ослабления Ассирии.

15. Кубки с «рогатыми» ручками (Kroll 1976: тип 83a; **рис. 18**). Ст. Кролл отнес к этому типу сосуды с раздутым туловом и высокой воронковидной горловиной, высота которой равна половине общей высоты кубка и более, обе ручки прикреплены нижними концами над линией наибольшей ширины тулова, а верхними — ниже края венчика. Ручки имеют наверху острые налепы, которые не возвышаются над краем венчика. Спорным представляется включение Ст. Кроллом в этот тип также сосудов, ручки которых заканчиваются наверху волютами, выступающими над краем венчика, которые имитируют фигурки баранов (Аграб тепе, **рис. 18: 12**), и, по-видимому, Чавуштепе, фрагмент венчика, изданный позднее (Erzen 1978: 46, fig. 33) или, видимо, по ошибке, вовсе без выступов¹ (тепе Лумбад, Kroll 1976: 90, Abb. 37).

Кубки с «рогатыми» ручками известны в памятниках урартского времени в Закавказье и в правобережье Аракса вплоть до Бастама и Эвоглу к северу-западу от Урмии. В Армении, помимо указанных Ст. Кроллом кубков из Аргиштихинили и Эребуни, следует добавить находки из Кармир-блур (городское поселение), фрагмент такого кубка из могилы VIII в., обнаруженной на Московской улице в Ереване (Мартirosян 1964: 241, табл. XXIII,

¹ Следует отметить, что кубки, ручки которых не имеют налепов, существовали одновременно с кубками близкой формы, имеющими их: в Закавказье в могильнике Ошакан (Есаян, Калантарян 1988: 69–76, табл. XLIX, 1, 2), в Эребуни (Ходжаш, Труханова, Оганесян 1979: илл. 81), в Аргиштихинили (Мартirosян 1974: 147, рис. 69: верхний левый), в Иране в Сиалке (Ghirshman 1939: pl. IV, 1, 2, 5).

18: 268, рис. 103), в могильнике Ошакан (Есаян, Калантарян 1988: табл. XLIX, 2) и в Нор Армавире (погребение в сосуде, Tiratsyan 2010: 134–135, fig. 8, tabl. XLII: 2–3; **рис. 18: 5, 6, 17**). В Иране их ареал неожиданно широк: в центральном Иране кубки обнаружены в зондаже у южного холма в Сиялке¹ (Ghirshman 1939: 210, pl. IV, 1, 2), в Нуш-и Джан тепе (на западе равнины Хамадан; Stronach 1969: fig. 7, 2; Stronach 1978: fig. 7: 14), в Луристане в Баба Джан IB (Goff 1968: fig. 10: 15; idem. 1985: 4, fig. 9: 22) и в Годин тепе II (Gopnik 2011: 327, fig. 7. 32, 7. 60; **рис. 18: 1–3, 7–8**). Следует подчеркнуть отсутствие в районе западного побережья Урмии кубков с «рогатыми» ручками описанного типа. В Геой тепе А, Аграб тепе и в Хасанлу IVB сосуды имеют волютообразные окончания, которые возвышаются над венчиком, тулово профилировано слабее, чем все перечисленные выше кубки с «рогатыми» ручками (**рис. 18: 12–13, 15–16**). Сосуды из Хасанлу IV, Кордлар IV и Геой А (Burton Brown 1951: fig. 36, 102; **рис. 18: 13, 14, 15**) лишь условно можно назвать кубками, первый — скорее чаша, второй — горшковидный сосуд на высоком поддоне с зооморфными ручками, третий — одноручный сосуд.

В западных керамических комплексах Ближнего Востока кубки с «рогатыми» окончаниями описанного типа не встречаются. Хотя сама форма таких кубков с высокой выделенной горловиной, но без острых наделов на ручках, известна в Малой Азии (Алишар IV, постхеттский/фригийский период; Von der Osten 1937: OIP XXIX: pl. IX: e1286; Алишар V, период после VIII в. до н. э.: OIP XXX: 1, pl. XI: e876, c2429, c1155, d355), а также в Закавказье (Эребуни, Ходжаш, Труханова, Оганесян 1979: илл. 81). Форма некоторых из них, теряя четко выраженную воронковидную форму высокой горловины, приближается к горшковидным двуручным сосудам (Kroll 1976: тип 52). На коренной территории Урарту Ст. Кролл упоминает только три пункта в районе оз. Ван (Патнос, Аянис и Чавуштепе: музейные коллекции).

Что касается общего и различного в форме кубков с «рогатыми» ручками, то следует подчеркнуть следующее: «классическая»

¹ Двуручный сосуд из Сиялка А (мог. XII; **рис. 18: 18**) горшковидной формы с наделами на ручках (Ghirshman 1939: pl. XLIV), аналогичный сосуд происходит из Галекути II (мог. 5 ахеменидского времени, Sono, Fukai 1968: pl. LXXX: 3).

форма тулова с высокой воронковидной горловиной, характерная для кубков из урартских памятников Армении, известна на севере Ирана (Бастам), в Луристане (Баба Жан II, Годин тепе II) и в Центральном Иране (Сиалк). Эти признаки характеризуют и кубки с гладкими ручками, отмеченные выше. Существуют кубки несколько упрощенной формы — с более низкой, почти прямой горловиной и более широким дном: Армения (Ходжаш 1968: табл. XVIII, 13–14), Иран (Геой тепе А, Нуш-и Джан). Форма этих кубков, найденных на западе Приурмийского района (Геой тепе А, Аграб тепе, Кордлар тепе), ближе к сосудам с зооморфными ручками. Впрочем, такие же пропорции отличают известный красноангобированный сосуд с «рогатыми» ручками из Эребунни, украшенный орнаментом в виде светлых треугольников (Ходжаш, Труханова, Оганесян 1979: 100, 114, илл. 82).

Следует отметить наличие в Северо-Западном Иране в VIII в. и, возможно, в VII в. до н. э. чаш с двумя ручками, уплощенные и отогнутые концы которых выступают над венчиком, они отсутствуют в каталоге Ст. Кролла (Кул Тарике/Курдистан, Rezvani, Roustaei 2007: pl. 10; 22: 9; Зивие, Хасанлу IV, Young 1965: fig. 3: 17; 6: 3; Аграб тепе, Muscarella 1973: fig. 19: 11; Зендан, Boehmer 1961: Taf. 57: 8; Naumann 1977: Taf. 1; Thomalsky 2006: 244, Abb. 11, 1–7). В период Хасанлу IVB сосуды для питья с подобными ручками (с пальцевидным, по описанию Д. Данти, окончанием) были достаточно популярной формой (Danti 2013: 368, 358, fig. 17. 13: T)¹, как и кубки с волютообразными или с зооморфными окончаниями ручек, и чаши с «рогатыми» ручками (ibid.: fig. 17. 13: K, M, X).

Таким образом, появление двуручных сосудов с налепами уже в предурартский период (Сиалк А), и использование ручек с различными окончаниями и налепами на различных сосудах в том числе и в северо-западном Иране, позволяет предполагать, что форма острых налепов на ручках кубков могла быть заимствована самими урартами в Приурмийском районе уже в VIII в. до н. э.

Двуручные горшки (Kroll 1976: тип 52). Сосуды, отнесенные Ст. Кроллом к этому типу, составляют две группы. К одной относятся небольшие сосуды с шаровидным туловом высотой 9–11 см

¹ На с. 368 опечатка: вместо ссылки на fig. 17. 13 ошибочно указана fig. 17. 12.

и примерно таким же диаметром сравнительно высокой горловины, две большие вертикальные ручки прикреплены одним концом к краю венчика, другим — к тулову сосуда. Сосуды второй группы отличаются большими размерами (диаметр венчика до 20–25 см) с невысокой (Секиндел, Kroll 1976: 80, abb. 31: 1) или едва выделенной горловиной (Ливар, *ibid*, abb. 23: 2).

Сосуды первой группы происходят с территории Мидии и восточного Луристана (Нуш-и Джан, Баба Джан) и датируются VII в. до н. э. Причем их появление в Баба Джан тепе II рассматривается как импорт из мидийского Нуш-и Джан тепе (Goff 1970: 152, fig. 7: 8; Goff 1978: 36–38). Горшки второй группы происходят из урартских памятников Закавказья и района оз. Ван и Урмии (Аргиштихинили, Бастам, Ливар, Секиндел, Патнос, Чавуштепе, Каялыдере). Бастам, Ливар и Секиндел были основаны в VII в. до н. э. Сосуды из Халаку, Руйан Дуя (Kleiss 1972: № 7), Галлекути II¹ (Dailaman III), включенные в каталог, относятся к ахеменидскому и более позднему времени. Их находки в это время связаны уже с обширной территорией Ирана от Урмии и Каспия на севере до Сузианы на юге (Персидско-Ахеменидская деревня III–IV, Ghirshman 1954; pl. XLI: G. S.2097).

В период ЖВ I–II сосудов с двумя ручками в Иране, за исключением Луристана, нет. В Западном Луристане встречаются сосуды с двумя «ушками», изредка они заменяются вертикальными ручками, в Восточном Луристане в Баба Джан III (ЖВ II) известны расписные сосуды с двумя ручками, которые, однако, не являются «типичной керамикой» этого комплекса (Goff 1978: 31, fig. 5, 10; 6, 1, 10).

В Сиро-Палестинском регионе сосуды с двумя ручками разнообразной формы, в том числе так называемые «кратеры», были распространенной формой в раннежелезном веке и имеют местные корни (Amiran 1970: 216–223, pl. 70–74). Сосуд из Аргиштихинили с широкой горловиной, в частности, близок некоторым кратерам этого региона (Мартиросян 1974: 91, рис. 57). А. А. Мартиросян допускал местное происхождение этих редких и для этой территории сосудов (там же: 48, 144, рис. 14, I в).

¹ В Галлекути II только сосуд из могилы 2 можно отнести к типу 52, сосуд из могилы 5, включенный Ст. Кроллом в каталог, относится к типу 83а (см. прим. 1 на с. 326).

На западном побережье Урмии, по данным Ст. Кролла, двуручный сосуд происходит только из Аху-Дерре¹ (VII в. до н. э., без публикации, Kroll 1976: 110, 172). Поскольку в приурмийской зоне в памятниках VIII в. и, в частности, в Хасанлу IVB, их нет, а в VII в. здесь очевидно уже маннейское и затем мидийское присутствие, то и появление здесь двуручных горшков можно связывать с последним. Таким образом, нет оснований связывать небольшие двуручные горшки из иранских памятников с урартской керамической традицией.

Одноручные бокалы на поддоне (Kroll 1976: тип 83b). Эти сосуды являются диагностической формой керамики Ирана периода ЖВ I, прототипы которым имеются в иранских памятниках эпохи средней и поздней бронзы (Danti 2013: fig. 17. 2: J, K; 17. 4: D). Помимо включенных Ст. Кроллом в этот тип бокалов из памятников ЖВ I (Хасанлу V, Хурвин, Годин тепе, Тюренг тепе) следует добавить Геой тепе, Кордлар тепе IV, Динха тепе, Гиян I, Сиалк А (Medvedskaya 1982; Медведская 2019: fig. 4: 2; Danti 2013: fig. 17. 9: A–F; Lippert 1979: Abb. 6, 7–8), и могильник Кайтарие (Медведская 1977: 170, рис. 1: IVa, б).

Очевидно, что эти сосуды не входят в репертуар урартской керамики. Ст. Кролл отметил только две их находки в урартских памятниках в районе восточного побережья озера Ван (Топраккале, Аянис), что сравнительно недалеко от основного ареала этих сосудов в Иране. Следует отметить, что одноручные бокалы повторяют форму кубков с «рогатыми» ручками: такое же раздутое тулово с высокой воронковидной горловиной, высота которой равна половине общей высоты кубка и более; они отличаются наличием иногда довольно высокого поддона и только одной ручкой (Dyson 1965: fig. 13 фото). Это сходство может свидетельствовать о происхождении этих форм сосудов в одном регионе, и именно на территории Ирана.

Миски — простейшая, универсальная форма посуды, дожившая до наших дней. Большинство мисок, представленных в каталоге Ст. Кролла, фрагментированы и часто не имеют характерных признаков, что затрудняет их сопоставление, а их сходство часто может быть порождено именно простотой самих форм. Поэтому

¹ Сосуд из Кордлар тепе относится к кубкам с зооморфными ручками (тип 15, Muscarella 1973), налепы у которых выше уровня горловины.

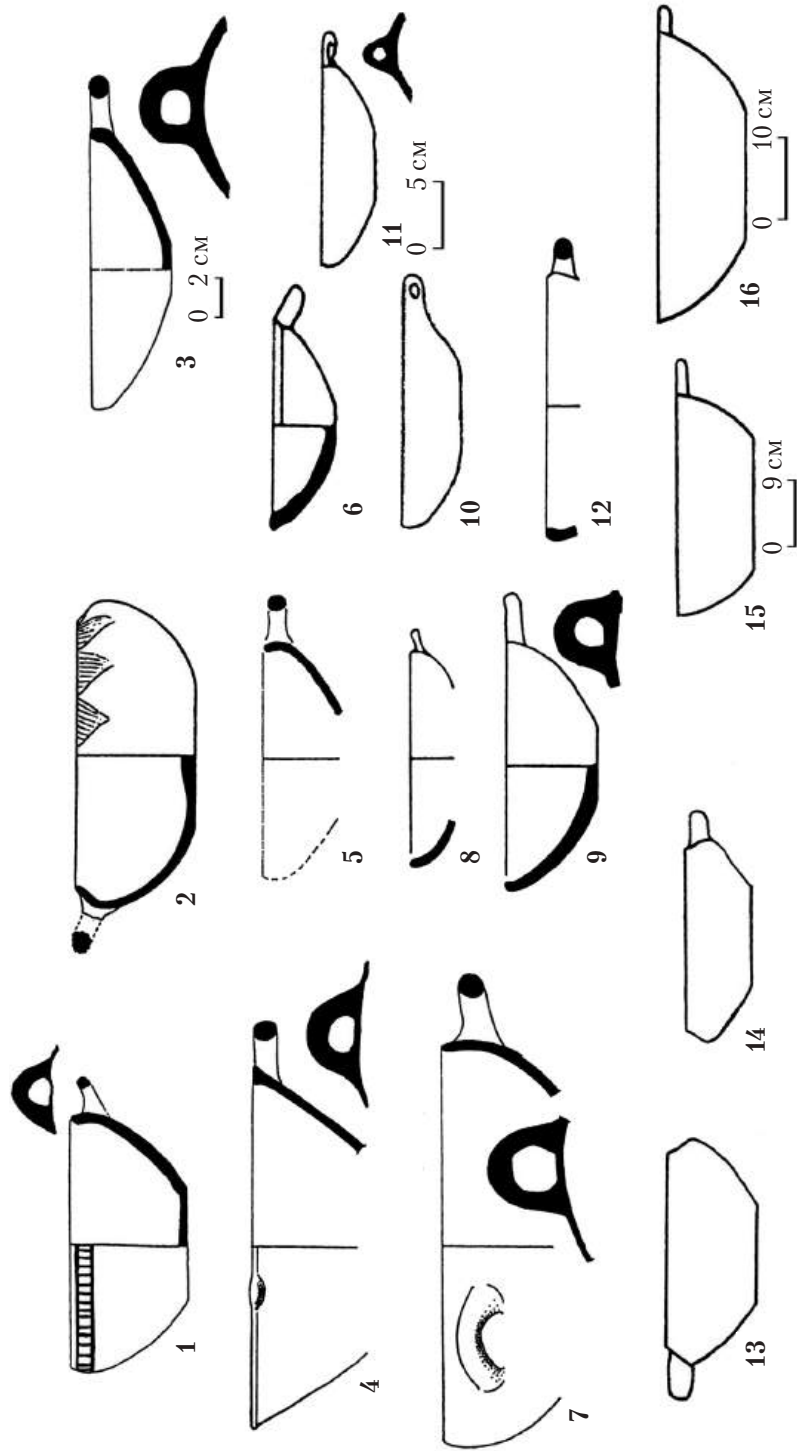

Рис. 19. Миски с горизонтальной ручкой у венчика. **1** — Баба Джан III; **2** — Дум Авеза; **3** — Нор Армавир; **4** — Баба Джан II; **5** — Нуш-и Джан I; **6** — Хасанлу ШПВ; **7** — Баба Джан I; **8, 9** — Гюдин II; **10** — Ереван, Московская ул.; **11** — Эрзбун; **12** — Зивие; **13, 14** — Гиян I; **15, 16** — Хурвин

важное значение приобретают второстепенные признаки мисок, такие как, например, омфалы, особая форма венчика, наличие ручки, декор и т. п. И в таком случае за сходством второстепенных признаков на мисках из разных памятников можно видеть нечто большее, чем простую случайность, порожденную простой формы сосуда. Поэтому имеет смысл рассмотреть только некоторые типы мисок, которые имеют характерные признаки. Для подтверждения высказанного положения рассмотрим два типа мисок, выделенных О. Мускареллой.

10. Миски с загнутым внутрь венчиком (Muscarella 1973: fig. 15, 4–7), из них только одна миска (ibid.: fig. 15: 4) имеет загнутый внутрь венчик. Две миски из Аграб тепе, которые О. Мускарелла рассматривает как один тип, Ст. Кролл отнес к разным типам: одну из них (Muscarella 1973: fig. 15, 4) он включил в тип 39, против чего возражал автор (Muscarella 1978: 244), другую плоскодонную миску (Muscarella 1973: fig. 15, 7) отнес к типу 24. К этому же типу Кролл отнес миску с полым дном (ibid.: fig. 15, 14), которая была включена Мускареллой в тип 13. Оба типа мисок (12, 13) различаются внутри каждого из них.

13. Конические миски с полым дном (Muscarella 1973: fig. 15, 12–14) выделены по одному признаку — форме дна, различаясь формой тулова, венчика и т. д. Ст. Кролл отнес их к разным типам по форме тулова: тип 24 (ibid.: fig. 15, 14), тип 25 (ibid.: fig. 15, 13), тип 35 (ibid.: fig. 15, 12).

Оба типа мисок (10, 13), относимые к разным типам, свидетельствуют о непродуктивности сопоставлений этой простой формы бытовой посуды, если отсутствуют второстепенные признаки¹.

27. Миски с горизонтальной ручкой у венчика (Kroll 1976: тип 3; рис. 19). Ст. Кролл определил время бытования непрофилированных мисок с горизонтальной ручкой VII в. В урартских районах эти миски встречаются редко, и в Бастаме они найдены в «постурартском контексте» (Kroll 1976: 159) или иначе в мидийское время. Однако постурартская датировка сегментовидных

¹ То же самое относится и к небольшим сосудам для хранения продуктов, названных автором пифосами (Muscarella 1973: 60, тип 25). Фрагменты этих сосудов не имеют характерных признаков для аналогий, чем можно объяснить разнообразие типов, определяемых Кроллом для этих фрагментов.

мисок с горизонтальной ручкой, предложенная Д. Стронахом и Ст. Кроллом, не подтверждается находками, хотя и редкими, таких мисок в памятниках Закавказья VIII–VII в. до н. э. и даже ранее (Tiratsyan 2010: 135, note 2, fig. 6; **рис. 19: 3**). К VIII в. Ст. Кролл отнес керамику из Секиндела, в том числе найденный там фрагмент миски с горизонтальной ручкой, поскольку возле Секиндела (северо-восточнее Тебриза) обнаружена надпись урартского царя Сардури II (764–735) (Kroll 1976: 75, abb. 30, 5), которая свидетельствует о начале продвижения урартов к Каспию. Однако активное освоение ими района северо-восточнее оз. Урмии началось только в VII в. (Медведская 2018: 168). В Иране использование горизонтальной ручки на керамике до IX–VIII в., за исключением Хурвина (ЖВ I, около 1100 гг. до н. э.: Vanden Berghe 1964: 6, 8–10, 12, 45, pl. X: 47–52; **рис. 19: 15–16**), как будто бы неизвестно. Но уже в IX/VIII–VII вв. и позднее в Луристане широко использовались миски с горизонтальными ручками, некоторые из которых расписные (Баба Джан III–II–I, Goff 1968: fig. 10: 12; idem. 1978: fig. 2; 11: 8, 12; idem. 1985: 4–5, fig. 2, 29–33; Stein 1940: Маилбак, Дельфан, pl. XVII, 1, Дум Авеза, XXIX, 10; Гиян I, мог. 2, 4, Contenau, Ghirshman 1935: pl. 8, 9; Годин II, Young, Levine 1974: fig. 47: 9, 48: 8, 9, 49: 4, 8, 9) (**рис. 19: 1–2, 4, 7–9, 13, 14**). Миски периода Баба Джан II нерасписные и по специфическим технологическим признакам (большое включение в тесто слюды) считаются импортом из мидийского Нуш-и Джан тепе I, где они найдены в большом количестве в слое мидийского времени VII в. до н. э. (Goff 1978: 36; Stronach 1969: 16, fig. 6: 3–6; Stronach 1978: 11–16, табл. на с. 12).

Поскольку в Баба Джан II засвидетельствовано проникновение и других типов керамики с востока из Нуш-и Джан тепе, то появление таких мисок как поблизости в Годин тепе II, так и севернее в Зивие (**рис. 19: 12**), в Зендане (без публикации), в Хасанлу IIIB (**рис. 19: 6**) и в Аграб тепе¹ (Gopnik 2011: fig. 7. 54: 52, 7. 56: 81; Young 1965: fig. 3: 16; Dyson 1965: fig. 7; Muscarella 1973: 60) можно рассматривать как влияние мидийской традиции производства керамики в VII в. Это влияние могло сказаться уже к середине VII в. до н. э. в период возвышения Мидийского царства. Этому

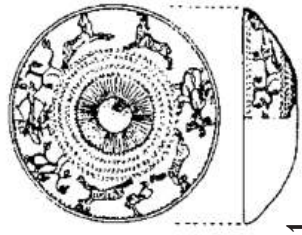
¹ В Аграб тепе найдена горизонтальная ручка (без публикации). Автор не оговаривает ее принадлежность именно миске (Muscarella 1973: 60).

предположению не противоречат единичные находки сегментовидных мисок с горизонтальной ручкой у венчика в Закавказье в VIII в. до н. э. (Эребуни, Ереван, Московская улица: Ходжаш 1968: 146, табл. XVIII: 8, 10); и в VII в. (Нор Армавир, Tiratsyan 2010: 135, note 2, fig. 6, pl. XLII: 4–5; см. также Мартиросян 1964: 45, 240, табл. XX: 21, XXIII: 8–10, фиг. 14, 61, 152), но они являются исключением в ассортименте урартской керамики (**рис. 19: 3, 10, 11**). В целом же, сегментовидные краснолощённые миски, бывшие характерной составляющей частью урартского керамического комплекса, обычно не имели ручек. Горизонтальная ручка у мисок была, по-видимому, одним из признаков керамики населения Древнего Ирана периодов ЖВ II–III и, вероятно, ЖВ I (Медведская 2019: 35, рис. 2: III, b1, Хурвин).

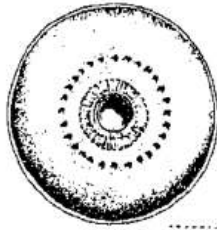
6, 6а. Миски с омфалами (Kroll 1976: типы 8–9, 12; **рис. 20**). О. Мускарелла и Ст. Кролл не выделяют омфалы (небольшие по диаметру углубления в центре дна миски, которому соответствует выступ на внутренней поверхности дна, **рис. 20: I, II**) в самостоятельный признак керамических мисок. Омфалы имеются только на некоторых мисках из всех трех типов (I–III) мисок, выделенных Ст. Кроллом, и которые очевидно подражают металлическим оригиналам (**рис. 20: I**). К типам 8–9 он отнес также миски с полым дном или «ложным» омфалом (углубление на внешней поверхности дна, которому не соответствует выступ внутри миски, **рис. 20: III**). Красноангобированные миски типов 8 и 9 повторяют форму бронзовых низких мисок/фиалов, некоторые из которых имели омфалы или полое дно. Ст. Кролл, отмечая несомненную близость обоих типов, считал, что сегментовидные миски (тип 8) существовали в VIII в., и в VII в. до н. э. были заменены плоскодонными мисками (тип 9) (Kroll 1976: 160). Тем не менее он отнес к типу 9 миску с полым дном из Аграб тепе, которое он датирует VIII в. (*ibid.*: 114; Muscarella 1973: fig. 14: 9; **рис. 20: III, 1**). Миски с омфалами типа 12 с чуть вогнутыми внутрь стенками и отогнутым венчиком имеют сходство с бронзовыми мисками без омфалов времени Ишпуини (Vanden Berghe, De Meyer 1982: № 157–160; Seidl 2004: 55–56, Abb. 20–22).

Миски с омфалами были относительно распространенной формой посуды на Древнем Востоке. Они найдены на территории Фригии, Луристана в Иране; в восточных районах Урартского царства сосредоточена основная масса их находок, которые

I

1

2

II

1

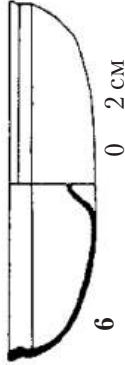

2

3

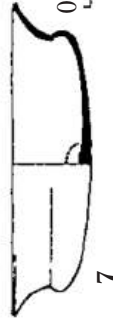
5

6

0

2 cm

7

0

5 cm

III

1

0

5 cm

2

3

4

5

6

Рис. 20. Миски с омфалами.

I. 1-7 — металлические миски: 1, 2 — Луристан; 3, 4 — Гордион; 5 — Хасанлу IVB; 6 — Динха III; 7 — Зинджирли.
II. 1-10 — керамические миски: 1 — Алишар; 2 — Мала Мча; 3 — Кул Тарике; 4 — Зивие; 5 — Гешлаг; 6 — Ереван, Московская ул.; 7, 9, 10 — Зендан; 8 — Эрбуни.

III. 1-6 — миски с ложным омфалом: 1 — Аграб; 2 — Алтын-тепе; 3, 4 — Игдир/Малакю; 5 — Эрбуни; 6 — Хасанлу IIIB

датируются VIII–VII вв. до н. э. Однако примечательна находка бронзового фиала с омфалом в погребении Динха тепе III (мог. 26) недалеко от Хасанлу тепе, датированного около XIII в. до н. э. (Muscarella 1974: 54, fig. 7, 542; **рис. 20: I, 6**); все признаки этого сосуда соответствуют фригийским металлическим мискам из Гордиона (Mellink 1981: fig. 124, pl. 72). Аналогичной последним является металлическая сегментовидная каннелированная (?) миска с глубоким омфалом из погребения в Хасанлу периода IVB (Danti 2013: 353, 356, 359, 361–363, fig. 17. 17, I; **рис. 20: I, 5**).

Хотя центр возникновения мисок с омфалами остается не вполне ясным, их популярность связывается с Фригией, где были выработаны многообразные формы фиалов. Пустотелый омфал, удобный, судя по изображениям, для поддержки фиала пальцами, интерпретируется как фригийская функциональная модификация того, что на ассирийских плоскодонных фиалах часто являлось выступом, залитым свинцом, как свидетельствует об этом сосуд из Зинджирли (Luschey 1939: Abb. 1, 2, 4, 13–17; Hamilton 1966: 3, fig. 2a; **рис. 20: I, 7**). Но ассирийские плоскодонные фиалы для удобства его держания имели вогнутые стенки горловины. Фиалы с глубоким омфалом становятся стандартным видом фригийской посуды именно в VIII в. до н. э. и получают широкое распространение на Ближнем Востоке, достигая на западе Греции (Mellink 1981: 233–236)¹. В этой связи находка металлической миски с глубоким омфалом в погребении периода Хасанлу IVB может служить дополнительным доказательством существования Хасанлу IVB в VIII в. до н. э. и его культурных связей с Малой Азией, что наблюдается и на другом материале, в частности, в местном стиле резных костяных изделий.

О популярности фригийских фиалов свидетельствуют также их керамические копии. Сегментовидные керамические миски копировали, по всей видимости, фригийские, а не ассирийские металлические фиалы. Последние обычно имели четко выраженные острые плечики и широкое плоское дно, их называют

¹ То обстоятельство, что 200 фиалов, найденных в Греции в Перахоре и в других греческих святилищах, связаны с многообразными фригийскими фиалами, позволило изменить заключение Г. Лусея и настаивать на фригийском происхождении греческих фиалов, а не наоборот: Luschey 1939: 37, 114; Mellink 1981: 236.

тюльпановидными, на внутренней поверхности плоского дна имелся центральный выступ, заливаемый свинцом, что уже было отмечено на сосуде из Зинджирли. Впрочем, именно в Нимруде найдены маленькие керамические миски типов 8 и 9 с плоским дном (Oates 1959: 132, pl. XXXVI, 27, 28).

Находки керамических мисок с омфалами немногочисленны, но их ареал достаточно широк: фригийский Алишар (расписной сосуд с глубоким омфалом; von der Osten 1937: 352, fig. 407, pl. VIII, 3278), в Эребуни и в погребении VIII в. до н. э. на Московской улице в Ереване (Ходжаш 1968: 146, табл. XII, рис. 4, XVIII: рис. 1, 4¹) (**рис. 20: II, 1, 4, 7**). В Эребуни найдены также миски с полым дном (там же: рис. 2), но в Кармир-блуре их нет. На западном побережье Урмии в VIII в. керамические миски с омфалами как будто бы неизвестны: в Хасанлу IV найдены бронзовые сегментовидные гладкие миски, а в Хафтаван III керамические подражания им без омфалов (Burney 1972: pl. VIIa). Керамические миски тюльпановидной формы с омфалами найдены к юго-востоку от Урмии в маннейских памятниках: Зивие (Young 1965: fig. 3, 12), недалеко от Зивие в могильнике VII в. до н. э. Кул Тарике (Rezvani, Roustaei 2007: pl. 22: 13), в могильнике Мала Мча (Amelirad 2017: fig. 32: 1–3; см. гл. VI), в Зендане (Boehmer 1961: 82–86, Taf. 50, 7–8; Thomalsky 2006: Abb. 10, 4–6), а также в Прикаспии в могильнике Гешлаг недалеко от Марлика (Negahban 1996: fig. 27: 599; **рис. 20: II, 2, 3, 5, 6**). Тюльпановидная форма мисок была характерным признаком маннейской керамики (см. ниже тип 7/11), и омфал использовался на этом типе мисок, как, впрочем, и на маннейских сегментовидных мисках (могильник Мала Мча, Amelirad et al 2017: fig. 32: 1–3; **рис. 20: II, 2**).

В VII в. в Приурмийском районе известны миски с «ложным» омфалом² (тип 6а): Калатгах (без публикации), Аграб тепе (Muscarella 1973: 56, fig. 14, 9), Хасанлу IIIB (Young 1965: fig. 1, 7; **рис. 20: III, 1, 6**). За пределами Приурмийского района они найдены в урартском колумбарии Игдир/Малакю (на южном склоне г. Арарат,

¹ См. также: Мартиросян 1964: табл. XXIII, 13. В издании 1968 г. в табл. XVIII перепутаны рис. 3 и 4, рис. 3 миска из Малакю.

² О. Мускарелла призывал не путать их с настоящими омфалами (Muscarella 1973: 56, fig. 14, 9); это же подчеркивал и Б. А. Куфтин (Куфтин 1943: 19).

Куфтин 1943: 19, рис. 15), в Алтынтепе (слой 750–700; Emre 1969: fig 12), в Эребуни (Ходжаш 1968: табл. XIII: 3; **рис. 20: III, 2–5**).

В Западном Луристане в VIII–VII вв. до н. э. существовал другой центр, в котором представлена группа разнообразных бронзовых мисок с неглубокими, в отличие от фригийских, омфалами (Vanden Berghe 1982:afb. 54–55, 59: 4–6, 12–13; idem. 1987: fig. 14: 3–4, 14–16). Несмотря на это отличие, о знакомстве луристанских ремесленников с фригийскими сосудами свидетельствует бронзовая миска (без омфала) из могильника Джуб-и Гохар с рельефным «лепестковым» орнаментом, бывшим столь популярным во Фригии (Mellink 1981: 234, fig. 119, 121, pl. 69, и особенно pl. 89, E, F; Vanden Berghe 1987: fig. 14: 17).

Что касается мисок типов 8 и 9, то их подражание металлическим сосудам очевидно, как и то, что распространение моды на них не было связано с урартским влиянием. Все известные урартские бронзовые сегментовидные миски не имеют омфалов (тип 8), тогда как фригийские сегментовидные миски их имеют (Mellink 1981: pl. 72, 73, 90 и др.). Металлическая миска из Хасанлу IV если не прямой импорт с запада, то очевидное подражание фригийским сегментовидным мискам с глубокими омфалами. Впрочем, не исключено и влияние западно-луристанских изделий этого типа. Последнее может объяснить появление керамических мисок с омфалами за пределами урартских владений в VIII в. на территории Манны в Зивие (тип 8), Зендане (тип 12) и их последующее распространение на освобожденную от урартов в 714 г. территорию западного побережья Урмии, связанное с продвижением сюда маннейцев (Медведская 2018: 151–152). Следует отметить немногочисленность находок мисок первых двух типов на территории приурмийских владений урартов. Все сказанное не позволяет рассматривать миски типов 8 и 9 в качестве составляющей части урартского керамического комплекса. Что касается мелких мисок с отогнутой горловиной и округлым дном (тип 12), то они могут рассматриваться как вариант воронковидных или тюльпановидных мисок/чаш типа 7/11.

Это заключение можно подтвердить и другими сведениями. Металлические миски/фиалы с омфалами или без них были на Древнем Востоке элитными сосудами для питья. В Ассирии использовались фиалы без омфалов, но с вогнутыми стенками горловины для удобства поддержания их во время питья.

Изображения этого процесса сохранились на ассирийских рельефах. Повсеместно возникали керамические копии этих элитных сосудов. Учитывая активное взаимодействие маннейской и ассирийской знати в VIII–VII вв. до н. э., появление в Манне металлических фиал без омфалов объясняется получением их в качестве подарков от царя во время визита к нему представителей маннейской знати (подробнее см. гл. VI § 2.5. рис. 26: 2, 5). Но керамических копий этих фиал в Манне нет. Керамические миски здесь только с омфалами (**рис. 20: II, 2–4**). Центром изготовления и распространения мисок с омфалами на Ближнем Востоке в эту эпоху была Фригия. В VIII в. фригийские фиалы достигли на западе Греции. Именно тогда Урарту, господствуя над торговыми путями, способствовало их распространению на востоке. В Хасанлу IVB в одной из могил была найдена бронзовая миска с глубоким омфалом (**рис. 20: I: 5**). Их копии появились в Иране (Манна, Прикаспий) и в Закавказье (**рис. 20: II**).

7. Воронковидные (тюльпановидные) миски/чаши (Kroll 1976: тип 11; **рис. 21**). Сосуды с невысокой придонной частью, округлым дном, острыми плечиками и высокими отогнутыми стенками — прямыми или чуть вогнутыми¹. Некоторые из них расписаны треугольниками по внутренней поверхности бортика. Наибольшее число тюльпановидных мисок с росписью и без нее обнаружено на территории Манны: в районе Букан — в Зивие и Зендане. С. Свайни связывал ареал этих мисок именно с маннейской территорией к югу и юго-востоку от Урмии, датируя их периодом ЖВ III (Swiny 1975: 88–89, 91, fig. 4: 9–15; Young 1965: fig. 3: 6, 9, 11; 4: 6; Thomalsky 2006: Abb. 10: 1, 2, 7–15; **рис. 21: 3–4, 5–7, 8–9**). За пределами маннейской территории нерасписные миски этого типа обнаружены на западе приурмийской зоны в Аграб тепе; нерасписные и расписные миски в стиле «Triangle Ware» найдены в Хасанлу IIIA и Калатгахе, они датируются V в. до н. э. (Dyson 1999: 138, fig. 12; Dyson 1999a: 102, fig. 1 a–c, 5 a–c); на севере восточного

¹ Некоторые миски, включенные Ст. Кроллом в тип 11, не вполне соответствуют описанному типу мисок, что уже отметил О. Мускарелла в своей рецензии на данную работу Ст. Кролла: Muscarella 1978: 244. Он нашел неточными параллели с сосудами из Баба Джан I, Годин II, Зингир кале, Армавира/Аргиштихинили, Тахт-и Сулеймана, к ним следует добавить сосуды из Галекути II.

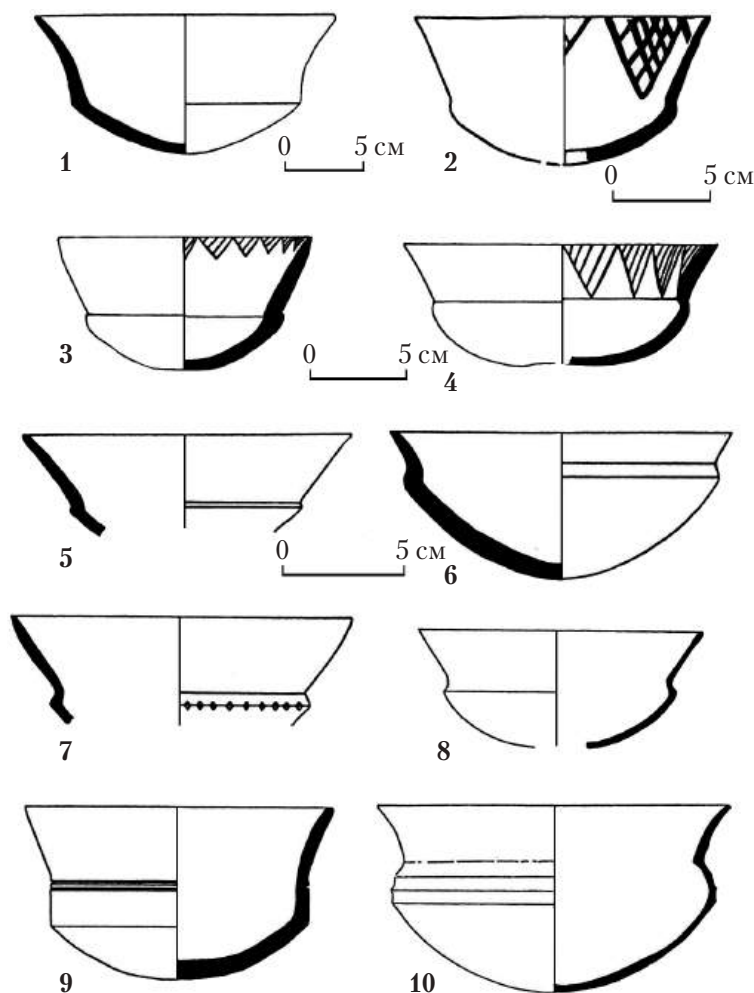

Рис. 21. Тюльпановидные миски. 1 — Аграб; 2 — Яник; 3, 4 — Букан; 5–7 — Зивие; 8, 9 — Зендан; 10 — Нимруд

побережья Урмии расписанные в этом стиле миски известны в Яник тепе (Burney 1962: pl. XLV: 36)¹.

На урартской территории воронковидные миски появляются поздно, не став частью урартского керамического комплекса².

¹ Э. Хаеринк включил расписную керамику Яник тепе в стиль «Ардебиль», датируемый им V/IV–II вв. до н. э.: Haerink 1978: 79, fig. 2. Препрежняя дата Яник тепе — постурартское или мидийское время, начиная с конца VII в. до н. э.: Burney 1962: 147–149.

² Устное сообщение Б. Б. Пиотровского в начале 1980-х годов.

Севернее Урмии, по данным Ст. Кролла, урартским временем датируется фрагмент похожей миски (без дна) из Зангара (находится западнее г. Маку; Kroll 1976: 26, Abb. 3: 3). Хотя популярность тюльпановидных мисок в элитарной среде относится уже к ассирийскому периоду. Тогда, судя по рельефам и многочисленным находкам, металлические прототипы керамических мисок были ассирийским вариантом фиалов (Oates 1959: 132, note 6, pl. XXXVII, 59; Hamilton 1966: 1 ff., fig. 3, с, 5, а, с; **рис. 21: 10**). Уже Ф. Петри называл воронковидные миски (без росписи) ассирийскими, и их появление в библейских землях исследователи связывали непосредственно с ассирийским завоеванием этого региона. Они обнаружены в слоях, которые относятся ко времени после завоевания Самарии ассирийцами примерно после 721 г. до н. э. (Amiran 1970: 291, photo 298, pl. 99, 1–3).

Однако пик популярности воронковидных сосудов, как металлических, так и керамических, приходится на ахеменидский период, они продолжают использоваться и в парфянский период (Гордион: Young 1962: pl. 41, fig. 16; Нуш-и Джан: Stronach 1974: pl. 55: 8, 9). Учитывая активное распространение этой формы сосудов для питья из Ассирии на запад с конца VIII в. и активное взаимодействие ассирийской и маннейской знати в это время и позднее, можно объяснить появление этих сосудов и возникновение подражания им в VII в. в маннейском регионе. Воронковидные миски из Зивие и Зендана (Young 1965: fig. 3: 9; Thomalsky 2006: Abb. 10: 7) и упомянутая выше тюльпановидная миска с омфалом из Кул Тарике (Rezvani, Roustaei 2007: pl. 22: 13¹) имеют близкие аналогии с находками в Ассирии (Hamilton 1966: fig. 3, с, 5, с). Можно отметить, что тюльпановидная форма повлияла и на форму местных мисок с омфалами (Кул Тарике, Зендан, Марлик). Местным дополнением стал обычай расписывать некоторые керамические миски треугольниками на их внутренней поверхности. Маннейско-мидийское последовательное посредничество в передаче этой формы Ахеменидам очевидно. В VII в., в период маннейской экспансии в Приурмийский район после 714 г., эти элитные сосуды проникли в местную среду, а мидийская знать позднее сохранила их в период Мидо-Ахеменидского царства. Подобная

¹ У большинства мисок этой формы из Кул Тарике дно не сохранилось (ibid., pl. 22: 7, 8, 10, 11, 15).

последовательность была предложена Р. Гамильтоном в двухэтапном изготовлении серебряного сосуда из коллекции музея Эшмола. Чаша с широким плоским дном, острыми плечиками и высокой отогнутой горловиной была изготовлена в Ассирии в VIII в.; изображение двух львов на внутренней поверхности дна было добавлено позднее в Мидии (Hamilton 1966: 1–17).

Таким образом, первоначальное появление воронковидных мисок связано с ассирийским культурным импульсом и фиксируется как к западу от Ассирии, так и к востоку от нее, в Иране, в соседних с Урарту районах.

8. Миски с отогнутой и чуть вогнутой горловиной (Kroll 1976: типы 12, 13b). Сосуды из Хасанлу III и Аграб тепе, отнесенные Ст. Кроллом к типу 13b, уже были им учтены как миски типа 12 (*ibid.*, 115–116). Некоторые из них имеют омфалы. Миски из приурмийских памятников: Хасанлу IV–III, Хафтаван тепе, Калатгах II, Аху-Дерре (без публикации), Аграб тепе (Muscarella 1974: fig. 14: 10, 12), а также из Зендана и Зивие относятся к типу 12 (**рис. 20**). В районе западного побережья Урмии только миски из памятников VIII в. Кале Вазири, Зингир Кале и Геой тепе А соответствуют типу 13b (Kroll 1976: Abb. 34, 6, 35, 2; Burton Brown 1951: fig. 36, 357). К этому же типу и времени Ст. Кролл отнес другую миску из Аграб тепе (Muscarella 1974: fig. 15: 2). Как уже отмечалось, он склонен датировать этот памятник VIII в. до н. э. Миска же из Годин II (Луристан) отличается большими размерами: диаметр венчика 30 см вместо 18–20 см, как у большинства мисок этого типа. Наибольшее распространение миски типа 13b имели на урартской территории в VIII в. (Kroll 1976: 160).

Отнесение Ст. Кроллом мисок из Аграб тепе к разным типам, приблизительное сходство форм и размеров сосудов, их фрагментарность не позволяют считать миски типов 12, 13b культурным индикатором в памятниках VIII–VII вв. до н. э. в Приурмийском районе.

9. Миски/тарелки с широким пологим бортиком (Kroll 1976: тип 14) — относительно редкая форма мелких мисок. Обычно край миски оформляется венчиком различной формы, он может быть прямым, горизонтальным или чуть скошенным, а также округлым или подпрямоугольным, горловина сосуда, в свою очередь, может быть вертикальной, отогнутой или вогнутой. В данном случае появляется третий промежуточный элемент между

венчиком и стенками тулова — ровный бортик. Из учтенных в каталоге сосудов тарелками с прямым бортиком можно считать сосуды позднеурартского времени из Алтынтепе (вторая половина VII в.), Яник тепе (восточнее Урмии, конец VII в.) и постурартского Бастама НВ. Из них первые два имеют роспись на внутренней поверхности (см. ниже). На западном побережье Урмии Ст. Кролл к этому типу отнес только сосуд из Аграб тепе. В этом случае, как и большинстве других, судя по рисункам мисок типа 14 в каталоге (из памятников севернее Урмии), миска из Аграб тепе имеет сильно отогнутые стенки сосуда, которые еще не имеют ровной поверхности, свойственной бортику тарелки, форма которого, очевидно, сформировалась позднее.

Спорным признаком для включения в один тип является и размер сосудов. Так, диаметр миски из Аграб тепе около 28 см, из Годин II — 17,5 см, а из Аргиштихинили от 5 до 8,5 см.

Ст. Кролл считал, что сосуды типа 14 наибольшее распространение имели в мидо-ахеменидский период (Kroll 1976: 160) и продолжали существовать в ахеменидо-парфянский период (Kroll 1976: тип 22)¹. В этой связи существенное значение имеет тарелка из Яник тепе с росписью: по бортику она расписана треугольниками, давшими название керамическому стилю, а на дне тарелки в относительно реалистической манере изображен козел. Ч. Бёрни датировал расписную керамику этого памятника (в том числе и тюльпановидную миску типа 11, о которой говорилось выше) мидийским периодом около 600 г. до н. э. (Burney 1962: 147–149, pl. XIV, 33). Теперь, с учетом новой датировки гибели Урарту, можно уточнить дату Ч. Бёрни — вторая половина VII в. до н. э. Э. Хаеринк отнес керамику Яник тепе к расписному стилю Ардебиль, составной частью которого являются треугольники и силуэтные изображения животных. Но если прежде учитывался мидийский период в его датировке, то Э. Хаеринк включил в датировку стиля только ахеменидский период, датируя стиль в целом V/IV–II вв. до н. э. (Haerinck 1978: 79).

В любом случае, миски-тарелки с ровным пологим бортиком не являются составной частью урартского керамического комплекса и датируются постурартским временем.

¹ Причем к типу 22 отнесены миски-тарелки из того же Годин тепе II, которые не отличаются от сосуда, отнесенного им к типу 14.

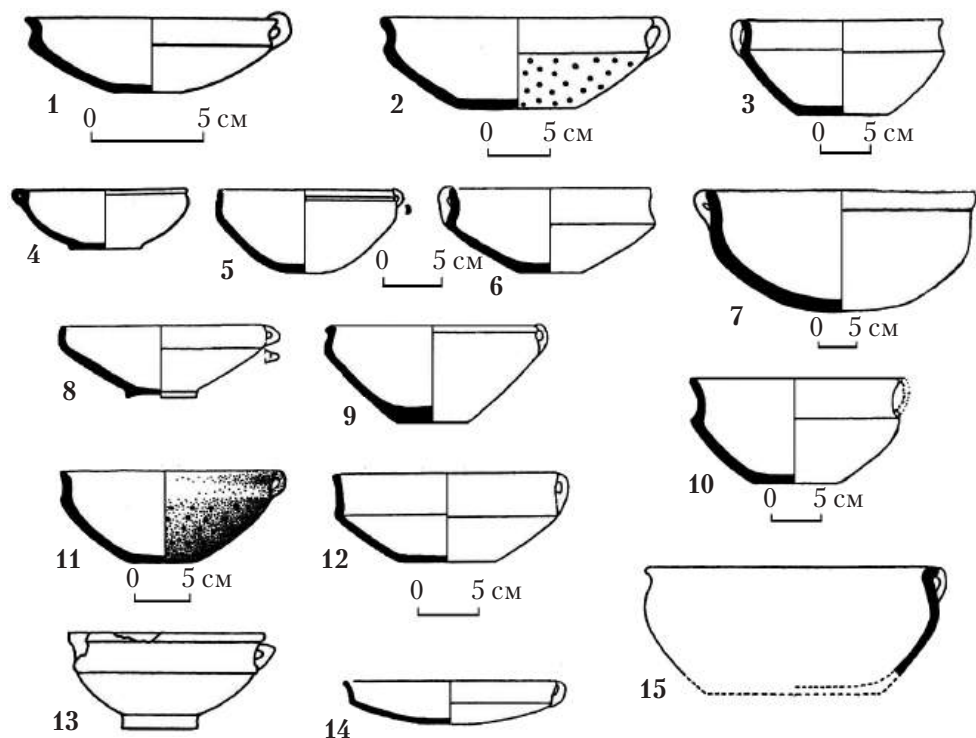

Рис. 22. Миски с вертикальной ручкой. 1, 2, 4–6, 8, 9, 12, 14 — Хасанлу (5, 6, 8, 9 — ЖВ II; 12 — конец ЖВ I — начало ЖВ II; 14 — конец Бронзового века); 3, 7, 10 — Динха II; 11 — Кордлар тепе; 13 — Гиян I; 15 — Геой А

Миски с вертикальной ручкой (Kroll 1976: тип 15b; **рис. 22**). Глубокие миски с вертикальной чуть вогнутой горловиной и глубоким усеченно-коническим туловом, с вертикальной ручкой на горловине. Тулово некоторых из них имеет многочисленные отверстия для процеживания. Находки таких мисок сосредоточены, согласно Ст. Кроллу, в основном в памятниках Приурмийского и соседних районов (Хасанлу IV, Геой А, Кордлар, Зендан, Бастам, Аянис, Kroll 1976: 117)¹. В Аграб тепе их нет. В Аянисе опубликован лишь один фрагмент красноангобированной миски и отмечается, что миски с ручками чрезвычайно редки среди

¹ Фрагменты стенок сосудов с вертикальной ручкой из Кармир-блур включены в каталог Ст. Кроллом ошибочно: они относятся к доурартскому поселению, которое существовало не позднее XIII–XII вв. до н. э. (Мартиросян 1961: 49, fig. 13). Сосуды из Аяниса и Бастама не опубликованы.

урартской керамики (Kozbe, Çevik, Sağlamtimur 2001: 87–88, pl. I: 34). Происхождение этих сосудов на территории Древнего Ирана подтверждают миски из Гиян I (последняя четверть II тыс.), Саккызабада, которая по характеру росписи датируется концом II тыс. до н. э. (Contenau, Ghirshman 1935: pl. 12, мог. 21; Vanden Berghe 1966: Taf. VIII, 9), миска из Кордлар IV не позднее IX в. (см. выше, Lippert 1979: Abb. 4, 18).

Очевидно, что миски с ручками не принадлежат урартской керамической традиции.

23. Кувшины-урны (Kroll 1976: тип 49). Описание классической формы урны дано Б. А. Куфтиным: краснолощённые гидрии с шаровидным туловом, с высокой горловиной, обязательно отделенной от плечиков уступом или валиком и отогнутым округлым венчиком (Куфтин 1943: 17). После открытия Б. А. Куфтиным колумбария в Малаклю/Игдире, где пепел покойников хоронился в сосудах описанного типа, принято считать, что только такие сосуды использовались исключительно в качестве погребальных урн (Kroll 1976: 162). Но в Аргиштихинили, например, погребальными урнами служили карасы ручной лепки, в которых находился пепел покойного, или кувшины, в которых погребали тело умершего, причем в таких кувшинах обычно хранили вино в погребке (Мартиросян 1974: 51, рис. 17а, б). В каталог Ст. Кролл включил также сосуды удлиненной формы (Хасанлу IV сероглиняный кувшин высотой около 23 см, Young 1965: fig. 8: 3), но в большинстве случаев в каталоге учтены только фрагменты сосудов, их горловины, в том числе из Аграб тепе. Вместе с тем в Аграб тепе обнаружена гидрия, которую О. Мускарелла назвал большим горшком (высота сосуда 33,5 см, Muscarella 1973: 60, fig. 18, тип 21), но привел в качестве параллелей аналогичные по форме и размерам лощёные красноангобированные гидрии/урны из Хафтаван тепе III (Burney 1979: fig. 8, 3), Алттын-тепе (Emre 1969: fig. 2–3) и Игдира (Куфтин 1943: рис. 12). Но этот сосуд не был учтен Ст. Кроллом в составе керамики типа 49.

Урартский погребальный обряд был социально дифференцирован. Царь и знать хоронились в скальных гробницах или в гробницах, выстроенных из камня, по обряду трупоположения в саркофагах (пещеры в скале возле озера Ван, в Бостанкайя, Алишаре, Каялыдере, Алтынтепе, Гущи, Ошакан и др.). Рядовые

погребения совершались по обряду трупоположения в каменных или глиняных саркофагах, в сосудах (Аргиштихинили) или по обряду кремации (Алтынтепе, Игдыр/Малаклю, Тазагюх, Нор Ареш, Мецамор, Эребуни, Аргиштихинили). Причем обряд погребения расчлененного трупа (или костяка) в сосудах и положение в сосуд пепла сожженного на стороне трупа, зафиксирован в одном могильнике (Аргиштихинили), в одном погребальном сооружении (Лич, Арцке, Игдир/Малаклю; Амакян 1986: 20). По данным С. Г. Амакяна, обряд расчленения трупа или костяка зафиксирован только на территории Армении (там же). В Аргиштихинили непосредственно над погребениями в сосудах найдены остатки урартских построек второй половины VIII–VII вв. до н. э. (Мартirosян 1974: 50–53), но служит ли это доказательством местного происхождения этого обряда? А. А. Мартirosян писал, что урновые погребения Закавказья резко отличаются от каменных ящиков, характерных для погребального обряда коренного населения (Мартirosян 1964: 242). Не ставя здесь вопрос, была ли кремация собственно урартским погребальным обрядом или обрядом только восточных мушков, но основываясь на распространении этого обряда в период урартской экспансии на восток, наряду с обрядом трупоположения в скальных пещерах, в гробницах, можно считать его формально урартским.

Среди культурных изменений в Приурмийском районе, связанных с приходом урартов, Ст. Кролл назвал появление обряда кремации и захоронение пепла в урнах. Эти изменения приходятся на VIII в. (Kroll 1976: 172–174). В начале VI в. до н. э. здесь происходят новые перемены в культуре, которые, по мнению Ст. Кролла, связаны с приходом к власти мидийцев, а затем Ахеменидов (Kroll 1976: 175–176). Это время определялось им датой гибели Урарту в начале VI в., теперь эта дата пересмотрена и самим Ст. Кроллом, и отнесена к 640-м гг. до н. э. Приход к власти мидийцев в конце 670 гг. и начало их экспансии уже в середине VII в. до н. э., приведшее к гибели Урартского царства, с одной стороны, и результаты похода Саргона в 714 г., с другой стороны (Медведская 2018: глава IV, § 3; здесь же литература) позволяют считать, что обряд кремации мог существовать в Приурмийском районе только в VIII в. до н. э., и находки сосудов типа 49 служат признаком существования этого погребального обряда и урартского присутствия в это время в регионе в целом.

Из 47 пунктов, в которых обнаружены сосуды типа 49, только 9 памятников находятся в районе западного и южного побережья Урмии (Kroll 1976: 130). Из них 4 урартских крепости, существовавших в VIII в. до н. э. (Кале Вазири, Хафтаван, Калатгах II, Кале Исмаил Ага), Зендан и Зивие не имеют точной даты основания, Аграб тепе — VIII или VII в., Хасанлу IIIB относится к VII в., дата крепости Каники Зар к юго-западу от Хасанлу не ясна. Обряд кремации (обгорелые кости, не пепел, в краснолощённом сосуде) зафиксирован в крепости Хафтаван III (Burney 1970: fig. 8, 3), разрушенной Саргоном в 714 г. Однако в крепостях, основанных в VII в. в районе западного (Аху-Дэрре, Кух-и Замбиль, Лумбад) и южного побережья (Аслан Кале), сосуды типа 49 не обнаружены (их нет в каталоге). В Хасанлу IV–III, Аграб тепе, Калатгахе обряд кремации не зафиксирован.

В связи с вопросом о времени появления новых погребальных обрядов в районе Урмии важное значение имеют урновые захоронения в Хасанлу и Динха II¹, а также обряд кремации, зафиксированный в Хафтаван тепе. Захоронения в урнах, хотя и без кремации, в Динха тепе не рассматривались О. Мускареллой в связи с урартской проблемой, хотя это явление новое в погребальном обряде этого района. В могильнике Динха II в 19 урнах находилась земля с фрагментами костей, чаще всего детских, но в одном случае обнаружены зубы взрослого человека (Muscarella 1974: 75, 81). В качестве урн использовались различные сосуды крупных размеров: горшки, гидрии, пифосы (*ibid.*). В Хасанлу в траншее на северном конце «внешнего города» среди 11 погребений А. Стейн обнаружил погребение женщины, вокруг которого зафиксированы следы пепла на обгорелой земле, но признаков кремации, как отметил А. Стейн, не было; кроме этого, было найдено погребение ребенка в сосуде, а в погребении женщины — сосуд с костями ребенка (Stein 1940: 397, 400). А. Стейн отметил, что в сосудах хоронились именно дети (Stein 1940: 404). Все урны являются крупными сосудами для хранения, характерными для местной керамики, но почти все они формально могут быть отнесены к типу 49 (Muscarella 1974: fig. 49: 108, 284, 36). В Динха II в качестве урн были использованы две гидрии с характерными

¹ О. Мускарелла подчеркивал их принадлежность именно периоду Динха II, синхронному периоду Хасанлу IVB, но не предшествующему периоду Динха III (Muscarella 1974: 75).

для этого памятника тремя ручками, но по остальным признакам они соответствуют описанию Б. А. Куфтина. Гидрии появляются только во вторую фазу периода Динха II, который датируется VIII в. до н. э. В Динха тепе обряд погребения в урнах обнаруживает ряд деталей, известных в урартских колумбариях: урна покрыта миской или обломком сосуда, возле нее поставлены сосуды меньших размеров (Muscarella 1974: fig. 52). В нескольких случаях внутри урны находились ювелирные изделия и небольшие сосуды (Muscarella 1974: 75). В Хафтаван тепе III в краснолощённом сосуде находились обгоревшие человеческие кости (Burney 1970: 166, fig. 8, 3). За пределами рассматриваемого района в Иране погребения в урнах как будто бы не обнаружены (Danti 2013: 356).

Итак, следуя утверждению Ст. Кролла, что сосуды типа 49 связаны непосредственно с обрядом кремации, можно считать, что после 714 г. в VII в. этот обряд перестал существовать в Приурмийском районе. Да и в VIII в. единичные находки здесь этих сосудов не могут свидетельствовать о широком распространении урартских краснолощённых гидрий с шаровидным туловом типа Игдир/Малаклю, Алтынтепе¹, как и самого обряда кремации среди местного населения.

Одной из характерных черт керамики древнеиранских памятников являются сливы разнообразных форм. Прежде всего к ним относятся цилиндрические сливы на горшковидных сосудах.

3 а–б. Горшки с наклонным сливом с вертикальной ручкой или реже без нее (Muscarella 1973: 56, fig. 14: 4–5; **рис. 23**). В каталоге Ст. Кролла этот тип отсутствует. О. Мускарелла не определил форму слива, что отчасти можно объяснять плохой сохранностью сливов, ибо, как правило, сохраняется лишь их нижняя часть, поэтому им выделен один тип — 3. Тем не менее, различаются две формы сливов: цилиндрический (длинный или короткий) или цилиндрический в основании, расширяющийся кверху чуть уплощенный слив. Это различие позволяет выделить два подтипа: 3а — с цилиндрическим сливом и 3б с расширяющимся и уплощенным сливом (**рис. 23; 25**).

В памятниках начала I тыс. до н. э. горшки с цилиндрическим сливом (подтип 3а) в Приурмийском районе, помимо Аграб

¹ Однако, следует отметить, что сами урарты помещали урны в специальных колумбариях, и их открытие — дело случая.

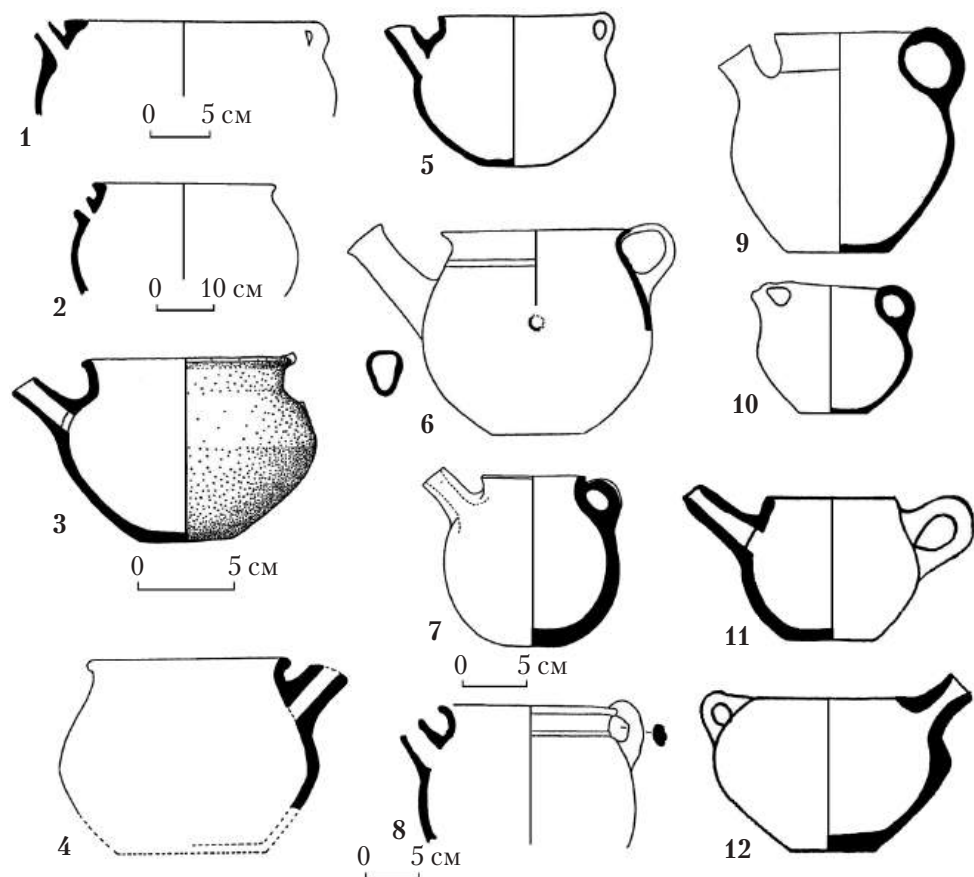

Рис. 23. Горшки с цилиндрическим сливом. 1, 2 — Аграб; 3 — Кордлар; 4 — Геой А; 5 — Хасанлу; 6 — Баба Джан II; 7 — Чамши Мума; 8 — Хирбат Хатуния; 9, 10 — Ошакан (погр. 25); 11, 12 — Сиалк В (мог. 21, 62)

тепе известны в Кордлар тепе (Lippert 1979: Abb. 14: 6), в Геой тепе А (без ручки, Burton Brown 1951: fig. 35: 126; 40: 1644; 41: 113) и в Хасанлу тепе (Stein 1940: pl. XXXI: 10), в Луристане в могильнике Чамши Мума (Vanden Berghe 1987: 244, fig. 11: 15) и в Баба Джан II (Goff 1978: fig. 10: 7, 12: 1; Goff 1970: fig. 7: 1, край длинного слива чуть уплощен; **рис. 23: 6**), в могильнике Сиалк В (Ghirshman 1939: мог. 21, 25, 62: pl. LX, S.624, S.637, pl. LXII, S.772b, pl. LXXI, S.890c; **рис. 23: 3–5, 7, 11**)¹.

¹ Р. М. Гиршман называл небольшие сосуды с трубчатым сливом (высотой от 7,5 до 14 см) чайниками, хотя теперь так называют кувшинообразные сосуды с двухчастным сливом.

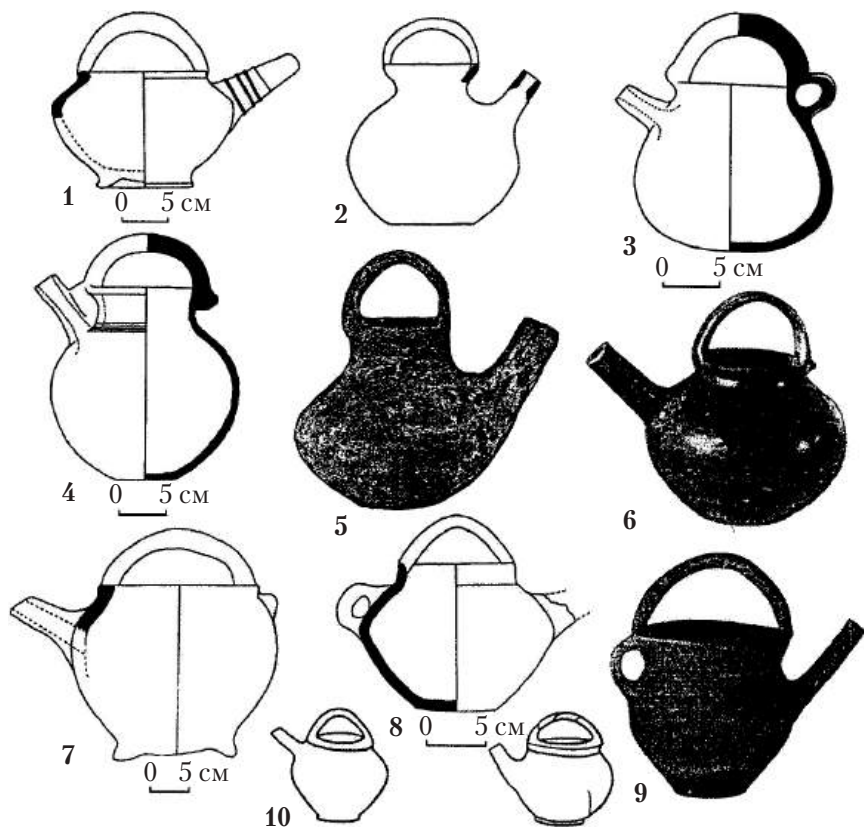

Рис. 24. Горшки с цилиндрическим сливом и ручкой над горловиной. 1 — Динха II; 2 — Баба Джан (ЖВ II); 3, 4 — Чамши Мума; 5 — Сиалк В (мог. 8); 6, 9 — Хурвин; 7, 8 — Динха III; 10, 11 — Кайтарие (ЖВ I)

Некоторые горшки с цилиндрическим сливом вместо вертикальной ручки имеют ручку как у корзинки (рис. 24): Луристан (могильник Чамши Мума, Vanden Berghe 1987: 244, fig. 11: 16, 12: 10, 13: 12; могильник Вар Кабуд, Vanden Berghe 1968: fig. 30: 1), Баба Джан (ЖВ II, Goff 1968: fig. 11: 5); Приурмийский район (Динха тепе II, Muscarella 1974: fig. 28: 224), Сиалк В (Ghirshman 1939: мог. 8, pl. XVI, 7, S.694). Сосуды с ручкой как у корзинки известны в древнеиранских памятниках уже в период ЖВ I: могильники Кайтарие (Медведская 1977: рис. 1: II) и Хурвин (Vanden Berghe 1964: pl. V: 19–26, VI: 27); Динха тепе III (Muscarella 1974: fig. 7: 792, 17: 937). В Аграб тепе таких сосудов нет.

В начале I тыс. на территории Ирана, помимо цилиндрических сливов, использовались также относительно короткие

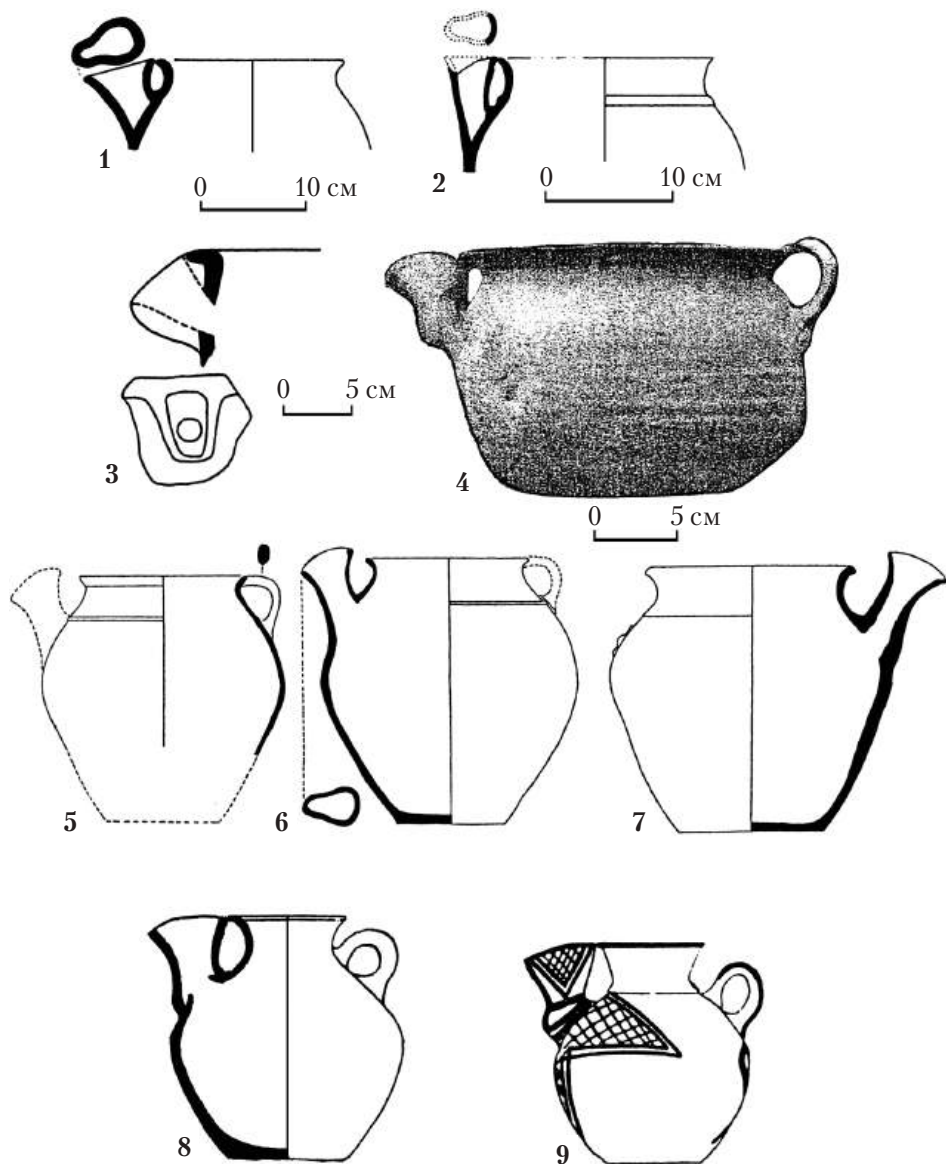

Рис. 25. Горшки с уплощенным сливом. 1, 2 — Годин II; 3 — Хасанлу III; 4 — Баба Джан IIa; 5, 6, 7 — Нуш-и Джан I; 8, 9 — Сиалк В (мог. 38, 52)

уплощенные и иногда вертикальные сливы (подтип 3б; **рис. 25**): Баба Джан IIa (Goff 1968: pl. IVc), Годин II (Young 1969a: fig. 44, 4), Нуш-и Джан (Stronach 1969: fig. 7: 3; Stronach 1978: fig. 8: 1–2), Хасанлу IIIB (Young 1965: fig. 2: 5; Dyson 1965: fig. 13), Сиалк В (Ghirshman 1939: мог. 38, 52, pl. LXIV, S.860, LXVII, S.699).

Следует отметить, что сиалковские сосуды с уплощенным вертикальным сливом, среди которых преобладают расписные, имеют сравнительно узкую выделенную горловину, что позволяет считать их скорее кувшинами (**рис. 25: 8, 9**).

Цилиндрический слив на сосудах различной формы, в том числе и на сосудах с ручкой как у корзинки, широко использовался на всем Древнем Востоке и в Средиземноморье в IV–III тыс. до н. э. (Медведская 1978: 63–64, табл. I, II). Во II тыс. эта форма слива начинает выходить из употребления (там же: табл. II). Например, в Палестине она известна не позднее среднебронзового века I–IIB–C (ок. 2250/2200–2000/1950, 1730–1550, Amiran 1970: 12, 79–83, 90–99, pl. 22: 6–8; 23: 1–3; 24: 2–4; 29: 8–9, photo 88, 91, 92). Но в Малой Азии (Норшун тепе, ЖВ I), Месопотамии (Хирбат, Anastasio 2010: 142–143, pl. 33: 1–2) и особенно в Иране, как показано выше, сосуды с такими сливами продолжают использоваться в ЖВ I–II.

На территории Урарту редкие находки сосудов с цилиндрическим сливом относятся к концу урартского периода. В Алтынтепе расписной сосуд со сливом и горизонтальной ручкой относится к позднему горизонту, к концу урартского периода (Emre 1969: 299–301, pl. V, 1). В Закавказье погребение 25 в могильнике Ошакан, в котором найдены горшки, близкие по форме приурмийским сосудам с таким сливом, авторы датировали даже постурартским периодом (Есаян, Калантарян 1988: 69–77 табл. XLVIII: 1, XLIX: 4; **рис. 23: 9, 10**); но эта дата пересмотрена в пользу конца VII в. (Avetisyan, Bobokhyan 2012: 373–378). Кувшин (не горшок) с цилиндрическим сливом из Эрбуни (VIII в. до н. э.) вместе с некоторыми другими формами сосудов «отдаленно напоминают постхеттскую керамику» (Ходжаш 1968: 148, табл. VIII 1, 5), что, вероятно, следует понимать как заимствование, в частности, этой формы керамики извне. Как выше отмечено, в Малой Азии цилиндрический слив продолжал использоваться вплоть до периода ЖВ II. Учитывая эти датировки, а также использование разнообразных сливов на иранской керамике (в том числе на так называемых чайниках), можно предположить, что урарты заимствовали форму сосудов с цилиндрическим сливом извне, в том числе и в Иране, где она имела наибольшее распространение в период ЖВ I–III.

Таблица 3

Аграб тепе типы керамики (Muscarella 1973)	Иран	Урарту кроме Приурмий- ского района	Типы урартской керамики (Kroll 1976)
1. миски с округлым венчиком (рис. 14: 1, 2)	Хасанлу III, Зендан, Годин II, Баба Джан I	Бастам	тип 19
2. миски с невысокой вогнутой горловиной (рис. 14: 3)	Хасанлу IIIA, Геой А, Годин II, Пасаргады		нет
3а. горшки с наклонным цилиндрическим сливом, вертикальной ручкой или без нее (рис. 14: 4, 5); или с ручкой как у корзинки	Хасанлу III В, Геой А, Кордлар, Чамши Мума, Вар Кабуд, Сиалк В, Баба Джан II; Динха II–III, Хурвин, Сиалк В, Кайтарие, Хурвин, Сиалк В	Норшунтепе (ЖВ I), Алтынтепе, Эрбунни, Ошакан	нет рис. 23 нет рис. 24
3б. горшки с уплощенным сливом	Хасанлу IIIB, Годин II, Нуш-и Джан, Баба Джан IА, Сиалк В		нет рис. 25
4. одноручные горшки (рис. 14: 6–7)	Хасанлу IIIB, Геой А, Сиалк В		нет
5. сосуды с коротким сливом у венчика (рис. 14: 8)	Хасанлу III, Геой тепе А, Зендан, Зивие, Луристан вост., Луристан зап. (6 пунктов), Масджиди Сулейман (ахем.), Ахеменидская деревня I		нет
6. миски сегментовидные с плоским дном	Хасанлу IIIB–А, Годин II, Зивие, Ахеменидская деревня II, Хафтанван III, Калатгах	Бастам, Норшун тепе, Армавир-блур	типы 8, 9, 12, рис. 20

Таблица 3 (продолжение)

Аграб тепе типы керамики (Muscarella 1973)	Иран	Урарту кроме Приурмий- ского района	Типы урартской керамики (Kroll 1976)
6а. миски с полым дном (рис. 14: 9)	Хасанлу IIIВ, Годин III–II, Зи Гирдан, Калатгах	Алтынтепе, Игдир, Ереван, Эребуни	типы 6, 9, 12, рис. 20
7. воронковидные (тюльпановидные) миски с округлым дном (рис. 14: 11)	Хасанлу IIIА, Зивие, Зендан II, Яник, Калатгах, Алтынтепе, Кул-Тарике, Персеполь, Пасаргады, Нуш-и Джан (парфянский период)	Алтынтепе, Норшун тепе, Гордион (персидский слой)	тип 11 рис. 21
8. миски с отогнутой и чуть вогнутой горловиной, некоторые с «полым» дном (рис. 14: 10, 12; 15: 1, 2)	Хасанлу IV–III, Зивие, Зендан I–II, Годин II, Хаф-таван, Аху Дерре, Калатгах II, Дин-ха тепе II, Кале Вазири, Зингир Кале, Геой А, Баба Джан I	Бастам, Кеф Кале, Ван, Норшунтепе, Патнос, Аринберд, Армавир, Кармир-блур	типы 12, 13b
9. миски-тарелки (рис. 15: 3)	Хасанлу IIIА, Зивие, Зендан, Годин II, Яник тепе	Игдир, Ван, Алтын-тепе, Бастам НВ (постурарт. период)	типы 14, 22
10. миски с загнутым внутрь венчиком (15: 4–7)	Хасанлу IIIВА, Зивие, Баба Джан I	Бастам, Ван, Алтынтепе, Норшунтепе	типы 24, 39
11. миски-блюда (рис. 15: 8)	Хасанлу IIIА, Зивие, Годин II		нет
12. миски с вертикальной ребристой горловиной (рис. 15: 10–11)	Хасанлу IIIВ, Геой А, Годин II, Ахеменидская деревня II	Норшунтепе	нет
13. конические миски с полым дном с чуть отогнутой или вертикальной горловиной (рис. 15: 12–14)	Хасанлу IIIВ, Зивие, Годин тепе II, Зендан	Бастам, Кармир-блур, Топраккале, Аргштихинили	типы 24, 25, 35

Таблица 3 (продолжение)

Аграб тепе типы керамики (Muscarella 1973)	Иран	Урарту кроме Приурмий- ского района	Типы урартской керамики (Kroll 1976)
14. кувшины од- норучные с ойно- хоевидным сли- вом (рис. 15: 15)	Хасанлу IV–III, Зивие, Галекути II, Хурвин, Нуш-и Джан I, Ахеме- нидская деревня II, Персеполь, и др.	Бастам, Аянис, Алтынтепе, Норшунтепе, Кармир-блур, Топраккале, Армавир, Адилджеваз, Ошакан, Сара- кап, Аринберд, Чавуштепе, Бостанкая	тип 46 рис. 8
15. кубки с волю- тообразными/ зооморфными ручками (рис. 15: 16)	Хасанлу IVB, Геой А, Кордлар	Чавуштепе	тип 83а рис. 18
Кубки с «рогаты- ми» ручками:	Баба Джан IB, Нуш-и Джан, Годин II, Геой тепе А, Сиалк А, Галекути II	Бастам, Ошакан, Эребуни, Ереван, Аргиштихинили, Кармир-блур	тип 83а рис. 18
16. одноручный кувшин (рис. 16: 1–2)	Хасанлу IIIB, Сиалк В, Гиян I, Зивие	Бастам, Кармир-блур, Норшунтепе	нет
17. двуручные кувшины (рис. 16: 3)	Годин (Яник тепе), Нуш-и Джан		нет
18. шаровидный горшок с ото- гнутой горлови- ной (рис. 16: 4; 17)	Хасанлу IIIB, Зи- вие, Годин II, Зен- дан (Хасанлу V, Динха тепе II)		нет
19. небольшие горшки (рис. 16: 5–6)	Зивие, Зендан, Геой тепе А, Вар Кабуд (Динха тепе II)	Бастам	(?)
20. Кувшин-три- под (рис. 16: 7)	нет	нет	нет

Таблица 3 (продолжение)

Аграб тепе типы керамики (Muscarella 1973)	Иран	Урарту кроме Приурмий- ского района	Типы урартской керамики (Kroll 1976)
21. шаровидный горшок (рис. 18) урна?	Хафтаван, Динха тепе II	Алтын-тепе, Иг- дир	нет
22. под- нос (рис. нет)	Хасанлу III, Зи- вие, Зендан, Зи Гирдан, Калатгах, Баба Джан III, Кордлар, Нуш-и Джан	Бастам, Адиль- джеваз, Ливар	тип 75
23. кувшины с высокой горло- виной (рис. 16: 8–12), урны?	Хасанлу IIIA, Зивие, Зендан, Годин II, Хафта- ван III, Ушнавию, Калатгах I–II, Лумбад, Аху-Дер- ре, Пасаргады	Бастам, Игдир, Алтынтепе, Чавуштепе, Ар- гиштихинили, Армавир	типы 49, 50
24. широко- горлый гор- шок (рис. 19: 1)	Хасанлу III		нет
25. небольшие пифосы (рис. 19: 3–10)	Хасанлу IV, IIIB, Зивие, Зендан, Геой А, Годин II, Калатгах I–II, Кух-и Замбиль, Хафтаван, Вази- ри, Кордлар, Пер- сеполь	Бастам	типы 56, 62, 64, 65, 67a, c
26. ручки (со- суда) с высту- пом (рис. 19: 11)	Хасанлу IV, Зендан I, Зивие, Годин II, Геой А, Нуш-и Джан		тип 83a
27. миски с го- ризонтальной ручкой (фр-т, рис. нет)	Хасанлу IIIB, Зивие, Годин II, Хурвин, Гиян I, Баба Джан III– II–I, Нуш-и Джан?, Зендан, Тюренг тепе	Бастам (неурарт.), Секиндед, пещера Хоту, Эребуни, Нор Армавир, Ереван (ул. Мо- сковская)	тип 3 рис. 19

Таблица 3 (продолжение)

Аграб тепе типы керамики (Muscarella 1973)	Иран	Урарту кроме Приурмий- ского района	Типы урартской керамики (Kroll 1976)
28. пифосы с рельефными треугольника- ми (рис. 20: 2, 3)		Кармир-блур, Каялыдере	нет
28а. пифосы с витым рельеф- ным орнамен- том (рис. 20: 4)	Хасанлу IVB, Нуш-и Джан, Баба Джан IV– III, Кордлар IV		нет
29. сосуд (пифос) колоколовидный орнаментирован- ный (рис. 23: 2; 24)	Аграб тепе	Патнос, Армавир, Кармир-блур, Каялыдере, Топраккале	тип 48 рис. 12
30. сосуд с вы- ступом на дне (рис. 23: 3; 25)	Баба Джан I, Кордлар IV, Ха- санлу IV, Мар- лик, Луристан	Кармир-блур, Ар- шиштихинили, Аринберд	тип 81 рис. 14, 15
31. подставка для сосуда (рис. 23: 1)	Геой тепе А, Хасан- лу IV, Кордлар IV	Другой тип 78	рис. 16
32. аски (рис. 20: 5; 26)	Луристан	Кармир-блур, Бастам, Алишар, Ереван, Акунк, Патнос?	тип 79 рис. 9
33. фрагмент бо- кала (рис. нет)	Хафтаван, Зен- дан	Бастам, Аянис, Ошакан, Пат- нос, Каялыдере, Алтын-тепе, Кармир-блур, То- праккале, Эребун- ни, Адильджеваз, Чавуштепе	тип 47а рис. 10

Из 33 типов керамики Аграб тепе, выделенных О. Мускареллой, только 18 типов отнесено Ст. Кроллом к урартскому керамическому корпусу (они включены в **табл. 4**). Этот подсчет затрудняется в ряде случаев отнесением им одного типа аграбской керамики к нескольким типам урартской керамики; например, тип 13 включен Кроллом в типы 24, 25, 35.

*Таблица 4. Керамика в Приурмийском районе
(типы О. Мускареллы/Ст. Кролла, табл. 3)*

Урартская керамика		Керамика Древнего Востока	Местная керамика
есть	нет		
14/46 кувшины, ойнохоевидный слив	сигарообразные сосуды	32/79 аски	–/52 горшки небольшие двуручные
–/87 воронки	–/78 подставки	29/48 пифосы колоколовидные	31/– подставки
–/73–74 светильники	–/52 горшки большие двуручные	30/81 сосуды с сосцевидным выступом на дне	15/83а кубки с рогатыми и волютообразными ручками
33/47а? бокалы	–/47с курильницы	6/8–9, 12 миски с омфалами	–/83b бокалы одноручные
23?/49 урны		7/11 миски тюльпановидные	
–/71а пифосы	–/71b пифосы?		28–28а/– пифосы
6/8 миски сегментовидные		светильники на подставке	27/3 миски с горизонтальной ручкой
			–/15b миски с вертикальной ручкой
			9/14, 22 миски-тарелки
			11/– миски-блюда
			3/– горшки с цилиндрическим сливом

Рассмотренный материал показывает разнородность состава бастамского корпуса керамики, определенного Ст. Кроллом. Представленный анализ наиболее характерных керамических форм позволяет выделить ту керамику, которая определенно не является составляющей частью урартского керамического комплекса и, следовательно, не была принесена в Приурмийский

район непосредственно урартами. Та же часть керамики, которая была определена урартской и использовалась здесь в VIII в., в VII в. теряет характерные признаки урартской керамики VIII в., что может свидетельствовать против непосредственного присутствия носителей урартской керамической традиции в приурмийской зоне в VII в. до н. э. В приурмийской керамике VIII–VII в. можно выделить три группы (**табл. 4**).

К **первой группе** относится та керамика, которую в настоящее время принято считать урартской и появление которой в Приурмийском районе в ряде случаев можно связывать с непосредственным присутствием здесь урартов с конца IX по VIII в. до н. э. включительно. Вместе с ней здесь появляется и техника лощения красноангобированной керамики. Как бы ни расходились мнения исследователей относительно происхождения этого вида обработки поверхности керамики, ее появление в Приурмийском регионе и постепенное исчезновение на протяжении VIII в. серо-черной лощёной керамики совпадает по времени с усилением здесь политического и культурного влияния урартов. В VIII в. здесь появились новые формы керамики: одноручные кувшины для вина с ойнохоевидным сливом (тип 46), воронки (тип 87), светильники (типы 73–74), урны (тип 49), аски (тип 79, единственная находка в Аграб тепе), сегментовидные миски (тип 8), бокалы (тип 47а). Что касается карасов/пифосов, то тип 71а учтен Ст. Кроллом только в двух памятниках VIII в. (Хафтаван тепе и Галатгах I, без публикации), тип 71b — только в Хасанлу IIIa (Dyson 1965 1965: 212, без публикации). В Хасанлу IVb, в Аграб тепе (Muscarella 1973: fig. 20: 2–4) использовались карасы местного типа с широким дном.

В VII в. в приурмийской керамике происходит ряд изменений. Если в урартских памятниках Закавказья красноангобированные лощёные кувшины типа 46 сохраняют стандартность формы и размеров, и их находят сотнями, то возле Урмии они найдены в единичных экземплярах. Они уже утратили стандартные размеры и пропорции, цвет и лощение. К началу ахеменидского периода от прежней формы кувшинов сохранилась лишь удобная форма слива. В VII в. исчезают урартские светильники, воронки для вина. В это время продолжают использоваться местные карасы/пифосы с широким устойчивым дном (Аграб

тепе)¹, принципиально отличающиеся от урартских карасов с узким дном (тип 71 a, b).

Из 33 типов керамики Аграб тепе только 18 типов отнесено Ст. Кроллом к урартской керамике. Однако проведенный анализ позволяет считать собственно урартской керамикой из этих 18 типов только 7, и не все из которых обнаружены в Аграб тепе; 5 из них (аски, колоколовидные пифосы, сосуды с сосцевидным выступом на дне, тюльпановидные миски и миски с омфалами), вероятнее всего, относятся к древневосточной керамической традиции. Что, впрочем, не исключает появление, например, аска в Аграб тепе вместе с урартами. Кроме этого, 6 типов, включенных Ст. Кроллом в состав урартской керамики, являются местной керамикой (**табл. 4**). Хотя и в этом случае, например, приурмийские подставки могли возникнуть под влиянием древневосточных типов керамики.

Не менее 5 типов урартской керамики не представлены в Приурмийском районе. Прежде всего, это так называемые сигарообразные сосуды, связанные, как принято считать, с производством пива. Их нет и в бастамском каталоге, хотя они были найдены в Бастаме (Kroll 1988a: Taf. 39: 1–2). Кроме того, не обнаружены подставки, пифосы (71b), курильницы и крупные двуручные горшки (**табл. 4**).

Ко **второй группе** можно отнести по крайней мере 5 видов керамики, которые были распространены на всей территории Древнего Востока, и на территорию Древнего Ирана могли попасть независимо от распространения урартской керамической традиции. Это относится к аскам, мискам с омфалами, к сосудам с выступами на дне, тюльпановидным мискам и колоколовидным сосудам (**табл. 4**). В основном это были керамические подражания металлическим элитарным сосудам.

Именно в VIII в. до н. э., в период ослабления Ассирии, и, напротив, усиления Урарту становятся результативными культурные контакты Запада (от Эгейского региона) и Востока (до территории Древнего Ирана) через территорию Малой Азии. Это

¹ Впрочем, эти пифосы, как и орнаментированные рельефными треугольниками небольшие пифосы, фрагмент красноангобированного лощёного бокала, могут свидетельствовать и в пользу датировки Аграб тепе VIII в. до н. э., которую предложил Ст. Кролл.

сказалось в использовании новшеств в конском снаряжении, в создании новых центров/школ косторезного искусства Северной Сирии от Греции до Ирана (что наглядно видно на резной кости из Хасанлу IVB), в керамическом копировании многообразных бронзовых изделий в этом обширном ареале, о некоторых из которых упоминалось выше (в частности, фригийских бронзовых сосудов с омфалами). Очевидно влияние расписной керамики позднегеометрического стиля Греции на расписную керамику Сиалка В. Очевидно и обратное — появление в греческой вазописи этого периода изображения прямоугольных плетеных щитов в виде шахматной доски (Медведская 2013а; гл. II § 5).

Третью группу составляет керамика, происхождение которой определенно не связано с урартским керамическим комплексом. Она восходит главным образом к керамической традиции, существовавшей, в частности, на территории Ирана в период ЖВ I и ранее, например, одноручные бокалы. Местные типы наиболее многочисленны (табл. 4). Некоторые из перечисленных типов отсутствуют в бастамском каталоге, происхождение в нем некоторых других типов — вероятный результат урартского заимствования в приурмийской и соседних областях.

Нужно подчеркнуть следующее: бастамский керамический корпус характеризует, в первую очередь, урартскую керамику, распространенную в VIII–VII вв. до н. э. к северу от Урмии (помимо собственно урартской территории). Необходимо сделать поправку в определение Ст. Кроллом ее ареала в VII в., вычленив из него район западного и юго-западного побережья Урмии. Рассмотренный материал не подтверждает присутствие в VII в. в этом районе носителей урартской керамической традиции.

Подводя **итоги**, следует повторить новый тезис археологов, изучающих Хасанлу IVB, которые теперь считают, что «поход Саргона, по-видимому, мало что изменил в отношении урартских владений в Азербайджане, т. к. всюду в большом количестве находится урартский керамический материал VII в. до н. э.» Тем самым ими снимается возможность полного уничтожения Хасанлу IVB именно в 714 г. до н. э.

Военные вторжения в Приурмийский район урартские и ассирийские источники зафиксировали в конце IX в. до н. э., когда урарты завоевали этот район, и через 100 лет, когда в 714 г. урарты были изгнаны отсюда ассирийским царем Саргоном, и это было

последнее вторжение сюда ассирийцев. Но в 50–60-е гг. прошлого века, когда здесь началось активное исследование археологических памятников, в том числе урартских, сведения о походе Саргона не учитывались, поскольку тогда считалось, что он прошел вдоль восточного побережья Урмии, согласно локализации маршрута, предложенной Тюрро-Данженом в 1912 г. Поэтому разрушение всех приурмийских памятников было приписано урартским царям Ишпуини и Менуа в конце IX в. до н. э.

Но если урарты за 100 лет в VIII в. превратили завоеванные земли в цветущий край, каким и описал его с восхищением Саргон в своем письме богу Ашшуру, и который сам уничтожил все эти города, сады, виноградники, каналы (некоторые из них функционируют до сих пор) в «ярости сердца», и жизнь здесь не возобновлялась десятилетиями, то как понимать долгое запустение разрушенного города Хасанлу? Если Хасанлу IVB в одночасье было уничтожено урартами в конце IX в. и жизнь здесь долго не возобновлялась, то почему в этом заброшенном городе обнаружена урартская керамика VIII в., дорогая северосирийская резная слоновая кость и конская узда VIII в.? В VIII в. урарты построили множество городов в районе Урмии, но и они были разрушены, но кем?

Для доказательства существования Хасанлу IVB не только в IX, но и в VIII в. до н. э. нужно было выявлять серии вещей, дата которых исключала бы IX в. Доказательством существования Хасанлу IVB в VIII в. и гибели города в 714 г. в первую очередь служат рассмотренные выше изделия из слоновой кости северосирийской и местной школ, предметы конского убора и керамика.

То, что изображения на местной кости выполнены в VIII в. очевидно в результате их сопоставления с ассирийскими рельефами VIII в. до н. э. На них имеются изображения некоторых деталей колесниц, конского убора, позы всадников, которые неизвестны в IX в.: наносный ремень у коня, отсутствие эллиптического щита, который в VIII в. заменился ременной тягой, у верхового коня кисть-науз, отсутствие правчих и иная посадка всадника, а также ряд других деталей.

Но кроме этого, имеются важные различия: если ассирийцы и урарты использовали колесницы египетского типа с колесной осью у задка кузова, то на резной кости из Хасанлу изображена хеттская колесница с осью под центром кузова, форма

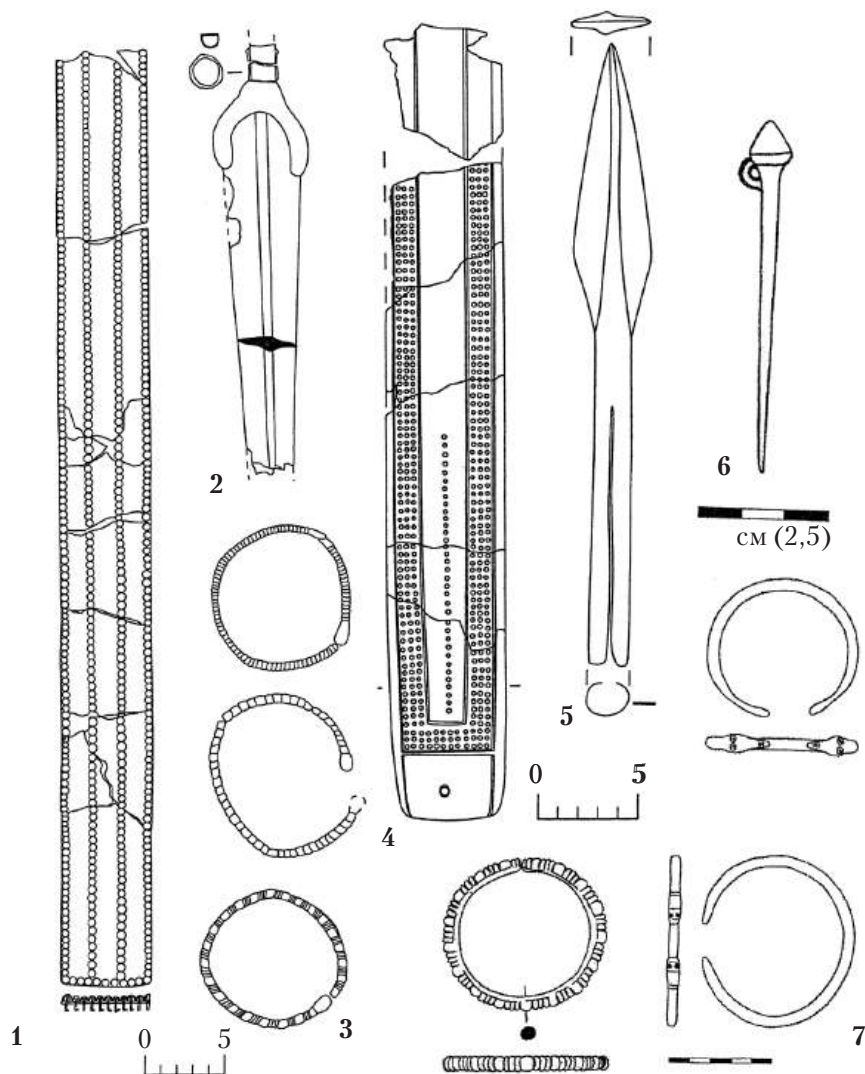

Рис. 26. Хасанлу IVB, обмундирование *хурадинели*.

1–3 – погр. 3; 4, 5 – погр. 5; 6, 7 – BBII, пом. 5

которого также отлична от египетского типа кузова; воины носят обувь с загнутыми носками, это хеттский тип обуви. Как в Приурмийском регионе появились эти различия, если уарты и ассирийцы использовали колесницу египетского типа и не носили такую обувь?

Ответ на это дает геополитическая ситуация, сложившаяся в конце IX – VIII в. на Древнем Востоке. В IX в. одной из целей

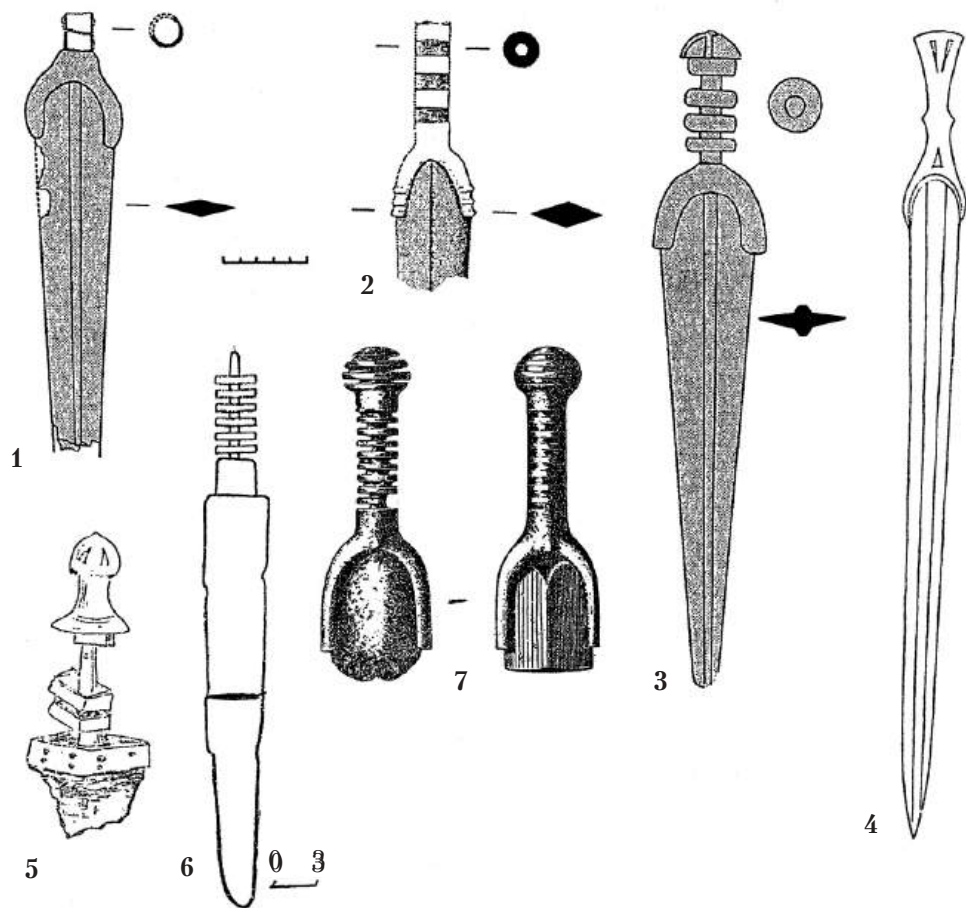

Рис. 27. Кинжалы и мечи.

1–3 — Хасанлу IVB (1 — погр. 3, 2–3 — ВВІІ); 4 — Лчашен;
5, 6 — Астхи-блур; 7 — Мусиери

завоеваний Ассирии на западе было включение в ее состав в том числе северосирийских царств, которые лежали на пересечении главных сухопутных путей Древнего Востока. Борьба шла за господство над торговыми путями и источниками сырья (в том числе железа, которых в Ассирии не было). Но северосирийские царства перед лицом общего врага образовали два сильных союза — Северный и Южный, а торговля стала направляться по новым путям в обход ассирийских владений и районов возможных боевых действий. В конце IX в. до н. э. в результате внутривосточного кризиса Ассирия более чем на полвека теряет былую мощь. Одновременно началось быстрое возвышение Урарту (тогда и был

завоеван Приурмийский район). В VIII в. Урарту становится посредником в международной торговле от Закавказья до запада Малой Азии. Урартские железорудные источники и железоделательное производство стимулировали эту торговлю.

Все это не могло не повлиять на взаимодействие культур Востока и Запада (подражание урартским бронзовым изделиям в Малой Азии и Греции, влияние геометрического стиля греческой вазописи в Иране (см. гл. II). В VIII в. ареал находок северосирийской резной кости фиксируется в Греции на западе, в Малой Азии и на востоке в Хасанлу. Считается, что северосирийская школа резьбы по кости стимулировала возникновение местных центров резьбы в перечисленных регионах. Но исследователи Хасанлу, исходя из своей датировки памятника, считают, что возникновение этих школ относится уже к IX в. даже в таком отдаленном от Сирии районе, как Приурмийский. Но все это происходило в VIII в. Правда, поскольку Хасанлу IV существовал и в IX в. (фаза IVC), то ассирийские костяные изделия наряду с другими ценными вещами могли храниться среди сокровищ города вплоть до 714 г., но их всего 5 %, что показательно.

Ряд элементов конского убора из Хасанлу IVB (наносники, разъемные удила с плетеными и витыми стержнями, пронизи для перекрестных ремней оголовья, металлические, роговые и костяные псалии с тремя отверстиями в одной плоскости) обнаруживают связь с Центральной и Южной Европой и датируются не ранее VIII в. до н. э. как в Европе, так и в урартских памятниках (см. гл. II). Сочетание бронзовых и железных элементов узды в Хасанлу IVB и ряд других признаков определяют их дату VIII в., вероятно, его вторую половину.

В Хасанлу IVB присутствует стандартная урартская керамика VIII в., но ее изучение не подтверждает присутствие в Хасанлу и в районе западного побережья Урмии в целом носителей урартской керамической традиции в VII в. до н. э.

В решении вопроса о присутствии урартов в районе западного побережья Урмии в VII в. до н. э. первостепенное значение имеют данные письменных источников. Урартов не могло быть там, где все было уничтожено Саргоном в 714 г., в противном же случае политическая история этого района в VII в. до н. э. развивалась бы иначе. В пользу этого свидетельствует и то, что в VII в. урарты пытаются создать новый плацдарм, взамен утраченного, двигаясь

из своих владений севернее и северо-восточнее от Урмии в сторону Каспийского моря. Продвижение урартов в этом направлении началось еще в правление Сардури II (760–730), но активизировалось именно в VII в., и в результате они приблизились к северным пределам Мидии (см. гл. V).

Итак, вся территория западного и юго-западного побережья озера Урмия входила в состав Урартского царства только с конца IX в. по 714 г., что доказывается данными письменных и археологических источников.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Аграб тепе расположено в долине Солдуз в 3 км к юго-западу от Хасанлу тепе. Раскопки проведены в 1964 г. совместными усилиями музея Пенсильванского университета и музея Метрополитан (проект Хасанлу). Памятник состоит из одной фортифицированной постройки, возведенной на скальном основании, которое, однако, не возвышалось над окружающей его долиной. Строение представляет собой укрепленную усадьбу, массивная обводная стена с восьмью контрофорсами служила стеной внутренних помещений. План постройки неправильной формы, площадь $31 \times 28 = 868 \text{ м}^2$. Толщина внешних стен от 1,9 до 2 м, их основание сложено из крупных каменных обломков, щели между ними заложены мелкими камнями, сама стена была построена из квадратных сырцовых кирпичей размером $49/50 \times 49/50 \times 10/12 \text{ см}$. Массивная башня ($9 \times 7 \text{ м} = 63 \text{ м}^2$) служила входом, внешняя стена входной башни достигала 4,3 м толщины. Внутри постройка состояла из 13 помещений нечеткой планировки, перегородки между которыми были сложены из сырцовых кирпичей и покрыты обмазкой. Вероятно, существовал второй этаж, во всяком случае, некоторые помещения не имели входа и, следовательно, туда можно было спуститься только через второй этаж.

Строение по крайней мере дважды горело, но было перестроено, точнее, было восстановлено с сохранением основной планировки. Все эти события происходили сравнительно быстро. И хотя выделяется три строительных горизонта, хронологического значения они не имеют. Керамика по горизонтам не разделяется,

и в основном происходит с первого уровня пола (Muscarella 1973: 47–54). О. Мускарелла датировал памятник VII в. до н. э. (ibid.: 73). Ст. Кролл — VIII в. до н. э. (Kroll 1976: 170). Проделанный анализ керамики свидетельствует в пользу датировки Ст. Кролла, которая согласуется с данными письменных источников.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Крепость Ба(е)стам (Малый город Русы, Rusai-URU.TUR) раскапывался в 1969–1978 гг. Тегеранским отделением Немецкого Археологического института под руководством В. Клайса. Современная деревня Бастам находится в 50 км к северу от г. Хой в 50 км от турецкой границы и примерно в 100 км от г. Арарат. Крепость возведена урартским царем Русой II (685–645/639) на горном кряже в центре обширной долины Кара Зия Еддин на левом берегу р. Акчай, от которой было проведено несколько каналов. Помимо долины крепость могла контролировать важный путь из столицы Урартского царства возле оз. Ван в урартские владения на территории современных Армении и Азербайджана.

Эта местность была заселена уже с III тыс. до н. э. С конца IX в. до н. э. она входила в состав Урартского царства, когда и начинали строиться небольшие крепости, но все они, как считают авторы раскопок, были снесены в период возведения «города Русы». Крепость просуществовала недолго, и уже в правление Русы II город сгорел и жизнь в нем в урартский период не возобновлялась.

Крепость занимает площадь 800×400 м и делится на нижнюю, среднюю и верхнюю цитадели. Крепостные стены укреплены прямоугольными башнями и контрфорсами. Постройки возведены из сырцового кирпича на высоком каменном фундаменте. Вход в цитадель через ворота, фланкированные двумя башнями. Царская резиденция находилась в верхней цитадели на высоте 150 м над долиной. В средней цитадели находились многочисленные кладовые с запасами зерна, вина и масла, в нескольких хранилищах обнаружены сгоревшие запасы мяса (возможно, это были остатки жертвенных животных, поскольку трудно допустить одновременное хранение не менее 1500 туш). Среди них

найденно не менее 1315 булл с именами только царя Русы (II), сына Аргишти и нескольких царевичей, что и определяет дату гибели города в его правление (подробнее см. Медведская 2018: 167–169). Рядом с кладовыми обнаружена квадратная платформа, на которой мог быть возведен храм, посвященный богу Халди. Об этом свидетельствует небольшой фрагмент надписи, найденный в руинах платформы, который идентичен надписи из храма в Аянисе, который также был построен Русой II.

У основания цитадели находились частные дома и публичные здания. Рабочие и рабы жили в хижинах или землянках.

Видимо, чуть позднее были построены конюшни и загоны для скота и Восточное здание (Ostbau). Севернее цитадели были построены еще одна конюшня (Hallenbau) и вторые ворота, из которых по наклонному подъему можно было попасть прямо в верхнюю цитадель. Керамика Бастама представлена в работах Ст. Кролла (Kroll 1976, 1984, 1988, 2010).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ИХ ИСТОЧНИКИ

Рис. 1. Конские наносники (2, 3), налобник (4) и дуговидный налобник (1). 1 — Ашшурнацирапал II (Yadin 1963: 383); 2, 3 — Ашшурбанапал (Littauer, Crouwel 1979: fig. 71–72); 4 — Зинджирли (ibid.: fig. 64).

Рис. 2. Урартские налобники. 1 — с надписью Ишпуини (Merhav 1991: 13.2); 2 — восточная Турция, случайная находка (Vanden Berghe, De Meyer 1982/1983: cat. 41).

Рис. 3. Урартские налобники и удила из Кармир-блур. 1 — с надписями Менуа (Пиотровский 1955: рис. 33–34); 2 — налобник с надписью Сардури II (Пиотровский 1970: кат. 56).

Рис. 4. Наносники. 1 — Малый курган (Иессен 1965: рис. 10, 12); 2 — Хасанлу IVB (Schauensee, Dyson 1983: fig. 6); 3 — Баба Джан тепе (Goff 1969: fig. 7); 4 — Зивие (Godard 1950: fig. 99); 5 — Кармир-блур (архив Б. Б. Пиотровского); 6 — Келермес (Галанина 2006: ил. 43).

Рис. 5. Изображения всадников на ассирийских рельефах (1–5) и на слоновой кости (6). 1, 2 — правление Ашшурнацирапала II (Schauensee, Dyson 1983: fig. 2; Yadin 1963: 382, 2(26)); 3 — правление Тиглатпаласара III (Littauer, Crouwel 1979: fig. 77); 4 — правление Ашшурбанапала (Barnett, Forman 1959: № 84, фото); 5 — правление Саргона II (Yadin 1963: 457); 6 — Хасанлу IVB (Muscarella 1980: cat. 34, фото).

Рис. 6. Ассирийские колесницы. **1** — Тиглатпаласар III (Нимруд, Littauer, Crouwel 1979: fig. 55); **2, 3** — время Ашшурнацирапала II и Саргона II (Yadin 1963: 299).

Рис. 7. Хеттские (**1, 2, 4**) и египетская (**3**) колесницы. **1** — Кипр, Энкоми (Yadin 1963: 338); **2** — Мегиддо (Yadin 1963: 243); **3, 4** — Рамзес II и хетты в битве при Кадеше (Yadin 1963: 104; Маккуин 1983: гл. V, рис. 35).

Рис. 8. Кувшины с ойнохоевидным сливом. **1** — Аграб тепе (Muscarella 1973: fig. 15: 15); **2, 3** — Хасанлу IVB–IIIB (Kroll 2010: fig. 6, 9); **4, 5** — Бастам (Kroll 1988a: Abb. 3: 9, 10); **6** — Алтынтепе (Emre 1969: fig. 18), **7–9** — Резайе (Kleiss 1971: Abb. 21); **10** — Баба Джан I (Goff 1970: fig. 8: 1); **11** — Динха тепе (Stein 1940: tabl. XXIX: 15); **12, 18** — Чавуштепе (Erzen 1978: fig. 37: 1, 2); **13, 14** — Хама (Riis 1948, fig. 74–75); **15** — Кармир-блур (Пиотровский 1952: рис. 16); **16** — Хурвин (Vanden Berghe 1964: pl. XVIII: 161); **17** — Геой тепе А (Burton Brown 1951: fig. 37: 26); **19** — Ошакан (погр. 25, Есаян, Калантарян 1988: табл. XLIX: 6); **20, 21** — Аргиштихинили (Мартиросян 1974: рис. 61).

Рис. 9. Аски. **1** — Бастам (Kroll 1976: 143); **2** — Аграб тепе (Muscarella 1973: fig. 20: 5); **3** — Кносс (Evans 1935: fig. 49A); **4** — Ереван, Московская ул. (Мартиросян 1964: табл. XXIII: 4); **5** — Мегиддо V (Lamon, Shipton 1939: pl. 5: 117); **6, 7** — Хама (Riis 1948, fig. 84–85); **8** — Каркемиш (Wooley 1939: pl. XXIV, j 5); **9** — Акунк (Avetisyan, Bobokhyan 2012: pl. VI: 5); **10** — Микены (Блаватская 1966: рис. 76); **11** — Алишар (von der Osten 1937: pl. IX, a132); **12** — Сиалк В (мог. 94, Ghirshman 1939: pl. LXXVIII, S.963); **13** — Кармир-блур (Пиотровский 1970: илл. 67); **14, 15** — Луристан (Godard 1931: pl. LXVI, 239; Contenau, Ghirshman 1935: pl. XVIII, верх).

Рис. 10. Бокалы и курильницы. **1** — Алтынтепе (Emre 1969: fig. 15); **2** — Каялыдере (Erdem 2013: pl. 2g); **3** — Динха тепе (Stein 1940: pl. XXIX: 11); **4** — Ошакан (погр. 59, Есаян, Калантарян 1988: табл. LVII: 3); **5** — Аянис (Erdem 2013: pl. 2g); **6** — Зендан (Boehmer 1961: Taf. 58, 7); **7** — Мегиддо (Amiran 1970: pl. 68: 20); **8, 9** — Бастам (Kroll 1976: 129); **10** — Аргиштихинили (Мартиросян 1974: рис. 70); **11** — Годин III (Young, Levine 1974: fig. 31: 9).

Рис. 11. Пифосы. **1, 2** — Кармир-блур (Пиотровский 1952, рис. 3; он же 1955: рис. 8); **3–6** — Аргиштихинили (Мартиросян 1974: рис. 50a); **7–9** — Каялыдере (fig. 15); **10, 11** — Кордлар (Lippert 1979: Abb. 3); **12–14** — Аграб (Muscarella 1973: fig. 20: 2–4).

Рис. 12. Колоколовидные сосуды. **1** — Аграб (Muscarella 1973: fig. 23: 2); **2** — Патнос (Van Loon 1966: fig. 3, слева); **3** — Кармир-блур (Пиотровский 1962: рис. 74).

Рис. 13. Светильники. **1, 2** — Ван/Калесик (Çavuşoğlu, Biber: 2012: fig. 10: 8, 9); **3** — Алтынтепе (Emre 1969: fig. 15); **4** — Аргиштихинили.

ли (Мартиросян 1974: рис. 366); **5, 6** — Кармир-блур (Пиотровский 1959: 14); **7** — Ошакан (погр. 25, Есаян, Калантарян 1988: табл. XLVIII: 13); **8** — Хафтаван (Burney 1972: pl. VIIb); **9** — Зивие (Young 1965: fig. 4: 4); **10, 11** — Нимруд (Oates 1959: pl. XXXIX, 105, 106).

Рис. 14. Сосуды с сосцевидным выступом на дне. **1, 2** — Хасанлу (Muscarella 1966: fig. 28, 30); **3, 4, 7** — Марлик (Negahban 1996: fig. 62, 64, pl. 27: 46, 30: 64); **5** — Иран, случайная находка (Muscarella 1974a: pl. 46: fig. 4); **6** — Иран, случайная находка (Vanden Berghe 1968: 17: 7); **8, 9** — Ашшур (Andrae 1925: pl. 17, b–c); **10, 11** — Вар Кабуд (Vanden Berghe 1987: fig. 14: 29, 30); **12** — Нимруд (Oates 1959: pl. XXXIV b) (**1, 8–9** — глазурованная терракота, **2** — египетская паста, **3, 4** — стекловидная масса, **5–7, 10, 11** — бронза, **12** — серебро).

Рис. 15. Керамические сосуды с сосцевидным выступом на дне. **1, 2** — Аграб (Muscarella 1973: fig. 23: 5, 25); **3** — Баба Джан I (Goff 1970: fig. 8: 2); **4, 5** — Телль Билла 1; **6, 7** — Телль Билла 2 (Speiser 1933: pl. LXVI: 7–8; pl. LXV: 5–6); **8, 9** — Кармир-блур (Мартиросян 1974: рис. 14, II, з, к); **10, 11** — Эребуни (там же: рис. 14, II, м, к); **12** — Аргиштихинили (там же: рис. 14, II: л).

Рис. 16. Подставки. **1, 3** — Хасанлу IV (Danti 2013: fig. 17. 14: M; Danti, Cifarelli 2015: fig. 29: F); **2** — Аграб (Muscarella 1973: fig. 23: 1); **4** — Кордлар IV (Lippert 1979: Abb. 6: 4); **5** — Геой А (Burrton Brown 1951: fig. 37: 28); **6** — Бастам (Kroll 1976: 143); **7–9, 12, 13** — Нимруд (Oates 1959: pl. XXXIX: 110–114); **10, 11** — Аргиштихинили (Мартиросян 1974: рис. 63).

Рис. 17. Подставки Мегиддо IV-I (1000–350 В. С., Lamon, Shipton 1939: pl. 34).

Рис. 18. Кубки с «рогатыми» ручками. **1, 2** — Сиалк А (Ghirshman 1939: pl. IV: 1, 2); **3** — Годин II (Gornik 2011: fig. 7. 60); **4** — Бастам (Kroll 1976: 144); **5** — Кармир-блур (Мартиросян 1964: рис. 103); **6** — Ошакан (погр. 25, Есаян, Калантарян 1988: табл. XLIX: 2); **7** — Нуш-и Джан I (Stronach 1969: fig. 7: 2); **8** — Баба Джан IB (Goff 1985: fig. 9: 22); **9, 15, 16** — Геой А (Burton Brown 1951: fig. 41: 339, 36: 102, 37: 120); **10, 11** — Аргиштихинили (Мартиросян 1974: рис. 69); **12** — Аграб (Muscarella 1973: fig. 13: 16); **13** — Хасанлу IV (Danti 2013: fig. 17. 13: M); **14** — Кордлар (Lippert 1979: Abb. 13: 7); **17** — Нор Армавир (Tiratsyan 2010: fig. 8); **18** — Сиалк А (погр. XII, Ghirshman 1939: pl. XLIV, S.608).

Рис. 19. Миски с горизонтальной ручкой у венчика. **1** — Баба Джан III (Goff 1978: fig. 2: 4); **2** — Дум Авеза (Stein 1949: pl. XXIX, 10); **3** — Нор Армавир (Tiratsyan 2010: fig. 6); **4** — Баба Джан II (Goff 1970: fig. 7: 4); **5** — Нуш-и Джан I (Stronach 1978: 6: 3); **6** — Хасанлу IIIB (Dyson 1965: fig. 7); **7** — Баба Джан I (Goff 1968: fig. 10: 12); **8, 9** — Годин II (Young 1969a: fig. 42: 16; Young, Levine 1974: fig. 47: 9); **10** — Ереван, Московская ул. (Ходжаш 1968: табл. XVIII: 10); **11** — Эребуни (там же: табл. XVIII: 8);

12 — Зивие (Dyson 1965: fig. 7); **13, 14** — Гиян I (Contenau, Ghirshman 1935: мог. 2, pl. 8, мог. 4, pl. 9); **15, 16** — Хурвин (Vanden Berghe 1964: p. 6–7, мог. 1, 4).

Рис. 20. Миски с омфалами. **I. 1–7** — металлические миски: **1, 2** — Луристан (Vanden Berghe 1987: fig. 14: 14, 15); **3, 4** — Гордион (Mellink 1981: fig. 123, 124); **5** — Хасанлу IVB (Danti 2013: 17. 17, I); **6** — Динха III (Muscarella 1974: fig. 7: 542); **7** — Зинджирли (Hamilton 1966: fig. 2a). **II. 1–10** — керамические миски: **1** — Алишар (von der Osten 1937: pl. VIII: 3278); **2** — Мала Мча (Amelirad, Mohajerynezhad, Javidkhah 2017: fig. 32: 2); **3** — Кул Тарике (Rezvani, Roustaei 2007: pl. 22: 13); **4** — Зивие (Young 1965: fig. 3: 12); **5** — Гешлаг (Negahban 1996: fig. 27: 599); **6** — Ереван, Московская ул. (Мартirosян 1964: XXIII: 13); **7, 9, 10** — Зендан (Thomalsky 2006: Abb. 10: 4–6); **8** — Эребуни (Ходжаш 1968: табл. XIII: 4). **III. 1–6** — миски с ложным омфалом: **1** — Аграб (Muscarella 1973: fig. 14: 9); **2** — Алтынтепе (Emre 1969: fig. 12); **3, 4** — Игдир/Малаклю (Куфтин 1943: рис. 15); **5** — Эребуни (Ходжаш 1968: табл. XIII: 3); **6** — Хасанлу IIIB (Young 1965: fig. 1: 7).

Рис. 21. Тюльпановидные миски. **1** — Аграб (Muscarella 1973: fig. 14: 11); **2** — Яник (Burney 1962: pl. XLV: 36); **3, 4** — Букан (Swiny 1975: fig. 4: 12, 13); **5–7** — Зивие (Young 1965: fig. 3: 9, 11; 4: 6); **8, 9** — Зендан (Thomalsky 2006: Abb. 10: 7, 15); **10** — Нимруд (Hamilton 1966: fig. 3 c).

Рис. 22. Миски с вертикальной ручкой. **1, 2, 4–6, 8, 9, 12, 14** — Хасанлу (1, 2. Young 1965: fig. 7: 8, 6: 6; 4. Stein 1940: pl. XXXI: 7; 5, 6, 8, 9 ЖВ II, Danti 2013: fig. 17. 13: B, C, E, F; 12 конец ЖВ I — начало ЖВ II, Danti 2013: fig. 17. 11: B; 14 конец Бронзового века, Danti 2013: fig. 17. 4: B); **3, 7, 10** — Динха II (Muscarella 1974: fig. 37: 35, 910, 47: 863); **11** — Кордлар тепе (Lippert 1979: Abb. 4: 18); **13** — Гиян I (Contenau, Ghirshman 1935: мог. 21, pl. 12); **15** — Геой А (Burton Brown 1951: fig. 41: 991).

Рис. 23. Горшки с цилиндрическим сливом. **1, 2** — Аграб (Muscarella 1973: fig. 14: 4, 5); **3** — Кордлар (Lippert 1979: Abb. 14: 6); **4** — Геой А (Burton Brown 1951: fig. 41: 113); **5** — Хасанлу (Stein 1940: pl. XXXI: 10); **6** — Баба Джан II (Goff 1970: fig. 7: 1); **7** — Чамши Мума (Vanden Berghe 1987: fig. 11: 15); **8** — Хирбат Хатуния (Anastasio 2010: pl. 33: 2); **9, 10** — Ошакан (погр. 25, Есаян, Калантарян 1988: табл. XLVIII: 1, XLIX: 4); **11, 12** — Сиалк В (мог. 21, 62, Ghirshman 1939: pl. LX, S.624, LXXI, S.890c).

Рис. 24. Горшки с цилиндрическим сливом и ручкой над горловиной. **1** — Динха II (Muscarella 1974: fig. 28: 224); **2** — Баба Джан (ЖВ II, Goff 1968: fig. 11: 5); **3, 4** — Чамши Мума (Vanden Berghe 1987: fig. 11: 16, 13: 12); **5** — Сиалк В (мог. 8, Ghirshman 1939: pl. XVI, 7, S.694); **6, 9** — Хурвин (Vanden Berghe 1964: pl. V: 22, 26); **7, 8** — Динха III (Muscarella 1974: fig. 7: 792, 17: 937); **10, 11** — Кайтарие (ЖВ I, Медведская 1977: табл. 1: II).

Рис. 25. Горшки с уплощенным сливом. **1, 2** — Годин II (Gornik 2011: fig. 7.59); **3** — Хасанлу III (Young 1965: fig. 2: 5), **4** — Баба Джан IА (Goff 1968: pl. IVc). **5, 6, 7** — Нуш-и Джан I (Stronach 1978: fig. 8: 1, 2; idem. 1969: fig. 7: 3); **8, 9** — Сиалк В (мог. 38, 52, Ghirshman 1939: pl. LXIV, S.860, LXVII, S.699).

Рис. 26. Хасанлу IVB, обмундирование *хурадинели*: **1–3** — погр. 3 (Danti, Cifarelli 2015: fig. 18 A, D, H, I, S); **4, 5** — погр. 5 (ibid.: fig. 20 E, I); **6, 7** — ВВII, пом. 5 (Rubinson, Marcus 2005: figs. 3; 2 c, d).

Рис. 27. Кинжалы и мечи. **1–3** — Хасанлу IVB (**1** — погр. 3, **2–3** — ВВII (Thornton, Pigott 2011: fig. 6.23)); **4** — Лчашен (Мартиросян 1969: табл. XXII: 7); **5, 6** — Астхи-блур (Есаян 1974: табл. 122, 140: 5); **7** — Муси-ери (Morgan 1889: figs. 34–35).

ГЛАВА IV

ЛУРИСТАН И ЗАПАДНЫЕ РАЙОНЫ ИРАНСКОГО ПЛАТО

К вопросу о сложении мидийской культуры

Провинция Луристан находится в западном предгорье и в горах Загроса. На востоке она ограничена Иранским плато, на западе — Месопотамией (современной ирано-иракской границей), на севере — Хорасанским путем, на юге — провинцией Хузистан. Предгорная часть провинции Луристан называется Пушт-Кух, горная его часть — Пиши Кух. Горный Луристан делится на две территории хребтом Кух-и Сефид; западная его часть заключена между хребтами Кух-и Сефид и Кабир Кух и включает низменные долины Румешган, Хулайлан, Кух-и Дашт, где современные кочевники луры до недавнего времени проводили зимние кочевки. Восточный Луристан находится между хребтами Кух-и Сефид на западе и Кух-и Гарин на востоке, его высокогорные долины Дельфан, Алиштар, Харсин, Ка(е)нгавер служат летними пастбищами.

Восточнее Луристана (хребта Кух-и Гарин) находится восточное предгорье Загроса и Хамаданская равнина (рис. 1, 2).

§ 1. БАБА ДЖАН ТЕПЕ: ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

В 1966–1969 гг. английская археологическая экспедиция во главе с К. Гофф исследовала многослойное поселение Баба Джан тепе, которое находится в высокогорной долине Дельфан. Из трех выделенных периодов самый ранний — III — характеризуется лепной, или сделанной на круге медленного вращения расписной керамикой, сохранившиеся постройки располагались на центральном (IX в. до н. э.) и восточном (VIII в. до н. э.) холмах. На восточном холме в VIII в. были построены обитателями поселения так называемый форт и расписная комната (Goff 1978:

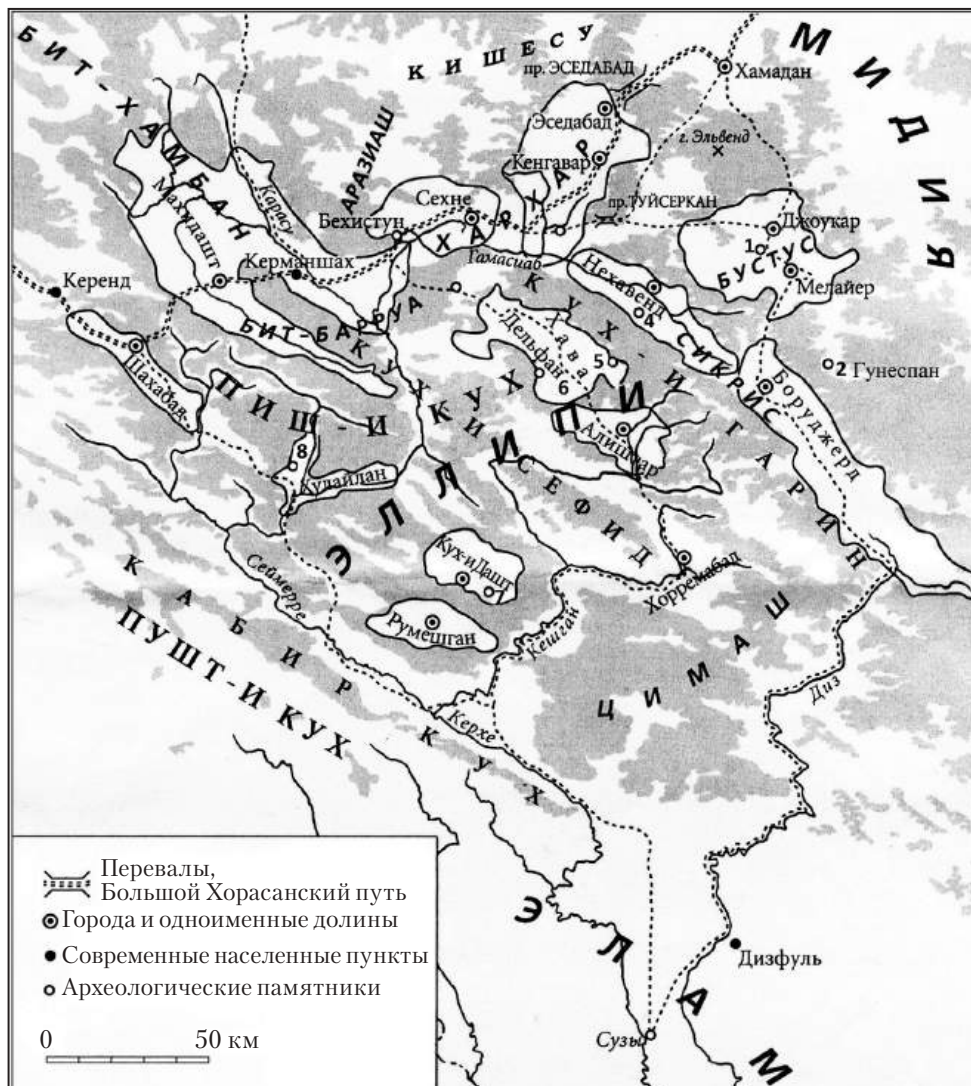

Рис. 1. Луристан и соседние области в VIII – VII вв. до н. э.

1 — Нуш-и Джан тепе; 2 — Гунеспан тепе; 3 — Годин тепе; 4 — тепе Гиян;
5 — тепе Джамшиди, 6 — Баба Джан тепе; 7 — Сурх-и Дум; 8 — тепе Гуран
(карта-схема дополнена автором)

41–42). Центральный холм обжился только в период Баба Джан III (Goff 1970: 142, fig. 1; **рис. 3**).

Первой по времени постройкой периода Баба Джан III на центральном холме была так называемая «усадьба 2». Ее центром (**рис. 3: 1**) был прямоугольный двор, по длинным сторонам

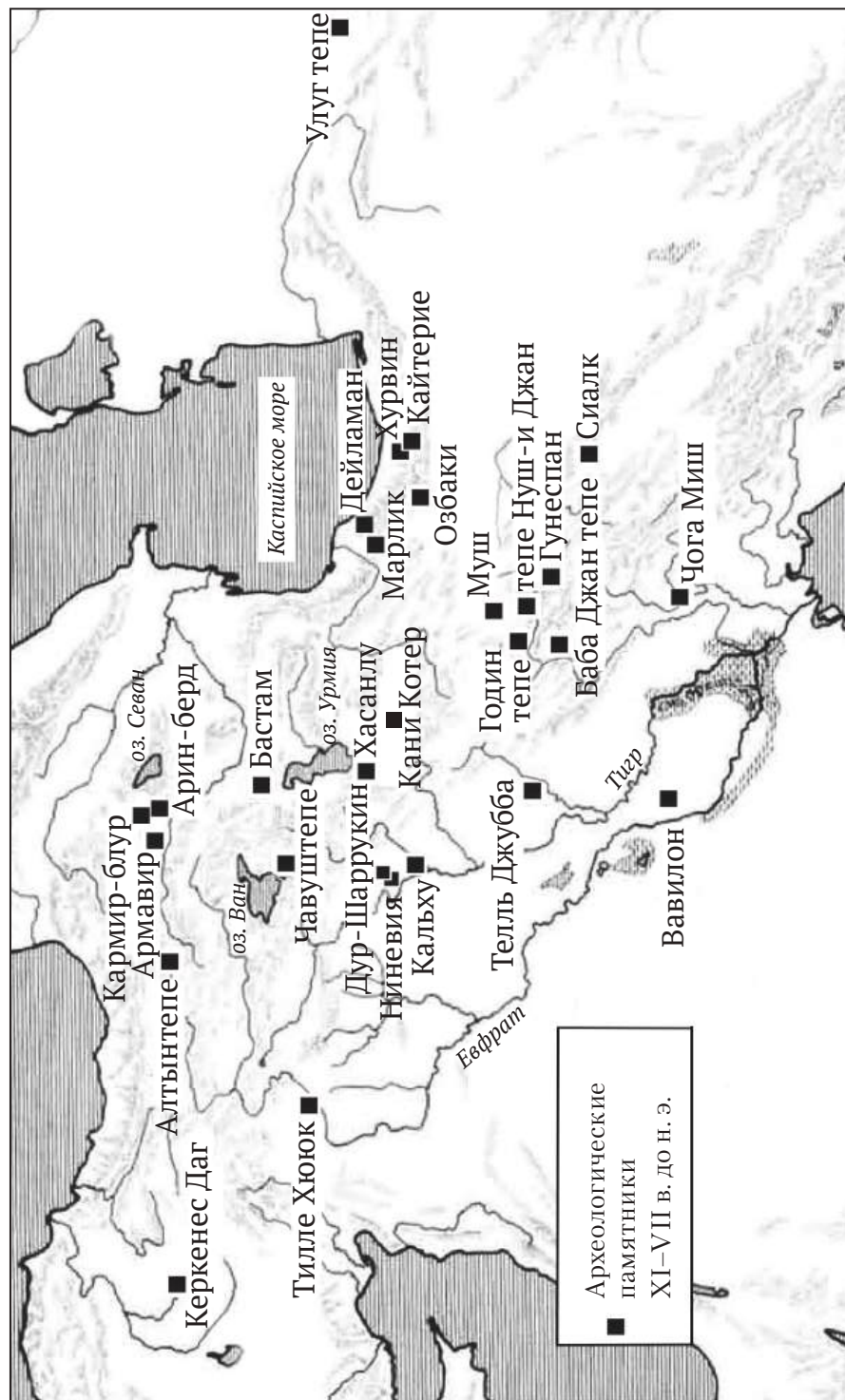

Рис. 2. Археологические памятники XI–VII в. до н. э. (карта дополнена автором)

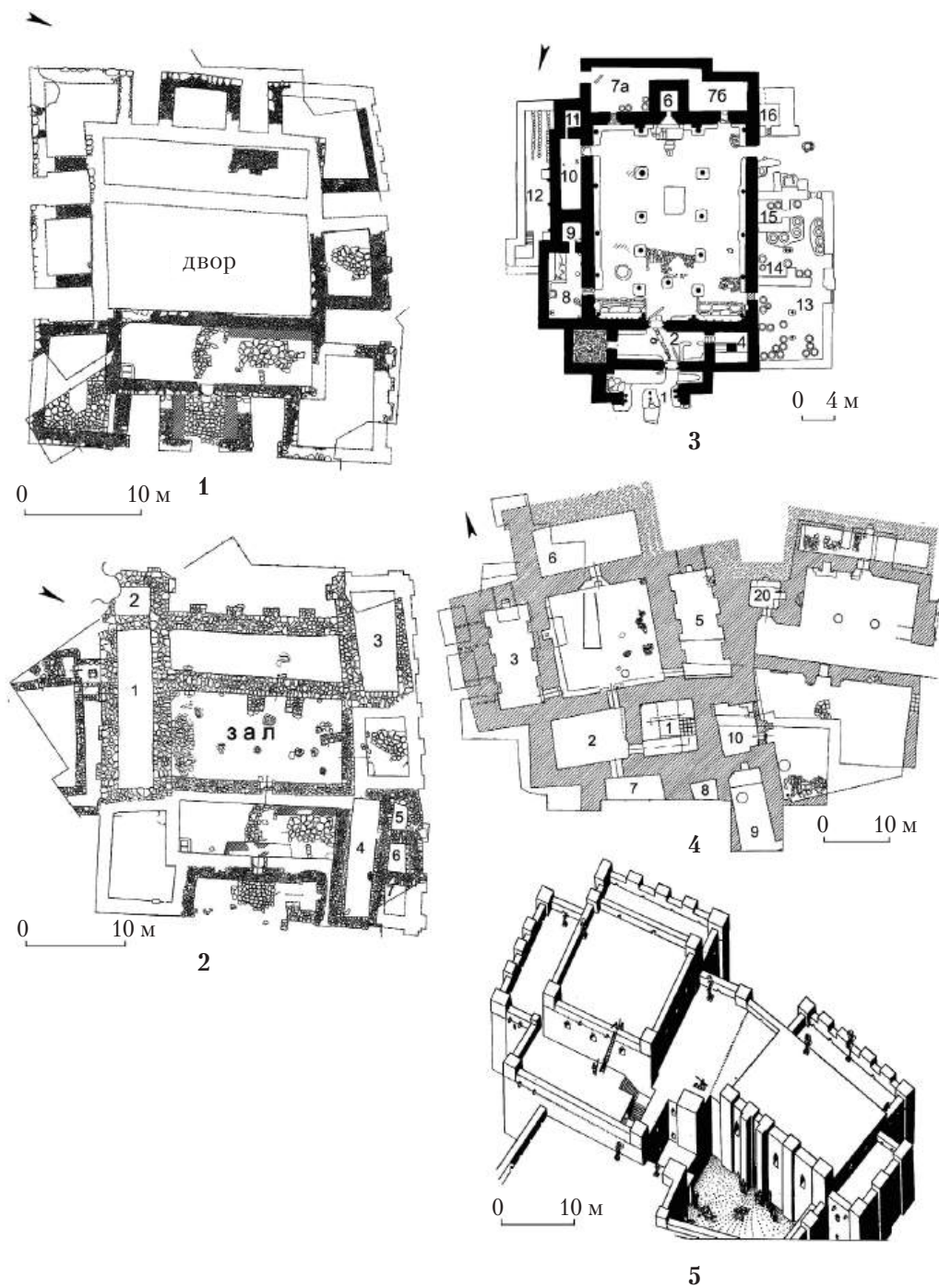

Рис. 3. Планы построек Баба Джан III (1–2, 4–5) и Хасанлу IVB (3)

которого располагались две узкие комнаты, по углам и в середине сторон было построено восемь выступающих прямоугольных башен, одна из которых превращена во входной портик. В расположенной позади двора «западной» комнате сохранились сосуды для хранения съестных запасов и ручные мельницы, что свидетельствует о ее хозяйственном назначении (Goff 1969: 117, fig. 2). Позднее двор был перекрыт и превращен в центральный зал с одним или двумя рядами колонн¹, а выступающие башни и промежутки между ними были перепланированы в комнаты («усадыба» 1, **рис. 3: 2**; Goff 1969: fig. 4). Первоначально К. Гофф считала, что эта перестройка была вызвана необходимостью сделать здание менее уязвимым в период усиления ассирийской опасности в конце VIII в. «Усадыба» 1 уже не имела выступающих башен, промежутки между которыми были застроены. Перестроенное здание стало менее уязвимым для стенобитных орудий и подкопов (Goff 1977: 119). Но уже в работе 1978 г. обе постройки на центральном холме были датированы IX в. (Goff 1978: 41–42), что исключало предложенные ранее причины перестройки первоначальной «усадыбы» 2 (см. ниже).

Принципиально близкую планировку имеет здание на восточном холме, куда переместилось население, покинув, как считает К. Гофф, постройки на центральном холме (Goff 1978: 41–42). Здесь основным зданием являлся квадратный в плане зал, окруженный с трех сторон жилыми и хозяйственными помещениями. В нем обнаружены фрагменты баз трех колонн². Предполагается, что зал был четырехколонный. Вход в зал вел из прихожей с южной стороны. В прихожей справа от входа отгороженная стенкой лестница вела на верхний этаж. К прихожей с юга примыкали частично раскопанные комнаты. С восточной стороны к зданию пристроена «расписная» комната (**рис. 3: 4, 5**). Сохранившаяся нижняя часть стен была покрыта белой и красной штукатуркой. Потолок предположительно был украшен изразцами из обожженной глины (47×51,5×6 см). Они были обнаружены лежащими тремя рядами по всему полу комнаты (Goff 1977: 123, fig. 15, 16,

¹ Из трех или четырех углублений, небрежно обложенных камнями, только два имели пару во втором предполагаемом ряду колонн (Goff 1968, 114, fig. 15; **рис. 3: 2**).

² В реконструкции зала — 4 колонны, 2 из них сдвоенные (Goff 1968, fig. 6).

pl. XVI–XIX). Изразцы были расписаны в основном геометрическим орнаментом.

Общими признаками архитектуры и строительной техники в период Баба Джан III служит здание с центральным залом, который окружен многочисленными помещениями. Перед залом находились прихожая и портик. В одном здании в прихожей имела отгороженная лестница, ведущая на второй этаж (**рис. 3: 4**). В строительстве использовался сырцовый квадратный кирпич (**табл. 2**, см. ниже, с. 406).

В конце периода III постройки на восточном холме сгорели, но тел погибших не обнаружено, и вскоре часть помещений была перестроена и заселена скваттерами (период II, Goff 1977: 103). Датировка этих событий спорная. Если в первых публикациях время сооружений зданий на восточном холме относилось, как и время сооружения «усадьбы» 1 на центральном холме, ко второй половине-концу VIII в., то в работе 1978 г. этим временем (правление Саргона или Асархаддона) датировался уже конец периода Баба Джан III после пожара на восточном холме (Goff 1978: 41–42).

Первоначально сооружение «усадьбы» 2 и начало периода Баба Джан III датировались в пределах VIII в. с незначительным заглублением в IX в. до н. э. (Goff 1968: 125). Тогда исключение IX в. обосновывалось почти полным отсутствием здесь серо-черной керамики, которая в исследованиях 1960–70-х годов считалась общим признаком культур ЖВ I–II в Иране и ее появление здесь связывалось исследователями с приходом иранских племен¹. Как уже отмечено, в Баба Джан III керамика расписная. Позднее К. Гофф включила IX в. целиком в датировку периода III, основываясь не на анализе археологического материала, а на локализации Л. Левином Мидии в горах Загроса в Луристане (район Керманшаха — Ассадабада). Мидийским она считала этот памятник и прежде, но позже, учитывая данные письменных источников и исторической географии, предлагаемой Л. Левином, она доказывала время сложения мидийской культуры Баба Джан III уже в IX в. Этот вывод, в частности, основывается на предположении Левина о том, что мидийцы в IX в. занимали ту же территорию, что и в VIII–VII вв. до н. э. (Goff 1978: 40–41). Таким образом, происхождение

¹ Теперь эта гипотеза американских археологов отклонена (подробнее см. Медведская 2019: Послесловие 2018 г.).

мидийской культуры периода Баба Джан III К. Гофф связывала уже с культурой серой керамики ЖВ II, локализуемой вокруг хребта Эльбурс, и проникновение которой на запад связывалось с проникновением иранских племен в Загрос (Goff 1978: 42).

Определение культуры Баба Джан III как мидийской и датировка ее IX в. неубедительны по двум критериям, которые используются К. Гофф: спорность локализации первоначальной Мидии к западу от Хамаданской долины в горах Загроса и сопоставление расписной керамики Баба Джан III с нерасписной керамикой Нуш-Джан тепе, которая также считается мидийской (см. ниже). Подробнее рассматривать здесь мидийскую принадлежность Баба Джан III, основанную на спорных выводах Л. Левина, нет необходимости, поскольку уже были предложены новые доказательства традиционной локализации первоначальной Мидии к востоку от гор Загроса (Медведская 2018: 121–131). Помимо керамики, важным критерием в решении вопроса о мидийской принадлежности периода III может стать архитектура Нуш-и Джан и Баба Джан тепе. Прежде чем анализировать «родство» двух «мидийских культур» — Баба Джан III и Нуш-и Джан I (последний датируется не ранее середины VIII в. до н. э.), следует кратко рассмотреть керамические традиции Луристана предшествующего времени.

§ 2. КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЛУРИСТАНА II — ПЕРВОЙ ТРЕТИ I ТЫС. ДО Н. Э.

Во II тыс. до н. э. в Луристане преобладала традиция расписной станковой керамики. В восточном Луристане определяющим было влияние керамики Гиян IV–III, хотя оно и не было равномерным. Археологические разведки выявили основное ее сосредоточие в долинах Нехавенд, Боруджерд и в пограничных долинах Курдистана (Канговар, Ассадабад и Сехне, Young 1966: 230, 235; **рис. 1**). Ее влияние было сильным не только в таких больших долинах как Хава, Шавари и Алиштар, но и, как установили раскопки Баба Джан тепе, в такой небольшой долине как Дельфан. Керамическая последовательность периодов Гиян, уточненная Р. Дайсоном, находит полное соответствие в последовательности слоев эпохи бронзы на Баба Джан тепе, которое обжигалось с конца III тыс. и было заброшено около 1350 гг. до н. э., в начале

ЖВ I (Dyson 1973: 708–710; Goff 1976: 28–30). Тем не менее в долине Хорремабад, расположенной южнее долин Боруджерд и Алиштар, и тесно связанной с последней, керамика типа Гиян не обнаружена (Young 1966: 231–232). Следы влияния традиции расписной керамики Гиян обнаружены и в западном Луристане, где они смешивались с другими традициями расписной керамики, происходящих из более западных районов¹. В Пиш-и Кух (долина Хулайлан) об этом свидетельствуют находки расписных бокалов (Goff 1968: 126; Dyson 1973: 712). В первой половине II тыс. до н. э. — это простая роспись в виде заштрихованных треугольников и поясков (тепе Гуран, фаза I).

В эпоху поздней бронзы на тепе Сараб Бах (район Абданан, между хребтами Пушт-и Кух и Пиш-и Кух) обнаружена керамика с росписью в виде широких горизонтальных поясов, состоящих из треугольников, соединенных вершинами (иначе называемых «спаренными секирами»). Эта роспись находит аналогии в керамике переходной фазы от Гиян III к Гиян II, Годин III, Хасанлу VI, Хабура и датируется 1600–1300 гг. до н. э. (Vanden Berghe 1973: 34–36, рис. на с. 35). В самом Пушт-и Кухе материалы II тыс. не обнаружены. В долине Махидашт (район Кермашкаха, Курдистан) широко представлена расписная керамика стиля Сузы D/Гиян IV–III (Levine 1976: 160).

¹ Р. Дайсон разделял традиции Гиян IV/III и II, считая, что последняя не является прямым развитием предшествующей традиции. Под традицией керамики Гиян II в Луристане подразумевается симбиоз этой традиции, традиций расписной керамики Годин III, Хабура (даже с отдельными элементами палестинской керамики XVI в. до н. э.), а для Западного Луристана и Хасанлу VI. Традиция Гиян II отражает проникновение чуждых элементов в местную традицию расписной керамики и представляет, в частности, крайнюю юго-восточную зону распространения хабурской керамики. По мнению Р. Дайсона, влияние традиции Гиян II было довольно ограниченным, тогда как традиция расписной керамики Гиян IV–III в различных формах доживает до ЖВ I (Dyson 1973: 708–710). Это утверждение Дайсона базировалось только на материалах тепе Гуран. Однако дата последнего скорее всего завышена, и вместо XIV–XIII вв. до н. э. эта керамика должна датироваться в пределах первой половины II тыс. (Medvedskaya 1982: 107–108). В таком случае имеет место последовательная смена периодов Гиян. К тому же исследования К. Янга на Годин тепе по замечанию К. Гоффа как будто бы стирают четкие различия между керамическими стилями Гиян IV/III и II (Goff 1976: 28–29; Young 1969: 288–240).

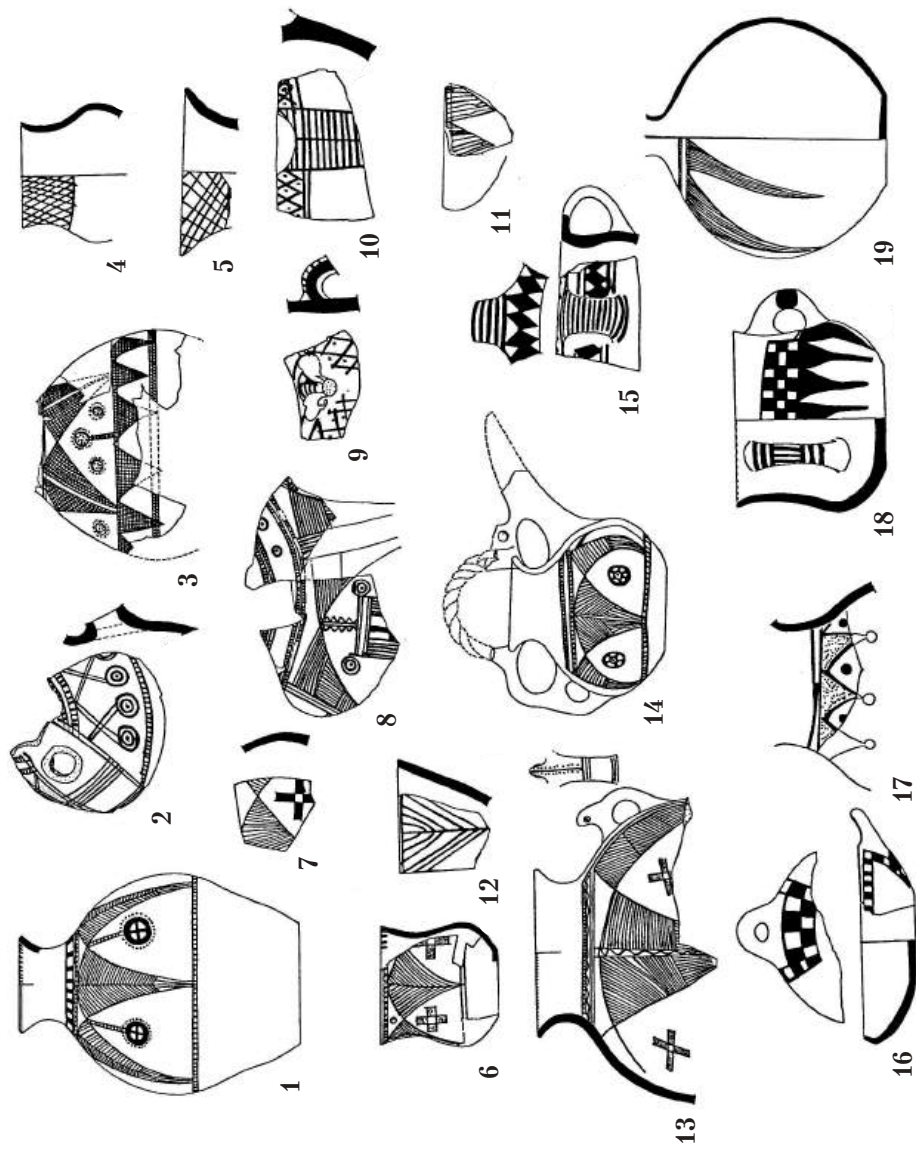

Рис. 4. Элементы росписи керамики Баба Джан III: Центральный холм (1–4, 6, 7, 13, 15–19), Восточный холм (5, 7, 9–12), могила между холмами (14)

Расписная керамика стиля Гиян IV–III в Луристане была не единственной. Так, на плато Какаванд, в долинах рек Бадавар и Хангари (расположенных к западу от долин Хава, Шавари и Дельфан в Восточном Луристане), где, за исключением ее находок вдоль главных путей сообщения, изделия Гиян III не были известны, был распространен местный вариант расписной станковой керамики, так называемой «kite ware» эпохи бронзы. Они приблизительно синхронны Гиян III–II (Goff 1968: 126). Отмечается изолированность этого типа керамики, в долине Дельфан она не была обнаружена. Тем не менее именно с «kite ware» К. Гофф связывает происхождение двух элементов росписи керамики стиля Баба Джан III — «kite» и «касситский крест» (Goff 1977: 119, note 27; **рис. 4: 1, 3, 6, 7, 15**). Согласно выводу К. Гофф, иранские племена, принесшие в Луристан традицию лепной расписной керамики, заимствовали у местного, вероятно, касситского или эламского населения, все еще занимавшего в начале I тыс. западную часть этой провинции, помимо этих двух элементов орнамента, также многочисленные особенности бронзовой индустрии (Goff 1977: *ibid.*).

Вероятность этого предположения затрудняется тем, что, во-первых, «kite ware» существовали на другой территории, тогда как здесь, в долине Дельфан на Баба Джан тепе, в эпоху бронзы процветала расписная традиция Гиян IV–III. Но в росписи стиля Баба Джан III уже не прослеживается никакой связи с гияновскими традициями. Следовательно, можно думать, что хронологический разрыв в пятьсот и даже более лет прервал преемственность между двумя керамическими традициями. Во-вторых, предположение о том, что традиция «kite ware» сохранилась у касситского и эламского населения, не подтверждена археологическими материалами. В этом районе не обнаружены памятники, непосредственно предшествующие периоду Баба Джан III. Но даже если допустить возможность сохранения традиции «kite ware» у местного населения, то в таком случае ставится под вопрос сама идея о связи традиции расписной керамики Баба Джан III с новыми пришлыми сюда племенами. Ведь два самых выразительных элемента росписи Баба Джан III оказываются заимствованными у местного населения. Между тем принято считать, что орнаментация предметов материальной культуры — один из устойчивых признаков археологической культуры и одновременно этнический признак. Если это так, то новые племена приносят с собой

свой собственный набор этнических признаков и лишь постепенно, смешиваясь с местным населением, пополняют его новыми элементами. Керамика Баба Джан III появляется сразу с этими элементами орнамента. Следовательно, или иранские племена принесли с собой «kassite cross» и «kite», или, напротив, стиль керамической росписи Баба Джан III ниоткуда не был привнесен, а является результатом возрождения древней традиции на местной основе в эпоху очередной смены керамического горизонта.

Периодическая смена традиций расписной и нерасписной керамики прослеживается в разных культурах и на различных территориях Древнего мира. И далеко не всегда убедительны попытки объяснить эту смену приходом нового этноса и новой культуры. Причины этого явления чаще всего гораздо сложнее. Его цикличность скорее всего скрыта в динамике самого поступательного развития материальной культуры. Как правило, то, что становится преобладающим на новом этапе, на предшествующем этапе уже имелось, но в меньшинстве. В каждом случае причины перехода количественных изменений в качественные были индивидуальными. Так, расписная керамика Намазга (НМГ) IV в период НМГ V полностью заменилась нерасписной. Но уже в НМГ IV часть керамики тех же форм, что и расписная, уже не имела росписи. Причиной утраты традиции расписывать керамику в данном случае было введение гончарного круга (Массон 1966: 158–163). В Иране в последней трети II тыс. расписная керамика исчезает, заменяясь серо-черной лощёной. Здесь тоже наблюдается количественное нарастание процента серой керамики в недрах традиции расписной керамики, но с гончарным кругом это не было связано; и та и другая керамика была станковой (Hamlin 1974: 128; Medvedskaya 1982: 38–40¹). Гипотеза о связи серо-черной керамики с распространением иранских племен не подтверждается всесторонним анализом материала, и теперь она оставлена (Medvedskaya 1982: 96–100; Cleuziou 1990–1992: 297–300). В начале I тыс. до н. э. в Средней Азии комплексы НМГ VI с нерасписной керамикой сменяются лепной расписной керамикой типа Яз I. И хотя некоторые исследователи склонны связывать появление этого комплекса с продвижением племен степной бронзы,

¹ Дополненное издание Медведская И. Н. Иран в начале железного века. СПб.

В. М. Массон подчеркивал неизменность культуры оседлых земледельческо-скотоводческих общин юго-запада Средней Азии (Массон 1966: 189). Примерно одновременно расписная керамика появляется и в Иране, заменяя традицию серо-черной керамики, господствовавшей здесь в течение ЖВ I и II, но об этом ниже.

Итак, последняя треть II тыс. в Иране характеризуется повсеместным исчезновением традиции расписывать станковую керамику, в период ЖВ I она заменилась серо-черной лощёной керамикой. Луристан по существу не входил в зону распространения серо-черной керамики: западный Луристан не знал ее вовсе, в восточном Луристане разведки обнаружили незначительное ее количество. Там, где в Луристане удалось выделить памятники раннежелезного века, материал не позволяет разделить периоды ЖВ I и II (Young 1966: 236; Overlaet 2005: 7; табл. 1). Керамика обоих периодов нерасписная.

Таблица 1*

ЖВ IV	ЖВ ПА-В	ЖВ III	
1150 – 1000	1000–900 – 900–800/750	800/750 – 650 ca. 700	
Пушт-и Кух нерасписная керамика		серо-черная керамика Вар Кабуд, расписная керамика Таттульбан, Бард-и Бал	
Западный Луристан (долина Хулайлан)	импорт керамики стиля Баба Джан III		
Восточный Луристан (долина Дельфан) нерасписная керамика стиля Гиян I ⁴⁻²		расписная керамика стиля Гиян I ¹	керамика Баба Джан IIВ и мидийская нерасписная
расписная керамика стиля Баба Джан III			
Южный Курдистан (долина Махидашт) подъемная серо-черная керамика			мидийская нерасписная керамика

* хронологическая позиция керамики Баба Джан III в табл. 1 не определена.

Луристан, Пушт-и Кух (раскопки Л. Ванден Берге; **табл. 1**). Периоды ЖВ IB (1150–1000 гг. по уточненной периодизации Б. Оверле, см. ниже) — II характеризуются коричнево-бежевой («buff») нерасписной керамикой, которая изредка украшалась прочерченным простым орнаментом и налечами. Здесь около середины VIII в. (ЖВ III) в керамике наблюдаются характерные изменения. С одной стороны, появляется станковая керамика типа Вар Кабуд — серо-черная с блестящей лощёной поверхностью специфических форм и другая группа станковой керамики светло-бежевого цвета, обе группы вместе не встречаются (Vanden Berghe 1982: 74). С другой стороны, снова начинают встречаться единичные экземпляры расписной керамики (Таттульбан и Бард-и Бал), хотя Л. Ванден Берге и не придавал им значения, отмечая, что керамика ЖВ III не расписывалась (ibid.: 69).

В **западном Луристане, Пиш-и Кух** имеются сведения о находке в долине Хулайлан расписной керамики стиля Баба Джан III, что, по мнению К. Гофф, могло означать импорт из долины Какаванд (Goff 1968: 127).

Южный Курдистан, долина Махидашт: поселения периодов ЖВ I–II не выделены, хотя единичные экземпляры серо-глиняной керамики этого времени были найдены в разведочных раскопках могильников. Не обнаружена здесь и керамика типа Баба Джан III. Поэтому Л. Левин предлагал два возможных объяснения результатов своих исследований в этом районе: или период ЖВ I–II — это время значительного уменьшения оседлого населения и сокращения земледелия, или пока не удалось выявить локальную керамику этого периода (Levine 1976: 160–161). ЖВ III (800/750–650 гг.) характеризуется появлением так называемой мидийской керамики типа Нуш-и Джан, хотя здесь она отличается более грубой выделкой теста с большой примесью соломы (ibid.). Время ее появления в пределах ЖВ III автор не уточняет. Обнаружение в долине Махидашт керамики типа Нуш-и Джан свидетельствует об ее широком распространении в западном направлении, в результате которого исчезла расписная керамика типа Баба Джан III, что могло произойти не ранее VII в. до н. э. (см. ниже).

Восточный Луристан: в период ЖВ I–II здесь существовала нерасписная керамика; восточнее хребта Кух-и Гарин в долинах Нехавенд и Боруджерд это была керамика типа Гиян I^{4–2}. Новая

смена керамического стиля в восточном Луристане связана с появлением расписной керамики типа Баба Джан III (керамика стиля Луристан по старой терминологии; Goff 1978: 29). Горизонт этой керамики покрывает территорию, где в эпоху бронзы были распространены «kite ware» (Аби-Таразек на Какаванд плато, Хафт-чашме, долины Бадавар, Хангари, западный Дельфан, Мирберг). В долинах Хава и Алиштар, где прежде процветала традиция Гиян III–II, эта керамика находится редко (Goff 1968: 127, fig. 2).

Таким образом, в Луристане II — начала I тыс. до н. э. выделяются два последовательных керамических горизонта — как всеобъемлющие для своего времени явления развития материальной культуры. Традиция нерасписной керамики, сменившая в конце II тыс. традицию расписной, в свою очередь, в VIII в. претерпевает некоторые изменения, которые, однако, в отличие от II тыс., не носят всеобъемлющего характера. Хронологическое соотношение двух керамических традиций в Луристане в начале I тыс. в настоящее время зависит от датировки периода Баба Джан III. Т. Кайлер Янг считал, что они последовательно сменяют друг друга и что ЖВ I–II в Луристане, который, как отмечено, по существу является единым периодом, характеризуется исключительно нерасписной керамикой. И до раскопок на Баба Джан тепе все исследователи придерживались этого представления. Первоначальная дата этого памятника, предложенная К. Гофф, тоже его не нарушила. Удревнение же Баба Джан III до IX в. означает сосуществование в Луристане периода ЖВ II двух традиций — нерасписной и расписной керамики. Следует, однако, помнить, что расписная керамика типа Гиян I¹, которую и сама К. Гофф считает станковой версией керамики стиля Баба Джан III (Goff 1968: 125), не сосуществует с нерасписной керамикой Гиян I^{4–2}, а сменяет ее и синхронизируется с керамикой могильника Сиалк В, датированного не ранее середины VIII в. до н. э. Расписная керамика не найдена вместе с нерасписной керамикой ЖВ II (табл. 1).

Появление своеобразной чернолощёной керамики в могильниках Вар Кабуд и расписной керамики в Таттульбане в Западном Луристане, появление в VIII в. до н. э. в Восточном Луристане расписной керамики типа Гиян I¹, широкое распространение уже на рубеже VIII–VII вв. мидийской нерасписной керамики, приведшей к исчезновению расписной керамики Баба Джан III — все

это свидетельствует о каких-то событиях, происходивших на протяжении VIII в. в Луристане, которые привели к определенным культурным переменам, нарушившим развитие местных керамических стилей. Началом этих изменений стало появление расписной керамики стиля Баба Джан III.

Использование расписной керамики в Луристане не было изолированным явлением, в VIII в. она существует, помимо Луристана, и в других районах Ирана. Необходимо определить компоненты этого нового керамического горизонта расписной керамики Ирана и хронологическое место в нем расписной керамики Луристана. Здесь важно рассмотреть вопрос о связи расписной керамики Баба Джан III с расписной керамикой Сялка В и с другими стилями расписной керамики в Луристане и в сопредельных районах.

Что касается хронологических рамок РЖВ Луристана, то необходимо подчеркнуть следующее. Исследователи по-прежнему отмечают изолированность Луристана как в области археологических связей (в данном случае его непричастность к керамическим горизонтам северо-западного Ирана), так и неинформативность трехчленной периодизации РЖВ Ирана, предложенной Т. Кайлер Янгом и Р. Дайсоном для северо-западного Ирана, а именно неделимость периодов ЖВ I–II в Луристане. Позднее для западного Луристана была предложена пятичленная периодизация, рамки которой ограничены абсолютными датами трехчленной периодизации РЖВ Луристана Л. Ванден Берга (Overlaet 2005: 7–16, fig. 3).

ЖВ I А–В (ca. 1300/1250 — ca. 1150 — ca. 1150 — 1000 BC).

ЖВ II А–В (ca. 1000–900 — ca. 900–800/750 BC).

ЖВ III (ca. 800/750 — ca. 650 BC).

Периоды ЖВ I А–В, II А–В и III различаются наличием или отсутствием месопотамского импорта, железных украшений и железного оружия, новыми формами керамики, количеством индивидуальных или коллективных могил. Их уменьшение связано с убыванием населения в период изменений климатических условий. В подпериод ЖВ IIВ в западный Луристан проникает расписная керамика Баба Джан III (Overlaet 2005: *ibid*), но его хронологические рамки (ca. 900 — 800/750) не уточняют дату Баба Джан III и время появления этой керамики на западе Луристана (**табл. 1**).

§ 3. РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА БАБА ДЖАН III И СИАЛКА В

К. Гофф синхронизировала расписную керамику Баба Джан III, Сиялка В и Гиян I¹. Вопрос о стилистическом сходстве росписи керамики этих памятников был затронут ею в одном из первых отчетов о раскопках Баба Джан III. Тогда она назвала керамику Гиян I¹ станковой версией керамики стиля «Луристан». Что касается Сиялка В, то, отметив сходство некоторых форм, главным образом, чайников и кувшинчиков, она подчеркнула, что главное сходство между Сиялком В и расписной керамикой Луристана лежит в орнаменте: перевернутые треугольники, капли, шахматная доска (Goff 1968: 125). Следуя концепции Т. Кайлер Янга, согласно которой в ЖВ II наблюдается распад единой культуры ЖВ I и параллельное развитие региональных культур, результатом которого явилось уже определенное керамическое разнообразие периода ЖВ II, к которому К. Гофф и относит расписную керамику Луристана и Сиялка В. В работе, вышедшей 10 лет спустя после первой публикации, не останавливаясь уже специально на вопросе о близости росписи на керамике обоих памятников, К. Гофф лишь замечает, что сходство росписи объясняется общим происхождением культур, их общий стилистический репертуар известен всем ранним иранским мигрантам (Goff 1978: 36). Надо сказать, что последний вывод неожиданный и не имеет под собой никакой базы (напомню, что с иранскими племенами археологи связывали распространение в Иране серо-черной керамики, и хотя еще Р. М. Гиршман предположил, что культура расписной керамики Сиялка В могла быть связана с появлением очередной волны иранских племен, это идея никем не развивалась). Но и первый вывод о сходстве росписи обоих памятников не основывается на необходимом в таком случае анализе росписи.

Приступая к такому анализу, прежде всего следует отметить структурное различие построения росписи на керамике обоих памятников. Если роспись наиболее пышно украшенных сосудов Сиялка В (кубков и сосудов со сливом) строилась согласно аттической формуле вазописи (см. гл. II), то рисунок наиболее ярко расписанных сосудов Баба Джан III (сосуды со сливами, двуручные сосуды, некоторые крупные сосуды) не соответствуют этой формуле. Во-первых, здесь не использовались метопно-триглифная

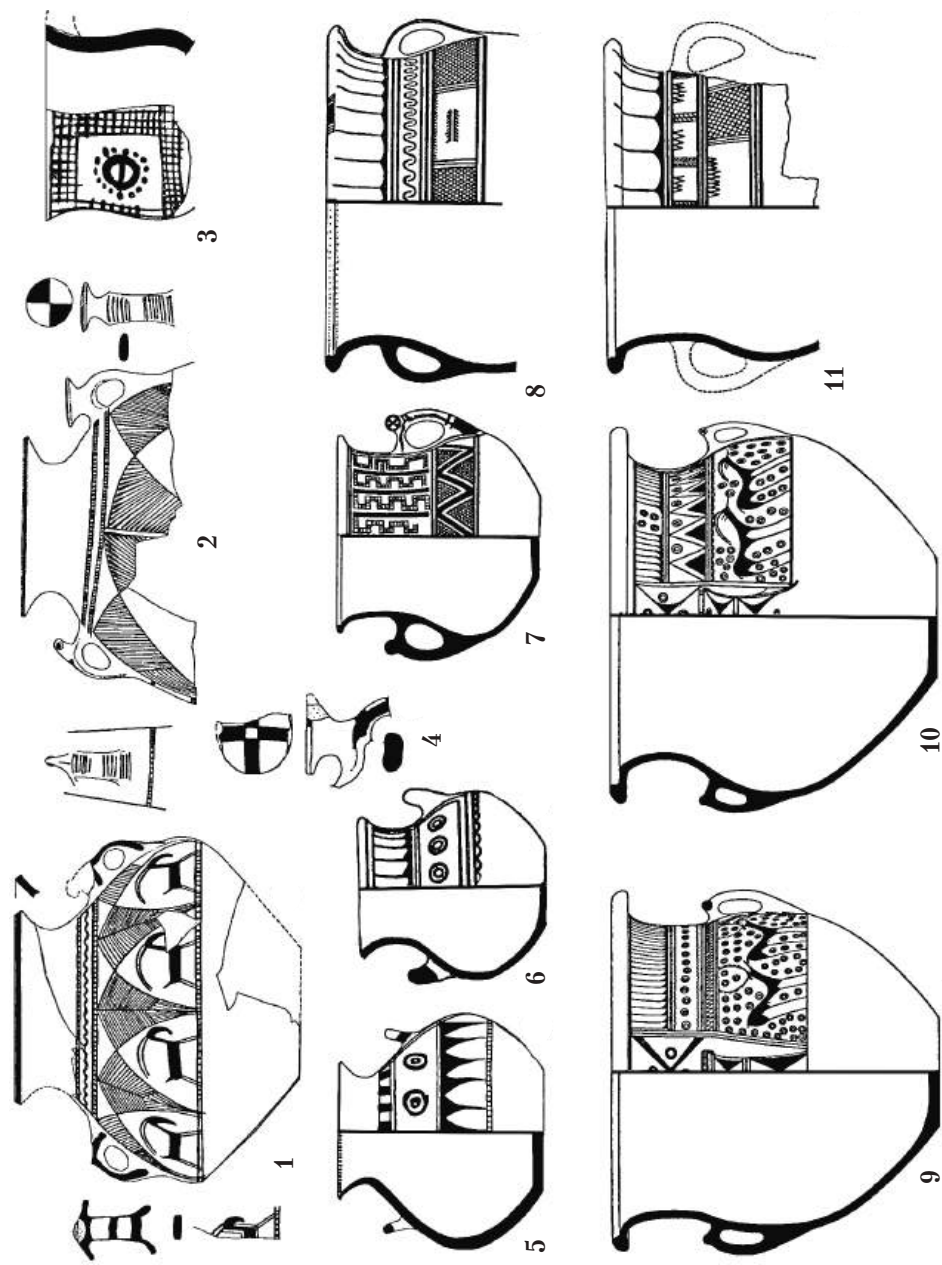

Рис. 5. Керамика Баба Джан III–II (1–5), Алишар (6–11)

система и заполняющий орнамент, нет геометрических зон орнамента. Только единичные сосуды из самого Баба Джан тепе, из раскопок А. Стейна могилы Маюльбак в долине Дельфан (Stein 1940: 36), из частных коллекций демонстрируют использование силуэтной техники для изображения копытных рогатых животных (**рис. 5: 1**). Геометризация фигур максимальная, ноги показаны двумя параллельными штрихами, что в целом соответствует схеме изображения копытных согласно аттической формуле вазописи, особенно в ее фригийском варианте. Хотя следует признать, что, использованный изолированно, этот признак не обязательно свидетельствует о связи с фригийской вазописью, ибо силуэтная техника изображения животных на росписи керамики была свойственна архаическим культурам Ирана (Сузы, Сиалк, Гилян).

Помимо структурного различия, обращает на себя внимание то, что наиболее выразительные элементы геометрического орнамента росписи Баба Джан III, придающие специфику этому стилю, такие как: «касситский крест», «kite» («воздушный змей»), пояски в виде трапа, «ножницы» и «маятники» отсутствуют в росписи Сиалка В. Они вообще за пределами восточного Луристана неизвестны (**рис. 4**). Из них «касситский крест» и «kite» известны, как уже отмечено, на этой же территории уже в эпоху бронзы.

Очевидное сходство росписи на сосудах Баба Джан III и Сиалка В наблюдается только в росписи треугольниками вершиной вниз. В Баба Джан III треугольниками украшены только кувшины (длинные треугольники) и чаши (равносторонние треугольники). В Сиалке В, помимо кувшинов и чаш, так украшены все типы сосудов с боковыми сливами, на которых треугольники входят в зону плюмажа в основании слива (**рис. 6**).

Кувшины: в могильнике Сиалк В все расписанные треугольниками кувшины одноручные, за исключением трех кувшинов с вертикальным сливом, расположенным на месте ручки (Ghirshman 1939: pl. XVI, 1, S.697; мог. 66, pl. LXXII, S.929 a, b). В Баба Джан III, напротив, все кувшины без ручек, они появляются позднее в слое Баба Джан II (Goff 1978: 31, fig. 9: 18; **рис. 6: 13**)¹. Большая часть кувшинов на обоих памятниках украшена длинными

¹ Хотя несколько черепков свидетельствуют о наличии ручек, но кувшины с ручками в период III не обнаружены. «Вероятна» находка кувшина № 18 (fig. 9) в слое IID (ibid.: 61).

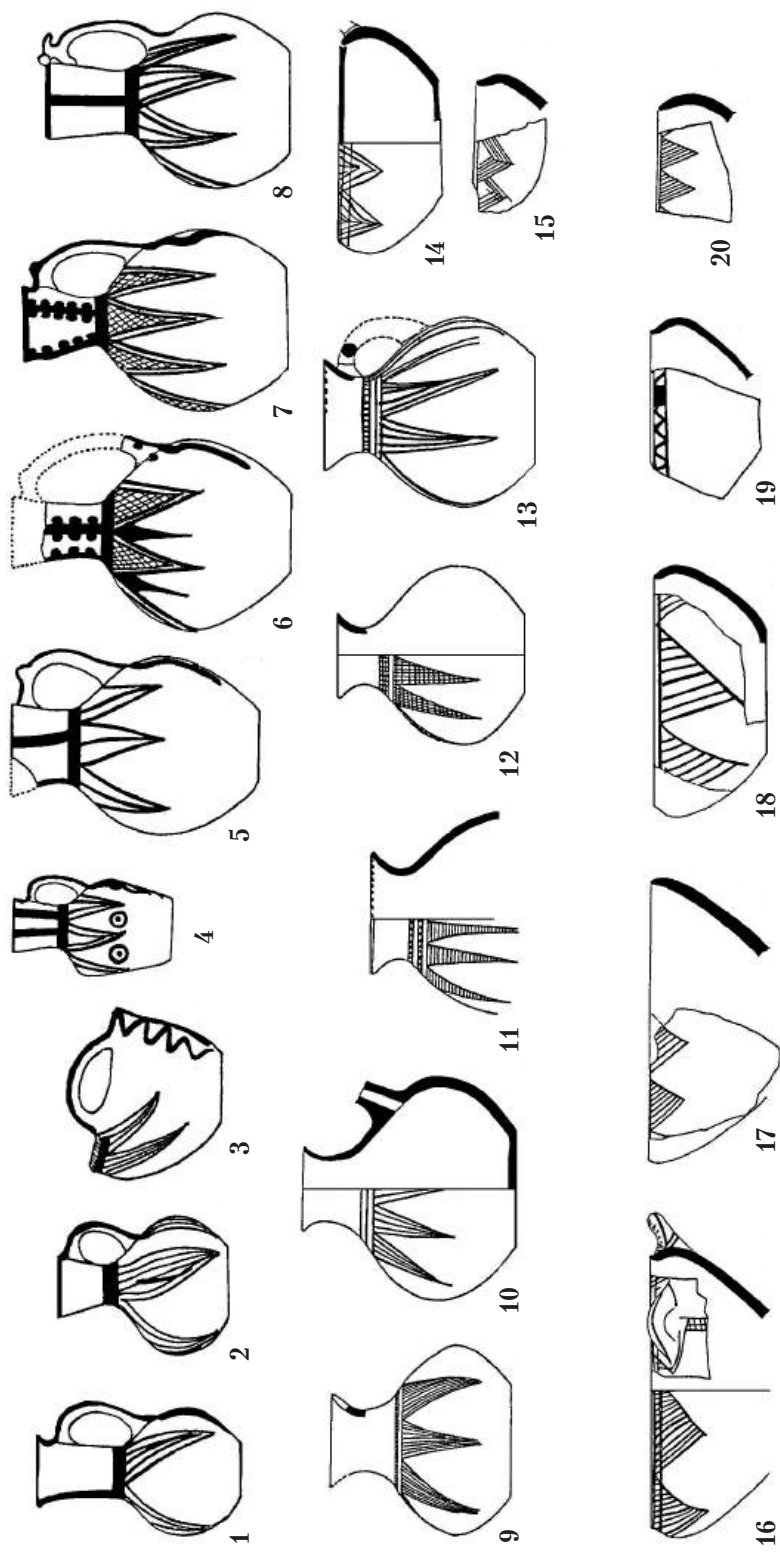

Рис. 6. Керамика Сялук В (1–8), Баба Джан III (9–12, 14–20), Баба Джан IID (?) (13)

(пламевидными) треугольниками, заполненными вертикальными, реже горизонтальными линиями или сеткой. Они расположены вокруг основания горловины, заполняя большую часть поверхности сосуда. Этот вид треугольников преобладает в декорации кувшинов обоих памятников¹, но одинакова только манера заполнения таких треугольников несколькими вертикальными линиями. В Сялке В многочисленны пламевидные треугольники в рамке с сетчатым заполнением, которое иногда комбинируется со сплошной заливкой (**рис. 6: 6, 7**). Такой вид пламевидных треугольников в росписи Баба Джан III единичен (Goff 1978: fig. 1: 3; **рис. 6: 12**), но, в отличие от Баба Джан III в Сялке В, нет заполнения треугольников горизонтальными линиями (*ibid.*: fig. 5: 5; **рис. 6: 11**). Остальные виды заполнения длинных треугольников немногочисленны и индивидуальны в каждом из памятников.

Чаш. В Баба Джан III треугольниками украшены два типа чаш — с загнутым бортиком и с прямыми, расходящимися стенками («цветочный горшок» по терминологии К. Гофф). Треугольники небольшие, почти равносторонние, заполненные косой штриховкой (**рис. 6: 16–18, 20**). Такая форма треугольников и вид их заполнения неизвестны в Сялке В. В последнем равносторонними треугольниками украшено всего несколько чаш/чашек и лишь одна из них расписана треугольниками вершиной вниз (мог. 61, Ghirshman 1939: pl. XV, 1; LXX, S.899a, заполнение сеткой), остальные чаши украшены треугольниками вершиной вверх с заполнением вертикальными линиями (Ghirshman 1939: мог. 61, 25, pl. XV 2–3, LXII, S.777, S.788).

Таким образом, очевидно, что возможность сопоставления «triangle ware» обоих памятников исчерпывается лишь кувшинами. Внутри этой группы сопоставимы только пламевидные треугольники с одним видом заполнения — несколькими вертикальными линиями. Такие длинные треугольники известны только в этих двух памятниках и полностью отсутствуют в декорации сосудов более позднего времени, в собственно «triangle ware», которые становятся отличительной чертой расписной керамики Ирана VII–VI вв. Керамика этого периода украшена короткими, почти

¹ В Сялке В таких кувшинов 31, из них 3 сосуда со сливом. В Баба Джан III кувшинов с треугольниками особенно много в ранней фазе периода III на центральном холме: Goff 1978: 31.

равносторонними треугольниками. Именно такие треугольники известны в Баба Джан III и на первый взгляд могут служить единственной связью между расписным стилем Баба Джан III и более поздними «triangle ware». В росписи Сиалка В они не известны, и, следовательно, этот памятник может быть исключен из каких-либо генетических сопоставлений с «triangle ware». Ибо не треугольники вообще характеризуют «triangle ware» VII в., а лишь короткие, почти равносторонние треугольники с заполнением косыми или вертикальными линиями.

Что касается других возможных сопоставлений орнаментики керамики Сиалка В и Баба Джан III, то они могут быть результатом случайных совпадений. Во всяком случае, эти сопоставления относятся к наименее характерным и наименее представительным элементам орнамента. Отметим из них следующие: косая сетка по краю сосуда. В Баба Джан она украшает широкой полосой край миски и горловину сосуда (Goff 1978: fig. 1: 14; 5: 9; 8: 13) (**рис. 4: 4, 5**). В могильнике Сиалк В косая сетка, украшая край сосуда, обычно используется в сочетании с другими элементами орнамента (мог. 15, 24, 38, 52, 179). Обращает внимание редкий в Баба Джан III вид орнаментации чашки: широкая полоса в виде шахматной доски (или соединенных силуэтных крестов), обрамленная по низу силуэтными треугольниками (**рис. 4: 18**), похожий орнамент имеется вокруг слива на чайнике из Сиалка В (Goff 1978: fig. 5: 3; Ghirshman 1939: pl. XIII, 2). Случайными совпадениями, по-видимому, могут быть цепочки ромбов (**рис. 4: 15**).

Таким образом, сопоставление расписной керамики обоих памятников остается малорезультативным. Принципы построения керамической росписи обоих памятников различны, наиболее выразительные и своеобразные элементы орнамента индивидуальны для каждого из них. На этом фоне трудно определить значение сходства длинных пламевидных треугольников на кувшинах из обоих памятников. Вместе с тем, расписная керамика Сиалка В и Баба Джан III, будучи в значительной степени синхронной, определяет новую традицию и новый керамический горизонт в культуре Ирана первой трети I тыс. до н. э. Встает вопрос о генезисе этой традиции. И если для расписной традиции Сиалка В удастся выявить первоначальный импульс — заимствование аттической формулы вазописи, которая сформировала в полном объеме структуру росписи на керамике Сиалка В, то в отношении

формирования стиля Баба Джан III пока удастся предположительно наметить лишь отдельные звенья исходного импульса.

Прежде всего, в коллекции расписной керамики Баба Джан III выделяются крупные горшковидные сосуды с высокой горловиной и двумя вертикальными ручками, некоторые из которых оформлены в виде фигурки животного, завершаемой наверху головкой, или ручка имеет завершение в виде плоской кнопки. Эти сосуды всегда украшены вариантами «kite», они сравнительно немногочисленны в слое III и отсутствуют в слое II (**рис. 5: 1–2, 4**). Аналогичные сосуды известны в частных коллекциях и, вероятно, происходят из этого района. Целый такой сосуд происходит из «белой комнаты», раскопанной на Восточном холме Баба Джан тепе. Он расписан вереницей копытных рогатых животных, разделенными «kite». Нижняя граница росписи проходит по линии наибольшего расширения тулова, горловина не орнаментирована (Goff 1978: fig. 6: 1; **рис. 5: 1**). Этот тип сосудов не типичен для Ирана. Двуручные сосуды вообще не характерны для раннежелезного века Ирана. Их форма и общий облик силуэтной росписи обнаруживает сходство с фригийскими сосудами из Алишара (**рис. 5: 9–10**). Нерасписные сосуды этой формы известны и в Гордионе (Young 1981: pl. 21). Различия заключаются в более широкой горловине алишарских сосудов, которая украшалась дополнительной зоной орнамента, и в более округлом тулове последних, без выраженного перегиба тулова, характерного для луристанских сосудов. Примечательно, что кнопка наверху ручки украшена крестовидной фигурой как в Алишаре, так и в Баба Джан III. Стилизация силуэтных фигур животных на керамике Алишара, в отличие от греческой, была доведена до крайности; в Баба Джан III они тоже крайне геометризованы, ноги показаны двумя параллельными линиями, хотя в остальном трактовка фигур различная — прямоугольный корпус, строгая профильность изображения головы у луристанских животных; плавный силуэт тулова и часто фронтальное изображение рогов на алишарской росписи (Akurgal 1955: Abb. 1, 3, 5, 6, 8; **рис. 5: 9–10**). Фигурки животных на луристанской керамике разделены орнаментом «kite», в которых можно видеть или заполняющий орнамент, или, что вероятнее, своеобразное оформление триглифов.

Учитывая столь необычную форму двуручных сосудов, можно предположить, что луристанские сосуды были местным

подражанием фригийским двуручным сосудам. Именно фригийским, ибо они были характерны только для Фригии и вереницы копытных изображались только на этих сосудах. В Греции ПГ периода вереницы копытных изображались на различных сосудах, но фригийская форма двуручных сосудов в Греции была неизвестна. Показательно, что в Сиалке В, на роспись которого повлияла аттическая формула вазописи и связи с Фригией, как было показано выше (гл. II), не прослеживаются напрямую, не было ни двуручных сосудов, ни изображений верениц копытных. Напоминают фригийскую вазопись и двойные концентрические круги — единственный элемент заполняющего орнамента на фригийской керамике, которые используются в росписи на керамике Баба Джан III и отсутствуют в росписи Сиалка В (**рис. 5: 5, 6, 9, 10**). К. Гофф уже отметила «поразительно сходство» некоторых элементов росписи Баба Джан III и Гордиона: точечное обрамление некоторых геометрических фигур, заполнение ячеек косой сетки точками, «шахматная доска», ручки сосудов, украшенные силуэтными полосками (Goff 1968: 126, note 52; Akurgal 1955: pl. 11a, 12a; **рис. 4: 9, 10, 16, 17; рис. 5: 1**). В этом перечне для определения связей с Фригией наиболее показателен орнамент в виде косой сетки с точками (**рис. 5: 9–10**), он отсутствует в Сиалке В. Что же касается точечного обрамления, то оно как раз используется в Сиалке достаточно широко (чаще всего эти точки украшают полосы, обрамляющие венчик и дно сосудов или орнаментальную зону на тулове). В качестве еще одной параллели с фригийской керамикой можно назвать использование на луристанской керамике рамки в виде сетки, внутри которой помещен круг с точечным обрамлением (**рис. 5: 3**). К сожалению, изображение фрагментировано, поэтому нельзя быть уверенным, что на сосуде были изображены чередующиеся метопы-триглыфы, тем не менее, оно напоминает метопы раннефригийского стиля с помещенными в них небольшими геометрическими фигурами, в том числе и концентрическими кругами (Akurgal 1955: Abb. 11, 12, Taf. 15; Goff 1968: fig. 10: 29; **рис. 5: 3, 8, 11**). Аналогично расположение концентрических кругов на плечиках двуручных сосудов (**рис. 5: 5–6**).

Отметив эти схожие черты, необходимо остановиться на одном, к сожалению, мало разработанном вопросе о связи фригийской и греческой керамики геометрического периода с македонской керамикой так называемого северо-западного

геометрического стиля. Одни исследователи считают комплекс характерной расписной керамики Алишара IV и Гордиона чуждым местной хеттской традиции и связывают его с керамической традицией Македонии, где она имеет непрерывное развитие (в центральной Македонии) на протяжении II тыс. вплоть до VII в. до н. э. Они считают, что эта керамика с геометрической росписью была принесена сюда из Македонии фригийцами. Другие не согласны с тем, что именно фригийцы принесли эту керамику (Akurgal 1955: 26–27). Третьи считают, что фригийской была монокромная серая керамика (Mellaart 1955: 115–136). Этническая атрибуция расписной керамики — это особая тема, важно, что этот комплекс — традиционно его называют фригийским — был привнесен из Македонии. Имеются данные и в пользу того, что в конце бронзового века в Македонии и Фесалии было создано то, что по существу является самым ранним геометрическим стилем Греции (Heurtley 1926–1927: 193). При всем различии форм македонской и иранской керамики очевидное сходство обнаруживают некоторые элементы геометрического орнамента, и в первую очередь — длинные треугольники вершиной вниз, расположенные вокруг основания горловины кувшинов. Их заполнение — вертикальные линии, косая сетка, сплошная заливка — аналогично раскраске длинных треугольников на керамике Сиалка В и Баба Джан III (в последнем — только вертикальные линии). Вместе с тем на фригийской керамике длинные треугольники вершиной вниз неизвестны, единичные экземпляры появляются только в поздней фазе зрелого стиля (заполнение шахматной доской) и в позднефригийский период (со сплошной заливкой) (Akurgal 1955: Taf. 29b, 33). Э. Акургал, сравнивая керамику Фригии с керамикой из македонского могильника Пателе, на которой имеются треугольники, заполненные косой сеткой и вертикальными линиями, имел в виду, видимо, только сходную форму одноручных кувшинов с характерной срезанной наискосок горловиной и вертикальные цепочки ромбов на шейке сосудов (Akurgal 1955: 27, Taf. A, B). Но наличие таких элементов росписи на македонских сосудах в таком случае еще раз подтверждает отсутствие прямых связей между керамикой Центральной Анатолии и Сиалка В, а появление в Баба Джан III длинных треугольников можно было бы отнести за счет непосредственных связей между Сиалком В и Баба Джан III, если бы не присутствие в последнем

коротких треугольников с косой штриховкой, неизвестных в Сиалке В (**рис. 6: 16–17**). Оба эти элемента характеризуют македонскую керамику. В самой Греции длинные треугольники не получили распространения, хотя, например, в беотийской керамике известны треугольники с заполнением косой сеткой, заключенные в дополнительные рамки, и короткие треугольники с косой штриховкой (Coldstream 1968: pl. 44, 45). Вопрос о македонском субстрате в расписной керамике Греции, Анатолии и Ирана VIII в. до н. э. требует специального изучения. Учитывая уникальность керамики Сиалка В, ее определенные связи с западной керамической традицией, элементы культуры фракийского галыштата в конской узде Ирана (культура фракийцев тоже была компонентом македонской материальной культуры) — все это делает в дальнейшем необходимым поиск источника этой близости именно в этом направлении.

В заключение следует подчеркнуть следующее: **1.** Структура построения росписи, ее стиль и набор основных элементов геометрического орнамента Сиалка В и Баба Джан III различны, что дает основание исключать вероятность их общего происхождения. **2.** Те общие детали, которые все-таки прослеживаются в росписи на керамике обоих памятников, скорее всего являются результатом влияния на них близких между собой источников, какими могли быть расписная керамика Греции и Фригии VIII в. до н. э. и которые в свою очередь могли иметь общий субстрат. **3.** Вопрос о прямом или опосредованном характере предполагаемой связи между иранской и македонской традициями расписной керамики остается открытым. При решении этого вопроса следует иметь в виду гипотезу о первоначальном поселении фригийцев (или иного народа, принесшего традицию расписной керамики в Центральную Анатолию) в восточной части Анатолии. Там уже в раннежелезном веке использовалась расписная керамика (Durbin 1971: 99–111). **4.** Степень воздействия вазописи Греции и Фригии соответственно на роспись Сиалка В и Баба Джан III различна. В первом случае оно более глубокое. Не означает ли это, что знакомство керамистов Сиалка В с аттической формулой вазописи произошло не в Иране, а где-то на западе от него, ближе к Греции, и уже потом в Иране они создали свой стиль росписи? Что касается росписи Баба Джан III, то в ней прослеживаются лишь отдельные черты сходства с удаленным от Луристана

источником, но не приходится говорить о влиянии всей структуры фригийской росписи. Возможно, эти контакты ограничивались лишь подражанием фригийским импортным сосудам. Но где происходили эти контакты, каким образом, достигали ли фригийские сосуды восточного Луристана и, соответственно, где была создана расписная керамика Баба Джан III — в Луристане или вне его — на все эти вопросы пока нельзя ответить. Во всяком случае, знакомство луристанских керамистов с фригийской керамикой существовало: выше уже отмечалось знакомство западно-луристанских ремесленников с фригийскими сосудами в связи, например, с появлением здесь мисок с омфалами (см. гл. III). 5. Нет оснований определять время сложения расписной керамики стиля Баба Джан III уже в начале IX в. до н. э.

Под керамическим горизонтом в материальной культуре Ирана обычно подразумевается ряд керамических традиций с одним общим, определяющим признаком, в данном случае им является расписная керамика. В этом смысле, расписная керамика Луристана и Сиалка В образуют начальный по времени компонент нового керамического горизонта, который сменил длительно бытовавший горизонт серо-черной керамики. Как предшествующий горизонт видоизменялся со временем (горизонт ранней серо-черной керамики сменился горизонтом поздней серо-черной керамики), так и расписной горизонт на первом этапе включал керамику стиля Баба Джан III на территории Луристана и пограничной территории и Сиалка В в центральном Иране, а на втором этапе объединял «triangle ware» и «festoon ware», ареал которых был шире ареала расписной керамики на первом этапе. Хронологические рамки первого этапа горизонта расписной керамики должны быть в пределах VIII в. до н. э.: это определяется датой могильника Сиалк В и намечающимися связями между керамикой Баба Джан III и Фригии, из которых последняя датируется в пределах VIII в. до н. э.

§ 4. НУШ-И ДЖАН ТЕПЕ I

Нуш-и Джан тепе находится в центре плодородной долины Джоукар-Мелаер, расположенной западнее южной границы равнины Хамадан в восточном предгорье Загроса. Современный город Хамадан находится на месте мидийской столицы

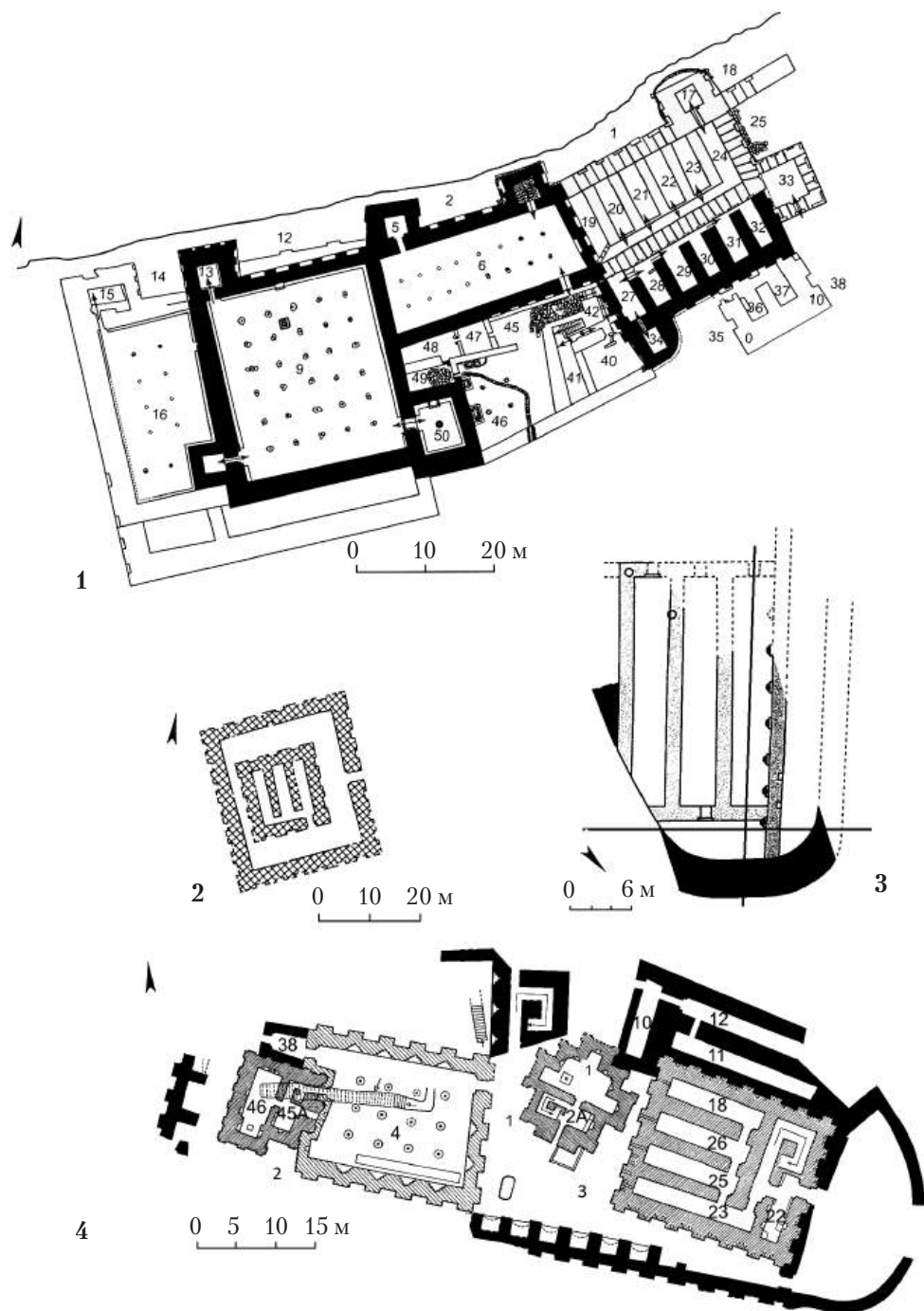

Рис. 7. Планы построек Гедин II: 2 (1), Телль Джубба (2), Гунеспан (3), Нуш-и Джан (4)

Хагматана/Экбатаны, которая находилась в 60 км к северу от Нуш-и Джан тепе (рис. 1, 2).

В течение пяти сезонов (1967, 1970, 1973, 1974, 1977) английская археологическая экспедиция Британского института по изучению Ирана во главе с Д. Стронахом исследовала поселение мидийского времени. Оно находилось на естественном холме высотой 37 м с верхней площадкой площадью 100×40 м. Все постройки возведены на каменном ложе холма.

Раскопки выявили четыре главные постройки раннего периода Нуш-и Джан I¹, последовательность возведения которых восстанавливается следующим образом: центральный и западный храмы, затем форт и последним был возведен колонный зал. До начала постройки зала перед центральным храмом возвели южную аркаду и восточную стену, а на заключительном этапе строительства начали возводить западную аркаду, которые вместе с помещениями севернее форта должны были стать защитной стеной города/крепости (рис. 7: 4). В колонном зале был обнаружен незаконченный туннель, уходящий вглубь скалы на 20 м под углом 30°.

Функционирование этих зданий исследователи относили к 750–650 г. до н. э. Затем здесь возникает поселок овцеводов, существование которого обрывается около 600 или 575 г. до н. э. (Stronach, Roaf 1978: 1–11; здесь же литература).

Центральный храм (рис. 7: 4, 1; 8) состоит из прихожей и треугольной в плане целлы с уступчатыми стенами, выступы украшены нишами с зубчатым бордюром, максимальные размеры целлы 11×7 м; симметричные уступы стен являются продолжением внешних выступов здания, в центре помещения глубокая ниша, выступы украшены нишами с зубчатым бордюром, крестообразными углублениями (Roaf 1995: pl. 50; рис. 8, 9: 3). В VII в. деятельность храма была искусственно прекращена, помещения храма были заложены каменной плиткой и щебнем, что обусловило их уникальную сохранность: над прихожей, в частности, сохранилось сводчатое перекрытие. Делалось оно следующим образом: кирпичи стен ближе к верху сложены постепенно выступающими рядами таким образом, что пролет в основании свода был уже, чем внизу. Основную тяжесть несли длинные чуть изогнутые

¹ Нуш-и Джан II и III относятся соответственно к ахеменидскому и парфянскому периодам.

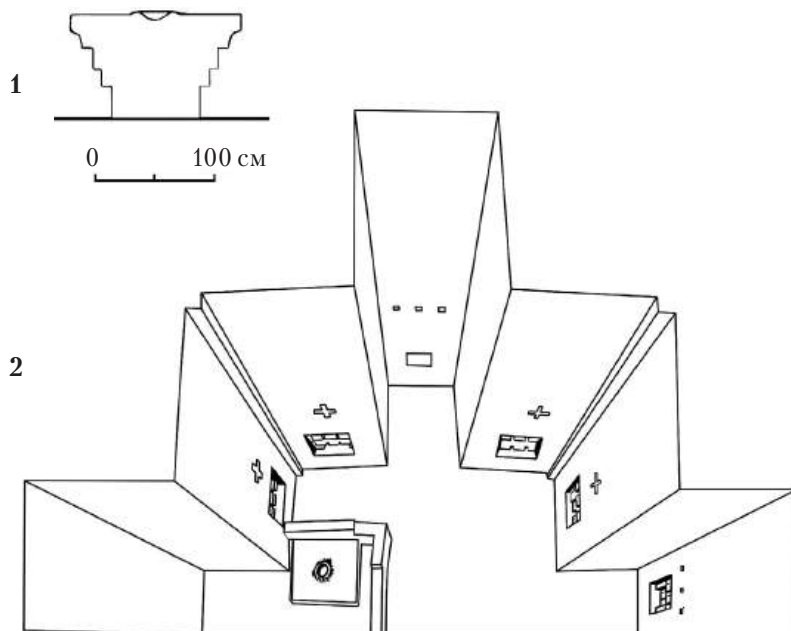

Рис. 8. Нуш-и Джан тепе: целла центрального храма (2), алтарь (1)

сырцовые кирпичи-кронштейны (или полубалки), которые, поставленные под углом, упирались в кирпичи противоположной стороны. Эта оригинальная мидийская техника перекрытия сводов использовалась и позднее в ахеменидскую и парфянскую эпохи (Stronach 1973: 12–13, fig. 2–3; Roaf 1995: 63). В Ассирии своды сооружались из кирпичей, положенных «веером», замком служил вертикально поставленный кирпич, обложенный глиной (Andrae 1913: Abb. 188, 202, 215).

В прихожей слева находился пандус, ведущий на крышу, его высота в три полных витка 8 м, как и сохранившаяся высота храма. Входы в прихожую и целлу смещены вправо от центральной оси храма, что не случайно. Слева от входа в святилище находился сложенный из сырцового кирпича алтарь высотой 0,85 м: алтарь завершается четырьмя выступами, в центре верхней площадки (1,41×1,41 м) круглое углубление, в котором или непосредственно, или в металлическом сосуде горел огонь (Roaf 1995: pl. 50; рис. 8). При строгой симметричности здания смещение входов объяснялось необходимостью скрывать огонь от тех, кому не положено было его видеть. Храм в Нуш-и Джан тепе, вероятно, одно из первых маздеистских святилищ на территории западного

Ирана. Маздеизм существовал здесь уже в VIII в. независимо от авестийского влияния (Грантовский 2007: 295–297). Некоторые особенности центрального храма свидетельствуют об этом различии. Прежде всего, необычность планировки храма огня, которая пока не обнаружена в зороастрийских храмах; 4 уступа на алтаре, позднее было только 3 (число 3 священное в зороастризме). Но возле зороастрийского храма был обязателен источник воды. Не был ли результатом поиска источника воды обнаруженный в колонном зале туннель? Воды не нашли и позднее на этой площадке возле храма возвели новое здание¹.

Деятельность храма была прекращена не позднее 600 г. до н. э. Особенно тщательно плиткой был заложен алтарь. Искусственное закрытие храма в Нуш-и Джан тепе породило множество гипотез. Первоначально Д. Стронах предположил, что эта процедура могла отражать ритуал, связанный, например, с угасанием «царского огня» после смерти монарха (Roaf, Stronach 1973: 137). Р. М. Гиршман считал это событие результатом борьбы со старыми богами иранского пантеона, целью которой было очистить путь к сооружению открытых террас, посвященных культу бога Ахура Мазды. Д. Стронах возразил этому выводу Гиршмана, опираясь на хронологическое несоответствие событий — закрытие храмов в Нуш-и Джан тепе не позднее конца VII в. до н. э. и борьба против «капищ дэвов», которую начал в 486 г. ахеменидский царь Ксеркс (Stronach 1984: 481–482, здесь же литература, *note* 5). Тем не менее, выводы Д. Стронаха перекликаются с выводами Р. М. Гиршмана. Если существование самого храма (а не открытой террасы, на которой возжигался огонь) было результатом влияния на мидийскую религию VIII–VII вв. не-иранских религий, то вывод Гиршмана о поклонении там богам старого иранского пантеона нельзя полностью исключить, но отнести его лет на 150 назад (*ibid.*, 490, *note* 63). Другими словами, закрытие храма, как отмечает Д. Стронах, отражает не столько изменения в самой вере, сколько изменение способа действий: богослужение не в храме, как в Месопотамии и в Урарту, а у домашнего очага или под открытым небом, как это

¹ В большой Хорхорской пещере (Ванская скала) был обнаружен «колодец»; вероятно, этот наклонный подземный ход вел к воде или к другой пещере (Пиотровский 1959: 209, рис. 58). Неясно, было ли это заимствование строителями Нуш-и Джана, или случайное сходство.

было в восточном Иране (*ibid.*: 490). Но все эти события могли также стать результатом не религиозных, а светских решений, вызванных ростом централизации Мидии в это время (*ibid.*).

В пользу такого заключения может свидетельствовать следующее: во-первых, в Месопотамии на протяжении не одного тысячелетия забутовка храма была ритуальным приготовлением для постройки нового храма, но на том же месте, поскольку священным считалось само место, на котором стоял храм. Во-вторых, отсутствие данных о возведении в это время открытых террас на западе Ирана, над замурованным храмом в Нуш-и Джан тепе следов нового строения не обнаружено (*ibid.*: 481, note 8). Время применения заимствованного мидийцами способа консервации храма в Нуш-и Джан тепе и, следовательно, продолжение его почитания, совпадает с периодом возвышения Мидийского царства во второй половине VII в. до н. э.

Западный храм или старая западная постройка (рис. 7: 4, 2), по-видимому, является одним из последних строений, т. к. его восточная часть была встроена в колонный зал. Так же как и центральный храм, это здание имеет прихожую с пандусом, но справа от входа. Как и в первом здании, прихожая перекрыта сводом, над которым находилось помещение второго этажа. Отличие этого здания заключается в планировке целлы — это прямоугольное помещение, вытянутое параллельно прихожей (8,85х 3,3 м), его высота также равна высоте всего здания. Здесь был найден плинт, размеры которого (80×80 см) позволяют считать, что это цоколь алтаря (размеры близки основанию алтаря в центральном храме, 85×70 см), а само здание могло быть храмом (Stronach, Roaf 1978: 3–6). Вторым различием зданий является ориентировка: в центральном храме вход с южной стороны, в западном здании — с восточной.

Форт (рис. 7: 4, 3), так названо здание прямоугольной формы (25×22 м), бывшее первоначально двухэтажным, сохранились лишь фрагменты верхних стен, которые были тоньше стен первого этажа, чем строители, очевидно, пытались уменьшить давление на несущие стены. По внешнему периметру стены укреплены контрфорсами: по семь с боковых сторон и шесть с задней стороны здания. Планировка первого этажа состоит из прихожей, в которой слева выделена «комната для гвардии», затем узкий коридор, ведущий на лестницу справа, а налево — в четыре узкие параллельные комнаты/«склады». В первой из них (№ 23)

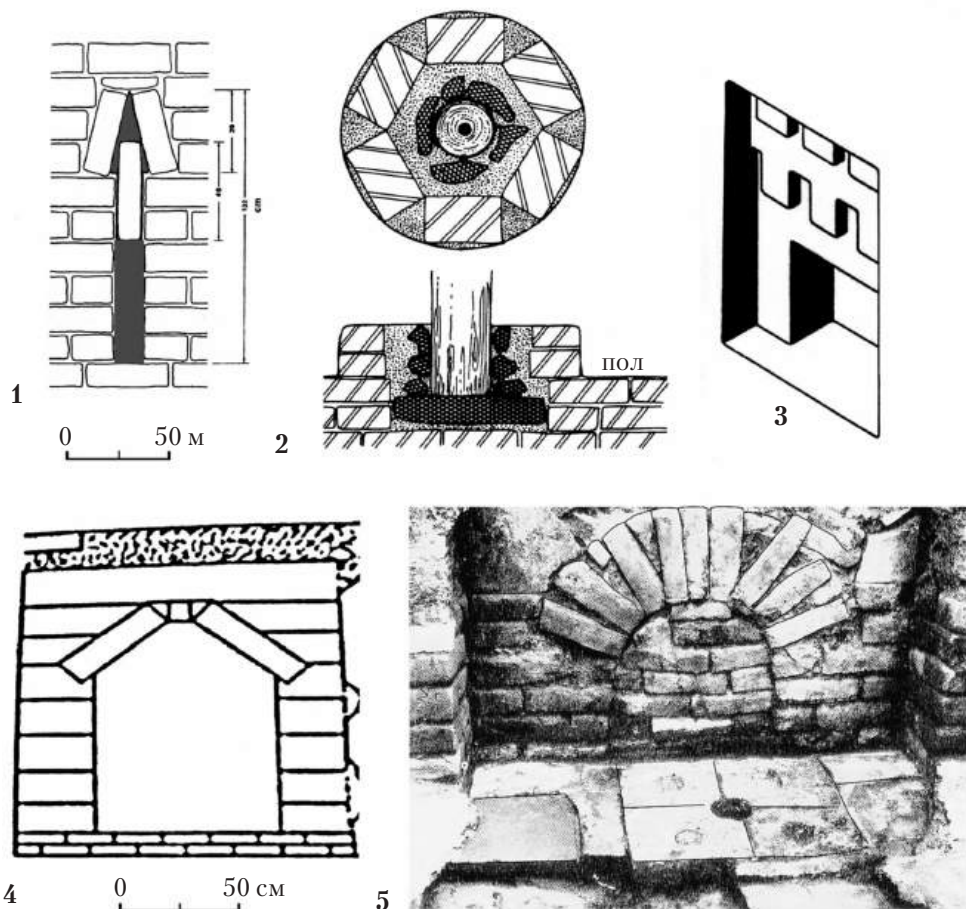

Рис. 9. Архитектурные детали мидийских (1 — Годин II; 2, 3 — Нуш-и Джан; 4 — Муш тепе) и месопотамских (5 — Кальху) памятников

сохранилась прямая узкая лестница, на фотографии видны 18 ступеней (Stronach 1969: fig. 3, pl. IVa). Во всех комнатах высоко над полом имелись сквозные узкие прямоугольные отверстия/окна, вентиляционные отверстия находились на высоте около 1 м от уровня пола, в стенах имелись неглубокие ниши с треугольным верхом (ibid.: pl. Ic–d, Vc–d).

Строительная техника ориентировалась на минимальное использование дерева. Узкие помещения, как и в Центральном храме, перекрывались сводами такой же конструкции.

Военное назначение форта определено исследователями наличием стреловидных щелей длиной 2,5 м, которые прорезали контрфорсы на уровне второго и первого этажей (рис. 9: 1). Узкие

щели допускали небольшой радиус действия, но поскольку они находились на расстоянии чуть больше метра друг от друга, то такие бойницы могли быть подмогой лучникам, которые находились на зубчатой стене или башне (Stronach 1968: 180). Однако следует отметить, что форт был вплотную пристроен к храму, и, следовательно, западная сторона форта исключалась из боевых действий, а к северной стороне форта вскоре были пристроены помещения, да и сам форт, как и все постройки, был окружен стеной. Тем не менее, в Персеполе стреловидные щели также определены как боевой элемент оборонительных сооружений (Tilia 1969: 35–36, fig. 61).

Стреловидные отверстия, как и прямоугольные вентиляционные отверстия, применяемые в форте, очевидно, были заимствованы мидийцами в Ассирии. В Ашшуре они обнаружены во дворце Салманасара III (810–783) (Andrae 1913, Abb. 182, 186, 189–190, 193). Вентиляционными отверстиями названы часть узких (не прямоугольных) отверстий в Дур-Катлиму (VII в. до н. э., р. Хабур) (Roaf 1995: 64), но их стреловидный верх, судя по фотографии (Kühne 1987–1988: fig. 9, 11), мог не сохраниться и первоначально это были стреловидные щели.

Подобная планировка форта — несколько узких параллельных помещений, связанных общим коридором, обнаружена при раскопках Муш тепе (г. Хамадан, Mohammadifar, Sarraf, Motarjem 2015: fig. 5), Озбаки тепе (примерно в 70 км западнее Тегерана, Stronach 2003: 237 f., fig. 6), и Гунеспан тепе (в 30 км к юго-востоку от г. Мелаер; Naseri, Malezadeh, Naseri 2016: pl. 5, 21; **рис. 7**). Эта планировка повторена в Персеполе в угловых и задних помещениях *анаданы* (Stronach 1973: 12; **рис. 11: 6**).

Колонный зал (рис. 7: 4, 4) площадью 300 кв. м (20×15 м). Стены возведены на платформе из сырцового кирпича, которая одновременно служила основанием пола, покрытого глиняной обмазкой. Снаружи стены укреплены контрфорсами: шесть на северной и южной стенах, пять — на восточной, западная стена встроена в западный храм и имеет неправильную конфигурацию. В помещение было два входа с западной и восточной стороны у северной стены. Перекрытие зала покоилось на трех рядах колонн, по четыре в каждом ряду. Углубленные в кирпичную платформу деревянные колонны опирались на камни, положенные вокруг их основания; затем вокруг них уже на полу были уложены два

ряда оштукатуренных кирпичей, образующих круглую базу колонн (**рис. 9: 2**). Диаметр колонны достигал 25 см, диаметр базы около 105 см и высота 30 см (Stronach, Roaf 1978: 6, pl. III b, c; Gornik, Rothman 2011: fig. 7.23). Стены зала украшены глубокими нишами с уступами, главным их украшением были зубцы/сталактиты из кирпичей¹. Вдоль южной стены прослежено основание кирпичной платформы высотой в один кирпич и длиной около 18 м.

Обращает на себя внимание отсутствие в зале скамеек вдоль стен, выделенного тронного места и очага в центре зала. Нет вентиляционных отверстий, но предполагается, что могли быть окна под крышей зала, подобно окнам в помещениях форта. Вокруг зала нет других помещений.

В центре зала, как отмечено выше, находится пробитый в скале туннель.

Все постройки на вершине холма, очевидно, предполагалось обнести крепостной стеной. Но она выявлена только на отдельных участках, и полностью только с южной и восточной сторон. Ее ширина достигала 3 м (Stronach, Roaf 1974: 215), с внешней стороны она укреплена контрфорсами, которые примерно равны контрфорсам форта. С внутренней стороны на западном и южном участках открыты аркады, которые были заложены кирпичами и полностью сохранились. Аркады в Нуш-и Джан тепе являются самыми ранними из известных айванов, которые позднее стали характерным признаком иранской архитектуры (Roaf 1995: 64). Ворота в крепостной стене не обнаружены (**рис. 7: 4**).

Относительно хорошая сохранность сырцовых построек Нуш-и Джан I позволяет выделить характерные архитектурные детали и строительные приемы этого времени.

1. Минимальное использование дерева: пролеты до 2,5 м ширины перекрывались кирпичными сводами. Их характерной деталью являются изогнутые глиняные полубалки, каждая пара которых, опираясь на противоположные стены, замыкалась в наивысшей точке свода. Пролеты до 5 м перекрывались деревянными балками, свыше 5 м — дополнялись рядами колонн и перекрывались балками. С целью уменьшения пролета свода

¹ Вид такого украшения повторен в камне в Персеполе (Tilia 1969: fig. 5, 6, 10, 11).

Таблица 2

	Квадратный кирпич	Прямоугольный кирпич
Хасанлу V	38×38×16 см	
Хасанлу IV	37,5×37,5×15 см, 39×39×15 см	
Динха IV	30×30×10 см	
Динха II	40×35×12 см	
Гиян I	35×35×14 см	
Рабат тепе	34×34×8 см, 38×38×10 см	
Зивие	34×34×9 см, 48×48×13 см	
Баба Джан III	37/39,5×37/39,5×14/15 см 35×35×12/13 см	
Нуш-и Джан I		40×25×12/13 см
Муш тепе		42×24×11 см
Гунеспан		42×25×12 см
Годин II		36×30×13 см – 41×24×13 см; 43/47×27/29×11/12 см; 50×38×11/12 см – (башня, платформа); скамейки: 50×30×11 см, 62×41×18 см
Тепе Озбаки	34×43, 40×40, 43×43, 45×45 см (толщина 10–15 см)	
Кармир-блур	51,8×51,8×14 см	51,8×35×14 см
Эребуни	47,4×47,4×12,5 см	47,4×32,3×12,5 см

кирпичные стены укладывались выступающими рядами кирпичей, в результате ширина помещения в верхней части была меньше нижней ее части. В виде исключения целла центрального храма была перекрыта импортным строевым лесом.

2. Характерной чертой планировки храма и форта является узкая прихожая, в которой находилась лестница или пандус, ведущий на второй этаж. Одноэтажное здание с многоколонным

залом не имеет пристроенных к залу жилых или хозяйственных помещений. В нем нет прихожей и портика.

3. Дверные проемы или смещены относительно друг друга (форт, центральный храм), или относительно центральной оси здания (колонный зал, западный храм). Двери открывались внутрь помещений.

4. Контрфорсы использовались как для крепостной стены, так и для внешних стен зданий.

5. Внутренние помещения имели ниши, некоторые из которых украшались сверху кирпичными зубцами в два или четыре ряда (центральный храм, зал и недостроенное здание к северу от центрального зала).

6. Стреловидные бойницы.

7. При строительстве использовался сырцовый прямоугольный кирпич (**табл. 2**).

§ 5. ГОДИН ТЕПЕ II: 2

Годин тепе находится в горной долине Ка(е)нгавар возле Большого Харасанского пути, проходящего через горы Загроса. Тепе расположено недалеко от перевала Туйсеркан, через который идет дорога в долину, где находится Нуш-и Джан тепе, и недалеко от перевала Эседабад, ведущему в г. Хамадан (**рис. 1, 2**). В отличие от Нуш-и Джан, Годин тепе обживался с перерывами с эпохи неолита до РЖВ, примерно до конца II тыс. до н. э. После длительного запустения в VIII в. до н. э. холм вновь был заселен. Так называемая Верхняя цитадель расположена на вершине 30-метрового холма. Строительство зданий началось не позднее 700 г., возможно, лет на 20 раньше, и около 650 г. дома были покинуты, но перед этим все помещения были вычищены (как и Нуш-и Джан тепе), чем и объясняется малочисленность находок (Young, Levine 1974: 35; **рис. 7: 1**).

Раскопки Годин тепе в течение 5 сезонов (1965, 1967, 1969, 1971, 1973) проводились ROM под руководством Т. Кайлер Янга при участии Университета Торонто и Археологической службы Ирана.

Годин II: 2 был резиденцией местного правителя (*bel ali*). Она состоит из нескольких построек, объединенных общей стеной

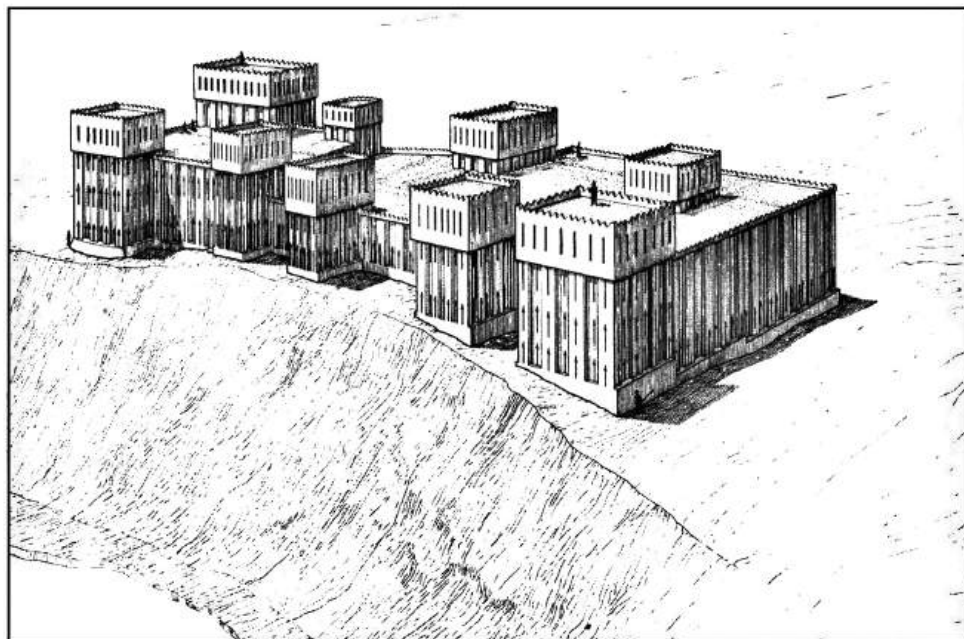
с башнями. Но здания возводились поочередно, хотя остается неясным промежуток времени между строительством каждого из них (Gopnik, Rothman 2011: 306). Первым был возведен 30-колонный зал для аудиенций (**рис. 7: 1**, пом. 9). Тронное место находилось почти в центре задней стены, а вдоль трех стен были узкие скамьи. Напротив трона на расстоянии 5 м был сложен из кирпичей очаг, в котором горел огонь. Место входной двери не удалось обнаружить, но, вероятно, она находилась в стене напротив трона. По углам зала были построены 4 башни, в самой большой из них (пом. 50) также находилось тронное место и дверь. Перекрытие опиралось на единственную колонну, сохранилась ее база, сложенная из камней и сырцового кирпича по тому же принципу, что и базы в Нуш-и Джан тепе (Gopnik, Rothman 2011: 320–321, fig. 7.23; **рис. 9: 2**).

Неясно, как скоро был построен второй 16-колонный зал (пом. 6). Он меньших размеров и с двумя рядами колонн. Между обоими залами прохода нет. Можно предположить, что зал меньших размеров мог служить жилым помещением, как и в Персеполе жилой дворец Дария — *точара*. Этому предположению не противоречат пристройки к залу с южной стороны помещений хозяйственного назначения (**рис. 7**, см. ниже).

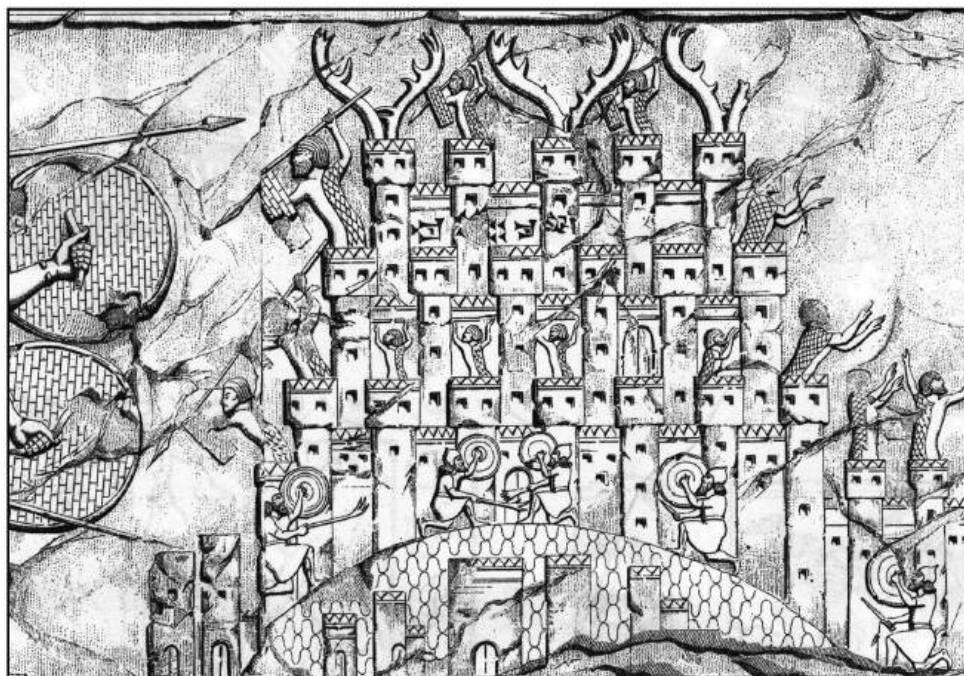
Позднее к северо-восточной стене помещения 6 был пристроен так называемый северный склад, состоящий из шести узких комнат и общего коридора. Постройка второго этажа над складом остается под вопросом, т. к. лестница не обнаружена, но некоторые признаки не исключают ее наличие (ibid.: 310). К этому складу был пристроен аналогичный по планировке южный склад. Более поздней является пристройка к двухколонному залу (пом. 6) нескольких хозяйственных помещений между южным складом и башней центрального зала. В них находились печи, очевидно, для приготовления еды. О наличии второго этажа свидетельствует лестница в одном из этих помещений (**рис. 7: 1**, пом. 42). Последним был пристроен к центральному залу с его западной стороны третий колонный зал (пом. 16). Если первый зал 9 представлял собою изолированное здание, о чем свидетельствуют угловые башни (правда, четвертая башня скорее связана с залом 6), то третий по времени зал, включивший в себя одну из башен центрального зала, представляет собой именно пристройку, назначение которой остается неясным.

Хотя Нуш-и Джан был религиозным центром, а Годин тепе — местом пребывания правителя, о сходстве архитектурных принципов построек обоих центров в первую очередь свидетельствуют: одинаковая планировка форта/склада, многоколонный зал как изолированное здание, не связанное с жилыми помещениями. Хотя в залах не обнаружены глубокие ниши — характерные для зала и храмов в Нуш-и Джан тепе, не исключено, что их отсутствие объясняется малой высотой сохранившихся стен в Годин тепе. Авторы раскопок отмечали различие в качестве строительства обоих памятников. Если в Нуш-и Джан тепе отмечается аккуратность кирпичной кладки, хорошее качество обмазки и тщательность ее нанесения и т. п., в Годин тепе работа строителей была значительно менее квалифицированной. Как шутя отметил Т. Кайлер Янг, строительство выполнялось «бригадой пьяных каменщиков» (Gopnik, Rothman 2011: 319). Но несмотря на все это, в обоих памятниках обнаруживаются общие строительные приемы: использование глиняных полубалок для перекрытия сводов и дверных проемов, которые, как предполагается были изобретением строителей из Нуш-и Джан тепе (ibid.: 320, fig. 7.22); одинаковое устройство базы колонны из камней и сырцовых кирпичей (ibid.: fig. 7.12, 7.13) и использование в стенах стреловидных бойниц длиной 132 см (ibid.: fig. 7.20) на расстоянии около 1,2 м друг от друга, применение прямоугольного сырцового кирпича (**табл. 2**). Жители обоих центров пользовались одинаковой нерасписной керамикой (см. ниже).

Реконструкция цитадели Годин II: 2 (**рис. 10: 1**), включающая все перечисленные выше постройки, обнаруживает, как отмечают авторы, сходство с изображениями крепостей, известных на ассирийских рельефах VIII до н. э., и называемых Саргоном мидийскими. Х. Гопник приводит в качестве аналогий изображение «мидийской» крепости Хархар на рельефе из дворца Саргона в Хорсабаде (ibid.: 336, fig. 7. 46, 7.47; Yadin 1963: 425). Аналогичные крепости, осаждаемые ассирийцами, изображены и на других рельефах из этого дворца Саргона: Кишесу (**рис. 10: 2**), Пазашу/Панзиш, но также изображена крепость в Газе (Yadin 1963: 421–424). Отмечаемое сходство реконструкции цитадели Годин II и изображений крепостей на рельефах спорно. Здания Годин II отличаются массивными башнями с узкими отверстиями только в их верхней части и стреловидными отверстиями в их нижней

1

2

Рис. 10. Реконструкция цитадели Гудин II: 2 (1), рельеф из дворца Саргона II в Хорсабаде (2)

части (Gornik, Rothman 2011: fig. 7.9, 7.46). На всех ассирийских рельефах крепости имеют одинаковые узкие башни, выступающие над куртинами, по всей высоте башни имеется несколько прямоугольных оконных проемов по одному в ряд и обычно два отверстия рядом в верхней, более широкой части башни, стреловидных бойниц нет.

Одинаковое изображение высоких узких башен в северосирийских и урартских крепостях на бронзовых Балаватских воротах, в мидийских, эламских и палестинских (Газа) крепостях на каменных рельефах (Yadin 1963: 420–425; Gunter 1982, pl. I–VIII) скорее свидетельствует об определенной условности изображения ассирийцами крепостей. Региональное различие между архитектурой крепостей обнаруживают другие детали их изображений (Gunter 1982: 103–112).

В VIII в. до н. э. Хархар и Кишесу еще не входили в состав Мидии, Саргон всегда называл их отдельно от нее. Они были небольшими горными владениями, которые граничили на западе Мидии, находившейся на равнине Хамадан. Хархар локализуется в районе горного отрезка Большого Харасанского пути в долине Кенгавар (**рис. 1**). Кишесу локализуется севернее Хархара в районе дороги Сенендедж-Хамадан (Медведская 2018: 111–113, карты 1–2). Панзиш был маннейской крепостью, которая находилась южнее владений Зикирту и Андии (Reade 1976a: 98–99; Медведская 2018: 138–139). Годин тепе находится в долине, где локализуется владение местного правителя (*bel ali*) Хархар, отождествление с которым крепости Годин II: 2 вполне вероятно. В VIII в. будущие составляющие территории Мидийского царства были еще разрознены. Но археологический материал Годин II: 2 и Нуш-Джан I позволяет говорить о том, что они уже обладали компонентами складывавшейся мидийской культуры: это доказывают архитектура и строительные приемы, которые использовались там, а также керамическая традиция.

Сопоставление архитектуры Баба Джан III, Нуш-и Джан I и Годин тепе II: 2 обнаруживает существенные различия между ними. И прежде всего, различен внешний вид реконструируемой цитадели Годин II: 2 и крепостей на рельефах Саргона с реконструкцией строений Баба Джан на Восточном холме (Gornik, Rothman 2011: fig. 7.9, 7.46, 7.47; Goff 1977: fig. 5; **рис. 3: 5; 10: 1–2**).

Составляющими планировку Баба Джан III являются здания с залом, который окружен хозяйственными и жилыми помещениями, перед залом широкая прихожая, а перед нею портик, в одном случае рядом с прихожей обнаружена комната с лестницей. Эта планировка восходит к северосирийской архитектурной традиции *бит-хилани* (*bit-hilani*), для планировки которой характерно параллельное расположение продольных осей зала и прихожей, использование колонн не обязательно. К. Гофф отметила, что эти здания имеют довольно близкое сходство с постройками Хасанлу IV (район озера Урмия, Goff 1977: 119). Однако планировка последних восходит к микенскому *мегарону* (Пилос), признаком которого является продольная ось зала, перпендикулярная прихожей, в зале обязательно два ряда колонн. Нужно также подчеркнуть, что в Баба Джан III и Хасанлу IV здание с залом и окружающими его помещениями является изолированной/самодостаточной единицей (**рис. 3: 2–3**). В Хасанлу IV она многократно повторена. Очевидно, что здания Хасанлу имели различные функции, но архитектура и планировка зданий не различает их. Планировка зданий периода IV восходит к периоду Хасанлу V (Dyson 1977: 166). Планировка *мегарона* получила широкое распространение на Древнем Востоке во II тыс. до н. э. и продолжала существовать в начале I тыс. до н. э., в частности, в Центральной Анатолии (фригийский Гордион, VIII в., Young 1966a: 60–71, fig. 4). Эта традиция существовала во II тыс. и в Месопотамии в строительстве храмов. Главный организующий принцип месопотамских храмов состоял из трех элементов: внешнее/доступное для участников церемоний святилище (зал), внутреннее, скрытое от глаз святилище, которое находилось в заднем помещении, и передняя комната; с боковых сторон могли добавляться пристройки (Dyson, Voigt 2003: 221–222, fig. 20.1, 20.2). Центральное помещение располагалось вдоль центральной оси здания, два других — перпендикулярно к ней. Все здания Хасанлу IVB, в том числе храм (VBII, **рис. 2: 3**), полностью соответствуют этой планировке. В Баба Джан III все три элемента такой планировки присутствуют, но с одним отличием — все помещения «усадьбы» 1 перпендикулярны продольной оси здания, что и соответствует планировке *бит-хилани*. Это отчасти можно объяснить тем, что они возводились на фундаменте ранней «усадьбы» 2 с центральным двором. На восточном холме планировка зала квадратная (**рис. 3: 4**).

Постройки Нуш-и Джан I и Годин II демонстрируют иную планировку зданий, другое их расположение, различным функциям соответствуют и различные типы зданий: храм, форт/склад, здание с многоколонным залом, они и прежде всего здание с залом, являются самостоятельными единицами, не связанными с жилыми и хозяйственными помещениями, в зале увеличилось количество рядов и число колонн, нет портика перед узкой прихожей (**рис. 7: 1, 4**). Но в целом, планировки цитадели Годин II: 2, которая служила местом пребывания *bel ali*, и Нуш-и Джан I с его храмами различны. В первом — оборонительные функции выполняли стены здания с башнями/контрофорсами (во всяком случае, северные стены зданий), во втором — защитой служила крепостная стена (**рис. 7: 1, 4**). Правда, отдельные элементы, общие с архитектурой Хасанлу и Баба Джан, можно видеть: в Нуш-и Джан I прихожая с лестницей наверх (но размеры коридора иные, как и наличие выгородки лестницы в Баба Джан тепе). В Годин тепе очаг в зале перед тронным местом и скамейки вдоль стен как и в Хасанлу, но сам этот многоколонный зал без окружающих помещений, в отличие от зданий в Хасанлу и Баба Джан тепе, и с угловыми башнями имеет мало общего с луристанскими и приурмийскими сооружениями.

Показательны и различные размеры и форма сырцовых кирпичей. В Луристане и в районе Урмии использовался квадратный кирпич разных размеров, в Нуш-и Джан I и Годин II: 2 кирпич прямоугольный (**табл. 2**). В последнем размеры прямоугольных кирпичей варьируются, наибольшие из них использовались при сооружении платформ скамеек в зале (Young 1969a: 24–27). «Мидийским» С. Свайни называл прямоугольный кирпич размером 48×26×12 см, в глину добавлялся мелкий камень или гравий; по его данным, вместе с появлением керамики типа Нуш-и Джан I к югу от Урмии там появился и прямоугольный кирпич (Swiny 1975: 89, note 32).

Недавние раскопки Муш-тепе в Хамадане, который находится на месте мидийской столицы Сагбат/Хангматана/Экбатаны, обнаружили часть строения (два смежных помещения), планировка и строительные приемы которого близки казарменным постройкам Нуш-и Джан и Годин тепе, в том числе перекрытие дверных проемов при помощи полубалок (Mohammadifar, Sarraf, Motarjem 2015: 234–238, fig. 3, 4; **рис. 9: 4**). В Муш-тепе, как и в других слоях доахеменидского Хамадана, также использовался прямоугольный

кирпич (Roaf 1995: 63; **табл. 2**). С. Браун подчеркивает, что кирпичи, из которых была сложена крепостная стена, часть которой была обнаружена на глубине 7 м при строительных работах в Хамадане, размерами и пропорциями подобны кирпичам из мидийских слоев Нуш-и Джан и Годин тепе (Brown 1997: 81), что служит важным свидетельством их общей строительной практики.

Мидийским памятником считается тепе Озбаки. Планировка обнаруженной там постройки схожа с фортом в Нуш-и Джан (Stronach 2003: 238, fig. 6), о его мидийской принадлежности свидетельствует и обнаруженная там керамика (*ibid.*: fig. 7). Автор раскопок считает этот памятник «истинно» мидийским, подчеркивая сходство планировки и, главное, овальной крепостной стены (ширина 5 м) с Нуш-и Джан I (Majidzadeh 2001: 4, map 1). Однако кирпич здесь использовался квадратный (**табл. 2**), как и в недалеко расположенных маннейских центрах Зивие и Рабат тепе (Kargar, Binandeh 2009: 117; **табл. 2**; о спорности «маннейской» принадлежности Рабат тепе см. гл. VI).

Пятым известным на сегодняшний день мидийским памятником является Гунеспан тепе; он расположен в 30 км к юго-западу от г. Малаер. Здесь обнаружена значительная часть форта с четырьмя узкими помещениями, обнесенного, как и в Нуш-и Джан I, овальной в плане крепостной стеной. Перекрытие дверного проема с использованием прямых глиняных полубалок, ниши в стенах, прямоугольный сырцовый кирпич и нерасписная керамика с включением слюды — все это свидетельствует о его культурной близости с рассмотренными выше мидийскими памятниками (Naser, Malekzadeh, Naseri 2016: 103–116, pl. 5, 8–9, 11b, 12, 20; **рис. 7: 3**). Хорошая сохранность дверного проема позволяет уточнить его устройство. В отличие от сводчатых помещений в Нуш-и Джан тепе, у которых стенки, сужаясь кверху, становились наклонными, что уменьшало проем в основании свода, в Гунеспан тепе стенки дверного проема оставались вертикальными (*ibid.*, pl. 12–15).

Архитектурные особенности Годин II: 2, Нуш-и Джан I, Муш тепе, Гунеспан и Озбаки, их керамическая и строительная традиции позволяют говорить о том, что они уже обладали общими компонентами культуры будущего Мидийского царства. К сожалению, современный Хамадан перекрыл древние слои города, и мы не можем судить о том великолепии Хангматаны/Экбатан, о котором сообщал Геродот (I, 98).

Предполагается, что строительство форта в Телль Джубба (Месопотамия, среднее течение р. Дияла; кирпич прямоугольный: *ibid.*, **рис. 7: 2**) и зданий в Тилль Хуюк (верховье р. Евфрат, севернее Харрана) было осуществлено мидийцами в период их завоеваний (Roaf 1995: 65–66, размеры кирпичей не указаны, **рис. 2**).

Очевидно, что рассмотренные памятники не принадлежат одной архитектурной и строительной традиции. И если архитектура Баба Джан III, как и Хасанлу, отражает традиции *бит-хилани* и *мегарона*, то в Годин II и Нуш-и Джан I наблюдается нечто принципиально новое. Храм с алтарем для огня не имеет аналогов нигде прежде, очевидно и новое назначение парадного многоколонного зала, не связанного с хозяйственными постройками. Позднее эти новшества получили великолепное продолжение в архитектуре ахеменидского периода.

Появление многоколонного зала в рассмотренных памятниках имеет важное значение для решения вопроса о становлении мидийской культуры.

В 1954 г. Г. Франкфорт написал «ахеменидские колонные залы происходят из мидийской архитектуры, от которой ничего не осталось» (Gopnik, Rothmann 2011: 339). Раскопки мидийских памятников Нуш-и Джан и Годин тепе подтвердили слова Г. Франкфорта о мидийских истоках ахеменидского зала. Но была ли концепция многоколонного зала мидийским изобретением или мидийцы заимствовали эту идею извне?

Колонны использовались на всем Древнем Востоке: они формировали портики вокруг здания, поддерживали балконы/галереи, но очень редко использовались в интерьерном пространстве и никогда не использовались в тронной комнате. Например, во дворцах Ашшурнацирапала II (Нимруд/Кальху, IX в.) и Саргона (Дур-Шаррукин / Хорсабад, VIII в.) эти узкие длинные комнаты имели одинаковые размеры и пропорции 10×45 м (Winter 1993: fig. 7, 9, 10; **рис. 11: 2**). Следовательно, они перекрывались одним рядом стволов и колонны не требовались. То же самое относится к тронной комнате во дворце Набопаласара и Навуходоносора, хотя она шириной около 15 м (конец VII — первая половина VI в.) (*ibid.*: fig. 8; **рис. 11: 1**).

В урартских городах также не было многоколонных залов (см. дворцовый комплекс в северной части Арин-берда, **рис. 11: 3**). Здесь они появились только в ахеменидский период, когда в некоторых

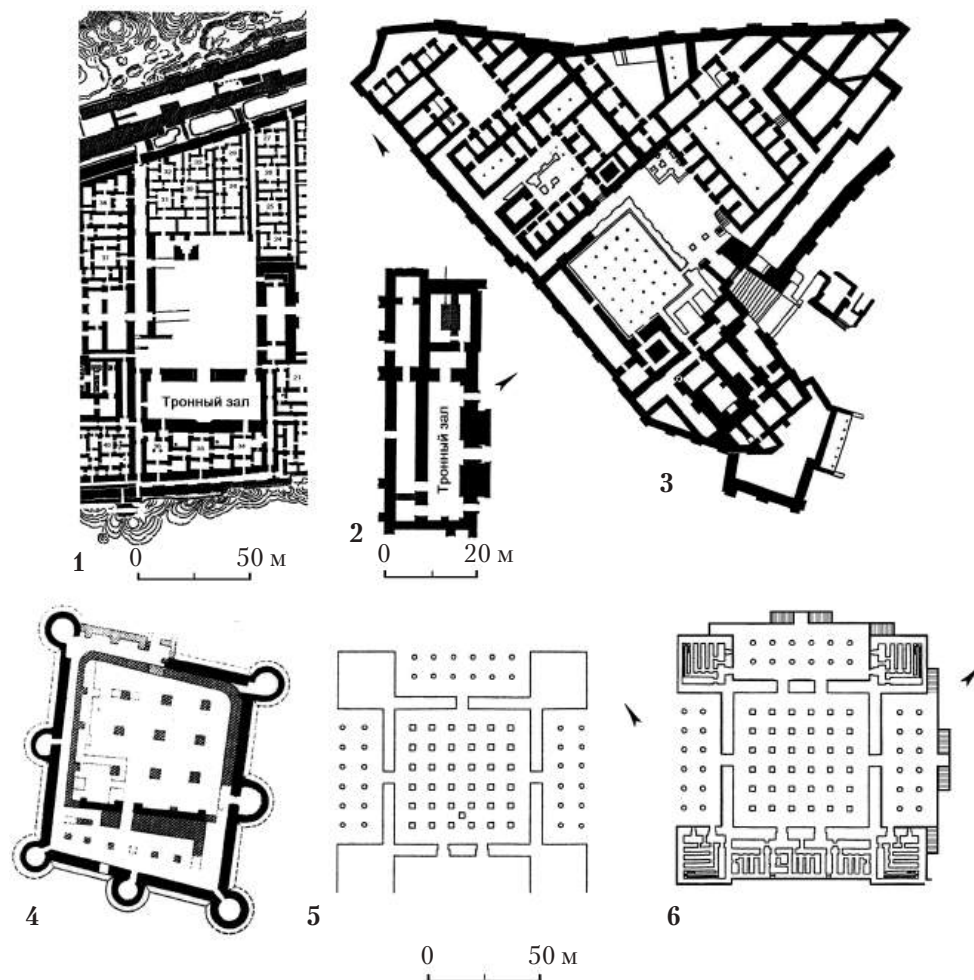

Рис. 11. Планы дворцов Набопаласара и Навуходоносора II (1), Саргона II (2) и ахеменидской *ападаны* в Арин-берде (3), Сузах (5), Персеполе (6), храма в Тиллятепе (4)

бывших урартских городах в начале V в. обосновалась ахеменидская администрация. Так было в Эребуни (Арин-берд, Армения), который стал центром сатрапии. В этом городе, основанном в 782 г. до н. э. Аргишти I, 36-колонный зал был возведен персами на месте храма урартского бога Халди, точнее, был пристроен к нему. Храм представлял собой вытянутое узкое помещение с 12-колонным портиком (2 ряда по 6 колонн), к которым при возведении зала добавили еще 3 ряда колонн, зал не имел угловых башен (Tirats'yan 2003: 43–50, pl. 7; **рис. 11: 3**). На Алтынтепе (Турция, вторая

половина VIII в.) многоколонный зал частично перекрыл здание урартского храма (3 ряда по 6 колонн) (Forbes 1983: 21, 59, fig. 13), что доказывает не-урартское происхождение многоколонных залов.

Не было многоколонных залов в начале I тыс. до н. э. и в Средней Азии. Остается открытым вопрос о происхождении зала с девятью кирпичными столбами/колоннами в храме Тиллятепе в Афганистане (Сарианиди 1989: 21–22, рис. 2). Хотя западно-иранское влияние на архитектуру храма Тиллятепе не исключалось (Мамедов 2003: 76–77), но, кроме кирпичных столбов (в Иране они деревянные), ничего в сложной планировке храма не напоминает архитектуру западноиранских построек (рис. 11: 4). Однако недавние раскопки поселения Риви на северо-востоке Ирана (пров. Хорасан, дельта р. Атрек) на границе с Туркменией обнаружили в здании/складе стреловидные «амбразуры», характерные для архитектуры Нуш-и Джан и Годин II (рис. 9: 1; Ja'fri, Tomalsky 2021: fig. 3).

В Иране в Хасанлу IX–VIII вв., как и на всей территории Урарту, залы, окруженные помещениями хозяйственного назначения, имели только два ряда колонн (Forbes 1983, 56, fig. 31–32). Назначение залов не всегда определяется, но, например, в Хасанлу IVB два зала с четырьмя колоннами (BB IVE, V), как и зал с четырнадцатью колоннами в Бастаме, служили конюшней (ibid., Schauensee 1989: 38). Малоазийское влияние *мегарона* на архитектуру таких залов очевидно, как и влияние *бит-хилани* в Баба Джан тепе. Но мидийские и ахеменидские залы не испытали их влияния: они имели другую архитектурную концепцию (парадный зал без жилых и хозяйственных помещений), увеличилась площадь зала и, соответственно, понадобилось большее число рядов колонн.

Ахеменидская *ападана* — многоколонный зал предназначался для торжественных приемов и мог вместить до 10 000 человек. *Ападана* в Персеполе (60×60 м), как и в Сузах (58×58 м), состояла из 36-колонного зала, окруженного с трех сторон портиками с двумя рядами колонн (6×2), по углам здания башни с лестницами, ведущими на крышу (рис. 11: 5–6). Колонны каменные, но в некоторых зданиях Персеполя они были и деревянные.

Если в узком зале ассирийского дворца внимание входящих фокусировалось на царской персоне, то в *ападане* акценты были другие. Лестницы, ведущие в зал, украшены рельефами, как и другие здания Персеполя, изображения на которых служили

пропагандой новых идей ахеменидской государственности, прежде всего идеи обуздания зла и идеи всеобщего согласия. Первая идея выражена на рельефах, изображающих победоносную борьбу царственного героя со львом, быком или львиноподобным монстром. Идею всеобщего согласия воплощают изображения царя на троне, который поддерживают представители народов империи в общем восхвалении, в том числе мидийцы и персы; или царь на троне принимает посланников из всех стран империи, несущих дары царю; уважение к гостям выражено тем, что все они в присутствии царя со своим оружием.

В *ападане* царь собирал подданных со всех концов империи, демонстрируя всем ее размеры как изобразительностью на стенах, так и архитектурным пространством огромного зала. Начиная с эпохи Кира II, многое можно назвать новым и в политике: не практиковалась депортация завоеванного населения, о веротерпимости свидетельствует восстановление храмов в Вавилоне и в Иерусалиме и т. п. В официальных документах о завоеваниях сообщается в общих выражениях, что не означает, что в действительности завоевания обходились без жестокости и убийств. Но пропагандируется желаемый результат — спокойное существование всех жителей Ахеменидской империи, которые в день великих праздников несут дары царю, всегда отводящему от них зло.

Все это разительным образом отличается от жестокости и безжалостной ассимиляции ассирийской практики, отображенных в ассирийской культуре и искусстве. Анналы полны восхваления жестокости и насилия, никогда ассирийским царям не приписывались терпимость, справедливость или забота о подвластных народах. И такой же простодушный реализм мы видим на рельефах из ассирийских дворцов. Только на ассирийских рельефах поверженные враги изображены обнаженными — крайняя мера унижения, у хеттов поверженный враг изображен одетым. По-видимому, неуважение к подчиненным народам исключало приглашение во дворец их представителей: небольших размеров тронная комната предназначалась для приема узкого круга приближенных. Для разного рода праздников предназначались дворы, прихрамовые территории и т. п.

Итак, Ахемениды сделали зал местом пропаганды. Но все это было оформлено уже в ахеменидский период. А что же было в Мидии, почему там уже существовали многоколонные залы, пусть

и меньших размеров? Раз они появились у отдельных владельцев будущего Мидийского царства, значит, в них была потребность. В зале вдоль стен находились скамейки, на которых сидели и вели беседы. Что это — потребность совместно обсуждать с правителем текущие дела? И восходит эта потребность к недавнему иранскому прошлому с его традициями патриархально-общинного строя. Как бы то ни было, именно мидийцы создали новую архитектурную концепцию и планировку многоколонного зала, при этом заимствования извне, даже в строительных деталях, единичны или четко не определяются¹. Планировочные и строительные нововведения мидийцев стали составляющей частью иранской культуры в ахеменидский и последующие периоды истории Древнего Востока.

К различным традициям принадлежало и производство расписной лепной и станковой керамики периода Баба Джан III и Силка В и нерасписной станковой керамики из пяти рассмотренных выше мидийских памятников.

§ 6. МИДИЙСКАЯ КЕРАМИКА

Обнаруженная в Нуш-и Джан тепе керамика периода I происходит из нескольких помещений: Центрального храма (пом. 1), Форта (пом. 11, 18), пом. 40 (?). Подробно описана только керамика из помещения 18. Первоначально она находилась на полу верхнего помещения, которое располагалось над помещением 18 первого этажа, и попала в него после обрушения пола и потолка. Выделено четыре группы керамики: 1) светло-глиняная бытовая керамика, 2) серо-глиняные лощёные сосуды тщательной выделки, они, очевидно, подражали металлическим сосудам, 3) кухонная и 4) рыхлая керамика. Количество керамики каждой группы см.: Stronach 1978: fig. 5. Первые две группы составляет станковая

¹ Помимо отмеченного выше заимствования из Ассирии вентиляционных и стреловидных отверстий, возможным урартским заимствованием (но не обязательным) был туннель в Нуш-и Джан тепе, хотя ниши с зубчатым бордюром из кирпичей могли копировать урартскую деталь каменной архитектуры. Что касается контрфорсов на крепостных стенах и на отдельных зданиях, то они повсеместно использовались в эту эпоху (Gunter 1982: 108–110).

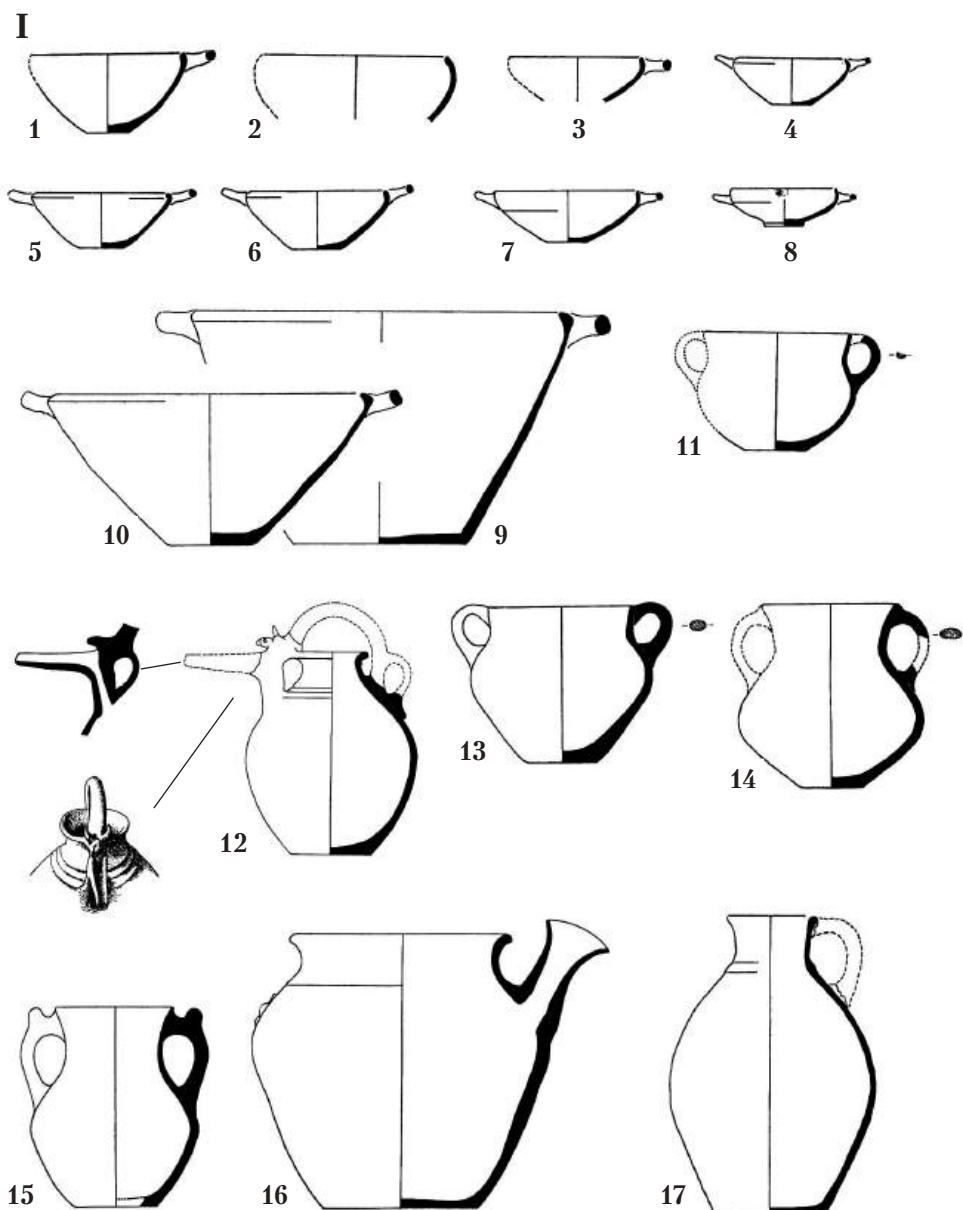
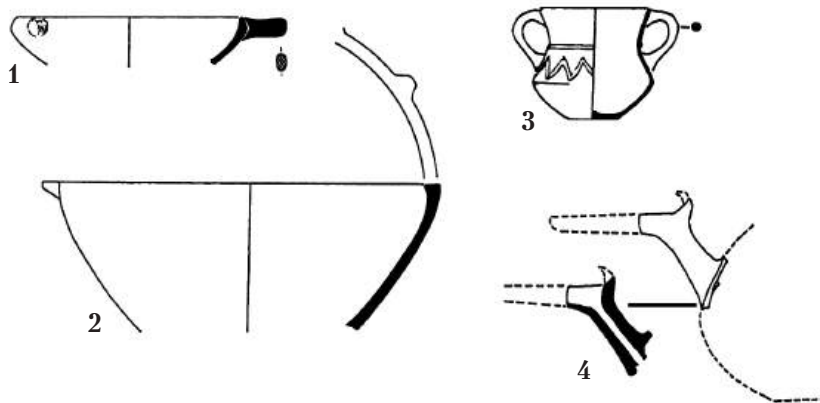

Рис. 12. Керамика Нуш-и Джан I, группа I

керамика, за исключением больших сосудов — пифосов и глубоких мисок группы I (*ibid.*: fig. 9: 10–12; fig. 6: 28–29; fig. 7: 1, 4), две других группы составляет лепная керамика.

Группа I (рис. 12) представлена большими и маленькими мисками с одной или двумя горизонтальными ручками (миски

II

III

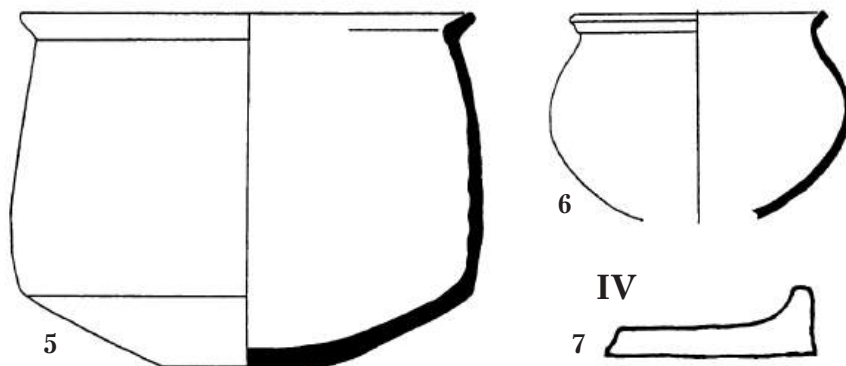

Рис. 13. Керамика Нуш-и Джан I, группа II (1–4), группа III (5–6), группа IV (7)

без ручек относительно редки, рис. 12: 1–10), небольшими горшками с двумя вертикальными ручками (рис. 12: 11, 13, 14), одноручными кувшинами с вертикальной ручкой и горшками с уплощенным цилиндрическим сливом (ibid.: fig. 6: 1–29; fig. 7: 9–12; fig. 8: 3–12, 1–2; Stronach 1969: fig. 7: 3; рис. 7: 16, 17), кубками с одной или двумя рогаыми ручками (Stronach 1969: 7: 2; Stronach 1978: fig. 7: 13–14, рис. 12: 15), и кувшинообразным сосудом со сливом и ручкой как у корзинки (Stronach 1969: fig. 7: 1; рис. 12: 12). Пифосы украшены витыми налепными валиками или поясками вдавлений, нанесенных остроконечным инструментом по сырой глине (Stronach 1978: fig. 5, pl. VIIe).

Группа II (рис. 13: 1–4) немногочисленна и представлена небольшим горшком с двумя вертикальными ручками, украшенным

зигзагообразным прочерченным орнаментом, и фрагментами еще двух горшков (*ibid.*: fig. 5; fig. 9: 13, 15, 16; **рис. 13: 3**). Найден слив — фрагмент чайника, который, очевидно, не прикреплялся дополнительно к венчику сосуда, что является ранним признаком сосудов этой формы (*ibid.*: fig. 9: 14; **рис. 13: 4**); имеются миски с горизонтальной ручкой (пом. 11; Stronach 1969: fig. 6: 4) или выступом вместо ручки (пом. 1; Stronach 1969: fig. 6: 10; **рис. 13: 1–2**).

К **группе III (рис. 13: 5–6)** относятся несколько горшковидных сосудов (Stronach 1978: fig. 9: 17–20). Поверхность сосудов закопченная, просматривается лощение поверхности, иногда доведенное до блеска. Горшки имеют почти прямые стенки с перегибом в придонной части сосуда (*ibid.*: fig. 9: 17), реже горшки имеют округлое тулово (*ibid.*: fig. 9: 18).

В **группу IV (рис. 13: 7)** включены фрагменты плоскодонного «подноса» с невысокими стенками (*ibid.*: fig. 5).

Вся керамика сделана из глины, содержащей, помимо песка/гравия, слюду золотистого и серебристого цвета. В кухонной керамике фрагменты слюды серебристого цвета достигают 3–4 см в диаметре, а рыхлое тесто подноса содержало фрагменты слюды золотистого цвета, длина которых достигала 2 см (Stronach 1978: 15–16). Именно слюда стала одним из ярких признаков керамики Нуш-и Джан.

Считается, что эта керамика должна датироваться временем после консервации храма и прекращения функционирования всех построек периода I. Другими словами, эта керамика использовалась теми, кто поселился в заброшенных зданиях, соорудив в них небольшие помещения. Но обживали ли они второй этаж, на полу которого находилась обнаруженная археологами керамика? Начало обживания старых зданий скваттерами относится ко времени примерно после 650 г. (Stronach, Roaf 1978: 10; Gopnik, Rothman 2011: 334, tabl. 7.1.). Но могли ли скваттеры производить такую керамику, которая считается импортной, как в Баба Джан II, так и в Годин II? При чем импорт этой керамики предполагает существование налаженного, специализированного производства керамики и сеть ее распространения (см. ниже).

Ответить на этот вопрос помогает исследование керамики Годин II, проведенное Х. Гопник. Керамика периода II: 2, 1 станковая и, очевидно, изготовленная искусными мастерами. Следов их деятельности на цитадели Годин тепе нет, следовательно,

керамика производилась за ее пределами, в долине (Gopnik, Rothman 2011: 331–333). Цитадель периода Годин II: 2 (750–650) также была покинута ее обитателями и спустя некоторое время заселена скваттерами после 600 гг. до н. э. (фаза II: 1, *ibid.*: 334, 344, tabl. 7.1.). Но главный вывод, сделанный автором на основе анализа керамики, свидетельствует о том, что существенных различий в керамике обеих фаз периода Годин II нет. Миски, кувшины и кухонная посуда различается лишь преобладанием того или иного вида посуды, размерами мисок (в фазе II: 1 они больше), но высокое качество керамики одинаковое, как и специфический состав теста, включающий слюду (*ibid.*: 330–336, fig. 7.35.–7.43.). Уточнение принадлежности керамики к той или иной фазе затруднено тем, что скваттеры, заселив цитадель, были окружены несколькими мусорными свалками предшествующего времени, которые они пополняли своим мусором, включавшим керамику; только керамика, найденная на первоначальном полу строений цитадели, должна принадлежать к фазе Годин II: 2 (*ibid.*: 330).

Но в таком случае керамика, попавшая в помещение 18 фор-та (предпоследняя по времени постройка в Нуш-и Джан тепе), должна принадлежать к концу ранней фазы Нуш-и Джан тепе, поскольку она первоначально находилась на полу верхнего помещения, и датироваться не позднее 650 гг. до н. э. Можно считать, что мидийская керамика типа Нуш-и Джан I появилась в Баба Джан II и в Годин II: 2 до того, как там появились скваттеры, т. е. до середины VII в. до н. э. Это вполне сочетается с началом строительства оригинальных сооружений в Нуш-и Джан I и Годин II: 2 около середины VIII в. для местной мидийской элиты *bel ali*, а для налаживания производства станковой керамики и создания сети ее распространения понадобилось некоторое время.

Вся эта нерасписная керамика считается мидийской, что окончательно подтверждается находками аналогичной керамики в мидийской столице Хангматана/Экбатаны (Муш тепе) (Mohammadifar, Sarraf, Motarjem 2015: 239, pls. 10–15). Помимо общности форм, технических качеств, важным критерием сходства служит состав теста, включающий, помимо прочих добавок, слюду золотистого или серебристого цвета (*ibid.*; Young 1969a: 30–32). В Гунеспан тепе также обнаружена станковая керамика с включением слюды и кварца, опубликованные фрагменты мисок с ручкой, аналогичные мискам из Нуш-и Джан (Naseri, Malekzadeh,

Naseri 2016: 110–112, pl. 19–20; рис. 12: 1). Аналогичная керамика найдена и в Озбаки тепе (*ibid.*: 112).

В VII в. до н. э. мидийская керамика проникает к западу от хребта Кух-и Гарин в Луристане, в частности, в долину Дельфан (**рис. 1**), где она обнаружена в период Баба Джан II (Восточный холм, Roaf 1995: 63, табл. 1). К. Гофф подчеркивает, что слюда не обнаружена в составе керамики Баба Джан III (Goff 1978: 36–38).

Именно слюда стала главным отличительным признаком мидийской керамики, которая получила широкое распространение. Эта керамика обнаружена севернее дороги Хамадан-Таджикстан (Swiny 1975: 89). Показательно, что она обнаружена на территории бывших урартских владений: в Закавказье (Аринберд, Армавир), в восточной Анатолии (Алтынтепе, Чавуштепе), в Приурмийском районе, к северо-западу от озера Урмия в Бастаме постурартского периода (например, миски с горизонтальной ручкой, Kroll 1976: 112, Тип 3; см. гл. III, § 3), и вплоть до юга Средней Азии (Улуг тепе) (Kroll 2015: 110–111, fig. 5–10). Причем Х. Гопник подчеркивает, что распространение мидийской керамики могло произойти в результате создания мидийцами «экономической сети», через которую керамисты могли распространять свою продукцию на столь обширной территории, исключая возможность этнической или политической идентичности (Gopnik 2003: 259). Хотя именно политическая идентичность могла усилить функционирование этой экономической сети. В 640-е гг. до н. э. Урарту как целостное государство перестает существовать и между 640–625 гг. территория к югу от Кавказа, где находится Бастам, уже входила в состав Мидийского царства (Медведская 2018: 178–179). Керамический горизонт Нуш-и Джан I — Гордин II позднее стал основой керамики ахеменидского периода (Gopnik 2003: 259).

Как и керамика, архитектура мидийских памятников проясняет процесс становления иранской культуры мидийского и ахеменидского периодов. Один из вероятных путей сложения иранского искусства на начальном этапе его формирования был предложен В. Г. Лукониным. Определенный им «стиль цитат» на ряде произведений искусства обнаруживает механизм сложения иранской изобразительности путем отбора из разных источников отдельных изображений, скомбинированных согласно определенному сюжету. Переосмысление чужеродных образов и синтез

разнородных элементов привел, по мнению В. Г. Луконина, к созданию собственно иранского искусства (Дандамаев, Луконин 1980: 69–70, 90–103). Искусство и архитектура древневосточных культур является единым целым. Архитектура наравне с рельефами, настенной живописью и даже текстилем была, по словам П. Кальмейера, частью царского самовыражения (Calmeyer 1987: 565). То, что могло служить прокламативным целям ахеменидского царства, могло начать складываться уже в мидийский период первого иранского государства.

Мидийское царство было первым иранским государством, сложившимся в VII в. до н. э. Около 550 г. до н. э. в Мидийском царстве в результате военного переворота произошла смена династий. К власти пришел правитель вассального владения Аншан на юге Мидийского царства Кир II из рода Ахемена. И по существу первое иранское государство было Мидийско-Ахеменидским (Медведская 2018: 205–210). Важная роль Мидийского царства в истории стран Древнего Востока предполагает и ее важную роль в качестве культурного посредника между царствами, сошедшими с политической арены во второй половине и в конце VII в. (Урарту, Ассирия) и Ахеменидской державой (с начала второй половины VI в. до н. э.).

Первоначально роль Мидии в качестве культурного посредника хотя и обозначалась, но по существу не доказывалась, материала для этого было мало. Так, Р. М. Гиршман выдвинул гипотезу, согласно которой иранцы (мидийцы и персы), находясь уже на территории Древнего Ирана, познакомились с урартской культурой, которая стала важным фактором в формировании их собственной культуры (Ghirshman 1962: 85–88). Он учитывал, в частности, отмеченную И. М. Дьяконовым очевидную роль мидийцев в передаче стиля и структуры урартских надписей в древнеперсидские надписи (*ibid.*: 88).

Р. М. Гиршман также считал, что иранцы получили знания и навыки в строительном ремесле непосредственно от урартов. В основе этой гипотезы лежат выявленные Р. М. Гиршманом архитектурные и строительные параллели между урартской и ахеменидской строительными практиками, в частности, рустовка каменных блоков (Ghirshman 1962: 86). В дальнейшем полностью эта гипотеза не получила поддержки, поскольку, например, в строительном ремесле ахеменидского периода было определено сильное

ионийское влияние (Stronach 1974: 246–247); строителями, согласно письменным текстам, и были ионийские и лидийские каменщики. Вавилонские строители использовали квадратный кирпич. Что же касается урартской архитектуры, в том числе скальных гробниц и каменных башен, то ахеменидские скульпторы и архитекторы могли сами все видеть и что-то использовать в своей работе, что тогда было обычной практикой¹: еще в V в. до н. э. многие урартские города продолжали существовать и некоторые из них перестраивались в качестве центров сатрапий Ахеменидского царства (Арин-берд). К тому же пока нет данных об использовании мидийцами камня при строительстве зданий.

Архитектура Нуш-и Джан I и Годин II, с одной стороны, обнаруживает очевидные, хотя и незначительные «цитаты», но в ином контексте, с другой стороны, изменилось в целом назначение здания с залом. На этих памятниках обнаруживаются принципы новой архитектуры, отвечающей потребностям, очевидно, нового населения — носителей новой культуры. Она находит много общего с иранской архитектурой ахеменидского времени. Прежде всего в общем понимании многоколонного зала/*анаданы* как отдельного здания, не связанного с жилыми и хозяйственными функциями. С общей религией связан храм огня, точнее — алтарь для его зажигания. Хотя общими в оба периода первого Иранского государства были характерные детали архитектурного декора: уступчатые ниши и зубчатый бордюр в Нуш-и Джан тепе и Ка'бе Зороастра (Накш-и Рустам), в Пасаргадах (Зендан-и Сулейман), мидийское посредничество в этом случае необязательно.

Но близость или единство архитектурной концепции обоих периодов свидетельствует о мидийских истоках культуры ахеменидского периода, с одной стороны, и в пользу иранской принадлежности архитектуры Нуш-и Джан I и Годин II, с другой стороны. И в таком случае неизбежно исключение Баба Джан III и Сиалка В из числа мидийских памятников Древнего Ирана, что следует также из различия керамических традиций этих памятников. В пользу такого заключения свидетельствуют и данные исторической географии: первоначальная территория Мидия не включала Луристан, за исключением его восточных окраин; это исключает

¹ Подробнее о механизме сложения ахеменидского искусства см: Медведская 2004, 657–697, 828–829.

обоснование для включения в датировку Баба Джан III IX в., о чем сказано выше.

Первоначально исследователи искали исходные очаги культуры иранцев/мидийцев за пределами Ирана¹, но эти поиски оказались безрезультатными именно потому, что их культура начала формироваться уже на территории будущего Мидийского царства.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ИСТОЧНИКОВ

Рис. 1. Луристан и соседние области в VIII–VII вв. до н. э. **1** — Нуш-и Джан тепе; **2** — Гунеспан тепе; **3** — Годин тепе; **4** — тепе Гиян; **5** — тепе Джамшиди, **6** — Баба Джан тепе; **7** — Сурх-и Дум; **8** — тепе Гуран (Медведская 2018, карта-схема 3, дополнена автором).

Рис. 2. Археологические памятники XI–VII в. до н. э. (Kroll 2015: fig. 10, карта дополнена автором).

Рис. 3. Планы построек Баба Джан III (**1–2, 4–5**) и Хасанлу IVB (**3**) (1–2: Goff 1969: fig. 2, 4; 4–5: Goff 1977: fig. 1, 5; 3: Dyson, Voigt 2003: fig. 20.1).

Рис. 4. Элементы росписи керамики Баба Джан III: Центральный холм (**1–4, 6, 7, 13, 15–19**), Восточный холм (**5, 7, 9–12**), могила между холмами (**14**) (1, 2, 13, 17, 18: Goff 1978: fig. 5: 4, 6, 7, 8, 3; 5, 7: *ibid.*: fig. 1: 14, 6; 6, 8, 19: *ibid.*: fig. 6: 2, 4, 5; 3, 4, 15, 16: *ibid.*: fig. 8: 1, 13, 10, 9; 9, 10: *ibid.*: fig. 4: 12, 13; 11, 12: *ibid.*: fig. 2: 20, 36; 14: Goff 1970: fig. 7: 10).

Рис. 5. Керамика Баба Джан III–II (**1–5**), Алишар (**6–11**) (1, 2: Goff 1978: fig. 6: 1, 10; 4, 5: *ibid.*: fig. 8: 18; 10: 1; 3: Goff 1968: fig. 10: 29); (6–11: Akurgal 1955: Abb. 39; 18; 11; 1; 2; 12).

Рис. 6. Керамика Сиалк В (**1–8**), Баба Джан III (**9–12, 14–20**), Баба Джан IID (?) (**13**) (1–8: Ghirshman 1939: 1 (мог. 38, pl. LXIV, S.875), 2, 3 (мог. 94, pl. LXXVIII, S.961a, S.963), 4–8 (pl. LXXXIV, S.1469, S.337, S.342, S.365, S.286); (9–20: Goff 1978: 9, 12: fig. 1: 4, 3; 10–11: fig. 5: 2, 5; 13: 61, fig. 9: 18; 14–15: fig. 2: 24, 26; 16–18: fig. 2: 19, 18, 21; 19–20: fig. 6: 6–7).

Рис. 7. Планы построек Годин II: 2 (**1**), Телль Джубба (**2**), Гунеспан (**3**), Нуш-и Джан (**4**) (1: Gornik, Rothman 2011: fig. 7.7; 2: Roaf 1995: ill. 29; 3: Nasery, Malekzadeh, Nasery 2016: pl. 18a; 4: Stronach, Roaf 1978: fig. 1).

Рис. 8. Нуш-и Джан тепе: целла центрального храма (**2**), алтарь (**1**) (Roaf, Stronach 1973: fig. 2, 6).

¹ Подробнее см. Медведская 2019.

Рис. 9. Архитектурные детали мидийских (**1** — Годин II: 2; **2–3** — Нуш-и Джан; **4** — Муш тепе) и месопотамских (**5** — Кальху) памятников (1: Gornik, Rothman 2011: fig. 7.20; 2: *ibid.*: fig. 7.23); (3: Roaf, Stronach 1973: fig. 5); (4: Mohammadifar, Sarraf, Motarjem 2015: fig. 4); (5: Heinrich 1984: Abb. 76).

Рис. 10. Реконструкция цитадели Годин II: 2 (**1**), рельеф из дворца Саргона II в Хорсабаде (**2**) (1: Gornik, Rothman 2011: fig. 7.9); (2: Yadin 1963: 420, Кишесу).

Рис. 11. Планы дворцов Набопаласара и Навуходоносора II (**1**), Саргона II (**2**) и ахеменидской *ападаны* в Арин-берде (**3**), Сузах (**5**), Персеполе (**6**), храма в Тиллятепе (**4**) (1: Heinrich 1984: Abb. 128); (2: Loud, Altman 1938: pl. 86, Palace); (3: Оганесян 1980: илл. 86); (5–6: Stronach 1985: fig. 1); (4: Мамедов 2003: рис. 41).

Рис. 12. Керамика Нуш-и Джан I, группа I: **1–10, 17** (Stronach 1978: fig. 6: 1–8, 28–29, fig. 8: 11); **11, 13–14** (Stronach 1969: fig. 6: 7–9); **12, 15–16** (*ibid.*: fig. 7: 1–3).

Рис. 13. Керамика Нуш-и Джан I, группа II (**1–4**), группа III (**5–6**), группа IV (**7**) (1–2: Stronach 1969: fig. 6: 4, 10); (3–6: Stronach 1978: fig. 9: 13, 14, 17, 18); (7: *ibid.*, fig. 5).

ГЛАВА V

ПРИКАСПИЙСКИЙ РАЙОН ИРАНА, ПРОВИНЦИЯ ГИЛЯН

Прикаспийские территории в современном Иране занимают две провинции — в районе юго-западного побережья Каспийского моря от г. Астара на севере до долины р. Сефидруд, точнее, небольшой реки Полеруд и г. Кух-и Сомам, находится Гилян; Мазандеран граничит с Гиляном и простирается до юго-восточных прикаспийских земель на границе с Туркменистаном. В Гиляне вдоль узкого морского побережья с севера на юг тянутся гряды гор, прерываемые только на юге Гиляна долиной р. Сефидруд. К северу от нее горы называются Талышскими, к югу от нее — горы Эльбурс. Официально провинция Гилян на севере граничит с республикой Азербайджан, граница между ними проходит между двумя городами с одинаковым названием Астара. Но само название Гилян часто относится только к равнине Сефидруд в пределах дельты одноименной реки на востоке до равнины Фоумен на западе (Basin 2001: 618–619). И в этом случае Талыш включает территорию от Астары на севере до городов Резваншахр и Масал на юге (Khalatbari 2004: 22). Лесистые горы трудно проходимы, здесь произрастают тис, бук, дуб, граб и только у истоков р. Сефидруд вокруг городов Рудбар и Менджиль растет кипарис (Basin 2001: 621), древесина которого в древности очень высоко ценилась (**рис. 7**, см. ниже).

Исследование археологических памятников раннежелезного века Древнего Ирана началось с работы Жака де Моргана в 1899–1902 гг., которая ограничивалась разведкой и зондажом памятников на севере провинции Гилян в районе Астары, Хе(а)штпе(а)ра и Талыша. Затем наступил перерыв, и только в 1950-х годах началось полномасштабное исследование археологических памятников, многие из которых до этого подверглись грабительским

раскопкам. До начала 1990-х гг. работы велись на юге провинции Гилян, в районе между р. Сефидруд и р. Полеруд. Здесь в 1956–1965 гг. в районе города Дейла(е)ман (**рис. 7: 4**) работали японские археологи, которые исследовали могильники Галекути и Ласулкин и уже в 1965–1971 гг. опубликовали материалы раскопок в четырех томах. Начиная с 1955 г. в исследование памятников этого района включились иранские археологи. В 1955 г. в прибрежной полосе Гиляна в районе Амлаш работал Х. Самади, который исследовал 36 погребений в могильниках Томаджан и Эмам и опубликовал в 1959 г. материал из шести погребений. В 1961–1962 гг. в районе города Рудбар Э. Негахбан в течение 14 месяцев исследовал могильник Марлик. Им раскопано 53 могилы, богатый инвентарь которых предполагает, по мнению автора, что это было «царское кладбище». К сожалению, материал издан не по комплексам, а по типам инвентаря, что затрудняет дальнейшее исследование материалов этого могильника.

С начала 1990 гг. начались раскопки могильников, расположенных севернее, в Талышском районе провинции Гилян. В 1992–1993 гг. М.-Р. Халатбари исследовал могильники Мианруд и Вассе. В 2002 г. он раскопал 8 погребений в могильнике Тул (Тул-и Талыш), который расположен к западу от Талышских гор, примерно в 80 км к западу от г. Хе(а)штпе(ар). Новые материалы, полученные в эти годы, дают возможность по-новому понять историю этого района (литературу см. ниже).

Западные районы Древнего Ирана упоминались в письменных источниках в связи с различными событиями в начале I тыс. до н. э., и прежде всего с военно-политическими. Анализ источников и археологических данных позволяет уточнять сами эти события и все, что с ними было связано, но Прикаспийский район в письменных источниках не упоминается и оставался по существу вне такого анализа. Однако недавние открытия урартских наскальных надписей могут помочь не только уточнить хронологию ряда памятников и расширить анализ материальной культуры Прикаспийского района и его связей с другими районами, но и уточнить некоторые события, происходившие здесь в период возвышения Мидийского царства (см. гл. IV).

Важное значение для определения как хронологии памятников, так и результатов взаимодействия населения разных районов, имеет оружие. Некоторые виды боевого оружия относительно

быстро видоизменялись в результате необходимого повышения его эффективности. Это могло происходить как в результате поиска «инженерной» мысли внутри конкретного социума, так и в результате военных контактов. Более консервативная керамическая посуда, формы которой усовершенствовались или упрощались по необходимости внутри того же социума. Но и здесь нововведения могли быть результатом культурного влияния или взаимодействия. Например, керамические подражания импортным металлическим сосудам. Хотя элементы росписи первоначально имели символическое значение в каждой конкретной культуре, но система построения росписи могла быть заимствована в результате культурного контакта (например, роспись на керамике могильника Сиалка В, см. гл. II § 3). Традиционные украшения, но и здесь конкретные «механические» инновации могли заимствоваться, например, фибулы сравнительно быстро стали заменять булавки для скрепления одежды. Появление новых видов украшений могло, хотя и не всегда, свидетельствовать о появлении носителей иной культуры.

Ниже будут рассмотрены некоторые материалы из могильников Гиляна, чтобы уточнить, насколько они подтверждают эти положения и уточняют датировки памятников этого района.

§ 1. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКА МАРЛИК

Типология наконечников стрел доурартского периода, разработанная Э. Негахбаном в 1996 г. в основном на материале могильника Марлик, представляется наиболее оптимальной (**рис. 1**). Могильник находится в долине реки Сефидруд (**рис. 7**: Гилян).

Согласно автору раскопок, могильник Марлик существовал два или три столетия между XIV/XIII и серединой X вв. до н. э. (Negahban 1996: L), хотя первоначально Э. Негахбан включал в его датировку начало I тыс. до н. э. (Negahban 1964: 38). Позднее он датировал его между XIV и VIII/VII вв. (Negahban 2001: 632). Включенное в датировку «начало I тыс. до н. э.» находит подтверждение в некоторых исследованиях. А. Вахдати датирует основное погребение 1 могильника Тул-и Талыш (Гилян), материал которого близок материалу из Марлика, X–IX вв.,

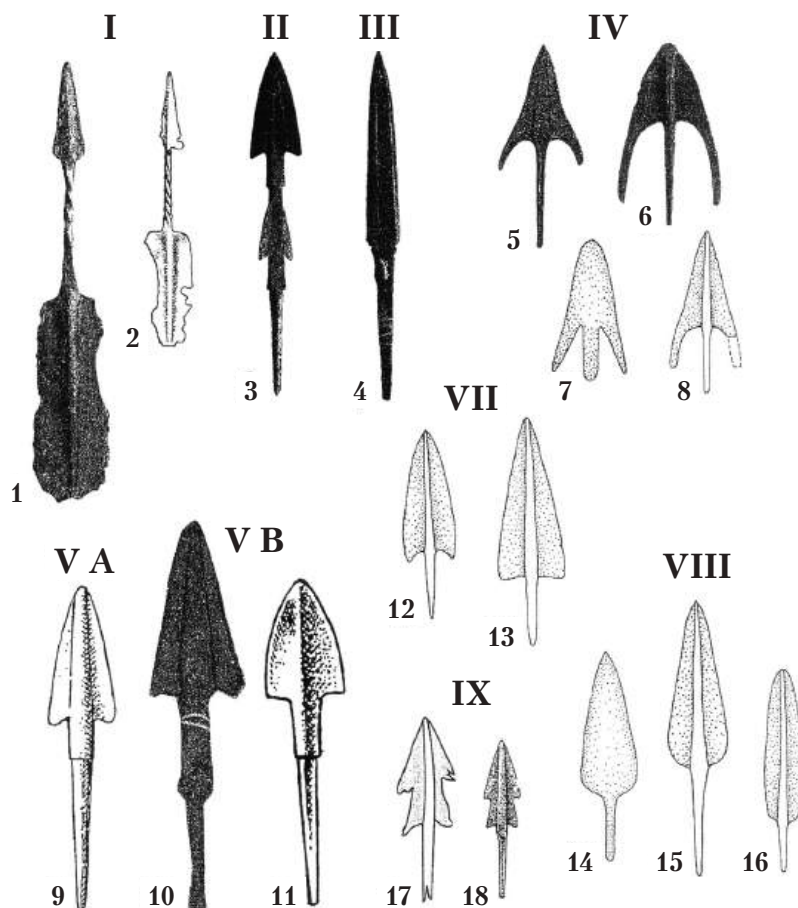

Рис. 1. Типы бронзовых наконечников стрел, Марлик. Тип I: 824–825; II: 826; III: 827; тип IV: 828, 830, 829, 831; тип V: VA: 832; VB: 836, 839; VII: 849, 851; VIII: 854–856; IX: 857

вторичное подхоронение датируется VI–V вв. до н. э. (Vahdati 2007: 125, 136). Во вторичном погребении был найден бронзовый браслет с клинообразной урартской надписью (Vahdati 2007: 132–134, fig. 2), что дало основание датировать все погребения могильника Тул-и Талыш VIII–VII в. (ibid.: 125, 136). Однако А. Вахдати привел доказательства более позднего (и по существу, случайного) попадания этого браслета в позднее погребение 1 (см. ниже). Все наконечники стрел в основном погребении 1 бронзовые, как и в Марлике, и некоторые из них относятся к марликим типам VA–B, VIII и, возможно, VII, всего не менее 63 экземпляров (Vahdati 2007: 127, fig. 1: 21; см. ниже).

О. Мускарелла датировал погребение 36 Марлика концом VIII–VII в. до н. э. на основании найденной в нем двучленной пружинной фибулы. Их появление на Древнем Востоке относится ко времени не ранее конца VIII в. (Stronach 1959: 185 ff.; Muscarella 1984: 415–417). Он назвал это погребение самым богатым из 53 могил Марлика. В нем найдены золотые сосуды и украшения, бронзовые фигурки людей и животных, бронзовые печати и сосуды, терракотовые фигурки и наконечник стрелы (тип VIII, **рис. 1: 15**). Золотые сосуды могли быть изготовлены раньше VIII в., но время их положения в могилу определяется датировкой фибулы. Хотя Мускарелла не определял хронологические рамки всего могильника, но отметил, что погребения 27, 45, 50, 52, в которых найдены так называемые чайники со свободно стоящим сливом и которые использовались только в период ЖВ I, дают основания датировать функционирование могильника Марлик, начиная с последней четверти II тыс. до н. э. (*ibid.*: 417). Но возможен ли столь длительный временной период в использовании могильника, что следует из датировки Марлика Э. Негахбаном периодом ЖВ I и датировки погребения 36? Недавно была предложена новая периодизация могил в рамках второй половины II тыс. до н. э.: стадия I между XV и XIII вв., стадия II (a и b) — XII–XI вв., стадия III — *ca* 1000 гг. до н. э. (Piller 2018: 380–382, fig. 19.8). Прежде чем продолжить рассмотрение марликих наконечников стрел, необходимо рассмотреть основание для этой периодизации и, следовательно, протяженности существования могильника более 500 лет.

Приступая к определению хронологии могильника Марлик, Х. Пиллер предложил его «горизонтальную стратиграфию», выделив три основных «стадии» его существования — периоды I, IIa–IIb, III. Материал каждого из них имеет как отличия, так и черты сходства с материалом других стадий, которые свидетельствуют о культурном единстве населения, обитавшего здесь несколько веков (*ibid.*: 372–379; **рис. 14**, см. ниже). По мнению Пиллера, датировка трех стадий затруднена отсутствием как письменных источников (имеется в виду вторая половина II тыс. до н. э., *ibid.*: fig. 19.8), так и ярко выраженных культурных связей Прикаспия с другими районами Древнего Востока. Вызывает вопросы локализация могил в предложенной автором горизонтальной стратиграфии: ранняя **стадия I** (между XV–XIII вв. до н. э.) —

могилы находятся между самыми поздними погребениями стадии III на северо-западе могильника (са 1000 г.), и этапа IIb (XI в.) на юго-востоке; на севере к могилам последнего примыкают 9 могил этапа IIa (XII в.), переход к которому начался в конце XIII в. (ibid.: 380–81, fig. 19.1). Другими словами, согласно выводу Пиллера, могильник разрастался не путем захоронений непосредственно возле могил недавно умерших родственников и современников, а на разных участках могильного поля (ibid., fig. 19.1; **рис. 14**). Верхняя дата существования могильника не позднее 1000 г. (конец ЖВ I), что существенно отличается от предшествующих датировок. Однако отмеченные О. Мускареллой могилы 24, 45, 50, 52, датируемые периодом ЖВ I, относятся, согласно периодизации Пиллера, к этапам IIa–b. Следовательно, стадия III должна датироваться периодом ЖВ II.

Стадию II (XII–XI вв.) Пиллер отнес к «классической культуре» Марлика. В ее начале (этап IIa) появляются металлические декоративные сосуды с разнообразными сюжетными изображениями. Именно они отражают, наравне с печатями, согласно автору, ассиро-вавилонский вклад в материальную культуру Прикаспийского района (ibid.: 376, 380, 381). Следовательно, вопреки высказанному автором в начале его исследования мнению об отсутствии «ярко выраженных культурных связей» Прикаспия с другими районами, они существовали уже в период ЖВ I как в торевтике, так и в глиптике. Цилиндрические и штемпельные печати найдены и в могилах стадии I (мог. 10, 14, 23), но типологически (Негахбан выделил 6 типов цилиндрических печатей) они различаются на всех трех стадиях (см. ниже).

На стадии II, согласно Х. Пиллеру, появляется принципиально новый тип клинкового оружия и меняется технология его изготовления. Вместо бронзовых кинжалов с черенком для насадки рукоятки из другого материала (дерева, кости, камня) появились кинжалы или цельнолитые, или рукоять изготавливалась способом наливки бронзы в форму на черенок кинжала (см. ниже; Piller 2018: 376 ff., fig. 19.5). В могиле 25 (этап IIb, XI век) и в могиле 7 (стадия III) найдено по одному фрагменту биметаллического кинжала (бронзовая рукоять со следами железа от несохранившегося железного клинка), но железные кинжалы упоминаются в ассирийских источниках только с IX в., в XIII в. ассирийские цари получали среди дипломатических подарков хеттских царей

железные кинжалы, производство которых хранилось в тайне и за пределами Хеттского царства было неизвестно (см. гл. I § 1). Поэтому датировать стадию III и, соответственно, верхнюю дату Марлика около 1000 г., с учетом выше отмеченного замечания О. Мускареллы, нельзя.

На **стадии III** многие предметы, характерные для стадии II, исчезли, хотя автор отмечает отсутствие культурного разрыва с предшествующей стадией II. Вопрос о времени появления в могиле 36 пружинной фибулы остается открытым, Х. Пиллер допускает вероятность позднего подхоронения, которое Э. Негахбан не определил (*ibid.*: 383). Он подчеркивает отсутствие в Марлике диагностического материала периодов ЖВ II–III, который имеется в соседних памятниках (*ibid.*: 381, note 79) и, следовательно, согласно его хронологии, могильник не использовался после периода ЖВ I.

Основной вывод Пиллера относительно даты могилы 36 заключается в следующем: погребальный инвентарь относится к стадии IIa, а фибула не имеет отношения к датировке могильника. Однако если, вопреки мнению Пиллера, стадия III относится к периоду ЖВ II, и, следовательно, могильник еще существовал в VIII в., то нельзя исключать вероятность, что могила 36 была в это время вторично использована, тем более, что она находится на самом краю могильника (**рис. 14**).

В связи с датировкой могильника Марлик следует сопоставить, в частности, наконечники стрел из Марлика и Хасанлу IVB. Возможно, это позволит уточнить как верхнюю дату могильника, так и нижнюю дату существования железных стрел, обнаруженных в руинах разрушенного в 714 г. до н. э. города Хасанлу IVB.

В Прикаспийском районе и в Марлике, в частности, как уже отмечалось, некоторые типы бронзовых черешковых наконечников стрел определенно свидетельствуют о типологическом сходстве стрел, появившихся в Передневоосточном регионе в середине — последней трети II тыс. до н. э. (двулопастные наконечники с выделенными жальцами, с пером треугольной формы и особенно «крылатые» наконечники). В могильнике Марлик обнаружено более 1000 только бронзовых наконечников стрел, автор подчеркивает отсутствие железных наконечников стрел, найдены также сравнительно немногочисленные костяные, каменные

и кремневые наконечники стрел (Negahban 1996: 275). Все сравнимые с марликовскими типы наконечников стрел из Хасанлу IVB железные, за исключением двух типов (IV — бронзовые и железные, VB — только бронзовые), что может свидетельствовать о хронологическом различии обоих комплексов.

Из выделенных Э. Негахбаном девяти типов бронзовых черешковых наконечников стрел три типа являются конструктивно необычными для этого вида оружия (типы I, II, IX; **рис. 1**).

Тип I — небольшой двулопастной наконечник на спирально закрученном стержне, на другом конце которого широкая подпрямоугольная лопасть, имитирующая оперение древка (?), функциональное назначение спорно (Negahban 1996: 275; fig. 33: 825, pl. 126: 824; **рис. 1: 1–2**).

Тип II — на одном стержне два двулопастных пера треугольной формы, расположенных одно над другим и под углом друг к другу (Negahban 1996: pl. 126: 826; **рис. 1: 3**). В Хасанлу IVB обнаружен железный вариант этого типа, который отличается, пожалуй, только более длинными жальцами (Tornton, Pigott 2011: fig. 6.5, type IIB2; см. гл. I, § 3, рис. 15: 4).

Тип III — наконечники удлинённой пирамидальной формы почти аналогичны в обоих памятниках (Negahban 1996: 277, pl. 126: 827, погр. 26; Tornton, Pigott 2011: fig. 6.6, type IIIA; **рис. 1: 4**; см. гл. I, § 3, рис. 15: 9, 13–15). В Хасанлу IVB, как отмечено, преобладают наконечники с круглым, а не с квадратным сечением пера, что, впрочем, может быть результатом коррозии железа (там же, рис. 15: 13–15). Особенностью стрел этого типа является шилообразная форма наконечника, и в свое время В. Бельк назвал наконечник из могильника Парадизфестунг именно шилом (погр. 57, см. гл. I, § 3, рис. 15: 10, см. ниже). Э. Негахбан отнес к этому типу бронзовые наконечники из могильника Сиалк В, но их перо значительно короче и имеет выделенные плечики. Впрочем, наконечниками стрел считал их и Л. Ванден Берге, сравнивая их с наконечниками из Хурвина (Vanden Berghe 1964: 25; см. гл. I, § 3, рис. 15: 11–12, 16–18).

Тип IV — двулопастные наконечники с длинными широко раздвинутыми жальцами, называемые «крылатыми» (Negahban 1996: pl. 126: 828, 830, fig. 33: 829, 831; **рис. 1: 5–8**). В Хасанлу IVB, в отличие от других типов железных стрел, именно крылатые были изготовлены помимо железа (Tornton, Pigott 2011: fig. 6.5; см. гл. I,

§ 3, рис. 16: 5–6) из медно-бронзового сплава (*ibid.*: fig. 6.6, особенно Has 74–269). Именно этот медно-бронзовый наконечник (см. гл. I, § 3, рис. 16: 7) особенно похож на марликие наконечники (№ 829–830; гл. I, § 3, рис. 16: 1, 4); у остальных наконечников из Хасанлу, в отличие от марликих, жальца чуть более «прижаты» к основанию наконечника, в том числе и у железных экземпляров (Tornton, Pigott 2011: fig. 6.5, Has. 74–437, Has. 64–308; см. гл. I, § 3, рис. 16: 5–6, см. ниже). «Крылатые» наконечники найдены и в Луристане (Бит Сорх Спринг, Dyson 1964: 32–33, fig. 1: 6). Р. Дайсон назвал его наконечником копья (размер не указан), размер наконечника стрелы подобной формы из Хасанлу 12 см (см. гл. I, § 3, рис. 16: 7) и других памятников примерно тех же или чуть меньших размеров. Вариантом типа IV можно считать наконечники, которые незначительно отличаются пропорциями крылатого пера — подтип IVa (Парадизфестунг, см. гл. I, § 3, рис. 16: 19–24).

Тип VA — небольшие наконечники с треугольной формой большого пера, с едва выделенными жальцами, высокой нервюрой и с упором (Negahban 1996: 279, fig. 33: 832; **рис. 1: 9**). В Хасанлу IVB железные наконечники примерно такой же формы, но без упора, их жальца чуть длиннее, из-за коррозии не определяется наличие нервюры, хотя она была невозможна и по технической причине — нервюра появлялась при отливке из бронзы, в железном варианте отковывалось возвышение в центре пера. В результате наконечники из Хасанлу IVB имеют ромбовидное сечение, жальца «прижаты» (Tornton, Pigott 2011: fig. 6.5, type IIA 1, Has 64–989b; см. гл. I, § 3, рис. 17: 2).

Тип VB — небольшие наконечники с аналогичной формой пера, с упором, но без выделенных жалец (Negahban 1996: fig. 33: 839; **рис. 1: 10, 11**). В Хасанлу IVB медно-бронзовый наконечник с упором и нервюрой аналогичен наконечнику из Марлика (Tornton, Pigott 2011: fig. 6.6, Has 62–1052; см. гл. I, § 3, рис. 17: 5).

В основном погребении Тул-и Талыш найдены бронзовые наконечники стрел обоих вариантов типа V и датировемых X–IX вв. до н. э. (Vahdati 2007: fig. 1: 21).

Тип VC — крупные наконечники с подтреугольным пером, с упором и выделенными жальцами, как у типа VA (Negahban 1996: pl. 126: 840, 841); некоторые из них являются копьем (№ 841, длина 18 см). В Хасанлу IVB их нет.

Тип VD — наконечники с копьевидной формой пера, с упором, который по ширине равен основанию нервюры (Negahban 1996: fig. 33: 846, 847). Выступающая нервюра одного из наконечников этого подтипа сильно заострена (Negahban 1995: 83, fig. 63: 64). Судя по размеру (длина 17 см) наконечника № 847, это дротик или копье. В Хасанлу IVB их нет.

Тип VI — трехлопастные черешковые наконечники стрел (все-го 3 экз., Negahban 1996: 280, pl. 126: 848, погр. 7 — стадия III)¹, в Хасанлу IVB их нет. Эта форма чрезвычайно редкая. Помимо Марлика, бронзовые экземпляры найдены в Нуш-и Джан тепе и Хасанлу III (Szudy 2015: 10, 23, 24, pl. 42: 14, pl. 45: 91), железные экземпляры найдены в Султантепе и Топраккале (ibid.: pl. 45: 3, 5, 22). Все они датируются не ранее VII в. до н. э. Могила 7 отнесена Пиллером к поздней стадии III.

Тип VII — двулопастные наконечники с вытянутой треугольной формой пера, высокой нервюрой и, кажется, без упора² (Negahban 1996: 281, fig. 33: 849, 851, 852; **рис. 1: 12–13**. Отличие этого типа от типа VB не вполне четкое — возможно, размеры пера (?) (длина наконечников типа VB 6,5–8,5 см, у типа VII — 7,5–10 см) или отсутствием упора у типа VII? В любом случае № 836 (тип VB, длина 8,5 см, Negahban 1996: pl. 126: 836; **рис. 1: 10**) и № 851 (тип VII, длина 10 см, ibid.: fig. 33: 851; **рис. 1: 12**) по форме пера могут быть отнесены к одному типу, что относится и к железным стрелам из Хасанлу IVB (тип VB). Аналогичны марликскому наконечнику из Карамурада (см. гл. I, § 3, рис. 18: 2 и 3, см. ниже), Сялка В (Ghirshman 1939: pl. LXXV, S.923 a, b, мог. 74) и, вероятно, из могильника Тул-и Талыш (Vahdati 2007: fig. 1: 21, пятый в верхнем ряду).

Некоторые наконечники стрел, отнесенные Э. Негахбаном к типу VII, имеют выделенные жальца (ibid., fig. 33: 849; **рис. 1: 12**), поэтому к этому типу можно отнести наконечники из Хурвина и Мингечаура (см. гл. I, § 3, рис. 18: 4–6), а также из могильника Кайтарие (Медведская 1977: рис. 2).

Тип VIII — наконечники листовидной формы пера, без упора, некоторые без нервюры (Negahban 1996: fig. 33: 854), длина от

¹ Опубликовано только фото сильно коррозированных наконечников, рисунок невозможен.

² Согласно Э. Негахбану, обломанный наконечник без нервюры № 853 мог иметь упор (Negahban 1996: 281; Negahban 1995: 86, fig. 63: 71).

3,5 до 12 см (*ibid.*: fig. 33: 854, 855, 856¹; **рис. 1: 14–16**). Сюда включены наконечники ромбического сечения (Negahban 1995: fig. 63: 74, 76). Эта простейшая форма наконечника встречается в различных культурах, пожалуй, на всем протяжении использования лука. Среди аналогий, приведенных автором, имеются и наконечники с упором. В Хасанлу IVB железные черешковые наконечники с упором и без него относительно многочисленны (Tornton, Pigott 2011: fig. 6.3, type IB; см. гл. I, § 3, рис. 18: 10–12). Среди аналогий имеются бронзовые и железные наконечники стрел с упором и без него (*ibid.*, 281; см. гл. I, § 3, рис. 18: 13–16; Vahdati 2007: fig. 1: 21, в нижнем ряду 2 слева).

Тип IX — на одном стержне наконечника в одной плоскости расположены два пера с выделенными жальцами. Форму пера автор назвал крылатой, хотя в описании наконечника из могилы 2 (стадия III) отмечено, что жальца слегка выделены, что и соответствует рисунку, приведенному М. Хорасани (Negahban 1996: 281 (№ 862, 1525M); Khorasani 2006: 307, fig. 376; **рис. 1: 17**). В работе 1995 г. имеется рисунок этого наконечника, но в деталях он отличается от рисунка Хорасани (Negahban 1995: 87, fig. 80 — с. 85; **рис. 1: 17–18**). Но именно он в работе 1996 г. отнесен автором ошибочно к типу наконечников стрел с листовидной формой пера типа VIII (мог. 24, Negahban 1996: 281, fig. 33: 857). Остается неясным, один ли наконечник стрелы типа IX изображен обоими авторами или два, здесь представлены оба варианта — **рис. 1: 17–18**. Структурно сходные железные наконечники найдены и в Хасанлу IVB (см. гл. I, § 3, рис. 15: 7–8).

В Марлике из 53 могил все бронзовые наконечники стрел, судя по публикациям Э. Негахбана 1995 и 1996 гг., обнаружены только в 15 из них (мог. 2, 6, 7, 12, 15, 24–27, 33, 36, 44, 47, 50, 52). Всего найдено более 1000 бронзовых наконечников стрел, опубликован 41 экземпляр (Negahban 1995: 79, 81–83, 86–87; *idem.* 1996: 275–281; Szudy 2015: 66). Разделение типов опубликованных наконечников стрел по могильным комплексам и выделенным Х. Пиллером стадиям представлены в **табл. 1**.

¹ № 857 (мог. 24, fig. 33) отнесен к этому типу ошибочно, это наконечник с двойным пером — тип IX (рис. 1: 18). В работе 1995 г. Негахбан указал наконечник ромбического сечения из могилы 24 (стадия IIa; *ibid.*, 86, fig. 63: 71).

Таблица 1

Стадия	I	IIa	IIb	III	
Тип I	м. 15	м. 24			рис. 1: 1–2
Тип II		м. 26			рис. 1: 3
Тип III		м. 26			рис. 1: 4
Тип IV	м. 15	м. 24, 26			рис. 1: 5–8
Тип VA			м. 25, 44, 50		рис. 1: 9
Тип VB		м. 24, 26	м. 50	м. 6	рис. 1: 10–11
Тип VC		м. 24, 26, 47, 52			
Тип VD		м. 24, 26, 33			дротик или копье
Тип VI				м. 7 (?)	
Тип VII		м. 24, 27, 33, 47	м. 25		рис. 1: 12–13
Тип VIII	м. 12, 15	м. 24, 26, 36, 52			рис. 1: 14–16
Тип IX				м. 2	рис. 1: 17–18

Преобладают наконечники всех вариантов типа V (17 из 41 экз.), но насколько точно отражает опубликованная выборка реальное соотношение типов стрел из всех погребений, сказать трудно. Следует отметить, что распределение типов наконечников стрел по могильным комплексам не выявляет хронологическую последовательность выделенных Х. Пиллером стадий. Так, оригинальные типы наконечников стрел найдены на ранних стадиях Пиллера: тип I (стадии I, IIa) и тип II (стадия IIa), но конструктивно схожий тип IX происходит из могилы 2 стадии III. При этом типы II, IX имеют аналогии в железном варианте из Хасанлу IVB, как и оригинальный наконечник типа VI в Хасанлу III. Как отмечено выше, О. Мускарелла датировал некоторые могилы стадии II (27, 45, 50, 52), в которых найдены чайники с неприкрепленным сливом, периодом ЖВ I; следовательно, стадия III должна относиться к периоду ЖВ II. В Марлике, кроме чайников с неприкрепленным сливом, найдены чайники с прикрепленным сливом, но опубликован только один из могилы 13 (стадия IIb), она находится на самом краю могильника (рис. 5: 578; 14). Такие чайники служат одним из основных признаков керамики периода ЖВ II (Медведская 2019: 33).

В Хасанлу IVB найдены железные наконечники стрел, типы которых не обнаружены в Марлике. К ним относятся наконечники стрел с узким и острым подтреугольным пером, плечики которого расположены под углом к черешку, в результате этого перо некоторых из них приобретает ромбовидную форму: из 17 опубликованных наконечников только один имел упор (длина от 5,5 до 9,5 см), черешки почти у всех обломаны (Tornton, Pigott 2011: fig. 6.2, type IA; см. гл. I, § 3, рис. 19: 8–12). В погребении Тул 1 имеется бронзовый наконечник этого типа (Vahdati 2007: fig. 1: 21, последний в верхнем ряду). Редким типом являются втульчатые железные листовидные наконечники стрел, найденные в Хасанлу и в некоторых разрушенных урартских городах (Топраккале, Кармир-блур и Аянис, *ibid.*: 143, fig. 6.4, type IC; см. гл. I, § 3, рис. 13: 13; 19: 13–14, см. выше). Но большинство марликих типов наконечников стрел в Хасанлу IVB представлены в железном варианте (**табл. 2**), что может сближать по времени стадии II–III и период Хасанлу IVB.

Сопоставление марликих наконечников стрел с другими памятниками проведено Э. Негахбаном в пределах Ирана, частично Закавказья, в двух случаях отмечено сходство типов VA, VD со стрелами из Богазкёя (Анатолия, **табл. 2**). Датировка типов III–VIII, предлагаемая автором, довольно протяженная во времени: тип III — 1450–950 гг., IV — 1550–950 гг., VA — 1550–1050 гг., VB — 1450–950 гг., VC — 1450–1050 гг., VD — 1550–750 гг., VI — 1250–750 гг., VII — 1450–950 гг., VIII — 1450–850 гг. (Negahban 1996; 278, pl. 18). Отметим верхние даты существования всех этих типов: до середины XI в. доживают, согласно Э. Негахбану, типы VA, VC; до середины X в. — типы III, IV, VB, VII; до середины IX в. доживает тип VIII; до середины VIII в. доживают типы VD, VI.

Остается неясным, имел ли в виду Э. Негахбан «доживание» до середины XI, X, IX, VIII веков только бронзовых вариантов выделенных им типов стрел? Во всяком случае, все эти типы (кроме VC, VD, VI) найдены в слое разрушения Хасанлу IVB (**табл. 2**), причем типы, «дожившие», согласно Негахбану, только до середины XI — IX вв., представлены в Хасанлу IVB в железном варианте или в железном и бронзовом вариантах (типы IV, VB), как и наконечники с острым подтреугольным пером имеют бронзовый прототип в могильнике Тул-и Талыш (Vahdati 2007: fig. 1: 21, верхний справа; см. гл. I, § 3, рис. 19: 12).

Таблица 2

Марлик, типы наконечников стрел	I	II	III	IV	VA	VB	VC	VD	VI	VII	VIII	IX
Хасанлу IVB	–	+	+	+	+	+	–	–	–	+	+	+
Бит Сорх Спринг	–	–	+	+	–	+	+	–	–	–	–	
Вар Кабуд	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	+	
Тепе Гиян I	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	+	
Тепе Гиян II	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	
Луристан	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	+	
Чога Занбиль	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	+	
Хафт тепе	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	
Сиалк А	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	+	
Сиалк В	–	–	+	–	–	–	–	+	–	+	+	
Центр. Иран	–	–	–	–	+	–	–	+	–	–	–	
Зивие	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	
Хурвин	–	–	–	–	–	+	+	–	–	+	+	
Галекути I (area A)	–	–	(?)	–	–	–	–	–	–	–	–	
Ага Евлар (Талыш перс.)	–	–	–	+	–	–	–	–	–	+	–	
Вери (Талыш русск.)	–	–	–	+	–	–	–	–	–	+	–	
Талыш	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	
Узунтепе				–								
Калакент	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–+		
Так Килиси	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	
Бесшатени	–	–	–	+	–	–	–	–	–	+	–	
Цалка	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	
Кизил Ванк	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	
Богазкёй III	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	
Богазкёй IV	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	

Примечание: в Хасанлу IVB все наконечники стрел железные, за исключением типов IV (бр. и жел.) и VB (бр.); в Гиян I тип VB (бр. и жел.); –+ – добавление, отсутствующее у Э. Негахбана.

Анализ археологических комплексов Закавказья, проведенный М. Н. Погребовой, позволяет расширить круг сопоставлений и уточнить некоторые выводы Э. Негахбана и других исследователей.

Тип IV — бронзовые черешковые крылатые наконечники стрел, согласно выводам М. Н. Погребовой, были распространены в Закавказье в выделенных ею периодах IV и V (конец XII — IX и конец IX — первая половина VII вв. до н. э.), этот тип был особенно характерен для памятников Карабаха (Погребова 2011: 143, 146, 187, табл. XL: 7–15). К периоду IV, т. е. не позднее IX в., относятся крылатые наконечники стрел из кургана 91 у Кара-Булака и кургана у села Сарычобан (см. гл. I, § 3, рис. 16: 8–9, 14–18). В период V эта форма стрел продолжает широко использоваться до VII в., получив различные модификации, в том числе подтип IVa (см. гл. I, § 3, рис. 16: 19–24). М. Н. Погребова уточнила, что крылатые наконечники стрел появились не в начале периода IV, а позднее. Об этом свидетельствуют, по ее мнению, материалы из кургана Борсунлу, который тоже относится к периоду IV, но в нем еще отсутствуют некоторые типы кинжалов и мечей, а также крылатые наконечники стрел, в нем найдены другие типы бронзовых наконечников стрел, а именно тип VB (Погребова 2011: 144–146, табл. XL: 2–6; см. гл. I, § 3, рис. 17: 6–8).

О существовании в Закавказье бронзовых наконечников типов IV и VB позднее, в VIII до н. э. свидетельствуют находки обоих типов в погребениях Хачахбюра (юго-восточный район оз. Севан), которые относятся к урартскому периоду и датируются VIII–VI вв. до н. э. (Yengibaryan 2002: 417, pl. V: 4–5, XVI: 1–4; см. гл. I, § 3, рис. 17: 9). Именно в начале VIII в. этот район был завоеван урартами и началось проникновение сюда ванской культуры урартов. Но в VIII в. еще не было смешения культуры местных племен и урартской ванской культуры, это смешение произошло в VII в. (Avetisyan, Bobokhyan 2012: 378). Об этом в частности свидетельствует находка в погребении 28 Хачахбюра кувшина с витой ручкой (Yengibaryan 2002: pl. XIX: 2), которая известна на сосудах из Саракапа (Армения) и относится к группе местной керамики Этиуни доурартского периода и, следовательно, подтверждает дату сосуда из Хачахбюра не позднее VIII в. (*ibid.*: 425, note 6), и не ранее этого времени должен датироваться такой же кувшин с витой ручкой из Хасанлу IVB (Медведская 2018a: 198–200; гл. III, § 4).

Форма бронзовых «крылатых» наконечников (тип IV) из Хачахбюра не отличается от наконечников из Кара-Булака, Сарычобана и марликих экземпляров, датированных Э. Негахбаном не позднее середины X в., а М. Н. Погребовой не позднее IX в. (см. гл. I, § 3, рис. 16: 8–9, 14–18); также датированы ими наконечники стрел типа VB с треугольной формой пера без упора: наконечники из Борсунлу и Хачахбюра (там же, рис. 17: 9) относятся к этому подтипу. Но о более поздней дате наконечников из могил Хачахбюра может свидетельствовать бронзовый наконечник с утяжеленным бойком ромбического сечения, этот тип появился не ранее VIII в. (Yengibaryan 2002: 422–423, pl. XIV: 1, мог. 27; см. гл. I, § 3, рис. 19: 7; см. ниже). Но можно ли считать погребения из Хачахбюра урартскими? Против этого, прежде всего, свидетельствуют бронзовые наконечники стрел не урартского типа, отсутствие железных стрел, которыми урарты уже пользовались в VIII в., а также местная керамика, наличие же немногочисленной и еще не видоизмененной урартской керамики могло быть результатом непосредственного ее получения от урартов, присутствующих на этой территории, которая вошла в состав Урартского царства.

Следовательно, можно допустить, что оба типа (IV, VB) продолжали использоваться и в VIII в. с остальными типами стрел, которые определил Э. Негахбан на марликом материале, в том числе и в Хасанлу IVB (см. гл. I, § 3, рис. 16: 5–7; 17: 2, 5). Находку единственного бронзового наконечника типа IV из Хасанлу IVB (там же, рис. 16: 7) можно датировать только VIII в., поскольку этот тип урарты могли заимствовать не ранее VIII в. в Закавказье, а в IX в. железные наконечники еще не стали основным материалом для изготовления стрел, что очевидно из их находок в Хасанлу IVB.

Верхняя дата существования могильника Марлик первоначально была отнесена автором к середине X в. до н. э., что также спорно хотя бы потому, что аналогии бронзовым стрелам типа VII, как и типам III, VD, VIII, найдены им же, например, в Сиалке В (Negahban 1996: 277, 280–281; рис. 6: 13). Но тогда Э. Негахбан придерживался ранней датировки могильника Сиалк В — начало I тыс. до н. э., что чуть позже верхней даты могильника Марлик (ibid.: XLIX–L). Однако есть основания датировать могильник Сиалк В не ранее VIII в. до н. э. (см. гл. II). Позднее он поднял верхнюю дату до VIII/VII в. (Negahban 2001). Другое

дело — вопрос продолжительности использования тех или других типов наконечников стрел, и длительность существования самого могильника Марлик. Поскольку в погребальном инвентаре Марлика отсутствуют железные наконечники стрел, то VIII в. исключается из датировки ряда могил, но IX в. определенно является его верхней датой, что подтверждается работой А. Вахдати. Хотя описание и анализ наконечников стрел не были сделаны автором, судя по некачественному рисунку (Vahdati 2007: 127, fig. 1: 21), наконечники стрел можно отнести к следующим типам, выделенных Негахбаном на материале могильника Марлик: тип III (см. гл. I, § 3, рис. 15: 9), тип VA–B (там же, рис. 17: 1, 3), тип VII (там же, рис. 18: 1), тип VIII (там же, рис. 18: 7–8). Весь комплекс погребения Тул-и Талыш датирован А. Вахдати X–IX вв. до н. э.

Уточнить эти и другие вопросы хронологии некоторых типов стрел могут помочь материалы Мингечаурского могильного поля, которые не были использованы Э. Негахбаном.

Авторы раскопок в Мингечауре (Кура-Аракская низменность) датировали пять раскопанных курганов в пределах XI–IX вв. до н. э. (курган V — XI в., курган II — конец XI — начало X, курганы I, III, IV — X–IX вв. до н. э.; Асланов, Ваидов, Ионе 1959: 121). О. А. Даниелян датировала курган V X веком, остальные — IX–VII вв. до н. э. (Погребова 2011: 181). М. Н. Погребова датировала их в целом IX–VIII вв. до н. э. (там же: 181–182). Бронзовые черешковые наконечники стрел происходят из четырех курганов (№ I–IV) и грунтовых могил Мингечаура. Близость погребального инвентаря грунтовых могил и курганной группы с впускными погребениями позволило М. Н. Погребовой отнести все погребения Мингечаура к выделенному ею V периоду (конец IX — первая половина VII в. до н. э.), но с существенным уточнением — именно к VIII в. до н. э. (там же: 184, 190, 193).

На этом основании можно считать, что бронзовые черешковые наконечники стрел типов VB, VII использовались в Мингечауре еще в VIII в. до н. э. Это, в частности, подтверждается, как уже отмечено, их находками в могильнике Сиалк В (погр. 74, тип VII).

В кургане II могильника Мингечаур наконечники типа VB найдены как в основном, так и во впускном погребениях; последнее совершенно вскоре после основного захоронения (Погребова 2011: 187). В обоих захоронениях найдены наконечники одного типа с упором (Асланов, Ваидов, Ионе 1959: pl. XV: 7–9, тип VB;

см. гл. I, § 3, рис. 17: 10–11). Аналогичные наконечники найдены в курганах III, IV Мингечаура.

В грунтовом могильнике Мингечаура в погребениях 77, 110 найдены наконечники без упора типа VII, выделенного Э. Негахбаном (Асланов, Ваидов, Ионе 1959: 58, 62, рис. 40 г, 53 б; см. гл. I, § 3, рис. 18: 5–6). Наконечники этого типа найдены и в других погребениях могильника Мингечаур (там же: 79, табл. XV: 2, 10, 11). Авторы отмечали «легкое утолщение у основания» пера, имелось ли в виду наличие упора, судя по фотографии на таблице XV, неясно.

Тип IV/IVa — крылатые наконечники, названные Г. Аслановым с соавторами наконечниками то закавказского, то малоазийского типа, представлены в Мингечауре (там же: 57, 79, 169, табл. XV: 12, 14, у последнего наконечника, вероятно, были обломаны длинные жальца; см. гл. I, § 3, рис. 16: 23–24). Перо наконечника № 23 шире и короче, чем у большинства наконечников типа IV, но как и у наконечников из погребений Парадизфестунга (Калакент; там же, рис. 16: 19–22), что предполагает существование подтипа IVa (см. ниже).

Таким образом, мингечаурский набор бронзовых черешковых наконечников стрел представлен тремя типами из марликовского набора стрел — IV, VB, VII. Отсутствуют, помимо уникальных типов I, II, IX, типы III, VI, VIII. Из них 3 трехлопастных наконечника (тип VI), найденные в Марлике (погр. 7), также являются уникальными и по данным Э. Негахбана нигде больше не найдены (Negahban 1996: 280). Тип III — пирамидальные наконечники — также относительно редкая форма наконечников, найденных в могильниках Парадизфестунг, Сиалк В, Хурвин, в Бит Сорх Спринг (Луристан) (ibid.: 277; см. гл. I, § 3, рис. 15: 9–18). Железный эквивалент имеется в Хасанлу IVB (там же, рис. 15: 13–15, см. ниже). Примечательно отсутствие в Мингечауре стрел с листовидной формой пера (тип VIII) — наиболее простой и распространенной формы (Negahban 1996: 281; см. гл. I, § 3, рис. 18: 7–16).

Возможно хронологическим индикатором чуть более позднего времени существования мингечаурских бронзовых наконечников стрел могут служить появившиеся в нем наконечники с утяжеленным бойком (ромбическим в сечении), что усиливало пробивную силу стрелы (Асланов, Ваидов, Ионе 1959: 92, 109, курганы I, IV: табл. XV: 4, 15; XXXVIII: 3; см. гл. I, § 3, рис. 19: 1–2).

Их в Марлике еще нет, у всех типов наконечников стрел, выделенных Э. Негахбаном, нервюра проходит через все перо. Подобные наконечники с утяжеленным бойком происходят также из калакентской группы могильников (см. гл. I, § 3, рис. 19: 3). М. Н. Погребова относил к периоду IV (конец XII–IX в. до н. э.), в частности, погребение у села Толорс (Карабах), в котором найдены наконечники с ромбическим в сечении бойком, называемые ею наконечниками «с арочными углублениями» (Погребова 2011: 147–148; Мартиросян 1964: табл. XIV, 12–14; см. гл. I, § 3, рис. 19: 4–6). Такое же сочетание крылатых наконечников типов IV и IVa с утяжеленной головкой обнаружено в древней Мугани (Узун-тепе в районе Ленкорань, Джафарзаде 1946: табл. IX: 4–8). Однако оба типа, очевидно, существовали и в VIII в., о чем свидетельствуют их находки в могилах Хачахбюр возле озера Севан, где найдены как бронзовые крылатые наконечники стрел (тип IV, мог. 23, 28), так и бронзовые наконечники подтипа IVa (мог. 27), но уже с утяжеленной головкой пера (Yengibaryan 2002: pl. V: 4, XVI: 1–4, XIV: 1; см. гл. I, § 3, рис. 19: 7). Автор датирует весь материал из пяти погребений могильника VIII–VI вв. до н. э.¹ Обоснованием нижней даты комплекса служит наличие урартской (ванской) керамики вместе с местной, чего не могло быть ранее VIII в. (*ibid.*: 417, 127), поскольку урарты завоевали эти территории только в начале VIII в. (см. гл. III, § 4). Но что означает отсутствие в могилах Мингечаура и Хачахбюра железных наконечников стрел, если допустить их функционирование в VIII в.? Случайность или некоторое запаздывание Закавказья (Мингечаур находится примерно в 100 км к северо-востоку от оз. Севан) в использовании местными мастерами железа для производства стрел, в отличие от более южного района? Урарты в VIII в., судя по колчанам наборам из Эрбуни, уже широко использовали железные наконечники стрел. Можно допустить уточнение дат в пределах VIII в.: первая половина для северного и вторая половина VIII в. для южного района, а для Хасанлу IVB, где обнаружены преимущественно железные стрелы, именно 714 г. Это еще раз может подтвердить невозможность разрушения этого города урартами в конце IX в. до н. э.

¹ Могилы вторично использовались, но автор публикации не имела данных для разделения инвентаря и, соответственно, уточнения верхней датировки (*ibid.*, note 1).

Калакентские могильники¹ (Калакент, Парадизфестунг, Карамурад, Гогдаджа) находятся в западном Азербайджане, менее 50 км к северо-востоку от оз. Севан. Могильники датированы М. Н. Погребовой в пределах V периода (конец IX — первая половина VII вв.; Погребова 2011: 171, 177), но наиболее вероятной датой, по ее словам, является «самый конец VIII — первая половина VII в. до н. э.»

Следует подчеркнуть, что, хотя в погребениях калакентских могильников находилось железное оружие, железные наконечники стрел в них не обнаружены. Учитывая рассмотренные стрелы из погребений Мингечаура и Хачахбюра, можно считать, что в этом районе в VIII в. железо еще не использовалось для изготовления наконечников стрел.

Преобладающей формой бронзовых черешковых наконечников стрел в инвентаре калакентских могильников является крылатая форма пера с широко раздвинутыми жальцами. У некоторых наконечников длинные жальца чуть загнуты к черешку, у других — они прямые и расходящиеся в стороны, широкая нервюра занимает значительную часть узкого пера (Nagel, Strommenger 1985: Taf. 15: 13, Gr. 18; см. гл. I, § 3, рис. 16: 10). В могильнике Сарычобан крылатые наконечники в целом похожи на калакентские (Джафаров 1993: рис. 2: 1–21), небольшое отличие некоторых из них заключается в чуть более приближенных к черешку жальцах (см. гл. I, § 3, рис. 16: 14–18). М. Н. Погребова отнесла сарычобанские наконечники не к началу периода IV (конец XII–IX вв.: Погребова 2011: табл. XL: 7–15), но ближе к его концу, т. е. не позднее IX в., выше были приведены данные в пользу существования крылатых наконечников и в VIII в. до н. э.

Аналогичны калакентским крылатые наконечники стрел из Кара-Булака (Карабах, раскопки А. А. Ивановского), также отнесенные Погребовой к периоду IV (Ивановский 1911: табл. XV: 27, 28, в погребении. 91 найдено 12 таких стрел; см. гл. I, § 3, рис. 16: 8–9).

¹ Они раскапывались в разное время В. Бельком и А. А. Ивановским. В работе «Nagel, Strommenger 1985» изданы материалы раскопок В. Белька, хранящиеся в Берлине (Museum Prehistory and Early History: MVF).

Вариантом бронзовых крылатых наконечников в Калакенте служат наконечники с меньшим треугольным пером, но с пропорционально длинными жальцами (подтип IVa; Парадизфестунг, Nagel, Strommenger 1985: Taf. 15: 15, 19: 1 и др.; см. гл. I, § 3, рис. 16: 19–22).

В Парадизфестунге (погр. 18) найден упомянутый выше наконечник стрелы с широким упором и ромбовидным в разрезе пером, аналогичный наконечнику из кургана I Мингечаура (Nagel, Strommenger 1985: Taf. 15: 18; Асланов, Ваидов, Ионе 1959: табл. XV: 15, XXXVIII: 3; см. гл. I, § 3, рис. 19: 1, 3). Как и в Мингечауре, большинство калакентских стрел имеют длинный четырехгранный черешок, который заканчивается тонкой провололочкой неясного сечения (Nagel, Strommenger 1985: Taf. 15).

Редкой формой в инвентаре калакентских могильников является бронзовый наконечник стрелы с треугольной формой пера без выделенных жалец (тип VII Негахбана¹; Nagel, Strommenger 1985: Taf. 64: 1, могильник Карамурад; см. гл. I, § 3, рис. 18: 3). Листовидных наконечников (тип VIII) здесь нет, как и в Мингечауре.

Другой редкой формой является пирамидальный наконечник стрелы (тип III Негахбана). В погребении 57 могильника Парадизфестунг бронзовый предмет аналогичной формы назван шилом (Nagel, Strommenger 1985: 81, Taf. 27: 6, длина 7,8 см; см. гл. I, § 3, рис. 15: 10).

Таким образом, бронзовые калакентские наконечники стрел соответствуют тем хронологическим особенностям закавказских стрел, которые определяются материалом могильников Мингечаур и особенно Хачахбюр. Прежде всего — использование в VIII в. только бронзовых наконечников стрел и наличие более позднего варианта двулопастных стрел с утяжеленной головкой. Еще раз подтверждается, что «крылатая» форма пера (тип IV) является важным признаком неурартского колчанного набора стрел.

Возвращаясь к датировке могильника Марлик, необходимо подчеркнуть, что закавказский материал позволяет повысить время существования основных типов бронзовых наконечников стрел, предложенное Э. Негахбаном. Типы III, IV, VB, VII использовались и в VIII в., а первоначально, согласно Негахбану —

¹ У Негахбана тип VII в Калакенте не отмечен, работа Нагеля и Штротменгера 1985 г. не упомянута.

не позднее середины IX в., следовательно, подтверждается повышение им в 2001 г. даты могильника во всяком случае до VIII в. Типы VD, VIII вместе с типом III, судя по данным могильника Сиалк В, также использовались в VIII в. Все перечисленные типы наконечников стрел (III, IV, VB–D, VII, VIII) найдены в основном в могилах периода II (XII–XI вв.), выделенного Пиллером, и только в одном случае (тип VB) в позднем периоде III, датируемом X. Пиллером не позднее 1000 г. (см. **табл. 1**).

Нужно также еще раз отметить, что наконечники стрел найдены только в 15 могилах из 53, раскопанных Э. Негахбаном (**табл. 3**).

Верхняя дата наконечников стрел типа IV не противоречит находке бронзового наконечника этого типа в Хасанлу IVB именно в VIII в., в период урартского господства в Приурмийском районе. Именно тогда из Закавказья, уже входившего в состав Урарту, могли попасть сюда кувшин с витой ручкой (доурартский тип керамики, но еще используемый в VIII в., Хачахбюр) и «крылатый» наконечник стрелы неурартского типа. Но в Марлике отсутствие железных наконечников стрел и наконечников с утяжеленным бойком, очевидно, позволяет исключить VIII в. из его датировки.

Таким образом, рассмотренный материал существенно не сокращает хронологические рамки функционирования могильника Марлик — от последней четверти II тыс. (может быть, не самое начало ЖВ I) — до начала VIII в. до н. э., но, во всяком случае, ставит под сомнение датировку могильника Марлик (1500–1000 гг.), предложенную X. Пиллером. Необходимо рассмотреть возможность сокращения его датировки на основе другого инвентаря погребений: 1) наличие биметаллических кинжалов/мечей, в частности с «катушечным» навершием, может на основании предложенной А. Вахдати датировки могилы 1 Тул-и Талыш позволить повысить нижнюю дату Марлика с ЖВ I ближе к рубежу ЖВ I–II; а также 2) время замены керамических чайников со свободно стоящим сливом на сосуды с прикрепленным сливом, которые также имеются в могильнике Тул-и Талыш и рассматриваются как типы керамики периода ЖВ II в Гиляне; эта дата была определена автором еще в 1982 г. и теперь принята исследователями (Medvedskaya 1982; Vahdati 2007: 129, там же литература).

§ 2. КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ В ПРИКАСПИЙСКОМ РАЙОНЕ В КОНЦЕ II — НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

В Древнем Иране клинковое оружие периодов ЖВ I–II делится на два класса — черенковых и рукоятчных. В первом случае на черенок накладывались пластины из неметаллического материала, которые закреплялись при помощи заклепок. Большинство экземпляров второго класса — цельнолитые, т. е. отлитые уже вместе с рукояткой. Но часто бронзовое оружие изготавливалось в два этапа: отливался черенковый кинжал или меч, после обработки черенка он обмазывался глинистой массой и способом наливки бронзы в специальной форме изготавливалась рукоять¹ (Maxwell-Hyslop, Hodges 1964: 50). Биметаллические кинжалы изготавливались таким же способом: на черенок железного кинжала «надевалась» бронзовая рукоять, которая закреплялась различными способами². Ствол бронзовой рукоятки имеет круглое или прямоугольное сечение, но чаще в эту эпоху рукоять представляет плоский ствол с закраинами, которые закрепляли различного вида вставки из неметаллического материала (кость, камень, паста и т. п.). Иногда такую рукоять называют кассетной или рамочной.

В могильнике Марлик обнаружено не менее 74 кинжалов и мечей второго класса, из них опубликовано 60 экземпляров (Negahban 1996: 264, tabl. 13; **табл. 3**). Из 14 неопубликованных экземпляров 13 относятся к типу ПА, 1 — к типу ПВ. Преобладает бронзовое оружие, но уже использовалось немногочисленное биметаллическое оружие с железным клинком и бронзовой рукоятью, всего обнаружено 6 железных клинков (мог. 7, 25, стадии III, IIb). (Negahban 1996: 259)³. Несколько кинжалов первого класса Э. Негахбан отнес к разряду копий, но их размеры (42.5, 48, 49 см; мог. 24, 26, 47) и форма позволяют считать их кинжалами. Эти кинжалы теперь отнесены к самому раннему этапу

¹ Рукоять (hilt) состоит из ствола (grip), навершия (pommel), основание рукояти — гарда — находится на верхнем крае клинка — рикассо.

² Этот прием демонстрирует березовский биметаллический кинжал с полый ручкой (Крупнов 1960: 201, табл. XII: 1), на фото виден заостренный черенок кинжала.

³ Автор не уточнил, найдено всего 6 клинков с учетом двух экземпляров из могил 2, 25 или помимо них.

№№ могил	Кинжалы и мечи								
	типы								
	I	IIA	IIВ	IIС	IID	IIЕ	IIА	IIВ	всего
1	2					1	3	1	7
2							1	3	4
3							2		2
5								1	1
6									—
7	1								1
12									—
13					1		2		3
15									—
16				2					2
18					2				2
24									—
25	1				2				3
26	2	5	3			1			24
27			1	2					3
29			1	1					2
30					1				1
33	1	1	1	1		1			5
36									—
44							2		2
45	1				1				2
47		5	2						8
50									—
52		2							2
	8	13	8	6	7	3	10	5	74 (в 18 мо- гилах)
опубликовано 60									

существования могильника Марлик (стадия I, Piller 2018: fig. 19.5; **рис. 14**, см. ниже).

Кинжалы и мечи различаются по длине и форме клинка: кинжал — колющее оружие, имеет относительно короткий заостренный клинок; меч — рубящее оружие, имеет длинный клинок с фактически параллельными лезвиями¹.

Из 53 могил кинжалы и мечи обнаружены в 18 могилах: обычно в могиле от 1–2 до 5, в двух могилах (1, 47) по 7 и 8 экземпляров, в могиле 26 их найдено 24. Э. Негахбан разделил кинжалы и мечи на три типа с подтипами (Negahban 1996: 257–265. 13; **табл. 3**).

К **типу I** отнесены уникальные **декоративные кинжалы и мечи**. Все 8 опубликованных экземпляров (мог. 1, 7, 25, 26, 33, 45) относятся не столько к одному типу — они сильно различаются между собой, сколько к одной группе уникальных образцов, не сравнимых с другими типами клинкового оружия из Марлика и других памятников этого времени и района (Negahban 1995: 37–41, fig. 11–14, pl. III: 30–34; Negahban 1996: 257–259, pl. 119: 667–669, 671–672, pl. 120: 674, fig. 31: 667, 670, 672, 673) (**рис. 2: 667–670, 672, 673**)². Согласно периодизации Х. Пиллера, они использовались в периоды IIa–b, III (**рис. 14**).

Один из кинжалов (мог. 45, длина около 48 см) имеет мраморную цилиндрическую рукоятку, нижняя часть которой окантована золотой фольгой, центр мраморного навершия наверху инкрустирован розеткой, разделенной крестообразной перегородкой, в каждую из четырех секций вставлен «зеленоватый камень». Розетка имеет техническое назначение, закрывая отверстие, через которое была надета на черенок мраморная рукоять. Клинок с прямыми плечиками украшен рельефным орнаментом (Negahban 1996: 257, pl. 119: 667; fig. 31: 667; **рис. 2: 667**).

Два бронзовых меча с обломанными клинками (мог. 1, сохранившаяся длина около 42 см) имеют удлиненную подковообразную

¹ Э. Негахбан первоначально вслед за П. Р. С. Мури различал кинжалы, кортики и мечи: кинжал не менее 36 см, кортик до 50 см, меч более 50 см (Moorey 1971: 66, note 1). Позднее Негахбан исключил наименование кортики; так, например, к типу II первоначально были отнесены кортики (1995: 41), но теперь они названы кинжалами (1996: 259–261).

² На рисунках 2–4 двузначные цифры соответствуют номерам в публикации Негахбана 1995 г., трехзначные — 1996 г., однозначные цифры — другие памятники Ирана и Закавказья.

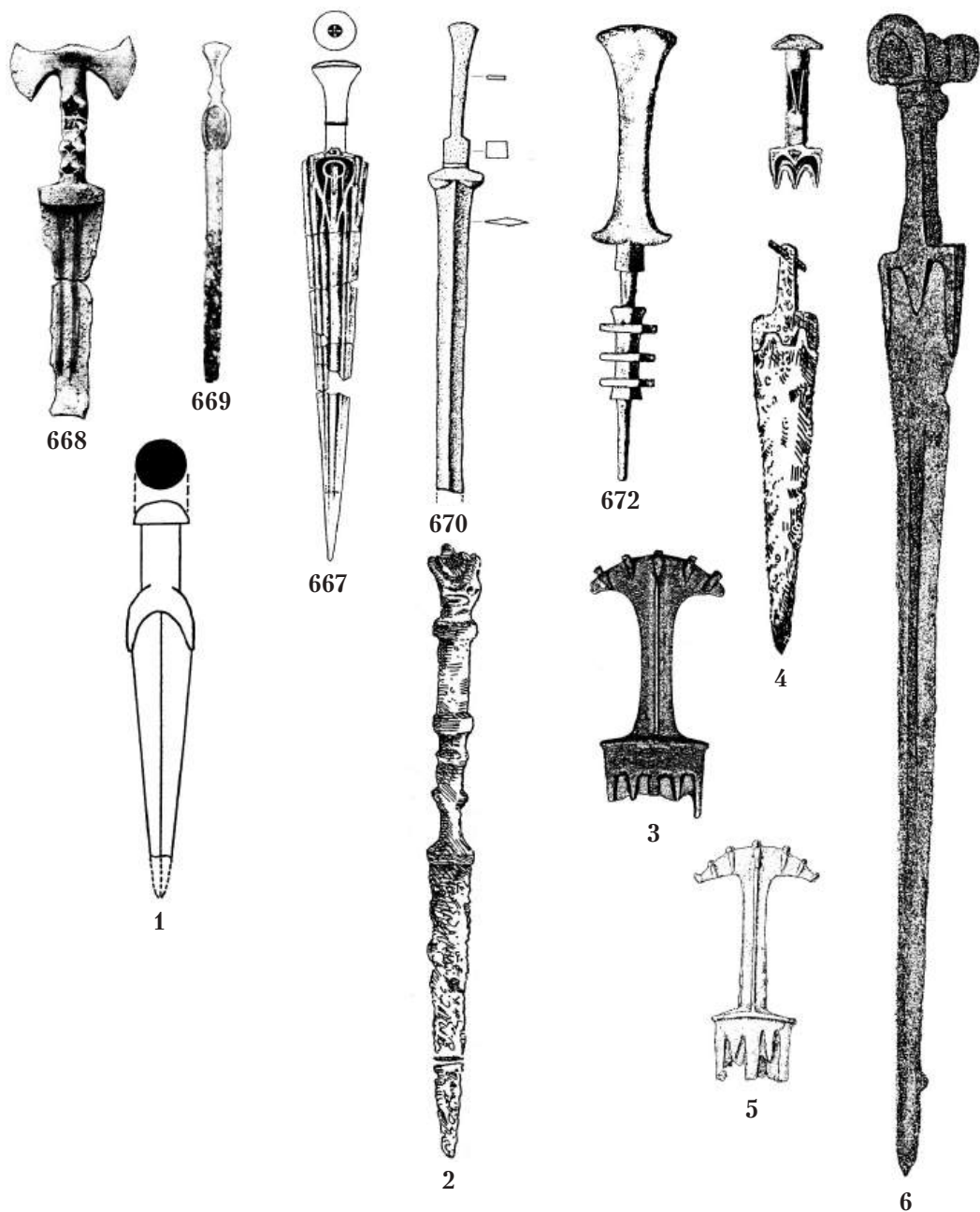

Рис. 2. Декоративные кинжалы и мечи.
Тип I: 667–670, 672–673; 1 – Хасанлу IVB; 2, 4 – Сялук В (мог. 74, 3);
 3 – Кумбулта; 5 – Кубанский могильник погр. 39; 6 – Караклис

гарду, длинные концы которой охватывают от 5,5 до 6,5 см верхней части клинка с параллельными лезвиями. Веерообразное навершие обоих мечей аналогично навершиям кинжалов типа II (см. ниже), в основании ствола два выступа (Negahban 1996: 258, pl. 119: 669, 671). Рукоять меча 671 имеет закраины для закрепления вставок. Рукоять меча 669 «цилиндрическая», т. е. цельнолитая без вставок (**рис. 2: 669**).

Сопоставление марликих бронзовых мечей из могилы 1 с железным кинжалом из Хасанлу IVB (Negahban 1996: 258) спорное прежде всего из-за различного устройства рукоятей. Кинжал из Хасанлу IVB снабжен массивной рукояткой с круглым в сечении сплошным навершием, а дуговидная гарда, как отметил Р. Дайсон, служит не столько украшением, как у предшествующих по времени бронзовых кинжалов, сколько обеспечивает скрепление железной рукоятки с железным клинком (Dyson 1964: 42, Text-fig. 2: 8; **рис. 2: 669, 1**). Тем не менее, эту предполагаемую преемственность нужно иметь в виду в связи с вопросами военного и культурного взаимодействия Приурмийского и Прикаспийского районов Древнего Ирана. Аналогичную рукоять и гарду имеет бронзовый кинжал из коллекции А. Годара (дл. 28 см,) и других коллекций (место находки, Луристан или северный Иран: Waele 1982: 43, fig. 31: 36). Биметаллический кинжал с подковообразной гардой найден в маннейском могильнике Кани Котер (см. гл. VI § 2.5.).

Бронзовый меч из Марлика (мог. 26, сохранившаяся длина 59 см) снабжен оригинальными рукояткой и гардой. Плоский ствол с едва выделенным веерообразным навершием в основании образует куб, под которым находится бабочковидная гарда, клинок уплощенно-ромбического сечения с острым ребром (Negahban 1996: 258, fig. 31: 670; **рис. 2: 670**).

В могилах 7 и 25 (стадии III, IIb) обнаружены две бронзовые рукоятки со следами железа, что предполагает наличие разрушившихся железных клинков (Negahban 1996: fig. 31: 672, 673; idem. 1995: fig. 13, 14). Рукоять из погребения 25 (Negahban 1995: 38, fig. 13) длиной 24 см имеет странную конструкцию и представляется не вполне функциональной. По описанию автора, сама рукоять имеет длину 24,4 см, ее основание веерообразной формы, хотя обычно это форма навершия, а в данном случае, как указано автором, навершие состоит из черенка с напущенной на него втулкой с тремя горизонтальными пластинками (на авторском

рисунке наверху повернуто вниз, как и на **рис. 2: 672**). Спорную аналогию Э. Негахбан нашел в могильнике Сиалк В в погребении 74 (Negahban 1996: 258). Но сиалковский биметаллический «нож» имеет «перевернутую» конструкцию рукоятки. На ней действительно имеется три ребра, но они расположены в нижней части рукоятки над гардой, само же наверху оформлено в виде львиной головы (Ghirshman 1939: pl. LXXV, S.921; **рис. 2: 2**)¹.

Рукоять кинжала из могилы 7 Марлика (**рис. 2: 673**) имеет трехзубчатое оформление нижней части гарды, полый ствол в верхней части имеет цилиндрическую форму, нижняя часть кубической формы, по-видимому, литая. Полая часть снабжена металлическими полосками для закрепления вставок из лазурита. Аналогией к этому кинжалу Негахбан нашел в могильнике Сиалк В (Negahban 1995: 38–40, fig. 14; Negahban 1996: 256, fig. 31: 673; Ghirshman 1939: pl. L, S.545c); действительно, сиалковский биметаллический кинжал из могилы 3 имеет гарду, аналогичную марликовской, но различия между ними существенные (**рис 2: 4**; см. ниже).

Еще один марликовский декоративный бронзовый кинжал из могилы 26 снабжен оригинальным навершием рукояти в виде двойного топора, клинок обломан, длина сохранившейся части 36 см, полый ствол имеет 4 ребра с отверстиями для инкрустации, нижний край массивной гарды чуть изогнут (Negahban 1996: 258, pl. 119: 668; **рис. 2: 668**).

Аналогий этому кинжалу, а также кинжалу с мраморной рукояткой (мог. 45, № 667; **рис. 2: 667**) и бронзовой рукоятке, покрытой золотой фольгой (мог. 33, *ibid.*, pl. 120, № 674) не имеется. Все кинжалы и мечи типа I оригинальны и не могут служить основанием для датировки комплексов, в которых они найдены.

Пожалуй, только рукоять биметаллического меча (?) из могилы 7 с трехзубчатым основанием гарды может быть сопоставлена с биметаллическим кинжалом из могилы 3 могильника Сиалк В, 1 датируется не ранее VIII в. до н. э. (**рис. 2: 673, 4**; см. гл. II). Однако, кроме одинакового оформления гарды, имеются существенные различия. Сиалковский кинжал относится к классу

¹ Этот предмет назван ножом, в списке иллюстраций указана его длина 10 см, но на табл. LXXV, судя по указанному масштабу, его длина 36,5 см (Ghirshman 1939: 218, 244, pl. LXXV, S.921).

черенковых, на конце черенка сохранилось отверстие с заклепкой для закрепления накладок (очевидно, из несохранившегося органического материала, **рис 2: 4**). Если учесть, что биметаллическое клинковое оружие появилось на вооружении в Древнем Иране не ранее VIII в. до н. э. (см. гл. I, § 1), то насколько это может повлиять на дату марликих комплексов могил 7 и 25, в которых найдены рукоятки биметаллических экземпляров, аналогии которым Э. Негахбан видел в могильнике Сиалк В? Обе марликие могилы находятся на расстоянии друг от друга и отнесены Х. Пиллером к стадии IIb (мог. 25) и к стадии III (мог. 7), т. е. не позднее 1000 г. Но в Закавказье известно и бронзовое оружие с подобным трехлучевым оформлением гарды, меч с трехлучевыми выступами на гарде и с двураструбным навершием найден в Караклисе к западу от оз. Севан (Куфтин 1941: рис. 59: 3; **рис. 2: 6**).

Э. Негахбан подчеркивал, что в Марлике среди сотен бронзовых предметов, в том числе и наконечников стрел, найдено только 6 железных клинков и их фрагментов. Это предполагает, по его мнению, что железо для производства оружия только начинало использоваться, что и соответствует последней стадии функционирования могильника Марлик в XII–XI вв. до н. э. (Negahban 1996: 259). Однако этой дате противоречит следующее: в это время железо было редким, дорогим и престижным металлом и использовалось только для украшений и предметов роскоши. И только в Хеттском царстве из железа изготавливалось оружие, в том числе и в качестве дипломатических подарков, посылаемых, например, ассирийскому царю. Но изготовление железа оставалось строжайшей тайной хеттских царей и металлургов (см. гл. I, § 1). Есть два варианта относительно датировки могил 7, 25, в которых найдено биметаллическое оружие: или это престижные подарки, погребенные вместе с их владельцами, или оба этих комплекса должны датироваться VIII в. до н. э. Для уточнения датировки необходимо рассмотреть остальной инвентарь обеих могил.

В могиле 7 вместе с бронзовой рукояткой с трехлучевой гардой найдены только три бронзовых трехлопастных черешковых наконечника стрел. Они относятся к уникальному типу VI и в Марлике найдены только в этой могиле (**табл. 3**). Как уже отмечено, такие бронзовые наконечники найдены, согласно данным М. Суди, еще только в двух памятниках — в Хасанлу III и в Нуш-и Джан тепе и датируются не ранее VII в. Железные черешковые

наконечники, найденные в Малой Азии (Султантепе и Топраккале), датируются также не ранее VII в. до н. э. Судя по найденным черепкам разбитой посуды, погребение 7 было ограблено.

На основании сходства формы гарды биметаллических кинжалов из Марлика (мог. 7) и Сялка В (мог. 3, вторая половина VIII в.), и даты памятников, в которых найдены бронзовые трехлопастные черешковые наконечники стрел, не позднее VII в., и учитывая время начала использования биметаллического оружия уже в VIII в., — можно предположить, что погребение 7 является одним из самых поздних захоронений в Марлике, и датировать его ближе к VIII в. до н. э., что должно повлиять на датировку последней стадии III Пиллера. В этой связи примечательны две северокавказские находки биметаллических кинжалов (Кубанский могильник, погр. 39; могильник у села Кумбулта, северная Осетия, **рис. 2: 3, 5**). Две почти аналогичные рукоятки этих кинжалов имеют гарду, которая является муфтой с пятью «лучеобразными» отростками, охватывающими верхнюю часть железного клинка. Это конструктивное сходство с гардой обоих иранских кинжалов, которые, правда, как и закавказские (Караклис), отличаются меньшим числом отростков и иной структурой ствола. Авторы считают эти кинжалы закавказским или переднеазиатским импортом и относят их к «постпоходному» периоду, датируя не ранее первой половины VII в. до н. э. (Вальчак и др. 2016: 61–62, рис. 67). Приводимый авторами в качестве сходного устройства гарды список кинжалов из Закавказья и Талыша неубедителен: во-первых, различны формы навершия, что отмечают и сами авторы; во-вторых, большинство из них имеют только два длинных выступа, которые охватывают лезвия клинка, и эту конструкцию можно скорее рассматривать как техническую аналогию подковообразной или дуговидной форме гарды на бронзовых мечах из Марлика или Хасанлу (Negahban 1996: 258, № 669, 671; **рис. 2: 669, 1**).

По-видимому, рукоятку с трехлучевой гардой можно считать деталью оформления иранских биметаллических кинжалов и мечей, которые использовались в начале I тыс. (Khorasani 2006: cat. 48, меч, случайная находка, северный Иран, дл. 104,5 см) вплоть до предпоходного периода, если учитывать предлагаемую датировку постпоходным периодом северокавказских находок, т. е. не позднее конца VIII в. до н. э.

Прежде чем рассматривать инвентарь мог. 25, в которой обнаружен второй биметаллический меч, необходимо продолжить рассмотрение классификации клинкового оружия, предложенной Э. Негахбаном.

Тип II. У кинжалов и мечей этого типа рукоять изготовлена путем наливки, навершие веерообразной формы, сплошное полукруглое или серповидное, гарда прямоугольная, ствол рукояти цилиндрический реже прямоугольного сечения, клинок подтреугольной формы, заостренный. Э. Негахбан выделил пять подтипов — IIА, IIВ, IIС, IIД, IIЕ.

IIА. Массивные кинжалы, ствол которых украшен сплошным рядом горизонтальных валиков, гарда прямоугольная, иногда с выступом в центре нижнего края (Negahban 1995: fig. 15–24, pl. III, 35–37; Negahban 1996: fig. 31: 675–676, fig. 32: 678, 681, 684–687, pl. 120: 677, 683; **рис. 3: 15–24**). Хотя автор не включил в этот подтип мечи, но длина одного из них 82 см (Negahban 1996: 259; fig. 32, 678), что является размером именно меча. Длина целых кинжалов 43–49 см. Кинжалы и меч подтипа IIА найдены в могилах 26, 33, 47, 52 (стадия IIа), всего опубликовано 13 экз. (**табл. 3**). Находки таких кинжалов немногочисленны и сосредоточены в Прикаспийском районе, включая на севере район Ленкорань (Negahban 1996: 261). Все они датированы автором на основе датировок Шеффера 1948 г. в пределах 1450–1200 гг., которые признаны заниженными. Наиболее поздняя из датировок предложена В. Нагелем в 1963 г. — XIII–X вв. до н. э. (Negahban 1995: 49).

IIВ. Массивные кинжалы с горизонтальными валиками на стволе рукоятки. Это тот же подтип IIА, отличие состоит в расположении валиков, образующих 2–3 отдельных группы (Negahban 1995: 44–45, pl. III: 38–39, pl. IV: 40–42, fig. 25–27; Negahban 1996: 260, pl. 120: 688, 690, 693, fig. 32: 692, 694, 695). На рукоятке кинжала № 692 (25) шесть отдельных высоких ребер, на № 693 — только три таких ребра (**рис. 3: 693, 25–27**).

Опубликовано 8 экземпляров в могилах 26, 27, 29, 33, 47 (стадии IIа–b), длина целых экземпляров от 43 до 50 см. В могилах 26, 33 и 47 они найдены вместе с кинжалами подтипа IIА (**табл. 3**). Это свидетельствует об их одновременности и по существу однотипности подтипов IIА–IIВ.

IIС. Рукоять этих кинжалов имеет три горизонтальных разъемных валика/выступа. Разъемность выступов облегчало помеще-

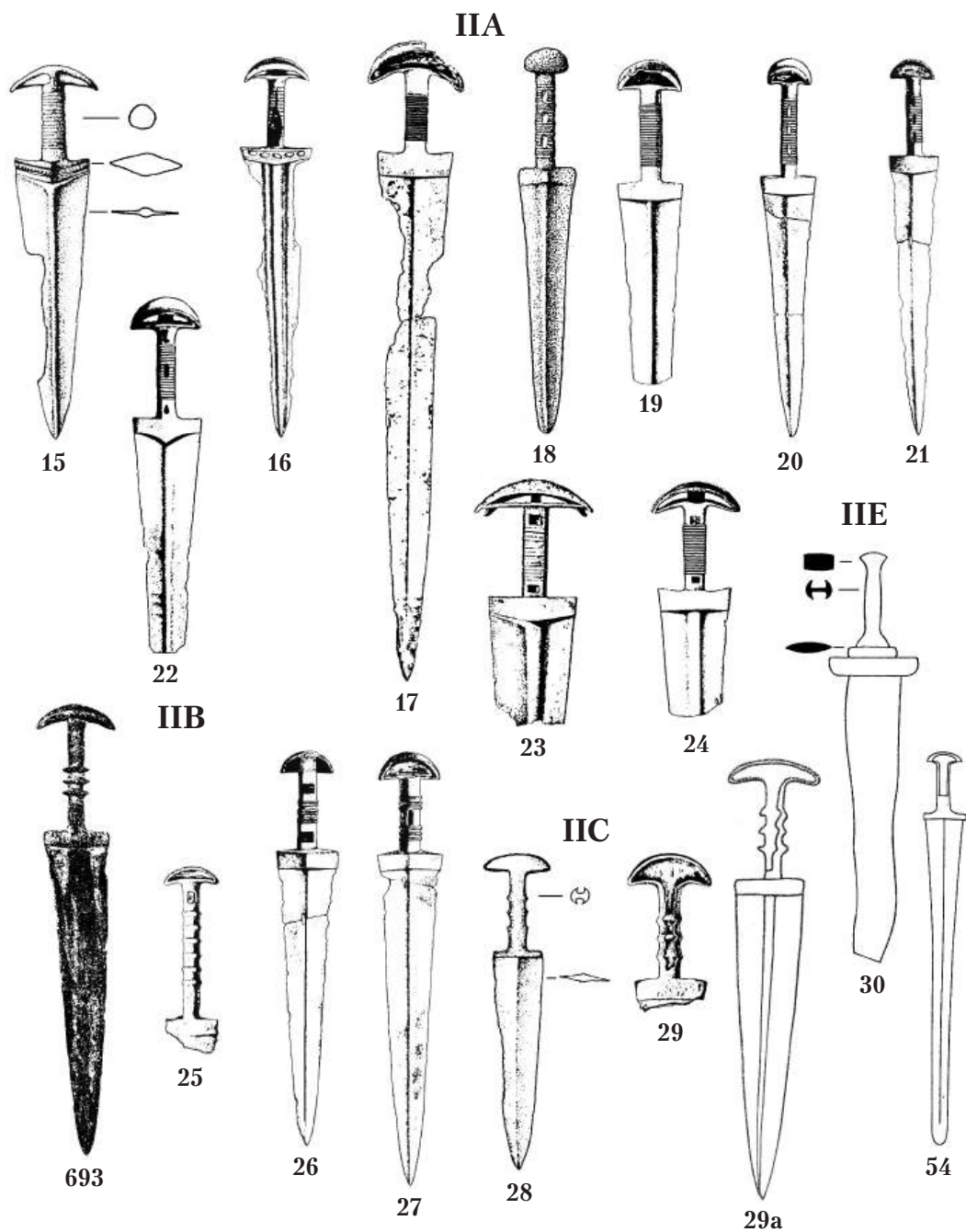

Рис. 3. Кинжалы и мечи, Марлик, тип II.
 IIА: 15–24; IIВ: 693, 25–27; IIС: 28, 29, 29а; IIЕ: 30, 54

вставок внутрь полого ствола. Форма навершия, гарды и клинка аналогичны кинжалам подтипов IIА–IIВ. Опубликовано 6 экз. из могил 16, 27, 29, 33 (стадия IIа–b), длина от 32 до 42,5 см (Negahban 1995: 46, pl. IV, 43–46, fig. 28, 29; Negahban 1996: 260, pl. 120: 696, fig. 32: 701; Медведская 2019: рис. 9: 24; **рис. 3: 28–29, 29а**). В могилах 27, 29, 33 они найдены вместе с подтипом IIВ, в могиле 33 вместе с подтипами IIА–IIВ, что может свидетельствовать об их одновременности (**табл. 3**).

IID. Структурно этот подтип кинжалов не отличается от подтипа IIC, но вместе они не найдены (**табл. 3**). Э. Негахбан видел их различие в более вытянутой форме клинка и узкой гарде менее массивной, чем у подтипа IIC. Опубликовано 7 целых кинжалов из могил 13, 18, 25, 30, 45, их длина от 41,5 до 48 см (Negahban 1995: 46–48, pl. IV: 47–51, pl. V: 52–53; Negahban 1996: 261, pl. 120: 703, pl. 121: 704).

Вместе с подтипами IIА, IIВ подтип IID также не встречен, но в двух могилах 25, 45 они найдены с декоративными кинжалами типа I (**табл. 3**).

IIЕ. К этому подтипу отнесено 3 опубликованных меча. Рукоятки мечей имеют закраины для закрепления инкрустации, гарда в двух случаях чуть шире клинка (№ 54, 55), у меча из могилы 1 (№ 30) она значительно шире клинка, автор в данном случае гардой назвал основание ствола (Negahban 1995: 48–49, pl. V: 54–55, fig. 30; Khorasani 2006: fig. 39; **рис. 3: 30, 54**), но в таком случае гарда значительно уже основания клинка и поэтому не может являться защитной деталью клинкового оружия. Они найдены в могилах 1, 26, 33 (стадии III, IIа), длина № 54 достигает 59,3 см. Подтип IIЕ найден со всеми типами клинкового оружия Марлика, кроме подтипа IID (**табл. 3**).

Единственная аналогия мечам подтипа IIЕ, приведенная Негахбаном, находится в хурвинской коллекции Малеки (Vanden Berghe 1964: 23–24, 65, pl. XXXIV, № 226). Эта аналогия не вполне точна хотя бы потому, что в Хурвине найден кинжал (дл. 39 см), а также по отсутствующему у хурвинского кинжала такого признака, как выступающая гарда у кинжала подтипа IIЕ; кроме того, форма массивного клинка хурвинского кинжала подтреугольная, а марликовский меч имеет параллельные лезвия, что является главным признаком меча.

Бронзовые цельнолитые кинжалы типа III с двумя вариантами ствола рукоятки: плоский ствол с веерообразным навершием

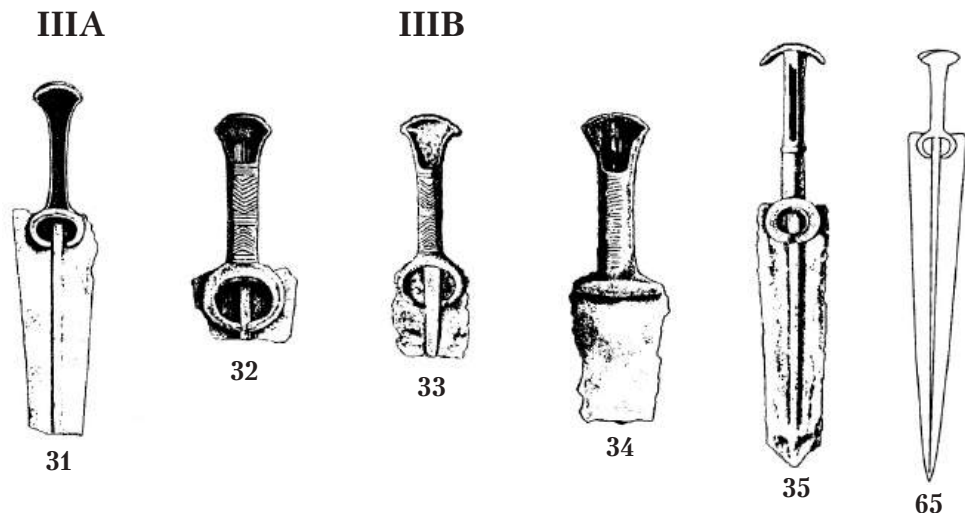

Рис. 4. Бронзовые кинжалы, Марлик, тип III. IIIA: 31; IIIB: 32–35, 65
(распределение по могилам наконечников стрел, кинжалов,
мечей (рис. 1–4) см. в табл. 3).

и закраинами для закрепления инкрустации (IIIA) или полый цилиндрический ствол с отверстиями для вставок (IIIB). Клинки с широкими и прямыми плечиками, в основании клинка рельефный разомкнутый на нервюре круг. Обычно он отлит одновременно с клинком и рукоятью, но иногда он «приливался» отдельно (Maxwell-Hyslop, Hodges 1964: 52, fig. 1: 5, 10).

IIIA. Кинжалы с плоским стволом рукоятки и закраинами, разомкнутый круг на одном из них был отлит отдельно (Negahban 1996: 262, pl. 121: 712). Плечики клинка, выступающие из-под круга, прямые или приподняты кверху. Длина кинжалов от 37,4 до 47,8 см. Опубликовано 10 кинжалов из могил 1, 2, 3, 13, 44 (стадии III, IIb; Negahban 1995: 51, pl. V: 56–64, fig. 31; Negahban 1996: 262, pl. 121: 712, 716, 720, fig. 32: 718; **рис. 4: 31**). Подтип IIIA найден в могильных комплексах вместе с типом I и подтипами IIЕ и IID (табл. 3).

IIIB. Кинжалы этого подтипа отличаются почти полностью закрытой полый цилиндрической рукоятью; возле веерообразного навершия имеется небольшое отверстие, в которое, очевидно, заливался специальный наполнитель. Ствол рукоятки украшен двумя регистрами параллельных зигзагов (№ 722–723; **рис. 4: 32, 33**) или тонкими горизонтальными штрихами. Длина

кинжала из могилы 1 — 44 см. Опубликовано 5 кинжалов из могил 1, 2, 5 (стадия III; Negahban 1995: 51–52, fig. 32–35, pl. V: 65; Negahban 1996: 262–264, fig. 32: 722–723, 725–726; Khorasani 2006: 71, fig. 41; **рис. 4: 32–35, 65**). Не оговорено отсутствие рельефного круга на кинжале № 34 (725) из могилы 2. Кинжал № 35 (726) из могилы 5 отличается узким длинным отверстием, занимающим значительную часть рукоятки, а также формой навершия в виде дуговидного бруска. Оба подтипа найдены вместе в могилах 1 и 2, и оба вместе с типом I и IЕ (**табл. 3**), тип IIIА найден один раз с подтипом IID (мог. 13), который, как уже отмечено, с другими подтипами II не встречен.

Главным отличительным признаком обоих подтипов IIIА, IIIВ является рельефный круг на месте гарды. Но примечательно существование гибридного типа кинжалов как в Прикаспийском районе (могильник Калардашт), так и в Луристане. Наличие рельефного круга у этих кинжалов является признаком типа III, но ствол рукояти с тремя высокими ребрами или с фестончатыми закраинами — признак типа IIВ–IID (Медведская 2019: рис. 9: 22–23). Распределение клинкового оружия по могильным комплексам Марлика и стадиям, которые выделил Х. Пиллер, представлены в **таблице 4**.

Таблица 4

Стадии	I	IIa	IIb	III	
Тип I		м. 23, 33	м. 25, 45	м. 1, 7	рис. 2: 667–670, 672, 673
Тип IIА		м. 26, 33, 47, 52			рис. 3: 15–24
Тип IIВ		м. 26, 27, 33, 47	м. 29		рис. 3: 693, 25–27
Тип IIС		м. 27, 33	м. 16, 29		рис. 3: 28–29, 29а
Тип IID			м. 13, 18, 25, 30, 45		
Тип IЕ		м. 26, 33		м. 1	рис. 3: 30, 54
Тип IIIА			м. 13, 44	м. 1, 2, 3	рис. 4: 31
Тип IIIВ				м. 1, 2, 5	рис. 4: 32–35, 65

В могилах стадии I (м. 10–12, 14, 15, 17, 23), датируемых Х. Пиллером XV–XIII вв. до н. э., ни один из трех типов кинжалов не обнаружен. Однако он отнес к этому периоду кинжалы первого класса — с коротким черенком, в тексте не указано, из каких могил они происходят, но на схеме отмечено — в могилах 12, 15 (Pill-ler 2019: 372, fig. 19.4, 19.5). Э. Негахбан отнес эти предметы из могил 12, 15 к классу копий, хотя не исключал, учитывая их длину до 54 см, что они могли служить кинжалами (Negahban 1996: 270). Но следует отметить, что у них очень короткий черенок, что при рубящем ударе делало накладную рукоятку кинжала непрочной. В любом случае, черенковые кинжалы не влияют на датировку могил Марлика по причине широкого хронологического диапазона их бытования.

Все кинжалы типов I–III применялись только в Прикаспийском районе в период ЖВ I. Из них оригинальные кинжалы типа I найдены только в Марлике. Происхождение кинжалов с закраинами связывается с Сиро-Палестинским районом и последующим радиальным распространением принципа изготовления подобных кинжалов по районам Древнего Востока и Ирана, в частности. В Иране сформировалось два основных центра их изготовления и дальнейшей модификации — в Луристане и в Прикаспии. В Приурмийском районе немногочисленные кинжалы, хотя и отличаются от луристанских в деталях, но типологически ближе к ним, и существенно отличаются от прикаспийских образцов (подробнее см. Медведская 2019: гл. IV, § 1, 92–100, рис. 9).

Хотя в Приурмийском районе и в Хасанлу IVB, в частности, кинжалы типа III (**рис. 4**) не обнаружены, но примечательно изображение такого кинжала на знаменитой золотой чаше, которую пытались вынести из горевшего здания периода Хасанлу IVB (храм BBI-west). Чаша, конечно же, была изготовлена задолго до гибели города, самая поздняя из предлагаемых дат — не позднее IX в. до н. э. (Winter 1989: 92). Однако И. Винтер могла учитывать дату гибели Хасанлу IV именно в конце IX в. до н. э., принимаемую многими исследователями. Но существуют основания для датировки гибели Хасанлу IVB в 714 г. Поскольку именно в Прикаспии использовались кинжалы типа III, не была ли изготовлена там и золотая чаша? Многочисленные золотые сосуды из Марлика (или других памятников Гиляна, см. ниже) свидетельствуют о высоком профессионализме гилянских мастеров.

§ 3. КЕРАМИКА МОГИЛЬНИКА МАРЛИК

Для уточнения датировки ряда погребальных комплексов могильника Марлик необходимо рассмотреть некоторые категории инвентаря и прежде всего некоторые типы марликой керамики. Она в значительной степени свидетельствует о локальности ее производства в Прикаспийском районе. Здесь и в Марлике, в частности, отсутствует расписная керамика, сосуды изготовлены из серо-черной и коричневой глины и отличаются высоким качеством самой глины и ее обжига, а также качественным ангобированием и полировкой. Некоторые сосуды украшены точечным, прочерченным и лощёным орнаментом.

Учитывая высокое качество керамики, Э. Негахбан высказал трудно доказуемое из-за отсутствия сравнительного материала предположение, что такая керамика изготавливалась специально для погребального обряда и не использовалась в быту (Negahban 1996: 219). Но в любом случае эта керамика принадлежала культуре конкретного населения в конкретное время и в конкретном регионе. Некоторые типы керамики свидетельствуют об этом, рассмотрим их.

Э. Негахбан выделил 14 типов сосудов (*ibid.*: 219 f.). Из них плоскодонные одноручные кушины являются наиболее многочисленным типом марликой керамики. Сама форма этих сосудов существовала во все времена на обширной территории. Но среди марликих кувшинов выделяется один подтип с высокой узкой и прямой горловиной (ее высота на некоторых кувшинах почти или совсем равна высоте тулова сосуда); тулово яйцевидной или шаровидной формы, дно или плоское, или слегка конусовидное; второй особенностью, помимо формы горловины, является небольшая ручка, которая одним концом крепилась к плечу тулова и другим в нижней половине горловины (*ibid.*: figs. 17: 505, 506; 18: 507–517; 19: 518–523; **рис. 5: 505–507, 512, 513, 517, 519**). Высота этих кувшинов от 14,5 до 25, см, самый высокий 28 см (№ 507, мог. 32). Но Э. Негахбан привел аналогии только плоскодонным кувшинам с невысокой горловиной и главное — с ручкой, которая крепилась верхним концом к венчику или возле него (*ibid.*: 220–221, figs. 20, 21: 530, 532, 538; **рис. 5: 496, 532, 538**).

Все могилы, в которых найдены узкогорлые кувшины, находятся в центральной части могильника Марлик (мог. 13, 19, 24, 26, 27, 32, 33, 47, 72). Согласно горизонтальной стратиграфии

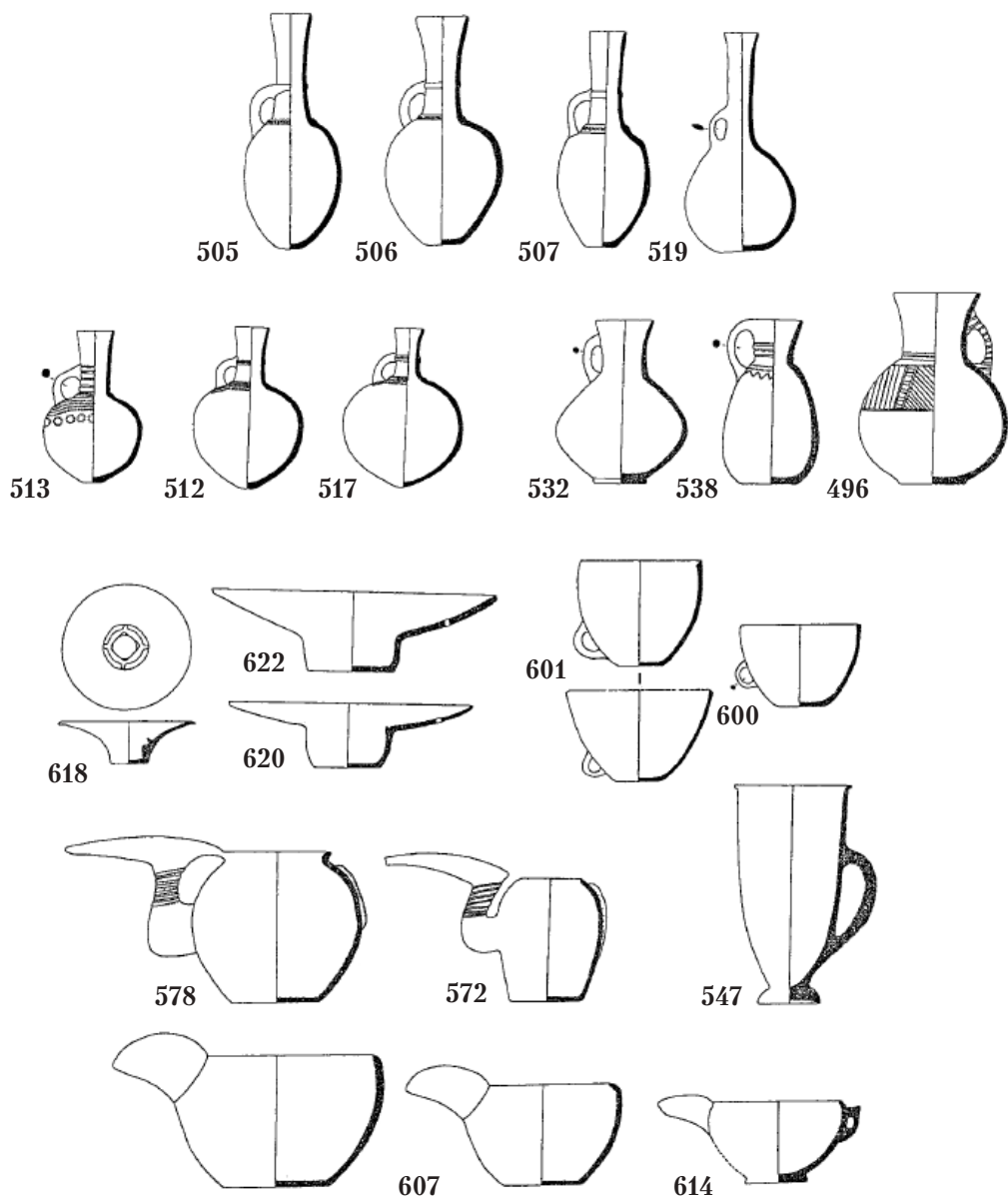

Рис. 5. Керамика. Марлик

Х. Пиллера, это участки стадий IIa, IIb, только могила 17 отнесена к стадии I (XV–XIII вв. до н. э.), хотя она находится на границе с участком IIb (XI в.) недалеко от могил 19, 24 и с участком IIa (XII в.) недалеко от могил 26, 27, 32 и 33, могила 13 находится в отдалении на краю участка IIb (см. выше § 1, **рис. 14**).

Такие кувшины в ближайшем к Марлику могильнике Хурвин не обнаружены, но один имеется в коллекции госпожи Малек, предметы которой происходят в основном из Прикаспия (Vanden Berghe 1964: pl. XVII: 157); похожие кушины найдены сравнительно недалеко от Марлика в могильнике Кайтарие (ЖВ I, Медведская 1977: рис. 1: VIIa внизу). Сходство керамики из Кайтарие с марликой заключается также в отмеченном выше высоком качестве глины и пр. В соседнем с Марликом районе Дейламан на поселениях Галекути и Ласулкан также найдены узкогорлые кушины (Egami et al 1965: pl. XXIV: 2, XXXVI: 3).

Оригинальной формой отличаются плоскодонные миски с почти вертикальными стенками небольшого контейнера и очень широким бортиком, превышающим высоту контейнера (форма мисок напоминает широкополую шляпу; Negahban 1996: fig 29, pl. 114; **рис. 5: 618, 620, 622**). За одним исключением, диаметр опубликованных мисок от 37 до 44 см, высота контейнера от 10 до 13,3 см (ibid.: 240). Одна миска меньших размеров (d 15,5 см, h 5 см) отнесена автором также к этому типу мисок, и только ей им были приведены аналогии в могильнике Галекути (ibid.: 618). За пределами Прикаспия такие миски не обнаружены. В Марлике они найдены в могилах 13, 25, 44, 45 на территории стадиИ IIb; из них могилы 13, 44, 45 находятся на краю этого участка, могила 12, в которой найдена маленькая миска, находится на краю участка I (**рис. 14**). Миски/тазы найдены в могильниках Галекути (мог. A-V, A-VII, C-I, C-II, Egami et al 1965: pl. LI: 7, LII: 25; LXII: 19, pl. LXXIX: 208; LXXXI: 19) и Ласулкан (мог. Va, Vb, ibid.: pl. LXXXVIII: 1; LXXXIX: 1). Узкогорлый кувшин из могилы Vb отличается широким плоским дном, вариант этого типа найден и в могиле C-IV Галекути (ibid.: pl. LXXXIX: 1; LXXXIII: 5).

Не менее оригинальны миски в форме чашки с ручкой у дна, но большой диаметр (от 17,5 до 27,5 см) определяет их использование в качестве мисок (ibid.: 236–237, fig. 27: 601–601; **рис. 5: 606, 601** — 2 экз.). Они найдены в могилах 25, 40, 18 на территории стадиИ IIb, из них могилы 18, 25 в центре могильника около северо-западной границы стадиИ IIb, могила 40 на противоположной юго-восточной окраине могильника (**рис. 14**). Аналогии им только в Прикаспии в Дейламане (Галекути I, Egami et al 1965: pl. XXV: 3).

Плоскодонные сосуды с широким коротким сливом, отходящим от венчика, в Марлике найдены в могилах 13, 19, 24, 26, 29,

44, 47, 52; их высота от 7 до 13 см (Negahban 1996: fig. 28: 607–2 экз., pl. 112: 606, **рис. 5: 607** — 2 экз.). Все они без ручек, но в могиле 29 вместе с ним найден аналогичной формы сосуд, но с ручкой и на выделенном поддоне, что может свидетельствовать об их одновременности (ibid.: fig. 28: 614, h около 8 см; **рис. 5: 614**). Сосуды с длинным открытым или трубчатым сливом использовались для слива жидкости, сосуды с коротким широким сливом, очевидно, предназначались для слива более густой массы; Р. М. Гиршман называл их соусниками. Первые из них известны в эту эпоху в культуре многих стран Древнего Востока, вторые, по всей видимости, были характерной особенностью керамики Прикаспия. Они найдены на поселении и в могилах Галекути I возле Дейламана (Egami et al 1965: pl. XXV: 3, LII: 18; Fukai, Ikeda 1971: 3, pl. XXVI: 7), в коллекции госпожи Малекі соусник на поддоне, но без ручки (Vanden Berghe 1964: pl. VI: 35, h 7 см), в могильнике Кайтарие соусники с ручкой и без (Медведская 1977: 170, рис. 1: III а–б) Аналогии, приведенные автором, кроме прикаспийских, относятся к первому типу сосудов со сливом; а в Сиалке В это миска без слива на высоком конусовидном поддоне (Ghirshman 1939: pl. LII, S.568, мог. 7 b). Впрочем, сама форма конусовидного поддона, высота которого почти равна высоте сосуда, с более длинным, чем у соусников, сливом, известна в Марлике (мог. 30, 36, Negahban 1996: pl. 113: 609, 616, 617). Соусники обнаружены в могилах, расположенных, согласно Пиллеру, на территории стадии II а–b (**рис. 14**). Из них могилы 13, 26, 44, 47, как и сосуды на высоком конусовидном поддоне (мог. 30, 36), находились на краю этой территории, и, соответственно, на краю могильника, что не исключает их позднее здесь появление.

Редкими, если не уникальными, являются три марликих сосуда кубической формы с низкой горловиной на верхней грани, их высота 12, 13,5 и 21,5 см (мог. 44, 5; ibid.: 226, pl. 105: 535, 536, 537). Приводимые автором аналогии — это четырехгранные высокие сосуды с высокой горловиной и по существу отсутствующей верхней гранью: сосуды из коллекции госпожи Малекі (Vanden Berghe 1964: pl. XXVI: 198, 201, 204, высота 6,5, 7,5, 9 см), стенки сосуда № 201 кверху расширены, два других имеют выступы/ножки. В Сиалке В четырехгранный сосуд (h 7,5 см) с высокой горловиной и широким, плоским венчиком (Ghirshman 1939: 216, pl. XX: 9; см. гл. VI, § 3).

Обе могилы, в которых найдены кубические сосуды, расположены на окраинах могильника и разделены территорией стадии I (стадии IIb, III; **рис. 14**). В могиле 44 вместе с кубическим сосудом найдены миска/таз и соусник (**рис. 5: 622, 607**), чайников в ней не было. В могиле 5 керамика менее показательна: обычный горшок для пищи (Negahban 1996: 563), кувшин с невысокой горловиной, хотя верхний конец ручки прикреплен к ее середине (*ibid.*: 526), плоская миска/тарелка на выделенном поддоне (*ibid.*: 597); уникальным является сосуд с трубчатым сливом, расположенным внутри сосуда, нижний конец трубки у дна тулова, верхний внутри горловины и выступает над венчиком (h 22 см, *ibid.*: 220, pl. 100: 493 — фото). Обычно слив крепился снаружи и жидкость стекала в него через отверстие в стенке сосуда, такой формой отличается сосуд из могилы 7 b Сялка В, который указан автором. Кувшины с трубчатым сливом внутри него найдены в Кайтарие, но верхняя его часть выведена наружу и прикреплена снаружи к венчику, формируя своего рода ручку (Медведская 1977: 170, **рис. 1: VIII**).

Хронологическим индикатором керамики Древнего Востока служат сосуды с боковым сливом, называемые обычно чайниками. Хотя они различаются формой тулова и слива/носика, их объединяет сама конструкция сосуда. Чайники начали использоваться уже в IV тыс. до н. э. в странах Средиземноморья и Древнего Востока (Медведская 2019а: 56–65). На всей этой территории чайники имели цилиндрический слив. Лишь на острове Крит в III тыс. до н. э. стали использоваться чайники со свободно стоящим двухчастным сливом. Но в начале II тыс. они перестают использоваться. То же самое происходит с такими же чайниками в Анатолии (Кюль-тепе II, 2000–1900 гг. до н. э.), хотя там продолжают использоваться чайники с цилиндрическим сливом. В Древнем Иране на юго-востоке Прикаспийского района в период Гиссар III С (первые столетия II тыс.) бытовали чайники с двухчастным сливом, с прикрепленным или не прикрепленным сливом (там же: **рис. 7: 103–109**). Затем следует перерыв, и вновь чайники с неприкрепленным сливом входят в употребление здесь же в Прикаспийском районе в период ЖВ I (Кайтарие, Марлик, Хурвин), единичные находки этого времени за его пределами имеются в могильнике Сялка А, а также в Приурмийском районе (Динха тепе III, Геой тепе; там же: **рис. 2, 3, 4**). В период ЖВ I

слив не прикреплялся к венчику или плечу сосуда, что произошло в период ЖВ II. Однако в могильнике Сиалк В (ЖВ II) обнаружены оба типа чайников, как, впрочем, было и в Гиссаре III С. Насколько такое сочетание может влиять на датировку памятника?

В 9 могилах Марлика найдено всего 9 чайников без ручек, некоторые фрагментированные, все они различаются формой тулова и слива (Negahban 1996: fig. 25, pl. 109–110; могилы 2, 4, 11, 13, 17, 27, 36, 47, 52; номера соответственно — 575, 572, 580, 578, 579, 573, 581—фрагмент, 577, 574; **рис. 5: 572, 578**), их высота от 8–12 до 18–19,5 см. Из них только один чайник с прикрепленным сливом из могилы 13 (№ 578), которая находится на краю участка IIb в отдалении от других могил, что может свидетельствовать о самом позднем ее сооружении. Остальные 8 чайников найдены на всех трех участках могильника, которые соответствуют, согласно К. Пиллеру, стадиям I–III (XV — конец XI вв. до н. э.). Соответственно, чайник из могилы 13 может датироваться не ранее начала периода ЖВ I. Еще два чайника найдены рядом с Марликом на территории, называемой Гешлаг (Negahban 1996: 233–234, pl. 110: 582, 576). В отличие от всех марликих чайников, они имеют петлевидную ручку на плечике тулова, но, как и у большинства марликих чайников (включая № 578), их сливы украшены рельефными поясками. Один чайник, найденный в траншее Гешлага, имеет неприкрепленный слив (№ 576, h 18 см), чайник из могилы 2 с прикрепленным сливом (№ 582, h 22 см). Примечательно, что в Хасанлу IV имелись уже чайники с прикрепленным сливом, период IV датируется IX–VIII вв. до н. э. (см. гл. III).

Инвентарь **могилы 25** (стадия IIb) состоит из: бронзовой чашки с ручкой (Negahban 1996: fig. 5: 35), бронзовой фигурки двух запряженных зебу (Negahban 1996: pl. 44: 132); двух ожерелий из золотых, сердоликовых и керамических бус (Negahban 1996: pl. 60: 218, pl. 61: 226); гладкого бронзового разомкнутого браслета (Negahban 1996: pl. 82: 355); трех керамических сосудов (Negahban 1996: fig. 22: 547, fig. 27: 600, pl. 114: 619); рукоятки биметаллического меча (тип I, Negahban 1996: pl. 119: 672; **рис. 2: 672**); двух бронзовых кинжалов (тип IID, Negahban 1996: pl. 120: 703, pl. 121: 704); двух бронзовых копий (тип IIIA, Negahban 1995: pl. VII: 82–83); двух бронзовых наконечников стрел (типы VA, VII, Negahban 1996: fig. 33: 849; **рис. 1**); фрагмента бронзового пояса (тип B,

Negahban 1995: fig. 93); бронзового слитка (Negahban 1996: pl. 139: 974) и наконечника копья (без иллюстрации и номера, *ibid.*: 34).

Из трех керамических сосудов, найденных в могиле 25, примечателен темно-серый одноручный бокал на поддоне, аналогии которому Э. Негахбан нашел в могилах 53, 136 Сяллка В (Negahban 1996: 229, fig. 22: 547; **рис. 5: 547**). Различия между ними незначительные: сялковские бокалы имеют прямые расходящиеся кверху стенки, у марликовского бокала стенки в верхней части тулова не расходятся; длинная ручка нижним концом прикреплена у основания тулова, у сялковских сосудов петлевидная ручка прикреплена в верхней половине тулова сосуда. Бóльшее сходство с марликим бокалом имеет сосуд из могилы 77 Сяллка В. На фотографии сосуда почти не видна его ручка, прикрепленная в верхней части тулова, видимо, поэтому Негахбан не учел его, хотя форма тулова аналогична марликовскому бокалу (Ghirshman 1939: pl. XX: 6), высота последнего 24 см, сялковского — 19 см. Все три сялковских сосуда красноангобированные (*ibid.*: pl. XX, 5–7), четвертый сосуд (мог. 53) расписной (*ibid.*: pl. XVI, 6; LXIX, S.948; h 13 см; см. гл. II: табл. IA: 11). Необходимо подчеркнуть, что все пять сосудов не похожи на сложнопрофилированные бокалы периода ЖВ I (Медведская 2019: 38–39, тип VI, **рис. 2**), что позволяет приблизить датировку марликовских сосудов к дате могильника Сяллка В. Это же относится и к бронзовой чашке с ручкой из могилы 25 (h 6,5 см, d 9,2 см; Negahban 1996: 85, fig. 5: 35, pl. 26: 34). Подобная чашка найдена в могиле 27, аналогию которой Негахбан нашел в могиле 53 Сяллка В, где и был найден упомянутый выше расписной бокал на поддоне.

Два других сосуда рассмотрены выше: — глубокая миска с ручкой, прикрепленной почти у самого дна сосуда (h около 18 см, d 25 см; **рис. 5: 600**). Такие же миски найдены в могилах 18 и 40 (**рис. 5: 601**). Третий керамический сосуд — миска/таз (Negahban 1996: pl. 114: 619). Помимо могилы 25 с биметаллическим мечом, миски/тазы найдены еще в нескольких могилах Марлика. Однако, хотя Негахбан перечислил их находки в могилах 5, 12, 13, 19, 21, 25, 44, 45, 47 (*ibid.*: 239), но в общем списке инвентаря погребальных комплексов в могилах 5, 21, 47 тазы не указаны (*ibid.*: 28, 32, 45–46).

Примечательно, что миски/тазы в могилах 13, 25, 44, 45 (стадия IIb) найдены вместе с кинжалами только типов I, IID,

IIIA–B (**табл. 3**; в мог. 12, 19 кинжалы не найдены). Не являются ли миски/тазы, как и кинжалы указанных типов, в том числе и биметаллический меч, признаком более поздней даты этих комплексов? И нет ли в них других предметов, датировка которых включает ЖВ I? Помимо инвентаря могилы 25, нужно рассмотреть комплексы могил 13, 44, 45 (стадия IIb).

Инвентарь **могилы 13**: бронзовые кинжалы типов IID, IIIA (№ 707, 715, 717¹); керамика: миска/таз (№ 620), чайник с прикрепленным длинным сливом (№ 578, единственная находка в могильнике), сосуды с коротким открытым сливом (№ 607, 615); два бронзовых кимбала (№ 984); бронзовый гранатовидный бубенчик (№ 946).

Чайники с прикрепленным сливом датируются периодом ЖВ II, когда они заменили подобные сосуды предшествующего периода со сливом, который не прикреплялся к венчику (Dyson 1965: 196, 201–202), последние преобладают в Марлике (Negahban 1996: 232–233, fig. 25). Миски/тазы, соусники, как и чайник № 578, найдены в погребениях на окраине могильника Марлик (см. выше).

Кинжалы типа IID обнаружены только в могилах 13, 18, 25, 30, 45 (стадия IIb), но тип IIIA, помимо периода стадии IIb (мог. 14, 44), найден в могилах стадии III (мог. 1, 2, 3).

Бронзовые полые **бубенцы** шаровидной, грушевидной или яйцевидной формы состоят из вертикальных полос, их основным отличительным признаком служит форма навершия, которое иногда служило петлей для подвешивания, внутри находились металлические шарики. Гранатовидными бубенцами названы экземпляры, имеющие навершие в виде цветка граната, которое располагалось в нижней части бубенчика. В Марлике они обнаружены в могилах 13, 18, 30, 44 (стадия IIb) и 47 (стадия IIa) (Negahban 1996: 307–308, pl. 136: 942–946). Два бубенчика с навершием в виде сидящей птицы найдены только в могиле 36 (IIa, *ibid.*: pl. 136: 948–949). На северо-западной окраине могильника найдены бубенцы в форме двух усеченных конусов (м. 5, 6, стадия III, *ibid.*: 951–952). Там же в могиле 6 найдено несколько биконических бубенцов, на одном конце которых находится петля, на другом — шаровидное окончание. Примечательно, что в могилах Марлика нет бубенцов с навершием в виде горного козла или зебу.

¹ Номера соответствуют описанию автора (Negahban 1996).

Если следовать «горизонтальной хронологии» Х. Пиллера, то гранатовидные бубенцы существовали на стадии IIa–b (XII–XI вв.), а биконические — на поздней стадии III (ca 1000 BC). Однако все приводимые Э. Негахбаном аналогии, за исключением одной, указывают на датировку всех бубенцов началом I тыс. до н. э. Но Э. Негахбан датировал такие бубенцы в пределах 1300–800 гг. до н. э., учитывая датировку К. Шеффером могильника Редкин лагерь 1300–1100 гг. (Армения), в котором найдены похожие бубенцы (Negahban 1996: 309). Однако датировки Шеффера признаны устаревшими, Редкин лагерь датируется концом IX — первой половиной VII в. (Погребова 2011: 297, V хронологический период). Гранатовидный бубенчик найден в могиле 15 Сиалка В (Ghirshman 1939: pl. XXV, 6), который датируется не ранее второй половины VIII в., и два — в Хасанлу IVB (Schauen-see, Dyson 1983: 71–72, fig. 19a), разрушенном в 714 г.; в Луристане подобные бубенцы, но с зооморфными навершиями, датируются началом I тыс. до н. э. (Moorey 1971: 137–138, pl. 29: 157–158; idem. 1974: 100–101, fig. 72), они найдены в могиле 36 Марлика (№ 948, 949). О. Мускарелла склонен датировать могилу 36 ближе к 700 г. до н. э. (Muscarella 1988: 277). В этой могиле вместе с бубенцами обнаружена единственная в этом могильнике фибула (№ 448, о датировке фибул, зооморфных наверший на ручках штемпельных печатей см. ниже). Аналогию бубенцам в форме двух усеченных конусов Негахбан нашел в Нузи, в храме, датируемом серединой II тыс. (Negahban 1996: 310). Однако в Нузи оба бубенчика шаровидной формы, в отличие от марликих, имеют две петли на противоположных сторонах шара, что предполагает иной принцип подвешивания бубенчика (Starr 1937: 35, pl. 126 Y1, Y2). Их дата не может уточнять дату марликих бубенчиков.

Датировка ажурных бубенцов, как и наличие в инвентаре могил чайника с прикрепленным сливом (мог. 13) и биметаллических кинжалов (мог. 25), ставит под сомнение столь широкую датировку могильника Марлик в пределах XV–XI вв., предложенную Х. Пиллером, и его «горизонтальную хронологию».

В **могиле 44** найдены многочисленные украшения: ожерелья, в основном сердоликовые, бронзовые браслеты, золотые серьги; керамика: глубокая миска с широким коротким сливом у венчика, аналогичная миске из могилы 13 (Negahban 1996: 237, fig. 28, pl. 113: № 607), сосуд кубической формы с выступающей

горловиной (h 21,5 см; *ibid.*: pl. 105: № 536.), кубический сосуд меньших размеров (h *ca* 13,5 см) найден в могиле 5 вместе с кинжалом типа IIIB, бронзовый щит (*ibid.*: pl. 128: № 866), 2 бронзовых двулезвийных топора (топор/тесло) (*ibid.*: pl. 134, fig. 35: № 939), 2 бронзовых кинжала типа IIIA (*ibid.*: 262, pl. 121: № 712), 2 бронзовых бубенчика, один назван автором гранатовидным, другой вместо навершия имеет петлю для подвешивания (*ibid.*: 307, pl. 136: № 942, 944).

Об одновременности могил 13 и 44 свидетельствуют находки бронзовых кинжалов типа IIIA, гранатовидных бубенчиков, керамических тазов и мисок с открытым сливом.

Миски с широким сливом у венчика и чуть округлым туловом довольно многочисленны в Марлике. Можно выделить три их подтипа: **IA** — соусники без ручки наиболее многочисленны (h от 7 до 13 см, d от 11 до 21,5 см), найдены в могилах 13, 44, а также в могилах 15, 18 (?)¹, 19, 24, 26, 29, 47, 52 (Negahban 1996: 237–238, pl. 112, 113: № 606–607; **рис. 5: 607**); **IB** — сосуды подобной формы, но на высоком воронковидном поддоне и с чуть более длинным сливом (*ibid.*: pl. 113: № 609, мог. 36: фото). В могиле 30 — миски подобной формы, но с ручкой, а высокий поддон с более вертикальными стенками (*ibid.*: pl. 113: № 616–617: фото); **IC** — небольшие одноручные миски/соусники (h от 5 до 8 см, d от 8 до 14 см) с расходящимися кверху стенками на низком поддоне найдены в могилах 4, 13, 29 (*ibid.*: fig. 28, pl. 113: № 612–614; **рис. 5: 614**). Поскольку подтипы IA и IC найдены вместе в могилах 13 и 29, то можно считать одновременным их использование. Подтип IB найден в могиле 36 вместе с фибулой, что является одним из оснований для ее поздней датировки.

Миски со сливами, как отметил Э. Негахбан, найдены в Силке В (подтип IA, мог. 25, 38, 53, 76, можно добавить мог. 62, 66, и IC — мог. 125), а также в Хурвине (IA, IB), в Гияне I (IC, *ibid.*: 237–239). Но эти сосуды происходят из разграбленных могил как Хурвина, о которых сообщал Л. Ванден Берге, так, очевидно, и найденных в районе Гиян тепе, и самостоятельной датировки

¹ Могила 18 указана Негахбаном на с. 237 в списке находок таких мисок, но в списке погребального инвентаря могилы 18 (с. 31) миска со сливом не указана; возможно, найдены фрагменты миски без номера (с. 31).

они не имеют. В могильных комплексах как Хурвина (мог. 1–14), так и в могилах периода Гиян I эти миски не найдены. Об использовании их еще в VIII в. свидетельствуют находки таких мисок в могильнике Сиалк В.

Э. Негахбан упоминает также находки мисок подтипа IB в Хасанлу IV со ссылкой на публикацию Р. Дайсона 1964 г., но те миски не имеют слива и ручек (Dyson 1994: 38, fig. 4: 7, 10), нет таких мисок и в публикации керамики из Хасанлу IV (Danti 2013).

Итак, наличие соусников типа IA в могилах 13, 15, 19, 26, 27, 44, 47 (стадии I, IIa–b; **рис. 14**) наряду с другим погребальным инвентарем может свидетельствовать об их одновременности. Необходимо рассмотреть в этой связи печати и топоры/клевцы.

Цилиндрические и штемпельные печати. На конце ручки штемпельных печатей из Марлика имеются зооморфные изображения, сравнимые с некоторыми навершиями ажурных бубенчиков (мог. 23, 27, 36; Negahban 1996: 213–214). Эти печати признаются местными изделиями (*ibid.*: 215). Следует отметить распределение находок в погребениях Марлика шести типов цилиндрических печатей, выделенных Негахбаном (всего не менее 14 экз., печати типа VI плохо сохранились и не подлежат стилистическому анализу), и штемпельных печатей (5 экз., *ibid.*: 205–214). Обычно в могилах всех трех стадий, определенных Х. Пиллером, находился один тип цилиндрических печатей, за двумя исключениями (мог. 10, 36) (**рис. 14**):

Цилиндрические печати:

Тип I — мог. 1, 2, 4 (III), 10 (I) (1 — № 473; 2 — № 469, 471; 4 — № 470; 10 — № 472);

Тип II — мог. 3 (III), 42 (IIb) (3 — № 476; 42 — № 474, 475);

Тип III — мог. 8 (8 — № 477, 478);

Тип IV — мог. 5 (III), 36 (IIa) (5 — № 480; 36 — № 479);

Тип V — мог. 32 (IIa) (№ 481–482);

Тип VI — мог. 10, 14 (I) (10 — № 483, 484; 14 — № 485);

Штемпельные печати — мог. 23 (I), 27, 36 (IIa) (23 — № 487; 27 — № 488; 36 — № 486, 489, 490).

Цилиндрические печати найдены на всех стадиях, определенных Пиллером, штемпельные только на стадиях I и IIa. При этом штемпельные печати найдены в соседних могилах: могилы 23–27 примыкают друг к другу, могила 36 находится в четырех метрах от могилы 27 (**рис. 14**). То же самое относится, например,

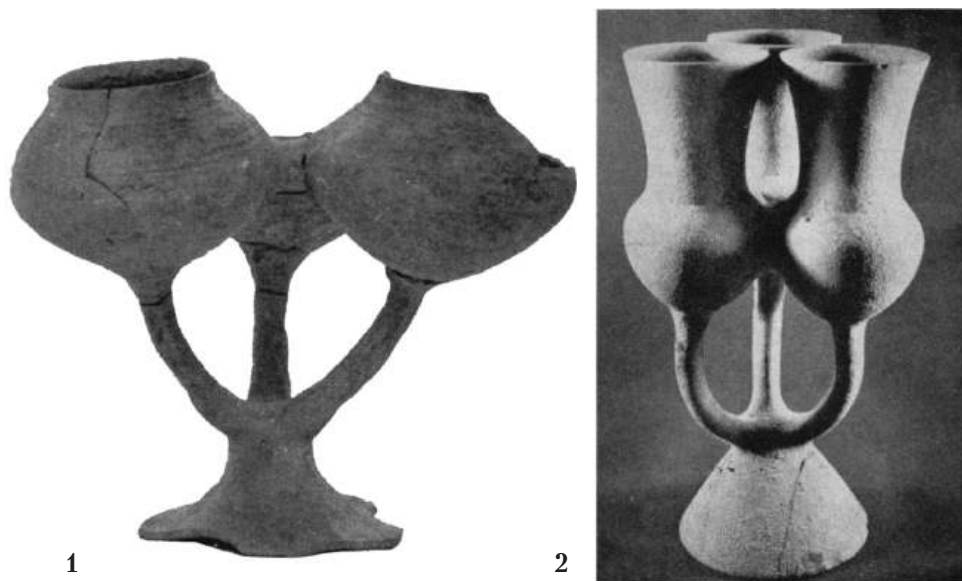

Рис. 5а. Керамика. 1 — Пакистан (Буткара II); 2 — Марлик

к находкам печатей типа I, найденных на ранней (I) и поздней (III) стадиях, хотя могила 10 находится рядом с могилами стадии III (**рис. 14**). Насколько точно в этой связи определение хронологических стадий, предложенных Х. Пиллером?

В **могиле 36**, одной из самых богатых могил Марлика, вместе найдены две штемпельные печати с фигурками птицы и золотая цилиндрическая печать с изображением вереницы животных и птиц, выполненных довольно примитивно (тип IV), что предполагает работу местных ювелиров, самостоятельной даты эта печать не имеет (*ibid.*: 212). Оригинальна форма вазы из трех кубков на стебельках, стоящих на конусовидном поддоне (Negahban 1996: pl. XXX: 631; **рис. 5а: 2**). Подобная конструкция вазы была известна в культуре Сват VI (Буткара II, Пакистан) в начале I тыс. (Stacul 1970: fig. 19; **рис. 5а: 1**; см. гл. VI, § 3). Примечательно, что в могиле 36 не обнаружены кинжалы и найден наконечник стрелы только одного типа VIII (**табл. 3**); такие стрелы (стадии I, IIa) не найдены в других могилах вместе с кинжалами типов IID (последние только на стадии IIb) и IIIA–IIIB, но только с кинжалами типов I, IIa–V (**табл. 3**). Бубенчики из могилы 36 отличаются от всех остальных ажурных бубенчиков Марлика наличием зооморфных наверший в виде птиц, в других могилах такие бубенчики

не найдены, но именно такие же навершия имеются и на штемпельных печатях, найденных в могиле 36 и в ближайшей к ней могиле 27.

Все три могилы, в которых найдены штемпельные печати, находятся рядом на северном краю могильника (**рис. 14**), что могло бы предполагать их приблизительную одновременность, причем могила 36 самая крайняя и, очевидно, самая поздняя из них; в ней, как уже отмечено, найдена фибула. Однако инвентарь могил 23, 27 мог бы указывать на более раннюю дату: в могиле 27 найдены кинжалы типов IIВ–С (не IID), керамические и бронзовые сосуды со свободно стоящим сливом (*ibid.*: pl. 109: 57, fig. 6: 41, 43), что служит признаком периода ЖВ I (может быть, его конца?), позднее слив скреплялся с горловиной перемычкой. Согласно Х. Пиллеру, могила 23 относится к стадии I, две других — к стадии IIa, хотя могилы 23 и 27 находятся в непосредственной близости. По-видимому, штемпельные печати в Прикаспийском районе использовались в периоды ЖВ I–II.

В связи с находкой в могиле 36 фибулы необходимо рассмотреть совстречаемость ряда предметов инвентаря этого комплекса и других могил Марлика. В могиле 36 не обнаружены кости погребенного, предметы находились в беспорядке. Возможное ограбление могилы Э. Негахбан не рассматривал, он считал, что погребение принадлежало одному лицу — царице или принцессе, оружие в могиле, кроме одного наконечника стрелы, не найдено (Negahban 1996: 21). Следовательно, автор считал, что подхоронений не было и весь инвентарь могилы был захоронен одновременно. Другие исследователи допускают позднее подхоронение вместе с фибулой.

К числу редких находок в могиле 36 относятся, помимо зооморфных бубенчиков: цилиндрическая печать типа IV (найдена в могиле 5, стадия III), миска со сливом подтипа IB (найдена в могиле 30, стадия IIb, вместе с кинжалом типа IID и ажурным гранатовидным бубенчиком). Наконечники стрел типа VIII найдены также в могилах 12, 15 (стадия I), 24, 26, 52 (стадия IIa). В этих пяти могилах найдена другая керамика: тазы (мог. 12), соусники подтипа IA (мог. 15, 24, 26, 52), а также топоры/тёсла (мог. 15, 24, 26). Можно ли допускать примерную одновременность всех этих предметов инвентаря, или, как в случае со штемпельными печатями, следует увеличить хронологический диапазон их бытования?

§ 4. ДВУЛЕЗВИЙНЫЕ ТОПОРЫ/ТЁСЛА

К оружию ближнего боя относятся бронзовые двулезвийные топоры/тёсла с выступающей втулкой, лопасти тесла и топора перпендикулярны друг к другу, длина топора/тесла колеблется от 10,3–11 см, 15,5–16 см до 21,5 см, длина миниатюрной копии из могилы 26 — 6,5 см (Negahban 1996: 304–305, pl. 134: 938–939, fig. 35: 939). Они найдены в семи могилах Марлика (2, 15, 19, 24, 26, 44, 50; **табл. 5**) вместе с мисками только типа IА в пяти из них (м. 15, 19, 24, 26, 44), с тазами — в могилах 19, 44, с кинжалами типов I, IIА–В, IIЕ (м. 26), IIIА (м. 44), IIIА–В (мог. 2). Из семи могил только в одной вместе с двумя топорами/тёслами (**рис. 6: 939**)¹ найдены ажурные гранатовидные бубенцы (мог. 44), и только в могиле 2 с топорами/тёслами найдены две цилиндрических печати (тип I), редкий тип наконечников стрел IX и кинжалы типа IIIА–В, из которых тип IIIА найден только в могиле 44. Остальные типы стрел сосредоточены вместе с топорами/тёслами в основном в могилах 24, 26 стадии IIа, на поздней стадии III они вместе с топорами/тёслами не найдены (**табл. 5**).

Датировка топоров/тёсел остается неопределенной, вернее, она находится в широком хронологическом диапазоне. Происхождение и развитие топоров/тёсел с выступающей втулкой связывают с Прикаспийским районом, где они использовались уже в конце III — начале II тыс. до н. э. (Negahban 1996: 305). В целом этот вид оружия, как было продемонстрировано в работе А. В. Виноградова и Е. Е. Кузьминой, был «широко распространен в эпоху энеолита и бронзы на территории Старого Света» (Виноградов, Кузьмина 1970: 126 сл.), но здесь все они не имели втулки. Хотя топоры/тёсла из Марлика оба автора не рассматривали, их можно отнести к типу IVB разработанной ими классификации на основе данных работы Ж. Деэ 1960 г. К этому типу были отнесены находки только из Амлаша, и которые датировались

¹ Оба топора из могилы 44, как отмечено Негахбаном, одинаковой формы (ibid.: 305). Судя по фотографии (ibid.: pl. 134: 939), только один из пяти экземпляров — на фото верхний в правом ряду — соответствует рисунку (ibid.: fig. 34: 939), у него нижний край лезвия топора на одном уровне с основанием втулки. У похожего экземпляра — в левом ряду нижний — этот край значительно ниже основания втулки (см. ниже).

Таблица 5

Стадия	I	IIa	IIb	III
топоры/тёсла	м. 15	м. 24, 26	м. 19, 44, 50	м. 2
соусники, тип IA	м. 15	м. 24, 26	м. 19, 44	
тазы			м. 19, 24	
кинжалы		м. 26 — тип I, IIa–B, IIE	м. 44 — IIIA	м. 2 — IIE IIIA–B
бубенцы			м. 44	
цилиндрическая печать				м. 2 — тип I
наконечники стрел, тип IX				м. 2
тип I	м. 15	м. 24		
тип II		м. 24, 26		
тип III		м. 24, 26		
тип IV	м. 15	м. 24, 26		
тип VA			м. 44, 50	
тип VB		м. 24, 26	м. 50	
тип VC		м. 24, 26		
тип VD		м. 24, 26		
тип VII		м. 24		
тип VIII	м. 15	м. 24, 26		

Ж. Деэ второй-третьей четвертью II тыс. (там же: 129, 130, рис. 5). Следовательно, этот тип топора/тесла с выступающим проухом и округлыми выступами вокруг него характерен только для Прикаспия. Другие экземпляры с «трубчатым, сильно выступающим проухом» (т. е. втулкой) отнесены к типу III, 1, 2, и датируются последними веками III — первыми веками II тыс. до н. э. (Гиссар IIIB–IIIC), их миниатюрные «ритуальные» копии, в том числе из могильника Сиалк В (мог. 14; **рис. 6: S.1467**), также включены в тип III, 3 (там же). Следует отметить, что копии из Сиалка В не металлические, а, в отличие от всех других экземпляров, выполнены из белого камня и лазурита; Р. М. Гиршман

отнес обе находки к классу бижутерии (Ghirshman 1939: 249, pl. XCIII, S.1467).

Ж. Деэ отнес к выделенному им подтипу А2 топоры/тёсла с выступающей втулкой, не учитывая «план» топора/тесла, различия которого позволили А. В. Виноградову и Е. Е. Кузьминой выделить подтипы III 1–4. Деэ отметил, что подтип А2 не исчез после рубежа III/II тыс. и в начале ЖВ он появился в миниатюрных копиях в могильнике Сиалк VI (В) и в Ашшуре (Deshayes 1960 II: № 2226, 2227; **рис. 6: S.1467, 2227**); последний был найден в составе сокровища, заложенного в основании храма Ану Адад, построенного ассирийским царем Салманасаром II (1031–1020) (Deshayes 1960 I: 282, II: pl. XXXVIII: 2227). Причем такие миниатюрные копии существовали уже в периоды Гиссар IIIС и Шах-тепе II (*ibid.*: II: № 2228–2229, pl. XXXVIII: 2228; **рис. 6: 2228**). Очевидно, что хронологическим посредником в сохранении втульчатой формы топора/тесла в Прикаспийском районе были топоры/тёсла из Амлаша (вторая-третья четверть II тыс. до н. э.; **рис. 6: 3125, 3127**), а затем — топоры/тёсла этого же типа из Марлика (*ibid.*, I: 444–445; II: pl. LIII, 3125, 3124, 3131, 3123, 3127, 3122, 3126, LXVII, фото 1, 2; Виноградов, Кузьмина 1970: 128, **рис. 5**, тип IV), в том числе и отмеченная выше миниатюрная копия из Марлика. К сожалению, Э. Негахбан не указал — какой из пяти экземпляров на фото в таблице 134 является копией № 184М (Negahban 1996: 305, № 939 — 184М, pl. 134: 939), но, судя по указанным размерам (6,5 см), не исключено, что на таблице 134 это экземпляр нижний слева. В этом случае форма марликовского экземпляра близка копии, опубликованной Ж. Деэ в 1963 г. и происходящей из Ирана (длина 5,1 см, Deshayes 1963: 275, fig. 3, Pl. XXIV: 4; **рис. 6: В**), а также экземпляру из Галикути I (мог. 6, **рис. 6: А**).

Если первые два типа топоров/тёсел без выступающей втулки по классификации А. В. Виноградова и Е. Е. Кузьминой локализируются по всему ареалу Старого Света, но преимущественно в его западной части в Подунавье, то орудия типа III — в его восточной части, «концентрируясь в районе юго-восточного Прикаспия». Экземпляр из Мохенджо-Даро (Древняя Индия) рассматривался ими в качестве импорта из основного центра их производства (Виноградов, Кузьмина 1970: 130) (**рис. 6: 2225**). Тип IV ограничен юго-западным районом Прикаспия.

Необходимо подчеркнуть, что топоры/тёсла типа IV (тип ПА по Деэ), к которому относятся марликиские экземпляры, рассматривались Виноградовым и Кузьминой в качестве комбинации подтипов II,1 и III,1, которая образовалась уже во II тыс., в его 2–3 четверти (Виноградов, Кузьмина 1970: 130, рис. 5). Но главной составляющей этого «гибрида» была относительно короткая втулка, которая была основной особенностью топоров/тёсел в Прикаспийском районе (от Дайны на востоке в Туркмении до Амлаша в Гиляне на западе; Deshayes 1960 II: pl. LXVII: 2, LIII). И существование топоров/тёсел с выступающей втулкой только в Прикаспии свидетельствует об изолированном существовании этого вида оружия в районе. Появление миниатюрных «ритуальных» копий в XI в. в храме г. Ашшура и в могильнике Марлик и подражание им в камне в Сиалке В в VIII в. до н. э. (мог. 14, Ghirshman 1939: pl. XCIII, S.1467), при том, что такие копии существовали уже в Гиссаре IIIС (Deshayes 1960 II: № 2228, pl. XXXVIII: 2228), пока не получает объяснения (**рис. 6: S.1467, 2227, 2228, В**). Это относится и к единичным находкам конструктивно сходных топоров из западного Луристана, но они отличаются очень длинной втулкой с рельефным изображением и датируются VIII в. (Vanden Berghe 1987: 234, fig. 20).

Локализация могил Марлика, в которых найдены топоры/тёсла, также не помогает определить хронологическую последовательность захоронений. Они расположены или по краям могильника (мог. 2, 26, 44, 50), или в центральной группе близко друг от друга (мог. 15, 19, 24), и между ними нет других могил (**рис. 14**). Все перечисленные могилы относятся к трем хронологическим периодам, выделенным Х. Пиллером. Но следует обратить внимание на то, что в могилах, отнесенных им к граничащим по времени стадиям IIb и III, найдены кинжалы одного типа III, которые, помимо могил 13 и 44 (IIb), найдены в могилах только поздней стадии III (мог. 1–3, 5, **табл. 4**). Инвентарь могилы 13 должен датироваться не ранее IX в. (в инвентаре — чайник с прикрепленным сливом, ажурные гранатовидные бубенцы, керамические тазы). Этой датировке не противоречит инвентарь могилы 25 (керамика: бокал с ручкой, таз и фрагмент биметаллического меча); как выше отмечено, инвентарь могилы 44 одновременен могиле 13 (кинжалы типа IIIА, ажурные бубенчики, керамические тазы и миски с открытым сливом). Ажурные бубенчики, найденные

в могилах 5, 6, 13, 18, 30, 44 и 47, находят аналогии только в памятниках начала I тыс. до н. э. И все они расположены по краям могильника (рис. 14).

Но аналогии ювелирным изделиям из Марлика существенно удревняют и расширяют хронологические рамки существования могильника. Поиск аналогий ювелирным украшениям из могильника Марлик позволил К. Максвелл-Хислоп выделить две разновременные группы могил, в которых они найдены; первая из них датируется *ca.* 1350–1150 гг., вторая — XI–X вв. (может быть, чуть позднее, Maxwell-Hyslop 1971: 190–197). В первую группу включены могилы: 23 (I стадия), 26, 32, 33 (стадия IIa), 16, 18, 45, 50 (стадия IIb); во вторую группу — 15 (I стадия), 27, 36 (стадия IIa), 24 (стадия IIb)¹. Она не исключала, что некоторые изделия, являясь в некоторой степени подражанием оригиналам, могут датироваться позднее. Каждая из групп включает могилы I и II стадий, определенных Х. Пиллером (рис. 14). Причем некоторые могилы, например, ранней группы — 18, 23, 32, 33 — находятся в непосредственной близости и между ними нет других могил, но, согласно Пиллеру, они относятся к разным стадиям I и II (a, b). Правда, две могилы поздней группы — 24, 27 — находятся возле могил 18, 23. Но в любом случае, данные Максвелл-Хислоп также разрушают трехэтапную хронологическую схему Пиллера.

В связи с датировкой могильника Марлик необходимо рассмотреть один из многочисленных золотых сосудов, найденных, согласно Э. Негахбану, в могиле 2 (мог. VIB). На нем в четырех регистрах изображена «история жизни козы» от рождения до смерти. Отдельным изображениям животных и композициям на сосуде автор привел широкий круг аналогий. Из них большинство датируется IX в., затем VIII–VII вв. до н. э.; и только второй регистр — древо жизни с двумя козлами возле него — от середины II до начала I тыс. до н. э. (Negahban 1996: 75–77, fig. 4: 14; pl. XVII–XVIII).

В. Г. Луконин, анализируя изображения каждого регистра, подчеркивал, что они представляют «разнородные цитаты, входящие в символику различных религий», ... «объединенные на одном сосуде местным мастером» ... в «рассказ о жизни и смерти».

¹ Номера могил соответствуют публикации Марлика 1996 г., Максвелл-Хислоп использовала нумерацию 1964 г. Негахбана.

Главное отличие изобразительности на марликом сосуде — новый рассказ «при помощи старых картинок, но очень разных» и разновременных (Луконин 1987: 67–70). «Стиль цитат» лежал, по его мнению, в основе формирования иранской изобразительности. Оставляя в стороне вопрос о таком механизме сложения изобразительности и иранского искусства в целом, подчеркнем главное — датировать этот сосуд следовало бы по самым поздним «картинкам», которые использовал мастер, изготовивший этот сосуд.

Противоположного мнения придерживался Г. Н. Курочкин, став сторонником ранней даты изготовления этого сосуда, и возражавшего против верхней датировки могильника Марлик началом I тыс. до н. э., которую предлагали многие исследователи. На основании сходства сюжетных изображений на марликом сосуде и на печатях митаннийского стиля, и найденным им аналогиям к востоку от Марлика и вплоть до Афганистана, он считал последние прототипами первых; и именно они «принадлежат к числу принципиальных инноваций» в самом митаннийском искусстве. Следовательно, заимствование шло с востока на запад, а не наоборот, как принято считать, и, следовательно, марликом сосуд должен датироваться не позднее середины II тыс. до н. э., т. е. времени появления этих инноваций в митаннийском искусстве (Курочкин 1990: 45–49; там же литература).

Можно отметить два основных положения, которые Е. Н. Курочкин выдвинул в качестве опровержения принятой тогда верхней даты Марлика.

Во-первых, железо входит в употребление, как он считал, «уже в конце II тыс., и любой рядовой памятник Ирана начала I тыс. содержит значительный процент изделий из железа» (там же: 42). Это утверждение спорно. Анализ письменных источников и сопоставление их данных с находками железных изделий свидетельствует о том, что центральный район Древнего Востока — Месопотамия/Ассирия — фиксирует начало производства железных изделий не ранее IX в. до н. э., причем сам металл ввозился в Ассирию в основном в качестве трофея или дани и затем распределялся для работы между мастерами; железорудные источники в Месопотамии отсутствуют. До этого времени железное оружие ассирийские цари получали в качестве дипломатических подарков от хеттских царей. Но последние хранили

в тайне секреты производства железа и изделий из него (см. подробнее гл. I § 1).

Выше было рассмотрено основание для датировки марликовских могил 2 и 25, в которых найдены биметаллические кинжалы, началом I тыс., включая VIII в. до н. э.

Во-вторых, что касается верхней даты золотого сосуда с «историей жизни козы», в которую многими исследователями включался VIII в., то Г. Н. Курочкин предложил интересную, но недоказуемую гипотезу. По его мнению, «могильники высшей знати... нередко содержат... определенный процент изделий, широкое тиражирование которых еще не началось...» (Курочкин 1990: 43). Но при этом автор считал, что при анализе марликовского сосуда необходимо выяснить «местный» генезис «изобразительных сюжетов в самом Иране» (там же: 45).

Однако датировка золотых сосудов из могильника Марлик, в том числе и сосуд с «историей жизни козы», по-видимому, не имеет отношения к его датировке. В письме к В. Г. Луконину от 3 января 1978 г. Р. М. Гиршман писал: «Девять десятых вещей, фигурирующих в отчете Е. Негахбана, не происходят из раскопок. Большинство вещей было реквизировано полицией у местного населения в ряде деревень Амлаша и Марлика» (Луконин 1987а: 232, прим. 33).

Если отложить в сторону проблему с датировкой драгоценных изделий из Марлика и обратиться к «рядовому» инвентарю, что и было сделано выше, то он позволяет сузить и уточнить его датировку.

Штемпельные печати существовали в пределах ЖВ I–II. Но ажурные бубенчики, керамические чайники с прикрепленным сливом служат признаком наступления периода ЖВ II.

Кинжалы и мечи в Марлике бронзовые, но найдено 6 железных клинков и 2 инкрустированные рукоятки со следами несохранившихся железных клинков. Преобладание железного оружия является признаком уже VIII в. Все три типа кинжалов найдены на территории стадий II–III. Из трех типов (I–III) бронзовых марликовских кинжалов, характерных именно для Прикаспия, точнее, для самого Марлика, выделяются кинжалы с разомкнутым кругом в основании рукоятки (тип III, **рис. 4**). Только они найдены, помимо Гиляна, в Закавказье и характерны для периода ЖВ I, хотя не исключается и начало ЖВ II. Об этом свидетельствует,

например, подобный кинжал из могильника Кедабек (Центральное Закавказье, недалеко от оз. Севан, мог. 23), который теперь датируется концом IX — первой половиной VII в. до н. э.; но могилу 23 Погребова датировала IX–VIII вв. (Погребова 2011: 156–171, 297; она же 1960: 67, рис. 1). Таким образом, клинковое оружие Марлика может включать в датировку могильника начало периода ЖВ II.

Наконечники стрел: найдено более 1000 экз., все только бронзовые. Для сравнения в VIII в. в Хасанлу IVB 637 железных и только 20 бронзовых, преобладают железные стрелы и в урартских памятниках. Из нескольких типов марликих стрел характерными только для этого района Ирана являются так называемые «крылатые» наконечники стрел (**рис. 1: IV**). Но они, согласно выводам М. Н. Погребовой, использовались также и в Центральном Закавказье (см. гл. I, рис. 17) еще до урартского завоевания в VIII в., т. е. не позднее IX в. до н. э. О связи с Закавказьем в доурартское время могут свидетельствовать находки в Марлике бронзовых пластинчатых поясов. Некоторые из них украшены точечным орнаментом, который является характерным признаком закавказских поясов этого времени (подробнее см. Castellucca 2017).

Таким образом, оружие Марлика допускает включение в датировку могильника начало I тыс. до н. э., но исключает VIII в. до н. э.

Особое место в характеристике культуры Марлика занимают топоры/тёсла с выступающей втулкой, рассмотренные выше (**рис. 6**). В Прикаспийском районе, по данным Дэе, они использовались от Туркменистана (Дайна) и Гиссара III (**рис. 6: внизу слева**) на востоке и до Гиляна/Амлаша на западе (**рис. 6: 3125, 3127**) уже в конце III — начале II тыс.; затем около середины II тыс. в Дейламане (**рис. 6: А, Галекути I**), затем в Марлике. По всему ареалу Старого Света существовали топоры/тёсла без выступающей втулки. Это говорит в пользу изолированного развития этого типа оружия в западном и восточном Прикаспии. Но принято считать, что наиболее действенные виды оружия быстро заимствуются, особенно в ходе военных столкновений и т. п. Может быть, их тогда здесь не было?

Даже эти немногочисленные предметы демонстрируют определенную культурную изолированность Прикаспийского района в пределах Ирана. Во II тыс. до н. э. существовали связи

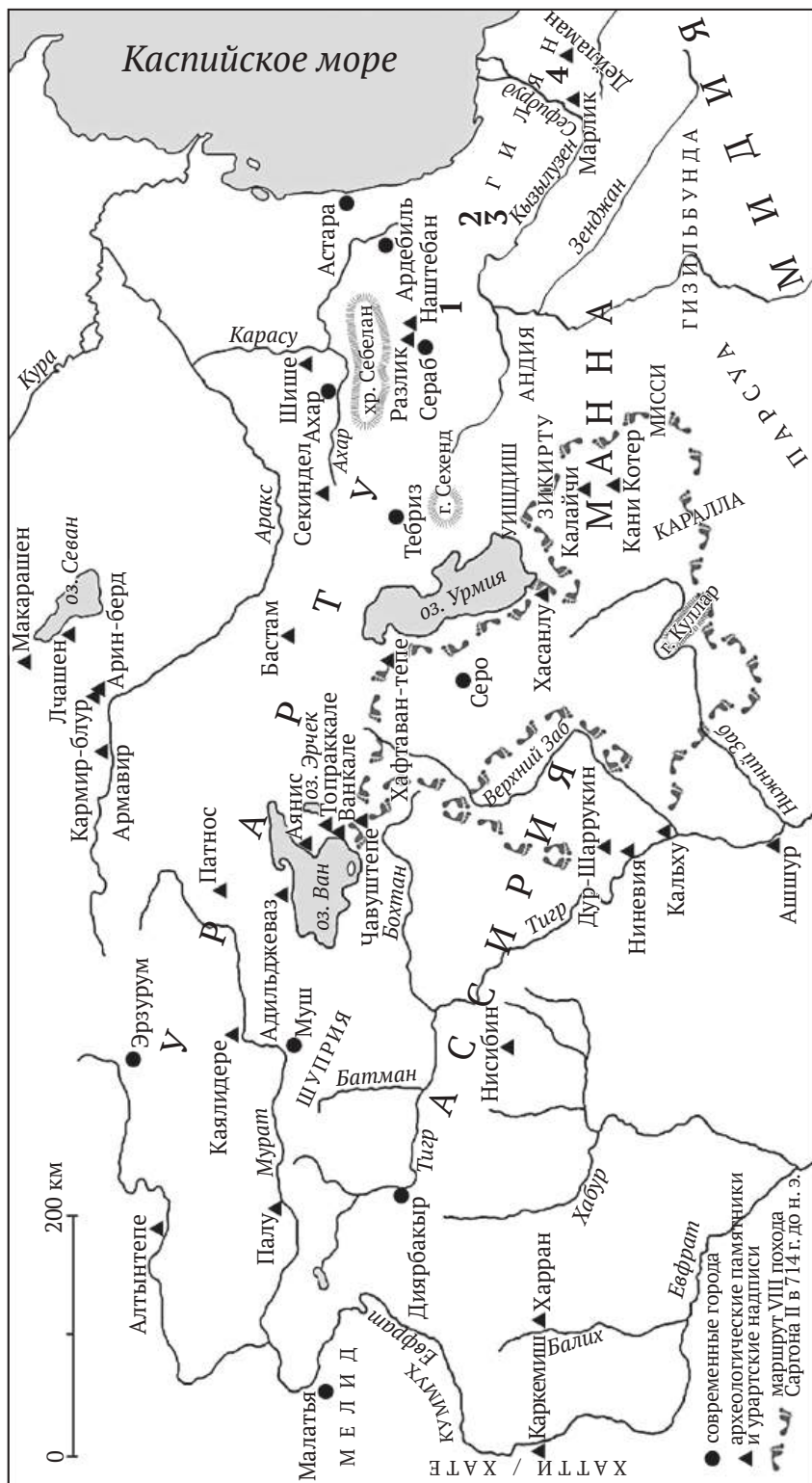

Рис. 7. Карта Северо-Западного Ирана, Закавказья, Месопотамии.

1 – Бойни Ёгон; 2 – Тул-и Талыш; 3 – Мианруд; 4 – памятники возле р. Сефидруд

с территориями к востоку от Каспийского моря. В период ЖВ I прослеживается существование культурных связей с Закавказьем. И их существование в начале I тыс. подтверждается дальнейшими событиями в этом районе (см. ниже).

Что касается датировки могильника Марлик, то следует признать, что «горизонтальная хронология» могильника Марлик, предложенная Х. Пиллером, не определяет процесс разрастания могильника во времени и не уточняет его хронологию. С выделением им трех хронологических групп, которые он датировал в пределах пяти веков (XV–XI вв.), нельзя согласиться хотя бы по двум причинам. В ряде случаев в разные хронологические группы попадают одинаковые предметы могильного инвентаря или могилы из разных групп находятся одна возле другой. Нужно также иметь в виду, что могильник насчитывает всего 53 могилы, и датировать его функционирование в пределах пяти столетий (по 10 захоронений в столетие?) и относить к одной культуре нельзя. Рассмотренный материал с учетом количества могил определяет время существования могильника в хронологическом промежутке между концом ЖВ I — и началом ЖВ II (конец XI — X/IX вв. до н. э.).

В связи с датировкой могильника Марлик и не только заслуживает внимания пружинная фибула, найденная в могиле 36 (Negahban 1996: 183, pl. 93: 448, фото).

§ 5. ПРИКАСПИЙСКИЙ РАЙОН ИРАНА (ГИЛЯН) В УРАРТСКИЙ ПЕРИОД (рис. 7)

Фибулы. В древности существовало два вида застёжек для мужской и женской одежды: булавки и фибулы. Первые представляли собой стержень с заостренным концом, верхний конец булавки иногда имел разного вида украшения; более сложные по конструкции фибулы появились позднее булавок. Но заменили они булавки полностью не сразу, в Марлике в могиле 36, например, они найдены вместе; вместе они найдены и в памятниках ахеменидского периода (Curtis 2005: 239, см. ниже). Выделяются два вида фибул: пружинные (spring, ressort) и петельчатые (hinged, tournante). У пружинной фибулы (одночленной, **рис. 8: 8, 10**) в месте перехода дужки в тонкую иглу, последняя закручивалась

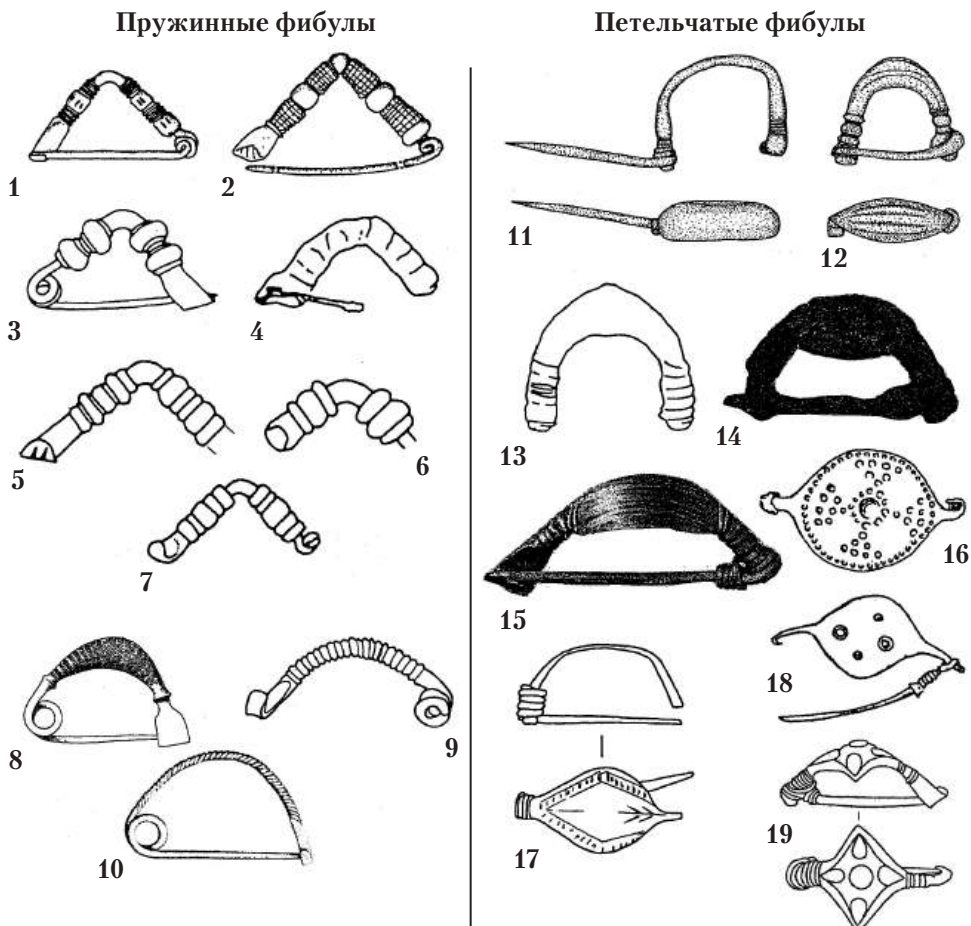

Рис. 8. Фибулы пружинные и петельчатые. 1, 2 — Нуш-и Джан III; 3 — Хасанлу тепе II; 4 — Баба Джан тепе II; 5, 6 — Годин тепе II; 7 — Зендан-и Сулейман; 8 — Сев. Кавказ, Кобан; 9 — Галекути I (мог. 5); 10 — Ошакан (мог. 62); 11, 12 — Бастам; 13, 14 — Хасанлу III; 15 — Зивие; 16, 18 — Амлаш (Томаджан, мог. 14); 17 — Галекути I (мог. 9); 19 — Мала Мча (мог. 5)

в один оборот (как у современных английских булавок), у фибулы с массивной дужкой тонкая игла с пружиной вставлялась в основание дужки, что, по-видимому, требовало бóльшего мастерства и затрат (двучленные фибулы, **рис. 8: 1–7**; Moorey 1974: 127, № 102 справа). Производство петельчатых фибул было проще (**рис. 8: 11–18; 9: 1–13**): один конец разъемной иглы закручивается вокруг конца дужки, заостренный конец иглы укладывался в приемник. Хронологическими и стилистическими признаками фибул служат форма и украшения дужки.

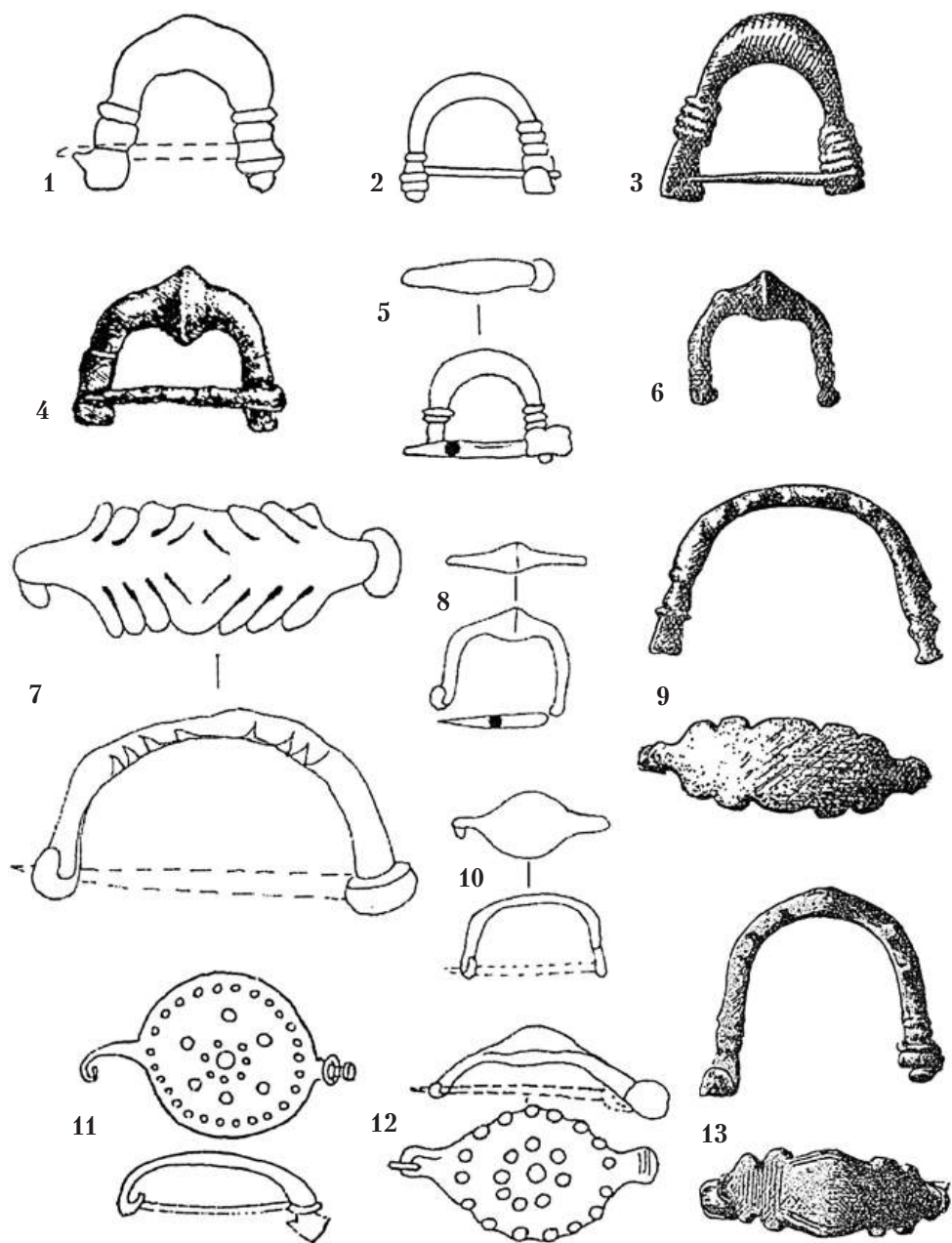

Рис. 9. Петельчатые фибулы. 1–2 — Ошакан (мог. 91, 46); 3, 6, 9, 13 — Кармир-блур; 4 — Нор-Армавир; 5, 7 — Хачахбюр, мог. 23; 8, 10 — Хачахбюр, мог. 28; 11 — Макарашен; 12 — Хачахбюр, мог. 22

Фибулы появились в Италии или в Греции уже в XIV в. до н. э. и, постепенно распространяясь в восточном направлении через Кипр, появились в Леванте в конце XII или в начале XI в. (Stronach 1959: 182). Но здесь средиземноморский тип фибул просуществовал, очевидно, недолго, и заменился фибулами с прямоугольной или асимметричной дужкой (*ibid.*: 183, fig. 1: 1–3). И только в VIII в. фибулы начинают распространяться в Сирии и Палестине, приобретая новые формы с использованием новых методов их производства, которые не связаны с ранними «микенскими» традициями (*ibid.*: 185 ff.). Д. Стронах выделил 4 типа фибул по форме дужки.

Изучение обоих видов фибул показало, что их появление на территории Ирана и Месопотамии связано с различными районами древнего мира (Погребова 1984: 154–157). Появление здесь пружинных фибул связано с влиянием западных образцов, главным образом сиро-палестинских и средиземноморских/кипрских (**рис. 8: 1–7**). В Иране (Луристан) пружинные двучленные фибулы появились, вероятно, через посредство Ассирии не ранее конца VIII, в основном в VII–VI вв. до н. э. Все эти фибулы с треугольной дужкой почти стандартны, одночленные фибулы в Иране не использовались¹. Но приобретая здесь новые формы и детали оформления, они, в свою очередь, проникали на запад (Погребова 1984: 155, здесь же литература; Amiran 1970: 88–90). Отмечу, что севернее Ирана, в Центральном и на Северном Кавказе пружинные одночленные фибулы существовали уже с XI в. до н. э. Они имеют тонкую дужку, иногда украшенную резным орнаментом, у некоторых фибул более массивная дужка при отливке получала тонкую иглу, что облегчало закручивание проволоки в пружину (Тлийский, Кобанский и другие могильники XI–X вв. до н. э.; Техов 1977: 142–147). Их относят к субмикенскому типу, образцы которых были получены также из Средиземноморского района, но через южную Европу (Козенкова 2013: 59–62, рис. 28–29). Они имеют тонкую «полуциркульную» дужку, иногда украшенную резным орнаментом, у некоторых фибул с более массивной дужкой при отливке игла делалась

¹ В могильнике Галекути (мог. 5) из пяти фибул четыре петельчатые, одна пружинная, и, судя по количеству витков, вероятно, двучленная (Sono, Fukai 1968: pl. LXXXV: 9–13; **рис. 8: 9**).

тонкой, что облегчало закрутку пружины (**рис. 8: 8**). Постепенно они проникают на юг в Западное и Центральное Закавказье, такие фибулы («кобанского» типа) в очень небольшом количестве известны в могильниках Грузии и Армении (Шейтан-таг, Morgan 1889: 117, fig. 85; Маралын-Дереси, погр. 4, Куфтин 1941: 52, рис. 50: 2; Мартиросян 1964: рис. 109, 1; Куланурхва, Трапш 1962: 66–67, табл. XXXIII; Ошакан, Есаян, Калантарян 1988: табл. LXV: 1; **рис. 8: 10**). Ошакан датируется не позднее VIII в. до н. э. В Восточном Закавказье в это время фибулы, по-видимому, не использовались. В Иране пружинные фибулы только двучленные, и, следовательно, связь с кавказским районом по этой линии исключается.

На Ближний Восток дуговидные одночленные фибулы, по данным Д. Стронаха, проникли уже в XII в. до н. э., но только в Палестинский район (Stronach 1959: 186, fig. 2: 1–2). Восточнее, в частности, в Ассирии они не обнаружены. В Нимруде (VII в. до н. э.) найдена дуговидная пружинная фибула, но двучленная (*ibid.*, fig. 2: 3), Ю. Н. Воронов ошибочно назвал нимрудской одночленную фибулу из Аммана (Воронов 1983: 29, прим. 9, рис. 2: 5).

Ю. Н. Воронов, учитывая данные Д. Стронаха, считал, что на Ближнем Востоке распространился из Греции так называемый «островной» тип фибул (тип II по его классификации), этот тип существовал с конца II тыс. до начала VII в. до н. э. Но при этом он подчеркивал «наибольшее» сходство урартских фибул с кавказскими фибулами, которые встречаются здесь только в конце VII–VI вв. до н. э. Проникновение двучленных фибул (тип 2 по Воронову) «документируется» только через Малую Азию и Урарту (Воронов 1983: 30, 32, рис. 2: 5–7, 8–7). Хотя одновременно он указывал, что кавказские экземпляры близки балканским фибулам IX–VIII вв. (там же: рис. 2: 12, 8, 17). Другими словами, как и одночленные фибулы (тип I по Воронову)¹, кавказские фибулы связаны своим происхождением через Южную Европу с Италией и Грецией, а ближневосточные пружинные фибулы, независимо от Кавказа, с теми же типами средиземноморских фибул. Но если Воронов относил время их появления на Кавказе не ранее VIII в.

¹ Ю. Н. Воронов не использовал термин «пружинные» фибулы и не различал одночленные и двучленные фибулы, называя последние «урартскими».

до н. э., то теперь его относят к концу II тыс. (Козенкова 2013: 60–62; Кашуба 2018: 85–89).

В Иране пружинные фибулы обнаружены в единичных экземплярах (Хасанлу II, V–IV вв.; Зендан-и Сулейман, VIII–VII вв. до н. э.), в Гиляне (Галикути I, мог. 5; Марлик, мог. 36), в Курдистане (Годин тепе II, Бехистун), на западе равнины Хамадан (Нуш-и Джан тепе III, скваттерский слой), в Луристане (Баба Джан тепе II; **рис. 8: 1–7**), в Хузистане (Сузы), в Фарсе (Персеполь, Пасаргады, ахеменидский период). Л. Ванден Берге подчеркивал, что в Хузистане, на западе равнины Хамадан и в Фарсе использовались исключительно пружинные фибулы, в Луристане они преобладали (Vanden Berghe 1978: 66, fig. 11). В подавляющем большинстве пружинные фибулы, найденные в Иране, относятся к типу III7 по классификации Д. Стронаха, их появление в Иране относится к VIII в., скорее к концу VIII в. до н. э. (ibid.: 67; Muscarella 1984: 415). Однако, следует отметить, что в памятниках, датировка которых включает вторую половину — конец VIII в. до н. э., фибулы не обнаружены: Хасанлу IVB (город погиб в 714 г., а до этого он входил в состав Урартского царства), Динха II, Сиалк В, Баба Джан III. Пружинные фибулы, найденные в скваттерском слое Нуш-и Джан тепе, первоначально датировались не ранее середины VII в. до н. э., позднее была предложена дата от середины VI в., т. е. от начала ахеменидского периода (Curtis 1984: 22; idem 2005: 239–244).

Распространение петельчатых фибул, по мнению исследователей, происходило из Южно-Кавказского района. Импорт из этого района признаются находки петельчатых фибул в памятниках Малой Азии (Гордион, Богазкёй и др.), где преобладали пружинные фибулы фригийского типа (Muscarella 1965: 234; Погребова 1984: 155–156). Предполагается, что посредником в их распространении в страны к югу от Кавказа было Урарту (Muscarella 1965: 235). Но поскольку многочисленные находки петельчатых фибул сосредоточены в основном на территории Армении, где они датируются VIII–VII вв. и даже ранее, то именно эту территорию следует считать не посредником, а очагом производства петельчатых фибул, и затем дальнейшего их распространения в основном на восток, на территорию Древнего Ирана (Ба(е)стам, Манна/Зивие, Прикаспий, **рис. 8: 11–19**).

Петельчатые фибулы представляют собой другую упрощенную конструкцию фибулы и, по-видимому, являются местным

изобретением жителей Севанского района южного Закавказья еще до того, как он был завоеван урартами в VIII в. в царствование Аргишти I (784–760) (**рис. 9**). Примечательно, что в VIII в. местная культура еще не испытывала влияния урартской ванской культуры, что произошло только в VII в., когда, например, ванская керамика стала использоваться местным населением, что отмечается в могильных комплексах VII в. (Есаян, Калантарян 1988: 80–81; Avetisyan, Bobokhyan 2012: 318; Медведская 2018: 197 сл.). В свою очередь, урарты могли позаимствовать местную форму петельчатых фибул, и уже в VII в. эти фибулы вместе с урартами стали распространяться, как уже сказано, на запад, и чуть ранее на восток, но в целом эта форма фибул, в отличие от пружинных фибул, не получила столь широкого распространения. На восток в Прикаспийский район попал лишь один тип петельчатых фибул с орнаментированным щитком, который обнаружен западнее только в Манне (**рис. 8: 16–19**).

В Армении петельчатые фибулы разных типов (**рис. 9**) найдены в Нор Армавире (Tiratsyan 2010: 135, fig. 11a); в Хачахбюре (мог. 22, 23, 28; Yengibarin 2002: 418–425, pl. III: 22; VIII: 3–4, 8, 10; XVIII: 11–19); в Ошакане (мог. 25, 46, 91, 101; Есаян, Калантарян 1988: 73, 82, 95, табл. LIV: 24–25; LXIX: 5; XCIII: 5; CVI: 6); в Макарашене (погр. 4; Мартиросян 1964: 287, табл. XXX: 17); в Кармир-блуре (Пиотровский 1950: 42, рис. 23; он же 1952: 36, рис. 18) и в ряде других памятников Армении (Yengibarin 2002: 424–425).

В Нор Армавире фибула найдена в кувшинном захоронении VIII–VII вв., дужка фибулы с обеих сторон в центре имеет вертикальный выступ, схожий с подобным украшением на одной из кармирблурских фибул (Tiratsyan 2010: fig. 11, a; Пиотровский 1952: 36, рис. 18, слева; **рис. 9: 4, 6**)¹.

В Хачахбюре некоторые фибулы (всего найдено 23 экз.) также имеют подобное расширение в центре дужки (Yengibarin 2002: pl. VIII: 3; XVIII: 12–13; **рис. 9: 8**), другие фибулы имеют широкую фигурную площадку, аналогичную на кармирблурских фибулах (ibid.: pl. VIII: 7, 8; XVIII: 15; Пиотровский 1950: рис. 23; он же:

¹ Датировка автора вызвала возражение Д. Стронаха и Ст. Кролла (Tiratsyan 2010: 135, note 2; Kroll 2014: 205), которые относят захоронение к постурартскому времени, однако Н. Тирацян привел убедительные данные в пользу своей датировки (Tiratsyan 2010: 135).

1952: рис. 18, в центре; **рис. 9: 7, 9, 13**). Многие фибулы из Хачахбюра имели железную булавку, а две из них полностью сделаны из железа (Yengibarin 2002: 417, pl. XVIII: 14, 17). Все пять могил раннего периода датируются автором VIII–VI вв. до н. э. (ibid.: 417). В одной из могил Хачахбюра вместе с петельчатой фибулой найдено навершие биметаллического кинжала «приванского» типа, который широко использовался в районе после XII в. вплоть до VII в. (Yengibarin 2002: 418, pl. II: 9). Об относительно ранней дате фибул в этих могилах может свидетельствовать наличие именно железных фибул. Железо, пока было дорогим и престижным металлом, использовалось для изготовления в том числе и украшений, т. е. до начала широкого использования железного оружия и позднее орудий труда; впрочем, это мог быть и просто эксперимент местных ювелиров.

Фибулы из могильника Ошакан имеют ровную дужку или небольшой выступ в ее центре по типу фибул из Хачахбюра и Хасанлу III (мог. 25, 91; Есаян, Калантарян 1988: табл. LIV; 25, ХСIII: 5; **рис. 9: 1–2**). Погребение 25 авторы датировали постурартским временем — VI в. до н. э., несмотря на наличие в погребении керамики «урартского происхождения». Погребения 46, 91, 101 отнесены к эпохе раннего железа, хотя авторы и отмечают, что фибулы являются редкостью в эту эпоху и были распространены в VII–VI вв. (там же: 82, 95, 97), но даты этих могил не пересматривались и, следовательно, датируются IX–VIII вв. (там же: 102–103).

На Северном Кавказе петельчатые фибулы не использовались, там получили распространение пружинные одночленные фибулы субмикенского типа, образцы которых были получены из Средиземноморского района через южную Европу. Они имеют тонкую дужку, иногда украшенную резным орнаментом, у некоторых фибул более массивная дужка при отливке все равно имеет тонкую иглу, что облегчало закрутку проволоки в пружину. Двучленные пружинные фибулы не получили здесь распространения.

Петельчатые фибулы, кроме Закавказья, найдены только в Иране: в Азербайджане (Хасанлу III, Muscarella 1965: pl. 27, fig. 2; idem. 1966: fig 36, мог. 3; Бастам, вторая половина VII — начало VI в. до н. э.; Kroll 1988: 163, abb. 6); в Курдистане (в Манне — Зивие, Muscarella 1965: pl. 28, fig. 3, вторая половина VII — начало VI в. до н. э. и в могильниках Кул Тарике, Мала Мча Rezvani, Roustaei 2007: pl. 9a, Amelirad et al 2017: fig. 41), в Гиляне (Галекути I,

Томаджан, мог. 14; Samadi 1959: 192, fig. 24, c, n; Vanden Berghe 1978: 68–69, fig. 11; **рис. 8: 11–19**).

Особое значение приобретают петельчатые фибулы с округлым или ромбовидным щитком на дужке, который украшен штампованными кружками. В Иране они найдены в названных выше маннейских памятниках; Гиляне: в могильниках Томаджан (мог. 14), Галекути I (мог. 9), подобная фибула хранится в музее Университета в Тегеране, у подобной по форме фибулы из Хасанлу III (мог. 3) из-за коррозии не виден орнамент (Muscarella 1965: fig. 37, pl. 57: fig. 4; **рис. 8: 14, 16–19**). Близкой аналогией иранским фибулам с орнаментированным щитком являются фибулы, обнаруженные только в памятниках Армении; в могилах Хачахбюра (погр. 28, 22) и Макарашена (погр. 4; **рис. 9: 10–12**), они датируются раньше иранских фибул.

Петельчатые фибулы с круглым или ромбовидным щитком на дужке приобретают важное значение в связи с вопросом урартского присутствия в VII в. на территории Древнего Ирана (**рис. 8: 16–18**). Можно предложить следующее объяснение попадания на территорию Гиляна этой закавказской разновидности петельчатых фибул, а также бронзового браслета с именем урартского царя Аргишти, найденного в Гиляне в могильнике Тул-и Талыш (погр. 1, Vahdati 2007: 132, fig. 2), и предметов урартского вооружения, змееголовых браслетов и кольцевидных подвесок (см. ниже).

Продвижение урартов на территорию Ирана в сторону Каспия началось еще в конце IX в. до н. э. в период совместного правления Ишпуини и Менуа. Тогда они проникли в левобережье Аракса в районе г. Джульфы (Нахичевань) к северу от Тебриза (надпись на горе Одзасар, КУКН: 39а). Но наиболее успешным было завоевание ими земель в районе западного побережья озера Урмия (надпись в Калатгахе, КУКН: 39). Менуа (810–786) преобразует эти земли: ведет строительство крепостей и проводит каналы (КУКН: 46, прим. 11), и в результате, по словам Саргона, здесь были разведены виноградники. Эти владения 100 лет служили урартам в качестве плацдарма для проникновения вглубь Ирана. Сардури II (764–735), имея за спиной эти укрепленные владения урартов, завоевывает страны, во всяком случае, до района Секе(и)ндеда, в 30 км к западу от Ахара, где он оставил свою победную надпись (КУКН: 245; **рис. 7**). Но когда во второй половине

VIII в. до н. э. Ассирия вновь была на подъеме военного и политического могущества, ассиро-урартское противостояние достигло максимальной остроты, кульминацией которой стал поход Саргона в 714 г. Ассирийцы, разрушив крепости и поселения вдоль западного побережья Урмии и депортировав значительную часть населения, по существу уничтожили урартский плацдарм в этом районе, и это был самый важный результат ассирийского похода 714 г. Ассирийские цари больше не совершали сюда походов, следовательно, этот район в качестве урартского плацдарма уже не представлял для Ассирии опасности.

Что касается Урарту, то потеря приурмийских земель не привела к упадку страны, как первоначально считали исследователи. Урарты не оставили своих намерений и пытаются создать новый плацдарм, но теперь они двигаются севернее озера Урмия в сторону Каспия. Уже сын погибшего в 714 г. урартского царя Русы I Аргишти II (714–685) далеко продвинулся в восточном направлении, о чем свидетельствуют 3 наскальных надписи к северу и к югу от хребта Себелан (**рис. 7**). В них сообщается о завоевании нескольких стран, о возведении укреплений на скалах, есть сообщение «дошел до реки, повернул обратно». Рек здесь много, а вот путей/дорог в горном районе немного; освоенные в древности, они используются до сих пор. Одна дорога из современного Тебриза шла на юг, что давало возможность урартам проникнуть в «страну маннеев» и в Мидию. Другая караванная дорога через Тебриз шла на восток, затем, разветвляясь вдоль обеих сторон хребта Себелан, соединившись, приводила к Каспийскому морю в районе современного города Астары. Ст. Далли высказала предположение о заинтересованности как ассирийцев, так и урартов в торговле с населением прикаспийских земель, точнее в районе современной провинции Гилян, откуда могли поступать сурьма, хаома, ковры. Побережье Гиляна (в устье р. Сефидруд и в наше время является главным портовым центром Ирана на Каспии), по ее мнению, могло быть посредником в торговле с другими прикаспийскими странами, из которых могла поступать, в частности, древесина (Dalley 2006: 178). Действительно, севернее Гиляна вдоль побережья Каспия в области Ленкорань (Респ. Азербайджан) произрастают необыкновенно высокие деревья с очень плотной древесиной, что делает ее очень прочной. Строительная древесина была очень ценным материалом. Саргон, уничтожая

все на своем пути, сжигая дворцы, балки увозил с собой: — «кипарисовые стволы, кровлю дворца его, я сорвал... и забрал в Ассирию» (АВИИУ: № 49: с. 327), хотя чаще «в ярости сердца» сжигал все в огне. Но только ли о торговых связях могут свидетельствовать археологические данные, не были ли эти «культурные контакты» результатом непосредственного продвижения урартской армии в сторону Каспийского моря? Закрепление урартов на этих землях в VII в. означало бы их господство над немногочисленными в этом районе путями, они получили бы приоритет в торговле с прикаспийскими землями в районе современной провинции Гилян и возможность продвижения в сторону Маннейского царства, но главное, что они по существу оказывались в тылу мидийских владений (см. гл. VI).

Дошли ли урарты до Каспия? Для положительного ответа на этот вопрос данных пока немного.

Во-первых, сами надписи могут свидетельствовать о том, что они были сделаны на обратном пути армии Аргишти II: уже были возведены крепости, и, следовательно, земли к востоку от них находились под урартским контролем, слова «повернул обратно» тоже могут говорить об этом. Ассирийские победные надписи на стелах обычно воздвигались на обратном пути, что логично. Неудачный поход не стимулировал бы создание победной надписи.

Во-вторых, в Гиляне в 1990-е годы в могильнике Тул-и Талыш (погр. 1) найден разомкнутый пластинчатый бронзовый браслет с геометрическим орнаментом на внешней стороне и с фрагментами клинописной надписи на внутренней его стороне. В ней читается имя Аргишти (**рис. 10: 1**). Иранские исследователи считают, что это имя Аргишти I (786–764) и читали надпись или как «дар Аргишти», или как «дар сына Аргишти». Браслет долго был в употреблении, надпись на внутренней стороне стерта, браслет ломался и ремонтировался и т. п. Первоначально это погребение датировалось VIII–VII вв., но в 2007 г. Али Вахдати предложил считать, что браслет относится к позднему подхоронению, и датировал его VI–V вв. (Vahdati 2007: 132–133, fig. 2). Но возможность того, что имя принадлежало Аргишти II, не рассматривалась, и его победные надписи в этой связи не упоминались.

Тем не менее этот браслет мог быть посвятителем даром одного из армейских соратников Аргишти II, воевавшего здесь и оставившего неподалеку победные надписи. Дело в том, что

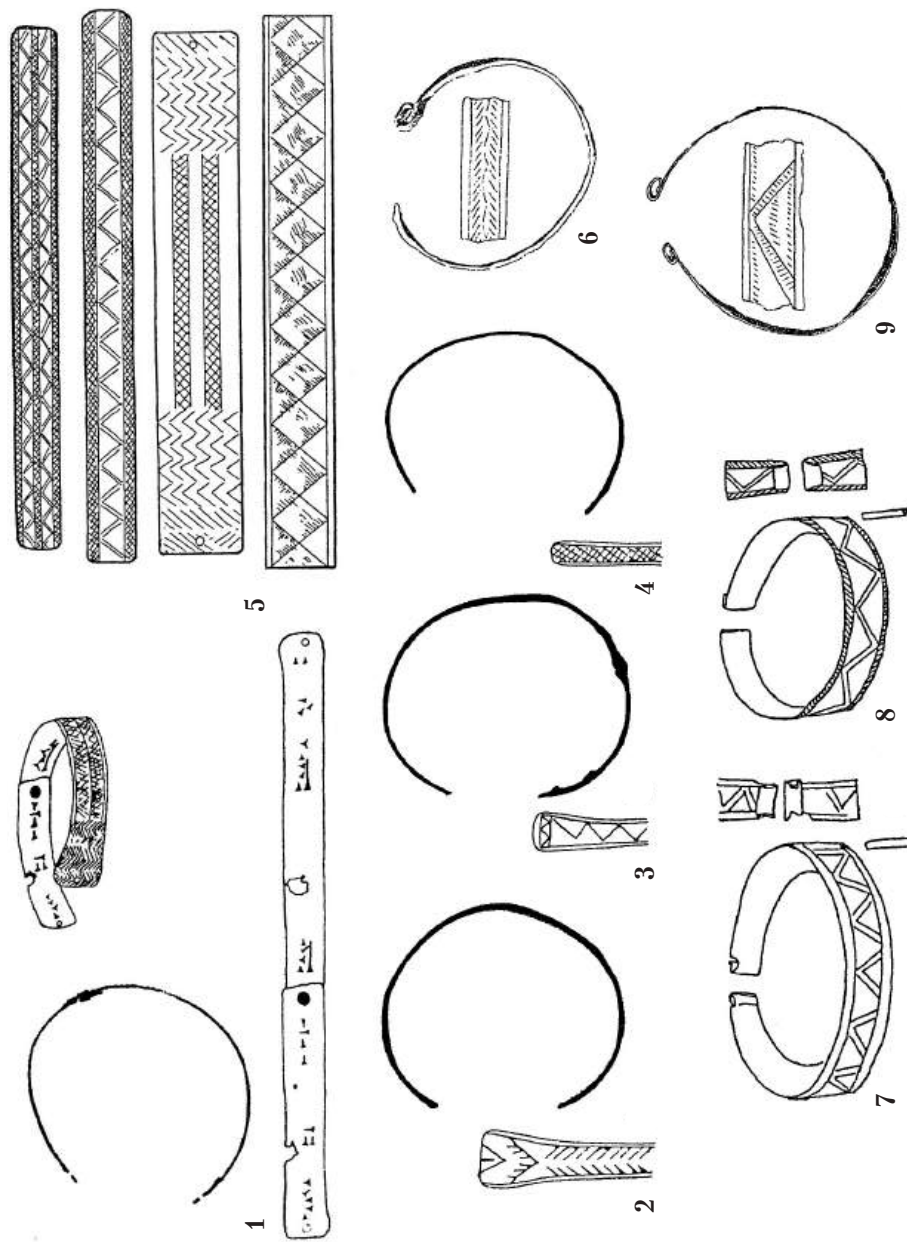

Рис. 10. Бронзовые пластинчатые браслеты: 1 — Браслет с именем Аргишти, могильник Тул-и Талыш (мог. 1); 2-4 — могильник Тул-и Талыш; 5 — Хурвин; 6, 9 — Аргик; 7, 8 — Армения

пластинчатые браслеты не использовались урартами, у них обычно браслеты делались из круглого в сечении прута, да и в целом пластинчатые браслеты в это время не были широко распространены. Пластинчатые браслеты с геометрическим орнаментом найдены в других могилах Тул-и Талыша и, по мнению Х. Пиллера, вероятно, являются изделиями местных мастеров, поскольку они не обнаружены в «урартском контексте» (Piller 2010: 66, fig. 4b; **рис. 10: 2–4**). В Марлике найдены один пластинчатый браслет, но другого типа, с двумя горизонтальными валиками, и два неорнаментированных браслета (могила Гешлаг, Negahban 1996: 24, 51, 169–170, pl. 83: 358–359).

В Хурвине также обнаружены пластинчатые браслеты с четырьмя разновидностями зигзагообразного орнамента (Vanden Berghe 1964: 29 [прорисовки орнамента на браслетах], 30, pl. XLII: 295–298; **рис. 10: 5**). Л. Ванден Берге датировал раскопанные им 14 погребений между 1300–900 гг., но основное время существования относил примерно к 1100 гг. до н. э. (ibid.: 44–45). Но все пластинчатые браслеты происходят из коллекции Малеки, которая состоит из разнообразных предметов, найденных во время грабительских раскопок в этом районе. Анализу именно этих предметов посвящена значительная часть публикации Л. Ванден Берге материалов Хурвина. Верхняя дата определена им, согласно принятой в 1960-е годы датировке могильника Сиалк В, с материалом которого сравниваются хурвинские находки. Причем серо-глиняная керамика как из коллекции Малеки, так и из раскопанных погребений сопоставляется с материалом могильника Сиалк А, т. е. конец II тыс., а металлические изделия, в том числе браслеты, — с инвентарем из могильника Сиалк В (ibid., 29–30). Дата последнего в настоящее время — не ранее VIII в., точнее, его второй половины (см. гл. II). Таким образом, как и в Сиалке, материалы из Хурвина указывают на два периода существования могильника/могильников (в том числе разграбленных): первый период — ЖВ I (керамика в основном с признаками этого периода), второй — ЖВ II–III. И, следовательно, появление браслетов с геометрическим орнаментом как в Гиляне, так и к югу от него относится к урартскому времени. Предположение Х. Пиллера о местном производстве пластинчатых браслетов на основании того, что они не использовались урартами, может быть отклонено на основании материалов Закавказья.

В Восточном Закавказье в могильниках Вери и Джони (Ленкорань) были найдены пластинчатые браслеты с геометрическим орнаментом. Примечательно, что пластинчатые несомкнутые перстни из этих же могильников украшены таким же геометрическим орнаментом, как и браслеты из Хурвина и могильника Тул-и Талыш (Morgan 1896: 85–86, fig. 88–89). В Западном Закавказье — в Армении и Грузии пластинчатые браслеты были относительно редким украшением, обычно они имели горизонтальное рифление/валики и продолжали использоваться еще в X–VIII вв. до н. э. (Лечхумский клад, Кармир-берд, Куфтин 1943, табл. XIV: 1–2, 4; Лелвар/Ахтала, Morgan 1889: 112, fig. 73; Есаян 1972: 76–77, табл. XIV: 9). Концом — рубежом II/I тыс. и до VIII/VII вв. до н. э. датировались пластинчатые браслеты с геометрическим, в том числе с зигзагообразным, орнаментом (Хачатрян 1963: 70–71, табл. 4: 5–6; **рис. 10: 6, 9**; Есаян 1964: 86, рис. 2: 8, 9; Есаян 1969: 113, 115; **рис. 10: 7–8**). Последние практически идентичны браслетам из могильника Тул-и Талыш (Piller 2010: fig. 4b — в центре; **рис. 10: 3**). Можно предположить, что появление пластинчатых браслетов с геометрическим орнаментом в могильнике Тул-и Талыш связано непосредственно с продвижением урартской армии в сторону Каспия, в составе которой были воины из закавказских владений урартов. В VII в. урартская армия состояла только из воинов, рекрутированных в завоеванных урартами странах. Примерно до середины VIII в. элитную часть войска составляли коренные урарты — *шурели*, и рекрутированные воины — *хурадинели*, но Сардури II (760–730) освободил от воинской повинности почти всех *шурели*, воинами оставались только *хурадинели*, которые находились на полном содержании царя (см. подробнее гл. III § 1; гл. VI § 2.5., там же литература). Закавказское происхождение *шурели* подтверждается другими находками в этом районе (см. ниже).

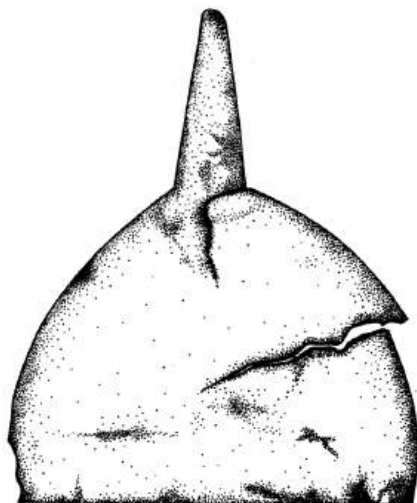
Странно, что надпись нанесена на внутреннюю поверхность браслета из Тул-и Талыша, обычно посвятельные надписи наносились на видимую сторону предмета. Это может свидетельствовать о том, что надпись сделана не урартом, а его боевым сподвижником, который не знал подробностей урартского обряда посвящения богу и конкретных предметов, которые для этого предназначались. Поэтому неслучайно, что сама пластина, как отмечает иранский издатель браслета Размуджу,

первоначально могла быть частью другого предмета, вероятно, бронзовой чаши (Piller 2010: 62). Форма этой детали сосуда соответствовала пластинчатым браслетам, которыми пользовались на родине «сподвижника» в Закавказье. Но в любом случае имя Аргишти — это урартский след в Прикаспийском районе, тем более, что в другой могиле этого же могильника найден бронзовый колчан урартского типа (мог. 24).

Этот колчан украшен сгруппированными зигзагообразными (или зубчатыми) поясками, такая система орнамента характерна для урартских колчанов (Piller 2010: 67–68, pl. 13: 1–2; Кастеллучча, Дан 2016: 76–77, рис. 3: 1)¹. Подобные колчаны найдены в урартских памятниках Топраккале, Алтынтепе, фрагмент такого колчана найден в гробнице Геговит возле оз. Севан, на колчане из Кармир-блур имеет дарственную надпись Аргишти богу Халди, и в целом они датируются концом VIII — началом VII в. до н. э. (Пиотровский 1952: 50, табл. 16; Кастеллучча, Дан 2016: 76–77, 80–81, рис. 3: 2–3). В Прикаспии находки колчанов единичны и происходят из могильника Марлик в Гиляне и датируются не позднее начала I тыс. Они принципиально отличаются от урартских как формой, так и системой орнамента (Negahban 1996: 283–284, fig. 34: 870–873, pl. 128: 868, 869).

Кроме того, Х. Пиллер приводит устное сообщение Ст. Кролла о находке видимо урартской керамики примерно в 25 км к югу от Наштебана (Бойни Ёгон, **рис. 7: 1**, Piller 2010: 56), где находится одна из наскальных надписей Аргишти II. Но в целом Х. Пиллер разделяет мнение урартолога М. Сальвини, что урарты никогда не видели Каспийского моря. И прежде всего потому, что горы Талыша, которые тянутся вдоль западного побережья Каспия, покрыты лесом и непроходимы для армии (Piller 2010: 70, note 3). Само по себе это утверждение спорное — если было надо, то проходили. Саргон, например, сообщает, что его солдаты прорубали кирками дорогу в горах, поросших лесом (АВИИУ: 322, № 49: l. 24–25). Но вряд ли урарты планировали выходить через горы к пустынному морскому побережью в этом районе, поскольку одной из их задач было продвижение на юг вглубь Ирана, в сторону Мидии.

¹ Опубликованы только фотографии этого колчана, которые из-за плохого качества трудно воспроизвести, см., например, Кастеллучча, Дан 2016: рис. 3: 1.

0 2 4 6

Рис. 11. Шлем, могильник Мианруд (мог. 2)

Материалы, найденные южнее, Х. Пиллером не рассматривались. Однако южнее могильника Тул-и Талыш, где были найдены браслет с именем Аргишти и колчан, в могильнике Мианруд (мог. 2) найден остроконечный шлем-шишак урартского типа (Khalatbari 2004a: 80, 82–83, 101, ill. 18, fig. 72). Он отличается небольшим диаметром основания острия и, соответственно, округлой формой самого шлема (**рис. 11**). Недалеко от Мианруда в могильнике Чаладем-шаль (165 км к югу от Ардебилля и в 45 км к югу от Хелькаля) в одной из могил найден бронзовый шлем-шишак с широким основанием острия, что делает его форму почти конической. Украшен шлем двумя рядами полукруглых арок (по четыре? с каждой стороны), каждая из которых заканчивается головой льва или барана. Между ними в центре, судя по описанию авторов, изображена птица с распростертыми крыльями (Moghanlou, Ebrahimi 2021: 88, fig. 11).¹

Подобные полукруглые арки с различными изображениями между ними и под ними были характерной чертой урартских

¹ Фото плохого качества, из-за коррозии трудно разглядеть изображение птицы и определить количество полуарок и их окончания — обычно это голова льва или барана, число арок три или четыре, реже — одна или две.

шлемов (Seidl 2004: 68–77, Abb. 30–35), и являлись частью «урартской иконографии» (Overlaet 1979: 60, fig. 1). Вместе с тем, автор считает, что эта форма шлема с такой же декорацией существовала на протяжении IX–VII вв. до н. э. в Ассирии и на территории Загроса (Луристан, Иран). Однако следует подчеркнуть, что в списке всех неурартских шлемов, приводимых автором, их происхождение обозначено как «said to come from» Ассирии или Луристана (ibid.: 55–58). Недостоверность указанного дилерами происхождения предметов из грабительских раскопок и находящихся теперь в музеях и в частных коллекциях, и, в частности, таких шлемов, подчеркивал О. Мускарелла, дилеры обычно скрывают их происхождение (Muscarella 1977: 80). Урартские шлемы описанного типа происходят в основном из раскопок.

Южнее, на территории Мидии и Манны такие шлемы не использовались, там, судя по ассирийским рельефам, местные воины носили гребенчатые шлемы (Медведская 2013а: 192–202; гл. II, § 4). Очевидно, что появление этих шлемов в могильниках Чаладем-шаль и Мианруде, как и колчана в могильнике Тул-и Талыш, связано с продвижением урартской армии на юг в сторону Мидии.

Показательно, что в могильнике Томаджан (погр. 14) вместе с описанными выше петельчатыми фибулами найдена **кольцевидная подвеска** или «солярный диск» (Samadi 1959: 192, fig. 24d; рис. 6: 1; **рис. 12: 1**). Высказано предположение, что их появление в Гиляне стало результатом интенсивных культурных связей между южным Закавказьем (главным образом с территорией Армении) и Гилян. Но на территории Армении эти подвески появились раньше гилянских и служили оберегами для воинов — на некоторых из них в центре имеется изображение топора и найдены они в мужских захоронениях (Dan et al. 2017: 200–202, fig. 2–3). Такие подвески являются астральными символами, они найдены в захоронениях местной элиты и датируются IX/VIII–VII/VI вв. до н. э. (Avetisyan et al. 2018). Гилянские подвески, по мнению исследователей, являются подражанием закавказским в результате культурных контактов, но они отличаются некоторыми деталями: отсутствием изображения топора в центре подвески и наличием зерни по краям колец (Dan et al. 2017: 200–291, fig. 3), которая отсутствует на закавказских экземплярах. Но было ли это подражание? Закавказские подвески не имели стандартной

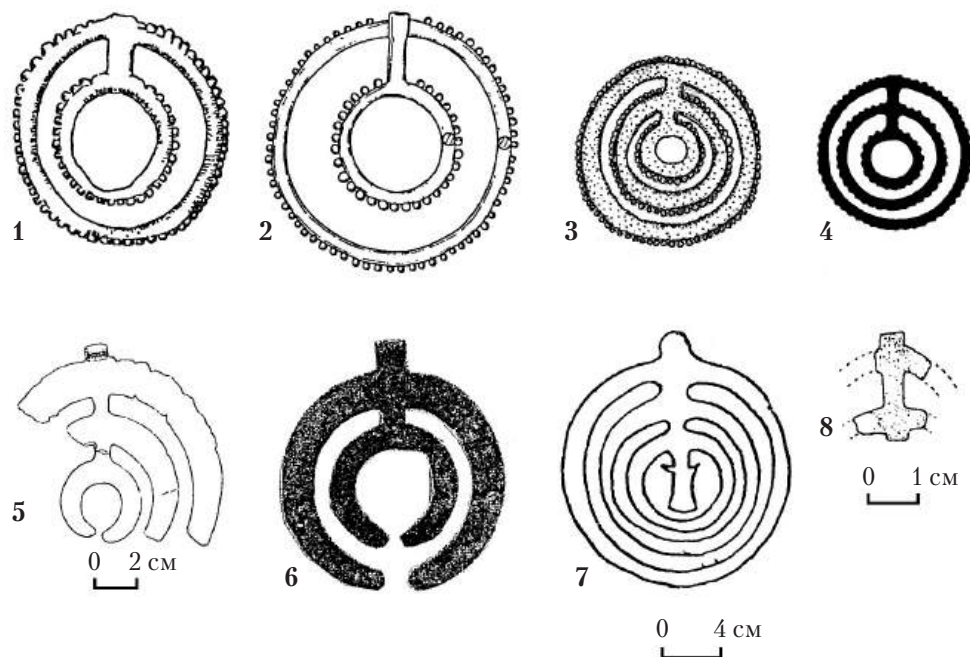

Рис. 12. Бронзовые подвески. 1–4 — Гилян (1 — Томаджан (мог. 14); 2 — Га-лекути (мог. С-1); 3 — Васке (мог. 3); 4 — Рудбар; 5–8 — Закавказье: 5 — Варда-кар; 6 — Мингечаур; 7 — Толорс; 8 — Тандзавер (мог. 39)

формы: они различаются количеством колец — обычно три, реже два, наличием или отсутствием топорика (*ibid.*: fig. 3; Мартиро-сян 1964: табл. XVI: 2, вардакарская подвеска; Тандзавер, погр. 39, Хнкикян 2002: pl. LXXXVII: 40¹; **рис. 12: 5–8**), мингечаурская подвеска, на которую ссылаются авторы (*ibid.*: 201; **рис. 12: 6**), состоит из двух разомкнутых колец. Датируются закавказские подвески концом эпохи бронзы — ранним железным веком. Най-денные в мужских захоронениях вместе с предметами воору-жения, они могут свидетельствовать об их принадлежности за-кавказским воинам находившимся в составе урартской армии в период завоевательных походов урартов. Можно предпо-ложить, что урарты, завоевав территорию современной Армении,

¹ Автором не дано описания фрагментированной подвески, но, судя по рисунку, нижний ровный край связующего стержня не предпо-лагает соединения с третьим несохранившимся кольцом или топориком (**рис. 12: 8**).

быстро включились в действующую сеть связей, налаженную местным населением с иранскими владельцами еще до прихода урартов, и установили господство над уже существовавшими торговыми путями. Это господство укрепилось и расширилось в VII в., когда урарты, потеряв в 714 г. приурмийские владения, стали продвигаться в сторону Каспия и затем на юг в страны Древнего Ирана.

Не менее показательны в связи с рассматриваемым вопросом незамкнутые **браслеты со змееголовыми окончаниями (рис. 13)**. Хотя браслеты с зооморфными окончаниями использовались повсеместно на территории Передней Азии, но изображение змей первоначально связано только с Присеванским районом, а затем с Прикаспием. Считается, что культ змеи существовал в Закавказье именно на территории Армении (Мартиросян 1954: 81; Есаян 1964: 94), и, судя по материалам Хачахбюра, Макарашена и Ошакана, еще в доурартское время.

В Армении из пяти погребений Хачахбюра подобные браслеты найдены в трех из них (Yengibaryan 2002: pl. II: 3–4, VII: 5–6, XVII: 6, 9 (?), мог. 22, 23, 28; **рис. 13: 1–3**). Изображение головы змеи схематизировано и оно не превышает размер диаметра стержня браслета¹. Инвентарь всех трех могил сочетает признаки еще местной присеванской культуры с урартским «импортом», что было возможно только в VIII в., позднее в VII в. уже сказалось влияние урартской культуры на изделиях местного населения, прежде всего в керамике. Но в могилах 22, 23, 28 керамика еще местная — черно-лощёная, использование витой ручки, головок быков на кувшине (ibid.: pl. XIX: 2, XX: 6). В них обнаружен урартский «импорт» — красноангобированный аск и лампы-плошки без перегородок (мог. 23, ibid.: pl. XII: 1, 2, 6). В одной из трех могил вместе с этими браслетами найдены петельчатые фибулы с округлым щитком местного производства (мог. 22). В макарашенском погребении такие браслеты также найдены вместе с фибулами описанного типа (**рис. 9: 11; 13: 4**).

¹ Но позднее, ближе к ахеменидскому времени изображение змеиной головы становится скульптурным и более реалистичным, а объем головы больше диаметра стержня браслета. Подобные браслеты, но с небольшим прогибом в центре браслета становятся обычными в Армении с VI в. и существуют до начала «христианской эры» (ibid.: 418).

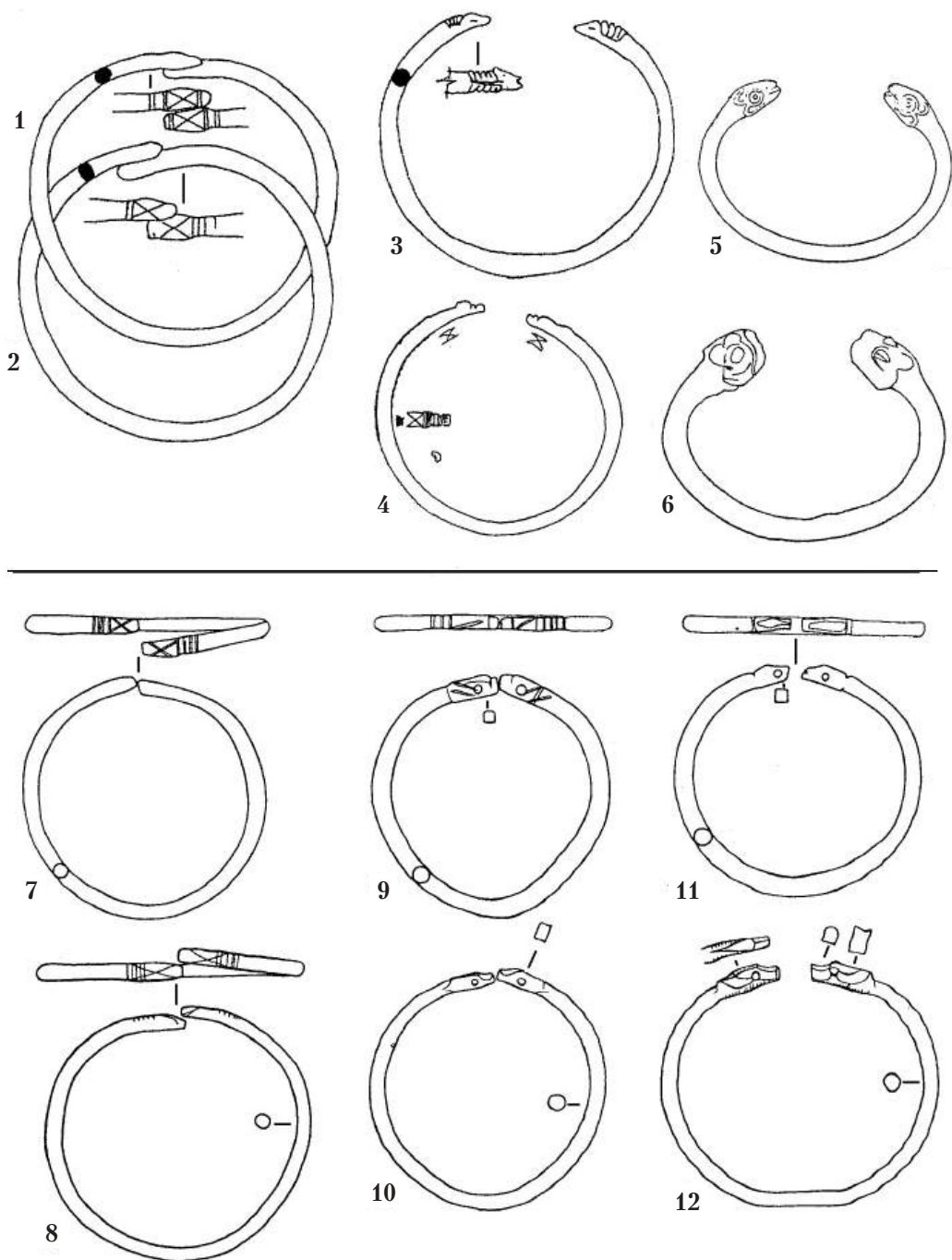

Рис. 13. Бронзовые змееголовые браслеты. 1–3 — Хачахбюр (мог. 22, 28);
4 — Макарашен; 5, 6 — Ошакан (мог. 46, 91); 7–12 — Галекути I (мог. 5)

О закавказском изготовлении как змееголовых браслетов, так и петельчатых фибул, свидетельствуют их находки в могильнике Ошакан. Здесь в погребениях 46 и 91, которые датируются IX–VIII вв. до н. э. (период раннежелезного века), найдены такие браслеты и фибулы (Есаян, Калантарян 1988: 84, 92, 95, 97, табл. LXIX: 1–3, 5, ХСIII: 3, 5; **рис. 9: 1–2; рис. 13: 5–6**). Вместе с ними найдена доурартская чернолощёная керамика (там же: 99). Но уже в VII в. эти изделия местных мастеров стали использовать урарты, и они стали распространяться урартами или воинами из местного населения в составе урартской армии, но не повсеместно. Называть эти браслеты «урартскими» на том основании, что их немногочисленные находки обнаружены на территории «Урартской империи» и не использовались в Ассирии, как предположила Максвелл-Хислоп (Maxwell-Hyslop 1971: 295), и, как показано выше, нет оснований. Вместе змееголовые браслеты, кольцевидные подвески и петельчатые фибулы с плоским щитком обнаружены только в Гиляне, в прибрежном районе Амлаш (могильник Томаджан), хотя такие браслеты найдены и чуть севернее, в могильнике Мианруд вместе с урартским шлемом (мог. 2). В Гиляне змееголовые браслеты, по словам Самади, «встречаются очень часто» (Samadi 1959: 188, fig. 25: e). Удивительное сходство петельчатых фибул с круглым или ромбическим щитком на дужке, найденных только в Армении, Гиляне и в Манне, не может быть случайным.

Находки в Прикаспии предметов урартского вооружения, закавказской разновидности фибул со щитком, браслета с именем Аргишти, пластинчатых и змееголовых браслетов, кольцевидных подвесок могут свидетельствовать о проникновении сюда воинов урартской армии закавказского происхождения — *хурадинели*. Они были или захоронены у побережья Каспийского моря в Гиляне, или позднее некоторые из этих предметов (но не предметы вооружения), сохранившиеся по разным причинам у местных жителей, были захоронены уже с их потомками.

Итак, урарты могли дойти до Каспийского моря, но надолго ли они смогли здесь закрепиться? Сын Аргишти II Руса II (685–653) сосредоточился на завоевании стран к западу от своего царства, следовательно, на востоке все было под контролем. Именно Руса II через своего посла контактирует с представителями проурартской партии в Маннейском царстве (см. гл. VI § 2.5.). Он ведет огромное

строительство: помимо Тейшебаини/Кармир-блур, Малого города Русы/Бастама, только к северу от Урмии было построено 10 городов-крепостей (с учетом построек Аргишти II). Но уже в 650-е гг. в стране наблюдаются признаки нарушения стабильности и процветания страны (подробнее см. Медведская 2018: 163–172). Но к этому времени уже было создано Мидийское царство и началось быстрое его возвышение/взлет. Урартское царство стало первым, против которого мидийские цари начали успешную войну не позднее 640-х гг. Не потому ли возникла такая очередность, что созданный урартами плацдарм в Прикаспийском районе, находясь в тылу Мидии, мог представлять опасность для мидийских царей накануне их неизбежной войны с Ассирией. Развитие событий на мировой арене того времени и представленные выше аргументы *pro* согласуются с реальностью недолгого существования урартского плацдарма к западу от побережья Каспийского моря.

Возвращаясь к фибуле из могилы 36 Марлика, следует подчеркнуть следующее: хотя Э. Негахбан не использовал терминологию, принятую при описании обоих видов фибул, марликская находка принадлежит к типу пружинных двучленных фибул («конец иглы был вмонтирован в основание» массивной дужки, Negahban 1996: 183, pl. 93: 448). Это единственная находка этого типа фибул столь далеко от основного их ареала в Иране.

Э. Негахбан полагал, что находка фибулы в могиле 36 служит основанием для пересмотра времени их появления в Иране раньше VIII в. (*ibid.*: 184–185). Но в этой же могиле найдены 3 бронзовых булавы (2 из которых имели золотое покрытие; *ibid.*: pl. 93, 455, 456), что может предполагать их принадлежность к первому захоронению, а фибула попала в эту могилу с поздним подхоронением, что часто и предполагается исследователями. Рассмотренные данные не дают основания для удревления двучленных пружинных фибул. Находка этой фибулы в Марлике не может свидетельствовать в пользу существования налаженных связей Прикаспия с западными районами Древнего Ирана.

Предметы урартского периода, которые найдены в Прикаспийском районе и датируются не ранее VII в., отсутствуют в инвентаре марликских погребений, что позволяет исключить VII век из верхней даты этого могильника. Хотя наличие ряда изделий, аналогии которым находятся в памятниках периода ЖВ II, могло бы позволить поднять его дату до VIII в. Это прежде всего:

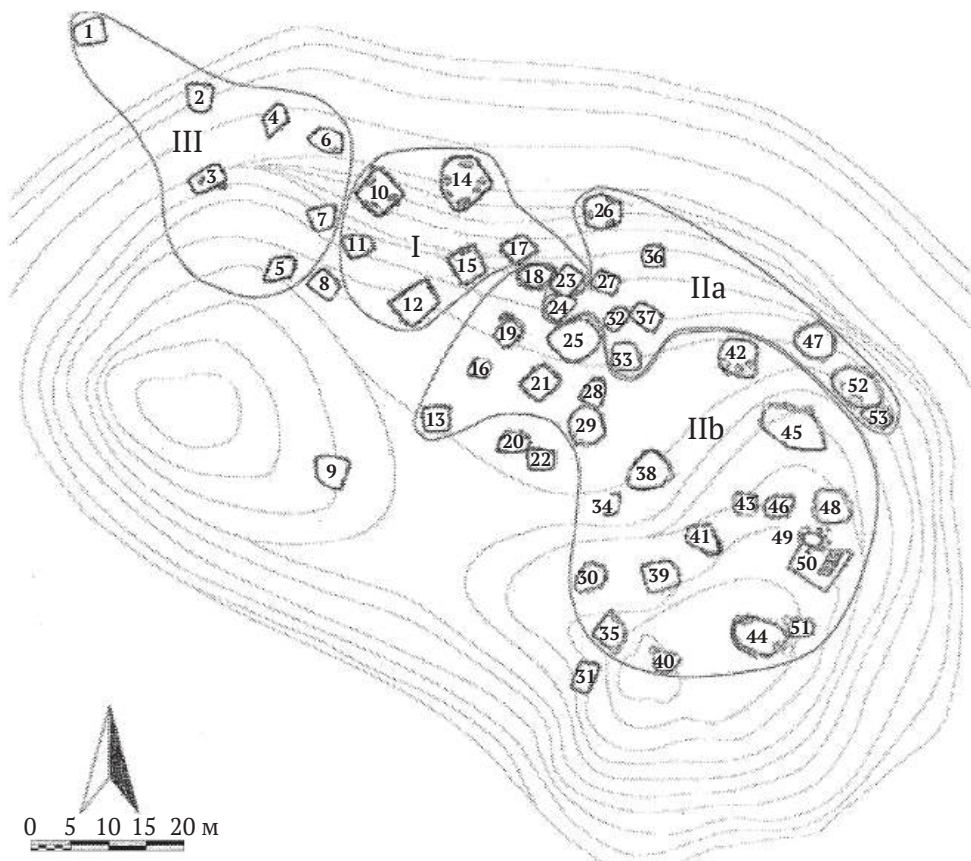

Рис. 14. План могильника Марлик: I–III стадии, выделенные X. Пиллером

биметаллические кинжалы, ажурные бубенчики, чайники с прикрепленным сливом, некоторые виды керамики, аналогии которым находятся, в частности, в могильнике Сиалк В. Но, как уже отмечено выше, отсутствие железных наконечников стрел — важного признака VIII в. — и отсутствие ряда других признаков VIII в. (см. выше) допускают исключение из его датировки VIII в. до н. э. Кроме того, преобладание предметов периода ЖВ I и общая немногочисленность погребений не позволяет растягивать дату могильника на несколько веков; его датировка предлагается в пределах конца ЖВ I — начала ЖВ II (конец XI — X/IX вв. до н. э.). «Горизонтальная хронология» могильника Марлик (**рис. 14**), определенная X. Пиллером в пределах 1500 — с. 1000 гг. до н. э., не может быть принята.

СПИСОК И ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Типы бронзовых наконечников стрел, Марлик. **Тип I:** 824–825; **II:** 826; **III:** 827; **тип IV:** 828, 830, 829, 831; **тип V:** VA: 832; VB: 836, 839; VII: 849, 851; VIII: 854–856; IX: 857 (Negahban 1996: fig. 33, pl. 126: 824, 826–828, 830, 836; fig. 33: 825, 829, 831, 832, 839, 849, 851, 854–857).

Рис. 2. Декоративные кинжалы и мечи, тип I (667–670, 672–673) (Марлик, Negahban 1996: fig. 31, pl. 119); **1** — Хасанлу IVB (Dyson 1964, Text-fig. 2: 8); **2, 4** — Сиалк В (мог. 74, 3, Ghirshman 1939: pl. LXXV, S.921; pl. L, S.545c); **3** — Кумбулта (Уварова 1900, таб. XCVI: 4); **5** — Кубанский могильник погр. 39 (Вальчак и др. 2016: рис. 2: 8); **6** — Караклис (Куфтин 1941, рис. 59: 3).

Рис. 3. Кинжалы и мечи, Марлик, тип II. **IIA:** 15–24; **IIВ:** 693, 25–27; **IIС:** 28, 29, 29a; **IIЕ:** 30, 54 (15–24 — Negahban 1995: 39, fig. 15–17; 43, fig. 18–24; 693 — Negahban 1996: pl. 120; 25 — Negahban 1995: 43, fig. 25; 26–30 — Negahban 1995: 47, fig. 26–30; 29a — Medvedskaya 1982: fig. 9: 24; 54 — Negahban 1995: 48, pl. V: 54, Khorasani 2006: fig. 39).

Рис. 4. Бронзовые кинжалы, Марлик, тип III. **IIIA:** 31; **IIIB:** 32–35, 65¹ (31–35 — Negahban 1995: 47, 31–35; 65 — Khorasani 2006: fig. 41).

Рис. 5. Керамика. Марлик (Negahban 1996: figs. 17, 18, 19, 21, 22, 25, 27, 29).

Рис. 5а. Керамика. **1** — Пакистан (Буткара II); **2** — Марлик (Stacul 1970: figs. 19, 20).

Рис. 6. Бронзовые топоры/тёсла (S.1467 a, b — белый камень и лазурит). **2221** — Гиссар III–В; **2225** — Махенджо Даро; **3125, 3127** — Амлаш; **A** — Галикути I, мог. 6; **B** — Иран, случайная находка; **2228** — Гиссар III–С; **2227** — Ашшур; **939** — Марлик, мог. 44; **S.1467 a, b** — Сиалк В, мог. 14. Длина: 2221 — 19 см, 2225 — 26,5 см, 3125 — 14 см, 3127 — 14,5 см, A — 9,7 см, B — 5,1 см, 2227 — 7,4 см, 2228 — 5,5 см, S.1467a — 3,5 см, S.1467b — 2,3 см, 939 (M 106) — ок. 15,5 см. (**2221, 2225, 2227, 2228, 3125, 3127** — Deshayes 1960: pl. XXXVIII, LIII; A — Fukai, Ikeda 1971: pl. LII: 6; B — Deshayes 1963: fig. 3; 939 — Negahban 1996: fig. 35: 939; S.1467 — Ghirshman 1939: pl. XCIII, S.1467).

Рис. 7. Карта Северо-Западного Ирана, Закавказья, Месопотамии. **1** — Бойни Ёгон; **2** — Тул-и Талыш; **3** — Мианруд; **4** — памятники возле р. Сефидруд (Медведская 2018: карта-схема 4, с. 165, дополнена автором).

Рис. 8. Фибулы пружинные и петельчатые. **1, 2** — Нуш-и Джан III; **3** — Хасанлу тепе II; **4** — Баба Джан тепе II; **5, 6** — Годин тепе II; **7** — Зендан-и Сулейман; **8** — Сев. Кавказ, Кобан; **9** — Галекути I (мог. 5);

¹ Распределение по могилам наконечников стрел, кинжалов, мечей (рис. 1–4) см. в табл. 3.

10 — Ошакан (мог. 62); **11, 12** — Бастам; **13, 14** — Хасанлу III; **15** — Зивие; **16, 18** — Амлаш (Томаджан, мог. 14); **17** — Галекути I (мог. 9); **19** — Мала Мча (мог. 5) (**1–2** — Curtis 1984: fig. 5: 271, 272; **3** — Vanden Berghe 1978: fig. 11: 8; **4** — *ibid.*: fig. 11: 2; **5, 6** — *ibid.*: fig. 5–6; **7** — *ibid.*: fig. 11: 11; **8** — Muscarella 1965: pl. 58, fig. 8: 19; **9** — Sono, Fukai 1968: pl. LXXXV: 9; **10** — Есаян, Калантарян 1988: табл. LXV: 1; **11–12** — Kroll 1988: Abb. 6; **13** — Vanden Berghe 1978: fig. 11: 10; **14** — Muscarella 1965: fig. 37; **15** — *ibid.*: fig. 3; **16, 18** — Samadi 1959: fig. 24, с, n; (**17** — Vanden Berghe 1978: fig. 11: 19; **19** — Amelirad et al 2017: fig. 41: 4).

Рис. 9. Петельчатые фибулы. **1–2** — Ошакан (мог. 91, 46); **3, 6, 9, 13** — Кармир-блур; **4** — Нор-Армавир; **5, 7** — Хачахбюр, мог. 23; **8, 10** — Хачахбюр, мог. 28; **11** — Макарашен; **12** — Хачахбюр, мог. 22 (**1–2** — Есаян, Калантарян 1988: табл. ХСIII: 5, pl. LXIX: 3; **3, 6, 9** — Пиотровский 1952: рис. 18; **4** — Tiratsyan 2010: fig. 11 a; **5, 7** — Yengibaryan 2002: pl. VIII: 4, 8; **8, 10** — *ibid.*: pl. XVIII: 13, 16; **11** — Мартиросян 1964: табл. XXX: 17; **12** — Yengibaryan 2002: pl. III: 22; **13** — Пиотровский 1950: рис. 23).

Рис. 10. Бронзовые пластинчатые браслеты: **1** — Браслет с именем Аргешти, могильник Тул-и Талыш (мог. 1); **2–4** — могильник Тул-и Талыш; **5** — Хурвин; **6, 9** — Артик; **7, 8** — Армения (**1–4** — Piller 2010: fig. 4a, b; **5** — Vanden Berghe 1964: 29; **6, 9** — Хачатрян 1963: табл. 4: 6, 5; **7–8** — Есаян 1964, табл. 2: 8, 9).

Рис. 11. Шлем, могильник Мианруд (мог. 2) (Khalatbari 2004a: 80, 82, ill. 18).

Рис. 12. Бронзовые подвески. **1–4** — Гилян (): **1** — Томаджан (мог. 14); **2** — Галекути (мог. С-I); **3** — Васке (мог. 3); **4** — Рудбар; **5–8** — Закавказье: **5** — Вардакар; **6** — Мингечаур; **7** — Толорс; **8** — Тандзавер (мог. 39) (**1** — Samadi 1959: fig. 24d; **2** — Egami et al. 1965: pl. LXXIV: 20; **3** — Khalatbari 2004a: ill. 6: 3; **4** — Dan et al. 2017: fig. 2H; **5, 7** — Мартиросян 1964: табл. XVI: 2, XIV: 7; **6** — Асланов et al. 1959: табл. XIX: 31; **8** — Хнкикян 2002: pl. LXXXVII: 40).

Рис. 13. Бронзовые змееголовые браслеты. **1–3** — Хачахбюр (мог. 22, 28); **4** — Макарашен; **5, 6** — Ошакан (мог. 46, 91); **7–12** — Галекути I (мог. 5) (**1–3** — Yengibaryan 2002: pl. II, XVII; **4** — Мартиросян 1964: табл. XXX, 13; **5–6** — Есаян, Калантарян 1988: табл. LXIX: 2, ХСIII: 3; **7–12** — Sono, Fukai 1968: tabl. LXXXIV: 9, 1, 2, 10, 5, 6).

Рис. 14. План могильника Марлик: I–III стадии, выделенные X. Пиллером (Piller 2018: fig. 19.1).

ГЛАВА VI

МАННЕЙСКОЕ ЦАРСТВО

Локализация, политическая история и культура

§ 1. ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ МАННЕЙСКОГО ЦАРСТВА ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ IX–VII в. до н. э.

Ассирийские и урартские клинописные источники позволяют в общих чертах, а иногда и подробно, восстановить историю Маннейского царства и его взаимоотношения с Ассирией и Урарту, а также позволяют определить местоположение и границы Маннейского царства (см. **карту** на с. 701). Но на протяжении почти всего XX в. многие исследователи в определении местонахождения Маннейского царства основывались на локализации Ф. Тюр-Данженом антиурартской части маршрута похода Саргона II в 714 г., которую он определил к востоку от озера Урмия (Thureau-Dangin 1912). Соответственно, значительная часть Манны локализовалась исследователями с этой стороны озера (Меликишвили 1949; Дьяконов 1956). Но после открытия в 1950–1970-е годы многочисленных урартских крепостей вдоль западного побережья Урмии маршрут антиурартской части похода Саргона и, соответственно, локализация Манны была пересмотрена (литературу см. Медведская 1989), хотя до сих пор имеются работы, учитывающие ее первоначальную локализацию (Кашкай 1977; Арутюнян 2001 [КУКН]: 513–514; Hejebri Nobari, Mollazadeh 2004).

В ассирийских письменных источниках (анналах, неофициальной корреспонденции и религиозных текстах) Манна упоминается уже в IX в. до н. э. в правление Салманасара III (858–824) и вплоть до правления Ашшурбанапала (668–635/27). Чаще всего

Манна упоминается в перечне стран, проходимых ассирийскими войсками во время завоевательных походов на территории Древнего Ирана. Это позволяет теперь определить ее местоположение к югу и юго-востоку от озера Урмия.

Попытки завоевания Манны Салманасаром III были предприняты дважды. Первый раз Манна названа в 16-й год его правления (843 г.) в списке стран, против которых выступили ассирийские войска. Салманасар III выступил в поход из Арбаила (Арбела, совр. Эрбиль), куда, следовательно, он прибыл из столицы Кальху/Калах, перейдя через р. Верхний Заб. В Арбеле, очевидно, были собраны военные подразделения из разных гарнизонов. Тогда ассирийцы, покинув Арбаил и перейдя через гору Куллар и Внутреннюю Замуа, вторглись в Манну (в тексте Мунна) и затем в Аллабрию. Причем царь сообщает о разорении роскошного дворца царя Аллабрии в его столице Паддире, тогда как о боевых действиях в Манне ничего не сказано, хотя, как обычно, во всех описаниях 16-го похода царь подчеркивал завоевание всех стран от г. Куллар, Манны ... до Туплиаша. Из Аллабрии ассирийцы тогда вступили в Парсуа и затем в Абдадани, Бит-Хамбан, Намар, Туп/клиаш (RIMA 3: A.O.102.6: iii 58 — iv 10; A.O.102.13: 2'b–4'a; Медведская 2018: 138–142), т. е. дошли до низовья р. Дияла. Этот же порядок прохождения ассирийскими войсками стран — Манна, Аллабрия, Парсуа, Абдадани, Намар — и очевидное их взаиморасположение был повторен Салманасаром III (RIMA 3: A.O.102.10: iii 33b–37a), но один раз Аллабрия названа им после Парсуа (RIMA 3: A.O.102.12: 19–20). Из Аллабрии, расположенной южнее Манны, ассирийская армия по существу начала возвращение: Абдадани находилась южнее Парсуа, а Парсуа южнее Манны, Намар — западнее Абдадани (Медведская 2018: 133). Проход Салманасара сначала в Манну, а затем в Аллабрию и в Парсуа свидетельствует против признаваемого некоторыми исследователями соседства Аллабрии с Сурикашем, которое, якобы, следует из описания Саргоном маршрута похода 714 г. Сурикаш находился к востоку от Внутренней Замуа у западных границ Манны (см. **карту**).

В 843 г. Манна не была завоевана ассирийцами. Второй раз в 828 г. (30-й год правления Салманасара III) царь, находясь в своей столице Кальху, отправил своего маршала в поход

на север в Хубушкию, куда армия пришла, перейдя Верхний Заб. Оттуда ассирийцы через Гилзан (в IX в до н. э. название западного побережья Урмии) (см. **карту**), двигаясь на юг, приблизились к маннейским городам царя Удаку. В анналах говорится, что маннейский царь Удаку, не желая покориться ассирийцам, покинул «свой царский город» Зирту и скрылся в горах, ассирийцы разорили и сожгли его города и захватили богатую добычу (RIMA 3: A.O.102.14: 159b–166; A.O.102.16: 300–304). Сказанное царем свидетельствует о независимости Удаку и о нерезультативности первой попытки Салманасара завоевать Манну. В 828 г., уйдя из Манны, маршал приблизился к городам Шулусуну владельца страны Харна¹, он захватил его столицу Масашуру, но маршал пощадил Шулусуну и его сына, обязав его платить дань (RIMA 3: A.O.102.14: 168–169; A.O.102.16: 307–315). Затем он прибыл в Аллабрию, где в ее столице Паддира получил дань от ее владельца Артасари. Предполагается локализация Харны между собственно Манной и Аллабрией (Zadok 2002: 95). Из Паддиры маршал через Парсуа вернулся в Ассирию. Итак, в 828 г. был повторен маннейский отрезок маршрута Салманасара 843 г., но возвращался маршал, судя по названным владениям, более коротким путем по сравнению с маршрутом 843 г., из Парсуа он прошел через Замуа, Аррапху в Арбелу. Уже тогда Зирту (Зерта) названа маннейской столицей, таковой она оставалась и позднее в написании Изирту (Изерта) (Меликишвили 1949: 61).

В IX в. не все маннейские племенные объединения вошли в состав единого царства, и Г. А. Меликишвили предполагал, что другое крупное объединение маннейских племен возглавил Шулусуну. И в отличие от Удаку, он покорился ассирийцам, стал их данником и «с их санкции» утвердил за собой «управляемую им страну» (там же: 62). Но при современной локализации Манны к югу от оз. Урмия становится неясным следующее: если Шулусуну покорился ассирийскому царю, то, следовательно, его владения должны были находиться ближе к Ассирии и западнее владений Удаку. Но царский город Удаку Зирту (в районе совр. Саккыза) находился в западной части Манны. В кратком

¹ Чтение топонима не вполне четкое (ḪAR/HiR/MUR-ra-na-A+A).

описании похода маршала Салманасара сказано, что во владения Шулуసుну он пришел, покинув Манну, а сам Шулуసుну назван владельцем страны Харна, столицей которого был город Масашуру. Поскольку оба топонима нигде более не упомянуты, это владение могло вскоре войти в состав любого соседнего владения.

Начиная с правления Шамши-Адада V, в анналах не указывались исходные и конечные пункты маршрутов ассирийской армии. Их можно частично восстанавливать, исходя из перечня проходимых стран. Исключением служит письмо Саргона богу Ашшуру, в котором подробно описан маршрут 714 г.

Преемник Салманасара III Шамши-Адад V (823–811)¹ в свою третью кампанию, перейдя через Нижний (или Малый) Заб и гору Куллар, «поднявшись» в страну Наири² и еще не начав боевые действия, получил дань упряжными конями от правителей Хубушкии, Иды и «людей Сунбу, Манны, Парсуа, Таурла» (RIMA 3: A.O.103.1: ii 34b–40). При возвращении ассирийцы побывали в стране Аразиаш. Таким образом, ассирийская армия возвращалась тем же путем, что и Салманасар в 843 г. до н. э.

Что касается Сунбу, то еще во вторую кампанию Шамши-Адада V (818 г.) ассирийская армия, возглавляемая царским полководцем Мутаррис-Ашшуром, разгромила «народ страны Сунбу» (RIMA 3: A.O.103.1: ii 31). Произошло это при возвращении ассирийцев из Приурмийского района, из владений урартского царя Ишпуини и Шарцины — царя страны Ида, бывшей северной частью Внутренней Замуа. Сунбу, следовательно, находилась вблизи южной части Внутренней Замуа и, видимо, тогда Сунбу вошла в состав ассирийских владений (см. ниже). В 815 г., снова получив дань конями от тех же владельцев, как и в 818 г., Шамши-Адад V отправился на восток и через Месу (Mēsu) вступил в Гизильбунду, находившуюся между маннейскими и мидийскими владениями. Разгромив Гизильбунду, царь вступил

¹ Даты походов Шамши-Адада не установлены, первые три предположительно отнесены к 819, 818, 815 гг. до н. э.

² Понятие «страна Наири», которое использовалось ассирийцами в IX в., включало множество стран на севере и северо-востоке от Ассирии, и список их не постоянен (Грантовский 2007: 216 сл.).

на мидийскую территорию, где, в частности, разграбил и сжег «царский» город Сагбиту (=Сагбат/Экбатаны). Оттуда через Аразиах ассирийцы вернулись к горе Ку(о)ллар (ARAB I: § 718–722; RIMA 3: A.O.103.1: ii 59b – iii 27a–44a). Таким образом, в 815 г. Шамши-Адад V не вступал во владения маннейцев, которые лишь принесли ему дань/откуп.

Но Адад-нерари III (810–783) вновь сообщает о завоевании всех стран «целиком» вплоть до «Великого Моря восхода солнца» (=Каспийское море). Описание маршрута его похода (*ca.* 802 г.) можно разделить на три части: в двух из них очевидно описание последовательного прохождения стран и вероятное их взаиморасположение. Особенно четко прослеживается маршрут армии в первом перечне: Намар, Эллипи на западе, затем Хархар, Аразиах, Месу, Мидия, Гизильбунда. Затем в списке стран названы Мунна (Манна), Парсуа, возвращение? в Аллабрию, и оттуда в Абдадани, в этой части описано возвращение армии, и здесь снова переставлены Парсуа и Аллабрия, что однажды уже было сделано Салманасаром III. Отдельно отмечено самое отдаленное местоположение Андии («лежащую далеко»). После Андии названы горы вплоть до берега «Великого Моря восхода солнца» (Талышские горы и хр. Эльбурс вдоль Каспия, АВИИУ № 35; RIMA 3: A.O.104.8: 5b–8). Очевидно, что восточные пределы Андии, судя по описанию маршрута, не включали побережье Каспийского моря. И. М. Дьяконов локализовал Андию в долине р. Кызылузен недалеко от р. Сефидруд, единственной реки, впадающей в Каспийское море в этом регионе, этой локализации придерживался и С. Парпола (Дьяконов 1956: 88, карта на с. 89; Parpola 1970: карта), что нуждается в подтверждении (см. ниже), в том числе и археологическими данными. Уже отмечалась заинтересованность как ассирийцев, так и урартов, в торговле с населением прикаспийских земель, откуда они, в частности, могли бы получать столь ценную для них древесину (Dalley 2006). Ст. Далли отмечала, что этот район не обнаруживает следов культурных контактов с Ассирией, но обнаруживает следы контактов с Урарту (подробнее см. Медведская 2018: 163). Но, по-видимому, ассирийцы не смогли здесь закрепиться. Дальнейшие события свидетельствуют о независимости Андии, правители которой могли вести независимую проурартскую политику (см. ниже).

Адад-нерари III, в отличие от своих предков, проник в восточные страны, двигаясь с юга вдоль Хорасанского пути.

Описание первой части похода Адад-нерари III позволяет уточнить локализацию двух созвучных, но разных топонимов — Месу (Mēsu) и Мисси (Missi)¹. Месу упоминает еще Ашшурнасирапал II (883–859), который не совершал походов в Манну. Очевидно, что упомянутая им Месу (в тексте — гарнизон Месу) находился на западе древнеиранских владений. Анналы Ашшурнасирапала не вполне точно определяют локализацию Месу: с одной стороны, царь упоминает Замуа, где он получил дань от весьма отдаленных владетелей (Гилзан на западном побережье оз. Урмия и Хубушкия в верховье Верхнего Заба), с другой стороны, царь, находясь в Замуа, описывает бегство местных жителей, скрывшихся в гарнизоне Месу между горами Азиру и Симаке. Царь все разрушил и заполнил телами убитых всю эту территорию вплоть до р. Турнат (=р. Дияла; RIMA 2: A.O.101.1: ii 76b–84a; Parpola 1970: карта). Адад-нерари, как и Шамши-Адад V, называет Месу между Аразиашем и Мидией; Салманасар III, уйдя из Парсуа, называет Месу вместе с Мидией, Аразиашем и Хархаром (RIMA 3: A.O.102.14: 110 ff.). Локализация Месу в верховьях Диялы между Парсуа, Бит-Хамбаном и Аразиашем соответствует описаниям маршрутов ассирийской армии. Все эти страны — от Парсуа до Мидии — находились к югу от Манны. Но Мисси, пожалуй, самая восточная область среди южных владений будущего Маннейского царства и локализуется между Манной на севере и Гизильбундой с южной стороны. Не исключена ее близость с Андией и Зикирту (Zadok 2002: 94) или только с Андией. Позднее Мисси вошла в состав Манны.

В конце IX в. до н. э. походы ассирийских царей на восток прекращаются более чем на 50 лет, что было связано с внутренним кризисом в царстве. В это время началось активное завоевание урартами стран Приурмийского района.

Следует отметить, что ассирийские цари хотя и объявляли себя завоевателями стран, но ограничивались только грабежом, получением дани и уводом в рабство местных жителей. Этим

¹ Их предполагаемая идентификация была отклонена Р. Цадоком (Zadok 2002: 94).

отчасти объясняются повторные вторжения ассирийской армии в уже объявленные ими покоренными страны Древнего Ирана. Например, это наглядно по результатам завоеваний Салманасара III. Все изменилось в правление Тиглатпаласара III (744–727), который провел ряд военных и административных реформ. Теперь завоеванные территории включались в границы Ассирийского царства, местное население частично депортировалось в другие страны, оставшееся население с добавлением депортированных лиц из других завоеванных ассирийцами стран облагалось тяжелой данью. Завоеванные провинции уменьшались в размерах и власть назначенных царем наместников ограничивалась (Dandamayev, Grantovskii 1987: 811).

Тиглатпаласар III дважды совершил завоевательные походы в страны Древнего Ирана. Во 2-й год своего правления он снова назвал завоеванными страны Парсуа, Бит-Затти, Бит-Абдадани, Бит-Капси, Бит-Урзаку (Tadmor 1994: Summ. Inscr. 7: ll. 29–30), Манна им не упомянута. В 9-й год своего правления (737 г.), по словам царя, был совершен «опустошительный» поход на восток вплоть до «провинции могучих мидийцев», «я приказал (моей армии) двигаться против мидийцев» (ibid.: Summ. Inscr. 7: ll. 30–32; St IIB: ll. 25'). Тогда Тиглатпаласар присоединил к Ассирии провинции Парсуа и Бит-Хамбан, назначив над ними правителями евнухов. Дань была получена от правителей Эллипи, и также владельцев городов в странах Намар, Сингибути (так!), от мидийцев (без уточнения) и правителей всех гор на востоке (Tadmor 1994: St. IB: ll. 9'–13'). В итоговом описании своих завоеваний Тиглатпаласар уточняет, что он присоединил к Ассирии все эти страны вплоть до горы Бикни на востоке (=г. Демавенд к северо-востоку от Тегерана) (ibid.: Summ. Inscr. 7: ll. 29–36). Среди завоеванных на востоке стран вновь названа Сингибути (ibid.: St. IB: ll. 5', 12'). Х. Тадмор отметил это редкое написание вместо Сангибути, сославшись на работу Л. Левина, который считает, что в данном контексте эту область следует локализовать в районе Хоросанского пути (ibid.: 98, note 5'). Он предложил идентичность двух названий одной местности — Бит-Санги и Бит-Сангибуту, которая находилась по дороге в Мидию (Levine 1977: 142, 143, fig. 1). Однако с этим нельзя согласиться, т. к. в анналах Тиглатпаласара III Бит-Санги и Бит-Сангибуту

названы в одном тексте вместе (Tadmor 1994: Ann. 16: ll. 5–6; Summ. Inscr. 7: ll. 34–35) и, следовательно, эти топонимы обозначали разные территории. Область с созвучным названием — Сангибуту — располагалась вдоль западного побережья оз. Урмия. Эта территория до завоевания ее урартами в конце IX в. до н. э. называлась Гилзан (Медведская 2018: 80). Еще в 1951 г. И. М. Дьяконов призывал не путать мидийскую область Сангибути с одноименной областью в Урарту (АВИИУ: № 49: 322, 334, прим. 15).

О вторжении непосредственно на территорию Манны Тиглатпаласар III не сообщает, но в тексте говорится, что маннейский царь Иранзу, испугавшись побед ассирийского царя, сам пришел к нему, когда тот победно возвращался из восточных стран, и «целовал ему ноги» (Tadmor 1994: Summ. Inscr. 7: ll. 39–40; Ann. 16: 10–12, St. IB: 15'–19'). В заключительной части текста на стеле (единственной стеле Тиглатпаласара III, найденной в Иране, место находки неизвестно) говорится, что ежегодная дань была возложена как на царя Иранзу, так и на правителей Эллипи, Намара, Сингибуту и «правителей всех восточных гор» (ibid.: St. IIIA: ll. 24–30).

В результате двух походов Тиглатпаласара III в страны Древнего Ирана (744, 737 гг.) была образована ассирийская провинция Парсуа. Следовательно, Намар, на который также была возложена дань и который находился западнее Парсуа, не мог не стать ассирийской провинцией. В границы Ассирийского царства, по словам царя, были также включены Бит-Капси, Бит-Санги, Бит-Урзаки, Бит-Затти, Абдадани (или только ее часть с городом Китпаттия) и, очевидно, западная часть мидийских областей вместе с городом Бит-Иштар (ibid.: Ann. 14: ll. 6, 9, 12; St. IIB: 34'). Все эти области находились южнее Манны и Парсуа. Абдадани локализуется южнее и/или юго-восточнее Парсуа в районе современных городов Сенендедж — Биджар (Медведская 2018: 133), и близко от нее Бит-Капси (там же: 117, 131). Таким образом, границы Ассирии, по словам Тиглатпаласара III, приблизились уже непосредственно к маннейским владениям, их разделяли только Каралла, Бушту, Аллабрия. Но вошли ли фактически эти владения тогда в состав Ассирии, неясно. В 714 г. Саргон II назвал некоторые из них в числе

независимых наместничеств: Намар, Сангибуту, Бит-Абдадани и «Страну Мидян», завоевать которые Саргон уже пытался «в прошлом году» своего правления (ARAB II: § 146; АВИИУ: № 49, с. 322; см. ниже). Но если Гизильбунда в 714 г. вошла в состав провинции Парсуа, то границы ассирийских владений уже непосредственно граничили с маннейскими владениями (об этом ниже).

Объявление о победах в ассирийских царских надписях не всегда соответствовало действительности, повторные походы в те же страны свидетельствуют об этом. Манна оставалась независимой и позднее она определенно признавалась единым государством как в официальной хронике, так и в корреспонденции, посылаемой ассирийским царям. Уточнить границы Маннейского царства позволяет подробное описание похода Саргона в 714 г. против Урарту.

В последней трети VIII в. Манна переживала не лучшие времена в своей истории: Зикирту/Зикерту и Андия отложились от нее и заключили союз с урартским царем Русой I (735–714), а одно из наместничеств Манны — Уишдиш — Руса завоевал, что позволило ему сблизить границу приурмийских владений Урарту с Зикирту и Андией.

В VIII в. в период временного ослабления Ассирии в северо-западном регионе Древнего Ирана господствующей силой было Урартское царство. Усиление Ассирии вновь началось только в правление Тиглатпаласара III. Маннейские цари пытались противостоять Урарту, но в целом безуспешно. Уже Иранзу пытался найти поддержку Тиглатпаласара III, но ассирийские цари, очевидно, не сразу осознали выгоду союза с Манной. О ее попытках самостоятельно противостоять Урарту и найти поддержку Ассирии свидетельствуют письма кронпринца Синаххериба Саргону. В одном из них сообщается о прибытии к нему посланника маннейского царя с подарками (Parpola 1987: № 29: ll. 18–21); в двух других письмах кронпринц упоминает маннейцев в неясной связи (письмо фрагментированное) с неудачным походом урартского царя против киммерийцев (ibid.: № 31: l. 15; № 32: l. 17–19). Но из других писем Саргону ясно, что киммерийцы были союзниками маннейцев: например, сообщается, что киммерийцы вступили в пределы Урарту, уйдя именно из Манны (Lanfranchi,

Parpola 1990: № 145: 4–9), а урарты, в свою очередь, наступают на Манну и Зикирту (*ibid.*: № 45). В результате этого наступления Зикирту отложились от Манны?

Манна, находясь между двумя агрессивными царствами — Ассирией и Урарту — и постоянно подвергаясь их военному давлению, вынуждена была лавировать между ними. Постепенно в Маннейском царстве сформировались две партии — проассирийская и проурартская. Центральная власть — «дом» Изирту чаще склонялась в сторону союза с Ассирией, северные области Манны (Зикирту, Андия) склонны были стать союзниками Урарту. В правление Саргона (721–705) противостояние обеих сторон усилилось. Для укрепления проассирийской позиции центральной власти в Маннейском царстве Саргон в 719, 716, 715, 714 гг. до н. э. совершил четыре похода в страны Древнего Ирана.

В 719 году (3-й год правления Саргона) правители двух маннейских городов/областей восстали против царя Иранзу и перешли на сторону проурартски настроенного зикиртского владельца Митатти. Саргон, совершив поход в Манну, разрушил эти города, а жителей трех других городов, которые «вступили в соглашение с Урсой урартским», царь и вовсе переселил на запад в «страну Хатти» (АВИИУ: № 46: 32). Но подчинить полностью Манну Саргону тогда не удалось, хотя Саргон и назвал Иранзу владыкой, «влачившим мое ярмо» (там же).

В 716 г. (6-й год правления Саргона) владельцы Уишдиша, Зикирту и некоторые другие маннейские наместничества, подстрекаемые Русой I, восстали против центральной власти и убили царя Азу (старшего сына Иранзу). Саргон, считавший, что восстание было направлено и против него, отомстил им, убив, в частности, правителя Уишдиша. На трон был возведен брат Азу Уллусуну, которому Саргон подчинил все царство. Однако Уллусуну быстро перешел на сторону Русы и привлек на его сторону владельцев Караллы и Аллабрии. Разгневанный Саргон разгромил Караллу и Аллабрию, сжег маннейскую столицу Изирту и город Зибия¹. Уллусуну сдался Саргону, который помиловал маннейского царя, вернув ему «царский престол» (АВИИУ: № 46: 52). Но Саргон казнил правителя Караллы,

¹ Его идентифицируют с современным поселением Зивие (см. ниже).

а все население его наместничества вместе с правителем Аллабрии и его семьей «поселил» в Сирии (АВИИУ: № 46: 52–74; № 54). «Обширная страна» Каралла (о ее локализации см. ниже) была включена в состав ассирийских владений именно в провинцию Луллуме/Замуа (Levine 1972: l. 31–32), по словам Саргона, луллумеи называют свою страну Замуа (ARAB II: § 142). После правления Саргона Каралла уже не упоминается в письменных источниках.

В 715 г. (7-й год правления Саргона) уже Руса I отомстил подчинившемуся Ассирии царю Уллусуне: он отнял у него 22 крепости и восстановил против него маннейского наместника Мисси по имени Дайукку (АВИИУ: № 46: 75)¹. Правда, в другом тексте Саргон утверждает, что Уллусуну сам отдал Русе «в качестве взятки» 22 крепости (АВИИУ: № 54). Что касается Дайукку, наместника Мисси, то примечательно, что в таком случае очевидно влияние урартского царя на правителя самого отдаленного маннейского наместничества (**карта 1**). По-видимому, Аллабрия, после того как в 716 г. Саргон «вывел Итти аллабрийского из его города» (АВИИУ: № : 52, № 53) утратила самостоятельность, войдя в состав Маннейского царства (ARAB II: § 852). Но насколько это способствовало усилению влияния Урарту через Зикирту и Андию на южные пределы Манны, остается неясным. Можно предположить, что границы Андии и Мисси были, или стали, сравнительно территориально близкими, и было ли только ошибкой название страны Мисиандия? (Грантовский 2007: 286). В 715 г. Дайукку также был выслан в Сирию (АВИИУ: № 54).

События этих лет свидетельствуют, сколь важное значение имела позиция маннейского царя в политических планах и в соперничестве двух главных держав того времени — Ассирии и Урарту. Но в 719–715 годы Саргон не смог укрепить проассирийскую позицию маннейского царя. Лишь в 714 г. он смог на некоторое время добиться желаемого.

В 714 г. до н. э. (8-й год правления Саргона) расстановка сил в регионе коренным образом изменилась, о чем свидетельствует

¹ Маннейский наместник Дайукку не отождествляется с именем основателя мидийской династии Дейоком (Грантовский 2007: 286–287; Медведская 2018: 43, 51–52, 184–185).

подробное описание вторжения Саргона в страны Древнего Ирана, которое он посвятил богу Ашшуру (изложение событий см. АВИИУ: № 49). В этот год Саргон из своей столицы Кальху (совр. Нимруд), перейдя сначала через р. Верхний Заб, а затем через р. Нижний Заб и, пройдя через горные перевалы Ку(о)ллара в стране Замуа, устроил смотр своему войску в области Сум(н)бу, которая, следовательно, оставалась ассирийским владением; затем он спустился в Сурикаш — область «Страны Маннеев». Именно в Сурикаш пришел из своей столицы Изирту маннейский царь Уллусуну, принеся дань Саргону. Далее из Сурикаша через Аллабрию, утратившую в 716 г. самостоятельность и в какой-то степени находившуюся в зависимости от Ассирии, Саргон спустился в Парсуа. Последняя, очевидно, с 737 г. оставалась провинцией Ассирии. Сюда Саргону приносили дань «из своих стран» испуганные владетели, в том числе правители Бит-Абдадани, Сангибуту, Бит-Капси, которые, следовательно, не вошли в состав ассирийских владений, как утверждали Адад-нерари III и Тиглатпаласар III. Из Парсуа Саргон вступил в другую маннейскую область — Мисси, где его вновь ожидал Уллусуну (после изгнания Дайукку Мисси, следовательно, оставалась владением маннейского царя). Находясь в Мисси, царь получил дань от двух начальников поселений Гизильбунды, и «для благополучия их страны» он причислил их под власть областеначальника Парсуаша/Парсуа (АВИИУ: № 49: 72–73). После 714 г. Гизильбунда больше не упоминается в источниках, что могло означать включение всей Гизильбунды в ассирийскую провинцию Парсуа. Таким образом, Саргон начал свой поход в том году, пройдя по окраинным областям Манны — Сурикаш и Мисси, где его дважды встречал маннейский царь. Он был прежде всего заинтересован в помощи Ассирии в низвержении Урарту и возвращении отнятых урартами маннейских территорий Зикирту и Андии в границы царства. Именно это и начал осуществлять Саргон, отправившись из Мисси и пройдя сначала 321 км (30 беру) к двум крепостям, воздвигнутым «для охраны против Зикирту и Андии». Придя в Зикирту, Саргон, как он сам утверждал, сначала перебил воинов зикиртского правителя Метатти, изменившего Уллусуне, и уничтожил множество поселений. Тем не менее Метатти успел послать воинов на помощь урартскому царю Русе I. Из Зикирту Саргон

отправился в маннейскую область Уишдиш, отнятую Русой I. Здесь он разгромил войска Русы I и Метаттити зикиртского. Руса не пережил поражения и покончил жизнь самоубийством при помощи железного кинжала (АВИИУ: № 52); Уишдиш был возвращен маннейскому царю (АВИИУ: № 46: 109). Из Уишдиша Саргон прибыл в Ушкайю/Суби — «начало пределов Урарту», но которую сами урарты «называют Страной Маннеев», из чего следует, что в какой-то момент Ушкайя была также завоевана урартами. Разрушив полностью и этот район, Саргон вступил в Сангибуту — продолжение «пределов Урарту», локализуемое вдоль западного побережья озера Урмия. Этот приурмийский плацдарм урартов просуществовал не менее 100 лет, отсюда они совершали походы в страны Древнего Ирана, став серьезным конкурентом завоевательной политике ассирийских царей на востоке. Но в 714 г. этот плацдарм был уничтожен Саргоном. Однако урарты не оставили своих планов завоевания стран Древнего Ирана и в VII в. попытались создать новый плацдарм на территории к западу от Каспийского моря (см. гл. V)¹.

Примечательно одно сообщение Саргону, в котором говорится, что маннейцы нападают на урартские города вдоль «берега озера» (именно на города, а не на страну. — *И. М.*). При этом сообщается, что правитель Муцацира вместе с другим правителем, видимо, соседнего Карсипара, отправились к границе с Манной, чтобы охранять ее (АВИИУ: № 50: 12; Lanfranchi, Parpola 1990: № 84). Очевидно, что это письмо должно датироваться позднее 714 г. Важно отметить, что, уничтожив урартский плацдарм к западу от Урмии (Сангибуту), ассирийские цари никогда больше не совершали походов в этот район. Саргон фактически подарил Манне бывшие приурмийские владения урартов, и маннейцы стали активно проникать в разгромленные в 714 г. урартские владения и захватывать все оставшееся после разгрома в 714 г. (Медведская 2018: 150–152). Но при этом Манна была и оставалась данником Ассирии (АВИИУ: № 46: 101, 165).

Возвращаясь к вопросу определения границ Маннейского царства, следует отметить, что ассирийские источники позволяют

¹ Локализацию стран, названных Саргоном, см. Медведская 1989: 105–109; она же 2018: 138–143, карта 2, карта-схема 4.

определить локализацию Манны и ее границы. На западе царства находилась область Сурикаш, граничившая с Внутренней Замуа (Медведская 2018: 89–104), на юго-востоке — Мисси, граничившая на юге с Гизильбундой, возможно, находилась недалеко от Андии. Гизильбунда, в свою очередь, находилась между Манной и Мидией, и на западе первоначально граничила с Парсуа, в состав которой вошла в 714 г. до н. э. Именно это расположение Гизильбунды отмечалось ассирийскими царями: она, по словам Саргона, «преграждает путь как засов». Это возможно в случае локализации Гизильбунды на пересечении немногочисленных путей, идущих с запада через Загрос на Иранское плато, и с севера на юг, район возле современного Биджара отвечает этим условиям (Медведская 2018: 132, карты 1, 2). Таким образом, Маннейское царство локализуется между Внутренней Замуа, Сумбу и Караллой на западе, Парсуа и Гизильбундой на юге и юго-востоке; северные пределы Манны включали области Андия, Зикирту и Уишдиш к юго-востоку от Урмии. Спорным владением маннейцев являлась Ушкайа/Суби в районе южного побережья Урмии. Эта территория была завоевана урартским царем Менуа (810–781), о чем свидетельствует его надпись в Таш тепе (21 км к северо-западу от г. Миандуаб; Арутюнян 2001: № 45). По словам Саргона, в 714 г. область Суби «люди Урарту называют Страной Маннев» (АВИИУ № 49: 167). Но, как уже отмечено, в одном из донесений Саргону сказано, что маннейцы находятся среди поселений урартского царя в области «морского побережья» (оз. Урмия). Помимо Сангибуту (район вдоль западного побережья озера), Ушкайа/Суби вновь стала их владением.

После 714 г. многое изменилось в Маннейском царстве, здесь усилилась партия противников союза с Ассирией, которые проводили агрессивную политику по отношению к желанному в недавнем прошлом союзнику.

Уже при сыне Саргона Синаххерибе (705/704–681) маннейский царь перестает платить дань, ассирийцы нападают на Манну, уводят пленных в Ассирию и, превратив их в рабов, заставляют «таскать кирпичи, т. е. работать на строительных работах» (Luckenbill 1924: 95, l. 104; ARAB II: § 364, 383; Меликишвили 1949: 66). Причем повторяет это Синаххериб 7 раз (Grayson, Novotny 2012:

260 «Manneans»). Военные действия царя были сосредоточены в западных странах, и, по-видимому, в Манну был совершен всего один поход, краткое описание результатов которого (скорее упоминание в перечне подчиненных стран запада) было для большей убедительности многократно повторено в анналах. Но завоевания Манны опять не произошло.

Так и Асархаддон (680–669) «хвалится» тем, что рассеял непокорных (!) маннейцев, а также одолел скифа Ишпакая, союз с которым не спас маннейцев (ARAB II: § 517, 533; АВИИУ № 65). Но в многочисленных запросах Асархаддона к богу Шамашу маннейцы называются в списке врагов Ассирии вместе с урартами, киммерийцами, скифами, мидийцами, в том числе и в период антиассирийского восстания мидийцев в конце 670-х годов (Starr 1990 [SAA IV]: № 23: 5, 9, № 24: 9, rv. 9, № 51: 8, и др., см. там же с. 365 «Manna»). О том, что маннейцы уже владели бывшей урартской территорией Сангибуту, свидетельствует ряд запросов Асархаддона, в которых говорится о скифах (союзниках маннейцев), которые вышли с территории Манны и через перевал (у современного села Серо в районе западного побережья Урмии, недалеко от города Урмия) спустились в сторону Хубушкии (в верховье Верхнего Заба) и двигались в сторону городов недалеко от Муцацира (Медведская 2018: 81–83; карта-схема 1). Эти запросы свидетельствуют об обеспокоенности ассирийского царя, вызванной усилением Маннейского царства. В этой связи примечательно одно из донесений ассирийскому царю, в котором говорится об учреждении охранной службы против укреплений Урарту, Манны, Мидии и Хубушкии, а также о заинтересованности царя в получении информации от перебежчиков из этих стран. В этом же письме сообщается о прибытии двух таких перебежчиков именно из Манны, и о том, что они сразу же были отправлены к кронпринцу. Письмо датируется между 672 и 669 гг. (АВИИУ № 69; Luukko, Buylaere 2002 [SAA XVI]: № 148, р. XX). Очевидно, что Асархаддон уже не мог, как обычно прежде делали ассирийские цари, непосредственно оказывать военное давление, в частности, на усилившееся Маннейское царство.

Эта ситуация сохранялась и в начале царствования Ашшурбанапала (668–635/27). В запросах к богу Шамашу он говорит о завоеванных маннейцами ассирийских крепостях (Starr 1990

[SAA IV]: № 267), и о вероятности маннейского выступления против Ассирии (*ibid.* № 268). «Ашшурбанапал жалуется, что маннейцы во время царствования его предков отняли у Ассирии много городов» (ARAB II § 852; Меликишвили 1949: 59). Вероятно, имелись в виду не только города ассирийских провинций на территории Древнего Ирана, которые граничили к югу-западу от Манны (Меликишвили 1949: 58, прим. 4), но и города в провинциях, которые первоначально граничили с Манной, а позднее вошли в состав Маннейского царства, например, Бушту, бывшее в IX в. одним из царств Парсуа. Именно в первой половине VII в. до н. э., очевидно, усилились контакты маннейских правителей с урартами, которые быстро продвигались вдоль Каспия в сторону Манны и Мидии (Медведская 2018; см. ниже). Но уже в 660 г. до н. э. (4-я и затем 5-я кампании) Ашшурбанапал успешно выступил против маннейского царя Ахшери, тогда было захвачено много населенных пунктов, в том числе столица Манны Изирту, Бушту, Паддира (ARAB II § 786, 851–853; АВИИУ: № 72, 73). Этот поход вновь изменил внешнюю политику Манны. Ахшери был убит «народом его страны», очевидно, недовольным правлением этого царя. Вступивший на престол его сын Уалли покоряется ассирийскому царю, он высылает в Ассирию дань, которая не выплачивалась в прежние годы, в знак преданности отправляет в Ниневию заложником своего сына, а свою дочь в царский гарем (Меликишвили 1949: 67–68; ARAB II: § 786), и до конца Манна остается союзником Ассирии, оставаясь зависимым, но самостоятельным государством. Последний раз о существовании маннейского союзника Ассирии сообщается в 616 г. в вавилонской хронике, тогда ассиро-маннейские войска были разгромлены вавилонянами (Grayson 1975: 18, 91, chr. 3: ll. 3–5). Вскоре Маннейское царство было завоевано мидийским царем, а в 612 г. пала Ниневия и началось крушение Ассирии. В Библии Манна упоминается в 594 г. как административная единица в составе Мидийского царства (Иеримия: гл. 51: 27; Дьяконов 1951a: 32–34; новый перевод и комментарий И. М. Дьяконова см. Медведская 1992: 230–231).

В IX в. происходит усиление Урартского царства, что в определенной степени связано с наступлением кризисного периода в Ассирийском царстве в конце IX — начале VIII вв.,

прекращаются военные походы ассирийских царей в страны Древнего Ирана.

В урартских письменных источниках Манна (в отличие от ассирийских текстов, в них этот топоним пишется с одним «н» — Мана) впервые упоминается в конце IX в. в правление царя Менуа (810–786). Ранее в период совместного правления Ишпуини и Менуа урарты, завоевав земли в центральном Закавказье вплоть до верховьев р. Араркс, начали завоевание Приурмийского района. Они даже дошли до страны Баршуа/ Парсуа, которая находилась у южных пределов будущего Маннейского царства (Арутюнян 2001 (КУКН): № 35).

В правление Менуа заканчивается завоевание западного и южного побережья Урмии и, по сути, превращение его в плацдарм для дальнейших завоеваний урартов в этом регионе. В течение столетнего владения урартами этих земель ими было построено здесь множество крепостей, проведены каналы (некоторые из которых существуют и используются до сих пор), разведены сады, что неоднократно отмечал Саргон в 714 г. Менуа по существу начал продвижение вглубь Ирана, о чем свидетельствует его надпись из Таш-тепе к северо-западу от совр. Миандооба и в 40 км к востоку от Хасанлу. В ней говорится о завоевании Манны и города Ме(и)шта (КУКН: № 44, лиц. 2; № 45: 5, 10). Но если, как допускал Г. А. Меликишвили, г. Мешта мог находиться в районе Таш-тепе, т. е. непосредственно к югу от Урмии, то отождествлять этот топоним с маннейской областью Мисси (Меликишвили 1949: 58–59) нельзя, поскольку она граничила с Парсуа, находясь в таком случае к юго-востоку от основной территории Манны. М. Сальвини подчеркивал, что г. Мешта не входил в состав маннейских владений и даже допускал, что Мешта было наименованием современного Хасанлу (Сальвини: 1983: 225–227).

Сын Менуа Аргишти I (786–764) вновь сообщает о завоевании Манны и соседствовавшей с ней на юге страны Бушту (КУКН. № 173 III: 47, 60; IV: 16, 35, 43, 80; V: 13, 14, 24, 34, 38; № 174 B2: 7, 15, 38). То же самое повторяет Сардури II (764–735), который разорил Манну, а мужчин и женщин угнал в свою страну (КУКН; № 241 A: 1; № 241 B: 3, 15–20). Сам факт повторяющихся урартских походов в Манну свидетельствует об их не совсем удачных результатах.

В надписях Русы I (735–714) Манна и ее области не упоминаются, хотя Саргон в 714 г. сообщает о завоевании Русой маннейских провинций Зикирту и Уишдиша (см. выше).

В первой половине VII в. урарты, не оставив своих планов завоевания иранских владений, и обойдя с севера озеро Урмию, стали продвигаться вдоль Каспийского моря в сторону Манны и Мидии. Они двигались на юг недалеко от восточных пределов Маннейского царства, и это не могло не усилить проурартскую партию. В этой связи примечателен текст Русы II (?685–653)¹, в котором кратко сообщается о том, что старший сын царя страны Ишкигулу/Ишкугулхи пришел в страну Манну (КУКН. № 412: 3). Эта страна находилась в центральном Закавказье в числе стран, завоевание которых начали Ишпуини и Менуа, а закончил Аргишти I (781–760), дойдя до этой страны (там же: № 173, V, 49; 133, 5). С какой целью сын царя пришел в Манну, не сказано, но военные действия не упомянуты, далее в тексте следует список персонала дворцового хозяйства в столице Урартского царства Русахинили. В комментарии И. М. Дьяконова сказано, что «сын царя этой страны, очевидно, был на урартской службе в качестве наместника» (УПД: 80, № 12, 2–3). Но вторжение в Манну Руса II вряд ли уже мог совершить, поскольку приурмийский плацдарм урартов был уничтожен еще в 714 г., и хотя урарты в правление Аргишти II продвигались вдоль Каспийского моря в сторону Манны и Мидии (см. гл. V), но в текстах Аргишти II и Русы II завоевания на территории Манны не упоминаются. Военные приоритеты Русы II были сосредоточены на завоеваниях к северу и к западу от его царства (Медведская 2018: 163–168). Сын царя Ишкигулу, будучи наместником на урартской службе, входил в круг представителей урартской знати и, занимая такой пост, мог быть послан в Манну для ведения переговоров с представителями проурартской партии, которая в первой половине VII в. еще имела сильные позиции (подробнее см. ниже, § 2.5, погребение в Кани Котер).

В период правления Русы II началось сближение Манны с Мидией, оно было, в первую очередь, антиассирийским. Этот

¹ Время правления последних урартских царей см. Медведская 2018: 178, табл. 4.

союз помог стать успешным антиассирийскому восстанию, возглавленному Мидией, в 671 г. Последующие 10 лет Манна была достаточно сильным и независимым царством. Но быстрое усиление Мидии и боязнь маннейского царя превратиться из союзника в побежденного вынудили его искать нового союзника. Им стала Ассирия, которой Манна оставалась верной до самого ее падения.

Итак, данные письменных источников определяют вполне конкретно западные пределы первоначально разрозненных маннейских владений и позднее западных границ Маннейского царства.

Иранское нагорье отделено от Месопотамской низменности полосой горных хребтов Загроса шириной до 200 км, которые тянутся с север-запада на юго-восток. Пересечение Загроса с запада на восток довольно затруднительно, особенно трудным оно было в древности. Тогда поверхность склонов была покрыта густыми зарослями деревьев и кустарников. За некоторым исключением, только реки, стекающие с гор в реку Тигр, позволили еще в древности проложить пути, ведущие из Месопотамии через Загрос на восток. Вдоль этих путей возводились города, прокладывались дороги, которыми пользуются до сих пор (Медведская 2018: карты-схемы 1–3; гл. IV, рис. 1). Для Ассирии такими путепроводами служили: 1. Верхний (Большой) Заб и его приток Ревандуз — путь шел из ассирийского города Арбела (совр. Эрбиль) вдоль реки через территорию современного города Ревандуз и далее или через долину Ушну на западное побережье Урмии, или через территорию современных городов Хане — Мехабад — Миандоаб на территорию к востоку от Урмии. 2. Уйдя из одной из столиц Ассирии и переправившись через низовье Большого Заба, ассирийцы через Арбелу двигались в сторону горы Куллар (современное название Коллар-даг — отрог Главного хребта Загроса, огибаемого Нижним или Малым Забом), пересекали верховье Малого Заба и далее через совр. г. Бане путь шел в сторону Саккыза (Секкез), после которого дорога, разветвляясь, идет на север и юг. 3. Из Арбелы, через Малый Заб и Аррапху (совр. Киркук) и совр. г. Сулейманию дорога идет через совр. Сенендедж на юг в г. Хамадан (=мидийская столица Экбатаны/Хангматана) или через совр. Биджар на север в Миандоаб и далее. 4. Большой

Хорасанский путь является главной магистралью, которая связывала в древности и теперь Малую Азию и дальний Восток (он же Шелковый путь). Из Месопотамии он идет вдоль р. Дияла, затем отклоняется от нее в сторону р. Сеймерре и далее через современные города Керманшах, Хамадан, Казвин, Тегеран и Среднюю Азию уходит на восток.

Все эти пути так или иначе были пройдены ассирийскими войсками, и не только ими.

Начиная со времени правления Салманасара III, ассирийцы, перейдя через гору Куллар, вступали на территорию Внутренней Замуа в левобережье верховья Нижнего Заба и его притоков (р. Калачалан). Внутренняя Замуа находилась к востоку/северо-востоку от основной территории Замуа. Замуа стала ассирийским владением еще при Ашшурнацирапале II (883–859) и оставалась в составе Ассирийского царства до его падения в 612 г. Именно поэтому Замуа уже не упоминается в описании ассирийских походов против Манны, начавшихся в правление Салманасара III. В конце IX в. до н. э. Внутренняя Замуа вошла в состав ассирийских владений (подробнее см. Медведская 2018: 89–104, табл. 1). Внутренняя Замуа локализуется к востоку от Магистрального хребта Загроса вплоть до долин Ушну и Солдуз на севере. Ее северная часть (страна Ида) вместе с городом Хасанлу близ оз. Урмия была завоевана урартами в конце IX в. до н. э., и оставалась их владением до 714 г. до н. э. С конца IX в. южная часть Внутренней Замуа называлась только Мазамуа (Медведская 2018: 96–99, табл. 1).

Восточнее Внутренней Замуа находились Сурикаш, Сум(н)бу и Каралла (см. **табл. 1**). Самым северным из них был Сурикаш. Он упоминается только в описании маршрута похода 714 г. Тогда Саргон, перейдя через гору Куллар и устроив смотр своим войскам в области Сумбу, «спустился» в Сурикаш, названный им маннейской областью. Чтобы спуститься в Сурикаш, Саргон, уйдя из Сумбу, должен был пройти через многочисленные реки и горы, в том числе пройти между горами Никиппой и Упой. В конце своего письма богу Ашшуру Саргон сообщает, что из области Сумбу, пройдя между горами Никиппой и Упой, он вступил в Урарту. Это уточнение позволило предполагать, что Сурикаш уже до 714 г. был завоеван урартами, но в 714 г. перестал им

Таблица 1. Маннейские владения в ассирийских источниках

	IX в. до н. э.	VIII в. до н. э.	VII в. до н. э.
Сурикаш граничил с Внутренней Замуа и Идой, в р-не г. Меха- бад		Саргон 714 г.: область «Стра- ны Маннеев»	В составе Маннейского царства
Ушкайа/Суби в р-не южно- го побережья оз. Урмия		Саргон 714 г.: вновь манней- ское владение	В составе Маннейского царства
Уишдиш граничил с Суби		Саргон 716 г.: маннейское наместниче- ство, отнятое Русой I, в 714 г. возвращено Манне	В составе Маннейского царства
Зикирту между Уишди- шем и Андией (столица Парда)		Саргон 716 г.: маннейское наместничество отложилось (восстало) от Манны (от- нято Русой I)	В составе Маннейского царства
Андия западнее г. Миане	Салманасар III 828 г.: получил дань от «андийцев», Адад-нерари III са 802 г.: «лежащая дале- ко», независи- мое владение	Саргон 716 г.: маннейское наместничество отложилось (восстало) от Манны (от- нято Русой I)	В составе Маннейского царства
Мисси граничила на юге с Ги- зильбундой, к юго-востоку от г. Секкез		Саргон 714 г.: входила в «коалицию» областей Маннейского царства	В составе Маннейского царства

Таблица 1 (продолжение)

	IX в. до н. э.	VIII в. до н. э.	VII в. до н. э.
Аллабрия граничила на юге с Парсуа (столица Паддира)	Салманасар III 843 г., са 802 г.: самостоятельное объединение государственного типа	При Тиглатпаласаре III самостоятельное владение, при Саргоне после 716 г. вошла в состав Маннейского царства	В составе Маннейского царства ко времени Ашшурбанапала
Бушту граничила на юге с Парсуа	Салманасар III 828 г.: захватил города Бушту, в составе Парсуа	При Тиглатпаласаре III независимая страна	В составе Маннейского царства около 660-х гг.
Соседние владения, не вошедшие в состав Маннейского царства			
Сунбу южнее Сурикаша, на границе с южной частью Внутренней Замуа	Салманасар III 828 г.: дань, самостоятельное владение; Шамши-Адад V 818, 815 гг.: дань конями в составе Ассирии	Саргон 714 г.: ассирийское владение	
Каралла		до 716 г. самостоятельное владение, в 716 г. в составе ассирийской провинции Луллуме/Замуа	
Парсуа (столица Никур)	Салманасар III 828 г.: дань, самостоятельное владение, Шамши-Адад V 818, 815 гг.: дань конями	Тиглатпаласар III 737 г.: ассирийская провинция	
Гизильбунда на юге граничила с Мидией	Шамши-Адад V 815 гг.: дань конями, города разграблены и сожжены	Саргон 714 г.: в составе ассирийской провинции Парсуа	

принадлежать. Локализация Сурикаша в районе совр. Мехабата сближает его со страной Иду — северной частью бывшей Внутренней Замуа возле долины Ушну–Солдуз, которая до 714 г. также была урартским владением. Как уже отмечено, Хасанлу был завоеван урартами в конце IX в. и сто лет принадлежал им, в 714 г. город (слой IVB) был полностью разрушен ассирийцами. После запустения в течение нескольких десятилетий на руинах возникло новое поселение Хасанлу III. Именно в VII в. Приурмийский район стал, по существу, маннейским владением. Однако некоторые исследователи считают Хасанлу IVB также маннейским городом, что невозможно (см. гл. III). Маннейские памятники VIII в. могут находиться в районе совр. Мехабата, а памятники VII в. — и в Приурмийском районе.

Область Сун(м)бу находилась южнее Сурикаша и, по-видимому, недалеко от Замуа, поскольку и Шамши-Адад, и Саргон вступали на ее территорию сразу после перехода через гору Куллар, не упоминая Внутреннюю Замуа. И они оба не совершали там военных действий, очевидно, Сун(н)бу уже находилась в составе ассирийской провинции Замуа (со времен Шамши-Адада V или ранее?) и поэтому Саргон в 714 г., перейдя Куллар и не начиная боевые действия, именно в Сунбу устроил смотр своим войскам, а Шамши-Адад V принимал здесь дань. Область Сунбу никогда не принадлежала Маннейскому царству.

В 714 г. Саргон сообщает, что «Сурикаш, область Страны Маннеев, соседящей с Караллу и Аллабрией...» (Thureau-Dangin 1912: l. 31; АВИИУ: № 49: с. 322). Некоторые исследователи полагают, что Саргон обозначил непосредственное соседство Сурикаша с Караллу и Аллабрией, что вызывает трудности в их локализации. С одной стороны, Каралла должна была бы соседствовать с Сурикашем, а с другой стороны, должна была бы находиться поблизости от Замуа/Луллуму, в состав которой вошла в 716 г. Но поскольку Саргон неоднократно повторяет, что Каралла была обширной страной, можно было бы предположить, что она граничила с Замуа и Сунбу на юге и простиралась на север до южных границ Сурикаша. Но Аллабрия определенно находилась гораздо восточнее названных владений. Однако анализ аккадского текста позволяет утверждать, что он отражает своего рода неразрывную «цепочку» в перечислении четырех топонимов: Сурикаш — это

область «Страны Маннеев», а «Страна Маннеев», в свою очередь, соседствует с Караллой и Аллабрией, которые находились на разных ее окраинах.¹

В отличие от Караллы, Аллабрия и ее укрепленный город Паддира стали известны ассирийцам еще в IX в. до н. э. в 16-й год правления Салманасара III (RIMA 3: A.O.102.6: iii 62). Царь называет ее самостоятельной страной между Манной и Парсуа (RIMA 3: A.O.102.14: 171–172). Шамши-Адад V назвал город Паддиру в стране Наири как самую отдаленную точку ассирийского царства на востоке (RIMA 3: A.O.103.1: ii 7), но это определение ассирийского царя не означает, что Паддира уже не была аллабрийским городом, и что она входила в ассирийские владения. Исследователями признается, что в IX в. Аллабрия «была объединением государственного типа» и играла важную роль во взаимодействии стран региона. В конце VIII в. она уже «намного уступала Мане² по территории и значению», в VII в. ко времени правления Ашшурбанапала (во времена «моих отцов») Аллабрия уже входила в состав Маннейского царства (ARAB II: § 852; Грантовский 2007: 146, 155, 159). Важное уточнение сделано Саргоном, указавшим расстояние в 7 беру (75,6 км) между маннейской столицей Изирту и пограничным городом Аллабрии Ларуэте (ARAB II: § 210). Исследователями признается также, что Аллабрия находилась между Манной и Парсуа, но в текстах нет никаких данных полагать, что в VIII в. хотя бы часть Аллабрии входила в ассирийскую провинцию Парсуа, образованную Тиглатпаласаром III. Для уточнения локализации Аллабрии необходимо рассмотреть локализацию Бушту.

В отличие от Аллабрии, Каралла и Сум(н)бу не были и не стали в VII в. маннейскими владениями (**табл. 1**). Б(П)ушту в IX в. до н. э. «определенно» входила в состав Парсуа; в 31-й год правления Салманасара III (828 г.) его маршал, по велению царя вторгшийся на территорию Парсуа, назвал среди разграбленных

¹ Благодарю за консультацию А. В. Немировскую; автором было неверно указано соседство Сурикаша и Аллабрии, хотя на карте 2 Аллабрия локализована южнее Манны (Медведская 2018: 132, карта 2; исправление см. на **карте 1**).

² Мана — так у Э. А. Грантовского.

им городов Бушту (RIMA 3: 71. А.О.102.14: 186; Zadok 2002: 101). Очевидно, что тогда это было небольшое политическое образование в составе многочисленных «царств» Парсуа. В VIII в. Бушту независимое владение, в VII в. в период недолгого возвышения Маннейского царства, расширившего свои границы, Бушту была включена в его пределы. В VII в. Бушту находилась между ассиро-маннейской границей, к югу или юго-западу от основного центра Манны (Грантовский 2007: 159). Если под центром Манны имелся в виду район столицы Изирту (район вокруг совр. Саккыза), то так и следует локализовать Бушту, но надо учитывать и близость Бушту к Парсуа.

В 843 г. Салманасар III, двигаясь из Арбелы в сторону Куллара по дороге (совр.) Эрбиль–Рания–Бане, не упомянул о каких-либо военных действиях в Манне, сосредоточившись на разграблении Паддиры в Аллабрии. Следовательно, он прошел у южных пределов Манны, мимо Бушту в сторону Аллабрии. Отсюда армия двинулась на юг к реке Дияла через Парсуа, Абдадани, Хамбан, Намар, Туг(п)лиаш.

В 828 г. ассирийцы, двигаясь из Приурмийского района (из Гилзана, где они получили дань от маннейцев, страны Андия и др.), также обошли маннейские владения (RIMA 3: 71. А.О.102.14: 182–182). Сурикаш (район совр. Ме(а)хабада) стал известен позднее Саргону. Можно предположить, что ассирийская армия, возглавляемая маршалом, двигалась из Гилзана по дорогам Ушну–Сердешт–Бане или Мехабат–Сердешт–Бане; и где-то юго-восточнее Бане и южнее Саккыза находилась страна Бушту (чуть южнее 36 параллели). Тогда как Аллабрия находилась юго-восточнее Саккыза, через ее территорию проходила магистраль Мераге–Мианду(о)аб–Текаб–Биджар–Хамадан. Из Аллабрии маршал возвращался в Ассирию по дороге (совр.) Дивандере–Сулеймания–Киркук (Аррапха)–Эрбиль (Арбела), тогда как Салманасар в 843 г. ушел на юг по дороге Дивандере–Сенендедж–Керманшах. Таким образом, к началу VII в. до н. э. южные пределы Манны, которые уже включали Бушту и Аллабрию, ограничивались примерно 36 параллелью (Медведская 2018: карта 1).

Восточные пределы Маннейского царства, в которое вошли Уишдиш, Зикирту, Андия и Мисси, данными письменных

источников определяются труднее. Очевидно, что первые три области, находившиеся на северных окраинах царства, соседствовали между собой. Предложенная ранее локализация Андии в долине р. Кызылузен недалеко от впадения реки Сефидруд в Каспийское море и принятая многими исследователями (Дьяконов 1956: 88–89, 205), спорная. Во-первых, эта локализация стала результатом общего смещения к востоку от оз. Урмия всей топонимики северо-западного Ирана, основанной на локализации антиурартской части маршрута Саргона II в 714 г. вдоль восточного побережья оз. Урмия, предложенной в 1912 г. Ф. Тюрро-Данженом, теперь она отклонена. Во-вторых, долина Кызылузена трудно проходимая, там нет и не было дорог. Основная магистраль Тебриз–Миане–Зенджан–Казвин–Тегеран была проложена к западу от долины Кызылузен; на отрезке магистрали от Миане до Зиаабада она проходит в правобережье притока Кызылузена — р. Зенджан, а к западу от нее находится и сам исток Кызылузена. Другими словами, чтобы проникнуть с запада в долину Кызылузена, ассирийцам нужно было бы пересечь несколько рек, а если учесть, что горы, вдоль которых протекает Кызылузен, покрыты непроходимыми лесами, это делает предложенную локализацию невероятной. В-третьих, в VII в., когда урарты, утратив приурмийские владения, стали продвигаться вдоль Каспия в сторону Мидии по дороге Миане–Зенджан и далее на юг, они не упоминают Андию и саму Манну. Но в VII в. Маннейское царство, с учетом принимаемой авторами локализации Андии в долине Кызылузен, уже вошедшей в границы царства вместе с Зикирту, должно было бы стать «засовом», преградившим продвижение урартской армии с севера на юг, но этого не случилось. В-четвертых, важным аргументом против предложенной локализации Андии и в целом восточных пределов Маннейского царства в VII в. служит факт начала мидийской экспансии, первой жертвой которой стало Урартское царство, его гибель произошла не позднее 640-х гг. (подробнее см. Медведская 2018: гл. IV.3.). Мидийская армия могла двигаться только вдоль совр. дороги Тегеран–Казвин–Зенджан–Тебриз, т. е. к востоку от р. Зенджан. Затронуть владения Маннейского царства, верного и нужного тогда союзника Ассирии, мидийский царь еще не мог себе позволить. В-пятых, В 714 г. Саргон сообщает, что он со своей армией, пройдя из маннейской области

Мисси 321 км (30 беру), подошел к крепости, которая была воздвигнута «для охраны против Зикирту и Андии» (АВИИУ: № 49: 51, 74–78), что уже *a priori* свидетельствует об их территориальной близости. Но чтобы это соседство было реальным, то хотя бы часть области Зикирту (восточная) должна была бы находиться поблизости от Андии, т. е. в той же долине верховья Кызылузена, до впадения в него р. Зенджан. Но Саргон, перейдя только через одну «речку» (а по пути в долину Кызылузен надо было бы пересечь несколько крупных рек), прибыл в Зикирту, и отсюда ассирийцы ушли на запад в Уишдиш, в Андию ассирийцы не вступили. Локализация Андии к западу от г. Миане представляется наиболее вероятной. Южнее Андии восточная граница Маннейского царства, включавшая Аллабрию и Мисси, по всем данным, проходила западнее истоков р. Кызылузен (**карта**).

§ 2. МАННЕЙСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ, ЭЛЕМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Целью предлагаемого обзора археологических памятников, называемых иранскими исследователями маннейскими, является анализ их материальной культуры, определение ее общих и характерных признаков, которые могут определить границы маннейской культуры в рамках границ Маннейского царства, рассмотренных выше (§ 1). Определение направления его культурных связей с другими странами региона, в свою очередь, может уточнить некоторые аспекты истории Маннейского царства и его политических связей с другими странами региона в VIII–VII вв. до н. э.

В настоящее время не менее 13 памятников считаются маннейскими, их разделяют на несколько групп на территории Маннейского царства¹.

1. Центральная территория Манны 1) Калайчи (считается маннейской столицей Изирту) в 7–8 км к северу от г. Бу(о)кан; 2) Кале Бардине — в 30 км к северо-востоку от г. Букан; 3) Джан

¹ Материалы опубликованы частично и не из всех 13 памятников.

Ака — в 30 км к северо-востоку от г. Букан и в 41 км к северу от Калайчи (гл. V, **рис. 7**).

II. На севере 1) в 9 км к северо-востоку от г. Негеде и недалеко от побережья оз. Урмия находится Хасанлу тепе (долина Солдуз); 2) Примерно в 40 км к юго-востоку от Хасанлу и недалеко от г. Мехабад (маннейская провинция Сурикаш) — Барда Конта.

Хасанлу IV многими исследователями считается маннейским памятником. Но в конце IX в. до н. э. Хасанлу (период IVB), находившийся в стране Ида (северная часть Внутренней Замуа), вошел в состав урартских владений. Только после 714 г., когда город был сожжен Саргоном II, в VII в. маннейцы стали проникать в бывшие владения урартов на западном побережье Урмии (см. § 1). И поэтому только тогда в Хасанлу (период IIIB) можно попытаться выявить следы маннейского присутствия (см. ниже).

III. Южная окраина Маннейских владений (чуть севернее 36 параллели), в районе г. Саккыз (Секкез) находятся: 1) Зивие в 40 км к востоку от Саккыза; 2) могильник Чангбар чуть западнее Зивие; 3) могильник Мала Мча (Мала Меча) в 4 км к югу от Зивие; 4) Кап(ф)ланту в 5 км к юго-востоку от Зивие; 5) могильник Кул Тарике — примерно в 15 км к востоку от Зивие и в 50 км к северу от г. Диван Дерре; 6) могильник Кани Котер в 12,5 км к северо-востоку от Зивие; 7) Кани Зерин в 11,9 км к западу от Зивие.

IV. На востоке в 40 км к северо-востоку от г. Та(е)каб находится Зендан-и Сулейман. Здесь через маннейские владения Аллабрия и южнее через Мисси проходила дорога от совр. г. Тебриз через Миандуаб—Та(е)каб—Биджар в столицу Мидийского царства Хангматану/Экбатаны (совр. г. Хамадан).

V. На западе в 17 (15) км¹ к северо-востоку от г. Сердешт в левобережье р. Нижний Заб находится Рабат тепе. Этот памятник также считается маннейским. Но он находится на территории Внутренней Замуа (Медведская 2018: 89–104, карта-схема 2),

¹ Расстояние 5 км указано ошибочно (Kargar, Binandeh 2009: 114, fig. 1), на карте (fig. 1), представленной этими же авторами, расстояние между Сердештом и Рабат тепе не менее 15–17 км, как указано и в других работах.

к востоку от нее локализуется Сумбу. Оба владения никогда не входили в состав Маннейского царства (см. § 1, табл. I). С конца IX в. северная часть Внутренней Замуа (со страной Ида) находилась под властью урартов, южная часть — под властью Ассирии. Начиная с правления Адад-нерари III Внутренняя Замуа не упоминается в ассирийских источниках, будучи замененной топонимом Мазамуа, который обозначал южную часть бывшей Внутренней Замуа (Медведская 2018: 105–107, табл. 1). Поскольку Рабат находится на территории ассирийской Мазамуа, то ошибочно считать его маннейским памятником (см. ниже). Предлагаемое отождествление Рабат тепе с аллабрийской столицей Паддира (Heidari 2010: 150) также должно быть отклонено, т. к. Аллабрия находилась на восточной окраине Маннейского царства (см. выше § 1).

Исключив территориальную группу V из состава маннейских владений, группу I, очевидно, следует считать одновременно центральной и западной.

Группа I. Калайчи. Изучение этого памятника впервые выявило многие стороны культуры Маннейского царства, прежде всего, неизвестные ранее черты изобразительного искусства, ярким признаком которого могут служить глазурованные кирпичи.

§ 2.1. Расписные глазурованные кирпичи

Предполагается, что некогда они украшали стены парадных помещений, опубликована часть кирпичей из Изирту/Калайчи и Рабат тепе. Анализ росписи из Рабат тепе может опровергнуть или подтвердить спорную принадлежность памятника Маннейскому царству и его культуре, о чем ниже.

Калайчи стал известен в результате грабительских раскопок, после которых на антикварные рынки стали поступать глазурованные расписные кирпичи (см. гл. V, рис. 7). Начавшиеся в 1988 г. археологические раскопки обнаружили укрепленный город, окруженный массивной каменной стеной. Вокруг него был обнаружен внешний город и могильник. Перед началом сооружения крепости скала, на которой она построена, была выровнена; в скале прорублены ступени, которые поднимались к воротам крепости, ведущих

во двор перед главным входом в крепость. Здесь была найдена нижняя часть стелы с арамейской надписью (первоначальное ее местонахождение в городе остается неопределенным). В тексте, по мнению Ф. М. Фалеса, по-видимому, зафиксирован антиассирийский договор между Арпадом и маннейским царем, который в это время находился в зависимости от урартской власти. Анализ надписи дает основание исследователям предполагать, что этот город был столицей Манны Изирту, упоминаемым в ассирийских анналах уже в IX в. до н. э., сама надпись датируется второй половиной VIII в., вероятнее всего, его последней третью (Fales 2003: 132, 146–147). Центральное сооружение крепости состоит из нескольких помещений: зал, внешние размеры которого 35×19 м, внутренние размеры примерно 30×10 м, в западном конце зала вдоль стен сырцовые скамьи, в центральной части зала (не напротив скамей) обнаружены следы основания пяти колонн, три из них в северном ряду поставлены беспорядочно. К залу с северной стороны примыкает *целла*, в центре которой прямоугольное каменное основание (2×2 м) алтаря (?). С залом *целла* непосредственно не связана, вход в нее с северной стороны. По мнению исследователей, *целла* имеет сходство с целлой из Хасанлу IVB (сгоревшее здание II/VBII). С восточной стороны к целле примыкают три смежных узких помещения (Mollazadeh 2008: 108–109, fig. 2; полный план крепости см.: Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: fig. 3 on p. 28, на перс. яз.). Эти три помещения напоминают складские помещения в мидийских памятниках, например, в Гордин тепе. Недалеко от Букана была найдена каменная база колонны с рельефным орнаментом, предполагается первоначальное ее нахождение в одном из строений Калайчи, аналогии орнаменту найдены в Ассирии (Mollazadeh 2020: 99–103, pl. 1). Здесь найдены немногочисленные глазурованные кирпичи, но большинство из них добыто в результате грабительских раскопок и теперь хранится в частных и музейных коллекциях. Всего из калайчинских кирпичей опубликовано 122 экземпляра, в том числе и фрагментированные (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: 73–124, figs. 2–123; Mollazadeh 2020: 99).

Группа V. Рабат тепе, как уже отмечено, находится за пределами маннейской территории. В ходе раскопок выявлено два строительных периода, исследован только верхний слой II, датируемый

VIII–VII вв. до н. э. (период ЖВ III). Здесь обнаружены части небольшого дворца, во дворе выявлена вымостка из гальки/булыжников в виде концентрических кругов (Kargar, Binandeh 2009: 114–115, fig. 5b). Важной находкой здесь являются глазурованные кирпичи с различными изображениями. На пяти кирпичах имеются клинописные надписи, одна из которых, по мнению их издателей, упоминает имя Ad/ta маннейского правителя Арзизу (Arzizu; Heidari 2010: 149–150, tab. LII/2). Однако, примечательна надпись на другом кирпиче, в которой названы имена двух вавилонских богов — Бела и Набу (*ibid.*, см. ниже). Всего обнаружено 1211 экземпляров (Afifi, Heidari 2010: 153; Heidari 2010: 149–150, tabl. LII–LIII).

Изобразительные мотивы и стиль рисунков на кирпичах из Рабат тепе и Калайчи различаются.

В Калайчи набор различных фигур и орнаментальных композиций дает представление об изобразительном репертуаре росписи, существовавшем в Маннейском царстве. Изображения, нанесенные на поверхность кирпичей из Калайчи, можно разделить на следующие группы: антропоморфные и зооморфные гибридные фигуры, геометрический и растительный орнаменты. Квадратные кирпичи достигали размеров 34×34 см с небольшим отклонением, ширина боковых граней колеблется между 9 и 10 см. В Рабат тепе размеры кирпичей 34×34×8 см, 14,5×14,5×8 см, 16,5×16,5×8 см. В эту эпоху квадратные сырцовые кирпичи использовались повсеместно, только в Мидии применялись кирпичи прямоугольной формы (см. гл. IV, § 5, табл. 2).

Антропоморфные и зооморфные/гибридные фигуры помещались только на лицевой стороне кирпичей.

Антропоморфные крылатые фигуры (рис. 1): преклоненный на левое колено чернобородый персонаж, изображенный в профиль, держит в обеих руках заостренные предметы, к запястью левой руки прикреплен стебель с двойным побегом опиумного мака, черные волосы перетянуты лентой, нижний край бороды ровно подстрижен. У женщины/богини или евнуха (без бороды) в такой же коленопреклоненной позе в правой руке круглый диск (зеркало?), в левой руке такой же побег мака, на голове светлое покрытие типа тубетейки, в основании которой лента с кисточками на концах (*ibid.*: figs. 76, 77). На руках этих персонажей

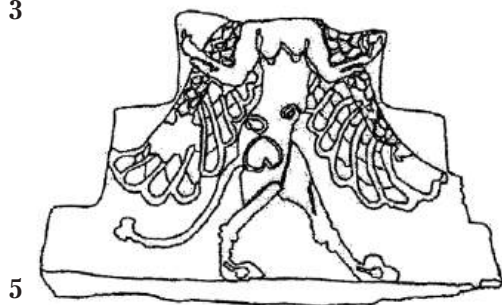
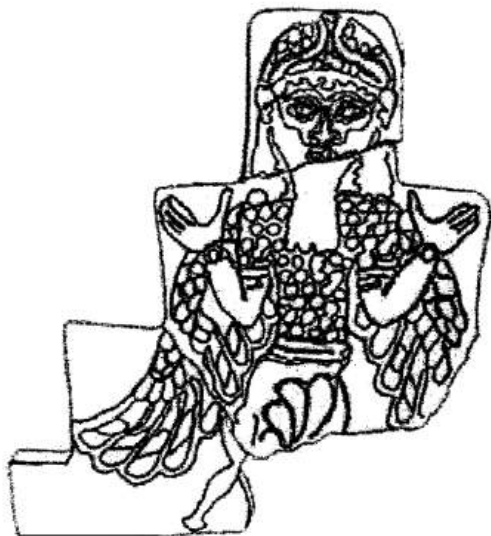
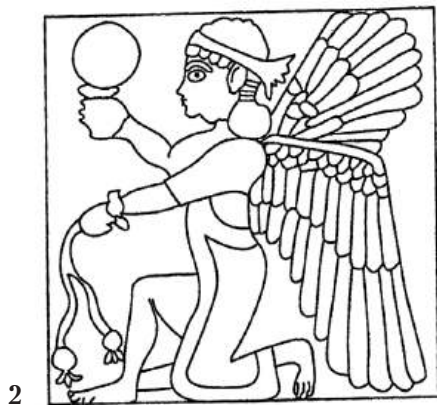

Рис. 1. Антропоморфные крылатые фигуры.
 1, 2 — Калайчи; 3, 5 — Рабат тепе; 4 — Нимруд (прорисовка рельефа);
 6 — Сурх-и Дум

широкие браслеты с круглым щитком/розеткой (*ibid.*: figs. 72–73, 76, 77; **рис. 1: 1–2**). Сохранился также фрагмент кирпича с тройным побегом мака (*ibid.*, fig. 78)¹.

В Рабате изображения коленопреклоненных фигур не обнаружены (не опубликованы?). Но отсюда происходят два уступчатых кирпича/мерлона (см. ниже) с изображением в анфас стоящих антропоморфных крылатых фигур с человеческим торсом и поднятыми руками в браслетах, видимо, с розетками (нечеткое изображение). На одном кирпиче изображена обнаженная женская фигура с длинным хвостом, стоящая на львиных лапах (верхняя часть кирпича с изображением головы утрачена), на другом — человекоголовая крылатая фигура и «исхудалое» лицо в анфас с ровно подстриженной бородой и в круглом головном уборе с одной парой рогов (нижняя часть мерлона частично отломана); в руках они, в отличие от калайчинских антропоморфных персонажей, ничего не держат (Heidari 2010: 149, pl. LII/1; Sheikhi at al. 2017: 79–80, figs. 24–25; **рис. 1: 3, 5**). Еще два мерлона с похожими изображениями обнаженных женских фигур, стоящих на звериных лапах, но с профильным изображением головы (одна из них в круглом головном уборе с одной парой рогов, другая — в колпаке, увенчанном цветком граната или мака), находятся в частной коллекции (*ibid.*: 80, fig. 26–27).

На ассирийских рельефах изображения коленопреклоненных человекоголовых крылатых персонажей возле священного дерева редки (Каталог 2019: ил. 3, IX в. до н. э.; **рис. 1: 4**), также редки изображение торса в анфас, как и на опубликованных кирпичах из Калайчи (Каталог 2019: ил. 15; Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: fig. 81). Но следует подчеркнуть, что в целом на ассирийских рельефах изображения коленопреклоненных крылатых фигур относительно редки, а на калайчинских они довольно популярны. Кроме того, на ассирийских рельефах, т. е. на плоскостном рисунке, отсутствуют изображения головы/лица в анфас, тогда как на кирпиче из Рабата оно имеется (Heidari 2010: 149, pl. LII/1; **рис. 1: 3**). Нет изображений лиц в анфас и в урартской изобразительности (в росписи, на бронзовых изделиях), кроме

¹ Об использовании опиумного мака в древневосточной изобразительности см.: Вергазов, Колганова, Смоленкова 2020: 44–68.

немногочисленных примитивных изображений лиц в анфас на вотивных пластинках (Seidl 2004: abb. 142a, 143a, 149, 150a, 151a, 152–153). Немногочисленные изображения лиц в анфас имеются на бронзовых дисках наверший булавок, которые происходят из западного Ирана (Сурх-и Дум). По мнению О. Мускареллы, они датируются не ранее конца VIII–VII вв. до н. э. (Muscarella 1988: 123, 202–203, Nos. 193, 309, 312). Одно из таких лиц он назвал «исхудалым» (No. 312), что подходит к описанию лица фигуры на другом навершии булавки, поза которой (раскинутые руки с браслетами) повторяет изображение на мерлоне из Рабат тепе и Сурх-и Дум (Calmeyer 1995: 38, fig. 15, pl. 30; **рис. 1: 3, 6**). П. Кальмеер видел в изображениях на булавках влияние вавилонской изобразительности, которое могло сказываться в западном Иране не позднее X в. до н. э. (ibid.: 38, 43, 44).

Рассмотренные примеры свидетельствуют об определенном различии в манере и стиле изображений антропоморфных крылатых фигур на кирпичках из Рабат тепе и Калайчи. В первом — просматривается связь с изображениями Вавилонии и западного Ирана, во втором — в основном с Ассирией.

Изображения *гибридных крылатых животных и птиц* с головой человека преобладают в опубликованной коллекции глазурованных кирпичей из Калайчи.

а) Идущий крылатый лев с бородатой головой человека, волосы покрыты «тюбетейкой», по краям которой нечто вроде узких полей «шляпы», но очевидно, что это неумелое/неточное изображение пары рогов (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 85, 86). В некоторых случаях эти персонажи носят высокий головной убор цилиндрической формы с перьями и с одной парой рогов (ibid.: figs. 89–92, 98). Безбородые фигуры в таких же головных уборах (ibid.: figs. 87, 88, 93, 95, 97, 98). Хвост льва или поднят (поза покоя), или опущен (признак агрессии) (**рис. 2: 1–3**).

На одном опубликованном кирпиче из Рабат тепе также имеется изображение безбородого человекоголового льва с одной парой рогов на высокой «тюбетейке», незначительно различается лишь манера изображения крыльев человекоголового льва на обоих памятниках (ibid.: fig. 93; Heidari 2010: tab. L,1; Kargar, Binandeh 2009: pl. 7; HozhabriNobari, Afifi 2009: fig. 26; **рис. 2: 4**). Подобные

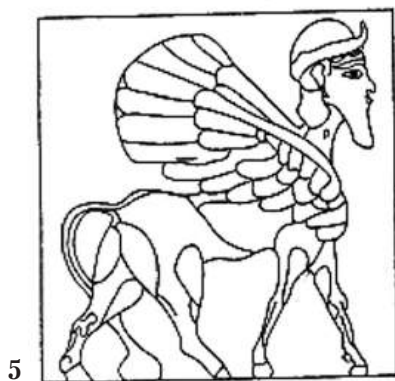
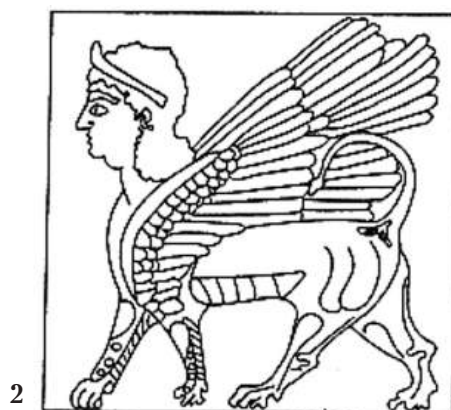
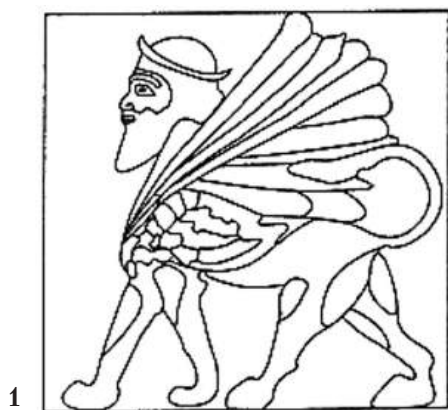

Рис. 2. Человекоголовые крылатые животные.
1–3, 5 — Калайчи; 4 — Рабат тепе; 6 — Урарту

изображения безбородого человекоголового льва имеются на бронзовых урартских изделиях (Vanden Berghe, Meyer 1982: 41, cat. nr. 78).

б) По существу, не различаются изображения крылатых быков и описанных выше крылатых львов; среди опубликованных кирпичей из Калайчи, пожалуй, только на одном из них можно разглядеть копыта (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: fig. 100; **рис. 2: 5**). Урартские изображения крылатого быка, как и крылатого льва, отличаются от маннейских рисунком крыла и головным убором — шапкой в форме загнутого назад рога, но пара рогов присутствует и на них (Vanden Berghe, Meyer 1982: 41, cat. nr. 85 в правом верхнем углу таблицы; **рис. 2: 6**).

в) Идущая птица (иногда) с длинными ушами и бородатой головой человека в шапке в форме загнутого назад рога (=единорог? Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 102–103; **рис. 3: 1–2**). В одном случае изображение безбородой головы сочетается с головным убором в виде ленты и человеческими ногами вместо птичьих лап (ibid.: fig. 109; **рис. 3: 3**). А в другом случае бородатый «единорог» с птичьим туловом и с человеческими руками с браслетами стоит на человеческих ногах, и в его руках ведро на длинной ручке (ibid.: fig. 84, фр-т fig. 83; **рис. 3: 4**). Похоже изображение птицы с ведром, но оно вполоборота и на птичьих лапах (ibid.: fig. 81).

Схема изображения тела гибридной птицы (рисунок оперения, форма крыльев и «перевязанный» в основании хвост) на калайчинских кирпичах повторяет в деталях схему тела стоящей на мерлоне птицы на урартском каменном рельефе из Адильджеваза (Calmaeyer 1991a: 314–315, fig. 3a–b; **рис. 3: 5**).

На урартских бронзовых изделиях присутствуют все перечисленные разновидности гибридных идущих крылатых существ (Vanden Berghe, Meyer 1982: 40–41; Seidl 2004: Talttaf. B: быки: ibid.: abb. 66, 67, человекоголовые львы и птицы ibid.: abb. 65–67, 90, львиноголовые и быкоголовые птицы ibid.: abb. 110).

На ассирийских рельефах IX в. до н. э. отсутствуют урартские и маннейские гибридные образы; все крылатые существа изображались на рельефах с человеческим туловищем и головой (Каталог 2019: ил. 3, V — коленопреклоненные, ил. I–III, **рис. 1: 4**; Curtis, Reade 1995: no. 8 — стоящие фигуры) или с головой хищной

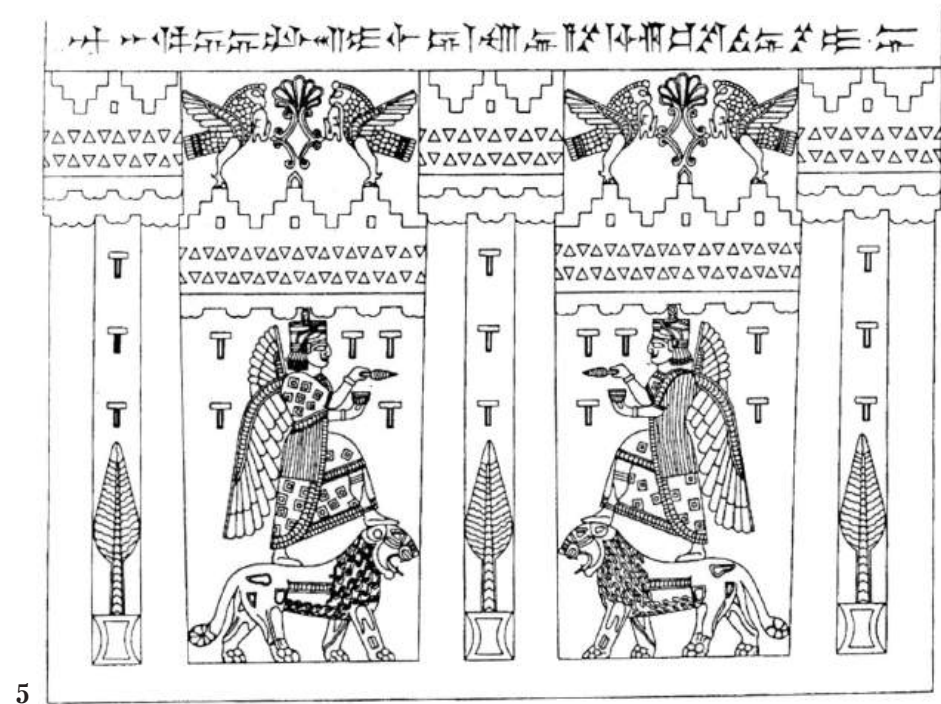
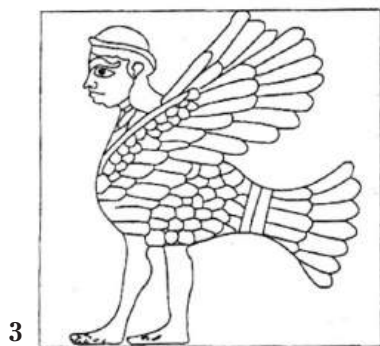
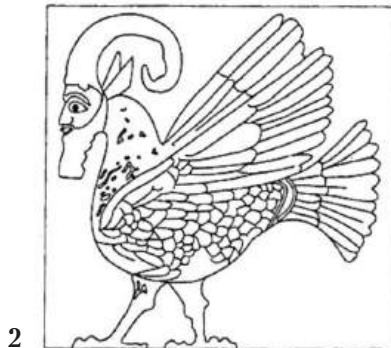

Рис. 3. Человекоголовые птицы.
1-4 — Калайчи 5 — Адильджеваз

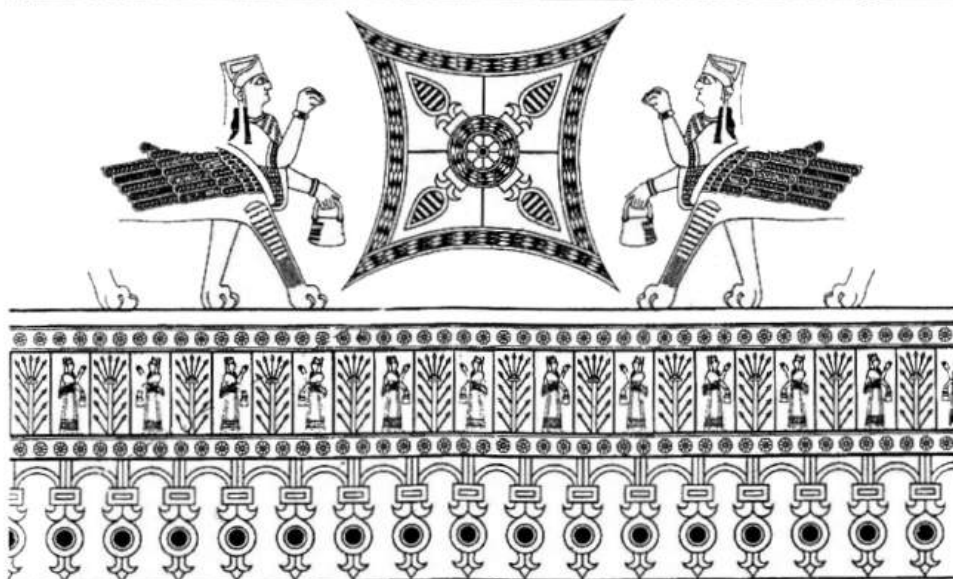
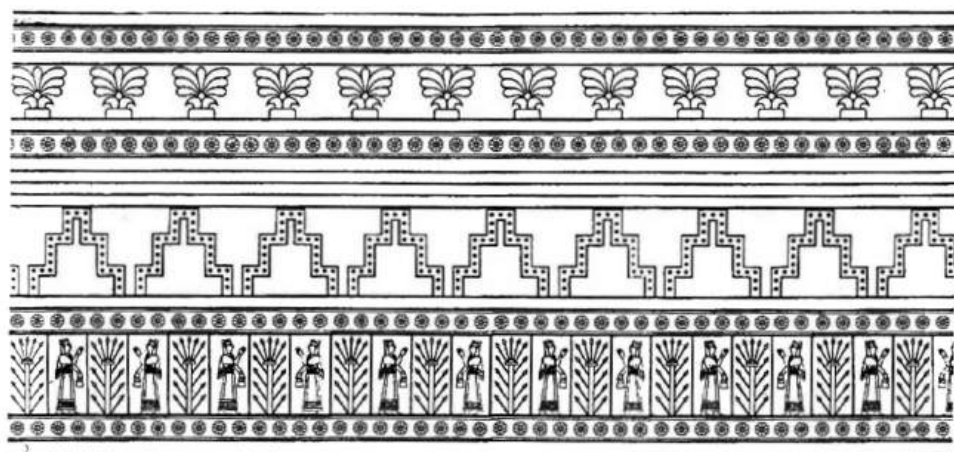
птицы (*ibid.*: по. 9; Каталог 2019: ил. 4). Только одно изображение человекоголовой птицы известно на рубеже VIII–VII вв. во дворце Синаххериба (Ниневия, Paterson [1915]: ill. 210). В VII в. на рельефах появились единичные изображения гибридных существ, но без крыльев, это кентавр с телом льва, с головой и торсом человека (Curtis, Reade 1995: по. 31). Но они ничего общего не имеют с маннейскими гибридными образами. Однако можно отметить похожее изображение льва с человеческим торсом – кентавра, но с крыльями, в сцене опыления на урартском бронзовом предмете (Vanden Berghe, Meyer 1982: 41, cat. nr. 96) и в настенной росписи в Алтынтепе (Merhav 1991a: 308–309, fig. 5; **рис. 4: 1–2**).

Изображения человекоголовых крылатых животных и птиц преобладают на калайчинских кирпичах, их схема и некоторые детали сходны с урартскими изображениями гибридных крылатых существ, но отсутствуют в ассирийской изобразительности. По имеющимся данным они отсутствуют, за одним исключением, и на кирпичах из Рабат тепе.

Отдельную группу кирпичей из Калайчи представляют «промежуточные» изображения, в целом соответствующие реальным животным, но иногда с нереальными деталями. Копытные: шагающий крылатый единорог/пегас (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: fig. 71), бескрылый единорог, но с туловищем льва с загнутым хвостом или без него (*ibid.*: figs. 54, 55, 60). Изображения двурогого козла, идущего льва и хищной птицы вполне реальны (*ibid.*: figs. 57, 58; 61, 62, 69; **рис. 5: 1–6**). Изображение шерсти козла и оперения птицы выполнены в одной близкой урартской манере (**рис. 3: 5**).

Все описанные фигуры представлены в профильном изображении (**рис. 1–5**). Но имеются единичные исключения: «летающий» орел с расprostертыми крыльями изображен, судя по расположению крыльев, сверху, или антропоморфная крылатая фигура с развернутым в анфас торсом на кирпиче из Калайчи (*ibid.*: figs. 66, 67, 81; **рис. 5: 7**). В Рабат тепе крылатые фигуры или полностью изображены в анфас (Kargar, Binandeh 2009: pl. 9; Heidari 2010: tab. LII,1; **рис. 1: 3**), или в анфас, но с повернутой в профиль головой (Hassanzadeh, Curtis 2018: fig. 190).

Единственным опубликованным является изображение двух козлов в геральдической позе на кирпиче из Калайчи, но в отличие

2

Рис. 4. Кентавры. 1 — Урарту; 2 — Алтынтөпө

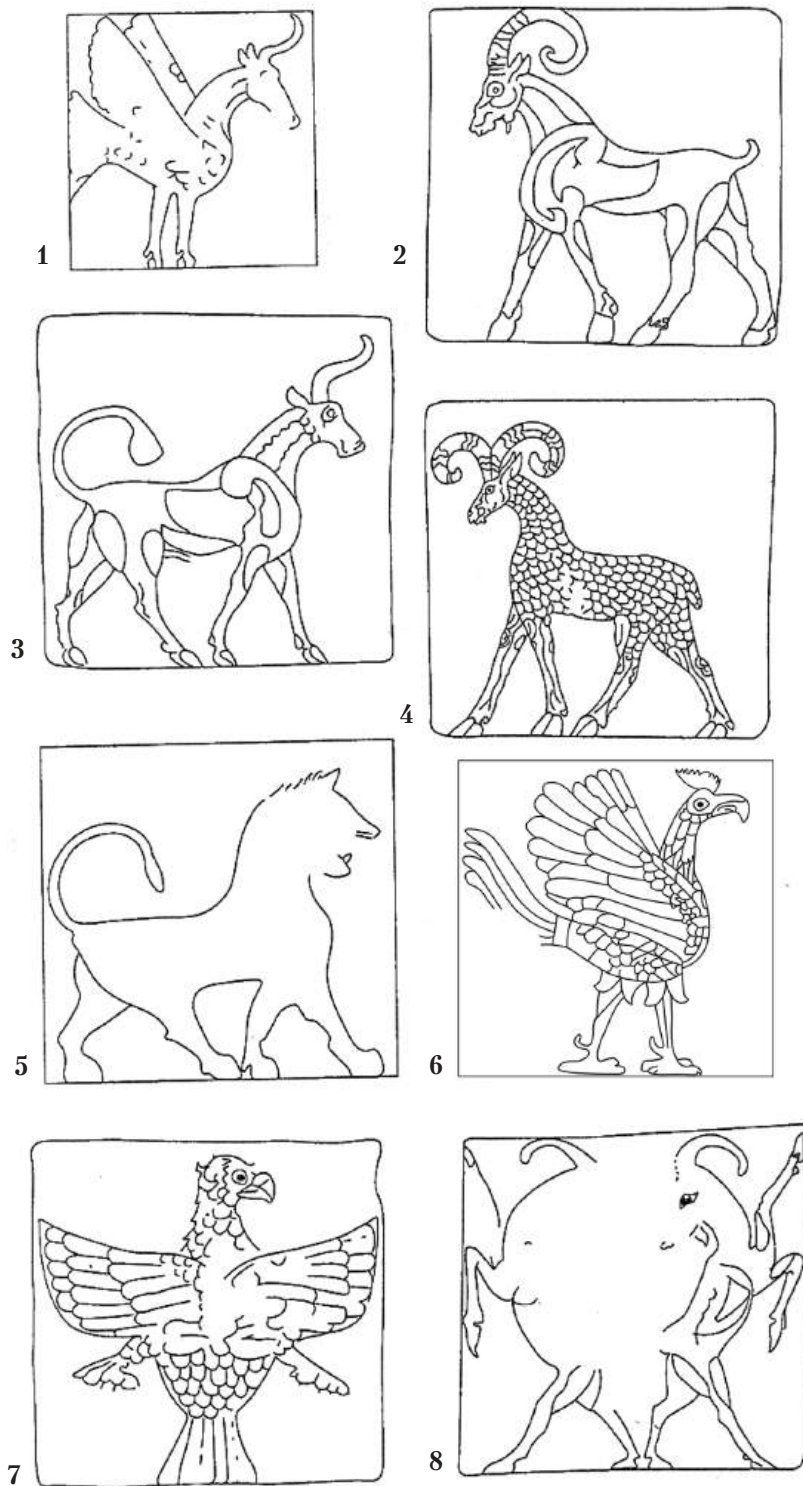

Рис. 5. Изображения животных и птиц. 1–8 — Калайчи

Рис. 6. Головные уборы божеств.
 1, 2 — Ниневия Ассирия (дворец Синаххериба); 3, 4 — Урарту;
 5 — Элам/Сузы, 6 — Вавилон

от обычной позы копытных возле дерева (например, на костяной пластинке из Зивие, см. ниже), эти козлы стоят спиной друг к другу, но с повернутыми друг к другу головами, изображения дерева нет (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: fig. 53; **рис. 5: 8**).

В изображениях на глазурованных кирпичках очевидно заимствование некоторых сюжетов, символов и элементов орнамента, которые использовались в урартской и в ассирийской (и в предшествующей ей средневавилонской изобразительности). Так, на кирпичках из Калайчи рога изображены на двух видах головных уборов, носимых человекоподобными крылатыми львами/сфинксами: на высоком цилиндрическом уборе с перьями наверху и на уборе типа «тюбетейки» (*ibid.*: fig. 89–91, 93, 97–98, 100, под вопросом № 92, 97 — из-за плохой сохранности изображение рогов не очевидно). На них отсутствуют так называемые «фески», сужающиеся кверху цилиндры с заостренным выступом наверху или без него, носимые ассирийскими царями (подробнее см. Reade 2009). Во всех случаях в Калайчи и Рабат тепе изображена только одна пара рогов (Heidari 2010: tab. LII,1; Hassanzadeh, Curtis 2018: figs. 190, 193; **рис. 1, 2**).

На ассирийских изображениях (в основном на рельефах и в скульптуре) точно такие же головные уборы с рогами были атрибутом божеств и духов-защитников (**рис. 6: 1–2**). Количество пар рогов — от одной до трех — соответствовало рангу божества от низшего (одна пара) до высшего (три пары) (Каталог 2019: 176 ил. 34; 254 ил. 88 — одна пара; 112 ил. 3; 282 ил. I; 292 ил. III; 298 ил. V — две пары; 116 ил. 5; 136 ил. 15; 138 ил. 16; 180 ил. 36 — три пары)¹. При этом человекоподобное божество могло иметь как одну пару рогов (там же: 176 ил. 34), так и три пары (там же: 136, ил. 15; 138, ил. 16). В свою очередь, две или три пары рогов имел крылатый человекоподобный персонаж (там же: ил. 3, 5, I, V) и сфинкс (там же: ил. 36)². Сама форма цилиндрического головного убора с перьями, как и три пары рогов на головном уборе, известны уже в XII в. до н. э. (средневавилонский период) как

¹ Комментарии С. Д. Симпсона, Дж. Рида и Г. Бреретона.

² У сфинкса (ил. 36) вместо львиных лап копыта, что является результатом ошибочной реставрации XIX в. (там же: 180).

в самом Вавилоне (Calmeyer 1995: 36, 37, 39, fig. 13), так и в Эламе в Сузах (*ibid.*: fig. 16; **рис. 6: 5–6**).

Совпадает даже такая второстепенная деталь на маннейских и ассирийских изображениях, как волнистая линия волос на лбу под головным убором (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 97, 98 и др.), эта стилистическая особенность ассирийской изобразительности (Каталог 2019: 112 ил. 3, 136 ил. 15, 180 ил. 36), восходит, очевидно, к средневавилонскому периоду (Calmeyer 1995: fig. 13; **рис. 6: 1, 6**). Что касается позы крылатого человекоголового льва, то в ассирийской изобразительности сфинксы статичны, тогда как маннейские сфинксы изображены в движении. На акварелях XIX в., зафиксировавших раскопки ассирийских городов, имеются изображения сфинксов, охраняющих вход в храм, и человекоголовых крылатых быков, поддерживающих арку, все они с двумя парами рогов (Curtis, Reade 1995: 64; Каталог 2019: 254 ил. 88).

На урартских изображениях богов известны головные уборы цилиндрической формы (=ассирийскому типу), а вместо «тюбетеек» — немногочисленные остроконечные колпаки, и все они только с одной парой рогов (Пиотровский 2011: рис. 77, 97, 99, 146, 164, 211–212; Ходжаш и др. 1979: 81, илл. 54; **рис. 6: 3–4**). Различие ранга богов запечатлено на бронзовом веерообразном штандарте (конец IX — начало VIII в. до н. э., Merhav 1991: 112–113, № 79–80). В центре в четырехкрылом кольце/диске изображен в анфас главный бог в короне цилиндрической формы с перьями наверху и с одной парой рогов, в обеих руках он держит поднятыми кверху стебли с тремя побегами опиумного мака, стоит бог Тейшеба на быке (бог Халди обычно стоит на льве), нижние крылья бога поддерживают два крылатых божества нижнего ранга в колпаках и тоже с одной парой рогов и цветком на верху колпака (сама форма колпака с цветком похожа на головку мака с цветком на верху)¹. Таким образом, можно предполагать, что у урартских

¹ На ранних урартских изображениях стебель мака, в отличие от маннейских и ассирийских, поднят вверх, как это фиксируется в искусстве западных регионов древнего Востока и Греции (Вергазов, Колгаганова, Смоленкова 2020: 47–52), но позднее он мог быть опущен вниз (Kellner 1991a: 295, № 8).

и маннейских богов ранг, в отличие от ассирийских богов, мог обозначаться не количеством рогов, а формой головного убора, хотя и не всегда. Например, в центре бронзового диска изображен Халди, крылья которого (выполненные в другом стиле) поддерживают два второстепенных божества, но в таких же коронах с одной парой рогов, как и у главного бога (Seidl 2004: abb. 74). На одном бронзовом щите (конец IX — начало VIII в. до н. э.) по кругу изображена вереница воинов, в центре которой бог Тейшеба в крылатом диске на быке, справа от него Халди на льве держит в обеих руках по три побега опиумного мака (цветки на обоих концах побегов). Все персонажи в одинаковых остроконечных шлемах с рогами и, кроме двух главных богов, все стоят на гибридных крылатых животных, причем один из них стоит на крылатом человекобыке, на котором корона царского типа, отсутствующая на остальных персонажах (ibid.: abb. 48). На короне бога не всегда имелись рога (Merhav 1991: 90, № 48; Халди).

Следует обратить внимание на общий признак изображений бороды у царей и божеств в ассирийском, урартском и маннейском искусстве. У всех нижний край бороды ровный, т. е. подстриженный¹. По-видимому, это один из признаков высокого или божественного статуса персоны, и, следовательно, может быть одним из доказательств вхождения Маннейского царства в общий ассиро-урартский культурный ареал в начале I тыс. до н. э.

В этой связи примечательна находка в каменном склепе Арджана на юге Ирана в Хузистане (Элам) бронзовой подставки с многофигурной композицией: три бородатые фигуры поддерживают основание ствола, им «помогают» львы, опирающиеся на лежащих быков; наверху «катушкообразное устройство» поддерживают шесть львов (h 75 см, Alizadeh 1985: 55, figs. 2, 4). Колпак с одной парой рогов и борода с подстриженным концом у всех троих персон аналогичны бронзовой статуэтке из Топраккале (Пиотровский 2011: рис. 97; **рис. 6: 3**). Но одежда всех троих аналогична изображению божества в крылатом солнечном диске на урартском бронзовом штандарте, рассмотренном выше (Merhav 1991: № 79–80).

¹ В нововавилонский период эта форма бороды, как и наличие рогов на короне, видимо, были еще необязательны (рис. 6: 6).

Урартские человекообразные божества, за редким исключением (Seidl 2004: abb. 74), всегда стоят на реальном льве или быке, тогда как маннейские божества превратились в гибридные существа.

Человек-птица/единорог в религии маннейцев, видимо, также обладала божественными функциями. Характерными признаками большинства маннейских изображений на кирпичах являются: голова человека с черной длинной бородой и ровным нижним краем, огромный загнутый назад рог и длинные уши (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 102–107, 108 — фрагмент). Уникально изображение единорога с человеческой головой и туловищем (руки, плечи, ноги, *ibid.*: fig. 84; **рис. 3: 4**). В левой руке он держит ведро, на обеих руках широкие браслеты с круглым диском/розеткой, как и на антропоморфных изображениях; изображение таких ведерок имеются еще на двух кирпичах (*ibid.*: fig. 83 фр-т), на другом кирпиче (*ibid.*: 81) изображение вполоборота четырехкрылого человека/птицы с ведром в правой руке не вполне ясное, но по-видимому, в левой руке он держит «шишку», точнее пучок цветков финиковой пальмы, как изображено на другом фрагменте (*ibid.*: 82, см. ниже), места для изображения рога на поверхности кирпича нет.

В урартской изобразительности птицы/единороги, подобные маннейским, отсутствуют. Среди множества урартских металлических изделий, опубликованных У. Зайдль, на единичных имеются изображения человека/птицы с копытами вместо птичьих лап, а рог загнут вперед (Seidl 2004: Falttafel C). Как уже отмечено, преобладают изображения крылатых львов, быков, грифонов и человекоголовых сфинксов (Vanden Berghe, Meyer 1982: 40–41).

В ассирийской изобразительности птиц/единорогов нет, да и сами изображения птиц единичны (Curtis, Reade 1995: 140 № 103, 170 № 171, 216 ил. 243). Следует отметить заимствование маннейцами в ассирийской изобразительности таких деталей как браслет с розеткой, а также ведро и «шишка» (Калайчи), которые отсылают к ассирийскому обряду опыления божеством священного дерева/финиковой пальмы (Каталог 2019: 114 ил. 4, 292 ил. III, 296 ил. IV)¹. Такая же сцена опыления имеет-

¹ Большинство исследователей признают гипотезу Э. Тэйлора, согласно которой на многочисленных рельефах Ашшурнасирпала II крылатое

ся на урартском (?) коническом шлеме (Seidl 2004: 75 abb. 35), П. Кальмеер считал этот шлем скорее ассирийским именно благодаря сюжету и стилю (Calmeyer 1991: 124 fig. 11). Но подобное, хотя и более схематизированное изображение стоящих перед деревом двух фигур с побегами мака, которые тянутся от солнечного диска над деревом, имеются и на другом шлеме (Seidl 2004: 74, abb. 34). Если мнение П. Кальмеера справедливо, то это изображение можно рассматривать как подражание ассирийскому, принятому местными мастерами, но не во всех деталях. Похожий сюжет присутствует и на другом урартском шлеме и навершии дышла (Seidl 2004: 72 abb. 32, 96 abb. 64)¹. На этом навершии изображена вереница крылатых, хвостатых существ с ведерком и маком в руках, но изображения дерева нет. Тот же обряд совершает бог Тейшеба на рельефе из Адильджеваза, но стоя перед деревом (рис. 3: 5). Очевидно, что урарты и маннейцы были не только знакомы с ассирийскими религиозными обрядами, но и сами исполняли их, хотя не всегда точно следовали ассирийскому религиозному и, соответственно, изобразительному канону.

Геометрический орнамент на глазурованных кирпичях из Калайчи и Рабат тепе состоит из цепочек нескольких вариантов зигзагообразного узора, гильюша, у которого внутри каждого звена выделенный цветом кружок, из рядов concentрических кругов, в некоторых из которых помещены восьмиконечные розетки, а также шеврона, мерлона и др. Эти орнаменты помещались на боковой стороне кирпича (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 2–20).

Орнамент *гильюш/плетенка* повсеместно применялся в искусстве Месопотамии и всего Древнего Востока уже с IV тыс. вплоть до VIII–VII вв. до н. э. включительно, многочисленные примеры этому приведены Р. Афифи и Р. Хайдари (Afifi, Heidari 2010: 155–157). Неясно, был ли гильюш чисто декоративным элементом

божество опыляет финиковую пальму при помощи воды и пучка мужских цветков — процесс, необходимый для выращивания фиников, но имеются и контраргументы этой гипотезе (см. подробнее Porter 1993: 129–139).

¹ У. Зайдль считала, что в руке боги держат плод граната, теперь его чаще называют маком.

Рис. 7. Геометрический орнамент.
 1, 4, 5 — Калайчи; 2 — Рабат тепе; 3 — Топраккале; 6 — Аянис;
 7, 7а — Нимруд

или имел символическое значение. По мнению С.-Дж. Симпсона, этот мотив после перерыва вновь появляется в Ассирии в IX в. под влиянием его широкого использования в монументальном искусстве и на предметах роскоши в Северной Сирии, куда постоянно совершали походы ассирийские цари. В ассирийском искусстве этот орнамент широко использовался в настенной росписи, на глазурованных кирпичках и расписных пластинах, на изделиях из слоновой кости и на бронзовых сосудах (Каталог 2019: 170 ил. 30–31, 216 ил. 56–57; Curtis, Reade 1995: 138 по. 101, 103 по. 52, 216 по. 243; Albenda 1991: fig. 2, 7; **рис. 9: 7**, см. ниже). Реконструированная пластина из Арбака¹ датируется, согласно клинописной надписи, временем Ашшурнасирпала II (883–859) (Albenda *ibid*: 51 fig. 7). Дж. Рид, сравнивая расписные кирпичи из Нимруда (Кальху, IX в. до н. э.) и Хорсобада (Дур-Шаррукин, VIII в.), пришел к выводу, что в VIII в., помимо прочих изменений в изобразительности, происходит смена приоритетов в использовании орнамента. Теперь розетки заключены в круг; гранаты или коробочки мака, которые сочетались с заостренными бутонами, теперь заменились пальметками, а гильош и шевроны (см. ниже) в VIII в. перестают использоваться (Reade 1995: 229–230). Впрочем, например, пальметки в сочетании с коробочками мака изображались уже и в IX в. до н. э. (Albenda 1991: 43 ff.; **рис. 9: 7–8**).

В урартской изобразительности, по данным У. Зайдль, гильош не был популярен и, как она отмечает, изредка использовался только в период правления царя Менуа (810–786) (Seidl 2004: 122 abb. 93, 75 abb. 36). Видимо, не позднее времени правления Сардури II (764–735) следует датировать два фрагмента бронзовых поясов с орнаментом гильош по краям (Vanden Berghe, Meyer 1982: 135 № 29, 165 № 99) и с изображением львов, которые по схеме Зайдль (Seidl 2004: 123 abb. 94) датируются не позднее правления Сардури II. Но еще в VII в. до н. э., в период строительного «бума» в правление Русы II, когда урартами было построено множество городов-крепостей, орнамент гильош продолжал использоваться: например, на мраморном фризе в Топраккале (Пиотровский 2011: 406, рис. 102: **рис. 7: 3**). Но, в любом случае,

¹ Пластины с выступом в центре вставлялись в стену и на них могли вешать настенные драпировки (Каталог 2019: 61).

по сравнению с другими орнаментами гильош в урартском искусстве занимал одно из последних мест.

Из коллекции Калайчи опубликовано 3 кирпича с орнаментом гильош на боковой стороне (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 10–12; **рис. 7: 1**). Весьма вероятно, что кирпичи с плетенкой образовывали рамку основного изображения, как это представлено на реконструкции росписи тронного зала в Нимруде (Curtis, Reade 1995: 216 no. 243).

В Рабате аналогичные плетенки обнаружены на девяти кирпичах (Afifi, Heidari 2010: 153, fig. 5; Kargar, Binandeh 2009: 117, pl. 6b; HozhabriNobari. Afifi 2009: fig. 17; **рис. 7: 2**).

Орнамент *шеvron* представляет собой полосу из уголков, вставленных один в другой. На кирпичах из Калайчи шевроны состоят из белых, желтых и голубых уголков (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: 73, 78, fig. 4; **рис. 7: 4**). В ассирийской настенной живописи шеврон использовался в качестве рамки одного из регистров росписи, например, во дворце Ададнерари III (810–783) в Нимруде (Albenda 1994: figs. 1–3; **рис. 7: 7, 7a**). В этом случае шеврон несколько отличается от калайчинского, в Нимруде белые уголки разделены разноцветными вставками. В настенной росписи и на стенной ручке в храме Иштар в Ниневии эти цветные вставки превращены в чередующиеся светлые и темные широкие уголки (Каталог 2019: 168, ил. 28–29; Curtis, Reade 1995: 102, no. 50), такой же узор в качестве рамки присутствует на глазурованном кирпиче из Ашшура времени Тукульти-Нинурты II (890–884) (Каталог 2019: 80 ил. 61), на реконструированных пластинах из Телль Билла (Albenda 1991: figs. 3–4; **рис. 9: 8**) и на фрагментах кирпичей из Нимруда (форт Салманасара, верхний слой со следами разрушения в 614–612 гг. до н. э., Curtis 1993: 16, 21 ff., fig. 25: 1–8). Все перечисленные случаи использования шевронов датируются IX — началом VIII вв. до н. э. (см. выше выводы Дж. Рида о смене приоритетов в выборе орнаментов). Из Хасанлу IVB происходит глазурованная плитка с рамкой/шевроном по краям, его рисунок повторяет особенности отмеченных шевронов и, в частности, на кирпиче из Ашшура (Dyson 1989: 9, fig. 10a). На опубликованных кирпичах из Рабат тепе шеврон отсутствует, но можно отметить его изображение из трех уголков в качестве части одежды или

пояса на фигуре обнаженной крылатой богини (Hassanzadeh, Curtis 2018: fig. 190).

Помимо росписи, шеврон использовался в начале I тыс. до н. э. на различных предметах: на ассирийских цилиндрических печатях (Marcus 1989: 61, fig. 17); на одной из печатей, обнаруженных в слое Хасанлу IVB, выполненной в ассирийском стиле, упрощенно повторены рисунок и шеврон ассирийской печати (fig. 17) (ibid.: 60, fig. 15).

В урартской изобразительности орнамент шеврон редко использовался. Судя по данным У. Зайдль, он имеется только на одном бронзовом поясе, композиционная схема которого состоит из ячеек, обрамленных рамками/поясками из шевронов, в каждой из ячеек помещено одно изображение: охотник, его добыча (лев или козел), человекоголовые крылатые львы или единороги (Seidl 2004: faltnaf. C). Эта схема композиции¹, состоящей из ячеек с одной фигурой внутри, обрамленных рамками/поясками из шевронов, обнаружена в Аянисе (VII в. до н. э., вост. побережье озера Ван). Здесь в храмовом комплексе города Русахинили перед г. Эйдури, построенном Русой II, на алебастровых плитах, которыми были облицованы стены целлы, методом гравировки были нанесены изображения богов и мифических существ (**рис. 7: 6**). Сохранилось четыре ряда ячеек, внутри каждой из них изображены крылатые существа с туловищем льва и головой птицы, человека или льва, крылья и брюхо каждого оконтурены таким же шевроном (Çilingiroğlu 2001: 43, figs. 19–23). Помимо центральных изображений, различия на поясе и плитах имеются в ряде деталей на рамках и в форме самих рамок — подпрямоугольных на плитах и округлых на поясе. Но имеется сходство ряда второстепенных деталей. В урартской настенной росписи шеврон пока не обнаружен (?).

Трехступенчатые *мерлоны*/зубцы изображены на боковой стороне кирпичей из Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: 73, 78, fig. 5; **рис. 7: 5**). В Рабат тепе обнаружены кирпичи в форме мерлона с изображением крылатых божеств и священного дерева, но орнамента мерлон на опубликованных кирпичях нет (**рис. 1: 3, 5**;

¹ Эта схема, но с другим орнаментом на рамке, имеется и на других поясах (Kellner 1991: 152, fig. 11).

Heidari 2010: 149, tab. LII,1; Hassanzadeh, Curtis 2018: figs. 190, 193, 194; Kargar, Binandeh 2009: pl. 8, 11; HozhabriNobari, Afifi 2009: 59, fig. 21). Из этого же района происходят еще два мерлона с изображением крылатых обнаженных божеств (мужского и женского, Sheikhi at al. 2017: figs. 26–27, частная колл.). Из Зивие происходит костяная пластинка с изображением крепости с мерлонами наверху сооружений (Wilkinson 1975: 35–37, figs. 13, 29).

Судя по изображениям на ассирийских рельефах, мерлоны являлись деталью верхнего края крепостных стен многих городов, завоеванных ассирийскими царями (Curtis, Reade 1995: no. 13; Каталог 2019: 150 ил. 20). Подобные зубцы имеются на каменных курильницах, что, согласно комментарию С.-Д. Симпсона, было характерной чертой курильниц I тыс. до н. э., их форма напоминает башню (Каталог 2019: 182 ил. 37). Орнамент в виде таких мерлонов использовался в настенной росписи ассирийских дворцов. Так, в Нимруде во дворце Адад-нерари III (810–783) они изображены в верхнем регистре росписи в качестве «зубчатой стены»/рамки (Albenda 1994: 3, figs. 1–3; Каталог 2019: 61, ил. 45; **рис. 7: 7**), так же они изображены во дворце Саргона (721–705) в Хорсбаде (Reade 1995: fig. 1). На реконструкции росписи тронного зала в Ниневии мерлоны, как и на изображениях крепостных стен, находятся в верхнем регистре росписи (Curtis, Reade 1995: 216, no. 243).

В Урарту мерлоны, очевидно, также были деталью крепостных стен (Seidl 2004: abb. 104). Хотя в реконструкции крепости Тейшебаини они отсутствуют (Оганесян 1955: 103, рис. 61), однако они изображены на росписи большого зала в Эребуни и в Алтынтепе (Ходжаш и др. 1979: 66, илл. 61, 63, 66; Merhav 1991a: 308–309, fig. 5; **рис. 4: 2**). К тому же они изображены на бронзовой модели крепости из Топраккале (и на реконструкции храма Топраккале) и на многочисленных бронзовых votivных пластинках (Forbes 1983: 16, fig. 9, 48; Kellner 1991a: 291–292, № 1, 3; Merhav 1991a: 306–307, № 1–4; Seidl 2004: 177, abb. 126), на костяной башенке из Кармир-блур (Пиотровский 1962: 90, рис. 55, 56), на каменном рельефе из Адильджеваза с изображением крепости (Calmeyer 1991a: 314–315, fig. 3a–b; **рис. 3: 5**). Мерлон изображен на головном уборе бога Тейшебы из Кармир-блур (Пиотровский 2011: рис. 164; Seidl 2004: 130, abb. 96a) и на бронзовой

фибуле «с изображением входа во дворец» (Ходжаш и др. 1979: 133, илл. 109).

Пока на территории Манны не выявлены крепости с такими зубцами. Но заслуживает внимания описание Саргоном II в 714 г. «большой крепости Ушкайа» в области Суби — «начала пределов Урарту», которую сами урарты называют «Страной Маннеев». Саргон «хвалится» тем, что разрушил крепость «от зубцов ее начав» (АВИИУ № 49: 167 сл.). Не исключено, что эти зубцы и были мерлонами (Меликишвили 1954: 338; Forbes 1983: 16). Если не сами маннейцы построили эту крепость до того, как урарты завоевали область Суби, то, будучи соседями, могли быть знакомы с архитектурными приемами урартов. Тем более, что в Рабате, как отмечено выше, найдены кирпичи в форме мерлона.

Многолепестковые *розетки*. Их изображения, прообразом которых послужил цветок маргаритка, на Древнем Востоке известны с глубокой древности. Первоначально, как отметила П. Альбенда, розетка состояла из 4, 6 или 8 лепестков вокруг центрального диска. В средне- и новоассирийский периоды число лепестков увеличилось до 12 и более. Изображение розетки на предметах искусства и на различных изделиях, связанных с культом, позволяет, по мнению автора, интерпретировать ее изображения как символ богини Иштар, или как эмблему Ассирийского царства или царской власти (Albenda 2020: 73 f.). Однако, еще в конце XII в. до н. э. в Вавилонии многолепестковые розетки украшали царскую корону цилиндрической формы с перьями (см. выше, Calmeyer 1995: fig. 13; **рис. 6: 6**) и другие, видимо, элитарные изделия: бронзовые сосуды, перстни-печатки и т. п. (ibid.: figs. 25–26).

На кирпичях из Калайчи розетки изображены на браслетах на обеих руках антропоморфных крылатых фигур, как и в Ассирии, и, следовательно, являются символом маннейского божества; по-видимому, такие же розетки изображены на руках божества на кирпиче/мерлоне из Рабат тепе (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 72, 73, 77, 84; HozhabriNobari, Afifi 2009: 27, изображение не вполне четкое, **рис. 1: 1, 2, 3**). Хотя сама восьмилепестковая розетка, являясь элементом орнамента, изображалась на боковой стороне калайчинского кирпича, некоторые из них помещались на лицевой его стороне (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 14–17,

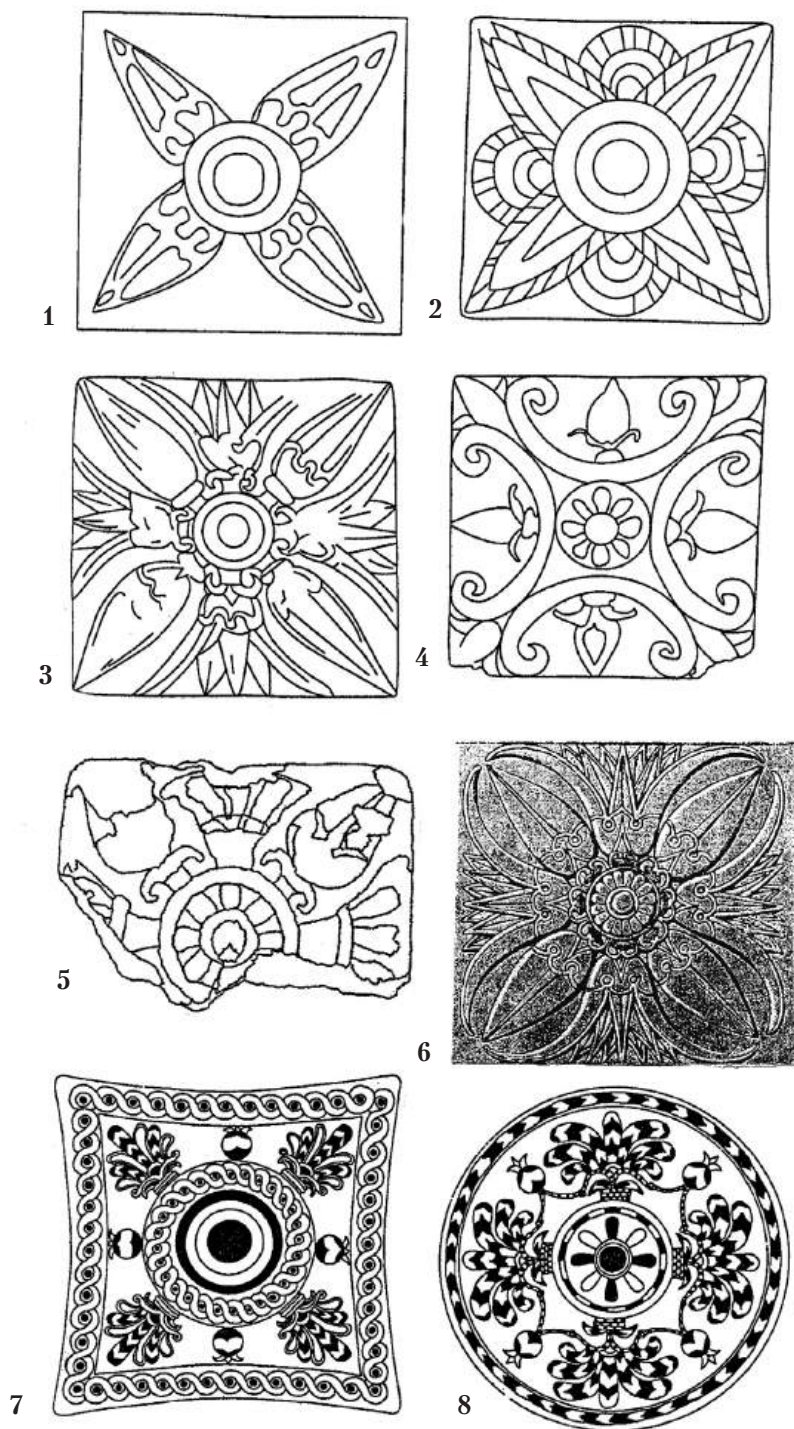

Рис. 8. Растительный орнамент.
 1–4 — Калайчи; 5 — Рабат тепе; 6 — Ниневия;
 7–8 — Телль Билла, Телль Аджайя

20, 30, 31). Некоторые калайчинские розетки приобрели геометрическую форму, имея или заостренные концы, что сближает их с изображением звезды (*ibid.*: figs. 16, 17; **рис. 8: 2**), или, слегка расширяясь к концу, обрели подпрямоугольную форму (*ibid.*: figs. 6, 14, 15, 20, 23). Многие из них, но не все, заключены в круг, что, по мнению Дж. Рида, служит признаком VIII в. В круг не включены розетки, более других похожие на растения (*ibid.*: figs. 21, 25, 26; **рис. 8: 1**), следует ли относить их к группе растительного орнамента? На опубликованных кирпичах из Рабат тепе розетки отсутствуют.

В урартском искусстве 16-лепестковые розетки изображались на предметах конской утвари: на дне многочисленных бронзовых цилиндров, которые надевались на конец дышла (Seidl 2004: 98, 99, abb. 66–70; Merhav 1991b: 73, figs. 21–25; Vanden Berghe, Meyer 1982: № 79–83), на бляшках с 14-лепестковой розеткой в центре и с петлей на обороте, служивших украшением узды (Seidl 1991: 93, fig. 54), на «ошейниках», на одном из которых изображены крылатые сфинксы, стоящие на 16-лепестковой розетке (*ibid.*: 94, fig. 55). Ее изображение имеется на одном из бронзовых поясов (Kellner 1991: 145, fig. 2). Если на поясах, цилиндрах и бляшках розетки могли быть не только орнаментом, но и служить оберегом, то изображение стоящего на розетке сфинкса может свидетельствовать о ее роли в качестве урартского божественного символа. Об этом же свидетельствует их изображение на головном уборе обнаженной богини на статуэтке из Топраккале (Vanden Berghe, Meyer 1982: 238 № 233) и на браслетах божеств в ассирийской и маннейской изобразительности.

Цепочки из концентрических кругов, на калайчинских кирпичах их обычно три или два круга (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 6, 7, 19; **рис. 9: 3**), на кирпиче из Рабат тепе их четыре (Kargar, Binandeh 2009: pl. 6c; **рис. 9: 4**). Во дворце Саргона II в Хорсабаде кирпичи с тремя кругами служили нижним обрамлением подиума в храме (Reade 1995: fig. 11), в Ашшуре также три круга (Gries, Fügert 2019: 258, fig. 5), в Нимруде, судя по акварели XIX в., на узкой стороне кирпича могло быть пять кругов (Каталог 2019: 252 ил. 87).

Два ряда полукругов, соприкасающихся вершинами по центру узкой стороны на калайчинских кирпичах, с некоторыми

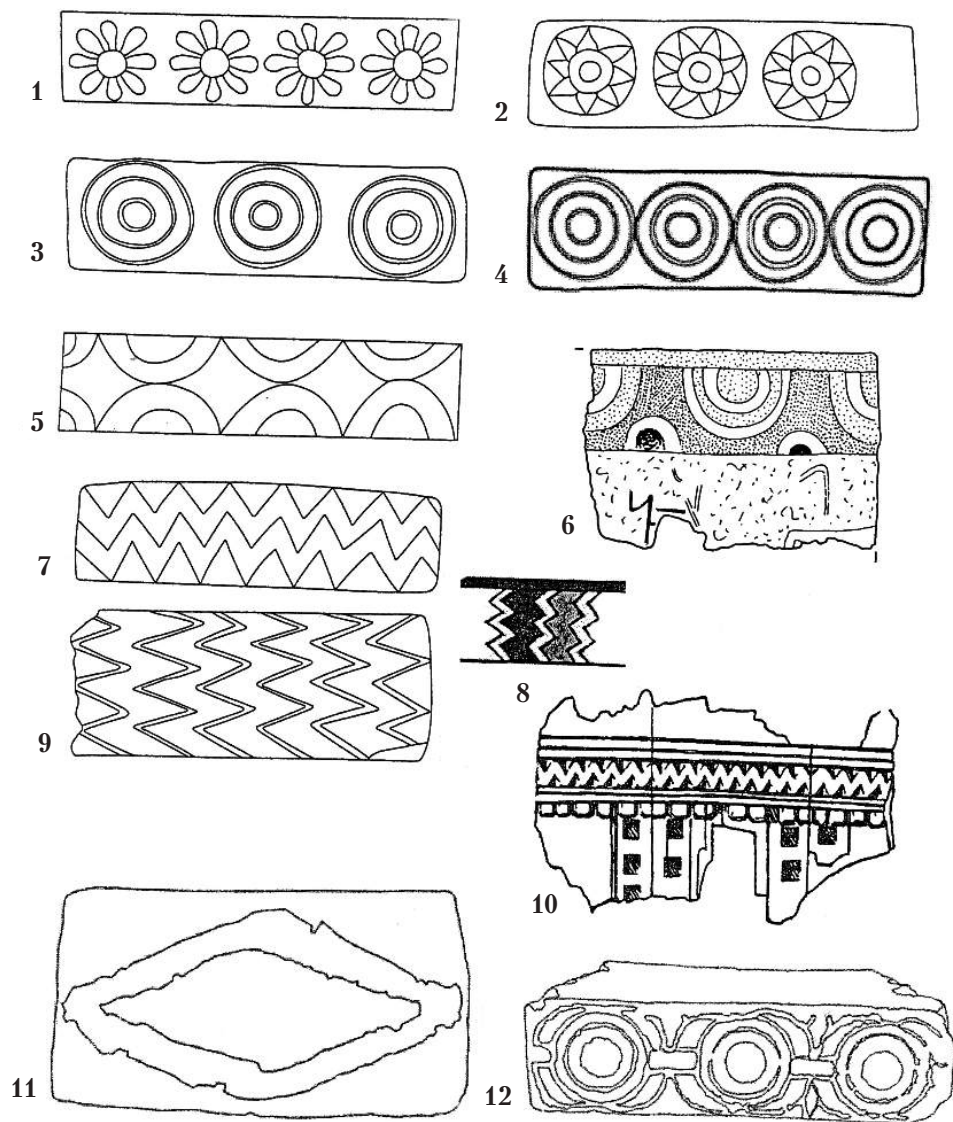

Рис. 9. Геометрический орнамент.

1, 2, 3, 5, 7, 9 – Калайчи; 4, 11, 12 – Рабат тепе; 6, 8 – Нимруд;
10 – Кармир-блур

отличиями они имеются на расписных кирпичках из Нимруда (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: fig. 8; Curtis 1993: figs. 24, 2–4, 6–9; рис. 9: 5, 6).

Вертикальные зигзаги (из трех зубцов) и цепочки из горизонтальных зигзагов обнаружены в Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi

2017: figs. 2, 3; **рис. 9: 7, 9**), но отсутствуют в Рабат тепе. Вертикальные зигзаги изображались в ассирийской росписи уже в IX в. до н. э. (Нимруд, Каталог 2019: 63 ил. 46; Albenda 1994: fig. 4; **рис. 9: 8**). Цепочки горизонтальных зигзагов были особенно популярны в урартской торевтике в VIII в. в период правления Аргишти I и Сардури II (Seidl 2004: 97, 99, abb. 29–32, 47, 71, 93), в VII в. в резной кости (Пиотровский 2011: 394, **рис. 54; рис. 9: 10**).

В Рабат тепе, помимо упомянутых выше трех элементов росписи кирпичей в качестве аналогий калайчинским экземплярам (гильош, кирпичи в форме мерлона, цепочки из четырех концентрических кругов), имеются некоторые элементы геометрического орнамента, отсутствующие на опубликованных кирпичах из Калайчи. К ним относятся: 1) вытянутый ромб, занимающий всю боковую сторону кирпича (Kargar, Binandeh 2009: pl. 6a; **рис. 9: 11**). Этот элемент геометрии был, по мнению исследователей, широко распространен во времени и пространстве с IV тыс. вплоть до новоассирийского периода (Afifi, Heidari 2010: 158–159, fig. 27). Однако в большинстве случаев авторы такими ромбами считают квадраты, повернутые по диагонали (*ibid.*: figs. 25–26), форма которых в таком случае отличается от вытянутых ромбов. Последние встречаются на изделиях новоассирийского периода как в самой Ассирии, так и в Урарту (*ibid.*: figs. 26g, 27; Seidl 2004: abb. 150b, 151b), но в целом ромб не был особенно популярным элементом. 2) Цепочки из трех концентрических кругов с вертикальными полукругами по бокам, между ними сверху и снизу помещены ромбы, круги соединены между собой перемычками, что и превращает их в настоящую цепочку. Аналогии этому орнаменту пока не обнаружены в памятниках VIII–VII вв. до н. э., и он может считаться элементом местной изобразительности в Рабат тепе (Afifi, Heidari 2010: 158; **рис. 9: 12**), чему не противоречит более позднее подобное использование ромба между кругами на панно из глазурованных кирпичей во дворце вавилонского царя Навуходоносора II (605–582) (Mol-lazadeh 2020: pl. 15).

В свою очередь, на опубликованных кирпичах из Рабат тепе отсутствуют шевроны, вертикальные зигзаги и розетки. Только в одном случае можно предположить изображение

розетки на браслетах крылатого божества (Heidari 2010: 149, tab. LII,1) и отмеченную выше поясную часть одежды богини в виде шеврона.

Растительный орнамент украшал как боковую сторону калайчинских кирпичей, так и лицевую. На боковой стороне располагались цепочки из восьмилепестковых розеток, а также цепочки бутонов и распустившихся цветков лотоса, как их обычно называют (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 21, 25–28; **рис. 10: 1**, см. ниже). Аналогичное изображение цепочек из цветков и бутонов лотоса выполнено на бронзовой пластине и на костяных пластинках из «клада» Зивие (Ghirshman 1950: fig. 4; idem.: 1979: pl. X, 6, 7). Они отличаются от калайчинских цепочек только дуговидными стебельками, соединяющими цветы и бутоны, и соответствуют ассирийской схеме таких цепочек (дворец Синаххериба в Ниневии, Paterson [1915]: pl. 50).

Как отмечено выше, некоторые розетки (особенно заключенные в круг) также могут рассматриваться как растительный орнамент (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 30, 31).

На лицевой стороне кирпича располагались отдельные растительные композиции. Каждая из них состоит из разных элементов — бутонов (иногда схематизированных) и цветков лотоса и др., скомпонованных по схеме восьмилепестковой розетки/восьмилучевой звезды (ibid.: figs. 32–52; **рис. 8: 1–3**). Четыре крупных бутона с острыми концами располагались по диагоналям квадрата, между ними по центральным осям квадрата — четыре меньших размеров бутона или цветки лотоса, реже вместо них дуговидные фигуры, в центре композиции восьмилепестковая розетка в круге или концентрические круги. На двух из опубликованных кирпичей эта схема представлена другим вариантом рисунка (ibid: figs. 38, 39; **рис. 8: 4**). Акцент сделан на четыре крупные дуговидные фигуры, расположенные по осям квадрата, в основание каждой из них помещен бутон, в центре композиции восьмилепестковая розетка. О том, что эта композиция строилась по общей схеме, указывают небольшие бутоны, расположенные по диагоналям в углах квадрата (**рис. 8: 4**). В Рабат тепе на фрагментированном кирпиче сохранился первый вариант композиции со слегка упрощенным изображением цветков лотоса (Afifi, Heidari 2010: fig. 12; **рис. 8: 5**).

Описанная схема построения обоих вариантов растительной композиции на кирпичах из Калайчи и Рабат тепе повторяет два варианта этой схемы на ассирийских рельефных декоративных квадратах и на расписных квадратных и круглых пластинах с ручкой/кнопкой в центре (Paterson 1915: pl. 50; Albenda 1991: figs. 1–4, 6, 7). Первый вариант схемы, представленный на рельефе из дворца Синаххериба в Ниневии (**рис. 8: 6**), преобладает на опубликованных калайчинских кирпичах (**рис. 8: 1–3**). Тогда как на расписных ассирийских пластинах другой набор элементов композиции обоих вариантов схемы: если в Калайчи преобладают крупные остроконечные бутоны по диагоналям и цветки лотоса или полукруги по осевым линиям, то на ассирийских пластинах по диагоналям расположены пальметты, по осевым линиям бутоны; на круглых пластинах наоборот — по осевым линиям пальметты, по диагоналям бутоны (**рис. 8: 7, 8**). На маннейских кирпичах, в отличие от ассирийских рельефных и расписных пластин, отсутствуют орнаментальные рамки по краям, что можно объяснить локализацией таких кирпичей в качестве орнаментальных линий, которые в свою очередь обрамлялись рядами кирпичей с другим узором на их боковой стороне. Ассирийские пластины с ручкой вставлялись в стены и являлись индивидуальными предметами.

Священное дерево/древо. На ассирийских рельефах моделью для изображения священного дерева служила конкретная выработанная форма. Центром композиции служил ствол дерева, поставленный на базу. Ствол увенчан пальметтой, состоящей из семи длинных листьев. Ствол обычно разделен на три части тройными поясками с двумя отогнутыми рогами над и под поясками. На некоторых ассирийских рельефах на стволе изображены шевроны (**рис. 10: 2–3; 1: 4**). Регламентированное переплетение ветвей создает определенный узор/сетку вокруг ствола, на концах ветвей, собранных в пучок до трех ветвей, изображены бутоны или небольшие пальметты. Связанные между собой растительной линией, они образуют одну или две гирлянды вокруг ствола с ветвями. В целом композиция представляет высокую узкую арку, вокруг которой стоят боги и цари (Albenda 1994a: fig. 8; Parpola 1993: figs. 1, 2, Appendix A).

На калайчинских кирпичах отсутствует изображение священного дерева. В Рабат тепе на двух поврежденных кирпичах/

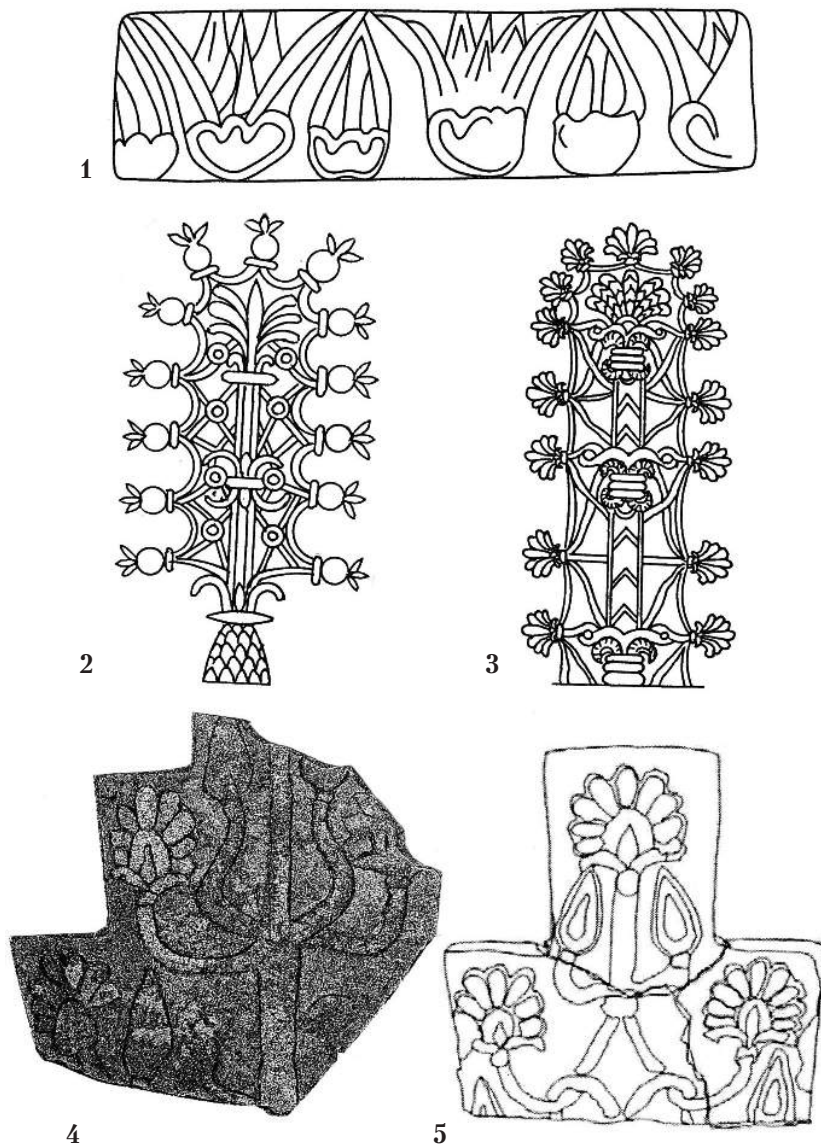

Рис. 10. Растительный орнамент.

1 — Калайчи; священное дерево; 2, 3 — Ассирия; 4, 5 — Рабат тепе

мерлонах изображения священного дерева отличаются от ассирийских и различаются между собой. На одном из них изображена только верхняя часть ствола, который увенчан девятилепестковой пальметтой, от ствола отходят две стилизованные ветви с бутонами на концах, ниже места ответвления в центре изображения

на месте ствола начинается переплетение ветвей, каждое из которых наверху заканчивается двумя пальметтами (7 и 9 листьев), а ниже — бутонами (HozhabriNobari, Afifi 2009: fig. 21; **рис. 10: 5**). На другом изображении ствол является центром композиции, переплетение ветвей отсутствует — на концах изогнутых веток, изображение которых более реалистично, бутоны; верх ствола не сохранился, обводная гирлянда не изображена (Kargar, Binandeh 2009: pl. 8; **рис. 10: 4**). Опубликован еще один мерлон, на котором едва можно разглядеть ветвь с пальметтой на конце, похожую на изображение на табл. 8 (*ibid.*: pl. 8, 11).

Очевидно, что в данном случае мастера из Рабат тепе не копировали ассирийскую схему, с которой были знакомы, а использовали ее отдельные элементы для своей, видимо, только декоративной композиции, которая была ограничена размерами и формой мерлона. Отсутствие изображения крылатого божества с необходимыми атрибутами перед деревом свидетельствует об отсутствии этого ассирийского сюжета на кирпичах из Рабат тепе. Хотя, как отмечено выше, на калайчинских кирпичах имеются изображение ведерка в руках шагающего божества в образе человека-птицы и шишки/пучка цветов (фр-т). О том, что маннейцы были знакомы с символикой священного дерева, свидетельствуют изображения на пластинках из резной слоновой кости из «клада» Зивие. Некогда они украшали мебель и другие предметы, которые, очевидно, были импортом из Ассирии. Но было ли дерево священным для маннейцев? (см. ниже, Wilkinson 1975: fig. 11).

Сопоставив все опубликованные изображения на глазурованных кирпичах из Калайчи и Рабат тепе, можно определить очевидные различия наиболее выразительных из них. Прежде всего это относится к фигурным изображениям, которые могут входить в круг религиозных представлений их заказчиков. Во-первых, судя по имеющимся данным, в Рабат тепе отсутствуют антропоморфные крылатые коленопреклоненные персоны, а в Калайчи, в свою очередь, нет стоящих фронтальных крылатых мужских и обнаженных женских фигур (**рис. 1**). Во-вторых, из многочисленных калайчинских гибридных крылатых животных и птиц в Рабат тепе известно лишь одно изображение крылатого льва с безбородой головой человека (**рис. 2: 4**). В-третьих, в Рабат

тепе, в отличие от Калайчи (**рис. 5**), нет изображений реальных животных и птиц.

Общим элементом на головных уборах в обоих памятниках является изображение одной пары рогов (**рис. 1**).

Что касается геометрического и растительного орнаментов, то хотя эти элементы были популярны во все времена в культурах стран Древнего Востока, но и здесь можно отметить некоторые особенности изображений на кирпичах в обоих памятниках. Из всех многочисленных элементов геометрического орнамента на калайчинских кирпичах в Рабат тепе имеются лишь три из них — шеврон, цепочки из concentрических кругов, а вместо рисунка мерлона в Рабат тепе имеются кирпичи в форме мерлона. В свою очередь, в Калайчи нет изображений единичного ромба на боковой стороне кирпича и оригинального орнамента в виде соединенных перемычкой кругов; последние, кроме Рабат тепе, нигде пока не обнаружены (?) (**рис. 9: 11–12**).

Растительный орнамент в Рабат тепе представлен одним из двух вариантов цветочной композиции, имеющих на глазурованных кирпичах из Калайчи (**рис. 8: 5**). Но, в отличие от Рабат тепе, в Калайчи отсутствует изображение священного дерева, хотя, поскольку здесь имеется изображение ведерка, можно предполагать, что ассирийский обряд опыления священного дерева был известен калайчинцам.

В Ассирии для украшения стен использовались или панно, сложенные как мозаика из отдельных глазурованных кирпичей с фрагментами изображений на каждом из них, или кирпичи с целым изображением на каждом. Если панно можно было рассматривать с большого расстояния, то для чего предназначались кирпичи с целым изображением? На каждом маннейском кирпиче (размер *ca* 34×34 см) также помещалось полное изображение, что, даже если сюжетная композиция складывалась из нескольких кирпичей, затрудняло ее рассмотрение с близкого расстояния даже несколькими персонами. Поэтому неясно, где их размещали и каким целям эти изображения служили.

Эти выводы в целом предварительны, т. к. основаны на неполной публикации материала, хотя можно предположить, что опубликованы наиболее репрезентативные экземпляры. Определяемое различие между изобразительностью обоих памятников

не противоречит определенной выше локализации Рабат тепе на территории ассирийской провинции Внутренняя Замуа за пределами Маннейского царства. Не противоречат разной государственной принадлежности обоих памятников письменные свидетельства, обнаруженные в них. В Калайчи на стеле с арамейской надписью сохранилось название столицы Манны Изирту, отсюда предлагаемая исследователями идентификация Калайчи с этим городом. А в Рабат тепе на нескольких кирпичах имеются фрагменты клинописных надписей, в одной из которых читаются имена вавилонских богов Бела и Набу (Heidari 2010: 149–150). С учетом особенностей антропоморфных изображений (анфас) из Рабат тепе, которые могут указывать на близость с вавилонской культурой через посредничество Луристана и Элама, не исключается определенная культурная независимость Внутренней Замуа до ее поглощения Ассирией.

В заключении следует подчеркнуть следующее: культура Маннейского царства занимает особое место среди культур стран Иранского нагорья в VIII–VII вв. до н. э. Только она впитала многие характерные черты изобразительного искусства и культуры главенствующих тогда стран — Ассирии и Урарту, что по существу не исключает вхождение Манны в их культурный ареал.

Изобразительность отражает мировоззренческий пласт любой культуры, а взаимодействие культур открывает путь к прямому заимствованию не только внешней формы, т. е. самой изобразительности, но иногда и внутреннего содержания конкретных образов. Схема изображения маннейцами/калайчинцами антропоморфных крылатых божеств в целом повторяет ассирийскую схему, но насколько близки были их религиозные представления? Ответ на поставленный вопрос затрудняет отсутствие в маннейской изобразительности конкретных композиций, на кирпичах имеются лишь отдельные элементы сюжетных изображений, из которых, по-видимому, и составлялись сами композиции. Если ассирийская коленопреклоненная крылатая антропоморфная фигура перед деревом свидетельствует о конкретном обряде (опыление священного древа) или поклонении ему и является элементом религиозных воззрений ассирийцев, то соответствуют ли им маннейские изображения крылатых божеств? Положительно

ответить на этот вопрос отчасти могли бы атрибуты обряда опыления, сопутствовавшие этому ассирийскому обряду, и изображения которых имеются на калайчинских кирпичях — ведро и плод финика/шишка. Но они в руках не антропоморфного, как в Ассирии, божества, а в руках другого божества (гибридная птица), как и в Урарту. В Урарту в храме в Аянисе найдено археологическое подтверждение существования обряда опыления священного дерева; и обряд свершался антропоморфным божеством, в руке оно держит ведро (Batmaz 2013: 69 ff., figs. 14–19; подробнее см. ниже § 2.5.), а иногда и чашу (**рис. 3: 5**). О сходстве религиозных воззрений ассирийцев и маннейцев могли бы свидетельствовать изображения стебля с двумя или тремя побегами опиумного мака в маннейской и ассирийской изобразительности. Ассирийские служители культа отгоняли зло при помощи опиумного мака (Каталог 2019: 53, прим. 31, 304–307, илл. VII, VIII). Впрочем, этот изобразительный мотив существовал на Древнем Востоке с глубокой древности (Вергазов, Колганова, Смоленкова 2020). Различие заключается лишь в позиции стебля мака в руке божества — в Ассирии и Манне его держат опущенным вниз, а в Урарту и других регионах Древнего Востока он поднят кверху.

Наличие одинаковых ритуальных предметов может предполагать не только знакомство маннейцев с ассирийскими и, очевидно, с урартскими религиозными обрядами, но и свершение ими подобных обрядов в своих храмах. Имеющиеся изображения дерева на мерлонах из Рабат тепе также не исключают здесь вероятность этой сюжетной композиции в росписи. Все это не исключает существование в ней сюжетных композиций, составленных из глазурованных кирпичей. Об этом же могут свидетельствовать орнаменты на боковых сторонах маннейских кирпичей в виде концентрических кругов, мерлонов, зигзагов, розеток, гильоша, которые широко использовались в ассирийской росписи в качестве рамок для сюжетных изображений.

Одинаковые элементы орнамента в ассирийской, урартской и маннейской изобразительности могут представлять другой уровень заимствования. Он может свидетельствовать о вхождении в близкий или одинаковый культурный ареал. Различные орнаменты могли заимствоваться для построения различных

композиций в каждой отдельной культуре и не всегда могли означать одинаковый символ с конкретным содержанием/смыслом, но иногда могли и означать его. Так, многолепестковая розетка в Урарту и Ассирии являлась символом божества, а в Ассирии она была еще и эмблемой царства. На маннейских кирпичах розетка, помимо орнаментальных композиций, изображена на браслетах на руках крылатого божества, как и в Ассирии, так и в ее владении Внутренняя Замуа/Рабат тепе; в Урарту изображений браслетов с розеткой нет, и там розетка в большей мере скорее служила оберегом. Следовательно, в Манне такие браслеты также могли стать символом божества.

Из описанных выше орнаментальных узоров на маннейских кирпичах именно в Ассирии наиболее популярными были гильош и шеврон, последний отсутствует в Урарту. Как уже было отмечено, маннейские правители на протяжении IX–VII вв., хотя и с перерывами, в целом были связаны с ассирийскими царями политически и, как следствие этого, культурно. Все описанные выше элементы маннейской изобразительности это подтверждают. Но примечательно, что в ассирийской изобразительности, по существу, отсутствуют изображения гибридных крылатых существ с телом животных и птиц, но с человеческой головой, тогда как в урартском пантеоне они многочисленны и разнообразны. Имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют о преобладании в маннейском пантеоне именно гибридных существ, что сближает его и с урартским религиозным мировоззрением.

Когда и в каких условиях могло быть продуктивным культурное влияние Ассирии и Урарту на сложение маннейской культуры? Если исходить из военно-политической ситуации в Иране в IX–VII вв. до н. э., то в какое время этого периода это влияние могло быть действенным? Во второй половине IX в., когда началось активное вторжение Ассирии в страны Древнего Ирана, приведшее, в частности, к разрушению маннейских городов, уничтожению и депортации населения, предполагать культурное влияние Ассирии затруднительно. Его можно предполагать только для второй половины VIII в., когда после длительного перерыва Ассирия возобновила завоевания на востоке. Тогда Тиглатпаласар III перестал ограничиваться только

разрушением и ограблением, и начал создавать из завоеванных территорий провинции, которые территориально приблизились к маннейским владениям. В первой же половине VIII в. в период временного ослабления Ассирии в странах Ирана возросло политическое влияние Урарту. Урартские владения в районе западного побережья Урмии и после захвата царем Менуа области Суби на его южном побережье, маннейскую принадлежность которой подтвердил в 714 г. Саргон, приблизились к северным маннейским владениям (Зикирту, Андия, Уишдиш). Их правители были склонны к союзу с Урарту, тогда как правители центральных владений были склонны к союзу с Ассирией (см. выше § 1). Именно в VIII в., когда начались двусторонние взаимные поиски союзнических контактов между Ассирией и Манной (с середины VIII в.), с одной стороны, и Урарту и Манной (с начала VIII в.) — с другой, могло начаться формирование маннейской культуры, точнее ее нового этапа, в рамках взаимодействия с культурой доминирующих стран этого времени. И даже после 714 г., когда Саргон уничтожил приурмийский плацдарм урартов, и когда маннейцы, по существу, проникли на эту территорию, знакомство с урартской материальной культурой, даже пострадавшей в результате военных действий ассирийцев, могло продолжиться.

Группа III. Зивие. Согласно многочисленным исследованиям, особое место в культуре Маннейского царства занимают находки из деревни Зивие. Там, согласно отчетам А. Годара, в 1947 г. местные крестьяне нашли многочисленные изделия из золота, серебра, слоновой кости и керамики, которые, как они утверждали, первоначально находились в бронзовом контейнере в форме ванны, фрагменты которого сохранились. «Клад» был захоронен возле высокого холма, на вершине которого находилась цитадель древнего поселения. Многочисленность находок, которые быстро разошлись по частным и музейным коллекциям, сразу поставила под сомнение их происхождение из одного места. Главным противником локализации всех находок в Зивие был О. Мускарелла (Muscarella 1977; Луконин 1980: 90–93).

А. Годар предположил, что Зивие было одним из сильных маннейских укреплений, которое было известно ассирийцам под названием Зибия и было сожжено Саргоном в 716 г. до н. э. В этой

идентификации сомневался еще Ч. Вилкинсон, который считал, что поскольку Зивие арабское слово, то им вряд ли могли называть поселение на холме, которое за много веков до появления арабов было разрушено и забыто (Wilkinson 1975: 9). Р. Дайсон, обследовав Зивие в 1956 и 1960 гг., пришел к такому же выводу еще раньше (Dyson 1963: 34). Он считал, что здесь нет данных, которые могли бы подтвердить предположение А. Годара. Небольшое укрепленное сооружение на вершине холма в лучшем случае могло быть резиденцией местного правителя. Оно было надежно укреплено защитной стеной из сырцового квадратного кирпича (34×34×9 см) и возвышалось над очень крутыми склонами холма (ibid.). К сожалению, материалы раскопок Р. Дайсона в 1964 г. не опубликованы. Имеется лишь краткое описание результатов раскопок и некоторых находок. Фиксируется по крайней мере три этапа перестроек здания на вершине цитадели. По его данным, оно состояло из сложной системы коридоров и небольших комнат, окруженных крепостной стеной толщиной до 7,5 м. В замок вел наклонный подъем, укрепленный камнями, и проходящий через крепостную стену. Было зачищено 30 м этой лестницы. К последнему этапу обживания (конец VII в. до н. э.) Р. Дайсон отнес следующие находки: плакетки из слоновой кости («plain», т. е. выполненные в линейном стиле без выемки фона, см. ниже); железные наконечники стрел; бронзовые украшения и уздечные бляшки, и фрагменты керамики с прочерченным и расписным орнаментом (Dyson 1965: 205–207). Здесь им были также обнаружены две круглые каменные базы колонн (известняк). Базы в форме простого цилиндра украшены цепочкой рельефного орнамента (судя по описанию, похожая база была найдена недалеко от Калайчи, см. выше). Здесь в заполнении найдены фрагменты глазурованных плиток (Dyson 1963: 34–35).

Что касается локализации маннейской Зибии, то существует и другая точка зрения, согласно которой Зибия–Изибия–Узбия, упоминаемая Саргоном II и Ашшурбанапалом, соответствует современному поселению Зебия. Оно находится между современными городами Сердештом и Банэ и, следовательно, Зибия находилась западнее Саккыза, возле которого находится Зивие (Арутюнян 1984: 102–15). Но, отодвигая на запад

к Магистральному хребту Загроса это отнюдь не пограничное маннейское владение, автор, по сути, не оставил места для локализации Внутренней Замуа, Сурикаша, Сумбу и Караллы. Последние два владения, в отличие от Сурикаша, не вошли в состав Маннейского царства (см. § 1, табл. 1, карта 1). Однако, последние исследования Зивие могут изменить представление о нем как о скромной резиденции местного правителя. Иранские археологи, проводившие здесь раскопки в 1976–2001 гг., обнаружили в здании на цитадели большой зал, первоначально с двумя рядами деревянных колонн, от которых сохранилась часть каменных баз; происходили ли отсюда базы колонн, обнаруженные Р. Дайсоном, пока неясно. Археологи обнаружили также несколько комнат и коридоры, и продолжили раскопки длинной крепостной стены (Muscarella 2017: 2/6 — 3/6; Jāvidniyā, Hozhabri: 2019–2020: 60, fig. 5). Поселение погибло в результате сильного пожара (сожжено Саргоном?).

В 1997 г. во время раскопок в Зивие были найдены костяные пластинки (Amelirad 2019), некоторые из которых существенно отличаются от известных ранее и будут рассмотрены ниже отдельно от костяных изделий, происходящих из «клада» Зивие.

Из предметов, найденных во время раскопок и перечисленных О. Мускареллой, следует отметить следующие: два предмета из слоновой кости, но они, как отметил О. Мускарелла, не имеют ничего общего с костяными пластинками, выполненными в «ассирийском» стиле, которые опубликовал Ч. Вилкинсон. Найдены бронзовые втульчатые дву- и трехлопастные наконечники стрел, керамическая лампа, фрагмент сосуда в стиле *Egyptian blue* с изображением орла. Очень важной находкой является булла Русы II (?685–653). Именно Руса II, реформируя бюрократический аппарат, ввел, в частности, практику регистрации документов и прочих объектов при помощи печатей (Медведская 2018: 167). Находка этой буллы может, по словам О. Мускареллы, являться признаком дипломатических и культурных контактов между Манной и Урарту (Muscarella 2017: 2/6 — 3/6). Где и когда эти контакты начались? (см. § 2.5). Еще в первой половине VIII в. до н. э. в период ослабления Ассирии усилились контакты между маннейцами и урартами (гл. VI, § 1). После разгрома Саргоном в 714 г. приурмийского плацдарма урартов, маннейцы довольно

быстро проникли сюда и, по существу, овладели этими землями. В VII в. политические интересы Русы II были связаны с борьбой за овладение позднехеттскими царствами, о завоеваниях Русы, как и Аргишти II (714–685?), в регионе Маннейского царства в источниках не упоминается. Но в период правления обоих царей дипломатические контакты с маннейскими правителями, очевидно, были налажены (см. § 2.5.). Но уже с середины VII в. господство в регионе вновь переходит к Ассирии и вскоре маннейский царь становится союзником Ассирии.

Единственным кандидатом, который разгромил и сжег город Зивие, остается мидийский царь Киаксар (625–585). Это могло произойти между 616 г., когда маннейцы еще были союзниками Ассирии, и 612 г., когда пала Ниневия. До этого двумя первыми победами мидийцев был разгром Урартского царства и завоевание Персиды (Медведская 2018: 258–259).

В связи с вопросом о становлении маннейского изобразительного искусства необходимо рассмотреть изделия из слоновой кости, происхождение которых связывается с Зивие. В спорах исследователей о подлинности некоторых изделий из драгоценных металлов и неопределенности происхождения «сокровищ Зивие» костяные изделия как будто бы не фигурируют.

§ 2.2. Резная слоновая кость

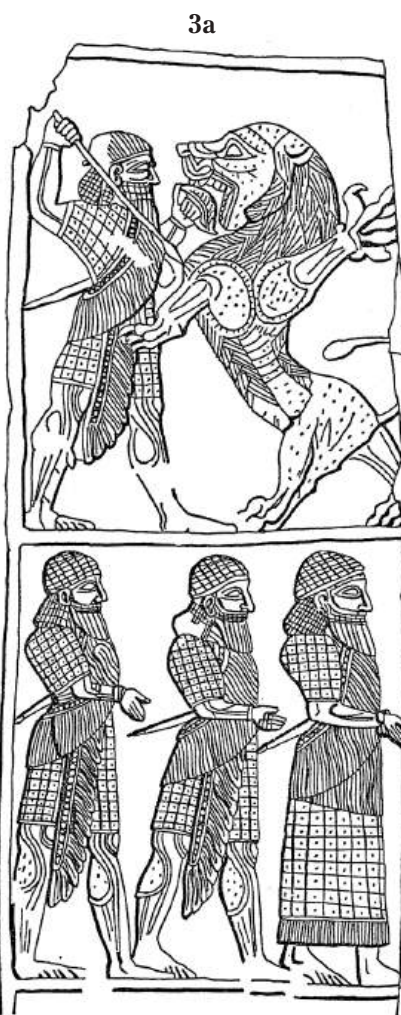
Сопоставление изображений на глазурованных маннейских кирпичках из Калайчи и на костяных плакетках из «клада» Зивие (или найденных в этом районе) малорезультативно, прежде всего, из-за отсутствия на костяных плакетках антропоморфных коленопреклоненных крылатых фигур — одного из главных признаков маннейской изобразительности на глазурованных кирпичках (**рис. 1: 1–2**). Из разнообразных маннейских гибридных фигур (**рис. 2: 1–5**) на плакетках известны только изображения человекоголового льва/сфинкса, иногда с повернутой назад головой и одной парой рогов на головном уборе (Godard 1950: 91, fig. 68; Ghirshman 1979: pls. XII: 3–6, XVII: 1–2). Выше уже было отмечено, что на ассирийских рельефах отсутствуют маннейские и урартские гибридные существа.

1

2

3а

36

4

5

Рис. 11. Костяные пластины.
1 — Нимруд; 2–5 — Зивие

В свою очередь, на плакетках из «клада» Зивие изображения стоящих антропоморфных крылатых божеств (отсутствующих на маннейских кирпичах) полностью и в деталях копируют изображения крылатых богов на ассирийских каменных рельефах и на костяных плакетках, но которые отсутствуют на глазурованных кирпичах. Прежде всего это изображения богов в сценах опыления священного дерева, держащих в руках ведро и шишку (**рис. 11: 1**). Совпадают также фасон длинной одежды с бахромой, надетой поверх короткой юбки/килта и разрезом спереди; рисунок крыльев; рисунок мускулатуры обнаженной ноги; головной убор с одной парой рогов (Godard 1950: 91, figs. 75, 76; Wilkinson 1975: fig. 12a; Ghirshman 1979: pls. VIII: 1–2, XVII: 14–17; **рис. 11: 2–3**). Одежда у всех персонажей, изображенных на плакетках из клада Зивие, имеет одинаковый рисунок ткани — клетки с квадратами внутри (исключением служит рисунок ткани подобной одежды божества в сцене опыления — вертикальные полосы с двумя поперечными полосами, Godard 1950: fig. 92). Длинную одежду из такой же клетчатой ткани, но без разреза спереди, носили ассирийские цари и сановники, очевидно, высокого ранга, тогда как «офицеры» носили короткие юбки из такой же ткани, что и отображено на плакетках из Зивие и Нимруда (Godard 1950: figs. 80–81; Porada 1965: 125–127, figs. 70–71, pl. 35; Barnett 1982: pls. 37: a–b–c, 38: c; Ghirshman 1979: pl. VII: 1, 5, 9–10; Wilkinson 1975: figs. 17, 17b, 18, 23). Такую же одежду на сановниках и «офицерах» можно видеть на фрагментах бортиков бронзовой «ванны», в которой, предположительно, первоначально находился «клад» Зивие (Wilkinson 1975: 8, figs. A, B).

На некоторых костяных плакетках из «клада» Зивие изображены колесницы и всадники в сценах охоты на львов и быков (Godard 1950: figs. 80–85; Wilkinson 1975: figs. 13–19; Ghirshman 1979: pl. VIII: 1, 4–7, 9; Barnett 1982: pl. 38c). Детальное изображение конского убранства, колесниц, воинов и т. д. позволяет определить их датирующие признаки. Изделия из резной кости, происхождение которых связывается с «кладом» Зивие, обнаруживают признаки изображений как IX в., так и VIII в. до н. э., которые были рассмотрены в связи с резной костью из Хасанлу IVB (гл. III, § 3).

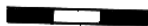
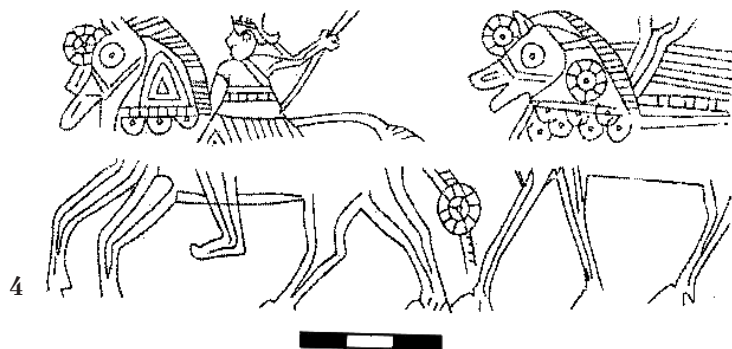
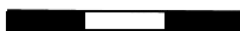
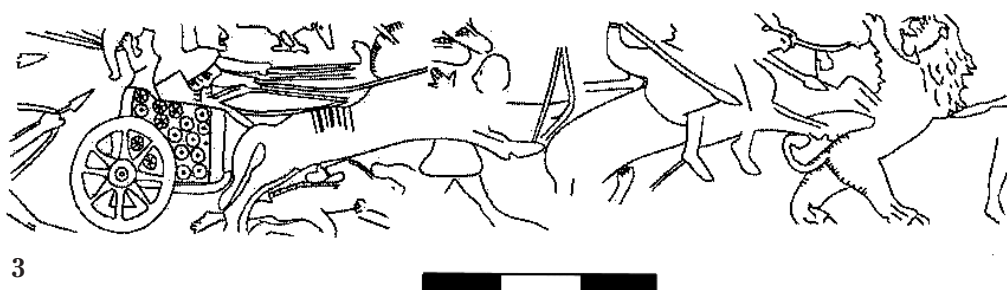
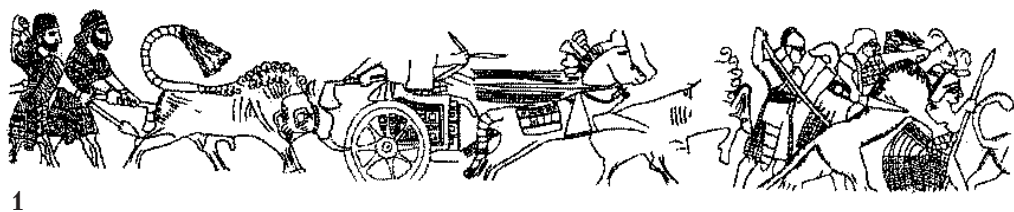

Рис. 12. Костяные пластины, Зивие, 1997 г. 1–3 – группа 1; 4 – группа 3

Признаками IX — начала VIII вв. до н. э. на изображениях колесниц и конского убранства на плакетках из «клада» Зивие являются, во-первых, эллиптический щит, который соединял кузов колесницы с упряжными конями (Godard 1950: figs. 83–85; Wilkinson 1975: figs. 15–16; Barnett 1982: pl. 38c). В правление Тиглатпаласара III этот щит был заменен железной или ременной тягой, что уже фиксируется на резной кости Хасанлу IVB (Muscarella 1980: cat. 5). Изображения колесниц с тягой обнаружены на пластинах 1997 г., найденных при раскопках в Зивие (см. ниже, **рис. 12: 1–3**). Вторым важным признаком, который свидетельствует о одновременности резной кости из Зивие, служит наносный ремень в конской узде. В IX в., судя по ассирийским рельефам, он еще отсутствовал, что и отображено на некоторых пластинках из «клада» Зивие (Wilkinson 1975: figs. 15b, 17b), в VIII в. он функционировал вместе с кистью-наузом, что облегчало управление конем (*ibid.*: figs. 13, 14). Косой наносный ремень — признак VII в. — отсутствует на кости из «клада» Зивие, но изображен на пластине 1997 г. (**рис. 12: 4**).

Одним из вариантов построения изобразительной композиции на ассирийских каменных рельефах и на костяных пластинках из «клада» Зивие является разделение изображений на регистры — до трех на плакетках и от трех и более регистров на рельефах. На последних регистры разделены рельефными гладкими рамками, на гравированных плакетках (Нимруд) разделение орнаментальное (розетки, гильош, растительный орнамент, Каталог 2019: nos. 17, 21, 24, 56, 57; Barnett 1982: pl. 37; **рис. 11: 1**). Варианты этой композиции представлены на некоторых плакетках из «клада» Зивие (**рис. 11: 2–5**). На рельефных плакетках регистры разделены рельефной гладкой полосой (Godard 1950: figs. 80–81; Ghirshman 1979: pl. VII: 1, 4, 5, 9), а рисунки на гравированной пластинке разделены двойной линией (Ghirshman 1979: pl. XIX: 1). В качестве орнаментального разделения и рамки использовался, как и в Ассирии, гильош и растительный орнамент — цепочки бутонов и цветков лотоса (**рис. 10: 1**; Ghirshman 1979: pls. IX; 6–8, X: 6–7, XVII: 8, XVIII: 11; **рис. 11: 5**). На пластинах, найденных в 1997 г., разделительными линиями служили зигзаги (см. ниже).

О близости ассирийских изображений с изображениями на плакетках из «клада» Зивие может свидетельствовать также

схема рисунка священного дерева, в деталях повторяющая некоторые ассирийские схемы, и сцены опыления дерева крылатыми человекоподобными божествами (**рис. 10: 2–3**; Godard 1950: figs. 72–74; Wilkinson 1975: figs. 11–12; Ghirshman 1979: pls. VIII: 3–8, XVIII: 7–8; **рис. 11: 4**). На одной из пластин из «клада» изображены два козла в геральдической позе, объедающих листья дерева. Примечательно, что изображение дерева отсутствует на опубликованных кирпичках из Калайчи, т. е. отсутствует в маннейской изобразительности. Следует, конечно, иметь в виду, что связь между плодородием земли и заботой о священном древе прослеживается в культурах новоассирийского периода не только Ассирии и Урарту (Winter 2010: 240). Так, например, на сирийских каменных рельефах и костяных плакетках грифоны/демоны, стоя возле дерева (но выполненном не в ассирийском стиле и скорее напоминающем побеги мака), совершают обряд опыления с теми же атрибутами в руках (*ibid.*: 235, 240, figs. 7, 19). На финикийской костяной плакетке в похожей сцене вместо ведерка оба персонажа держат в руке кувшинчики со сливом (*ibid.*: fig. 15). Но стилистически они далеки от изображений на пластинках из Зивие и Ассирии, приведенных здесь в качестве аналогий первым.

Что касается геометрического орнамента, то, учитывая популярность его относительно стандартных элементов на протяжении тысячелетий на Древнем Востоке, следует выделять преобладание/популярность того или иного элемента орнамента и его сочетание с другими элементами композиции. Именно сочетание разных элементов орнамента может иногда определять принадлежность такой композиции к определенному хронологическому или культурному пласту. Так, например, орнамент плетенка/гильош, который изображался на Древнем Востоке с IV тыс. до н. э., в начале I тыс. был популярен в Ассирии, а в урартской изобразительности занимал одно из последних мест. Гильош использовался в искусстве Ассирии в качестве ограничительной рамки в стенной росписи, на глазурованных кирпичках и на изделиях из слоновой кости (Barnett 1982: pl. 37; Каталог 2019: 170, nos 30, 31, 56, 57). Именно в качестве рамки или разделяющей регистры полосы гильош изображен на плакетках из «клада» Зивие (Godard 1950: fig. 79; Wilkinson 1975: figs. 21, 32; Ghirshman 1979: pls. IX: 6–8, XII: 7, XVII: 8, XVIII: 11; **рис. 11: 5**). И в таком же качестве он

выгравирован на пластинке из Хасанлу IVB, которая включена в группу ассирийского импорта (Muscarella 1980: cat. 281).

В качестве рамки или скорее дополнительного регистра, разделяющего сюжетные сцены, на ассирийской кости использовались розетки и растительные гирлянды (Barnett 1982: pl. 37: a, c). В Зивие, где они не столь представительны, как в Ассирии, тем не менее можно видеть цепочки бутонов и цветков лотоса на гравированных плакетках и на боковой стороне калайчинского кирпича (Ghirshman 1979: pl. X: 6–7; **рис. 10: 1**).

Особую роль в связи с вопросом об ассирийском происхождении костяных изделий из «клада» Зивие, признаки которых были рассмотрены выше, приобретают плакетки, выполненные в так называемом линейном стиле. Считается, что этот стиль в косторезном производстве становится популярным в Ассирии в начале I тыс. до н. э. (Barnett 1982: 40–41). На костяных пластинках без выемки фона гравировались повествовательные сюжеты: сцены торжественных приемов царя, царской охоты, приношения дани и т. п. На некоторых из них можно видеть копии сцен, выполненных на ассирийских рельефах. Но предположение Р. Барнетта о том, что изготовление этих плакеток принадлежит северосирийским мастерам, перемещенным в Ассирию (*ibid.*), спорно. Дело в том, что в Хасанлу IVB были обнаружены костяные изделия, которые считаются импортом из Северной Сирии (Muscarella 1980: cat. 118–147), но они не имеют ничего общего с пластинами, выполненными в линейном стиле, обнаруженными как в Хасанлу IVB, так и в Зивие. То же самое относится к изделиям из Хасанлу IVB, которые выполнены в так называемом «местном» стиле. Они считаются результатом производства местной косторезной школы в Хасанлу. Косторезные школы создавались в VIII в. северосирийскими мастерами на обширной территории от Греции до Приурмийского района в Иране (см. гл. III, § 3). Следует еще раз подчеркнуть, что мастера северосирийской косторезной школы, основав, в частности, местное производство в Хасанлу и работая уже по местному заказу, автоматически воспроизводили некоторые детали изображений, которые не соответствовали местной действительности. Так, изображая сцены с колесницами, они изображали хеттский тип колесницы с осью колеса под центром кузова. В Урарту и Ассирии использовались колесницы

египетского типа с осью колеса у задка кузова. Эти мастера изображали обувь с загнутыми носками, которую, в отличие от Малой Азии, не носили в Ассиро-урартском регионе (подробнее о различиях этих изделий см. гл. III, § 3).

И. Винтер, опираясь на результаты исследований многих специалистов, провела дополнительный анализ, четко определив иконографические и стилистические детали финикийских и северосирийских косторезных школ. Она окончательно доказала их принципиальное различие (Winter 2010: chp. V: 187–210). В Нимруде были обнаружены изделия только северосирийских косторезов, т. е. «импортные» предметы, полученные ассирийцами грабительским путем или в качестве дани, в основном со времени правления Тиглатпаласара III (*ibid.*: 251). В отличие от Хасанлу, в Нимруде нет также костяных изделий, выполненных в «местном» стиле (*ibid.*: fig. 24), т. е. здесь не было косторезной школы, которые повсеместно основывались сирийскими мастерами. Ее выводы позволяют считать, что в Зивие не было изделий северосирийской косторезной школы. Однако некоторые детали на плакетках 1997 г. обнаруживают признаки северосирийской школы, которая существовала в Хасанлу IVB, что не исключает знакомство с ней маннейских мастеров через посредство мастеров/косторезов Хасанлу IVB.

Изображения на плакетках из «клада» Зивие, выполненные в линейном стиле, в деталях повторяют только ассирийские изображения, и прежде всего на ассирийских костяных плакетках. Это же относится и к рельефным плакеткам с изображением всадников, сцен царской охоты, которые отличаются высоким качеством резьбы (Wilkinson 1975: figs. 13–17), что было характерно для придворного искусства Ассирии.

Рассмотренные данные позволяют считать, что плакетки, которые первоначально украшали мебель, шкатулки, киверы, попали в Маннейское царство (в частности, в Зивие) непосредственно из Ассирии, вероятно, в качестве подарков и т. п. Их одновременность не противоречит тому, что эти дары стали направляться в Маннейское царство не ранее VIII в., скорее всего, его второй половины. В Ассирии дорогие вещи накапливались в царской сокровищнице и при необходимости извлекались оттуда. Они не являются изделиями маннейских мастеров и на маннейскую

изобразительность, представленную на глазурованных кирпичях, костяные резные изделия не оказали влияния.

Недавно было опубликовано несколько костяных пластин из раскопок Зивие в 1997 г. (хранятся в музее г. Сенендей, Иран; Amelirad 2019: fig. 1–8). Автор подчеркивает сходство декоративных, фигуративных и стилистических особенностей этих пластин с ассирийской изобразительностью, главным образом времени Ашшурнасирпала II (дворцовые рельефы в Нимруде). Некоторые черты сходства с урартской изобразительностью являются, как отмечает автор, результатом сильного влияния на нее ассирийского искусства. Другими словами, и в этом случае, как считает автор, надо бы искать следы ассирийского влияния на изображения в Зивие, переданные через урартскую изобразительность. Однако имеются основания для независимого от ассирийского влияния создания косторезной школы в Приурмийском районе (см. гл. III, § 3).

Итак, изображения на костяных пластинках 1997 г. разделены автором на четыре группы (кроме третьей группы, все пластины из слоновой кости).

На трех пластинах **группы 1** вырезаны сцены охоты на быков и львов, охотники на колесницах или пешие (Amelirad 2019: 12–15, figs. 1–3; **рис. 12: 1–3**). Изображен обычный ассирийский сюжет, хотя, по мнению автора, изображения быков имеют «очевидные черты сходства с урартскими изображениями быков» (ibid.: 13, fig. 1). Что касается изображений львов, то автор ограничился только их описанием. Но следует отметить, что урартские изображения львов существенно отличаются как от ассирийских, так и от изображений львов из Зивие. Последние изображены в экспрессивной манере и в разных позах, в том числе стоящими на задних лапах. Эти черты отсутствуют на изображениях урартских львов, которые изображались только идущими, согласно одному иконографическому канону, повторявшемуся в разных сценах и на разных предметах. Они различаются лишь позицией хвоста, он или опущен, или поднят (Seidle 2004: pl. B–C, abb. 94, 109; Медведская 2018: рис. 1).

Об ассирийском происхождении сюжетной стороны изображений на костяных пластинах 1997 г. свидетельствуют такие детали, как ассирийский тип колесницы и колесо с 8-ю спицами, фасон

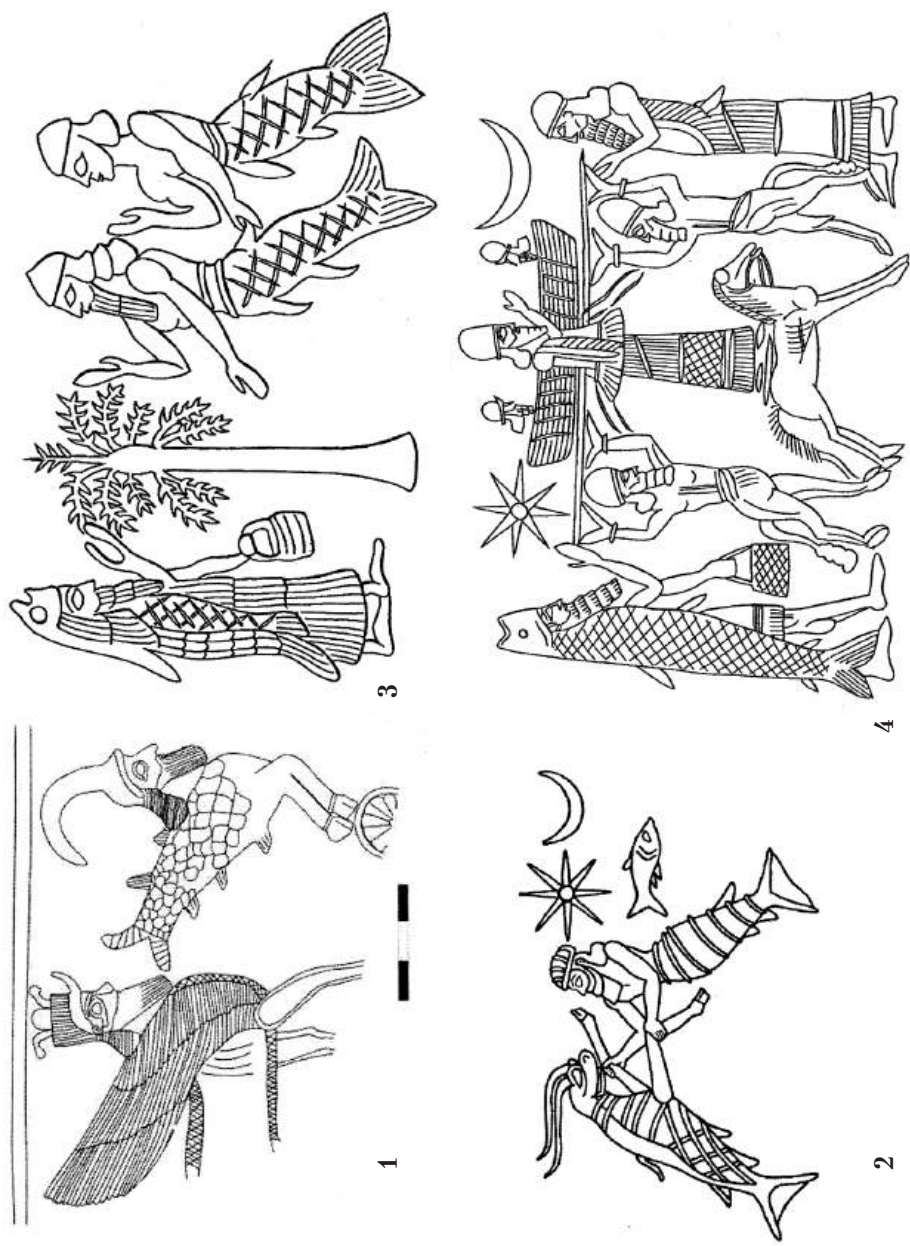

Рис. 13. Гибридные существа. 1 — Зивие 1997 г., группа 2; 2 — цилиндрическая печать (новоавилонский период); 3, 4 — цилиндрические печати (новоассирийский период)

одежды охотников, летящая птица, которая обычно наблюдает за победой ассирийского царя (Amelirad 2019: fig. 3; **рис. 12: 3**), а также маленькие щиты в руках охотников. Эти сцены охоты аналогичны изображениям на других костяных пластинах, происхождение которых связывается с «кладом» Зивие (Wilkinson 1975: figs. 15, 15a–b). На них, однако, нет «наблюдающей» птицы. Ее образ был распространен на обширной территории. Такая же птица, наблюдающая за «микенским» вельможей, который охотится на быка, изображена на ларце из слоновой кости XII в. до н. э. (Кипр, Энкоми, Barnett 1982: 37, pl. 30d). Поза быка с опущенной головой с большими рогами повторена на пластине из Зивие 1997 г. В Урарту птица/падальщица присутствует на поле сражения (Seidle 2004: 153, fig. 107), на вотивных бронзовых пластинках птица сопровождает «персону» (ibid.: fbb. 131–132). Летящая птица изображена и на калайчинских кирпичах (**рис. 5: 7**).

Две пластины **группы 2** с изображением гибридных существ представляют особый интерес. На одной из них (Amelirad 2019: fig. 4; **рис. 13: 1**) изображены два существа: сфинкс (крылатый лев с головой человека в высокой короне с одной парой рогов; видимо, из-за этого автор назвал его быком), нижняя часть конечностей и задняя часть туловища не сохранилась. Рисунок крыльев из трех рядов перьев, головной убор, форма бороды соответствуют ассирийской изобразительности.

Рядом со сфинксом, но не связанное с ним сюжетно, находится человекоголовое существо с телом рыбы и двумя копытными конечностями, стоящее на розетке. Сама поза — существо, стоящее на розетке — известна как в Ассирии (Нимруд, время Ашшурна-сирпала II), так и на металлической пластинке из Зивие (Godard 1950: 18, figs. 71, 9). Но в первом случае изображен крылатый бык с длинным хвостом, во втором — козел без крыльев. Вместе с тем можно отметить некоторые второстепенные детали, которые обнаруживают сходство человекоголового существа из Зивие 1997 г. с урартской изобразительностью. Прежде всего, это рисунок чешуи рыбы, совпадающий с рисунком оперения человекоголовых птиц, зверей, птиц на глазурованных кирпичах из Калайчи и Урарту (**рис. 3, 5**), а также форма головного убора с загнутым назад большим рогом (**рис. 3: 1–2, 4**).

Следует также подчеркнуть, что в ассирийском пантеоне гибридные божества были немногочисленны. Обычно это была человеческая фигура с крыльями, редко с головой орла, льва и лапами птицы, льва или быка (Black, Green 1992: 64–65). Однако, именно образ рыбы оставил заметный след в религиозной изобразительности месопотамской культуры и в новоассирийской, в частности. Известен этот образ и в Урарту.

Образ рыбы использовался в Ассирии в двух вариантах. Во-первых, человекообразное божество в сцене обряда опыления дерева покрыто рыбьей шкурой, рыбья голова заменила головной убор (IX в. до н. э., храм бога Нинурты, Кальху/Нимруд; *ibid.*: 82, fig. 65). Отмечается «мода» на размер шкуры: с XIV по X вв. рыбья шкура покрывала всю фигуру человека до «пола», в IX в. она укорочена (*ibid.*), в VIII в. шкура вновь удлиняется (*ibid.* fig. 12). Рыба, обладая магической силой, могла защищать и самого человека. Так, на рельефе из Ниневии (начало VIII в.) изображен жрец в высоком головном уборе в форме части рыбы с хвостом, жрец в составе церемониальной процессии направляется к храму богини Иштар (Каталог 2019: 130, п 12).

Существовали божественные создания в виде тритона (водяной) и «русалки», верхняя часть их тела — мужская или женская, нижняя — рыбья (Black, Green 1992: 82, 131, figs. 104, 108; Frayne, Stuckey 2021: «Adara»; **рис. 13: 2, 3**).

В связи с изображением человекорыбы на кости из Зивие 1997 г. важное значение приобретает существо, обладавшее защитной магией, с телом рыбы, головой и ногами козла. Оно известно с новошумерского периода до новоассирийского (вплоть до эллинистического и римского периодов; Black, Green 1992: 93, figs. 7, 70, 90; Frayne, Stuckey 2021: *ibid.*; **рис. 13: 2**), известно оно и в Урарту (Vanden Berghe, Meyer 1982: 40, cat. nr. 22; Seidle 2004: abb. 35). Но на пластине из Зивие 1997 г. (Amelirad 2019: fig. 4) голова козла заменена человеческой, что дает основание пока считать эту человекоголовую рыбу существом маннейского культа, но для доказательства изготовления пластины местными мастерами (Amelirad 2019: 16) необходимы доказательства существования местной косторезной школы.

В целом же детали изображений на этой пластине отсылают как к ассирийскому культу (сфинкс, человекорыба или

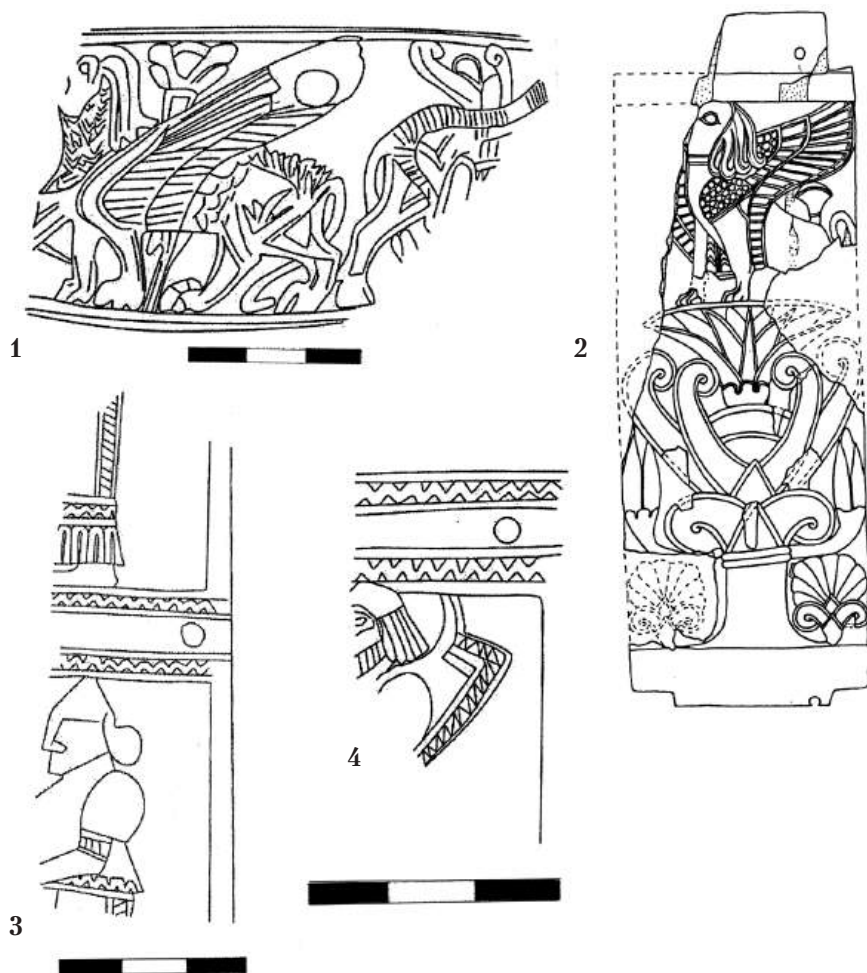

Рис. 14. Костяные пластины.

1, 3, 4 — Зивие 1997 г. (1 — группа 2; 3, 4 — группа 4); 2 — Тиль Барсиб

козел-рыба, стоящее на розетке), так и к урартскому культу и стилю (тот же козел-рыба, рисунок чешуи, головной убор с большим рогом).

На второй костяной пластине группы 2 из Зивие 1997 г. изображен крылатый лев, идущий налево, и частично сохранившаяся фигура быка, идущего направо (Amelirad 2019: fig. 5; рис. 14: 1). Пластина обломана с обоих концов, поэтому неясно, была ли на левой фигуре первоначально изображена голова человека или льва. Хотя автор назвал его грифоном (крылатый лев с головой орла), но считает более вероятным изображение сфинкса (ibid.:

17), т. е. с головой человека. На это может указывать изображение бороды и прядей волос. На металлических изделиях из «клада» Зивие имеются изображения крылатых львов с головой человека или льва (Godard 1950: figs. 16, 25). Ассирийцы изображали крылатых львов с головой человека или хищной птицы. Урарты чаще изображали крылатых быков/козлов, иногда с лапами льва, и грифонов с головой орла, человекоголовых львов (Vanden Berghe, Meyer 1982: 40–41).

Определяет стилистическую позицию крылатой фигуры Зивие 1997 г. рисунок длинных прядей волос/гривы, он аналогичен изображению «грифона» (так у автора, Bunnens 1997: 27, fig. 7; **рис. 14: 1, 2**) на костяной плакетке из Тиль Барсиба, выполненной в северосирийском стиле (найдена среди других костяных изделий в слое VII в. до н. э.). «Грифон» стоит на пальметте, отдельные элементы которой повторены и на пластине из Зивие 1997 г. Очевидно, оба элемента композиции связаны сюжетно. Близкие по стилю изделиям из Тиль Барсиба найдены и в Нимруде, но обратного — пластинок в новоассирийском стиле в Тиль Барсибе нет (*ibid.*: 26–28). Можно предполагать, что плакетка северосирийского стиля попала в Зивие через посредство Ассирии.

Примечательно изображение батальной сцены на костяной пластине **группы 3**, гравированной в линейном стиле. На ней изображен всадник с копьем, за которым следует колесница (сохранились только фигура колесничного коня и часть колесничной тяги (Amelirad 2019: 17–18, fig. 6; **рис. 12: 4**). В описании всадника отмечена необычная форма короткой перепоясанной туники, но опущена такая важная деталь, как обувь с загнутым носком. Эта обувь хеттского типа изображена на многочисленных костяных предметах местного стиля из Хасанлу IVB, на создание которого заметное влияние оказала северосирийская косторезная школа (см. гл. III, § 3, **рис. 5: 6**; Muscarella 1980: cat. 33, 103, 109, 110, 116, 117).

Относительно редкая деталь изображений на пластине группы 3 представлена изображением розеток в срубе обоих коней и на хвосте одного из них (**рис. 12: 4**). Как на этой пластине, так и на другой, тоже гравированной пластине из сокровищ Зивие, на которой две розетки разного диаметра изображены на фигуре крылатого гения, опыляющего дерево (Ghirshman 1979: pl. XIX, 1),

назначение розеток непонятно — это не деталь сбруи и не орнамент одежды. В Хасанлу IVB такие же розетки размещены вокруг фигуры быка на костяной пластине «иранской группы», и, по мнению О. Мускареллы, они символизировали дерево/растение (Muscarella 1980: cat. 214, 215).

Группа 4 представлена двумя фрагментированными пластинами из слоновой кости, изображения на которых разделены на вертикальные регистры, что служит признаком заимствования ассирийской схемы. На одной из пластин частично сохранилось два регистра (Amelirad 2019: fig. 7; **рис. 14: 3**), левая сторона, верхний и нижний края которой обломаны. В верхнем регистре сохранилась нижняя часть фигуры в длинной одежде, в нижнем регистре — фигура воина в остроконечном шлеме. Короткая приталенная одежда напоминает фасон одежды всадника на пластине 3-й группы (**рис. 12: 4**).

На фрагменте второй пластины сохранилась только часть верхнего регистра, с изображением верхней части мужской фигуры (ibid.: fig. 8); рисунок волос и головного убора (шлема?) отличаются от мужской фигуры на первой пластине. На левом плече изображен предмет неясного назначения, автор назвал его кивером, что маловероятно (**рис. 14: 4**).

На обеих пластинах группы 4 регистры разделены полосками в виде зигзага. Выше было отмечено, что на ассирийских изображениях с вертикальными регистрами последние разделялись гладкими или орнаментальными полосами (из розеток, гильоша, растительного орнамента). Такой же орнамент в этом качестве использован на резной кости из «клада» Зивие (**рис. 11: 2–5**), но отсутствует на пластинках из Зивие 1997 г. Полоски из зигзагов использовались в Урарту на бронзовых предметах и на изделиях из резной слоновой кости. В Хасанлу IVB на предметах северо-сирийского происхождения также в качестве рамок и разграничительных линий использованы гильош и зигзаги (Muscarella 1980: cat. 228, 230, 232, 234 — зигзаги, cat. 240, 241, 262–264 — гильош). На единственной пластине из Хасанлу IVB с двумя вертикальными регистрами, выполненной в местном стиле, оба регистра разделены рельефной гладкой полосой, также оформлена и рамка (ibid.: cat. 73), в остальных случаях на пластинах этой группы использовался в качестве рамки гильош (ibid.: 21, 55a, 174, 178).

Таким образом, и в этом случае очевидно различие костяных пластинок из «клада» Зивие и находок 1997 г. У последних больше общих признаков с урартской (или приурмийской = Хасанлу IVB) изобразительностью. Они отличаются от костяных пластинок из «клада» Зивие в основном другими образами и, по-видимому, меньшим мастерством, впрочем, это может быть результатом худшей сохранности.

Возвращаясь к вопросу сложения маннейской изобразительности, следует подчеркнуть одну важную деталь, общую для ассирийского и маннейского искусства. В Ассирии (как и в Вавилонии) изображение складывалось как мозаика из отдельных кирпичей с фрагментами изображений на них. В результате получалось большое панно, которое можно было видеть на расстоянии, такие же панно и на каменных рельефах. Но для украшения стен ассирийцами использовались также кирпичи с целым рисунком, что затрудняло его рассмотрение даже с близкого расстояния. Поэтому неясно, каким целям эти изображения служили. Хотя на всех калайчинских кирпичах отсутствуют фрагментарные изображения, но очевидно знакомство маннейских мастеров с принципами украшения стен глазурованными кирпичами второго типа.

И все же следует признать, что только маннейская/калайчинская изобразительность восприняла многие характерные черты изобразительного искусства и культуры главенствующих тогда стран — Ассирии и Урарту. Изобразительность отражает мировоззренческий пласт любой культуры, а взаимодействие культур открывает путь к прямому заимствованию не только внешней формы, т. е. самой изобразительности, но иногда и внутреннего содержания конкретных образов. Например, поза калайчинских крылатых божеств в целом повторяет ассирийскую схему, но насколько близки были их религиозные представления? Положительно ответить на этот вопрос отчасти могли бы атрибуты обряда опыления, изображения которых имеются на калайчинских кирпичах — ведро и плод финика/шишка. Их наличие может предполагать не только знакомство маннейцев с ассирийскими религиозными обрядами, но и свершение ими подобных обрядов в своих храмах — но почему этот обряд совершало не антропоморфное божество, как в Ассирии и Урарту, а другое божество (гибридная птица)? О заимствовании могут свидетельствовать

изображения побегов опиумного мака, отгоняющих зло. Впрочем, этот изобразительный мотив существовал на Древнем Востоке с глубокой древности, и в Урарту также.

Когда и в каких условиях могло стать результативным культурное влияние Ассирии и Урарту на сложение маннейской культуры, точнее — на формирование ее нового этапа? Если исходить из военно-политической ситуации в IX–VII вв. до н. э. в регионе, то IX в. исключается, тогда в Манне ассирийцы уничтожали все и мирных контактов не было. В VIII в. начались двусторонние взаимные поиски союзнических контактов между Урарту и Манной (в начале VIII в), с одной стороны, и — между Ассирией и Манной (с середины VIII в.) с другой. И как следствие тогда и могло начаться формирование нового этапа маннейской культуры в рамках взаимодействия с культурой доминирующих стран этого времени, отдельные элементы которой были рассмотрены выше. Но происходило это, конечно же, на основе культурных традиций, которые существовали ранее в разрозненных владениях будущего Маннейского царства, отсюда и некоторые различия...

§ 2.3. Керамика

Прежде чем перейти к рассмотрению маннейской керамики, обнаруженной в пределах, обозначенных выше территориальных групп, необходимо рассмотреть результаты обзора маннейского керамического горизонта, выделенного С. Свайни в 1971 г. В результате многочисленных археологических разведок он определил характерные признаки маннейской керамики (Swiny 1975: 77–96).

С. Свайни выявил существование трех керамических традиций на северо-западе Ирана в VIII–VII вв. до н. э.: урартскую, мидийскую и маннейскую. Урартская традиция характеризуется производством красноангобированной лощёной керамики, ее ареал — район западного побережья Урмии до района Миандуаба на юге (ibid.: 89). Мидийская керамика была обнаружена при раскопках Нуш-и Джан и Годин тепе, Свайни добавил к ним и Баба Джан тепе, как и другие исследователи в то время. Но этот памятник не является мидийским (см. обоснование этому в гл. IV). Кроме них, Свайни обнаружил характерную мидийскую керамику

в трех пунктах к северу от Хамадана (Наме тепе, Биндарад тепе и в долине Разан; *ibid.*).

Образцом маннейской керамики Свайни, как и другие исследователи, считал керамику из Зивие. Похожую керамику он обнаружил в 11 пунктах: на севере в районе Бонаба (Бенаб) к юго-востоку от Урмии; на востоке — в 40 км к юго-западу от Зенджана. Важно отметить, что на территории так называемого зенджанского коридора, который служил и служит главным магистральным путем с севера на юг Ирана, керамика типа Зивие не обнаружена (*ibid.*: 91). Этот факт подтверждает предложенное выше (§ 1) определение восточных границ маннейских владений. На юге маннейская керамика обнаружена в двух пунктах в районе дороги Биджар–Хамадан. Из них южный пункт (Т 67) находится примерно в 90–100 км севернее Хамадана (*ibid.*: fig. 6). На западе в районе г. Букан, по данным Свайни, маннейская керамика найдена в 10 пунктах. Прежде всего это лощёная керамика с расписным орнаментом в виде треугольников — так называемая «triangle ware». Позднее, помимо треугольников, маннейским элементом росписи стал считаться и петельчатый орнамент — «feston ware». В основном это так называемые «тюльпановидные» или воронковидные миски.

Именно по этим признакам — лощение и роспись «triangle ware» — Свайни предложил считать керамику, особенно миски, из района Букан подтипом в обширном керамическом горизонте «triangle ware» и считать его маннейским (*ibid.*: 91, 93, fig. 4: 8–15). Находки этой керамики в Хасанлу IIIB (здесь с лощением) и в Баба Джан он считал импортом из маннейского региона (*ibid.*: 93, note 43).

Однако уже тогда некоторые исследователи стали сомневаться в принадлежности «triangle ware» (TW) и «festoon ware» (FW) маннейскому периоду. Ст. Кролл относил эту керамику к ахеменидскому периоду и считал необходимым пересмотр даты Хасанлу IIIB, в котором были найдены фрагменты мисок с обоими видами росписи (Young 1965: fig. 5; Kroll 1976: 115, Typ 11; 165, note 325). В рецензии на эту монографию Ст. Кролла О. Мускарелла четко повторил основные доказательства новой датировки этой керамики (Muscarella: 1978). Подтвердил новую датировку TW и FW Р. Дайсон, но он пересмотрел не датировку слоев Хасанлу IIIB–А, а перепроверил стратиграфию находок TW и FW.

В результате эта расписная керамика была отнесена к слою Хасанлу IIIA, т. е. к ахеменидскому периоду (Dyson 1999: 129–138), а свою стратиграфическую таблицу 1965 г. он признал устаревшей и заменил ее новой (Dyson 1965: fig. 14; idem. 1999: fig. 12).

Таким образом, один из характерных признаков маннейской керамики, первоначально определенный С. Свайни, был отклонен исследователями. Подтверждают ли этот вывод исследования новых маннейских памятников, открытых в последнее время — ответ на этот вопрос будет предложен ниже. Географические рамки, в которых заключены обозначенные Свайни пункты с маннейской керамикой, соответствуют четырем из пяти территориальных групп, обозначенных выше, и которые включают все известные в настоящее время маннейские памятники. Их краткое описание представлено ниже.

Три памятника **группы I**, в которых обнаружена керамика, находятся недалеко от г. Букан (от 7–8 до 30 км).

В **Калайчи** в ходе археологических раскопок обнаружен укрепленный город, вокруг которого внизу располагался внешний город и находилось кладбище (подробнее см. выше). В Калайчи обнаружены только фрагменты керамики, среди которых фрагменты станковой лощёной керамики высокого качества, ангоб красновато-коричневого цвета (Fine Ware)¹. На некоторых из них имеются следы росписи, но реконструировать орнамент не удалось, только в одном случае автор предполагает изображение лотоса, который, по его словам, изображен на глазурованном сосуде из Зивие (Mollazadeh 2008: 113, pl. 5; ссылка на сосуд из Зивие не указана). На некоторых фрагментах имеется прочерченный орнамент в виде коротких штрихов и цепочек из треугольников (ibid: pl. 6 наверху). Хотя форма сосудов в целом не восстанавливается, автор допускает, что бóльшую часть керамики этой группы составляли тюльпановидные миски, миски с омфалами и блюда (ibid.: 111, pl. 8, 9). К этой же группе относятся фрагменты коротких двухчастных сливов, желоб и цилиндрическая часть которых расположены под прямым углом. На уровне основания желоба сохранился небольшой выступ, который, очевидно, является частью

¹ Опубликованы только фрагменты керамики на фотографиях и рисунках.

перемычки, прикреплявшей слив к плечу сосуда (*ibid.*: pl. 1, 7: 20–21). Эта деталь характерна для сосудов со сливом в период ЖВ II–III, в период ЖВ I сливы не соединялись с туловом сосуда (Медведская 2019: 64–66). На фрагментированном венчике одного из сосудов сохранилась ручка, расположенная как на корзинке (Mollazadeh 2008: pl. 5). Такие ручки использовались в периоды ЖВ I–II (Медведская 2019: 34, прим. 6, рис. Iib 1). Может ли эта деталь уточнить датировку керамики из Калайчи? К этой же группе автор отнес фрагменты сероглиняной керамики: бокалы, фиалы и небольшие миски (Mollazadeh 2008: 112–113, без илл.).

Среди фрагментов «обычной» керамики найдено 7 черепков глазурованной керамики, орнамент не распознается, подобные экземпляры найдены в Хасанлу и Зивие (*ibid.*: pl. 6, внизу).

Среди грубой кухонной керамики имеются фрагменты горшковидных сосудов с двумя петлевидными горизонтальными ручками и, по-видимому, плоскодонные (*ibid.*: pl. 12: 3, 11).

Аналогии керамике из Калайчи имеются в Хасанлу IIIB, Зендан-и Сулеймане, Зивие; автор датирует керамику из Калайчи между VIII–VII в. до н. э. (ЖВ III, *ibid.*: 116).

В Кале Бардине в ходе археологических раскопок было обследовано три объекта: крепость/замок на вершине холма, поселение на западном склоне этого же холма и могильник на небольшом холме, который примыкает к большому холму с его южной стороны (Hassanzadeh 2009: 270–273, fig. 4).

Замок, как считает автор, использовался только во время опасности, о чем свидетельствует отсутствие следов длительного обживания, в частности, здесь не обнаружена керамика. В замке, к которому ведет вырубленная в скале лестница, обнаружены вырубленные в скале основание бассейна и неглубокие каналы для сбора воды. Эти запасы воды спасали бы жителей поселения, укрывшихся здесь во время нападения врагов (Hassanzadeh 2009: 273).

Керамика, обнаруженная на поселении, датируется автором маннейским периодом и вплоть до исламского времени, упомянуты находки керамики периода ЖВ I (*ibid.*: 274). Маннейская фрагментированная керамика (*ibid.*: 280, figs. 17–19) представлена несколькими типами сосудов. Но, к сожалению, в публикации этой керамики автор допустил ряд ошибок. Так, на рисунке 17 все приведенные автором аналогии «маннейской» керамике за одним

исключением (*ibid.*: fig. 17: 310) относятся к ЖВ I (fig. 17: 75, 99, 268; перс. изд. 2005 г. Medvedskaya 1982) или ЖВ I–II (fig. 17: 87, 281, 194; Young 1965). Примечательно, что среди мисок, представленных на рис. 17, нет тюльпановидных мисок. На рис. 19 трем фрагментам придонной части плоскодонных сосудов аналогии найдены в парфянской керамике (*ibid.*: fig. 19: 168, 178, 186). Аналогии фрагментам керамики на рис. 18 имеются в Хасанлу IIIB и Зивие.

В могильнике обнаружены разграбленные погребения, инвентарь отсутствует. Могильные ямы прямоугольной формы, с трех сторон, кроме северной, укреплены каменными плитами, перекрывались могилы такими же плитами. Конструкция могильных ям сравнивается с могильником Кул Тарике (*ibid.*: 273, fig. 15; см. ниже).

Замыкает оборонительную линию Калайчи — Кале Бардине форт Джан Ака. Он был построен на вершине хребта, что имело преимущество с военной точки зрения. С трех сторон форт ограничен отвесными скалами и только с западной стороны по склону можно было попасть в форт. Оборонительные стены шириной 2,5/2,65 м, сложены из необработанных камней. На южной стороне было построено семь квадратных в плане башен, их размер 8,5×6,3 м, расстояние между башнями 15–24 м. Археологические находки здесь не обнаружены, что подтверждает чисто военное назначение форта. Строительный стиль форта Джан Ака сравним с Калайчи и Зендан-и Сулейман, предлагаемая дата существования форта VIII–VII вв. до н. э. (Binandeh, Kargar 2008: 315).

Имеющиеся данные не позволяют полностью охарактеризовать керамику из памятников группы I. В Калайчи можно лишь отметить преобладание лощёной керамики красно-коричневого цвета, применение росписи, глазури и прочерченного орнамента. Обнаружены характерные для периода ЖВ II–III тюльпановидные миски, миски с омфалами, и прикреплявшиеся к горловине сосудов двухчастные сливы.

Семь памятников **группы III** находятся южнее группы I.

Могильник **Кул Тарике** исследовался археологами вслед за грабительскими раскопками. Раскопано 10 могил, из них 3 могилы (мог. 1–3) разграблены. Внешних признаков могил нет. Могильные ямы прямоугольные в плане (за исключением мог. 9) размером 2×1×1 м, обычно перекрывались каменными плитами (вес до 0,5 т). Погребения одиночные, скорченные, только

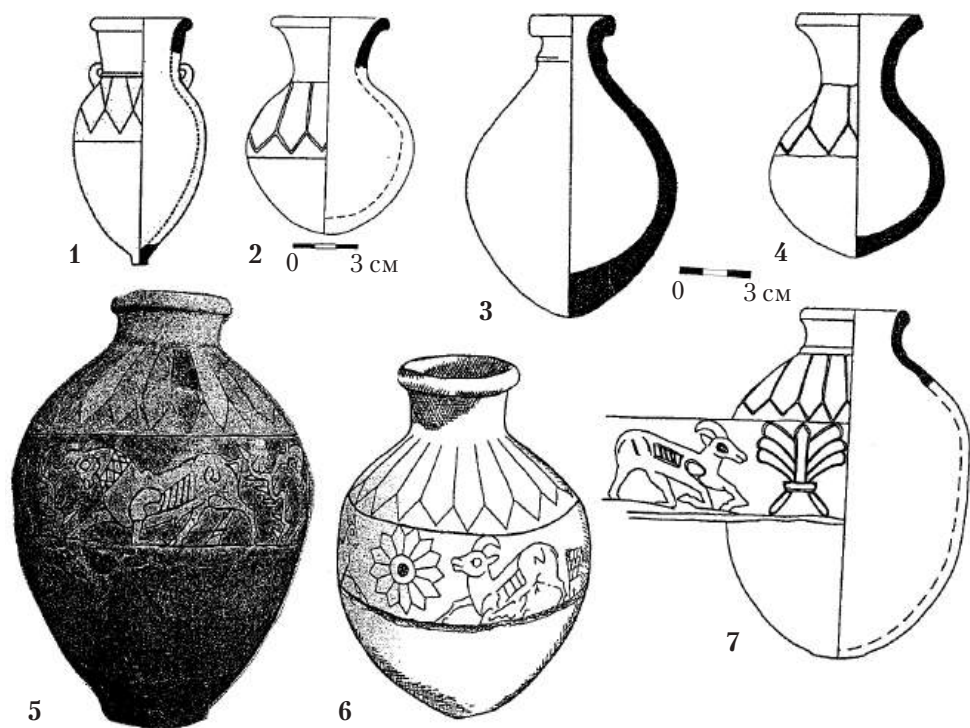

Рис. 15. Глазурованная керамика.

1 — Кани Котер; 2 — Чангбар; 3, 4 — Кул Тарике; 5–7 — Зивие

в одном случае (мог. 3) было два захоронения. Погребальный инвентарь помещался возле головы (мог. 7–8), или за пределами могилы (мог. 10).

Разнообразный погребальный инвентарь состоит из керамики (17 целых сосудов и многочисленные фрагменты керамики), бронзовых сосудов, фибул, булавок, колец, подвесок, железных ножей и кинжалов, а также различных бус, в том числе из раковин каури, серебряных бус, колец, найдены цилиндрические печати и костяная бляшка в форме розетки (мог. 10). Могильник датируется около VII в. до н. э. (Rezvani, Roustaei 2007: 150–151, pl. 1–26).

Керамика в могильнике Кул Тарике по сравнению с керамикой памятников группы I более представительна (рис. 16). Она по цвету теста и поверхности сосудов разделена авторами на 4 группы: оранжевая, красная, серо-черная, кремовая; кроме того, обнаружено два глазурованных остродонных сосуда (мог. 7, 10; рис. 15: 3–4). Сосуды керамической группы 1 оранжевого

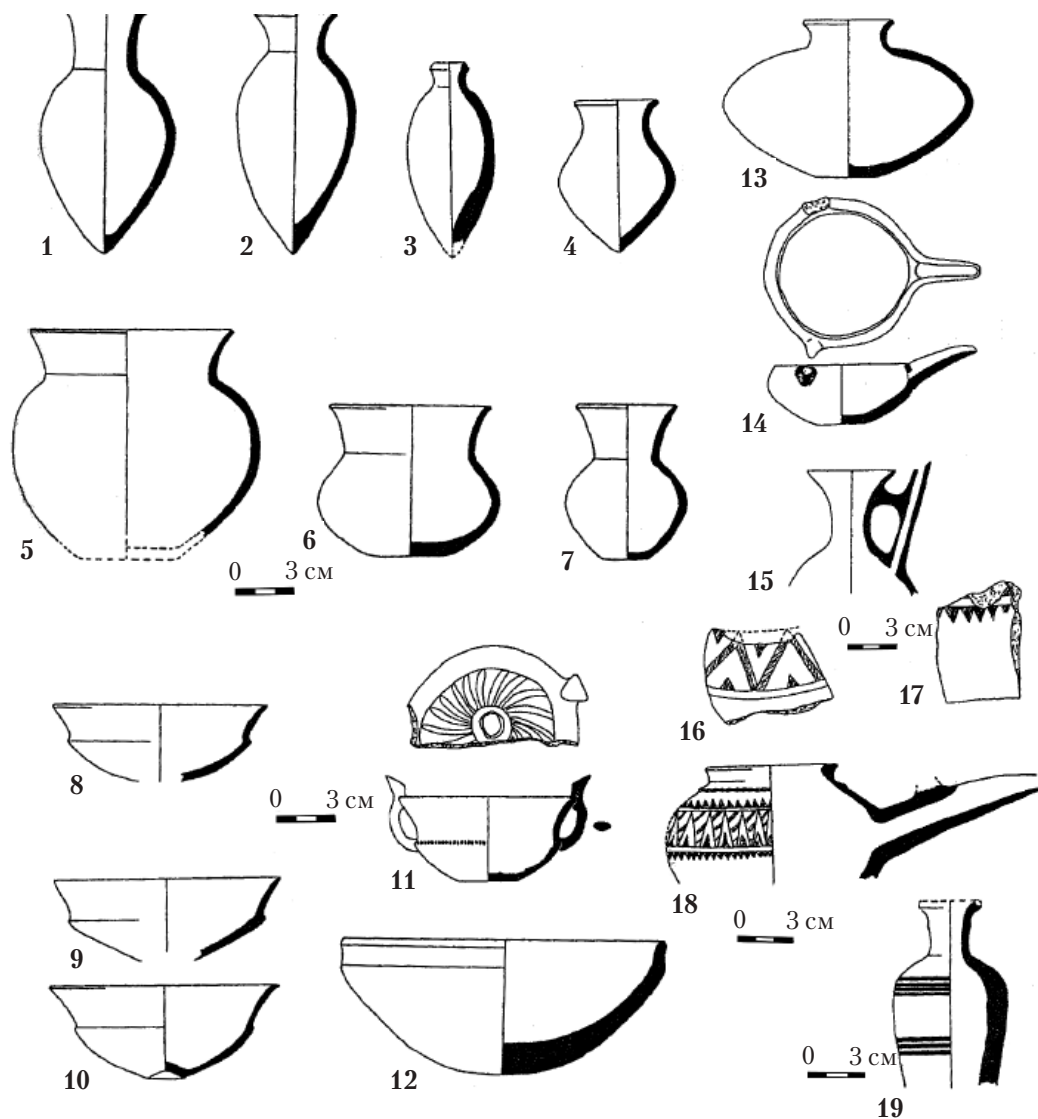

Рис. 16. Керамика, могильник Кул Тарике.
1–17 — группа I; 18 — группа III; 19 — группа IV

цвета составляют более 50 %, очевидно, что это станковая лощёная керамика (ibid.: 144, pl. 21–23; **рис. 16: 1–17**). Большую часть этой группы составляют миски, кувшины (некоторые с высоким цилиндрическим сливом, прикрепленным перемычкой к горловине) и горшки, а также небольшие кувшинчики с заостренным дном (ibid.: pl. 21: 1–4; h от 8,6 до 14,3 см); миски тюльпановидные

или с округлым туловом, некоторые из них с омфалом (pl. 22: 13; подробнее о них см. гл. III, § 4: типы 6, 6а, 7; рис. 20: II: 3); опубликована миска/чаша с двумя ручками, на ее дне прочерчены бороздки, расходящиеся от рельефного круга в центре дна до основания стенок миски (ibid.: pl. 10; 22: 9; **рис. 16: 11**). На фрагментах другого сосуда бороздки образуют шевроны и зигзаги (ibid.: pl. 11; 23: 1–2). На некоторых черепках сохранился гравированный или прочерченный геометрический орнамент в виде подвесных треугольников и зигзагов (ibid.: pl. 23: 6–7, 9–13; **рис. 16: 16–17**). Роспись на сосудах, за одним исключением (группа 4), не обнаружена.

Сосуды **группы 2** повторяют некоторые типы сосудов группы 1, а именно горшки и миски¹, но нет сосудов со сливом, чаш с двумя ручками, нет орнаментированных сосудов. По наблюдению автора остается неясным, была ли красная керамика станковой или лепной (ibid.: 145–146. pl. 24), но, судя по сложнопрофилированным мискам, эта керамика изготавливалась на гончарном круге.

Тесто керамики **группы 3** обычно серо-черного цвета, но встречается и оранжевое. Формы сосудов те же: миски, фрагменты кувшинов (высокая горловина), остродонные сосуды (ibid.: 146, pl. 25: 1–10). Редкой находкой является фрагментированный чайник с одночастным цилиндрическим открытым на конце сливом, сохранились следы перемычки, прикреплявшей слив к горловине. Сосуд украшен гравированным орнаментом в виде широкой полосы на верхней половине тулова, состоящей из узких вертикальных треугольников, полоса обрамлена силуэтными мелкими треугольниками, эти элементы орнамента, как уже отмечено, имелись и на других сосудах (ibid.: pl. 25: 1; **рис. 16: 18**).

Цвет сосудов в **группе 4** варьирует от кремового до коричнево-бежевого, формы сосудов те же (ibid.: 146, pl. 26: 1–11). Гравированный или врезной орнамент отсутствует, но на одном кувшине (придонная часть не сохранилась) имеется расписной орнамент в виде двух горизонтальных полос, каждая из которых, в свою очередь, состоит из трех и четырех полосок (ibid.: pl. 26: 8;

¹ Опубликована плоскодонная тюльпановидная миска (ibid.: pl. 24: 6), тогда как в группе 1 фрагментированные миски без дна, за исключением одной миски, с омфалом.

рис. 16: 19). В Нимруде найден похожий по форме и росписи кувшинчик «сигарообразной» формы, но предполагалось, что это импорт (Oates 1959: 144, pl. XXXVIII: 90); другой такой же сосуд найден в верховье р. Тигр (Кирбет Касри, Curtis 1989: fig. 40: 276).

В Кул Тарике в могилах 7 и 10 найдено два глазурованных кувшинчика с чуть приостренным дном, что предполагает наличие подставки, они повторяют форму кувшинчиков из группы 1. Один из них украшен вокруг основания горловины 9-лепестковой розеткой с заостренными концами (высота не указана, но судя по масштабу — 10,5 см; Rezvani, Roustaei 2007: 146–147, pl. 12; 26: 13). Второй сосуд покрыт плохо сохранившейся синей глазурью, орнамент не выявлен (*ibid.*: pl. 13; 26: 12, h 13,1 см; **рис. 15: 3–4**).

Два аналогичных глазурованных кувшинчика обнаружены во время раскопок в могильнике Чангбар недалеко от Зивие (хранятся в Национальном Музее Ирана, Тегеран, Hassanzadeh 2016: 55–56, figs. 16, 17; их высота 10,5 и 10,7 см; Naghshineh 2011: fig. 4; **рис. 15: 2**). Судя по фотографии и прорисовке сосудов, розетка на плечиках сосудов также состоит из девяти заостренных лепестков. Третий такой же сосуд найден в могильнике Кани Котер также неподалеку от Зивие, отличается сосуд менее округлым туловом и наличием двух петлевидных ручек в основании горловины (Amelirad, Azizi 2021: fig. 4a; **рис. 15: 1**). В этой же группе памятников в могильнике Мала Мча найдено несколько похожих, но неглазурованных кувшинчиков, но они отличаются высокой воронковидной горловиной и менее округлым туловом, что сближает их с ассирийскими кубками (Oates 1959: pl. XXXVII: 64–67; Amelirad et al 2017: fig. 33: 1–5).

За пределами очерченных выше маннейских владений в Иране один из подобных кувшинчиков с 9-лепестковой розеткой вокруг горловины найден в могильнике Чаладем Шаль в 165 км к югу от Ардебиля (Прикаспий, Moghanlou, Ebrahimi 2021: figs. 8, 9 — фото). Другой найден в Луристане в могильнике Вар Кабуд западнее центрального хребта Загроса (Vanden Berghe 1968: 166, pl. 24 d). Еще один кувшинчик с розеткой найден в Приурмийском районе рядом с горным проходом Келе(я)шин на поселении Кани Кисал, в 10 км от г. Ушну, вероятно, в одной из разграбленных могил (Binandeh 2020: 107–108, 113, fig. 10). Эта территория в VII в. уже обживалась маннейцами.

Вторым вариантом глазурованных кувшинов с неустойчивым дном являются большие сосуды, происхождение которых связывается с Зивие. Их отличает орнаментальная полоса/розетка, украшающая 4 сосуда с округлым дном. На одном из них вокруг горловины многолепестковая розетка (судя по фотографии, не менее 16–18 лепестков; **рис. 15: 5**). Под ней расположена сюжетная композиция — сцена орошения (?) священного дерева (Ghirshman 1979: pl. XXII: 5; высота сосуда не указана). Такая же композиция на трех других остродонных сосудах, хранящихся в Национальном Музее Ирана (Тегеран). На двух из них количество лепестков, судя по фотографии, не менее 20, высота 36,5 и 37 см (Hassanzadeh 2016: 58–61, figs. 20–21; **рис. 15: 6–7**). Под розеткой изображены козлы с двух сторон от 13-лепестковой розетки (*ibid.*: fig. 21), на другом сосуде — козлы возле схематически изображенного дерева (*ibid.*: fig. 20). Третий остродонный сосуд повторяет эту сюжетную и орнаментальную композицию, но плохая фотография позволяет распознать только аналогичную позу козла с подогнутыми ногами (*ibid.*: 59, fig. 19, высота сосуда не указана). Четвертый сосуд из коллекции Зивие (h 43,5 см) был рассмотрен Э. Порадой; она нашла детали изображений козла и дерева, которые не соответствуют ассирийским изображениям на таких сосудах («ошейник» с косыми линиями/ромбами, изогнутый ствол дерева с длинными шипами вместо ветвей или с пальметтами). Эти различия позволили ей предположить его изготовление в северо-западном Иране (Porada 1965: 130, pl. 36; **рис. 15: 5**). Можно добавить еще одну деталь — рог козла загнут вперед, а не назад, как обычно на разных ассирийских изображениях. Эта деталь свойственна урартским изображениям козлов (Seidl 2004: abb. 94). Кроме того, нарушена ассирийская композиция с двумя козлами, повернутыми головами к дереву. На этом сосуде козлы, отделенные друг от друга деревьями, идут вереницей.

Таким образом, большие глазурованные кувшины из коллекции Зивие отличаются от описанных выше кувшинчиков не только размерами, но и наличием сюжетной полосы и многолепестковой розетки вокруг горловины.

Еще один глазурованный сосуд сигарообразной формы из коллекции Зивие украшен широкой темной полосой с двумя

рядами светлых треугольников вершиной вниз, соответственно, поверхность между ними представляет ряды треугольников вершиной вверх (Hassanzadeh 2016: 57, fig. 18; h 15,8 см). Этот сосуд отличается от других глазурованных сосудов из коллекции Зивие не только «сигарообразной» формой, но и меньшим размером (h 15,8 см) и другим рисунком вокруг горловины. Кувшинчики с заостренным дном, но без орнамента, найдены в могильнике Кул Тарике (h от 9 до 12 см; Rezvani, Roustaei 2007: pl. 21: 1–3; **рис. 16: 1–4**).

В Ассирии известны находки кувшинчиков как с розеткой вокруг горловины, так и с рядами треугольников на плечиках (Ашшур, Нимруд, Кирбет Касри и др.). Сосуд из Кирбет Касри украшен двумя рядами треугольников (Curtis 1989: fig. 45: 351; Anastasio 2010: pl. 50: 18). Однако центр производства всех этих глазурованных сосудов, по мнению С.-Дж. Симпсона, остается не определенным; их находки известны «от Телль-Тайната на Амурской равнине» на западе и до Ирана на востоке (Каталог 2019: 80–81, ил. 62).

Стандартность размеров и формы этих небольших кувшинчиков с розеткой предполагают единый центр их производства. Был ли этот центр маннейским? Маннейцы обладали искусством глазурования тех же кирпичей, и маннейские находки таких сосудов могут доказывать вхождение Манны в очерченный Симпсоном культурный ареал.

Особое значение в связи с происхождением глазурованных сосудов в маннейских памятниках приобретают находки глазурованных бокалов, найденных в могильниках Мала Мча и Кани Котер.

Могильник **Мала Мча** находится чуть южнее Зивие и недалеко от могильника Кул Тарике, он также был исследован археологами уже после разграбления могил. Исследовано 16 могил, из которых только три не были ограблены (мог. 3, 7, 9), большинство могильных прямоугольных ям было перекрыто необработанными каменными плитами (Amelirad et al 2017: 172, figs. 3–7, 10–15, 17–18). Стенки трех могил/цист (6, 7, 14) были укреплены несколькими рядами обломков плит, в камеру этих могил вели короткие дромосы (ibid: figs. 8, 9, 16). В большинстве могил обнаружены останки от одного до трех погребенных, из них преобладают женские (в 11 могилах, ibid.: 174). Возле могил 9 и 10

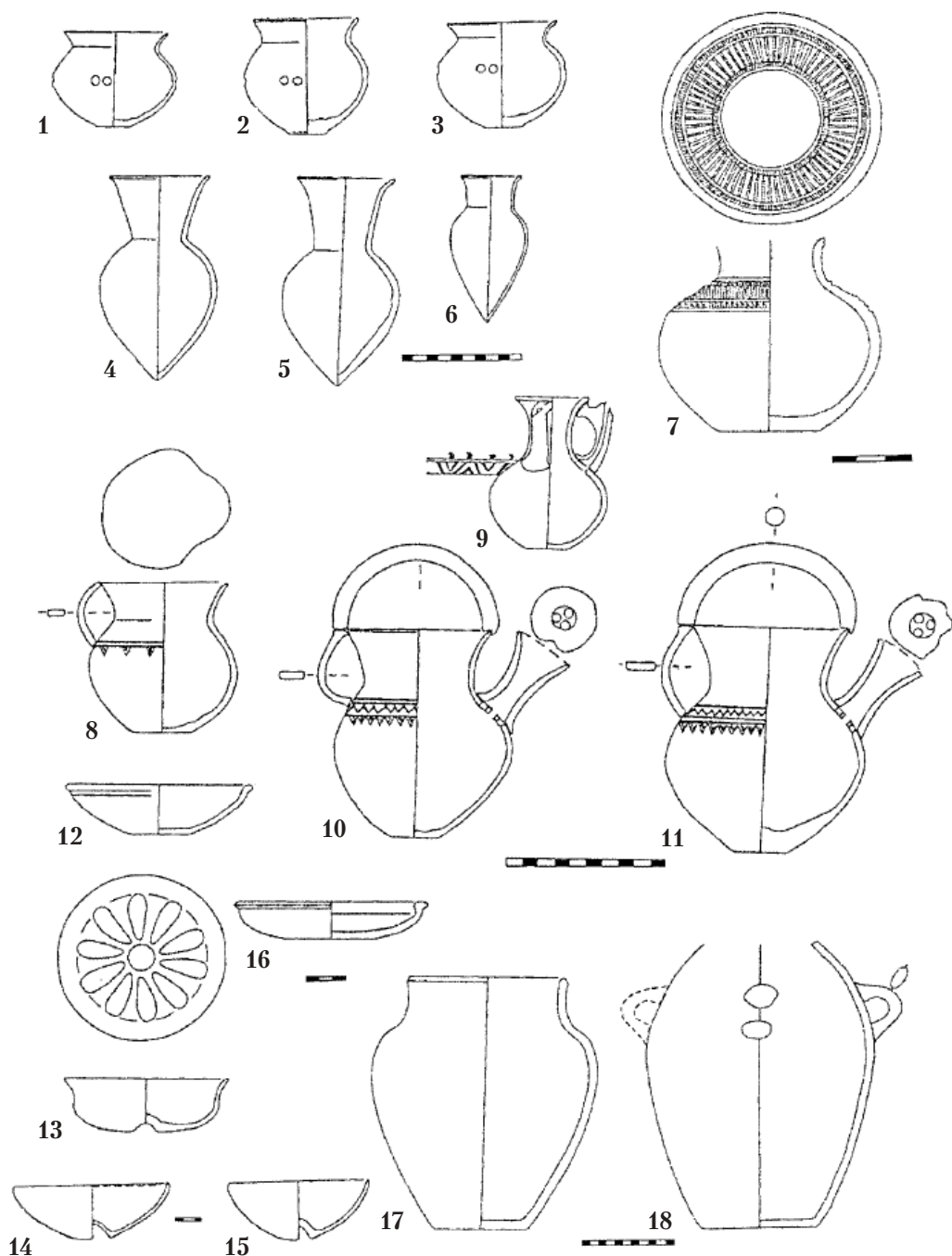

Рис. 17. Керамика, могильник Мала Мча.
 1–3, 4, 5, 8, 10, 11 — мог. 3; 6, 14, 15 — мог. 5; 7 — мог. 9;
 9, 12, 13, 16 — мог. 7; 17, 18 — мог. 9, 10

в двух плоскодонных гидриях обнаружены кости «утробных плодов» (*ibid.*: 190, 192, figs. 11, 35; **рис. 17: 17–18**).

Помимо керамики, в могильнике Мала Мча обнаружены бронзовые и серебряные фибулы и кольца, бронзовые булавки, бусы, фрагменты железных изделий (наконечники стрел, ножи, булавки, два кольца), две бляшки из золота и серебра, каменные ролики веретена.

В могилах 5, 13, 16 обнаружены фрагменты разбитых грабителями керамических «гробов». Авторы отмечают, что форма гробов не восстанавливается (*ibid.*: 173), но, судя по фотографии фрагментов гробов в могиле 5, можно отметить существенный признак их конструкции — прямые стенки гроба были округлыми на одном его конце (*ibid.*: fig. 7). В могиле 5 обнаружены останки двух разнополых погребенных и фрагменты двух «гробов», следовательно, каждый умерший хоронился отдельно (в мог. 13, 16 костные останки не обнаружены). В Ашшуре найдено два таких гроба с прямыми боковыми стенками и закругляющимися стенками на его конце; один из них разбитый, а другой, обнаруженный в руинах жилого дома поздне- или постассирийского времени, полностью сохранился, этот керамический гроб был покрыт керамической крышкой (Andrae 1925: 31, fig. 7; 44, fig. 15; **рис. 18: 1**). Он был найден в большом сводчатом помещении, названном автором могилой. Погребенные лежали и в гробу, и на полу.

Керамические гробы с одним округлым концом копируют форму бронзовых гробов. Последние сделаны из двух бронзовых листов, соединенных на боковых сторонах гроба, швы покрыты вертикальными узкими пластинами, которые прикреплены при помощи заклепок. Ими же скреплялись стенки с бортиком вокруг верхнего его края и с дном; на концах гроба прикреплено по две вертикальных ручки. Такие же бронзовые гробы найдены в Уре, Зинджирли, Зивие (фр-ты) и предположительно в Дайламане или Амлаше (частная колл., Curtis 1983: 84 ff, pl. XXVI, fig. 1). Такой же гроб найден в Эламе (Арджан) и под ним впервые обнаружена бронзовая крышка. Размеры гробов небольшие, менее 1,5 м (арджанский гроб размером 1,32×0,6×0,6 м, Alizadeh 1985: 49 ff., fig. 2). В некоторых случаях гробы находились в склепах. Один из них, как уже отмечено, найден в Ашшуре, другой в Арджане (**рис. 18: 2**). Три стенки арджанского склепа были сложены

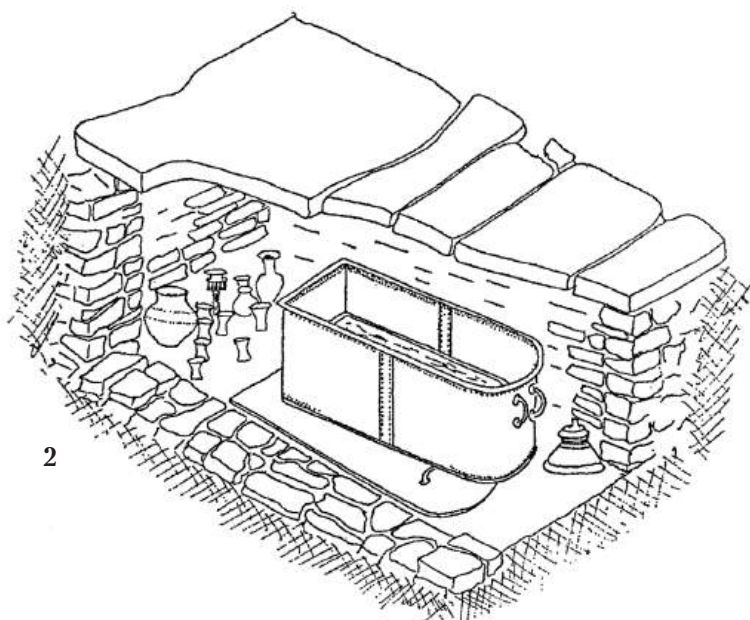
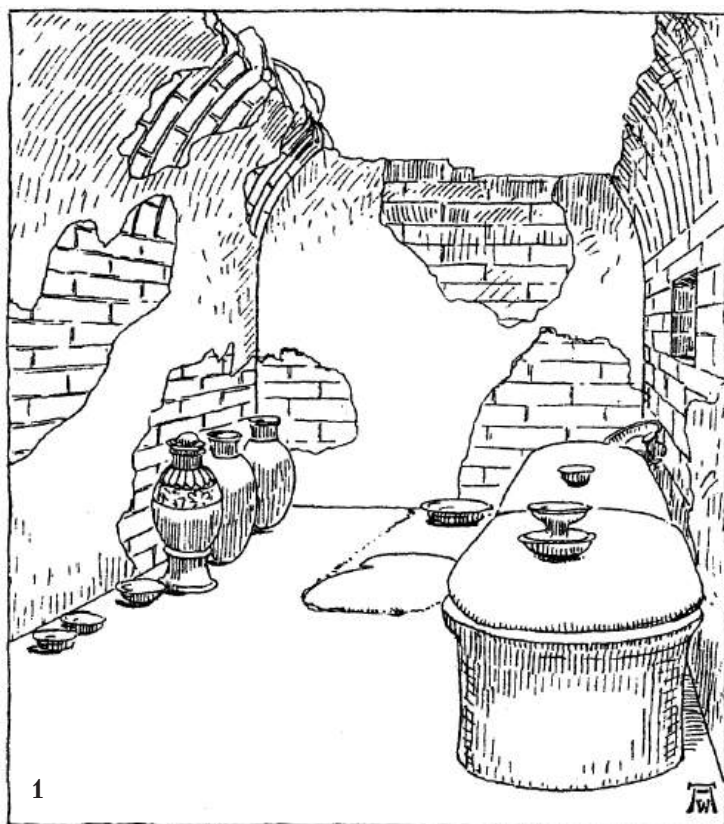

Рис. 18. Гробы.

1 — керамический (Ашшур); 2 — бронзовый (Арджан)

из каменных плит и перекрыты ими, восточная сторона служила входом; часть погребального инвентаря находилась за гробом, часть в гробу (*ibid.*). В Уре гробы были вставлены в руины каменной стены конца XV в. до н. э. В результате стенки могилы выглядят как бы сложенными из прямоугольных плит. Могильная камера перекрыта такими же плитами (Curtis 1983: 91, figs. 1, 3).

Производство бронзовых гробов исследователи связывают с Ассирией VIII–VII вв. Судя по некоторым находкам, они повторно могли использоваться вплоть до IV в. до н. э. (в частности, в Уре), но этому есть возражения (Alizade 1985: 67–68).

Керамические (или терракотовые) гробы найдены в Ашшуре, Вавилоне, Иордании (близ Аммана) и теперь в Иране (Мала Мча). Диапазон дат тот же и их происхождение также связано с Ассирией. Хотя было отмечено, что находки похожих, но не «идентичных» и меньших по размерам керамических гробов в Анатолии хеттского периода, определяют не только более раннюю их датировку, но и другой (второй?) центр их производства (*ibid.*: 57).

Возвращаясь к находкам фрагментов гробов в Зивие и Мала Мча, следует подчеркнуть, что и в этом случае ассирийский центр их производства очевиден и может свидетельствовать о вхождении Манны, как и других отмеченных в этой связи территорий, в древневосточный культурный ареал.

В Ашшуре напротив гроба вдоль противоположной стенки стояли три керамических сосуда одинаковой формы. В них были обнаружены обожженные человеческие кости. Это был единственный случай кремации в Ашшуре, что позволило В. Андре предположить, что в могиле были похоронены иностранцы (Andrae 1925: 31; **рис. 18: 1**). Одной из урн послужил большой глазурованный кувшин (h 37 см) с изображением многолепестковой розетки (не менее 18 лепестков), под ней изображение козла возле дерева/пальметты; урна, в отличие от двух других сосудов, стояла на керамической подставке, что предполагает не плоское дно. В этой урне были также обнаружены мелкие кости (мыши?) и мидии, несколько жемчужин и небольшая глазурованная фляжка/флаконт «для смазывающего масла» (*ibid.*: 45). Она украшена в основании горловины 9-лепестковой розеткой и в целом аналогична маленьким кувшинчикам, найденным в маннейских памятниках. В Ашшуре, по словам Андре, эти фляжки, хранившие освященное

масло, насчитываются сотнями, и обычно их клали в могилу вместе с умершими (*ibid.*: 46, fig. 16).

Керамика. В могильнике Мала Мча найдено 28 целых керамических сосудов и множество фрагментированной керамики, ее цвет соответствует цвету керамики из Кул Тарике (*ibid.*: 184). Здесь найдены тюльпановидные, сегментовидные и непрофилированные миски с омфалами; подобные миски найдены на обширной территории от Фригии на западе до Ассирии, Урарту и стран Древнего Ирана на востоке (подробнее о них см. гл. III, рис. 20, 21; **рис. 17: 12–16**). Форма неглазурованных остродонных кувшинчиков/кубков аналогична глазурованным сосудам из Кул Тарике (см. выше). Но они отличаются не только отсутствием глазури и высокой горловиной, но и большими размерами (h от 13,5 до 18 см, **рис. 17: 4–6**).

Вместе с остродонными кувшинчиками в неразграбленной могиле 3 найдены необычные для маннейской керамики «чайники» с одной боковой ручкой и второй ручкой над горловиной как у корзинки; закрытый слив расширен на конце, где вставлено ситечко из трех отверстий; плечики сосудов украшены прочерченным орнаментом в виде пояса из треугольников, зигзагов, разделенных горизонтальными линиями (Amelirad et al 2017: 192, fig. 36: 3–4; **рис. 17: 10–11**). В этой же могиле найдены горшочки с шаровидным туловом и невысокой горловиной (h *ca* 10 см), в центре тулова были оттиснуты по сырой глине два сдвинутых кружка и они явно не служили орнаментом, возможно, являясь каким-то маркером (*ibid.*: 188, figs. 21: a–c, 33: 10–12; **рис. 17: 1–3**). Подобные маркеры имеются на горшках из маннейского Зендан-и Сулеймана (Thomalsky 2006: pl. 16/4) и в Луристане, где они датируются раннежелезным веком (могильник Кутал-и Гулгул, мог. A7, A10, Overlaet 2003, figs. 76/28, 94/26).

Остродонные кувшинчики, как уже отмечалось, широко использовались в Ассирии, особенно в период ЖВ III (*ca.* 800/750–650). Конструкция «чайников», как их обычно называют, существовала с глубокой древности (IV–II тыс.) в том числе и с ручкой как у корзинки (но тогда еще без боковой ручки). Они известны в Материковой Греции, Анатолии, в восточном Средиземноморье, Месопотамии и в древнем Иране (Медведская 1978: табл. I). В Иране сосуды с боковым сливом известны с IV тыс.

и исчезают в начале II тыс.; вновь они начинают здесь использоваться в конце II тыс. (ЖВ I). Единичные находки «чайников» с ручкой как у корзинки в период ЖВ I происходят из могил Динха тепе (фаза III), и один из них уже с боковой ручкой (Muscarella 1974: figs. 7: 792, 17: 937), в Хурвине (Прикаспий, Vanden Berghe 1964: 9, мог. 8: 8, pl. V, фото на с. 67), в Кайтарие (Медведская 1977: рис. 1: II; см. гл. III, § 4). Все они различаются размерами: если маламчинские сосуды высотой около 15 см, то в Динха тепе их высота 9,5 и 13,5 см, а в Хурвине от 11,5 до 30 см. и они отличаются от маламчинских более простой формой горшковидного тулова с низкой горловиной, цилиндрическим сливом без ситечка и отсутствием орнамента, маламчинские «чайники» более изящной формы. Сосуды с ручкой как у корзинки известны на западе Ирана уже в IX в. до н. э. в Пушт-и Кухе. Но первоначально при наличии обоих видов ручек они отличались открытым коротким сливом (ЖВ II *ca.* 900–*ca.* 800/750; Overlaet 2005: 13–14, pl. 8: 2, pl. 9). Но уже в период ЖВ III (*ca.* 800/750 — *ca.* 650) вместе с ними используются «чайники» с цилиндрическим сливом (но без ситечка) и иногда с более высокой горловиной (ibid.: 14–16, pl. 11: 3–4, 5–8). Примечательно, что в это же время здесь пользовались кувшинчиками с заостренным дном ассирийского типа (ibid.: pl. 12: 14, h *ca.* 12,5 см). Но в самой Ассирии «чайники» всех типов отсутствуют (Anastasio 2010; Медведская 1978: 60–61, табл. I, II).

В могиле 9 найден широкогорлый кувшин, украшенный на плечиках орнаментальной полосой редкого типа: прочерченные короткие вертикальные полосы разделены горизонтальными линиями (Amelirad et al. 2017: 189–190, fig. 27a; **рис. 17: 7**). Обычным для периода ЖВ III был прочерченный орнамент в виде полос из треугольников, зигзагов, также образующих треугольники (см. выше, Кул Тарике, **рис. 16: 16–18**, **рис. 17: 8–11**). Но следует отметить, что маннейская керамика редко орнаментировалась. В маламчинском могильнике (мог. 7) найдена чаша, дно которой украшено вдавленной по сырой глине 11-лепестковой розеткой, центром которой служит выступающий омфал (**рис. 17: 13**). Авторы находят аналогии этой чаше в памятниках ахеменидского периода, в основном среди металлических сосудов (Amelirad et al.: 185–186, fig. 32: 3). В Кул Тарике (мог. 9) найдена чаша с двумя выступающими над горловиной ручками, дно украшено расходящимися из центра

прочерченными желобками (**рис. 16: 11**), датируется маннейским временем *ca.* VII в. до н. э. (Rezvani, Roustael 2007: 139, 150–151).

Как уже отмечено, важное значение имеют находки в могильнике Мала Мча кубков/бокалов в форме «цветка лотоса». Из них два бокала с росписью (вместо глазури) на верхней половине тулова в виде лепестков с заостренными концами, рисунок которых повторяет принцип построения многолепестковой розетки вокруг горловины глазурованных кувшинчиков, рассмотренных выше, но, в отличие от ассирийской схемы, заостренные концы лепестков направлены вверх; внутри бокала — вертикальные полосы, пересекаемые горизонтальными линиями (*ibid.*: fig. 33: 6–7, мог. 5; **рис. 19: 4**). Два других бокала аналогичной формы, но без росписи и глазури (*ibid.*: fig. 33: 8–9, мог. 7; **рис. 19: 5–6**). Высота бокалов от 8 до 12 см. Авторы подчеркивают высокое качество состава глины, обжига и лощения этих сосудов. Аналогии им прежде всего имеются в коллекции Зивие (*ibid.*: 187; Wilkinson 1975: 67, fig. 38, h 9 и 9,5 см; **рис. 19: 3**). Они незначительно отличаются от маламчинских бокалов: на них заостренные лепестки занимают всю поверхность сосуда, придонная часть шире в диаметре, но главное — оба бокала, в отличие от маламчинских, глазурованные. Хотя орнамент расписного бокала из Зивие близок ассирийской розетке вокруг горловины, но расположен он иначе: основание лепестков — в придонной части бокала. Форма третьего бокала из коллекции Зивие более изящна за счет узкой придонной части, он украшен врезным орнаментом в виде цепочки трехлепестковых цветков/бутонов мака вдоль верхнего края бокала, на поддоне цепочка из врезных кружков (Hassanzadeh 2016: fig. 28, h 11,2 см; **рис. 19: 2**). Этот орнамент повторяет два элемента растительного узора на глазурованных кирпичях и костяных пластинках из Калайчи и других памятников, рассмотренных выше (**рис. 8–10**). Одни символы, одни мастера, работавшие с глазурью, ведь рецепт изготовления глазури у производителей кирпичей и гончаров был одинаковым. Еще один глазурованный бокал, хранящийся в Тегеране, происходит из Хасанлу (Hassanzadeh 2016: fig. 22, h 13,2 см; **рис. 19: 1**). Но другой его декор отличается небрежностью рисунка — «кляксы» нерегулярно расположены между вертикальными линиями. Кто и где его изготовил, неясно, но маннейское производство не

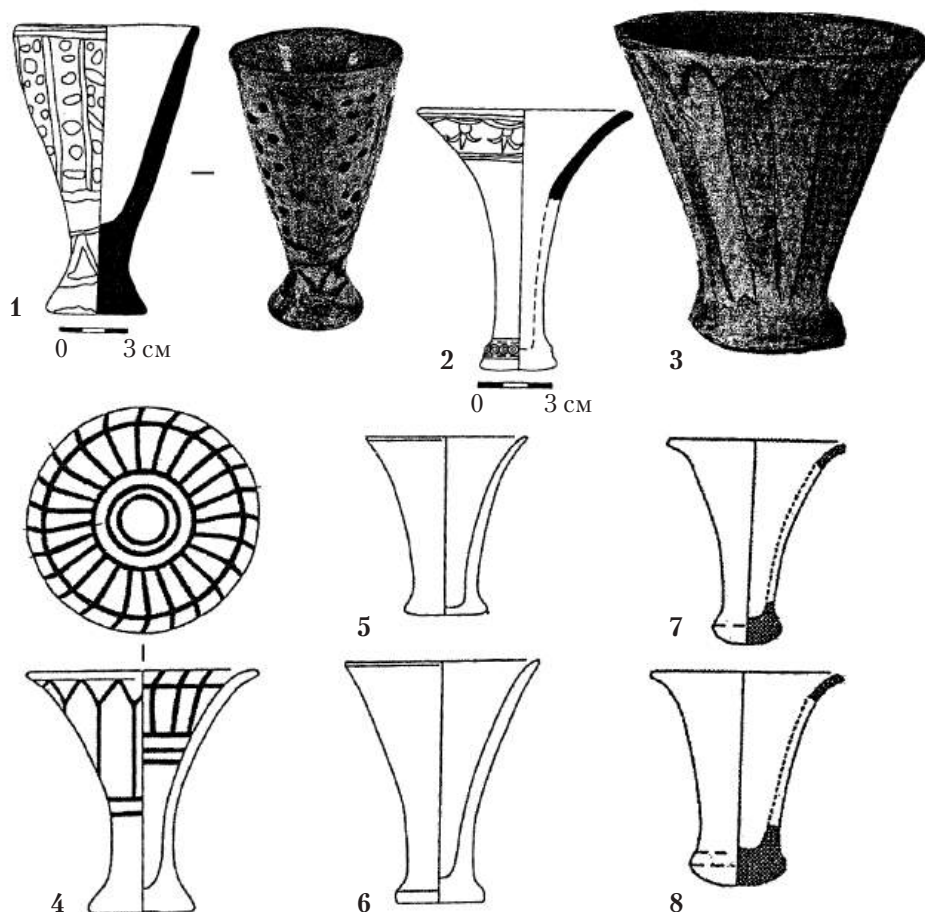

Рис. 19. Керамические бокалы.

1 — Хасанлу; 2 — Зивие; 3 — Иран; 4–6 — Мала Мча; 7–8 — Кани Котер

исключается. После 714 г. маннейцы стали активно проникать в Приурмийский район.

Недавно два таких же бокала, покрытых синей глазурью, обнаружены в другом маннейском могильнике **Кани Котер** (Amelirad, Azizi 2021: fig. 4b; рис. 19: 7–8). Примечательно, что здесь в одной могиле вместе с бокалами найден и стандартный глазурованный кувшинчик с розеткой вокруг горловины; он отличается, как уже отмечено, лишь наличием двух ручек в основании горловины (Amelirad, Azizi 2021: fig. 4a; рис. 15: 1). Совстречаемость обоих типов посуды — бокалов и кувшинчиков — отмечается именно в маннейских памятниках.

Ч. Вилкинсон согласился с мнением Э. Порады, считавшей, что бокалы и, в частности, кувшин с вереницей козлов были изготовлены в Иране (Porada 1965: 130; Wilkinson 1975: 69). Теперь, судя по их находкам именно в маннейских памятниках и по отсутствию бокалов в ассирийских памятниках, можно с большей уверенностью считать, что они были изготовлены маннейскими мастерами.

В могильнике Кани Котер исследована только одна частично ограбленная могила, в ней найдено 7 керамических сосудов. Кроме описанных выше трех глазурованных сосудов (2 бокала и кувшинчик), найдены два «блюда», один горшок с шаровидным туловом без выделенного поддона (h 10 см), лепной четырехгранный «флакончик» (квадратный в плане, h 7,5 см) (Amelirad, Azizi 2021: figs. 3, 4, 22: a).

Из них интерес представляет названный авторами «блюдо»/трипод на трех выступах/ножках (ibid.: 58, fig. 3b). Диаметр горловины трипода, судя по указанному масштабу, всего 8,5 см, что позволяет называть этот сосуд миской/триподом (**рис. 21: 1**). Авторы указали аналогии этому сосуду среди урартской керамики, ссылаясь на монографию Ст. Кролла 1976 г. Но среди урартской керамики, представленной Кроллом, нет триподов, имеются лишь миски похожей формы, но больших размеров.

Триподы — относительно редкая форма керамики. В Ассирии, по данным Ст. Анастасио, найдено 10–11 экземпляров и только мисок/триподов на коротких выступах/ножках (d 10–25 см, Anastasio 2010: 43, pl. 17; pl. 43: 4–5; pl. 56: 9; Curtis 1989: fig. 30: 112–115)¹ (**рис. 20**).

В Иране миски/триподы найдены в Приурмийском районе в Хасанлу IVB, разрушенном в 714 г. (Danti 2013: 363, fig. 17.13: J, d 27 см) и в синхронном ему Динха II (Muscarella 1974: figs. 28: 230, d 18,3 см; 44: 894, d 14,3 см (**рис. 21: 2–4**)). Трипод № 230 из Динха тепе имеет необычную деталь — его длинные ножки соединены между собой перемычками. В предшествующий период (ЖВ I) в Динха III и Кордлар тепе миски/триподы на коротких ножках/выступах или на длинных ножках также использовались (Danti 2013: fig. 17.8: C, D; **рис. 21: 5, 6**).

¹ Дно сосуда № 114 не сохранилось, т. е. трипод определен автором только по форме миски.

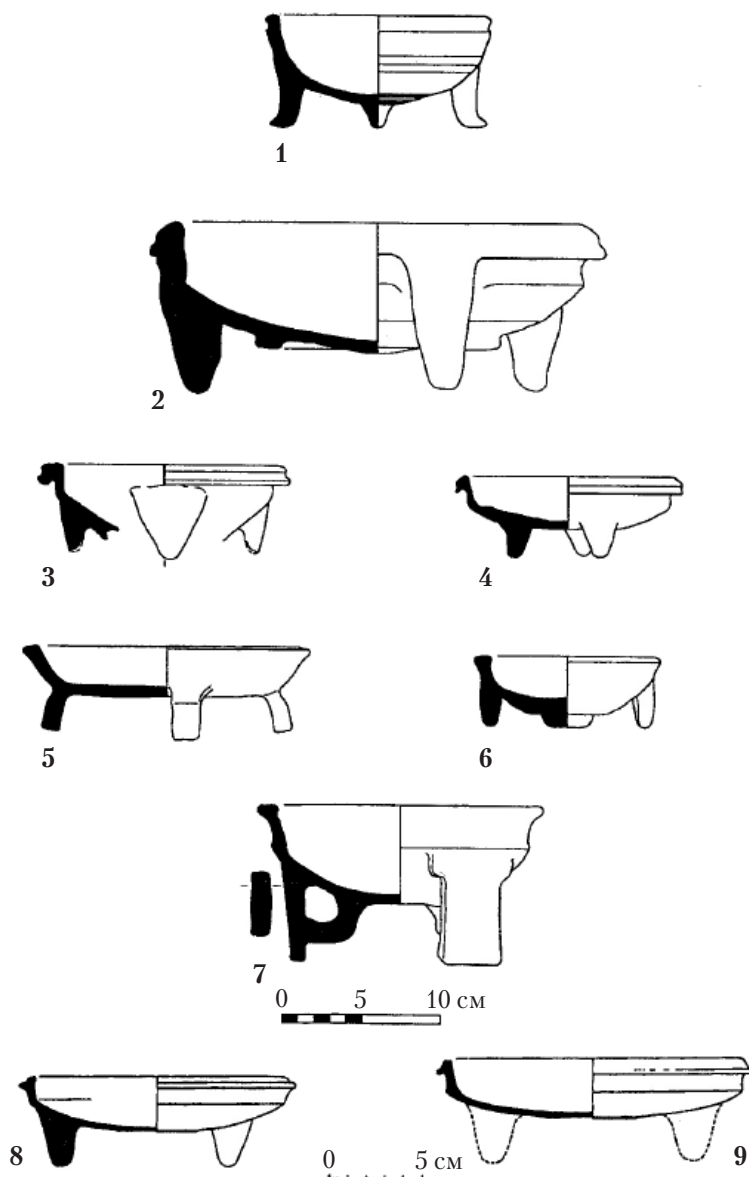

Рис. 20. Ассирийские миски/триподы

Триподы найдены также к востоку от маннейских памятников — в Прикаспии — в Марлике, Хурвине, Кайтарие, и в Центральном Иране — в Сиялке. Здесь триподами служили не только миски, но и другие сосуды; преобладают миски/триподы на длинных ножках, что в целом свидетельствует о существовании

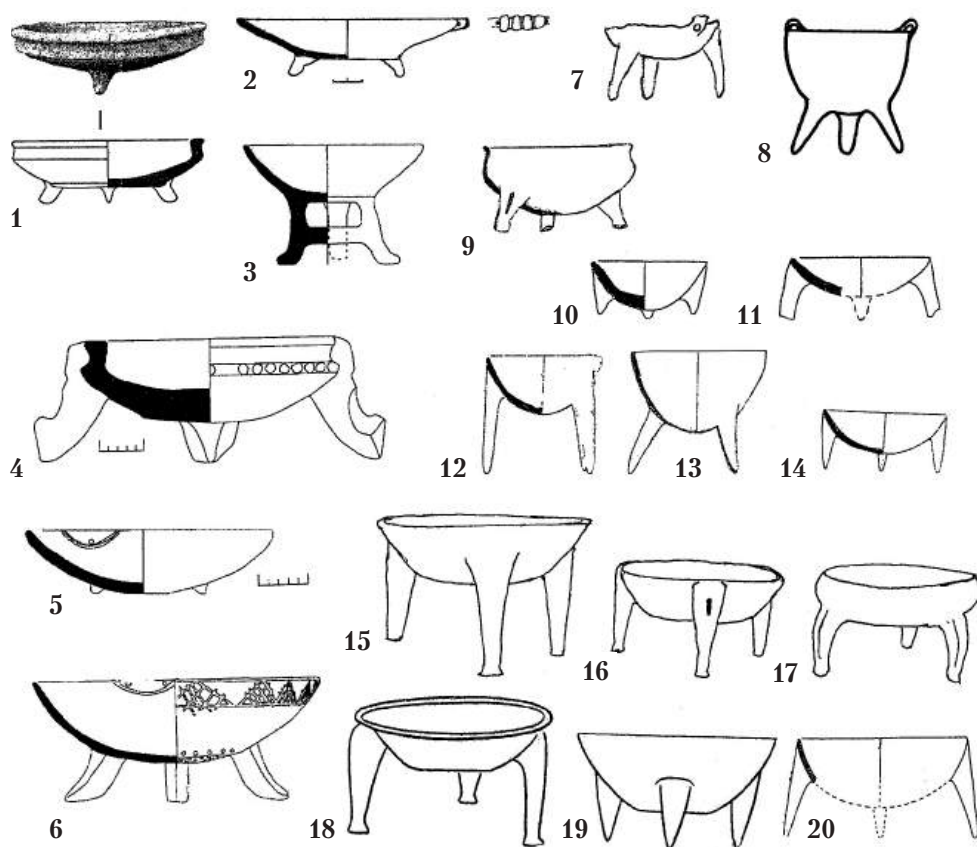

Рис. 21. Триподы ЖВ I–II, Иран, Дахистан.

1 — Кани Котер; 2, 3 — Динха II; 4 — Хасанлу IVB; 5 — Динха III; 6 — Кордлар тепе; 7, 8 — Сялк В; 9 — Сялк А; 10, 11 — Бенгуван-З, Дахистан; 12, 13 — Тюренг-тепе IVa; 14 — Бенгуван-З, Дахистан; 15–17 — Хурвин; 18, 19 — Кайтари; 20 — Изат-кули

местной традиции, отличной от ассирийской, для которой были характерны триподы на коротких ножках/выступах.

Триподы из прикаспийских памятников датируются раньше маннейских. В могильнике Марлик найдены две миски/трипода. Один из них в виде глубокой горшковидной миски на длинных расставленных ножках, прикрепленных к придонной части миски, у другого трипода на коротких ножках/выступах миска мелкая (Negahban 1996: 221, pl. 111: 587, мог. 52, d 13 см; pl. 114: 623, d 32 см, могила не указана). Спорная датировка могильника, предложенная исследователями в пределах 1500–1000 гг.

и до начала I тыс. до н. э., была уточнена автором — конец XI–X/IX вв. до н. э. (см. гл. V). В Хурвине триподы были найдены во время грабительских раскопок и впоследствии составили часть так называемой коллекции Малеки, которая была опубликована Л. Ванден Берге в 1964 г. Среди них глубокие и мелкие миски на высоких ножках и реже на ножках/выступах (Vanden Berghe 1964: pl. XXII–XXIV; d от 16 до 39 см; **рис. 21: 15–17**); а также горшки/триподы (ibid.: pl. XXV; h от 10,3 до 18,5 см) и «флаконы» (ibid.: pl. XXVI: 199, 201; h 9 и 7,5 см).

Миски/триподы на высоких ножках обнаружены и в других памятниках периода ЖВ I в южном Прикаспии. Они найдены в могильнике Кайтарие на окраине Тегерана. У глубокой миски/трипода заостренные ножки прикреплены к нижней части тулова, у мелкой плоскодонной миски они прикреплены к венчику. Основание толстых ножек иногда снабжено утолщением или «подошвой» для бóльшей устойчивости сосуда (Медведская 1977: 170, рис. 1, VIa, б; **рис. 21: 18, 19**). Такая «подошва» наличествует и на некоторых триподах из Хурвина и Марлика. Миски/триподы на длинных и коротких ножках в период ЖВ I использовались в Южном Прикаспии вплоть до Дахистана на востоке (юго-запад Туркмении). В целом дахистанская керамика этого периода сопоставима с керамикой Марлика, Хурвина, Кайтарие и Сиалка А (Мурадова 1991: 55, 62, 66, 71, рис. 23: 2; **рис. 21: 20**). Форма триподов не меняется и позднее в период ЖВ II, что подтверждается находками в Иране (Тюренг-тепе IVa) и в Дахистане, они датируются первой четвертью I тыс. до н. э. (Мурадова 1991: 76, 117, 119, рис. 29, 41, 42; **рис. 21: 10–14**).

Следует подчеркнуть, что именно для Южного Прикаспия от Марлика до Дахистана характерны миски/триподы на длинных ножках. В Ассирии, Манне, в Закавказье эта деталь не обнаружена. Отсутствие этого признака на маннейском трипode может предположительно служить еще одним свидетельством западной ориентации культуры и, в частности, керамической традиции Маннейского царства.

В 14 могилах, исследованных Л. Ванден Берге в Хурвине, триподы не обнаружены. Это, в частности, позволило автору хронологически разделить коллекцию Малеки и инвентарь раскопанных им могил (ibid.: 3, 13, 18–19). Этот вывод подтверждается

тем, что аналогии керамике из коллекции Малеки и триподы, в частности, имеются в инвентаре более раннего могильника Сялк А, а аналогии инвентарю из 14 могил Хурвина — в более позднем могильнике Сялк В (вторая половина VIII в. до н. э.; см. гл. II). Однако, в инвентаре могил Сялка А глубокие миски/триподы отличаются не только размерами, но и почти стандартной округлой формой тулова (могилы I, III, VII, X, XII; d от 11,5 до 17–18,5 см; **рис. 21: 9**). Но вместе с тем, в Сялке А найдены горшки/триподы, форма которых близка хурвинским, что соответствует их датировке началом I тыс. до н. э. (Ghirshman 1939: pl. XLI, S.492, pl. III, 1 фото; h 15 см, мог. VI; Vanden Berghe 1964: pl. XXV; h от 13,5 до 18,5 см).

Р. М. Гиршман опубликовал четыре трипода из могильника Сялк В. Из них один трипод в форме неглубокой миски на высоких ножках (Ghirshman 1939: pl. LII, S.567, мог. 7b, d 10 см; **рис. 21: 7**) и три маленьких кувшинчика с высокой горловиной, один из них расписной на длинных ножках, два других нерасписные на ножках/выступах и с фигурной зооморфной ручкой (ibid.: pl. LXIII, S.848, h 7 см, мог. 31, pl. LXIV, S.863, h 9,5 см, мог. 38, pl. LXXVIII, S.964a, h 8 см, мог. 94). Рисунок пятого трипода в форме глубокого котелка с ручками на относительно длинных ножках из могилы 179 был опубликован позднее (Tourouez 1989: pl. IIIb: 52, tab. II; **рис. 21: 8**).

В Иране триподы использовались уже в конце III — первой половине II тыс. до н. э. Так, на западе Ирана в могильнике Гиян III (1900–1700 гг.) были найдены миски/триподы с округлым туловом на коротких ножках, их форма практически идентична одному из ассирийских триподов (Schaeffer 1948: fig. 323: 2, 3; Anastasio 2010: pl. 17: 1) и триподу из могильника Сялк А (**рис. 20: 1; 22: 2–3; 21: 9**). В погребениях периода Гиян III и синхронного ему могильника Джамшиди III, находящегося недалеко от Гиян тепе, найдены расписные «котелки»/триподы с вогнутыми стенками на коротких ножках (**рис. 22: 12–13, 15**). Похожий трипод найден в могиле предшествующего периода Гиян IV (2100–1900 гг.) (**рис. 22: 14**). По-видимому, «котелки»/триподы продолжали существовать здесь и позднее. В могилах тепе Бад-Хора (55 км к северу от тепе Гиян) найдено два аналогичной формы трипода, из которых один также расписан

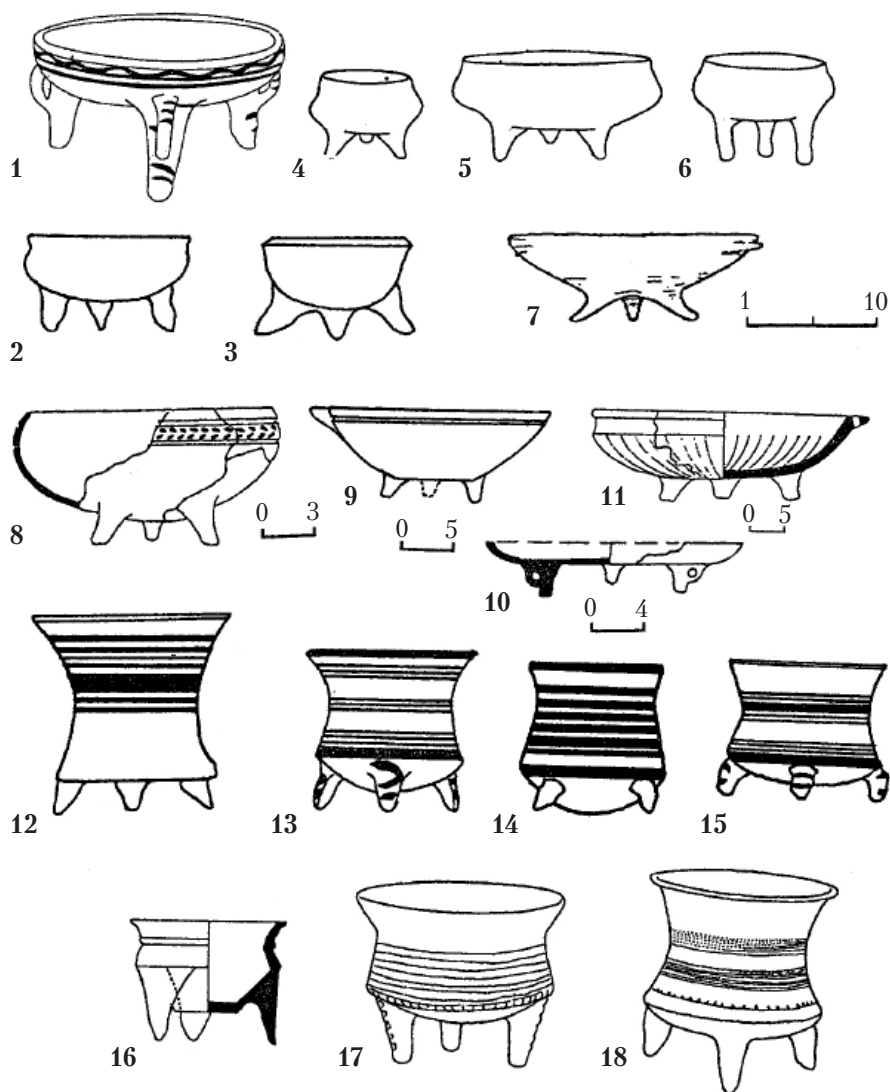

Рис. 22. Триподы (1–7, 12–18 — конец III — начало II тыс.,
8–11 — XI–VIII вв. до н. э.).

1–3, 12, 13 — Гиян III; 4–6 — Китай; 7 — Аликемектепеси; 8–11 — Суник;
14 — Гиян IV, 15 — Джамшиди III; 16–18 — Китай

горизонтальными линиями (единственное отличие — силуэтный геометрический орнамент между полосами в центральной части трипода), другой трипод нерасписной. К. Шеффер датировал эти могилы между периодами Гиян–Джамшиди III–II (1600–1500 гг. до н. э.) (Schaeffer 1948: 465–466, fig. 253). Такие же триподы

в форме котелка или миски обнаружены в Китае и датируются этим же временем (*ibid.*: 602–603, figs. 321–324; **рис. 22: 4–6, 16–18**). Их сходство свидетельствует, по мнению К. Шеффера, об одном центре их изготовления и могут указывать на определенную культурную связь между Китаем и Ближним Востоком. Но он не смог определить, из какого центра первоначально шло продвижение этой конструкции сосудов — из стран Ближнего Востока или из Китая (*ibid.*; см. ниже). Этим временем (первой четвертью II тыс.) датируется погребение № 80, обнаруженное на холме Аликемектепеси в Муганской степи недалеко от границы между Ираном и Азербайджаном. В нем обнаружен трипод в форме мелкой миски на трех выступах/ножках (Махмудов 2008: 45–48, рис. 36: 4; **рис. 22: 7**; d 18 см). Использование триподов в Восточном Закавказье и Прикаспийском регионе продолжается и позднее. В юго-восточной Армении (Суник) в погребальных комплексах «раннежелезного века», датируемых второй половиной XI — первой половиной VIII в. до н. э., найдены разнообразные миски/триподы, одно блюдо/трипод и миска/трипод с тремя маленькими сосудиками на загнутом внутрь широком венчике, их называют «*kernos*» (сосуд с жертвенными плодами). Триподы названы автором ритуальными сосудами (Хнѳікуан 2002: 53, pl. XXVI: 28, мог-к Традзавер, погр. 2; 58–60, pl. XXXIX: 19, 20, мог-к Тех, погребение без номера, дата X–IX вв. до н. э.; 63, pl. XLIII 16, мог-к Сисиан, погр. 3, pl. XLVII: 20, погр. 13; 83–84, 87, pl. LXXX: 18, мог-к Шикахох, погр. 4; 90, 93, pl. LXXXIX: 26, 27, мог-к Хнацах, погр. 2; **рис. 22: 8–11**). В начале I тыс. до н. э. к юго-западу от Муганской степи в Нахичеванском районе Азербайджана на границе с Ираном в могильнике Мунджуглу-тепе найдены плоские блюда/триподы (Асланов, Ибрагимов, Кашкай 2002: 43, табл. XVIII: 6, LXI: 1). Севернее Нахичеванского района в погребальных комплексах Мингечаура найдены неглубокие миски/триподы (Асланов, Ваидов, Ионе 1959: 85, табл. XXII: 4, 5, 8), комплексы датируются VIII в. до н. э. (Погребова 2011: 181–194, 197).

Если принять во внимание высказанное К. Шеффером предположение об едином центре первоначального производства триподов, прежде всего горшковидных, то следует учитывать следующее: иранские триподы датируются раньше китайских (Гиян IV, конец III тыс.); в Китае бронзовые триподы известны

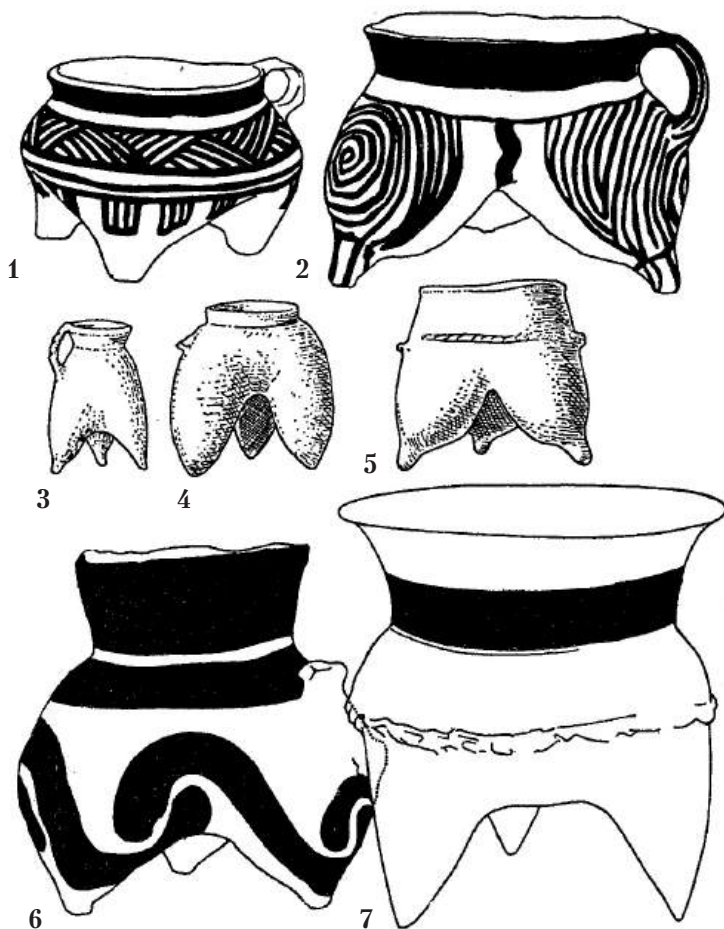

Рис. 23. Китайские триподы

во второй половине II тыс. (период культуры Шан); форма иранских горшков/триподов практически стандартна, тогда как в Китае они разнообразны и иногда отличаются конструктивно — у некоторых их них полые ножки/выступы становятся частью тулова сосуда, встречаются и тетраподы (рис. 23; Loehr 1968: 14–16, fig. 4–12, 14, 20–22, 26, 31–32 и др.; Сюй Хун 2021: 22, 32); в Китае нет сосудов/керносов.

Керносы (рис. 24). Помимо мисок/триподов, можно говорить о сохранении в начале I тыс. и первоначальной формы иранских и китайских горшков/триподов, о чем может свидетельствовать один из триподов из хурвинской коллекции Малеки; но другой

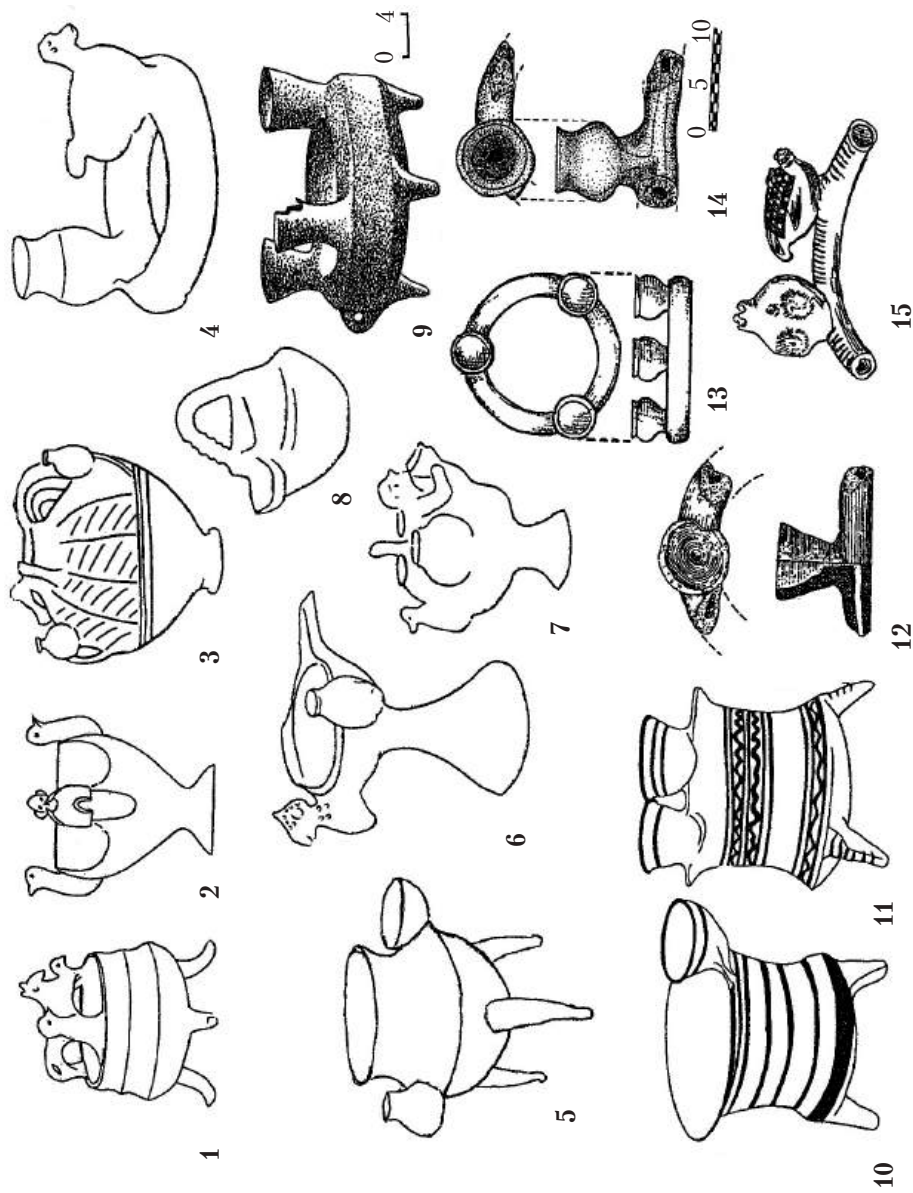

Рис. 24. Керносы (1-9 — ЖВ I-II, 10-15 — III-II тыс. до н. э.).

1, 2 — Солдуз; 3 — Мингечаур (курган IV) ; 4-6 — Хурвинская колл. ; 7, 8 — Хасанлу; 9 — Суник (могильник Тех); 10, 11 — Гиян III; 12 — Хараппа; 13 — Микены (1700-1650 В. С.); 14 — Мохенджо-Даро; 15 — Гезер (Палестина)

трипод из этой коллекции аналогичной формы, но с прикрепленными на боковых стенках двумя миниатюрными сосудами повторяет вариант такого крепления сосудиков, что было характерно для иранских триподов/керносов начала II тыс. (Гиян III; Vanden Berghe 1964: pl. XXV: 193, 195; Schaeffer 1948: figs. 321: 4, 13; 323: 4, 5; **рис. 24: 5, 10, 11**). Среди китайской керамики керносы К. Шеффером не отмечены, но они были известны в Древней Индии.

Находки керносов немногочисленны и немногие из них являются триподами. Они широко распространены во времени и в пространстве от Средиземноморья (III — начало I тыс. до н. э. и вплоть до эллинистического периода) до Древней Индии (Мохенджо-Даро, Хараппа¹ — вторая половина III — начало II тыс.; Pande 1971: 314 ff., fig. 1–12; Dales, Kenoyer 1986: fig. 92: 1–4) (**рис. 24: 12–15**). Хараппская цивилизация угасает в начале II тыс., и активные связи Индии с Ближним Востоком прерываются. В Пакистане кернос был найден вне комплекса (мог-к Буткара), но его форма чрезвычайно близка кольцевидному керносу из хурвинской коллекции (Antonini, Stacul 1972: pl. XLV; Погребова 1977: 96; **рис. 24: 4**).

В период ЖВ I–II в Иране и Закавказье керносы известны в форме горшка или горшка/трипода с округлым туловом, в форме вазы на ножке, и в форме полого кольца с фигурками птиц, животных и маленьких сосудиков. Последние повторяют форму керносов III–II тыс. (**рис. 24: 1–9**). Следует отметить, что кольцевидный кернос из Суника (мог-к Тех, **рис. 24: 9**) имеет редкую для кольцевидных керносов деталь — три ножки. В начале эпохи бронзы на Кипре существовали керносы на четырех длинных ножках (Dikaïos 1932: 343–345, 353, pl. LXXIV: 6, pl. LXXVI: 1). Следует ли учитывать тот факт, что в могильниках Суника миски/триподы относительно многочисленны и могли стать причиной их появления на керносе? Но если этот сосуд и был изготовлен местными гончарами, то их знакомство с оригиналами очевидно.

Сходство кольцевидных керносов из Ирана, Пакистана/Древней Индии и отсутствие керносов в Китае «продлевают» южную линию заимствования керамических форм, которая прослеживается в связи с мисками/триподами (см. выше).

¹ Теперь эти памятники находятся на территории совр. Пакистана.

Происхождение керносов на территории Ирана и восточного Закавказья, очевидно, стало результатом знакомства с подобными сосудами в странах Средиземноморья (Погребова 1977: 93–96, табл. XIX). И в таком случае находки, в частности, триподов и керносов в юго-восточной Армении, Прикаспии, в Приурмийском районе в конце II — начале I тыс. до н. э. свидетельствуют о направлении культурных связей Древнего Ирана и прилегающего Закавказского региона со Средиземноморьем, которое существовало еще в начале II тыс. до н. э. Конечно же, можно считать, что существовала веками сама конструкция трипода, а развитие формы сосуда шло в пределах каждого региона или культуры, но оригинальность формы тех же керносов или котелков/триподов скорее свидетельствует о постоянных или частых культурных импульсах, поступавших с запада на восток. Об этом же направлении, в частности, свидетельствует и роспись керамики из могильника Сиалк В, повторяющая аттическую формулу вазописи Греции VIII в. до н. э. (см. гл. II, § 3). Но, по-видимому, территория Ирана была промежуточным звеном между культурным взаимодействием востока и запада. Триподы и керносы, в частности, являются не единственным признаком такой позиции. Так, в маннейском могильнике Кани Котер, помимо трипода, найден маленький четырехгранный флакон с четырьмя едва выделенными выступами/ножками (h 7 см, Amelirad, Azizi 2021: fig. 22a). Аналогичные флаконы известны в хурвинской коллекции (Vanden Berghe 1964: pl. XXVI: 198, 204, h 6,5 и 7,5 см) и в могильнике Сиалк В (Ghirshman 1939: pl. XX: 9, h 7,5 см). Четырехгранные сосуды бóльших размеров (от 10 до 20,5 см) на четырех выступах/ножках из хурвинской коллекции могут рассматриваться как вариант миниатюрных флаконов (Погребова 1977: 90–93). Они отличаются от четырехгранных флакончиков не только размерами, но и наличием скульптурных головок баранов наверху четырех углов сосуда, а также орнаментом в виде рядов прочерченных треугольников и полуovalов (там же: табл. XVIII: 1–2, 4–5). Прослеживается связь конструкции этих сосудов с керамическими и бронзовыми ритуальными сосудами Китая и Пакистана (там же, вторая половина II тыс. до н. э.). И позднее, в начале I тыс. в Пакистане (Сват VI), помимо уже известных керносов и флаконов, в могильнике Буткара II найден

сосуд сложной конструкции в виде трех горшочков на длинных «стеблях» на общем плоском поддоне; подобный «букет» найден и в могильнике Марлик (Stacul 1970: figs. 19, 20; Fritsch 1997: 41 ff.; гл. V: рис. 5а). Его отличает лишь форма сосудишков кувшинообразной формы с высокой горловиной. Эта находка также свидетельствует о культурной связи Прикаспийского региона с Пакистаном на востоке.

Возвращаясь к находке миски/трипода в могильнике Кани Котер, следует подчеркнуть, что конструкция триподов может свидетельствовать о том, что маннейская культура, будучи местной по происхождению, уходит корнями в глубокую древность. Это же относится и к культуре других регионов Древнего Ирана, в которых найдены триподы (согласно стратиграфии памятников). Исключением является мидийская культура. Ее формирование началось за пределами Ирана, но окончательно становление завершилось на Иранском плато. Некоторые «генетические» признаки мидийской культуры свидетельствуют об отсутствии в ней местных корней. Прежде всего, это неизвестные в местных культурах строительные и архитектурные признаки — прямоугольный кирпич, вместо повсеместно используемых квадратных кирпичей, особое перекрытие сводов, и главное — многоколонный зал, неизвестный на всем Древнем Востоке. Это относится и к наиболее представительному «этническому» признаку — керамике. Состав глины с необычным включением слюды является признаком только мидийской керамики (см. гл. IV, § 6). Об отсутствии в ней местных корней и традиционных культурных связей в какой-то мере может свидетельствовать и отсутствие триподов, керносов, флаконов.

Найденная в недавно исследованных маннейских памятниках керамика немногочисленна. Тем не менее, можно отметить следующее: роспись сосудов в стиле TW и FW в них не обнаружена. Это подтверждает несогласие исследователей с мнением С. Свайни, считавшего такую роспись признаком маннейской керамики. Этот стиль росписи керамики стал признаком ахеменидского периода, когда территория бывшего Маннейского царства уже находилась в составе единого иранского государства — Мидийского царства.

Характерным признаком именно маннейской керамики служат глазурованные кувшины и бокалы в форме «цветков лотоса»,

изготовленные местными гончарами. Другим признаком маннейской керамики можно считать миски с омфалами и воронковидные/тюльпановидные миски. Это были керамические копии модной в то время элитарной металлической посуды. В Ассирии это были плоскодонные сосуды без омфалов, на обширной территории Ближнего Востока модными были сосуды с омфалами, их популярность связывается с Фригией. И хотя Древний Иран в культурном отношении нередко служил промежуточной территорией между востоком и западом, в материальной культуре Маннейского царства при всей ее самостоятельности прослеживается, судя по рассмотренным керамическим данным, связь не только с ассирийской керамической традицией, но и с традицией всего Ближнего Востока.

Для характеристики материальной культуры маннейцев в настоящее время пока только керамика имеет определяющее значение. Изразцовые кирпичи и резная слоновая кость, свидетельствующие об изобразительной и соответственно духовной культуре маннейцев, выявляют культурное влияние Ассирии и отчасти Урарту.

Среди немногочисленных предметов, найденных в ходе археологических исследований маннейских памятников, важное значение могут иметь фибулы, некоторые украшения, и предметы вооружения.

§ 2.4. Фибулы

На территории Маннейского царства фибулы найдены среди «сокровищ Зивие», в Зендан-и Сулеймане, и в могильниках Кул Тарике и Мала Мча. В описании бронзовых фибул, найденных в этих могильниках, иранские археологи не используют принятую классификацию фибул как пружинные и петельчатые (см. гл. V, § 4). Тем не менее, за исключением Зендан-и Сулеймана, в остальных маннейских памятниках найдены только петельчатые фибулы; в Зендане, который находится на восточной окраине Маннейского царства, найдена пружинная фибула (см. гл. V, рис. 15: 7).

В могильнике Кул Тарике 13 бронзовых фибул найдено только в одной могиле 8, некоторые из них фрагментированные. На

фотографии коррозированные фибулы видны плохо, но по крайней мере 5 из них имеют полукруглую дужку, остальные округлый щиток на дужке (Rezvani, Roustaei 2007: pl. 9a, 15a, b).

В могильнике Мала Мча также только в одной могиле 5 найдено 4 петельчатых фибулы. Две из них серебряные с ромбовидным щитком на дужке, один из них с рельефным орнаментом в виде четырех каплевидных выступов по углам щитка и круглым выступом в центре (Amelirad et al 2017: 195, fig. 41: 3–4; см. гл. V; рис. 15: 19). Две бронзовые фибулы имеют узкий щиток на дужке, один из них с поперечным рифлением (ibid. fig. 41: 1–2).

Серебряная фибула из «сокровищ» Зивие имеет расширенную верхнюю часть дужки, украшенную продольным рифлением. Именно эта деталь фибулы аналогична дужке на фибуле из урартского Бастама (см. гл. V, рис. 15: 12, 15).

Петельчатые фибулы обоих типов, как уже отмечено, найдены, помимо маннейских памятников и Хасанлу III, только в Прикаспии и являются закавказской разновидностью фибул. Их появление в Иране, очевидно, связано с военным продвижением урартов в Иран вдоль Прикаспия/Гиляна в сторону Мидии в VII в. до н. э. (см. гл. V, § 4; Медведская 2019: рис. 4: 16–18; 5: 10–12). Впрочем, в Манне их появление может быть связано с другим видом контактов урартов с маннейцами уже в VIII–VII вв. (см. выше § 1). Находка петельчатой фибулы с круглым щитком в Хасанлу III (VII–V вв. до н. э.) может свидетельствовать о присутствии маннейцев в районе Урмии и в частности в Хасанлу именно в VII в. Отсюда урарты были изгнаны ассирийцами еще в 714 г., и они не мешали постепенному проникновению маннейцев в приурмийскую зону (см. выше § 1).

Важное значение в связи с вопросом о политических и культурных контактах между Урарту и Манной приобретают находки в Кани Котер.

§ 2.5. Погребение воина (?) в Кани Котер

Могильник Кани Котер находится в 12,5 км к северо-востоку от Зивие. Он расположен недалеко от фортификационного сооружения начала I тыс. до н. э. По существу, могильник не был

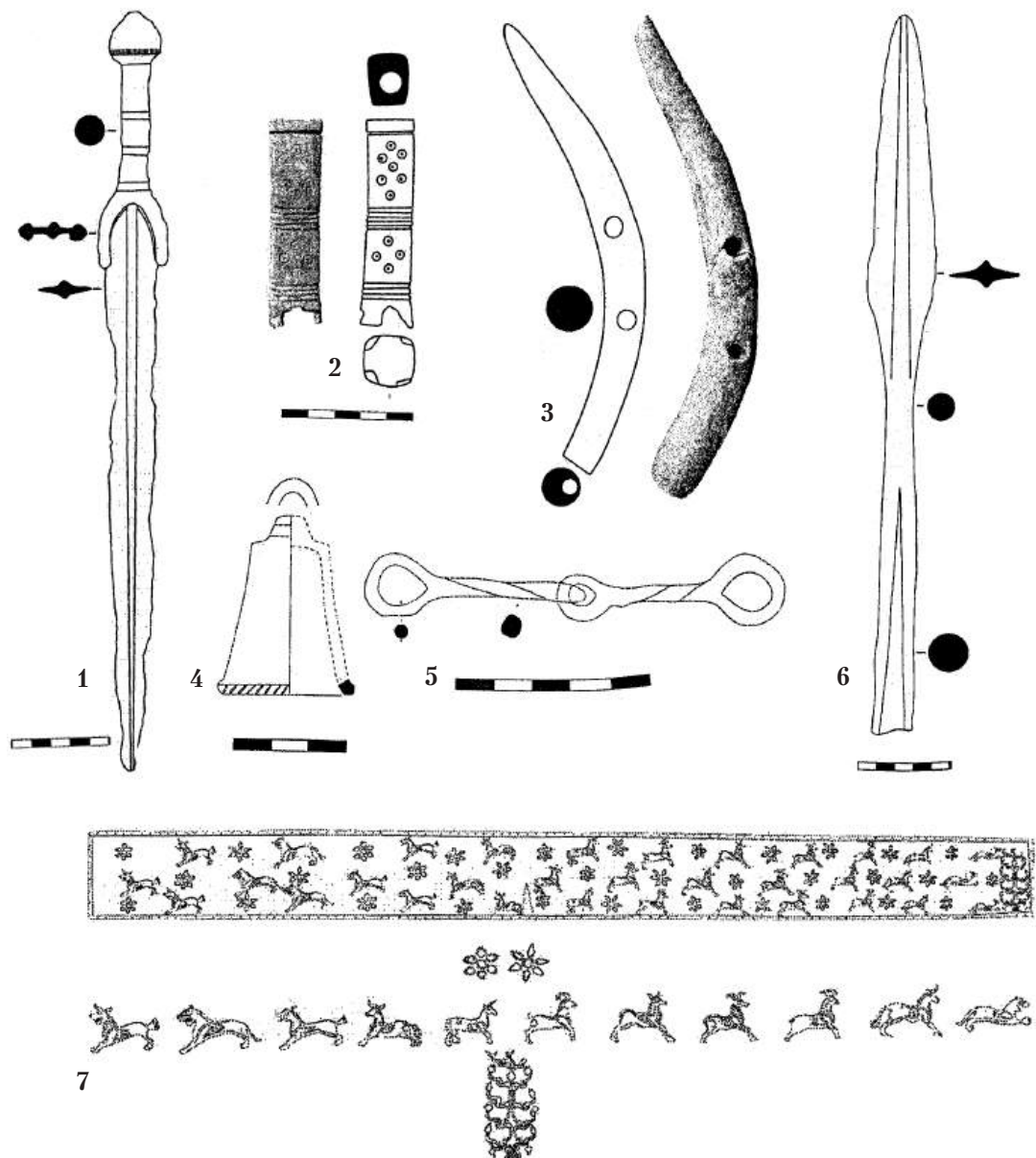

Рис. 25. Предметы вооружения и конского убора из могильника Кани Котер.

1 — меч; 2 — рукоятка ножа; 3 — псалий; 4 — колокольчик; 5 — удила;

6 — копье; 7 — «пояс»

(1, 6 — железо; 2, 3 — кость; 4, 5, 7 — бронза).

исследован, данных об устройстве могил нет, отмечено лишь, что они перекрывались большими каменными плитами (Amelirad, Azizi 2021: 54, fig. 2). Исследовано только одно погребение, которое после ограбления было засыпано, поэтому данных об устройстве могилы и о самом погребении нет. Но удалось собрать инвентарь из этой могилы, который теперь находится в музее. Эти находки могут иметь большое значение в связи с историей урарто-маннейских отношений в начале VII в. до н. э. Опубликовано 6 керамических сосудов, рассмотренных выше (*ibid.*: figs. 3, 4; **рис. 15: 1; 19: 7–8; 21: 1; 26: 1, 3, 4, 6**), бронзовые и серебряные фиалы (*ibid.*: figs. 5, 7; **рис. 26: 2, 5**), бронзовая плоскодонная миска и миска с омфалом, бронзовый остродонный кувшин с высокой горловиной, серебряная крышка (*ibid.* figs. 6, 8–10), а также предметы вооружения и конского убора (*ibid.*, figs. 121, 19, 20, 24, 25, 27; **рис. 25; 27**). О вероятности более позднего подхоронения в эту могилу могут свидетельствовать, в частности, находки бронзового двусоставного зеркала с боковой ручкой и двух косметичек или ушных ложечек (*ibid.*: figs. 15, 21; см. ниже).

В могиле были найдены предметы вооружения — железный меч и копье, бронзовая пластина, названная авторами поясом (**рис. 25: 1, 6, 7**), два разомкнутых серебряных браслета с бараньими головками на концах (**рис. 26: 8**), они служили оберегами. Найденные бронзовые однокольчатые удила с витыми стержнями/грызлами, бронзовый колокольчик и заготовка рогового псалия позволяет предположить, что погребенный был или всадником, или пользовался при жизни колесницей (**рис. 25: 3–5**). В ареале урартской культуры витые и плетеные удила с разъемными псалиями использовались в VIII — первой половине VII вв. до н. э. Они найдены в Хасанлу IVB, который был урартским владением до 714 г., и в Кармир-блуре VII в. до н. э. В целом же в этот период такие удила использовались на обширной территории южного культурообразующего пояса (см. гл. I, § 2). Серебряные браслеты, серебряная и бронзовая фиалы, глазурованные сосуды могут свидетельствовать о высоком статусе погребенного.

Ярким признаком урартского прикладного искусства является тореvetica, в частности, пластинчатые **бронзовые пояса**, один из которых найден в могильнике Кани Котер (длина 104,5 см,

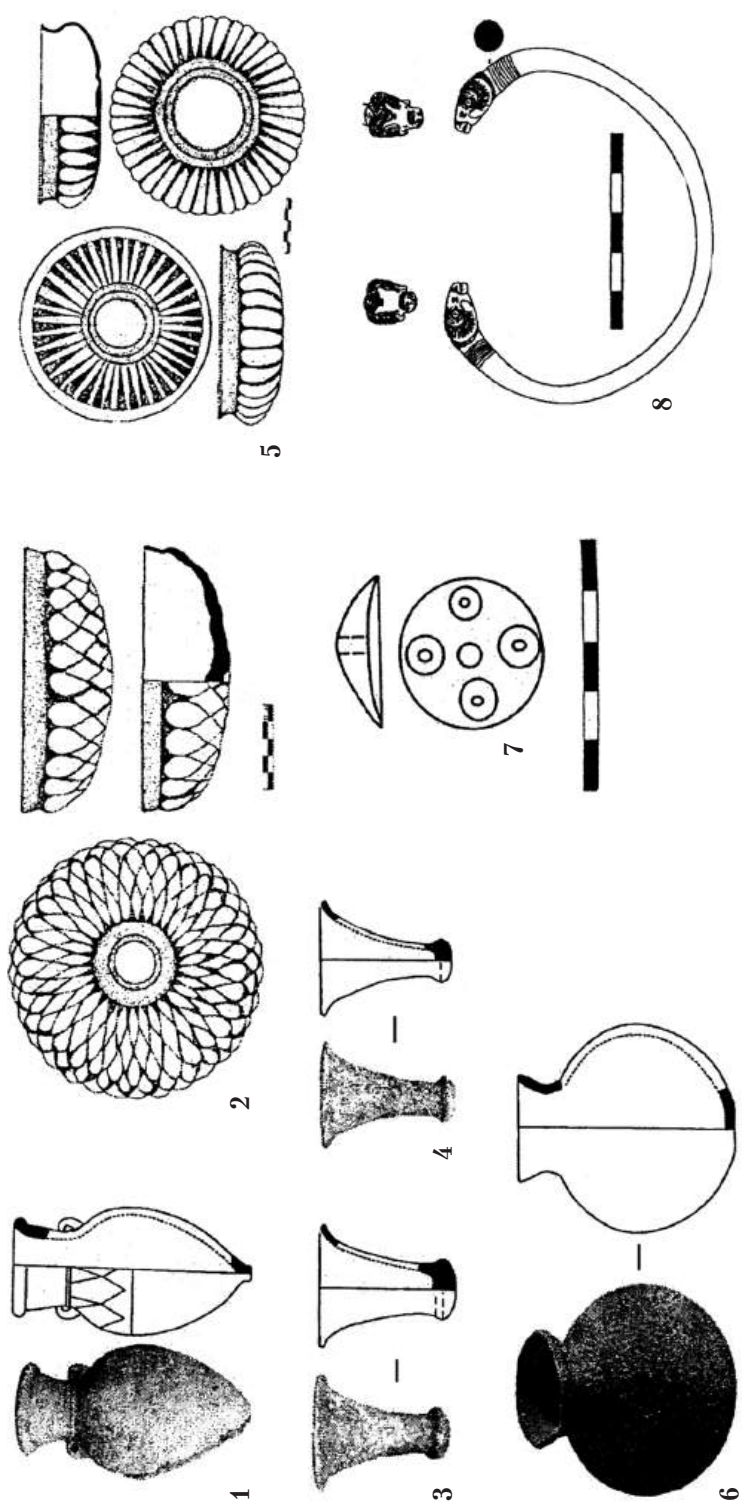

Рис. 26. Погребальный инвентарь из могильника Кани Котер: керамические (1, 3, 4, 6), серебряный (2), бронзовый (5) сосуды, серебряный браслет (8), костяная пуговица (7)

ширина 10–10,5 см; Amelirad, Azizi 2021: 63–65, fig. 13; **рис. 25: 7**). Пластина, названная авторами поясом, украшена штампованными и рельефными фигурами галопирующих быков, газелей, оленей, муфлонов, козлов, львов и трех монстров, в центре пояса животные разделены на две группы, одна из которых скачет влево, другая — вправо, на одном конце пояса изображено древо жизни, на другом конце его нет и число галопирующих животных меньше (четыре вместо семи). Это не исключает, что левый конец пластины не сохранился и первоначально она была длиннее. Все изображения разделены шестилепестковыми розетками. Изображения выполнены в так называемом «народном стиле», без признаков ассирийской изобразительности, имеющейся на урартских бронзовых изделиях «придворного стиля» (Seidle 1988: 171–172; **рис. 27: 5**). Такие пояса, бывшие элементом защитного доспеха воинов, носились ими в эту эпоху на обширной территории далеко за пределами Урарту. Но все они отличаются различным стилем изображений на них. Например, в горах Центрального Кавказа в могильнике Тли обнаружен урартский пластинчатый пояс, изображения на котором подобны фигурам на поясе из Кани Котер (Техов 1981: 46, рис. 127; **рис. 27: 4**). На тлийском поясе имеются также характерные для урартской изобразительности фигуры вооруженных всадников, воинов и крылатых монстров, стреляющих из лука (Seidle 2004: abb. 110, 111, *Falttafel* B1, C2). На кавказских бронзовых поясах, в том числе и на других тлийских, стилистика изображений абсолютно иная и даже различается в пределах этого региона (**рис. 27: 1–3**). К тому же, если на востоке Южного Закавказья (Азербайджан) на поясах имеются разные изображения копытных животных, хищников и даже рыб (Садыхзаде 1971: табл. XVIII–XIX; **рис. 27: 3**), то на западе (Армения) в урартский период продолжают существовать пояса с «точечным узором закавказского типа», т. е. не урартского изготовления (см. гл. III § 1, рис. 26: 1, 4), но в VII в. последние обнаруживают признаки влияния урартской стилистики (Кармир-блур; подробнее о поясах Закавказья см. Castellucca 2017).

Изображения на «поясе» из Кани Котер бесспорно свидетельствуют о его урартском происхождении (*ibid.* fig. 13; **рис. 25: 7**), важным доказательством этого служит изображение дерева.

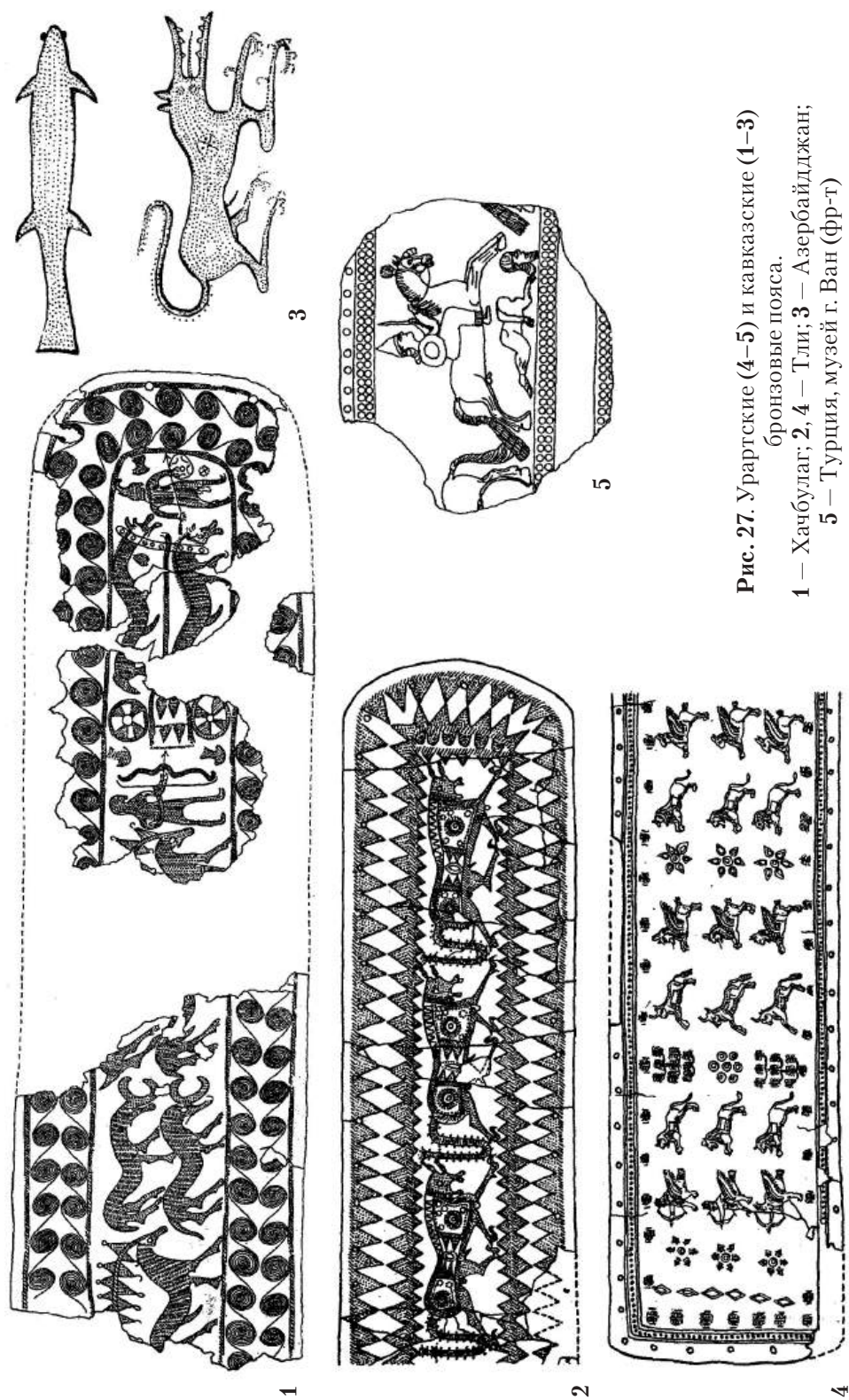

Рис. 27. Урартские (4-5) и кавказские (1-3) бронзовые пояса.
 1 — Хачбулаг; 2, 4 — Тли; 3 — Азербайджан;
 5 — Турция, музей г. Ван (фр-г)

Если на ассирийских изображениях на дереве вместо ветвей пальметки, то на урартских — вместо пальметок на концах ветвей изображались «почки»/бутоны, заостренные концы которых всегда направлены вверх, лишь в сцене орошения/возрождения «увядшего» дерева почки опущены вниз (Batmaz 2013: figs. 13–19). Вместо ствола между основанием ветвей изображены или геометрические фигуры, или продолжение ветвей (*ibid.*: figs. 13–14). Судя по находкам в Аянисе, священное дерево в храме было искусственным. Здесь при раскопках в храмовой целле в углу помещения были обнаружены обгоревшие прутья и деревянные фрагменты, каменные «листья», сделанные из трех разноцветных слоев камня. Такой же формы листья с трехслойным рисунком изображены на костяной пластине из Алтынтепе, и в самом Аянисе он встречен неоднократно (*ibid.*: 70 f., figs. 10–14). В Аянисе в углу целлы вместе с обгоревшими фрагментами дерева найдена подставка из известняка (40×20 см), в центре которой имеется отверстие (диаметр 5 см), в которое вставлялось искусственное дерево (*ibid.*: fig. 37). Изображение дерева на «поясе» из Кани Котер полностью соответствует урартрской схеме его изображения. К этому можно добавить, что в маннейской изобразительности, в частности, на глазурованных кирпичах изображение дерева отсутствует (см. выше § 2.1., § 2.2).

Однако длина пластины из Кани Котер (104,5 см) ставит под сомнение ее использование в качестве пояса; к тому же отсутствуют следы скрепления/застежки пояса — крючки, петли, отверстия для завязок и т. п., которые имеются на других поясах; отмеченные выше некоторые детали изображений также не исключают, что первоначально она была длиннее. Уже предполагалось использование таких длинных пластин для украшения колесниц (Hamilton 1965: 50–51; Moorey 1967: 83, 85), а найденные в могиле удила вместе с колокольчиком и заготовкой костяного псалия могли в данном случае символически обозначать колесничного коня. Но в любом случае все эти находки свидетельствуют о высоком статусе погребенного. Урартское происхождение обмундирования погребенного подтверждают также «предметы неясного назначения, функции которых трудно установить» (Amelirad, Azizi 2021: 71). Прежде всего это костяная четырехгранная полая втулка, украшенная резными

кружками (длина около 8 см, *ibid.*, fig. 27a; **рис. 25: 2**). Такой орнамент характерен именно для урартских костяных изделий. Аналогичная по форме, размеру и орнаменту рукоятка ножа происходит из Кармир-блур (Пиотровский 2011: 634, № 1000). Железные ножи с такой рукояткой часто встречаются в урартских воинских захоронениях. Такими же кружками украшены пуговицы, названные авторами пряслицами (d. от 2,2 до 3 см; Amelirad, Azizi 2021: fig. 23: **рис. 26: 7**), и они также встречаются в урартских памятниках (Пиотровский 2011: № 315 Топрак-кале; № 1019–1026 Кармир-блур). Вместе с тем, такими же кружками украшены костяные бляшки и аналогичные им бляшки из раковин (d. 5–11 см), которые происходят из Ассирии (вторая половина IX – VIII вв., Mallowan 1966: 125, fig. 66).

Железный меч из Кани Котер, судя по описанию авторов, был выплавлен целиком из железа в одной форме вместе с рельефной подковообразной гардой; на цилиндрический черенок надеты железные шайбы и коническое навершие (дл. 41 см, Amelirad, Azizi 2021: 70–71, fig. 24; **рис. 25: 1**). Форма гарды и шайбы на стволе рукояти сближают этот меч с некоторыми кинжалами из Хасанлу IVB, которые также были выплавлены в одной форме вместе с гардой, что и позволяет уточнить время замены бронзы железом для изготовления оружия. По мнению исследователей, в Закавказье в IX–VIII вв. изготовлялось еще биметаллическое оружие, и только в VII в. оно становится полностью железным. Причем при изготовлении железных предметов «преобладала техника выплавки в разъемных и глухих формах, продолжавших традиционные навыки металлообработки позднебронзового производства» (Есаян 1976: 186–187). Примером тому служит находка в Кармир-блуре VII века железного меча с подковообразной гардой (Пиотровский 1950: 38, рис. 19, в центре; он же 1959: 163, рис. 25) и меча из Кани Котер. Но произошла эта замена уже в VIII в., что подтверждается находками в Хасанлу IVB биметаллических и железных кинжалов, железных копий и ножей (см. гл. III, § 1). Инвентарь из могилы Кани Котер сочетает маннейские, урартские и закавказские признаки изделий.

В VII в. до н. э. уже сказались некоторые результаты взаимодействия урартских и закавказских производственных навыков,

изобразительных традиций и т. п. Так, на бронзовом поясе из Кармир-блур, выполненном в закавказском стиле с точечным узором, появилось стилизованное изображение дерева с бутонами (Пиотровский 1952: 36–37, рис. 19), характерное только для урартской изобразительности. Можно предположить, что результатом этого взаимодействия является и меч, найденный в Кани Котер.

В целом воинская экипировка погребенного подтверждает, а меч не противоречит тому, что здесь был погребен знатный представитель урартского царя, имевший привилегированный статус — *шурели*. Как уже было отмечено (гл. III § 1), в урартской армии служили первоначально как сами урарты (*шурели*), так и рекрутированные воины из завоеванных урартами земель (*хурадинели*). Именно последние были захоронены в воинских могилах Хасанлу IVB или погибли при штурме города в 714 г. до н. э. Их воинская амуниция отличается от найденной в могиле Кани Котер: это бронзовые пояса закавказского типа с «точечным» орнаментом без фигурных изображений, змееголовые и рифленые браслеты, булавки с петлей под навершием.

Но погребенный в Кани Котер не был воином. Сардури II (760–730) освободил от воинской повинности «почти всех *šurele*», только часть из них оставалась служить вооруженной охраной, действующими воинами становились только *хурадинели* (Дьяконов 1988: 61). Похоронен он был с почестями самими маннейцами в мирное время. Об этом, в частности, свидетельствуют положенные в могилу дорогие и престижные вещи не урартского происхождения. К ним относятся глазурованные сосуды, производство которых было налажено маннейскими керамистами и за пределами царства они не обнаружены, а также бронзовые и серебряные миски/фиалы (рис. 26: 1–5). Металлические фиалы с омфалами или без них служили на Древнем Востоке элитными сосудами для питья. В Ассирии пользовались фиалами без омфалов, но с вогнутыми стенками горловины для удобства поддерживания чаш во время питья. Изображения этого процесса сохранились на ассирийских рельефах. Повсеместно возникали керамические подражания дорогим и престижным сосудам, особенно точные подражания ассирийским фиалам известны в Маннейском царстве (см. гл. III: рис. 20, II: 2–4). В Хасанлу IVB в одной

из могил, в которой был похоронен представитель местной элиты, найден бронзовый фиал с глубоким омфалом фригийского типа, что принципиально отличает их от ассирийских сосудов для питья (Danti, Cifarelli 2015: 102–104, fig. 19 A; III: рис. 20, I: 5). Именно в VIII в. фригийские фиалы получили широкое распространение на Ближнем Востоке, достигнув на западе Греции. Находка этого фиала в Хасанлу IVB служит еще одним из доказательств культурных связей между восточными владениями Урарту и странами Малой Азии в период господства Урарту над торговыми путями в VIII в. до н. э., следы которых в Манне не прослеживаются, о чем, в частности, свидетельствуют находки в Кани-Котер.

Учитывая активное взаимодействие ассирийской и маннейской знати в VIII–VII вв. до н. э., появление в Манне серебряных и бронзовых фиал можно объяснить получением их в качестве подарков от ассирийского царя во время приемов им представителей маннейской элиты. Полученные маннейцами подарки хранились и при случае могли быть использованы также в качестве дара в знак уважения и почтения, в данном случае при погребении посла урартского царя. В Кани Котер был похоронен не враг, а, очевидно, дипломат, который проник или к маннейскому вельможе — стороннику проурартской партии, или к царю для ведения переговоров. Такую возможность допускает текст Русы II в связи с появлением в Манне старшего сына царя Ишкугулу, страны, входившей в состав Урартского царства в правление Аргишти I (781–760) (см. выше § 1; УПД: 80, № 12, 2–3). Вероятнее всего, это могло произойти именно в первой половине VII в., когда проурартская партия в Манне еще имела сильные позиции (подробнее о событиях этого периода см. выше § 1).

В разграбленной могиле Кани-Котер некоторые найденные предметы исключают датировку VII в. до н. э. и могут свидетельствовать о более позднем захоронении. Прежде всего, это бронзовое двусоставное зеркало с боковой ручкой. Такое зеркало не могло появиться в центре Ирана ранее последней трети I тыс. до н. э. или даже позднее (см. гл. II, § 6), а аналогию косметическим ложечкам авторы нашли на территории Турции (Сарды), где они датируются, как они отмечают, «Ранней Византийской эрой» (Amelirad, Azizi 2021: 69), т. е. концом IV — началом VII вв.

н. э. Но в указанной авторами работе автор отмечает, что стратиграфия памятника не вполне точна для необходимой периодизации и, соответственно, для датировки этих находок, не исключается и позднеримский период (Waldbaum 1983: 30–31, 56, 133, 134, 291, pl. 41). Кроме того, форма этих предметов различна: маннейские ложечки имеют стержень одинакового диаметра, на конце которого имеется кольцо, скрученное из проволоки, в Сардах у всех ложечек стержень тоньше и заострен на конце. Общим признаком служит лишь окончание стержня в виде самой ложки, равной диаметру стержня и нескольких бороздок под ней. Но в любом случае, все эти находки подтверждают позднее подхоронение в могилу дипломата, похороненного здесь в VII в. до н. э.

Подводя итоги, следует подчеркнуть следующее: результаты исследования маннейских археологических памятников VIII–VII вв. до н. э. в сочетании с письменными источниками этого времени позволяют конкретизировать политические и, соответственно, культурные контакты между Ассирией, Урарту и Манной. Об этом, в частности, свидетельствует маннейское изобразительное искусство (роспись на кирпичах, изображения на резной слоновой кости), которое восприняло многие черты искусства Ассирии и Урарту. Анализ керамики дает основание утверждать, что маннейцы были коренным населением северо-западного Ирана — в отличие, например, от мидийцев (см. гл. IV § 6). Но при этом некоторые типы керамики (чайники, триподы, kernосы, четырехгранные флаконы) свидетельствуют о существовании южного культурообразующего пояса, в котором территория Ирана, и Манны, в частности, была промежуточным звеном между культурным взаимодействием востока и запада. Археологические данные иногда могут подтверждать некоторые исторические события. Так, погребальный инвентарь из погребения в могильнике Кани-Котер VII в. до н. э. может свидетельствовать о военно-политических контактах Урарту и Манны в первой половине VII в. Здесь был похоронен знатный представитель урартского царя, направленный им для ведения переговоров с маннейскими представителями проурартской партии, но умершего естественной смертью и похороненного маннейцами с почестями.

СПИСОК И ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Антропоморфные крылатые фигуры. **1, 2** — Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 72, 77); **3, 5** — Рабат тепе (HozhabriNobari, Afifi 2009: figs. 25, 27); **4** — Нимруд (Каталог 2019: 112, ил. 3, прорисовка рельефа); **6** — Сурх-и Дум (Calmeyer 1995: fig. 15).

Рис. 2. Человекоголовые крылатые животные. **1–3, 5** — Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 85, 93, 97, 100); **4** — Рабат тепе (HozhabriNobari, Afifi 2009: fig. 26); **6** — Урарту (Vanden Berghe, Meyer 1982: 41 cat. nr. 85).

Рис. 3. Человекоголовые птицы. **1–4** — Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 102, 103, 109, 84); **5** — Адильджеваз (Calmeyer 1991a: fig. 3b).

Рис. 4. Кентавры. **1** — Урарту (Vanden Berghe, Meyer 1982: 41 cat. nr. 96); **2** — Алтынтепе (Vanden Berghe, Meyer 1982: Afb. 30).

Рис. 5. Изображения животных и птиц. **1–8** — Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 71, 54, 60, 57, 61, 69, 66, 53).

Рис. 6. Головные уборы божеств. **1, 2** — Ниневия Ассирия (дворец Синаххериба, 1912: pl. 103, реконструкция, pl. 94–95); **3, 4** — Урарту (Пиотровский 2011: рис. 97, 99); **5** — Элам/Сузы, **6** — Вавилон (Calmeyer 1995: figs. 16, 13).

Рис. 7. Геометрический орнамент. **1, 4, 5** — Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 11, 4, 5); **2** — Рабат тепе (HozhabriNobari, Afifi 2009: fig. 17); **3** — Топраккале (Пиотровский 2011: рис. 102); **6** — Аянис (Çilingiroğlu 2001: figs. 22–23); **7, 7a** — Нимруд (Albenda 1994: figs. 2, 3).

Рис. 8. Геометрический орнамент. **1, 2, 3, 5, 7, 9** — Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 25, 17, 6, 8, 2, 3); **4, 11, 12** — Рабат тепе (HozhabriNobari, Afifi 2009: figs. 18, 19, 20); **6, 8** — Нимруд (Curtis 1993: fig. 24: 4; Albenda 1994: fig. 4); **10** — Кармир-блур (Пиотровский 2011: рис. 54).

Рис. 9. Растительный орнамент. **1–4** — Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: figs. 32, 42, 34, 38); **5** — Рабат тепе (Afifi, Heidari 2010: fig. 12); **6** — Ниневия (Paterson 1912: pl. 50); **7–8** — Телль Билла, Телль Аджайя (Albenda 1991: figs. 3, 7).

Рис. 10. Растительный орнамент. **1** — Калайчи (Hassanzadeh, Mollasalehi 2017: fig. 27); священное дерево: **2, 3** — Ассирия (Parpola 1993: fig. 2); **4, 5** — Рабат тепе (HozhabriNobari, Afifi 2009: fig. 21, Kargar, Binandeh 2009: pl. 8).

Рис. 11. Костяные пластины. **1** — Нимруд (Godard 1950: fig. 28); **2–5** — Зивие (**2, 4, 5** — Wilkinson 1975: fig. 12a, 12, 32; **3a–б** (Porada 1965: figs. 70–71, a — верхний регистр, б — средний регистр)).

Рис. 12. Костяные пластины, Зивие, 1997 г. **1–3** — группа 1; **4** — группа 3 (Amelirad 2019: 1–3, 4).

Рис. 13. Гибридные существа. **1** — Зивие 1997 г., группа 2 (Amelirad 2019: fig. 4); **2** — цилиндрическая печать (новоавилонский период) (Fraigne, Stuckey 2021: «Adapa»); **3, 4** — цилиндрические печати (новоассирийский период (Black, Green 1992: fig. 108; 82).

Рис. 14. Костяные пластины. **1, 3, 4** — Зивие 1997 г. (1— группа 2; 3, 4 — группа 4) (Amelirad 2019: figs. 5, 7, 8); **2** — Тиль Барсиб (Bunnens 1997: fig. 7).

Рис. 15. Глазурованная керамика. **1** — Кани Котер (Amelirad, Azizi 2021: fig. 4a); **2** — Чангбар (Hassanzadeh 2016: fig. 16); **3, 4** — Кул Тарике (Rezvani, Roustaei 2007: pl. 26: 12–13); **5** — Зивие (Porada 1965: pl. 86); **6, 7** — Зивие (Hassanzadeh 2016: figs. 20–21).

Рис. 16. Керамика, могильник Кул Тарике. **1–17** — группа I (Rezvani, Roustaei 2007: pl. 21: 1–7, pl. 22: 2, 7, 9, 10, 13, pl. 23: 3–7); **18** — группа III (ibid.: pl. 25: 1); **19** — группа IV (ibid.: pl. 26: 8);

Рис. 17. Керамика, могильник Мала Мча. **1–3, 4, 5, 8, 10, 11** — мог. 3 (Amtlirad et al. 2017: fig. 33: 10–12, 1, 4, fig. 36: 2, 3–4, 6); **6, 14, 15** — мог. 5 (ibid: fig. 33: 5, fig. 32: 1–2); **7** — мог. 9 (ibid.: fig. 27a); **9, 12, 13, 16** — мог. 7 (ibid.: fig. 36: 6, fig. 32: 4, 3, fig. 38: 1); **17, 18** — мог. 9, 10 (ibid.: fig. 35: 4, 5).

Рис. 18. Гробы. **1** — керамический (Ашшур) (Andrae 1925: fig. 15); **2** — бронзовый (Арджан) (Alizadeh 1985: fig. 2 B).

Рис. 19. Керамические бокалы. **1** — Хасанлу (Hassanzadeh 2016: fig. 22); **2** — Зивие (ibid.: fig. 28); **3** — Иран (Wilkinson 1975: fig. 38); **4–6** — Мала Мча (Amtlirad et al 2017: figs. 33: 7–9); **7–8** — Кани Котер (Amelirad, Azizi 2021: fig. 4b).

Рис. 20. Ассирийские миски/триподы (Anastasio 2010: pl. 17; Curtis 1989: fig. 30: 112, 113).

Рис. 21. Триподы ЖВ I–II, Иран, Дахистан. **1** — Кани Котер (Amelirad, Azizi 2021: fig. 3b); **2, 3** — Динха II (Muscarella 1974: fig. 44: 894, Danti 2013: fig. 17.11: A); **4** — Хасанлу IVB (Danti 2013: fig. 17.13: J); **5** — Динха III; **6** — Кордлар тепе (Danti 2013: fig. 17.8: C, D); **7, 8** — Сиалк В (Ghirshman 1939: pl. LII, S.567; Tourovetz 1989: pl. Пс: 52); **9** — Сиалк А (Ghirshman 1939: pl. XLIII, S.532); **10, 11** — Бенгуван-3, Дахистан (Мурадова 1991: рис. 41); **12, 13** — Тюренг-тепе IVa (Мурадова 1991: рис. 42); **14** — Бенгуван-3, Дахистан (Мурадова 1991: рис. 42); **15–17** — Хурвин (Vanden Berghe 1964: pl. XXIII: 186, 187, pl. XXIV: 190); **18, 19** — Кайтарие (Медведская 1977: рис. 1: VI a–б); **20** — Изат-кули (Мурадова 1991: рис. 23: 2).

Рис. 22. Триподы (**1–7, 12–18** — конец III — начало II тыс., **8–11** — XI–VIII вв. до н. э.). **1–3, 12–13** — Гиян III (Schaeffer 1948: fig. 323: 1–3; fig. 321: 6, 11); **4–6** — Китай (ibid: fig. 324: 1–3); **7** — Аликемектепеси (Махмудов

2008: рис. 36: 4); **8–11** — Суник (Хнкикян 2002: pl. LXXXIX: 26, XXXIX: 19, LXXXIX: 27, XLIII: 16); **14** — Гиян IV, **15** — Джамшиди III (Schaeffer 1948: fig. 321: 18, 19); **16–18** — Китай (ibid.: fig. 321: 1–3).

Рис. 23. Китайские триподы (Schaeffer 1948: fig.: 324: 4–10).

Рис. 24. Керносы (**1–9** — ЖВ I–II, **10–15** — III–II тыс. до н. э.). **1, 2** — Солдуз (Ghirshman 1939: pl. C: 2–3); **3** — Мингечаур (курган IV) (Асланов и др. 1959: табл. XLI: 9, h 25 см); **4–6** — Хурвинская колл. (Vanden Berghe 1964: pl. XXV: 195, XXX: 217, 218; Погребова 1977: табл. XIX: 4, 6, 8); **7, 8** — Хасанлу (Погребова 1977: табл. XIX: 5, 7); **9** — Суник (могильник Тех) (Хнкикян 2002: pl. XXXIV: 20); **10, 11** — Гиян III (Schaeffer 1948: fig. 323: 4, 5); **12** — Хараппа (Pande 1971: fig. 1); **13** — Микены (1700–1650 В. С.) (Pande 1971: fig. 12); **14** — Мохенджо-Даро (Dales, Kenoyer 1986: fig. 92: 1); **15** — Гезер (Палестина) (Pande 1971: fig. 11).

Рис. 25. Предметы вооружения и конского убора из могильника Кани Котер. **1** — меч; **2** — рукоятка ножа; **3** — псалий; **4** — колокольчик; **5** — удила; **6** — копьё; **7** — «пояс» (Amelirad, Azizi 2021: figs. 15, 19, 20, 24, 25, 27) (**1, 6** — железо; **2, 3** — кость; **4, 5, 7** — бронза).

Рис. 26. Погребальный инвентарь из могильника Кани Котер: керамические (**1, 3, 4, 6**), серебряный (**2**), бронзовый (**5**) сосуды, серебряный браслет (**8**), костяная пуговица (**7**) (Amelirad, Azizi 2021: figs. 4, 5, 11, 23).

Рис. 27. Урартские (**4–5**) и кавказские (**1–3**) бронзовые пояса. **1** — Хачбулаг (Кесаманлы 1966: рис. 4); **2, 4** — Тли (Техов 1981: рис. 127, 112); **3** — Азербайджан (Садыхзаде 1971: pl. XIX); **5** — Турция, музей г. Ван (фр-т) (Çavuşoğlu 2005: fig. 1c).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключение содержит краткие итоги проведенного исследования. Автором были рассмотрены материалы по истории и культуре Древнего Ирана XI–VII вв. до н. э. с целью уточнения ряда спорных проблем, связанных с историей и культурой этого периода. Прежде всего это относится к спорной хронологии раннежелезного века (гл. I), датировке ряда археологических памятников, определяющих материальную культуру региона и его историю (гл. II–VI). Используемое в исследовании сочетание данных письменных и археологических источников в ряде случаев способствовало их взаимному уточнению и более точной характеристике культуры и истории пяти регионов Древнего Ирана и их места в составе южного культурообразующего пояса, который существовал с глубокой древности до I тыс. до н. э. от Египта и Средиземноморья до Древней Индии (совр. Пакистан). Одним из существенных результатов проделанной работы стал собранный воедино обширный археологический материал, который может послужить базой для дальнейшего исследования этой темы.

Ниже представлено краткое обоснование основных выводов исследования.

В главе I, помимо уточнения хронологии раннежелезного века (ЖВ), были рассмотрены две категории археологического материала, которые характеризуют не столько культуру конкретных памятников, сколько являются по сути «надэтническим» элементом. Это относится к конской узде и вооружению лучников, которые были составляющей частью культуры стран южного пояса.

В 1970–1980 гг. в результате изучения археологических данных с привлечением письменных источников время начала РЖ было

определено не ранее рубежа XIII–XII вв. до н. э. Смена эпох была вызвана крушением «великих держав» Передней Азии и гибелью одной из них — Хеттского царства. Все это привело к разрушению экономических связей, торговли и в результате к дефициту бронзы. Но эта логично выстроенная гипотеза была подвергнута сомнению на основе радиоуглеродных дат, которые позволили, как считали исследователи, понизить дату начала ЖВ I до XV–XIV вв. до н. э. Но уже в 1990-е годы появились возражения приоритету этих дат.

В данной работе предложены ответы на вопросы — когда начали использовать железные изделия, а когда произошла смена эпох от бронзового века к железному; могло ли ускорить процесс внедрение железоделательного производства в кризисный период на Древнем Востоке после 1200-х годов. Для этого были рассмотрены независимые сведения письменных источников, прежде всего ассирийских анналов Среднеассирийского и Позднеассирийского царств (XIII–VII вв. до н. э.).

Действительно, хеттские металлурги/кузнецы раньше всех освоили производство железа и могли изготавливать из него различные предметы. Но это не может служить доказательством наступления ЖВ на всем Древнем Востоке уже в первой половине II тыс. Хетты хранили тайну производства железа, правители Ассирии, Египта, Угарита довольствовались лишь получением дорогих и престижных подарков в виде железных изделий от хеттских царей. Но наступление ЖВ в пределах одной державы не означало наступления новой эры. К тому же крушение этой державы привело к паузе в поступательном развитии железоделательного производства. Ассирийские источники свидетельствуют о том, что после падения Хеттского царства прекратилось поступление железных изделий/подарков в Ассирию. И хотя ассирийцы с конца XII по X вв. проникали на территорию бывших хеттских владений, железные изделия в качестве военной добычи не упоминаются. Но с начала X в. ассирийские анналы вновь называют железо в качестве добычи, следовательно, его производство было восстановлено. Ассирия не имела собственных источников железной руды, и поэтому ассирийцы вывозили главным образом железо, а не изделия из него, железо затем раздавалось собственным кузнецам для дальнейшей работы. Следовательно, они уже

обладали необходимыми для этого навыками. Вывоз железа быстро превзошел в количественном отношении бронзу.

В урартских письменных источниках (IX–VII вв.) отражена иная ситуация в развитии железоделательного производства. Урартские цари не упоминают, за редким исключением, железные изделия в качестве трофеев. Урартская металлургия была полностью обеспечена собственными железорудными источниками, металлургическое производство, как установили специалисты, было очень высокого качества. Оно сформировалось еще в доурартскую эпоху в конце II тыс.

Данные письменных источников, вопреки результатам радиоуглеродного датирования, дают более веские основания считать, что полная смена эпох произошла не ранее X–IX вв. (ЖВ II); период XII–XI вв. был по сути переходным этапом сосуществования позднебронзового и зачатков раннежелезного веков. Тогда навыки производства железа уже существовали, но не повсеместно.

Итак, данные письменных источников позволяют отодвинуть на второй план радиоуглеродное датирование археологического материала. Уточненная хронология древнеиранских памятников, рассмотренных в главах II–VI, не противоречит данным письменных источников о железе.

Важным культурообразующим признаком служит конская узда. Ее формирование на Древнем Востоке проходило независимо от развития узды в Евразийском регионе (северный культурообразующий пояс). Регионы к югу от Кавказа в IX–VII вв. до н. э. находились вне зоны контактов с северными регионами. Об этом свидетельствует различие конструкции узды: неразъемные удила с напускными псалиями на юге и удила с разъемными псалиями на севере. В данном случае южный пояс на западе через Малую Азию включал территории Италии, Греции, о. Крит. Признаком VIII в. служат совместные находки бронзовых и желеных удил обеих конструкций, найденных в иранских памятниках. Появление на Древнем Востоке удила северной конструкции связано с Центральной и Южной Европой, Кавказский регион исключается. Это относится также к роговым и костяным псалиям и пронизей для перекрестных ремней оголовья. Только в конце VIII–VII в. через Кавказ вместе с киммерийцами и скифами проникают

некоторые разновидности конской узды, прежде неизвестной к югу от Кавказа. Их отсутствие как в Хасанлу IVB, так в Сиалке В подтверждает их верхнюю дату не позднее конца VIII в. Примечательно, что удила с напускными псалиями отсутствуют в памятниках северного пояса.

Это положение подтверждается использованием принципиально различного устройства наконечников стрел: на территории южного пояса применялись стрелы с черешковой формой насадки, на севере — с втульчатой. На Древнем Востоке бронзовые черешковые двулупастные стрелы применялись уже в начале II тыс. до н. э., и только на рубеже II–I тыс. появились железные наконечники стрел; в евразийских же степях бронзовые наконечники достигают своего максимального распространения и разнообразия форм только в начале I тыс. до н. э. В результате на Древнем Востоке и в Иране, в частности, снова входят в употребление бронзовые наконечники стрел, теперь уже «скифских» форм. Но ареал их находок не свидетельствует о непосредственном нахождении евразийских кочевников в этом обширном ареале. Втульчатые наконечники стрел не заменили древневосточную традицию использования черешковых наконечников стрел. Письменные источники позволяют предполагать, что найденные на территории Древнего Ирана и за его пределами втульчатые наконечники принадлежали скифским лучникам, которые находились в составе мидийской армии (в качестве наемников или плененных воинов) и участвовали в завоевательных походах мидийских царей, начавшихся в VII в. до н. э.

Ярким признаком культуры населения центра Иранского плато служит могильник Сиалк В. Много десятилетий длится дискуссия относительно его датировки — от конца II тыс. до начала VI в. до н. э. Каждый исследователь привлекал ту часть погребального инвентаря могильника, которая, с его точки, зрения доказывала ту или иную его датировку (гл. II). В предлагаемой работе также была рассмотрена та часть инвентаря, которая по существу не использовалась для его датировки и характеристики его материальной культуры.

Рассмотрение ряда предметов сиалковского инвентаря в диапазоне культур Древнего Востока позволило не только уточнить время существования могильника, но и определить его место

в составе южного культурообразующего пояса Древнего Востока. Прежде всего это относится к расписной керамике. Следует отметить, что процесс изучения расписной керамики Сиалка В не выходил за рамки культур Древнего Ирана; при этом обычно рассматривались только отдельные элементы ее орнамента. Впрочем, эти элементы орнамента существовали с глубокой древности в различных культурах. Но оказалось, что оригинальными в сиалковской керамике являются только композиции из этих элементов орнамента (собственно геометрического орнамента, силуэтной техники для изображения людей и животных, системы метоп и триглифов и заполняющего орнамента, который помещался между фигурными и геометрическими композициями). Именно они позволили сделать важные выводы относительно датировки этой керамики и ее места в культуре Древнего Ирана. Сиалковские композиции росписи не имеют аналогии в иранских памятниках. Именно по этому признаку удалось установить хронологические параллели между вазописью геометрического стиля Древней Греции и сиалковской, которая полностью соответствует формуле вазописи позднегеометрического периода Греции (около 760–700 гг. до н. э.), состоящей из четырех элементов (геометрический орнамент, силуэтная техника для изображения человека и животных, система метоп и триглифов и орнамент, заполняющий фон рисунка). Структурно сходной, но стилистически отличающейся является роспись на керамике из Фригии VIII в. Оба стиля обнаруживают между собой гораздо меньше сходства, чем каждый из них с греческой вазописью, что может свидетельствовать о независимом знакомстве с формулой греческой росписи малоазийских и сиалковских мастеров. Примечательно, что фригийская и сиалковская вазопись не имеют связей с культурами предшествующего времени и греческой вазописью предшествующего периода.

Дополнительные параллели между сиалковской вазописью и эгейским миром имеются на уникальном сосуде из Сиалка В с силуэтным изображением копьеносца. Его «гребенчатый» шлем, прямоугольный щит из прутьев соответствуют экипировке воина в Греции, существовавшей во второй половине VIII в. и которая отсутствует на промежуточной территории между Грецией и Ираном. Является ли сиалковская вазопись дополнительным

свидетельством существования южного культурообразующего пояса?

В этой связи важное значение приобретают находки в иранских памятниках и в Сиалке В, в частности, бронзовых цельнолитых зеркал с боковым стержнем для насадки рукоятки из другого материала. Они были изобретены в Древнем Египте в III тыс. до н. э. и стали распространяться на протяжении III тыс. до конца I тыс. на территории от Египта и Средиземноморья вплоть до Древней Индии, оставаясь цельнолитыми. В Евразийском регионе зеркала появились позднее и у них ручка отливалась отдельно и затем прикреплялась к диску. Эти зеркала не служат датирующим элементом иранских памятников, но подтверждают существование южного пояса и вхождение в него Древнего Ирана. Об этом же свидетельствуют находки в Сиалке В и в других иранских памятниках конской узды и черешковых наконечников стрел, характерных для культуры стран южного пояса.

В Приурмийском районе самым информативным археологическим памятником является город/крепость Хасанлу IVB (гл. III). Он же стал одним из самых дискуссионных памятников в иранской археологии. В первую очередь это относится к его датировке. Регулярные раскопки на тепе Хасанлу проводились американскими археологами с 1957 г. и продолжались с перерывами до 1970-х гг. Одним из важных заключений исследователей стало утверждение, что город периода IVB погиб в результате завоевания урартами Приурмийского района в конце IX в. до н. э., о котором сообщалось в урартских текстах. Соответственно, археологический материал этого периода датировался X–IX вв. и лег в основу стратиграфической шкалы всего Западного Ирана. Вскоре результаты анализов C_{14} значительно удревнили датировку всех периодов Хасанлу, что не соответствует историческим и археологическим данным.

В работе представлены доказательства для датировки периода Хасанлу IVB IX–VIII вв. до н. э. и гибели города в 714 г. во время единственного похода в Приурмийский район ассирийского царя Саргона II. Эта датировка основана на письменных данных и некоторых археологических находках, датировка которых исключает IX в. Следует, правда, отметить, что американские археологи не могли использовать дату 714 г., поскольку

первоначально маршрут антиурартской части похода Саргона локализовался к востоку от оз. Урмия. Но даже когда его маршрут в 1970–1980 гг. был пересмотрен и локализован вдоль западного берега Урмии (Levine 1977, Медведская 1989), исследователи не изменили своей исторической концепции; только позднее появились работы, в которых учитывалась новая локализация антиурартской части похода Саргона и, соответственно, гибель города в 714 г.

Предложенная автором в 1989 г. локализация похода 714 г. подтверждается археологическими находками предметов, которые еще не существовали в IX в. Хотя в Хасанлу IVB действительно найдены предметы, дата которых не исключает IX в. и более раннее время, среди которых драгоценные изделия, например, золотые сосуды с сюжетными изображениями, которые хранились в «храме». Их пытались вынести оттуда жители города во время его штурма ассирийской армией, но эти люди погибли в результате обрушения здания, где эти изделия нашли археологи возле останков погибших.

Не ранее VIII в. до н. э. датируется конская узда: удила с разъемными псалиями, в том числе железные экземпляры, круглые бронзовые бляхи для скрепления перекрестных ремней оголовья, которые заменили прямоугольные и овальные бляхи предшествующего времени, и трапециевидные наносники. Локализация их находок, «разбросанных» на территории крепости, в том числе и вне конюшен, вместе с конскими костями, доказывает их использование во время штурма 714 г., хотя их применение здесь длилось на протяжении всего VIII в. в период урартской оккупации.

В поисках данных, которые могут уточнить датировку Хасанлу IVB, ее культуру и связи с культурами Древнего Востока в начале I тыс. до н. э., были рассмотрены изделия из слоновой кости, находки которых здесь достаточно представительны. Они различаются манерой исполнения, сюжетами, методами обработки или уровнем мастерства косторезов. Это позволило исследователям определить четыре стиля: ассирийский, северосирийский, иранский и местный. Последний был создан мастерами из Хасанлу IVB. Причем изделия местного стиля преобладают — 72 %.

Важно подчеркнуть свойственную для древневосточной изобразительности детализацию сюжетов на рельефах и настенной

живописи. Ассирийские изображения на царских рельефах точно датируются, что позволяет проследить различие изображений IX и VIII вв., и в данном случае — экипировку коней и всадников, конструкции колесниц и ряда других деталей, которые подробно рассмотрены автором. Все эти детали на костяных изделиях ассирийского стиля из Хасанлу IVB позволяют датировать их не ранее VIII в. до н. э.

Не менее важным датирующим признаком костяных изделий из Хасанлу IVB является сходство изображений с северосирийской резной костью. Принципиальным отличием от ассирийского стиля служат изображения иной конструкции колесниц (в отличие от ассирийских колесниц, у них колесная ось располагалась под центром кузова, а не у его задка); конь в состоянии покоя, в Ассирии — вздыбленный. Различия заключаются в изображении поверженного врага: в Ассирии обнаженным, на кости из Хасанлу IVB — одетым; на кости из Хасанлу IVB у всадника обувь с загнутым носком, в Ассирии и Урарту такая обувь отсутствовала (это признак изображений на памятниках хеттского и поздnehеттского искусства). Ответ на вопрос, когда и почему в Хасанлу IVB появились изделия с признаками столь далекого от Приурмийского района искусства, можно найти в анализе геополитической ситуации на Древнем Востоке в VIII в. до н. э. Именно тогда случилось временное ослабление Ассирии и усиление Урарту, что укрепило, в частности, господство Урарту над торговыми путями через Малую Азию до урартских владений на востоке. Этим объясняется находка в Хасанлу IVB бронзовой фиалы фригийского типа, которые именно в VIII в. получили широкое распространение, достигнув Греции на западе; эта находка в приурмийском владении урартов доказывает существование культурных связей между Урартским царством с западными странами в этот период.

Именно в VIII в. высокий профессионализм северосирийской школы косторезов послужил не только широкому распространению изделий этих мастеров, но и созданию ими косторезных центров от Греции и Этрурии на западе до Анатолии и Приурмийского района на востоке. Здесь могли работать эти мастера, обучая местных ремесленников косторезному искусству, что помогло созданию костяных изделий местного стиля.

Урартская красноангобированная лощёная керамика стала использоваться только в VIII в. до н. э., ее обнаружение в руинах крепости служит еще одним доказательством вхождения Приурмийского района в состав Урартского царства с конца IX в. по 714 г. до н. э. Нижняя дата Хасанлу IVB вряд ли выходит за рамки IX в., поскольку сырцовые строения не могут длительно существовать. В ходе завоевания крепости урартами в конце IX в. некоторые строения частично пострадали, но были отремонтированы, что определено археологами, и продолжали использоваться до 714 г.

Итак, в данной работе приведены данные, которые доказывают существование Хасанлу IVB на протяжении IX–VIII вв. до н. э.

Глава IV посвящена Мидийскому царству. В ней были рассмотрены спорные предположения о близости культур и истории населения западных территорий Древнего Ирана, включавших Луристан в горах Загроса и часть Иранского плато к востоку от него. Следуя локализации Мидийского царства в горах Загроса, которая доказывалась Л. Левине в 1970-х годах, археологи искали сходство в расписной керамике луристанского памятника Баба Джан III и могильника Сиалк В в центре плато. Видимое ими сходство в росписи и форме некоторых керамических сосудов объяснялось общим происхождением культуры ранних иранских мигрантов — основателями будущего Мидийского царства.

Однако анализ керамической росписи обоих памятников свидетельствует об их структурном различии. Если сиалковская роспись соответствует аттической формуле вазописи, то в луристанской росписи признаки этой формулы отсутствуют. Структура расположения росписи, ее стиль и набор основных элементов исключает вероятность их общего происхождения.

Отказаться от предполагаемой локализации ирано-мидийских племен в горах Загроса требует, прежде всего, тот факт, что мидийцы славились коневодством, что невозможно в горах. Культура населения на территории Хамаданской равнины (северо-западнее Сиалка), которая изначально признавалась основной территорией будущего Мидийского царства, по всем признакам отличается от культуры Баба Джан III и Сиалка В.

Изучение памятников на территории Хамаданской равнины и восточного предгорья Загроса (Нуш-и Джан I, Годин тепе II,

Муш тепе, тепе Озбаки и Гунеспан) по все признакам обнаруживают оригинальность мидийской культуры, признаки которой за ее пределами не обнаружены. Их архитектурные сооружения не имеют аналогов. Мидийцы впервые создали многоколонные залы, тогда как на Древнем Востоке строились залы только с двумя рядами колонн. Если у мидийцев зал был изолированным строением, то на Древнем Востоке зал окружали помещения различного назначения. Преемники мидийской династии Ахемениды сделали многоколонные залы «визитной карточкой» своих дворцов. Мидийцы при строительстве использовали прямоугольные сырцовые кирпичи, тогда как повсюду использовался только квадратный кирпич; они изобрели оригинальные строительные приемы, например, для перекрытия кирпичных сводов они применяли изогнутые сырцовые полубалки. В храме Нуш-Джан тепе был обнаружен сложенный из кирпича алтарь, на верхней площадке которого мог гореть огонь. Исследователи считают этот храм огня одним из первых маздеистских святилищ на территории Древнего Ирана VIII–VII вв. до н. э. В отличие от Нуши-Джан I, бывшего административным и религиозным центром, Годин тепе II был местом пребывания правителя. О сходстве архитектурных принципов обоих центров свидетельствуют одинаковая планировка многоколонных залов и фортов/складов с длинными узкими помещениями; общие строительные приемы, одинаковое устройство каменных баз деревянных колонн, прямоугольные кирпичи. Второй зал в Годин тепе II с двумя рядами колонн и окружающими его помещениями мог служить жилым помещением для правителя: так, в Персеполе среди многоколонных залов, предназначенных для царских церемоний, находился небольшой двенадцатиколонный дворец Дария I, который считается жилым. Ахемениды унаследовали архитектурные принципы построек и их назначения, которые создали мидийцы. Они лишь увеличили масштабы построек, что уже требовалось в эпоху империй.

Архитектурные и строительные приемы, которые использовались в Нуш-и Джан III и Годин II, свидетельствуют о начале формирования Мидийского царства уже в VIII в. до н. э., и хотя еще не все будущие составляющие царства вошли в его состав, но определенно население уже обладало компонентами формирующейся

мидийской культуры. В других, хуже сохранившихся мидийских памятниках, тем не менее, присутствуют все архитектурные принципы, строительные приемы и другие компоненты культуры Мидии.

Существенным признаком самобытности мидийской материальной культуры служат немногочисленные находки керамики. Главным признаком станковой и лепной керамики является состав глины; она содержит слюду золотистого и серебристого цвета. Эта керамика обнаружена только в пяти мидийских памятниках, известных к настоящему времени. Только уже в период возвышения царства и начала его завоеваний эта керамика появилась за его пределами вплоть до Закавказья. Исследователи предполагают, что ее распространение стало результатом создания мидийцами «экономической сети», через которую керамисты могли распространять свою продукцию. Керамический горизонт Нуш-и Джан I и Годин II стал основой керамики ахеменидского периода.

Поиски исходных очагов культуры иранских племен за пределами Древнего Ирана, которые исследователи предлагали с конца 1950-х гг., оказались безрезультативными именно потому, что ирано/мидийская культура начала формироваться уже на территории будущего Мидийского царства. Основные ее компоненты не имеют общих признаков с культурами населения, окружавшего Мидию.

Прикаспийский регион, материалы которого рассмотрены в главе V, в ассирийских письменных источниках не упоминается, поскольку ассирийцы не доходили до столь отдаленных территорий. Только несколько урартских надписей VII в. до н. э., обнаруженных здесь относительно недавно, сообщают об успешных походах урартов в сторону Каспийского моря. Эти надписи служат новым подтверждением того, что после изгнания ассирийцами урартов из Приурмийского района в 714 г., Урартское царство не было ослаблено, как раньше считалось, а продолжало быть сильным соперником Ассирии и очевидным врагом усиливающегося Мидийского царства, что определило политику мидийских царей. Продвижение урартов вдоль Каспия в сторону северных границ Мидийского царства могло беспокоить мидийцев, что и обусловило начала разгрома ими Урартского царства первым.

Самым представительным памятником, характеризующим культуру региона в доурартский период, является могильник Марлик. Исследователи датировали его от XV/XIV до VIII/VII вв. до н. э. Самая ранняя и спорная датировка могильника была определена Х. Пиллером. Предложенная им «горизонтальная» стратиграфия могильника и существование трех разновременных стадий охватывает период 1500–1000 гг. Но мог ли могильник, который насчитывает 53 погребения и принадлежит одной культуре, существовать столь долго?

Дополнительный анализ погребального инвентаря могильника Марлик не подтверждает предлагаемую последовательность использования его территории на протяжении трех стадий и позволяет сузить время его существования в промежутке между XI–X/IX вв.

Невозможность последовательного существования могильника на протяжении трех стадий и их датировки доказываются многочисленными находками предметов вооружения. Найдено более 1000 только бронзовых наконечников стрел, тогда как в VIII в. преобладали уже железные стрелы, как, например, в Хасанлу IVB. Эти находки позволяют исключить VIII–VII века из датировки могильника. Находки всех типов наконечников стрел на большей части его территории, как и других видов вооружения (топоры/тёсла, кинжалы) не подтверждают хронологическую последовательность трех стадий, определенных Х. Пиллером.

Марликское оружие оригинальных форм может свидетельствовать о некоторой культурной изолированности Прикаспийского региона в доурартский период. Хотя принято считать, что наиболее действенное оружие быстро заимствовалось, особенно в ходе военных столкновений, но, возможно, их не было в этом регионе.

К нему относятся немногочисленные находки двулезвийных топоров/тёсел с выступающей втулкой. Топоры/тёсла, но без втулки, были широко распространены в Старом Свете, но втульчатые экземпляры стали характерным признаком вооружения прикаспийского населения уже в конце III — и в начале II тыс. до н. э., что подчеркивалось исследователями. Оригинальной формы кинжалы и мечи также использовались только в этом регионе, за исключением одного типа III, найденного в Центральном

Закавказье. В обоих регионах найдены черешковые «крылатые» наконечники стрел, пластинчатые бронзовые пояса с точечным узором. Именно в Прикаспийском регионе Древнего Ирана прослеживаются следы связей и культурного взаимодействия Закавказья и Прикаспия.

Марликская керамика в некоторой степени свидетельствует о локальности ее производства. Так, одноручные кувшины с очень высокой узкой горловиной и миски с широким горизонтальным бортиком за пределами региона не обнаружены. Важное датировочное значение имеют находки в Прикаспии чайников с неприкрепленным сливом. Такие сосуды использовались на Древнем Востоке уже в IV–III тыс., но во II тыс. они исчезают. То же самое происходит в Прикаспийском регионе в период Гиссар III (первые столетия II тыс.). И только в период ЖВ I чайники вновь начинают повсеместно использоваться. Они обнаружены в Прикаспии (Марлик, Кайтарие, Хурвин), единичные находки есть в Приурмийском районе (Геой тепе, Динха III) и в Сиалке А. В период ЖВ II слив стал прикрепляться к венчику сосуда. В Марлике такой сосуд найден в единственной могиле на окраине могильника (мог. 13), что свидетельствует о самом позднем ее появлении здесь и по сути об отсутствии в инвентаре могильника этого показательного признака ЖВ II.

Отмеченная культурная изолированность Прикаспийского региона не исключает его вхождения, хотя и в слабой степени, в состав южного культурообразующего пояса. Об этом свидетельствуют, помимо чайников, единичные находки в регионе бронзовых цельнолитых зеркал с боковым стержнем, гранатовидных бубенцов и фибул; показательна находка в Марлике керамической вазы сложной конструкции — три сосуда на высоких ножках-стебельках. Ваза такой же конструкции найдена на территории Пакистана, бывшей крайней точкой на востоке южного пояса.

Итак, рассмотренные археологические данные позволяют отказать от «горизонтальной» стратиграфии Х. Пиллера и определить датировку могильника Марлик в пределах от середины/конца XI в. до IX в. до н. э.

В урартский период связи Прикаспийского региона с Закавказьем продолжались. Теперь они подтверждаются и письменными источниками. По существу это не связи, а следы присутствия

здесь урартской армии, когда началось завоевание прикаспийских земель урартами, которые двигались в сторону Мидийского и Маннейского царств. Это обусловило военно-политическую ситуацию в этом регионе. Политика маннейцев ограничивалась стремлением к союзу с урартскими царями, мидийцы же вынуждены были начать завоевательные походы против Урартского царства, закончившиеся его разгромом.

О присутствии урартов в Прикаспийском регионе свидетельствуют немногочисленные находки урартского вооружения. Но здесь найдены также некоторые изделия, которые принадлежали не урартам, а воинскому контингенту закавказского происхождения в составе урартской армии (*хурадинели*). Это, прежде всего, пластинчатые браслеты, петельчатые фибулы и кольцевидные подвески, которые служили оберегами воинов.

Маннейское царство было первым на территории Древнего Ирана, оно упоминается в клинописных источниках уже в IX в. до н. э. Манна локализуется к югу от озера Урмия и сравнительно недалеко от границ Ассирии и Урарту на западе и северо-западе Ирана. Ее история, как и локализация, восстанавливаются по сведениям о ней в источниках обоих царств, что подробно рассмотрено в данной работе. Политика маннейских правителей во многом зависела от лидерства в тот или иной момент враждующих между собой Ассирии или Урарту. Маннейские правители вынуждены были вступать в союз то с одним, то с другим царством, что становится очевидным уже в VIII в. и что подтверждается археологическими данными (могильник Кани Котер).

В работе кратко изложены цели походов ассирийских и урартских царей во владения маннейских правителей и локализация их маршрутов. Последнее позволило уточнить местоположение и границы Маннейского царства. Это, в свою очередь, определило принадлежность ряда археологических памятников к маннейской культуре или позволило исключить их из нее (Рабат тепе).

Ярким признаком изобразительного искусства Маннейского царства являются расписные глазурованные кирпичи, обнаруженные в предполагаемой столице царства Изирту (совр. Калайчи). На этих кирпичах изображены антропоморфно-зооморфные фигуры, геометрические и растительные орнаменты. В Ассирии для украшения стен во дворцах применялись или большие

панно, сложенные как мозаика из отдельных кирпичей с фрагментами изображений, или же кирпичи с полным изображением. Если панно можно рассматривать с большого расстояния, то для чего предназначались кирпичи с миниатюрами, которые можно было видеть, только подойдя к нему вплотную, неясно. В Калайчи фрагменты панно не обнаружены. Маннейские мастера сохранили характерные черты изобразительности Ассирии и Урарту. Хотя в Урарту глазурованные кирпичи не обнаружены, но на многочисленных бронзовых изделиях и на сохранившейся настенной росписи сохранились все перечисленные виды изображений. При этом, например, изображения гибридных существ, которые имеются в Урарту и Манне, в Месопотамии очень редки. За пределами Маннейского царства в других памятниках Древнего Ирана глазурованные кирпичи не обнаружены, за исключением Рабат тепе, где изображения на немногочисленных кирпичах свидетельствуют о знакомстве мастеров только с вавилонской изобразительностью.

Другим источником маннейской изобразительности служат изделия из слоновой кости, происходящие из «клада» Зивие и раскопок там же в 1997 г. В целом эти изделия отличаются от изображений на калайчинских кирпичах сюжетами, их композицией и орнаментом. Но при этом некоторые изображения на костяных плакетках из «клада» находят аналогии в ассирийской изобразительности, многие детали которых позволяют уточнить дату их изготовления (прежде всего это изображения колесниц и всадников, сцены опыления священного дерева). Эти плакетки первоначально украшали мебель, шкатулки и т. п., они попали в Манну из Ассирии в качестве подарков представителям маннейской знати. Их изображения никак не связаны с изображениями на маннейских глазурованных кирпичах. Получение таких подарков неоднократно упоминается в ассирийских аналах в период становления союзнических отношений между обоими царствами.

Костяные плакетки с изображениями из раскопок 1997 г. отличаются от найденных в «кладе» Зивие, но также обнаруживают определенную близость с ассирийской изобразительностью. Однако некоторые детали обнаруживают сходство с урартскими изображениями; точнее, они обнаруживают следы косторезной

школы «местного стиля» в урартском Хасанлу IVB, которая была основана северосирийскими мастерами.

Изобразительное искусство Ассирии и Урарту повлияло на сложение маннейского искусства, точнее, на формирование его нового этапа. Это влияние и его результаты, судя по военно-политической ситуации в регионе в IX–VII вв., могло начаться не ранее VIII в. до н. э. Тогда начали складываться союзнические отношения Урарту с Манной (в начале VIII в.) и Ассирии с Манной (середина VIII в. до н. э.).

Керамика является наиболее представительным этническим признаком каждой культуры. В работе собрана и описана керамика из всех известных пока маннейских памятников. Прежде всего, отклонено мнение С. Свайни, считавшего, что расписная керамика с орнаментом в виде цепочек из треугольников является маннейской. Ареал находок этой керамики выходит за пределы границ Маннейского царства, определенных в этой работе. Теперь исследователи предполагают ее принадлежность к ахеменидскому периоду.

Ярким признаком маннейской керамики служат глазурованные сосуды. Высокое качество глазури, очевидно, результат высокого профессионализма мастеров, которые изготавливали глазурованные кирпичи. Их рецепт производства глазури использовался и гончарами. Не исключено, что одни мастера изготавливали и кирпичи, и сосуды. За пределами Маннейского царства в Иране найдено всего несколько глазурованных сосудов. Они известны в Ассирии и в странах к западу от нее, но центр их производства не установлен. О маннейском происхождении глазурованной керамики свидетельствуют совместные находки остродонных кувшинчиков и бокалов в форме «цветка лотоса». Если первые найдены в Ассирии, то бокалы — только в маннейских памятниках. Именно их совместные находки в Манне подтверждают предположение исследователей о маннейском происхождении глазурованной керамики.

Миски являются простейшей и универсальной формой посуды, существовавшей во все времена. Очевидно, что только второстепенные признаки на этих сосудах могут помочь определить их культурную и временную принадлежность. Именно миски тюльпановидной формы и миски/фиалы с омфалами служат одним

из признаков вхождения Манной в культурный ареал Древнего Востока. В VIII–VII вв. до н. э. представители элиты пользовались сосудами для питья двух видов. В Ассирии, судя по изображениям, это были плоскодонные миски с вогнутыми стенками (тюльпановидные), что помогало держать их пальцами. В Манне найдены такие серебряные фиалы. Но более распространенной формой стали фиалы с глубокими омфалами, исходным центром их популярности признается Фригия. Быстро возникли керамические копии этой престижной посуды, в Манне найдены оба варианта фиал.

Особое место в истории Маннейского царства занимают находки в могильнике Кани-Котер, который находится недалеко от Зивие. Они могут подтвердить некоторые эпизоды из истории урарто-маннейских отношений в начале VII в. до н. э. Богатый инвентарь, найденный в одной могиле, помимо изделий ассирийского происхождения, сочетает маннейские, урартские и закавказские признаки предметов инвентаря. Они подтверждают факт захоронения здесь с почестями в мирное время представителя урартского царя, но не урарта по происхождению. Он имел привилегированный статус — *шурели*. Первоначально *шурели*, бывшие коренными урартами, были частью урартской армии, но во второй половине VIII в. урарты/*шурели* были освобождены от воинской повинности. Воинами оставались *хурадинели*, которые рекрутировались из населения завоеванных территорий Закавказья. *Шурели* оставались господствующей частью урартского общества, но постепенно оно стало пополняться представителями элиты закавказского происхождения, что подтверждается урартскими текстами. Такую возможность допускает текст Русы II, в котором сообщается о приходе к маннейцам старшего сына царя Ишкугулу, страны, вошедшей в состав Урартского царства еще в VIII в. Урартские цари оставляли местных правителей у власти.

Военная экипировка погребенного, конская сбруя и символические детали колесницы (удила, костяной псалий, колокольчик и бронзовая пластина, предназначенная для украшения ее кузова), а также сопутствующий богатый инвентарь свидетельствуют о высоком статусе погребенного. Он мог быть тем самым *шурели*, посланным урартским царем для переговоров с маннейскими представителями проурартской партии именно в VII в. Часть

личных вещей погребенного свидетельствует о происхождении его из Закавказья, а урартские предметы — признак его вхождения в придворную элиту урартского царя. Ассирийские изделия, в том числе серебряные плоскодонные фиалы, могли принадлежать маннейцам, хоронившим урартского посла. Они могли быть теми подарками, которые знатные маннейцы получали от ассирийского царя во время своих визитов к нему. Они хранились ими и могли затем передаваться в знак почтения кому-либо, в данном случае урартскому послу.

Итак, Древний Иран накануне империй представлял собой конгломерат разрозненных регионов, каждый из которых обладал своей историей и культурой. Возможно, вхождение территории Древнего Ирана рассмотренного периода в южный культурообразующий пояс позднее способствовало быстрому восприятию культур Ближнего Востока в период Мидийско-Персидского государства. Прослеживаются ли в это время признаки культуры предшествующего периода Древнего Ирана, необходимо будет уточнить.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИИУ — Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ 1951, 2: 257–356; ВДИ 1951, 3: 207–252.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
- ВДИ — Вестник Древней Истории. М.
- ИФЖ — Историко-филологический журнал. АН АрмССР.
- Каталог 2019 — «Я воздвиг там мой дворец...», памятники ассирийского искусства из коллекции Британского музея. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже 9 декабря 2019 — 29 марта 2020. СПб.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
- КУКН — Арутюнян Н. В. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа. М.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МИАСК — Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.
- ППВ — Письменные памятники Востока. СПб.
- РА — Российская Археология. М.
- РАЕ — Российский археологический ежегодник. СПб.
- СА — Советская Археология. М.
- САИ — Свод археологических источников. М. (ИА РАН).
- СЭ — Советская Этнография. М.
- УПД — Урартские письма и документы М., Л.: Дьяконов 1963.
- ААА — Annals of Archaeology and Anthropology (University of Liverpool).
- АЖА — The American Journal of Archaeology.
- АМІ — Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin.
- АМІТ — Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
- AnSt — Anatolian Studies.
- АРАВ — Luckenbill D. D. Ancient Records of Assyria and Babylonia, vol. I–II. Chicago. 1926–1927.

- Arch Anz — Archäologischer Anzeiger.
 BAR — British Archaeological Reports. Oxford.
 BMMA — The Metropolitan Museum of Art, Bulletin. New York.
 BSA — Annual of the British School of Athens.
 CAD — The Assyrian Dictionare: The Oriental Institute Chicago, Illinois.
 CAH — Cambridge Ancient History.
 EA — Knudtzon 1908–1915.
 EncIr — Encyclop(a)edia Iranica. London, New York.
 EuA — Eurasia Antiqua. Berlin.
 EW — East and West. Rome.
 IPEK — Jahrbuch für prähistorische and Ethnographische kunst.
 JANES — The Journal of the Ancient Near Society of Columbia Univesity. New York.
 JHS — Journal of Hellenic Studies.
 JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
 KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Berlin.
 IPEK — Jahrbuch für Prähistorische and Ethnographische kunst.
 IrAnt — Iranica Antiqua. Leiden, Gent.
 KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin.
 MMA — Metropolitan Museum of Art.
 MMJ — Metropolitan Museum Journal. New York.
 OIP — Oriental Institute publications. Chicago.
 PAPS — Proccedings of the American Philosophical Society. Philadelphia.
 PBF — Prähistorische Bronzefunde. München, Stuttgart.
 PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. London.
 RIMA — The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods. Toronto, Buffalo, London.
 RIMA 1 — Grayson 1983.
 RIMA 2 — Grayson 1991.
 RIMA 3 — Grayson 1996.
 RINAP — the Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period.
 ROM — Royal Ontario Museum.
 SAA — State of Archives of Assyria. Helsinki.
 SAA I — Parpola 1987.
 SAA V — Lanfrachi, Parpola 1990.
 SAA VII — Fales, Postgate 1992.
 SAA X — Parpola 1993a.
 SAA XI — Fales, Postgate 1995.
 SAA XIII — Cole, Machinist 1998.
 SAA XVI — Luukko, Buylaere 2002.
 SAA XVIII — Reynolds 2003.
 SMEA — Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Roma.
 TCL — Thureau-Dangin 1912.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аветисян 1984 — Аветисян Г. М. Государство Митанни. Ереван, 1984.
- Авилова, Черных 1989 — Авилова Л. И., Черных Е. Н. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнаучные методы в археологии. М., 1989: 31–83.
- Александров 2000 — Александров Б. Е. Кто мог быть великим царем Ханигальбата в XIII в. до н. э.: к интерпретации КВо XXVIII 66 // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. З. М., 2000: 3–16.
- Александров 2001 — Александров Б. Е. Ханигальбат египетско-хеттской дипломатической корреспонденции и проблема переднеазиатской хронологии XIII в. до н. э. // И. А. Гвоздева (ред.). Древний Восток и античный мир. М.: 3–16.
- Александров 2002 — Александров Б. Е. Хеттская держава и Верхняя Месопотамия в 13 в. до н. э.: историческая реконструкция политических взаимоотношений. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
- Александров 2010 — Александров Б. Е. Хеттское царство и страны Верхней Месопотамии в правление Тудхалии IV и его сыновей (вторая половина XIII — начало XII в. до н. э.): новые гипотезы и источники // ВДИ. 2010 № 4: 112–132.
- Алексеев 2005 — Алексеев А. Ю. Предскифское зеркало из Саркела // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М.: 161–166.
- Алёкшин, Кирчо 2005 — Алёкшин В. А., Кирчо Л. Б. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) // РАН ИИМК труды. Т. XVI. СПб., 2005.
- Амакян 1986 — Амакян С. Г. Государственная религия Ванского царства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1986.
- Анфимов 1961 — Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи, том. II. Майкоп 1961: 103–126.
- Арешян 1975 — Арешян Г. Е. Железо в Западной Азии. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975; автореф. дис., 1975.
- Арутюнян 1984 — Арутюнян Н. В. К локализации города Зибия-Изибия-Узбия Маннейского царства // Кавказско-Ближневосточный сборник VII: 102–105.

- Арутюнян 2001 — Арутюнян Н. В. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001. (КУКН).
- Архипов 2009 — Архипов И. С. Железо в текстах из Мари (Первая половина XVIII в. до н. э.) // ВДИ. 2009. № 3: 3–12.
- Аскарлов 1977 — Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Асланов 1986 — Асланов Г. Г. Шамхорский могильник // Бабаев И. А. (ред.). Баку, 1986. (Памятники материальной культуры Азербайджана).
- Асланов, Ваидов, Ионе 1959 — Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, 1959.
- Асланов, Ибрагимов, Кашкай 2002 — Асланов Г., Ибрагимов Б., Кашкай С. Древние некрополи Хараба-Гилана. Баку, 2002.
- Батчаев 1985 — Батчаев В. М. Курганы скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985: 19–54, 62–115.
- Бациева 1953 — Бациева С. М. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию // ВДИ. № 2: 17–36.
- Берлизов и др. 2019 — Берлизов Н. Е., Пьянков А. В., Смаглюк М. И. Бронзовое зеркало с гравированными изображениями из новых поступлений в Краснодарский музей-заповедник // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Армавир — Ставрополь, 2019: 162–176.
- Бернштам 1952 — Бернштам А. Н. Памирская I (Тамды) // Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА. № 26. М., Л.: 288–301.
- Блаватская 1966 — Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966.
- Боковенко и др. 1999 — Боковенко Н. А., Данченко Е. М., Лубо-Лесниченко Е. И., Мавлеев А. В. Бронзовые китайские зеркала из собрания ОГИК Музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого Музея. № 7. Омск: 47–55.
- Брашинский 1978 — Брашинский И. Б. Урартские карасы. Проблемы метрологии и стандартов // ИФЖ. 1978. № 1: 141–156.
- Вальчак 2004 — Вальчак С. Б. Конская упряжь Приаралья и юга Восточной Европы: сходство и отличия // Яблонский Л. Т. (ред.). Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004: 32–56.
- Вальчак 2009 — Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М., 2009.
- Вальчак и др. 2016 — Вальчак С. Б., Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., Эрлих В. Р. Кубанский могильник. Материалы раскопок Н. В. Анфимова 1965 года. М., 2016.
- Варёнов 1985 — Варёнов А. В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985: 163–172.
- Васильев, Фёдоров 2021 — Васильев В. Н., Фёдоров В. К. Курганы Южного Зауралья, кн. II. Уфа, 2021.

- Вергазов, Колганова, Смоленкова 2020 — Вергазов Р. Р., Колганова Г. Ю., Смоленкова В. В. Серебряный браслет с головками мака из коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина. Атрибуция и аналогии // Искусствознание 2020. № 1–2: 42–71.
- Виноградов, Кузьмина 1970 — Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е. Литейные формы из Лявлякана // СА. 1970. № 3: 125–135.
- Виноградова, Бобомуллоев 2020 — Виноградова Н. М., Бобомуллоев С. Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М., 2020.
- Виппер 1972 — Виппер Б. Р. Искусство древней Греции. М., 1972.
- Вишневская 1973 — Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. // С. П. Толстов, М. Г. Воробьева (ред.). Труды Хорезмской Археолого-Этнографической экспедиции. М., 1973.
- Воронов 1983 — Воронов Ю. Н. Кавказские дуговидные фибулы ранне-железной эпохи // КСИА. Вып. 176: 29–33.
- Галанина 2006 — Галанина Л. К. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб., 2006.
- Гиоргадзе 1988 — Гиоргадзе Г. Г. Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988: 238–262.
- Гиоргадзе 1997 — Гиоргадзе Г. Г. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство // В. А. Якобсон (ред.). История Востока, т. I. Восток в древности. М.: 113–127.
- Горелик 1993 — Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М., 1993.
- Грантовский 2007 — Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.
- Грязнов 1956 — Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М.–Л., 1956.
- Грязнов 1980 — Грязнов М. П. Аржан. Л., 1980.
- Дандамаев, Луконин 1980 — Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
- Дараган 2011 — Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011.
- Дараган, Кашуба 2011 — Дараган М. Н., Кашуба М. Т. Глава 3. Полевые исследования Жаботинского поселения (1950–1951, 1953, 1957–1958, 1972 гг.) // Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи: 74–384.
- Джафарзаде 1946 — Джафарзаде И. М. Элементы археологической культуры древней Мугани // Изв. АН Азерб. ССР. Баку. Вып. IV, № 9: 21–50.
- Джафаров 1993 — Джафаров Г. Ф. Кургan эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // СА. 1993. № 4: 191–207.

- Древности 1992 — Древности страны лугов. Каталог выставки, ГЭ. Автор и составитель Л. Ванден Берге. СПб., 1992.
- Дьяконов 1951 — Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (АВИИУ) // ВДИ. 1951. № 2: 265–356; ВДИ. № 3: 207–252.
- Дьяконов 1951а — Дьяконов И. М. Последние годы Урартского царства по ассиро-вавилонским источникам // ВДИ. 1951. № 2: 29–39.
- Дьяконов 1956 — Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956.
- Дьяконов 1963 — Дьяконов И. М. Урартские письма и документы (УПД). М.; Л., 1963.
- Дьяконов 1988 — Дьяконов И. М. Жертвоприношения в Тейшебаини (УКН 448) // Кавказско-Ближневосточный сборник. VIII. Тбилиси: 55–68.
- Дьяконов 1997 — Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия // История Востока. Т. I. Восток в древности. Глава XVIII. М.: 312–331.
- Дьяконов 1997а — Дьяконов И. М. Сирия, Финикия и Палестина в III–II тысячелетиях до н. э. // История Востока. Т. I. Восток в древности. Глава VIII, 4 «Хетты и фараоновский Египет». М.: 137–139.
- Дьяконов, Медведская 1987 — Дьяконов И. М., Медведская И. Н. Урартское царство в новом освещении // ВДИ. 1987. № 3: 202–211.
- Есаян 1964 — Есаян С. А. Бронзовые браслеты Государственного Музея Армении // Изв. АН Арм. ССР, 1964. № 2: 83–94 (на арм. яз.).
- Есаян 1972 — Есаян С. А. Каталог археологических предметов музея истории города Ереван, III. Ереван, 1972.
- Есаян 1974 — Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении (III–I тыс. до н. э.). Ереван, 1974.
- Есаян 1976 — Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении (III–I тыс. до н. э.). Ереван, 1976.
- Есаян, Калантарян 1988 — Есаян С. А., Калантарян А. А. Ошакан I. Основные результаты раскопок 1971–1983 гг. // Археологические раскопки в Армении. № 18. Ереван, 1988.
- Есаян, Оганесян 1969 — Есаян С. А., Оганесян Г. А. Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея. Ереван, 1969.
- Есаян, Погребова 1985 — Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
- Заднепровский 1962 — Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. № 118. М., 1962.
- Заднепровский 1971 — Заднепровский Ю. А. Находки зеркал сарматского типа в северном Иране // Искусство и археология Ирана. М. 1971: 133–139.
- Зуев 1988 — Зуев В. Е. Периодизация археологических памятников центральной части евразийского пояса степей I тысячелетия до н. э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы, хазары, славяне,

- Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб., 1988: 45–50.
- Иванов 1985 — Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М., 1985.
- Ивановский 1911 — Ивановский А. А. По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. МАК. Вып. VI. М., 1911.
- Иванчик 2001 — Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы // Степные народы Евразии. Т. II. М., 2001.
- Иессен 1953 — Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. № XVIII: 49–110.
- Иессен 1965 — Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Т. II. МИА. № 125: 10–35.
- Итина, Яблонский 1997 — Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
- Касабян 1959 — Касабян З. М. О винных карасах города Тейшебаини (Кармир-блур) // ИФЖ. № 4: 211–220.
- Кастеллучча, Дан 2016 — Кастеллучча М., Дан Р. Колчаны урартского типа // РА. 2016. № 3: 73–82.
- Кашкай 1977 — Кашкай С. М. Из истории Маннейского царства. Баку, 1977.
- Кашуба 2000 — Кашуба М. Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. № 3: 241–488.
- Кашуба 2018 — Кашуба М. Т. Ранние фибулы Кавказа в работах Ю. Н. Воронова // Записки ИИМК РАН. № 19. СПб.: 80–90.
- Кашуба, Левицкий 2012 — Кашуба М. Т., Левицкий О. Г. Гальштаттский (карпато-дунайский) фактор в культуругенетических процессах финала эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье // Алёшкин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб., 2012: 304–310.
- Кесаманлы 1966 — Кесаманлы Г. П. Погребение с бронзовым поясом из Хачбулага (Азерб. ССР) // СА. 1966. № 3: 221–227.
- Кобаидзе 1978 — Кобаидзе Л. Н. Археологические памятники Иорского ущелья II. Могильник Ркинис-Кало. Тбилиси, 1978.
- Ковалевская 1977 — Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977.
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989 — Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев, 1989.
- Козенкова 1995 — Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология): западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М., 1995.
- Козенкова 2002 — Козенкова В. И. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт // Памятники исторической мысли. МИАСК. Вып. III. М., 2002.

- Козенкова 2013 — Козенкова В. И. Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013.
- Комарова 1952 — Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I. / Под ред. С. В. Киселёва. МИА. № 24. М., 1952: 7–50.
- Копейкина 1975 — Копейкина Л. В. Ориентализирующий стиль, предпосылки и особенности его формирования в Восточной Греции (К вопросу о влиянии Востока на искусство раннеархаической Греции). ВДИ. 1975. № 1: 103–116.
- Котович, Давудов 1980 — Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. 1980. № 4: 38–54.
- Кочевники на границах Хорезма 1979 — Кочевники на границах Хорезма // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XI. М., 1979.
- Крупнов 1960 — Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Кузнецова 2002 — Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. I. М., 2002.
- Кузьмина 1966 — Кузьмина Е. Е. Металлические предметы энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В 4–9. М., 1966.
- Курочкин 1990 — Курочкин Г. Н. Золотой сосуд из Марлика // СА. 1990. № 2: 41–50.
- Кутимов 2008 — Кутимов Ю. Г. Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // Записки ИИМК РАН. № 3: 159–180.
- Куфтин 1941 — Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
- Куфтин 1943 — Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестник Гос. Музея Грузии. Вып. XIII–V. Тбилиси, 1943: 1–72.
- Лесков, Эрлих 1999 — Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс/Клады. Гос. Музей искусств народов Востока. М., 1999.
- Липский 1963 — Липский А. Н. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Археология. (Красноярский Краевой Музей). Красноярск, 1963: 57–89.
- Литвинский 1964 — Литвинский Б. А. Зеркало в верованиях древних ферганцев // СЭ. 1964. № 3: 97–104.
- Литвинский 1971 — Литвинский Б. А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. Местные зеркала из исфаринских могильников и карамазарских курумов // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе. 1971: 34–67.

- Лубо-Лесниченко 1975 — Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины // Культура народов Востока. М., 1975.
- Луконин 1980 — Луконин В. Г., Дандамаев М. А. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
- Луконин 1987 — Луконин В. Г. У истоков древнеиранского искусства // Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. М.: 63–89.
- Луконин 1987а — Луконин В. Г. Золотой сосуд с «историей козы» из Марлика // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М.: 223–232.
- Маджидзаде 2010–2011 — Маджидзаде Ю. Раскопки древнего памятника Озбаки. Искусство и архитектура. Т. I. Тегеран, 1389 (перс. яз.).
- Макалатия 1949 — Макалатия С. И. Раскопки Дванского могильника // СА. 1949. № XI: 225–240.
- Маккуин 1983 — Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
- Мамедов 2003 — Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003.
- Мандельштам 1966 — Мандельштам А. М. Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л. 1966: 239–259.
- Мартirosян 1961 — Мартirosян А. А. Город Тейшебаини. Ереван, 1961.
- Мартirosян 1964 — Мартirosян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.
- Мартirosян 1969 — Поселения и могильники эпохи поздней бронзы // Археологические памятники Армении, 2, памятники эпохи бронзы. Вып. II. Ереван, 1969.
- Мартirosян 1974 — Мартirosян А. А. Аргиштихинили // Археологические памятники Армении, 8. Урартские памятники, вып. 1. Ереван, 1974.
- Массон 1966 — Массон В. М. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.
- Махмудов 2008 — Махмудов Ф. Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку, 2008.
- Махортых 2003 — Махортых С. В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев, 2003.
- Махортых 2005 — Махортых С. В. Уздечные принадлежности юга Восточной Европы в предскифский период // Тишкин А. А. (ред.). снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та: 92–95.
- Махортых 2016 — Махортых С. В. Скифские зеркала эпохи архаики на Северном Кавказе и в лесостепи Поднепровья // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы: 297–323.
- Медведская 1977 — Медведская И. Н. Могильник Кайтарие — новый памятник раннежелезного века Ирана // СА. № 1: 169–175.

- Медведская 1978 — Медведская И. Н. История одной керамической формы // *Культура Востока: древность и раннее Средневековье* (ред. В. Г. Луконин). ГЭ: 54–66.
- Медведская 1980 — Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э. // *СА. № 4*: 23–37.
- Медведская 1983 — Медведская И. Н. Конский убор из могильника Сиалк В // *IrAnt. Vol. XVIII*: 59–79.
- Медведская 1989 — Медведская И. Н. К уточнению маршрута похода Саргона в 714 г. до н. э. // *ВДИ. 1989. № 2*: 100–117.
- Медведская 1992 — Медведская И. Н. [рец. на]: S. Zawadzki. *The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle*. Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Seria Historia. Nr. 149. Poznan: Delft, 1988 // *ВДИ. 1992. № 1*: 226–231.
- Медведская 1995 — Медведская И. Н. [рец. на]: *Encyclopaedia Iranica*. Ed. E. Yarshater. Vol. IV, 1989–1990; vol. V, 1990–1992 // *ВДИ. 1995. № 4*: 204–209.
- Медведская 2004 — Медведская И. Н. Ахеменидское искусство // А. В. Седов (ред.). *История Древнего Востока от ранних государственных образований до древних империй*. М.: 656–697.
- Медведская 2005 — Медведская И. Н. Сиалк В и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Гуляев В. И. (ред.). *Древности Евразии: от ранней бронзы до Средневековья: Памяти В. С. Ольховского*. М.: 107–126.
- Медведская 2013 — Медведская И. Н. Конский убор Древнего Ирана: вопросы хронологии, происхождения и развития // *РАЕ. 2013. № 3*: 412–441.
- Медведская 2013а — Медведская И. Н. Копьеносец из Сиалка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке // *ППВ. 2013. Том 19, № 2*: 192–201.
- Медведская 2018 — Медведская И. Н. История Мидийского царства: IX–VI вв. до н. э. СПб., 2018.
- Медведская 2018а — Медведская И. Н. Урартская керамика VIII–VII вв. до н. э. и вопрос урартского присутствия в Приурмийском районе Ирана в VII в. до н. э. // *Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. М. Дьяконова (1915–1999)*. СПб.: 196–213.
- Медведская 2019 — Медведская И. Н. Дошли ли урарты до Каспийского моря? *ППВ 16, № 2*. СПб.: 19–39.
- Медведская 2019а — Медведская И. Н. Иран в начале железного века. СПб., 2019.
- Мелентьев 1968 — Мелентьев А. Н. Две узды из Мингечаура // *СА. 1968. № 1*: 226–229.
- Меликишвили 1949 — Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы истории Маннейского царства // *ВДИ. 1949. № 1*: 57–72.

- Моргунова, Мещеряков 1999 — Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург, 1999.
- Мошкова 1963 — Мошкова М. Г. Памятники Прохоровской культуры // САИ Д 1–10. М., 1963.
- Мурадова 1991 — Мурадова Э. А. Поселения архаического Дахистана. Ашхабад, 1991.
- Мурадова 2024 — Мурадова Э. А. Культурные контакты в раннем железном веке: Южный Туркменистан и Северо-Восточный Иран // В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов (ред). Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до Средневековья. СПб., 2024: 159–161.
- Мурзин, Черненко 1980 — Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. О средствах защиты коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев: 155–167.
- Николаев 2024 — Николаев Н. Н. Китайские бронзовые зеркала в погребальной практике хунну // Археологические Вести 43 (2024): 46–53.
- Оганесян 1980 — Оганесян К. Крепость Эребуни (782 г. до н. э.). Ереван, 1980.
- Пиотровский 1950 — Пиотровский Б. Б. Кармир-блур I (результаты раскопок 1939–1949). Ереван, 1950.
- Пиотровский 1952 — Пиотровский Б. Б. Кармир-блур II (результаты раскопок 1949–1950). Ереван, 1952.
- Пиотровский 1955 — Пиотровский Б. Б. Кармир-блур III (результаты раскопок 1951–1953). Ереван, 1955.
- Пиотровский 1959 — Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959.
- Пиотровский 1962 — Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту. Л., 1962.
- Пиотровский 1970 — Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. Л., 1970.
- Пиотровский 2011 — Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. СПб., 2011.
- Погребова 1960 — Погребова М. Н. Бронзовый кинжал переднеазиатского типа из Кедабекского могильника в Северном Азербайджане // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 37: 60–67.
- Погребова 1977 — Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Погребова 1984 — Погребова М. Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II — начало I тыс. до н. э. М., 1984.
- Погребова 2011 — Погребова М. Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II — начало I тыс. до н. э. (по археологическим данным). М., 2011.
- Пьянкова 1989 — Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. (По материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка».) Душанбе, 1989.
- Рузанов 2013 — Рузанов В. Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд, 2013.

- Рябокова 2009 — Рябокова Т. В. Наконечники стрел скифского типа из Тейшебаини // Марченко И. И. (ред.) Пятая кубанская археологическая конференция. Краснодар: 328–335.
- Рябокова 2010 — Рябокова Т. В. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // АСГЭ. № 38: 87–106.
- Рябокова 2012 — Рябокова Т. В. Колчанный набор из кургана 524 у сел. Жаботин // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: 345–350.
- Садыхзаде 1971 — Садыхзаде Ш. Г. Древние украшения Азербайджана. Баку, 1971.
- Сальвини 1983 — Сальвини М. Распространение влияния государства Урарту на Востоке // Н. В. Арутюнян и др. (ред.). Древний Восток. Вып. 4. Ереван 1983: 221–229.
- Сарианиди 1978 — Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1978.
- Сарианиди 1981 — Сарианиди В. И. Зеркала Древней Бактрии // СА. 1981. № 1: 288–293.
- Сарианиди 1989 — Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
- Скорий 1990 — Скорий С. А. Курганы Переп'ятиха. Київ, 1990. (укр. яз.).
- Смирнов 1959 — Смирнов К. Ф. Курганы у села Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Памятники Нижнего Поволжья. Т. I. МИА. № 60. М.: 206–322.
- Смирнов 1961 — Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М., 1961.
- Смирнов 1961а — Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1: 46–72.
- Сокровища сарматских вождей 2023 — Сокровища сарматских вождей. Древности середины I тыс. до н. э. из Филипповских курганов на Южном Урале. М., 2023.
- Сюй Хун 2021 — Сюй Хун. Самый ранний Китай. СПб., 2021.
- Техов 1977 — Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977.
- Техов 1981 — Техов Б. В. Тлийский могильник II, комплексы IX — первой половины VII в. до н. э. Тбилиси, 1981.
- Титенко 1954 — Титенко Г. Т. Закавказские удила, найденные на Полтавщине // КСИА (АН УССР). Вып. 3: 77–80.
- Уварова 1900 — Уварова П. Могильники Северного Кавказа // МАК. Т. VIII. М, 1900.
- Фёдоров 1998 — Фёдоров В. К. Раннекочевнические зеркала и *vīra-kānsya* древнеиндийской литературы // Скифы, хазары, славяне, древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб., 1998: 88–90.
- Ферсман 1974 — Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах. М., 1974.
- Хазанов 1963 — Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4: 58–71.

- Хазанов 1964 — Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркала у сарматов // СЭ. 1964. № 3: 89–96.
- Хачатрян 1963 — Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963.
- Ходжаш 1968 — Ходжаш С. И. Керамика Эрбунни // Сообщения ГМИИ. IV: 134–165.
- Ходжаш, Труханова, Оганесян 1979 — Ходжаш С. И., Труханова Н. С., Оганесян К. Л. Эрбунни: Памятники урартского зодчества VIII–VI веков до н. э. М., 1979.
- Членова 1967 — Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен Тагарской культуры. М., 1967.
- Членова 1997 — Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997.
- Шульга, Оборин 2021 — Шульга П. И., Оборин Ю. В. Зеркала-погремушки из Среднего Урала // Народы и религии Евразии. Т. 26, № 1. Барнаул, 2021: 7–24.
- Эрлих 1991 — Эрлих В. Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Абрамов А. П. и др. (ред.). Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: 31–47.
- Эрлих 1994 — Эрлих В. Р. У истоков раннескифского комплекса. Гос. Музей Востока. М., 1994.
- Эрлих 2002 — Эрлих В. Р. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе (часть 2) // СА. 2022. № 4: 40–49.
- Эрлих 2007 — Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М., 2007.
- Afifi, Heidari 2010 — Afifi R., Heidari R. Reflections on Glazed Bricks from Rabat Tepe II, Iran // *Urartu and its Neighbors* (A. Kosyan, A. Petrosyan, E. Grekyan eds.). Erevan. ARAMAZD. Vol. V, 2: 152–187.
- Aitchison 1960 — Aitchison L. A History of Metals. Vol. I. London, 1960.
- Akurgal 1955 — Akurgal E. Phrygische Kunst. Ankara, 1955.
- Akurgal 1965 — Akurgal E. Les problemes de l'art phrygien. Le Rayonnement des Civilisations Grecque et Romaine sur les cultures périphériques. VIIIème Congrès internationale d'archéologie classique, Paris 1963. Paris, 1965: 467–474.
- Akurgal 1971 — Akurgal E. Influences orientales sur l'art Grec aux VIIIe et VIIe siècles av. J. C. IXème Congrès internationale d'archéologie classique. Damas, 1969. (*Annales archéologiques arabes syriennes*, vol. XXI, 1971).
- Albenda 1991 — Albenda P. Decorated Assyrian Knob-Plates in the British Museum // *Iraq*. Vol. LIII: 43–53.
- Albenda 1994 — Albenda P. Wall Paintings from the Upper Chambers at Nimrud // *Notes in the History of Art. Essays for dr. Edit Porada* (Summer 1994). The University of Chicago Press Journals: 2–8.

- Albenda 1994a — Albenda P. Assyrian Sacred Trees in the Brooklyn Museum // Iraq. Vol. 56: 123–133.
- Albenda 2020 — Albenda P. The Royal Assyrian Rozette // N.A.B.U. 2020 n. 1 (mars): 73–75.
- Alizadeh 1985 — Alizadeh A. A Tomb of the Neo-Elamite Period at Arjān, near Behbahan // AMI. Bd. 18: 49–73.
- Amandry 1965 — Amandry P. Дискуссия по докладу Э Акургала, см.: Le Rayonnement des Civilisations et Romaine sur le cultures périphériques. Paris 1965: 485–488.
- Amelirad 2019 — Amelirad Sh. A Study of Ivory and bone Plaques from Ziwiye in the Sananday Museum // Iraq. Vol. 81: 11–21.
- Amelirad et al 2017 — Amelirad Sh., Mohajerynezhad A., Javidkhah M. A Report on the Excavation at the Mala Mcha Graveyard, Kurdistan, Iran // Iran. Vol. 55, 2: 171–207.
- Amelirad, Azizi 2021 — Amelirad Sh, Azizi E. Kani Koter, Iron Age Cemetery from Iranian Kurdistan // Iran. Vol. 59, 1: 57–76.
- Amiran 1970 — Amiran R. Two Luristan fibulae and an Urartian bucle from old excavations in Palestine // IrAnt. Vol. VII: 114–115.
- Amiran 1970a — Amiran R. Ancient Pottery of the Holy Land. From its beginnings in the Neolithic period to the end of the Iron Age. New Brunswick, 1970.
- Anastasio 2010 — Anastasio S. Atlas of the Assyrian Pottery of the Iron Age // Subartu. Vol. XXIV. Turnhout: Brepols, 2010.
- Andrae 1913 — Andrae W. Die Festungswerke von Assur // Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Bd. 23. Leipzig, 1913.
- Andrae 1925 — Andrae W. Colored ceramics from Ashur. London, 1925.
- Antonini, Stacul 1972 — Antonini C. S., Stacul S. The Proto-Historic Graveyards of Swat (Pakistan). Rome, 1972.
- Avetisyan, Bobokhyan 2012 — Avetisyan P., Bobokhyan A. The Pottery Traditions in Armenia from the eight to the seventh centuries B. C. // S. Kroll, C. Gruber, U. Hellwag, M. Roaf, M. Zimansky (eds.). Acta Iranica: Biainili-Urartu: 373–378.
- Avetisyan et al. 2018 — Avetisyan P., Dan R., Petrosyan A. Axes, Labyrinths and Astral Symbols: Bronze Pendants and Pins from the Armenian Highland // Ancient West and East. Vol. 17: 27–63.
- Balkwill 1973 — Balkwill E. J. The Earliest Horse-bits of Western Europe // PPS. Vol. 39: 425–452.
- Barnett 1960 — Barnett R. D. Assyrian Pallace Reliefs and Their Influence on the Sculptures of Babylonia and Persia. London, 1960.
- Barnett 1982 — Barnett R. D. Ancient Ivories in the Middle East and the Adjacent Countries (Monographs of the Institute of Archaeology). The Hebrew University of Jerusalem 14. Jerusalem, 1982.
- Barnett, Falkner 1962 — Barnett R. D., Falkner M. The Sculptures of Aššur-Nasir-Apli II (883–859 B. C.), Tiglath-Piliser III (745–727 B. C.),

- Esarhaddon (681–669 B. C.) from the Central and South-West Palaces at Nimrud. London, 1962.
- Barnet, Forman 1959 — Barnett R. D., Forman W. Assyrische Palastreliefs. Prague, 1959.
- Batmaz 2013 — Batmaz A. A New Ceremonial Practice at Ayanis Fortress: The Urartian Sacred Nree Ritual on the Eastern Shore of Lake Van // JNES. Vol. 72, № 1: 65–83.
- Bazin 2001 — Bazin M. Gilān, I. Geography and Etnography // Enc. Ir. Vol. X, 6: 618–625.
- Beazley 1951 — Beazley J. D. The Development of Attic Black-Figure. London, 1951.
- Belli 1991 — Belli O. Ore Deposits and Mining in Eastern Anatolia in the Urartian period: silver, copper and iron // Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E. (R. Merhav (ed.). Jerusalem, 1991.
- Belli, Konyar 2001 — Belli O., Konyar E. Excavations at Van-Yoncatepe Fortress and Necropolis // Tel Aviv. Vol. 28, 2: 169–212.
- Bénédite 1907 — Bénédite G. M. Catalogue général des antiquités Egyptiennes des Musée du Caire. Caire, 1907.
- Benson 1970 — Benson J. L. Horse, Bird and Man. Amherst, 1970.
- Berezin, Dudarev — 1999. Berezin J. B., Dudarev S. L. Neue präskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nord Kaukasien // EuA. № 5: 179–216.
- Binandeh 2020 — Binandeh A. The Evidence of Mannaean in Western Hasanlu // K. Niknami and A. Hozhabri (eds.). Archaeology of Iran in the Historical Period. (University of Tehran Science and Humanities Series). Tehran: 105–115.
- Binandeh, Kargar 2008 — Binandeh A., Kargar B. Ghour Qhaleh Jan Aqa: a Mannaean Fotress in North-Western Iran // Antiquity. Vol. 82: 315.
- Black, Green 1992 — Black J., Green A. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary. Austin (TX). Texas, 1992.
- Blegen 1952 — Blegen C. W. Two Athenian grave groups of about 900 B. C. // Hesperia. Vol. XXI. 4: 279–294.
- Boehmer 1961– Boehmer R. M. Die Keramikfunde von Zindan-i Suleiman. In Takht-i-Suleiman. Vorläufiger Berichtüber die Ausgrabungen 1959, ed. H. H. von der Osten, R. Nauman // Teheraner Forschungen. Deutschen Archäologischen Institut. Berlin: 82–90.
- Boehmer 1965– Boehmer R. M. Zur Datierung der Nekropole B von Tepe Sialk // Archäologischer Anzeiger 1965. Bd. 80, 4: 802–822.
- Borchhardt 1972 — Borchhardt J. Homerische Helme. Mainz, 1972.
- Borchhardt 1977 — Borchhardt J. Frühe griechische Schildformen // Archaeologia Homerica. 1977. Bd. I, S. E1–E56.
- Borger 1996 — Borger R. Beiträge zum Inschriftenwerk Assurbanipals. Wiesbaden, 1996.
- Boroffka 1998 — Boroffka N. Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen // EuA. № 4: 81–135.

- Botta, Flandin 1849 — Botta P. E. et Flandin M. E. Monument de Ninive, II. Paris, 1849.
- Bronzes et terres cuites 1980 — Bronzes et terres cuites du Louristan et de la Caspienne // Exposition Publique, septembre 1980. Paris, 1980.
- Brown 1997 — Brown S. C. Ecbatana // *EncIr*. Vol. VIII, 1: 80–84.
- Budge 1914 — Budge E. A. W. Assyrian Sculptures in the British Museum: Reign of Ashur-nasir-pal, 885–860 B. C. London, 1914.
- Buhl 1950 — Buhl M.-L. Recently Acquired Iranian Antiquities in the Danish National Museum // *Acta Archaeologica*. Vol. XXI: 183–210.
- Bunnens 1997 — Bunnens G. Til Barsib under Assyrian Domination: A Brief Account of the Melbourne University Excavations at Tell Ahmar // *Assyria* 1995. Proceedings of the 10th Anniversary Symposium of the Neo-Assyrian Text Corpus Project. Helsinki, September 7–11, 1995 (eds. S. Parpola, R. M. Whiting). Helsinki, 1997.
- Burney 1962 — Burney C. A. The Excavations at Yanik Tepe Azerbaijan, 1961 // *Iraq*. Vol. XXIV, 2: 134–152.
- Burney 1966 — Burney C. A. A First season of excavations at the Urartian Citadel of Kayalidere // *AnSt*. Vol. XVI: 55–111.
- Burney 1970 — Burney C. A. Excavations at Haftavān Tepe 1968: First Preliminary Report // *Iran*. Vol. VIII: 157–171.
- Burney 1972 — Burney C. A. Excavations at Haftavān Tepe 1969: Second Preliminary Report // *Iran*. Vol. X: 127–142.
- Burton Brown 1951 — Burton Brown T. Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1951.
- Calmeyer 1987 — Calmeyer P. Median Art and Architecture // *EncIr*. Vol. II, 6: 565–569.
- Calmeyer 1991 — Calmeyer P. Helmets and Quivers // Merhav R. (ed.). Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E.: 123–125.
- Calmeyer 1991a — Calmeyer P. Some Remarks on Iconography // Merhav R. (ed.). Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E.: 310–319.
- Calmeyer 1995 — Calmeyer P. Middle Babylonian Art and Contemporary Iran // *Later Mesopotamia and Iran: Tribes and Empires 1600–539*. Curtis J. E. (ed.). London: 33–45.
- Cambell Thompson 1931 — Cambell Thompson M. A. The Prisms of Esarhaddon and Ashurbanapal. New Haven, London, 1931.
- Canciani 1965 — Canciani F. Böotische Vasen aus dem 8. und 7. Jahrhundert. Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 80. 1965 (1966).
- Castellucca 2017 — Castellucca M. Transcaucasian Bronze Belts // *BAR International Series* 2842. Oxford, 2017.
- Çavuşoğlu 2005 — Çavuşoğlu R. A unique Urartian belt in the Van Museum // *AMIT*. Vol. 37: 365–370.
- Çavuşoğlu, Biber 2012 — Çavuşoğlu R., Biber H. A mysterious archaeological site in the vicinity of the Urartian capital Tuṣpa: Van/Kalecik // *AMIT*. Vol. 44: 329–349.

- Chochorowski 1993 — Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Uniwersytet Jagielloński. Kraków, 1993.
- Cifarelli 2019 — Cifarelli M. The Iron Age at Hasanlu, Iran. *New Perspectives // Proceedings of the International Conference on «The Iron Age in Western Iran and Neighbouring Regions» // Hassanzadeh Y., Vahdati A., Karimi Z. (eds.). Vol. 2. Tehran: 21–44.*
- Çilingiroğlu 2001 — Çilingiroğlu A. Temple Area // Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusaḫinili Eiduru-kai 1989–1998. Roma: 37–65.
- Çilingiroğlu 2012 — Çilingiroğlu A. (with an appendix by M. Salvini). New Contributions to Urartian Archaeology from the Fortress at Ayanis // *Anatolian Iron Ages 7. (A. Çilingiroğlu, A. Sagona (eds.)) (Ancient Near Eastern Studies suppl. 39): 99–112.*
- Çilingiroğlu, Salvini 2001 — Çilingiroğlu A., Salvini M. The Historical Background of Ayanis // Çilingiroğlu A., Salvini M. (eds.). *Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusaḫinili Eiduru-kai 1989–1998. Roma: 15–24.*
- Cleuziou 1991 — Cleuziou S. Ceramics IX. The Bronze Age in Northeastern Persia // *EnIr. 1991. Vol. V, 3: 297–300.*
- Coldstream 1968 — Coldstream J. N. Greek Geometric Pottery. London, 1968.
- Cole, Machinist 1998 — Cole S. W., Machinist P. Letters from Priests to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal // *SAA. Vol. XIII. Helsinki, 1998.*
- Contenau, Ghirshman 1935 — Contenau G., Ghirshman R. Fouilles du Tépé-Giyan près de Néhavend 1931 et 1932. Paris, 1935.
- Courbin 1966 — Courbin P. La céramique géométrique de l'Argolide. Paris, 1966.
- Curtis 1983 — Curtis J. E. Late Assyrian Bronze Coffins // *AS. Vol. XXXIII: 84–95.*
- Curtis 1984 — Curtis D. Nush-i Jan III : the Small Finds. London, 1984.
- Curtis 1989 — Curtis J. E. Excavations at Qasrij Cliff and Khirbet Qasrij (Saddam Dam Report; 10). London, 1989. (British Museum Publications).
- Curtis 1993 — Curtis J. E., British Museum Excavations at Nimrud and Balawat in 1989 // *Iraq. Vol. 55: 1–37.*
- Curtis 2005 — Curtis D. The material culture of Tepe Nush-I Jan // *IrAnt. Vol. XL: 233–248.*
- Curtis 2019 — Curtis J. More Thoughts on the Destruction of Hasanlu IVB // *The Iron Age in Western Iran and Neighbouring Regions. Proceedings of the International Conference, 2–3 Nov. 2019 (eds. Y. Hassanzadeh, A. A. Vahdati, Z. Karimi). Tehran, Sanandaj, 2019. Vol. 2: 9–20.*
- Curtis, Reade 1995 — Curtis J. E., Reade J. E. (eds.). *Art and Empire. Treasures from Assyria in the British Museum. Metropolitan Museum of Art. London, 1995.*
- Dales, Kenoyer 1986 — Dales G. F., Kenoyer J. M. Excavations at Mohenjodaro, Pakistan: the Pottery. University Museum Monograph 53. Philadelphia, 1986.
- Dalley 2006 — Dalley St. Background Study concerning Neo-Assyrian Relations with Gilan Province. Report of the Iran Japan Joint Archaeological

- Expedition to Gilan, Fifth Season // Iranian Cultural Heritage and Tourism Organization. Tehran, Middle Eastern Cultural Center in Japan. Tokyo, 2006: 175–182.
- Dan et al. 2017 — Dan R., Divkolaee M. K., Petrosyan A. Through the Mountains up to the Caspian Sea: some remarks on Bronze Pendants from the Gilan Region, Iran // *IrAnt*. Vol. LII: 197–204.
- Dandamayev, Grantovskii 1987 — Dandamayev M., Grantovskii E. Assyria, i. The Kingdom of Assyria and its Relations with Iran // *Enc. Ir*. Vol. II, 8: 806–815.
- Danti 2013 — Danti M. The Late Bronze and Early Iron Age in Northwestern Iran // D. T. Potts (ed.). *The Oxford Handbook of Ancient Iran*. Oxford, New York. Chp. 17: 327–376.
- Danti, Cifarelli 2015 — Danti M., Cifarelli M. Iron II Warrior Burials at Hasanlu Tepe, Iran // *IrAnt*. Vol. L: 61–157.
- De Backer 2016 — De Backer F. *The Neo-Assyrian Shield: Evolution, Heraldry, and Associated Facts*. Atlanta, 2016.
- De Mecquenem 1931 — De Mecquenem R. Excavations at Susa (Persia), 1930–1931 // *Antiquity*. 1931, september: 330–343.
- De Morgan 1889 — De Morgan J. *Mission scientifique au Caucase*. Vol. I. Paris, 1889.
- De Morgan 1896 — De Morgan J. *Mission scientifique en Perse*. Vol. IV. Paris, 1896.
- Derin, Muscarella 2001 — Derin Z., Muscarella O. W. Iron and Bronze Arrows // Çilingiroğlu A., Salvini M (eds.). *Aianis III. Ten Years' Excavations at Rusaḫinili Eduru-kai 1989–1998*. Roma: 189–217.
- Deshayes 1960 — Deshayes J. *Les outils de bronze de l'Indus au Danube*, v. I–II. Paris, 1960.
- Deshayes 1963 — Deshayes J. *Haches-herminettes iraniennes* // *Syria*. Vol. XL, 3–4: 273–276.
- DeVries 1980 — DeVries K. *Greeks and Phrygians in the Early Iron Age* // From Athens to Gordion (DeVries ed.). Philadelphia: 33–49.
- Dikaïos 1932 — Dikaïos P. *Les cultes préhistoriques dans l'île de Chypre* // *Syria*. Vol. XIII, № 4: 345–354.
- Dossin 1962 — Dossin G. *Bronzes inscrits du Luristan de la collection Foroughi* // *IrAnt*. Vol. II (2): 149–164.
- Dunbabin 1957 — Dunbabin T. J. *The Greeks and their Eastern Neighbours*. London, 1957.
- Durbin 1971 — Durbin G. E. S. *Iron Age Pottery from the provinces of Tokat and Sivas* // *AnSt*. Vol. 21: 99–124.
- Dyson 1960 — Dyson R. H. *Hasanlu and Early Iran* // *Archaeology*. Vol. 13, 2: 118–129.
- Dyson 1963 — Dyson R. H. *Glimpses of History of Ziwiye* // *Expedition*. Vol. 5, 4: 32–37.
- Dyson 1964 — Dyson R. H. *Notes on Weapons and Chronology in Northern Iran around 1000 B. C.* // *Dark Ages and Nomads c. 1000 B. C.: Studies in Iranian and Anatolian Archaeology*, № 18. Istanbul, Netherlands: 32–45.

- Dyson 1965 — Dyson R. H. Problems of Protohistoric Iran as Seen from Hasanlu // JNES. Vol. XXIV, 3: 193–217.
- Dyson 1965a — Dyson R. H. Problems in the relative chronology of Iran, 6000–2000 BC // *Chronologies in Old World archaeology*. (R. Ehrich (ed.). Chicago, 1965.
- Dyson 1973 — Dyson R. The Archaeological Evidence of the Second Millennium B. C. on the Persian Plateau // CAH. Vol. II, 1: 686–715.
- Dyson 1977 — Dyson R. Architecture of the Iron I Period at Hasanlu in Western Iran and its Implications for the Theories of Migration on the Iranian Plateau // *Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique* (Colloques internationaux de la recherche scientifique 567; Paris 1976): 155–169.
- Dyson 1989 — Dyson R. H. Rediscovering Hasanlu // Expedition. Vol. 31, nos. 2–3: 3–11.
- Dyson 1999 — Dyson R. H. Triangle-Festoon Ware Reconsidered // IrAnt. Vol. XXXIV: 115–144.
- Dyson 1999a — Dyson R. H. The Achaemenid painted pottery of Hasanlu IIIA // AnSt. Vol. 49: 101–110.
- Dyson, Muscarella 1989 — Dyson R., Muscarella O. W. Constructing the Chronology and Historical Implications of Hasanlu IV // Iran. Vol. XXVII: 1–27.
- Dyson, Voigt 2003 — Dyson R., Voigt M. M. A Temple at Hasanlu // (ed. N. F. Miller, K. Abdi). *Yeki bud, yeki nabud: Essays on the archaeology of Iran in Honor of W. M. Sumner*: 219–236.
- Egami et al. 1965 — Egami N., Fukai S., Masuda S. The Excavations at Ghalekuti and Lasulkan 1960: Dailaman I. Tokyo, 1965.
- Eliot 1950 — Eliot H. W. Excavations in Mesopotamia and Western Iran Sites of 4000–500 B. C. Cambridge (Mass.), 1950.
- Emre 1969 — Emre K. The Urartian Pottery from Altintepe // Türk Tarih Kurumu. Bell. XXXIII, № 131: 279–301.
- Erdem 2013 — Erdem A. Ü. Potters' Marks in Urartu on the Basis of New Evidence from Ayanis Fortress // IrAnt. Vol. XLVIII: 193–220.
- Erdem, Konyar 2011 — Erdem A. Ü, Konyar E. Urartian Pottery // Urartu. Transformation in the East (eds. K. Köroğlu, E. Konyar). (Anatolian Civilizations Series, 1). Istanbul, 2011.
- Erzen 1978 — Erzen A. Çavuştepe I. Urartian architectural monuments of the 7th and 6th centuries B. C. and A Necropolis of the Middle Age. (Türk Tarih Kurumu Yayinlari V, № 37). Ankara, 1978. (турец. яз.).
- Erzen 1988 — Erzen A. Çavuş I. Ankara, 1988. (перевод изд. 1978 г.).
- Evans 1935 — Evans A. The Palace of Minos at Knossos. Vol. IV, 1. London, 1935.
- Fales 2003 — Fales F. M. Evidence for west-east contacts in the 8th century BC: the Bukān stele // G. B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger (eds.). *Continuity of Empire (?): Assyria, Media, Persia*. Padova: 131–147.

- Fales, Postgate 1992 — Fales F. M., Postgate J. N. Imperial Administrative Records. Part I: Palace and Temple Administration // SAA. Vol. VII. Helsinki 1992.
- Fard 1969 — Fard Kambahch. Fouilles dans les tombes anciennes de Ghey-taryeh // Bastan Chenassi va Honare-e Iran (Revue d'Archeologie et d'Art Iranien). No 2. (персид. яз: 58–68; англ. резюме: 26; перевод и дополнения: Медведская 1977).
- Fichet de Clairfontaine, Deschamps 2012 — Fichet de Clairfontaine F., Deschamps S. Erebus. La ceramique ourarteenne et post-ourarteenne du secteur du temple de Haldi (milieu VIIe — debut vie siècle avant J.-C.) // ARAMAZD. Vol. VII, 1: 105–143.
- Foltiny 1967 — Foltiny S. The Ivory Bits of Homer and the Bone Horse Bits of Reality // Bonner Jahrbücher. № 167: 11–37.
- Forbes 1983 — Forbes T. B. Urartian Architecture // B. A. R. International Series. 170. Oxford, 1983.
- Frayne, Stuckey 2021 — Frayne D. R., Stuckey J. H. A Handbook of Gods and Goddesses of the Ancient Near East: three thousand Deities of Anatolia, Syria, Israel, Babylonia, Assyria, and Elam // the Pennsylvania State University, copyright, 2021.
- Fukai, Ikeda 1971 — Fukai S., Ikeda J. The Excavations at Ghalekuti II and I, 1964: Dailaman IV. Tokyo, 1971.
- Furumark 1941 — Furumark A. The Mycenaean Pottery. Analysis and Classification. Stockholm, 1941.
- Ghirshman 1936 — Ghirshman R. Notes sur les peuples et l'art de l'Iran prehistorique // Revues des arts asiatiques. T. X: 23–26.
- Ghirshman 1938–1939 — Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1937. Vol. I–II. Paris, 1938–1939.
- Ghirshman 1954 — Ghirshman R. Village Perse-Achéménide // Memoires de la Mission Archéologique en Iran. Vol. XXXVI. Paris, 1954.
- Ghirshman 1962 — Ghirshman R. La civilization achéménide et l'Urartu // A Locust's Leg. Studies in Honor of S. H. Tagizadeh. London, 1962.
- Ghirshman 1971 — Ghirshman R. La terrasse sacrée de Masjid-i Solaiman // Iran. Vol. IX: 173–174.
- Ghirshman 1974 — Ghirshman R. Un mède sur les bas-reliefs de Nimrud // Iraq. Vol. XXXVI, 1–2: 37–38.
- Ghirshman 1974/1977 — Ghirshman R. A propos de la Nécropole de Sialk // IPEK. 1974/1977. Bd. 24: 41–49.
- Ghirshman 1979 — Ghirshman R. Tombe princière de Ziwiye et le début de l'art animalier scythe. Paris, 1979.
- Godard 1931 — Godard A. Les Bronzes du Luristan // Ars Asiatica XVII. Paris, 1931.
- Godard 1950 — Godard A. Le trésor de Ziwiye (Kurdistan). Haarlem, 1950.
- Goff 1968 — Goff Meade C. Luristan in the first half of the First millennium B. C. A preliminary report on the first season's excavations at Bābā Jān, and associated surveys in the Eastern Pish-i-Kūh // Iran. Vol. VI: 105–134.

- Goff 1969 — Goff C. Excavations at Bābā Jān: Second Preliminary report // Iran. Vol. VII: 115–130.
- Goff 1970 — Goff C. Excavations at Bābā Jān, 1968: Third Preliminary Report // Iran. Vol. VIII: 141–156.
- Goff 1976 — Goff C. Excavations at Bābā Jān: the Bronze Age Occupation // Iran. Vol. XIV: 19–40.
- Goff 1977 — Goff C. Excavations at Baba Jan. The Architecture of the East Mound, Levels III and II // Iran. Vol. XV: 103–140.
- Goff 1978 — Goff C. Excavations at Baba Jan: Pottery and Metal from Levels III and II // Iran. Vol. XVI: 29–65.
- Goff 1985 — Goff C. Excavations at Baba Jan: The architecture and pottery of level I // Iran. Vol. XXIII: 1–20.
- Gopnik 2003 — Gopnik H. The ceramics from Godin II from the late 7th to early 5th centuries BC // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). *Continuity of Empire (?): Assyria, Media, Persia*. Padova: 249–267.
- Gopnik 2011 — Gopnik H. The Median Citadel of Godin Period II // H. Gopnik, M. S. Rothman (eds.). *On the High Road. The History of Godin Tepe, Iran*. Bibliotheca Iranica: Archaeology, Art and Architecture Series, № 1. Toronto: 285–362.
- Gopnik, Rothman 2011 — Gopnik H., Rothman M. S. *On the High Road: the History of Godin Tepe, Iran*. Toronto, 2011.
- Grayson 1983 — Grayson A. K. *Assyrian Rulers of Third and Second Millennia BC (to 1115 BC)* // RIMA, 1. Toronto, Buffalo, London, 1983.
- Grayson 1991 — Grayson A. K. *Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC, I (1114–859 B. C.)* // RIMA, 2. Toronto, Buffalo, London, 1991.
- Grayson 1996 — Grayson A. K. *Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC, II (858–745 B. C.)* // RIMA, 3. Toronto, Buffalo, London, 1996.
- Grayson, Novotny 2012 — Grayson A. K., Novotny J. *The Royal Inscriptions of Sennacherib, King of Assyria (704–681), Part 1* // RINAP. Vol. 3/1. Penn State University Press. 2012.
- Gries, Fügert 2019 — Gries H., Fügert A. The Glazed Bricks Façades from Ashur in the Vorderasiatisches Museum Berlin in context of the North-Western Iranian Glazed Bricks // Y. Hassanzadeh, A. A. Vahdati, Z. Karimi (eds.). *Proceedings of the International Conference on «The Iron Age in Western Iran and Neighbouring Regions»*. Vol. 2: 258–272.
- Gunter 1982 — Gunter A. Representations of Urartian and Western Itanian Fortress Architecture in the Assyrian Reliefs // Iran. Vol. XX: 103–112.
- Haerinck 1978 — Haerinck E. Painted pottery of the Ardabil style in Azerbaijan (Iran) // IrAnt. Vol. XIII: 75–91.
- Haerinck 1988 — Haerinck E. The Iron Age in Guilan // *Proposal for a Chronology Bronze-working Centres of Western Asia c. 1000–539 B. C.* (J. Curtis ed.). London, New York, 1988: 63–78.
- Hakemi 1997 — Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran // *Instituto italiano per il medio ed estremo oriente*.

- Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoires. Vol. 27. Rome, 1997.
- Hamilton 1965 — Hamilton R. W. The Decorated Bronze Strip from Gushchi // *AnSt*. Vol. XV: 41–51.
- Hamilton 1966 — Hamilton R. W. A Silver Bowl in the Ashmolean Museum // *Iraq*. Vol. 28: 1–17.
- Hamlin 1974 — Hamlin C. The Early Second Millennium Ceramic Assemblage of Dinkha Tepe // *Iran*. Vol. XII: 125–153.
- Hampe 1936 — Hampe R. Frühe Griechische Sagenbilder in Böotien. Athen, 1936.
- Hampe, Simon 1981 — Hampe R., Simon E. The Birth of Greek Art. London, 1981.
- Hase 1969 — Hase F.-W. Von. Die Tensen der Früheisenzeit in Italien. PBF. XVI/1. München.
- Hassanzadeh 2009 — Hassanzadeh Y. Qal'e Bardine, a Mannaeen local chiefdom in the Bukān Area, North-Western Iran // *AMIT*. Vol. 41: 269–282.
- Hassanzadeh 2016 — Hassanzadeh Y. A Survey of Mannaeen Art and Culture. Exhibition catalogue (Tehran, National Museum of Iran, Sanandaj Museum). 2016.
- Hassanzadeh, Curtis 2018 — Hassanzadeh Y., Curtis J. Western Iran in the Iron Age // *I am Ashurbanipal king of the world, king of Assyria*. Catalogue of the British Museum Exhibition (G. Brereton ed.) London: 166–179.
- Hassanzadeh, Mollasalehi 2017 — Hassanzadeh Y., Mollasalehi H. An Archaeological Exploration of the Mannaeen Site of Qalaichi on the Basis of Analyses of Glazed Bricks from the National Museum of Iran and other Collections. Tehran, 2017. (in Persian).
- Heidary 2010 — Heidary R. Hidden Aspects of the Mannean Rule in North-western Iran // *Urartu and its Neighbors* (eds. A. Kosyan, A. Petrosyan, E. Grekyan). *ARAMAZD*. Vol. V, 2: 147–151.
- Heinrich 1984 — Heinrich E. Die Paläste im alten Mesopotamien. Berlin, 1984.
- Hejebri Nobari, Mollazadeh 2004 — Hejebri Nobari A. R., Mollazadeh K. A Comprehensive View of History and Historical Geography of Mannea // *Humanities* (2004). Vol. 11, 1: 81–92.
- Henrickson 1987 — Henrickson R. C. The Godin III Chronology for Central Western Iran 2600–1400 B. C. // *IrAnt*. 1987. Vol. XXII: 33–116.
- Heurtley 1926–1927 — Heurtley W. A. A Prehistoric site in Western Macedonia and the Dorian Invasion // *BSA*. 28: 158–194.
- Holthoer 1977 — Holthoer R. New Kingdom Pharaonic sites. The Pottery. Uppsala, Stockholm, 1977.
- HozhabriNobari, Afifi 2009 — HozhabriNobari A., Afifi R. Study and Description of Glazed Bricks, Discovered from Three Excavation Seasons of Rabat Region // *Archaeologist's Message*, Islamic Azad University, Abhar Branch, Year 6, No. 11, Spring and Summer 2009: 47–68. (in Persian).
- Hüttel 1981 — Hüttel H-G. Bronzezeitliche Tensen in Mittel- und Osteuropa. PBF. XVI/2). München.

- Ja'fri, Tomalsky 2021 — Ja'fri M., Tomalsky J. Major Finds from Seventh Season of Excavations at Rivi, Khorasn // M. Masoumeh (ed.). A Collection of Archaeological Finds from Excavations in 2019–2020. 18th Annual Symposium on the Iranian Archaeology (2021): 65–70.
- Jacobsthal 1951 — Jacobsthal P. The Date of the Ephesian Foundation-Deposit. JHS. Vol. LXXI, 1951: 85–95.
- Jāvidniyā, Hozhabri: 2019–20 — Jāvidniyā H., Hozhabri A. Архитектура сооружения обнаруженного на тепе Зивие, крепость или святилище в I тыс. до н. э. на западе Ирана // Motāle'āt-e bāstānshenāsi-ye parse, No 10, Year 3, Winter 1398 (2019–20): 51–68. (in Persian).
- Kaniuth 2006 — Kaniuth K. Metalobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien // Archäologie in Iran und Turan. Bd. 6. Mainz, 2006.
- Kantor 1962 — Kantor H. A Bronze Plaque with Reliefs Decoration from Tell Tainat // JNES. Vol. XXI, 2: 93–117.
- Karageorghis 1969 — Karageorghis V. Salamis in Cyprus: Homeric, Hellenistic and Roman. New York, 1969.
- Kargar, Binandeh 2009 — Kargar B., Binandeh A. Preliminary Report of Excavations at Rabat Tepe, Northwestern Iran // IrAnt. Vol. XLIV: 113–119.
- Kellner 1991 — Kellner H.-J. Grouping and Dating of Bronze Belts // Merhav R. (ed.). Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E.: 142–161.
- Kellner 1991a — Kellner H.-J. Votive Plaques // Merhav R. (ed.). Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E.: 286–299.
- Khalatbari 2004 — Khalatbari M. R. (ed.) Archaeological Investigations in Talesh, Gilan-1: Excavations at Toul-e Gilan. Tehran, 2004.
- Khalatbari 2004a — Khalatbari M. R. Archaeological Investigations in Talesh, Gilan-2: Excavations at Vaske and Mianroud // General Office of Iranian Cultural Heritage Organization of Gilan. Tehran, 2004.
- Khanzaq, Biscione, Hejeberi-Nobari, Salvini 2001 — Khanzaq R. B., Biscione R., Hejeberi-Nobari A. R., Salvini M. Haldi's Gorrison — Haldi's Protection. The newly found Rock Inscription of Argišti II in Shisheh, near Ahar (East Azerbaijan, Iran) // SMEA. Vol. 43, 1: 25–37.
- Khorasani 2006 — Khorasani M. M. Arms and Armor from Iran (the Bronze Age to the End of the Qajar Period). Tübingen, 2006.
- Kleiss 1971 — Kleiss W. Bericht über Erkundungsfahrten in Iran im Jahre 1970 // AMI, NF. 4: 51–111.
- Kleiss 1972 — Kleiss W. Ausgrabungen in der uratäischen Festung Bastam (Rusaḫinili) // AMI, NF. Bd. 5: 7–68.
- Knudtzon 1908–1915 — (EA) Knudtzon E. A. Die El-Amarna-Nafelen. I–II. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung.
- Kozbe, Çevik, Sağlamtimur 2001 — Kozbe G., Çevik Ö., Sağlamtimur H. Pottery // Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusaḫinili Eiduru-kai 1989–1998 // Documenta Asiana. Vol. VI. Roma: 85–153.

- Kroll 1976 — Kroll S. *Keramik Urtartäischer Festungen in Iran* // AMI, Ergänzungsband 2. Berlin, 1976.
- Kroll 1984 — Kroll S. *Archäologische Fundplätze in Iranisch-Ost-Azarbaidjan* // AMI. Bd. 17: 13–131.
- Kroll 1988 — Kroll S. VI. *Die Kleinfunde* // W. Kleiss (ed.). *Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977–1978*. Berlin: 155–163.
- Kroll 1988a — Kroll S. VII. *Die Keramik* // W. Kleiss (ed.). *Bastam II. Ausgrabungen in den Urartäischen Anlagen 1977–1978*. Berlin: 165–173.
- Kroll 2010 — Kroll S. *Urartu and Hasanlu* // ARAMAZD. Vol. V, 2: 21–35.
- Kroll 2011 — Kroll S. *Urartian Cities in Iran* // *Urartu. Transformation in the East* (K. Köroğlu, E. Konyar eds.). Istanbul: 150–169.
- Kroll 2014 — Kroll St. *Notes on the Post-Urartian (Median) Horizon in Nw-Iran and Armenia* // A. Özfirat (ed.). *Scripta. Essays in Honour of Veli Sevin. A Life Immersed in Archaeology*. Istanbul: 203–210.
- Kroll 2015 — Kroll St. *Archaeology between Urartu and the Achaemenids* // M. Işıklı, B. Can (eds.). *International Symposium on East Anatolia — South Caucasus Cultures: Proceedings II*. Cambridge, 2015: 110–117.
- Kübler 1954 — Kübler K. *Kerameikos. Die Nekropole des 10. bis 8. Jahrhunderts*. Vol. II. Berlin, 1954.
- Kühne 1987–8 — Kühne H. *Report on the excavation at Tall Šēh Hamad/Dūr-Katlimmu 1988* // *Annales Archéologiques Arabes Syriennes*. № 37–38: 142–157.
- Kurochkin 1994 — Kurochkin G. N. *Archaeological search for the Near Eastern Aryans and the royal cemetery of Marlik in northern Iran* // *South Asian Archaeology 1993* (Proceeding of the Twelfth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University 5–9 July 1993; eds. A. Parpola and P. Koskikallio. Vol. I. Helsinki 1994: 389–395.
- Lamon, Shipton 1939 — Lamon S., Shipton G. M. *Megiddo I. Seasons of 1925–1934, strata I–IV. (OIP XLII)*. Chicago, 1939.
- Landa, Lapis 1974 — Landa N., Lapis I. *Egyptian Antiquities in the Hermitage*. Leningrad, 1974.
- Landsberger 1965 — Landsberger B. *Tin and Lead: the adventures of two vocables* // *JNES* 1965. Vol. XXIV, № 3: 285–296.
- Lanfrachi, Parpola 1990 — Lanfrachi G. B., Parpola S. (eds.). *The Correspondence of Sargon II, part II: Letters from the Northern and Northeastern Provinces* // SAA. Vol. V. Helsinki, 1990.
- Layard 1849 — Layard A. H. *The Monuments of Nineveh*, vol. I. London, 1849.
- Levine 1970 — Levine L. D. *Of Medes and Media* // *Rotunda*. III/2: 36–44.
- Levine 1976 — Levine L. *The Mahidast Project* // *Iran*. Vol. XIV: 160–161.
- Levine 1977 — Levine L. D. *Sargon's Eight Campaign* // *Mountains and Lowlands: Essays in the Archaeology of Greater Mesopotamia. Bibliotheca Mesopotamica*. 1977. Vol. 7: 135–151.

- Lilyquist 1979 — Lilyquist C. *Ancient Egyptian Mirrors from the Earliest Times through the Middle Kingdom*. Berlin, 1979.
- Lippert 1979 — Lippert A. *Die österreichischen Ausgrabungen am Kordlar Tepe in Persisch-West Aserbaidzhan (1971–1978)* // AMI. Bd. 12: 103–156.
- Littauer, Crouwel 1979 — Littauer M. A., Crouwel J. H. *Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East*. Leiden, Köln, 1979.
- Littauer, Karageorghis 1969 — Littauer M. A., Karageorghis V. *Note on prome-topidia* // *Archäologischer Anzeiger* 84, 2: 152–160.
- Loehr 1968 — Loehr M. *Ritual Vessels of Bronze Age China*. New York, 1968.
- Loud 1936 — Loud G. *Khorsabad. Part I: Excavations in the Palace and at a City Gate* // OIP. Vol. 38. Chicago, 1936.
- Loud, Altman 1938 — Loud G., Altman C. B. *Khorsabad. Part II: The Citadel and the Town* // OIP. Vol. 40. Chicago, 1938.
- Luckenbill 1924 — Luckenbill D. D. *The Annals of Sennacherib* // *Oriental Institute Publication II*. Chicago, 1924.
- Luckenbill 1927 — Luckenbill D. D. *Ancient Records of Assyria and Babylonia (ARAB II). Historical Records of Assyria from Sargon to the End*. Vol. II. Chicago, 1927.
- Luschey 1939 — Luschey H. *Die Phiale*. Berlin, 1939.
- Luukko, Buylaere 2002 — Luukko M., Buylaere G. van. *The Political Correspondence of Asarhaddon* // SAA. Vol. XVI. Helsinki, 2002.
- Mackay 1937–1938 — Mackay E. J. H. *Further Excavations at Mohenjo-daro (vol. II plates) — 1938 (vol. I text)*. Delhi, 1937.
- Madhlloom 1970 — Madhlloom T. A. *The Chronology of Neo-Assyrian Art*. London, 1970.
- Madhlloom 1974 — Madhlloom T. A. *The influence of foreign societies as shown in Assyrian art* // *Acta Antiqua*. T. XXII, 1–4: 385–387.
- Magee 1997 — Magee P. *The Iranian Iron Age and the Chronology of Settlement in South Arabia* // *IrAnt*. 1997. Vol. XXXII: 91–108.
- Magee 2008 — Magee P. *Deconstructing the Destruction of Hasanlu: Archaeology, Imperialism and the Chronology of the Iranian Iron Age* // *IrAnt*. Vol. XLIII: 89–106.
- Mallowan 1966 — Mallowan M. E. L. *Nimrud and Its Remains*, vol. II. London, 1966.
- Maner 2009 — Maner M. A. *Neo-Hittite Helmets and their depictions* // *Proceedings of the XI Symposium on Mediterranean Archaeology, Istanbul Technical University*. April 2007 (€TM. Aygün (ed.). BAR International Series 1900. Oxford: 254–261.
- Marcus 1989 — Marcus M. I. *Emblems of Authority: the Seals and Sealings from Hasanlu IVB* // *Expedition*. Vol. 31. nos. 2–3: 53–63.
- Maxwell-Hyslop, Hodges 1964 — Maxwell-Hyslop K. R., Hodges H. W. M. *A note on the Significance of the Technique of «Casting on» as Applied to a Group of Daggers from North-West Persia* // *Iraq*. Vol. XXVI, 1: 50–53.

- Maxwell-Hyslop 1971 — Maxwell-Hyslop K. R. *Western Asiatic Jewellery ca 3000–612 B. C.* London, 1971.
- Maxwell-Hyslop 1974 — Maxwell-Hyslop K. R. *Assyrian sources of Iron* // *Iraq*. Vol. XXXVI: 139–154.
- May 1935 — May H. G. *Material Remarks of the Megiddo Kult* // *OIP*. Vol. XXVI. Chicago, 1935.
- Medvedskaya 1982 — Medvedskaya I. N. *Iran: Iron Age I* // *BAR International Series* 126. Oxford, 1982. (Дополненное издание: Медведская 2019).
- Medvedskaya 1986 — Medvedskaya I. N. *A Study on the Chronological Parallels between the Greek Geometric Style and Sialk B Painted Pottery* // *IrAnt*. Vol. XXI: 89–120.
- Medvedskaya 1988 — Medvedskaya I. N. *Who Destroyed Hasanlu?* // *Iran*. Vol. XXVI: 1–15.
- Medvedskaya 1991 — Medvedskaya I. N. *Once more the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating* // *IrAnt*. Vol. XXVI: 72–80.
- Mellaart 1955 — Mellaart J. *Iron Age Pottery from Southern Anatolia* // *Türk Tarih Kurumu. Bell.* XIX, 74: 115–136.
- Mellink 1957 — Mellink M. J. *Review of E. Akurgal «Phrygische Kunst»* // *AJA*. 1957. Vol. 61, 4: 392–395.
- Mellink 1965 — Mellink M. J. *Archaeology in Asia Minor* // *AJA*. Vol. 69, 2: 123–149.
- Mellink 1981 — Mellink M. J. *Omphalos bowls. In Young R. S. Three Great Early Tumuli. The Gordion Excavations Final Reports, vol. I* // *University Museum Monograph* 43. Philadelphia: 233–236.
- Merhav 1991 — Merhav R. *Pairing and Grouping of Chariot and Horse Gear* // *Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E.* R. Merhav (ed.). New York: 97–103.
- Merhav 1991a — Merhav R. *Architectural Elements: Functional and Symbolic* // *Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E.* Merhav R. (ed.). 1991. New York: 300–309.
- Merhav 1991b — Merhav R. *The Chariot* // Merhav R. (ed.). *Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E.* 1991. New York: 53–78.
- Metzner-Nebelsick 2002 — Metzner-Nebelsick C. *Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien* // *Vogerschichtliche Forschungen* 23. Leipzig, 2002.
- Moghanlou, Ebrahimi 2021 — Moghanlou R. S., Ebrahimi Q. *The First Season of Salvage Excavations at the Chālādem Shāl Graveyard, Khalkāl, Ardebil* // M. Mosalla (ed.), *A Collection of Archaeological Finds from Excavations in 2019–2020. 18th Annual Symposium on the Iranian Archaeology (2021)*: 88–94.
- Mohammadifar, Sarraf, Motarjem 2015 — Mohammadifar Y., Sarraf M. R., Motarjem A. *A Preliminary Report on Four Seasons of Excavations at Moush Tepe, Hamedan, Iran* // *IrAnt*. Vol. L: 233–250.

- Mollazadeh 2008 — Mollazadeh K. The Pottery from the Mannean Site of Qa-laichi, Bukan (NW-Iran) // *IrAnt*. Vol. XLIII: 107–125.
- Mollazadeh 2020 — Mollazadeh K. A Decorative Column Base from Bukan Region (NW-Iran) and some Remarks on its Dating's and Artistic Tradition // K-A. Nikname, A. Hozhabri (eds.). *Archaeology of Iran in the Historical Period*. (University of Tehran Science and Humanities Series). Tehran: 95–103.
- Moorey 1967 — Moorey P. R. S. Some Ancient Metal Belts: their Antecedents and Relatives // *Iran*. Vol. V: 83–98.
- Moorey 1971a — Moorey P. R. S. Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum. Oxford, 1971.
- Moorey 1971b — Moorey P. R. S. Towards a Chronology for the «Lūristān Bronzes» // *Iran*. Vol. IX: 113–129.
- Moorey 1974 — Moorey P. R. Ancient Persian Bronzes in the Adam Collection. London, 1974.
- Moyer 2011–2012 — Moyer A. C. An Archaeological Analysis of Mirrors in Iron Age Eurasia (Dissertation).
- Müller-Karpe 1959 — Müller-Karpe H. Beiträge zur Chronologie der Urnefelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Text. Tafeln // *Römisch-Germanische Forschungen*. Bd. 22; De Guyter (ed.). Berlin, 1959.
- Muscarella 1965 — Muscarella O. W. A Fibula from Hasanlu // *AJA*. Vol. 69, 3: 233–240.
- Muscarella 1966 — Muscarella O. W. Hasanlu 1964 // *Bull. MM of Art*. n. s. 25, 3 (november): 121–135.
- Muscarella 1967 — Muscarella O. W. Phrygian Fibulae from Gordion // *Monograph Series* (Colt Archaeological Institute) 4. London, 1967.
- Muscarella 1968 — Muscarella O. W. Excavations at Dinkha Tepe, 1966 // *BMMA*. 27, 3: 187–196.
- Muscarella 1972 — Muscarella O. W. A Bronze Vase from Iran and its Greek Connections. *MMJ*. 5, 1972: 25–50.
- Muscarella 1973 — Muscarella O. W. Excavations at Agrab Tepe, Iran // *MMJ*. Vol. 8: 47–76.
- Muscarella 1974 — Muscarella O. W. The Iron Age at Dinkha Tepe, Iran // *MMJ*. Vol. 9: 35–90.
- Muscarella 1974a — Muscarella O. W. Decorated Bronze Beakers from Iran // *AJA*. Vol. 78: 239–254.
- Muscarella 1977 — Muscarella O. W. «Ziwiye» and Ziwiye: The Forgery of a Provenience // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 4, 1977: 197–219.
- Muscarella 1977a — Muscarella O. W. The Archaeological Evidence for Relations between Greece and Iran in the First Millenium B. C. // *JANES*. Vol. 9: 31–48.
- Muscarella 1978 — Muscarella O. W., review of Stefan Kroll. *Keramik urartäischer Festungen in Iran*. AMI, Ergänzungsband 2 (Berlin 1978) // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 5, 1978: 242–245.

- Muscarella 1980 — Muscarella O. W. The Catalog of Ivories from Hasanlu, Iran. (The University Museum). Philadelphia, 1980.
- Muscarella 1984 — Muscarella O. W. Fibulae and Chronology, Marlik and As-sur // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 11: 413–419.
- Muscarella 1988 — Muscarella O. W. Bronze and Iron: Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York, 1988.
- Muscarella 2006 — Muscarella O. W. Bronze Socketed Arrowheads and Ethnic Attribution // Aruz J., Farkas A., Fino E. V. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York, New Haven, London: 154–159.
- Muscarella 2006a — Muscarella O. W. The Excavation of Hasanlu: An Archaeological Evaluation // *Bull. of the American Schools of Oriental Research*, 342: 69–94.
- Muscarella 2013 — Muscarella O. W. *Archaeology, Artifacts and Antiquities of the Ancient Near East: Sites, Cultures and Proveniences*. Leiden, Boston, 2013.
- Muscarella 2017 — Muscarella O. W. Ziwiye // *EncIr*, online edition, 2017: 1/6–6/6.
- Nagel, Strommenger 1985 — Nagel W., Strommenger E. Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebiet von Kirovobad/Jelisavetopol. Berlin, 1985.
- Naghshineh 2011 — Naghshineh A. S. Chahgbar Iron Age Graveyard // *Nameyeh Bastan Chenassi I*: 105–122. (перс. яз.).
- Naseri, Malekzadeh, Naseri 2016 — Naseri R., Malekzadeh M., Naseri A. Gūnespān: a late Iron Age site in the Median heartland // *IrAnt*. Vol. LI: 103–139.
- Naumann 1977 — Naumann R. Die Ruinen von Takht-e Suleiman und Zendan-e Suleiman und Umgebung // *Führer zu archäologischen Plätzen in Iran 2*. Berlin, 1977.
- Negahban 1964 — Negahban E. O. A Preliminary Report on Marlik Excavation, Gohar Rud Expedition, Rudbar, 1961–1962. Tehran, 1964.
- Negahban 1995 — Negahban E. O. Weapons from Marlik // *AMI*. Bd. 16. Berlin, 1995.
- Negahban 1996 — Negahban E. O. Negahban E. O. Marlik: the Complete Excavation Report. Vol. 1 text, vol. 2 Illustrations. Philadelphia: University Museum of Pennsylvania (University Museum Monograph. 87). Philadelphia, 1996.
- Negahban 1998 — Negahban E. O. Suggestions on the origin and background of the Marlik Culture // *IrAnt*. Vol. XXXVIII: 43–56.
- Negahban 2001– Negahban E. O. Gilan III. Archaeology // *EncIr*. Vol. X, 6: 626–634.
- Neumann, Parpola 1987 — Climatic change and the eleventh-tenth-century eclipse of Assyria and Babylonia // *JNES*. Vol. 46, 3: 161–182.
- Nobari, Mollazadeh 2004 — Hejebri Nobari A. R., Mollazadeh K. A. Comprehensive View of History and Historical Geography of Mannea // *Humanities* 2004. Vol. 11, 1: 81–92.

- Oates 1959 — Oates J. Late Assyrian Pottery from Fort Shalmaneser // *Iraq*. Vol. XXI, 2: 130–146.
- Ohly 1953 — Ohly D. Griechische Goldbleche des 8 Jahrhunderts v. Chr. Berlin, 1953.
- Overlaet 2003 — Overlaet B. J. The Early Iron Age in the Pusht-I Kuh, Luristan, Luristan Excavation Documents IV // *Acta Iranica* 40. Leuven, 2003.
- Overlaet 2005 — Overlaet B. J. The Chronology of the Iron Age in the Pusht-I Kuh, Luristan // *IrAnt*. Vol. XL: 1–33.
- Pande 1971 — Pande B. M. Harappan Ring-Kernoi: A Study // *EW*. Vol. 21, № 3–4: 311–323.
- Parpola 1970 — Parpola S. Neo-Assyrian Toponyms // *Alter Orient und Testament*. Bd. 6. Neukirchen-Vluyn, 1970.
- Parpola 1987 — Parpola S. (ed.). The Correspondence of Sargon II: Letters from Assyria and the West. Part I // *SAA*. Vol. I. Helsinki, 1987.
- Parpola 1993 — Parpola S. The Assyrian Tree of Life: Tracing the Origins of Jewish Monotheism and Greek Philosophy // *JNES*. Vol. 52, № 3: 161–208.
- Parpola 1993a — Parpola S. (ed.). Letters from Assyrian and Babylonian Scholars // *SAA*. Vol. X. Helsinki, 1993.
- Parrot 1937 — Parrot A. Les fouilles de Mari. La troisième campagne (Hiver 1935–36) // *Syria*. 1937. Vol. XVIII: 54–84.
- Paterson [1915] — Paterson B. D. Assyrian Sculptures. Palace of Sinaherib. London, [1915].
- Payne 1927–1928 — Payne H. G. G. Early Greek Vases from Knossos. *BSA*. Vol. XXIX: 224–298.
- Payne 1931 — Payne H. G. G. *Necrocorinthia*. A Study of Corinthian Art in the Archaic Period. Oxford, 1931.
- Pedde 2001 — Pedde F. Development and Expansion of Near Eastern Fibulae in the Iron Age // *Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums*. Berlin, 23. bis 26. November 1999. Bonn: 485–496.
- Petrie 1890 — Petrie W. M. Flinders. Kahun, Gurob, and Hawara. London, 1890.
- Pigott 1977 — Pigott V. C. The Question of the Presens of Iron in the Iron I Period in Western Iran // L. D. Levine, T. Cuyler Young (eds.). *Mountains and Lowlands. Essay in the Archaeology of Greater Mesopotamia*. Bibliotheca Mesopotamica. Vol. VII. 1977: 209–234.
- Pigott 1980 — Pigott V. C. The Iron Age in Western Iran // *The Coming of the Age of Iron* (T. A. Wertime, J. D. Muhly eds.). New Haven, London, 1980: 417–461.
- Piller 2010 — Piller C. K. Northern Iran in the Iron Age II and III: a Neighbour of Urartu? // *ARAMAZD*. Vol. V/2: 53–75.
- Piller 2018 — Piller C. K. Fibulae, Chronology, and Related Considerations: Marlik Reloaded // E. Simpson (ed.). *The Adventure of the Illustrious*

- Scholars (Papers Presented to O. W. Muscarella). Culture and History of the Ancient Near East. Vol. 94: 360–383.
- Pleiner, Bjorkman 1974 — Pleiner R., Bjorkman J. K. The Assyrian Iron Age: the history of iron in the Assyrian civilization // PAPS. 1974. Vol. 118, № 3: 283–313.
- Porada 1965 — Porada E. The Art of Ancient Iran. New York, 1965.
- Porter 1993 — Porter B. N. Sacred Trees, Date Palms, and the Royal Persona of Ashurnasirpal II // JNES. Vol. 52, № 2: 129–139.
- Possehl 1986 — Possehl G. L. Kulli. An Exploration of Ancient Civilization in Asia. Durham, North Carolina, 1986.
- Postgate 1973 — Postgate S. N. Assyrian Texts and Fragments // Iraq. Vol. XXXV: 13–36.
- Potratz 1941 — Potratz J. A. H. Die Pferdegebisse des zweiströmländischen Raumes // Archiv für Orientforschung. Bd. 14,1–2: 1–39.
- Potratz 1966 — Potratz J. A. H. Die Pferdetrensen des Alten Orient. Rome: Pontificum Institutum Biblicum (Analecta Orientalia. 41).
- Reade 1972 — Reade J. E. The Neo-Assyrian Court and Army: Evidence from the Sculptures // Iraq. 1972. Vol. 34, 2: 87–112.
- Read 1976 — Read J. E. Elam and Elamities in Assyrian sculpture // AMI. Bd. 9: 97–106.
- Reade 1976a — Reade J. E. Sargon's Campaigns of 720, 716, and 715 B. C.: Evidence from the Sculptures // JNES. Vol. 35, 2: 95–104.
- Reade 1995 — Reade J. The Khorsabad glazed bricks and their symbolism // A. Caubet (ed.). Khorsabad, le palais de Sargon II, roi d'Assyrie: 225–251.
- Reade 2009 — Reade J. Fez, Diadem, Turban, Chaplet: Power-Dressing at the Assyrian Court // M. Lookko, S. Sväid, P. Mattila (eds.). Of God(s), Trees, Kings, and Scholars. Neo-Assyrian and Related Studies in Honor of Simo Parpola. Studia Orientalia. (Helsinki). Vol. 106: 239–264.
- Reynolds 2003 — Reynolds F. The Babylonian Correspondence of Essarhadon // S. Parpola (ed). SAA. Vol. XVIII. Helsinki, 2003.
- Rezvani, Roustaei 2007 — Rezvani H., Roustaei K. A Preliminary Report on Two Seasons of Excavations at Kul Tarike Cemetery, Kurdistan, Iran // IrAnt. Vol. XLII: 139–184.
- Riis 1948 — Riis P. J. Hama. Fouilles et recherches 1931–1938. Les cimetières à cremation. Copenhagen, 1948.
- Roaf 1995 — Roaf M. Media and Mesopotamia: History and Architecture // J. Curtis (ed.). Later Mesopotamia and Iran: Tribes and Empires 1600–539 BC. (Proceedings of a Seminar in memory of Vladimir G. Lukonin). London: 54–71.
- Roaf, Stronach 1973 — Roaf M., Stronach D. Tepe Nush-i Jan, 1970: Second Interim Report // Iran. Vol. XI: 129–138.
- Robertson 1937 — Robertson M. A late Geometric Attic Amphora // British Museum Quarterly. London. Vol. XI, No. 2: 56–57.

- Rubinson, Marcus 2005 — Rubinson K. S., Marcus M. I. Hasanlu IVB and Caucasasia: explorations and implications of contexts // *Anatolian Iron Ages 5. Proceedings of the Fifth Anatolian Iron Ages Colloquium held at Van, 6–10 August 2001* (A. Çilingiroğlu, G. Darbyshire eds.). Ankara: 131–138.
- Samadi 1959 — Samadi H. Les Découvertes fortuites Mazandéran et Gilan // *Art Asiatiques*. Vol. VI, 3: 175–194.
- Schaeffer 1948 — Schaeffer C. F. A. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale, IIIe et IIe millénaires. London, 1948.
- Schauensee 1989 — de Schauensee M. Horse Gear from Hasanlu // *Expedition*. Vol. 31, № 2–3: 37–52.
- Schauensee, Dyson 1983 — de Schauensee M., Dyson R. Hasanlu Horse Trappings and Assyrian Reliefs // Harper P. O., Pittman H. (eds.). *Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of C. K. Wilkinson*. MMA. New York: 59–77.
- Schmidt 1933 — Schmidt E. F. Tepe Hissar Excavations 1931 // *The Museum Journal*. Vol. XXIII, 4. Philadelphia, 1933: 313–483.
- Seidle 1988 — Seidle U. Urartu as a Bronzeworking Centre // Curtis J. (ed.). *Bronzeworking Centres of Western Asia c. 1000–539 B. C.* London, New York: 169–175.
- Seidle 1991 — Seidle U. Horse Trappings // Merhav R. (ed.). *Urartu. A Metal-working Center in the First Millennium B. C. E.* Jerusalem: 79–96.
- Seidl 2004 — Seidl U. *Bronzekunst Urartus*. Mainz am Rhein, 2004.
- Sheikhi et al 2017 — Sheikhi M., Nobari A. H., Tavoosi M., Shabani R., Samgh Abadi. The Impact of Neo-Assyrian Art on Mannaean Societies of Western and North Western Iran // *Humanities* (2017). Vol. 24, 4: 69–86.
- Snodgrass 1964 — Snodgrass A. *Early Greek Armour and Weapons from the End of the Bronze Age to 600 B. C.* Edinburgh, 1964.
- Snodgrass 1971 — Snodgrass A. M. *The Dark Age of Greece*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971.
- Sono, Fukai 1968 — Sono T., Fukai Sh. Dailaman III. The Excavations at Hasani mahale and Ghalekute 1964 // *The Tokyo University Iraq–Iran Archaeological Expedition. Report 8*. Tokyo, 1968.
- Speiser 1933 — Speiser E. A. The Pottery of Tell Billa // *The Museum Journal*. Vol. XXIII, 3: 249–308.
- Stacul 1970 — Stacul G. The Gray Pottery in the Swāt Valley and the Indo-Iranian Connections (ca. 1500–300 B. C.) // *EW*. 1970. Vol. 20, № 1–2: 92–102.
- Starr 1937–1939 — Starr R. F. S. *Nuzi: Report on the Excavations at Yorgan Tepe near Kirkuk, 1927–1931*. Cambridge (Mass.), 1937–1939.
- Starr 1990 — Starr I. *Queries to the Sungod: Divination and Politics in Sargonid Assyria* // SAA. Vol. IV. Helsinki, 1990.
- Stein 1940 — Stein A. *Old Routs of Western Iran*. London, 1940.
- Stone, Zimansky 2003 — Stone E. C., Zimansky P. The Urartian Transformation in the Outer Town of Ayanis // A. T. Smith, K. S. Rubinson (eds.).

- Archaeology in the Borderlands: Investigations in Caucasia and Beyond. Los Angeles: 213–228.
- Stronach 1959 — Stronach D. The Development of the Fibula in the Near East // *Iraq*. Vol. 21, 2: 181–206.
- Stronach 1968 — Stronach D. Tepe Nush-i Jan: A Mound in Media // *Bull. MMA*: 177–186.
- Stronach 1969 — Stronach D. Excavations at Tepe Nush-Jān, 1967 // *Iran*. Vol. VII: 1–20.
- Stronach 1973 — Stronach D. Tepe Nush-i Jan and Shahr-i Qumis // *Bull. of the Asia Institute of Pahlavi University*. № 3: 12–15. (Shiraz).
- Stronach 1978 — Stronach D. Median Pottery from the Fallen Floor in the Fort // Stronach D., Roaf M. Excavations at Tepe Nush-Jān: Part 2 // *Iran*. Vol. XVI: 11–24.
- Stronach 1984 — Stronach D. Notes on religion in Iran in the seventh and sixth centuries B. C. // *Acta Iranica*. Vol. 23: 479–490. .
- Stronach 1985 — Stronach D. Apadana: a signature of the line of Darius I // *De l'Indus aux Balkans: Recueil à la mémoire de Jean Deshayes (J.-L. Huot, M. Yon, Y. Calvet eds.)*. Paris: 433–445.
- Stronach 2003 — Stronach D. Independent Media: archaeological notes from the homeland // *Continuity of Empire (?) : Assyria, Media, Persia (G. B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger eds.)*. Padova: 233–248.
- Stronach, Roaf 1974 — Stronach D., Roaf M. Tepe Nush-i Jan // *Iran*. Vol. XII: 214–215.
- Stronach, Roaf 1978 — Stronach D., Roaf M. Excavations at Tepe Nush-i Jan: Part 1. A Third Interim Report // *Iran*. Vol. XVI: 1–11.
- Swiny 1975 — Swiny S. Survey in North-West Iran, 1971 // *EW*. Vol. 25, № 1–2: 77–98.
- Szudy 2015 — Szudy M. J. Archery Equipment in the Neo-Assyrian Period. Vol. I, II. Dissertation, University Wien. Wien, 2015.
- Tadmor 1994 — Tadmor H. The Inscriptions of Tiglath-Pileser III King of Assyria. Jerusalem, 1994.
- Tala'i 2007 — Tala'i H. The Iron II (ca. 1200–800 B. C.) pottery assemblage at Haftavan IV: NW- Iran // *IrAnt*. Vol. 42: 105–123.
- Thomalsky 2006 — Thomalsky J. Die eisenzeitliche Keramik von Zendān-e Soleimān in Iranisch-Āzarbāijān // *AMIT*. Bd. 38: 219–289.
- Thomas 1992 — Thomas H. L. Historical Chronologies and Radiocarbon Dating // M. Bietak (Hrsg.). *Žgypten und Levante*, III. Wien: 143–155.
- Thornton, Pigott 2011 — Thornton C. P., Pigott V. C. Blade-type Weaponry of Hasanlu IVB // Schauensee M. de. (ed.). *Peoples and Grafts in Period IVB at Hasanlu, Iran*. Philadelphia: 135–182.
- Thureau-Dangin 1912 — Thureau-Dangin F. Une relation de la huitième campagne de Sargon // *Musée du Louvre. Textes cuneiforms* 3. Paris, 1912.
- Tilia 1969 — Tilia A. B. Reconstruction of the Parapet on the Terrace Wall at Persepolis, South and West of Palace H // *EW*. Vol. 19: 9–43.

- Tirats'yan 2003 — Tirats'yan G. A. The Columned Hall in Arinberd and the Problem of Satrap Center in the Armenian Highland // From Urartu to Armenia: Florilegium Gevork A. Tirats'yan (R. Vardanyan ed.). Neuchâtel: 43–50.
- Tiratsyan 2010 — Tiratsyan N. An Urartian Jar Burial from Nor Armavir // ARAMAZD. Vol. V/2: 134–146.
- Tölle 1963 — Tölle R. Eine Geometrische Amphora in Essen // Arch Anz. 1963. Heft 2: 210–226.
- Tourovetz 1989 — Tourovetz A. Matériel archéologique des nécropoles A et B de Sialk // IrAnt. Vol. XXIV: 209–244.
- Vahdati 2007 — Vahdati A. A. Marlik and Toul-e Talish: a Dating Problem // IrAnt. Vol. XLII: 125–138.
- Van Loon 1966 — Van Loon M. Urartian Art. Istanbul, 1966.
- Van Loon 1977 — Van Loon M. The Place of Urartu in First-Mllennium B. C. Trade // Iraq. Vol. 39, 2: 229–231.
- Vanden Berghe 1964 — Vanden Berghe L. La nécropole de Khurvin. Istanbul, 1964.
- Vanden Berghe 1968 — Vanden Berghe L. Het archeologisch onderzoek naar de bronscultuur van Luristan. Opgravingen in Pusht-i Kuh. Kalwali en War Kabud (1965 en 1966). Brussel. (Vanden Berghe 1968 — Vanden Berghe L. Les recherches archeologiques dans le Luristan fouilles dans Pusht-i Kuh I, Kalwali et War Kabud (1965 et 1966). Brussel, 1968. (ГОЛЛ. ЯЗ.).
- Vanden Berghe 1968a — Vanden Berghe L. The Rich Naturalistic Influence in Iranian Painted Pottery // Archaeologia Viva. № 1, september/november 1968: 20–33.
- Vanden Berghe 1973 — Vanden Berghe L. Le Luristan a l'âge du Bronze // Archeologia. Vol. 63: 25–26.
- Vanden Berghe 1978 — Vanden Berghe L. Les fibules provenant des fouilles au Pusht-i Kūh, Luristān // IrAnt. Vol. XIII: 35–74.
- Vanden Berghe 1982–1983 — Vanden Berghe L. Lurisan een verdwenen bronskunst uit West-Iran. Gent, 1982–1983: 26–89, 133–154. (ГОЛЛ. ЯЗ.).
- Vanden Berghe 1987 — Vanden Berghe L. Les pratiques funéraires à l'Âge du Fer III au Pusht-i Kūh, Luristān: les Nécropoles «Genre War Kabūd» // IrAnt. Vol. XXII: 201–266.
- Vanden Berghe, De Meyer 1982 — Vanden Berghe L., De Meyer L. Urartu, een vergeten cultuur uit het bergland Armenië. Catalog. Gent, 1982. (ГОЛЛ. ЯЗ.).
- Vandier d'Abbadie 1972 — Vandier d'Abbadie J. Catalogue des objets de toilette égyptien. Paris, 1972.
- Vassilkov 2010 — Vassilkov Y. V. Pre-Mauryan «Rattle Mirrors» with Artistic Designs from Scythian Burial Mounds of the Altai Region in the Light of Sanskrit Sources // Electronic Journal of Vedic Studies. 17 (3): 1–25.
- Vassilkov 2018 — Vassilkov Y. V. Fife Indian «Musical» Mirrors from Scythian and Sarmatian Barrows of the Altai Region and the South Urals, Russian Federation // ICON. Journal of Archaeology and Culture. Vol. 5, 2018: 3–9.

- Vermeule 1960 — Vermeule E. T. The Mycenaeans in Achaia // *AJA*. № 64, 1: 1–21.
- Von der Osten 1937 — Von der Osten H. H. The Alishar Hüyük: seasons of 1930–32, Part I. OIP. No. 8, Chicago, 1937.
- Waele 1982 — De Waele É. Bronzes du Luristan et d'Amlash (ancienne collection Godard). Louvain-la-Neuve, 1982.
- Waldbaum 1978 — Waldbaum J. C. From Bronze to Iron: The Transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean // *Studies in Mediterranean Archaeology*, 54. Göteborg, 1978.
- Waldbaum 1983 — Waldbaum J. C. Metalwork from Sardis: The Finds through 1974 // *Archaeological Exploration of Sardis*, Monograph 8. Cambridge, 1983.
- Wartke 1990 — Wartke R. B. Toprakkale. Untersuchungen zu den Metallobjekten in Vorderasiatisches Museum zu Berlin. Berlin, 1990.
- Wilkinson 1975 — Wilkinson C. K. Ivories from Ziwiye and items of ceramic and gold. Bern, 1975.
- Winkler 1889 — Winkler H. Keilschrifttexte Sargons. Band I, Lpz., 1889.
- Winter 1976 — Winter I. J. Phoenician and North Syrian Ivory Carving in Historical Context: Questions of Style and Distribution // *Iraq*. Vol. 38, 1: 1–26. (idem. 2010? Chp, 5, pp. 187–223).
- Winter 1980 — Winter I. J. A Decorated Breastplate from Hasanlu, Iran: Type, Style, and Context of an Equestrian Ornament // *Hasanlu Special Studies*, R. H. Dyson ed. Vol. 1. University Museum Monograph. Vol 39. Philadelphia, 1980.
- Winter 1989 — Winter I. J. The «Hasanlu Gold Bowl»: Thirty Years Later // *Expedition*. Vol. 31, Nos. 2–4: 87–106.
- Winter 1993 — Winter I. J. «Seat of Kingship» / «A Wonder to Behold»: the Palace as construct in the Ancient Near East // *Ars Orientalis*. Vol. 23: 27–55.
- Winter 2010 — Winter I. J. On Art in the Ancient Near East. Vol. I. Of the First Millennium B. C. E. Leiden, Boston, 2010.
- Wiseman 1953 — Wiseman D. J. The Nimrud Tablets // *Iraq*. Vol. XV, 1953: 135–160.
- Woolley 1915 — Woolley C. L. A North Syrian Cemetery of the Persian Period // *AAA*. Vol. VII, 2015: 115–129.
- Woolley 1921 — Woolley C. L. Carchemish, Part II: the Town Defences. Oxford, 1921.
- Woolley 1934 — Woolley C. L. Ur Excavations. The Royal Cemetery. A report on the predynastic and Sargonid graves excavated between 1926 and 1931 (vol. II, plates). London, Philadelphia, 1934.
- Woolley 1939 — Woolley L. The Iron Age Graves of Carchemish // *University of Liverpool. Annals of Archaeology and Anthropology*. Vol. XXVI, 1–2: 11–37.
- Xnkikyan 2002 — Xnkikyan O. S. SyuniĶ during the Bronze and Iron Ages. Barrington, 2002.

- Yadin 1963 — Yadin Y. The Art of Warfare in Biblical Lands in the light of Archaeological Discovery. London, 1963.
- Yengibaryan 2002 — Yengibaryan N. The Graves of the Urartian Period of // North-Eastern Frontier: Urartians and Non-Urartians in the Sevan Lake Basin I, the Southern Shores (R. Biscione, S. Hmayakyan, N. Parmegiani eds.). Documenta Asiana VII. Rome, 417–454.
- Yiğitpaşa 2012 — Yiğitpaşa D. Investigations on Late Iron Age Pottery Traditions in Van Lake Area and Surrounding Regions // ARAMAZD-Armenian Journal of Near Eastern Studies (AJNES) C. VII, S. 2: 84–103.
- Young 1956 — Young R. S. The Campaign of 1955 at Gordion: Preliminary Report // AJA. Vol. 60, 3: 249–266.
- Young 1962 — Young R. S. The 1961 Campaign at Gordion // AJA. Vol. 66, 2: 153–168.
- Young 1965 — Young R. S., comm.: Gordion: Problems of Western Phrygia. Le rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques. VIIIème Congrès internationale d'archéologie classique, Paris 1963. Paris, 1965: 481–485.
- Young 1981 — Young R. S. Three Great Early Tumuli. The Gordion Excavations. Final Reports. Vol. I. Fibulae: 239–249 // University Museum Monograph 43. Philadelphia, 1981.
- Young 1965 — Young T. Cuyler, Jr. A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500–500 B. C. // Iran. Vol. III: 53–85.
- Young 1966 — Young T. Cuyler, Jr. Survey in Western Iran, 1961 // JNES. Vol. 25, 4: 228–239.
- Young 1966a — Young T. Cuyler, Jr. Thoughts on the Architecture of Hasanlu IV // IrAnt. Vol. VI: 48–71.
- Young 1967 — Young T. Cuyler, Jr. The Iranian Migration into the Zagros // Iran. Vol. V: 11–34.
- Young 1969 — Young T. Cuyler, Jr. The chronology of the late third and second millennia in central western Iran as seen from Godin Tepe // AJA. Vol. 73, 3: 287–291.
- Young 1969a — Young T. Cuyler, Jr. Excavations at Godin Tepe: First Progress Report // ROM. Art and Archaeology Occasional Paper 17. Toronto, 1969.
- Young, Levine 1974 — Young T. Cuyler, Jr., Levine L. D. Excavations at Godin Project: Second Progress Report // ROM. Art and Archaeology. Occasional Paper 26. Toronto, 1974.
- Zadok 2002 — Zadok R. The Ethno-Linguistic Character of Northwestern Iran and Kurdistan in the Neo-Assyrian Period // Iran. Vol. 40: 89–151.
- Zimansky 1985 — Zimansky P. E. Ecology and Empire: the Structure of the Urartian State // Studies in Ancient Oriental Civilization. № 41. Chicago, 1985.
- Zimansky 2009 — Zimansky P. E. Qaleh Ismail Agha // The Routledge Handbook of the Peoples and Places of Ancient Western Asia. The Near East from Early Bronze Age to the fall of the Persian Empire. London, New York: 575.

ANCIENT IRAN (11TH — 7TH CENTURIES BC) ESSAYS ON THE HISTORY AND CULTURE

by Inna N. Medvedskaya

SUMMARY

The author has considered materials on the history and culture of ancient Iran in the 11th — 7th centuries BC in order to clarify a number of controversial problems related to the history and culture of this period. First of all, this concerns the controversial chronology of the Early Iron Age, the dating of a number of archaeological sites from five regions that determined the material culture of Ancient Iran and its history (the Lake Urmia and Caspian Sea regions, Central Iran, the Median and Mannaeans kingdoms). The combination of cuneiform texts and archaeological data used in the present study contributed in a number of cases to their mutual clarification and a more accurate characterization of the culture and history of the five regions of ancient Iran and their place in the southern culture-forming zone.

The work has proposed a refinement of the Early Iron Age chronology based on both the textual and archaeological evidence, which allows us to overlook the radiocarbon dating of archaeological material from this period. The transition between the Bronze Age and the Iron Age occurred during its second phase, which began no earlier than the 10th — 9th centuries BC. The first phase of the Early Iron Age (12th — 11th centuries BC) was a transitional stage between the two eras, when the iron production skills already existed, but not universally.

The clarified chronology of ancient Iranian sites considered in the present work (Sialk B, Hasanlu IVB, Marlik, Nush-i Jan III, Qalaichi, etc.) does not contradict the data of written sources about iron.

A striking feature of the culture of the population of the central Iranian plateau is the Sialk B cemetery. Its dating has been determined by researchers to range from the late 2nd millennium to the early of the 6th century BC. The author has put forward the data that place it within the second half of the 8th century BC and as well its place in the southern culture-forming zone. Above all, these are the Sialk B painted pottery and bronze mirrors. The style and construction of the Sialk vase-painting are absent in other regions of Iran and beyond, but fully correspond to the Attic artistic formula of vase-painting of the Late Geometric period (Greece, *ca.* 760–700 BC),

consisting of four elements: a geometric ornament, figures in silhouette, a system of metopes and triglyphs, and a filling ornament. The proposed date of the burial ground is confirmed by the depiction of a warrior with a spear on one of the vessels; his equipment corresponds to that of a warrior in Greece, which existed in the second half of the 8th century. But the reasons for the emergence of this unique style of vase-painting in Central Iran have not yet been determined.

The finds in Sialk B and other Iranian sites of bronze bits with canons passing through cheek-pieces, bronze tanged arrowheads, as well as bronze solid-cast mirrors with side bars for attaching handles made of other materials, which are characteristic of the culture of the countries of the southern zone and are absent in the territory of the Eurasian zone, indicate the inclusion of ancient Iran in the southern culture-forming zone, which existed from the earliest times until the 1st millennium BC from Egypt and the Mediterranean to ancient India.

In the Urmia region, the most informative archaeological site is the town/fortress Hasanlu IVB, which has become one of the most controversial sites in Iranian archaeology, primarily due to its dating. By using textual evidence, researchers have argued for its existence in the 10th – 9th centuries and its collapse in the late 9th century as a result of the Urartian conquest of the Urmia region. This work has put forward the evidence for dating Hasanlu IVB to the 9th – 8th centuries BC and its collapse in 714, during Sargon's sole campaign in the Urmia region. This dating is based on textual evidence and some archaeological finds that exclude the 9th century. Belonging to such ones are bits with separate cheekpieces (of European-type), including iron mono-ring bits; carved ivory and bone plaques have important dating features that assign them to the 8th century BC; the Urartian red-slip burnished pottery which began to be used only in the 8th century. Indeed, items have been found in Hasanlu IVB whose date does not exclude the 9th century or even earlier times, including for instance gold bowls with plot representations, which were stored in the «temple». However, the lower date for Hasanlu IVB is unlikely to be earlier than the 9th century, as mud brick structures cannot survive for long. In the course of the Urartian conquest in the late 9th century, some structures had been partially damaged, but were repaired, as determined by archaeologists, and continued to be exploited until 714.

The Caspian region was not mentioned in Assyrian texts, as the Assyrians did not reach such distant territories. Just a few Urartian rock inscriptions of the 7th century BC, discovered there, tell about successful Urartian campaigns toward the Caspian Sea. These inscriptions confirm that after the Assyrians expelled the Urartians from the Urmia region in 714, the Urartian kingdom was not weakened and continued to be a strong rival of Assyria.

The most representative site characterizing the region's culture in the pre-Urartian period is the Marlik cemetery. Researchers have dated it from the 15th/14th to the 8th/7th centuries BC. But could this cemetery ground counting only 53 burials and belonging to a single culture have existed for so long?

An additional analysis of grave goods at Marlik allows us to narrow its time of existence to between the 11th and 10th/9th centuries BC. The beginning of the 1st millennium (Iron Age II) can be excluded from its dating based on the absence of ceramic vessels (teapots) with bridged spouts, characteristic of this stage (in the Iron Age I, when teapots began to be widely used in the Ancient East, only unbridged free-standing spouts existed), and on the use of only bronze tang arrowheads. Bronze weapons of original forms (daggers, adze-axes-heads with shaft holes, bronze tanged arrowheads) attest to a certain cultural isolation of the Caspian region; and only some of these have been found in Transcaucasia, revealing traces of cultural relations between both these regions. Some types of the Marlik pottery un-found outside the region also points at the locality of its production.

The noted cultural isolation of the Caspian region does not exclude its inclusion, albeit to a weak degree, in the southern cultural zone. This is evidenced, in addition to teapots, by the finds of bronze solid-cast mirrors with side bars, pomegranate pendants and fibulae.

During the Urartian period, connections between the Caspian region and Transcaucasia continued. These were not really connections, but rather traces of the presence of the Urartian army there, which began the conquest of the Caspian lands and moved toward the Median and Mannaeian kingdoms. The presence of the Urartians in the Caspian region is evidenced by a few finds of Urartian weaponry. However, some items found there belonged not to the Urartians proper, but to a military contingent of the Transcaucasian origin in the composition of the Urartian army (*khuradineli*).

The kingdom of Mannaea was established before the Median realm. The name Mannaea appeared for the first time in Assyrian records in 843 B.C. This work has examined Assyrian and Urartian textual pieces of evidence, which, combined with archaeological data, allowed us to clarify the boundaries and history of this kingdom, as well as the development of the Mannaeian culture. The author has outlined the goals of the Assyrian and Urartian kings' campaigns into the domains of the Mannaeian rulers and clarified the locations of their routes, which permit to clarify the boundaries of the Mannaeian kingdom south of the Lake Urmia (Urmieh) and to determine whether a number of archaeological sites belong to the Mannaeian culture or exclude from it (for instance, Rabat Tepe).

The politics of Mannaeian rulers depended largely on the leadership of Assyria and Urartu, which fought with each other this or that moment. The Mannaeians were forced to ally with one kingdom or the other, a trend that

became evident as early as the 8th century BC. This is supported, in particular, by archaeological data that reveal cultural features of the kingdoms. So, a striking sign of the Mannaeian kingdom's figurative art is the pictured glazed bricks discovered in the capital of Manna, Izirtu (present-day Qalaichi). Mannaeian craftsmen retained the characteristic features of figurative arts of Assyria and Urartu; glazed bricks have not been found in Iran outside Manna.

Another source of Mannaeian pictorial imagery are ivory plaques. The images on them find parallels in Assyrian fine art, many details of which allow us to clarify their date of manufacture (pictures of battle scenes, chariot riding, depictions of the fertilization of the sacred tree), but these depictions differ from those on Mannaeian glazed bricks.

This work collects and describes ceramics from all known Mannaeian sites. Glazed vessels are a distinctive feature of the Mannaeian ceramics. The high quality of the glaze was a result of the high professionalism of the artisans who made the glazed bricks. Their glaze recipe was used by potters as well. It is possible that the same craftsmen produced both glazed bricks and pottery. Outside of Manna, glazed vessels in the Mannaeian style have not been discovered in Iran. These were known in Assyria and in the lands west of it, but the center of their production has not been identified. The author has adduced some data that support a hypothesis on the Mannaeian origin of glazed pottery.

The entry of Manna into the cultural area of the ancient Near East through the mediation of Assyria and Urartu is evidenced by finds of metal bowls with omphalos (phials) — elite vessels for drinking in that era, as well as ceramic copies of these prestige vessels.

Artifacts recovered from the tomb of the Kani-Koter necropolis are of significant importance for the history of the Mannaeian kingdom. They may confirm an episode from the history of Urartian-Mannaeian political relations in the first half of the 7th century BC. The rich grave goods of one tomb, in addition to items of Assyrian origin, combine Mannaeian, Urartian and Transcaucasian features, which confirm the fact that the tomb proved to be in peacetime a place to bury with honours a person of very high status, who must have been a representative of the Urartian king as the *šûrele*, i. e. a member of the Urartian elite of the Transcaucasian origin. This possibility is suggested by a text of the Urartian king Rusa II (685–645/639), where it is reported about the arrival of the son of the king of one of Transcaucasian countries, which became part of the Urartian kingdom in the 8th century BC, to the Mannaeians for conducting negotiations with Mannaeian members of the pro-Urartian party.

The Median kingdom was the second state formed by the Iranian-speaking population. It came into existence on the Hamadan plain in the first half of the 7th century BC. Archaeological data have permitted to

define more precisely the localization of the Median territory and to exclude several sites that were earlier considered by some scholars as Median from a list of such (Baba Jan III, the Sialk B cemetery).

The study of sites on the Iranian plateau and east of the Zagros Mountains (Nush-i Jan III, Godin Tepe II, Moush Tepe, Ozbaki, Gunespān) has revealed an originality of the Median culture, traces of which have not been found outside of its borders. Their architectural structures are unparalleled at that epoch. The Medes were the first to create multi-columned halls, whereas in the ancient Near East halls with only two rows of columns were constructed. If the hall of the Medes was an isolated structure intended for royal ceremonies, the hall in the ancient Near East was surrounded by rooms for various purposes, and official ceremonies took place in the courtyard. The successors of the Median dynasty, the Achaemenids, had made the multi-columned halls as a hallmark of their palaces. The Medes used rectangular mud bricks in their construction, while everywhere only square mud bricks were employed; they invented original construction techniques: for example, the use of curved mud brick half-beams to span brick vaults. A mud brick altar was discovered in the temple at Nush-i Jan Tepe, with a fire burning possibly on its upper platform. Researchers believe this fire temple to have been one of the first Mazdean sanctuaries in Iran, dating from the 8th – 7th centuries BC. Unlike Nush-i Jan III, which was an administrative and religious center, Godin II was a residence of the ruler. The second hall at Godin II, with two rows of columns and surrounding rooms, could have served as the ruler's living quarters, just as in Persepolis, where among the multi-columned halls there was a small twelve-columned palace of Darius I that is thought to have been his residence.

A significant feature of the distinctiveness of the Median material culture is its pottery. Its main feature is the composition of clay, which contains small flakes of gold or silver-tinted mica. Such ceramics have been discovered only in five of the known Median sites.

The search for the original centers of the culture of the Iranian tribes outside of ancient Iran, which scholars have been proposing since the late 1950s, has proven to be fruitless just because of the fact that the Iranian/Median culture began to form already within the territory of the future Median kingdom.

Thus, ancient Iran during the eve of empires was a conglomerate of disparate regions, each possessing its own distinct history and culture. Possibly, the entry of the territory of ancient Iran at those times into the southern culture-forming zone later promoted a rapid adoption of ancient Near Eastern cultures in the period of the Median-Persian realm¹.

¹ Перевод выполнен В. П. Никоноровым.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Некоторые вопросы развития материальной культуры Древнего Востока конца II — начала I тыс. до н. э.	8
§ 1. Хронология раннежелезного века на Древнем Востоке: письменные источники о железе	8
§ 2. Конский убор Древнего Востока: вопросы хронологии, происхождения и развития	42
§ 3. Металлические наконечники стрел в начале I тыс. до н. э.: хронология, традиции и инновации	74
Список и источники иллюстраций	109
Глава II. Центральный Иран. Могильник Сиалк В	113
§ 1. Вопросы хронологии могильника Сиалк В	113
§ 2. Керамика	122
§ 3. Хронологические параллели между вазописью геометрического стиля Греции и расписной керамикой могильника Сиалк В	164
§ 4. Расписная керамика Фригии	190
§ 5. Прямоугольные щиты и гребенчатые шлемы на Древнем Востоке	206
§ 6. Бронзовые зеркала	218
Список и источники иллюстраций	239
Глава III. Приурмийский район. Хасанлу тепе	242
§ 1. Вопросы датировки Хасанлу IV	242
§ 2. Конская упряжь и наносники из Хасанлу IVB	260
§ 3. Резная слоновая кость из Хасанлу IVB	273
§ 4. Урартская керамика VIII–VII вв. до н. э. и вопрос урартского присутствия в Приурмийском районе в VII в. до н. э.	297
Приложение 1	365
Приложение 2	366
Список иллюстраций и их источники	368

Глава IV. Луристан и западные районы Иранского плато. К вопросу о сложении мидийской культуры	372
§ 1. Баба Джан тепе: вопросы датировки	372
§ 2. Керамические традиции Луристана II — первой трети I тыс. до н. э.	378
§ 3. Расписная керамика Баба Джан III и Сиалка В	387
§ 4. Нуш-и Джан тепе I	397
§ 5. Годин тепе II: 2	407
§ 6. Мидийская керамика	419
Список иллюстраций и источников	427
Глава V. Прикаспийский район Ирана, провинция Гилян	429
§ 1. Металлические наконечники стрел: вопросы хронологии могильника Марлик	431
§ 2. Клинковое оружие в Прикаспийском районе в конце II — начале I тыс. до н. э.	451
§ 3. Керамика могильника Марлик	466
§ 4. Двулезвийные топоры/тёсла	479
§ 5. Прикаспийский район Ирана (Гилян) в урартский период	489
Список и источники иллюстраций	512
Глава VI. Маннейское царство. Локализация, политическая история и культура	514
§ 1. История и историческая география Маннейского царства по данным письменных источников IX–VII в. до н. э.	514
§ 2. Маннейские археологические памятники, элементы материальной культуры	540
§ 2.1. Расписные глазурованные кирпичи	542
§ 2.2. Резная слоновая кость	581
§ 2.3. Керамика	597
§ 2.4. Фибулы	628
§ 2.5. Погребение воина (?) в Кани Котер	629
Список и источники иллюстраций	640
Заключение	643
Список сокращений	661
Список литературы	663
Summary	696
Карта. Древний Иран и соседние царства	701

Инна Николаевна Медведская

ДРЕВНИЙ ИРАН (XI–VII ВВ. ДО Н. Э.)

Очерки истории и культуры

Научное издание

*Издано при финансовой поддержке
федерального государственного бюджетного учреждения
«Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук»*

Распространяется бесплатно

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *В. Ю. Трофимов*
Корректор *М. В. Романова*
Технический редактор *О. В. Новикова*

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Подписано в печать 10.11.2025.
Формат 70 × 100^{1/16}.
Усл.-печ. л. 41,6. Гарнитура «Peterburg».
Печать офсетная. Тираж 200 экз.
Заказ №

Отпечатано